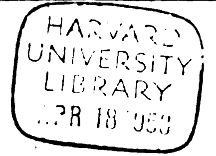
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.



СЕНТЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

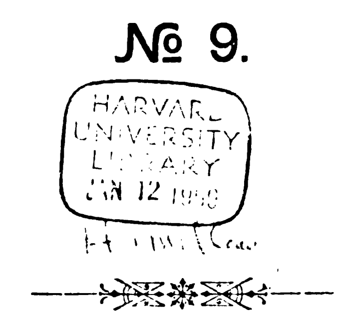
СЕНТЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

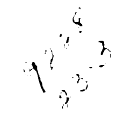
7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.



СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

НЕПРИМИРИМЫЕ.

Разсказъ.

Скучно въ деревнѣ осенью. Небо грязное, какъ тряпка, то хмурится, то плачетъ, роняя скупыя, холодныя старческія слезы. Мокрыя, черныя поля пахнутъ могилой. Зябнутъ и никнутъ хваченныя морозомъ озими. Желтое, постарѣвшее солнце выглянетъ на минутку и опять брезгливо спрячется, не хочетъ глядѣть. И мертвые листья съ сухимъ шорохомъ падаютъ на землю, точно шепчутъ: смерть... смерть... смерть... А вечеромъ наступаетъ глубокая, могильная тьма. Дождь усиливается. Грязь по колѣно, идти некуда. На гумнахъ завываютъ волки. Тоска!..

Въ такіе вечера хорошо сидѣть въ теплой, ярко освѣщенной комнатѣ, вести пріятную бесѣду за самоварчикомъ и, прислушиваясь къ шороху дождя, плачу вѣтра, вою голодныхъ волковъ, думать: „хорошо, что не надо никуда идти!..“ А, вѣдь, есть люди, которые даже въ эту каторжную ночь куда-нибудь идутъ. Спотыкаются, вязнутъ въ липкой грязи, мокнутъ подъ холоднымъ, назойливымъ дождемъ—и все-таки идутъ, идутъ, идутъ...

— Пойду и я!—сказалъ псаломщикъ Серафимычъ и потянулся къ гвоздю, на которомъ висѣла огромная, порыжѣлая шляпа, похожая на гнѣздо какой-то исполинской птицы.

— Куда?—сварливо заворчала жена, щуплая старушка, извѣстная въ селѣ подъ прозвищемъ „Пилы“.—Въ эдакую стыть, прости Господи... Не сидится въ теплѣ, надо, вишь ты, подолъ трепать...

Серафимычъ снялъ шляпу и о чемъ-то думалъ, разглаживая рукой вытертый ворсъ. Огромныя сѣдыя брови медленно шевелились въ ладъ его мыслямъ; онъ давно привыкъ не слушать надоѣдливой старушечьей воркотни и думать о своемъ.

— Куда пойдешь-то, тебя спрашиваю?

— Ну, извѣстно, куда... Къ батькѣ пойду.

— Къ батькѣ!.. Да, вѣдь, поругался съ нимъ вчерась?

— Ну, что-жъ... И опять поругаюсь. Это не твое дѣло.

— Видишь ты!... А чье же дѣло? Я тебѣ жена, или нѣтъ? Сдурѣли вы съ батькой. Живутъ, какъ кошка съ собакой, грызутся — грызутся ежеденъ, а ничѣмъ не разведешь. Обоимъ вмѣстѣ годовъ двѣсти, а чисто молоденькіе... Зачѣмъ пойдешь-то? Чего еще не подѣлили?

— Ничего не подѣлили... Говорю, не твое дѣло, Настасья. Ты нашихъ дѣловъ не понимаешь.

— Нечего и понимать-то. Видишь ты, важныя дѣла! Хоть бы изъ интересу грызлись, а то изъ газеты!.. Не умѣютъ, видишь ты, безъ нихъ Рассею управить! Дурни старые, пра-аво! Сѣлъ бы, божественное почиталъ, такъ нѣту, это ему безо вкусу. Рассею надо управить,—безъ нихъ и не обойдутся!.. Управители какіе, подумаешь! Была бы я архіерей, взяла бы васъ обоихъ и съ батькой, да въ Соловецкій монастырь воду возить... Небось, забыли бы про газеты!

Липкія, нудныя, ненужныя слова тянулись медленно, медленно, и было похоже, какъ-будто и вправду старая, заржавленная, тупая пила вгрызалась въ крѣпкое дерево. И зудѣла: дзз... дзз... дзз...

Серафимычъ широкимъ взмахомъ нахлобучилъ на себя шляпу, хлопнулъ дверью и погрузился въ сырую, холодную темень осенняго вечера. Моросилъ дождикъ. На гумнахъ выли волки. Слезились и пугливо мигали убогіе огоньки. Будто боялись темноты и плакали. Но все это было старое, знакомое, и Серафимычъ облегченно вздохнулъ, не слыша за своей спиной зудящаго скрежета пилы.

„Батька", т. е. отецъ Иванъ, настоятель Липяговской церкви, сидѣлъ за чайкомъ и читалъ газеты. Старенькій, худой, весь прозрачный, какъ догорающая восковая свѣча. Вотъ-вотъ вздрогнетъ въ послѣдній разъ—и потухнетъ... Жидкіе волосы, подернутые желтизною глубокой старости, заплетены въ тонкую косичку. Кончикъ ея съ двумя тесемочками наивно загнулся кверху, и оттого что-то дѣтское, что-то безпомощное сквозитъ во всемъ обликѣ стараго батюшки. Наморщивъ желтый лобъ съ глубокими newзализами на вискахъ, онъ сосредоточенно смотритъ сквозь очки на широкій газетный листъ и беззвучно шевелитъ безкровными губами. Въ маленькой зальцѣ тепло натоплено и ярко горитъ лампа—„молнія". Самоваръ чуть-чуть попискиваетъ, и душистый паръ колышется надъ стаканомъ. Тихо, уютно... и немножко одиноко. О. Иванъ давно уже вдовѣетъ, дѣти всѣ выросли и разбрелись въ разныя стороны, онъ живетъ

одинъ. Серафимычъ иногда ему завидуетъ: никто не пилитъ, никто не мѣшаетъ думать. А теперь настали такія времена, что надо думать много-много... Въ старой, хорошо налаженной машинѣ вдругъ что-то испортилось, и заскрипѣли, затрещали всѣ ея винты и колеса. Отчего? Надо думать, много думать...

Серафимычъ еще въ окно видѣлъ, что батюшка читаетъ, и постарался войти такъ, чтобы не очень шумѣть. Осторожно вытеръ ноги о половикъ, встряхнулся, какъ мокрая собака, и нерѣшительно сталъ у порога. О. Иванъ не двинулся и продолжалъ читать. Самоваръ пищалъ; сухо шелестила газета въ рукахъ о. Ивана. Серафимычъ переминался съ ноги на ногу и жадными глазами смотрѣлъ на газеты, кучкой лежавшія на столѣ. Ротъ его наполнялся слюной; онъ сплевывалъ, растиралъ ногой, но о. Иванъ не подымалъ головы. Ему хотѣлось хорошенько помучить Серафимыча, и онъ дѣлалъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ.

Наконецъ, Серафимычъ не выдержалъ и шумно вздохнулъ. Батюшка сдѣлалъ удивленное лицо и посмотрѣлъ сверхъ очковъ на Серафимыча.

— Что такое? Кто это тамъ? А?

— Это я, о. Иванъ.

— Ты, Серафимычъ? Чего тебѣ?

— Мнѣ ничего... Я единственно насчетъ газетъ. Новыя получили?

Тонкая улыбка пробѣжала по блѣднымъ губамъ о. Ивана.

— Получилъ, получилъ... Ну, что-жъ, садись, читай!

Серафимычъ опять вздохнулъ—точно гора съ плечъ свалилась. Кинулъ свою шляпу въ уголъ передней, шагнулъ къ столу и впился въ газету. Руки его тряслись, когда онъ срывалъ бандероль и развертывалъ хрустящій листъ, пахнущій типографской краской и кожей почтовой сумки. О. Иванъ глядѣлъ на него и улыбался.

— Если чаю хочешь, налей себѣ самъ. Стаканъ въ шкафу.

— Ну его, чай... На кой онъ мнѣ, брандахлыстъ-то этотъ... Государственная Дума... Государственная Дума...—бормоталъ онъ, бѣгая глазами по страницамъ газеты...—А... вотъ она!.. Ну, ну, посмотримъ!...

Оба погрузились въ газеты. Въ уютномъ покойчикѣ снова наступила тишина. Самоваръ на прощанье пискнулъ жалобно—и задохнулся. Подъ поломъ воровато скреблась мышь. И шуршали широкіе газетные листы, пахнущіе типографской краской и кожей.

— Ахъ, чорр!..—воскликнулъ вдругъ Серафимычъ и громко двинулъ стуломъ.

О. Иванъ поднялъ брови и сверхъ очковъ поглядѣлъ на Серафимыча.

— Что такое?—сухо спросилъ онъ.

— Ничего, ничего, о. Иванъ... Вы читайте, читайте себѣ...—пробормоталъ Серафимычъ и судорожно вцѣпился въ газету, какъ будто у него собирались ее отнять.

Но, хотя онъ видимо и старался сдерживаться, что-то у него внутри кипѣло. Косматыя брови ходили ходуномъ, кожа на правой скулѣ дергалась. Стулъ подъ нимъ скрипѣлъ и охалъ. Изъ горла вылетали отрывистые возгласы.

— Х-ха!.. Ну-ну!.. Великолѣпно!.. Очень хорошо!.. Вотъ такъ Дума!.. Ахъ вы, сво... Нѣтъ, каково? А? Каково? Измѣнники!.. Продажныя души...

И точно въ немъ вдругъ пружина развернулась. Загремѣлъ опрокинутый стулъ, скомканная газета полетѣла въ уголъ; Серафимычъ всталъ во весь свой могучій ростъ и сверкающими глазами впился въ о. Ивана.

— Не могу больше! Н-не могу!.. Вся нутренняя моя содрогается гнѣвомъ веліимъ... Что они дѣлаютъ? Что дѣлаютъ, а?

— Кто дѣлаетъ? Что?—спокойно спросилъ о. Иванъ.

— Х-ха! Не криви душой, отецъ! Знаешь, про кого говорю, хвостомъ виляешь! Кàко—добрò—вотъ кто... Х-ха! Р-реальная политика... Взять бы эту р-реальную политику за хвостъ, да объ уголъ, да чтобъ бр-рызги полетѣли, вотъ какъ!..

И въ бурныхъ тѣлодвиженіяхъ Серафимычъ показалъ, какъ бы слѣдовало поступить съ реальной политикой, если бы онъ, дѣйствительно, держалъ ее за хвостъ.

О. Иванъ снялъ очки, положилъ ихъ рядомъ съ газетой и укоризненно покачалъ своей бѣлой головой.

— Опять ты, Серафимычъ...

— Что опять? Ну да, опять... И буду опять, и нынѣ, и присно, и во вѣки-вѣковъ—аминь... Не терпитъ моя душа реальной политики. Они чтò обѣщали? А? Передъ первой-то Думой... Не криви душой, отецъ, вспомни! Дескать, свобода, неприкосновенность, земля—и прочее... Ну? А какъ дошло до дѣла, все въ карманъ спрятали? Гдѣ свобода? Гдѣ неприкосновенность? Гдѣ земля? Ну?

— Постой, постой, звѣрь неистовый...—сказалъ о. Иванъ, начиная волноваться.

— Мнѣ нечего стоять, я и такъ стою... А вы мнѣ скажите, о. Иванъ, вѣдь обѣщали? А? Обѣщали, или нѣтъ?—наступалъ на батюшку Серафимычъ.

— Ну, обѣщали...

— А гдѣ обѣщанное? Что, ничего на это не скажете? О

семъ удобѣе молчаніе? А туда же—„каде"! Не каде, а просто писано вилами на водѣ. Езуиты—больше ничего! Имъ бы только красную въ день получать, а все прочее—наплевать! Хоть издыхай Россія!

— Что ты говоришь, Серафимычъ? Что говоришь?—горестно воскликнулъ о. Иванъ.

— Правду говорю! Правду! Голенькую! Чистенькую! Вотъ она, нате, возьмите! И на всѣхъ площадяхъ стану кричать,— вотъ она, кадетская политика! Покупай за десятку—больше не стоитъ!

— Дай мнѣ сказать, Серафимычъ!...

— Да вѣдь въ вашихъ же газетахъ пишутъ... На задворки-то кто бѣгалъ? На заднихъ лапахъ изъ какой партіи прыгали? Трудовики не прыгали? Эсэры не прыгали? Эсдеки не прыгали? А кадеты прыгали...

— Дай сказать...

— Нечего тутъ выкручиваться — видать Фролку по ермолкѣ! Насъ не обманешь реальной политикой! Они думаютъ—мужикъ глупъ, ничего не видитъ? Оч-чень хорошо видитъ! Очень даже!.. Глаза-то у него, какъ у волка, и въ потемкахъ видятъ. Ротъ заткнули, а глаза остались. Ну, и припомнитъ онъ вамъ реальную политику! Припо-омнитъ!..

— Врешь, Серафимычъ! Все ты врешь!—вскрикнулъ наконецъ, о. Иванъ.—Изъ-за кого вторую Думу разогнали? Кто виноватъ, что она ничего не сдѣлала? Не кадеты! Не кадеты!.. Все эти твои сѣрые да сѣдые, прости имъ Господи. Была бы у насъ и свобода, и неприкосновенность, и все, если бы не они, свиньи генисаретскія! Именно свиньи, бѣсомъ обуянныя!.. Чего захотѣли, а? Чего добивались? Небось, не скажешь? Прильпе языкъ къ гортани?

— И не прильпе...

— Нѣтъ, прильпе... Ну-ка, скажи? Скажи, скажи, соціалъ неистовый?

О. Иванъ всталъ со стула и весь трясся отъ внутренняго волненія. Тряслась бѣлая голова и тряслась наивная косичка съ двумя тесемочками. Они глядѣли другъ на друга. Одинъ—пылающими изъ-подъ сѣдыхъ бровей глазами, другой—тусклымъ, мертвеннымъ взоромъ, въ которомъ старость уже потушила всѣ огни, выѣла всѣ живыя краски.

— Земля должна принадлежать всему народу!—внушительно прохрипѣлъ Серафимычъ.

— Ну?

— Я вамъ не лошадь, чтобы нукать...

— Нѣтъ, ты отвѣчай, отвѣчай, боровъ генисаретскій... Еще чего?

— А еще—равное, тайное, всеобщее и прямое...

— А еще?

— А еще все прочее, что полагается въ свободныхъ государствахъ...

— На-ко, выкуси!..

И о. Иванъ, ловко извернувшись, поднесъ къ носу Серафимыча фигу.

— На-ко, выкуси...

Серафимычъ попятился.

— Что вы тычетесь?

— Нѣтъ, ты понюхай, понюхай... Вотъ тебѣ и равное, и тайное, и все прочее... Видалъ? Только и всего... Чего добивались, то и получили. А кадеты добьются!

— Посмотримъ!

— И смотрѣть нечего. Кабы не кадеты, и третьей Думы не было бы.

— А на кой она нужна, эдакая?

— Какъ такъ не нужна?

— Да такъ. Вы послушайте, чтò мужики-то говорятъ...

— Что они говорятъ?

— Да то и говорятъ... Не наша эта Дума, мы и безъ нея обойдемся, коли такъ. Своими способами...

— Какими способами?

— Да ужъ тамъ видно будетъ. А обойдутся...

— Врешь! Врешь! Я не слыхалъ!

— Да ужъ гдѣ вамъ слышать! Вы тутъ сидите, реальную политику разводите, а чтò по округѣ дѣлается, это вамъ неизвѣстно.

Они ходили другъ за другомъ по комнатѣ и выкрикикивали въ лицо одинъ другому злыя, обидныя слова. Иногда о. Иванъ ослабѣвалъ, и по всему дому раскатывался подобно грому только хриповатый басъ Серафимыча, но случалось и такъ, что о. Ивану удавалось ловкимъ оборотомъ повергнуть противника въ замѣшательство, и тогда одиноко звенѣлъ слабый и тонкій старческій голосъ. Потомъ оба снова бросались другъ на друга и сливались въ безпорядочный, хриплоовизгливый клубокъ, катавшійся изъ угла въ уголъ. А въ окно заплаканными глазами смотрѣла тоскующая осенняя ночь, и въ спальнѣ о. Ивана хихикалъ насмѣшливо и торопливо маятникъ часовъ. Хи-хи! Хи-хи!

Первымъ все-таки сдавался о. Иванъ. Весь въ поту, задыхаясь отъ старческаго удушливаго кашля, онъ безсильно опускался на стулъ и шепталъ, махая руками:

— Уйди! уйди... террористъ окаянный... Уйди, не хочу я съ тобой говорить...

— И не надо! Я самъ не хочу!—гремѣлъ Серафимычъ какъ огромное привидѣніе носясь по зальцѣ. Вотъ подѣлимъ

землю — и шабашъ, подохнете всѣ, аки гниды. Сказано: земля всему трудящему народу! Такъ и будетъ... По писанію!

— Не богохульствуй, Серафимычъ! Нигдѣ въ писаніи этого не сказано...

— Какъ не сказано? А „блаженни кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю“?

— Кротцыи?! — О. Иванъ не то заплакалъ, не то засмѣялся и обратилъ свой потухающій взоръ къ образу.— Господи, прости его, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Кротцыи?.. Это они-то „кротцыи“?.. Которые съ кольями, съ дубинами ходили чужія усадьбы жечь? Серафимычъ, уйди!.. Уйди, тебѣ говорю, отъ грѣха уйди!..

— А что, не нравится? Правда-то въ носъ шибаетъ? Дубины и колья вы помните, а что сами грабили, да пороли, да людей на сукъ мѣняли—объ этомъ удобѣе молчаніе?

— Серафимычъ!.. Тьфу, какой ты Серафимычъ!.. Недостоинъ ты по неистовству своему ангельское имя носить... Не Серафимычъ, а Вельзевулычъ! Сынъ дьявола ты, вотъ ты кто! И отецъ твой былъ дьяволъ—Вельзевулъ, а не Серафимъ...

— Ну, что-жъ, Вельзевулъ, такъ Вельзевулъ! Эка штука! Ужъ лучше Вельзевулъ, чѣмъ кадетъ!

— Уйди!.. Уйди!.. Уйди!..

— И уйду! И отрясу прахъ отъ ногъ своихъ... Нога моя не будетъ больше въ этомъ домѣ!.. Гдѣ моя шляпа? Х-ха!.. Цѣлуйтесь съ своими кадетами!.. У-у, что-бъ тебѣ, окаянная душа!..

Послѣднія слова относились къ шляпѣ. И, ударивъ ее о притолку, чтобы стряхнуть съ нея пыль, Серафимычъ съ трескомъ отворилъ дверь и снова погрузился въ темь и слякоть тоскующей осенней ночи.

Дома его ждала Пила. И началось опять безконечное: дзз! дзз!..

— Что такъ рано вернулся? Аль опять поругались? Ахъ вы, дуроломы старые... Диви бы молоденькіе, а то одному семой десятокъ, а другому—и всѣ семь...

— Молчи, пила... Больше не пойду. Нога моя тамъ не будетъ!

Серафимычъ вѣшалъ шляпу на гвоздь и принимался свирѣпо шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. И долго утлая хибарка сотрясалась подъ его тяжелыми стопами. На улицѣ тихонько всхлипывалъ дождь. Заплаканная ночь тосковала, заглядывая въ окна...

Но наступалъ новый день, потомъ вечеръ, и Серафимычъ опять снималъ съ гвоздя старую шляпу, нахлобучивалъ ее

на свои сѣдыя кудри и подъ мелкимъ, холоднымъ дождемъ шелъ къ „батькѣ", въ теплую и свѣтлую зальцу, гдѣ пищалъ на столѣ самоварчикъ, гдѣ шуршали газеты, пахнущія типографской краской, и насмѣшливо хихикалъ маятникъ: „хи-хи! хи-хи!"

Иногда, впрочемъ, случалось, что Серафимычъ не приходилъ. Все было, какъ всегда: лежали на столѣ вновь полученныя газеты съ отчетами о засѣданіяхъ Государственной Думы, на гумнахъ выли волки, Липяги спали крѣпкимъ мужицкимъ сномъ, а Серафимычъ не появлялся. Тогда о. Иванъ начиналъ безпокоиться. Клалъ на столъ газету съ недочитанной рѣчью Милюкова или Маклакова, заглядывалъ въ окно, смотрѣлъ на часы. Не идетъ... На улицѣ только шепчетъ дождь; маятникъ уже не смѣется, а бормочетъ: „гдѣ онъ? гдѣ онъ?" Шли минуты, часы. Нѣтъ Серафимыча. О. Иванъ осторожно отворялъ дверь въ кухню и кликалъ:

— Григорій! А, Григорій!

— Чаво?

Съ печи спускалось странное существо, дико заросшее волосами, заспанное и равнодушное. Чесалось и зѣвало, открывая огромную красную пасть, унизанную бѣлыми зубами.

— Вотъ что, Григорій. Сходи сейчасъ къ псаломщику... Дома онъ, или нѣтъ? Скажи, новыя газеты пришли... Очень любопытно... Про Государственную Думу...

— Ну-к-што-жъ!

Минутъ черезъ десять косматое существо просовывалось въ дверь хибарки Серафимыча, озиралось по сторонамъ, крестилось на образъ, и затѣмъ на заспанномъ лицѣ его выражалось изумленіе.

— Ай нѣту Серахвимыча-то? И-дѣ-жъ онъ?

— Идѣ - идѣ... Извѣстно гдѣ, чортушка окаянный... Запилъ!

— За-апилъ? Съ чего же это онъ?

— Съ добраго ума... Чего ты пялишься? Аль не знаешь, съ чего люди пьютъ? Самъ-то давно ли проспался...

Существо конфузливо скребло у себя въ затылкѣ, потомъ подъ мышками, и вздыхало.

— Ишь ты!.. Запилъ. А я такъ мекалъ,—онъ дома...

— Да тебѣ его на что?

— Папаша прислалъ... Дескать, Государская Дума тамъ... аль-бо-что...

— Сбѣсились они съ Государской Думой... Отъ нея-то, отъ проклятущей, и развратъ вездѣ пошелъ... Мука-то аржаная—рупь двадцать пудъ... Поди, укупи ее!.. Все пожгли, все пропили, по острогамъ сидятъ, а на умѣ—Ду-у-ма!..

Въ глаза бы я ей наплевала, Думѣ-то вашей... Трескать нечего, а они: Дума!.. Попъ-то старый на ладанъ дышитъ, о смерти бы думать, а онъ съ утра до ночи въ газету уткнувшись сидитъ. Стыднехоньно, тошнехонько... дзз... дзз... дзз...

— Пила!.. Истинное слово—пила...—бормоталъ Григорій, возвращаясь домой.—Отъ этой запьешь... истинное слово запьешь!.. О, Господи!

Серафимычевъ запой продолжался дня три — четыре, рѣдко больше, а затѣмъ онъ снова появлялся въ поповомъ домѣ и, какъ всегда прежде чѣмъ войти и сѣсть, долго топтался въ передней и шумно вздыхалъ. О. Иванъ укоризненно смотрѣлъ на его красное, еще носившее слѣды бурныхъ впечатлѣній запоя, лицо и качалъ головой.

— Ахъ, Серафимычъ, Серафимычъ... Какъ это ты такъ, а?

— Чего какъ?

— Да ужъ нечего... Языкомъ лукавишь, а на ликѣ всѣ твои дѣла огненнымъ перстомъ написаны. Зачѣмъ пьешь?

— Отъ вашей реальной политики запьешь...

— Не лукавь, не лукавь, Серафимычъ! При чемъ тутъ реальная политика?

Сумрачный взоръ Серафимыча загорался буйнымъ огнемъ, и, взъерошенный, неукротимый, готовый къ бою, старый псаломщикъ выдвигалъ изъ глубины передней свое грузное тѣло.

— Эхъ, батя! Не я лукавлю, ты лукавишь!.. Отъ какой причины я пью? Дыхать труднó стало, тьма обуяла, свѣтъ очесъ моихъ померкъ... Поманули малость, дали отдышку, показали въ щелку-то, какія-такія свободы бываютъ, да и опять на цѣпь, да мордой-то прямо въ грязь, да по темю обухомъ... Это какъ по-твоему? Мыслимое дѣло? И не пить? Да какъ же послѣ этого не пить? Былъ человѣкъ,—гражданинъ,—и вдругъ ничего этого нѣту... Обманули, обгадили, оплевали вдребезги... А выпьешь,—оно, какъ будто, и отойдетъ. Ты вспомни-ка, пилъ я тогда, аль нѣтъ? Видалъ ты меня пьянымъ, а? Валялся я? Буйствовалъ? Безобразничалъ?

Смущенный этимъ бурнымъ натискомъ, о. Иванъ на минуту терялся и не находилъ словъ.

— Тогда-тогда... Что тогда? Мало ли что „тогда" было...

— Нѣтъ, ты не виляй, батя... Пилъ я тогда, аль нѣтъ?

— Ну, не пилъ...

— То-то!.. Не пилъ, потому что „бысть свѣтъ"... Забылъ, какая-такая водка бываетъ, будь она проклята... Не ходилъ, а на крыльяхъ леталъ! Вотъ тутъ-вотъ, въ нутрѣ-то въ самомъ, колокола звонили!.. Бывало, идешь и думаешь: что такое?.. Я или не я?.. Человѣкъ, вѣдь!.. Гражданинъ... По-

нимаешь, батя,— гражданинъ! Могу свой голосъ подать—и всѣ услышатъ... Да что голосъ?.. Отчета потребую,—давай отчетъ... Мнѣ наплевать, что ты—въ золотомъ кафтанѣ, а я — въ рваномъ подрясникѣ! Требую отчета — и шабашъ... Почему непорядки? По какой причинѣ народъ голодный, а ты на золотомъ блюдѣ кремъ-брюле трескаешь? Все могу— и ни одна скнипа не смѣетъ меня въ брюхо сапогомъ... Потому,—я нынче псаломщикъ Серафимычъ, а завтра народный представитель... Это какъ по-твоему, а?

И съ пылающимъ взоромъ Серафимычъ потрясалъ кулаками передъ самымъ носомъ у о. Ивана, какъ будто это былъ не смиренный деревенскій попикъ, а „скнипа въ золотомъ кафтанѣ".

— Бо-знать, что ты говоришь, Серафимычъ...—слабо протестовалъ батюшка, отстраняя свое лицо отъ волосатыхъ кулаковъ псаломщика.

— Что я говорю? А ты не говорилъ? Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ,—ты не говорилъ? „Ну, братъ Серафимычъ, теперь мы съ тобой вольные граждане!" Не говорилъ ты этого, а? Эхъ, вы, реальная политика! Говорилъ! Вѣрилъ!.. Оба мы вѣрили... А теперь что? Кто мы такіе? Дрянь! Слякоть! Реальная политика... У-у, гады ползучіе...

— Ты реальную политику, Серафимычъ, оставь! Оставь, тебѣ говорю.

— А что, не нравится? Чуетъ котъ, чьи сливочки слизалъ? Нагадилъ, да и въ кусты?

— Серафимычъ! Если ты такія слова будешь говорить— уйди, пожалуйста... Христомъ-Богомъ тебя прошу,—уйди...

— Что? Правда глаза колетъ? Нѣтъ, батя, отъ правды не уйдешь... Аще возьму крилѣ моя рано и вселюся въ моря—и тамо еси... Кто народную свободу провозглашалъ? И кто принудительное отчужденіе сулилъ? Гдѣ народная свобода? Гдѣ принудительное отчужденіе?

— Врешь ты, врешь, Серафимычъ, все ты врешь, винопійца несчастный!—дрожащимъ голосомъ, чуть не плача, бормоталъ о. Иванъ.—Это вы, пьяницы, поджигатели, свободу пропили!.. Вы по камушку, по кирпичику чужіе труды расхищали... Люди заботились, созидали, а вы, яко древніе варвары, пришли и все поломали...

— Го-го-го!.. Да ужъ и потолокъ-то не черезъ насъ ли провалился?

— А, можетъ, и черезъ васъ! Халдеи вы нечестивые! Хулители благихъ дѣлъ... Празднословы и надругатели...

— Вали, вали, батька!.. Можетъ, и полтора милліончика голодающаго капиталу мы стрескали?

— А почемъ я знаю,—можетъ, и вы. Есть ли для васъ

что-нибудь святое? Ничего... Экспропріаторы! Младенцевъ невинныхъ соблазнители!..

— Здóрово! А еще что?

— Мракобѣсы! Угасители духа!.. Насильники и строптивцы!

— Хо-хо-хо! А вы кто? Строители? Хорошъ плотникъ Егоръ, да забылъ дома топоръ!

И опять они носились по крошечному поповскому зальцу, опять бросались жестокими, оскорбительными словами и жалили другъ друга въ самыя больныя мѣста, и плакали отъ обиды и тоски, что улетѣло куда-то свѣтлое видѣнье, озарившее на мигъ яркимъ лучемъ ихъ темную, скучную старую жизнь. Въ спальнѣ тихонько смѣялся маятникъ. Въ кухнѣ, на печи, храпѣлъ Григорій. Онъ любилъ спать и постоянно видѣлъ одинъ и тотъ же сонъ: будто стоитъ передъ нимъ горшокъ съ кашей, и онъ ѣстъ-ѣстъ и никакъ доѣсть не можетъ. А каша сладкая, масляная, разсыпчатая...

Но, когда споръ доходилъ до полнаго ожесточенія, Григорій просыпался. Продиралъ заплывшіе глаза, скребъ затылокъ, спускалъ ноги съ печи. Напряженно прислушивался... Кричатъ! Серафимычъ бубнитъ, какъ большой колоколъ у нихъ на колокольнѣ: бу-бу-бу-у!.. А батька словно курица кудахчетъ, когда ее съ гнѣзда спугнутъ — сердито и жалобно.

— Опять папаша съ Серахвимычемъ за грудки взялись...— бормоталъ Григорій.—Кажный божій день, кажный божій день... Изъ чего? Не разбери Господи!

Потомъ подбиралъ ноги, переворачивался на другой бокъ и сладко зѣвалъ. Печь была просторная, теплая; сытно пахло хлѣбомъ и грибными щами... Кабы дома были такія, ни за что не пошелъ бы въ работники! И лѣниво ползли безсвязныя, сонныя мысли... Податя... старый меринъ, котораго въ прошломъ году за недоимки продали... покойница-жена въ гробу съ синимъ, распухшимъ отъ цынги лицомъ... и опять огромный горшокъ съ разсыпчатой, масляной кашей. И Григорій ѣстъ... Давится, захлебывается, а ѣстъ... и никакъ наѣсться не можетъ...

Утромъ въ кухню заходилъ церковный сторожъ, сумрачный, молчаливый мужикъ съ безобразнымъ бѣльмомъ на глазу, за которое по-уличному его называли „бѣлоглазымъ“. Онъ тоже былъ вдовецъ, бобыль и неудачникъ, но почему-то считалъ себя очень умнымъ человѣкомъ, который знаетъ въ жизни гораздо больше другихъ. И, такъ какъ Григорій вполнѣ признавалъ его превосходство надъ всѣми, бѣлоглазый чувствовалъ къ Григорію большое тяготѣніе. Приходилъ, садился у припечка, свертывалъ цыгарку и

устремлялъ на Григорія свой зрячій глазъ. По-очереди затягивались, сплевывали, опять затягивались и перекидывались короткими, отрывистыми фразами, которыя только для нихъ однихъ имѣли смыслъ и особое значеніе.

— А вчерась опять всю ночь собаки брехали...

— Ишь ты!.. Стало быть, чуютъ?

— Извѣстно... Онѣ завсегда чуютъ.

— А я спалъ, ничего не слыхалъ... Къ чему это мнѣ все каша снится?

— Каша?.. Это къ прибыли.

Они смотрѣли другъ на друга, и въ глазахъ у нихъ мелькалъ загадочный смѣхъ, — смѣхъ животнаго, которое все понимаетъ, но сказать не можетъ. Умолкали надолго. Только слышалось: пыхъ! пыхъ!.. И звучные плевки. Кухня наполнялась сизыми, ѣдкими облаками дыма. Кухарка сначала терпѣливо отъ него отмахивалась, потомъ начинала чихать, кашлять и плеваться.

— Надымачили, трубокуры окаянные! Шли бы въ сѣнцы, а то всю глотку дочиста разворотило отъ вашего табачищу поганаго.

Бѣлоглазый осторожно тушилъ остатокъ цыгарки о подошву безобразнаго, растоптаннаго сапога и смотрѣлъ на Григорія.

— А третёводни въ Ендоуровѣ винную лавку обокрали...

— Ну?

— Истинно. Четырестà деньгами, а водку всю на земь вылили и посуду перекололи.

Въ глазахъ опять змѣится загадочный смѣхъ.

— А папаша... аль спитъ?

— Да кто его знаетъ. Всю ночь-ноченскую буробили. Сколько разовъ просыпался—кричатъ!

— А объ чемъ?

— Да нешто ихъ разберешь? Я, признаться, съ печи-то не слазилъ.

— А ты бы послухалъ.

— Да вѣдь... непонятный я! И на сонъ дюже слабый. Все кашу ѣмъ. Ну, вотъ ѣмъ и ѣмъ,—а къ чему, не знаю...

— Говорю, — прибыль. Ну, а такъ видать, кто кого одолѣваетъ—попъ Серахвимыча, али Серахвимычъ?

— Да Серахвимычъ никакъ подюжѣй будетъ. Какъ зявкнетъ иной разъ,—папаша ажно заплачетъ.

Бѣлоглазый косилъ свое бѣльмо на кухарку и шепталъ скороговоркой:

— Надысь Серахвимычъ пьяный при всемъ народѣ въ чайной выкликалъ... Обманули, говоритъ, васъ... какъ головля на глисту. Раззявили глотку, анъ въ глистѣ-то крю-

чекъ... А вы, говоритъ, не поддавайтесь... чтобъ ни-ни... ни на эстолько...

— Извѣстно! Они знаютъ...

— Зна-ають!

Обмѣнивались темными, имъ однимъ понятными, взглядами и расходились. Григорій шелъ запрягать мерина и ѣхалъ на рѣчку за водой; кухарка кормила просомъ птицу на дворѣ и пронзительно кричала: „цыпа-цыпа-цыпа!“ Бѣлоглазый дѣловито обметалъ вѣникомъ церковную паперть. Все было старое, привычное, и такъ же медленно, сонно и скучно ползла темная деревенская жизнь. Кричали простуженными голосами пѣтухи; бабы съ подоткнутыми подолами шлепали по грязи лаптями, таща на плечахъ тяжелыя коромысла; на косматыхъ лошаденкахъ ѣхали куда-то мужики; озябшіе, съ красными носами, ребятишки въ лохмотьяхъ возились на заваленкахъ, точно кучи козявокъ въ гниломъ дуплѣ,—все старое, привычное, все, что было всегда и, казалось, будетъ вѣчно...

Эти сѣрыя деревенскія утра были особенно ненавистны Серафимычу. Ночью темно, ничего не видно, и пусть себѣ на гумнахъ воютъ волки, пусть стонетъ вѣтеръ и плачетъ дождь и кто-то одинокій бредетъ въ темнотѣ и грязи по невѣдомой дорогѣ,—это черный сонъ, это кошмаръ усталой отъ вѣчнаго бѣга земли. Настоящая жизнь—здѣсь, въ шуршащихъ газетныхъ листкахъ, и Серафимычъ всѣмъ существомъ своимъ погружается въ пестрый, шумный водоворотъ борьбы, политическихъ интригъ, партійныхъ споровъ, уличныхъ стычекъ и демонстрацій. Онъ чувствуетъ себя уже не старымъ псаломщикомъ, доживающимъ вѣкъ на убогомъ деревенскомъ погостѣ, а гражданиномъ всего міра. Въ Персіи, на улицахъ Тегерана, онъ вмѣстѣ съ Меджилисомъ отстаивалъ права народа; онъ проникалъ въ самыя сложныя дипломатическія комбинаціи австрійской политики, рукоплескалъ рѣчамъ Бебеля въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, пѣлъ революціонные гимны на митингѣ безработныхъ въ Лондонѣ, и... вотъ онъ уже на трибунѣ Государственной Думы, онъ кидаетъ гнѣвныя, огненныя слова Бобринскимъ и Пуришкевичамъ, вонзаетъ ядовитое жало насмѣшки въ трусливыхъ кадетовъ, громитъ министровъ, и всѣ пять частей свѣта прислушиваются къ рѣчамъ стараго псаломщика изъ Липяговъ, откуда онъ принесъ и вѣковыя страданія, и тоску, и гнѣвъ заброшенной, голодной русской деревни. Душа Серафимыча росла, грудь распирало отъ невысказанныхъ словъ, что-то кипѣло и бурлило внутри, какъ въ паровомъ котлѣ, и распаленный яркими картинами далекой жизни, Серафимычъ обрушивался на старенькаго, смиреннаго попика и

обливалъ его потоками застарѣлой злобы, накопленной въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ унылаго прозябанія на погостѣ. Въ эти ночные часы Серафимычу казалось, что онъ силенъ и могучъ; весь міръ замыкался для него въ крошечномъ, свѣтломъ черырехугольничкѣ поповскаго зальца, а все зло, коварство, предательство, всѣ враждебныя силы, помѣшавшія осуществиться свѣтлымъ надеждамъ, олицетворялись въ этомъ маленькомъ бѣломъ старичкѣ, который только тѣмъ и виноватъ былъ, что „примыкалъ къ кадетамъ".

Днемъ было не то. Деревенская жизнь назойливо лѣзла въ глаза и показывала всѣ свои безобразныя язвы—нищету, грязь, невѣжество... Вопъ мужикъ увязилъ свою лошаденку по колѣно въ грязи и озлобленно хлещетъ ее палкой по мутнымъ глазамъ, по худымъ бокамъ, по раздутому, облѣзлому отъ голодухи животу. Вонъ беременная баба, надрываясь, волочитъ на спинѣ огромную вязанку мокрой соломы... Золотушные, коростовые ребятишки привязали кирпичъ къ хвосту котенка и тащатъ его топить въ вонючей лужѣ... Холодное небо развѣсило свои сѣрые лохмотья надъ сѣрой землей и плачетъ, плачетъ холодными, злыми слезами... А тамъ, за селомъ, стелется безбрежная, сумрачная даль... И въ этой мертвой безднѣ разсѣяны тысячи такихъ же бѣдныхъ селъ и деревушекъ, озлобленныхъ мужиковъ, беременныхъ бабъ, золотушныхъ, коростовыхъ ребятишекъ... Отчаяніе и тоска безсилія наполняли душу Серафимыча. Сердце сжималось въ ледяной комокъ, спина ныла, колѣнки тряслись. Неумолимо и безжалостно напоминала о себѣ старость... Все равно, не доживешь... Восьмой десятокъ на исходѣ. Сколько надо силъ, сколько дерзости, сколько огня, чтобы оживить и согрѣть эту мертвую бездну, зажечь свѣтъ мысли въ потемкахъ загадочной мужицкой души! Не нынче — завтра стащутъ на погостъ, и ничего не увидишь, не услышишь... А мужикъ все колотитъ свою лошаденку. Пищитъ и булькаетъ въ вонючей лужѣ издыхающій котенокъ. Хохочутъ ребятишки. Беззвучно смѣется въ лицо молчаливая, безсолнечная даль. И зудитъ пила... дзз... дзз... дзз...

— Что вздыхаешь? Аль со вчерашняго не проснулся?.. Государственная Ду-ума!.. Мука-то—рупь двадцать пудъ... Чего жрать будемъ?

— Акриды!..—бормочетъ Серафимычъ и барабанитъ по стеклу марсельезу—„отречемся отъ стараго міра, отряхнемъ его прахъ съ своихъ ногъ"!..

— Это какія-такія еще акриды? Самъ ихъ трескай, дуракъ полоумный! Вотъ уйду отъ тебя, куда глаза глядятъ... въ монастырь уйду, оставайтесь съ своимъ попомъ, какъ

хотите,—авось когда-нибудь глотку другъ дружкѣ перервете...

Мука... картошка... яйца полтинникъ десятокъ... Нѣтъ, не доживешь!.. И хочется пойти куда-нибудь и напиться... до потери чувствъ.

— Вонъ, говорятъ, въ Муравлевку полсотни казаковъ пригнали, всѣхъ пороть будутъ, а зачинщиковъ подъ разстрѣлъ.. И самое милое дѣло! Водку пьютъ, а податей не платятъ... Господи-батюшка, хоть бы и намъ... Отхвыстали бы хорошенько, авось бы дурь изъ головы выбили...

— Ну, что-жъ, казаки—такъ казаки. Все равно, не доживешь, такъ лучше уже подъ разстрѣлъ. А все кадеты виноваты... струсили, въ Выборгъ поѣхали, кукишъ изъ кармана показывать... Дрянь-народъ... паскудныя душонки, хамья порода...

— Чего ты лаешься? Я тебѣ не попъ Иванъ. Вотъ погоди до вечера, пойдешь къ своему пріятелю, тамъ и лайся.

— Не пойду я къ попу, отвяжись, пила. Сказалъ—не пойду, и не пойду...

А злыя слова уже накипаютъ, накипаютъ на языкѣ, и что-то горячее зажигается въ груди, и звѣриная мощь напрягаетъ старческія дряблыя мышцы. Заревѣть бы во всю силу легкихъ, разбудить эту темную, молчаливую бездну, поднять изъ могилъ всѣхъ мертвецовъ и кипящимъ потокомъ смыть съ земли обманъ, насиліе, злобу...

Грустно умираетъ короткій осенній день. Грустно плывутъ блѣдныя сумерки. Въ мокромъ туманѣ зажигаются блѣдные, плачущіе огоньки. Сопливые ребятишки, беременныя бабы, озлобленные мужики прячутъ въ темныя норы свои грязные лохмотья, свои отвратительные струпья и раны, свою боль, свою тоску, свою злобу. И бѣлоглазый выходитъ изъ сторожки, смотритъ въ темное небо темнымъ окомъ своимъ и бьетъ въ колоколъ часы. Пора идти...

Но бывали дни, когда между о. Иваномъ и Серафимычемъ заключалось перемиріе. Это были дни богослуженій. Въ темной церкви зажигались лампады и свѣчи. Тягуче пѣлъ старый, разбитый колоколъ, и кроткіе, умиротворяющіе звуки тихоструйною рѣкой текли по селу, стучались въ окна избъ, будили спящихъ, плыли въ сумрачную даль, по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ, по глубокимъ буеракамъ, по тоскующимъ полямъ и сѣдымъ курганамъ. Озлобленные мужики примасливали спутанные волосы слюною и надѣвали новые полушубки; бабы вынимали изъ укладокъ кумачевые и кубовые платки, ребятишки вытирали мокрые носы, и пестрая толпа наполняла маленькую церковь шоро-

хомъ и вздохами. Желтые огоньки лампадъ дрожали въ волнахъ кадильнаго дыма; большіе глаза святыхъ строго смотрѣли со стѣнъ и красиво звучали на клиросѣ голоса тѣхъ самыхъ школяровъ, которые еще вчера топили въ вонючей лужѣ котенка. Умытый и причесанный, Серафимычъ благоговѣйной тѣнью скользилъ на цыпочкахъ изъ алтаря на клиросъ; о. Иванъ въ лиловой ризѣ съ большими золотыми цвѣтами становился, какъ будто, выше ростомъ, какъ будто воздушнѣе и прозрачнѣе, и, когда онъ возносилъ къ небесамъ потиръ и дискосъ со словами: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся!"—казалось, что вотъ-вотъ и онъ самъ отдѣлится отъ земли и безслѣдно растаетъ въ голубыхъ облакахъ кадильнаго дыма... Слабый старческій голосъ, звучавшій изъ таинственной глубины алтаря, наполнялъ свѣтомъ темныя души, огрубѣвшія въ жестокой борьбѣ за жизнь; непонятныя слова молитвъ, торжественно-красивые напѣвы церковнаго хора умягчали больныя, озлобленныя сердца, и тяжко вздыхали замученныя въ работѣ бабы, съ глухимъ стукомъ падали на колѣни мужики, и забывались на мгновеніе ссоры, распри, вражда, какъ будто самъ Богъ сходилъ съ далекаго неба на забытую имъ землю и, въ сіяніи вѣчной славы своей, примирялся съ ея грѣшными дѣтьми.

Обѣдня кончена, тухнутъ лампады и свѣчи, церковь погружается въ мракъ и тишину. Но Серафимычъ съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ долго еще ходитъ по опустѣвшему храму, осторожно тушитъ пальцами одинокую свѣчечку, зажженную передъ образомъ какою-нибудь богомольною старушкой, собираетъ въ комокъ восковые огарки и сдуваетъ соринки съ аналоя. Потомъ идетъ въ алтарь и помогаетъ о. Ивану снять облаченіе. О. Иванъ шатается отъ усталости; служба уже утомляетъ его. Глаза его тусклы, лицо желто, какъ восковая свѣча, онъ покорно отдается въ руки Серафимыча, и тяжелая риза съ жесткимъ шуршаніемъ совлекается съ худенькаго дряхлаго тѣла. „Спасибо, Серафимычъ!" чуть шелеститъ онъ блѣдными губами.

И вдругъ буйный эс-эръ склоняетъ передъ нимъ свою кудлатую голову и... цѣлуетъ безкровную, холодную, морщинистую руку кадета...

— Господь съ тобой, Господь съ тобой, Серафимычъ... Пойдемъ чай пить.

Въ зальцѣ на столѣ уже шумитъ самоваръ, дымятся на тарелкѣ любимыя „папашины" ржаныя лепешки въ сметанѣ. Пьютъ чай, закусываютъ, мирно бесѣдуютъ. Новыя газеты кучкой лежатъ на этажеркѣ, но ихъ никто не трогаетъ.

— А давно ужъ мы съ тобой служимъ, Серафимычъ! Лѣтъ сорокъ будетъ?

— Будетъ, о. Иванъ. Еще съ хвостикомъ, пожалуй!

— Да... Ты тогда совсѣмъ молодой былъ. Волосы у тебя были черные, кудрявые,— моя попадья-покойница все завидовала... Авессаломомъ тебя называла... Ты помнишь мою попадью-то?

— Да какъ же не помнить? Какъ сейчасъ вижу. Веселая была, царство ей небесное...

— Веселая. Помнишь, какъ она тебя польку-мазурку танцовать учила? Бывало, смѣхъ, возня, бѣготня... Тогда проще какъ-то жили, дружнѣе... Какъ подумаешь, двадцать второй годъ пошелъ попадьѣ-то, какъ она скончалась. А вотъ и не замѣтили, какъ прожили.

— Да что вы, о. Иванъ, нешто двадцать второй годъ?

— А какъ же? На Успенье двадцать одинъ сравнялся. Что это, я вижу, и у тебя, Серафимычъ, память-то слабѣть стала. Тебѣ который пошелъ?

— Да ужъ... никакъ семь красныхъ съ пятакомъ будетъ.

— А мнѣ ровно семьдесятъ три. Скоро, Серафимычъ, и мы съ тобой въ персть обратимся... Пора!

И долго сидятъ, вспоминаютъ старину, обвѣянные блѣдными тѣнями былыхъ временъ. Какъ будто и не было мятежныхъ октябрьскихъ дней, когда въ сонное царство вѣчнаго молчанія вдругъ ворвалось что-то яркое, пронеслось гремящимъ ураганомъ съ красными знаменами, съ ликующими пѣснями, опрокинуло старыхъ боговъ, разметало по облитымъ кровью нивамъ огненныя сѣмена—и исчезло до новой жатвы...

Грустный и задумчивый возвращался Серафимычъ послѣ такихъ бесѣдъ къ себѣ домой. Тихо бродилъ по избѣ, напѣвая псалмы, прислушивался къ загадочнымъ шопотамъ ночи. И въ медленныхъ звукахъ ночного колокола ему уже чудился похоронный перезвонъ, и, подавленная предчувствіемъ близкой смерти, мысль уносила его далеко-далеко отъ всего живого. А на другой день онъ, косматый, разъяренный, какъ левъ въ клѣткѣ, метался передъ о. Иваномъ и ревѣлъ:

— Беречь? И эту Думу беречь? Пуришкевича? Трусы вы! Предатели!.. Іуды-христопродавцы...

Въ половинѣ декабря завыла первая вьюга и занесло сугробами всѣ пути и дороги. Цѣлую недѣлю не было почты. Серафимычъ по нѣскольку разъ въ день бѣгалъ къ попу справляться, нѣтъ ли газетъ. Газетъ не было. По вечерамъ сидѣли молча и о чемъ то безпокойно думали. Потомъ Серафимычъ вскакивалъ и начиналъ летать по ком-

натѣ, какъ огромная, дикая птица, размахивая полами подрясника.

— Хм!.. безобразіе... Можетъ, тамъ что-нибудь важное случилось... а мы ничего не знаемъ...

О. Иванъ возражалъ, но втайнѣ тоже думалъ, что случилось „что-нибудь важное". Мало ли что́ можетъ случиться? Время такое. Прежде, бывало, десятки лѣтъ тянулись, какъ одинъ день, а теперь событія идутъ за событіями. Можетъ, Думу опять распустили...

Безпокойство росло. Серафимычу не сидѣлось на мѣстѣ. На лицѣ его появилось что-то загадочное. Даже ругаться пересталъ и потихоньку отъ батюшки чему-то улыбался себѣ въ бороду. Наконецъ, не выдержалъ и сказалъ однажды:

— А что, о. Иванъ... ужъ не забастовка ли?

— Какая забастовка? Выдумалъ! Развѣ можетъ теперь быть забастовка? Просто заносы.

— Заносы! И прежде бывали заносы, да приходила же почта. Ну, день-два нѣту газетъ, а вѣдь это ужъ никакъ пятый идетъ? Непремѣнно что-нибудь случилось... очень сурьезное!

И улыбка помимо воли расползается по лицу Серафимыча, и глаза сіяютъ молодымъ огнемъ, какъ въ тѣ незабвенные дни, когда онъ впервые за семьдесятъ лѣтъ жизни почувствовалъ себя „гражданиномъ".

О. Иванъ понималъ тайный смыслъ этой улыбки и испуганно крестился.

— Не дай Богъ! Не дай Богъ... Еще разъ такіе ужасы пережить—нѣтъ! Пронеси Господи чашу сію мимо...

Серафимычъ презрительно кривилъ губы.

— Эхъ вы!.. Втунѣ бѣлизну свою блюдущіе, тяготы на рамено не возлагающіе! Что-жъ, разговорами одними хотите народъ осчастливить?

— Не разговорами, Серафимычъ... Слава Богу, какой-ни какой, а у насъ парламентъ. Подождите, потерпите, все будетъ!

— Какъ же, дожидайся, будетъ!

— А я тебѣ говорю, будетъ! Кадеты—люди умные, политичные, они мирнымъ путемъ всего добьются.

— Чорта лысаго они добьются. Слыхали мы эти кадетскіе разговоры! Терпѣнья никакого нѣтъ, а они завтраками кормятъ... Посиди, да погоди. Нѣтъ ужъ, насидѣлись, натерпѣлись, руки-ноги чешутся! Вы сидите, а мы встанемъ!..

На восьмой день пришли газеты. Измятыя, мокрыя, въ раздробь. У Серафимыча тряслись руки, когда онъ срывалъ бандероли и развертывалъ шумящіе листы.

— Разстрѣлы... разстрѣлы... смертная казнь... еще смертная казнь... ничего!.. У васъ что-нибудь есть, о. Иванъ?

— Родичева прогнали изъ Думы... на 15 засѣданій...— упавшимъ голосомъ проговорилъ о. Иванъ.

— Прогнали? Здóрово! Вотъ-те и дождались...

Но ему все-таки не вѣрилось, что ничего не произошло, и онъ жадно рылся въ ворохѣ газетъ, ища знакомаго слова, которое огненными буквами навсегда запечатлѣлось въ его мозгу. О. Иванъ сидѣлъ понурый,—и ему газеты не принесли того, чего онъ ждалъ...

— Н-ни черта!—прохрипѣлъ Серафимычъ и захохоталъ. Вотъ и сидѣли! Вотъ и ждали!.. Что-жъ теперь? Какъ по-вашему? Мирнымъ путемъ?..

У него даже слезы на глаза выступили. Швырнулъ газеты, ушелъ, не простившись, и... запилъ!..

Пропадалъ долго, и каждый день батюшка посылалъ Григорія справляться о немъ, и Григорій возвращался съ лукаво-таинственнымъ видомъ, съ затаеннымъ смѣхомъ въ опухшихъ отъ сна глазахъ.

— Пьетъ еще...

— Ахъ, Боже мой!..—вздыхалъ о. Иванъ.

Передъ Рождествомъ случилось происшествіе — сгорѣла кладушка ржи на гумнѣ богатаго мужика Еркина, который гонялъ почту и незадолго передъ пожаромъ заявилъ желаніе выдѣлиться изъ общества. Загорѣлось передъ вечеромъ; никто еще не ложился спать, и по тревожному звону набата на гумно сбѣжалось много народу. Но кладушка всетаки сгорѣла до основанія, и всѣ Липяги затянулись удушливымъ чадомъ горѣлаго зерна и соломы.

Серафимычъ пришелъ къ о. Ивану прямо съ пожара, пропитанный запахомъ дыма, сильно возбужденный, но трезвый. О. Иванъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, часто останавливался передъ окнами и заглядывалъ на улицу.

— Ну, что? Потушили?

— Чего потушили?

О. Иванъ взглянулъ на закопченное лицо Серафимыча, потянулъ носомъ дымный запахъ, наполнившій комнату, и разсердился.

— Что ты изъ себя дурака строишь, Серафимычъ! Развѣ не понимаешь, о чемъ спрашиваю? Ясно, кажется, о пожарѣ говорю: потушили, или нѣтъ?

— Да кто тушить-то будетъ?

— Ну, опять!.. Какъ кто тушить будетъ? Чего ты прикидываешься?

— Я не прикидываюсь, а вы, бо-знать, чтó спрашиваете.

Это мужики, что-ль, будутъ тушить? Не будутъ! И никто тушить не будетъ.

— Это почему такое?

— Еркина-то тушить? Да что вы, батюшка, маленькій, что-ли? Еркина, который на мужицкихъ росткахъ тыщи нажилъ! Да онъ завтра, можетъ, опять горѣть будетъ...

Прозрачные глаза о. Ивана потемнѣли, какъ вода, въ которую бросили тяжелый камень. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ Серафимычу, съ ужасомъ взглянулъ въ темное, точно изъ гранита высѣченное лицо и погрозилъ пальцемъ.

— Смотри, Серафимычъ... Смотри!

— А мнѣ что смотрѣть? Хо! Я не Еркинъ. Это онъ намедни въ чайной бахвалился: хочу, говоритъ, изъ опчества выходить—по новому закону! У меня, говоритъ, земли на пять душъ, а работниковъ всего—я да сынъ... Хо! По новому закону! Ну, вотъ ему и покажутъ новый законъ...

Черные отъ ужаса старые глаза продолжали впиваться въ гранитное лицо, какъ бы стараясь понять скрытую въ немъ тайну, и дрожащій шопотъ, слитый съ хихиканьемъ маятника, звучалъ жалобной угрозой.

— Смотри, Серафимычъ!.. Хи-хи-хи-хи... Смотри!

Въ кухнѣ Бѣлоглазый шептался съ Григоріемъ.

— А ты нешто не слыхалъ, какъ я въ сполохъ-то ударилъ?

— Какъ не слыхалъ? Я въ ту же пору проснулся. Хотѣлъ бѣчь, да папаша не пустилъ. Останься, говоритъ, мнѣ жутко.

— Дюже горѣло! Мнѣ съ колокольни-то все видать. Чисто свѣчка!

— Чай, керосиномъ?

— Зачѣмъ керосиномъ? Кладушка-то прошлогодняя, — сунь спичку, и готово... Однимъ духомъ возьмется...

Они косились на кухарку, сидѣвшую у стола за чаемъ, и беззвучно смѣялись, широко разѣвая рты, въ темной глубинѣ которыхъ бѣлѣли острые, крѣпкіе зубы.

— Жалко, я не видалъ. Одолѣлъ сонъ проклятущій. И все тебѣ кашу ѣмъ, все кашу!..

— И что тебѣ каша энта далась? — откликнулась кухарка.—Все каша да каша, хоть бы однова лапша приснилась!

Бѣлоглазый переглянулся съ Григоріемъ, и обоихъ обуялъ неудержимый смѣхъ.

— Лапша... Гы-гы-гы... Жирно больно, лапша-то... Гы-гы-гы...

— Ха-ха-ха... Лапша! Скажетъ тоже... Да мы ее сроду и на-яву-то не видали... Хе-хе-хе!

— Гы-гы-гы!.. Намъ бы кашки... А лапша-то кому снится? Гы-гы-гы... Попамъ да купцамъ...

Кухарка встала, расправила фартукъ и вытерла имъ потное отъ чая лицо.

— Меренье! Чистое меренье! Обрадовались, заѣвали! Ну, идите, что-ль, чай пить.

При словѣ „чай“ оба сразу стали серьезными.

— Чайку? Что-жъ... Чай пить—не дрова рубить. Бѣлоглазый, пойдемъ?

Но Бѣлоглазый мялся и, казалось, былъ погруженъ въ разсматриванье своихъ безобразныхъ сапогъ.

— Иди, пей,—сказала кухарка.—Чай густой, все равно задармà въ лоханку выливать.

Тогда Бѣлоглазый, наконецъ, нехотя всталъ, снялъ съ себя полушубокъ, стыдливо обдернулъ рубашку и полѣзъ за столъ. Чай былъ жидкій, лимоннаго цвѣта, но пили его жадно, причмокивая, звучно разгрызая сахаръ и отдуваясь. Потомъ поглядѣли другъ на друга веселыми глазами и опять вспомнили про лапшу.

— А вѣдь я сбрехалъ... однова и мнѣ довелось лапшички покушать. Въ Ивановъ день, на папашины именины.

— Скусна?

— И-и!.. Облопаесси! Гы-гы-гы...

Хохотали и прыскали чаемъ. Кухарка, сложивъ руки на грудяхъ, смотрѣла на нихъ и тоже улыбалась.

— А что, небось, теперича Еркинъ тоже во сняхъ лапшу видитъ?

— Хе-хе-хе... Не лапшу! Ему тамъ нонѣ такихъ лепешекъ напекли...

И опять прыскали. Смѣхъ гулко разбѣгался по кухнѣ, посуда тихонько звенѣла на полкахъ, что-то шуршало, копошилось въ затѣненныхъ углахъ. Не то мыши скреблись подъ поломъ, подтачивали старую церковную постройку; не то домашніе незримые бѣсенята вылѣзали изъ потайныхъ щелей и затѣвали шаловливую возню, радуясь наступающей ночи. Кухарка икала отъ сытости, крестила ротъ и, ничего не понимая, благодушно покачивала головой.

— Разыгрались, жеребцы! Согрѣшишь съ вами, грѣшная!..

Дня черезъ два у Еркина сгорѣли еще двѣ кладушки и пунька съ сѣномъ. Бѣлоглазый билъ набатъ, а послѣ пожара они опять пили съ Григоріемъ чай въ поповой кухнѣ и, глядя другъ на друга веселыми глазами, смѣялись имъ однимъ понятнымъ смѣхомъ. Потомъ въ Липяги пріѣхали стражники. Это былъ все народъ сытый, рослый, изъ сверхсрочныхъ, съ бѣлыми усами на загорѣлыхъ лицахъ, съ одинаковыми глазами, изъ которыхъ глядѣла спокойная

готовность на все, что прикажутъ. Днемъ они много ѣли и много спали, а по вечерамъ съ гиканьемъ и свистомъ гонялись за дѣвками или до полночи плясали и пѣли у солдатки Акулины, извѣстной своей развратной жизнью. Стало страшно выходить на улицу, и, какъ только начинало темнѣть, все живое пряталось по избамъ и настороженно молчало. У Акулины во всѣхъ окнахъ горѣли огни, ревѣла гармоника, ухалъ бубенъ, кто-то свисталъ и топалъ сапогами, а молчаливыя избы, притаившись, смотрѣли на это веселье своими черными окнами-глазами и о чемъ-то глубоко и упорно думали. Одни волки не боялись стражниковъ и по-прежнему, блести зелеными зрачками, бродили на гумнахъ и отъ голоду выли.

Серафимычъ заходилъ къ о. Ивану каждый вечеръ, но не надолго. Онъ сталъ задумчивъ и молчаливъ; толстыя брови таинственно висѣли надъ глазами; взглядъ былъ спокойно-углубленный. Часто онъ смотрѣлъ на о. Ивана упорно и внимательно, но, должно быть, ничего не видѣлъ и не слышалъ, и мысль его гуляла гдѣ-то далеко. Приходилъ, жадно выпивалъ нѣсколько стакановъ чаю съ кренделями, что-то неясно мычалъ, глядя въ уголъ, потомъ стряхивалъ съ бороды крошки и подымался.

— Куда же ты? Посиди.

— Нѣтъ... Пойду.

— А газеты? Сегодня новыя получилъ, смотри—сколько!

Серафимычъ скашивалъ глаза на кучку газетъ еще въ бандероляхъ и пренебрежительно махалъ рукой.

— У насъ теперича свои газеты...

И уже на порогѣ кидалъ о. Ивану насмѣшливыя слова:

— Что-жъ Дума-то... все думаетъ еще? Ну, пускай... авось додумается!..

— А, по-твоему, какъ? Не думавши? Тяпъ-ляпъ, да и корабль?

— Да ужъ... видали мы эти корабли. Родичевъ-то... поплылъ?

Съ визгомъ захлопывалась сѣнная дверь, за окномъ скрипѣли по снѣгу тяжелые шаги, и о. Иванъ оставался одинъ. Тоскливо вздыхалъ, развертывалъ газету, но сейчасъ же клалъ ее обратно на столъ, уходилъ въ спальню и долго лежалъ безъ сна, напряженно всматриваясь въ розоватый сумракъ, полный туманныхъ призраковъ прошлаго. Только прошлое и было понятно; настоящее пугало своей жестокой правдой; будущаго не было. По временамъ о. Иванъ и самъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, что Серафимычъ насмѣшливо называлъ „реальной политикой". Реальная политика шла сама по себѣ, а жизнь—сама по себѣ. Тамъ, на Шпалерной

улицѣ, въ старомъ, насквозь прогнившемъ дворцѣ великолѣпнаго Князя Таврическаго, велись партійныя интриги, кипѣли споры, засѣдали коммиссіи, громоздились вороха бумагъ, а здѣсь, „въ глубинѣ Россіи“, разыгрывалась сложная историческая драма съ казнями, грабежами, убійствами, пожарами, взаимнымъ подстереганіемъ и выслѣживаньемъ, со всей кровавой ожесточенностью гражданской войны. Тамъ, въ пустотѣ, все еще вертѣлись гигантскія колеса испорченной машины, грохотали поршни, ревѣли приводные ремни; здѣсь былъ полный распадъ, хаосъ, багровый туманъ міровой катастрофы, въ которомъ, можетъ быть, уже зарождались, но были еще незримы новыя формы будущаго.

„Что же это такое? Что такое?“ думалъ о. Иванъ, и въ розоватомъ сіяніи лампады чудились ему чьи-то мертвые, зовущіе глаза, и казалось, что онъ одинъ во всемъ мірѣ, что жизнь уходитъ отъ него все дальше и дальше.

Онъ сталъ часто прихварывать — и не то что прихварывать, а чувствовалъ, что усталъ, страшно усталъ. Кружилась голова, сердце переставало биться, хотѣлось лечь и спать-спать-спать... Онъ и ложился, и тогда глубокое равнодушіе ко всему ледяной корой оковывало его мозгъ. Не интересовали газеты и Государственная Дума, скучно было возражать Серафимычу на его насмѣшливыя шпильки по поводу реальной политики и Родичева. Но о. Иванъ еще пересиливалъ себя. Какъ блѣдная тѣнь, бродилъ по пустому дому, слушалъ, какъ подъ поломъ скребутся мыши, и хихикаетъ маятникъ и возятся по угламъ ночные домашніе духи. На праздникахъ служилъ и всенощную, и заутреню и обѣдню. Но съ Іордани на Крещенье вернулся домой, легъ въ постель и уже не всталъ.

Серафимычъ спалъ на печкѣ послѣ обѣда, когда его разбудила Пила. Въ дверяхъ стоялъ Григорій, и темный испугъ застылъ на его заспанномъ лицѣ.

— Серахвимычъ, иди скорѣй-ча, папаша помираетъ!

Серафимычъ спустилъ ноги съ печи и сердито фыркнулъ.

— Что ты брешешь? Сейчасъ съ нимъ воду святили на іордани, а ты—„помираетъ“!

— Нѣтъ, ты иди, Серахвимычъ... Вродѣ какъ бы младенская у него.

— Фу ты, оглобля еловая! Какая младенская?

— Да кто-е-знаетъ? Говорятъ, младенская...

Серафимычъ ругался, но руки и ноги у него тряслись, когда онъ обувался, натягивалъ подрясникъ, искалъ шапку. Пила, сжигаемая жаднымъ любопытствомъ, которое испыты-

ваютъ всѣ старыя женщины, когда слышатъ о покойникѣ, сунулась было за нимъ, но онъ ее осадилъ.

— Куда? Пшла на мѣсто! Еще никто не померъ, чего ты, какъ собака на падаль, лѣзешь?

Въ сѣняхъ Серафимыча поджидала кухарка съ тѣмъ же темнымъ испугомъ въ глазахъ.

— Пришла насчетъ самовара... — шептала она, дрожа всѣмъ своимъ сытымъ тѣломъ.—Кличу, а батюшка молчитъ. Я глядь,—онъ лежитъ бѣлый-разбѣлый, и глазки закатилъ... Боюсь до смерти!

О. Иванъ лежалъ на кровати въ своей парадной рясѣ, вытянувъ тонкія, совсѣмъ дѣтскія ноги въ шерстяныхъ носкахъ, и неподвижными глазами смотрѣлъ на розовый огонекъ лампадки. На шумъ онъ съ усиліемъ повернулъ голову и прошепталъ чуть слышно:

— Это ты, Серафимычъ?

У Серафимыча отлегло отъ сердца, и онъ свирѣпыми глазами посмотрѣлъ на кухарку и Григорія, которые испуганно выглядывали изъ залы.

— Это я, о. Иванъ. Что это вы лежите?

— Усталъ, Серафимычъ. Пришелъ съ водосвятія, легъ полежать, да вотъ... и подняться что-то не могу.

— Еще бы не устать? Это ужъ праздники такіе, а года-то наши съ вами не малые. Вчера, небось, до звѣзды не ѣмши. Вотъ сейчасъ самоварчикъ взбодримъ, да чайку горяченькаго съ лимончикомъ да съ краснымъ винцомъ хлопнемъ,—оно дѣло-то винтомъ и завинтится. Я самъ, какъ песъ, измотался...

Онъ вышелъ въ залу и поднесъ кулакъ къ самому носу испуганной кухарки.

— Чего набрехали, рабы лукавые? Живъ-живехонекъ!

— Охъ, да что же это онъ... Можетъ, за докторомъ послать?

— Пошла ты!.. Онъ моложе меня, я раньше помру. Тащи самоваръ скорѣй,—вотъ тебѣ и докторъ.

Онъ помогъ о. Ивану снять рясу, перестлалъ постель и уложилъ его на подушки. О Иванъ качался у него въ рукахъ, какъ тряпичная кукла, и жаловался слабымъ шопотомъ, похожимъ на шорохъ камыша:

— И не знаю, что такое... Руки и ноги не дѣйствуютъ... И не помню ничего... обморокъ, что-ли, былъ. Голова совсѣмъ пустая.

— Ерунда! Это все отъ газетъ, ну ихъ въ болото! Реальная политика, да реальная политика, а толку ни шиша! Сами не знаютъ, что дѣлаютъ.

— А кто же знаетъ, Серафимычъ?

Серафимычъ показывалъ куда-то въ пространство.

— *Тамъ* знаютъ... И безъ реальной политики обойдутся...

О. Иванъ смотрѣлъ на него свѣтлыми, неживыми глазами и молчалъ.

Кухарка все-таки потихоньку отъ Серафимыча послала за докторомъ въ земскую больницу. Докторъ долго выслушивалъ сердце, прописалъ какія-то капли и уѣхалъ, ничего не сказавъ. Но капли, какъ будто, подѣйствовали. О. Иванъ оживился, сталъ капризничать, ворчалъ на Серафимыча. Серафимычъ торжествовалъ.

— Я говорилъ—ерунда! Эдакіе-то вотъ скудельные по сто лѣтъ живутъ, а я, бугай здоровый, въ одночасье кракну. Долбанетъ Кондратій Иванычъ — и прощайте! Отецъ же Иванъ меня и отпоетъ, и въ могилу проводитъ.

— Дай Господи!—пригорюнившись, шептала кухарка.— Я вѣдь только тѣмъ сумлѣваюсь, что-й-то у насъ домовой по ночамъ ходитъ. Какъ сумеркнется, такъ онъ по угламъ-то шуръ-шуръ, шуръ-шуръ...

— Дурища! Какой тамъ домовой, это въ тебѣ самой сало играетъ.

— Да вѣдь я не одна слышу... Намедни и Григорій сказывалъ, и Бѣлоглазый... Хо-одитъ!

— Въ башкѣ у нихъ ходитъ! Пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ имъ, дуракамъ, волю дали, а они до сей поры въ домового вѣрятъ. Тьфу!..

Серафимычъ уходилъ къ о. Ивану, и въ крошечной спаленкѣ, наполненной розовымъ сіяніемъ лампады, зажигались опять горячіе споры. Черная вражда простирала здѣсь свои сумрачные крылья; острыя и жгучія слова сталкивались, скрежетали, какъ желѣзо, больно царапали сердце и душу. Тихіе призраки тихаго прошлаго блѣднѣли и расплывались въ розовомъ туманѣ, и, какъ далекое эхо невѣдомаго грядущаго, въ старый поповскій домъ наплывали какіе-то чуждые, смѣлые звуки... Становилось душно, трудно дышать. О. Иванъ, ослабѣвшій, въ клейкомъ поту, съ потухшими глазами умолялъ Серафимыча:

— Уходи... Не могу я больше. Страшный ты... всѣ вы страшные. Уходи, дай помереть спокойно...

Кухарка, Григорій и Бѣлоглазый сидѣли въ кухнѣ и шептались.

— Что-жъ, опять нонче ходилъ?

— Ходитъ, милые мои, ходитъ! Своими ушьми слыхала. По всей ночи не сплю, трясусь, какъ въ лихоманкѣ. А онъ по стѣночкѣ крадется-крадется, да какъ вдругъ вздохнетъ!..

Бѣлоглазый тушилъ окурокъ объ каблукъ и дѣловито сообщалъ:

— Да ужъ это завсегда. Онъ чуетъ. Какъ моей хозяйкѣ помереть, онъ три дня ходилъ. Бывало, царапается въ дверь, чисто собака... А то однова сижу вотъ эдакъ же у печки, а онъ сѣрымъ клубкомъ выкатился изъ-подъ стола, да черезъ всю избу, да къ ней подъ кровать... Я искать, всю избу обшарилъ—нѣту... Ну, въ ту же ночь померла.

— А Серафимычъ говоритъ: брешете вы, ничего этого нѣту!

Всѣ трое глядятъ другъ на друга глазами умныхъ звѣрей, понимающихъ глубокія тайны міра, и сдержанно смѣются.

— Много они понимаютъ! Черезъ книжки на свѣтъ глядятъ, а книжка нешто все скажетъ? Въ нее весь свѣтъ не умѣстишь.

— Да вотъ и я ему говорила, а онъ ругается. Дураки, говоритъ, вы.

— Это еще поглядимъ, кто дуракъ-то. Бываетъ, и задній переднему укажетъ. Нынче подъ-вечеръ я вышелъ часы звонить, а большой колоколъ какъ вдругъ—гу-у-у... Самъ загудѣлъ. Небось, въ книжкахъ этого нѣту.

— А къ чему это, господа, огненные столбы по небу ходятъ?—говоритъ Григорій.

— Къ смутѣ. Большая смута будетъ. Намедни въ сторожку какіе-то прохожіе мужики погрѣться заходили, такъ прокламацію показывали. Тамъ все написано.

— Ишь ты! Говорятъ, и у насъ онѣ, эти самыя, есть, да попрятаны. Стражники-то ищутъ-ищутъ, никакъ не найдутъ... Намедни...

Бѣлоглазый толкаетъ его въ бокъ, и Григорій глотаетъ слово, готовое выскочить. Молчитъ, смотритъ Бѣлоглазому въ бѣльмо и о чемъ-то думаетъ. Онъ даже меньше спать сталъ и въ морозныя ночи часто выходитъ на дворъ, къ чему-то прислушивается и глядитъ въ ледяную пустыню неба, гдѣ дрожатъ отъ холода бѣлыя звѣзды.

Тишина. Шуршатъ и роются въ глубинѣ старыхъ стѣнъ невидимыя существа, прокладываютъ невидимые ходы. Кто-то тихонько бродитъ вокругъ дома, шаритъ по нарамъ, царапаетъ въ двери. И далекое эхо далекихъ шаговъ наплываетъ изъ темной глубины грядущаго.

— Помретъ папаша!

Капли уже не помогали, и кухарка по совѣту какой-то бабы-вѣдуньи пробовала поить о. Ивана водицей, спущенной съ Іерусалимскихъ кипарисовыхъ образковъ. Когда не помогла и Іерусалимская водица, кухарка намекнула Сер-

фимычу, что хорошо бы особоровать и пріобщить батюшку. Въ кухнѣ появились какія-то сморщенныя, грибообразныя старушки, которыя по цѣлымъ днямъ что-то жевали беззубыми ртами, пили чай и шушукались. Серафимычъ нѣсколько разъ ихъ разгонялъ, но онѣ опять налетали, беззшумныя, какъ ночные мотыльки, прятались по угламъ, беззвучно жевали, шушукались и чего-то ждали. Потомъ изъ сосѣднихъ приходовъ пріѣхали батюшки, соболѣзновали, совершали обряды, послѣ которыхъ долго и аппетитно закусывали, ходили по усадьбѣ, зорко и внимательно осматривая все поповское хозяйство и, сытые, благодушно настроенные, уѣзжали домой на сытыхъ лошадяхъ. Въ домѣ запахло ладаномъ, топленымъ воскомъ, жареными пирогами. И по ночамъ кто-то невидимый ходилъ уже совсѣмъ близко, скрипя половицами.

О. Иванъ ничего не видѣлъ, не слышалъ и лежалъ, ко всему равнодушный, далекій отъ всего. Онъ уже не чувствовалъ своего тѣла, и ему казалось, что его нѣтъ, что оно распалось, отдѣлилось отъ души и слилось съ земной перстью. Чувствовалъ, какъ рвутся одна за другой хрупкія нити, привязывавшія его къ землѣ, и спокойно ждалъ, когда оборвется послѣдняя. Но Серафимычъ не вѣрилъ. Ругалъ Григорія и кухарку, гонялъ изъ кухни безшумныхъ старушонокъ, угрюмо косился на сѣдыхъ батюшекъ, пріѣзжавшихъ на сѣрыхъ лошадяхъ. Весь пропитанный крѣпкимъ запахомъ мороза, земли и жизни, онъ вваливался въ душную спальню, склонялъ свое обвѣтренное лицо надъ изсохшимъ тѣломъ о. Ивана и громкимъ шопотомъ сообщалъ ему самыя свѣжія новости. Стражники запороли мужика и изнасиловали дѣвочку... Почту ограбили... Доносчика убили... Въ скирдахъ нашли прокламаціи и 12 браунинговъ... Крупорушку сожгли... И огонь, кипѣвшій въ большомъ, крѣпкомъ тѣлѣ Серафимыча, какъ будто, зажигалъ холодѣющую кровь о. Ивана. Свѣтлые глаза его темнѣли, судорожная дрожь кривила неподвижныя, мертвенныя черты.

— Что же это такое? Что такое?—съ ужасомъ спрашивалъ онъ, силясь отвернуть свое лицо отъ пылающихъ глазъ Серафимыча.

— Что? Хо-хо-хо!.. Война, батя! Самая настоящая... Покуда тамъ кадеты торговаться будутъ, здѣсь весь фундаментъ до-чиста разворочаютъ. Придутъ съ чистенькими ручками порядки наводить, анъ ужъ ничего нѣту. Голая земля, а на землѣ голый мужикъ сидитъ и когтями за нее держится.

И, наклонившись еще ниже надъ о. Иваномъ, опаляя ему

лицо горячимъ дыханіемъ, вколачивалъ въ самыя уши желѣзныя слова:

— Союзъ, батя! Всероссійскій братскій союзъ! Не на животъ, а на смерть... Зубъ за зубъ и око за око... до послѣдней капли крови!

— Уйди, Серафимычъ... Уйди!—стоналъ о. Иванъ, съ отвращеніемъ отводя глаза.—Уходи... Отъ тебя дымомъ пахнетъ... Пожаромъ!..

— Прогналъ меня сейчасъ!—съ довольнымъ видомъ разсказывалъ Серафимычъ въ кухнѣ.—А вы говорите: помретъ! Да онъ еще всѣхъ насъ переживетъ, ей-Богу!

А въ розовой тишинѣ спальни, наполненной удушливымъ ароматомъ ладана, опять таинственно скрипѣли половицы, скользили осторожные, крадущіеся шаги.

И они приблизились, наконецъ. Однажды въ сумерки, когда отлучившійся ненадолго въ кухню Серафимычъ вернулся въ спальню, о. Иванъ былъ уже безъ языка, и въ горлѣ у него что-то пѣло жалобно и протяжно. Но Серафимычъ все-таки не повѣрилъ.

— Что вы, отецъ? Аль дурно? Эхъ! Вѣдь, говорилъ давеча, яичко надо скушать,—нѣтъ, не захотѣлъ! Упорство, непокорство! Вотъ и ослабѣлъ опять...

О. Иванъ глядѣлъ на него большими, свѣтлыми глазами и, какъ будто, силился что-то сказать. Серафимычъ ринулся къ постели, поддѣлъ руки подъ голову и подъ спину и поднялъ легонькое, костлявое тѣльце на воздухъ.

— Лежать неловко, батя? Ничего, вотъ мы сейчасъ... Повыше, повыше голову-то!..

Но голова о. Ивана вдругъ выскользнула у него изъ-подъ руки и неловко свернулась на сторону, свѣтъ въ глазахъ потухъ, и мутная пелена стала медленно набѣгать на прозрачный хрусталь зрачковъ.

Тогда Серафимычъ понялъ. Схватилъ о. Ивана за руки,—онѣ были холодны и послушно гнулись у него въ пальцахъ. Упалъ на колѣни и приложилъ ухо къ груди... Трясъ за плечи, звалъ, дышалъ въ лицо, какъ будто хотѣлъ передать мертвецу свое тепло, свою жизнь. И розовая тишина задрожала отъ бѣшенаго воя.

Спальня наполнилась топотомъ, вздохами, шептаньемъ. Какъ сѣрые мотыльки, рѣяли вокругъ покойника тихія старушонки и дѣлали что-то нужное и важное надъ высохшимъ, костлявымъ тѣльцемъ, отъ котораго уже пахло землей. Кухарка таскала ведра съ горячей водой, которая, должно быть, уже давно готова была въ кухнѣ. Григорій разстилалъ на полу хрустящую, вкусно пахнущую солому, и лицо у него было не заспанное, не хитро-улыбающееся лицо звѣря,

а торжественное, благообразно-свѣтлое, понимающее лицо. И всѣ ходили осторожно, на цыпочкахъ, стараясь не топать, переговаривались вполголоса и все понимали, все дѣлали, какъ нужно, безъ суетни, безъ лишнихъ словъ, благоговѣйно, скоро и охотно.

Серафимычъ не дѣлалъ ничего. Ходилъ, громко стучалъ сапогами, натыкался на мебель, всѣмъ мѣшалъ. Всѣ его поступки имѣли характеръ автоматическій и нелѣпый. Вдругъ зачѣмъ-то подошелъ къ хихикавшимъ часамъ, погрозилъ на нихъ кулакомъ и остановилъ маятникъ. Попалась подъ руки связка нераспечатанныхъ газетъ,—взялъ ихъ, подержалъ и свирѣпо зашвырнулъ въ уголъ. Потомъ направился въ спальню, но одна изъ старушонокъ, съ засученными рукавами, съ ведромъ въ рукахъ, безцеремонно отстранила его съ дороги и сказала строго:

— Ну-ка, батюшка, не мѣшайся тутъ, отойди!

И Серафимычъ отошелъ. Всѣ тутъ хозяйничали, распоряжались, дѣлали какое-то простое и всѣмъ понятное дѣло, одинъ онъ торчалъ, какъ что-то лишнее, никому ненужное. Видѣлъ, какъ Бѣлоглазый принесъ изъ церкви большіе подсвѣчники и вставилъ въ нихъ толстыя свѣчи съ золоченымъ узоромъ. Потомъ они съ Григоріемъ передвигали подъ образа обѣденный столъ и такъ же, какъ давеча старушонка, пренебрежительно толкали Серафимыча и просили его посторониться. Спрашивали что-то насчетъ „облаченья" и еще какихъ-то обрядовъ, но Серафимычъ смотрѣлъ Бѣлоглазому въ бѣльмо, какъ будто въ первый разъ его видѣлъ, и долго думалъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Какое облаченье? Что такое? Зачѣмъ?

— Чего зачѣмъ?—подозрительно сказалъ Бѣлоглазый.

— Да все это... Умеръ, — ну и умеръ... такъ сказать, исчезъ... Ну и воспарился бы... яко дымъ... А это все къ чему? Лоханки, ведра, солома и прочее... Глупо!

Дико и враждебно впился въ Серафимыча живой глазъ Бѣлоглазаго.

— А еще псаломщикъ! Какъ же, по-твоему, безъ погребенія, стащилъ въ оврагъ — и воспаряйся? Ну, ужъ это... избави Господи!..

Послѣ этого на Серафимыча уже никто не обращалъ вниманія. Старушки совѣщались въ передней и посылали Григорія за батюшкой Спиридономъ въ сосѣднее село Бурасово. И Григорій, съ видомъ расторопнаго и толковаго малаго, дѣловито говорилъ:

— Конечно!.. Видимое дѣло. Все чтобы по Божьему... какъ слѣдоваетъ по закону... Потому... свящ-шенникъ...

И съ удовольствіемъ нѣсколько разъ повторялъ это зна-

чительное слово „священникъ“, хотя вчера еще называлъ о. Ивана просто „папашей“, а всѣхъ прочихъ священниковъ—попами. Но смерть, вошедшая въ домъ, наложила на все торжественный отпечатокъ, настроила чувства и мысли на высокій тонъ, и нельзя уже было думать и говорить простыми, будничными словами, казалось неприличнымъ дѣлать такъ, какъ дѣлалось обыкновенно.

Серафимычъ вошелъ въ спальню. Солому уже убрали, мокрый полъ вытерли. О. Иванъ лежалъ на постели въ чистомъ бѣльѣ, на сложенныхъ крестообразно рукахъ темнѣлъ образокъ. Мѣдные пятаки закрывали глазныя впадины, и отъ этого выраженіе лица покойнаго было необычно сердитое, почти гнѣвное. Вотъ-вотъ погрозитъ пальцемъ и скажетъ: „уходи, Серафимычъ... не хочу я твоихъ безумныхъ рѣчей слушать... Не Серафимычъ ты, а Вельзевулычъ...“

— Э-эхъ!—съ упрекомъ обратился къ о. Ивану Серафимычъ.—Вотъ тебѣ и посиди да погоди... Дождался?..

О. Иванъ грозно смотрѣлъ на Серафимыча мѣдными пятаками и молчалъ... Молчалъ!.. И никогда уже больше ничего не скажетъ,—никогда, что бы ни случилось.. Пусть завтра зазвонятъ опять радостные колокола свободы, пусть разсѣется черный кошмаръ братоубійственной войны, — о. Ивану уже ничего не будетъ нужно, и не обниметъ онъ Серафимыча, какъ „тогда“, и не скажетъ: „ну, Серафимычъ, дожили мы съ тобой, теперь хоть бы и помирать“... Не дожилъ!.. Ушелъ. Оставилъ Серафимыча въ самомъ пеклѣ—и ушелъ одинъ. Обманулъ... по-кадетски поступилъ. Ишь, лежитъ себѣ, руки сложилъ и отдыхаетъ... Самая „реальная политика!“...

Къ ночи пріѣхалъ изъ Бурасова батюшка Спиридонъ, и все пошло заведеннымъ порядкомъ. Въ домѣ никто не ложился спать. Старый колоколъ торжественно и печально оповѣстилъ прихожанъ о кончинѣ ихъ пастыря, но по улицѣ разъѣзжали конные стражники, и ни одинъ человѣкъ не рѣшился придти поклониться покойнику. Объ этомъ много говорили въ кухнѣ, гдѣ со стола не сходилъ самоваръ и жарко топилась печь для разныхъ поминальныхъ приготовленій. Было свѣтло, уютно и ничуть не страшно, потому что уже не скрипѣли половицы подъ таинственными шагами, и никто не царапался въ двери. Вкусно пахло вареньмъ рисомъ и кислымъ пирожнымъ тѣстомъ, которое бродило въ огромной дижѣ, накрытой чистой скатертью.

— Ну и жизнь!—задумчиво говорилъ Бѣлоглазый, крутя у припечка свою неизмѣнную цыгарку.—Ты думаешь, какъ лучше, а выходитъ все хуже!

— И еще хужѣй будетъ! — пророчески прокаркала одна

изъ старухъ. — Мать-сыру землю просить будешь, чтобы приняла, да не примя!

— А ты это почемъ знаешь?

— Я не знаю, а Господь знаетъ... Ему, батюшкѣ, все равно, что царь, что холопъ; придетъ со страшнымъ судомъ, всѣхъ обравняетъ, всѣмъ свое мѣсто предѣлитъ.

— Да тебѣ это кто сказывалъ-то, что страшный судъ скоро будетъ? Али ты у Бога-то въ писаряхъ состоишь?

— Я, родимый, неграмотная, писать не умѣю. А Господь-батюшка и неграмотнымъ знаменія посылаетъ.

— Какія знаменія?

— А такія. Перестанетъ земля родить, свои на своихъ съ ножами полѣзутъ, и будетъ гладъ и моръ и великое смутненье. Прилетятъ птицы съ желѣзными носами, огненная звѣзда на небеси взойдетъ. И сойдетъ Господь на гору Араратъ и будетъ всѣхъ судить судомъ страшнымъ, послѣднимъ... Никому прощенья не будетъ—ни рабамъ, ни господамъ, ни царямъ, ни холопамъ... Вотъ тогда и скажешь: прими, мать-сыра земля,—да не примя...

Зловѣщее старушечье карканье смутило сердца... Точно страшная черная птица изъ невѣдомыхъ глубинъ грядущаго пролетѣла въ ночи и ледянымъ холодомъ дохнула въ тепло и свѣтлый уютъ кухни. Тихія старушки безпокойно завозились и завздыхали; кухарка уронила слезу въ поминальную кутью, которую убирала изюмомъ и мармеладомъ; даже Григорій, жадныхъ глазъ не сводившій съ кутьи, поспѣшилъ проглотить слюну и смущенно зачесалъ въ затылкѣ. Но Бѣлоглазый привыкъ играть первую роль въ своемъ кругу, и ему не понравилось, что какая-то нищая старушка взяла надъ нимъ верхъ.

— Болтай, болтай, грымза старая!—насмѣшливо сказалъ онъ.—Вотъ они, стражники-то, услышатъ, они тебѣ покажутъ страшный судъ!

Старушонка поглядѣла на него своими древними глазами, въ которыхъ уже зіяла тьма вѣчности, и зажевала беззубымъ ртомъ.

— А мнѣ что стражники? Я, родименькій, въ землю гляжу, мнѣ не страшно. Кому жить, тому и бояться, а я при смерти давно стою, всякій страхъ забыла. Смерть-то, миленькій, страшнѣй стражника!

Вдругъ въ окошко посыпался крѣпкій, дробный стукъ. Старушки пугливо зашептались, сбившись въ кучу и крестясь; кухарка ахнула и чуть не уронила миску съ кутьей. Бѣлоглазый поспѣшно затушилъ цыгарку, а Григорій вскочилъ и съ разинутымъ ртомъ, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на окно.

Стукъ сыпался, какъ горохъ; стекло дребезжало.

— Охъ, батюшки, да что же это такое? Гриша, подь, милый, погляди...

Григорій безнадежно поглядѣлъ на Бѣлоглазаго. Но Бѣлоглазый углубился въ ковыряніе сапога и сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ.

— Поди, поди, Гриша! Мужикъ ты молодой, здоровый...

— Да вѣдь...

Ушелъ. Заскрипѣла примерзшая дверь, стукъ прекратился. На дворѣ гудѣли незнакомые, чужіе голоса. Потомъ шумъ, возня, топотъ въ сѣняхъ. Вошелъ Григорій. Глаза у него совсѣмъ вылѣзли на лобъ.

— Стра-ажники!—замирающимъ шопотомъ объявилъ онъ.

За нимъ уже лѣзло что-то большое, сѣрое, холодное. Вихрастая, безобразная папаха, широкое красное лицо, свѣтлые стеклянные глаза. Ни злобы, ни смѣха, ни смущенья въ этихъ глазахъ, одно сытое равнодушіе и деревянная непреклонность. Точно не человѣкъ, а кукла. Страшная кукла...

— Легокъ на поминѣ!.. — пробормоталъ Бѣлоглазый и опять погрузился въ ковыряніе сапога.

Стражникъ выпрямился, оглядѣлъ кухню своими бѣлыми глазами и икнулъ. Дохнуло водкой и лукомъ.

— По какому случаю сборишше?

Всѣ молчали.

— Сборишше, говорю? Кто такіе?

Изъ угла выступила вѣщая старушонка и вперила въ стражника свои древніе глаза, изъ которыхъ смотрѣла темная вѣчность.

— А ты бы малахай-то съ головы снялъ, чего стоишь? Аль некрещеный? Тутъ угодники Божьи, а онъ чисто въ кабакъ влѣзъ! Сыми шапку-то, говорю, да лобъ перекрести, коль Бога помнишь!

Эти слова точно развязали какой-то мертвый узелъ, завязавшійся вокругъ этого большого человѣка въ сѣрой шинели съ красными погонами, при шашкѣ, револьверѣ и нагайкѣ, которые странно и непріятно было видѣть въ свѣтлой тишинѣ, пахнущей хлѣбомъ и дрожжами. Старушонки завозились, какъ мыши, попавшія въ мышеловку; Григорій шумно вздохнулъ. Стражникъ, какъ будто, немного удивился, но папаху снялъ, обнаживъ круглую, гладко стриженную голову.

— У насъ, служивенькій, никакого сборишшу нѣту!— быстро-быстро зашептала кухарка. — Помилуй Богъ, какое сборишше? Всѣ свои люди... домашніе... при своихъ дѣлахъ...

— А свѣтъ въ окнахъ по какой причинѣ? По военной

охранѣ всякій житель долженъ свѣтъ тушить въ ночное время. Почему не соблюдаете? Свадьба, что ли?

— Что вы, землячокъ, какая свадьба? Батюшка у насъ кончился... на столѣ лежитъ..

— Гдѣ лежитъ? Покажи.

Кухарка моргала глазами Григорію. Григорій вышелъ, потомъ вернулся съ о. Спиридономъ. Батюшка былъ тоже блѣденъ, и русая бородка его тряслась. Стражникъ осклабился и полѣзъ къ нему подъ благословеніе.

— Дозвольте ручку поцѣловать... Мы нешто не понимаемъ? Господи, да со всякимъ уваженіемъ!.. Единственно по причинѣ военной охраны. Потому воспрещшается, а въ окошкахъ свѣтъ. Низвините, батюшка..

— Богъ проститъ, Богъ проститъ... — бормоталъ о. Спиридонъ, пугливо косясь на нагайку и отдергивая руку, которую слюняво лобызалъ стражникъ.

Въ стеклянныхъ глазахъ мелькнула какая-то хитрая мысль.

— Батюшка? Можетъ, прожертвуете на полбутылочки? На поминъ души...

О. Спиридонъ торопливо досталъ изъ кармана серебряный рубль, сунулъ стражнику и вышелъ. Стражникъ ловко спустилъ монету въ сапогъ, потомъ сдѣлалъ строгое лицо и погрозился нагайкой.

— Ну, вы тамъ!.. Смотри у меня!.. Смир-рно... въ стр-руну!..

Вѣщая старушонка опять выступила изъ темноты, какъ мрачный призракъ вѣчности.

— Иди, иди, продажная шкура! Чего грозисся? Отъ страшнаго суда Господняго не уйдешь, зальютъ смолы-то горячей за шкуру, небось, не погрозисся!

Стражникъ оторопѣлъ.

— Ахъ ты... стерва собачья!.. Вотъ загну подолъ, да...

Старуха, въ свою очередь, ощетинилась, какъ кошка, и прыгнула къ стражнику.

— Да на, бей, бей!.. Думаешь, боюсь? Ничего я не боюсь... Я, можетъ, и такъ помру завтра, а тебѣ, гололобому, жить, всего еще увидишь! Господь-батюшка, онъ тебя вездѣ найдетъ, и въ семъ свѣтѣ и въ будущемъ... Не въ тебѣ, такъ въ дѣтяхъ, не въ дѣтяхъ, такъ во внукахъ, а все взыщется, отольются коту мышиныя слезы... Издыхать будешь, никто не поможа—ни царь, ни вельможа... На, бей!

— Тьфу ты, вѣдьма старая...

Онъ нахлобучилъ папаху и выскочилъ изъ кухни, зацѣпивъ по дорогѣ шашкой какое-то ведро, которое съ грохотомъ покатилось по полу.

— Ай да бабка!—воскликнулъ восхищенный Григорій.— Вотъ такъ отчитала!.. Молодца, прямо молодца!

— А мнѣ что-жъ? Чего они охальничаютъ? Ночь-полночь, въ честной домъ лѣзутъ съ кнутищами, съ ружьищами, грозятся, похабничаютъ... Да что же это, матушки, такое? Покойникъ на столѣ лежитъ, а онъ, кобель, лба не перекрестилъ. И эдакое терпѣть? Да онъ убей меня, а я ему всю правду прямо въ безстыжiе глазищи вызвѣзжу...

Бѣлоглазый молчалъ. Онъ чувствовалъ, что осрамился на всѣхъ пунктахъ, и его грызло сознанiе своей слабости. Григорiй глядѣлъ на него и о чемъ-то думалъ.

— А я, мамушки, и сейчасъ вся трясусь...—сказала кухарка.—Напужалъ до смерти. Ну-ка, Гриша, поди, сѣнцы то запри, а то кабы опять не влѣзли.

Григорiй всталъ, но дверь сама распахнулась у него передъ носомъ, и въ кухню вскочила Пила. Она вся тряслась и едва переводила духъ.

— Ой, страсти!... И какъ добралась, сама, милые мои, не помню... Ползкомъ, да на четверенькахъ, да по задворкамъ... А тутъ стражники... гагайкаютъ, свищутъ... Угодники печерскiе! Ажно въ грудяхъ сердце застыло...

— Да ты садись! Чайку, можетъ, попьешь, полегчаетъ.

Пила острыми глазками обшарила всю кухню, увидѣла кутью, дижу съ тѣстомъ, старухъ за самоваромъ и сразу отошла.

— Батюшка-то... представился? Царство ему небесное... Я звонъ-то слыхала, хотѣла побѣчь, да какъ одна пойдешь?.. Тамъ страсти такiя... Серафимыча мово у васъ нѣту?

— Серафимыча? Да онъ еще давечь ушелъ.

— Ушелъ? Охъ, милые, да гдѣ-жъ онъ дѣлся? Еще въ бѣду попадетъ...

— Въ какую бѣду?

— Да нешто вы ничего не слыхали? Сейчасъ волостную казну ограбили... Тамъ крикъ, тамъ пальба была!.. Охъ!

Всѣ съ ужасомъ переглянулись. А старуха опять прокаркала:

— И будетъ кровь, и будетъ брань, и сравняетъ Господь всѣхъ бѣдныхъ и богатыхъ, и разсудитъ ихъ судомъ страшныимъ, послѣдниимъ...

О. Ивана схоронили. Заупокойную обѣдню служили соборные; похоронный звонъ цѣлый день угрюмо гудѣлъ надъ селомъ. Когда гробъ выносили изъ церкви, чтобы опустить въ могилу, приготовленную въ церковной оградѣ, печальная процессiя встрѣтилась на паперти съ другой процессiей. Принесли отпѣвать неизвѣстнаго человѣка, убитаго ночью при ограбленiи волостной кассы. Произошло замѣшательство; толпа окружила новаго покойника. Бабы пугливо заглядывали ему въ лицо; мужики хмуро крестились. Уби-

тый былъ молодой парень съ желтенькой бородкой и остриженными по-солдатски волосами. Никто не закрылъ ему глазъ, никто не убралъ и не обмылъ его тѣла, и онъ такъ и лежалъ на грязной соломѣ, кое-какъ напиханной въ гробъ, съ удивленнымъ взглядомъ и по-дѣтски раскрытымъ ртомъ, съ кровавыми брызгами, застывшими на восковомъ лицѣ, въ рваномъ ватномъ пиджачишкѣ, безъ сапогъ, которые, должно быть, кто-нибудь съ него снялъ. Стражники нагайками отгоняли любопытныхъ и скверно ругались; народъ шарахался во всѣ стороны; слышался бабій визгъ, дѣтскій плачъ, колокола уныло перезванивали, разстроенный хоръ въ разбивку пѣлъ „вѣчную память"... Наконецъ, разминулись, и о. Ивана понесли къ могилѣ, а гробъ неизвѣстнаго покойника, окруженный стражниками, исчезъ въ глубинѣ церкви. Въ молчаливомъ недоумѣніи разошелся народъ съ похоронъ, и долго по избамъ шептались о странной встрѣчѣ двухъ покойниковъ...

Серафимычъ вернулся домой, когда о. Иванъ уже два дня лежалъ въ могилѣ. Пришелъ весь опухшій, съ подбитымъ глазомъ, съ соломой въ волосахъ, въ разорванномъ подрясникѣ. Должно быть, все время пилъ. Пила сейчасъ же принялась пилить.

— Злодѣй, пьяница, извергъ!.. Вотъ пріѣдетъ новый попъ, нешто онъ тебя держать станетъ? Это о. Иванъ по слабости своей всѣ твои подлости покрывалъ, а другой, ты думаешь, покроетъ? Возьметъ метлу, да и сгонитъ на всѣ четыре стороны, какъ паршивую собаку...

— Ну, и сгонитъ!

— Да пьяница ты, злодѣй, извергъ!.. Чего жрать-то будешь?

— А ничего не буду жрать.

— Анафема, песъ, безбожникъ... Что-жъ, грабить пойдешь, какъ энтотъ вонъ, котораго намедни изъ ружья ухлопали? И тебя ухлопаютъ, погоди... дзз-дзз-дзз...

Серафимычъ схватилъ шапку и опять ушелъ.

Было тихо. Падалъ мокрый снѣгъ. Точно большія бѣлыя бабочки летѣли съ неба. Деревья въ оградѣ были всѣ унизаны пушистами гирляндами. Стояли молчаливыя и радостныя, какъ дѣвочки въ первый день причастія. Тихо, свѣтло и задумчиво...

Серафимычъ сидѣлъ на могилѣ о. Ивана и разговаривалъ съ нимъ.

— Что, батя, лежишь? Ждалъ-ждалъ и дождался?.. Эхъ, батя! Все говорилъ: вотъ погоди, вотъ Государственная Дума... Много она надѣлала, твоя Государственная Дума! Слыхалъ, парнишку-то убили? Одного убили, а другого по-

вѣсятъ... А кто ихъ до этого довелъ? Реальная политика... На твоей душѣ грѣхъ, батя! Ты тоже все мудрилъ да финтилъ... Слышишь, что-ль?..

Тихо. Бѣлыя бабочки танцуютъ въ жемчужныхъ переливахъ бѣлаго дня. Садятся на деревья, на могилки, нѣжно льнутъ къ багровымъ щекамъ Серафимыча, и таютъ, и тихими слезами скатываются на могильный бугоръ.

— Да... А тебѣ и горя мало. Лежишь себѣ, полеживаешь! Думаешь, померъ, такъ и правъ? Нѣтъ, батя, это напрасно!.. Никакъ по-твоему не выйдетъ!..

Изъ сторожки вышелъ Бѣлоглазый. Видъ у него былъ убитый, глазъ слезился, уныло и растерянно моргалъ. На поминкахъ у о. Ивана они съ Григорьемъ сильно выпили, подрались, и у Бѣлоглазаго до сихъ поръ еще болѣли бока отъ здоровыхъ Григорьевыхъ кулаковъ, ныла душа отъ обиды. Теперь онъ уже не считалъ себя знающимъ все на свѣтѣ: мучила совѣсть, грызли сомнѣнія, хотѣлось куда-то пойти, передъ кѣмъ-то оправдаться... Увидѣлъ Серафимыча и обрадовался.

— Сидишь?

— Сижу.

Бѣлоглазый поглядѣлъ на каменную фигуру Серафимыча, подсѣлъ къ нему на могилку и полѣзъ въ карманъ за кисетомъ.

— Нѣту нашего батюшки... Человѣкъ-то какой былъ, а? Нѣту такого человѣка... во всемъ свѣтѣ... Вѣрно, Серафимычъ?

Серафимычъ угрюмо смотрѣлъ въ землю и ничего не отвѣчалъ. Бѣлоглазый заглянулъ ему въ лицо.

— Я, вотъ, про себя скажу... Кто я такой есть? Думалъ— человѣкъ, анъ выходитъ—сопля... И Гриша тоже говоритъ: сопля ты, а не человѣкъ! Обидно это, а? Ну, я его за это по зубамъ. А онъ мнѣ въ ухо... Это мнѣ-то, а? Мнѣ! Я, говоритъ, думалъ, что ты—ерой, а ты—тьфу!.. И растереть... Стражника испужался... Старуха не испужалась, а ты испужался... Да по уху!..

Плакалъ и вертѣлъ цыгарку, но руки дрожали, и табакъ сыпался на могилу. Бросилъ ее въ снѣгъ, звучно высморкался и началъ вертѣть другую.

— Жалко батюшку... Это былъ человѣ-ѣкъ... Денно и нощно... тьфу ты, проклятая!.. Денно и нощно Бога за него молить... да. Не то, что мы съ тобой. Мы что? Нешто люди? Дураки на блюдѣ... Вѣрно вѣдь, Серафимычъ? А?

— Ну, вѣрно.

— То-то и оно-то! Ты вотъ... ни во что не вѣришь. А я... никуда я не гожусь... Пришелъ стражникъ въ куфню,

у меня сердце къ спинѣ присохло. Какой же послѣ этого я человѣкъ есть? Слизень, а не человѣкъ, а? Серафимычъ?

— Да, конечно, дрянь-человѣкъ.

— Во-во-во... это самое! А старуха—нѣтъ. Старуха не боится. Стражникъ съ нагайкой, съ ливертомъ, а она ему прямо въ глаза сигнула... Ловко? Ничего не боится. А я боюсь. Домового—боюсь... стражниковъ—боюсь... всего боюсь. Серафимычъ, ты боишься?

— Что? Домового, что-ль?

Бѣлоглазый, наконецъ, закурилъ и, дымя цыгаркой, глянулъ сбоку на Серафимыча слезящимся глазомъ.

— Да нѣтъ, ты не вѣришь... Ты ни во что не вѣришь. Я тебя, Серафимычъ, уважаю... а все-таки это ты зря... Какъ же не вѣрить? Старуха вонъ вѣритъ... и ничего не боится. А ты, Серафимычъ, отчаянный... Душа-то, по-твоему есть, а?

— А я почемъ знаю!

— Ты зна-аешь... Ты много знаешь, да не сказываешь...

И вдругъ, обнявъ Серафимыча за шею, дохнулъ ему прямо въ ухо:

— Какъ по-твоему, будетъ для насъ облегченье, аль нѣтъ? Насчетъ земли и прочаго?

Серафимычъ сердито отъ него отстранился.

— Чего съ пьяну болтаешь? Можетъ, и будетъ, да не про тебя. Мы съ тобой старыя церковныя крысы, намъ издыхать пора. Земли захотѣлъ! Дадутъ на погостѣ три аршина, вотъ тебѣ и земля! А насчетъ прочаго за насъ другіе обдумаютъ.

— Какіе? Можетъ, энти, которы...

— Да что ты присталъ, сатана кривая? Смотри, тебѣ Гришка далъ въ одно ухо, а я вѣдь и въ другое могу...

Бѣлоглазый, хитро посмѣиваясь, забормоталъ примирительно:

— Ну-ну-ну... Ты не серчай, Серафимычъ, я вѣдь знаю! Я только съ тобой, а то вѣдь я ни гу-гу—ни чи-чи...

Онъ затушилъ цыгарку и всталъ.

— А безъ папаши намъ съ тобой крышка. Я теперь и въ поповъ домъ не хожу,—ну ихъ! Тамъ теперича родня набралась,—все прибираютъ, все считаютъ, все дѣлятъ... Чисто воробьи на наземѣ! Стрекочутъ, ругаются, дерутся... Гришку ужъ разочли. Новый попъ пріѣдетъ, пожалуй, и насъ съ тобой разочтутъ, а?

— Ну что-жъ, и разочтутъ.

— Куда же тогда пойдемъ-то?

— Да никуда и не пойдемъ. Съ земли куда же уйдешь? Издохнемъ, все равно, въ ту же землю зароютъ.

Бѣлоглазый совсѣмъ повеселѣлъ. Глазъ его прыгалъ и смѣялся.

— И то! Уважаю я тебя, Серафимычъ: скажешь слово— чисто валенкой по сердцу! Вѣрное слово! Гони—не гони, съ земли никуда не уйдешь. А я, какъ прогонятъ, сейчасъ суму на плечи—и засвисталъ... Пойдемъ, Серафимычъ, ко мнѣ, стюдено что-й-то стало. А у меня тамъ отъ поминокъ немножко осталось,—выпьемъ, погрѣемся.

— Нѣтъ ужъ, ты иди, одинъ выпей, а я посижу.

Ушелъ Бѣлоглазый. И опять тихо на могилкѣ. Падаютъ-падаютъ бѣлыя бабочки, небо наливается сумракомъ; тихая дрема ходитъ по сугробамъ, разсказываетъ сказки, нѣжитъ и баюкаетъ засыпающую землю.

— Обманулъ ты меня, батя. Ушелъ одинъ... не подождалъ. Такъ добрые люди не дѣлаютъ. Жили вмѣстѣ, такъ ужъ и помирать бы вмѣстѣ. А ты и здѣсь меня подвелъ. Нехорошо, батя... по-кадетски сдѣлалъ!

Серафимычъ прислушивается, укоризненно качаетъ головой. И чудится ему, что за спиной кто-то тихо смѣется.

— А что? Ты думаешь, ты отъ меня ушелъ? Нѣтъ, не уйдешь! Сяду вотъ, какъ голый мужикъ на голой землѣ, вцѣплюсь руками въ землю и буду сидѣть. И на томъ свѣтѣ тебѣ покою не дамъ. Жили мы съ тобой—ссорились, и мертвые будемъ ссориться. Эхъ ты, реальный политикъ! Ну, куда я отъ тебя уйду, ты подумалъ? Кабы я молодой былъ, ну тогда другое дѣло, я зналъ бы, куда пойти. А теперь нѣтъ, не гожусь я, не примутъ. Старый да пьяный, кому я нуженъ? Чорту баранъ, больше ничего. Слышишь, батя, аль нѣтъ?

О. Иванъ молчитъ. Молчатъ темныя небеса. Надъ землею летаютъ уже не бѣлыя бабочки, а бѣлыя пушистыя птицы. Садятся на деревья, на кресты и могилки, обнимаютъ Серафимыча своими нѣжными холодными крыльями. Онъ сидитъ, точно бѣлый дѣдъ въ бѣломъ лѣсу. Тихо смѣется и шепчетъ...

— Не слышитъ!.. Или прикидывается, что не слышитъ. Всегда хитрый былъ. Бывало, накадетитъ чего-нибудь Милюковъ или Маклаковъ—ни за что не скажетъ. Спрячетъ газету и притаится. А глазами и не смотритъ; это ужъ такъ и знай,—фальшь какая-нибудь вышла. Изъ-за этого больше и ссорились. Только одинъ разъ и помирились... 27 апрѣля, когда первую Думу открывали... И я, старый дуракъ, тогда повѣрилъ. Помнишь, батя? Молебенъ служили, всю церкву березками убрали, черемухой,—чисто на Троицу!.. А послѣ молебна-то, въ алтарѣ, помнишь? Подошелъ ко мнѣ, взялъ за плечи—и заплакалъ... „Ну, Серафимычъ, теперь все бу-

детъ! И земля, и воля, и амнистія"... Помнишь, аль нѣтъ? Батя?..

Опять прислушивается. Кто-то тихо-тихо смѣется. На селѣ мигаютъ робкіе огоньки, испуганно вглядываются въ бѣлый сумракъ и сейчасъ же гаснутъ. У солдатки-Акулины ухаетъ бубенъ, хохочетъ гармоника, свивается и развивается пьяная пѣсня. Пируютъ стражники.

— Обманулъ!.. На вотъ, поди, достань его теперь на томъ свѣтѣ! А вѣдь какія слова-то говорилъ... Земля! Воля! Амнистія! Вотъ тебѣ и амнистія... въ сырой могилкѣ! Кричи, плачь, объ землю головой бейся—ничего не услышитъ... Ну, да нѣтъ! Погоди! Я тебя вездѣ найду. Отъ меня никуда не спрячешься...

Тишина. Снѣгъ падаетъ все гуще и гуще, застилаетъ землю бѣлой пеленой. Серафимыча совсѣмъ не видно. Молчитъ о. Иванъ въ своей могилѣ. Молчатъ, притаились въ потемкахъ Липяги. Зеленые огоньки разсыпались по гумнамъ... голодные волки вышли на добычу, чуютъ теплую кровь, чуютъ живое мясо. И кто-то одинокій бредетъ въ бѣлой степи, спотыкается, вязнетъ въ глубокихъ сугробахъ.

В. І. Дмитріева.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Стемнѣло. День угасъ. Прозрачно-синей мглою
Нависли сумерки надъ моремъ и землей,
И нѣтъ уже границъ межъ небомъ и водою,
И шире даль ушла. И глубже сталъ покой.
Какъ будто нѣтъ земли. Одинъ просторъ безбрежный,
Темнѣетъ лишь вдали лиловый Ай-Тодоръ.
И снова мнѣ легко! И нѣтъ тоски мятежной,
Она осталась тамъ—за цѣпью синихъ горъ.
Она осталась тамъ. Тоска, огни и люди...
Я словно перешла завѣтную черту,
И въ этотъ тихій часъ, полна мечтой о чудѣ,
Я вновь зову тебя... Зову тебя и жду!

II.

Я поднимаюсь въ горы. Отлогій легокъ путь,
И съ каждымъ поворотомъ все легче дышитъ грудь.
Одной подъ знойнымъ солнцемъ такъ весело идти,
Когда синѣетъ море и горы впереди.
Залитый яркимъ свѣтомъ, мой путь пропалъ въ горахъ;
Со мною только вѣтеръ, дремавшій на кустахъ.
Мои онъ треплетъ косы, въ лицо мнѣ дышитъ онъ,
Наивный, влажный, нѣжный, воздушный, точно сонъ.
Со мною только вѣтеръ смолистый вѣтеръ горъ,
Со мною только вѣтеръ да солнечный просторъ!
Какъ щитъ, сверкаетъ море на солнцѣ предо мной...
Межъ нимъ и синей далью Ай-Петри сталъ стѣной, —
Зубчатой легкой высью поднялся онъ вдали,
Какъ чуткій, зоркій сторожъ чудесъ и тайнъ земли.
Все вверхъ иду я быстро. Все шире моря даль,
Все призрачнѣй и легче минувшая печаль.
Что это тамъ бѣлѣетъ? Не пѣна ли валовъ?
Иль это крылья чайки? Иль паруса судовъ?
Я подымаюсь въ горы... Мнѣ весело идти,
Когда синѣютъ горы и море на пути,
Когда со мною вѣтеръ, смолистый вѣтеръ горъ,
Одинъ лишь только вѣтеръ да солнечный просторъ!

Ада Чумаченко.

Алупка.

БЕЗЪ ПРІЮТА.

Подъ ногами у меня снѣгъ хруститъ; съ неба на меня звѣздочка глядитъ... А кругомъ—темный, холодный пустырь... И иду я за городъ, къ Мари.

Мари—краснощекая, веселая, хорошенькая толстушка съ черными волосами и темными выпуклыми глазами. Она богатая и будетъ еще богаче, когда выйдетъ замужъ и получитъ приданое. Добрая она, умная... Кончила гимназію и думаетъ поселиться въ имѣніи, чтобъ вести пропаганду.

Со мной она въ наилучшихъ отношеніяхъ, и иду я къ ней ночевать.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ у меня нѣтъ квартиры, и я скитаюсь—гдѣ день, гдѣ ночь... Ужъ и усталость беретъ, да что подѣлаешь? Пашѣ нуженъ былъ паспортъ—я отдала тотъ, по которому жила, а сама осталась безъ пріюта и безъ документа.

Немножко жутко вечеромъ идти такъ пустыремъ, одной... Хруститъ снѣгъ... глядитъ небо съ звѣздами, а кругомъ темно, холодно... и одиноко...

Вотъ и домъ... дверь... звонокъ...

Хорошо изъ неуютной большой пустыни очутиться въ четырехъ стѣнахъ теплой комнаты, гдѣ ярко горитъ лампа и гдѣ сидятъ друзья.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!.. А я къ вамъ съ ночевой... Но что это? Развѣ вы переѣзжаете?

Вещи въ комнатѣ разбросаны—на кровати лежитъ платье, на полу чемоданы... Передъ ковромъ, на колѣняхъ, молодой студентъ—женихъ Мари—укладываетъ книги, а сама она стоитъ подлѣ, и на рукахъ у нея цѣлая куча бѣлья.

— Нѣтъ, не завтра совсѣмъ уѣзжаю!

— Куда?

— Въ Одессу...

— Вотъ кстати! Мнѣ нужно написать туда, вы отвезете?

— Ладно!

Сажусь за столъ и принимаюсь за письмо, а уголокъ глаза видитъ нѣмую сцену. Молодой человѣкъ отрываетъ клочекъ бумаги и, набросавъ нѣсколько словъ, передаетъ Мари.

Та дѣлаетъ жестъ, похожій на отрицаніе или неодобреніе... Потомъ тоже беретъ бумажку и пишетъ... И такъ повторяется 2—3 раза...

Я кончаю и встаю.

Что-то неладно: Мари—вся пурпуровая... Глаза у нея растерянные...

— А знаете...—начинаетъ она, запинаясь:—знаете, у меня ночевать нельзя!.. Могутъ прійти съ обыскомъ... Если застанутъ васъ,—мои планы.... наши планы... разлетятся въ прахъ!..

— Ну, я уйду. Прощайте.

— Да вы посидите!

— Нѣтъ! ужъ поздно, половина 11-го...

И ни одного слова, ни одного вопроса—куда? Есть ли куда пойти?! А идти, въ сущности, некуда!..

Снѣгъ хруститъ... Ноги почти бѣгутъ... За кого-то стыдно, за кого-то больно... И каждый хрустъ отдается въ горлѣ, царапаетъ его...

А кругомъ—темно, безлюдно... Только въ небѣ горятъ звѣзды...

Куда же, однако, идти? Если-бъ я была мужчиной, пошла бы въ скверъ, просидѣла бы на скамьѣ до утра и смотрѣла на звѣзды...

...Не пойти ли къ Николаю Антоновичу? Тамъ радушно принимаютъ. Они простые, бѣдные, живутъ своимъ трудомъ: онъ токарь, имѣетъ мастерскую. Почему они радушные?.. Вѣдь я не другъ имъ и не товарищъ! Не потому ли, что вносишь блестку интеллигентности, искру общественнаго интереса въ обыденщину блѣдной жизни?.. И за это любятъ и привѣчаютъ.

Городскія улицы... скверъ... и въ глубинѣ—гнилой домишко... тамъ живутъ простыя души...

Стучу... Хорошо, если не спятъ!

— Кто тамъ?

— Я.

— А!!.. Здравствуйте! Очень рады... Но что-жъ такъ поздно?!

— Да такъ пришлось...

— Ну, пришлось—такъ пришлось! Только пора спать: ужъ двѣнадцатый часъ... завтра надо вставать рано.

Постилаются чистыя простыни на старую софу, отбирается у кого-то подушка, и гостепріимная чета удаляется за перегородку...

Небольшая комната, и все въ ней бѣдно и сѣро.

И я лежу на чужомъ ложѣ, смотрю въ темноту и съ трудомъ сдерживаю жгучее чувство...

Вотъ я пришла... пришла къ этимъ простымъ, добрымъ душамъ... и они дали мнѣ пріютъ... *Что* для *нихъ*—я?.. Они не знаютъ—ни кто я, ни моего прошлаго, ни моего будущаго... *не* знаютъ, что повсюду меня разыскиваютъ и очень хотѣли бы поймать! А вѣдь къ нимъ *могутъ прійти*... Говоритъ же Мари, что къ ней *могутъ прійти*!.. Если придутъ сегодня, застанутъ меня... И—они пропали!.. За что?. Я не посвящаю ихъ въ дѣла... Конечно, они сочувствуютъ... знаютъ, что я революціонерка... слыхали мои слова—и только!

Ихъ жизнь—предо мной, какъ на ладони, а моя—скрыта подъ псевдонимомъ... и я играю съ ними въ темную! Рискую, не спрашивая о согласіи!..

И они пропадутъ!.. „Онъ“ пойдетъ въ тюрьму... „Она“ и дѣти останутся безъ хлѣба...

Потомъ—ссылка и полное крушеніе семейной и трудовой жизни...

О, проклятье! Получать любовь и нести—гибель!..

. . . .

Въ тюрьмѣ, лежишь порой на койкѣ, какъ *тогда у нихъ*... Смотришь въ темноту и думаешь... Гдѣ теперь эти простыя души? Что съ ними?... Арестована и увезена... осуждена и заперта... и ни одного извѣстія, ни малѣйшаго слуха ни о комъ... Ничего и о нихъ... пять лѣтъ... десять .. пятнадцать, и еще, еще!

Лежишь на койкѣ, какъ *тогда у нихъ*... и думаешь. Если-бъ выпустили на свободу—сейчасъ написала бы имъ... просила бы простить... благодарила бы за прошлое... И послала бы, какъ воспоминанье, маленькій подарокъ... коробочку и въ ней каждому что-нибудь особо...

Дѣти—уже выросли... Взрослые—стали стариками. Вѣрно, и внуки уже есть! Надо положить игрушекъ... веселыхъ дѣтскихъ игрушекъ...

. . . .

Вышла изъ тюрьмы... Ищу и спрашиваю... Слѣдовъ нѣтъ. Кто говоритъ—уѣхали, кто говоритъ—умерли...

Ни старыхъ, ни молодыхъ!

И подарокъ не посланъ!

Но въ душѣ, какъ на небѣ, много звѣздъ: каждая хорошая встрѣча зажигала звѣзду, и одна звѣздочка зажжена *ими*... Она горитъ и о нихъ говоритъ...

В. Н. Фигнеръ.

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

III.

Инспектриса, ея характеръ и значеніе.—Какъ легко было классной дамѣ оклеветать воспитанницу.—Послѣдствіе институтской конфузливости.—Посѣщеніе лазарета императоромъ Александромъ II.

Кто былъ непосредственною начальницею Александровской половины Смольнаго? Кто управлялъ его штатомъ служащихъ, начиная отъ классныхъ дамъ и кончая горничными? Начальница Леонтьева была верховною главою двухъ институтовъ, но если бы она даже захотѣла, то не имѣла бы возможности вникать во все, что дѣлалось въ Александровскомъ институтѣ, тѣмъ болѣе, что она жила на Николаевской половинѣ. Наша инспектриса, m-me Каро, которую мы называли «maman», по оффиціальному своему положенію была нашею прямою начальницею. Но Леонтьева была слишкомъ властолюбива, чтобы выпустить что-нибудь изъ своихъ рукъ. Этому содѣйствовала и полная безхарактерность m-me Каро, оказавшейся маріонеткой въ рукахъ начальницы. Леонтьева не довольствовалась тѣмъ, что давала тонъ и направленіе двумъ институтамъ и стояла на стражѣ консервативныхъ началъ, но требовала, чтобы наша инспектриса докладывала ей о всякой мелочи, о шалостяхъ и грубости воспитанницъ, объ интригахъ кл. дамъ, о каждомъ мало-мальски выходящемъ изъ общаго уровня происшествіи, о сомнительномъ, по ея понятіямъ, словѣ учителя, рѣшительно обо всемъ. При малѣйшемъ желаніи инспектрисы уклониться отъ навязанной ей роли, старѣйшая изъ нашихъ кл. дамъ, Тюфяева, безъ церемоніи угрожала ей тѣмъ, что она сейчасъ же обо всемъ донесетъ начальницѣ, и, не давая той опомниться, быстро приводила въ исполненіе свою угрозу. Но, и при своемъ подчиненномъ положеніи, инспектриса могла бы все-таки настоять на томъ, чтобы, напримѣръ, экономъ сокращалъ свои алчные аппетиты и не такъ быстро наживался на счетъ здоровья воспитанницъ, могла бы она требовать и смѣны кл. дамы,

зарекомендовавшей себя возмутительнымъ обращеніемъ съ дѣтьми. Однимъ словомъ, если бы она не могла сдѣлаться вполнѣ самостоятельною, на что ей давало право ея положеніе, но для чего нужно было обладать мужественнымъ характеромъ, все же она могла бы быть чѣмъ-нибудь полезною воспитанницамъ. Но m-me Каро ни въ какомъ отношеніи не умѣла себя поставить, какъ слѣдуетъ, и приносила воспитанницамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Этому не повѣрилъ бы тотъ, кто имѣлъ возможность лично узнать m-me Каро (но не въ качествѣ инспектрисы),—такое производила она на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Умная и для своего времени весьма образованная, по натурѣ гуманная, миролюбивая, добрая, деликатная, даже сердечная и любящая дѣтей, она сохранила и подъ старость какое-то элегантное изящество, слѣды поразительной красоты и представительности. Но, какъ инспектриса, она не умѣла дать отпора никому, не могла никого защитить и была въ подчиненіи у своихъ же подчиненныхъ, даже какъ-то боялась ихъ всѣхъ. Это происходило не оттого только, что она лишена была твердой воли, но и оттого, что она боялась потерять мѣсто инспектрисы, дававшее ей возможность существовать, содержать и воспитывать своихъ дѣтей, которыхъ она боготворила. Болѣзненной, вѣчно страдающей жестокими мигренями, ей также, видимо, сильно хотѣлось тихо, покойно, безъ дрязгъ и исторій доживать остатокъ своихъ дней.

М-me Каро была вполнѣ освѣдомлена относительно всего, что у насъ творилось. Да иначе и быть не могло: она посѣщала классы и дортуары по нѣскольку разъ въ день, ежедневно встрѣчалась съ кл. дамами, вѣчно враждовавшими между собой и доносившими другъ на друга, а еще чаще на воспитанницъ, и такимъ образомъ имѣла полное представленіе объ ихъ нравственномъ и умственномъ убожествѣ, но у нея никогда не хватало мужества рѣшительно запретить кл. дамѣ дѣлать то или другое, указать комунибудь изъ нихъ на ея поведеніе, предосудительное для воспитательницы. То одна, то другая изъ нихъ прибѣгала къ ней съ жалобой на одну изъ воспитанницъ. М-me Каро не входила въ разборъ дѣла, не доискивалась того, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Она немедленно звала къ себѣ обвиняемую и мягко журила ее въ такомъ родѣ: «это не хорошо, мое дитя... Это меня огорчаетъ!.. Надѣюсь, что это больше не повторится!» Она была слишкомъ умна и не могла думать, что вся ея обязанность инспектрисы, вся ея педагогическая мудрость должны были ограничиваться лишь подобными внушеніями. Такимъ образомъ, m-me Каро, несмотря на свою личную, безусловную порядочность, мягкость и доброту, была особой съ совершенно ничтожнымъ характеромъ. Вотъ потому-то грубость и произволъ кл. дамъ, особенно въ младшихъ классахъ, проявлялись при ней съ такою жестокостью, какъ ни при какой другой инспектрисѣ.

Не было примѣра, чтобы самая отчаянная воспитанница когда-нибудь сказала «maman» какую нибудь дерзость. Да она никогда и не вызывала на это: со всѣми нами она обращалась въ высшей степени вѣжливо и деликатно, а дежурнымъ (двѣ воспитанницы старшаго класса по очереди сидѣли въ ея комнатахъ въ внѣурочное время для разныхъ порученій, напримѣръ, позвать къ ней ту или другую кл. даму или передать что-нибудь отъ ея имени) она выказывала лишь ласку и вниманіе. Хотя она ни въ одной области жизни воспитанницъ не приносила существенной пользы, но онѣ любили ее уже за одно то, что она представляла полную противоположность кл. дамамъ, и къ тому же, будучи умственно неразвитыми, мы какъ-то мало думали и разговаривали о томъ, кто виноватъ въ нашемъ тяжеломъ положеніи.

Пріемъ родственниковъ происходилъ у насъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ съ часу до трехъ и по четвергамъ съ шести до восьми часовъ вечера. Воспитанницы, ожидавшія родственниковъ, расхаживали по парамъ вокругъ зала, гдѣ сидѣли тѣ изъ нихъ, къ которымъ уже пришли родные. Посреди залы прогуливались дежурныя дамы и пробѣгали дежурныя воспитанницы.

Въ первые годы моей институтской жизни меня посѣщалъ мой дядя съ своею женою,—единственные родственники, которые были у меня тогда въ Петербургѣ. Эти посѣщенія приводили меня въ восторгъ. Матеріальное положеніе моей матери было крайне тяжелое въ это время: 4 руб. въ годъ, которые она высылала мнѣ, всѣ безъ остатка уходили на покупку главныхъ моихъ потребностей, да и ихъ далеко не хватало даже на это, а о томъ, чтобы затратить хотя нѣсколько копѣекъ на увеличеніе моего скуднаго пищевого пайка, я уже не смѣла и думать. Но меня еще болѣе угнетала мысль, что моя бѣдность замѣтна для всѣхъ, что на меня съ презрѣніемъ смотрятъ за это кл. дамы. Даже въ самую откровенную минуту съ наиболѣе любимыми подругами, я никогда никому ни единымъ словомъ не проговаривалась о тяжеломъ матеріальномъ положеніи моей семьи. Посѣщеніе меня богатыми родственниками сильно помогало мнѣ сбивать съ толку окружающихъ насчетъ моего матеріальнаго положенія, но, конечно, потому только, что кл. дамы и подруги судили о достаткахъ людей по внѣшности, не имѣя представленія объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мой дядя, важный генералъ, грудь котораго была украшена бриллiантовой звѣздой и орденами, и его жена, въ модномъ туалетѣ,—пріѣзжали ко мнѣ въ блестящей каретѣ, на собственныхъ лошадяхъ и съ лакеемъ на запяткахъ, который въ то время, когда они сидѣли у меня, стоялъ въ нашей передней, нагруженный ихъ верхнимъ платьемъ... О, все это такъ импонировало въ институтѣ, производило такой фуроръ, что кл. дамы не рѣшались съ улыбкой сожалѣнія или презрѣнія, какъ онѣ это дѣлали относительно нѣкоторыхъ моихъ подругъ, высказывать мнѣ замѣчанія насчетъ моего

дяди, а между тѣмъ онъ своимъ поведеніемъ то и дѣло нарушалъ правила институтскихъ обычаевъ. Наши родственники въ пріемной должны были разговаривать съ нами тихо или вполголоса, мой же дядя, будучи человѣкомъ въ высшей степени экспансивнымъ (за что онъ позже понесъ чувствительнѣйшую для себя кару отъ государя, котораго обожалъ и которому служилъ, какъ вѣрный и честный рабъ) и смѣшливымъ, не только громко разговаривалъ со мной, но отъ времени до времени его неудержный смѣхъ гулко прокатывался по всей залѣ. «А, это кто же такой? Да, вѣдь, это настоящая жаба!»—вдругъ вскрикивалъ онъ. Я наклонялась къ дядюшкѣ и начинала объяснять ему, что это кл. дама, что если это дойдетъ до ея ушей, мнѣ сильно достанется отъ начальства. «Начальство? Это твоеначальство?» —И дядюшка сейчасъ же мѣнялъ тонъ. Хотя глаза его продолжали смѣяться, но онъ строго говорилъ мнѣ, грозя пальцемъ: «Смотри у меня, Элизэ!.. Начальство—уважать прежде всего! Чтобы никто о тебѣ дурного слова мнѣ не сказалъ». Однако, это не мѣшало моему легкомысленному дядюшкѣ сейчасъ же дѣлать вслухъ новое, еще менѣе лестное замѣчаніе о какой-нибудь другой кл. дамѣ. Зато неизмѣнно восторгался онъ внѣшностью нашей представительной, красивой инспектрисы и однажды, не будучи въ силахъ совладать съ своими чувствами, подошелъ къ ней и съ величайшей галантностью выразилъ ей свое почтеніе. Какъ бы то ни было, но въ то время, когда другимъ воспитанницамъ, послѣ посѣщенія родственниковъ, кл. дамы зачастую дѣлали замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Извольте предупредить вашего брата, что у насъ не принято разговаривать такъ громко; потрудитесь передать ему, что это крайне неприлично!..»—мнѣ никто никогда ничего подобнаго не говорилъ.

Посѣщенія дяди доставляли мнѣ удовольствіе не только потому, что онъ являлся ко мнѣ въ блескѣ военнаго величія и богатства, и не потому, что онъ приносилъ мнѣ бездѣлушки, въ родѣ красивыхъ альбомовъ и шкатулочекъ, и дорогіе конфекты, но и потому, что, будучи добрымъ человѣкомъ и прекраснымъ родственникомъ, онъ былъ ко мнѣ очень нѣженъ, и я чувствовала всю искренность его привязанности. Къ тому же, въ то время, когда мои подруги жаловались на то, что ихъ родственники не интересуются «институтскими исторіями», дядя подстрекалъ меня разсказывать ихъ, и въ такія минуты то и дѣло раздавался его раскатистый смѣхъ.

Когда шелъ второй годъ послѣ того, какъ я перешла въ старшій классъ, дядя какъ-то письменно извѣстилъ меня о томъ, что мой младшій братъ, окончивъ курсъ въ провинціальномъ корпусѣ, переведенъ въ петербургскій дворянскій полкъ, что теперь онъ будетъ часто посѣщать меня и въ первый воскресный пріемъ явится ко мнѣ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ тотъ день, когда я, ожидая родственниковъ, вошла въ залу, дядя уже направлялся ко мнѣ, а сзади него слѣдовалъ молодой че-

ловѣкъ,—я поняла, что это былъ мой братъ. Когда онъ поднялъ на меня глаза, я тотчасъ узнала его, хотя долго не видала, моментально вспомнила нашу жизнь въ деревнѣ, подъ родительскимъ кровомъ, и къ моему сердцу, окаменѣвшему въ болотной атмосферѣ казенщины, вдругъ неожиданно для меня самой прилила теплая струйка крови, и я, забывъ институтскій этикетъ, со слезами бросилась въ его объятья.

— Ты знаешь,—обратился дядя къ брату, когда мы нѣсколько успокоились послѣ первыхъ минутъ свиданія,—онѣ вѣдь здѣсь обожаніями занимаются... обожаютъ даже сторожей, ламповщиковъ...

Превратившись въ настоящую институтку, я, съ институтскимъ гоноромъ и съ институтскими понятіями о чести, энергично отрицала это обвиненіе, съ наивною гордостью выставляя на видъ, что у насъ никто еще никогда не обожалъ никого ниже дьякона, что все это могло быть въ другихъ институтахъ, но никакъ не у насъ.

— Да, это безподобно!—хохоталъ дядя.—Чѣмъ же выражается у васъ это обожаніе?

Я начала разсказывать о томъ, какія слова кричатъ обожаемымъ учителямъ, какъ имъ обливаютъ пальто и шляпу духами, и при этомъ указала, что воспитанница, сидѣвшая въ ту минуту близко отъ насъ, обожаетъ учителя рисованія, что у него подъ носомъ пятно отъ табака, что онъ нюхаетъ его, какъ только выходитъ изъ класса, а на лбу у него громадная грязная бородавка.

— Какъ, вы обожаете и безобразныхъ, и старыхъ, и даже неопрятныхъ?

Я очень удивилась такому вопросу и объяснила, что, кромѣ такихъ учителей, у насъ и нѣтъ почти другихъ.

— Ну, а священнику какъ вы выражаете свое обожаніе?

— Адоратрисы въ первый день Пасхи вмѣсто яицъ дарятъ ему красиво вышитые шелками мячики, натираютъ духами губы, когда христосуются съ нимъ... При этомъ я сообщила, какъ одна воспитанница призналась священнику на исповѣди, что она обожаетъ его, какъ Бога. Онъ разсердился на нее, сказалъ, что она превращаетъ исповѣдь въ забаву, и объявилъ, что лишаетъ ее причастія. Она испугалась, что это узнаютъ кл. дамы, умоляла его простить ее и не выходила изъ исповѣдальни до тѣхъ поръ, пока не выпросила у него прощенія,

— Какъ это все нелѣпо, глупо и пошло!—вдругъ произнесъ мой братъ. Дядя очень разсердился на него за эту ненужную съ его стороны серьезность и просилъ его оставить въ неприкосновенности мою наивность. Чтобы дискредитировать брата въ моихъ глазахъ, дядя, хотя и шутливо, сообщилъ мнѣ, что этотъ мой второй братъ и въ подметки не годится старшему,

который оказывается настоящимъ бравымъ офицеромъ, лихимъ служакою, дамскимъ кавалеромъ, чудеснымъ танцоромъ, а потому, навѣрно, сдѣлаетъ блестящую военную карьеру. Что же касается второго брата, то, по словамъ дяди, онъ напрасно и числится военнымъ, такъ какъ день и ночь корпитъ за книгами. Онъ тутъ же началъ совѣтовать ему перейти въ военную академію, просилъ не навязывать мнѣ книгъ, не «развивать меня», какъ это дѣлаютъ теперь многіе молодые люди, и говорилъ, что это совсѣмъ не нужно дѣвушкѣ, что ее за это назовутъ только «синимъ чулкомъ».

Я успокоила дядю, говоря, что не люблю читать, что наше начальство совсѣмъ не обращаетъ вниманія на наше ученіе, что оно слѣдитъ только за нашимъ поведеніемъ.

— Такъ и нужно... хвалю ваше начальство!.. Очень хвалю! Дѣйствительно, дѣвушкѣ нужна только нравственность...

Какъ только мы остались вдвоемъ съ братомъ, онъ замѣтилъ, что для дочерей дяди, какъ для богатыхъ дѣвушекъ, можетъ быть, и ничего не нужно болѣе, какъ только заботиться о своей нравственности, но что мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, очень даже не вредно подумывать о томъ, чтобы запастись знаніями.

Эти разсужденія брата мнѣ напомнили внушенія матери о бѣдности, которыя она такъ часто любила дѣлать намъ, своимъ дѣтямъ, о чемъ я въ институтѣ старалась забыть, и уже почти достигла этого. И вдругъ братъ, который навѣстилъ меня въ первый разъ послѣ долгой разлуки, напоминаетъ мнѣ объ этомъ. Замѣчанія брата какъ-то сразу охладили мое теплое, родственное чувство къ нему, явившееся у меня при встрѣчѣ съ нимъ въ первую минуту. На его вопросъ, что мы проходимъ у преподавателя словесности, я съ гордостью отвѣчала ему, что Лермонтовъ изложенъ у насъ на 18 страницахъ, а Пушкинъ даже на тридцати двухъ. Изъ отвѣтовъ, которые я давала брату (чтобы не показать ему съ перваго же раза моего неудовольствія на него), онъ пришелъ къ правильному заключенію, что я не читала ни одного произведенія нашихъ классиковъ. «Какой у васъ дурацкій учитель литературы! Вы, видимо, и выучились здѣсь только обожанію!» Хотя я тяжело страдала отъ уклада институтской жизни и отъ всего его режима, но міазмы стоячаго институтскаго болота уже достаточно пропитали мой организмъ, и я считала низостью спустить брату его оскорбительное замѣчаніе объ институтѣ, которымъ я гордилась, несмотря ни на что, и объ учителѣ, котораго мы считали геніальнымъ, а потому высокомѣрно возражала ему: «должно быть, не всѣ такого же мнѣнія, какъ ты, о нашемъ институтѣ, такъ какъ онъ всюду считается первоклассным въ Россіи!.. А нашъ преподаватель словесности и литературы Старовъ — знаменитый поэтъ, передъ которымъ преклоняются даже такія дуры, какъ наши кл. дамы.»

— Такого знаменитаго поэта въ Россіи нѣтъ, и кл. дамы преклоняются передъ нимъ только потому, что онѣ дуры...

Это было уже слишкомъ, и я вскочила, чтобы бѣжать отъ него, не простившись. Но братъ во-время схватилъ меня за руки. Онъ долго и нѣжно уговаривалъ меня, просилъ меня извинить его и, въ концѣ концовъ, заявилъ, что я непремѣнно должна заниматься чтеніемъ, что онъ будетъ носить мнѣ книги. Я наотрѣзъ отказалась отъ этого предложенія, говоря, что у насъ столько переписки, столько обязательныхъ занятій, что у меня нѣтъ свободной минуты. И видя, что я все порываюсь уйти, братъ перемѣнилъ тему разговора. Онъ сталъ разсказывать мнѣ о томъ, какъ матушка уже теперь мечтаетъ пріѣхать за мной въ Петербургъ, какъ она давно копитъ для этого деньги, откладывая по рублю и по два въ мѣсяцъ, что это такъ трудно и дорого для нея.

— Такія жертвы! Зачѣмъ?—вдругъ вырвалось у меня помимо воли.

— Какъ зачѣмъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ братъ.—Ты даже послѣ долгой разлуки не желаешь увидѣть свою родную мать?

— Конечно, я желаю видѣть маменьку... Но если это такъ трудно для нея... Въ такомъ случаѣ дядя, вѣроятно, согласился бы взять меня къ себѣ... Пожалуйста, уговори ее не пріѣзжать ко мнѣ... Право же, это вовсе не нужно. Увѣряю тебя, что я устроюсь...

Мой братъ заподозрилъ, что я имѣю какія-нибудь вѣскія причины отказываться отъ пріѣзда матушки, началъ ловко выспрашивать меня, и я откровенно высказалась по этому поводу. Я напомнила ему о томъ, что матушка не только не стыдилась бѣдности, но чуть не хвасталась ею... Здѣсь же на это иначе смотрятъ. Что же дѣлать... Не всѣ могутъ быть одинаковаго убѣжденія, не всѣ находятъ, что бѣдность—такое счастье, которымъ можно хвастаться! Вотъ если матушка пріѣдетъ брать меня изъ института, она, навѣрно, явится сюда въ тѣхъ же платьяхъ, которыя у нея были тогда, когда она привозила меня. А вѣдь съ тѣхъ поръ моды совсѣмъ измѣнились!..—Какъ ты думаешь?—обратилась я къ брату,—очень мнѣ пріятно будетъ, когда ее станутъ высмѣивать здѣсь за ея туалеты?

— Довольно!—вдругъ произнесъ братъ съ страшнымъ гнѣвомъ, рѣзко отодвигая свой стулъ. — Такъ вотъ чему тебя научили здѣсь!—Онъ весь побагровѣлъ и вышелъ, не простившись со мной.

Я не только не понимала всей глубины пошлости, сказанной мною, но и не умѣла хорошенько разобраться даже въ томъ, за что, собственно, такъ разсердился мой братъ, но я все-таки страдала отъ разрыва съ нимъ, причинявшаго мнѣ боль и какое то безпокойство. Всю вину за эту ссору я сваливала на него. «Какъ это дико», думала я, «онъ требуетъ, чтобы всѣ въ институтѣ

придерживались такого же мнѣнія, какъ наша матушка». Я нашла, что мои подруги были вполнѣ справедливы, когда утверждали, что родственники вообще и всѣ живущіе внѣ нашего института никогда не могутъ вполнѣ понять институтку. Но это открытіе не доставило мнѣ ни малѣйшаго утѣшенія, и сердце начинало ныть каждый разъ, когда я думала, что самый близкій мнѣ человѣкъ въ Петербургѣ, мой родной братъ, не будетъ болѣе навѣщать меня.

Когда черезъ недѣли двѣ послѣ этого мнѣ сообщили, что онъ пришелъ ко мнѣ, сердце такъ стучало отъ радости, что въ первую минуту я даже не могла говорить съ нимъ. Онъ не вспоминалъ нашего послѣдняго разговора, а я въ благодарность за это давала ему подробнѣйшія свѣдѣнія и объясненія на его вопросы о преподаваніи у насъ каждаго предмета. На этотъ разъ наше свиданіе прошло совершенно миролюбиво, и братъ началъ посѣщать меня почти каждую недѣлю. Правда, отъ времени до времени, меня бѣсили его насмѣшки надъ моими институтскими выраженіями, взглядами и выходками, и у насъ выходили маленькія стычки, но наши свиданія уже не кончались формальною ссорою, и я все болѣе привязывалась къ нему. Однажды онъ заявилъ мнѣ, что слѣдующія двѣ-три недѣли будетъ сильно занятъ и не можетъ приходить ко мнѣ. И вдругъ, несмотря на это, въ первое-же воскресенье, когда уже оставалось не болѣе получаса до окончанія пріема, воспитанницы закричали, что ко мнѣ пришли. Сбѣжавъ съ лѣстницы, я только что собиралась войти въ залу, когда m-elle Тюфяева загородила мнѣ дорогу.

— Кто пришелъ къ тебѣ?—спросила она.

— Вѣроятно, дядя или братъ, который ходилъ ко мнѣ всю зиму.

— А еще ты никого не ждешь?

— Никого,—отвѣчала я и бросилась впередъ, не замѣчая, что и она идетъ сзади по моимъ слѣдамъ. Да это и трудно было замѣтить за массою публики у входа въ залу, изъ которой уже многіе выходили, простившись съ своими родственницами. Не успѣла я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидѣла своего младшаго брата.—Рекомендую тебѣ моего большого пріятеля, сказалъ онъ мнѣ, указывая глазами на стоявшаго подлѣ него красиваго, стройнаго офицера. Я отвѣсила ему реверансъ.—Этотъ молодой человѣкъ,—продолжалъ братъ,—давно стремился познакомиться съ тобою...—Отвѣтомъ на это съ моей стороны былъ опять реверансъ.

— Я много слышалъ о строгихъ нравахъ вашего института,—заговорилъ офицеръ,—но мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ сестрой моего лучшаго друга, и я подъ его покровительствомъ рѣшился проникнуть въ вашъ строгій монастырь.—Я опять отвѣсила ему чинный реверансъ.

— Боже мой, сестренка, неужели ты не узнаешь меня, твоего

старшаго брата? Неужели я такъ измѣнился?—Мистификація кончилась, мы, наконецъ, обнялись и усѣлись по мѣстамъ.

Мой старшій братъ, совершенно неожиданно даже для себя, только утромъ въ этотъ день пріѣхалъ въ Петербургъ, остановился у дяди, который и далъ свой экипажъ, чтобы братья навѣстили меня. Они очень торопились кончить свой визитъ, такъ какъ должны были возвратить экипажъ дядѣ, который ѣхалъ куда-то по спѣшному дѣлу, а потому намъ удалось посидѣть вмѣстѣ очень недолго.

Какъ только послѣ свиданія съ братьями я успѣла подняться въ свой дортуаръ, передо мной выросла m-elle Тюфяева и, грозно указывая на меня трагическимъ жестомъ, закричала во все горло: «Я всѣмъ вамъ строго запрещаю приближаться и разговаривать съ этою грязною тварью! Она опозорила наше честное заведеніе!»

— Какъ, я?—не понимая въ чемъ дѣло, пораженная ужасомъ и изумленіемъ, спрашивала я только потому, что Тюфяева прямо указывала на меня.

— Ахъ ты, фокусница! Нѣтъ, сударыня моя, ты прекрасно знаешь, что ты настоящая чума института! Но теперь, слава Богу, отъ тебя избавятся навсегда...—И, снова обращаясь къ воспитанницамъ, продолжала:—Она сама, понимаете, сама сказала мнѣ (при этомъ ладонью руки она ударяла себя въ грудь), что ждетъ своего дядю или брата, которыхъ мы знаемъ. Я собственными ушами слышала (она подняла обѣ руки къ ушамъ), какъ ея братъ, указывая на приведеннаго имъ офицера, рекомендовалъ его, какъ своего товарища, какъ этотъ офицеръ говорилъ ей, что онъ боялся проникнуть въ нашъ строгій институтъ, и рѣшился на это только при благосклонномъ покровительствѣ ея братца. А эта дрянь, дѣйствительно, сначала отвѣшивала ему только реверансы, а потомъ нашла это лишнимъ и бросилась въ его объятья... Сама видѣла, какъ они цѣловались въ засосъ, какъ они нѣсколько разъ принимались цѣловаться!.. И все это на моихъ глазахъ!.. Я, не отходя, наблюдала ихъ! Почти все время стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ...

— Это ложь! Подлая ложь! Вначалѣ я, дѣйствительно, не узнала старшаго брата... Я не видѣла его болѣе пяти лѣтъ... А когда узнала...

— Молчать, сволочь, паршивая овца, чума, зараза!—И она, какъ изъ рога изобилія, продолжала осыпать меня французскими и русскими ругательными словами, а отъ времени до времени подскакивала ко мнѣ, топала на меня ногами и кричала: «Я сейчасъ же доложу обо всемъ инспектрисѣ!..» и быстро вышла изъ дортуара.

Въ это время мы были уже въ старшемъ классѣ, и никто изъ моихъ подругъ не придалъ значенія тому, что она только что

запретила разговаривать со мной. Напротивъ, всѣ окружили меня и начали обсуждать «событіе». Ни одна воспитанница не усомнилась въ умышленной клеветѣ Тюфяевой: поцѣловать чужого мужчину, да еще при оффиціальной обстановкѣ, а тѣмъ болѣе въ пріемные часы,—это было просто немыслимо для кого бы то ни было. Какъ я, такъ и мои подруги были одинаково убѣждены въ томъ, что доносу Тюфяевой начальство хотя и не повѣритъ, но очень обрадуется, какъ удобному предлогу вышвырнуть меня изъ института.

— Несчастная! Какъ ты рѣшилась на такой ужасъ?—вскричала инспектриса, входя въ дортуаръ въ сопровожденіи Тюфяевой.

— Это ложь, maman! Клянусь Богомъ, это клевета! M-elle Тюфяева давно искала случая меня погубить!—рыдала я.

— Какъ ты осмѣливаешься говорить мнѣ это про твою почтенную наставницу?

Въ ту же минуту нѣкоторыя изъ моихъ подругъ окружили m-me Каро и повторяли ей на всѣ лады: «Maman! Maman! Это былъ ея братъ! Она его не узнала въ первую минуту»...

— Молчать!—дала окрикъ Тюфяева.—Видите ли, m-me,—говорила она, обращаясь къ инспектрисѣ,—какое безнравственное вліяніе имѣетъ она на свой дортуаръ! Онѣ перебиваютъ даже васъ!..

Но тутъ колоколъ позвонилъ къ обѣду. Это, вѣроятно, нѣсколько облегчило непріятное положеніе нашей безхарактерной maman. Уходя, она обернулась ко мнѣ и произнесла: «Когда ты обдумаешь свой ужасающій поступокъ и признаешь, какъ все это было скверно съ твоей стороны, ты можешь прійти ко мнѣ сознаться въ этомъ, а иначе я не хочу и разговаривать съ тобой...

— Но я клянусь всѣмъ святымъ, maman, что это былъ мой родной братъ! Я не могу сознаться въ томъ, чего я не дѣлала,—говорила я, обливаясь слезами.

— А я передъ образомъ клянусь вамъ, madame,—и Тюфяева повернулась въ уголъ, гдѣ висѣлъ образъ,—что все, что я сказала вамъ, истинная правда: все это я видѣла собственными глазами, слышала собственными ушами. Увижу, madame, кому вы повѣрите: мнѣ ли, безпорочно прослужившей здѣсь болѣе 36 лѣтъ, или этой грязной дѣвчонкѣ, родной братъ которой приводитъ къ ней...

— О, m-elle Тюфяева!—торопилась перебить ее совершенно растерянная m-me Каро, хватая себя за голову и поспѣшно направляясь къ себѣ.

Воспитанницы строились въ пары. Когда я подошла къ подругѣ, съ которою должна была ходить въ парѣ, Тюфяева подскочила ко мнѣ и рванула меня за руку прочь отъ нея: «Никогда

не посмѣешь больше ходить съ другими! Всегда одна... и сзади всѣхъ... какъ настоящая зараза!»

— Іуда! Клеветница! Клятвопреступница! Не смѣть до меня дотрогиваться!—кричала, въ свою очередь, я въ изступленіи, не помня себя отъ раздраженія.

— Все, все это будетъ доложено начальницѣ!—шипѣла Тюфяева.

— Даже и то, чего нѣтъ!—громко хохотала Ратманова.

M-elle Тюфяева, желавшая изолировать меня отъ остальныхъ воспитанницъ, должно быть, забыла отъ раздраженія помѣстить меня за отдѣльнымъ столомъ, или, по крайней мѣрѣ, поставить меня между колоннъ, и я сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ. «Какой ударъ нанесетъ моей матери и сестрѣ мое удаленіе изъ института! Да... для меня все теперь потеряно, но я, по крайней мѣрѣ, должна защищать свою честь до послѣдней капли крови!»—рѣшила я. Но вотъ сосѣдка подъ столомъ нажимаетъ мою ногу и подсовываетъ записку подъ мой ломоть хлѣба, но такъ, чтобы мнѣ видно было написанное. Я читаю: «Тебя все равно на-дняхъ выгонятъ отсюда, пожалуйста, очень тебя просимъ, надерзи, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы стѣны трещали». Меня это бѣситъ. Я злобно толкаю руку, которая протягиваетъ мнѣ уже новую записку. «Эгоистки! Вмѣсто того, чтобы пожалѣть меня, невинно опозоренную на всю жизнь, онѣ только думаютъ о себѣ, мѣшаютъ даже сообразить, что дѣлать!»

Когда мы возвращались изъ столовой въ классъ (я одна позади другихъ) и проходили мимо узкаго корридорчика, который велъ въ покои инспектрисы, Тюфяева пропустила всѣхъ передъ собою и встала у самаго входа въ комнаты maman, точно желая преградить мнѣ дорогу къ ней. Этимъ она, сама того не подозрѣвая, дала неожиданный толчокъ моей мысли. Когда я, усѣвшись на классную скамейку, начала вынимать изъ пюпитра книги, но не для того, чтобы учиться, а чтобы что-нибудь имѣть передъ собой, Тюфяева закричала мнѣ: «Не утруждай себя ученьемъ!.. На-дняхъ, моя драгоцѣнная, тебя выгонятъ отсюда съ позоромъ... Въ свидѣтельствѣ будетъ прописано, за какія дѣла тебя выгнали. Ну, а теперь—сюда! Передникъ долой и стоять у доски до чая!» Я безпрекословно исполнила ея приказаніе. Вдругъ, среди гробовой тишины, раздался голосъ Ратмановой: «Удивительно, какъ нѣкоторыя личности не могутъ достаточно утолить свою злобу».

Тюфяева не пожелала принять этого изреченія на свой счетъ, проскрипѣла на французскомъ и русскомъ языкахъ еще нѣсколько ругательствъ по моему адресу и побѣдоносно вышла изъ класса пить свой кофе,—это означало, что мы, по крайней мѣрѣ часъ, будемъ наслаждаться ея отсутствіемъ. Я взяла мѣлъ и написала на классной доскѣ: «Согласно вашему заявленію и благодаря вашей грязной клеветѣ, я считаю себя уже уволенной изъ института, а

потому и не нахожу нужнымъ долѣе подвергать себя вашему тиранству».

— Молодецъ, молодецъ!—кричала Ратманова, бросаясь ко мнѣ, схватила меня за талію и начала кружить въ вальсѣ. Я вырвалась отъ нея, надѣла передникъ и побѣжала къ инспектрисѣ.

— Maman!—и я съ воплемъ бросилась передъ ней на колѣни.— Вы одна можете меня защитить! Умоляю, будьте мнѣ родною матерью!

— Боже мой! Что же я могу сдѣлать? Я просила m-elle Тюфяеву отложить эту исторію хотя на нѣсколько дней, подождать докладывать начальницѣ, но развѣ m-elle Тюфяева послушается кого-нибудь! Напротивъ, дитя мое, ты одна не только можешь помочь себѣ въ этомъ дѣлѣ, но и меня избавить отъ очень многихъ непріятностей... Если ты, при твоемъ строптивомъ нравѣ, бросишься на колѣни не передо мною, а передъ m-elle Тюфяевой, будешь умолять ее простить тебя за всѣ грубости и дерзости, которыя ты ей дѣлала, искренно пообѣщаешь ей исправиться, она тронется... Да, да, я увѣрена, что она тронется твоимъ раскаяніемъ...

Страшная душевная тревога, вызвавшая лихорадку, такъ что я минутами не могла попасть зубъ на зубъ, уже нѣсколько часовъ удручала меня, а теперь еще новое предложеніе инспектрисы, столь унизительное, какъ мнѣ казалось, для моего человѣческаго достоинства, возмутило меня до послѣдней степени. Я, какъ ужаленная, вскочила съ колѣнъ. Это новое оскорбленіе притянуло къ моему сердцу всю кровь организма, всю горечь жестокихъ обидъ, весь огонь негодованія моего вспыльчиваго и неуравновѣшеннаго темперамента. Я совсѣмъ забыла объ обязательномъ этикетѣ относительно испектрисы и о своемъ безправномъ, рабскомъ положеніи; къ тому же, меня не оставляла мысль, что мнѣ нечего болѣе терять, и я безстрашно начала говорить все, что приходило мнѣ въ голову.

— Maman! Вы требуете, чтобы я просила прощенія, но какъ просить прощенія въ томъ, въ чемъ я не считаю себя виноватой? Вы совѣтуете упасть на колѣни передъ особой, которую презираютъ всѣ воспитанницы безъ исключенія, а я, кажется, еще больше другихъ... Я скорѣе дамъ разрѣзать себя на куски, но этого не сдѣлаю! Да и къ чему? Вы говорите: «проси прощеніе за грубости»,—но вѣдь теперь-то m-elle Тюфяева обвиняетъ меня не за нихъ. Вы даже сами не можете произнести того, за что она меня обвиняетъ, слѣдовательно, сами не вѣрите въ справедливость ея обвиненія. Я знаю, меня вышвырнутъ отсюда... M-elle Тюфяева повторяетъ мнѣ это каждую минуту, но за такую клевету я отомщу всѣмъ, всѣмъ безъ исключенія! Я даю клятву Богу, что отдамъ всю свою жизнь на то, чтобы отомстить всѣмъ, всѣмъ... Мой дядя всегда можетъ имѣть аудіенцію у государя... Я черезъ него подамъ просьбу государю... И дядя разскажетъ ему, какъ здѣсь, вмѣсто

того, чтобы защищать молодыхъ дѣвушекъ, на нихъ взводятъ небылицы и выгоняютъ съ позоромъ!—Мнѣ показалось, что инспектриса вздрогнула при этихъ словахъ, но я не могла остановиться, не могла замолчать.—И здѣсь нѣтъ никого, кто бы защищалъ насъ!.. Даже вы... вы, maman, которую считаютъ самою умною и образованною, самою доброю, даже вы не желаете меня защитить, хотя прекрасно знаете, что я ни въ чемъ не виновата!

Спазмы давили мнѣ горло отъ рыданій, я не могла болѣе говорить, опять бросилась на колѣни передъ нею, опять повторяла то же самое на разные лады. Инспектриса молчала—потому ли, что сознавала справедливость моихъ словъ, или потому, что считала дерзостью все сказанное мною,—мои заплаканные глаза не могли видѣть выраженія ея лица, но ея дрожащія руки вдругъ опустились на мою голову, и я инстинктивно поняла, что она не считаетъ дерзостью сказанное мною. Я припала къ ея колѣнямъ и стала цѣловать ея руки со стономъ: «О maman, maman!» Наступило молчаніе, прерываемое только моимъ судорожнымъ всхлипываніемъ. Наконецъ, она проговорила, продолжая гладить мои волосы своими дрожащими руками:

— А вѣдь я до сихъ поръ совсѣмъ не знала тебя! Горячка, горячка! Ахъ, дитя, твой пылкій нравъ, доходящій до изступленія, много горя, много слезъ готовитъ тебѣ въ будущемъ! Я понимаю, почему тебя такъ ненавидятъ классныя дамы, почему произошла эта исторія именно съ тобою, а не съ кѣмъ другимъ...—Она положительно не могла назвать того, что произошло сегодня, и сама, вѣроятно, не соображала, что, говоря такимъ образомъ, она этимъ самымъ подтверждаетъ, что не вѣритъ взведенной на меня клеветѣ.—Видитъ Богъ, что, при всемъ желаніи, я рѣшительно ничего не могу тутъ сдѣлать!

Вдругъ у меня блеснула счастливая мысль написать дядѣ и просить его объяснить m-me Каро, кто у меня былъ сегодня на пріемѣ. Я высказала ей это, и она, подумавъ, отвѣчала, точно обрадовавшись: «Что же, напиши... Можетъ быть, это даже будетъ самымъ лучшимъ исходомъ для насъ всѣхъ... Я отправлю твое письмо съ горничной на извощикѣ, но, конечно, только въ томъ случаѣ, если ты сумѣешь написать его безъ какихъ бы то ни было неделикатныхъ выраженій по отношенію къ m-elle Тюфяевой».

Мое письмо было кратко и объективно: я сообщала дядѣ о посѣщеніи меня братьями и объясняла ему, какъ и почему явилось подозрѣніе у m-elle Тюфяевой, что мой старшій братъ совершенно посторонній для меня человѣкъ. Я умоляла дядю выяснить это дѣло сегодня же, такъ какъ m-elle Тюфяева заявила мнѣ, что я за пріемъ чужого офицера, котораго, къ тому же, поцѣловала, буду немедленно уволена изъ института.

Когда я дописывала послѣднія строки, въ комнату вошла m-me Каро: «видишь ли, мое дитя, какъ ты наивна! Ты воображаешь

меня такой всесильной, а я даже не могла упросить m-elle Тюфяеву, чтобы она подождала съ этой исторіей хотя до завтра.. Она уже отправилась къ начальницѣ».

Хотя инспектриса внимательно прочитала мое письмо, но не сдѣлала никакихъ возраженій и моментально запечатала его, дала горничной на извощика и приказала ей, не теряя ни минуты, отвезти его и вернуться обратно съ отвѣтомъ.

Нѣсколько успокоенная, я отправилась въ дортуаръ, гдѣ подруги разсказали мнѣ, какъ Тюфяева, возвратившись въ классъ, замѣтила, что меня не было у доски, какъ она нѣсколько разъ прочитала мое посланіе къ ней и объявила, что она сейчасъ же отправляется къ начальницѣ доложить обо всемъ происшедшемъ.

Когда воспитанницы ушли въ столовую пить чай, я опять направилась къ инспектрисѣ. Наконецъ, возвратилась и горничная. Когда она, по ея словамъ, подъѣхала къ подъѣзду квартиры, занимаемой моимъ дядею, онъ садился въ карету, чтобы ѣхать куда-то. Онъ взялъ письмо и пошелъ съ нимъ наверхъ къ себѣ. Когда онъ опять вышелъ на подъѣздъ, то приказалъ горничной передать инспектрисѣ о томъ, что онъ ѣдетъ къ начальницѣ, а затѣмъ явится къ ней. При этомъ онъ закричалъ кучеру: «гони!»

Я цѣлую вѣчность, какъ мнѣ показалось, бродила по корридору, поджидая дядю. Наконецъ, я увидала, что онъ поднимается наверхъ.

— Это что за грязная исторія?—строго спросилъ онъ меня, точно я была въ ней виновата.

— Дядюшечка, дорогой! Пожалуйста, тише... Насъ могутъ услышать...—и я быстро передала ему все, какъ было дѣло.

— Знаешь ли ты, глупая, что твои бабы могли меня скомпрометировать? Нѣтъ, этого я имъ не спущу!—и, нагибаясь къ моему уху, онъ прибавилъ:—Твоей начальницѣ я уже наступилъ на хвостъ... повизжитъ! Просто идолъ какой-то!.. Эту египетскую мумію въ музей надо, а не двумя институтами управлять!..—и онъ началъ хохотать такъ, что все его грузное тѣло сотрясалось.

Дядюшкинъ смѣхъ былъ услышанъ въ комнатахъ инспектрисы, и къ намъ выскочила горничная, вѣроятно, для того, чтобы посмотрѣть, кто пришелъ. Я потянула дядю за руку, и мы вошли. При нашемъ появленіи maman поднялась и, протягивая руку дядѣ, начала говорить о томъ, какъ она рада, что онъ поторопился пріѣхать. Вѣроятно, теперь выяснится этотъ прискорбный случай, который...

Дядя болѣе привыкъ командовать полкомъ, кричать, распоряжаться, чѣмъ вести свѣтскую бесѣду. Къ тому же, онъ былъ взбѣшенъ всѣмъ этимъ дѣломъ.

— Это не прискорбный случай, сударыня, а прямо, можно сказать... грязь! Я уже предупредилъ начальницу Леонтьеву, а теперь честь имѣю доложить вамъ, что буду считать долгомъ... священнымъ долгомъ довести все это до государя императора.

Моя жена—урожденная княгиня Б., почтенная мать семейства, самое миролюбивое существо, но и она пришла въ негодованіе, прочитавъ письмо племянницы. Она говоритъ, что порядочная воспитательница, заподозривъ дѣвочку въ такомъ преступленіи, не должна была обмолвиться ей объ этомъ ни единымъ словомъ, даже виду не показать, а обязана была моментально написать мнѣ, ея дядѣ, и сообщить о подозрѣніяхъ, закравшихся у нея, требовать у меня объясненія относительно молодыхъ людей, посѣтившихъ дѣвочку. Но г-жа Тюфяева поступила какъ разъ наоборотъ: съ мѣста въ карьеръ она набросилась на племянницу и начала уличать ее въ преступленіи. А знаете-ли, сударыня, какія бы послѣдствія могло имѣть это дѣльце? Оно надѣлало бы много шуму въ городѣ, меня оно обрызгало бы грязью, а ея женская честь была бы загублена навѣкъ!.. При блаженной памяти имп. Елизаветѣ Петровнѣ,—мудрѣйшая была государыня!—такой особѣ, какъ г-жа Тюфяева, отрѣзали бы языкъ...

— Генералъ, генералъ, ваше превосходительство! У насъ не принято при воспитанницахъ такъ отзываться объ ихъ воспитательницахъ!

Вдругъ дядюшка быстро и сердито обратился въ мою сторону и закричалъ на меня во все горло: «Какъ ты смѣешь, пострѣленокъ, тутъ торчать? Смѣй у меня не уважать начальство!»

Я, какъ ошпаренная, выскочила въ другую комнату, но ничего не потеряла изъ интереснаго для меня разговора. Голосъ дядюшки раздавался на всю квартиру.

— Но чѣмъ же я виновата въ этой исторіи? Я умоляла m-elle Тюфяеву не поднимать ея, не докладывать о ней начальницѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней, но все было напрасно...

— Вы, сударыня, могу васъ увѣрить, вы во всемъ виноваты. Развѣ можно держать такихъ недостойныхъ воспитательницъ? Вы, начальница этого заведенія, и вдругъ позволяете подчиненной сѣсть себѣ на голову! Вы должны держать подчиненныхъ въ ежевыхъ рукавицахъ, чтобы онѣ и пикнуть не смѣли, а вы ихъ распустили! Это большое преступленіе! Вы извините меня, сударыня, я простой русскій солдатъ, много разъ бывалъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, вѣрою и правдою служу моему обожаемому монарху, и правду-матку привыкъ рѣзать въ глаза... Правда, я человѣкъ горячаго характера, но вѣдь эта исторія можетъ взорвать хоть кого!— Но тутъ онъ началъ смягчаться, подробно разсказалъ, какъ сегодня пріѣхалъ мой старшій братъ, какъ онъ далъ ему карету, чтобы тотъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ навѣстилъ меня, какъ они быстро возвратились и т. д. — Вѣрьте, сударыня, я отношусь къ вамъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и обвиняю васъ только въ излишней слабости и попустительствѣ, и для меня несомнѣнно, что все это произошло отъ вашей ангельской доброты.

Инспектриса, несмотря на свою слабохарактерность, все-таки не позволила бы наговорить ей всего того, что ей пришлось выслушать, но ее, какъ она мнѣ сама сознавалась уже послѣ моего выпуска, вынуждалъ къ этому страхъ, что крутой и шумливый генералъ, чего добраго, дѣйствительно доведетъ до свѣдѣнія государя эту исторію, и что въ такомъ случаѣ она надѣлаетъ много непріятностей институтскому начальству. Какъ только она могла прервать потокъ горячихъ рѣчей моего дядюшки, она начала высказывать ему, что вполнѣ понимаетъ справедливость его негодованія, и уже потому, какъ онъ горячо принялъ къ сердцу интересы своей племянницы, она видитъ, какою возвышенною, благородною душою онъ обладаетъ.

Сердцу дядюшки не чужда была лесть. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, протянулъ ей руку и съ чувствомъ произнесъ: «Какъ же иначе? Моя племянница—дочь моей родной сестры, сирота, я единственный ея защитникъ и покровитель! Но вы сами, сударыня, какъ я уже тысячу разъ говорилъ племянницѣ, чудная, святая женщина, она должна питать къ вамъ только благоговѣніе и восторгъ, а вотъ начальница Леонтьева... простите... того... н-да...»

Инспектриса, видимо, до смерти перепугалась, что такой невоздержанный на языкъ человѣкъ, какимъ былъ мой дядя, можетъ и относительно начальницы высказать что-нибудь неподходящее здѣсь, гдѣ даже стѣны должны слышать по отношенію къ ней лишь похвалы и славословія, а потому живо перебила его: «Я васъ прошу, генералъ, самый великодушный, самый лучшій изъ всѣхъ генераловъ, не доводите этой исторіи до государя... Убѣдительно прошу васъ объ этомъ! Ну, для чего вамъ это? Дайте же мнѣ честное слово, что вы оставите все это между нами?»

— Мнѣ самому пріятнѣе миролюбиво покончить съ этой исторіей... Но я дамъ вамъ честное слово не безпокоить ею государя только въ томъ случаѣ, если вы поручитесь мнѣ, что г-жа Тюфяева за свою же вину не устроитъ ада бѣдной дѣвочкѣ.

— О, это я уже беру на себя!—воскликнула инспектриса.

Я ожидала, что при этомъ удобномъ случаѣ она сообщитъ дядѣ о моемъ дурномъ поведеніи вообще, но она тутъ, какъ и всегда, проявила доброту и не упомянула даже о моей «отчаянности». Вообще наша инспектриса была даже великодушна, если только обстоятельства ея тяжелаго положенія не заставляли ее дѣйствовать какъ разъ наоборотъ природнымъ склонностямъ.

Когда дядя попросилъ ее позвать меня, я моментально прошмыгнула черезъ корридорчикъ на площадку къ окну и приковала къ нему свой взоръ, дабы удалить всякое подозрѣніе насчетъ того, что я слышала разговоръ. Когда я вошла, дядя всталъ съ своего стула, подошелъ ко мнѣ и, грозно размахивая передъ моимъ носомъ своими двумя пальцами, произнесъ съ адскою суровостью

наставленіе въ видѣ цѣлой рѣчи, по обыкновенію, не заботясь въ ней ни о послѣдовательности, ни о логикѣ, а нерѣдко пренебрегая даже здравымъ смысломъ. «Я требую отъ тебя прежде всего полнаго и безусловнаго повиновенія начальству. Ты должна любить его, уважать всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ, молиться ежедневно за него Богу, точно также, конечно, и за m-elle Тюфяеву. Какъ ты думаешь, зачѣмъ все это она сдѣлала? Ей было пріятно, что-ли, поднять всю эту исторію? Сдѣлала она это, милый другъ, для того, чтобы блюсти за твоей нравственностью! Но если въ твою головенку когда-нибудь заползетъ дикое и пошлое желаніе на самомъ дѣлѣ поцѣловать чужого мужчину, въ чемъ тебя заподозрила m-lle Тюфяева потому, что у тебя чертики бѣгаютъ въ глазахъ... берегись! Тогда... тебя не придется и исключать изъ института.. О нѣтъ, я этого не допущу! Понимаешь-ли ты... я этого никогда не допущу! (При этомъ онъ страшно расширилъ глаза). Я въ ту же минуту являюсь сюда и своими руками... своими собственными руками оторву тебѣ голову... задушу... убью!» Все это онъ говорилъ уже съ кровожадно-свирѣпымъ выраженіемъ лица, наглядно показывая руками всѣ степени казни, которыя я должна буду испытать.

Когда мы выходили съ нимъ изъ корридорчика, какая-то фигура быстро промелькнула мимо насъ и скрылась. Я догадалась, что то была Ратманова, подслушивавшая и подглядывавшая за всѣмъ, что происходило у инспектрисы.

Я вошла въ дортуаръ,—всѣ уже были въ постеляхъ. Ратманова съ хохотомъ высвободилась изъ-подъ одѣяла, совершенно одѣтая, и забросала меня вопросами; остальные приподнялись съ постелей и тоже торопили меня разсказывать имъ подробно и по порядку все, что было. Но я совсѣмъ не была расположена къ болтовнѣ и отвѣчала имъ вяло и неохотно, что удивляло подругъ, находившихъ, что я должна была бы имѣть торжествующій и ликующій видъ. Испугъ, державшій меня столько часовъ въ напряженномъ ожиданіи неминуемой бѣды, и сознаніе, что только счастливый случай помогъ мнѣ выкарабкаться изъ нея, въ первый разъ въ жизни, во всемъ потрясающемъ ужасѣ, показалъ мнѣ все мое ничтожество передъ грозной силой нашего начальства, которое завтра же можетъ сдѣлать со мной все, что угодно. Я бросилась въ постель и, уткнувшись въ подушку, горько рыдала. Вѣроятно, тѣ же мысли пришли въ голову и моимъ подругамъ: всхлипываніе, сморканіе и откашливаніе раздавались со всѣхъ сторонъ... Только Ратманова, менѣе всѣхъ поддававшаяся чувствительности, громко изрыгала самую отборную брань по адресу классныхъ дамъ вообще и Тюфяевой въ особенности.

На другой день инспектриса отправилась къ начальницѣ: какъ и что онѣ при этомъ обсуждали, для насъ осталось неизвѣстнымъ; не узнали мы и того, о чемъ разговаривала инспектриса съ Тю-

фяевой, которую она на этотъ разъ продержала у себя очень долго, но, вѣроятно, послѣдняя не получила для себя ничего утѣшительнаго: нѣсколько дней послѣ этого событія ея физіономія выражала какую-то пришибленность, и она сидѣла въ классѣ совсѣмъ тихо, безучастно относясь даже къ тому, что воспитанницы шумѣли въ неурочное время. Во всякомъ случаѣ, роль добровольнаго полицейскаго, которую эта истинная злопыхательница исполняла такъ усердно, была временно пріостановлена. Ко мнѣ она совсѣмъ не придиралась болѣе, даже не произносила моего имени.

Что же касается инспектрисы, то, вѣжливая и ласковая со всѣми, она стала относиться ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Однажды она заявила мнѣ, что проситъ меня приходить къ ней въ послѣобѣденное время всегда, когда я буду свободна отъ уроковъ. Въ такіе вечера она заставляла меня читать ей вслухъ Вальтеръ-Скотта во французскомъ переводѣ, объясняла все для меня непонятное, разспрашивала о членахъ моей семьи. Эти два-три мѣсяца, когда я по одному, по два раза въ недѣлю приходила къ ней по вечерамъ, были самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ во всей моей институтской жизни дореформеннаго періода. Съ материнскимъ участіемъ и лаской она какъ-то просила меня объяснить ей, почему до сихъ поръ я была «отчаянной», почему только въ самыя послѣднія недѣли на меня перестали жаловаться кл. дамы. «Мнѣ кажется», говорила она, «ты просто напускаешь на себя эту отчаянность!.. Я сама заставала тебя послѣ твоихъ «отчаянныхъ выходокъ», когда ты положительно имѣла видъ d'une personne arrogante...»

— Потому что я ни отъ кого не слыхала здѣсь добраго слова!.. Вы говорите, maman, что за послѣднее время на меня не жалуются... Когда я стала къ вамъ приходить... вы такъ добры ко мнѣ... я сама чувствую, что теперь злость моя начинаетъ проходить...

M-me Каро громко разсмѣялась, я сконфузилась, но не понимала всей наивности моего признанія. Я не умѣла лучше сформулировать то, что какъ-то неопредѣленно бродило въ моей головѣ. Только гораздо позже я могла бы отвѣтить ей, что весь строй нашей жизни, съ ея казенщиной и формализмомъ, представлялъ стоячее болото, которое могло выращивать только болотныя растенія. Не имѣя книгъ для чтенія, ничего не извлекая изъ преподаванія для развитія ума, лишенныя человѣческаго руководительства наставницъ, воспитанницы не могли укрѣпляться въ добрыхъ чувствахъ, у нихъ лишь росло раздраженіе, развинчивались нервы, вырабатывались индифферентизмъ ко всему и рабскія чувства или отчаянная грубость.

— Убѣдительно прошу тебя, мое дитя, попробуй быть менѣе дерзкой, увѣряю тебя, и кл. дамы будутъ тогда къ тебѣ болѣе снисходительны.

Какою любовью, какимъ восторженнымъ обожаніемъ забилось мое сердце отъ этихъ непривычныхъ для меня добрыхъ словъ!

— О, maman! Вы святая! — вскричала я въ изступленномъ восторгѣ. — Я не стою поцѣловать вашу руку, — и я въ экстазѣ упала передъ ней на колѣни и поцѣловала край ея платья.

— Ахъ ты, восторженная головушка! — кинула мнѣ maman, и я, переконфуженная отъ сказаннаго, бросилась бѣжать изъ ея комнаты.

Вскорѣ послѣ описанныхъ происшествій всѣ обстоятельства институтской жизни начали вліять на ослабленіе моей отчаянности, задора и воинственности. Этому прежде всего помогало то, что мы перешли въ такъ называемый выпускной классъ, гдѣ наши воспитательницы уже менѣе придирались и рѣже наказывали воспитанницъ. Кромѣ того, «выпускныя» пользовались нѣкоторыми привилегіями: въ послѣобѣденное время до чая кл. дамы иногда уходили въ свою комнату и оставляли насъ однѣхъ въ классѣ, а иной разъ приказывали даже безъ нихъ спускаться въ столовую. Моему умиротворенію содѣйствовало и сердечное отношеніе ко мнѣ инспектрисы, отсутствіе придирокъ со стороны Тюфяевой, а главное-то, что инспекторомъ классовъ къ намъ былъ назначенъ Ушинскій, но о немъ я буду говорить ниже.

Когда однажды я возвратилась отъ m-me Каро ранѣе обыкновеннаго, Ратманова встрѣтила меня язвительными словами: «Ты ловко обдѣлываешь свои дѣлишки! Ничего, что «отчаянная», а сумѣла пріобрѣсти благоволеніе инспектрисы!» Я была поражена и растерянно переводила глаза съ одной подруги на другую.

— Хотя m-me Каро и начальство, но она чудная, святая женщина, — проговорила я, наконецъ.—Я не считаю подлостью ее посѣщать! Она не изъ тѣхъ, которыя выспрашиваютъ о томъ, что дѣлается въ классѣ! Кажется, я еще никому изъ васъ не навредила!

— Никто не обвиняетъ тебя въ этомъ, никто не сомнѣвается и въ томъ, что инспектриса не станетъ у тебя выспрашивать что бы то ни было, но не всѣ придерживаются твоего мнѣнія, что она святая женщина... Пожалуй, всѣ, кого бы она пригласила къ себѣ, стали бы къ ней бѣгать... Но едва-ли это слѣдуетъ дѣлать!—такъ говорила Бригенъ, безспорно самая умная изъ всѣхъ моихъ подругъ. Эти слова смутили меня гораздо болѣе, чѣмъ обвиненіе Ратмановой.

— Но почему же, почему? — растерянно спрашивала я ее.

— Просто потому, — отвѣчала она. — Чѣмъ дальше отъ начальства, тѣмъ лучше...

— Чудная, святая женщина! — передразнивала меня Ратманова.—Мы голодаемъ, а эта чудная, святая женщина не можетъ и слова сказать эконому, чтобы онъ не обкрадывалъ насъ... Кл. дамы жалуются на насъ, она всегда принимаетъ ихъ сторону, а не нашу... Давно ли она совѣтовала тебѣ стать на колѣни передъ Тюфяевой, превосходно сознавая, что она тебя оклеветала!..

Но тутъ кто-то изъ нашихъ, вбѣжалъ къ намъ и закричалъ:

«Чего вы не спускаетесь въ столовую? Уже давно звонили... Будутъ попрекать, что вы безъ кл. дамы и шагу не умѣете ступить!»

Всѣ бросились въ пары, и мы понеслись съ лѣстницы. Я машинально бѣжала за другими, но про себя обдумывала только что происшедшій разговоръ. «Да, онѣ правы, тысячу разъ правы!» твердила я себѣ. «Что сдѣлала полезнаго для насъ инспектриса? Только что не груба! А я уже и въ восторгъ пришла отъ ея святости!» Но вдругъ я оступилась и полетѣла внизъ съ лѣстницы; на одномъ изъ ея поворотовъ я задержалась было, но сзади бѣгомъ спускавшіяся воспитанницы нечаянно толкнули меня, и я уже безъ всякихъ задержекъ полетѣла внизъ, пока не упала на полъ, недалеко отъ двери столовой. Когда подруги подняли меня, я была въ сознаніи, только снопъ кровавыхъ точекъ мелькалъ передъ моими глазами. Я постояла съ минуту и, не чувствуя никакой боли, вошла съ другими въ столовую. Скоро я совершенно успокоилась, а когда мы пришли въ дортуаръ и улеглись спать, я тотчасъ уснула. Ночью я проснулась отъ боли въ груди и отъ лихорадки, укрылась салопомъ въ надеждѣ какъ-нибудь оправдаться передъ дортуарной дамой, но меня никто не тревожилъ. Когда прозвонилъ колоколъ и наши начали вставать, я объявила имъ, что у меня кружится голова, и я не могу приподнять ее отъ подушки. Наконецъ, мнѣ удалось привстать, но приступъ жестокой лихорадки такъ сковалъ мои члены, голова такъ кружилась, что я не могла шевельнуться. Мнѣ помогали вставать подруги; то одна, то другая изъ нихъ указывала на то, что шея и грудь у меня распухли и покрылись кровоподтеками; онѣ потолковали между собой по этому поводу и единогласно пришли къ мысли, что при такомъ положеніи для меня немыслимо идти въ лазаретъ: передъ докторомъ придется обнажить грудь, и этимъ я не только опозорю себя, но и весь выпускной классъ. Это обстоятельство, разсуждали онѣ, должно заставить каждую порядочную дѣвушку вынести всевозможныя мученія скорѣе, чѣмъ идти въ лазаретъ. То одна, то другая задавала мнѣ вопросъ: неужели у меня не хватитъ твердости характера вынести боль? Я, конечно, вполнѣ раздѣляла мнѣніе и взгляды моихъ подругъ на вопросы чести, но не могла имъ отвѣчать, какъ отъ головокруженія, такъ и отъ смертельной обиды на нихъ за то, что онѣ могутъ сомнѣваться во мнѣ по такому элементарному вопросу, какъ честь дѣвушки. Я рѣшила, что къ такому дурному мнѣнію обо мнѣ онѣ пришли только потому, что я посѣщала инспектрису. Все это я высказала имъ въ отрывочныхъ фразахъ, проливая потоки слезъ и отъ обиды, и еще болѣе отъ мучительной боли въ груди. Подруги успокаивали меня, просили не волноваться, чтобы сохранять силу мужественнѣе вынести несчастіе, ниспосланное мнѣ судьбою. Когда я одѣлась съ ихъ помощью и зашаталась, онѣ заботливо поддерживали меня со всѣхъ сторонъ, давали нюхать одеколонъ, смачивали виски. На этотъ разъ забота обо мнѣ подругъ, не склонныхъ вообще задумываться надъ

несчастіемъ другъ друга, была поистинѣ трогательна. Когда мы вошли въ классъ, онѣ, посовѣтовавшись между собой, подошли къ дежурной дамѣ и просили ее позволить мнѣ сидѣть въ пелеринкѣ во время всѣхъ уроковъ. «У нея кашель»», говорили они ей, «но она не желаетъ изъ-за такихъ пустяковъ идти въ лазаретъ и пропускать урокъ». Та согласилась на это. Но полотняная пелеринка мало защищала отъ холода, и я вся тряслась отъ лихорадки: тогда воспитанницы собрали платки, укутали ими мои ноги и колѣни, даже обмотали мои руки, совѣтуя не поднимать ихъ изъ-подъ пюпитра.

Я сидѣла и ходила, какъ автоматъ, но, какъ только отъ боли у меня вырывался стонъ, подруги шаркали ногами и кашляли, чтобы заглушить его, умоляя меня воздерживаться отъ стоновъ. У меня пропалъ аппетитъ, и онѣ по-братски подѣлили мою порцію во время завтрака и обѣда.

Когда на другой день я опять послѣ безсонной ночи встала съ постели съ еще болѣе значительною опухолью на шеѣ и груди и двигалась еще съ большимъ трудомъ, онѣ рѣшили, что это произошло отъ того, что я наканунѣ ничего не ѣла, и что онѣ должны заставлять меня ѣсть. Я понимала, что я въ ихъ власти, и не имѣла силы ни сопротивляться, ни говорить, а потому я дѣлала усилія и ѣла, какъ онѣ этого требовали. Но, когда мы пришли въ классъ послѣ обѣда, меня стало такъ тошнить, что подруги насилу вытащили меня въ коридоръ къ крану, гдѣ можно было скрыть послѣдствія тошноты, и принялись обливать холодной водой мою несчастную голову, горѣвшую, какъ въ огнѣ. Всю послѣдующую ночь то одна, то другая подруга подбѣгала къ моей постели, укрывала меня, клала намоченное полотенце на мой горячій лобъ, но мнѣ становилось все хуже. На третій день утромъ я заявила имъ, что не могу встать. Хотя то одна, то другая изъ нихъ, осматривая меня, вскрикивала: «у нея еще болѣе распухла грудь и посинѣла шея!»—тѣмъ не менѣе, было рѣшено, что мнѣ нужно встать и отправиться въ классъ. Общими усиліями онѣ одѣвали и обували меня въ постели, уговаривали не терять мужества, и это заставило меня встать, хотя и съ ихъ помощью. Но онѣ сами убѣдились, что вести меня внизъ по лѣстницѣ невозможно, а потому рѣшили *скрыть* меня и, когда всѣ отправятся въ столовую, оставить при мнѣ одну изъ подругъ.

У насъ не было обычая пересчитывать воспитанницъ; къ тому же, во время чая на столѣ не стояло приборовъ, а потому скрыть отсутствіе одной - двухъ воспитанницъ было не трудно. Когда наши возвратились въ классъ, моя сторожиха стащила меня туда же и усадила на скамейку, а другія подошли къ дежурной дамѣ просить ее о дозволеніи для меня сидѣть на урокахъ въ пелеринкѣ. Но та отвѣчала, что, такъ какъ съ тою же просьбою онѣ уже обращались къ ней третьяго дня, то она убѣждена, что это какой-

нибудь фокусъ, а потому и приказала мнѣ подойти къ ней. Я встала, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала безъ чувствъ.

Когда я пришла въ сознаніе, я лежала въ отдѣльной комнатѣ лазарета, предназначенной для трудно-больныхъ. Въ ту минуту въ ней толпилось нѣсколько человѣкъ: инспектриса, лазаретная дама, сидѣлка и трое мужчинъ, изъ которыхъ я узнала только одного нашего доктора. Незнакомый мнѣ мужчина, наклонившись надо мной, просилъ меня назвать мое имя, отчество и фамилію; я исполнила его желаніе, и только позже мнѣ стало извѣстно, что этотъ вопросъ былъ заданъ съ цѣлью узнать, въ порядкѣ ли мои умственныя способности. На его вопросъ, сколько времени я нахожусь въ лазаретѣ, я отвѣчала: «часа два-три». «Вы лежите въ лазаретѣ 11 дней, пролежали все время въ бреду, и вамъ только что сдѣлана операція. Старайтесь побольше спать и ѣсть».

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ меня принесли въ лазаретъ, а я была такъ слаба, что не могла сидѣть и въ постели. Тупое равнодушіе овладѣло мною въ такой степени, что мнѣ не приходила даже въ голову мысль о томъ позорѣ, которому я, по институтскимъ понятіямъ, подвергала себя при ежедневныхъ перевязкахъ, когда доктора обнажали мою грудь, не терзалась я и безпокойствомъ о томъ, какъ должны были краснѣть за меня подруги. Кстати замѣчу, что по тогдашнему способу леченія мою рану не заживляли болѣе двухъ мѣсяцевъ, и я носила фонтанель. Но вотъ, наконецъ, когда однажды я почувствовала себя нѣсколько бодрѣе, докторъ, дѣлавшій операцію, сѣлъ у моей кровати и началъ разспрашивать меня о томъ, почему я не тотчасъ послѣ паденія съ лѣстницы явилась въ лазаретъ. Когда онъ нѣсколько разъ повторилъ свой вопросъ, я отвѣчала: «просто такъ».—«Немыслимо, чтобы вы безъ серьезной причины рѣшились выносить такія тяжкія страданія!»

— Я вамъ отвѣчу за нее, профессоръ... Я вѣдь знаю всѣ ихъ секреты!.. Хотя никто не сообщалъ мнѣ, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что ея подруги и она сама считаютъ позоромъ обнажить грудь передъ докторомъ,—вотъ милыя подруженьки, вѣроятно, и уговаривали ее не ходить въ лазаретъ.

— Однако, этотъ институтъ презловредное учрежденіе!—и, обращаясь ко мнѣ, профессоръ добавилъ:—понимаете-ли вы, милая дѣвочка, что изъ за вашей пошлой конфузливости вы были на краю могилы?

Это меня жестоко возмутило. Когда докторъ, проводивъ профессора, подошелъ ко мнѣ, я со злобою сказала ему: «передайте вашему профессоришкѣ, что, несмотря на его геніальность, онъ все-таки тупица, если не понимаетъ того, что каждая порядочная дѣвушка на моемъ мѣстѣ поступила бы точно такъ же, какъ я... Покорнѣйше прошу сказать ему также, чтобы онъ не смѣлъ болѣе называть меня дѣвочкой... Я—выпускная воспитанница!»

— Простите ему великодушно: онъ человѣкъ ученый, разсѣянный, забылъ вашъ важный титулъ...

— Я съ вами не хочу говорить. Вы издѣваетесь!.. Никто, никто насъ не понимаетъ! Но я должна вамъ заявить, что перевязокъ я болѣе не позволю дѣлать... Вы могли ихъ дѣлать до сихъ поръ только потому, что я отупѣла во время болѣзни...

Несмотря на усовѣщиванія инспектрисы, до свѣдѣнія которой было доведено мое намѣреніе, я оставалась твердой и непоколебимой. На другой день съ одной стороны къ моей кровати подошелъ нашъ докторъ, съ другой—профессоръ. Въ ту минуту, когда я приподнялась, чтобы выразить имъ мое нежеланіе показать рану, одинъ изъ нихъ схватилъ меня за руки, а профессоръ спустилъ съ плечъ рубашку и сталъ разбинтовывать рану. Все это было сдѣлано съ такой быстротой, что я не успѣла сказать и слова, а перевязка и очищеніе раны были сопряжены съ смертельною болью, и у меня сразу вылетѣли изъ головы всѣ слова, которыя я собиралась сказать.

Однажды вдругъ распространилось извѣстіе, что государь уже на Николаевской половинѣ. Ко мнѣ вошла инспектриса и сказала, что государь, вѣроятно, зайдетъ ко мнѣ, такъ какъ онъ всегда заходитъ къ трудно-больнымъ, если только въ лазаретѣ нѣтъ эпидеміи. При этомъ она сказала мнѣ, какъ я должна привѣтствовать его. Она приказала мнѣ отвѣчать только на вопросы государя, какъ можно лучше обдумывая каждое слово, и передала все то, что государь, по ея мнѣнію, могъ спросить меня.

Меня стали облекать въ чистыя одежды, кругомъ все торопливо вытирали и подчищали, хотя нужно отдать справедливость, что у насъ не только въ лазаретѣ, но и въ классахъ все блестѣло идеальной чистотой.

И имп. Александръ II вошелъ въ мою комнату, въ сопровожденіи инспектрисы, доктора и всего лазаретнаго персонала. Дрожащимъ голосомъ я произносила свое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Государь подошелъ къ моей постели, въ видѣ поклона чуть-чуть наклонилъ голову и стоялъ, выпрямившись во весь ростъ. Онъ не задавалъ мнѣ вопросовъ о моей болѣзни,—вѣроятно, докторъ сообщилъ ему о ней прежде, чѣмъ онъ вошелъ ко мнѣ, но спросилъ меня по-французски: «Вы и теперь еще сильно страдаете?»

— Теперь мнѣ лучше, ваше императорское величество,—отвѣчала я.

— Что нужно, по мнѣнію врачей, чтобы ускорить ея выздоровленіе?—спросилъ царь, обращаясь къ доктору.

— Деревенскій воздухъ, ваше императорское величество, могъ бы укрѣпить ея расшатанное здоровье.

— Mademoiselle!—обратился Александръ II ко мнѣ.—Есть у васъ родственники въ Петербургѣ?

Я отвѣчала, что мой родной дядя Г. живетъ въ Петербургѣ.

— Вы можете отправиться къ нему, какъ только врачи найдутъ это желательнымъ, и оставаться у него до тѣхъ поръ, пока совершенно не поправитесь, а затѣмъ возвратитесь въ институтъ и кончите ваше образованіе. А пока вы здѣсь, вы, можетъ быть, хотѣли бы quelque chose de sucré?..

Такъ какъ такой вопросъ не былъ предвидѣнъ maman, и я не получила по этому поводу никакихъ инструкцій, то я простодушно отвѣчала: «Я васъ благодарю отъ всего сердца, ваше императорское величество, ко мнѣ *здѣсь*, въ лазаретѣ (я нарочно подчеркнула слово здѣсь, чтобы государь узналъ, что только въ лазаретѣ, но мой зарядъ пропалъ, конечно, даромъ), всѣ очень добры, мнѣ даютъ даже peau de la vierge».

Государь сдвинулъ брови: «Что это такое «peau de la vierge? Какъ вы называете это по-русски?»

— Ваше императорское величество! Мы называемъ такъ «дѣвичью кожу»...

— Ничего не понимаю, что это значитъ? — и царь обратился къ доктору.

— Родъ пастилы, ваше имп. величество, которую мы держимъ, какъ лакомство для больныхъ: она называется у институтокъ «дѣвичьей кожей».

— А когда вы захотите еще чего-нибудь, кромѣ «дѣвичьей кожи»,—сказалъ царь, обращаясь ко мнѣ и чуть-чуть улыбаясь углами губъ, вы можете объ этомъ заявить господину доктору. Вы все получите, что не повредитъ вашему здоровью.

Радостный, веселый, подбѣжалъ ко мнѣ докторъ послѣ обхода всего лазарета и сталъ говорить о томъ, какъ милостивъ былъ ко мнѣ царь, какой продолжительной бесѣды онъ меня удостоилъ, сколькими благодѣяніями меня осыпалъ... Черезъ недѣлю-другую меня отпустятъ домой, а теперь меня будутъ раскармливать: цыплята, вино,—все будетъ къ моимъ услугамъ... «Да вы стоите этого! Какъ мило вы о насъ отозвались... Конечно, вы насъ выдѣлили, чтобы сдѣлать маленькую непріятность кое-кому. Но вѣдь этого никто, кромѣ инспектрисы, не замѣтилъ».

Вошла и инспектриса. Несмотря на ея обычный ласковый тонъ, я замѣтила, что она мной очень недовольна.

— Напрасно, совершенно напрасно ты утруждала государя такими длинными отвѣтами и всякими пустяками!.. Задерживать государя такимъ вздоромъ считается верхомъ неприличія!.. И эта «peau de la vierge» было такъ некстати!—Но я рѣшила, что ее раздосадовало то, что я въ разговорѣ съ царемъ упомянула о хорошемъ отношеніи ко мнѣ *только* лазаретныхъ служащихъ.

IV.

Результаты институтскаго воспитанія и образованія.—Религіозное воспитаніе. — Образцовая кухня. — Обученіе рукодѣлію. — Изученіе французскаго языка.—Дневники и стихотворенія воспитанницъ.

Прежде всего характеръ нашего воспитанія былъ строго религіозный. Начальница Леонтьева, если судить по ея донесеніямъ императрицѣ, была имъ очень довольна. Она писала: «Трогательное зрѣлище представляютъ молодыя дѣвушки, глубоко проникнутыя религіозными идеями; онѣ уносятъ ихъ далеко отъ того свѣта, въ которомъ имъ предназначается жить, и къ которому онѣ должны были бы чувствовать влеченіе уже вслѣдствіе своего юнаго возраста!..» (*Мордвинова.* «Статсъ-дама Марія Павловна Леонтьева», стр. 84).

Религіозное воспитаніе, получаемое нами, состояло, какъ въ теоретическомъ изученіи обширнаго курса закона Божія, такъ и въ практическомъ примѣненіи къ жизни предписаній православной религіи, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли—строгое соблюденіе постовъ и чрезвычайно частое посѣщеніе церкви. Что касается постовъ, то всѣ условія нашей жизни лишали насъ возможности строго ихъ соблюдать. Хотя мы и получали въ это время постную пищу, но такъ какъ мы въ такіе дни особенно сильно испытывали муки голода, то, когда родственники приносили кому-нибудь изъ насъ съѣстное, мы не могли разбирать, было-ли то скоромное или постное, и съ одинаковымъ наслажденіемъ уничтожали и постный пирогъ съ грибами, и курицу.

Во всѣ воскресные, праздничные и царскіе дни и въ кануны ихъ, а также въ первую и страстную недѣли в. поста мы посѣщали церковь, нерѣдко даже по два раза въ день, а также и всю четвертую недѣлю этого поста, когда говѣли. Церковными службами насъ такъ утомляли, что многія воспитанницы падали въ церкви въ обморокъ. Непосильное утомленіе заставляло многихъ употреблять всѣ средства, чтобы избавиться отъ посѣщенія церкви, но такъ какъ этого добивались рѣшительно всѣ, то между нами, обыкновенно, устанавливалась очередь (сразу не болѣе трехъ-четырехъ въ дортуарѣ), которая давала право заявить дежурной дамѣ о томъ, что онѣ не могутъ идти въ церковь по причинѣ зубной, головной или другой какой-нибудь боли. При большомъ количествѣ воспитанницъ желанная очередь наступала рѣдко, а потому многія рѣшались симулировать дурноту, и нѣкоторыя воспитанницы дѣлали это очень искусно. Во всемъ блескѣ этотъ талантъ проявлялся у дѣвицъ старшаго класса, такъ какъ въ немъ уже болѣе рельефно отражалось все дурное, привитое закрытымъ заведеніемъ.

Взрослыя институтки удивительно ловко умѣли представлять обморокъ: задерживая дыханіе, онѣ блѣднѣли, тряслись, вскрикивали, какъ будто внезапно теряли сознаніе, ловко падали на полъ даже съ грохотомъ, не причинивъ себѣ ни малѣйшаго вреда. Но были въ этомъ отношеніи и совсѣмъ безталантныя: несмотря на обученіе ихъ этому искусству опытными подругами, онѣ никакъ не могли усвоить его. Такія безталантныя, въ извѣстный моментъ богослуженія, вытягивали изъ кармана махорку, пріобрѣтенную у сторожа за дорогую цѣну, и засовывали ее за щеки. У нихъ подымалась рвота, и ихъ выводили изъ церкви.

Въ концѣ концовъ, религіозное воспитаніе, получаемое въ институтѣ, содѣйствовало только нравственной порчѣ и полному индифферентизму къ религіи. Къ выпуску оставалось чрезвычайно мало дѣвушекъ религіозныхъ; даже тѣ, которыя съ такимъ благоговѣніемъ и трепетомъ приступали къ причастію въ первый годъ своей институтской жизни, передъ послѣднимъ причастіемъ уже грызли шоколадъ, нерѣдко дѣлая это демонстративно и громко высмѣивая религіозные обряды. Утратѣ религіозныхъ чувствъ сильно помогало ханжество какъ начальницы Леонтьевой, такъ и всѣхъ кл. дамъ; на языкѣ у нихъ всегда были слова: милосердный Богъ, всепрощеніе, любовь къ ближнему, святая религія, но на дѣлѣ никто изъ нихъ не выказывалъ участія, христіанскаго милосердія и любви къ воспитанницамъ.

Точно также и большая часть другихъ правилъ и предписаній, положенныхъ въ основу институтскаго воспитанія и обученія, давала лишь самые печальные результаты. Чтобы приготовиться къ скромной долѣ, ожидавшей многихъ изъ насъ въ будущемъ, мы должны были умѣть готовить кушанья, для чего существовала образцовая кухня. Дѣвицы старшаго класса, по очереди 5—6 человѣкъ, ходили учиться кулинарному искусству. Въ такіе дни онѣ не посѣщали даже уроковъ. Къ ихъ приходу въ кухнѣ уже все было разложено на столѣ: кусокъ мяса, готовое тѣсто, картофель въ чашкѣ, нѣсколько корешковъ зелени, перецъ, сахаръ. Одна изъ воспитанницъ должна была рубить мясо для котлетъ, другая толочь сахаръ, третья—перецъ, слѣдующая мыть и чистить картофель, раскатывать тѣсто и разрѣзать его для пирожковъ, мыть и крошить зелень. Все это дѣлалось воспитанницами съ величайшимъ наслажденіемъ. Кухня служила для насъ большимъ развлеченіемъ; къ тому же она избавляла отъ скучныхъ уроковъ и на нѣсколько часовъ отъ полицейскаго надзора кл. дамъ. Но такія кулинарныя упражненія не могли, конечно, научить стряпнѣ и были скорѣе каррикатурою на нее. Воспитанницы такъ и не видѣли, какъ приготовляютъ тѣсто, не знали, какая часть говядины лежитъ передъ ними, не могли познакомиться и съ тѣмъ, какъ жарятъ котлеты, для которыхъ онѣ рубили мясо. Кухарка смотрѣла на это, какъ на дозволенное барышнямъ баловство, и сама

ставила кушанье на плиту, опасаясь, чтобы онѣ не обожгли себѣ рукъ или не испортили котлетъ; сама она возилась и около супа. Барышнямъ она поручала толочь сахаръ, перецъ и все, что нужно было рубить и толочь, что тѣ и производили въ тактъ плясовой, а это заставляло смѣяться и кухарку, и воспитанницъ. Ихъ веселому настроенію содѣйствовало и то, что обѣдъ, приготовленный ихъ руками, онѣ имѣли право съѣсть сами, а онъ былъ несравненно вкуснѣе, питательнѣе и обильнѣе обычнаго.

Обученіе рукодѣлію хотя и не носило столь комичнаго характера, какъ обученіе кулинарному искусству, но тоже не достигало никакой цѣли и даже, роковымъ образомъ, отражалось на успѣхахъ въ наукахъ весьма многихъ воспитанницъ. Въ институтѣ было не мало дѣвочекъ, которыя, уже при вступленіи въ него, умѣли порядочно шить и знали нѣсколько женскихъ рукодѣлій. На первомъ же урокѣ учительница рукодѣлія освѣдомлялась, кто къ чему пріученъ былъ дома: необученнымъ шить она давала обметывать швы, мотать мотки или выдергивать нитки изъ полотна, чтобы съ ихъ помощью разрѣзать его, учила ихъ сшивать полотнища, но далѣе этого обученіе не шло. Тѣхъ же воспитанницъ, которыя заявляли учительницѣ о томъ, что онѣ любятъ вышивать ковры или шить гладью, немедленно присаживали за эти работы. Въ институтѣ всегда приходилось заготовлять большое число вышивокъ и прошивокъ для украшенія всевозможныхъ юбокъ, полотенецъ, накидокъ. Ковры шли какъ на подарки, такъ и на украшеніе церкви. Рѣдко выпадалъ мѣсяцъ въ году, когда не требовалось окончить какого-нибудь сюрприза: то наступалъ день именинъ начальницы или кого-нибудь изъ членовъ царской фамиліи, то годовые праздники, въ которые также подносили подарки. Вслѣдствіе этого учительница страшно обременяла работою воспитанницъ, имѣвшихъ неосторожность выказать любовь къ рукодѣльямъ. Уроки рукодѣлья назначались по разу въ недѣлю, по полтора часа,—этого времени было крайне недостаточно, чтобы покончить со всѣми работами. Воспитанницамъ, хорошо исполнявшимъ шитье гладью, раздавали на руки полосы различной матеріи, чтобы по вечерамъ, когда онѣ должны были готовить уроки къ слѣдующему дню, онѣ занимались вышиваньемъ. Ковры же вышивали въ пяльцахъ, и учительница рукодѣлія просила кл. дамъ отпускать воспитанницъ вечеромъ къ ней въ мастерскую. Нерѣдко оказывалось, что и вечеровъ не хватало на окончаніе какого-нибудь подарка. Тогда учительница обращалась съ просьбой къ инспектрисѣ отпускать къ ней воспитанницъ даже во время урока. Если сюрпризъ предназначался высокопоставленному лицу, инспектриса находила невозможнымъ отказать въ такой просьбѣ, и нѣсколько воспитанницъ вслѣдствіе этого не посѣщали уроковъ недѣлями, а то и мѣсяцами.

Превосходно исполненные ковры, на которыхъ изображены были

цвѣты, ландшафты, сцены изъ рыцарской и пастушеской жизни, приводили въ такой восторгъ непосвященныхъ въ это искусство воспитанницъ, что многія изъ нихъ умоляли учительницу выучить ихъ этой работѣ. Но та обыкновенно отвѣчала: «если вы испортите матеріалъ, я должна буду откупить его на свой счетъ!.. И когда мнѣ возиться съ вами: вы жалуетесь, что я заваливаю работою вашихъ подругъ... А посмотрите, когда я ложусь спать! Мнѣ то и дѣло приходится по ночамъ оканчивать работу, которая будетъ поднесена въ подарокъ отъ вашего имени»...

Во время публичнаго выпускного экзамена въ особыхъ комнатахъ института устраивалась выставка работъ ученицъ. Тутъ можно было видѣть превосходно вышитые ковры, вышивки по батисту и цвѣтной матеріи гладью, бѣлой и разноцвѣтной бумагой и шерстями, искусно исполненные цвѣты, а также бѣлье, все сшитое ручною строчкой. На стѣнахъ висѣли картины, написанныя масляною краскою и акварелью. Здѣсь красовалась головка гречанки, тамъ— дѣвочка съ козой, цвѣты. Хотя всѣ эти картины, съ художественной точки зрѣнія, были ниже всякой критики и оказывались плохими копіями, но и онѣ исполнены были съ помощью учителя рисованія, который не только исправлялъ рисунокъ, но и рисовалъ въ немъ все болѣе трудное; однако, и на это способны были лишь очень немногія воспитанницы, а громадное большинство такъ и вышло изъ института, не умѣя срисовать съ рисунка даже простого стула, не говоря уже о рисованіи съ натуры: наглядный методъ совершенно отсутствовалъ въ обученіи дореформеннаго времени. Что же касается рукодѣлія, то громадное большинство выходило изъ института, выучившись одному или двумъ швамъ.

Знанію французскаго языка придавали громадное значеніе. На дѣвочку, умѣвшую болтать на этомъ языкѣ при своемъ вступленіи въ институтъ, смотрѣли съ большимъ благоволеніемъ. Ей прощали многое такое, чего не прощали другимъ; находили ее умной и способной даже тогда, когда этого не было и слѣда. На изученіе этого языка во всѣхъ классахъ отводили наибольшее количество часовъ: въ бѣломъ (старшемъ) классѣ изучали французскую литературу, писали письма и сочиненія на этомъ языкѣ. Классныя дамы и все начальство говорило съ нами по-французски. Между собою воспитанницы тоже обязаны были говорить на этомъ языкѣ. Какое громадное значеніе уже издавна приписывали въ институтѣ франц. языку и до какого комизма доходила наивная вѣра въ его могущество, видно изъ воспоминаній воспитанницы патріотическаго института. Когда 14 декабря 1825 г. раздалась пальба изъ орудій, начальница патріотическаго института обратилась къ воспитанницамъ съ такою рѣчью: «Это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи. Самый главный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете все по-русски». «Въ страшномъ перепугѣ», говоритъ авторъ воспо-

минаній, «мы вполнѣ сознавали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ передъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ вовсе не употреблять въ разговорѣ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла, мы успокоились, и долго послѣ того въ спальняхъ и залахъ патріотическаго института не слышалось русскаго языка». («14-е декабря 1825 года въ Патріотическомъ Институтѣ» С. А. Пелли, «Русская Старина» 1870 г., августъ). Я же описываю событія на Александровской половинѣ Смольнаго несравненно болѣе поздняго періода, уже наканунѣ реформъ въ институтѣ, въ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія. Но и въ это время, какъ и прежде, институтки были просты до наивности и, вслѣдствіе своего невѣжества, очень суевѣрны, но въ мое время насъ никто, а тѣмъ болѣе начальство, не могло бы запугать гнѣвомъ Божіимъ уже по одному тому, что даже дѣвочки религіозныя утратили въ институтѣ свою простодушную вѣру. Что же касается французскаго языка, то хотя изученію его у насъ и придавали громадное значеніе, но такъ какъ въ насъ не выработали серьезнаго отношенія къ какому бы то ни было знанію, не научили умѣнью заниматься, не привили къ намъ должной усидчивости и интереса къ какому бы то ни было предмету, мы все, чему обучались, обращали въ пустую формальность. Если до слуха кл. дамы доходила русская рѣчь воспитанницы, она кричала ей: «Какъ ты смѣешь говорить по-русски?» Та отвѣчала: «но я сказала comment dit-on en français?» Кл. дама удовлетворялась этимъ отвѣтомъ, а та продолжала болтать по-русски. Разговоры съ кл. дамами и съ болѣе высшими начальственными лицами ограничивались какимъ-нибудь десяткомъ оффиціальныхъ фразъ (въ это число входили и всевозможныя поздравленія), которыя заучивались воспитанницами въ первый же годъ по вступленіи. Вслѣдствіе этого институтки не могли поддерживать серьезнаго разговора на французскомъ языкѣ, не могли онѣ и читать на этомъ языкѣ серьезныя книги, — впрочемъ, и по-русски онѣ не могли ни поддерживать серьезнаго разговора, ни читать серьезныхъ книгъ, и русская рѣчь воспитанницъ не отличалась ни богатствомъ словъ, ни разнообразіемъ выраженій. Можно себѣ представить, какіе успѣхи дѣлали воспитанницы въ другихъ предметахъ, если изученіе французскаго языка было столь неудовлетворительно.

Наше время было такъ распредѣлено, условія нашей жизни были таковы, что если бы преподаваніе въ институтѣ и было поставлено болѣе правильно, у насъ не хватало бы времени для серьезныхъ занятій. Уроки въ старшихъ классахъ заканчивались въ 5 час., когда шли къ обѣду. Послѣ обѣда до вечерняго чая можно было готовить уроки, но одинъ вечеръ въ недѣлю уходилъ на танцы, одинъ, а то и два вечера—на церковную службу передъ праздничными днями, одинъ—у нѣкоторыхъ на упражненіе въ пѣніи, у другихъ—на рукодѣліе; такимъ образомъ, оставалось въ недѣлю

всего два-три свободныхъ вечера. Въ кофейномъ классѣ большая часть времени тратилась на переписку: дѣлали диктовку и ариѳметическія задачи, списывали басни и разсказы, писали неправильные французскіе глаголы,—для всего этого существовали особыя тетради. Если въ одной изъ нихъ оказывалось нѣсколько чернильныхъ пятенъ или нѣсколько строкъ криво написанныхъ, кл. дамы заставляли дѣвочку переписать всю тетрадь. Въ старшихъ классахъ не обращали вниманія на чистоту тетрадей, но дѣвицы также убивали много времени на переписку: большая часть учителей задавала имъ уроки не по учебникамъ, а по собственнымъ запискамъ,—вотъ эти-то записки и приходилось переписывать. Изъ сказаннаго ясно, что на ученіе уроковъ у насъ оставалось крайне мало времени, тѣмъ болѣе, что въ эти свободные вечера приходилось не только переписывать записки учителей, но и дѣлать сочиненія на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Какъ мало знаній выносили мы изъ преподаванія, какими поразительными невѣждами оканчивали курсъ, будетъ видно изъ слѣдующаго очерка, къ сказанному же прибавлю только, что большая часть нашихъ учителей сами были людьми невѣжественными и никуда негодными педагогами. Даже по внѣшности, кромѣ француза, они представляли, точно на подборъ, отовсюду набранныхъ, отживших стариковъ, навсегда сданныхъ въ архивъ въ эту, такъ сказать, учительскую богадѣльню Смольнаго. Случалось, впрочемъ крайне рѣдко, что по болѣзни или смерти тотъ или другой изъ престарѣлыхъ педагоговъ выбывалъ изъ строя, и его мѣсто замѣщалъ еще не совсѣмъ старый человѣкъ, но послѣ нѣсколькихъ уроковъ такіе учителя исчезали съ нашего горизонта по неизвѣстной для насъ причинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ удаленъ послѣ пяти или шести уроковъ только за то, что онъ сказалъ: «Дѣвицы, вы передаете все въ зубрежку и плохо разсказываете оттого, что ничего не читаете,—просите начальство снабдить васъ книгами для чтенія».

Поступивъ въ институтъ въ раннемъ дѣтствѣ и во время всего своего пребыванія въ немъ удаленная отъ природы и людей, институтка не имѣла ни малѣйшаго представленія о жизни. За высокія стѣны ея заколдованнаго замка не долетало ни одного человѣческаго стона, ни малѣйшаго понятія не доходило до нея о положеніи ея родины, о ея несчастіяхъ и надеждахъ. Окончивъ курсъ въ дореформенномъ институтѣ, институтка вступала въ жизнь съ самыми дикими воззрѣніями, съ самыми наивными предразсудками, съ нелѣпыми требованіями отъ людей, съ пошлыми и сантиментальными мечтами. Ее манили къ себѣ роскошь, балы, выѣзды, туалеты, танцы, ухаживанія блестящихъ кавалеровъ. Однимъ словомъ, она мечтала о томъ, о чемъ мечтали тогда всѣ, такъ называемыя, «кисейныя барышни». Нужно, однако, замѣтить, что и русское общество того времени предъявляло дѣвушкѣ лишь эсте-

тическія требованія. Наклонную къ серьезному чтенію и разговору называли «синимъ чулкомъ» и жестоко высмѣивали. Что же мудренаго въ томъ, что въ институтѣ, этомъ все болѣе дряхлѣющемъ и отживающемъ свой вѣкъ учрежденіи, не слѣдившемъ за новыми теченіями въ лучшей части современнаго общества, продолжали воспитывать въ дворянскомъ духѣ, развивая пристрастіе къ аристократическимъ нравамъ. Дѣвушка того времени при домашнемъ воспитаніи, какъ бы оно плохо ни было, испытавъ въ семьѣ матеріальную нужду и житейскія невзгоды, все же могла скорѣе и легче понять все ничтожество, всю призрачность и эфемерность эстетическихъ иллюзій, все неудобство примѣненія ихъ къ практической жизни. Институтка же, наоборотъ, все время своего умственнаго и нравственнаго роста проводила въ заточеніи, какъ сказочная царевна. Все, что требовалось для жизни: столъ, платье, постель, комната, было къ ея услугамъ; она была устранена отъ какихъ бы то ни было заботъ. Откуда бралось все существенное для жизни, она не знала, не слыхала, чтобы и другіе интересовались этими вопросами. Она не могла даже догадываться о томъ, какою тяжкою борьбой добываютъ люди свой насущный хлѣбъ, совсѣмъ не была приготовлена къ трудовой жизни.

Вотъ почему, послѣ окончанія институтскаго курса, большая часть ея понятій были нелѣпы, ея страхъ безразсуденъ, отношеніе къ обыденной жизни и ея явленіямъ подчасъ просто комично. Она идетъ по улицѣ, а съ противоположной стороны, навстрѣчу ей, приближается мастеровой подъ хмѣлькомъ,—она съ ужасомъ бросается въ сторону; поползетъ по рукѣ червякъ, сядетъ насѣкомое,—она съ визгомъ несется, куда глаза глядятъ. Многія изъ воспитанницъ послѣ выпуска были убѣждены въ томъ, что если кавалеръ приглашаетъ во время бала на мазурку, это означаетъ предварительное сватовство, за которымъ послѣдуетъ формальное предложеніе. Одна институтка, прождавъ напрасно въ продолженіе нѣсколькихъ дней своего кавалера въ бальной мазуркѣ, была такъ скандализирована этимъ, что бросилась къ своему брату-офицеру, умоляя его выйти на дуэль и стрѣляться съ человѣкомъ, по ея мнѣнію, опозорившимъ ее. Если родители институтки не соглашались выдать ее замужъ за человѣка, сдѣлавшаго ей предложеніе, если онъ былъ даже извѣстный негодяй, она воображала, что получившій отказъ долженъ непремѣнно застрѣлиться,—и на этой почвѣ происходило не мало комичныхъ и трагичныхъ инцидентовъ.

Институтка прежняго времени, покинувъ стѣны «alma mater», была конфузлива до дикости: самый простой вопросъ ставилъ ее втупикъ. Она не умѣла разобраться даже въ томъ, смѣются надъ нею или обращаются къ ней серьезно, не знала, какъ отнестись къ людямъ, заговорившимъ съ нею, и бывало не мало случаевъ, когда она срывалась съ мѣста и выбѣгала изъ комнаты

только потому, что кто-то подходилъ къ ней «очень страшный». Отъ этого сплошного обмана всѣхъ чувствъ, отъ этой ребячьей наивности нѣкоторыя институтки не избавлялись до конца своихъ дней. Если отъ природы дѣвушка была умна, если институтское воспитаніе не успѣло вытравить въ ней всѣхъ ея душевныхъ способностей, она энергично начинала перевоспитывать себя. Но прежде чѣмъ житейскія обстоятельства передѣлывали ее настолько, что она становилась хотя нѣсколько пригодною къ жизни, ей приходилось сдѣлать много ошибокъ, принести много вреда и себѣ, и другимъ. Если она выходила замужъ за бѣднаго человѣка и дѣлалась матерью, она не умѣла ни ухаживать за дѣтьми, ни найтись въ затруднительномъ положеніи: для нея было немыслимо при ничтожныхъ средствахъ устроить мало-мальски сносный обѣдъ, смастерить что-нибудь для ребенка изъ незатѣйливаго матеріала,— она совершенно лишена была предпріимчивости и находчивости въ практической жизни.

Институтская жизнь дореформеннаго періода проходила въ притупляющемъ однообразіи монастырскаго заключенія безъ горя и радостей, безъ нѣжныхъ ласкъ и сердечнаго участія, безъ житейской борьбы и волненій, безъ надеждъ и разумныхъ стремленій. Все, точно нарочно, было приноровлено къ тому, чтобы воспитать не человѣка, не мать, не хозяйку, а манекенъ, и во всякомъ случаѣ слабое, безпомощное, безполезное, беззащитное существо. Иначе и быть не могло: въ институтѣ дѣвушка лишена была всего, что даетъ возможность выработать собственное сужденіе, наблюдательность, энергію, волю, характеръ, самостоятельное чувство. Даже переписка контролировалась въ такой степени, что воспитанницы писали родителямъ «казенныя письма» по одному и тому же образцу, нерѣдко переписывая ихъ другъ у друга. Несмотря на то, что въ институтѣ все было точно размѣрено и опредѣлено, все дѣлалось по звонку, и воспитанницы ни на одну минуту не оставались безъ надзора классныхъ дамъ,—онѣ, въ сущности, росли безъ всякаго призора. Хотя кл. дамы вѣчно наблюдали, чтобы воспитанницы разговаривали какъ можно меньше и тише, тѣ научились болтать передъ ихъ носомъ, не шевеля губами, дѣлать вещи, строго запрещенныя. Не имѣя возможности ни съ кѣмъ изъ старшихъ побесѣдовать по-человѣчески, посовѣтоваться, хотя изрѣдка слышать человѣческіе разговоры и споры, воспитанницы предоставлены были только самимъ себѣ. Но что могли позаимствовать другъ у друга дѣвушки, воспитанныя при одинаково ненормальныхъ условіяхъ? Онѣ прекрасно знали несложную психологію другъ друга, понятія и даже слова, въ которыхъ онѣ выражали свое сужденіе по поводу того или другого явленія институтской жизни, всѣ онѣ употребляли въ своихъ разговорахъ одни и тѣ же выраженія, когда ихъ что-нибудь поражало, выкрикивали одни и тѣ же восклицанія. Ихъ воззрѣнія, понятія, мысли и способности разви-

вались по одному шаблону, ихъ поступки нерѣдко вредны были для ихъ здоровья и нравственности. Онѣ ѣли всякую дрянь: куски грифеля, графитъ, угли, мѣлъ, стягивались корсетомъ въ рюмочку, а нѣкоторыя даже спали въ корсетахъ, чтобы пріобрѣсти интересную блѣдность и тонкую талію,—никто ихъ не останавливалъ, никто не объяснялъ имъ, какой вредъ онѣ себѣ причиняютъ.

Грубость кл. дамъ дѣлала и институтокъ грубыми существами: такъ же, какъ и ихъ наставницы, онѣ имѣли собственный лексиконъ бранныхъ словъ. Онѣ то и дѣло ссорились между собой, и бранныя слова сыпались, какъ горохъ изъ мѣшка. Громадному большинству была недоступна деликатность, бережное отношеніе къ чувствамъ ближняго: соберутся вмѣстѣ и пересчитываютъ красивыхъ и безобразныхъ подругъ и тутъ же въ лицо кричатъ имъ: «ты первая по красотѣ въ нашемъ классѣ! Ты первая по уродству! Ты вторая по идіотству!»

Начальство дѣлало выставку рѣшительно изъ всего,—все должно было имѣть показную сторону. Передъ пріемомъ высокихъ посѣтителей на видныя мѣста помѣщали красивыхъ воспитанницъ. Онѣ же должны были въ первыхъ рядахъ и танцовать передъ ними на балахъ. Выпускные, публичные экзамены были пустою формальностью, когда каждая знала, что ей придется отвѣчать; сочиненіе писали заранѣе, учитель поправлялъ его, и оно зазубривалось слово въ слово,—выученныя наизусть сочиненія задавали писать на публичныхъ экзаменахъ. Въ концѣ концовъ, жизнь для выставки, жизнь на показъ такъ въѣдалась въ нравы воспитанницъ, что онѣ учились только для хорошей отмѣтки, поступали хорошо только тогда, когда надѣялись получить похвалу. Красиваго наряда для выпуска требовали даже тѣ, матери которыхъ въ отчаяніи ломали руки, не зная, какъ справиться, чтобы устроить дочери мало-мальски сносный туалетъ для ея выхода, который сразу требовалъ огромныхъ издержекъ.

О выпускѣ мечтали всѣ, какъ тѣ, которымъ предстояло блестѣть на балахъ, такъ и тѣ, которыхъ ожидала трудовая дорога, но о ней никто не думалъ. И это естественно: чѣмъ ближе время подвигалось къ выпуску, тѣмъ болѣе утрачивали воспитанницы какое бы то ни было представленіе о дѣйствительной жизни. Многія изъ нихъ имѣли родъ подвижного календаря: мелко написавъ на длинную ленту числа всѣхъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ институтѣ, онѣ отрѣзали истекшее число и торжественно возглашали, сколько дней осталось до выпуска. Воспитанницы дореформеннаго института представляли себѣ жизнь не иначе, какъ усѣянною розами. Въ институтскихъ стѣнахъ имъ приходилось постоянно сдерживать себя, помнить кодексъ правилъ, вѣчно слышать брань озлобленныхъ старыхъ дѣвъ, испытывать голодъ, холодъ, тяжесть ранняго вставанія,—и онѣ мечтали, что въ буду-

щемъ ихъ ждетъ золотая свобода, что онѣ будутъ вставать поздно, дѣлать, что захотятъ, что окружающіе будутъ относиться къ нимъ съ искреннею любовью... Что же удивительнаго въ томъ, что весьма многимъ мечтательницамъ скоро пришлось сказать себѣ: «жизнь, ты обманула меня!»

Дневники и стихотворенія институтокъ обнаруживали въ авторахъ отсутствіе серьезнаго содержанія, мысли, творчества, фантазіи, даже естественныхъ сердечныхъ чувствъ. Къ институткѣ прививали все искусственное: учителя французскаго языка восторгались, когда ихъ ученицы декламировали стихи Корнеля и Расина замогильнымъ голосомъ, съ искусственнымъ паѳосомъ. Это создавало фальшивую атмосферу, прививало любовь къ фразѣ. Не только въ Смольномъ, но во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ дореформеннаго періода истинныя чувства дѣвушекъ заглушались высокопарными фразами. Онѣ были въ модѣ, въ ходу, сильно поощрялись и высшимъ, и низшимъ начальствомъ, что еще болѣе искажало природу воспитанницъ. Вотъ что говоритъ А. В. Стерлигова въ своихъ воспоминаніяхъ о петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ: «Одна изъ институтокъ, узнавъ о смерти двухъ своихъ братьевъ, убитыхъ на войнѣ, составлявшихъ притомъ единственную поддержку семьи, зарыдала, а все-таки сквозь слезы проговорила: «слава Богу, что они умерли за царя и отечество». Объ этихъ словахъ было доведено до свѣдѣнія императрицы, пожелавшей увидѣть воспитанницу. Государыня сдѣлала ей подарокъ, а отцу ея была назначена пенсія въ 1000 рублей, которая послѣ его смерти перешла къ дочери. («Рус. Архивъ» 1898 г., № 4, «Воспоминанія А. В. Стерлиговой о Петер. Екатерининскомъ Институтѣ 1850—1856 г.»).

Я перечитала нѣсколько институтскихъ дневниковъ и чаще всего встрѣчала въ нихъ описаніе того, какъ авторъ дневника встрѣтилъ «свое божество» или какъ былъ наказанъ кл. дамой; иногда встрѣчалось восторженное описаніе посѣщенія института императрицею, бросившей свой носовой платокъ на память воспитанницамъ, которыя немедленно разрывали его на мелкіе лоскутки, зашивали ихъ какъ ладанки и носили на шеѣ.

То же самое находимъ и въ поэтическомъ творчествѣ институтокъ, выражавшемся преимущественно въ писаніи стиховъ въ альбомы подругамъ. При отсутствіи мысли, наблюдательности и творчества, они отличались еще крайне неуклюжею риѳмою, наборомъ фразъ и страшныхъ словъ, сопоставленіемъ самыхъ противорѣчивыхъ понятій (наприм. «въ моей крови горячей—жаръ холодный», «счастливое страданье»), а чаще всего наклонностью къ сантиментальности, таинственному и загробному.

Порвавъ нравственную и родственную связь дѣтей съ родителями, сдѣлавъ ихъ чуждыми и далекими другъ другу, дореформенный институтъ дѣлилъ старое и молодое поколѣніе на два враждебныхъ лагеря. И въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, почему у насъ

всегда «отцы и дѣти» такъ враждовали между собой. У институтокъ отнимали все, что краситъ жизнь, все, что оживляетъ чувство, заставляетъ радостно трепетать юное сердце отъ чистаго счастья и восторга. Сердца молодыхъ дѣвушекъ, столь податливыхъ на откровенность, засушивались, черствѣли и рано научались ненавидѣть.

Муштровка и дисциплина приводили воспитанницъ къ одному знаменателю, стирали индивидуальность, дѣлали институтокъ похожими другъ на друга не только манерами, но, за небольшими исключеніями, даже характерами и вкусами, вырабатывали изъ нихъ созданій, «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ», лишенныхъ воли, энергіи и прежде всего какой бы то ни было иниціативы. Начальство сознательно стремилось обезличивать ихъ,—съ такими ему легче было справляться, чѣмъ съ «отчаянными». Ихъ было сравнительно очень немного, этихъ «отчаянныхъ»: ломая характеръ, ожесточая ихъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ остальныхъ, все же не могли стереть съ нихъ нѣкоторой индивидуальности. «Отчаянныхъ» кл. дамы не переносили, но не выказывали ни малѣйшей симпатіи и къ остальнымъ. «Дрянь на дряни и дрянью погоняетъ»—вотъ поговорка, которую мы всегда слышали, когда подымали шумъ въ классѣ. Изъ всѣхъ воспитанницъ онѣ выдѣляли только «парфетокъ» (отъ французскаго слова «parfait»—совершенный). Несмотря на всю грубость и испорченность «отчаянныхъ», между ними попадались благородныя, иногда даже рыцарскія натуры, а парфетками являлись самыя тупыя въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Эти до мозга костей испорченныя дѣвушки съ премудростью старыхъ дѣвъ цѣловали руки и плечи кл. дамамъ, пожирали глазами начальство, стремглавъ бросались по его порученіямъ, и большинство ихъ шпіонило за подругами и доносило на нихъ кл. дамамъ.

Выше было сказано, что процентъ смертности въ институтѣ былъ сравнительно не великъ, но и вполнѣ здоровыхъ среди воспитанницъ было чрезвычайно мало. Въ 1859 г. инспекторъ по медицинской части петербургскихъ учрежденій имп. Маріи, лейбъ-медикъ Маркусъ, представилъ свой отчетъ государю, въ которомъ говоритъ, что весьма многія воспитанницы страдаютъ «оскудѣніемъ крови». Причину этого явленія онъ видѣлъ въ томъ, что институтки мало двигались на воздухѣ и плохо питались. Онъ замѣтилъ также не мало случаевъ искривленія позвоночнаго столба, что происходило, по его мнѣнію, отъ продолжительнаго сидѣнія въ согнутомъ положеніи при вышиваніи по канвѣ и переписываніи тетрадей.

Но почему же матери такъ стремились отдавать въ институтъ своихъ дочерей? Неужели онъ такъ-таки ничего хорошаго не вырабатывалъ въ своихъ питомицахъ? Въ русскомъ обществѣ придавали тогда огромное значеніе хорошимъ манерамъ. И, дѣйствительно, институтки отличались ими. Но не начальство содѣйствовало этому, а подруги. Многія дѣвочки, при своемъ вступленіи, были крайне

неуклюжими: одна ходила, переваливаясь съ ноги на ногу, другая размахивала руками при ходьбѣ, закатывала глаза при разговорѣ, гримасничала. Когда воспитанница обращалась съ вопросомъ къ подругѣ, та отвѣчала ей, копируя въ карикатурѣ ея манеры, при этомъ весь классъ покатывался со смѣху. Иногда выстраивался цѣлый отрядъ воспитанницъ, дефилировавшихъ передъ злополучной дѣвочкой, неимовѣрно топая ногами, выпячивая животъ, однимъ словомъ, представляя въ комичномъ видѣ ея недостатки. Несчастная дѣвочка сердилась, бранилась, плакала, но постепенно отвыкала отъ усвоенныхъ дурныхъ привычекъ и скоро уже сама высмѣивала другихъ. Такимъ образомъ, воспитанницы самостоятельно вырабатывали въ себѣ отвращеніе къ дурнымъ манерамъ, но, конечно, все это касалось внѣшней, одной только внѣшней стороны.

Однако, институтъ приносилъ и болѣе существенную пользу. Эпоха крѣпостничества, передъ освобожденіемъ крестьянъ, была временемъ, когда страсти, разнузданныя продолжительнымъ произволомъ, у весьма многихъ помѣщиковъ выражались отчаяннымъ развратомъ, когда въ помѣщичьихъ домахъ содержались цѣлые гаремы крѣпостныхъ дѣвокъ, когда пиры сопровождались невообразимымъ разгуломъ, пьянствомъ, драками, грубою бранью, когда изъ конюшенъ раздавались отчаянные крики засѣкаемыхъ крестьянъ. Разлучая дочерей съ подобными родителями, институтъ спасалъ ихъ отъ нравственной гибели. Такъ было въ дореформенное время.

Наконецъ, и въ институтъ, окаменѣвшій въ своей неподвижности, ворвался солнечный лучъ: въ качествѣ инспектора классовъ къ намъ явился К. Д. Ушинскій, этотъ величайшій русскій педагогъ-реформаторъ, а вмѣстѣ съ нимъ хлынула и волна новыхъ идей, которыя стали подтачивать вѣковые допотопные институтскіе устои, даже измѣнять институтскіе нравы и обычаи. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Е. Водовозова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго **А. М. Брумберга.**

XI.

Въ дверь постучались громко и энергично. На возгласъ пастора: „Войдите!“ — портной Шлехтендаль прежде всего обтеръ ноги о лежавшую у порога постилку, сдѣлалъ полуоборотъ, просунулъ впередъ завернутый въ черный платокъ костюмъ и, наконецъ, вошелъ самъ.

— Добрый вечеръ, господинъ пасторъ.

Нѣкоторое время Дистеркампъ продолжалъ громко и быстро скрипѣть перомъ, затѣмъ откинулся назадъ, прикрывая глаза ладонью.

— Ахъ, это вы, Шлехтендаль! Садитесь. Хочу лишь кончить вотъ это... генералъ-суперинтенданту.

Перо опять быстро задвигалось по бумагѣ, и долго слышенъ былъ одинъ его скрипъ.

Портной осторожно опустилъ свой черный узелъ на полъ и съ котелкомъ въ рукѣ остался у двери. Широкоплечій съ грубымъ лицомъ, въ изношенномъ зимнемъ пальто, на концахъ рукавовъ и у кармановъ обшитомъ, однако, чистой черной тесемкой, онъ совершенно не походилъ на портного. Пальто было застегнуто лишь на верхнюю и нижнюю пуговицы. Коренастая, но не пухлая фигура была характерна для всего его существа. Онъ не мало гордился этимъ и былъ того убѣжденія, что и тѣлу нужно предоставить его права. Стройность — преимущество юности, зрѣлый же возрастъ долженъ имѣть солидный видъ. Поэтому отличительное свойство его покроя состояло въ томъ, что всѣмъ своимъ кліентамъ, даже самымъ худымъ, разъ они переступили тридцатилѣтній возрастъ, онъ оставлялъ въ брюкахъ, жилетѣ и сюртукѣ нѣкоторое мѣсто для брюшка. Впрочемъ, все, что онъ шилъ, сидѣло очень удобно, хотя бывало

и не по послѣдней модѣ. Онъ, правда, привѣшивалъ къ выбѣленнымъ стѣнамъ своей мастерской всѣ новинки модныхъ журналовъ—господъ въ длиннохвостыхъ, короткихъ или до брюкъ вырѣзанныхъ сюртукахъ, съ цилиндрами въ рукѣ и нелѣпой улыбкой на устахъ. Но, какъ ни были эти картинки соблазнительны на видъ, онъ на нихъ не глядѣлъ, а кроилъ фасоны своимъ обычнымъ способомъ, представлявшимъ золотую середину между узкимъ и широкимъ, высокимъ и низкимъ. Пусть сегодня мода предписываетъ широкія брюки, пусть завтра она приказываетъ носить узкія или воронкообразныя: онъ неизмѣнно придавалъ имъ одну и ту же форму фабричной трубы.

И каковъ онъ былъ въ своей спеціальности, таковъ былъ и въ жизни: приверженный къ старинѣ, ровный, простой и набожный. Все, что онъ, еще будучи крестьянскимъ мальчикомъ глухой горной деревни, заучилъ въ школѣ, когда готовился къ конфирмаціи, онъ навсегда сохранилъ въ своей ясной, крѣпкой памяти. И, чѣмъ болѣе трепала его жизнь, гоняя отъ одного мастера къ другому, бросая на военную службу, въ войну 1870 года, подвергая опасностямъ и ужасамъ кровавыхъ часовъ, приведя его, наконецъ, въ Гаммерштедтъ къ его женѣ, гдѣ онъ пережилъ не мало заботъ, хотя и не мало радостей,—тѣмъ больше все заученное имъ проникало изъ головы въ глубокое ясное сердце и скрывалось тамъ въ полной сохранности, такъ что прежде, чѣмъ разбить его вѣру, пришлось бы разбить его сердце.

Хотя мастеръ держался вдали отъ всякихъ новыхъ ученій, въ какой бы формѣ они ни являлись, онъ придерживался этого принципа лишь по отношенію къ собственной персонѣ и вполнѣ спокойно относился къ тому, что его рабочіе по вечерамъ посѣщали всякія,—большею частью соціалистическія—собранія, и лишь тогда, когда они во время работы слишкомъ громко кричали о какомъ-нибудь вопросѣ, онъ поворачивался къ нимъ изъ своего мѣста между стѣною и печкой и говорилъ: „Вы ужъ опять языки развязали? Для вашихъ бредней время—послѣ работы“.

Но это случалось не часто.

Когда его старшій сынъ, окончивъ годы ученичества, заявилъ отцу, что ему не по душѣ ни старые фасоны брюкъ, ни старыя формы жизни и религіи, и что онъ хочетъ пойти своей дорогой, старикъ не послалъ ему отцовскаго проклятія и позволилъ уйти: вѣдь и онъ въ молодые годы удралъ отъ своего старика и усвоилъ себѣ новыя формы.

Не наживъ богатствъ портняжнымъ ремесломъ, онъ зато

въ теченіе многихъ лѣтъ, прожитыхъ въ Гаммерштедтѣ, пріобрѣлъ хорошее имя. Уваженіемъ и извѣстностью среди обширныхъ круговъ общества онъ обязанъ былъ, главнымъ образомъ, тому, что былъ церковнымъ старостой. Многія тысячи людей, ни разу не бывшихъ въ его скромной мастерской, каждое воскресное утро видали его у церковной двери съ жестяной кружкой въ рукѣ собирающимъ даянія молящихся. Это была почетная должность Шлехтендаля, и каждое воскресенье было для него почетнымъ днемъ. Если онъ даже всю недѣлю сидѣлъ дома, простуженный, въ этотъ день онъ все-таки стоялъ на своемъ посту. И пока въ узкую дверь церкви мимо него протискивался потокъ молящихся, онъ, крѣпкій, какъ скала, и радостный, стоялъ со своей жестяной кружкой въ рукѣ и, не глядя, но чувствуя, сколько ему даютъ, благодарилъ каждаго короткимъ кивкомъ головы, при чемъ заглядывалъ въ лицо, а то и глубже. Онъ переполнялся благоговѣйнымъ чувствомъ, а внутри церкви пѣлъ органъ, и на улицѣ весело играла жизнь, залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Вотъ рабочій въ сшитомъ Шлехтендалемъ черномъ сюртукѣ, въ бѣлой манишкѣ съ большой круглой запонкой поверхъ шерстяной рубахи, но безъ воротничка, который ужъ слишкомъ неудобенъ: со своимъ младшимъ ребенкомъ на рукахъ онъ поджидаетъ жену при выходѣ ея изъ церкви. Тутъ вполголоса здоровался съ нимъ г-нъ судья: „Здравствуй, Шлехтендаль! Скоро получу свои брюки? Тѣ ужъ тоже порвались...“ Здѣсь привѣтствовали его богатые и бѣдные, молодые и старые, дамы и фабричныя работницы...

Сдѣлавъ еще нѣсколько завитушекъ, при чемъ царапанье пера по бумагѣ напомнило портному звукъ разрываемой матеріи, пасторъ вскочилъ со своего мѣста и обратился къ гостю.

— Такъ, благодареніе Господу! Ну, любезный Шлехтендаль, чего вы стоите? Что это вы? Такъ... сядьте, закурите сигару... сюда, прошу васъ... Я вамъ очень благодаренъ, что вы пришли такъ скоро.

Мастеръ затянулся сигарой и сказалъ:

— По вечерамъ я самъ относу работу, такъ какъ это вмѣстѣ съ тѣмъ для меня и прогулка... И я подумалъ, что тутъ же зайду къ господину пастору.

— Прекрасно, любезный Шлехтендаль! У меня, дѣйствительно, очень важное дѣло. Я не могу назвать это дѣло церковнымъ, хотя оно непосредственно касается церковной жизни. Я лучше назову его общимъ... общенароднымъ дѣломъ, поскольку оно затрагиваетъ здоровыя нравственныя чувства нашего города. Но, чтобъ сейчасъ войти in medias res, то

есть попросту приступить къ самой сущности дѣла, я спрошу васъ: вы вѣдь ужъ навѣрное видѣли новый фонтанъ на рыночной площади?

— Конечно.

— Ну, что вы скажете объ этомъ фонтанѣ, въ центрѣ нашего города, гдѣ проходитъ старъ и младъ, все, такъ сказать, населеніе?

Мастеръ Шлехтендаль выпустилъ дымъ изо рта и глядѣлъ на Дистеркампа, ломая голову, чего собственно тотъ хочетъ. Тутъ ему бросились въ глаза пятна на черномъ жилетѣ пастора: бѣловатыя пятна отъ сахара, блестящія отъ жира, и коричневыя, и черныя. Настоящая скала цвѣтовъ. „Его нужно было бы основательно почистить, наново прометать петли...—думалъ онъ.—Но фонтанъ?“

— Я въ этомъ не понимаю ровно ничего. Я, такъ сказать, не спеціалистъ.

— Но вы, разумѣется, видѣли его?

— Конечно, видѣлъ.

— И вамъ въ голову не пришли никакія мысли?

— Да, господинъ пасторъ...: когда я смотрѣлъ на этотъ красивый, ярко отполированный мраморъ и видѣлъ, какъ западный вѣтеръ пронесъ надъ нимъ всю эту гадость изъ фабричныхъ трубъ... Вѣдь иной разъ копоти такъ много, что руки чернѣютъ, и жена моя не разъ приносила домой рыбу, не только прокопченную, но и покрытую сажей.

— Ахъ, не въ сажѣ тутъ дѣло! Если-бъ даже... да, это можно было бы сравнить съ копотью, ложащейся на души... Но я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе о фонтанѣ?

— Конечно! Это именно я и хотѣлъ сказать. Я думалъ: какъ долго сохранится этотъ красивый бѣлый блескъ? Нельзя ли защитить его крышей? На красивыхъ, стройныхъ колоннахъ?

— Гмъ...—бормоталъ Дистеркампъ, нетерпѣливо качая ногой.—Больше ничего, значитъ, вамъ въ голову не пришло?.. Скажите, пожалуйста—(„въ этихъ кругахъ женщины обыкновенно интеллигентнѣе“,—думалъ онъ), ваша супруга ничего не говорила по этому поводу? Вѣдь она тоже видѣла фонтанъ?

— Разумѣется! Да, г-нъ пасторъ, моя жена смотрѣла на него совсѣмъ другими глазами.

— Какъ именно?

— Женщина, господинъ пасторъ, думаетъ прежде всего о семьѣ и о хозяйствѣ. Она огорчалась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что столько воды пропадаетъ даромъ, между тѣмъ какъ намъ приходится такъ дорого платить за нее. Но, господинъ пасторъ, это было замѣчено лишь такъ, безъ

всякаго злого умысла, какъ иногда говоритъ хозяйка. Ибо хозяйка—она всегда, что бы ни случилось, имѣетъ свою точку зрѣнія, она всегда помнитъ свою семью. У женщинъ иначе и не бываетъ. По крайней мѣрѣ, у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ денегъ постоянная недохватка, такъ что деньги играютъ въ ихъ жизни главную роль.

— Это очень хорошо и утѣшительно,—возразилъ Дистеркампъ нѣсколько сурово,—что ваша жена прежде всего думаетъ о семьѣ,—христіанская мать должна быть таковой во всѣхъ случаяхъ, т. е. сначала о Богѣ, а затѣмъ о семьѣ. Но развѣ счастье или страданіе семьи зависятъ только отъ денегъ? Развѣ при взглядѣ на фонтанъ вашей супругѣ не пришли на умъ материнскія обязанности? У васъ вѣдь два мальчика, Шлехтендаль—одинъ изъ нихъ готовится теперь къ конфирмаціи,—онъ долженъ быть особенно оберегаемъ отъ всякихъ соблазновъ. А вашъ младшій сынъ! Въ такомъ нѣжномъ возрастѣ... вѣдь вдвойнѣ плохо, если сѣмя грѣха попадетъ въ столь незрѣлый сосудъ... Ну, спрашиваю я васъ, если ваши мальчики проходятъ мимо этого ужаснаго произведенія съ его голыми фигурами, развѣ ихъ думамъ не грозитъ опасность развратиться?

— Ахъ, господинъ пасторъ, я могу васъ увѣрить, они даже не смотрятъ на него. Мой маленькій... мой Отто... что, думаете вы, видитъ онъ на улицѣ? Приходитъ онъ домой, вѣшаетъ на гвоздь свою шапку и говоритъ: „Отецъ, мясникъ Гидеманъ опять вывѣсилъ въ лавкѣ шесть свиныхъ окороковъ, и такихъ вотъ большихъ", — и тутъ разставляетъ руки, какъ можетъ шире. Я ему говорю: „Что тебѣ отъ того, что у него пять или шесть окороковъ, вѣдь купить ты ни одного не можешь?" Но нѣтъ, слѣдующій день онъ опять приходитъ и разсказываетъ: „Теперь тамъ висятъ уже только три". А старшій... ахъ... этихъ мальчиковъ, господинъ пасторъ, вы должны были бы видѣть, когда они возвращаются изъ школы. Имъ некогда смотрѣть на все это. Они только и дѣлаютъ, что скачутъ и дерутся, болтаютъ и смѣются. Въ лучшемъ случаѣ они останавливаются передъ какимъ-нибудь объявленіемъ.

Мастеръ Шлехтендаль, разгорячившись, сталъ настолько довѣрчивъ, что положилъ свою честную руку на рукавъ пастора и продолжалъ:

— Ахъ, господинъ пасторъ, вамъ нечего ломать себѣ голову, мы не таковы, чтобы смущаться передъ этимъ—ни мы, старики, ни, тѣмъ болѣе, дѣти.

Тутъ, наконецъ, пасторъ далъ волю своему священному гнѣву. Онъ вскочилъ со своего мѣста, жилы его вздулись, и въ то время, какъ сжатая въ кулакъ десница била по

ландкартѣ изъ сахарныхъ, жирныхъ, кофейныхъ и пепельныхъ пятенъ его жилета, онъ глубоко вдыхалъ воздухъ, какъ онъ это дѣлалъ, стоя на каѳедрѣ, пуская въ ходъ весь свой громовой голосъ. Онъ собирался этими громами своего голоса смести всю глупую болтовню старика, какъ вдругъ вспомнилъ, что его кабинетъ вѣдь не церковь. Поэтому онъ въ послѣднiй моментъ выпустилъ половину воздуха и внушительнымъ шопотомъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, что вы видѣли фонтанъ лишь очень поверхностно, ибо я далекъ отъ мысли, чтобъ вы были настолько лишены чувства стыдливости. Но я хочу васъ вотъ о чемъ спросить: здѣсь, съ глазу на глазъ... какъ христiанинъ съ христiаниномъ... что бы вы, Шлехтендаль, сдѣлали, еслибъ на рыночной площади нашего города вы бы среди бѣла дня встрѣтили человѣка безъ одежды... ну, однимъ словомъ.. совершенно голаго человѣка?

Мастеръ Шлехтендаль высоко поднялъ брови, прикрылъ рукою ротъ, при чемъ губы его заострились, и медленно покачалъ головой.

— Господинъ пасторъ... это... можетъ случиться въ другомъ мѣстѣ развѣ... Но здѣсь, въ Гаммерштедтѣ... я живу вѣдь здѣсь ужъ тридцать шесть лѣтъ... это совершенно невозможно. Я могу за это поручиться.

— Но представьте себѣ, что такой случай возможенъ.

— Это совершенно невозможно! Даю голову на отсѣченiе, этого не сдѣлаетъ ни одинъ гаммерштедтецъ.

— Тогда я васъ спрошу о другомъ. Неужели вы считаете за меньшее зло то, что изо дня въ день передъ вашими глазами стоятъ на базарѣ не одна, а пять, цѣлыхъ пять совершенно голыхъ фигуръ? Развѣ есть какая-нибудь разница въ томъ, что онѣ не могутъ вмѣшаться въ людскую толпу, а, стоя на одномъ мѣстѣ, показываютъ свою наготу? Развѣ тѣмъ, что фигуры эти не изъ плоти и крови, а изъ камня, развѣ тѣмъ онѣ менѣе мерзки? Развѣ скульпторъ не воспроизвелъ природу съ дьявольской точностью? Развѣ онъ не снабдилъ ихъ... гм... э... такъ сказать, придатками, которые... имѣютъ отношенiе къ чувственной сторонѣ нашей земной жизни? А если это такъ, какими глазами вы смотрите на фонтанъ?

Старикъ Шлехтендаль сдѣлалъ серьезное лицо и даже стянулъ губы, какъ будто почувствовалъ на языкѣ горечь. Произошло ли это отъ того, что онъ понялъ, наконецъ, нравственную опасность, или же отъ того, что вдругъ напалъ на маленькое перышко, случайно попавшее въ его сигару? Ибо, чтобы правду сказать, въ сигарахъ, которыми пасторъ угощалъ своихъ посѣтителей — болѣе простыхъ, ко-

нечно,—попадались всякаго рода забавныя примѣси: нитки, волосы, крупинки каменнаго угля, но чаще всего куриныя перья. Шлехтендаль отложилъ сигару, громко вздохнулъ и мысленно пожелалъ очутиться на улицѣ.

Замѣтивъ, что слова его произвели должное впечатлѣніе, Дистеркампъ не хотѣлъ лишить этого, очевидно, задѣтаго за живое человѣка своего отвѣта, который онъ самъ могъ бы вѣдь формулировать лучше, чѣмъ неповоротливый языкъ портного. Поэтому онъ продолжалъ:

— Я думаю, милый Шлехтендаль, что всѣ мы, христіане и люди здоровые, интересующіеся нравственнымъ преуспѣяніемъ нашего города, всѣ мы, думаю я, должны протестовать противъ оскорбленія нашего элементарнаго чувства стыдливости. Я самъ вставлю соотвѣтственное слово въ проповѣдь, которую произнесу въ ближайшее воскресенье. Но и съ вашей стороны также долженъ быть сдѣланъ извѣстный шагъ. Мнѣ кажется, самое лучшее было бы подать заявленіе въ городскую думу. Я самъ напишу вамъ его. Вамъ придется только подписаться. И я надѣюсь, что ваше имя, любезный Шлехтендаль, будетъ стоять въ первомъ ряду.

— Если господинъ пасторъ позволитъ, я предварительно поговорю со старухой... съ женой моей.

— Конечно, я васъ не буду торопить. Когда можно будетъ получить отвѣтъ?

— Завтра.

— Прекрасно. Богъ съ вами, любезный Шлехтендаль. Не забудьте своей сигары! Итакъ, до завтра. Съ Богомъ!

На слѣдующій день отъ Шлехтендаля получилось письмо: онъ, къ сожалѣнію, не можетъ подписаться, такъ какъ онъ во всемъ этомъ ничего не понимаетъ. Подобный же отказъ пасторъ получилъ и отъ другихъ, отъ которыхъ онъ ждалъ помощи въ разгорѣвшейся борьбѣ. Съ другой стороны, многіе, даже стоявшіе на его сторонѣ, не осмѣливались публично защищать свою точку зрѣнія.

Какъ разъ „самые лучшіе элементы города“ (этимъ выраженіемъ онъ безсознательно подражалъ Шейлоку: „Если я говорю, это хорошій человѣкъ, то я думаю, что онъ человѣкъ состоятельный“), т. е. какъ разъ самые богатые и почтенные граждане Гаммерштедта, которые своему строго религіозному образу мыслей придавали большое значеніе, какъ разъ они, хотя и присоединялись къ осужденію фонтана, но по различнымъ причинамъ не хотѣли подписать своихъ фамилій подъ подобной петиціей. Больше всего, однако, огорчало Дистеркампа то обстоятельство, что даже

его товарищи по посту покинули его въ его замыслѣ и подъ всякими сомнительными предлогами отказывались отъ участія въ агитаціи. Болѣе того, кто-то написалъ ему даже, что изъ-за такой мелочи онъ не долженъ забывать болѣе тяжелыхъ нуждъ и гораздо болѣе важныхъ задачъ церкви... Ахъ, эта слѣпота, которая ничего не видитъ и ждетъ, чтобы ужасы Гаммерштедта сравнялись съ ужасами Содома и Гоморры!

Впереди всѣхъ стояла неутомимая и надежная фрейлейнъ Дюмелингъ и ея бравый боевой товарищъ, отставной капитанъ Дрегеръ. Да, этотъ капитанъ Дрегеръ, который незадолго передъ тѣмъ состоялъ еще членомъ кружка „непринужденныхъ“ и вообще былъ завсегдатаемъ питейныхъ заведеній, сталъ теперь ярымъ борцомъ за нравственность.

— Ты слишкомъ беззаботно смотришь на все это, милая кузина,—сказалъ онъ ей въ присутствіи пастора.—Да, ты и понятія не имѣешь, что тутъ дѣлается! Какъ молодые люди идутъ... идутъ по плохому пути. Ну, ну, самое лучшее было бы запустить хорошимъ снарядомъ изъ гаубицы, чтобъ все это свинство было сметено съ площади однимъ разомъ.

Онъ отдалъ всю свою душу и тѣло на служеніе доброму дѣлу. Равнымъ образомъ кондитеръ Батге. Однажды, когда пасторъ проходилъ мимо его булочной, отъ затащилъ его къ себѣ и, торопливо сметая немного муки, попавшей на сюртукъ Дистеркампа, плаксивымъ тономъ сказалъ ему:

— Я отецъ семейства. У меня пять человѣкъ дѣтей. И,—честное слово, господинъ пасторъ, — госпожа коммерціи совѣтница больше не покупаетъ у меня ни на грошъ. Она даже булки у меня брать перестала. Но Богъ съ этимъ. Мой Христосъ выше всего.

И, въ знакъ своего уваженія, онъ навязалъ ему цѣлую коробку свѣжихъ печеній—не за деньги, а въ подарокъ.

Кромѣ того, фрейлейнъ Дюмелингъ расположила въ свою пользу еще многихъ другихъ. Правда, большинство ея сторонниковъ принадлежали какъ разъ не къ „лучшимъ элементамъ“ общества, а представляли, собственно говоря, людей, къ которымъ Дистеркампъ питалъ не особенно большія симпатіи: то были робкіе бѣдняки, исхудавшія, плохо одѣтыя женщины, которыя съ неприкрытой головой и жестянкой подъ потертой мантильей забѣгали къ кому-нибудь на квартиру, чтобы достать для постоянно больного мужа немного супу или нѣсколько картофелинъ, бѣдняки, отъ которыхъ не особенно пріятно пахнетъ, которые кашлемъ своимъ нарушаютъ обѣденный покой и, наконецъ, заплевываютъ всю переднюю. Немногимъ лучше были и мелкіе ремесленники, которые ничего не могли добиться, и которымъ давали ра-

боту скорѣе изъ жалости; не лучше также были одѣтыя въ черное засидѣвшіяся сестры, владѣвшія лавчонкой рукодѣлій или бумаги „вмѣстѣ съ духовными книгами“. Всѣ онѣ обладали, правда, чувствомъ стыдливости, совѣстью и мужествомъ. Но предпринять съ ними что-нибудь крупное было невозможно.

— Недостаетъ лучшихъ элементовъ,—жаловался Дистеркампъ.

— Эти еще явятся, — постоянно возражала фрейлейнъ Дюмелингъ.—Вы должны только открыть имъ глаза, чтобъ они знали, что именно стоитъ на рыночной площади — воплощенная чувственность.

Насколько справедливы были ея послѣднія слова, показалъ слѣдующій случай, глубоко потрясшій пастора.

Въ субботу вечеромъ, черезъ нѣсколько дней послѣ открытія фонтана, сапожникъ Гикенратъ, словно глупое животное, цѣлыхъ полчаса простоялъ передъ фонтаномъ, съ мечтательной улыбкой все время глядя на голую фигуру. Затѣмъ онъ побѣжалъ домой, началъ безобразничать, бросилъ со стола тарелку съ картофелемъ и саломъ, разбилъ лампу и заявилъ: отнынѣ онъ и пальцемъ не дотронется до своей жены. Онъ заявилъ, что всѣ супружескія обязанности не имѣютъ никакого значенія. Какъ должна выглядѣть настоящая жена, онъ только теперь понялъ. Потомъ онъ поколотилъ свою жену, все время не переставая твердить, что отнынѣ онъ до нея и пальцемъ не дотронется.

Бѣдная женщина, перепуганная этой угрозой больше чѣмъ колотушками, къ которымъ она успѣла привыкнуть, разсказала эту исторію сосѣдкѣ. Та передала ее другой, другая третьей, пока эта вѣсть не дошла до фрейлейнъ Дюмелингъ.

Сказать правду, жена сапожника была беззубая, довольно ужъ старая женщина, болѣе тощая, чѣмъ самая тощая изъ коровъ фараоновыхъ. Притомъ мужъ ея пользовался не особенно хорошей славой. Одна горничная уже жаловалась на него, что при сниманіи мѣрки съ ноги онъ судорожно сжалъ ея икры. Къ тому же, по субботамъ онъ напивался непремѣнно, да и въ другіе дни не всегда былъ трезвъ. Но, несмотря на все это, вышеописанный случай былъ чрезвычайно многозначителенъ и показывалъ, какою нравственною гибелью грозилъ фонтанъ.

Когда пасторъ призвалъ къ себѣ сапожника, тотъ со слезами на глазахъ признался: онъ знаетъ теперь, что то искушалъ его бѣсъ. Но эта проклятая женская фигура все время кивала ему головой и мигала глазами, словно желая сказать: „Поднимись ко мнѣ, Гикенратъ. Я бы для тебя“...

А бѣсъ толкалъ его сзади, и его бросало въ жаръ и холодъ.

Пасторъ сдѣлалъ ему строгое внушеніе и объяснилъ, что грозитъ тѣмъ, которые грѣшатъ противъ седьмой заповѣди. Когда же сапожникъ указалъ на грѣховность своей плоти, Дистеркампъ разъярился: что же говорить ему, вдовцу, ужъ столько лѣтъ лишенному сладостей брака? Все это было бы прекрасно,—сказалъ сапожникъ,—но что было бы со всѣми его дѣтьми? Шесть еще живутъ, трое умерли... Тогда пастырь указалъ ему на молитву и трудъ. Тяжелый, неустанный трудъ, чтобъ по вечерамъ отъ усталости погрузиться въ глубокій сонъ... Ахъ, бѣда только въ томъ, что работы нѣтъ:—таково было возраженіе сапожника. Все это платанье доставляетъ Гикенрату небольшую радость, и зарабатываетъ онъ также мало... Кончилось тѣмъ, что Дистеркампъ заказалъ ему пару новыхъ сапогъ, для которыхъ сапожникъ тутъ же снялъ съ него мѣрку.

Въ воскресенье Дистеркампъ вплелъ этотъ случай въ свою проповѣдь. Довольно смѣлымъ скачкомъ онъ перешелъ къ путешествію св. Павла въ Аѳины, гдѣ „духъ его возмутился, такъ какъ онъ увидѣлъ, что городъ погрязъ въ идолопоклонствѣ“. Но развѣ только тогда и только въ Аѳинахъ были подобные „золотые, серебряные и каменные идолы“? О, нѣтъ, возлюбленные братія во Христѣ!..

Тутъ глаза всѣхъ, полные ожиданія, обратились къ каѳедрѣ, такъ какъ каждый думалъ, что онъ нѣсколькими крѣпкими словечками коснется и Гаммерштедтской скульптуры. Но, кто такъ думалъ, тотъ не зналъ разсудительнаго, истинно дипломатичнаго ума пастора. Онъ сдѣлалъ маленькую паузу и сталъ говорить о вліяніи сатаны вообще, о князѣ тьмы съ его безчисленной грѣшной свитой, которая вкрадывается, какъ моровая язва, въ ночи и губитъ, какъ моръ, въ полдень.

Вся община пошла домой благоговѣйно настроенная и въ то же время очень голодная, и среди прихожанъ наврядъ ли былъ кто-нибудь, кто не принялъ бы твердаго рѣшенія пойти въ церковь и въ слѣдующее воскресенье.

Отнынѣ фонтанъ сталъ предметомъ усердныхъ разговоровъ. О немъ говорили въ ратушѣ и въ первомъ классѣ городской школы, въ часы собесѣдованій въ христіанскомъ ферейнѣ и во время ѣзды на электрическомъ трамваѣ.

Если-бъ Дистеркампъ вышелъ разъ за предѣлы своего обычнаго круга и отправился въ разныя общественныя мѣста, какъ пивныя и кофейни, или же совершилъ прогулку по улицамъ города, ему стало бы вполнѣ ясно, что

число его сторонниковъ не слишкомъ велико. Большинство говорило, что это не ихъ дѣло, нѣкоторые выражались еще сильнѣе. Одно, впрочемъ, радовало его: фонтанъ одобряли лишь немногіе. Больше всего порицалось то, что вся эта исторія не представляетъ собою ничего поучительнаго. Вотъ если-бъ въ этой женской фигурѣ можно было видѣть какую-нибудь аллегорію—вуппертальскую русалку, или если-бъ нижнія фигуры представляли собою бѣлильщиковъ пряжи или промывальщиковъ сукна, то на все это можно было бы смотрѣть, какъ на прославленіе фабричной промышленности... И лишь единичные господа—какой-то учитель, читавшій „Эстетическія письма“ Шиллера, или актеръ, въ парикмахерской г-на Фрелиха ругавшій пачкотню гаммерштедтскихъ художниковъ, — лишь они высказывали странный взглядъ, что фонтанъ есть произведеніе искусства, и притомъ прекрасное произведеніе искусства,—и что этого совершенно достаточно. Что фонтанъ—произведеніе искусства, никто не отрицалъ. Но развѣ этого достаточно? Качали головою, смотрѣли въ пространство, какъ будто ища чего-то, и говорили, что нужно ставить болѣе высокія требованія. Нѣтъ, общее мнѣніе было таково, что фонтанъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Но пастору вмѣшиваться въ это дѣло нечего!

Въ то время, какъ люди спорили между собою, невѣрующіе насмѣхались, а вѣрующіе думали, какъ бы въ тиши увеличить число своихъ сторонниковъ,—въ это время въ одной юной человѣческой душѣ разыгрывалась борьба, которой никто не подозрѣвалъ, но которая представляла собою борьбу не на жизнь, а на смерть.

Съ того памятнаго урока, полнаго молитвеннаго настроенія, Эрнстомъ овладѣла какая-то тревога и смятеніе, которыя напоминали собою бури первыхъ мартовскихъ дней, когда весна борется съ зимою.

Подъ сѣрымъ небомъ бушуетъ вѣтеръ и вдругъ набрасывается на наполненный соками, но еще черноватый лѣсъ. Деревья со стономъ наклоняются, стройная сосна бросается на широкую корону бука, даже старые дубы дрожатъ, и раскидистыя липы съ шумомъ сбрасываютъ на землю вѣтку за вѣткой, какъ путешественники, преслѣдуемые разбойниками, выбрасываютъ всѣ свои драгоцѣнности. Но вдругъ небо проясняется, громадное око солнца раскрывается, все погружается въ яркіе потоки золота, земля выдыхаетъ чудеснѣйшіе ароматы, и, словно нитка жемчуга, блестятъ бѣлые подснѣжники. А въ слѣдующій моментъ разливается по всему небу мракъ, градъ съ грохотомъ низвергается сверху и бьетъ по лицу ѣдущаго по

дорогѣ извощика, который съ проклятіями накидываетъ себѣ на голову изодранный мѣшокъ.

Подобная же буря разыгрывалась въ душѣ Эрнста Брооха. Онъ рѣшилъ начать новую жизнь. Тѣло и душа должны стать храмомъ Божіимъ; онъ хотѣлъ избѣгнуть не только грѣховныхъ поступковъ, но даже самыхъ мимолетныхъ грѣховныхъ мыслей. Прошло нѣкоторое время, и душа его стала походить на рѣзко напряженное, но въ то же время утомленное, болѣзненно-взволнованное и смертельно-усталое выраженіе его лица. По дорогѣ въ школу онъ молчалъ, весь уходилъ въ себя и велъ себя такъ, что товарищи заподозрили его въ высокомѣріи. Фрицъ фонъ-Люне попытался разъ посмѣяться надъ нимъ по этому поводу, но Эрнстъ далъ ему такой рѣзкій отвѣтъ, что ихъ дружба была бы порвана, если-бъ Фрицъ не одумался и передъ разставаніемъ не заявилъ, что ровно въ пять онъ будетъ у него.

— Но знай, Эрнстъ,—прибавилъ онъ,—изъ-за тебя одного я бы къ вамъ долго не ходилъ, но у тебя такая прекрасная трапеція, и у васъ вообще такъ хорошо.

Оставаясь же съ глазу на глазъ съ Августомъ, Эрнстъ затѣвалъ съ нимъ длиннѣйшія религіозныя бесѣды, въ теченіе которыхъ его другъ слушалъ съ большимъ терпѣніемъ и интересомъ. Спорить не было въ привычкахъ Августа, и наиболѣе суровымъ возраженіемъ, на которое онъ осмѣливался, являлся лишь потаенный вздохъ или краткое слово: „Ты все это слишкомъ близко принимаешь къ сердцу, Эрнстъ". Въ общемъ, однако, онъ вполнѣ подчинялъ ему свою разсудительную натуру и, въ концѣ концовъ, также рѣшилъ стать другимъ человѣкомъ и отказаться отъ своей тайной склонности къ отцовскому ящику съ папиросами и материнскому шкафу съ пивомъ. Онъ, правда, не всегда былъ въ силахъ противостоять одолѣвавшимъ его соблазнамъ и неоднократно бывалъ вынужденъ со смущеніемъ признаться, что онъ вчера опять „понюхалъ".

Эрнстъ не отвѣчалъ ни слова. Рѣзкія черты вокругъ губъ, красота которыхъ еще рѣзче выступала на блѣдности его лица, заострялись все сильнѣе. Признанія пріятеля онъ выслушивалъ съ завистью: онъ думалъ о соблазнахъ, которые изъ ночи въ ночь горячо и страстно манили его къ себѣ, и которые онъ скрывалъ отъ своего лучшаго друга, какъ самыя страшныя тайны.

Впрочемъ, религіозныя мысли не всегда брали верхъ. Бывали дни, когда мальчикомъ овладѣвалъ духъ скептицизма, духъ современнаго человѣка, который твердыми ногами стоитъ на чисто вымощенной землѣ и на всѣ невидимыя вещи, разсказываемыя ему, отвѣчаетъ своимъ спокойнымъ:

„А докажите-ка!“ Его охватывало желаніе жить, буйное стремленіе пятнадцатилѣтняго подростка къ беззаботности, къ безпечной игрѣ, къ освобожденію отъ всѣхъ призрачныхъ терзаній.

Въ такомъ состояніи бунта находился онъ однажды послѣ обѣда, когда товарищи были съ нимъ въ его комнатѣ. Онъ доказывалъ Августу,—Фрицъ возился съ электрической машиной,—что нѣтъ большей глупости, большей лжи чѣмъ „такъ называемое христіанство“. Ибо, во-первыхъ: если Христосъ, дѣйствительно, Сынъ Божій, то какое же это вообще имѣетъ значеніе, если онъ былъ безгрѣшенъ? Тогда вѣдь это не штука! Вѣдь такъ и онъ, Эрнстъ, могъ бы быть безгрѣшнымъ!

— Ну, послушай! И ты бы также далъ себя распять на крестѣ?—недовѣрчиво замѣтилъ Фрицъ, съ удовольствіемъ слѣдившій за прыгавшими съ трескомъ искрами.

— Почему нѣтъ? Я бы могъ ѣсть раскаленные угли, если-бъ зналъ, что раны тутъ же залѣчиваются, и я могу принести этимъ пользу другимъ! Во-вторыхъ: чѣмъ, вообще, доказывается существованіе Бога? Библіей? Но Библія вѣдь написана людьми. Почему вѣрятъ этимъ людямъ? Можетъ, они были сумасшедшіе?

— Ну, Эрнстъ, этого не говори. Сумасшедшіе... э...

Августъ потрясъ головой и въ первый разъ въ своей жизни энергично возражалъ противъ словъ Эрнста. Онъ также не всему вѣрилъ, что написано въ Библіи, но большая часть тамъ—правда. Онъ растерянно замѣтилъ, что Эрнстъ хотѣлъ лишь посмѣяться надъ нимъ. Но тотъ насмѣшливо спросилъ, что если одно—вранье, то почему другое—правда? И онъ не переставалъ надоѣдать товарищамъ, пока Фрицъ не попросилъ его перестать, наконецъ, ерундить.

— Да, ты консерваторъ!—насмѣшливо возразилъ Эрнстъ.— Ты вѣришь всему, что тебѣ только ни наговорятъ, а въ сущности, ты не вѣришь ничему. Въ сущности, тебѣ все трынъ-трава!

— А зачѣмъ мнѣ ломать себѣ голову? Вѣрю ли я или нѣтъ,—наизусть зубрить вѣдь все равно придется. Но кое-что истинное во всемъ этомъ заключается, а то не стали бы строить такихъ дорогихъ церквей. Но послушай только!.. Эй, чортъ, опять!—крикнулъ онъ, получивъ сильный электрическій ударъ, и сталъ прыгать, тряся рукою, по комнатѣ, увѣряя, что она парализована. Когда же Августъ захотѣлъ опять привести ее въ движеніе, поднялась такая веселая свалка, что и Эрнстъ невольно принялъ въ ней участіе.

Но какъ только товарищи ушли, опять одолѣла его

боязливая печаль, и онъ рѣшилъ бросить всякія сомнѣнія и искать Бога чистымъ сердцемъ.

Но бывали и свѣтлые часы, часы драгоцѣнной, радостной увѣренности, когда его охватывало чувство, что быть добрымъ отнюдь не значитъ переносить только всю эту безконечную борьбу, подавлять въ себѣ всякое движеніе и всякое желаніе, что это должно быть гораздо проще и естественнѣе.

Эта мысль страннымъ образомъ приходила ему на умъ почти всегда въ присутствіи новой матери. Когда она своими легкими шагами входила въ его комнату, то свѣтъ ея веселаго, яснаго лица озарялъ и его душу. Она обращалась съ нимъ не какъ взрослый съ ребенкомъ, а какъ старшая сестра съ младшимъ братомъ, и имѣла особую манеру обращать его вниманіе на то или другое, не придавая своему голосу тона предостереженія; она умѣла доставлять ему маленькія радости, которыя сильно трогали его сердце, такъ какъ онъ, вопреки своей замкнутости, чувствовалъ, что человѣкъ, который такъ понимаетъ его, такъ слѣдитъ за нимъ, доженъ навѣрное любить его. Она помогала ему при приготовленіи уроковъ, и часто, особенно при математическихъ задачахъ, случалось, что и она тщетно изощряла все свое остроуміе и вся краснѣла отъ напряженія. Тогда она сидитъ, бывало, оперши голову на руку, постукивая карандашомъ о виски, и оба смотрятъ другъ на друга растерянно и довѣрчиво, какъ младшій и старшій товарищи. И, если взоръ Эрнста случайно падалъ тогда на портретъ покойницы, ему ужъ не казалось, что онъ нарушаетъ ея покой.

Въ подобные моменты его часто охватывало желаніе довѣрить свой страхъ новой матери. Но все то, что давило его, было такъ спутанно и сложно, что изъ этого узла онъ не могъ вытянуть ни одной нити. Когда же она сама подходила къ этимъ скрытымъ глубинамъ и спрашивала его, чего ему недостаетъ, или довѣрчиво заводила съ нимъ разговоръ, за которымъ онъ чувствовалъ вопросъ, тогда истинное содержаніе его души падало въ черную, глубокую бездну, такъ что, если-бъ онъ даже хотѣлъ ей сказать, онъ не могъ бы дать другого отвѣта, какъ: „Мнѣ ничего не нужно. Мнѣ очень хорошо. Я чувствую себя вполнѣ здоровымъ“.

Однако, то, что онъ не въ состояніи былъ высказать человѣку, то онъ довѣрялъ своему дневнику. Здѣсь тянулись длинныя теоретическія разсужденія, противорѣчившія одно другому. Молитвы къ Богу, отрицанія Бога, между ними короткіе крики отчаянія, отрывочныя жалобы и проклятія

по собственному адресу. Короткая фраза: „Господи, чѣмъ-нибудь быть бы только, вѣрующимъ или невѣрующимъ, лишь бы не это ужасное раздвоеніе!"—это предложеніе часто повторялось съ различными варіаціями. Тутъ же рядомъ стояли беззаботнѣйшія замѣчанія о школьныхъ впечатлѣніяхъ, и съ наивнѣйшей радостью отмѣчались каждый разъ успѣхи въ гимнастикѣ.

XII.

Поднимаясь въ комнату своего сына, госпожа Броохъ еще на лѣстницѣ услышала оживленный разговоръ трехъ друзей.

— Ну, господа, о чемъ это вы такъ горячо спорите?— спросила она.—Можно присутствовать при вашемъ спорѣ?

Щелкнувъ каблуками по-военному, Фрицъ съ изящнымъ поклономъ быстро и нѣсколько взволнованно сказалъ:

— Пусть твоя мама рѣшитъ споръ. Вы кстати пришли, мадамъ Броохъ. Мы вотъ споримъ о томъ, видитъ ли Богъ все, или нѣтъ. Я говорю: Онъ можетъ все видѣть, но Ему это не нужно. Напримѣръ, смотрѣть на насъ теперь было бы Ему, конечно, слишкомъ скучно. У него есть болѣе важныя дѣла. Но не это, впрочемъ, мы хотѣли узнать. А вотъ что: скажите намъ дѣйствительно искренно, безъ уловокъ, вѣрите ли вы въ Бога. Въ Отца... Сына и... Святого Духа? Словомъ, во все, чему учитъ насъ пасторъ, мадамъ Броохъ?

Она погладила его по коротко остриженной головѣ и затѣмъ достала изъ-за стола стулъ, на который она медленно опустилась.

— Ты спрашиваешь о самыхъ трудныхъ вещахъ.

— Да, но именно вы должны намъ отвѣтить на это. Другіе вѣдь только виляютъ.

Дыханіе ея сильно затруднилось, и сердце забилось сильнѣе, что произошло не только отъ того, что она только что поднялась по лѣстницѣ, но и отъ того, что значеніе этого вопроса тяжело ложилось ей на душу.

Они всѣ трое стояли передъ нею,—Августъ благоговѣйно и съ почтительнымъ спокойствіемъ, Фрицъ нетерпѣливо, переступая съ ноги на ногу, а ея сынъ съ недовѣрчивымъ, напряженнымъ взоромъ, который онъ, однако, равнодушнымъ движеніемъ головы отводилъ отъ нея, когда ихъ взгляды встрѣчались.

Передъ этимъ судомъ, который не состоялъ, правда, изъ князей, папскихъ легатовъ и высокопоставленныхъ лицъ и не могъ предать ее анаѳемѣ, но передъ которымъ она, однако, ощущала нѣчто вродѣ робости, такъ какъ понимала, что

ея „да“ или „нѣтъ“ можетъ для этихъ трехъ молодыхъ людей служить душевнымъ компасомъ на всю ихъ будущую жизнь,—она должна была излагать то, что въ ея собственной душѣ волновалось лишь хаотически, что она въ свои добрыя и живыя минуты жизни ощущала лишь, какъ радостное предчувствіе, но что она даже въ лучшія мгновенія не пыталась выразить сухими словами. Отвѣтъ казался ей почти невозможнымъ. И все-таки... неужели ей придется преподнести этимъ голоднымъ душамъ ничего не значущія оговорки? Неужели оставить сына въ неизвѣстности или въ заблужденіи относительно той религіи, къ которой его отца привелъ лишь длинный, полный борьбы путь? Какія бы это ни имѣло послѣдствія для Эрнста, лгать все же будетъ хуже. И внутренне она была убѣждена, что онъ уже знаетъ взгляды своихъ родителей и повѣритъ лишь тому отвѣту, который она можетъ дать со спокойной совѣстью. „Но дѣйствительно искренно, безъ уловокъ“... ахъ, какъ она понимала это желаніе! Въ ней вдругъ воскресла жажда знанія ея собственнаго дѣтскаго сердца, воскресли вопросы, за которыми скрывались отвѣты ея зрѣлой мысли, столь запутанные, столь много и столь мало значущіе, оставлявшіе въ ея душѣ лишь роковое чувство неудовлетворенности.

— Попытаюсь. Но это не легко, мой мальчикъ, — отвѣтила она, обращаясь къ Фрицу.—Ибо съ религіей обстоитъ такъ же, какъ со всѣми другими твердыми убѣжденіями. Они приходятъ не разомъ, а наростаютъ медленно, постепенно. Поэтому-то человѣкъ не можетъ такъ легко изложить ихъ другому. Они—какъ старыя яблони въ нашемъ саду. Мы ихъ хотѣли пересадить, но садовникъ сказалъ, что это совершенно невозможно.

— Да намъ вовсе и не нужно вашихъ яблонь, мы хотѣли бы только знать, вѣрить ли намъ въ того Бога, о которомъ разсказываетъ господинъ пасторъ?

— Нѣтъ, въ этого Бога я не вѣрю.

— Ага! А въ чорта?

— Столь же мало.

— Видишь, твоя мать думаетъ такъ же, какъ и я!—торжествовалъ Фрицъ.—Но, не правда ли, мадамъ Броохъ, кое-что да вѣрно... Я думаю... кое-что... ну, я не могу этого выразить... а то какъ же люди все-таки пришли къ этому?

— Да, приблизительно, такъ думаю и я, мой мальчикъ. Я думаю, какъ ни копаться, Бога не постигнешь. Но если стремишься быть добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, если свою мысль устремляешь къ такимъ высокимъ образцамъ человѣчества, какъ Христосъ и...

— Бисмаркъ!

— Ну да, и многіе другіе.

— Дерфлингеръ! — сказалъ Августъ такъ искренно, словно онъ радовался, что имѣлъ возможность произнести это имя.

— Ахъ, ты съ своимъ Дерфлингеромъ!—крикнулъ Фрицъ и, бросившись къ нему съ поднятой рукой, словно хотѣлъ его заколоть кинжаломъ, шлепнулъ его по туго натянутымъ штанишкамъ.—Ты взялъ себѣ въ образецъ этого Дерфлингера лишь потому, что онъ былъ подмастерьемъ-портнымъ!

— Да не былъ онъ совсѣмъ портнымъ...

— Ахъ, ты никогда не будешь хорошимъ кавалеристомъ. Для этого ты уже теперь слишкомъ толстъ. Поступи лучше во флотъ. Ахъ, извините, пожалуйста, мадамъ Броохъ.

— Пожалуйста, пожалуйста,—съ улыбкой возразила послѣдняя.—Этотъ вопросъ вы, видно, не особенно близко принимаете къ сердцу.

— Все-таки! Все-таки! Эрнстъ думаетъ объ этомъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ.

— Я? Плевать мнѣ на это!—возразилъ тотъ.

— Такъ ты тоже не долженъ говорить,—испугался Августъ.

— Онъ этого и не думаетъ дѣлать. Онъ лишь стѣсняется,—сказалъ Фрицъ.—Но какъ дѣло обстоитъ съ образцами человѣчества, мадамъ Броохъ?

— Да, когда направляешь свой умъ на то, чего достигли и къ чему стремились лучшіе люди прошлаго, тогда ты ощущаешь въ себѣ тоску, а часто и счастье, — и кажешься самому себѣ такимъ маленькимъ и въ то же время призваннымъ къ великому,—тогда ты чувствуешь, что не отдѣльная личность, а все человѣчество стремится къ безконечно далекой цѣли, за которую стоитъ бороться и страдать. Вотъ въ этомъ стремленіи, въ этой надеждѣ и заключается моя вѣра въ Бога. Существуетъ ли Богъ, правящій людьми, я не знаю. Но что Богъ живетъ въ человѣкѣ... можетъ жить... долженъ жить... это мое твердое убѣжденіе... Я не знаю, поняли ли вы меня.

Тутъ Эрнстъ обернулся и сталъ медленно подходить къ матери, такъ сильно стягивая свои тонкія брови, что надъ переносицей образовалась вертикальная складка, которая какъ бы прикрывала полузакрытые глаза, но въ то же время придавала имъ пронизывающее выраженіе.

— Если такъ,—спросилъ онъ спокойно,—то зачѣмъ мы конфирмуемся?

— Эге, ты полагаешь, что я всю жизнь могъ бы быть не конфирмованнымъ?—крикнулъ Фрицъ.—Таковъ ужъ обычай.

— Нѣтъ, мы конфирмуемся не только потому, что таковъ обычай. Но откуда мнѣ знать,—можетъ, у тебя другое убѣжденіе? Ты находишь, быть можетъ, утѣшеніе и силу въ вѣрѣ въ личнаго Бога? Развѣ я могу сказать тебѣ: ты долженъ раздѣлить мою вѣру! Я бы считала это большою несправедливостью.

Ея сынъ глядѣлъ въ окошко и думалъ: „Итакъ, никакого надзора сверху!“ Онъ глубоко вздохнулъ, и ему стало легче, какъ будто внутри его разбили камень и съ него сбросили громаднѣйшую тяжесть.

— Видишь, все-таки хорошо, что мы спросили твою маму,—сказалъ Фрицъ.

Но Эрнстъ не отвѣтилъ. Лишь послѣ того, какъ они нѣкоторое время просидѣли молча, онъ подалъ матери книжку съ французскими переводами и попросилъ ее кое-что объяснить ему.

Послѣ ужина коммерціи совѣтникъ отправился еще на какое-то дѣловое засѣданіе. Эрнстъ былъ въ своей комнатѣ, такъ какъ онъ еще не покончилъ съ уроками. Такимъ образомъ, Елена была въ своей комнатѣ одна.

Все время она думала о своемъ разговорѣ съ мальчиками и, чѣмъ больше она думала объ этомъ, тѣмъ чувствовала себя менѣе удовлетворенной своимъ отвѣтомъ. „Какъ будто я вырвала одинъ цвѣтокъ изъ цѣлаго сада и сказала имъ: это мой садъ“,—думала она. И она пыталась проникнуть въ душу своего сына. Въ чемъ его вѣра? Какъ онъ принялъ ея слова? Какъ онъ вообще относится къ ней? Она не переставала испытывать совершенную растерянность. Чужой!.. Чужой! Эта душа замкнулась отъ нея! Бездонныя, глубокія воды, волнуемыя темными силами, и лишь легкая зыбь на поверхности, можетъ дать понятіе о родникахъ, бьющихъ въ глубинѣ. Вначалѣ—скрытность и замкнутость, теперь—порывы кратковременной, скрытой нѣжности богатаго сердца и этотъ холодный, отталкивающій, почти враждебный взглядъ. Когда же она наступала на него, она наталкивалась на безмолвную замкнутость, словно какой-то домъ безъ оконъ, безъ дверей...

Она вспоминала о безпредѣльномъ удивленіи, собственной матери, когда, будучи уже взрослой дѣвушкой, дала ей однажды понять о своемъ внутреннемъ отчужденіи отъ нея. Елена любила ее, довѣрялась ей, но всего, что происходило внутри ея—ея надеждъ, страстей, сомнѣній,—всего этого ея мать и не подозрѣвала!

Таковъ ли законъ природы? Неужели нѣтъ исключеній изъ того правила, что, чѣмъ человѣкъ утонченнѣе, тѣмъ онъ

долженъ быть болѣе одинокъ? Что меньше всего возможно помочь тому, кто переживаетъ наиболѣе жестокую борьбу? Неужели въ мракъ того, кто, блуждая, ищетъ собственныхъ путей, не можетъ проникнуть снаружи никакой свѣтъ?

Она опять видѣла передъ собою трехъ друзей, слышала чистосердечный тонъ Августа: „Дерфлингеръ",—достаточно было этого одного слова, какъ часто по одному стуку можно узнать, цѣла ли вещь или разбита. И Фрицъ — этотъ счастливецъ, который свѣжимъ взоромъ глядитъ наружу, а не внутрь, и которому поэтому никогда не приходитъ на мысль что-нибудь скрывать. Только сынъ ея чужалъ ей. Она не переставала видѣть передъ собою эту легкую дрожь тонкихъ бровей на бѣломъ лбу, и ее охватывалъ страхъ и почти невыносимая тоска при вопросѣ: что скрывается за всѣмъ этимъ?

Она хотѣла поговорить съ нимъ еще разъ.

Когда она входила въ его комнату, Эрнстъ записывалъ въ своей дневникъ слѣдующее: „Развѣ я, вообще, думалъ о чортѣ съ лошадиной ногой, объ адѣ съ геенной огненной? Но сатана, но соблазнитель—неужели нечего больше вѣрить въ нихъ? Вѣдь онъ является мнѣ вѣчно изъ ночи въ ночь! Я чувствую его присутствіе такъ же явственно, какъ себя самого".

— Папа придетъ сегодня поздно. Мнѣ хочется поболтать съ тобой немного.

Эрнстъ торопливо бросилъ перо и, отодвинувъ отъ себя дневникъ, вскочилъ, чтобъ подать матери стулъ. Но она подошла къ его письменному столу.

— Не безпокойся. Я сяду возлѣ тебя. А ты еще пишешь? Развѣ ты еще не покончилъ со своими уроками?

— Я... я только для себя...

Онъ захлопнулъ тетрадь на первой страницѣ, которой было написано „Дневникъ", и поспѣшно засунулъ ее въ ящикъ стола.

— Я когда-то тоже вела дневникъ,—сказала она.—Къ сожалѣнію, я его сожгла потомъ изъ ложнаго стыда. Мнѣ его теперь страшно жаль. Все это казалось мнѣ такой глупостью, а все-таки я должна была пережить тѣ мысли и чувства, чтобъ стать тѣмъ человѣкомъ, которымъ являюсь теперь. Ты, навѣрное, написалъ что-нибудь по поводу нашего сегодняшняго разговора?

Она вопросительно посмотрѣла на своего сына, который встрѣтилъ ея взглядъ, между тѣмъ какъ румянецъ на его лицѣ то сгущался, то блѣднѣлъ.

— Я записываю иногда всякую ерунду,—возразилъ онъ. И, направляя на нее свои блуждающіе взоры, онъ глядѣлъ на

нее съ упорствомъ и со страхомъ, а душа его напоминала звѣря, который залѣзъ въ самый задній уголъ своей берлоги и, не двигаясь, смотритъ на преслѣдующаго его врага.

— Собственно говоря, ты ко мнѣ относишься не такъ, какъ долженъ относиться къ своей матери,—тихо сказала она послѣ короткаго молчанія.

— Какъ такъ?—спросилъ Эрнстъ буззвучнымъ тономъ.

— Я жена твоего отца... я бы такъ хотѣла быть и твоей матерью.

Быстрымъ движеніемъ онъ вскинулъ голову и бросилъ взглядъ на портретъ своей матери на стѣнѣ. Все въ его сердцѣ трепетало и дрожало; со страннымъ страхомъ пробивалась наружу тоска, подобно тому, какъ черезъ ледъ, на который падаютъ лучи весенняго солнца, прорывается вверхъ закованная рѣка. Но, подобно холодному дыханію мороза, на него дунули другія мысли. Онъ видѣлъ бѣлую красивую руку мачихи на краю письменнаго стола, кольцо со сверкающими брилліантами на гладкой кожѣ пальца и представилъ себѣ худыя, больныя руки родной матери. Она носила всегда лишь простое обручальное кольцо, и когда оно за нѣсколько мѣсяцевъ до ея смерти упало однажды утромъ съ ея пальца, она горько заплакала и больше ужъ не надѣвала его.

— Чѣмъ могла бы быть для тебя твоя покойная мать, тѣмъ я не могу быть. Но немногое, что я въ силахъ, я тебѣ все-таки могла бы дать. Только ты долженъ питать ко мнѣ довѣріе.

— Развѣ я этого не дѣлаю?

— Развѣ ты, мой мальчикъ, имѣешь ко мнѣ дѣйствительно полное, открытое довѣріе?

— А въ чемъ же нѣтъ?—спросилъ онъ уклончиво.

Она посмотрѣла на лампу и медленно сказала:

— Довѣрять мнѣ... это не значитъ, чтобъ ты мнѣ сообщалъ всѣ свои тайны... Каждый... каждый имѣетъ кое-что, чего онъ не хочетъ высказать... Я этого не думала... я полагала лишь: ты долженъ сознавать, что никто не преданъ тебѣ больше, чѣмъ твой отецъ и... я. Я хотѣла быть чѣмъ-то вродѣ твоего друга, понимаешь? Ты уже большой, ты прошелъ путь развитія, о которомъ я ничего не знаю. Твое воспитаніе, собственно говоря, уже закончено, я ужъ не могу приказывать тебѣ, какъ ребенку. Я не могу оказывать на тебя вліяніе... я даже не хочу этого... когда прививаю тебѣ свои мысли, свои взгляды... Я бы хотѣла лишь помочь тебѣ въ трудныя минуты... помочь тебѣ тамъ, гдѣ ты самъ не можешь найти выхода... Ты меня понимаешь?

— Конечно,—прошепталъ онъ, и, словно кровожадныя на-

сѣкомыя, которыя не даютъ себя прогнать, его обуяли мысли: „Я понимаю.. понимаю... ты хочешь отвратить меня отъ религіи... какъ моего отца... но нѣтъ, нѣтъ, ахъ, я такъ подлъ“.

— Вотъ чего я бы хотѣла, мальчикъ! — повторила она тише. Ея лицо нѣсколько поблѣднѣло, глаза блестѣли тускло, пока на нихъ медленно не навернулась свѣтлая капля, отъ которой покраснѣли вѣки.

— Не дай мнѣ опять уйти такъ, Эрнстъ, съ этимъ страхомъ неизвѣстности.

— Да... что?

— Что я думаю? Я думала, напримѣръ, о нашемъ сегодняшнемъ разговорѣ. О моей и твоей вѣрѣ. Не легко, конечно, говорить объ этомъ, но попробуй все-таки.

— Ахъ... я... — заикался онъ и безпокойно заерзалъ на своемъ стулѣ: — иногда я вѣрю... иногда... — онъ дернулъ плечомъ, — а иногда нѣтъ. — Ахъ, наконецъ, это... — онъ вскочилъ и сталъ у окна. — Зачѣмъ такъ много ломать себѣ голову? Мнѣ интересно спорить объ этомъ, но... нѣтъ, нѣтъ, многое въ Библіи дѣйствительно, странно... а затѣмъ этотъ катехизисъ... посмотри...

Онъ поспѣшилъ къ столу, на которомъ лежали его книги, и, не нашедши тамъ катехизиса, подбѣжалъ къ книжному шкафу, гдѣ онъ сталъ все перебрасывать.

— Оставь, Эрнстъ... я знаю, тамъ есть много несуразнаго, но не это хотѣла бы я узнать, а... пойди сюда, сядь... я хотѣла бы знать, что ты самъ думаешь.

— Что я думаю?

— Да, что ты думаешь въ свои одинокіе часы, когда ты одинъ?

— Когда я одинъ... — возразилъ онъ боязливо, — тогда я читаю.

— Но не всегда же. Ночью, напримѣръ, прежде, чѣмъ засыпаешь.

— Прежде, чѣмъ засыпаю?

Кровь медленно отлила съ его лица.

— Ты вѣдь не сейчасъ же засыпаешь?

— Да... да... — сказалъ онъ, — я тотчасъ же засыпаю.

И лицо его такъ поблѣднѣло, что мать даже испугалась и отвернула отъ него свой взглядъ.

— Если ты не хочешь мнѣ отвѣтить...

— Но... конечно... ты странно говоришь... почему бы мнѣ не отвѣтить? — Онъ принужденно засмѣялся. — Конечно, я хочу отвѣчать. Конечно, я иногда думаю, но ты вѣдь сама говоришь, все это ковыряніе въ душѣ ни къ чему не при-

водитъ... Нѣтъ, съ чего ты взяла, что я не хочу тебѣ отвѣтить? Странно!

И опять блѣдный блескъ страха и озлобленія появился въ его глазахъ. Часы пробили одиннадцать. Онъ прислушался, потеръ себѣ глаза и зѣвнулъ.

Мать его встала.

— Спокойной ночи, мальчикъ! — сказала она печально.

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

— Странный ты человѣкъ! Если бы ты зналъ, сколько заботъ ты мнѣ доставляешь.

Долго-долго стоялъ Эрнстъ и, погруженный въ мысли, пристально глядѣлъ на закрывшуюся за нимъ дверь. Изъ его глазъ исчезла всякая усталость. Ея послѣднее слово носилось еще въ комнатѣ, словно она оставила за собою что-то вещественное. Только теперь, когда она ушла, онъ почувствовалъ горячее желаніе прижать свою голову къ ея груди и сказать: „Я люблю тебя! Ты такъ добра!“ И въ то же время онъ чувствовалъ горькую ненависть къ своему скрытному сердцу, но зналъ, что онъ иначе не могъ и иначе и не сможетъ. И съ темнымъ страхомъ передъ этимъ внутреннимъ врагомъ своимъ онъ думалъ: „Странный человѣкъ.. гнусный человѣкъ!..“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

О, какъ бы я хотѣла такъ ярко жизнь прожить,
Чтобъ каждый мигъ сумѣла я въ сказку превратить,
Чтобъ въ немъ, какъ небо въ каплѣ сверкающей воды,
Всегда сіяло солнце сжигающей мечты!
Всю жизнь вложить хочу я, всю жизнь въ одинъ полетъ,
Въ одинъ порывъ свободный за грань земныхъ высотъ,
Всю жизнь растратить щедро, въ одно мгновенье влить...
О, какъ бы я хотѣла такъ ярко жизнь прожить!
Чтобъ въ каждомъ новомъ мигѣ, встающемъ предо мной,

Былъ свѣтлый лучъ стремленья, зовущій за собой,
Борьба, любовь, страданье и нѣжный эпилогъ,
Конецъ ушедшей сказки и вновь--другой прологъ...
И снова—блескъ призывный, манящій блескъ огней
И въ морѣ легкій призракъ плывущихъ кораблей...
Въ рукахъ клубокъ волшебный, и снова вьется нить...
О, какъ бы я хотѣла такъ ярко жизнь прожить!

II.

Цѣлый часъ смотрю сегодня, какъ на кáмняхъ предо мною,
Въ красномъ платьицѣ, босая, съ непокрытой головою,
Моетъ смуглыя ножонки въ морѣ дѣвочка,—и звонко
Говоритъ о чемъ-то вóлнамъ милый, ясный смѣхъ ребенка.
Что-то ищетъ терпѣливо между влажными камнями,
На пескѣ, залитомъ ярко солнца знойнаго лучами;
Разсердила важныхъ крабовъ,—расползлись они лѣниво...
Что-то ищетъ, ждетъ чего-то напряженно и пытливо
И встрѣчаетъ съ нѣжной просьбой каждый разъ волну сѣдую:
„Море, море, дай мнѣ рыбку... только рыбку золотую!"

* * *

Волны, въ бѣлой легкой пѣнѣ, закипаютъ, набѣгаютъ,
Разбиваясь съ тихимъ шумомъ, кружевнымъ узоромъ таютъ,
Умираютъ, зная счастье, счастье свѣтлаго рожденья,
Ясной жизни, данной солнцемъ, и свободнаго стремленья...
Умираютъ въ легкихъ брызгахъ, здѣсь, на камняхъ раскаленныхъ...
— Море, море!.. Дай мнѣ счастья,—дай мнѣ счастья волнъ вспѣненныхъ!

Ада Чумаченко.

Рабочій вопросъ въ американскомъ законодательствѣ.

I.

Когда американскій политиканъ говоритъ о «рабочемъ вопросѣ», онъ подразумѣваетъ нѣчто гораздо болѣе узкое, чѣмъ европейцы. Онъ такъ глубоко убѣжденъ въ непогрѣшимости и вѣчности капиталистическаго строя, что совершенно не задумывается надъ возможностью крупныхъ перемѣнъ въ основахъ современнаго народнаго хозяйства, и потому рабочаго вопроса никогда не отожествляетъ съ соціальнымъ вопросомъ вообще. Рабочій вопросъ для него исключительно вопросъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса въ рамкахъ даннаго строя. Но и въ этомъ смыслѣ онъ интересуется имъ лишь въ опредѣленные моменты.

Въ годы президентскихъ выборовъ обѣ партіи въ Соединенныхъ Штатахъ становятся «друзьями рабочаго». Какъ мало вниманія они обращаютъ потомъ на свои предвыборныя обѣщанія видно уже по жалкому состоянію рабочаго законодательства въ Америкѣ. Обычная картина предвыборныхъ обѣщаній наблюдается и теперь. Но что дѣлаетъ предстоящую президентскую кампанію очень интересной, это почти впервые ясно проявляющееся нетерпѣніе американскаго рабочаго класса. Вмѣсто того, чтобы терпѣливо дожидаться обычныхъ предвыборныхъ агитаціонныхъ обѣщаній, американскій рабочій начинаетъ самъ предъявлять требованія и ставитъ условія. Такого положенія въ политикѣ рабочій вопросъ никогда еще въ Соединенныхъ Штатахъ не занималъ.

Чтобы понять и оцѣнить значеніе этой перемѣны, необходимо имѣть представленіе о положеніи рабочаго законодательства въ Америкѣ въ настоящее время. Сдѣлать это въ небольшихъ рамкахъ одной журнальной статьи—не легкое дѣло. Рабочее законодательство любой промышленной страны представляетъ достаточно матеріала для многотомнаго изслѣдованія, а въ Соединенныхъ Штатахъ мы имѣемъ болѣе 50 самостоятельныхъ политическихъ еди-

ницъ, болѣе 50 различныхъ законодательствъ, болѣе 50 болѣе или менѣе различныхъ кодексовъ. Въ 1904 году федеральное «бюро труда» издало компиляцію рабочаго законодательства всѣхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ союзнаго государства,— огромный томъ въ 1200 страницъ. Съ тѣхъ поръ 50 законодательныхъ собраній,—нѣкоторыя каждые два года, а другія ежегодно,—выпускали новые тома законовъ, и подобная компиляція теперь составила бы еще болѣе громоздкій томъ. Не загромождая своей статьи деталями, мы постараемся отмѣтить лишь наиболѣе общія и наиболѣе характерныя черты американскаго рабочаго законодательства.

При этомъ не лишне будетъ сразу же отмѣтить, что только что указанные размѣры этого законодательства ничуть не страшны для американскаго капитала. Во-первыхъ, если раздѣлить огромный томъ на 50 штатовъ и территорій, то на долю каждаго штата приходится не много. Но и въ 30—40 страницахъ можно дать, конечно, не мало. Недостатокъ американскаго рабочаго законодательства не въ количествѣ, а въ качествѣ. Даже при бѣгломъ просмотрѣ этого огромнаго тома, бросается въ глаза масса законовъ, вовсе не имѣющихъ въ виду «защиты интересовъ труда». Такъ, напр., одни правила для регистрированія парикмахеровъ или санитаровъ занимаютъ десятки страницъ. Но еще болѣе интересную черту этого законодательства представляютъ законы, которые суть ни болѣе, ни менѣе какъ pia desideria. «Запрещается разсчитывать рабочихъ за старость»—гласитъ, напримѣръ, одинъ законъ. И, какъ будто этотъ «законъ» не. былъ самъ по себѣ достаточно наивнымъ, прибавлено: «если не будетъ доказано, что работоспособность рабочаго понижена». Это характерный примѣръ американской политиканской хитрости, которая въ прежніе годы имѣла большій успѣхъ, чѣмъ теперь: втереть рабочему очки проведеніемъ «закона», который не стоитъ бумаги, на которой написанъ. Такихъ законовъ больше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Таковы, въ сущности, всѣ сложные и строгіе законы о фабричной и горной инспекціи... при одномъ инспекторѣ на цѣлый штатъ.

Впечатлѣніе, оставляемое американскимъ рабочимъ законодательствомъ при бѣгломъ его просмотрѣ, еще усиливается при систематическомъ и внимательномъ его изученіи. Къ чему сводится рабочее законодательство въ современномъ промышленномъ государствѣ? Оно касается преимущественно слѣдующихъ предметовъ:

1) Регулированіе обстановки труда.
2) Ограниченіе рабочаго дня.
3) Ограниченіе ночной работы.
4) Регулированіе женскаго труда.
5) Ограниченіе дѣтскаго труда.
6) Предупрежденіе несчастныхъ случаевъ.
7) Защита здоровья рабочихъ.

8) Страхованіе рабочихъ отъ болѣзни, увѣчій, старости, инвалидности, безработицы.

9) Гарантія правъ на свободу организаціи и стачекъ, и вообще экономической борьбы.

Вотъ главныя задачи современнаго рабочаго законодательства. Осуществленіе этихъ задачъ не разрѣшитъ соціальнаго вопроса, ни даже рабочаго вопроса въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Въ виду этого очень горячіе и очень юные соціалисты относятся нерѣдко къ рабочему законодательству индифферентно или даже отрицательно. Такого сорта «максималисты» имѣются даже среди американскихъ соціалистовъ. Но огромное большинство соціалистовъ всего міра уже давно пережило эту юношескую фазу и вполнѣ сознаютъ огромное значеніе улучшенія положенія рабочаго класса, которое можетъ быть осуществлено въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Что дало по всѣмъ этимъ пунктамъ американское законодательство? Разсмотримъ ихъ seriatim.

Обстановка труда, по общему признанію экспертовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ оставляетъ желать очень многаго. Существующая фабричная инспекція очень недостаточна и неудовлетворительна; да и существуетъ-то она всего въ 15 штатахъ. Ужасы sweat—shop'овъ вызвали въ нѣсколькихъ штатахъ борьбу съ ними, но все же домашнее производство весьма распространено. Условія же обстановки на фабрикахъ почти не регулированы. Романъ Синклера даетъ великолѣпную картину условій труда въ одной изъ отраслей индустріи. Вызванная этимъ романомъ борьба противъ тяжелыхъ условій труда къ этой области обусловливалась, однако, не столько соображеніями о благѣ рабочихъ, сколько о чистотѣ продуктовъ. Даже такая мелочь, какъ стеклянный покровъ для переднихъ площадокъ трамваевъ, для защиты «motorman'a», вызываетъ ожесточенную оппозицію трамвайныхъ обществъ, и въ Нью-Іоркѣ, напр., такихъ покрововъ не существуетъ, и въ самую жестокую стужу motorman вынужденъ 12 часовъ подрядъ подвергаться холодному вѣтру и снѣгу. Существуютъ во многихъ штатахъ законы, требующіе, чтобы дѣвушкамъ, работающимъ въ большихъ магазинахъ, были предоставлены сидѣнія, но этотъ законъ едва выполняется, и дѣвушкамъ этимъ запрещено сидѣть, даже когда онѣ не заняты.

Еще болѣе важно ограниченіе рабочаго дня. Какъ указалъ еще Марксъ, всякое ограниченіе рабочаго дня представляетъ огромную побѣду для рабочаго класса. Съ своей стороны, классическая политическая экономія всѣми силами боролась противъ такихъ ограниченій. Достаточно указать, напр., на Сеніора. Въ Европѣ, какъ экономическая наука, такъ и политическая практика давно излечились отъ этой архаической точки зрѣнія. Но въ Америкѣ всякая попытка такого законодательнаго ограниченія вызываетъ настоящую бурю въ лагерѣ либераловъ, опирающихся на святость

свободнаго контракта. Въ Европѣ глубоко вкоренилось убѣжденіе, что американскій рабочій пользуется очень короткимъ рабочимъ днемъ, и что это ему гарантировано государствомъ. Но на самомъ дѣлѣ, поскольку дѣло касается продолжительности рабочаго дня, американскій рабочій находится въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ европеецъ. Правда, борьба за 8-часовой день была центральной идеей американскаго рабочаго движенія въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; но пока 8-часовой день едвали осуществленъ, за исключеніемъ казенныхъ предпріятій да нѣкоторыхъ отраслей строительнаго дѣла: здѣсь 8-часовой рабочій день былъ добытъ и удержался лишь благодаря могуществу рабочихъ организацій. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности установленъ 9-часовой день, и въ очень многихъ 10-часовой; но и болѣе продолжительный рабочій день, въ 11—12 часовъ, вовсе не рѣдкость; въ южныхъ штатахъ онъ рѣдко бываетъ меньше 11 часовъ. И сравненіе становится еще болѣе благопріятнымъ для Европы, если взять въ соображеніе прогрессъ послѣднихъ 15—20 лѣтъ. За это время средняя продолжительность рабочаго дня въ Европѣ, и даже отсталой Россіи, сильно сократилась, а въ Соединенныхъ Штатахъ осталась почти неизмѣнной.

Во всякомъ случаѣ, важно то, что въ этой области законодательство дало въ Америкѣ очень мало, и, поскольку дѣло касается взрослыхъ мужчинъ, можетъ дать очень мало, покуда остаются неизмѣненными самыя основы англосаксонскаго права и американской писаной конституціи.

Да, въ значительной степени виновной оказывается конституція. Въ Россіи привыкли смотрѣть на конституцію, какъ на гарантію гражданскихъ правъ; въ Америкѣ мы начинаемъ смотрѣть на нее, какъ на какую-то законодательную стальную клѣтку, изъ которой не можетъ выбраться американскій гражданинъ. И ключъ къ этой клѣткѣ въ рукахъ американскихъ судей. Конституція гарантируетъ американскому гражданину liberty (свободу), а съ англо-саксонской точки зрѣнія право свободнаго контракта—главный элементъ этой свободы. Конституціи нѣкоторыхъ штатовъ ясно запрещаютъ «ограниченіе свободы контракта». По толкованію американскихъ судей, законодательное ограниченіе рабочаго дня и есть такое ограниченіе свободы контракта. Поэтому изо всѣхъ 50 штатовъ и территорій ни одинъ не провелъ законодательной нормировки рабочаго дня вообще. Исключенія были сдѣланы для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, при чемъ приходилось указывать, что такое ограниченіе необходимо съ общей государственной точки зрѣнія. Такъ, напр., въ продолженіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ какъ союзное правительство, такъ и многіе штаты запретили держать желѣзнодорожныхъ служащихъ на посту болѣе 16 часовъ въ день (sic!), но это законодательство опирается на необходимость предупрежденія желѣзнодорожныхъ катастрофъ. Во

многихъ штатахъ существуетъ законодательное ограниченіе рабочаго дня въ рудникахъ и копяхъ,—обоснованное опять-таки соображеніями о чрезвычайной вредности работы въ копяхъ для здоровья. Но и эти законы во многихъ случаяхъ признаны были неконституціонными. Однимъ словомъ, въ борьбѣ за сокращеніе рабочаго дня, американскіе рабочіе кое-чего добились; но отъ законодательства они въ этой борьбѣ не пользовались почти никакой помощью.

Все, что мы сказали объ ограниченіи рабочаго дня, примѣнимо и къ третьему пункту—вопросу о ночной работѣ. Если ночной трудъ мало примѣняется въ восточныхъ и сѣверныхъ штатахъ, то законодательство въ этомъ совершенно не повинно. На югѣ, напр., ночной трудъ весьма распространенъ въ ткацкой промышленности, гдѣ онъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ быть оправданъ, такъ какъ никакого аргумента, кромѣ желанія болѣе интенсивной эксплуатаціи капитала, въ пользу ночного труда въ этой области привести нельзя. Полная гражданская свобода предполагаетъ неограниченную свободу контракта, а свобода контракта даетъ рабочему «право» закабалить себя на ночную работу.

По отношенію къ женскому труду американское законодательство немного болѣе прогрессивно,—но очень немного! Попытки ограниченія продолжительности рабочаго дня для женщинъ сдѣланы были во многихъ штатахъ; въ пяти или шести онѣ увѣнчались успѣхомъ, но ограниченіе женскаго труда 10 часами въ день нельзя считать уже очень большой побѣдой. Но и это движеніе вызываетъ страшную (именно страшную) оппозицію капитала, на помощь которому приходитъ американскій судъ. Тѣ же аргументы о правѣ на свободный контрактъ выдвигаются противъ законовъ, ограничивающихъ продолжительность женскаго труда.

Капиталъ и судъ внезапно становятся защитниками женскаго равноправія и настаиваютъ, что, за исключеніемъ права голоса, женщина такой же полноправный гражданинъ, какъ и мужчина. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ высшая судебная инстанція штата Нью-Іорка признала противуконституціоннымъ и, поэтому, недѣйствительнымъ законъ, ограничивавшій рабочій день женщины 10 часами и запрещавшій ночной трудъ женщинъ. И судья, написавшій заключеніе, произнесъ горячую филиппику въ «защиту правъ женщинъ». «По требованію этого закона,—возмущался онъ,—взрослая женщина, полноправный гражданинъ, не имѣетъ права работать на фабрикѣ даже 2—3 часа въ сутки, если эти часы выпадаютъ на ночь. Этотъ законъ чрезвычайно несправедливъ къ женщинамъ, не признавая за ними тѣхъ правъ, которыя имѣетъ мужчина. Суды уже и такъ зашли очень далеко, одобряя многіе законы, разсчитанные на защиту общественнаго здравія; но когда дѣлается попытка подъ личиной рабочаго законодательства вполнѣ произвольно запретить взрослому гражданину жен-

скаго пола работать въ любое время дня и ночи, когда ей нравится и удобно, я думаю, настала пора остановиться. Тенденція законодательства мѣшать гражданамъ заниматься какимъ угодно дѣломъ дѣлается очень замѣтной, и суды обязаны твердо и безъ страха положить конецъ этой тенденціи, когда она выходитъ за границы, разрѣшенныя конституціей».

Та же судьба постигла штатъ Орегонъ, который лѣтъ пять тому назадъ принялъ законъ, ограничивавшій 10-ю часами рабочій день женщинъ на фабрикахъ и въ прачешныхъ. Но тутъ дѣло доведено было до верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, который, довольно неожиданно, призналъ законъ конституціоннымъ, находя, что женщина гораздо слабѣе мужчины, что ея здоровье, какъ матери, имѣетъ огромное соціальное значеніе, и поэтому ограниченіе ея свободы контракта желательно. Характерно, что во многихъ буржуазныхъ газетахъ это рѣшеніе верховнаго суда вызвало рѣзкую критику.

Болѣе благополучно обстоитъ дѣло съ законодательствомъ по вопросу о дѣтскомъ трудѣ, болѣе благополучно, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Дѣтскій трудъ представляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ язвъ американской промышленности *). По цензу 1900 года записано было болѣе 1.750.000 малолѣтнихъ тружениковъ моложе 16 лѣтъ. Въ одной фабричной промышленности ихъ было болѣе 160.000. Съ тѣхъ поръ число ихъ, вѣроятно, значительно увеличилось. Подъ вліяніемъ усиленной агитаціи со стороны какъ рабочихъ союзовъ, такъ и болѣе передовой части общества, дѣтскій трудъ сдѣлался злобою дня, и въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ было принято много законовъ, такъ что въ настоящее время почти не осталось штатовъ безъ законовъ объ ограниченіи дѣтскаго труда. Съ одной стороны, даже американская ультраиндивидуалистическая политическая философія признаетъ, что малолѣтній ребенокъ моложе 14-ти лѣтъ не можетъ имѣть конституціонныхъ правъ на свободу контракта, съ другой—вредъ преждевременнаго дѣтскаго фабричнаго труда до того ясенъ, что у фабрикантовъ часто не хватаетъ смѣлости бороться съ этимъ законодательствомъ. Во многихъ штатахъ запрещенъ трудъ дѣтей моложе 14-тилѣтняго возраста, въ другихъ же ограниченіе обнимаетъ лишь дѣтей моложе 12-ти лѣтъ. Въ штатѣ Алабамѣ, гдѣ сильно развито хлопчатобумажное производство, минимумъ всего 10 лѣтъ! Для дѣтей отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ рабочій день установленъ тамъ въ 11 часовъ, и ночной трудъ разрѣшенъ для дѣтей старше 13-ти лѣтъ. Въ другихъ штатахъ, при установленіи 14-тилѣтняго минимума, разрѣшаются исключенія въ случаѣ нужды. Во многихъ единственнымъ ручательствомъ за возрастъ

*) См. объ этомъ нашу статью „Дѣтскій трудъ въ Америкѣ", „Русская Мысль", 10 ноября 1903 г.

дѣтей является заявленіе родителей, и законъ поэтому превращается въ пустую формальность. То же приходится сказать относительно тѣхъ 25-ти штатовъ, въ которыхъ не имѣется фабричной инспекціи и гдѣ некому слѣдить за исполненіемъ закона. Такимъ образомъ, даже въ области защиты дѣтскаго труда законодательною властью сдѣлано пока очень не много.

Однако же, это самая утѣшительная глава въ области американскаго рабочаго законодательства. Зато защита здоровья рабочаго и въ особенности предупрежденіе несчастныхъ случаевъ— самыя печальныя главы. Здѣсь нѣтъ возможности входить въ детали недостатковъ фабричнаго законодательства, лишающихъ американскаго рабочаго той гарантіи, которую имѣетъ рабочій европейскій. Напряженность и интенсивность труда на американской фабрикѣ ведутъ къ поразительному распространенію разныхъ профессіональныхъ болѣзней, а что касается предупрежденія несчастныхъ случаевъ, то, въ доказательство неудовлетворительности предохранительныхъ средствъ, стоитъ лишь указать на то, что, по общему признанію, увѣчья въ американской промышленности гораздо болѣе часты, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. На американскихъ желѣзныхъ дорогахъ одно увѣчье приходится на 9 человѣкъ поѣздной прислуги ежегодно и одинъ смертельный случай на 120 человѣкъ. Страшныя катастрофы съ сотнями жертвъ въ американскихъ рудникахъ случаются чуть ли не каждый мѣсяцъ.

Примѣръ Германіи, постепенно учредившей за послѣдніе 25 лѣтъ обязательное государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости, инвалидности, нашелъ себѣ подражателей во всѣхъ странахъ Европы. Въ воздухѣ носятся планы о восполненіи этой системы введеніемъ страхованія отъ безработицы. Успѣхи Соединенныхъ Штатовъ въ этой огромной области рабочаго законодательства опредѣляются однимъ небольшимъ, но многозначительнымъ словомъ: «ничего». Поэтому относительно 8-го пункта приведенной нами выше программы рабочаго законодательства мы можемъ ограничиться однимъ этимъ словомъ. Даже отсталая Россія на многіе годы опередила просвѣщенную демократическую республику. Однако, это еще далеко не даетъ представленія о безпомощномъ положеніи американскаго рабочаго, пострадавшаго и потерявшаго работоспособность вслѣдствіе несчастнаго случая. Русскому читателю, не занимавшемуся спеціально изученіемъ сравнительнаго фабричнаго законодательства, едва покажется вѣроятнымъ наше утвержденіе, что даже русскій фабричный рабочій никогда не былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи при попыткѣ взыскать съ предпринимателя за полученное увѣчье, въ какомъ американскій рабочій находится теперь.

Англо саксонское обычное право, отъ котораго въ этомъ вопросѣ вынуждена была отрѣшиться даже консервативная Англія, все еще

является основою отношеній между хозяиномъ и слугою въ Соединенныхъ Штатахъ. Правда, во многихъ штатахъ проведены были такъ наз. employer bability acts (законы объ отвѣтственности предпринимателей). Но все, къ чему они стремятся—это уравнить положеніе наемнаго слуги съ положеніемъ посторонняго лица; и даже эта цѣль далеко еще не осуществлена.

По положеніямъ обычнаго права, потерпѣвшій увѣчье рабочій имѣетъ право взыскать убытки съ предпринимателя, если докажетъ, что несчастный случай, причинившій увѣчье, произошелъ по винѣ хозяина, какъ имѣетъ всякій человѣкъ право взыскать убытки, причиненные ему постороннимъ человѣкомъ. Но... англо-саксонское обычное право признаетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ «но».

Въ современной промышленности предприниматель не участвуетъ самъ, и онъ *лично* не можетъ причинить увѣчья. Вмѣсто него дѣйствуютъ его наемники и слуги. И римское, и русское, и англо-саксонское право признаютъ отвѣтственность хозяина за поступки его слуги. Если посторонній человѣкъ потерпѣлъ по винѣ слуги, хозяинъ отвѣтственъ. Но если по винѣ одного работника потерпитъ другой, то, по англо-саксонскому обычному праву, хозяинъ не отвѣтственъ. Это извѣстно подъ именемъ the doctrine of fellow servant (принципъ товарища-слуги) или doctrine of common employment (принципъ совмѣстнаго найма).

Далѣе, если вы сумѣли доказать, что несчастіе произошло не по вашей или вашего товарища винѣ, а вслѣдствіе неустройства фабрики, тогда вамъ еще придется доказать, что хозяинъ зналъ объ этомъ неустройствѣ и могъ его предвидѣть. Но, предположимъ, увѣчный рабочій докажетъ суду, что онъ предупреждалъ хозяина о порчѣ машины, вызвавшей впослѣдствіи катастрофу; хозяинъ, слѣдовательно, зналъ и не исправилъ изъяна; очевидно, онъ виновенъ въ небрежности... Но, возражаетъ англо-саксонское обычное право, ты, рабочій, тоже зналъ объ опасности и работы не бросилъ, слѣдовательно—ты взялъ на себя рискъ, и потому хозяинъ не отвѣтственъ. Это «doctrine of assumed risk», доктрина принятаго риска.

Наконецъ, если хозяинъ или его управляющій приказалъ рабочему сдѣлать извѣстную опасную работу, и произошла катастрофа, то, значитъ, въ небрежности виноватъ и рабочій; и потому онъ опять-таки теряетъ право на вознагражденіе въ силу «doctrine of contributory negligence» (принципа способствовавшей небрежности). Въ силу этого принципа, если въ причиненіи катастрофы повинны и предприниматель, и рабочій, то рабочій теряетъ всякое право на вознагражденіе.

Правда, какъ мы сказали, законы многихъ штатовъ пытаются нѣсколько смягчить значеніе этихъ принциповъ «обычнаго права», но дѣлаютъ они это очень медленно и трусливо, устанавливая мелкія

и запутанныя исключенія то въ одной, то въ другой области. Суды рѣшаютъ тяжбы вкривь и вкось. Рѣдко какой искъ на мало-мальски порядочную сумму тянется менѣе нѣсколькихъ лѣтъ, рѣдко какой процессъ не проходитъ всѣхъ инстанцій, и въ результатѣ, конечно, огромное большинство увѣчныхъ рабочихъ не пытаются даже получить какое-нибудь сносное вознагражденіе, а другіе удовлетворяются грошами. Ибо гдѣ же рабочему тягаться съ крупными акціонерными обществами. Если бы позволяли размѣры статьи,—можно было бы привести здѣсь сотни самыхъ возмутительныхъ примѣровъ іезуитскаго процесса мышленія американскихъ судей, отказывающихъ рабочимъ въ ихъ искахъ. Достаточно сказать, что одно руководство о принципѣ assumption of risk (принятія на себя рабочимъ риска) представляетъ огромный томище въ полторы тысячи страницъ. Характерно, что на основаніи этого принципа рабочимъ неоднократно отказывали въ искахъ, когда достовѣрно установлено было, что катастрофа произошла вслѣдствіе техническихъ погрѣшностей въ организаціи производства, ясно запрещенныхъ закономъ. «Ты зналъ, что опасно; ты могъ отказаться отъ работы, ибо ты свободный человѣкъ», говоритъ рабочему либеральный американскій судъ въ такихъ случаяхъ,—и отказываетъ въ искѣ.

Но, можетъ быть, самый важный пунктъ въ рабочемъ законодательствѣ представляетъ послѣдній, указанный нами въ вышеприведенномъ спискѣ, а именно гарантія правъ свободы организацій, стачекъ и вообще экономической борьбы. Вы, можетъ быть, удивитесь, какъ можетъ даже существовать вопросъ о гарантіи этихъ «естественныхъ» правъ въ свободной, демократической республикѣ. Но англо-саксонское обычное право гораздо сильнѣе защищаетъ права собственности, чѣмъ права личности.

Было время въ Англіи, когда всякій рабочій союзъ считался заговоромъ. Теперь рабочіе союзы разрѣшены, и во многихъ штатахъ объ этомъ возвѣщаютъ спеціальные статуты. Но понятіе о «заговорѣ» еще не исчезло. Если нѣсколько лицъ по уговору совершаютъ дѣяніе, вслѣдствіе котораго постороннее лицо терпитъ убытки, то тутъ уже имѣется элементъ «заговора». Но вѣдь каждая стачка почти неизбѣжно должна принести убытки предпринимателю. Американскіе суды изъ этой дилеммы выбираются слѣдующимъ образомъ. Стачка, говорятъ они, есть, главнымъ образомъ, попытка улучшить собственное положеніе; вредъ, наносимый третьему лицу,—есть лишь косвенный результатъ стачки; поэтому стачка—актъ ненаказуемый. Но бойкоты американскіе суды почти безъ исключенія признаютъ преступленіемъ, потому что здѣсь вредъ извѣстному лицу является главной цѣлью договора.

Таково толкованіе обычнаго права. Во многихъ штатахъ бойкотъ запрещенъ спеціальными статутами. Уже это является серьезнымъ ограниченіемъ правъ рабочихъ въ экономической борьбѣ.

Но оно не единственное. Еще чаще представленіе о «заговорѣ» врывается, когда организація стачечниковъ старается привлечь на свою сторону другія рабочія организаціи.

Очень оригиналенъ и заслуживаетъ безусловнаго вниманія американскій методъ борьбы со стачками, — своего рода кооперація между государственною властью и капиталомъ въ цѣляхъ разрушить силу стачки. Для этого американскій капиталъ пользуется оригинальнымъ средствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ injunction.

Injunction—это административный приказъ, запрещающій совершать извѣстные поступки. Съ такими административными приказами (циркуляры и т. п.) русская публика, конечно, хорошо знакома. Оригинальная особенность американскаго injunction состоитъ въ томъ, что оно исходитъ не отъ администраціи, а отъ суда. Объясненіе этому надо искать, вѣроятно, въ англійской исторіи, гдѣ на мѣстные суды часто возлагались административныя функціи. Injunction—это судебное «не пущать»,—такъ же, какъ имѣется судебное «тащить», примѣняемое уже послѣ того, какъ совершенъ поступокъ. Injunction, слѣдовательно, способъ предупрежденія. Другая особенность его въ томъ, что онъ примѣняется для предупрежденія не «преступленія», а «убытковъ», т. е. гарантируетъ интересы собственности. Injunction выпускается судомъ на собственный страхъ по просьбѣ частнаго лица, которое имѣетъ основаніе ожидать убытковъ. Посредствомъ injuntion можетъ быть запрещено дѣйствіе само по себѣ вполнѣ законное, лишь потому что отъ него могутъ ожидаться убытки. Первое injunction обыкновенное выпускается на время; и тогда лицо, противъ котораго оно выпущено, можетъ явиться къ судьѣ и обосновать свой протестъ; послѣ этого тотъ же судья можетъ утвердить свой injunction. А нарушеніе этого судебнаго распоряженія наказуется уже не только какъ преступленіе, а какъ «презрѣніе къ суду» (contempt of court), наказуется опять-таки тѣмъ же судьей, и *безъ присяжныхъ засѣдателей*. Теперь вамъ станетъ понятнымъ, какую огромную силу имѣетъ предприниматель въ случаѣ стачки въ лицѣ услужливаго судьи.

Стачечники и ихъ вожаки могутъ быть ограничены въ самыхъ насущныхъ правахъ и во всѣхъ важныхъ средствахъ борьбы. Такъ, на основаніи заявленія предпринимателя, что стачечники собираются разрушить его имущество, судьи запрещаютъ стачечникамъ процессіи, запрещаютъ руководителямъ стачки подходить къ фабрикѣ или стоять на извѣстномъ разстояніи отъ нея и т. д. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ доктрина эта стала толковаться шире. Такъ какъ сама стачка приноситъ вредъ предпринимателю, то стачечникамъ запрещаются всякіе акты, могущіе способствовать росту стачки; такъ, injunction запрещаютъ стачечникамъ собранія, разсылку воззваній къ рабочимъ, сношенія между центральнымъ бюро рабочаго союза и его вѣтвями, что въ большой стачкѣ необходимо, и даже раздачу пособій стачечникамъ изъ центральной

кассы рабочаго союза. Если вожаки стачки рѣшаются ослушаться судебнаго injunction, то ихъ сажаютъ въ тюрьму. Такимъ образомъ, стачечники были побѣждены неоднократно, лишь благодаря вмѣшательству государственной власти.

II.

На предыдущихъ страницахъ мы набросали чрезвычайно сжатую картину американскаго рабочаго законодательства, имѣя въ виду преимущественно законодательную работу отдѣльныхъ штатовъ.

Отношенія капитала и труда принадлежатъ къ области внутренней жизни отдѣльныхъ штатовъ, въ которой они сохранили свою автономность.

Какъ бы наши политическіе идеалы демократіи ни располагали насъ въ пользу децентрализаціи законодательства, нельзя не признать, что это часто ведетъ къ измельчанію энергіи и уменьшенію интереса къ важнымъ законодательнымъ мѣрамъ. Существованіе 50 самостоятельныхъ законодательныхъ инстанцій раздробляетъ ту энергію, которую возможно было бы сконцентрировать на борьбѣ за одинъ общій законъ. И поэтому президентскія кампаніи, охватывающія каждые четыре года всю страну, никогда еще до текущаго года не вращались около вопросовъ рабочаго законодательства, а концентрировались обыкновенно на вопросахъ валюты, имперіализма, таможенной политики. Однако, федеральное правительство не совсѣмъ лишено вліянія на рабочее законодательство; оно можетъ вліять на положеніе труда какъ законодательнымъ, такъ и судебнымъ и административнымъ путемъ. И отношеніе центральнаго правительства Соединенныхъ Штатовъ къ рабочему вопросу вообще и юридическому положенію труда въ частности является въ настоящій политическій моментъ наиболѣе обостреннымъ политическимъ вопросомъ.

Вліяніе центральнаго (федеральнаго или, какъ часто принято говорить въ Америкѣ, «національнаго») правительства на рабочее законодательство выражается многообразно.

Во-первыхъ, федеральное правительство является само довольно крупнымъ предпринимателемъ: оно имѣетъ нѣсколько крупныхъ верфей и два гигантскихъ печатныхъ учрежденія—государственную типографію и экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Всего непосредственно на государственной службѣ находится около 75—100,000 рабочихъ. Американской федераціи труда удалось добиться закона объ установленіи 8-мичасового рабочаго дня для рабочихъ на государственной службѣ. Но по вопросу о предпринимательской отвѣтственности и вознагражденіи рабочихъ за увѣчья рабочій на государственной службѣ въ Соединенныхъ Штатахъ находится въ исключительно скверныхъ условіяхъ. Здѣсь опять ни-

тересны параллели между прогрессивной Америкой и отсталой Европой. Обязанности государства по отношенію къ своимъ служащимъ въ Европѣ (какъ, напр., въ Германіи) были признаны гораздо раньше, чѣмъ законъ установилъ эти обязанности для частныхъ предпринимателей. Въ Америкѣ же дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Какъ ни слаба отвѣтственность предпринимателей въ Соединенныхъ Штатахъ, все же, въ случаѣ признанной вины предпринимателей, судъ иногда присуждаетъ убытки въ пользу рабочаго. Рабочій же, находящійся на государственной службѣ, не имѣетъ даже права возбудить искъ противъ правительства, потому что американская конституція не даетъ никому права судиться съ правительствомъ! И когда недавно двое плотниковъ сильно расшиблись при ремонтѣ зданія конгресса, и въ сенатъ внесенъ былъ спеціальный билль объ очень скромномъ вознагражденіи пострадавшихъ, около 250 долл. каждому, то этотъ билль былъ отклоненъ, потому что нѣсколько сенаторовъ настаивало, что этимъ установленъ будетъ чрезвычайно вредный прецедентъ.

Во-вторыхъ, конституція предоставляетъ федеральному правительству право регулированія «торговли между штатами», а, согласно толкованію суда, это включаетъ всѣ пути сообщенія между штатами, т. е., главнымъ образомъ, желѣзныя дороги съ ихъ болѣе чѣмъ полутора милліонами служащихъ. Очевидно, федеральное правительство можетъ сдѣлать многое для улучшенія положенія этихъ рабочихъ.

Въ-третьихъ, судебная власть федеральнаго правительства чрезвычайно часто вмѣшивается въ отношенія между капиталомъ и трудомъ въ странѣ посредствомъ injunctions. Опытъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ доказалъ, что въ случаѣ крупныхъ стачекъ предприниматель предпочитаетъ обращаться за injunction къ федеральному судьѣ, и послѣдній выказываетъ обыкновенно большую готовность дать самый строгій injunction противъ стачечниковъ. Это злорадное отношеніе къ стачечникамъ объясняется многими причинами. Федеральный судья—человѣкъ, назначаемый на свою должность, и притомъ назначаемый изъ далека, изъ Вашингтона, въ то время какъ судья штата, во-первыхъ, мѣстный человѣкъ, не могущій не дорожить мѣстной репутаціей, и притомъ часто служитъ по выборамъ. Мѣстный судья, поэтому, часто не можетъ не задуматься надъ послѣдствіями строгаго injunction, которое должно настроить не только стачечниковъ, но и вообще мѣстное рабочее населеніе противъ него. Поэтому регулированіе вопроса объ injunction зависитъ въ значительной степени отъ федеральнаго правительства.

Наконецъ, есть еще очень важное обстоятельство, дѣлающее вліяніе федеральнаго правительства на рабочее законодательство очень сильнымъ: это право федеральнаго Верховнаго Суда признать законъ антиконституціоннымъ и потому недѣйствительнымъ. Мы сказали: «право»; но вѣрнѣе было бы сказать: «обычай».

За исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ британскихъ колоній, слѣдовавшихъ при разработкѣ своей конституціи по стопамъ великой сѣверо-американской республики,—ни одна конституціонная страна, кажется, не знакома съ этимъ страннымъ институтомъ, по которому судъ, состоящій изъ назначенныхъ судей, можетъ уничтожить любой законъ, принятый законодательной властью, такъ что, не смотря на похвальбу американца, что американская конституція ясно разграничила три правительственныя области,—законодательную, административную и судебную—въ дѣйствительности, судебной власти дано право абсолютнаго «veto» надъ дѣятельностью законодательной власти.

Интересно, какимъ образомъ этотъ институтъ возникъ. Писаная конституція Соединенныхъ Штатовъ, ясно указавшая каждому новому учрежденію его функцію и учредившая и федеральный Верховный Судъ (United States Supreme Court), ни однимъ словомъ не обмолвилась о томъ, что этому Суду предоставляется право рѣшать, конституціоненъ или антиконституціоненъ законъ. Но черезъ годъ или два послѣ организаціи федеральнаго правительства конгрессъ провелъ законъ, коимъ возлагалъ нѣкоторыя обязанности на Верховный Судъ, и тогда Судъ отказался признать силу этого закона, настаивая, во-первыхъ, что конгрессъ не въ правѣ принимать законовъ, несогласныхъ съ конституціей, а во-вторыхъ, что судъ имѣетъ право рѣшать, согласенъ ли законъ съ конституціей, или нѣтъ. Президентъ Джорджъ Вашингтонъ и конгрессъ тогда согласились съ этой точкой зрѣнія, не подозрѣвая, къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ она приведетъ. Прецедентъ былъ установленъ и вызвалъ подражаніе не только у будущихъ судей Верховнаго Суда, но со стороны всѣхъ судей вообще, такъ что теперь почти всѣ суды пользуются этимъ правомъ разрушать плоды законодательной работы. Законъ можетъ быть уничтоженъ потому, что онъ противорѣчитъ конституціи штата; или же онъ можетъ быть уничтоженъ потому, что онъ противорѣчитъ федеральной конституціи. Въ первомъ случаѣ у народной воли остается одно дѣйствительное средство—начать агитацію въ пользу пересмотра конституціи штата; и если требованіе достаточно сильное, то общественное мнѣніе добивается пересмотра или поправки. Но когда оказывается несогласіе между закономъ и федеральной конституціей, то положеніе безнадежно, потому что процедура поправки къ федеральной конституціи до того сложна, что поправки, въ сущности, не возможны. Съ начала 19-го вѣка и до настоящаго времени поправки къ конституціи были приняты всего разъ, и то это было послѣ гражданской войны, когда весь югъ лишенъ былъ участія въ политической жизни. Статистическій анализъ veto, наложенныхъ Верховнымъ Судомъ и вообще судами на законодательные акты, несомнѣнно, привелъ бы къ печальному выводу, что огромное большинство этихъ уничтоженныхъ актовъ

принадлежало къ наиболѣе прогрессивнымъ и желательнымъ законодательнымъ мѣрамъ, и что поэтому суды приняли на себя намѣренно обязанность могущественнаго пособника реакціи. Понятно, что очень круто приходится законодательству въ защиту интересовъ труда. И что особенно вызываетъ озлобленіе рабочей массы, такъ это крайнее растяженіе смысла параграфовъ конституціи. Такъ, благодаря невинной фразѣ въ конституціи, что каждому гражданину должна быть гарантирована его жизнь и «свобода» (liberty—при чемъ эта фраза несомнѣнно имѣла политическое содержаніе), суды пришли къ заключенію, что федеральная конституція гарантируетъ «свободу контракта» классической политической экономіи, и на основаніи этого признаютъ неконституціонными наиболѣе крупные законодательные акты въ защиту труда, какъ нарушающіе «свободу найма».

Крайне знаменателенъ при этомъ представляется тотъ фактъ, что наиболѣе важныя конституціональныя рѣшенія въ Верховномъ Судѣ, оказывающія огромное экономическое и политическое вліяніе на жизнь страны, предпринимались 9-ью судьями Верховнаго Суда не единогласно, а большинствомъ пяти противъ четырехъ. Другими словами, положеніе вещей можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: во первыхъ, кажущееся противорѣчіе между закономъ и конституціей до того неясно, неопредѣленно, что пять изъ девяти величайшихъ юристовъ Соединенныхъ Штатовъ его видятъ, а четыре не менѣе крупныхъ юриста отказываются видѣть это противорѣчіе; а, во-вторыхъ, вопросъ гигантской важности рѣшается однимъ голосомъ человѣка назначеннаго, а не избраннаго,—и это въ демократической республикѣ!

Итакъ, суммируя сферы вліянія федеральнаго правительства на вопросы рабочаго законодательства, мы нашли четыре точки соприкосновенія:

a) Отношеніе федеральнаго правительства къ своимъ наемнымъ рабочимъ.

b) Область междуштатной торговли, т. е. путей сообщенія.

c) Вмѣшательство федеральныхъ судовъ въ борьбу капитала и труда посредствомъ injunctions.

d) Уничтоженіе рабочаго законодательства федеральными судами.

Возлагая свои надежды, главнымъ образомъ, на экономическую борьбу, чуждаясь политической дѣятельности, американскіе рабочіе союзы все же начинаютъ видѣть пользу рабочаго законодательства. Одной изъ главныхъ функцій «Американской Федераціи Труда», объединяющей до полутора милліона рабочихъ и имѣющей главную квартиру въ Вашингтонѣ, является возможное вліяніе на федеральное законодательство.

Въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно въ конгрессъ вносились билли, устанавливавшіе: 1) 8-мичасовой рабочій день при исполненіи ра-

бочихъ контрактовъ, 2) расширеніе отвѣтственности желѣзнодорожныхъ обществъ за увѣчья служащихъ и 3) ограниченіе права выпуска injunctions федеральными судами во время стачекъ. Четвертаго пункта, т. е. права Верховнаго Суда отмѣнять законы, никто не поднималъ, ибо благоговѣніе передъ судебной властью — одинъ изъ принциповъ американской политической философіи. Ежегодно эти три вопроса обсуждались, но безплодно. Передъ выборами обѣщанія давались рабочимъ весьма щедро, но послѣ выборовъ они очень быстро забывались. Соціалисты всегда указывали на эту безрезультатность работы Американской Федераціи Труда въ Вашингтонѣ, объясняемую, по ихъ мнѣнію, отсутствіемъ рабочей партіи и невозможностью добиться уступокъ выпрашиваніемъ у представителей обѣихъ буржуазныхъ партій. Но вожаки Федераціи долго не унывали.

Два года тому назадъ эти вожаки, съ предсѣдателемъ Федераціи, знаменитымъ Самуиломъ Гомперсомъ во главѣ, наконецъ, убѣдились въ необходимости болѣе активно доказать законодателямъ политическую силу рабочаго класса. Исполнительный комитетъ Федераціи въ мартѣ 1906 года представилъ президенту Соединенныхъ Штатовъ, предсѣдателю сената и спикеру палаты формальную жалобу или, вѣрнѣе, списокъ жалобъ, торжественно названный ими «Bill of Grievances». Въ этомъ интересномъ документѣ представители рабочихъ организацій указывали, что рабочіе недовольны индифферентизмомъ конгресса и администраціи къ интересамъ рабочаго класса, и привели слѣдующія доказательства этого индифферентизма: законъ, ограничивающій 8-ью часами рабочій день, въ государственныхъ мастерскихъ и заводахъ, грубо нарушается. Рабочіе уже давно стремятся освободиться отъ вредной конкурренціи продуктовъ тюремнаго труда, но безуспѣшно. Требованія рабочихъ, чтобы постоянно растущая иммиграція была ограничена, до сихъ поръ не удовлетворены. Конгрессъ даже пытался смягчить строгій законъ, ограничивающій китайскую иммиграцію. Юридическое положеніе корабельныхъ служащихъ и матросовъ остается чрезвычайно печальнымъ. Злоупотребленіе актомъ injunction противъ рабочихъ продолжаетъ рости, и усилія американской Федераціи добиться законодательнаго ограниченія этихъ injunction до сихъ поръ не принесли никакихъ результатовъ. Законъ о штрафахъ начинаетъ примѣняться къ рабочимъ организаціямъ. Рабочимъ, находящимся на государственной службѣ, запрещено президентскимъ декретомъ подавать петиціи конгрессу объ улучшенія ихъ положенія. Въ коммиссію палаты представителей по рабочему вопросу назначаются завѣдомые враги рабочаго класса. Представивъ эти жалобы, этотъ интересный документъ кончалъ слѣдующими многозначительными словами:

«Трудъ аппелируетъ къ вамъ, и мы надѣемся что не напрасно.

Но если вы откажетесь выслушать насъ, мы будемъ аппелировать къ совѣсти всего народа».

Это, слѣдовательно, было на половину жалобой и на половину угрозой. Но, несмотря на то, что въ американской Федераціи до полутора милліона человѣкъ, эта угроза совсѣмъ не испугала конгресса. Предсѣдатель сената и спикеръ палаты весьма вѣжливо выслушали жалобу, но и только: президентъ обѣщалъ издать приказъ о болѣе точномъ выполненіи закона о 8-мичасовомъ днѣ, но на другія требованія отвѣтилъ довольно рѣзкой отповѣдью. И такъ какъ отъ подачи жалобы ничего не измѣнилось, то американская Федерація рѣшилась принять болѣе активное участіе въ политикѣ—наказать враговъ и поддержать друзей.

Правда, въ обращеніи къ рабочимъ, исполнительный комитетъ указываетъ на успѣхъ англійскихъ рабочихъ съ ихъ 54 депутатами въ парламентѣ, но практическая программа, предложенная для выборовъ 1906 года, была болѣе умѣренна. «Пораженіе наиболѣе ярыхъ враговъ» рабочаго класса независимо отъ партіи, къ которой они принадлежатъ, но спеціальные кандидаты рабочихъ лишь тамъ, гдѣ кандидаты обѣихъ партій враждебно относятся къ рабочимъ интересамъ,—такова была программа. Отъ имени Федераціи всѣмъ членамъ сената и палаты были посланы запросы относительно ихъ взглядовъ на указанныя въ жалобѣ требованія рабочихъ; около 150 отвѣтили, и отвѣты ихъ напечатаны были въ оффиціальномъ органѣ Федераціи труда. Конечно, на бумагѣ огромное большинство ихъ оказалось самыми искренними друзьями рабочихъ.

Не смотря на это торжественное начало, движеніе въ 1906 г. скоро приняло гораздо болѣе скромные размѣры. Борьба сконцентрировалась въ одномъ изъ дистриктовъ штата Мэнъ, гдѣ кандидатомъ на переизбраніе былъ Литтльфильдъ, можетъ быть, самый ярый врагъ организованнаго труда. Выборы въ этомъ дистриктѣ происходили ранѣе общихъ выборовъ, и здѣсь сконцентрировались главныя силы обѣихъ сторонъ. Для поддержки Литтльфильда, какъ республиканца, пріѣхали вице-призедентъ, нѣсколько сенаторовъ, самъ спикеръ палаты. Со стороны Федераціи труда энергично агитировалъ самъ Самуилъ Гомперсъ. Когда борьба кончилась, обѣ стороны гордились побѣдой. Литтльфильдъ добился избранія и насмѣшливо заявлялъ, что Гомперсъ ему помогъ. Гомперсъ указывалъ, что большинство Литтльфильда уменьшилось съ 5000 голосовъ до одной тысячи.

Послѣ этого пораженія Гомперсъ перенесъ свою дѣятельность въ Иллинойсъ въ дистриктъ самого спикера. Но тамъ результаты его усилій были еще менѣе замѣтны. Тѣмъ не менѣе, выборы 1906 года не прошли незамѣтными. Участіе рабочихъ, какъ таковыхъ, въ политической борьбѣ никогда до того времени не принимало такихъ крупныхъ размѣровъ, и консервативная масса ра-

бочихъ никогда еще не высказывала такого политическаго жара и энергіи.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ проявленія этой энергіи конгрессъ, наконецъ, счелъ нужнымъ сдержать свое слово, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному закону. Въ предшествующую сессію конгресса, весной 1907 года, наконецъ, прошелъ законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за увѣчья служащихъ.

Правда, законъ этотъ—очень робкій и скромный законъ. Онъ во многомъ уступалъ даже старому русскому закону объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ. Попрежнему увѣчный рабочій, или семья убитаго, чтобы получить вознагражденіе, должны были доказать *вину* предпринимателя или его агентовъ. Но новый законъ уничтожалъ доктрину «fellow servant», такъ что желѣзная дорога становилась отвѣтственною, если одинъ служащій подвергался увѣчью по винѣ другого; онъ также ограничилъ доктрину «assumption of risk» (принятіе риска), т. е. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ желѣзная дорога не выполняла требованій закона о предохранительныхъ средствахъ, и несчастіе случалось,—желѣзная дорога не могла оправдаться тѣмъ, что рабочему изъянъ въ аппаратахъ былъ извѣстенъ, и что поэтому рабочій, зная о существующей опасности, бралъ на себя рискъ. Вотъ и все. Послѣдствія многочисленныхъ несчастій, въ которыхъ трудно найти чью-либо вину, остались попрежнему на плечахъ рабочихъ. Но и эти улучшенія перепугали желѣзныя дороги, при огромномъ числѣ желѣзнодорожныхъ катастрофъ въ Америкѣ.

Желѣзнодорожные рабочіе праздновали побѣду, но праздновали ее недолго. Первая же тяжба, возникшая на основаніи этого закона, вызвала протестъ со стороны желѣзныхъ дорогъ, настаивавшихъ, что этотъ законъ не конституціоненъ. Послѣ года тяжбы Верховный Судъ Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительно призналъ законъ неконституціоннымъ! Такъ погибаетъ законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ.

Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробный анализъ аргументовъ, при помощи которыхъ Верховный Судъ пришелъ къ убѣжденію, что этотъ законъ противорѣчитъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ,—аргументовъ, занимающихъ многіе десятки страницъ. Да едва ли эти аргументы и уяснятъ что-либо, если мы вспомнимъ, что въ то время, какъ пять мудрыхъ жрецовъ правосудія нашли такое противорѣчіе, четыре жреца, не менѣе мудрыхъ, такого противорѣчія не нашли. Отмѣтимъ лишь, что адвокаты желѣзныхъ дорогъ настаивали, что право регулировать торговлю между штатами, данное конституціей конгрессу, включаетъ регулированіе отношеній между путями сообщенія и публикой, ею пользующейся, но не включаетъ отношеній между предпринимателями (путями сообщенія) и рабочими. Если бы Верховный Судъ согласился съ этой точкой зрѣнія, то это положило бы

конецъ вмѣшательству конгресса въ эту область. Но Судъ съ этой точкой зрѣнія не согласился. Онъ призналъ законъ однако неконституціоннымъ по чисто техническимъ соображеніямъ, потому что законъ недостаточно ясно разграничивалъ между рабочимъ, занятымъ въ междуштатномъ передвиженіи, т. е. изъ одного штата въ другой, и внутреннемъ передвиженіи внутри одного штата. Въ послѣднемъ случаѣ отношенія между рабочимъ и его хозяиномъ остаются чисто мѣстными вопросами, до которыхъ федеральному правительству нѣтъ никакого дѣла.

На основаніи таковыхъ тонкостей погибъ важный законъ. Рабочая масса, конечно, не хочетъ, да и не можетъ разбираться въ этихъ юридическихъ тонкостяхъ, и лишь видитъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство враждебнаго отношенія Верховнаго Суда къ рабочему классу.

Такимъ образомъ, зимой текущаго года, несмотря на тяжелый экономическій кризисъ и близость президентскихъ выборовъ,—два фактора, дѣлающіе рабочую массу очень чувствительной ко всякому проявленію враждебнаго отношенія,—Верховный Судъ какъ-бы особенно постарался подчеркнуть свое пренебреженіе интересами рабочихъ.

Пренебрежительное и даже враждебное отношеніе Верховнаго Суда къ рабочему законодательству сказалось и въ другихъ случаяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ нынѣшнемъ году. Лѣтъ десять тому назадъ принятъ былъ законъ, стремящійся смягчить антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Одинъ изъ пунктовъ этого закона (извѣстнаго подъ названіемъ Erdman Act) запрещалъ желѣзнодорожному обществу расчитывать служащаго за его принадлежность къ рабочему союзу. Въ январѣ текущаго года Верховный Судъ, по дошедшему до него въ аппелляціонномъ порядкѣ дѣлу, рѣшилъ, что этотъ законъ не конституціоненъ, опять-таки потому, что нарушаетъ гарантіи конституціи о личной свободѣ. Законъ этотъ, быть можетъ, практическаго значенія не имѣетъ, потому что предприниматель всегда имѣетъ возможность разсчитать нежелательнаго рабочаго, и никто его не тянетъ за языкъ провозглашать дѣйствительную причину разсчета. Тѣмъ не менѣе, это рѣшеніе Верховнаго Суда не могло не произвести очень тяжелаго впечатлѣнія на рабочую массу, въ особенности на рабочіе союзы.

Едва прошла недѣля, какъ Верховный Судъ нанесъ третій и самый тяжелый ударъ организованному труду. Дѣло касается вопроса о «бойкотѣ».

На ряду со стачками, американскіе рабочіе питаютъ глубокую вѣру въ «бойкотъ», какъ средство борьбы съ капиталомъ. Бойкотъ въ Америкѣ бываетъ, главнымъ образомъ, двухъ родовъ: во-первыхъ, когда члены рабочаго союза отказываются работать, если будутъ употребляться продукты какой-нибудь фирмы, воюющей съ рабо-

чими. Это «бойкотъ въ производствѣ», часто ведущій къ такъ наз. sympathetic strikes (стачкѣ по сочувствію) и оказывающійся очень могущественнымъ средствомъ борьбы. Но есть болѣе легкій, хотя и гораздо менѣе эффектный, потребительный бойкотъ, когда рабочій союзъ старается агитировать противъ потребленія продуктовъ враждебной фирмы. Несмотря на то, что рабочая пресса полна именъ такихъ бойкотируемыхъ фирмъ, послѣднія обыкновенно продолжаютъ существовать и часто процвѣтать.

Во многихъ штатахъ приняты специіальные законы, запрещающіе бойкотъ. Но процессы чрезвычайно рѣдки, можетъ быть, именно благодаря слабому вліянію этихъ потребительныхъ бойкотовъ; что же касается до бойкотовъ въ связи со стачкой, то они продолжаются недолго, и конецъ стачки обыкновенно ведетъ за собой конецъ бойкота. Въ послѣднее время бойкотируемые фабриканты начали болѣе энергичную борьбу противъ бойкотовъ, можетъ быть, потому, что съ ростомъ рабочихъ союзовъ вліяніе бойкота сдѣлалось болѣе чувствительнымъ.

Журналъ Американской Федераціи много лѣтъ печаталъ списокъ фирмъ подъ заглавіемъ «We don't patronize» („Мы не поощряемъ»). Въ числѣ этихъ фирмъ нѣсколько мѣсяцевъ находилась одна фабрика желѣзныхъ печей. И вотъ, по прошенію этой фирмы, одинъ изъ федеральныхъ судей въ Вашингтонѣ выпустилъ injunction противъ президента Федераціи Самуила Гомперса и всѣхъ членовъ редакціи журнала «American Federationist». Injunction запрещало не только печатать имя этой фирмы въ спискѣ «We don't patronize», но и вообще печатать что-либо объ этой фирмѣ, что можетъ повредить ея торговымъ оборотамъ. Такъ какъ журналъ «American Federationist» читается многими сотнями тысячъ организованныхъ рабочихъ, то понятно, что даже самое осторожное указаніе на существованіе борьбы между этой фирмой и ея рабочими можетъ повредить ея торговымъ оборотамъ, и поэтому injunction запретило журналу касаться этой темы. Вся рабочая пресса была страшно возмущена этимъ произвольнымъ приказомъ, основательно видя въ немъ серьезное нарушеніе свободы печати, нарушеніе, исходящее не отъ законодательной власти, а отъ индивидуальнаго рѣшенія судьи. Это произошло 17 декабря 1907 года, а 3 февраля текущаго года преподнесло американскимъ рабочимъ союзамъ еще болѣе крупный сюрпризъ, затронувшій вопросъ о бойкотѣ.

Въ то время какъ фабриканты печей обратились къ помощи судьи и получили injunction, фабриканты Loewe & Co, страдавшіе отъ бойкота, организованнаго противъ нихъ «союзомъ шляпочниковъ», рѣшили воспользоваться болѣе крѣпкимъ средствомъ. Они пустили въ ходъ противъ союза шляпочниковъ знаменитый «законъ Шермана», запрещающій тресты. Въ своей жалобѣ фабриканты заявляли, что союзъ шляпочниковъ есть «конспирація, мѣшающая

свободной и нормальной торговлѣ» (a conspiracy in restrained of trade), какъ опредѣляетъ этотъ законъ тресты. Согласно одному изъ параграфовъ этого закона, пострадавшій отъ такой конспираціи имѣетъ право требовать отъ виновнаго штрафа въ тройномъ размѣрѣ противъ дѣйствительныхъ убытковъ и, вдобавокъ, расходы и издержки. Свои убытки отъ бойкота фабриканты опредѣлили въ 80.000 долларовъ и поэтому предъявили къ союзу шляпочниковъ и ко всѣмъ его членамъ искъ въ размѣрѣ 280.000 долларовъ (болѣе полумилліона рублей). Низшія инстанціи федеральнаго суда поспѣшили переправить дѣло въ Верховный Судъ въ виду серьезности вопроса, есть ли рабочій союзъ—«трестъ» и подлежитъ ли дѣятельность рабочаго союза ограниченіямъ и взысканіямъ, установленнымъ закономъ Шермана.

И, какъ слѣдовало ожидать, Верховный Судъ рѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ законѣ Шермана нигдѣ не упомянуты «комбинаціи капитала». Законъ запрещаетъ всякія «комбинаціи, мѣшающія торговлѣ» (Combinations in restraint of trade). Союзъ шляпочниковъ, организовавшій бойкотъ противъ фабрикантовъ, былъ признанъ такой комбинаціей, и судъ присудилъ взыскать съ союза шляпочниковъ сумму въ 280.000 долларовъ. Правда, что и въ этомъ рѣшеніи пять судей высказались за обвиненіе, а четыре за оправданіе союза рабочихъ, и, очевидно, юридическая аргументація, при помощи которой рабочій союзъ подведенъ подъ формулу треста, уже далеко не такъ ясна, но рѣшеніе Верховнаго Суда неоспоримо.

И это рѣшеніе было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Когда 18 лѣтъ тому назадъ законъ Шермана разрабатывался, Американская Федерація труда выражала опасеніе, какъ бы законъ этотъ, направленный противъ трестовъ и синдикатовъ, не коснулся и рабочихъ союзовъ, и требовала включенія пункта, согласно которому организаціи рабочихъ ясно исключались. Но юристы настаивали, что включеніе такого пункта можетъ почему-то сдѣлать весь законъ неконституціоннымъ, указывая при этомъ, что, во всякомъ случаѣ, конгрессъ совершенно не имѣетъ въ виду рабочихъ союзовъ, и что послѣднимъ нечего тревожиться. Сомнительно, далъ ли законъ Шермана какіе-нибудь положительные результаты въ борьбѣ съ трестами. А теперь его примѣненіе къ рабочимъ союзамъ грозитъ имъ полнымъ уничтоженіемъ, ибо, конечно, и стачка, не менѣе бойкота, является актомъ, мѣшающимъ нормальной торговлѣ, и поэтому можетъ быть подведена подъ понятіе о преступной комбинаціи. Наконецъ, немногіе союзы могутъ оправиться отъ иска въ 280.000 долларовъ. И поневолѣ вожаки американскихъ рабочихъ союзовъ угрюмо заговорили о томъ, къ какимъ результатамъ привело въ Англіи сходное судебное рѣшеніе,—знаменитое Taft Vale Decision, которое послужило началомъ для рабочей партіи въ англійской политикѣ.

Американскіе рабочіе союзы рѣшились протестовать, но протестъ ихъ пока выразился въ иной формѣ, и разница эта подчеркиваетъ разницу между политикой рабочей массы въ Европѣ и Америкѣ.

Въ началѣ марта центральный исполнительный комитетъ Американской Федераціи Труда, по почину президента Самуила Гомперса, разослалъ приглашеніе всѣмъ рабочимъ союзамъ, входящимъ въ составъ Федераціи, прислать делегатовъ въ Вашингтонъ для обсужденія необходимыхъ мѣръ. Оригинальной чертой плана явилось приглашеніе представителей нѣсколькихъ фермерскихъ организацій (нѣчто въ родѣ «крестьянскихъ союзовъ»), имѣющихъ цѣлью объединеніе крестьянства въ одинъ крупный союзъ *для повышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты*, ибо эти организаціи также напуганы тѣмъ, что законъ Шермана можетъ быть примѣненъ и къ ихъ дѣятельности.

Результатомъ конференціи и многихъ горячихъ рѣчей явился формальный протестъ, подписанный представителями болѣе двухъ милліоновъ рабочихъ, объединенныхъ въ союзы, а также крупныхъ фермерскихъ организацій. Протестъ этотъ былъ формально поднесенъ спикеру палаты, Каннону, и президенту сената, Фербанксу. Право петиціи — неотъемлемое право американскаго гражданина, гарантированное ему конституціей, и сотни петицій ежедневно достигаютъ конгресса. Но *протестъ*, обращенный къ законодательному собранію отъ лица 2 милліоновъ людей, да еще рабочихъ,— болѣе интересное явленіе и вызвало нѣкоторую сенсацію даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Возможно, что этотъ протестъ знаменуетъ собой новую эру въ исторіи американскаго рабочаго движенія.

Отмѣтивъ «индифферентное, чтобы не сказать враждебное, отношеніе» самого конгресса къ «умѣреннымъ и справедливымъ мѣрамъ, предлагаемымъ рабочими для защиты ихъ правъ и интересовъ», авторы протеста останавливаются затѣмъ на толкованіи, которое дано Верховнымъ Судомъ закону Шермана о трестахъ. Протестуя противъ этого толкованія, какъ противъ извращенія дѣйствительной цѣли закона, они предлагаютъ конгрессу немедленно принять къ нему слѣдующія двѣ поправки:

«Этотъ актъ не долженъ примѣняться къ организаціямъ и ассоціаціямъ не съ цѣлью прибыли и безъ акціонернаго капитала, или къ членамъ подобныхъ организацій.

«Этотъ актъ не долженъ примѣняться къ комбинаціямъ лицъ, занимающихся земледѣліемъ и объединившихся съ цѣлью повысить цѣны на ихъ собственные земледѣльческіе продукты.»

Кромѣ того, они рекомендуютъ вниманію конгресса слѣдующіе законопроекты:

Законъ о регулированіи и ограниченіи изданія injunctions.

Законъ объ отвѣтственности предпринимателей на желѣзныхъ дорогахъ.

Законъ о примѣненіи 8-часового рабочаго дня ко всѣмъ рабочимъ на государственной службѣ и рабочимъ, работающимъ на государственныхъ контрактахъ.

«Передъ конгрессомъ—говорится далѣе въ протестѣ—имѣются и другія важныя мѣропріятія, но мы считаемъ себя въ правѣ настаивать, главнымъ образомъ, на проведеніи этихъ мѣръ, потому что онѣ уже разбирались конгрессомъ въ теченіе нѣсколькихъ сессій, и нѣтъ никакихъ причинъ далѣе откладывать ихъ.

«Мы являемся передъ конгрессомъ съ надеждой на быструю и достаточную помощь. Насталъ психологическій моментъ для полной перемѣны въ отношеніи правительства къ рабочему классу; позволить ему пройти безплодно—значитъ подвергать будущее нашего народа опасности серьезной катастрофы.

«Мы надѣемся, что насъ не заподозрятъ въ отсутствіи уваженія къ нашему главному законодательному собранію.

«Разъ рабочіе, страдая отъ чувства крайней несправедливости и пренебреженія къ ихъ интересамъ, все же обращаются прежде всего къ конгрессу за помощью, то это доказываетъ, что они все еще вѣрятъ въ готовность и способность этой части правительства возстановить и защитить ихъ права.

«Рабочіе предполагаютъ содѣйствовать конгрессу и намѣрены воспользоваться всѣмъ своимъ политическимъ и экономическимъ вліяніемъ, чтобы народъ былъ представленъ въ конгрессѣ людьми, обѣщающими быть справедливыми къ рабочимъ и всему народу, а не помогать частнымъ интересамъ людей, стремящихся поработить тружениковъ и такимъ образомъ нанести огромный вредъ всей странѣ.

«Рабочіе надѣются, что конгрессъ почувствуетъ серьезность положенія, что онъ стряхнетъ съ себя прежнюю апатію и проведетъ законодательство, которое возстановитъ среди рабочихъ увѣренность, что ихъ нужды обращаютъ на себя должное вниманіе.

«Только такимъ образомъ можно избѣжать кризиса. Нужно что-нибудь болѣе положительное, чѣмъ сладкія обѣщанія. Чувство тревоги, весьма распространенное среди рабочихъ, со дня на день обостряется. Требованіе рѣшительныхъ дѣйствій становится все сильнѣе». Въ заключеніе, протестъ напоминаетъ о той отвѣтственности «за законодательство или отсутствіе законодательства, которое лежитъ на правящей партіи».

Таково содержаніе протеста, подписаннаго наиболѣе крупными дѣятелями американскаго рабочаго движенія и представленнаго комитетомъ, во главѣ съ Самуиломъ Гомперсомъ, спикеру палаты и президенту сената. И тотъ, и другой, принявши протестъ, отдѣлались весьма любезными, но малозначущими фразами.

Но протестъ предназначенъ былъ не для нихъ двоихъ или только для конгресса. Хотя вся американская пресса напечатала этотъ интересный документъ цѣликомъ, тѣмъ не менѣе—съѣздъ, раз-

работавшій протестъ, обратился еще со спеціальнымъ воззваніемъ къ организованнымъ рабочимъ и фермерамъ. Это воззваніе написано такимъ же повышеннымъ стилемъ, какъ и цитированный протестъ. Изложивъ причины, побудившія созвать съѣздъ и представить протестъ, и передавъ содержаніе протеста, воззваніе кончаетъ практическими указаніями, какъ добиться требованій, поставленныхъ въ протестѣ. Во-первыхъ, рекомендуется всѣмъ организаціямъ устроить массовыя собранія въ одинъ и тотъ же день (а именно 19 или 20 апрѣля). Во-вторыхъ, послать какъ можно больше частныхъ писемъ членамъ конгресса съ требованіями вотировать за названные билли. «Мы обращаемся,—гласитъ дальше воззваніе,—къ рабочимъ съ требованіемъ—поддержать нашихъ друзей и поразить нашихъ враговъ, кто бы они ни были—кандидаты-ли на должность президента или въ конгрессъ, или на какую бы то ни было законодательную, административную или судебную должность».

Читатель согласится, что самый фактъ протеста представляетъ крупное историческое событіе, и документъ, можетъ быть, займетъ мѣсто въ исторіи американскаго рабочаго движенія. Но содержаніе его едва ли можно признать значительнымъ. Мы, конечно, знаемъ, что американскій рабочій въ большинствѣ случаевъ не соціалистъ; что «Американская Федерація труда» настроена очень враждебно къ соціализму; поэтому мы не ожидаемъ отъ этого «протеста» провозглашенія соціалистическихъ принциповъ. Но отъ организаціи, представляющей два милліона рабочихъ, мы въ правѣ ожидать смѣлости и силы какъ въ требованіяхъ, такъ и въ угрозахъ.

Къ чему же сводятся какъ требованія, такъ и угрозы? Федерація труда въ области рабочаго законодательства, въ годъ президентскихъ выборовъ, проситъ лишь... возстановленія status quo, существовавшаго до судебныхъ рѣшеній. А что̀ представляетъ это statu quo, на это отвѣчаетъ первая часть настоящей статьи. И, однако, «протестъ», — довольно унизительный, хотя и высокопарный по своему тону, — даже увѣряетъ, что если его требованія будутъ удовлетворены, то есть, если statu quo будетъ возстановленъ, то *все будетъ опять обстоять благополучно*. Американскій рабочій не научился даже желать.

Ну, а если требованія не будутъ удовлетворены, какими мѣрами борьбы располагаетъ американскій рабочій? Къ чему призываютъ его вожаки? Протестъ ясно указываетъ, что рабочіе будутъ пользоваться своимъ избирательнымъ правомъ. Но отвѣтственность падаетъ на голову республиканской партіи, какъ стоящей у власти. Отсюда ясенъ выводъ, что вожаки угрожаютъ республиканцамъ поддержать демократическихъ кандидатовъ. Но имѣютъ ли американскіе рабочіе основаніе надѣяться, что демократы отнесутся съ большимъ вліяніемъ къ требованіямъ труда? Нѣтъ, потому что хотя въ демократической партіи имѣется радикальное

крыло, но большинство демократовъ, а именно весь югъ, крайне враждебно относятся къ рабочимъ союзамъ и рабочему законодательству. И потому у американскаго консервативнаго рабочаго есть лишь одинъ выборъ—изъ огня въ полымя. И, въ сущности говоря, Федерація труда какъ будто сознаетъ это. И потому Самуилъ Гомперсъ не говоритъ республиканцамъ: «если вы намъ откажете, то мы будемъ вотировать за демократовъ», а, напротивъ, увѣряетъ ихъ, что рабочіе являются не какъ республиканцы или демократы, не какъ политическіе партизаны, а исключительно какъ рабочіе. Это манипулированіе обѣихъ партій, съ цѣлью добиться наибольшихъ уступокъ, и есть квинтъ-эссенція политической философіи Самуила Гомперса, который считаетъ ересью и утопіей мысль о возможности рабочихъ выступить съ собственными кандидатами, съ собственной политической партіей и уже потомъ въ залѣ федеральнаго конгресса вести переговоры съ другими партіями, чтобы добиться желательныхъ законодательныхъ мѣръ. Гомперсъ, очевидно, полагаетъ, что, разъ рабочіе выступятъ съ такой самостоятельной политической дѣятельностью, то они лишатся вліянія на обѣ партіи, которымъ пользуются теперь...

III.

Президентъ Рузвельтъ въ своихъ посланіяхъ удѣляетъ довольно много мѣста рабочему вопросу. Такъ, въ первомъ посланіи послѣдней сессіи конгресса, давая по обычаю обзоръ всѣхъ политическихъ вопросовъ, президентъ коснулся всѣхъ тѣхъ мѣръ, которымъ посвящена эта статья. Рузвельтъ заявилъ, что считаетъ injunctions необходимыми и совершенное запрещеніе ихъ считаетъ невозможнымъ; но онъ призналъ, что суды часто злоупотребляютъ этимъ правомъ, въ особенности въ конфликтахъ капитала съ трудомъ, и что поэтому желательно законодательство, которое регулировало-бы пользованіе этимъ судебнымъ актомъ. Поражающая частота несчастныхъ случаевъ съ рабочими и служащими желѣзныхъ дорогъ заставила президента высказаться въ пользу системы инспекціи желѣзныхъ дорогъ со стороны федеральнаго правительства. Неудовлетворительное положеніе вопроса о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья признано было президентомъ, и онъ рекомендовалъ законъ о вознагражденіи рабочихъ, находящихся на службѣ у самого федеральнаго правительства; законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за увѣчья служащихъ тогда уже обсуждался судомъ, и, въ случаѣ признанія этого закона неконституціоннымъ, президентъ считалъ необходимымъ опять провести этотъ законъ, но въ такой формѣ, которая удовлетворила бы требованія Верховнаго Суда. Распространеніе 8-ми-часового рабочаго дня на подрядныя работы въ пользу федеральнаго правительства также одобрено было президентомъ. Дальше

президентъ рекомендовалъ удовлетворительное законодательное регулированіе женскаго и дѣтскаго труда въ городѣ Вашингтонѣ, подлежащемъ юрисдикціи федеральнаго правительства, ассигновку 150.000 долл. для продолженія предпринятаго въ прошломъ году гигантскаго изслѣдованія женскаго и дѣтскаго труда и организацію бюро горнопромышленнаго дѣла, одной изъ функцій котораго должно быть изысканіе мѣръ для уменьшенія несчастныхъ случаевъ въ копяхъ.

Въ совокупности эта программа рабочаго законодательства, хотя и довольно жалкая, исходя отъ самого президента, казалось бы, должна была быть принятой безъ особенныхъ затрудненій. Но тутъ-то и проявляется разница между американской формой правленія и европейской, парламентарной. Хотя Рузвельтъ и республиканецъ, а республиканская партія имѣетъ подавляющее большинство въ обѣихъ палатахъ, но рекомендаціи президента представляютъ лишь pia desiderata, и спикеръ палаты Каннонъ (консерваторъ и политическій противникъ президента, хотя также республиканецъ) имѣетъ гораздо большее вліяніе на законодательство, чѣмъ президентъ.

Поэтому съ рабочимъ законодательствомъ конгрессъ не спѣшилъ. Тѣмъ временемъ посыпались рѣшенія федеральнаго Верховнаго Суда, которыя начинали производить очень непріятное впечатлѣніе на рабочую массу. Поэтому 31-го января президентъ выступилъ со спеціальнымъ посланіемъ конгрессу, посвященнымъ цѣликомъ вопросамъ объ отношенікхъ капитала и труда, а также объ отношеніяхъ крупныхъ синдикатовъ къ публикѣ.

Это спеціальное посланіе, съ одной стороны защищавшее интересы труда, а съ другой — подвергавшее рѣзкой критикѣ «крупные синдикаты, нагло нарушающіе законы страны», посланіе, написанное очень рѣзкимъ и раздраженнымъ тономъ, создало Рузвельту среди консервативныхъ элементовъ, среди биржи и финансистовъ, репутацію «соціалиста и чуть-ли не анархиста». Но, по правдѣ сказать, биржу и банкировъ гораздо болѣе обозлили нападки на крупный капиталъ, чѣмъ защита интересовъ рабочихъ. Въ области рабочаго законодательства Рузвельту осталось лишь повторить почти буквально сказанное имъ въ первомъ посланіи Къ тому времени Верховный Судъ уже уничтожилъ законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, и президентъ опять настаиваетъ на принятіи подобнаго закона въ конституціонной формѣ. Онъ опять проситъ закона о вознагражденіи государственныхъ служащихъ за увѣчья, указывая на то, что подобные законы существуютъ во всѣхъ крупныхъ европейскихъ странахъ. «Я опять,—говоритъ онъ,—обращаю ваше вниманіе на необходимость законодательства противъ злоупотребленій въ связи съ injunctions», и повторяетъ тѣ же аргументы.

Но конгрессъ вовсе не былъ тронутъ и этимъ спеціальнымъ

посланіемъ и не высказалъ никакого желанія немедленно провести президентскую программу. А тѣмъ временемъ, Верховный Судъ продолжалъ свою разрушительную дѣятельность. 19-го марта Федерація труда представила уже знакомый читателю протестъ, а 25-го марта, т. е. менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, президентъ Рузвельтъ опять шлетъ специальное посланіе обѣимъ палатамъ конгресса, начинающееся словами: «Я опять обращаю ваше вниманіе на нѣкоторыя мѣропріятія, которыя, по моему мнѣнію, должны быть проведены конгрессомъ передъ закрытіемъ текущей сессіи» — и на этотъ разъ посвященное цѣликомъ почти рабочему вопросу. Очевидно, сказалось вліяніе протеста, а также и близости президентской кампаніи. И уже нѣсколько траги-комически звучитъ фраза: «Я уже неоднократно совѣтовалъ вамъ провести эти мѣры».

Въ этомъ посланіи президентъ опять рекомендуетъ: ограниченіе дѣтскаго труда въ городѣ Вашингтонѣ; новый законъ объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ компаній за увѣчья рабочихъ; законъ о вознагражденіи государственныхъ служащихъ за увѣчья и ихъ семей, въ случаѣ ихъ смерти отъ несчастнаго случая; ограниченіе права выпуска injunction, а именно требованіе предварительнаго предупрежденія, обязательное разсмотрѣніе временной injunction въ теченіе 7 дней, прежде чѣмъ замѣнить временное injunction постояннымъ, и, наконецъ, требованіе, чтобы преслѣдованіе за нарушеніе injunction велось передъ другимъ судьей.

Но болѣе трехъ четвертей этого посланія удѣлено вопросу о примѣненіи закона противъ трестовъ къ рабочимъ союзамъ, и, такимъ образомъ, не остается никакого сомнѣнія, что «посланіе» Рузвельта является отвѣтомъ на «посланіе» Самуила Гомперса. Рузвельтъ признается, что законъ Шермана противъ трестовъ имѣетъ много недостатковъ, потому что понятый въ буквальномъ смыслѣ, запрещаетъ всякія комбинаціи. Между тѣмъ, комбинаціи въ современномъ коммерческомъ мірѣ абсолютно необходимы, какъ между капиталистами, такъ и между рабочими. Конечно, существуютъ организаціи и комбинаціи, полезныя и вредныя, хорошія и дурныя. Послѣ послѣдняго рѣшенія Верховнаго Суда возникла опасность, что всякія, даже самыя полезныя организаціи, какъ, напр., трэдъ-юніоны, окажутся противузаконными. Поэтому президентъ рекомендуетъ, чтобы, оставляя въ силѣ главныя положенія этого закона, запрещающаго контракты, ограничивающія «свободу торговли», самый вопросъ, какіе контракты и какія комбинаціи представляютъ такое ограниченіе, былъ предоставленъ на усмотрѣніе административнаго чиновника съ тѣмъ, что одобренныя имъ комбинаціи должны быть разрѣшены. Точно также комбинаціи и союзы рабочихъ должны быть признаны законными и желательными; стачки должны считаться совершенно законнымъ средствомъ борьбы; договоры организацій фабрикантовъ съ организаціями рабочихъ отно-

сительно условій найма заслуживают особеннаго поощренія; но, конечно, добавляетъ президентъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы должно было узаконить такія преступныя мѣры, какъ бойкотъ.

А между тѣмъ, весь сыръ-боръ загорѣлся именно по вопросу о бойкотѣ. Рекомендаціи президента въ этомъ третьемъ посланіи объясняются тѣмъ, что, подъ вліяніемъ протеста двухъ милліоновъ рабочихъ противъ закона Шермана, крупный капиталъ хочетъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и облегчить тяжесть строгаго закона Шермана. Но, поскольку дѣло касается интересовъ рабочихъ, рекомендуемыя президентомъ мѣры обѣщаютъ имъ чрезвычайно мало.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и сессія конгресса приближалась къ концу, а изъ всѣхъ рекомендацій президента по рабочему законодательству конгрессъ выполнилъ только одну, проведя новый законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ служащими за причиненныя имъ увѣчья.

И вотъ 27-го апрѣля конгрессъ опять получилъ спеціальное посланіе отъ президента, по счету четвертое, и опять посвященное, главнымъ образомъ, рабочему законодательству. Рузвельтъ опять рекомендовалъ ограниченіе injunctions и ограниченіе примѣненія «закона Шермана» къ рабочимъ союзамъ. Новымъ въ послѣднемъ посланіи былъ лишь методъ аргументаціи. Президентъ на этотъ разъ предлагаетъ свои умѣренныя мѣропріятія съ цѣлью «предупредить возможность болѣе крайнихъ требованій». «Я прошу,—говорилъ онъ,—нѣкотораго ограниченія права injunction, потому что не желаю видѣть озлобленнаго усилія совершенно уничтожить injunctions. Настойчивый отказъ удовлетворить справедливыя требованія народной массы можетъ вызвать такое раздраженіе, что это право будетъ добыто посредствомъ движенія насильственнаго, сопровождающагося многими нежелательными послѣдствіями».

Аргументація эта глубоко интересна, и намекъ ясенъ и знаменателенъ. Но если бы этотъ намекъ остался непонятнымъ кому-либо, то дальнѣйшія заявленія президента не могутъ оставить какихъ-либо сомнѣній. Президентъ съ обычнымъ для него многословіемъ выступаетъ противъ страшнаго зла, именуемаго «классовымъ самосознаніемъ», ругаетъ ругательски демагога, мрачнаго и глупаго соціалиста, который стремится вызвать это чувство «классоваго самосознанія» въ рабочей массѣ,—словомъ, даетъ огромную рекламу молодому и неокрѣпшему еще американскому соціалистическому движенію. Настоящее посланіе, мы увѣрены, первое президентское посланіе конгрессу, въ которомъ имѣются слова: «классовое самосознаніе».

И все же ни законъ о injunctions, ни поправка къ закону Шермана черезъ конгрессъ не прошли. Когда послѣдняя сессія конгресса закрылась, то результатами работъ его въ области рабочаго законодательства были слѣдующіе три закона: 1) законъ

объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за увѣчья рабочихъ, взамѣнъ закона, уничтоженнаго рѣшеніемъ Верховнаго Суда. 2) законъ о регулированіи дѣтскаго труда въ городѣ Вашингтонѣ, подвѣдомственномъ федеральному правительству, и 3) законъ о вознагражденіи рабочихъ на государственной службѣ.

Законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за увѣчья рабочихъ гораздо болѣе скроменъ, чѣмъ можно было предполагать; онъ лишь уничтожаетъ доктрину совмѣстнаго найма и дѣлаетъ предпринимателя отвѣтственнымъ за тѣ увѣчія, гдѣ доказана будетъ вина желѣзной дороги или ея агентовъ, т. е. покрываетъ менѣе половины всѣхъ случаевъ увѣчья.

Законъ о регулированіи дѣтскаго труда въ городѣ Вашингтонѣ съ его населеніемъ всего въ 300.000 человѣкъ, преимущественно чиновничества, большого значенія имѣть не можетъ, особенно въ виду того, что во всемъ Вашингтонѣ нѣтъ ни одной фабрики. Агитація въ пользу этого закона объяснялась преимущественно тѣмъ, что на всей территоріи С. Штатовъ городъ Вашингтонъ остается единственнымъ пунктомъ безъ закона о дѣтскомъ трудѣ,— и это представляло очень скверный примѣръ. Защитники дѣтей стремились провести черезъ федеральный конгрессъ образцовый законъ, который могъ бы служить примѣромъ для отдѣльныхъ штатовъ. Но хотя въ эксплоатаціи дѣтскаго труда въ Вашингтонѣ заинтересованы были только телеграфныя общества, пользующіяся трудомъ юныхъ посыльныхъ, газетныя редакціи да большіе универсальные магазины,—тѣмъ не менѣе, законъ вызвалъ въ конгрессѣ очень сильную оппозицію. Законопроектъ устанавливаетъ предѣлъ въ 14 лѣтъ. Этотъ минимальный предѣлъ чуть не былъ уменьшенъ до 12. И когда законъ прошелъ, то въ немъ оказались слѣдующія поправки: во-первыхъ, продажа газетъ на улицѣ разрѣшена дѣтямъ отъ 10-ти лѣтъ (уступка газетамъ); во-вторыхъ, судьямъ разрѣшено дѣлать исключенія изъ закона, если родители заявляютъ, что заработки дѣтей нужны для поддержки семьи. Благодаря этому, законъ о дѣтскомъ трудѣ въ Вашингтонѣ открываетъ массу лазеекъ для обхода.

Еще болѣе неудовлетворительнымъ является законъ о вознагражденіи рабочихъ на государственной службѣ за увѣчья. Во-первыхъ, законъ примѣненъ съ многочисленными исключеніями, такъ что изъ 300.000 лицъ, находящихся на государственной службѣ, всего около 75.000 подходятъ подъ законъ. Во-вторыхъ, вознагражденіе будетъ уплачиваться лишь въ томъ случаѣ, если увѣчье не произошло по винѣ или небрежности рабочаго,—все та же старая идея, отъ которой совершенно не можетъ отрѣшиться американское законодательство. И, въ-третьихъ, вознагражденіе чрезвычайно жалкое—максимумъ въ случаѣ полной потери трудоспособности или даже смерти—*годовое* жалованье! Даже жалкая Испанія въ своемъ законѣ

вознагражденіи за увѣчья даетъ трехлѣтній окладъ за полную потерю трудоспособности или за смерть.

И этими тремя законами гордится республиканская партія, указывая на нихъ, какъ на доказательство своихъ искреннихъ заботъ о судьбѣ рабочаго класса.

Эти три мелкихъ корректива, дорогихъ сердцу ультра-постепеновцевъ, составляющихъ большинство американскихъ реформаторовъ, очевидно, не внесли большихъ измѣненій въ юридическое или экономическое положеніе рабочаго класса. Прошлое доказываетъ, что и въ будущемъ такія измѣненія будутъ зависѣть отъ энергіи, съ какой американскій рабочій выступитъ въ защиту своихъ собственныхъ правъ. Жалкое развитіе рабочаго законодательства объясняется, конечно, тѣмъ, что до сихъ поръ американскій рабочій недостаточно энергично пользовался своимъ политическимъ вліяніемъ. Настоящій моментъ тѣмъ и интересенъ, что организованная часть рабочаго класса чуть ли не впервые заявила о своемъ рѣшеніи воспользоваться своей политической силой. Благодаря этому выступленію, рабочій вопросъ впервые сдѣлался въ Америкѣ краеугольнымъ вопросомъ президентской избирательной кампаніи, что дѣлаетъ эту кампанію особенно интересной фазой въ исторіи рабочаго вопроса. Велико искушеніе перейти здѣсь къ анализу роли рабочаго класса въ гигантскомъ политическомъ состязаніи наступающей осени; но, благодаря многочисленности партій, тенденцій и стремленій, современный политическій моментъ такъ сложенъ и такъ неустойчивъ, что мы предпочитаемъ отложить эту тему до слѣдующаго письма, въ надеждѣ, что къ тому времени политическая атмосфера нѣсколько прояснится.

И. Рубиновъ.

Къ верховьямъ Керженца.

(Карандашный набросокъ.)

Раннимъ утромъ мы переѣхали Волгу у Юрьевца.

Влѣво отъ насъ лежала бѣлая ледяная полоса Унжи: здѣсь Унжа впадаетъ въ Волгу. Прямо — блестѣли кресты на Кривоезерскомъ монастырѣ. Вправо рѣяли контуры чернаго лѣсопильнаго завода. Была оттепель. Надъ Унжей, монастыремъ и лѣсопилкой — надъ всѣмъ Заволжьемъ — носилась какая-то теплая синеватая пелена, предвѣстница снѣга.

Немного спустя, уже въ монастырскихъ владѣніяхъ, мы переѣхали Черное озеро. Когда-то здѣсь была глубокая тишина. Разсказываютъ, что въ старину, въ Свѣтлую утреню, изъ озера выплывали двѣнадцать бочекъ, наполненныхъ золотомъ; нужно было прикоснуться къ первой изъ нихъ, чтобы всѣ двѣнадцать достались тому человѣку, который это сдѣлалъ. Но почему-то люди всегда прикасались къ послѣдней—и золото въ ту же минуту погружалось обратно въ Черное озеро. Говорятъ, оно и теперь тамъ, но только не отходитъ со дна, потому что наверху нѣтъ больше прежней молитвенной тишины...

Съ устройствомъ завода (кстати, это одна изъ первыхъ лѣсопилокъ на всей Волгѣ) характеръ мѣстности сталъ совсѣмъ другой. Въ сторонѣ отъ нашей дороги кѣмъ-то зачѣмъ-то накиданы балки, тесъ, „рейки“ машиннаго производства. Надъ нами вдругъ выростаетъ огромная бревенчатая пирамида, какъ крѣпость. И даже страшно: разсыплется она — умрешь немедленно... За первой пирамидой стоитъ вторая, за второй третья, такая же, какъ гора. Между ними, кой-гдѣ, мелькаютъ проходы, узкіе и темные, точно щели,—въ нихъ суетятся рабочіе... Жутко смотрѣть на эти „костры“ лѣса, сотканные изъ бревенъ при помощи элеваторовъ и желѣзныхъ когтей; кажется, что они выступили изъ земли только для того, чтобы поработить въ конецъ

тихій монастырскій лугъ, и это озеро, и все, что съ нимъ соприкасается.

— А вотъ Кривоезерье...—показалъ ямщикъ.

Мѣстность, гдѣ стоитъ монастырь, весной, въ половодье, бываетъ обрамлена озерами. Оттого она получила свое названіе. Легенда говоритъ, — въ древности два юрьевецкихъ жителя стояли какъ-то на берегу Волги. Вдругъ они увидали, по водѣ черезъ Волгу идетъ старичекъ, босикомъ, подпоясанъ лыковой кромочкой, въ длинной до пять рубашечкѣ. Это былъ Симонъ Блаженный. Гдѣ ступитъ Симонъ, тамъ вода разступается. „Видишь ли, брате?" — обратился онъ къ одному изъ стоявшихъ, показывая на холмъ, гдѣ росла тогда одинокая сосна: — „здѣсь возсіяетъ благодать Божія; на этомъ холмѣ по отшествіи моемъ, черезъ сорокъ лѣтъ, создадутъ монастырь на спасеніе инокамъ". Черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти Симона, при патріархѣ Іосифѣ, дѣйствительно, дана была грамота на устройство обители.

Нынѣ здѣсь шумно. Крикъ, трескъ... Визжанье стальныхъ пилъ проникаетъ даже въ алтарь. Съ устройствомъ завода монастырь „пошатнулся". Братія втайнѣ прибѣгаетъ къ монополькѣ. Простота нравовъ отходитъ въ область преданій.

Мы остановились въ гостинницѣ.

— Господи, Іисусе Христе...

— Войдите, отецъ, Николай! Войдите...

Въ комнату входитъ черный словоохотливый старичекъ. Въ рукахъ у него чайный стаканчикъ и маленькій обгрызочекъ сахару. Глазки о. Николая съ какимъ-то уныніемъ скользятъ по сервировкѣ нашего стола, какъ бы чего-то отыскивая и не находя. Душевно скорбя, о. Николай приступаетъ къ чаепитію.

Бесѣда льется рѣкой. Онъ жалуется на монастырскія дѣла. Нельзя жить: въ мірянахъ проснулся ворогъ, тяготятся иночествомъ. Вездѣ скверное слово. Ничего нельзя оставить безъ замка. Недавно былъ пожаръ; сгорѣли монастырскіе сѣновалы, полные сѣна; говорятъ, подожгли мужики. Откуда-то народились „спорные" луга, которыми „испоконъ вѣковъ" владѣетъ монастырь...

— Конецъ монашеству! Падаетъ церковь! — убѣжденно произноситъ о. Николай и сумрачно смотритъ на окно въ сторону лѣсопильнаго завода.

— Подъ останъ вѣка... въ писаніи сказано... змій огненный обойметъ землю, опутаетъ проволокой; народятся отъ змѣя иныя гадины огненныя, полонятъ воздухъ, небо и воду.

Онъ еще разъ глядитъ въ сторону лѣсопилки и произноситъ:

— Нынѣ исполнилось писаніе сіе...

О. Николай вытираетъ свой чайный приборчикъ подрясникомъ, кланяется и робко, смущенно уходитъ, какъ бы скрывая, что все-таки онъ ожидалъ отъ меня какихъ-то иныхъ угощеній, дающихъ человѣку забытье...

Уже наступали сумерки, когда мы покинули монастырь. Въ воздухѣ трепеталъ снѣжокъ. Дорога уходила въ самую „кремь" Заволожья, въ лѣса. Мы проѣхали рощу. Строго и печально глядѣли сосны, какъ иконы. Знайте, — какъ бы говорили онѣ:—вотъ придутъ люди, подрубятъ, бросятъ насъ подъ машину, растерзаютъ—получатся длинныя холодныя доски изъ нашего душистаго тѣла...

— Эй-эхъ!—покрикивалъ Трынкинъ, мужичекъ, съ которымъ мы „порядились" до Керженца.

— Эй-ты! Поблеклая!—укорялъ онъ своего Карька.

Душа Трынкина была переполнена монастырскими впечатлѣніями. Онъ недоволенъ обителью.

— Пускай!—наивно разсуждалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.— Мы, крестьяне безъ благодати, воруемъ, содомничаемъ! Наши дѣти тоже не по глаголу живутъ. Опять же... кто просвѣтитъ насъ?

Трынкинъ остановился.

— Монахи? Игумены?—быстро теребилъ онъ вожжами.

— Почему же и не они?—спросилъ я.

— Потому: жизнь наша, хрестьянская, мука-мученская. Во тьмѣ живемъ и тьму видимъ, ею дышимъ. Какъ же могутъ знать ее тѣ, кто, къ примѣру, одаль находится? Къ примѣру, монахи?

— Потому...—Трынкинъ измѣнилъ въ этомъ мѣстѣ голосъ на шопотъ: — Они не токмо къ игу нашему, но даже и къ божеству не имѣютъ касательства...

— Это какъ же?—удивился я.

— А вотъ какъ. Спаситель родился въ пещерѣ, въ городѣ Вифлеемѣ, и тогда надъ пещерой взошла звѣзда. Но кто первымъ пришелъ по этой звѣздѣ? Кто узналъ, что здѣсь Богъ, и поклонился и принесъ дары: злато, ливанъ и смирну? А?

Трынкинъ побѣдоносно глядѣлъ на меня.

— Волхвы! А кто такіе волхвы? Ученые люди! Вотъ вѣдь кто Бога провидѣли самыми первыми! Гдѣ же были въ тѣ поры монахи? Вѣдь, такое дѣло, самъ посуди, рожденіе Бога...

И мой возница долго развивалъ эту тему.

За рощей дорога опустилась въ лывину. Мы поѣхали „зимнякомъ“, зимней дорогой. Весной и осенью здѣсь—топкія мѣста; переправа только пѣшая... Зимой глухо и жутко. Топырится темный, спутанный, узловатый березникъ, надъ которымъ кой-гдѣ выставляются бѣловатыя пятна. Это вершины Асафовыхъ горъ.

На Асафовыхъ горахъ въ древнее время, говорятъ, укрывались разбойники. „Гарька Башлыкъ“, „Кольцо“, есаулъ „Желѣзные Когти“, будто бы, прятали здѣсь въ нихъ награбленные товары. Мѣста тамъ—дикія, безлюдныя. Кромѣ того, религіозные люди разсказываютъ, что на Асафовыхъ горахъ живутъ какіе-то схимники. Лѣсники близлежащихъ кордоновъ, будто бы, зимой на снѣгу не разъ находили таинственную тропу, которая „никуда не ведетъ“. Пойдешь по тропинкѣ, а она „западетъ“, и вновь очутишься на прежнемъ мѣстѣ. Вообще, Асафовы горы, какъ и всѣ глухія мѣста, богаты легендами.

Уже наступила ночь. За болотомъ наша дорога, по выраженію Трынкина, „вызнялась въ круть“, въ гору. Это были Валы—гористая мѣстность — Валовская волость, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губерніи.

— Эй, эй! Хозяйно! Хозяйнушко! - постукивалъ Трынкинъ кнутовищемъ о зауголокъ.

— Кто тамъ?—окликнули насъ, и къ мерзлому окну приникла чья-то женская голова.

— Мы—мы! Проѣзжіе! — покрикивалъ ямщикъ:—Не пустишь ли ночевать? Ночев-ва-ать... — подвывалъ онъ, припрыгивая и притопывая, какъ голодный волкъ.

Во всей деревнѣ это была единственная избенка, гдѣ еще, видимо, не ложились спать, потому что горѣлъ огонь.

Стукнули „выходы“. Заскрипѣла мерзлая воротина. Насъ впустили во дворъ. На рундучкѣ со свѣтцомъ въ рукѣ стояла баба, еще не старая, простоволосая, въ дырявомъ шубникѣ.

— Овцы-то есть ли?—спросилъ ямщикъ, оглядывая невзрачныя прясла.

— Были, родимый, да продали, еще въ третьемъ году,— заговорила баба.—Лошадь у насъ извелась тогдэ, рыженькая была, съ норовомъ, а стали новую покупать, овецъ-то и продали.

— А мужикъ-отъ твой гдѣ?—спросилъ Трынкинъ, распрягая лошадь.

Баба какъ-то наивно всхлипнула вмѣсто отвѣта, словно готовясь плакать, и свѣтецъ задрожалъ въ ея рукѣ.

— Царство небесно... преставился...

— Давно?

— Вторую недѣлю... Въ тюрьмѣ на забастовкѣ преставился...

— Такъ... такъ...—растянулъ ямщикъ:—значитъ, вдова?

— Вдова, родимый, вдова,—продолжала она:—Бѣдность! шесть ртовъ, а паю-то только на половину души. Ни лѣсу нѣтъ, ни покосу. Обидѣли насъ помѣщики. Покосъ арендуемъ: на ватажную душу приходится пудовъ по восьми, такъ, значитъ, беремъ на полчасти.

— Экое дѣло!—пожалѣлъ Трынкинъ.

Мы вошли въ избу. Пахло копотью. На всѣхъ предметахъ въ избѣ лежалъ отпечатокъ какой-то внезапности, глубокаго горя. Самоваръ былъ раскрытъ, и крышка валялась подъ лавкой, на ней лежалъ валеный дѣтскій сапогъ, Ухватники стояли у дверей вмѣстѣ съ кнутами; въ бѣльевомъ корытѣ валялся старый ободранный календарь. На столѣ подъ божницей лежалъ маленькій гробикъ; горѣла свѣчка. Ямщикъ набожно помолился.

— Здорово, хозяюшка!

— Здорово живешь!

— Это что у тебя?—показалъ онъ въ передній уголъ.

Хозяйка думала было что-то отвѣтить, но не могла сдержаться и зарыдала.

— Ребеночекъ былъ... по второму годку...—бросала она среди плача разрозненныя слова, звуки большого, невыносимаго женскаго горя:—Груди ссалъ... мальчикъ... Вынесешь бывало на улицу, взвидитъ лошадь, кричитъ: мама, пссо! пссо!..

— Ангельска душенька. Да ты не рыдай, — остановилъ Трынкинъ.—Грѣшно. Ему тяжелѣй отъ этого.

Бѣдная женщина такъ и набросилась на ямщика.

— Да какъ же мнѣ не рыдать-то?—закричала она, чокая зубами.—Вся надежа моя пропала! Золото мое безцѣнное... свѣченька моя воскуяровая...

Ничто не помогало. Хозяйка „каталась“ между гробикомъ и своей постелью, точно помѣшанная. Между тѣмъ, всѣ въ избѣ крѣпко спали; должно быть, сильное горе утомило за эти дни.

— Не реви!—продолжалъ утѣшать Трынкинъ:—Богъ принялъ малютку, значитъ, съ кону долой. Окромя его, чай, остались?

— А вотъ посчитай, посчитай! — обернулась хозяйка къ палатямъ:—четверо. Вотъ это, глядите, мальчикъ спитъ... чернонѣмочный... шестой годочекъ пошелъ... Былъ здоровый... не сберегли! Однова лошадь у насъ угнали. Прибѣжалъ отецъ въ перепугѣ: „Митька, слышь, лошадь! Лошадь

угнали!“ А Митька, видно, спалъ, да крѣпконько. Вскочилъ, глядитъ на отца, постоялъ, да такъ на постель-то и ляпнулся...

— Экое дѣло!—ужаснулся Трынкинъ.

— Вдовье дѣло!—перебила хозяйка, озираясь по избѣ — Живи! Какъ тутъ жить? Господинъ!—обратилась она ко мнѣ: — скажи, Христа ради, чѣмъ тутъ жить?

И вокругъ глазъ у ней, когда она это спрашивала, мелькали гнѣвныя быстрыя черточки, сокращенія мускуловъ, предвѣстники полнаго бабьяго отчаянія.

Мнѣ никакъ не спалось въ эту ночь. Хозяйка загасила огонь. Только свѣчка у гробика еще продолжала „сягать“, бросая въ темноту хрупкіе, блѣдные щупальцы. Было всетаки очень темно въ избушкѣ. Уже всѣ храпѣли. Заснула и сама хозяйка. И среди этихъ храповъ, бреда и жуткихъ, спросоночныхъ тревогъ зародился вдругъ чей-то рѣзкій, спазматическій кашель. На палатяхъ кто-то проснулся.

Я сталъ присматриваться. Тамъ показался дѣдъ, старый-престарый. Онъ засвѣтилъ ночникъ, стоявшій на „голбцѣ“, оглядѣлъ печь, разыскалъ валенки, надѣлъ ихъ, слѣзъ на полъ, сталъ кашлять долго и безпрерывно. Кашляя, онъ хватался за грудь, ходилъ по избѣ, садился; падая на колѣни, разыскивалъ скамейку, крѣпко прижимался къ ней грудью. Казалось, во всей избѣ не было для него здороваго мѣста...

— Что съ тобой дѣдушка?—испугался я.

— Ась? Не вижу. Безъ мала слѣпой... Кто тутъ?—отозвался дѣдъ.

Я разсказалъ, кто мы, и повторилъ вопросъ.

— Одышка! Житья нѣтъ...—взмолился онъ.

Обводя пустоту, какъ это дѣлаютъ всѣ слѣпые вообще, дѣдъ прибрелъ къ переднему углу. Я лежалъ на полу поблизости.

— Дѣдко!—спросилъ я:—сколько тебѣ годовъ?

— Мнѣ-то? Девять красныхъ, родимый.

— Сколько?—переспросилъ я.

— Красныхъ билетовъ. Значитъ, каждый билетъ по десятишницѣ.

Я улыбнулся. Старикъ считалъ свои года, какъ рубли, десятками.

— Спать не даю... Извини меня...—продолжалъ онъ, разуваясь и кладя валенки въ изголовье, на скамейку.

— Ничего, ничего, дѣдушка!—утѣшилъ я:—еще выспимся! Ночь длинна.

— Да, да, родимый, длинна. Отъ надсадушки. Мечешься, мечешься, пока утра дождешься—одинъ, какъ позабытый колосъ въ кулигѣ. Одышка... Лямку тянулъ я. Бывало, тянешь—грудонька такъ и стонетъ. Бурлачилъ я...—добавилъ дѣдъ въ видѣ поясненія.

На палатяхъ неожиданно заплакалъ ребенокъ. На полу, за печкой, проснулась хозяйка, взяла ребенка и отнесла въ „зыбку". Опять заснула. Но ребенокъ опять заплакалъ. Бѣдная женщина, объятая зимней полуночной истомой, едва-едва набрала силъ, чтобы добраться до печки. Она разыскала хлѣбъ, выковырила ногтемъ большой кусокъ мякиша, сдѣлала изъ него „жеванину". Ребенокъ, отвѣдавъ, заснулъ. „Зыбка" нѣсколько разъ качнулась кверху и книзу и тоже притихла.

— Дѣдушка,—обратился я, замѣтивъ, что дѣду все-таки не спится:—разскажи, какъ ты бурлачилъ.

— Аль хочется, милый?—оживился онъ.—Бурласьво—тяжелая жизнь. Въ тѣ поры не было пароходовъ. Лямкой тянули. Первый пароходъ прошелъ—дѣлу будетъ лѣтъ семьдесятъ. Мы шли тогда подъ Казанью. Слышимъ, антихриста ждутъ; птица, гритъ, огненная пловетъ по рѣкѣ; преставленіе свѣта. А когда этотъ первый пароходъ, подъ названіемъ „Волга", встрѣтился съ нами—происходило въ субботу—по деревнямъ парились въ баняхъ,—то весь народъ выскакалъ на улицу, многіе прямо нагими. И вотъ съ тѣхъ поръ бурласьво пошло на убыль...

Дѣдъ тяжело вздохнулъ.

Мимо меня прошла кошка. Мурлыча, она дошла до скамейки, поострила когти, поставила переднія лапки на подоконникъ. Я сталъ наблюдать. Кошка выждала, когда все успокоится, и принялась жадно и обстоятельно облизывать потныя, мерзлыя стекла.

Всѣ звуки въ комнатѣ были тихіе и глухіе, какъ сонъ далекихъ поколѣній.—Такъ вотъ гдѣ,—подумалъ я,—умираютъ послѣдніе всплески той славной бурлацкой жизни, которая нѣкогда ломила своей силой даже великую Волгу...

Дѣдъ продолжалъ:

— Тянешь, бывало,—тягушка страшная. Съ каждой лямкой шло человѣкъ девяносто. Тянешь, а канатъ зыбнетъ-зыбнетъ, да такъ и треснетъ, а если новый, бывало—смола изъ него вытапливалась. На иныхъ же мѣстахъ всѣ три смѣны тянули вмѣстѣ, значитъ, человѣкъ триста. Были такія тяжелыя мѣста подъ Симбирскомъ, прозывались они „рынками". Судну не было сдвигу. Канаты рвались. Убивало людей. При мнѣ въ Жигуляхъ такимъ-то путемъ оконфорилась снасть—девятерыхъ молодцовъ въ одну ми-

нуту сложило... Теперь вотъ иди, кричи, что бурлацкая смерть не красна: кто тебя будетъ слушать? А вѣдь народушка жаль...

Дѣдъ закашлялся.

— Жаль народушка. Сколько хорошаго люду погублено...

И вдругъ онъ дрогнулъ. Вся грудь его наполнилась хлипами, шумомъ, глухими болѣзненными посвистами. Близился новый приливъ кашля.

— А гдѣ канатъ лопался... баржа летѣла рынкомъ версты три безъ оглядки... какъ стружка... Не трогали ее никакіе якорья... А тѣ, что на палубѣ оставались и на кичкѣ стояли—не знали, что дѣлать, готовились къ смерти, молились, махали руками... кричали... А звонъ отъ якорьевъ даже былъ на берегъ слышенъ...

Дѣдъ отвернулся.

— Были... были... времена,—бросалъ онъ по слову—молодость... Ушли... Боль... грудонька да надсадушка... Это, стало, въ подарокъ...

И дѣдъ конвульсивно вскрикнулъ. Фраза скомкалась. Казалось, онъ умиралъ. Недалеко время,—подумалъ я,— когда на мѣстѣ маленькаго гробика на столѣ будетъ другой длинный, высокій—такой же топорный и безымянный. Въ немъ будетъ лежать старый бурлакъ.

Свѣчка у гробика догорѣла. Уже вся избушка была окутана мракомъ.

Мы тронулись еще за-темно. Дорога вошла въ перелѣсокъ, который потомъ „окрѣпъ“ и, наконецъ, перешелъ въ большой лѣсъ.

Хорошее молитвенное чувство подымается въ душѣ, когда приходится встрѣчать медленный зимній разсвѣтъ среди такого лѣса. Глубокое спокойствіе разсѣяно по природѣ. Непроглядный сумракъ. Даже снѣгъ, и тотъ подернутъ рѣющими воздушными „мазками“. Даже сосны, и тѣ потеряли свой четкій контуръ. Все смутно. Стоятъ сосны, но кажется, что онѣ висятъ въ небѣ, какъ лампады, тихо покачиваясь. Блѣдныя звѣзды нижутся по вѣтвямъ, по свѣтильнямъ далекихъ лампадъ. Тихо-тихо льется по воздуху, какъ изъ чашъ, звѣздный золотистый блескъ. Чувствуешь, что душа отходитъ, что она вовлечена въ какой-то щедрый стихійный размахъ.

Чуть-чуть свѣжѣетъ. Дорога обнастла. Подъ полозьями уже звучатъ легкіе скрипы и взвизги. Ямщикъ серьезенъ. Лошадь безпокойно прядетъ ушами.

Жутко. Закричишь—и никто не услышитъ. Такая глушь! Одна минутка сомнѣній... Душа начинаетъ прислушиваться, и пить, и вдыхать лѣнивую лѣсную дрему. Эта дрема развѣяна всюду. Какъ дымъ, она стелется у подножія сосенъ-лампадъ. И душа начинаетъ вѣрить въ лѣсныхъ негодниковъ Шорша, Хихикалку, Кралю. По „кривой тропкѣ“, чудится, бѣгутъ лѣсныя дѣтки Ончутки, шестипалыя, листоглазыя. Какая-то сѣдая, таинственная сила начинаетъ набрасывать на глаза вѣдьму за вѣдьмой, сказку за сказкой. Не хочется оторваться. Забываешь, что гдѣ-то за гранью лѣса есть люди, которые сухи и жестоки, у которыхъ кровь кипитъ въ сухомъ комнатномъ воздухѣ. Они ушли на тысячи верстъ отъ лѣсовъ. Иногда они плачутъ. Иногда въ нихъ пробуждается жажда вѣры, и они пробуютъ вернуться обратно, но ихъ мысли, какъ гири, давятъ природный алтарь: хрустятъ иконы, гаснетъ культъ, разрушаются старинные клиросы...

Всплеснулъ вѣтерокъ. Богатая лѣсная струя хлынула въ душу. И какъ будто нѣтъ этихъ людей. Какъ будто весь міръ — лѣсъ, дремучій, настоистый. Кричи человѣка — онъ не услышитъ. Если придетъ опасность, приникни къ деревьямъ, подслушай дыханье, войди въ глубины. Если опасность сильна, правда, ты не спасешься. Но помни,— шепчетъ лѣсъ,—ты дай мнѣ сердце: умрешь безъ криковъ, безъ боли. Я буду баюкать тебя...

А вотъ и день. Растутъ прогалы. Впереди за дорогой бѣлѣетъ длинная извилистая просвѣтина, должно быть, вырубка...

Невдалекѣ отъ ночлега мы переѣхали глухую лѣсную рѣчушку Шóмохту. По берегамъ—лѣсъ. Ни звука. Тишина царская. Рѣчушка сглуха засыпана снѣгомъ. Если-бъ не лунка для водопоя, да не ямщикъ, никакъ не узналъ бы ея.

— Здѣсь Мишка Котъ проживалъ... разбойникъ...—замѣтилъ Трынкинъ.

Чѣмъ ближе къ Керженцу, тѣмъ больше такихъ старинныхъ разбойничьихъ гнѣздъ.

— Долго искали здѣсь Мишку,—продолжалъ онъ:—на дороги сзывали десятскихъ, по постоялымъ дворамъ въ засадахъ сидѣли урядники, въ церквахъ объявляли съ амвоновъ. Висѣльный столбъ приготовили...

— Не нашли?

— Какое! Мишка въ тѣ поры приходитъ къ начальству, да и говоритъ: вотъ, слышь, я, берите меня добровольно, казните!

— Что же они?

— Обрадовались, конечно. Господа... тогда вѣдь помѣщики господами прозывались... казни потребовали. Заключили въ тюрьму, надѣли колодки. А больше всего обрадовались купцы.

— Почему же?

Трынкинъ пытливо поглядѣлъ на меня.

— Потому онъ на Волгѣ шумѣлъ. Зорилъ караваны. Товары и золото пускалъ по народу. Сидитъ, значитъ, Мишка въ тюрьмѣ; купцы да помѣщики глядѣть ходятъ: вотъ-де попался, голубчикъ, теперь не уйдешь, мы богатѣть будемъ. Однажды приходятъ они въ тюрьму цѣлой компаніей. Вина принесли. Закусываютъ. А Мишка лежитъ на нарахъ, кандалами позвякиваетъ. „Хотите, слышь, купцы, я покажу вамъ еще одну шутку?"—засмѣялся онъ. Выходитъ, значитъ, въ родѣ шута—для веселья. Ладно, смѣются купцы, валяй, показывай! „Принесите мнѣ мѣлу!" требуетъ Мишка. Принесли. Глядятъ купцы, какую онъ шутку покажетъ. А Мишка на полу вычертилъ лодку, поддѣлалъ весла, руль срисовалъ—все, какъ есть, лодка. Даже лавочки подбѣлилъ. „Ну, теперь, гритъ, давайте мнѣ шесть гребцовъ, шестерыхъ изъ вашей компаніи." Подошли къ нему шесть купцовъ. „А теперь, гритъ, садитесь на скамьи! гребите!" А самъ пошелъ къ навѣси: править. Стали грести. Разъ! два! три! кричитъ Мишка. Глядь: ни лодки нѣтъ, ни купцовъ, которые въ веслахъ сидѣли. Да вмѣстѣ съ купцами и самъ уѣхалъ. Такой человѣкъ былъ разбойный, тюрьма не брала.

— Почему же?—спросилъ я.

— Слово такое зналъ. Съ лѣсной нечистью куроводился...

Трынкинъ суевѣрно поглядѣлъ въ синеву лѣса.

Близъ Шомохты мы попали на вырубку. Это была большая котловина, вся въ снѣгу, на которой, видимо еще недавно, торчали сосны.

Трынкинъ долго приглядывался. Онъ былъ здѣсь когда-то раньше, когда сослякъ стоялъ на корню.

— Экую уйму спустили! Вонъ въ ту сторону даже додору не было,—показалъ онъ кнутовищемъ налѣво.

— И кому это съ эстоль понадобилось? Хоша бы спросить...

— Да кого же ты спросишь?!—улыбнулся я:—Живой души нѣтъ.

— Ахъ, робята!—обидѣлся Трынкинъ, очевидно, задѣтый за живое.—Чай, въ лѣсу-то вѣдь не въ Москвѣ: завсегда узнать можно. Эй! Эй!..

Закричалъ онъ во всю силу легкихъ.

— Эй! Люди... лю-ди-и...

— Ю-и...—отозвалось эхо.

Близъ отвертки съ нашей дороги, изъ-за полѣнницы, дѣйствительно, показался мужикъ. Я и не замѣтилъ, что онъ тутъ возился съ дровами. Мужикъ былъ степенный, высокаго роста; онъ сумрачно посмотрѣлъ въ нашу сторону и подошелъ какъ-то бокомъ, съ большой опаской, не выпуская топорища изъ рукъ.

— Ты здѣшній, отче?—спросилъ Трынкинъ.

— Здорово живите!—поклонился „отче" вмѣсто отвѣта.

Трынкинъ смѣшался. Мужикъ, подозрительно оглядывая наши лица, отвѣтилъ:

— Здѣшній. А что?

Но Трынкинъ, оправившись, видимо, тоже не захотѣлъ остаться въ долгу.

— Здорово живешь!—произнесъ онъ и дотронулся до шапки:—Богъ на помочь!

— Спаси Христосъ!—промолвилъ мужикъ:—Здѣшній я...

И тоже снялъ шапку. Послѣ этого уже начался дѣловой разговоръ. Такова лѣсная дипломатія! Чѣмъ дальше въ лѣса, тѣмъ сложнѣй становится этотъ привѣтственный ритуалъ.

— Чья эта вырубка?—поинтересовался ямщикъ.

— Графская была.

— А теперь?

— Купеческая. Какъ на волю ослобонилъ насъ графъ... Шереметьевъ... земля, значитъ, къ купцу отошла. Въ родѣ какъ продана была... не знаемъ мы ихнихъ дѣловъ...

Мужикъ подошелъ поближе. Лицо его было серьезно и въ то же время чѣмъ-то испугано.

— Вишь, продать-то онъ ее продалъ, а купецъ сталъ рубить, да пилить, да тереть этотъ самый соснякъ...

— Это какъ же тереть?—не понялъ Трынкинъ.

— А такъ: въ порошокъ каждое дерево—въ порошокъ. На срединѣ лѣса порошковый заводъ построилъ, машинъ привезъ. Да весь лѣсъ такимъ-то путемъ въ порошокъ и протеръ, какъ рѣдьку...

— Ахъ, грѣхъ!—подхватилъ ямщикъ.—Только какой же это порошокъ?

— Сами не знаемъ. Возили съ завода на станцію—по желѣзной дорогѣ идетъ. Сами возили, а знать не знаемъ и не спрашиваемъ—потому считаемъ за грѣхъ.

Трынкинъ шевельнулъ вожжами. Мужикъ, утопая въ суметѣ, побрелъ къ полѣнницѣ. Надъ его головой, какъ птица, расправляла крылья длинная синеватая туча.

Мы ѣхали дальше. Кой-гдѣ попадалось жилье. Опять лѣсъ: чѣмъ глуше мѣстность, тѣмъ ядренѣе деревья—больше всего соснякъ, но изрѣдка мелькали и лиственницы. Морозъ крѣпчалъ. Я закурилъ папиросу.

— Ай продрогъ?—увидалъ возница.

— Погрѣться бы...

— Сичасъ деревня. Къ Авдонѣ... чайкю попьемъ...

— А кто онъ такой?

— Хрестьянинъ. Знакомый. Въ позапрошломъ году свадьбу мы вмѣстѣ играли. Сусѣдневу племянницу выдавали. Гожая баба!.. Только, вишь ты...

Запнулся онъ.

— Богомазоваты они...

— Ну, такъ что же?

— Да я такъ, къ примѣру...—и показалъ кнутовищемъ на мою папиросу.

— Не любятъ... пристаровѣриваютъ...

— А!—догадался я.—Не буду.

Скрѣпя душу, я обѣщалъ не курить. Но Трынкинъ успокоился только тогда, когда выпросилъ портсигаръ и спряталъ у себя за пазухой. Пришлось покориться...

Деревня, куда мы пріѣхали, имѣла уже свою, чисто лѣсную, физіономію. Избы высокія—съ подызбниками—изъ новыхъ красноватыхъ бревенъ. Крыши съ рѣзьбой. Карнизы съ „клопцами", какъ на полотенцахъ. На ставняхъ узоры. Долго глядишь на иной узоръ, и не понимаешь, въ чемъ дѣло; но вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, посрединѣ аляповатыхъ орнаментовъ—видишь—обрисовалась рыба, змѣя или какой-нибудь библейскій драконъ... Этакую старину — невольно подумаешь—хранятъ эти деревенскіе плотники!

Насъ приняли и угостили съ большимъ радушіемъ. Дальніе гости здѣсь—рѣдкость. Напоили чаемъ. При этомъ Трынкинъ, взявши маленькій комочекъ сахара, величиной съ горошину, умудрился опростать никакъ не меньше семнадцати „посудинъ".

Послѣ чаю засадили за обѣдъ. День былъ постный. На первое подали соленыхъ грибовъ: рыжиковъ, груздей, волнушекъ... Вышло, какъ будто, не дурно. На второе „для сугрѣва" притащили огромный горшокъ пареной дымящейся брюквы—„бухмы", какъ ее тутъ называли. Послѣ всего подали миску моченой брусники. Молодуха тутъ же на столѣ обсыпала ягоды сахарными крошками и долго размѣшивала. Не изысканно, но и не голодно... Ямщикъ даже сталъ заговаривать о ночлегѣ, но я склонилъ его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

По выходѣ изъ-за стола всѣ обѣдавшіе долго и цере-

монно благодарили Бога. Чѣмъ ближе къ Керженцу, тѣмъ виднѣе становится эта наружная набожность: крупнѣй поклоны, суровѣй лица во время молитвы, вздохи..

— Теперь куда?—спросилъ я Трынкина, завертываясь въ теплый дорожный тулупъ.

— Теперь къ Высокову...

Высоковскій единовѣрческій монастырь расположенъ въ лѣсу, на высокой грядѣ. Лѣтъ полтораста тому назадъ на мѣстѣ монастыря былъ раскольничій скитъ, потомъ уничтоженный. Постройка монастыря, говорятъ, какому-то милліонеру-старообрядцу обошлась въ 300.000 рублей. Огромный византійскій соборъ, колокольня, звучный колоколъ—могли бы сдѣлать честь любому губернскому городу. Но теперь здѣсь бѣдно. Братіи мало: человѣкъ 15—20. Зданія тронуты временемъ. Стѣны ветшаютъ. Тяжелая ограда полна трещинами и сдвигами. Все требуетъ ремонта, а ремонта нѣтъ...

— Благодѣтелевъ меньше. Глухо здѣсь.

— Ну, а раньше?

— Раньше монастырь питался крестьянами.

— Какими?

— Высоковской округой.

— А теперь?

— Грѣхъ судить... — неохотно высказался Трынкинъ: — Дѣло народное Потому время такое...

У монастырскихъ воротецъ насъ встрѣтили двое: конюхъ и монашекъ-келейникъ. Конюхъ — рыжій, сильный, угловатый дѣтина. Келейникъ, какъ контрастъ ему, блѣдный, тихій; лицо сухое и бѣлое, точно берестяное. Тотъ и другой носили на себѣ слѣды чего-то̀ сугубо страннаго...

— Веди! веди ихъ! — грубо отрѣзалъ конюхъ:—Веди къ Аграфенѣ!..

Келейникъ смущенно шевельнулъ четками.

— Къ Аграфенушкѣ... Гостинница еще не отстроена... Къ Аграфенушкѣ...—бормоталъ онъ, провожая.

— Должно, не въ полномъ разумѣ,—прошепталъ Трынкинъ тихо.

Аграфенушка—Высоковская просвирня—встрѣтила насъ весьма внимательно. Въ хибаркѣ, гдѣ она проживала, была страшная жара и тѣснота. Съ непривычки кружилась голова. Отъ стѣнъ такъ и калило. Весь полъ былъ занятъ жбанчиками, ухватиками, чумичками, сковородничками и прочей кухонной дребеденью. Кой-какъ мы примостились за

печкой—у самаго „жерела". Дѣлать нечего—отступать было поздно.

Въ головѣ старушки мысли зароились, какъ пчелы. Нашъ пріѣздъ выбилъ ее изъ колеи. Было видно, Аграфенушкѣ—точно медку—хотѣлось узнать нашу подноготную: кто мы? куда? надолго-ли пріѣхали? зачѣмъ? Но, какъ гостепріимная хозяйка, она сочла за грѣхъ прямые вопросы и пошла къ своей цѣли окольными путями.

— Молебенъ будете служить?—спрашивала она.—Своему ангелу? Какому угоднику-батюшкѣ? Послѣ утрени? Значитъ, до завтра останетесь?

Чѣмъ больше я отвѣчалъ, тѣмъ больше летѣло вопросовъ

— Обѣдню закажете? Просфорку вамъ замѣсить? Съ отцомъ игуменомъ не знакомы? Може, пожертвованія дѣлать будете?

Старушка дѣловито потупилась:

— У насъ Владычица наша, высоковская помощница, Тихвинская Богородица, милость даетъ и всякую жертву пріемлетъ...

Вывѣдавъ, такимъ образомъ, нашу біографическую „вѣсомость", Аграфенушка перевела рѣчь на болѣе общія темы. Напомнила два-три текста, заговорила о покорности гражданскимъ властямъ, намекнула весьма отдаленно на смуту, закинула словечко о какихъ-то гоненіяхъ и притѣсненіяхъ. Трынкинъ чутко насторожился. Онъ питалъ большую слабость къ гражданскимъ мотивамъ. Во время дороги, бывало, кашей не корми,—разсказывай о министрахъ, о выборахъ въ Думу, о безпорядкахъ... Но съ первыхъ же словъ Аграфенушки на лицѣ моего возницы показалось какое-то жалкое недоумѣніе.

Передъ нами сидѣла опытная старообрядческая „начетчица", женщина строгихъ взглядовъ, большой казуистъ христіанской догматики. На наше русское правительство она взирала какими-то особенными „черными очами", какъ потомъ выразился Трынкинъ. Весь разговоръ, въ концѣ-концовъ, обратился на то, что „чудесъ" и „явленій", о которыхъ никто не знаетъ, въ Высоковѣ много; но что ни церковь, ни правительство не даютъ имъ формальной легализаціи. И оттого, будто бы, народъ не вѣритъ въ нихъ; оттого обитель приходитъ въ упадокъ...

Былъ, напримѣръ, такой случай. Несли Владычицу въ городъ Макарьевъ. Видятъ ношатые—икона вспотѣла; ее оботрутъ, а она опять вспотѣетъ. Даже полотенце, которымъ обтирали, сдѣлалось мокрое. Рѣшили, что Владычицѣ неугодно идти въ Макарьевъ. Повернули обратно, и что же видятъ?—Икона сухая; весь потъ, какъ рукой, сняло...

Объ этомъ запрещаютъ говорить. И Аграфенушка, чудо за чудомъ, развернула передъ нами такую темную подпольную лѣтопись, что, откровенно говоря, сдѣлалось какъ-то страшно за здѣшняго человѣка, за душу его, которая вся во власти этихъ цѣпкихъ чудовищныхъ сказаній.

Я уже говорилъ, что въ комнатѣ, гдѣ мы бесѣдовали, было тѣсно и душно. Кромѣ того, надвигались сумерки. Надъ головой Аграфенушки улеглось какое-то черное тѣневое пятно. Ея лицо было холодно; но глаза горѣли какими-то липкими, неестественными проблесками.

— Милости Владычицы нашей...—вѣщала она посреди этой тѣсноты и потемокъ:—отъ бѣсовъ помогаетъ, отъ грыжъ, отъ черной немочи, отъ ломотъ...

Аграфенушка говорила тихо, таинственно, убѣдительно. И я уже не на шутку начиналъ тревожиться за свою душу: сильна ли она? Хватитъ ли воли разобраться во всей этой монастырской сумятицѣ? Что изъ того, что душа воспитана на „фактахъ", идущихъ въ разрѣзъ съ лѣтописью первобытной мистики? Вѣдь все же,—никто не отрицаетъ,—есть подъ этими фактами что-то таинственное и необъяснимое, какъ море подъ кораблями. Можетъ быть, о немъ-то и говоритъ Аграфенушка?

Должно быть, я глубоко ушелъ въ свои размышленія.

— Вотъ и ты... сынъ мой...—тихо прервала Аграфенушка. И въ голосѣ ея звучали какія-то странныя „пророческія" интонаціи.

— Вижу твою судьбу. Безъ милости Владычицы нашей дни твои коротки.

— Почему же?—спросилъ я съ невольной робостью. Какія-то жуткія, неясныя ожиданія подступили къ душѣ...

— Такъ. Вижу. Молитвами Владычицѣ нашей...

И для большей убѣдительности мѣстной, лѣсной, сверхъестественной благодати Аграфенушка прибѣгла къ примѣру изъ видимой жизни. Но эта щедрость на „чудеса" оказалась роковой. Новый примѣръ окончательно погубилъ въ нашихъ сердцахъ всю ея пропаганду.

Старуха заговорила о томъ келейникѣ, который встрѣтилъ насъ при въѣздѣ у монастырской ограды. Онъ поселился въ обители съ малыхъ лѣтъ. Пѣлъ на клиросѣ. Послушанія правилъ. Ходилъ съ иконой въ народъ. Умный былъ, острый, понятливый. Онъ бы—подумать да поучиться, а въ обители, извѣстно, жизнь суровая. Одиночество. Зайдетъ въ келарню, постоитъ въ рощѣ, сойдетъ ко святому ключику, умоется, сядетъ на паперти, глядитъ, глядитъ... Вотъ разумъ-то въ немъ и затихъ. Молиться бы нужно Царицѣ Небесной о просвѣтлѣніи мыслей — а онъ, видно ужъ, не

сумѣлъ. Ослабъ. Отчаялся въ разумѣ. И что же? Покарала Царица Небесная! Пошелъ онъ однажды къ о. настоятелю: валяные сапожки понесъ, — а тѣ, видимо, не понравились настоятелю. Принялъ онъ келейника, да какъ броситъ прямо ему въ лицо... сапожками... Прибѣжалъ келейникъ съ перепугу на монастырскій дворъ—здѣсь его мать жила — кричитъ, топаетъ, плачетъ по-нехорошему, бить хотѣлъ, кулаки надъ матерью занесъ. Силу такую возымѣлъ — шестеро мужиковъ едва-едва удержали. Отчитывали. Молебны служили—не помогало. Буйный сталъ, сильный, страшный...

Аграфенушка тяжело вздохнула.

— А какъ же теперь?

— Слава Богу, получше. Въ Кострому недавно возили — и полегчало.

— Зачѣмъ же?—встрепенулся Трынкинъ. Онъ слушалъ хозяйку съ живѣйшимъ вниманіемъ.

— Въ больницу...—отвѣтила Аграфенушка небрежно.

— Такъ... такъ...—растянулъ Трынкинъ, какъ бы подчеркивая какую-то свою мужицкую мысль. И онъ холодно, неодобрительно заглянулъ старухѣ прямо въ глаза:

— Слѣдственно... въ родѣ... на исцѣленіе? Къ дохтурамъ?

И оба мы въ эту минуту словно очнулись отъ какого-то крѣпкаго гипноза. Аграфенушка встала, засвѣтила лучину и поглядѣла на часы:

— Сейчасъ ударятъ къ вечернѣ! —сказала она сурово.

Мы пошли въ церковь.

Было темно и жутко въ соборѣ. Кой-гдѣ горѣли огопочки. День былъ будній; освѣщеніе — малое. На черныхъ ликахъ „стариннаго письма“ лежалъ мракъ. Безотрадно дѣлалось на душѣ, когда прислушивался къ унылому старообрядческому напѣву. Глубокая, закоснѣлая древность все еще чувствуется въ немъ. Откуда-то доносился запахъ ветхой старинной бумаги, книгъ, пропитанныхъ воскомъ и ладаномъ.

Вспоминались далекіе костры, дьяконы, протопопы, пустозерскія морильни... „Не надо новыхъ иконъ!“ „Не надо пѣть аллилуія трижды!“ „Не надо молиться щепотью!“ — вспоминались гнѣвные желѣзные лозунги, которые летѣли когда-то съ костровъ, изъ-подъ тучъ, пропитанныхъ запахомъ горѣлаго тѣла. Были времена, когда эти слова, какъ огненные клинки, врубались въ народъ, въ лѣсахъ подымали бурю, въ государствѣ—бунты...

Теперь люди придумываютъ сложныя научныя комбинаціи, чтобы постичь силу этого далекаго фанатизма.

Каждая наука даетъ ему свою исторію, причины, свое толкованіе.

Но, на ряду съ этимъ, у меня никакъ не выходила изъ головы исторія жизни „порченаго“ монашка, такъ неожиданно разсказанная Аграфенушкой. „Зайдетъ въ келарню, пойдетъ въ рощу, сядетъ на паперти, поговоритъ съ отцомъ казначеемъ... Ну, разумъ-то въ немъ и затихъ“ — вспомнилась мнѣ ея фраза. Былъ тихій, покорный. И вдругъ: протестъ, буйная ругань, скверныя слова; мать билъ; кулаки занесъ...

Служба кончалась. Иконостасъ поблескивалъ еще монотоннѣй. И въ этомъ пустомъ нелюдимомъ соборѣ послѣдняя эктенія звучала уже совсѣмъ, какъ исповѣдь человѣка, приговореннаго къ смертной казни.

Можетъ быть,—думалъ я,— и тѣ люди, которые хватались за тѣ далекіе лозунги, тоже не были и не хотѣли быть ни логиками, ни пропагандистами, ни святителями. Можетъ быть, это просто были души глубокой душевной чуткости, попавшія въ дубовую обстановку. Когда имъ стало нечѣмъ дышать, какъ и высоковскому келейнику, темный непонятный порывъ вытолкнулъ ихъ изъ жизни на стезю риска. И, можетъ быть, здѣсь, въ тупикѣ жизни, въ припадкѣ глубокаго сердечнаго отчаянія, они схватились за свои лозунги, какъ самоубійца хватается за веревку, а не за револьверъ или за мышьякъ. Только потому, что высота отчаянія закрываетъ ему глаза на всѣ другіе пути къ смерти...

Вечерня закончилась.

— По-моему, ослабнетъ она... — прошепталъ Трынкинъ на паперти, надѣвая шапку.

— Кто?

— А вѣра эта ихняя, старая. Да и обитель эта...

— А что?—спросилъ я.

Онъ задумался.

— Ежели въ древности, скажемъ, были люди... которые старые... старымъ фарватеромъ шли... Нонѣ тоже найдешь, если попрытче поищешь. Но только — слабже они. Потому: они не въ тѣхъ должностяхъ... Наоборотъ, чѣмъ прежде... Болѣ власти, болѣ удобствъ для нихъ предоставлено...

Куда бы мы ни заѣхали, вездѣ мой возница оставался вѣренъ своимъ гражданскимъ соображеніямъ...

Ночевать мы не остались у Аграфенушки. Было какъ-то неловко передъ ней послѣ неудачнаго сеанса.

Намъ дали комнату въ недостроенной гостинницѣ—безъ запоровъ и безъ мебели. Тѣмъ не менѣе, мы были рады хотя

бы и такому ночлегу. Помнится, насъ провожалъ до гостинницы какой-то монастырскій работникъ.

— Только не напужайтесь ночью,—предупредилъ онъ.

— Чего же?

— Дѣвка живетъ въ гостинницѣ—въ первой, какъ войдешь, комнатѣ—такъ вы... ежели что... не бойтесь...

— Да чего же бояться?—не понимали мы.

— А, значитъ, „является“ она по ночамъ.

— Что?!

— Да вы не пужайтесь. Встанетъ она, пойдетъ шарить по комнатамъ, косяки высмотритъ, всѣ комнаты обойдетъ. Опять же кричитъ... нехорошо этакъ... Вы, лучше всего, запритесь на ключъ...

Поблагодарили его. Пришли. Кой-какъ набросали постель. Я хотѣлъ запереться, но двери не запирались. Часу во второмъ ночи насъ разбудилъ длинный рѣжущій крикъ. Мы оба вскочили, не зная, что дѣлать. Ямщикъ трепеталъ, какъ листъ.

Вся комната за дверями была полна какихъ-то дикихъ полоумныхъ рыданій, кашля, визга, точно надъ кѣмъ-то опрокинули кипящій самоваръ. И даже трудно было понять кто это верещитъ: женщина, птица, ребенокъ, овца или сама нечистая сила.

— Ну, и жисть!—ахнулъ Трынкинъ.

На колокольнѣ пробило два.

Рано утромъ, „до-свѣту“, мой возница запрягъ своего Карька. И мы, какъ воры, стараясь выѣхать незамѣченными, покинули Высоковскій монастырь.

Весь этотъ день я ѣхалъ, не подымая головы кверху: казалось, вотъ-вотъ прорвется небо, и оттуда посыплются мелкіе страшные визги, плачъ, яркій безумный смѣхъ. Тамъ, въ Высоковѣ, можно было сойти съ ума.

Дорога шла частью — полями и пустырями. Изрѣдка попадались небольшіе лѣсочки, отроги какого-то одного большого лѣса. Жилье еще глуше, чѣмъ до Высокова. Народъ— нелюдимый. Спросишь кого-нибудь, гдѣ дорога,—махнетъ рукавицей, пойдетъ прочь; остановишь — отвѣтитъ два слова. Разговоровъ, какъ на Волгѣ, не жди.

Въ одной деревенькѣ мы привернули погрѣться. Въ избушкѣ, на печкѣ, лежала горбатая остроплечая старушонка. Она все время лепетала одни и тѣ же слова: «Сухо зернышко... Сухо зернышко»... Я даже и не разспрашивалъ. Было ясно, что это —тоже «порченая».

— А хозяинъ-отъ подзываетъ меня потихоньку..—заго-

ворилъ Трынкинъ, улыбаясь, когда мы вновь выѣхали за околицу.—Спрашиваетъ,—кого, слышь, это везешь ты, почтенный?

— Ну, а ты что-же?

— Я? А вамъ зачѣмъ?—говорю.—Да такъ... Онъ, говоритъ, Богу не молится. Нешто безбожникъ какой?!..

Я улыбнулся. Хорошо помню: увидавши въ этомъ домѣ божницу, занимавшую добрую половину избы, я намѣренно помолился больше, чѣмъ это обыкновенно дѣлалъ,—чтобы не обидѣть хозяина.

— Поди-жъ ты... Экая мѣстность!—разсудилъ Трынкинъ.

Какъ истый волгарь, онъ не любилъ подобныхъ распорядковъ.

— Въ иныхъ домахъ большаки, отходя ко сну, болтаются часа по два. А, знамо, вѣдь только внѣшность одна. Вотъ-де чужой человѣкъ пріѣхалъ, церковникъ, такъ дай ему покажу... Удивительное дѣло! чѣмъ больше люди молятся Богу, тѣмъ сильнѣй нечистая сила одолѣваетъ...

Бѣлмошскій женскій монастырь на рѣчкѣ Бѣлмошь (притокъ Керженца)—верстахъ въ пятнадцати отъ Высокова. Нѣкогда здѣсь былъ тоже старообрядческій скитъ; но, по указу Петра I въ 1708 г., онъ былъ уничтоженъ Питиримомъ, впослѣдствіи столь знаменитымъ архіепископомъ нижегородскимъ. На мѣстѣ скита въ этомъ году былъ основанъ монастырь.

Теперь здѣсь свыше 250 монахинь. Это—богатый монастырь, женская община, въ экономическомъ отношеніи любопытный образчикъ того, какъ можетъ вестись хозяйство однѣми женщинами. Монахини сами работаютъ въ полѣ, ѣздятъ въ лѣса, имѣютъ собственную мельницу, пишутъ иконы, плетутъ кружева...

Насъ пріютили и здѣсь въ «гостинницѣ». По-просту, это—деревянный «флигирекъ», чистенькій, тепленькій. На окнахъ бѣлыя коленкоровыя занавѣсочки, на кроватяхъ перины, въ изголовьяхъ пуховики. На всемъ чувствуется женская заботливая рука.

По обыкновенію, Трынкинъ сейчасъ же занялся практическими дѣлами. Онъ собирался у себя въ деревнѣ строить съ будущей осени новую избу. А вся монастырская архитектура поразила его, «какъ нельзя лучше», своей простотой и прочностью. Трынкинъ первымъ долгомъ сосчиталъ, сколько „аршиннику“ пошло на простѣнки, прикинулъ, какія печи, сколько «колодцевъ», откуда и куда идетъ дымъ, много ли тысячъ кирпичу пошло на боровья и т. п.

— Ахъ, робята!—воскликнулъ онъ, залюбовавшись потолкомъ:—вездѣ соснякъ, да еще какой богатый!

Немного спустя онъ сдѣлалъ новое открытіе.

— Гляди, гляди!—теребилъ онъ меня за шубу:—да это и не соснякъ! Это лиственки! Это—куда-те соснякъ! Не въ примѣръ лучше...

Нашъ пріѣздъ надѣлалъ массу толковъ. Допросамъ и любопытству не было края. Глухо здѣсь. Зимой рѣдко кто заѣзжаетъ изъ постороннихъ.

— Куда, люди добрые, направляетесь?—допрашивала „мать гостинница".

— Кто вы такіе? Рано ли выѣхали?

— Гдѣ проживаете?

— А вы изъ дворянъ или изъ мѣщанъ?—и т. д.

Ее смѣнила другая монахиня, «мать старшая», въ нѣкоторомъ родѣ начальство надъ первой. Опять тѣ же вопросы.

— А вы... вы откуда?—начала она, едва-едва переступивъ порогъ.—А вы чьи? А какъ ваше крестное имя?—и т. д.

Начинало надоѣдать. Я пробовалъ было по нѣкоторымъ пунктамъ отмалчиваться. Но любопытство матушки отъ этого разгорѣлось еще сильнѣй. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло до властей предержащихъ:—послѣ ухода матери-старшей на порогѣ нашего «номерка», похожаго скорѣй на какую-то дѣвичью горенку, выросла нѣкая фигура въ черномъ, съ красными позументами...

— Я здѣшній урядникъ...—проговорила она лаконично

Пришлось открывать чемоданъ, показывать паспортъ...

Говорятъ, въ бѣлмашскихъ лѣсахъ круглый годъ разыскиваютъ какихъ-то лихихъ людей: не то бѣглыхъ каторжниковъ, не то антихриста во образѣ человѣческомъ...

Ямщика пригласили въ трапезную. Накормили обѣдомъ.

— Кого это ты везешь?—допытывались у него „по секрету".

— А кто его знаетъ! — уклонился Трынкинъ, поѣдая монастырскій винегретъ.

— Може, бѣглый какой?

— Може...

— Не начальство ли?

— Нѣтъ, кажись, не начальство.

— Може, изъ царской фамиліи?

Но Трынкинъ такъ и ушелъ, не развѣявъ глухихъ одинокихъ сомнѣній.

Вечеромъ мы направились за всенощную. Былъ постъ. Въ монастырѣ говѣли. Весь соборъ былъ наполненъ темными таинственными фигурами. Служба еще не начиналась, когда мы вошли Нѣкоторыя изъ монахинь сидѣли, другія стояли. Въ темнотѣ висѣло густое шушуканье. Съ нашимъ приходомъ оно, видимо, еще больше усилилось.

— Странникъ...—услыхалъ я позади себя.

— Какое странникъ!—сказалъ кто-то сбоку.

— Чай, видишь, въ очкахъ...—прошептали спереди.

Дальше и больше—голоса ушли куда-то вдаль, потомъ опять вернулись обратно.

— Нѣтъ, это не странникъ.

— Кажись, молодой?

— Нѣтъ, не очень...

— Должно, заѣзжій...

— Надо бы спросить...

— Поди-ка, матушка, спроси!—подсказалъ кто-то болѣе рѣшительно.

— Поди-ка, мать Таисія, спроси...

Кто-то кашлянулъ. Въ темнотѣ, отъ задняго ряда отдѣлилась черная женская фигура Два-три вопроса. Новый приливъ молчанія—и новый отливъ шушуканья..

— Изъ Москвы...

— Изъ Москвы.. сквы...—понеслось по рядамъ.

Я первый разъ въ жизни видѣлъ такое болѣзненное вниманіе къ своей особѣ. Признаться, было жутко и неловко оставаться на одномъ мѣстѣ. Но, благо, вскорѣ началась всенощная.

Хоръ—сильный, красивый, но мрачный. Внезапно обвилъ потемки чей-то дѣвичій голосъ, красочный и душистый, какъ запахъ цвѣтка. Блеснуло паникадило. Встрепенулись лампады. Но еще внезапнѣй побѣжала волна другихъ голосовъ—темныхъ и низкихъ. Блѣдныя тѣни побѣжали по облупившимся фрескамъ—все гуще и гуще. Я подошелъ къ окну. Еще оно горѣло мерзлыми лихорадочными огнями. Но вотъ и оно погасло. Потемнѣли узоры. Весь соборъ, казалось, одѣлся въ черную мантію, которая задушила все...

Опять дорога. Надъ лѣсомъ рѣютъ блѣдные малиновые отсвѣты. День ясный, морозный, какъ и тогда, близъ Шомохты. Въѣхали въ лѣсъ. Пышныя мохнатыя сосны накрыли небо. На лапчатыхъ „мохнахъ“ у каждой сосны, какъ у голубя, висятъ бѣлые кудрявые хлопья. Это—снѣгъ, иней Все кругомъ бѣлоснѣжное. У дороги въ снѣгу, точно золотыя булавки въ пудрѣ, валяются сосновыя иглы. Сорваны

вѣтромъ. Ихъ разбросала чья-то рука—рука зимней ночной царицы послѣ шумнаго бала.

— Ишь, нечистую силу кружило...—покосился Трынкинъ.

Ему хотѣлось, какъ можно скорѣй, объѣхать нехорошее мѣсто. Большой сугробъ, дѣйствительно, былъ унизанъ какими-то неопредѣленными слѣдами: птицъ, волковъ...

Мой ямщикъ подхлестнулъ лошадь, загнулъ тулупъ, надвинулъ „малахай" по самыя щеки.

— Темно въ здѣшнихъ мѣстахъ!—заговорилъ онъ, немного спустя.—Главное дѣло—лѣсъ! Куда ни пойдешь, вездѣ лѣсъ. Ахти какъ темно въ здѣшнемъ народѣ! Одно званіе только, что сознательность есть. Ничего нѣтъ...

Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ сообщить что-то важное.

— Къ примѣру, пень... корень... Все равно—тоже и этотъ народъ. Древо срублено, скажемъ, въ землѣ остался корень, коряга... Какъ съ ней быть? Отрыть? На дрова? Дешево дадутъ, безполезно. Какъ же быть? А вотъ какъ!..

Онъ вновь подшугнулъ лошадь и пристально поглядѣлъ на меня:

— Хорошіе лѣсники и говорятъ—оставимъ этотъ пень, гдѣ онъ лежитъ, мокнуть въ землѣ—годовъ на пятнадцать! Да и оставятъ! И лежитъ этотъ пень совершенно забытый. Нальется смолой, набухаетъ, покраснѣетъ. А какъ только годы придутъ, являются лѣсники: пожалуйте! корчуйте его! бросайте въ котлы! Начинаютъ варить. Да такимъ-то путемъ изъ никудышной коряги добываютъ и деготь, и скипидаръ, и смолу, й порошки всякіе, и купоросное масло, а въ концѣ концовъ—уголь... Такъ и этотъ народъ. Одно слово: коренье! Листвы не имѣютъ. Цвѣтовъ, значитъ, когда другія деревья цвѣли,—тоже не быхъ. Значитъ, оставлены для углей... для будущности...

— А будутъ все-таки?—спросилъ я.

— Кто?

— Да угли-то.

— Ахъ, робята!—изумился Трынкинъ.—Да какъ же имъ не быть? Нельзя не быть! Обязательно уголь будетъ. Горѣть будетъ. Прямо: жаръ будетъ сильный!..

А вотъ и Керженецъ—тонкая, бѣлая, ледяная тесемочка—обнаженный нервъ на какомъ-то мертвомъ сердцѣ.

А. Батуевъ.

Передвинутыя души.

Очерки.

...взяла и передвинула всю
мою душу на новую точку.
(Изъ разговоровъ).

Тошно жить въ Петербургѣ, особенно лѣтомъ. Газеты пишутъ, Богъ знаетъ, о чемъ онѣ пишутъ. Никто ихъ не читаетъ. Даже Государственной Думы нѣтъ. Она уѣхала въ усадьбу...

Уѣдешь на дачу, къ унылому финскому морю, а тамъ еще тошнѣе.

Дождь, слякоть. Сѣрыя ночи плачутъ холодными слезами. Мокрыя перья воронъ и мокрыя иглы нахмуренныхъ сосенъ, и волны плещутъ съ осеннимъ шумомъ о берегъ. Съ тяжелымъ громомъ бухаютъ пушки въ Кронштадтѣ, и каждую полночь бродитъ широкій прожекторъ съ востока на западъ, и свѣтитъ, и смотритъ, и ищетъ...

Надо куда-нибудь ѣхать. Перемѣнить мѣсто. Въ Россіи много простора, можно мѣнять города и села, языкъ и племя, и самый климатъ. Есть же такія мѣста, гдѣ свѣтитъ настоящее солнце и живутъ настоящіе люди...

Когда мнѣ можно уѣхать, я уѣзжаю на Волгу. Волга—это широкая, чистая, удобная, людная дорога. На этой дорогѣ нѣтъ пыли и нѣтъ тряски, и села нарядны, и можно заѣхать въ любое, если урядникъ не остановитъ.

На этой дорогѣ русскій народъ, вездѣ сухопутный, сталъ судоходцемъ и кораблестроителемъ, безъ казенныхъ броненосцевъ и государственныхъ субсидій. Ѣдешь и на каждомъ шагу встрѣчаешь пароходы и баржи и барки, расшивы и гусяны и бѣляны, какъ будто высокіе костры сосновыхъ бревенъ и досокъ, уложенныхъ въ формѣ судна, и синія асланки, съ выгнутымъ носомъ, высокія и стройныя, какъ лебедь...

Все къ намъ приходитъ съ Волги,—хлѣбъ и нефть, министры и также холера.

Когда проѣдешь по Волгѣ отъ Твери до Астрахани, выходъ остается одинъ—въ Каспійское море. Въ Каспійскомъ морѣ воды зелены и пароходы грязны, и пассажиры въ трюмѣ набиты, какъ сельди въ бочкѣ.

Судно наше качалось на широкихъ волнахъ мертвой зыби и подвигалось впередъ, тихо, какъ черепаха. Въ трюмѣ лежали въ повалку. А я стоялъ на палубѣ и мнѣ было смутно и тоскливо.

Бросить бы это лѣнивое судно и летѣть впередъ, туда, гдѣ темнѣетъ незнакомый берегъ, спѣшить, мчаться, быстро мѣнять мѣсто за мѣстомъ. Быть, какъ птица или какъ сухой кустъ перекати-поля, и нестись по вѣтру. Въ жизни одна утѣха—бродяжить по свѣту. Иные пейзажи, новые люди, свѣжія рѣчи.

— Хочь гирше, та инше,—какъ говорили казаки.

Черезъ одинъ день и двѣ ночи мы пріѣхали въ Баку. Жарко было въ Баку, и черно, и масляно. Люди потѣли мазутомъ, и море было подернуто пленкою нефти. Стоило чиркнуть спичкой, и вода загоралась...

Кавказскіе народы хранили полный миръ и не трогали другъ друга. И татары отзывались съ восторгомъ объ армянскихъ экспропріаторахъ: «Это хорошіе, мирные люди. Они убиваютъ только своихъ».

Изъ Баку я поѣхалъ въ Тифлисъ и видѣлъ тамъ кавказскую либеральную эру, которую такъ усердно обличаетъ «Новое Время» По улицамъ нельзя ѣздить ни верхомъ, ни на велосипедѣ, не то 3000 рублей штрафу. И бурку нельзя носить и верхъ у экипажа поднять воспрещено, будь хоть дождь, хоть ливень,—какъ будто вернулись на землю времена императора Павла. И всѣ балконы трактировъ затянуты густой проволочной сѣткой. Попробуйте посидѣть подъ ней въ 40 градусовъ жары по Реомюру.

Изъ города Тифлиса я уѣхалъ въ Армянскія горы, скитался верхомъ и пѣшкомъ, поднялся на нагорье, ночевалъ въ шатрахъ пастуховъ и въ старыхъ монастыряхъ IX вѣка, и на открытомъ воздухѣ, въ обществѣ сѣрыхъ ословъ, овчарокъ и барановъ. Видѣлъ татаръ и армянъ, и грузинъ, и русскихъ казаковъ, экспропріацію и военную экзекуцію, и крестьянскую облаву.

И когда мнѣ надоѣли всѣ эти пестрыя племена и странныя людскія дѣла, запутанныя въ клубокъ, я уѣхалъ далеко въ снѣжныя горы,—въ дикихъ ущельяхъ я отыскалъ узкія тропы, куда не хватаютъ законы военной охраны, гдѣ люди и орлы одинаково вольны и хищны. Я видѣлъ высокія, бѣлыя, снѣжныя горы, крутую шею Казбека и шатеръ Эльбруса, лицо Дыхтау, все въ черныхъ морщинахъ, и остроголовую Каштантау, и сотни другихъ. Всѣ онѣ бѣлы и чисты. Людская грязь къ нимъ не доходитъ снизу...

На пути своемъ я былъ во многихъ мѣстахъ, видѣлъ разныхъ людей, интеллигентовъ и мужиковъ, помѣщиковъ, извозчиковъ,

сектантовъ, людей ожесточенныхъ и другихъ, готовыхъ помириться, если бы начальство захотѣло. Но оно не хочетъ. Видѣлъ людей, проводящихъ половину времени въ тюрьмѣ, половину на волѣ, настолько привычныхъ къ казенной квартирѣ, что они почти перестали отличать ее отъ собственнаго дома. Ибо въ одной и той же тюрьмѣ на лѣвой сторонѣ нельзя подходить къ окну, не то часовой подстрѣлитъ, а на правой сторонѣ можно оставить свои кормовыя деньги невзятыми и отправиться домой обѣдать. Если бы въ Россіи не было такихъ маленькихъ различій, жить въ ней было бы невозможно, и все бы населеніе погибло.

Въ разныхъ углахъ великой Россіи эти невѣдомые люди сидятъ и размышляютъ, и сравниваютъ то, что ожидалось, и что случилось на дѣлѣ, ищутъ новыхъ путей и находятъ тупики...

Въ Нижнемъ я видѣлъ рабочихъ, бывшихъ эсдековъ, которые задались цѣлью привлечь Охрану... къ охраненію закона въ экстренномъ порядкѣ. Они вооружились для этой цѣли Николаевскомъ регламентомъ о бѣломъ жандармскомъ платкѣ, утирающемъ слезы невинныхъ. Приходятъ и разсказываютъ и раскрываютъ предъ нею тайны фальшивыхъ счетовъ и требуютъ составлять протоколы. А она упирается стыдливо: я привыкла только производить обыски и облавы.

Подальше къ югу я встрѣтилъ тайное общество новаго стиля, общество законнаго сопротивленія чрезвычайной охранѣ. Члены общества—крестьяне. Средствомъ борьбы они избрали неплатежъ штрафовъ. Вмѣсто того они отсиживаютъ въ арестантскомъ домѣ. Одинъ уже отсидѣлъ восемь разъ и этимъ несказанно гордится.

Откуда они берутся, эти странные деревенскіе интеллигенты? Они явились на свѣтъ еще до революціи, но таились подъ спудомъ. И мы ихъ не знали.

Я спрашивалъ многихъ: «Откуда ведется вашъ корень?» и иные отвѣты уходили въ давнее время.

Самарскій слѣпецъ Пахомовъ, человѣкъ обширныхъ знаній и огромной памяти, сослался на шестидесятые годы.

— Когда мнѣ было 15 лѣтъ,—сказалъ онъ,—въ 1867 году, въ наше село пріѣхалъ поповичъ, мой однолѣтокъ. Онъ жалѣлъ меня и гулялъ со мною. Онъ прочиталъ мнѣ статью Добролюбова: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». И она мнѣ страшно понравилась. Съ тѣхъ поръ я питаю въ себѣ демократическія мысли...

И въ подтвержденіе онъ цитировалъ наизусть слово въ слово страницы полторы изъ Добролюбова.

Владимирскій крестьянинъ Кривцовъ, странное смѣшеніе дикости и прогресса, сослался даже на декабристовъ:

— Я по отцу пошелъ, а отецъ по дѣду. А дѣдовъ отецъ былъ ближнимъ довѣреннымъ князя Волконскаго. И вмѣстѣ съ нимъ просидѣлъ больше года въ Петропавловской крѣпости. Оттого мы такіе...

Я не знаю, сколько правды въ этомъ семейномъ преданіи, но

это уже третья ссылка на декабристовъ, которую я встрѣчаю въ крестьянской средѣ. Одна во Владимирской губерніи относилась къ Пестелю, другая въ Малороссіи относилась къ Тульчинской управѣ.

Въ Сызранскомъ уѣздѣ одинъ старый крестьянинъ говорилъ мнѣ съ убѣжденіемъ:

— Политика, развѣ это новое? Мы всегда были самые политики, да только не понимали этого...

У всѣхъ этихъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, упорныхъ и покладистыхъ, есть одно объединяющее ихъ свойство.

Они оторвались отъ прежнихъ устоевъ. И, какъ сказалъ мнѣ одинъ старый садовникъ въ городѣ Сызрани,—у нихъ передвинулись души на новое мѣсто.

Ибо они лежали, какъ старыя бревна на родномъ погостѣ и гнили или проростали въ землю; но великая смута сорвала ихъ съ корня, и теперь они плаваютъ въ морѣ и больше не тонутъ. Иные выброшены на берегъ, но этотъ берегъ новый...

Линіи разрыва еще совсѣмъ свѣжи и не покрылись плѣсенью. И нѣтъ на свѣтѣ зрѣлища поучительнѣе, какъ наблюдать эти живыя фибры человѣческаго духа, выброшенныя внезапнымъ потрясеніемъ изъ глубины на поверхность.

Надо ихъ наблюдать, пока онѣ свѣжи. Пройдетъ немного лѣтъ, и новое станетъ старымъ, живая ткань отвердѣетъ и станетъ корою.

Я хочу набросать въ этихъ очеркахъ рядъ фигуръ, схваченныхъ налету, мимоходомъ. Я не претендую на художество. Буду писать о живыхъ людяхъ, приводить дѣйствительные факты.

Однако, при нынѣшнихъ порядкахъ излагать дѣйствительность трудно. Приходится лавировать между Сциллой и Харибдой. Съ одной стороны, провинція задыхается отъ молчанія...

Съ другой стороны, она трепещетъ отъ страха и предвкушенія кары и шепчетъ: «Не выдавайте меня, не пишите обо мнѣ прямо». Оттого мнѣ придется переставить имена городовъ и измѣнить фамиліи; и иное, слишкомъ крѣпкое, оставить до другого времени.

I.

Въ садахъ.

Мы сидѣли въ редакціи провинціальной газеты. Насъ было шесть человѣкъ, и намъ было скучно. Газета была захудалая, подъ стать своему городу. Тиражъ ея былъ 1.200, а весь платный матеріалъ на 6 рублей въ день. При всемъ томъ она приносила убытокъ «на десятку съ номера», какъ заявлялъ издатель.

— Наша газета шла бы,—жаловался онъ,—да на почтѣ перехватываютъ; черную, казенную даромъ разсылаютъ, а телеграммы тѣ же.

— Тридцать тысячъ мы вложили, насъ трое пайщиковъ. Отстать не охота. Можетъ, выходится... И штрафы платимъ. На той недѣлѣ 500 рублей, позавчера 150, за объявленіе о польской лотереѣ. Нельзя, говорятъ, во внутреннихъ губерніяхъ. Но мы почемъ знаемъ?..

— А то, что редакторъ сидѣлъ, это мы не считаемъ...

Я посмотрѣлъ на редактора. Онъ лѣниво мотнулъ головой:

— Не я, другой есть.

Онъ немного подумалъ и вздохнулъ.

— А когда-то мы были лѣвая газета. 5.000 печатали. Публика на отъемъ брала. Хвостъ у дверей дожидался...

Комната редакціи была низенькая, сѣрая. Отъ прошлаго величія остались только на стѣнѣ образцы шрифтовъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь: на кегль 12.
Соціальное Государство XX вѣка: на кегль 16.
Косвенные налоги извлекаютъ послѣднія копейки
изъ кармана трудящагося народа: на кегль 20.

На улицѣ было яркое солнце, но окна были завѣшаны газетными листами. Въ воздухѣ пахло скукой и сномъ. Даже глаза слипались. Какъ будто опіумъ былъ просыпанъ на полу.

О чемъ говорить? Что дѣлается,—это мы знаемъ и безъ разговоровъ. Что надо дѣлать? Чортъ возьми, что именно надо дѣлать?..

— Уйду отсюда,—соображалъ я тускло,—Пойду къ предводителю дворянства, онъ обѣщалъ дать цифры о распаденіи общины. Человѣкъ онъ веселый, даже восторженный. Говоритъ прямо: «лѣтъ черезъ десять мы устроимъ въ уѣздѣ лѣсенку крестьянскихъ владѣній. Я оптимистъ, смотрю на жизнь подъ розовымъ угломъ».

Одинъ изъ присутствующихъ, мѣстный адвокатъ, причастный къ литературѣ, поднялъ голову и заговорилъ.

— Что будетъ?—сказалъ онъ негромко.—Полтора года просидѣлъ. Шесть съ половиной лѣтъ осталось...

Я раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на него внимательнѣе. Я видѣлъ его раньше, три года тому назадъ. У него было тогда чуть-чуть сѣдины на вискахъ. Теперь онъ былъ весь сѣдой, въ морщинахъ.

— Кто это сидитъ?

— Сынъ мой старшій.

Онъ началъ разсказывать одну изъ россійскихъ исторій, страшныхъ и обыкновенныхъ въ послѣдніе годы. Говорилъ онъ отрывистыми фразами, какъ будто нехотя:

— Семнадцати лѣтъ. Способный мальчикъ. Первымъ шелъ. Въ восьмомъ классѣ былъ. Присталъ къ эс-эрамъ... Турнули его. Сдалъ экзамены экстерномъ... Потомъ говорятъ: «видно, не беретъ наша». Стали максималистами... Пріѣхалъ учитель изъ Сердобска и еще

семинаристъ. Устроили экспропріацію въ деревнѣ. Мѣстное почтовое отдѣленіе. 90 рублей...

Онъ помолчалъ.

— Если-бы они попросили,—прибавилъ онъ глухо,—я бы имъ самъ далъ эти 90 рублей...

— Одного убили... Двоихъ повѣсили... Онъ одинъ уцѣлѣлъ, по малолѣтству своему. На восемь лѣтъ. Теперь занимается высшей математикой. Другой—семинаристъ. Тутъ же сидитъ. На три года. Ему помогаетъ къ аттестату зрѣлости. Скучно ему. Тоскливо... Шесть лѣтъ съ половиной...

Онъ замолчалъ. Мы всѣ тоже молчали. Въ комнатѣ, какъ будто, стало темнѣе отъ этой унылой и гибельной повѣсти.

Дверь открылась, и въ комнату вошелъ человѣкъ.

И съ перваго взгляда я увидѣлъ, что это человѣкъ другой, не нашей породы. Онъ даже дверь открылъ по иному, широко, «на пяту», какъ говорятъ въ народѣ, потомъ крѣпко закрылъ ее и подошелъ къ столу, стуча сапогами. Наружность у него тоже была особенная. Черная суконная поддевка, длинная борода, безпокойные глаза.

— Я хронику принесъ,—быстро заговорилъ онъ,—полицейскую крошку.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку смятыхъ бумажекъ и бросилъ ее на столъ передъ редакторомъ.

Редакторъ взялъ одну и прочиталъ вслухъ:

— Нѣкій наблюдательный чинъ на Старомъ Базарѣ...

— Фамилія?—спросилъ онъ кроткимъ тономъ.

— Не скажу,—твердо отвѣчалъ человѣкъ въ поддевкѣ.—Меня изъ города вышлютъ. И то намедни губернаторъ призывалъ, выговаривалъ: «Чтобы вы поменьше врали, дайте-ка я вамъ собственноручно продиктую»...

— Кто это такой?—спросилъ я тихонько сосѣда.

— Это сидячій и есть,—громко отозвался редакторъ.—Нашъ главный отвѣтчикъ! Получаетъ въ мѣсяцъ пятнадцать рублей, а когда отсиживаетъ, то семнадцать съ полтиной и пять рублей на харчи. Два раза сидѣлъ и очень доволенъ...

— А что-же,—весело отозвался сидячій редакторъ,—семь съ полтиной,—бѣдному человѣку и то разсчетъ.

— Позвольте порекомендоваться,—подошелъ онъ ко мнѣ.

— Мордвиновъ сапожникъ, былъ миссіонерскимъ ученикомъ, теперь два года кормлюсь строчками.

— Ну, мнѣ идти надо. Знаете что, пойдемъ со мною вмѣстѣ,— предложилъ онъ.

Черезъ минуту мы шли по улицѣ, довольно круто уходившей внизъ.

— Вамъ куда надо?—спросилъ я спутника.

— Да никуда,—отвѣтилъ онъ съ лукавой улыбкой.

ворилъ Трынкинъ, улыбаясь, когда мы вновь выѣхали за околицу.—Спрашиваетъ,—кого, слышь, это везешь ты, почтенный?

— Ну, а ты что-же?

— Я? А вамъ зачѣмъ?—говорю.—Да такъ... Онъ, говоритъ, Богу не молится. Нешто безбожникъ какой?!..

Я улыбнулся. Хорошо помню: увидавши въ этомъ домѣ божницу, занимавшую добрую половину избы, я намѣренно помолился больше, чѣмъ это обыкновенно дѣлалъ,—чтобы не обидѣть хозяина.

— Поди-жъ ты... Экая мѣстность!—разсудилъ Трынкинъ.

Какъ истый волгарь, онъ не любилъ подобныхъ распорядковъ.

— Въ иныхъ домахъ большаки, отходя ко сну, болтаются часа по два. А, знамо, вѣдь только внѣшность одна. Вотъ-де чужой человѣкъ пріѣхалъ, церковникъ, такъ дай ему покажу... Удивительное дѣло! чѣмъ больше люди молятся Богу, тѣмъ сильнѣй нечистая сила одолѣваетъ...

Бѣлмошскій женскій монастырь на рѣчкѣ Бѣлмошь (притокъ Керженца)—верстахъ въ пятнадцати отъ Высокова. Нѣкогда здѣсь былъ тоже старообрядческій скитъ; но, по указу Петра I въ 1708 г., онъ былъ уничтоженъ Питиримомъ, впослѣдствіи столь знаменитымъ архіепископомъ нижегородскимъ. На мѣстѣ скита въ этомъ году былъ основанъ монастырь.

Теперь здѣсь свыше 250 монахинь. Это—богатый монастырь, женская община, въ экономическомъ отношеніи любопытный образчикъ того, какъ можетъ вестись хозяйство однѣми женщинами. Монахини сами работаютъ въ полѣ, ѣздятъ въ лѣса, имѣютъ собственную мельницу, пишутъ иконы, плетутъ кружева...

Насъ пріютили и здѣсь въ «гостинницѣ». По-просту, это—деревянный «флигирекъ», чистенькій, тепленькій. На окнахъ бѣлыя коленкоровыя занавѣсочки, на кроватяхъ перины, въ изголовьяхъ пуховики. На всемъ чувствуется женская заботливая рука.

По обыкновенію, Трынкинъ сейчасъ же занялся практическими дѣлами. Онъ собирался у себя въ деревнѣ строить съ будущей осени новую избу. А вся монастырская архитектура поразила его, «какъ нельзя лучше», своей простотой и прочностью. Трынкинъ первымъ долгомъ сосчиталъ, сколько „аршиннику“ пошло на простѣнки, прикинулъ, какія печи, сколько «колодцевъ», откуда и куда идетъ дымъ, много ли тысячъ кирпичу пошло на боровья и т. п.

— Ахъ, робята!—воскликнулъ онъ, залюбовавшись потолкомъ:—вездѣ сосиякъ, да еще какой богатый!

Немного спустя онъ сдѣлалъ новое открытіе.

— Гляди, гляди!—теребилъ онъ меня за шубу:—да это и не соснякъ! Это лиственки! Это—куда-те соснякъ! Не въ примѣръ лучше...

Нашъ пріѣздъ надѣлалъ массу толковъ. Допросамъ и любопытству не было края. Глухо здѣсь. Зимой рѣдко кто заѣзжаетъ изъ постороннихъ.

— Куда, люди добрые, направляетесь? — допрашивала „мать гостинница".

— Кто вы такіе? Рано ли выѣхали?

— Гдѣ проживаете?

— А вы изъ дворянъ или изъ мѣщанъ?—и т. д.

Ее смѣнила другая монахиня, «мать старшая», въ нѣкоторомъ родѣ начальство надъ первой. Опять тѣ же вопросы.

— А вы... вы откуда?—начала она, едва-едва переступивъ порогъ.—А вы чьи? А какъ ваше крестное имя?—и т. д.

Начинало надоѣдать. Я пробовалъ было по нѣкоторымъ пунктамъ отмалчиваться. Но любопытство матушки отъ этого разгорѣлось еще сильнѣй. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло до властей предержащихъ:—послѣ ухода матери-старшей на порогѣ нашего «номерка», похожаго скорѣй на какую-то дѣвичью горенку, выросла нѣкая фигура въ черномъ, съ красными позументами...

— Я здѣшній урядникъ...—проговорила она лаконично

Пришлось открывать чемоданъ, показывать паспортъ...

Говорятъ, въ бѣлмашскихъ лѣсахъ круглый годъ разыскиваютъ какихъ-то лихихъ людей: не то бѣглыхъ каторжниковъ, не то антихриста во образѣ человѣческомъ...

Ямщика пригласили въ трапезную. Накормили обѣдомъ.

— Кого это ты везешь?—допытывались у него „по секрету".

— А кто его знаетъ! — уклонился Трынкинъ, поѣдая монастырскій винегретъ.

— Може, бѣглый какой?

— Може...

— Не начальство ли?

— Нѣтъ, кажись, не начальство.

— Може, изъ царской фамиліи?

Но Трынкинъ такъ и ушелъ, не развѣявъ глухихъ одинокихъ сомнѣній.

Вечеромъ мы направились за всенощную. Былъ постъ. Въ монастырѣ говѣли. Весь соборъ былъ наполненъ темными таинственными фигурами. Служба еще не начиналась, когда мы вошли. Нѣкоторыя изъ монахинь сидѣли, другія стояли. Въ темнотѣ висѣло густое шушуканье. Съ нашимъ приходомъ оно, видимо, еще больше усилилось.

— Странникъ...—услыхалъ я позади себя.

— Какое странникъ!—сказалъ кто-то сбоку.

— Чай, видишь, въ очкахъ...—прошептали спереди.

Дальше и больше—голоса ушли куда-то вдаль, потомъ опять вернулись обратно.

— Нѣтъ, это не странникъ.

— Кажись, молодой?

— Нѣтъ, не очень...

— Должно, заѣзжій...

— Надо бы спросить...

— Поди-ка, матушка, спроси!—подсказалъ кто-то болѣе рѣшительно.

— Поди-ка, мать Таисія, спроси...

Кто-то кашлянулъ. Въ темнотѣ, отъ задняго ряда отдѣлилась черная женская фигура. Два-три вопроса. Новый приливъ молчанія—и новый отливъ шушуканья...

— Изъ Москвы...

— Изъ Москвы.. сквы...—понеслось по рядамъ.

Я первый разъ въ жизни видѣлъ такое болѣзненное вниманіе къ своей особѣ. Признаться, было жутко и неловко оставаться на одномъ мѣстѣ. Но, благо, вскорѣ началась всенощная.

Хоръ—сильный, красивый, но мрачный. Внезапно обвилъ потемки чей-то дѣвичій голосъ, красочный и душистый, какъ запахъ цвѣтка. Блеснуло паникадило. Встрепенулись лампады. Но еще внезапнѣй побѣжала волна другихъ голосовъ—темныхъ и низкихъ. Блѣдныя тѣни побѣжали по облупившимся фрескамъ—все гуще и гуще. Я подошелъ къ окну. Еще оно горѣло мерзлыми лихорадочными огнями. Но вотъ и оно погасло. Потемнѣли узоры. Весь соборъ, казалось, одѣлся въ черную мантію, которая задушила все...

Опять дорога. Надъ лѣсомъ рѣютъ блѣдные малиновые отсвѣты. День ясный, морозный, какъ и тогда, близъ Шомохты. Въѣхали въ лѣсъ. Пышныя мохнатыя сосны накрыли небо. На лапчатыхъ „мохнахъ“ у каждой сосны, какъ у голубя, виснятъ бѣлые кудрявые хлопья. Это—снѣгъ, иней. Все кругомъ бѣлоснѣжное. У дороги въ снѣгу, точно золотыя булавки въ пудрѣ, валяются сосновыя иглы. Сорваны

вѣтромъ. Ихъ разбросала чья-то рука—рука зимней ночной царицы послѣ шумнаго бала.

— Ишь, нечистую силу кружило...—покосился Трынкинъ.

Ему хотѣлось, какъ можно скорѣй, объѣхать нехорошее мѣсто. Большой сугробъ, дѣйствительно, былъ унизанъ какими-то неопредѣленными слѣдами: птицъ, волковъ...

Мой ямщикъ подхлестнулъ лошадь, загнулъ тулупъ, надвинулъ „малахай" по самыя щеки.

— Темно въ здѣшнихъ мѣстахъ!—заговорилъ онъ, немного спустя.—Главное дѣло—лѣсъ! Куда ни пойдешь, вездѣ лѣсъ. Ахти какъ темно въ здѣшнемъ народѣ! Одно званіе только, что сознательность есть. Ничего нѣтъ...

Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ сообщить что-то важное.

— Къ примѣру, пень... корень... Все равно—тоже и этотъ народъ. Древо срублено, скажемъ, въ землѣ остался корень, коряга... Какъ съ ней быть? Отрыть? На дрова? Дешево дадутъ, безполезно. Какъ же быть? А вотъ какъ!..

Онъ вновь подшугнулъ лошадь и пристально поглядѣлъ на меня:

— Хорошіе лѣсники и говорятъ—оставимъ этотъ пень, гдѣ онъ лежитъ, мокнуть въ землѣ—годовъ на пятнадцать! Да и оставятъ! И лежитъ этотъ пень совершенно забытый. Нальется смолой, набухаетъ, покраснѣетъ. А какъ только годы придутъ, являются лѣсники: пожалуйте! корчуйте его! бросайте въ котлы! Начинаютъ варить. Да такимъ-то путемъ изъ никудышной коряги добываютъ и деготь, и скипидаръ, и смолу, й порошки всякіе, и купоросное масло, а въ концѣ концовъ—уголь... Такъ и этотъ народъ. Одно слово: коренье! Листвы не имѣютъ. Цвѣтовъ, значитъ, когда другія деревья цвѣли,—тоже не быхъ. Значитъ, оставлены для углей... для будущности...

— А будутъ все-таки?—спросилъ я.

— Кто?

— Да угли-то.

— Ахъ, робята!—изумился Трынкинъ.—Да какъ же имъ не быть? Нельзя не быть! Обязательно уголь будетъ. Горѣть будетъ. Прямо: жаръ будетъ сильный!..

А вотъ и Керженецъ—тонкая, бѣлая, ледяная тесемочка—обнаженный нервъ на какомъ-то мертвомъ сердцѣ.

А. Батуевъ.

Передвинутыя души.

Очерки.

...взяла и передвинула всю
мою душу на новую точку.
(Изъ разговоровъ).

Тошно жить въ Петербургѣ, особенно лѣтомъ. Газеты пишутъ, Богъ знаетъ, о чемъ онѣ пишутъ. Никто ихъ не читаетъ. Даже Государственной Думы нѣтъ. Она уѣхала въ усадьбу...

Уѣдешь на дачу, къ унылому финскому морю, а тамъ еще тошнѣе.

Дождь, слякоть. Сѣрыя ночи плачутъ холодными слезами. Мокрыя перья воронъ и мокрыя иглы нахмуренныхъ сосенъ, и волны плещутъ съ осеннимъ шумомъ о берегъ. Съ тяжелымъ громомъ бухаютъ пушки въ Кронштадтѣ, и каждую полночь бродитъ широкій прожекторъ съ востока на западъ, и свѣтитъ, и смотритъ, и ищетъ...

Надо куда-нибудь ѣхать. Перемѣнить мѣсто. Въ Россіи много простора, можно мѣнять города и села, языкъ и племя, и самый климатъ. Есть же такія мѣста, гдѣ свѣтитъ настоящее солнце и живутъ настоящіе люди...

Когда мнѣ можно уѣхать, я уѣзжаю на Волгу. Волга—это широкая, чистая, удобная, людная дорога. На этой дорогѣ нѣтъ пыли и нѣтъ тряски, и села нарядны, и можно заѣхать въ любое, если урядникъ не остановитъ.

На этой дорогѣ русскій народъ, вездѣ сухопутный, сталъ судоходцемъ и кораблестроителемъ, безъ казенныхъ броненосцевъ и государственныхъ субсидій. Ѣдешь и на каждомъ шагу встрѣчаешь пароходы и баржи и барки, расшивы и гусяны и бѣляны, какъ будто высокіе костры сосновыхъ бревенъ и досокъ, уложенныхъ въ формѣ судна, и синія асланки, съ выгнутымъ носомъ, высокія и стройныя, какъ лебедь...

Все къ намъ приходитъ съ Волги,—хлѣбъ и нефть, министры и также холера.

Когда проѣдешь по Волгѣ отъ Твери до Астрахани, выходъ остается одинъ—въ Каспійское море. Въ Каспійскомъ морѣ воды зелены и пароходы грязны, и пассажиры въ трюмѣ набиты, какъ сельди въ бочкѣ.

Судно наше качалось на широкихъ волнахъ мертвой зыби и подвигалось впередъ, тихо, какъ черепаха. Въ трюмѣ лежали въ повалку. А я стоялъ на палубѣ и мнѣ было смутно и тоскливо.

Бросить бы это лѣнивое судно и летѣть впередъ, туда, гдѣ темнѣетъ незнакомый берегъ, спѣшить, мчаться, быстро мѣнять мѣсто за мѣстомъ. Быть, какъ птица или какъ сухой кустъ перекати-поля, и нестись по вѣтру. Въ жизни одна утѣха—бродяжить по свѣту. Иные пейзажи, новые люди, свѣжія рѣчи.

— Хочь гирше, та инше,—какъ говорили казаки.

Черезъ одинъ день и двѣ ночи мы пріѣхали въ Баку. Жарко было въ Баку, и черно, и масляно. Люди потѣли мазутомъ, и море было подернуто пленкою нефти. Стоило чиркнуть спичкой, и вода загоралась...

Кавказскіе народы хранили полный миръ и не трогали другъ друга. И татары отзывались съ восторгомъ объ армянскихъ экспропріаторахъ: «Это хорошіе, мирные люди. Они убиваютъ только своихъ».

Изъ Баку я поѣхалъ въ Тифлисъ и видѣлъ тамъ кавказскую либеральную эру, которую такъ усердно обличаетъ «Новое Время» По улицамъ нельзя ѣздить ни верхомъ, ни на велосипедѣ, не то 3000 рублей штрафу. И бурку нельзя носить и верхъ у экипажа поднять воспрещено, будь хоть дождь, хоть ливень,—какъ будто вернулись на землю времена императора Павла. И всѣ балконы трактировъ затянуты густой проволочной сѣткой. Попробуйте посидѣть подъ ней въ 40 градусовъ жары по Реомюру.

Изъ города Тифлиса я уѣхалъ въ Армянскія горы, скитался верхомъ и пѣшкомъ, поднялся на нагорье, ночевалъ въ шатрахъ пастуховъ и въ старыхъ монастыряхъ IX вѣка, и на открытомъ воздухѣ, въ обществѣ сѣрыхъ ословъ, овчарокъ и барановъ. Видѣлъ татаръ и армянъ, и грузинъ, и русскихъ казаковъ, экспропріацію и военную экзекуцію, и крестьянскую облаву.

И когда мнѣ надоѣли всѣ эти пестрыя племена и странныя людскія дѣла, запутанныя въ клубокъ, я уѣхалъ далеко въ снѣжныя горы,—въ дикихъ ущельяхъ я отыскалъ узкія тропы, куда не хватаютъ законы военной охраны, гдѣ люди и орлы одинаково вольны и хищны. Я видѣлъ высокія, бѣлыя, снѣжныя горы, крутую шею Казбека и шатеръ Эльбруса, лицо Дыхтау, все въ черныхъ морщинахъ, и остроголовую Каштантау, и сотни другихъ. Всѣ онѣ бѣлы и чисты. Людская грязь къ нимъ не доходитъ снизу...

На пути своемъ я былъ во многихъ мѣстахъ, видѣлъ разныхъ людей, интеллигентовъ и мужиковъ, помѣщиковъ, извозчиковъ,

сектантовъ, людей ожесточенныхъ и другихъ, готовыхъ помириться, если бы начальство захотѣло. Но оно не хочетъ. Видѣлъ людей, проводящихъ половину времени въ тюрьмѣ, половину на волѣ, настолько привычныхъ къ казенной квартирѣ, что они почти перестали отличать ее отъ собственнаго дома. Ибо въ одной и той же тюрьмѣ на лѣвой сторонѣ нельзя подходить къ окну, не то часовой подстрѣлитъ, а на правой сторонѣ можно оставить свои кормовыя деньги невзятыми и отправиться домой обѣдать. Если бы въ Россіи не было такихъ маленькихъ различій, жить въ ней было бы невозможно, и все бы населеніе погибло.

Въ разныхъ углахъ великой Россіи эти невѣдомые люди сидятъ и размышляютъ, и сравниваютъ то, что ожидалось, и что случилось на дѣлѣ, ищутъ новыхъ путей и находятъ тупики...

Въ Нижнемъ я видѣлъ рабочихъ, бывшихъ эсдековъ, которые задались цѣлью привлечь Охрану... къ охраненію закона въ экстренномъ порядкѣ. Они вооружились для этой цѣли Николаевскомъ регламентомъ о бѣломъ жандармскомъ платкѣ, утирающемъ слезы невинныхъ. Приходятъ и разсказываютъ и раскрываютъ предъ нею тайны фальшивыхъ счетовъ и требуютъ составлять протоколы. А она упирается стыдливо: я привыкла только производить обыски и облавы.

Подальше къ югу я встрѣтилъ тайное общество новаго стиля, общество законнаго сопротивленія чрезвычайной охранѣ. Члены общества—крестьяне. Средствомъ борьбы они избрали неплатежъ штрафовъ. Вмѣсто того они отсиживаютъ въ арестантскомъ домѣ. Одинъ уже отсидѣлъ восемь разъ и этимъ несказанно гордится.

Откуда они берутся, эти странные деревенскіе интеллигенты? Они явились на свѣтъ еще до революціи, но таились подъ спудомъ. И мы ихъ не знали.

Я спрашивалъ многихъ: «Откуда ведется вашъ корень?» и иные отвѣты уходили въ давнее время.

Самарскій слѣпецъ Пахомовъ, человѣкъ обширныхъ знаній и огромной памяти, сослался на шестидесятые годы.

— Когда мнѣ было 15 лѣтъ,—сказалъ онъ,—въ 1867 году, въ наше село пріѣхалъ поповичъ, мой однолѣтокъ. Онъ жалѣлъ меня и гулялъ со мною. Онъ прочиталъ мнѣ статью Добролюбова: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». И она мнѣ страшно понравилась. Съ тѣхъ поръ я питаю въ себѣ демократическія мысли...

И въ подтвержденіе онъ цитировалъ наизусть слово въ слово страницы полторы изъ Добролюбова.

Владимирскій крестьянинъ Кривцовъ, странное смѣшеніе дикости и прогресса, сослался даже на декабристовъ:

— Я по отцу пошелъ, а отецъ по дѣду. А дѣдовъ отецъ былъ ближнимъ довѣреннымъ князя Волконскаго. И вмѣстѣ съ нимъ просидѣлъ больше года въ Петропавловской крѣпости. Оттого мы такіе...

Я не знаю, сколько правды въ этомъ семейномъ преданіи, но

это уже третья ссылка на декабристовъ, которую я встрѣчаю въ крестьянской средѣ. Одна во Владимирской губерніи относилась къ Пестелю, другая въ Малороссіи относилась къ Тульчинской управѣ.

Въ Сызранскомъ уѣздѣ одинъ старый крестьянинъ говорилъ мнѣ съ убѣжденіемъ:

— Политика, развѣ это новое? Мы всегда были самые политики, да только не понимали этого...

У всѣхъ этихъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, упорныхъ и покладистыхъ, есть одно объединяющее ихъ свойство.

Они оторвались отъ прежнихъ устоевъ. И, какъ сказалъ мнѣ одинъ старый садовникъ въ городѣ Сызрани,—у нихъ передвинулись души на новое мѣсто.

Ибо они лежали, какъ старыя бревна на родномъ погостѣ и гнили или проростали въ землю; но великая смута сорвала ихъ съ корня, и теперь они плаваютъ въ морѣ и больше не тонутъ. Иные выброшены на берегъ, но этотъ берегъ новый...

Линіи разрыва еще совсѣмъ свѣжи и не покрылись плѣсенью. И нѣтъ на свѣтѣ зрѣлища поучительнѣе, какъ наблюдать эти живыя фибры человѣческаго духа, выброшенныя внезапнымъ потрясеніемъ изъ глубины на поверхность.

Надо ихъ наблюдать, пока онѣ свѣжи. Пройдетъ немного лѣтъ, и новое станетъ старымъ, живая ткань отвердѣетъ и станетъ корою.

Я хочу набросать въ этихъ очеркахъ рядъ фигуръ, схваченныхъ налету, мимоходомъ. Я не претендую на художество. Буду писать о живыхъ людяхъ, приводить дѣйствительные факты.

Однако, при нынѣшнихъ порядкахъ излагать дѣйствительность трудно. Приходится лавировать между Сциллой и Харибдой. Съ одной стороны, провинція задыхается отъ молчанія...

Съ другой стороны, она трепещетъ отъ страха и предвкушенія кары и шепчетъ: «Не выдавайте меня, не пишите обо мнѣ прямо». Оттого мнѣ придется переставить имена городовъ и измѣнить фамиліи; и иное, слишкомъ крѣпкое, оставить до другого времени.

I.

Въ садахъ.

Мы сидѣли въ редакціи провинціальной газеты. Насъ было шесть человѣкъ, и намъ было скучно. Газета была захудалая, подъ стать своему городу. Тиражъ ея былъ 1.200, а весь платный матеріалъ на 6 рублей въ день. При всемъ томъ она приносила убытокъ «на десятку съ номера», какъ заявлялъ издатель.

— Наша газета шла бы,—жаловался онъ,—да на почтѣ перехватываютъ; черную, казенную даромъ разсылаютъ, а телеграммы тѣ же.

— Тридцать тысячъ мы вложили, насъ трое пайщиковъ. Отстать не охота. Можетъ, выходится... И штрафы платимъ. На той недѣлѣ 500 рублей, позавчера 150, за объявленіе о польской лоттереѣ. Нельзя, говорятъ, во внутреннихъ губерніяхъ. Но мы почемъ знаемъ?..

— А то, что редакторъ сидѣлъ, это мы не считаемъ...

Я посмотрѣлъ на редактора. Онъ лѣниво мотнулъ головой:

— Не я, другой есть.

Онъ немного подумалъ и вздохнулъ.

— А когда-то мы были лѣвая газета. 5.000 печатали. Публика на отъемъ брала. Хвостъ у дверей дожидался...

Комната редакціи была низенькая, сѣрая. Отъ прошлаго величія остались только на стѣнѣ образцы шрифтовъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь: на кегль 12.
Соціальное Государство XX вѣка: на кегль 16.
Косвенные налоги извлекаютъ послѣднія копейки
изъ кармана трудящагося народа: на кегль 20.

На улицѣ было яркое солнце, но окна были завѣшаны газетными листами. Въ воздухѣ пахло скукой и сномъ. Даже глаза слипались. Какъ будто опіумъ былъ просыпанъ на полу.

О чемъ говорить? Что дѣлается,—это мы знаемъ и безъ разговоровъ. Что надо дѣлать? Чортъ возьми, что именно надо дѣлать?..

— Уйду отсюда,—соображалъ я тускло,—Пойду къ предводителю дворянства, онъ обѣщалъ дать цифры о распаденіи общины. Человѣкъ онъ веселый, даже восторженный. Говоритъ прямо: «лѣтъ черезъ десять мы устроимъ въ уѣздѣ лѣсенку крестьянскихъ владѣній. Я оптимистъ, смотрю на жизнь подъ розовымъ угломъ».

Одинъ изъ присутствующихъ, мѣстный адвокатъ, причастный къ литературѣ, поднялъ голову и заговорилъ.

— Что будетъ?—сказалъ онъ негромко.—Полтора года просидѣлъ. Шесть съ половиной лѣтъ осталось...

Я раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на него внимательнѣе. Я видѣлъ его раньше, три года тому назадъ. У него было тогда чуть-чуть сѣдины на вискахъ. Теперь онъ былъ весь сѣдой, въ морщинахъ.

— Кто это сидитъ?

— Сынъ мой старшій.

Онъ началъ разсказывать одну изъ россійскихъ исторій, страшныхъ и обыкновенныхъ въ послѣдніе годы. Говорилъ онъ отрывистыми фразами, какъ будто нехотя:

— Семнадцати лѣтъ. Способный мальчикъ. Первымъ шелъ. Въ восьмомъ классѣ былъ. Присталъ къ эс-эрамъ... Турнули его. Сдалъ экзамены экстерномъ... Потомъ говорятъ: «видно, не беретъ наша». Стали максималистами... Пріѣхалъ учитель изъ Сердобска и еще

семинаристъ. Устроили экспропріацію въ деревнѣ. Мѣстное почтовое отдѣленіе. 90 рублей...

Онъ помолчалъ.

— Если-бы они попросили,—прибавилъ онъ глухо,—я бы имъ самъ далъ эти 90 рублей...

— Одного убили... Двоихъ повѣсили... Онъ одинъ уцѣлѣлъ, по малолѣтству своему. На восемь лѣтъ. Теперь занимается высшей математикой. Другой—семинаристъ. Тутъ же сидитъ. На три года. Ему помогаетъ къ аттестату зрѣлости. Скучно ему. Тоскливо... Шесть лѣтъ съ половиной...

Онъ замолчалъ. Мы всѣ тоже молчали. Въ комнатѣ, какъ будто, стало темнѣе отъ этой унылой и гибельной повѣсти.

Дверь открылась, и въ комнату вошелъ человѣкъ.

И съ перваго взгляда я увидѣлъ, что это человѣкъ другой, не нашей породы. Онъ даже дверь открылъ по иному, широко, «на пяту», какъ говорятъ въ народѣ, потомъ крѣпко закрылъ ее и подошелъ къ столу, стуча сапогами. Наружность у него тоже была особенная. Черная суконная поддевка, длинная борода, безпокойные глаза.

— Я хронику принесъ,—быстро заговорилъ онъ,—полицейскую крошку.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку смятыхъ бумажекъ и бросилъ ее на столъ передъ редакторомъ.

Редакторъ взялъ одну и прочиталъ вслухъ:

— Нѣкій наблюдательный чинъ на Старомъ Базарѣ...

— Фамилія?—спросилъ онъ кроткимъ тономъ.

— Не скажу,—твердо отвѣчалъ человѣкъ въ поддевкѣ.—Меня изъ города вышлютъ. И то намедни губернаторъ призывалъ, выговаривалъ: «Чтобы вы поменьше врали, дайте-ка я вамъ собственноручно продиктую»...

— Кто это такой?—спросилъ я тихонько сосѣда.

— Это сидячій и есть,—громко отозвался редакторъ.—Нашъ главный отвѣтчикъ! Получаетъ въ мѣсяцъ пятнадцать рублей, а когда отсиживаетъ, то семнадцать съ полтиной и пять рублей на харчи. Два раза сидѣлъ и очень доволенъ...

— А что-же,—весело отозвался сидячій редакторъ,—семь съ полтиной,—бѣдному человѣку и то разсчетъ.

— Позвольте порекомендоваться,—подошелъ онъ ко мнѣ.

— Мордвиновъ сапожникъ, былъ миссіонерскимъ ученикомъ, теперь два года кормлюсь строчками.

— Ну, мнѣ идти надо. Знаете что, пойдемъ со мною вмѣстѣ,—предложилъ онъ.

Черезъ минуту мы шли по улицѣ, довольно круто уходившей внизъ.

— Вамъ куда надо?—спросилъ я спутника.

— Да никуда,—отвѣтилъ онъ съ лукавой улыбкой.

— А просто я васъ увелъ оттуда, скучно тамъ... Пойдемте въ Подгорье, въ сады. Тамъ народъ проще.

Городъ стоялъ на горѣ, примыкавшей къ Волгѣ, и съ трехъ сторонъ внизу былъ окруженъ садами.

Это и было Подгорье.

Сады были старинные, вѣковые. Они поставляли вверхъ до Нижняго и дальше яблоки, груши, сливы, прекрасныя вишни, орѣхи. Они были разбиты на небольшіе участки, и во всѣхъ участкахъ ютились и хлопотали, какъ пчелы, садовники:—мѣщане и подгородніе крестьяне.

Мы сошли внизъ и очутились на тропѣ, которая вилась между заборами, переходила черезъ ручьи, спускалась въ лощины и поднималась вверхъ по косогору.

Черезъ заборы справа и слѣва глядѣли вѣтви старыхъ яблонь, усыпанныя мелкими, зелеными, еще незрѣлыми плодами. Яблокъ было много. Иныя вѣтви уже были подперты жердями и рогатками, чтобы тяжесть дозрѣвшаго урожая не обломала ихъ.

Было очень тихо. Крѣпкій и сладкій запахъ шелъ изъ густой глубины фруктовыхъ зарослей; слѣва поднимался легкій паръ съ тихаго волжскаго протока.

— Хорошо тутъ,—сказалъ я невольно.

— Да,—подтвердилъ Мордвиновъ.—Тутъ много нашихъ пріустроилось.

— Какихъ нашихъ?

— Да всякихъ:—баптистовъ, бѣлоризцевъ, и хлыстовъ, и всякихъ сектантовъ.

— Вы развѣ сектантъ?

— Все бывало,—сказалъ Мордвиновъ, тряхнувъ головою.—Евангеліе такая книга, что если читать да вникать православному человѣку, то непремѣнно церковь потеряешь... Я бывалъ и въ сектантахъ.

— Бывалъ,—повторилъ я этотъ многократный глаголъ,—ну, а теперь?

— Теперь, ежели угодно знать,—то я атеистъ.

— Какъ это атеистъ?

— Единое творческое начало я еще признаю, такую аллегорію,—но что касается помощниковъ, то извините, пожалуйста...

— Вы, должно быть, теистъ?—переспросилъ я.

— А быть можетъ, и теистъ,—съ готовностью согласился Мордвиновъ.

— Я, если угодно знать, смѣшанной вѣры человѣкъ, со всѣми умствую, ко всѣмъ себя причисляю. Татары, такъ татары, хвалю ихъ вѣру. А жиды, такъ жиды. Всѣ вѣры любы, и всѣ партіи милы, до самыхъ кадетовъ. Всѣмъ другъ, всѣмъ помогалъ...

— Но больше всего жалѣю своихъ мужичковъ-русачковъ. Вотъ

теперь хлопочу, чтобы передѣлать хлыстовъ баптистами,—попрошу Пахомова, слѣпца изъ Самары. У него даръ Божьяго слова. Побесѣдуемъ съ хлыстовскими наставниками.

— Старообрядцевъ ужасно жалѣю. Изучалъ ихъ дисциплину, чтобъ принимали за своего. У нихъ тяжелый законъ,—по домашнему обиходу, како сидѣть благочинно во вcѣ часы житія: нога на ногу не слагати, лѣвая рука во уста не влагати.

Передо мной было совсѣмъ новое религіозное явленіе, продуктъ великаго потрясенія, которое даже и у интеллигентовъ перемѣшало всѣ вѣры и всѣ партіи и, подобно землетрясенію, перебросило однихъ слѣва далеко вправо, а другихъ справа еще дальше влѣво.

Я не могъ даже разобрать, былъ ли этотъ диковинный человѣкъ теистъ, или, дѣйствительно, атеистъ—крайній матеріалистъ.

Онъ ни передъ чѣмъ не задумывался и былъ переполненъ безцеремоннымъ отрицаніемъ, напоминавшимъ наши шестидесятые годы. Народная мысль, очевидно, переживала тѣ же этапы, что и интеллигентная, и, между прочимъ, дошла до матеріализма.

— Вотъ Фейербаха купилъ,—говорилъ Мордвиновъ.—Спрашиваетъ, чѣмъ человѣкъ отъ животныхъ разнится. Животная религіи не́ имѣетъ. Про слоновъ наврали. Она не имѣетъ разума и не знаетъ своего рода. Человѣкъ знаетъ свой родъ. У него есть разумъ, и воля, и сердце. Божественныя ли эти вещи? Скажемъ: божественныя. Но если признать божественными, то мы субъектъ, а Богъ объектъ. Нашъ разумъ въ его природѣ мы распространили до безконечности, и мы же на него молимся. Я и тѣнь моя. Кто старше? Человѣкъ дикій—и богъ дикій. Человѣкъ умнѣе—и богъ умнѣе.

Я слушалъ его рѣчи и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, откуда вы взялись?

Мордвиновъ остановился.

— Я православнаго рода,—началъ онъ,—бѣдной семьи. Съ дѣтства имѣлъ большую охоту къ ученію. Десять лѣтъ ничего не могъ добиться, только въ садахъ работалъ. Нашелъ книги старопечатныя, сталъ читать. Спасовскаго согласія наставникъ, Андрей Афанасьевичъ Коноваловъ, отъ него занялся. Скоро принялъ его пріемы для бесѣдъ, началъ съ миссіонерами недоумѣвать. Въ виду чего предложили присоединиться къ нимъ. Мнѣ то и нужно, лишь бы образованіе получить. Приняли меня въ миссіонерскую школу. Пятнадцать учениковъ, десять на счетъ миссіи, а пять на счетъ архіерея.

— Но какіе же учителя: Власій, мнихъ. Ходитъ въ подрясникѣ, безъ кальсоновъ, длинная рубаха, лицо шарфомъ закрываетъ; секта у него, беретъ сестеръ къ себѣ на всенощную.

— Вотъ извольте посмотрѣть.

Онъ порылся въ карманѣ и досталъ свѣжую вырѣзку изъ «Голоса Самары», октябристской газеты. Вырѣзка гласила: Духовный слѣдователь закончилъ слѣдствіе о монахѣ, священникѣ Вла-

сіи, живущемъ въ Сызранскомъ монастырѣ. Установлено, что отца Власія усиленно посѣщали женщины. Найденъ фотографическій снимокъ отца Власія, окруженнаго голыми женщинами. Ожидается скандальный процессъ.

— Вотъ такъ учителя,—прибавилъ Мордвиновъ.

— А уроки задаютъ по учебнику: отседова—доседова.

— Время пришло такое бойкое, 1905 годъ. Я всѣхъ учениковъ натрафилъ. Стали заявлять требованія: дайте намъ хорошихъ педагоговъ. Мы вѣдь не маленькіе. Вы берете народныя деньги, а учить не умѣете. Ты учебникъ-то закрой, изъ своей головы учи.

— Они втупикъ становятся: «Мы выключимъ тебя».

— «Но вѣдь я вровень съ сектантами. Я въ воскресенье въ церкви спрошу о причинѣ»...

— Составили мы прошеніе, подписали по алфавиту, подали архіерею.

— Такъ имъ прискорбно. Вѣрите, отецъ экономъ встанетъ средь трапезы, воетъ голосомъ: «Экая язва,—вездѣ завелись. Зубами рвалъ бы ихъ. Покою не даютъ».

— Выключили насъ; а меня опредѣлили помощникомъ миссіонера Ножкина, на сто рублей въ годъ. Я ѣздилъ, велъ бесѣды, о чемъ хотѣлъ. Стали они носомъ крутить, помѣстили меня сторожемъ въ архіерейскомъ саду, на 20 рублей въ мѣсяцъ. Женщины тутъ, подозрительныя особы, монашки и служанки, никакого грѣха не признаютъ. Монашку моя жена во дворѣ съ келейникомъ поймала.

«Тьфу на васъ,—говоритъ,—гадкіе вы».

— Яблоковъ сила въ саду, а красть неловко. Я стерегу. Стали насъ выживать изъ саду. Архіерей очень боялся бомбы. Одного гимназиста встрѣтилъ, бѣжитъ съ крикомъ: «Студенты убить хотятъ». Я говорю: «Предоставьте мнѣ револьверъ, я буду васъ остерегать». Предоставили мнѣ, такой бульдожка скверный. А въ то время монашки да служки навели на меня обыскъ. Полиція искала, но не могла найти. Ушелъ я изъ архіерейскаго сада, пошелъ къ тестю въ садокъ, стали жить, кое-какъ биться. Маленькій садокъ, какъ глазокъ. Сами сейчасъ увидите...

Мы вошли въ калитку. Садокъ дѣйствительно былъ маленькій, но очень живописный. Онъ стоялъ на мягкомъ земляномъ обрывѣ, надъ тихимъ рѣчнымъ затономъ. Внизу подъ обрывомъ лежала длинная черная лодка, похожая на корягу.

— Чужая земля, наемная,—грустно сказалъ Мордвиновъ.—Эхъ кабы эту землю мнѣ. Я бы всю кучу разрылъ и обвалилъ, воздѣлалъ бы до самой воды. Помидоровъ посадилъ бы, картофелю. Если пропасть доведется, было бы дѣтямъ обезпеченіе. Трое у меня, маленькіе, какъ галчата...

На встрѣчу намъ бѣжалъ пузатый мальчишка, лѣтъ пяти, весь въ грязи и въ одной рубашонкѣ. Подолъ у него былъ задранъ чуть

не до шеи. Онъ придерживалъ его обѣими руками, что-то жевалъ и кричалъ на бѣгу съ полнымъ ртомъ.

— Мм, тятя, я яблоки ѣмъ!..

Изъ подола рубашки сыпались зеленыя яблоки, совсѣмъ незрѣлыя, мелкія, немного побольше орѣха.

— Развѣ не вредно ѣсть такія яблоки?

— Богъ съ вами,—сказалъ Мордвиновъ,—мы привычные. Яблоки эти чуть не съ цвѣту ѣдимъ. Если безъ овощевъ, намъ нѣтъ вкуса. Лѣтомъ и мясо не въ охоту.

Мальчикъ заглядѣлся на насъ и выпустилъ подолъ. Яблоки посыпались во всѣ стороны.

— Онъ у меня тоже безбожникъ,—сказалъ Мордвиновъ полусерьезно.—Самъ отъ себя. Никто его не училъ.

— Ну-ка, Мишка, скажи, гдѣ Богъ?

— Не знаю,—сказалъ Мишка, засовывая палецъ въ ротъ.

— Можетъ, на небѣ?

— Я туда не лазилъ,—буркнулъ Мишка угрюмо.—Отстань.

— У меня вся семья любопытная, — сказалъ Мордвиновъ,— жена моя родилась въ бѣлоризцахъ, въ бѣломъ мѣшкѣ, въ густой крапивѣ, молока не ѣла, только растительное молоко, конопляное сѣмя.

— Тесть мой бывшій хлыстъ. Строгой вѣры. У нихъ говорили: «грѣхъ молоко хлебать. Корова блудница. Яйца — мышьякъ, отрава духовная. Цвѣтная рубаха — пестрый звѣрь. Совлеките съ себя звѣря, надѣньте бѣлое, ангельскій чинъ».

— Вы поговорите съ нимъ. Пронзительный старичекъ. Лютѣе меня. Онъ Ренана книги читалъ. Прочитаетъ и мнѣ перескажетъ. Мнѣ некогда читать столь длинныя книги.

Избушка у Мордвинова была черная, покосившаяся на бокъ. Внутри было тѣсно и грязно. Только передній уголъ былъ оклеенъ цвѣтными карикатурами недавней эпохи: Витте къ клѣткѣ, Дурново въ свиномъ образѣ. Ярче всего бросалась въ глаза большая зловѣщая картина: Горитъ крестьянская изба. Изъ красныхъ облаковъ протягивается длинная рука съ жадными, длинными, костлявыми пальцами.

Вмѣсто всякаго богатства Мордвиновъ показалъ мнѣ огромный черный ящикъ съ выписками и всякими бумагами. Онѣ были набиты до самаго верха, вродѣ геологическихъ пластовъ. Нижнія были написаны полууставомъ на синей бумагѣ и относились къ духовнымъ книгамъ: Ефремъ Сиринъ, Григорій Богословъ. Потомъ шли русскіе духовные писатели, мистики, брошюры Толстого и Григорія Петрова, журнальныя статьи, клочья освободительныхъ брошюръ. Сверху лежали груды газетныхъ вырѣзокъ. Въ настоящее время Мордвиновъ самъ мѣтилъ въ писатели и подбиралъ матеріалъ въ редакціи среди изрѣзанныхъ и брошенныхъ газетъ.

Все это было мятое, въ сажѣ и грязныхъ пятнахъ. Трудно было бы сохранить чистоту въ такой обстановкѣ.

У окна стояла лавка безъ одной ноги, подпертая чурбаномъ. На лавкѣ сидѣлъ старикъ въ ветхихъ валенкахъ, несмотря на лѣтній зной. Это и былъ бывшій хлыстъ, читатель Ренана. Волосы у него были совсѣмъ бѣлые, лицо истощенное. Только глаза сохранились, маленькіе, яркіе, злые.

— Вы не думайте, что я такой старикъ,—сказалъ онъ,—мнѣ 52 года. Это отъ нравственной жизни. Жили строго, скоромно не ѣли, нарядно не носили, вина не пили, табакъ не курили, хлѣба поменьше жевали. Я хотѣлъ рыбу завершить ѣсть, голова стала болѣть, куриная слѣпота напала. А товарищъ померъ.

— Такъ глупость наша,—старикъ махнулъ рукой.

— Держались за Бога, изможделись, теперь на покой надо.

— При юности моей,—сталъ разсказывать старикъ, — былъ въ нашемъ селѣ прельститель, онъ прельстилъ 12 человѣкъ, вродѣ апостоловъ. Одинъ былъ мой товарищъ. Молодые оба. Онъ сталъ мнѣ тексты бросать, а я не разумѣю, что и къ чему. Думаю: неужели я меньше ихняго грамотѣ знаю. Взялся за евангеліе, да въ жнитво, да въ пашню. Можетъ, не одну сотню разъ перечелъ отъ корня до корня. Сталъ я поспарывать съ ними. Сумнѣніе явилось. Другіе 12 человѣкъ ко мнѣ пристали, на двѣ секты. Приходитъ къ обѣднѣ въ посту нѣкій человѣкъ, привелъ насъ въ изумленіе. 9, 17, 18 главы Ивана Богослова онъ толкуетъ по своему, особо отъ хлыстовъ. Тайное сводитъ на явное...

— Батюшка началъ сердиться. «Отчего въ церковь не ходите?» — «Неколи намъ»... Они насъ стали подъ надзоромъ имѣть. Посматривали искоса, даже смертью грозили. Мельникова въ ссылку угнали. Товарищъ мой Николай сталъ имъ предателемъ, все обсказалъ. Какъ съ дѣвицами въ баню ходили,—и родила дѣвица, и зарыли дитя, 16 человѣкъ въ ссылку угнали въ Елисаветполь. Насъ тоже хотѣли сослать, но я уклонился отъ нихъ въ книги. Добился книгу Благовѣстъ, Бесѣды Апостольскія, Кормчая съ доски до доски, Дѣянія Апостольскія. Многія книги стали намъ извѣстны. Такую охоту имѣлъ. Идешь мимо лавки. «Чего надо?» «Книгу». Дай Богъ здоровье Неручеву, Александру Алексѣевичу, онъ книгъ давалъ.

— Въ то именно время я сталъ поститься. Не такъ понималъ, по буквѣ. Въ сущемъ дѣлѣ посты полезны для перемѣны пищи. Челъ я книгу старца Дорофея: «Какой есть грѣхъ смѣяться за столомъ». — Не грѣхъ, а вредъ. Крошка заскочитъ. Или народъ дикій былъ, то ему говорили: грѣхъ, эпитимія. У просвѣщенныхъ грековъ не было эпитиміи, а нашимъ дикимъ народамъ назначали, вродѣ какъ гривна штрафу. Или, напримѣръ, постъ. Нужно ли это семейному человѣку? Монаху нужно для укрощенія собственной плоти, у него жеребячья плоть. Се-

мейному надо свою плоть питать. Или молиться, зачѣмъ два часа,— не довольно ли четверть часа? Кто-нибудь обманулъ на 100 руб. лей, а Богу свѣчу поставилъ въ 10 копѣекъ. Такъ эскимосы дѣлаютъ. Священство, напримѣръ, отъ Моисея. Послѣ египетскихъ кирпичей онъ далъ левитамъ, пусть кормятся.

— Теперь я вижу: все это лишнее. Всѣ ихнія дѣла надо иссопомъ окурить, дезинфекцію сдѣлать. Если они на Писаніе ссылаются, то Христосъ не то говорилъ, а: «накормите голоднаго».

— Оттого я сталъ жить слабже, чай пить, молоко хлебать мясо ѣсть.

— Главное дѣло, слово свободы пришло. Намъ стало прямѣе. Что мы шишикали промежъ себя, то стало громко въ народѣ.

— Сходныя къ намъ стали новыя книги, о чемъ прежде мы шепоткомъ говорили: Бебель. Исторія Шишко, Христосъ Ренана.

— Но только Ренанъ Христа человѣка извнѣ сдѣлалъ, не изнутри...

— Подожди годовъ десятокъ, что выйдетъ. Итакъ, почитай, все на нашей сторонѣ. «Союзниковъ» совсѣмъ нѣтъ. Чепуха все. Въ городѣ полтора человѣка, а по деревнямъ совсѣмъ нѣтъ Звонятъ, зубами ляскаютъ. Все по пустому. Мы вотъ не звонимъ, молчимъ ежели надо Неручевъ, правда, звонитъ по всѣмъ базарамъ. Человѣкъ сильный! Мало звонковъ противъ Александра Алексѣевича.

— Ты говоришь, что будетъ? Хорошо не будетъ. Такъ не пойдетъ, какъ наверху хотятъ. Потому народъ еще больше размножится. На одной бороздѣ не очень станешь жить. Хлѣбъ все дороже, а урожай хуже. Не выйдетъ по ихнему. Народъ сталъ къ ученію допускаемъ Раньше дикій былъ. Теперь понемногу сталъ добираться до сути.

— Слово свободы выпущено, чтобъ правду говорить. Хватилися, да поздно. Пропустили его. Теперь думаютъ только то, какъ бы схапать, словить. Заходили кругомъ. Какъ было сказано:—Придутъ птицы съ желѣзными носами. Станутъ васъ долбить до самыхъ костей.

Онъ даже съ мѣста поднялся и руку протянулъ, какъ будто предсказывалъ.

— Постой, дѣдушка,—перебилъ я.—А ты скажи, какъ идетъ законъ 9 ноября?

— Земляной выдѣлъ?—переспросилъ старикъ и сѣлъ на лавку. Онъ, какъ будто, и весь осѣлъ и опустился внизъ.

— Такъ идетъ, что надо бы хуже, да нѣту. Пошла ссора на всю землю! Отъемъ, разоренье... Онъ остановился, не окончивъ фразы.

— Вѣришь ли, до меня дѣло дошло. Дѣзки у меня. Думаю: вовсе отнимутъ, ватрутъ. Дѣлить будутъ. Сперва полосминника, потомъ четь осминника. А тамъ ничего не останется. Пылью пойдетъ. Неневолѣ закрѣпилъ...

Лицо его имѣло довольно смущенный видъ.

— Ты не думай,—поспѣшно сказалъ онъ.—Если теперь опять соціализмъ пойдетъ, то я свою землю отдаю, желаю всю дѣлить. У кого тысячи земли, а у насъ полуосминникъ. Но только теперь въ ожиданіи намъ безъ земли нельзя...

Онъ даже руками развелъ въ обѣ стороны. Я невольно подумалъ: русская исторія имѣетъ особую логику. Бывшій хлыстъ и аскетъ, теперь читатель (и почитатель) Бебеля и Шишко, въ то же время принимаетъ участіе въ разрушеніи общины, во имя интересовъ своихъ дѣвокъ...

Мордвинову тоже стало, кажется, неловко.

— Пойдемте къ другимъ, — предложилъ онъ, — къ Неручеву теперь.

Мы вышли и пошли задами, перелѣзая черезъ плетни и пробираясь между шпалерами грушъ и вишенъ.

— Вотъ хорошій садокъ, — сказалъ Мордвиновъ, останавливаясь на холмѣ.

Садъ, дѣйствительно, былъ на славу. Земля на грядкахъ была рыхлая и пышная, какъ пухъ. Яблони и груши были старыя, свилеватыя, съ бурой кожей. У нихъ былъ тотъ тощій, изношенный видъ, который одинаково присущъ многоудойнымъ коровамъ, плодовитымъ женщинамъ и плодовитымъ деревьямъ.

— Это Свищовыхъ садъ,—сказалъ Мордвиновъ.—Строгіе люди, въ старинѣ живутъ. Да вотъ и самъ хозяинъ.

Подъ яблоней стоялъ мужикъ, большой, грузный, съ краснымъ лицомъ, въ сѣрой курткѣ, съ передникомъ, и подчищалъ вѣтви.

Мы поговорили, и я увидѣлъ, что это представитель консервативнаго элемента.

— Насъ трое братьевъ,—говорилъ Свищовъ,—дѣтей у насъ восемь и восемь и пять, а всего 21. Земли $7^1/_2$ десятинъ. Есть съ чего жить. Одной вишни сходитъ 40 фунтовъ съ дерева. Конечно, необразованность наша. Да мы не гонимся. Вонъ должностей не хватаетъ для образованныхъ, а черный рабочій народъ лишній не будетъ...

Мы прошли черезъ садъ и опять пошли по тропинкѣ.

Мордвиновъ снова вернулся къ своимъ безпокойнымъ мыслямъ.

— Мы желаемъ устроить вольную духовную общину. Пробовали соціализмъ. Да не вышло у насъ. Купили лошадь общую. Одинъ поѣхалъ за 150 верстъ. Другому надо ѣхать за 75. Тогда продали ее.

— Пускай же нынѣ будетъ одно духовное. Выберемъ себѣ священника отъ православнаго епископа. Всѣ обряды будемъ соблюдать, но постепенно выправлять. Въ церковь будемъ ходить, въ какую угодно. Свой священникъ для безплатнаго совершенія требъ. Школу устроимъ. У насъ находятся люди. И священники находятся, даже не одинъ, а нѣсколько. Есть у насъ такой апологетъ,

даже академика перешибетъ. Охотниковъ много. Одинъ жандармъ есть, выходитъ изъ службы, идетъ въ нашу общину...

Мы повернули за уголъ и подошли къ высокимъ рѣзнымъ воротамъ.

— Это Неручева домъ,—сказалъ Мордвиновъ. — Самъ Александръ Алексѣевъ въ тюрьмѣ сидитъ.

— Какъ въ тюрьмѣ, къ кому же мы идемъ?

— Небось, сегодня выпустили,—успокоительнымъ тономъ сказалъ Мордвиновъ.—Паспортовъ не прописывалъ,—прибавилъ онъ въ поясненіе,—новая наша напасть, чего по вѣку не было,—штрафъ положили на него. Ко мнѣ пришелъ совѣта просить.—«Какъ ты думаешь: сидѣть или платить?» Я говорю: «Чего ты, садись скорѣй. Въ ихней казнѣ много денегъ есть безъ нашего. Я сидѣлъ, пробовалъ. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ». Тогда онъ пошелъ и сѣлъ подъ арестъ.

Неручевъ, дѣйствительно, былъ дома. Онъ только что пришелъ изъ тюрьмы, отсидѣвъ свой срокъ. Онъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ, но остановился, какъ будто загораживая дорогу. Я невольно засмотрѣлся на него. Онъ былъ огромный, статный, косая сажень въ плечахъ, копна рыжихъ волосъ на головѣ. Въ лицѣ и фигурѣ было что-то большое, стихійное. Такіе, должно быть, были когда-то ушкуйники или собственные предки Неручева изъ понизовой вольницы. Глаза его горѣли страннымъ огнемъ. Можно было, пожалуй, принять его за безумнаго. Потомъ въ разговорѣ, когда онъ выбрасывалъ короткими фразами свои рѣзкія мысли, было нетрудно увидѣть, что это блескъ непрерывной работы ума, лихорадочной и ѣдкой.

Александръ Алексѣевъ, безспорно, самый замѣчательный человѣкъ во всемъ Подгорьи. Многіе его не любятъ.

— Рѣзкій мужикъ, язвительный. Ничего не пропуститъ. Звонитъ, какъ колоколъ.

Съ другой стороны, Подгорье какъ будто гордится Неручевымъ. Это мѣстный вождь и доморощенный философъ.

Про него говорятъ: «У него страху нѣтъ. Его умъ до всего доходитъ», и называютъ его по уличному: Лександра Сильный. Въ другое время онъ могъ бы стать ересіархомъ.

Неручевъ сначала говорилъ мало и неохотно, но за чаемъ разошелся. Мы просидѣли съ нимъ часовъ шесть до поздняго вечера. Онъ описывалъ мнѣ свои духовныя исканія и религіозные этапы.

— У меня было три вѣры,—говорилъ онъ.—Эта новая—четвертая.

Три первыя вѣры были: православіе, расколъ, сектантство. Новая вѣра была вѣра свободы.

Разсказывалъ онъ обстоятельно, мѣтко, очень зло, можно сказать, даже съ художественной полнотой, мѣнялъ голосъ и выраженіе лица, изображалъ раскольничьихъ начетчиковъ и старицъ,—

даже губы поджималъ какъ-то по особенному,—сектантскихъ проповѣдниковъ и православныхъ поповъ. Надо отдать ему справедливость. Онъ былъ безпристрастенъ и всѣхъ по очереди освѣщалъ одинаковымъ свѣтомъ.

Мордвиновъ слушалъ и смѣялся отъ всей души. Нельзя было не смѣяться. Даже когда дѣло дошло до проповѣдниковъ «новой вѣры», Неручевъ и ихъ не пощадилъ.

— Что же это такое,—сказалъ онъ—пришли въ деревню Чумовку на бесѣду двое, с.-р. и с.-д. Много народу. Меня предсѣдателемъ выбрали. Они на телѣгу полѣзли. Одинъ говоритъ одно, другой другое. Мужики ротъ разинули. Подписывать пора.—Лександра Лексѣевъ, кто правъ?—Что тутъ дѣлать? Какъ ихъ мирить. Я имъ говорю:—какъ же вы пріѣхали народъ присоглашать, а сами между собой, какъ кочетишки, такъ и взыкаетесь! И слушать не хотятъ, другъ на дружку смотрятъ косо. Что съ ними подѣлаешь?

Я привожу его разсказъ полностью, несмотря на длинноты и повторенія. По моему, Александръ Алексѣевъ, очень типиченъ для крупнаго мужицкаго интеллигента-самородка, который началъ отъ книги «Камень Вѣры» и дошелъ до Геккеля и Ренана, даже до Спинозы.

Ибо много теперь такихъ Неручевыхъ, которые не знаютъ страха и доходятъ умомъ до всего... Они есть въ Твери и въ Самарѣ, и въ Астрахани. Они бываютъ разныхъ оттѣнковъ: одни агрессивные, какъ Неручевъ. Другіе—незлобивые, примирительные, какъ сама природа.

Я упомянулъ имя самарскаго слѣпца Пахомова. Это фигура еще крупнѣе и оригинальнѣе Неручева. Я буду писать о немъ ниже.

А въ Астрахани на рыболовномъ суднѣ я встрѣтилъ стараго матроса. Онъ грѣлся на солнцѣ и читалъ книгу Метью Арнольда: «Свѣтъ Азіи». Онъ сказалъ мнѣ:—Три года я читаю эту книгу и теперь я знаю. Всѣ вѣры святы, и всѣ люди созданы, чтобы быть царями...

— Я мужицкаго роду,—разсказывалъ Неручевъ,—путанной вѣры. Отецъ и мать православные, и бабки и дѣды, а тетка изъ своей чашки ѣла. А для чего, сама не понимаетъ. Былъ я восемнадцати лѣтъ. Смерть охота книги читать. Гдѣ ихъ возьмешь? Былъ начетникъ спасовскій, у него дочи. А евангеліе большое. Думаю, дочь возьму, онъ книгочей. Будемъ вмѣстѣ читать.

— Женили насъ. Въ конецъ масляной пришелъ я къ тестю. У него самоваръ, бутылка. «Хвати, зятекъ!» Я морду ворочу. «Молодъ еще. Углядишься въ библію. Выпей, да лошадь запряги, молоду утѣшь, катай ее на саночкахъ». Зло во мнѣ. Запрегъ лошадь, поѣхалъ по гумнамъ. Она плачетъ: «Чего озоруешь?»—«Какъ озорую? Ты изо всего села меня выбрала. Будемъ наслаждаться другъ на дружку».

— Поѣхалъ на улицу. Былъ обычай такой, парами, тройками

ѣздить, съ лентами, съ платками. Теперь уничтожается, лошадей нѣтъ. Другой былъ обычай поганый. Новобѣнчанныхъ ребятишки потащутъ по снѣгу. Я не хотѣлъ допустить. Проскочилъ мимо кабака, сталъ лошадь выпрягать. Ребята прибѣжали. Прежній товарищъ, Федоръ, такъ и напираетъ. «Федоръ не лѣзь. Я тебѣ такъ запалю!..» Онъ вскочилъ черезъ сани, я какъ размахнулся, хвать его въ ухо. Какъ снопъ свалился. Такое сердце было крутое, розымчивое.

— Постъ прошелъ. Я къ тестю направился книгу читать. Тесть ничего не знаетъ. Досада моя. Пасха пришла Вижу наряжаютъ двѣ избы связью. Объ лѣву сторочу угощать будутъ, о праву читать. Увидѣлъ, не осмѣлился взойти. «Паша,—говорю женѣ,—спроси матерь, нельзя ли мнѣ туда войти». Лютая теща была. Въ минуту исходательствовала: «Иди-ка!» Вошелъ, вижу—старикъ въ очкахъ. Передъ нимъ книга. Народу у нихъ много. Слушаю я: читаетъ хуже моего. «Дѣдушка, ты плохо видишь. Дай-ка я». Съ удовольствіемъ отдалъ. «Ты читай, я буду объяснять». Я началъ рѣзко. Онъ объясняетъ. Тѣхъ словъ нѣтъ. Отколь беретъ? Диво мнѣ. Вечеромъ наряжаются идти въ другое село. Старыя дѣвки живутъ. Собраніе у нихъ. «А меня возьмете?»

— «Чай бы, вся сила небесная обрадовалась. Сколько шаговъ пройдешь, зачтено будетъ». Я съ удовольствіемъ пошелъ,—пусть радуются.

— Въ томъ селѣ двѣ дѣвки старыя, настолько благообразны. Фиміамчикъ, кадиленка. Губы у нихъ сожаты, рта вовсе не разѣваютъ. Книги въ чистыхъ срачицахъ.

— Начали читать соборне большую книгу, Григорія Богослова, Антонія Митрополита Папу Римскаго. Читали, плакали. «Были въ плѣну семьдесятъ лѣтъ на грѣшномъ мѣстѣ, только духовную жертву принося, духъ сокрушенъ, сердце смиренно,—Богъ не сокрушитъ. Тако и мы въ плѣну антихриста. Надо укрыться въ горы и пещеры, ѣсть хлѣбъ, посыпанный золою».

— До того растрогались, стали носами похлебывать.

— Дней пять мы тамъ были. Не видаючи прошло. Я въ восторгѣ. Много книгъ, осмѣлился попросить. Ухъ, нести далеко. Тяжелыя книги, каждая книга полпуда вѣсу. А одной книги мало.

— Пошли мы со старикомъ въ его село Ждановку. У него старуха православная.—«А ты, молодчикъ, какой?» «Я, бабушка, и самъ не знаю. Я ни туда, ни сюда».—«Не слушай ихъ, мошенниковъ. Жулики они!» Травитъ ихъ не въ образъ (бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ). Жрать не даетъ. Меня потчуетъ. «Кушай, батюшка, ты усталъ».

— Пошли мы домой. Около бѣглопоповцевъ. По матери родники. Охотятъ заманить къ себѣ. Мы жили богато. Они видятъ: этакой мальчонка молодой, пробойной, можетъ дойти. Зовутъ насъ. Пошли мы съ отцомъ. Отецъ такую же охоту имѣлъ, какъ и я.

Былъ Родивонъ Матвѣичъ, начетникъ. Такой словущій. Въ душу впивается. Книгъ много читательныхъ. «Дайте одну». Дали книгу Катехизисъ. Интересная книга. Выписалъ кое что. Взялъ на память. Сталъ спрашивать ихъ: «Спасовцы какіе»?—«Хм, проклятые понѣтчики!» Проругалъ ихъ, какъ могъ.

— Сталъ спрашивать понѣтчика: «Бѣглопоповцы какіе?»

— «Еретики проклятые. У нихъ подъ рогожей попа возятъ». Другъ друга обнажаютъ.

— Рыковъ купецъ изъ Москвы въ селѣ Мукосѣнхѣ. Устроилъ оказію. Доски около церкви намощены высоко. Споръ о вѣрѣ. Православный миссіонеръ и другихъ сектъ. Одинъ молодой мальчонка дѣлаетъ возраженія, чего то говоритъ. Какъ же онъ знаетъ? Сейчасъ къ нему. «Гдѣ набрался?»—«Книги читалъ, Пращицу, Камень Вѣры.»—«Гдѣ купилъ?..» Выспросилъ, записалъ. Добьемся и мы. Мальчонка-то православный, противъ раскольщиковъ дуетъ. «Мы ихъ какъ треснемъ «Камнемъ вѣры» изъ «Пращи», только ахнешь». Купилъ я книги, перечиталъ, потомъ продалъ; миссіонеры купили.

— На завтра опять споръ. Старики сидятъ округъ, спасовцы, поморяне. Степенно сидятъ, на вытяжку, аршинъ съѣли. Я не видалъ такихъ. У насъ просто сидятъ:—сидитъ, носомъ нюхаетъ. Рыковъ пріѣхалъ. Меня впередъ высунули.

— Ты кто?—это миссіонеръ спрашиваетъ.

— Я не знаю.

— Православный?

— Не знаю.

— Въ церковь ходишь?

— Я радъ бы не ходить, меня дѣдушки гонятъ. Они православные.

— Ты еретикъ. Покажи, какъ крестишься.

Я показалъ. У насъ, молъ, щепотью.

— Нейдете за пастыремъ.

Помѣшалъ онъ меня лежачаго, въ бока потолкалъ. Ничего не выжалъ.

— Поѣхали домой. Ходили, читали. Быть намъ спасовцами. Они насъ завладѣли по нашей слабинѣ. Икону дали, ѣздятъ. Только подъ началъ принимать. Ночью не спится. Ну, какъ ошибемся.— «Люди начетники есть?»—спрашиваю.—«Какъ не будутъ? Тридцать лѣтъ читаютъ».—Когда пріѣдутъ?

— «На Троицу будутъ». Стали подготовляться. На Троицу роспуски запрягли. Картузъ новый, рубаха красная каленаго ситца. Раздѣвкой поѣхалъ.

— Книгу достукался прежде того у сосѣда, богача-раскольщика. 200 рублей дана въ Москвѣ. Толкованіе Ивана Златоуста на Евангеліе Матвѣя. Рукопись, писана святыми отцами. Нипочемъ не давалъ. Ну, ладно, думаю. Онъ занимался торговлей. На

базаръ надо ѣхать, кудель скупать. А деньгами нехватка. Тоскуетъ.— «Дадимъ тебѣ двѣсти цѣлковыхъ взаемъ, дай книгу». Разступился, далъ. Радехонько. За книгой заѣхали. Взялъ, выхватилъ. Сердце прыгаетъ. Читалъ, читалъ, ажъ слюни текутъ. Дѣвки услыхали, прилетѣли: «Дайте списать». Плачутъ. «Не уйдемъ отсюда». Въ мѣсяцъ списали, день и ночь безъ отдыху. Одна устанетъ, другая пишетъ. Такъ и читать довелось мало.

— Книгу въ сорочку, въ кошель. Сорочка особо сошитая. Ѣдемъ на Соборъ... Начетниковъ трое. Слѣпой чувашинъ, ничегохонько не понимаетъ. Другой молодой, неженимый. Третій старикъ. Рвется душа. Мѣшкаютъ. Отецъ говоритъ: «Мы книгу привезли такую».—«Христа ради, дайте почитать». Положили на столъ. «Головной, почитай». Не идетъ. «Неженимый, ты!» И этотъ: имѣй меня отреченна. Боятся. Я думалъ, буду ихъ слушать. Они откоснулись.

— «Вотъ что, ты почитай. Ты чернила знаешь, а мы толкованія».—«Благословите».—«Господь благословитъ». Крестное знаменіе на лобъ. Прочиталъ двѣ строчки.—«А ну еще разокъ!» Еще прочиталъ.—«Еще двѣ строчки!» Стало четыре.—«А по твоему какъ?»— «Кто же будетъ контролеръ?»—«Не бойся. Мы не поддакнемъ». Я сказалъ: «По моему, вотъ такъ».—«Такъ и есть.»—«А, думаю, вотъ какіе вы есть толкователи!» Затаилъ въ сердцѣ. Цѣлую страницу прочелъ.

— Одиннадцать часовъ, двѣнадцать, часъ. «Поѣсть бы надо. Послѣ обѣда еще почитаемъ»...

— Стали обѣдъ собирать. У насъ бывало на обѣдъ два блюда, сила что три. Тутъ видимъ: наклали луку съ яйцами. Хлѣбъ ситный. Одну чашку намъ отдали. Еретикамъ,—такъ особо. Потомъ съ рыбой. Мы стали тупо ѣсть. Послѣ этого щей. Что за диковина? Я, какъ могъ, наѣлся, бросилъ. Четвертое—лапша съ яйцами, монастырская; каша съ молокомъ, пшенникъ, лапшенникъ. Мы четыре перемѣны кое-какъ огоревали, отбились. Они— девять блюдъ. Куда кладутъ? Я удивился. Такъ наѣлись, едва имъ согнуться можно. Спать. Спали, спали. Время пришло вставать. Никто не выходитъ. «Будите ихъ!» Сошлись. Пить хотятъ, ведро квасу выпили, брюхо дуть начало. То и дѣло на дворъ бѣгаютъ.

— Я къ нимъ съ книгой: «Чего вяло?» Стали себя понижать. Окаяцутъ себя. «Какъ намъ, окаяннымъ, знать?» Какое смиренномудріе.—Ахъ, думаю, если назвать со стороны, осердятся ли? Да съ дураковъ и хлопнулъ: «А ты молъ, окаянный, какъ скажешь?»— «О щенокъ, молоко не обсохло».—Попался старый хрычъ! Взбунтилась вся бесѣда. Усмирили его.—«Слушайте, говорю.—Читаемъ толкованіе Ивана Златоуста: О смиренномудріи:—«Передъ чужими устами будь смиренъ сердцемъ»... Я испыталъ его... Старикъ провалиться готовъ. Мнѣ авторитетъ дали.—«Отчего такъ много перемѣнъ ѣды?—«Преданіе у насъ. Сколько перемѣнъ, столько анге-

ловъ».—«А я въ книгахъ видалъ: сколько сластей, столько дьяволовъ». Они не могутъ спорить: «Мы сами не знаемъ, старики толкуютъ».

— Стали читать бесѣду Златоуста «О нарядѣ». Они расцвѣчены, и я также. Громитъ Златоустъ цвѣтное платье, во всю нарицаетъ. Завтра же скину! Отецъ тоже рѣшился, у насъ скоро. На другой день отецъ велѣлъ женѣ бѣлу рубашку приготовить. «Али съ ума сошелъ?» Мы не слушаемъ. Принесли холста, сошили, надѣли, стали, какъ арестанты. Вышли на улицу.—«Что сдѣлалось?..»—Другіе говорятъ про насъ: они попали въ секту скопцовъ. Жена плачетъ, со мной никуда не выходитъ...

— Такъ кончилась моя первая вѣра...

Это былъ первый этапъ Неручевскаго разсказа. Послѣ того настала очередь второй вѣры, сектантской, аскетической.

— Сосѣдней деревни Егоръ Загаровъ услыхалъ, прилетѣлъ. Онъ въ бѣлой рубашкѣ отъ бѣлоризцевъ Писцовыхъ, а мы самородки. Отецъ увидалъ: «Вотъ еще христіанинъ ѣдетъ». Такой чудакъ. Мы приняли его. Меду поставили. Онъ не ѣстъ. Чего ни спрошу, все толкуетъ, прибавляетъ и накладываетъ:—Мало бѣлу одежу. Изъ библіи началъ вычитывать: мяса не ѣшь, рыбу не ѣшь, молоко не ѣшь. Недѣлю прожилъ, ѣлъ хлѣбъ съ водой въ очищеніе грѣховъ. Мы тоже ревнуемъ. Мать ругается. Мы продавать велимъ. Все не надо. Нарядъ продавать велимъ. Бабы плачутъ, а заартачиться нельзя. Покупили бѣло, нарядили въ бѣло. Насъ двое, хозяева полные. Если бы хоть одинъ былъ на ихней сторонѣ.. Онѣ приводной народъ.

— Услыхали отъ Егора,—есть учитель въ городѣ,—земля не держитъ. Хоть завтра запрягай. Нельзя, надо хлѣбъ убрать. Въ сентябрѣ поѣхали. У Писцова недѣлю прожили. Онъ съ насъ плату положилъ, 15 копѣекъ въ сутки съ одного человѣка. Слова не сказали, отдали два цѣлковыхъ. Этимъ привлекли его, что мы не дармоѣды.

— Онъ насъ тоже увлекъ. Искусникъ, степенный, семья въ порядкѣ. Говоримъ: «поселиться бы около, добра бы научились. Купимъ садъ». Онъ сталъ спрашивать: «А много ли денегъ?» Мы говоримъ: «три тысячи». Мы въ то время на чертѣ стояли, каждый годъ тысячи по двѣ наживали въ лѣсной торговлѣ. Кабы не пошли по вѣрѣ, въ сотняхъ тысячъ были бы. Но мы денегъ боялись, антихристова печать. Безъ рукавицы не брали.

— «Есть, говоритъ, продажный садъ. Денегъ не пожалѣете. Продастъ».—«Какое мѣсто?»—«Тамъ-то». Пошли мы. «Что надо?»—«Садъ продажный».—«Три тысячи рублей». Какъ будто въ карманѣ пощупалъ. Отецъ сразу говоритъ: «А 200 рублей уступишь?» Тутъ же купили за 2800 рублей. Дали задатокъ, купчую, поѣхали домой.

— Отецъ говоритъ: «Пока не сказывай женѣ. Испугаешь. Бу-

демъ понемногу продавать». Стали продавать. Телѣги, сани, дрова; хлѣбъ молотимъ, продаемъ. Что за чудо? Жена говоритъ: «Зачѣмъ?» Дошло дѣло: конопли немоченыя. Это ихнее, бабье. Онъ матери сказалъ. Стали собираться въ городъ смотрѣть. Мнѣ вмѣстѣ пришлось. Тутъ матери показалось. Садъ ихъ взманилъ. Сладкій духъ. Перебрались въ городъ.

— Когда переѣхали, сталъ Писцовъ къ намъ ходить. Я такихъ не встрѣчалъ. Полонъ ротъ слова. Мнѣ тоже не терпится. Говоритъ: «раньше трехъ годовъ передать не могу».

— Отецъ говоритъ: «Вытерпишь три года?»—«Больно долго».

— Рѣшился терпѣть. Онъ обѣщался къ намъ каждый день ходить. Такъ бывало, въ четыре часа утра является. И въ полночь вставали: Се грядетъ женихъ во полуноіци. Я полтора года терпѣлъ. До половины дня я отцу натолкую. А онъ ему скажетъ, будто отъ себя. Верткій старикъ, выдернется, все мое затретъ. А я у отца ломаю послѣ. Отецъ умомъ разорился. Оба отъ писанія и оба отъ ума. Такъ мы его съ боку на бокъ переваливаемъ.

— Потомъ говорю: «Больше терпѣть не буду. Идемъ къ нему. Пусть выгонитъ».—«Плохо видишь въ немъ». Пошли. Тамъ еще два человѣка сидятъ. Стали читать. Зло меня забрало.—«Василій Ивановичъ, это не такъ».—«Тебѣ молчать».—«Не буду молчать».—«Тебѣ тутъ и не быть. Повиноваться сѣдинѣ».—«Разумъ не въ сѣдинѣ. Не былъ ли Даніилъ благоразумнѣе стариковъ? Они Сусанну осудили, а молоденькій мальчишка 18 лѣтъ имъ обсказалъ. Не былъ ли младъ лѣтами Іоасафъ царевичъ»?.. Тутъ онъ меня за грудки схватилъ, поперъ къ двери. Вырвался я. «Видишь, говорю, папаня! Пойдемъ отсюда, пока по шеѣ не наклали. По моему и вышло». Полтора года въ ротъ глядѣли. Тутъ у насъ все пошатнулося.

— Въ чемъ у васъ было разногласіе?

— Да онъ тоже говорилъ: ограничивай себя, то не пей, другое не ѣшь, третье не носи. А у меня все стало иное. Думаю: зачѣмъ ограничивать?

— Послѣ того, я началъ мыслить: быть можетъ, православіе не хуже этихъ вѣръ. Жена давно вернулась къ церкви. Скорбитъ, покою не даетъ.—«За гробомъ, если не по моему, мы будемъ тогда врозь». Заболѣла съ печали, попа позвала. Исповѣдуется. Гляжу, перекрестилась щепотью. Когда выздоровѣла, я спросилъ: «Зачѣмъ щепотью крестилась?»—Чай, мнѣ тебя жалко, пусть на томъ свѣтѣ по твоему будетъ. Лишь бы не врозь»... А выздоровѣла, опять горстью крестится.—«Ну, думаю, Богъ съ тобой. Мы тоже попытаемъ».

— Пошли мы съ братомъ въ консисторію, въ бѣлыхъ балахонахъ. Вышелъ сторожъ. Сказали: «Протопопа такого-то». Слышали раньше: есть протопопъ, можетъ наставить на истину. Вы-

шелъ. «Кто такіе?»—«Жители, поговорить».—«Приходите домой завтра послѣ службы». Отправились. Что задавали вопросовъ, разъяснялъ, какъ могъ, отъ бѣднаго ума. Черезъ малое время не стало удовлетворять...

— Архіерей Варсонофій устроилъ народныя бесѣды въ церкви.

— Пойдемъ, ради Христа. Все разскажутъ. Афишки расклеены по городу. Мы въ восторгѣ. Кое-какъ пожрали дома, отправились.

— Большое собраніе народу. Четыре священника. Старшій протоіерей съ експромпту рѣчь говоритъ:

— Православные христіане, по благословенію Его Преосвященства въ эти часы мы будемъ объяснять народу службу, какъ ходимъ въ церковь и крестимся, и кланяемся. Многіе ходятъ, не знаютъ.

— Другой священникъ сказалъ по своему, а то же самое: «Жалко васъ стало, темные люди, въ подпольѣ живете».

— Такъ меня за сердце задѣло:—Кто виноватъ. Вы же не выпускали на свѣтъ. Погоди-ка, мы узнаемъ, кто въ подпольѣ живетъ...

— Третій сказалъ. Четвертый выходитъ съ книгой: «Дьяконъ голову наклонитъ, и вы тоже кланяйтесь». По одной командѣ... Достойно читаютъ, кончили. Я впередъ пробрался. Батюшка! — «Чего?»—«Я не понялъ. Чать, можно спросить?» —«Спрашивай!»— «Прискорбно мнѣ, въ подпольѣ мы были. Выпускаете насъ. Не знаемъ, что годно. Хочу учить я церковную дисциплину. Сколько же въ службѣ поклоновъ земляныхъ, сколько грудныхъ, сколько поясныхъ? Объясните намъ».

— Опѣшили попы. Посматриваютъ другъ на друга.—«Мы къ этому не припаслись. Придите въ слѣдующій разъ». Церковь взбунтовалась. На другое воскресенье народу не протолкнешь Слухъ прошелъ: «Человѣкъ выходитъ, задаетъ вопросы». Я опять тутъ.—«Дайте намъ настоящее правило: можно ли въ воскресенье класть земные поклоны». До архіерея дошелъ: «Какое тебѣ правило? Есть постановленіе святѣйшаго синода...»

Послѣ этого слѣдовала цѣлая эпопея диспутовъ и споровъ Неручева съ мѣстнымъ духовенствомъ. Онъ сражался со всѣми, доходилъ до архіерея, писалъ отзывы и печаталъ ихъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, нападалъ и защищался. Оружіемъ его была изумительная память, которая хранила въ себѣ цѣлое сокровище текстовъ и ссылокъ, старопечатныхъ и новопечатныхъ цитатъ.

— Я ему показываю «Працицу», а онъ ее сроду не видалъ.— «Гдѣ напечатана?»—«Да развѣ я ее въ подпольѣ печаталъ? Погляди-ка выходъ у нея».

— Требникъ свой десять лѣтъ читаютъ, а что въ немъ есть, сами не знаютъ.—«Вы, говорю, поглядите 391 листъ».

— Ты, говорятъ, мірянинъ. Зачѣмъ ты не повинуешься, читаешь? Были бы вы на своемъ мѣстѣ, не шлялись тутъ.

— Вамъ, говорю, лишь бы доходы взять.

— Не твоего ума дѣло!

«Эхъ вы, говорю, пекари. Одна капелька Христовой вѣры весь міръ спасла, а вы хотите: «сорокъ просфировъ—сорокъ рублевъ».

— Тутъ они напустили на меня монаховъ. А я говорю: «Когда церковь зачиналась, монахи были?»—«Не были!»—«Вотъ то-то не были».

— Отецъ Серафимъ обозвалъ нехорошимъ словомъ: «Онъ духоборъ, скопецъ, у него богородица». Въ Вѣдомостяхъ написалъ про меня: «коноводъ, хлыстъ». Отъ невѣжества своего всѣ вѣры перепуталъ.

— Съ тѣхъ поръ опостыли они мнѣ.

— Въ то время мы были буквоѣды, потомъ стали повертывать на мистическія мысли. Книги получили. Михаила митрополита духовная бесѣда: «Христосъ на древѣ, но сказалъ: хочу быть въ твоемъ домѣ. Древо—обрядъ, домъ—душа. Но святые отцы къ древу прилѣпились»... Купилъ книгу «Братолюбіе». Столько разбиралъ, даже вши меня стали ѣсть.

— Тутъ сынъ подросъ, я его, спасибо, въ школу отдалъ. Онъ сталъ въ постъ мясо ѣсть. Я—возставать. Онъ задаетъ вопросы: Убѣди меня, я перестану». Я не могу отвѣчать. Слабость моя велія, пружины ослабѣли. Сдался я на его примѣры, перешелъ на сторону сына. Сталъ я читать другія книги, какія творенія были по Дарвину, Ренана книгу, Фаррара о Христѣ,—онъ тоже виляетъ, до конца не договариваетъ... Геккеля купилъ. Какъ сталъ я разбирать, все сразу рухнуло. Некрѣпкое было, подкопанное.

— Въ это время вышло 17 октября. Мы листки схватили, по деревнямъ развозимъ мужикамъ. Одинъ говоритъ: антихристъ, другой говоритъ: послѣднее время... Митинги пошли. Тутъ мы услыхали: конституція. Я раньше не слыхалъ. Новые журналы пошли, газеты. Два года свобода была, въ два мѣсяца науку прошли.

— Я имъ толкую: «Раньше намъ этого нельзя было читать. Теперь читаемъ, какъ пьяные. Были мы, какъ Адамъ въ раю, въ раю невѣжества своего. Теперь вкусимъ плода запрещеннаго»...

— Прочиталъ про разныя партіи, мнѣ показались соціалъ-демократы. Увидалъ сына, спросилъ, какая партія. Онъ разъяснилъ. Я увидѣлъ, что эта партія лучше революціонеровъ (эс-эровъ).

— А скажите, какая разница между соціалъ-демократами и эс-эрами?—спросилъ я.

— Будто вы сами не знаете?—сказалъ Неручевъ подозрительно.

— Я хочу, чтобы вы объяснили,—сказалъ я прямо.

Онъ сталъ объяснять топорнымъ языкомъ, но вразумительно.

— Бакунинъ хотѣлъ, чтобы въ нашу Русь не прошелъ капиталъ. А Карлъ Марксъ говоритъ: «Пройдетъ въ Русь капиталъ и нарождаетъ пролетаріевъ. Эти пролетаріи будутъ ему могила». Бакунинъ говорилъ: «Община прочная»... Но масса пролетаріевъ народилась на фабрикахъ.

— Ну, ты опять,—неожиданно заговорилъ Мордвиновъ.—Мужикъ жесткій. Его въ котлѣ не уваришь.

— А правительство къ тому идетъ,—возразилъ Неручевъ.—Долго варить, можно топорище во щахъ разварить.

Это, очевидно, былъ старый, часто возобновляемый споръ.

— Я болѣе склоненъ къ философскимъ темамъ,—заговорилъ Неручевъ.—Спинозу купилъ. Жую, разбираю. Что есть Богъ, и что есть міръ, и что есть я? Гдѣ главное? Зубы старые, не берутъ. Вотъ кабы, когда намъ было двадцать лѣтъ, встрѣли бы мы такого человѣка, объяснительнаго, не мучались, не изможддались,—что бы изъ насъ вышло...

— Ты спрашиваешь, какъ теперь идетъ? Съ пестриной идетъ. Глядя по мѣстамъ и по людямъ. Напримѣръ, безпоповцы есть лѣвые, а есть—боятся, говорятъ: конституція—антихриста печать А молодежь говоритъ: антихристова печать—ваше помазаніе младенца. Я бы со лба выжегъ каленымъ желѣзомъ вашу печать намазанную.

— Я думаю, не скоро кончится. Вотъ просидѣлъ восемь дней въ арестномъ домѣ. Гонятъ мужиковъ-аграрниковъ. Эй, дуботолки. Травы укосилъ, дровъ увезъ,—всѣ эти грѣхи теперь наказываютъ. И есть тамъ два надзирателя-каина, колотятъ ихъ по головамъ. А они терпятъ, авелево племя. Потому Авель былъ первый земледѣлецъ и былъ дуракъ. Самъ себя не сумѣлъ защитить. Дали ему щелчка въ лобъ, онъ на землю упалъ. Съ той поры Каинъ на Авелѣ верхомъ поѣхалъ. Не скоро кончится...

III.

Слѣпой.

Пол-Самары знаетъ слѣпого, Матвѣя Иваныча. По крайней мѣрѣ, что касается «простого народа». Когда я спросилъ на базарѣ его адресъ, мнѣ сказали: «Идите въ Слободку, на Панскій Разъѣздъ, тамъ спросите. Всякая собака укажетъ».

Я взялъ извозчика и поѣхалъ на другой конецъ города.

Колеса сперва стучали по выбоинамъ мостовой, потомъ съѣхали въ мягкую пыль. Солнце жгло, пыль поднималась столбомъ, какъ дымъ, ѣла глаза, забивалась въ ноздри, какъ сажа.

Въ горлѣ першило, въ вискахъ стало сверлить хуже мигрени.

Какъ будто это былъ не городъ, а аравійская пустыня. Дома стали ниже и хуже, потомъ пошли избушки въ два окна, съ заплатками на крышѣ, хуже деревенскихъ. Сюда, очевидно, и извозчики не ѣздили. При стукѣ нашихъ колесъ ребятишки выбѣгали изъ воротъ и глядѣли намъ вслѣдъ.

Слѣпой пріютился на задворкахъ, у бѣднаго сапожника. Онъ платилъ за уголъ два рубля въ мѣсяцъ. Самъ онъ былъ бѣденъ и грязенъ. Рубаха на немъ была рваная, босыя ноги въ старыхъ резиновыхъ калошахъ. Онъ сидѣлъ, опираясь руками на столъ. Столъ былъ старый, черный и даже лоснился весь, какъ будто его покрыли тусклымъ лакомъ.

Я прошелъ впередъ и назвалъ свое имя, ссылаясь на общихъ знакомыхъ.

Сапожникъ посмотрѣлъ на меня подозрительно, потомъ подошелъ и сталъ что-то шептать, но слѣпой махнулъ рукой.

— Э, все равно, и такъ одинъ сижу.

— Слѣпой я отъ малолѣтства,—сказалъ онъ,—до старости дожилъ, мнѣ 58 лѣтъ.

Несмотря на убогій видъ, ему можно было дать гораздо меньше. Въ волосахъ не было сѣдины, и въ лицѣ трепетала особая чуткость, напряженная и вмѣстѣ осторожная, свойственная слѣпцамъ.

— Я слѣпой изъ-за отца,—сказалъ Матвѣй Иванычъ.—Сильно пьянствовалъ, дрался, мать билъ, беременная была... Варвары у насъ—не люди. Когда я родился, глаза не открылись. Нѣмка одна стала насильно открывать, хуже сдѣлала. Совсѣмъ гноемъ затекли.

— Отецъ былъ рыбакъ, торговецъ, буржуй. Торговалъ съ товарищами, на нихъ люди рыбачили. Потомъ, какъ сталъ пьянствовать, самъ на другихъ сталъ рыбачить. Дядя мой Пахомовъ, бѣглопоповецъ, имѣетъ сто тысячъ капиталу. Я къ нему не хожу. Какъ померъ отецъ, было мнѣ лѣтъ 20. Домъ остался. Я къ дядѣ пришелъ, говорю: «Этотъ домъ долженъ теперь придти въ упадокъ. Возьми, будто въ залогъ. Выдавай пожизненно». Онъ не помогъ. Говоритъ: «Продай вовсе». Далъ тысячу рублей. Подѣлили съ сестрой. Пришлось на мою долю 500 рублей. Отдалъ хорошимъ людямъ, сталъ жить съ ними. Они пользовались и вычитали за столъ. Въ пять лѣтъ все прожилъ. Впалъ въ крайнюю бѣдность.

— Ходилъ звонить на колокольню. Пономарь пировать уйдетъ, меня одного покинетъ. Колоколъ пудовъ 40, языкъ безъ шарнировъ. Звонилъ, натужался, до грыжи...

Кромѣ слѣпоты, у него была еще и грыжа.

— Потомъ было обо мнѣ напечатано въ газетѣ. Пришли молокане. Я имъ полюбился. Ходили, слушали.

— А что было о васъ напечатано?

— Память у меня... Съ молоду еще тверже была. Разъ мнѣ прочтутъ—и готово. У начетчиковъ бралъ на слухъ. Выступилъ въ публичныхъ бесѣдахъ апологетомъ австрійскаго толка.

— Библію ни одинъ попъ лучше не знаетъ. Раскройте, прочитайте, я скажу мѣсто.

Я раскрылъ большую черную книгу и прочиталъ наудачу:

От вѣка не слышано, чтобъ кто отверзъ очи слѣпорожденному.

— Отъ Іоанна глава 9, стихъ 32,—сказалъ Матвѣй Иванычъ.— Это про меня написано,—прибавилъ онъ съ блѣдной улыбкой.

Я подумалъ, что, должно быть, книгу на этомъ мѣстѣ раскрывали слишкомъ часто, и раскрылъ въ началѣ:

Отошла слава отъ Израиля, ибо взятъ ковчегъ Божій.

— Самуила, 4 глава,—сказалъ слѣпой.—Эта книга у меня вся въ головѣ стоитъ.

Я слышалъ отъ отца про прежнихъ талмудистовъ, что иные изъ нихъ знали библію на память и даже «на иглу». Они протыкали иглой нѣсколько листовъ и потомъ называли наизусть всѣ проткнутыя мѣста. Но вѣдь это были зрячіе. Предо мною былъ слѣпой, который могъ знать библію, лишь *по слуху*, постольку, поскольку находились охотники читать ему, быть можетъ, сегодня одну главу, а черезъ двѣ недѣли другую.

— А вы грамотный?—спросилъ я и тутъ же понялъ нелѣпость своего вопроса.

Слѣпыя крестьянскія дѣти не учатся грамотѣ. Дай Богъ, чтобы для зрячихъ было побольше мѣста...

Но Матвѣй Иванычъ и здѣсь составлялъ исключеніе.

— Теперь я грамотный,—сказалъ онъ,—пять лѣтъ тому назадъ я научился выпуклой грамотѣ. Даже книгу мнѣ подарили.

— Въ то время мнѣ больше дарили...

— Богатые есть молокане, любители. Придешь бывало, попросишь: дайте слѣпому на калачъ. Дадутъ рублишко. Одна вдова до того умилилась, пожертвовала мнѣ мужнину лисью шубу...

Въ голосѣ его звучала какая-то странная нота, не то жалоба, не то насмѣшка.

— Теперь осердились, три раза ходилъ на совѣщаніе, говорятъ: «ты революціонеръ».

— А у вдовы крестьяне имѣніе сожгли. Она плачетъ: «Я его столько холила, всѣмъ дѣлилась. А онъ ѣздитъ по деревнямъ, призываетъ къ погромамъ»...

— Ого,—сказалъ я.—Что же, это правда?

Матвѣй Иванычъ презрительно покачалъ головой.

— Все это ложь. Гривенникъ дастъ, а раздуется на рубль.

— Мизерные людишки. Есть тутъ теперь купцы нашихъ мыслей. Называютъ себя прогрессисты. Придешь, попросишь... «Что я одинъ въ городѣ, что-ли? Проси у другихъ».

Онъ нахмурилъ свои незрячіе глаза и сурово усмѣхнулся однимъ краемъ рта.

— Трудно жить мнѣ. Сколько муки душевной примешь... Сталъ

я работу искать. У Челышева одно лѣто колесо мы вертѣли, растирали краски. Двое слѣпыхъ. Намъ платили хорошо, что и говорить. Полтинникъ въ день. Намахаешь себѣ руки...

— Послѣ того разсчиталъ насъ Челышевъ. Больно ужъ много маляровъ развелось. И зрячіе нашлись на наше мѣсто.

— Такъ приходится нынѣ, хоть съ голоду помирать. Грыжа мучаетъ... Вонъ чирья по тѣлу пошли, отъ грязи, должно быть... Сталъ я теперь, какъ Іовъ на гноищѣ...

— А правда что вы призывали крестьянъ къ возмущенію?

— Что я безуменъ?—сурово сказалъ слѣпой.

— Стану ли я призывать людей, чтобы шли подъ обухъ? Я говорилъ отъ писанія, какъ выходитъ по духу Христа... Я и на допросѣ сказалъ то же самое.

— На какомъ допросѣ?..

Моя записная книжка лежала на столѣ. И я торопливо дѣлалъ свои замѣтки. Сапожникъ все время проявлялъ признаки нетерпѣнія, но тутъ онъ не выдержалъ.

— Придержись, Иванычъ,—предупредилъ онъ слѣпого.—Пишетъ все. Надо быть, по слѣдственному дѣлу...

Матвѣй Иванычъ махнулъ рукой, какъ прежде.

— Я не боюсь. И на судѣ то же скажу. Пусть господа судятъ.

— За что васъ привлекли?—спросилъ я.

— По военному дѣлу,—спокойно объяснилъ слѣпой,—будто бы я солдатамъ рѣчь говорилъ насчетъ присяги...

— И это неправда?

— Я и тебѣ одно скажу. Я слѣпой, ничего не знаю. Привезъ меня человѣкъ, поставили на столъ. Я думалъ, можетъ быть, рабочіе.

— «Матвѣй Иванычъ, скажи о присягѣ!» Сейчасъ отъ Матвѣя 5-ая глава, стихъ 34: «Я говорю вамъ, не клянитесь ни небомъ, ни землею, ни головою твоею, ибо не можешь ни одного черного волоса сдѣлать бѣлымъ. Да будетъ слово ваше: да или нѣтъ. Что сверхъ сего, то отъ лукаваго».

— Если вѣрите, то яснѣе яснаго.

— Іакова 5-ая глава. Ивана Злотоуста рѣчь о статуяхъ. «Человѣкъ, который клянется, хуже разбойника, онъ убиваетъ душу».

— Чего меня судить? Я бомбовъ не дѣлаю. И судьямъ такъ скажу: «Если вѣруете Христу и писанію его, то вы тоже не клянитесь».

Я слушалъ и никакъ не могъ уловить одного, самаго главнаго. Матвѣй Иванычъ говорилъ «отъ писанія», можно сказать, былъ насыщенъ писаніемъ, но пользовался имъ какъ-то объективно, скорѣе какъ орудіемъ.

— Да вы сами вѣруете?

— Матвѣй Ивановичъ молчалъ довольно долго, минуту или двѣ

— Не знаю,—сказалъ онъ, наконецъ.—Бываетъ, вѣрую, а бываетъ, думаю: все темнота, жуть. Вертится, какъ колеса на мельницѣ. Третъ жерновъ...

— По себѣ сужу. Іова Богъ будто обличилъ, да потомъ помиловалъ. Насъ, небось, не помилуетъ. Такъ и издохнемъ въ навозѣ...

Сапожникъ, наконецъ, отказался отъ своей недовѣрчивости. Жена его захотѣла угостить насъ чаемъ. Она накрыла свой черный столъ сѣрою тряпкой, изображавшей скатерть, принесла разрозненныя чашки, жестянку съ сахаромъ и какое-то желтое варенье. Стаи крупныхъ мухъ, сидѣвшихъ на потолкѣ, тотчасъ же спустились внизъ на это угощеніе. Онѣ жужжали, какъ пчелы, лѣзли въ глаза, кусались и, видимо, старались отогнать насъ отъ стола.

— Пейте, пожалуйста,—приглашала хозяйка.

Я сдѣлалъ еще одну попытку, потомъ отступилъ и даже отодвинулся въ сторону. Мухи были сильнѣе.

— Тяжело жить на свѣтѣ слѣпому думающему, — говорилъ Матвѣй Иванычъ.—Съ молоду больно скучно было. Помню я: человѣка не могъ найти. Поговорить не съ кѣмъ. Къ слѣпымъ придешь, только про дѣвокъ, да про бабъ. А те про рай, да про адъ.

— Будь хоть такое время, какъ эти года, я бы широкую дѣятельность открылъ, народнымъ ораторомъ сталъ бы, былъ бы полезенъ родинѣ. Я могу говорить очень понятно. Развѣ маленькій ребенокъ не пойметъ.

— Я прозябалъ до старости, жизни хотѣлъ лишиться. Одинъ товарищъ былъ, тоже думающій. Взялъ пистолетъ, застрѣлился. Я водку пить принимался. Знакомые такіе, голь. Чѣмъ угоститъ, развѣ водки стаканомъ? Однажды со слесаремъ такъ набузались. Кто гдѣ остался, тутъ и уснули. Водка мнѣ въ прокъ не пошла, сдѣлался со мной delirium слуха. Тогда я бросилъ пить.

— Одна утѣха была: книги слушать, потомъ разсказывать другимъ. Я жилъ съ мастеровыми. Они любили мои разсказы:—Юрій Милославскій. У Загоскина хорошо, а у меня еще лучше.—«Никогда Россія не была въ такомъ бѣдственномъ положеніи»... Кирша тамъ, казаки. Князь Серебряный, опричники. Ужъ больно имъ занятно.

— Я много книгъ узналъ съ того времени. Русскую исторію и всеобщую, Англію и Францію, древнюю и новую. Варяжскихъ князей и татарское иго. Толстого, Тургенева, Добролюбова. Съ юности моей ходилъ на религіозныя бесѣды. Слушаетъ меня народъ, не потому что даръ, а льется изъ души. Сначала трудно было, а теперь легко. Само льется. Народъ говоритъ: «Матвѣй Ивановъ пришелъ, айдате слушать»! А попы начнутъ, только старушки слушаютъ, да еще кое-кто.

— Сами попы даютъ мнѣ на извозчика, чтобы я ѣздилъ, потому я имъ нуженъ. Матеріалъ набираютъ себѣ на обученіе семинаристовъ.

— Безъ извозчика мнѣ по городу трудно ходить. Ноги не держать. И провожатаго нѣтъ.

— Отецъ Мартемьянъ предлагаетъ мнѣ въ миссіонеры, четвертый годъ сватаетъ, но я не иду. Теперь малъ человѣкъ, а тогда буду еще меньше. Я голъ и босъ. Все у меня имущество—одна душа моя. Ее отдать, то изнутра голый останусь.

— Бываютъ такія бесѣды, до добра не доводятъ. Одинъ разъ было. Сходили къ губернатору. «Разрѣшите бесѣду». Честь честью разрѣшилъ. Пришли попы, три миссіонера. Я сталъ ставить злободневные вопросы. О повиновеніи властямъ. Сказалъ имъ о присягѣ. Народъ кипитъ. Порядка нѣтъ у нихъ, перебиваютъ.—«Какой это слѣпой, арестовать его надо!» Заговорили объ иконахъ. «Позвольте, говорю, привести историческій примѣръ: Казанская Божія Матерь спасла Россію отъ Польши. Какъ же она отъ двухъ воришекъ себя самое не защитила?»

«Кощунство, къ прокурору»! Девять дней продержали, тоже хотѣли судить, а потомъ отпустили. Зазрила ихъ совѣсть. Непригожъ я для суда...

Я обвелъ глазами эту худую изможденную фигуру. Что-жъ, быть можетъ, и правда... И у прокуроровъ бываетъ совѣсть. Такого судить рука не поднимется...

— Другой разъ было. Баптистъ Илья Антоновъ пришелъ бесѣдовать. Стали говорить о перенесеніи честныхъ костей. Онъ и урѣзалъ: «Перенесли бы ихъ, да больше съ ними не тетенькались».—«Какъ, съ нашими мощами не тетенькались?!» Тутъ его чернь чуть не убила. Я его немножко поддержалъ, сказалъ: «*Не тетенькались*, значитъ не няньчились. Мы не ученые. Наше простое нарѣчіе. Но Моисей говорилъ про евреевъ передъ Господомъ: «Что я имъ нянька, что ли!»

— Баптисты и штундисты, и всякіе сектанты, это не мой народъ. Я съ простыми живу, самъ изъ простого народа. У нихъ лицемѣрія много, святости, искусства. Какъ нибудь обанкрутится тысячъ на тридцать, потомъ говоритъ: «я святой». Такой святой—товаръ плохой хвалить. Изъ нихъ коммерсанты будутъ хорошіе, не граждане мысли.

— Вотъ вы спросили, чему я вѣрую. Вѣрую мысли. Религія—тормазъ человѣческой мысли. Мамка души. Безъ мамки будетъ головой работать. Отвыкнетъ складать на другихъ: пропьется—чортъ смутилъ; споткнется—Богъ наказалъ.

— Если бы народъ весь пошелъ такимъ путемъ, было бы иное. Много ли было сознательныхъ? Сотая часть, и тѣ разбросаны. Развѣ мало погромовъ дѣлали?

— Послѣ манифеста я три мѣсяца использовалъ, день и ночь, все изъ Писанія. Писаніе—мой мечъ духовный. Нашему народу Божіе слово лучше всего.

— Я въ деревняхъ Божьимъ словомъ сильно дѣйствовалъ. Рас-

кроешь предъ ними библію, какъ она есть. Про царей и іереевъ, про мазанныхъ и немазанныхъ: «У Соломона Мудраго по его благочестію было 700 женъ и 300 наложницъ. Ладно ли такъ? Столько и куръ у пѣтуха не бываетъ». Они смѣются.

— Въ двухъ кампаніяхъ участвовалъ, въ выборахъ въ Думу. Рѣчи говорилъ: «Не выбирайте октябристовъ, они—богачи; кадеты—на словахъ. Выбирайте рабочую партію, она не измѣнитъ». Слушали насъ. Октябристовъ турятъ, прямо на духъ не являйся, кадетъ выходитъ—жить не даютъ. Стоятъ на сторонѣ лѣвыхъ.

— Было короткое время. Сказать—сказали, а сдѣлать не успѣли. Народъ обробѣлъ. Храбрый, храбрый, пока его беретъ. Разъ побьютъ, и шабашъ. Наполеонъ первый гналъ, пока зима не заступилась. Русскій силенъ, пока побѣждаетъ. Потомъ теряется. Воли своей нѣтъ. Командуютъ имъ. Скажутъ ему: «лягъ!» онъ и ляжетъ.

— Японцы насъ искалѣчили, теперь передъ урядникомъ дрожимъ. А какъ кричали!.. Что изъ того, что влетѣло? Трусамъ однимъ не влетаетъ. Безъ борьбы ничего не дается...

Слѣпой покачалъ головой.

— Теперь будетъ опять... Быть можетъ, набухнетъ еще разъ, или какъ по иному... Грамотной силы много. Большого не достигнемъ. До соціализма лѣтъ ста не доживемъ, а свободъ кое-какъ достигнемъ, лѣтъ черезъ десятокъ.

Слѣпой помолчалъ и вздохнулъ.

— Черезъ десять лѣтъ я и мышей не буду ловить. 68 стукнетъ...

— Не во-время родился... Если бы я былъ моложе, взялъ бы посохъ, пошелъ бы по Россіи. Жизнь моя въ словѣ. Изъ этого дома слово мое далеко не достигнетъ.

Я не зналъ, что сказать ему.

— Есть сказка,—началъ опять слѣпой. — Былъ королевичъ. Приколдовали его навѣки недвижимо. До пояса у него тѣло, а отъ пояса камень. И не можетъ пошевелиться... Сидитъ и живетъ и старѣетъ...

— И я не лучше его...

Я собрался уходить.

— Позвольте вамъ оставить немного денегъ,—предложилъ я на прощанье.

Слѣпой не пошевельнулся. Я вынулъ монету и положилъ ее въ руку женѣ сапожника. Но она замотала головой.

— Не мнѣ. Не надо. Чтобы не было соблазну... Иванъ Матвѣичъ, тебѣ даетъ...

Она отыскала его руку на столѣ и вложила въ нее деньги. Слѣпой вернулъ ихъ обратно.

— Возьми себѣ за квартиру, — сказалъ онъ.—И такъ не плочено.

Я вышелъ за ворота и отправился на пристань, собираясь въ въ тотъ же день уѣхать изъ Самары.

Но еще долго передъ глазами моими стоялъ этотъ слѣпой человѣкъ, сильный и вмѣстѣ безпомощный, способный и заброшенный.

Онъ былъ, какъ живой инструментъ, созданный природой для благородной работы, но испорченный ею въ самомъ началѣ, брошенный въ сторону и ржавѣющій въ углу...

Приколдованный плѣнникъ...

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗИНЪ.

За дубовой кормой вьется пѣна слѣда.
На волнахъ, точно люлька, качается стругъ.
Съ облачковъ волокнистыхъ, сквозныхъ, какъ слюда,
Одинокой слезинкой скатилась звѣзда
На пустынный, заброшенный лугъ.
Надъ рѣкою поднялся разсвѣтный туманъ,
Берега обвивая лохматой каймой.
Тихо движется черныхъ судовъ караванъ:
Грозной тучей, гдѣ зрѣетъ степной ураганъ,
Онъ плыветъ, укрываемый тьмой.
Спитъ земля... Чуть трепещутъ во мглѣ тростники.
Лишь на палубѣ темной, угрюмъ, какъ утесъ,
Молодой атаманъ внемлетъ плеску рѣки:
Разгораются въ гордыхъ очахъ огоньки,
Въ сердцѣ—полымя солнечныхъ грезъ.
Съ тихимъ стономъ дробясь на обшивѣ судна,
То смолкая, то снова звеня въ тишинѣ,
Шепчетъ рѣчи свои голубая волна...
Дума Разина гнѣва и боли полна
О родимой несчастной странѣ.
Онъ войною идетъ на тирановъ-враговъ,
На кичливыхъ бояръ, на лихихъ воеводъ...

И за нимъ, изъ тенётъ вѣковѣчныхъ оковъ,
Точно море въ ненастье за грань береговъ,
Рвется бурно голодный народъ.
Ужъ бояре дрожатъ... Ихъ слѣпые вожди
Въ клочья плѣнниковъ рвутъ на дыбѣ...
Ждетъ и Разина лютый конецъ впереди,
Но орлиное сердце ликуетъ въ груди:
Смерть—такъ смерть въ безпощадной борьбѣ!..
Ночь свѣтлѣетъ... Поблекли зловѣщіе сны...
Чу, звонятъ!.. Взоръ тревожный горячъ:
Близокъ городъ,—тамъ ждутъ, ждутъ его, какъ весны,
И звучитъ, какъ призывъ, какъ мольба всей страны,
Гулкой мѣди отрывистый плачъ!..

С. Ивановъ-Райковъ.

тилъ дрожаніе травы, будто въ нее бросали кусочками земли. Онъ ощупалъ свой клинокъ и вскричалъ:

— Кто идетъ?

Чей-то грубый голосъ отвѣтилъ ему вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра. Сдѣлавъ машинально нѣсколько шаговъ впередъ, онъ зацѣпился за сухіе сучья, отломившіеся съ страшнымъ трескомъ. Элье услышалъ по землѣ топотъ и увидѣлъ бѣлѣющую массу, убѣгавшую внизъ по насыпи на четырехъ ногахъ, и, наконецъ,—прыжокъ на дорогу. Съ удивленіемъ онъ призналъ овцу, мелкой рысцей убѣгавшую вдоль фонарей.

Онъ нервно разсмѣялся надъ своимъ испугомъ; мракъ показался ему не такимъ страшнымъ, а неизбѣжное менѣе тревожнымъ. Часъ прошелъ, наконецъ, и онъ сталъ спускаться съ откоса. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла какая-то сѣрая фигура. Это была уже не овца. Однако, она не двигалась, и лицо ея странно освѣщалось фонаремъ съ бульвара.

— Добрый вечеръ, гражданинъ Элье!—произнесъ незнакомецъ спокойнымъ голосомъ.

— Кто это?—спросилъ онъ.

Поднявъ надъ бровями руки въ видѣ абажура, онъ пытался узнать прохожаго. Тотъ приблизился, сталъ въ полосѣ свѣта, и Элье узналъ продолговатое лицо Малико съ короткой, густой бородой.

— Каково! Вотъ странная встрѣча!

— Я наслаждаюсь прогулкой вокругъ Парижа вдоль укрѣпленій, — объяснилъ Малико... — У меня осталось пути еще, по крайней мѣрѣ, часа на три.

— Оригинальная идея!

— Какъ и всякая другая... Думаю, послѣ этого я усну... Я *хочу* проспать нѣсколько часовъ.

— А!—тихо отвѣтилъ Элье.

Этотъ высокій малый, казалось, испытывалъ какую-то мрачную тоску, и Элье стало жаль его.

— Вы страдаете безсонницей?—спросилъ онъ.

— Да.

Нѣсколько мгновеній они простояли молча. Малико царапалъ ногою землю, какъ нервный конь. Несмотря на уныніе, какимъ вѣяло на него, когда Элье, проводя свои теоріи, рекомендовалъ выжиданіе, анархистъ питалъ симпатію къ его личности и находилъ даже какое-то непонятное очарованіе вблизи него, любилъ его идеи и рѣчи, когда онѣ не касались раздражающихъ темъ о соціальномъ переворотѣ. И въ этотъ часъ, на краю погруженнаго во мракъ Парижа, этотъ человѣкъ исключительной энергіи, съ тоскою

въ груди, мрачный и одинокій, лишенный нѣжной дружбы, испытывалъ сердечную муку, страстное желаніе излить ее передъ кѣмъ-нибудь, встрѣтить дружеское пожатіе руки и слово простого расположенія.

Съ минуты на минуту становясь сильнѣе, это желаніе заставило его опустить глаза отъ волненія, точно ему стало стыдно. Но мысль о томъ, что Элье не только не протянетъ ему руки, не только не скажетъ дружескаго слова, а, напротивъ, станетъ разбивать его замыселъ, навѣяло на него уныніе и безнадежность. Онъ пустился на хитрость и, чтобы не сразу приступить къ страшному предмету разговора, началъ издалека, заговорилъ объ одномъ заговорѣ, вызывавшемъ, какъ онъ зналъ, сочувствіе Элье.

— Гражданинъ Элье...—медленно началъ онъ,—читали вы... этотъ подкопъ подъ линію желѣзной дороги... что вы скажете о немъ?

— Жаль, что не удался!—воскликнулъ Элье.

— Правда? Если бы они могли устранить этого... Считаете ли вы этихъ революціонеровъ храбрыми, по крайней мѣрѣ?

— Это герои!—воскликнулъ Элье.

Пылкая радость освѣтила тревожное лицо, скрытое во мракѣ.

— Вы, конечно, не хотите сказать, что это заблуждающіеся герои,—продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ:—что, удивляясь имъ, надо сожалѣть объ ихъ дѣйствіяхъ?

Философъ видѣлъ волненіе собесѣдника, его сильное желаніе услышать панегирикъ этимъ революціонерамъ, и дружескимъ голосомъ, счастливый тѣмъ, что доставитъ ему удовольствіе, отвѣтилъ:

— Нѣтъ... по-моему, это истинные герои... Ихъ возмущеніе велико и справедливо... логично и необходимо.

— Не правда ли?—вскричалъ порывисто Малико.—О! они велики! Они прекрасны!

Они ходили взадъ и впередъ, точно прогуливались. Анархистъ, все еще съ душевной тревогой и недовѣріемъ полуграмотнаго человѣка, положилъ руку на плечо Элье.

— Это, дѣйствительно, ваше убѣжденіе?

— Да, это мое убѣжденіе!

Яркая радость освѣтила черты бѣднаго человѣка, и минута счастья вызвала слезы на его большіе глаза.

— Гражданинъ Элье... Благодарю васъ... Это доставило мнѣ облегченіе.

— Что именно?

— Ваше мнѣніе о подобныхъ вещахъ... Я буду лучше спать эту ночь.

Какъ два друга, продолжали они гулять по грязному бульвару, обмѣниваясь фразами и превознося другъ передъ другомъ героевъ. Спокойное согласіе объединяло ихъ грусть. Уже много лѣтъ Малико не чувствовалъ въ своей душѣ такой теплоты и, находясь такъ близко къ трагической минутѣ своей жизни, онъ поддался очарованію этой скоропреходящей дружбы и высказалъ всю глубину своихъ чувствъ, все величіе своей преданности людямъ-братьямъ. Смягченный и умиленный, Элье не прерывалъ его, ласково отвѣчая на вопросы, изумляясь этой пылкой душѣ въ скромномъ рабочемъ изъ народа, снѣдаемой любовью къ жертвѣ.

Послѣ наступившей заминки въ разговорѣ, они умолкли и остановились.

Фонарь освѣщалъ ихъ своимъ жалкимъ, колеблющимся желтымъ свѣтомъ. Грустное однообразіе шоссе, фантастическія очертанія лачугъ, черная мгла лѣса представляли непривлекательный пейзажъ.

Малико рѣшилъ проститься именно въ эту минуту, чтобы уйти подъ сильнымъ и пріятнымъ впечатлѣніемъ.

— Прощайте!—сказалъ онъ, нервно пожимая руку Элье.

— Быть можетъ, до свиданія?

— Прощайте!—повторилъ мрачно анархистъ.

И онъ быстро удалился, взволнованный, боясь расплакаться. Элье съ минуту слѣдилъ за его чернымъ силуэтомъ, быстро исчезнувшимъ за госпиталемъ, и, испытывая глухую тревогу, прошепталъ:

— Бѣдный, бѣдный!

V.

Въ корридоры суда проникалъ блѣдный свѣтъ, незамѣтно разсѣиваясь на каменныхъ плитахъ пола. Шаги и голоса гулко раздавались подъ высокими сводами. Адвокаты, въ своихъ траурныхъ крылатыхъ тогахъ, съ смѣшно выглядывающими изъ-подъ нихъ панталонами, ходили и стояли безъ всякаго величія. Сдвинутыя назадъ шапочки скрывали истинную величину лба. Кліенты казались либо скромными въ великолѣпной тѣни защитника, либо просящими, съ фальшивыми улыбками на устахъ, съ нервно сжатыми челюстями. Одинъ крестьянинъ, съ хитрымъ и недовѣрчивымъ видомъ, все начиналъ съ начала разсказъ о своемъ дѣлѣ, то и дѣло останавливая своего блѣднаго и мрачнаго адвоката, и когда послѣдній отвѣчалъ ему, то мужикъ изъ-подъ своей сѣрой шляпы становился необыкновенно внима-

тельнымъ и ловилъ каждое слово, точно подбиралъ сокровища. На высокихъ желтыхъ скамьяхъ сидѣли посѣтители въ боязливыхъ и нервныхъ позахъ. Какая-то женщина, очень оживленная, отряхала свои длинныя юбки, другая, съ головой убійцы, съ пятнистымъ носомъ и страшными черными безпокойными и порочными глазами, говорила какимъ-то жидкимъ контральто; нѣкоторые сидѣли по угламъ, какой-то старикъ упорно читалъ повѣстки пятой камеры; а съ улицы доносился шумъ прохожихъ, врываясь черезъ широко открытыя двери въ залу и смѣшиваясь съ ея гуломъ.

Малико сидѣлъ здѣсь уже съ полчаса, серьезный и необыкновенно сдержанный. Онъ не волновался, холодное спокойствіе сковало мысль, и въ душѣ жило одно только твердое и неизмѣнное рѣшеніе. Время отъ времени онъ, однако, вздрагивалъ: тогда ему становились невыносимыми два огромныхъ окна, открытыя на солнечную сторону. Онъ двигался тихо, не стуча каблуками, и вниманіе его останавливалось на сторожѣ, сидѣвшемъ у двери, на часовомъ за окнами внизу, въ галлереѣ, на двухъ городовыхъ у стѣны, но въ особенности на толстомъ, рыхломъ адвокатѣ, выслушивавшемъ что-то безконечное отъ какого-то словоохотливаго кліента. Адвокатъ былъ Жюль Дельферьеръ, младшій братъ товарища прокурора, и Малико, часто бывая въ палатѣ, зналъ, что прокуроръ, по пути въ уголовный судъ, неизмѣнно заходилъ поздороваться съ братомъ.

Прошло еще нѣсколько времени, и Малико усталъ уже смотрѣть на статую „Forum et Jus“, съ вытянутой впередъ въ глупой театральной позѣ головой оратора.

Онъ нервно прошелся въ сторону входной двери, мрачно вглядываясь въ нее. Сторожъ дремалъ, вошло два новыхъ посѣтителя, обливаясь потомъ и тяжело отдуваясь. Въ залѣ появились еще два городовыхъ, въ сопровожденіи сержанта, что нѣсколько встревожило молодого человѣка. Но вдругъ онъ вздрогнулъ и отошелъ отъ двери. Рука его съ мягкимъ и кроткимъ жестомъ, какъ въ агоніи, прошлась по сюртуку. Пріѣхалъ *онъ*.

Прошло нѣсколько страшныхъ секундъ, и волненіе снова охватило Малико. Весь побѣлѣвъ, онъ смотрѣлъ пристально на дверь, гдѣ стоялъ Дельферьеръ.

Въ противоположность своему младшему брату, онъ былъ высокъ ростомъ, съ холодными глазами и съ розовымъ изгибомъ на мѣстѣ губъ. Его видъ вызвалъ ненависть въ сердцѣ революціонера. Вотъ этотъ сухой и жесткій человѣкъ, съ лицомъ тирана, поистинѣ заслуживаетъ смерти. Но вотъ Альфонсъ Дельферьеръ уже обмѣнялся руко-

пожатіемъ съ Жюлемъ, и оба остановились, тихо разговаривая.

Тогда Малико быстро вынулъ изъ бокового кармана большой конвертъ, запечатанный красной печатью. Онъ прислонился къ фонарю, волнуясь однимъ только злымъ чувствомъ: почему, несмотря ни на что, онъ не испытываетъ сознанія своего превосходства надъ всѣми этими адвокатами, въ особенности надъ обреченнымъ прокуроромъ? Напротивъ, въ глубинѣ души было какое-то смутное уваженіе, какое-то умиленіе простого человѣка изъ народа передъ высотой положенія. И это въ ту самую минуту, когда онъ, судья, готовился выполнить приговоръ революціи.

Братья продолжали разговаривать, а „кліентъ", почтительно протянувъ одной рукой пакетъ съ красной печатью, другую, сухую и холодную, опустилъ внизъ и ждалъ конца бесѣды. Нервное состояніе усилилось, и Малико, отойдя отъ фонаря, нетвердыми шагами и съ холодомъ въ спинѣ, снова принялся ходить взадъ и впередъ.

Наконецъ, разговоръ кончился, и адвокатъ, и прокуроръ простились. Вдругъ прокуроръ увидѣлъ передъ собой мертвенно-блѣднаго молодого человѣка, съ лихорадочно блестящими глазами; Малико подалъ ему запечатанный конвертъ.

— Что это?—спросилъ онъ съ неопредѣленной тревогой.

— Прошеніе,—отвѣчалъ Малико.

— Прошеніе... ко мнѣ?

— Да, сударь.

Прокуроръ недовѣрчиво смотрѣлъ на конвертъ. Правую руку Малико осторожно засунулъ въ карманъ сюртука, все еще держа въ лѣвой пакетъ. Альфонсъ Дельферьеръ рѣшился, наконецъ, взять конвертъ изъ любопытства и сказалъ отрывисто:

— Хорошо... Я его прочитаю.

Но въ рукѣ Малико вдругъ что-то блеснуло, и онъ прицѣлился въ поблѣднѣвшее лицо прокурора.

— Что!.. Что такое!..—вскричалъ Дельферьеръ.

Курокъ спустился, сверкнулъ огонь и взвился дымокъ. Выстрѣлъ громко пронесся по каменному залу, и прокуроръ, покачнувшись, упалъ навзничь съ громкимъ крикомъ.

— Да здравствуетъ анархія!—оглушительно закричалъ Малико, возбужденный ужасомъ и энтузіазмомъ.

Въ большой залѣ поднялась страшная суматоха. Одинъ изъ городовыхъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, трое остальныхъ и національный гвардеецъ подбѣжали поближе. Два толстыхъ адвоката подскочили съ испугу, чей-то женскій голосъ отвратительно визжалъ, а тѣ, что были вдали, со

страхомъ спрашивали, что случилось. Жюль Дельферьеръ, среди волненія черныхъ тогъ адвокатовъ, поднялъ обѣ руки и вопилъ:

— Взять его!.. О, негодяй!.. Негодяй!..

Между тѣмъ, Малико въ теченіе этихъ страшныхъ минутъ не чувствовалъ ни угрызеній совѣсти, ни сожалѣнія. Его обуяла огромная радость, осанна великаго торжества звенѣла въ его мозгу. И вдругъ страшная мысль пришла ему въ голову: у него осталось еще пять пуль, почему не расширить свое дѣло? Его безумные глаза стали блуждать по залу и замѣтили Жюля Дельферьера, со слезами подбѣжавшаго къ городовымъ.

Онъ хладнокровно прицѣлился въ него. Пуля пролетѣла надъ головами, а Дельферьеръ, обезсиленный, съ отхлынувшей къ сердцу кровью, остался, какъ вкопанный.

Малико, неумолимый, все подвигался впередъ. Городовые отступили.

— Да здравствуетъ анархія!.. Да здравствуетъ анархія!..

И третья пуля, выпущенная вѣрнѣе, слегка оцарапала плечо адвоката. Страхъ придалъ скорость ногамъ толстяка, и, подскочивъ, онъ убѣжалъ, ревя, какъ быкъ на скотобойнѣ. Изъ пятой камеры высунулось двое судей, въ корридорѣ слышался топотъ убѣгающихъ людей, а Малико, намѣтивъ уже двухъ другихъ дородныхъ адвокатовъ, прицѣлился, но промахнулся. Началось поголовное бѣгство; непреодолимый, паническій страхъ охватилъ всѣхъ этихъ людей въ тогахъ. Между тѣмъ, двое городовыхъ, въ сопровожденіи одного изъ молодыхъ адвокатовъ и старика воинственнаго вида, наступали на убійцу. Женщина перестала кричать, потому что упала въ обморокъ.

— Да здравствуетъ анархія!

Отодвинувшись къ статуѣ, чтобы избѣжать засады, весь вытянувшись, безъ содроганія, Малико мысленно выбиралъ между самоубійствомъ и новымъ покушеніемъ. Но мысль объ уголовномъ судѣ, о могучихъ словахъ, что онъ броситъ въ лицо судьямъ и буржуазіи, отклонила его отъ смерти.

— Да здравствуетъ соціальная революція!

Раздался выстрѣлъ, и среди оцѣпенѣлой отъ ужаса залы адвокатъ, съ простреленной ногой, упалъ на полъ. Но въ дверяхъ уже нѣсколько секундъ стоялъ солдатъ, прицѣлившійся въ Малико.

Всѣ бросились въ сторону; позади солдата стоялъ одинъ изъ судей, въ красной мантіи. Раздался выстрѣлъ, пуля задѣла революціонера и врѣзалась въ мраморное углубленіе. Въ то же время одинъ изъ городовыхъ закричалъ:

— Не стрѣляйте... онъ безоруженъ!

Агенты уже напали на Малико и жестоко скрутили ему руки. Вошли національные гвардейцы и солдаты и окружили анархиста. Малико, впрочемъ, не пытался сопротивляться и спокойно подставилъ свои руки подъ связки. Вокругъ него раздавались безумныя проклятія.

— Негодяй!.. Каналья!.. Неужели не отрубятъ голову этой свиньѣ?.. Бандитъ!.. Болванъ!.. Мерзавецъ!

Невозмутимый, гордый, съ холоднымъ и тяжелымъ взглядомъ, онъ мысленно былъ далекъ отъ окружающей толпы, и его спокойствіе выводило изъ себя трусовъ, сжимавшихъ кулаки, чтобы отколотить его.

— Господа!.. Господа!..—успокаивали агенты.

Знакомые съ соціалистическими ученіями, многіе изъ адвокатовъ могли еще понимать, почему убиваютъ буржуа, промышленниковъ, но—стрѣлять въ нихъ, въ работниковъ-индивидуалистовъ! Одинъ блѣдный юристъ, радикалъ въ душѣ, не могъ скрыть своего возмущенія.

— За что стрѣлять въ людей, занимающихся либеральной профессіей?

— Вы всѣ продались буржуазіи!—отвѣчалъ мрачно Малико.

— Идіотъ!

И надъ лицами, еще выражавшими ужасъ, поднимались кулаки съ профессіональнымъ высокомѣріемъ. Были и спокойныя, философскія лица. Крестьянинъ въ сѣрой шляпѣ не особенно огорчился при видѣ всей сцены и находилъ, что молодецъ, стрѣлявшій въ этихъ господъ въ черныхъ платьяхъ, должно быть, не робкаго десятка. Тѣмъ не менѣе, онъ вмѣстѣ съ другими кричалъ, боясь, какъ бы молчаніе не принесло ему бѣды.

— Ахъ ты, негодяй!

Но вдругъ всѣ притихли: вошелъ прокуроръ. Передергивая плечами, охваченный въ одно и то же время гнѣвомъ, и профессіональнымъ аппетитомъ, возбужденный такимъ необыкновеннымъ дѣломъ, онъ сталъ снимать допросъ. Сначала общій гулъ сильно затруднялъ дѣло. Приходъ доктора, маленькаго, нервнаго, подвижного человѣчка съ лысой головой, увеличилъ безпорядокъ. Такъ какъ уличный шумъ усилился, и уже весь Парижъ былъ въ волненіи отъ разыгравшейся трагической исторіи, то огромная толпа устремилась въ зданіе суда и наполнила галлерею. Поэтому докторъ распорядился закрыть входныя двери.

— Велите запереть ворота!—вскричалъ прокуроръ.—Не пропускайте никого, кромѣ тѣхъ, у кого спѣшныя дѣла...

Склонившись надъ Дельферьеромъ, докторъ старался привести его въ чувство. Воцарилось торжественное молчаніе;

головы обнажились, и сотни лицъ изображали почтительность и сострадательное негодованіе.

— Онъ живъ! — сказалъ докторъ. — Онъ только безъ чувствъ.

Жюль Дельферьеръ громко всхлипнулъ.

— Мой бѣдный братъ... Мой бѣдный Альфонсъ!..

Онъ всталъ на колѣни и, съ крупными слезами на рѣсницахъ, взялъ руки раненаго.

Но докторъ отстранилъ его и всѣхъ остальныхъ.

— Рана не смертельна... Я требую немедленнаго перенесенія больного.

Прокуроръ знакомъ выразилъ согласіе, и четыре національныхъ гвардейца съ трудомъ подняли товарища прокурора, начавшаго уже приходить въ себя. Жюль послѣдовалъ за нимъ, трепеща при мысли, что онъ тоже чуть не попалъ въ такое же положеніе, и, счастливо избѣгнувъ опасности, испытывалъ смутное удовольствіе, какую-то животную радость жизни.

На одной изъ дубовыхъ скамеекъ лежалъ другой раненый, адвокатъ Ламазюръ, одинъ изъ лучшихъ защитниковъ, и съ мучительными стонами ждалъ доктора. Наконецъ, тотъ подошелъ къ нему.

Молодой адвокатъ и кандидаты окружали раненаго съ преувеличенной тревогой на вытянутыхъ лицахъ и сочувственно перешептывались.

— Какой негодяй!

— Покушеніе... и на такого человѣка!

— Это не только покушеніе на собственность... Это покушеніе на талантъ, на геніальность.

Они толпились вокругъ Ламазюра, желая, чтобъ онъ видѣлъ ихъ горе, чтобъ вспомнилъ объ этомъ при случаѣ, а соперники оратора выражали сочувствіе, въ глубинѣ души радуясь случившемуся съ нимъ.

Въ это время предварительный допросъ Малико подвинулся впередъ.

Анархистъ хранилъ суровый видъ плѣненнаго вождя, полный презрѣнія и гордясь посѣяннымъ смятеніемъ и испугомъ.

На первые вопросы онъ, однако, отвѣтилъ: назвалъ свое имя, возрастъ, гдѣ родился, но потомъ замолчалъ, нетерпѣливый и усталый, разозленный высокомѣрнымъ тономъ прокурора.

— Я больше не буду отвѣчать передъ этой кучей болвановъ.

— Подсудимый!.. Предлагаю вамъ...

— Да вѣдь я все сказалъ, чортъ возьми! Все! Отстаньте отъ меня!.. Я потомъ отвѣчу... когда захочу...

— Подсудимый...

Малико возмутился и закричалъ во весь голосъ:

— Да здравствуетъ анархія!.. Да здравствуетъ анархія!..

— Отлично,—отвѣтилъ прокуроръ,—мы...

— Да здравствуетъ анархія!..—оборвалъ его дикій крикъ.— Смерть бандитамъ!..

— Я васъ заклинаю...

— Смерть бандитамъ!.. Да здравствуетъ анархія!

Пришлось его увести. Онъ ушелъ медленно, бодро, выкрикивая свой воинственный и суровый кличъ среди смущенія и смертельнаго страха, обуявшаго людей въ тогахъ. Казалось, отнынѣ они каждый день должны были ждать чего-нибудь ужаснаго, готоваго разразиться надъ ними, и дико нарушить миръ всѣхъ этихъ людей Кодекса и Слова.

КНИГА V.

I.

Элье переживалъ тягостную минуту своего существованія, одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда мозгъ отказывается отъ логическаго мышленія. Бродя по комнатамъ, онъ то и дѣло останавливался, открывая и закрывая выходящія окна на холмы или укрѣпленія. По небу быстро носились облака. Они появлялись и таяли, исчезая въ пространствѣ, блѣдныя на зенитѣ, быстрыя и болѣе темныя на горизонтѣ. Вѣтеръ все усиливался и болѣе и болѣе приводилъ въ возбужденіе Элье. Онъ чувствовалъ себя рабомъ стихій, съ приливами счастья и съ быстрыми мрачными отливами, когда его начинала охватывать мысль о смерти. По улицѣ проѣзжало много телѣгъ, и это минутами развлекало Элье.

Но улица ему надоѣла, и онъ взглянулъ вдаль, черезъ крыши низкихъ домиковъ, за городъ. Едва замѣтная растительность, какъ пелена, прорѣзывалась золотистыми и красными пятнами. Деревушка сверкала бѣлизною своихъ домовъ, и все подернуто было синеватой дымкой, придавая особое очарованіе этому огромному пространству. У подножія холма дремалъ на солнцѣ поселокъ: можно было различить блестящія крыши, длинную зеленую поляну, мэрію и ужасную фабрику съ черной трубой, въ видѣ тонкаго короткаго конуса, точно покрытый сажей обелискъ.

Мучительно вздохнувъ, Элье прошепталъ:

Souléve de ta main qui tremble,
Le voile fin de souvenir! *).

Дѣти ушли гулять, и внезапная жажда ихъ ласки охватила Элье и вызвала слезы на его рѣсницы. Вдругъ послышался колокольчикъ.

— Не пришелъ ли кто-нибудь разогнать мою скуку?— прошепталъ онъ.—Здравствуйте, Ева!—сказалъ онъ, отворивъ дверь.

Это, дѣйствительно, была Ева, и онъ улыбнулся отъ безсознательнаго удовольствія.

— Г-жи Альда нѣтъ дома?—спросила она.

— Она пошла гулять съ дѣтьми... Но войдите-же.

Она вошла, смущенная, что находится съ нимъ наединѣ, и когда онъ заперъ дверь, по тѣлу ея пробѣжала пріятная холодная дрожь.

— Я принесла выкройку для Жанны,—сказала она,—и потомъ у меня очень грустная новость.

— А!... Какая-же?

Онъ усадилъ ее передъ окномъ. Глаза дѣвушки, устремленные на него, были такъ прекрасны и полны нѣжности, что онъ слегка покраснѣлъ. Душная атмосфера возбуждала обоихъ; съ улицы доносился заглушенный шумъ; грохотъ телѣгъ то оглушалъ, то замиралъ.

— Говорятъ, Малико будетъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ,—сказала Ева.

— Кто это говоритъ?

— Его адвокатъ. Я встрѣтила гражданина Шайю, возвращавшагося изъ палаты...

— Ахъ, бѣдный юноша!

Уже съ мѣсяцъ Ева съ радостью видѣла, что Элье тревожится за Малико. Ее это приблизило къ нему: въ ея душѣ сразу исчезли всѣ сомнѣнія насчетъ истиннаго человѣколюбія Элье. Она не видѣла въ немъ больше холодности къ народу, спокойной покорности передъ безмѣрными страданіями,—она, напротивъ, открыла въ немъ почти религіозную любовь къ униженнымъ, и ей нравилось теперь разспрашивать у него о мечтахъ его юности, разрушенныхъ стихійной и человѣческой жестокостью. Безсознательно, опутанный незамѣтной нѣжностью, онъ поддавался на ея наивные разспросы; по вечерамъ, наблюдая вмѣстѣ парижское небо, онъ говорилъ съ нею о міро-

*) Подыми своей трепещущей рукой
Завѣсу тонкую воспоминанья.

зданіи, называлъ имена звѣздъ и, мало-по-малу, переходилъ въ довѣрчивый тонъ, разсказывалъ о путешествіяхъ раннихъ лѣтъ, о книгахъ, читанныхъ въ чащѣ лѣса, унося Еву въ обширныя пустыни, на неизвѣстныя рѣки, на острова Тихаго океана. Очаровательная дѣвушка слушала его съ горящими глазами, блуждавшими въ синевѣ небесъ, съ открытымъ отъ изумленія ртомъ, опьяненная мыслью о необъятномъ мірѣ, страстно вѣря, что тамъ, далеко за горизонтомъ, лежатъ эти прекрасныя и дѣвственныя страны.

Въ немъ по отношенію къ ней жила покровительственная дружба. На возможности болѣе нѣжнаго чувства онъ не останавливался вовсе, отдавшись крупинкѣ счастья при видѣ дѣтскаго восторга этого очаровательнаго существа, готоваго всегда его слушать. Онъ говорилъ нѣсколько проповѣдническимъ тономъ, выражаясь строгими и увлекательными образами.

— Вы давно знаете Малико?—спросила Ева послѣ минуты молчанія.

— Уже два года.

— Часто вы его видали?

— Разъ двадцать видѣлъ.

— И это все?

— Все.

— Тогда почему же вы такъ имъ интересуетесь?

— Я люблю его душу.

— Вотъ какъ!—вскричала она.

Она представила себѣ Малико, его молчаливость дикаря, прерываемую только воинственными возгласами, его сухую, жесткую фигуру, мрачную силу. Она вдругъ вспомнила бульваръ Монпарнассъ и удовольствіе, съ какимъ Малико слушалъ Элье. И какая-то неопредѣленная радость, нѣжная и странная, охватила ее,

— Я довольна!—вскричала она.

— Чѣмъ?—спросилъ Элье съ удивленіемъ.

Смутившись, она опустила голову и ничего не отвѣтила, а Элье старался отгадать смыслъ ея восклицанія. Тонкій туманъ сталъ спускаться на землю, точно кисеей подернулись вершины на горизонтѣ, и легкій вѣтерокъ пролетѣлъ по долинѣ.

Оба съ удовольствіемъ вдыхали запахъ дождя. Онъ величественно, нѣсколько впередъ, склонилъ свою голову: свѣжая кожа лица, глаза, полные внутренняго сіянія, усы и борода мягкаго чернаго цвѣта. Ева, съ полуоткрытыми губами, глядѣла на него, думая, что никогда еще не видала его красивѣе.

— Посмотрите-ка, Ева, на этотъ уголокъ!

Повернувшись къ ней, онъ увидѣлъ, что она наблюдаетъ его.

Она не сейчасъ опустила глаза, робкіе и смѣлые въ одно и то же время. Она поблѣднѣла отъ сильнаго біенія сердца. Онъ почувствовалъ, что и ему передалась эта тревога, и глубокое безпокойство, страшное и плѣнительное, закралось въ его сердце.

— Надѣюсь, мама укрылась куда-нибудь съ дѣтьми отъ дождя!—вскричалъ онъ.

— Я въ этомъ увѣрена,—отвѣчала Ева.

Смущеніе все еще не проходило у Элье, смѣшиваясь съ впечатлѣніемъ какой-то перемѣны, и онъ высунулъ изъ окна свою горячую голову.

Дождь почти прекратился. Грозовое облако спустилось надъ паркомъ С.-Уанъ. Другія проносились надъ нимъ, расправляя свои трепещущія крылья, окрашенныя по краямъ фосфорическимъ свѣтомъ. На Монмартрѣ раскрылись окна, и женщины, боясь грозы, тѣмъ не менѣе, съ наслажденіемъ вдыхали освѣжившійся воздухъ.

Ева въ неровномъ разсѣянномъ свѣтѣ тихо улыбалась, торжествуя отъ смущенія Элье. Наэлектризованная, нервная и возбужденная, она чувствовала легкое давленіе въ мозгу.

— Вы развѣ очень любите дождь?—спросила она.

Голосъ ея былъ нѣженъ, но твердъ и смѣлъ.

— О! дождь!—отвѣчалъ онъ...—туманъ... болотистые пейзажи... выбоины на грязныхъ дорогахъ, сильный сырой вѣтеръ и мягкіе звуки промокшей земли!..

По мѣрѣ того, какъ онъ медленно и звучно произносилъ слова, Ева точно видѣла картины, находила въ нихъ новое великолѣпіе и влюблялась въ эти водяные пейзажи.

Онъ прервалъ себя и выпрямился во весь ростъ. Въ полутемной комнатѣ рѣяли еще его разсказы о сложныхъ приключеніяхъ. Потомъ, по аналогіи, онъ вспомнилъ Малико.

— Бѣдный Малико! А между тѣмъ, прекрасная личность... непреодолимое стремленіе видѣть счастливыми другихъ... и вотъ!

— Но его примѣръ!—отвѣчала Ева.

— Его примѣръ? Примѣръ воина изъ Дакоты... примѣръ прекраснаго варвара... способенъ только возбудить неуравновѣшенныя головы! Въ сущности, революція, ожидаемая завтра анархистами... это счастливый случай, билетъ въ лоттереѣ хаоса, надежда на Провидѣніе, ожиданіе чуда, вѣра въ святыхъ.

Она смотрѣла на него, блѣдная, съ широко раскрытыми глазами.

— Мы ее совершимъ...

Онъ сталъ смѣяться, и въ его смѣхѣ опять проявилось снисходительное отношеніе къ слабости женскаго мозга. Несмотря на это, она не разсердилась и почувствовала, что все ея возбужденіе испарилось въ сладостномъ инстинктѣ рабыни.

— Вы меня презираете!—сказала она мило.

— Я?.. О, дорогое дитя!

Онъ серьезно началъ говорить, какъ уважаетъ ее, съ какимъ дружескимъ расположеніемъ видитъ ее въ своей семьѣ, сколько утѣшительныхъ минутъ доставило ему отвѣчать на ея вопросы и видѣть, какъ она восторгается прекрасными созданіями природы. Нѣсколько искусственно онъ сталъ восхвалять ея умъ, находилъ въ немъ логику, способность къ абстракціи и незамѣтно заговорилъ о женщинѣ и мужчинѣ вообще. Трепетными фразами, съ искреннимъ и кроткимъ выраженіемъ, онъ разсказалъ старинную поэму о дѣтяхъ, удивлялся той, что не любитъ гнѣзда, ненавидитъ дѣтей и большую часть радости жизни посвящаетъ пустому тщеславію.

Слушая старинные разсказы Элье, оживленные его увлеченіемъ, Ева по-женски разволновалась и вся трепетала отъ любви.

Онъ тихо положилъ руку на плечо дѣвушки, и, подъ этимъ легкимъ давленіемъ, она чуть не лишилась чувствъ; вся ея гордость пропала, но она все же произнесла:

— Въ такомъ случаѣ, женщина должна быть животнымъ!

— О!—воскликнулъ онъ.—Женщина должна прогрессировать вмѣстѣ съ мужчиной. По мѣрѣ развитія человѣческой массы, она также не должна отставать, даже въ математикѣ и въ физическихъ наукахъ.

— Развѣ женщина не можетъ интересоваться соціальнымъ прогрессомъ?

— Она должна имъ интересоваться... но согласно своей природѣ... не какъ отдѣльнымъ дѣломъ.

— Въ такомъ случаѣ я была неправа?

— Неправы.

Они замолчали. Вдали на горизонтѣ выдѣлялись омытые холмы, срѣзанные на тонкихъ темно-лиловыхъ верхушкахъ желтовато-сѣрыми полосами. Маленькій лѣсокъ весь былъ проникнутъ свѣтомъ, деревни, спрятанныя между холмами, ясно выдавались фасадами своихъ домовъ, и одно только мѣсто на всемъ пейзажѣ было совершенно свѣтло, попавъ подъ лучи свѣта, вырвавшагося сквозь тучи.

— Неужели же онѣ, бѣдныя, такъ и умереть должны

безъ всякой надежды! — воскликнула Ева изъ глубины души.

Этотъ возгласъ глубоко взволновалъ Элье, и, взглянувъ на Еву, онъ сказалъ:

— Вы мнѣ причиняете страданіе!

И, понизивъ голосъ, грустно продолжалъ:

— Существуетъ высшая цивилизація... гдѣ много хлѣба... огромное количество неиспользованныхъ силъ... Наука тамъ такъ далеко ушла впередъ, что она можетъ уже разрѣшить задачу, какъ сдѣлать такъ, чтобы у всѣхъ былъ кровъ и пища... И тѣ, кто наверху, безумцы, и безумцы тѣ, что стоятъ внизу... и всѣ не хотятъ знать этого... Боже мой, дорогое дитя! Если бы народъ не олицетворялъ инстинкта... то, несомнѣнно, можно было бы надѣяться на мирное разрѣшеніе этой задачи... Но природа медленно ткетъ ткани листьевъ... Народъ будетъ двигаться впередъ съ соціальнымъ благоразуміемъ постепенно, какъ постепенно выростаетъ былинка изъ земли... и ничего нельзя сдѣлать противъ медленнаго теченія эволюціи...

Онъ остановился и поблѣднѣлъ. Прежнее волненіе сжало ему сердце при видѣ большихъ, широко открытыхъ глазъ дѣвушки, устремленныхъ на него. Онъ не могъ подавить своего смятенія. Въ первый разъ при немъ она почувствовала близкое торжество и, склонивъ голову, упивалась счастьемъ неизмѣримой надежды. Оба умолкли въ нервномъ возбужденіи, и наиболѣе робкимъ теперь былъ онъ, захваченный врасплохъ. Онъ сожалѣлъ о чемъ-то чистомъ и прекрасномъ, что умерло въ немъ подъ напоромъ вѣчно живой природы.

Молчаніе продолжалось, и оба тщетно искали словъ для разговора. Наконецъ, она первая подняла глаза. Ей стало страшно: можетъ быть, она обманулась? Нѣтъ, онъ по прежнему былъ взволнованъ, вѣки нервно вздрагивали, руки едва замѣтно дрожали. Ева слегка улыбнулась, и на лицѣ ея мелькнуло выраженіе женскаго торжества. По инстинктивной деликатности, она поняла, что ей пора уходить и оставить его одного разбираться въ своихъ тревожныхъ мысляхъ.

— До свиданія!—сказала она вполголоса, подымаясь со стула.

— Вы уходите?—пробормоталъ онъ.

Элье неловко проводилъ ее до двери, нѣсколько мгновеній прислушивался къ мягкому шелесту ея платья по лѣстницѣ; потомъ, перейдя въ кухню, прислонился къ стѣнѣ и погрузился въ свои думы.

II.

Равьеръ и Элье шли по улицѣ Лафайетъ. Старикъ въ маленькой шапкѣ въ видѣ гриба на большой головѣ разсказывалъ, какъ въ Новой Каледоніи среди изгнанниковъ вдругъ стала развиваться цивилизація.

— Да... въ 76 году, когда мы увидѣли, что амнистія отложена на неопредѣленное время, то... мы стали желать хорошей жизни. До этой минуты намъ было наплевать. Никто не думалъ о будущемъ. Куда! все время намъ казалось, что мы живемъ на бивуакахъ, въ палаткахъ: постоянно ждали этой гнусной амнистіи... Но, чортъ возьми! Когда мы поняли, что такъ можетъ длиться вѣчно, у насъ черезъ полгода появились крѣпкіе напитки, фильтры, цѣлый водоочистительный складъ, гренадинъ и всякія прелести... Начали украшать дома, устраивать спектакли, былъ даже гончарный заводъ, да-съ... И очень хорошо оборудованный!.. Всѣ мужчины, знавшіе дѣло, принялись за работу, а остальные, конечно, изъ самолюбія, принялись учиться. Настоящее новое общество въ концѣ концовъ... прогрессъ!.. Появились даже негодяи, обманывавшіе насъ и отнимавшіе у насъ прибыль отъ нашей работы... Да! чортъ возьми! буржуи сунули свой носъ съ ростовщическими вожделѣніями!

Довольный разсказомъ, Элье сталъ разспрашивать о подробностяхъ. Равьеръ, со своими остановками на тротуарахъ при поворотѣ улицъ, съ жестами, подчеркивающими слова, вызывалъ удивленіе прохожихъ. Боковыя узкія улицы тянулись между высокими стѣнами подъ безоблачнымъ небомъ, какъ подъ воздушной рѣкой, на землѣ отражались тѣни высокихъ трубъ. Равьеръ разсказывалъ, какъ они радовались чистой водѣ послѣ отвратительнаго пойла—солеповатой воды; въ особенности, возстановили ихъ силы овощи, поправивъ желудки, отравленные консервами.

— А главное было: собственный тѣнистый уголокъ, собственными руками посаженная зелень!..

Передъ ними тянулась длинная улица, въ туманно-зеленой дали которой возвышалась башня, какъ огромная скала въ концѣ ущелья.

— Пойдемте въ скверъ, хотите?—спросилъ Элье.

— Идемъ,—отвѣчалъ Равьеръ.

Онъ продолжалъ описывать свою хижину, мебель, свой досугъ, возникавшія и распадавшіяся сообщества, шпіоновъ.

— Въ нашу среду ввели цѣлую кучу подлецовъ, ка-

торжниковъ, переодѣтыхъ въ революціонеровъ... Молодцы эти ничего не боялись... дрались они лучше всѣхъ... одинъ въ особенности, громадный, отвратительный субъектъ! Ну, вотъ шестеро нашихъ сговорились избить его... И задали же они ему! Больше къ намъ онъ не возвращался... начальство отозвало его.

Въ скверѣ было тихо: съ однообразными всплесками воды билъ фонтанъ, усыпляя и умиротворяя мысль. Три каменныхъ ангела выступали въ сумеркахъ наступающаго вечера, каштаны засыпали, шелестя своей мрачной и строгой зеленью, церковь уходила въ небо, теряясь вверху своей верхушкой, а въ окнахъ домовъ вокругъ сквера зажглись уже кое-гдѣ огни, открывая сквозь тюлевыя и кисейныя занавѣски интимную жизнь обывателей. Одно окно было открыто; сквозь него виднѣлся розовый потолокъ, молочно-бѣлый конусъ абажура надъ желтоватымъ пламенемъ и чье-то лицо, склонившееся надъ столомъ. Элье мысленно вошелъ въ эту комнату, представляя себѣ жизнь въ ней, и страстно захотѣлъ покоя и уединенія.

— Скажите, а очень плохо приходилось вамъ отъ этихъ негодяевъ?—спросилъ Элье умолкнувшаго Равьера.

— О! — вскричалъ Равьеръ. — Вы себѣ и представить не можете всей подлости Тьера. И чтобы насъ обезчестить,—я нисколько не преувеличиваю,—предатель въ Парижѣ устроилъ каторгу! Онъ самъ въ этомъ сознался впослѣдствіи.

— Это вѣрно!

— Какъ и всѣ другія подлости этого негодяя... Развѣ безъ него дѣло было бы доведено до крайности? Если бы въ одинъ прекрасный день, ни съ того, ни съ сего мы пошли бы на миръ, онъ сдѣлалъ бы намъ какую нибудь уступку?.. Какъ бы не такъ! Онъ хотѣлъ залить кровью этотъ миръ и залилъ его кровью тридцати тысячъ разстрѣлянныхъ федералистовъ!.. У! собака... Они были увѣрены, что соціализмъ умеръ отъ этого удара... Я и самъ думалъ одну минуту... Да, буржуи сильно вѣрили... Но соціализмъ возрождается. О, какъ революція оперилась съ того времени! Быть можетъ, я не увижу ея конца, но, повѣрьте, справедливость не умерла... Каторгу я могъ бы характеризовать вамъ сотней примѣровъ... Да, вотъ одинъ, я слышалъ его отъ несчастнаго Северэна. Онъ прибылъ на корабль федералистовъ съ цѣлой толпой. Капитанъ, благородный человѣкъ, какъ сейчасъ увидите, принялъ ихъ не особенно ласково: прибывшіе страшно ругались... Намъ-то ужъ въ это время бояться было нечего... Вдругъ послѣ похлебки являются два сторожа изъ централки.

— Что вамъ здѣсь нужно?—спрашиваетъ капитанъ.

— Мы пришли поискать нашихъ пансіонеровъ.

— Что такое! какихъ вашихъ пансіонеровъ?

— Да, капитанъ, освобожденныхъ пансіонеровъ.

— Гмъ, освобожденныхъ... Что вы мнѣ толкуете? Почему освобожденныхъ?

— По приказанію свыше, капитанъ.

Мой капитанъ пришелъ въ ярость.

— Ахъ, чортъ возьми! Это ужъ слишкомъ!.. Выпускаютъ разбойниковъ на Парижъ, потомъ затѣваютъ исторіи... Хорошо, нечего сказать... Какая низость!.. Ну, живо, разыщите вашихъ клоповъ и убирайтесь вонъ, очистите мой корабль.

Тутъ мои смотрители стали пристально всматриваться въ лица и выбрали шестнадцать человѣкъ уголовныхъ... шестнадцать изъ централки! Что вы на это скажете? Когда ихъ увели, капитанъ выставилъ всѣхъ насъ на мостикъ и сказалъ:

— Господа, извините меня, я вижу теперь, кому долженъ вѣрить, и сообразно съ этимъ буду поступать съ вами.

Дѣйствительно, онъ дѣлалъ все возможное, но корабль былъ такъ загрязненъ, провизія такая плохая, что при всей своей доброй волѣ онъ не могъ сдѣлать пріятнымъ пребываніе на немъ... Фамилія капитана—Шамро... живетъ на улицѣ Четвертаго Сентября... Ну, какъ по-вашему, развѣ это не ужасно?

— Это вполнѣ во вкусѣ Тьера! Отвратительная обезьяна! Пойдемте на Биржу?

— Отлично.

Они шли тихо, съ удовольствіемъ толкаясь во всемірной толпѣ парижскихъ улицъ, столь отличающейся лѣтомъ отъ обыденной толпы. Неопредѣленность тѣней на площади Оперы, на бульварахъ, ясени, освѣщенные заходящимъ солнцемъ, красивые кіоски съ газетами, обвѣшанные разноцвѣтными афишами дома, уходящіе въ высь своихъ потемнѣвшихъ крышъ,—все ласкало взоръ Элье, смягчало его душу.

— Я хотѣлъ бы всюду видѣть фруктовыя деревья въ мѣстахъ нашихъ прогулокъ!—сказалъ Равьеръ.—Вѣдь столько земли пропадаетъ даромъ, ничего не принося.

— Вы меня пугаете!—вскричалъ Элье.

— Я стою за то, чтобы всѣ уголки земного шара приносили что-нибудь съѣдобное... чтобы оставалось только наклониться и поднять плодъ или овощь! И это васъ пугаетъ?

— Страшно!

— Меня удивляетъ это!

— Ну, конечно!.. Это идея варвара!.. Это значитъ предположить, что могущество человѣка такъ ничтожно! Въ какое отчаяніе можно было бы прійти, если бы, кромѣ огородовъ и фруктовыхъ садовъ, нельзя было любоваться ничѣмъ другимъ!

Равьеръ съ тревогой взглянулъ на своего спутника.

— Варварская идея? Но вѣдь это для всеобщаго благополучія!

— Боже мой!.. Это-то и приводитъ меня въ ужасъ. Какое благополучіе? Какъ строитель, вы на самомъ дѣлѣ загоняете прогрессъ въ кроличій садокъ... О, нѣтъ! Позвольте намъ лучше мечтать о разнообразномъ, красочномъ счастьи!

Они дошли до улицы Вивьенъ, направились вдоль нея, и коммунистъ началъ слѣдующую главу своего разсказа.

— Бонапартисты? Они всѣ сидятъ въ префектурѣ... всѣ! Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго... Какъ только туда вступаетъ молодой, остальные, старики, тотчасъ же начинаютъ твердить ему:

„Вотъ при имперіи, вотъ когда было хорошо! Вотъ тогда-то всѣ передъ нами дрожали".

— А, между тѣмъ, Республика повысила содержаніе агентамъ на 160 франковъ. Но взятки... взятокъ больше нѣтъ!.. Можетъ быть, еще кое-гдѣ, то тамъ, то сямъ перепадаетъ... но теперь арестованные отказываются давать на табакъ за свое освобожденіе. Они предпочитаютъ появляться передъ судьями. О! табакъ—это совсѣмъ не то, что 160 франковъ прибавки! Тоже надо видѣть полицейскіе участки: какая кротость въ обращеніи съ бонапартистами и легитимистами... это честные люди... сливки общества!.. Но попадись имъ демократъ, нѣтъ, просто даже умѣренный республиканецъ, о! это негодяй, воръ и каналья!

Они дошли до Биржи. Огромный входъ казался еще больше отъ набѣжавшихъ уже тѣней; часы блестѣли, какъ бы подернутые легкимъ туманомъ, а на ступенькахъ небольшими группами стояли мелкіе спекулянты, спорившіе о ничтожныхъ преміяхъ въ нѣсколько грошей, объ объѣдкахъ на пиру Повышенія и Пониженія.

Элье и коллективистъ поднялись по лѣстницѣ и, пройдя между колоннъ, увидѣли между двумя рядами фонарей, сквозь пожелтѣвшія каштановыя деревья, большую асфальтовую площадку—уголокъ спорящихъ Аѳинъ.

Здѣсь былъ центръ всякихъ преній, всѣхъ тянуло сюда. Отсюда отдѣлялись небольшія группы для второстепенныхъ споровъ, тогда какъ спутники блуждающихъ кометъ бродили по периферіи. Всѣ шляпы, шапки, всевозможныя одѣянія

братались въ общемъ теченіи, и ни одинъ противникъ не презиралъ другого, какого бы внѣшняго вида онъ ни былъ.

Спокойныя, вдумчивыя, профессорскія головы чередовались съ качающимися, трясущимися головами, съ лицами въ глубокихъ морщинахъ; открытые рты смѣнялись плотно сжатыми губами. Кто-то всѣми силами старался убѣдить собесѣдника въ чемъ-то и то сгибался, то разгибался; а собесѣдникъ отвѣчалъ неопредѣленными и успокаивающими жестами. Одинъ яростный маленькій человѣчекъ, сжавъ кулакъ и воткнувъ въ грудь указательный палецъ, охрипъ отъ крика, а прямой, какъ палка, блѣдный джентльмэнъ съ математической точностью начиналъ волноваться при всякой остановкѣ собесѣдника. Многіе любопытные, нерѣшительные переходили отъ одной группы къ другой, по собственному желанію; искали бытовыхъ сценъ, ораторовъ по вкусу, надѣясь на какой-нибудь скандалъ. Были и такіе, что все время не трогались съ мѣста, точно пустили корни въ асфальтъ.

Голоса скрещивались, сталкивались, сливались порою въ звѣриные крики, потомъ вдругъ какой-нибудь возгласъ покрывалъ всѣ остальные, точь въ точь, какъ въ палатѣ депутатовъ въ день страстныхъ дебатовъ.

Элье, съ грустью постоявъ минутъ десять, вскорѣ почувствовалъ, что его одолѣваетъ демонъ придирчивости. Предшествуемый Равьеромъ, онъ спустился на площадку, чтобы смѣшаться съ толпой, обойдя сначала всѣ отдѣльно бесѣдующія группы.

Въ одной, небольшой, состоявшей изъ серьезныхъ буржуа, съ однимъ весьма почтеннаго вида рабочимъ, находившимся въ послѣднемъ ряду, раздался возгласъ:

— Какъ только вмѣшивается страсть, такъ становишься дуракомъ!

Всѣ утвердительно кивнули головами.

— Да, становишься дуракомъ!—повторилъ другой.

И они философски стали развивать эту истину.

Какой-то ораторъ въ маленькой шляпѣ, красный, какъ ракъ, щедро разсыпалъ свою энергію, дѣйствуя ногами, руками и глоткой.

— Да, я сказалъ бы китайцамъ: подлые сопляки! я этого хочу! Даю вамъ двадцать четыре часа! И если вы откажетесь отъ моихъ условій, то получите тридцать тысячъ солдатъ подъ стѣнами Пекина!.. Что бы они тогда запѣли эти, желторожіе!.. Э?

Кто-то въ бѣломъ передникѣ, подъ сѣнью вѣтвей, возлѣ небольшого кіоска, говорилъ рѣчь. Ораторъ, довольный, что его слушаютъ, сопровождалъ свои слова смѣшными, наивными жестами.

— Мясо, мои дорогіе друзья? Только благодаря страховымъ обществамъ, наблюдающимъ за скотомъ, вы больше не ѣдите въ Парижѣ мяса больныхъ животныхъ. Въ мое время, вы не знаете, какъ это практиковалось? Я это хорошо знаю. Мой отецъ былъ мясникомъ... Онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ фонарь на своей телѣжкѣ (какъ сейчасъ вижу его), сдиралъ съ коровы шкуру, жиръ срѣзалъ для вытапливанія, а мясо отсылалъ въ Парижъ на свой рискъ и отвѣтственность. Конечно, болѣзнь скотины была неопасная: несвареніе желудка или кровоизліяніе, отчего она погибала. Ну, конечно, бифштексы изъ такого мяса были весьма непривлекательны. Теперь это уже не такъ, какъ вы знаете! Крестьянинъ за больную скотину получаетъ премію въ шесть, семь франковъ и хоронитъ падаль...

— Парижъ долженъ поставить большую свѣчку страховымъ обществамъ!

— Но почему же премія можетъ мѣшать крестьянину продать падаль?

— Я вамъ это скажу...

Въ центрѣ раздался чей-то пронзительный, раздраженный голосъ, и любопытные толпою хлынули къ мѣсту, гдѣ сразу происходило пять или шесть диспутовъ. Рѣзкій голосъ покрывалъ шумъ толпы:

— Я на этихъ буржуа плюю! И на тебя, гражданинъ, тоже... Когда я, чортъ побери, дѣлаю работу въ десять франковъ, то хозяинъ и заплатить мнѣ долженъ десять франковъ. Ясно? Нужно имѣть деревянную башку, чтобы не понять этого!

— Но, послушайте, мой другъ, разсудимъ... Если я вамъ заплачу за вещь, стоющую десять франковъ,—десять франковъ, то какимъ же образомъ я возмѣщу свои затраты, свой трудъ? А мой рискъ, вы его во вниманіе не принимаете?

— Проклятый дуралей! Откуда же берутся деньги? Развѣ рабочій не единственный созидатель капитала?

— Но и буржуа, вѣдь, работаютъ!

— Ложь! Это куча тунеядцевъ! Въ то время, какъ наши братья гніютъ по тюрьмамъ, вы локаете шампанское съ публичными женщинами! И это называется Республикой!.. Это грязная дыра, оберегающая себя часовыми у казармъ. Пари держу, что черезъ три мѣсяца отъ нея ничего не останется!

— Правительство очень великодушно, позволяя такимъ господамъ, какъ вы, появляться въ общественныхъ мѣстахъ.

— Ладно, братецъ. Когда ты очутишься въ хорошихъ рукахъ, понадобится меньше пяти минутъ, чтобы прищелкнуть тебя, какъ слѣдуетъ!

— Посмотримъ! Не доходите только до этого! Мы готовы. Для такихъ бѣшеныхъ, какъ вы, пуль не пожалѣютъ!

— Да ты-то не сунешь носа на баррикады. Ты слишкомъ остороженъ для этого, толстая бочка. Ты пошлешь подъ пули несчастныхъ рядовыхъ... А самъ въ это время въ погребъ, на сѣновалъ... Ну, да все равно... тебя и тамъ найдутъ!

— Мы совершенно спокойны. Въ тотъ день, когда красное знамя станетъ противъ трехцвѣтнаго, столбы Сатори и берегъ Новой Каледоніи будутъ страшно близко отъ васъ!..

Послышались свистки, и буржуа въ бѣшенствѣ отошелъ къ своимъ пріятелямъ, стоявшимъ у будки съ лимонадомъ.

— Слышали?..

— Лошадиная логика!

— Деньги, что я зарабатываю, чортъ побери! я зарабатываю.

— Ясно, какъ день.

— Не правда-ли? Въ сущности, я вѣдь даю работу другимъ... отлично. Идетъ ли мое дѣло, или не идетъ... и, если не идетъ, то я-же теряю, не такъ ли? Кто меня вознаградитъ за это?

— Я, милостивый государь, иду прямо... да. Я говорю: пора переловить ихъ, какъ дикихъ звѣрей въ лѣсу.

— А свобода?

— Свобода... свобода! Она не для нихъ. Для нихъ свобода—въ Каледоніи!

— Вы заходите слишкомъ далеко.

— Ну, знаете, такъ говорится!..

Напоръ толпы разъединилъ группы: съ дикимъ хохотомъ и гиканьемъ цѣлый потокъ людей бѣжалъ за оборванцемъ, дядей Леру, горбатымъ, грязнымъ, кричащимъ, съ сверкающими глазами. Онъ былъ одержимъ маніей преслѣдованія. Голова его была полна обрывками знаній, почерпнутыхъ на популярныхъ курсахъ.

— А Бонапартъ хотѣлъ, чтобъ васъ убили?

— Да, говорю вамъ, всѣ составили заговоръ противъ меня. Русскій императоръ очень желалъ меня взорвать, понимаете? Все сговорилось! Это все подстроилъ Интернаціоналъ, потому что я изобличилъ его. Вотъ посмотрите эти бумаги... вы не скажете, что это анархистскія газеты, вотъ, напр. „le Siecle“,—вѣрно вамъ говорю!

— Кто же сговорился?

— Русскій императоръ, Бисмаркъ, американскіе интернаціоналисты—понимаете теперь? И вотъ они-то весь міръ закупили, чтобы убить меня, чтобы убили непремѣнно парижане, ибо эти парижане—настоящіе казаки. Какъ говорилъ нашъ профессоръ, англичане и американцы присылаютъ намъ

машины, изобрѣтенныя въ нашей собственной странѣ... все это потому, что мы вѣримъ интернаціоналу. Все продажно, все подкуплено.

— Это ясно!

Бонапартисты, со своими маленькими бородками, подозрительно бродили въ толпѣ, какъ шпіоны. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе смѣлый, закричалъ:

— Я знаю только два положенія: или абсолютная свобода, безъ оппортунизма... или цезаризмъ, шпага, геркулесовскій кулакъ, спасающій общество, возвращающій намъ прежнее процвѣтаніе, прежнее почетное положеніе въ Европѣ...

— Почетное положеніе въ Европѣ!.. Седанъ долженъ бы заткнуть твою глотку!..

— Если бы такъ по-дурацки не устроили 4 сентября, то имперія добилась бы почетнаго міра, и у насъ остались бы Эльзасъ и Лотарингія. Это ваша негодная республика со своими безобразіями привела насъ къ тому, что мы видимъ. Если завтра явится человѣкъ власти, все снова получитъ прежнее обаяніе, и дѣла...

— Дѣла, поганый болтунъ? Развѣ кризисъ не всеобщій?

— Онъ былъ всеобщій и до переворота... но какъ только появилась имперія, весь міръ двинулся впередъ... Развѣ мы въ безопасности въ Парижѣ? Развѣ вы рискнете появиться въ нѣкоторыхъ кварталахъ? Развѣ убійствъ не въ десять разъ больше, чѣмъ во времена имперіи?

— Молчи, скотина!.. Еще осмѣливается разѣвать свою пасть!

— Вашу вамъ заткнутъ... Еще скорѣе, чѣмъ вы думаете, мои миленькіе республиканцы!

Кто-то грубо толкнулъ его, онъ зашатался и не пытался отвѣтить. Кто-то, давъ подножку, свалилъ его на землю. Подбѣжавшіе товарищи подняли его. Онъ былъ въ крови. Одинъ изъ бонапартистовъ, самый воинственный, сжавъ кулаки, сталъ вызывающе кричать по адресу противниковъ:

— Негодяи!.. Ну, выходите, я со всѣми съ вами справлюсь... У меня хватитъ кулаковъ, чтобы отплатить вамъ!

Никто не подошелъ, и онъ сталъ издѣваться надъ ними.

— Вотъ они, эти республиканцы, крикуны и трусы! Я умѣю немножко драться (въ этомъ я, конечно, не виноватъ), они убѣгаютъ... Можетъ, и есть между республиканцами не канальи... но всѣ канальи—республиканцы!

Ропотъ усиливался, и кое-гдѣ начинались уже столкновенія. Но революціонеры хохотали, одинаково подшучивая и надъ оппортунистами, и надъ имперіалистами.

У одной колонны въ галлереѣ стоялъ старикъ въ очкахъ

и пытался убѣдить въ чемъ-то своего собесѣдника-анархиста, въ пальто съ кроличьей опушкой; анархистъ нетерпѣливо топалъ ногой.

— Вы начали не съ настоящей анархіи.

— О, развѣ есть поддѣльная?

— Оставайтесь въ предѣлахъ вопроса!

— Послушайте, наконецъ... Предположите, что анархія будетъ у власти!

— Она не будетъ у власти... потому что она именно и стремится уничтожить власть.

— Но вѣдь понадобится же какое-нибудь правительство, полиція...

— Сами граждане будутъ исполнять эти обязанности.

— Ну, скажите откровенно, развѣ шайка организованныхъ разбойниковъ не получитъ тотчасъ же права гражданства въ вашемъ обществѣ?

— Разбойниковъ не будетъ...

— О, отлично... великолѣпно... будутъ все ангелы!

— Да если никакого интереса не будетъ въ воровствѣ... зачѣмъ же воровать тогда?

— Развѣ человѣкъ, по своей натурѣ, не старается присвоить себѣ то, что принадлежитъ другому?

— Да вѣдь денегъ больше не будетъ... зачѣмъ же нападать?

— Царство капусты и черстваго хлѣба, въ такомъ случаѣ!

Анархистъ пожалъ плечами, съ тоской во взорѣ, и съ презрѣньемъ смотрѣлъ на старика.

— Что я буду съ вами толковать, когда вы никогда этого не поймете... никогда! Съ такой головой незачѣмъ приходить спорить на площадь Биржи!.. Прочитайте сочиненія нашихъ писателей, раньше чѣмъ болтать противъ нашихъ ученій.

Въ одной кучкѣ вновь поднялся крикъ; ссорились толстый, съ лунообразнымъ, хотя подвижнымъ лицомъ буржуа, съ маленькимъ худенькимъ анархистомъ.

— Вы слишкомъ грязны... Умойтесь сначала!

— Скажите, пожалуйста... съ вашимъ свиннымъ пятачкомъ... Изъ того, что на васъ хорошее пальто, еще не слѣдуетъ, что у васъ все чисто подъ нимъ.

— Идите умойтесь... вы мнѣ противны... Можно ходить и въ старомъ платьѣ и быть чистымъ!

— Я предлагаю обоимъ намъ раздѣться до-гола... и пусть граждане разсудятъ, кто изъ насъ чище. Такую толстую свинью, какъ вы, стоитъ поставить на выставку...

Тутъ же рядомъ какой-то оборвышъ съ живымъ взглядомъ черныхъ глазъ, гримасничая и насмѣхаясь, при гром-

комъ смѣхѣ рабочихъ и буржуа, не безъ остроумія защищалъ свой взглядъ.

— Да, народъ валитъ, какъ бараны... и ему распродаютъ всю заваль... всю гадость... съ такъ называемой уступкой въ 60%... продаютъ за 18 су то, что въ маленькихъ лавочкахъ можно купить за 9, и гораздо лучше и свѣжѣе, господа... Эти огромные базары: Лувръ, Бонапарте—чистое разореніе для Парижа! Для кучи зѣвакъ довольно длинной афиши—большая распродажа... и такъ какъ это мошенничество, то добрая скотинка и рветъ все изъ рукъ другъ у друга... честное слово!.. Нельзя себѣ представить болѣе глупыхъ барановъ... Есть такіе брехуны, что каждую недѣлю, подъ предлогомъ распродажи партіи товаровъ, каждую недѣлю открываютъ и закрываютъ свою торговлю... Сударь, всякую дрянь и старье, что имъ удается набрать, они все смѣшиваютъ въ отвратительныя кучи... Право, не вру... Держу пари, что если вы имѣете дешевыя, хорошія вещи, и лежатъ онѣ въ порядкѣ, то никто у васъ ихъ не купитъ... А попробуйте выставить какіе-нибудь лохмотья... и повалятъ, дурачье... Это гнилье, значитъ, ему оно и нужно... О-ла-ла!.. Однако, господа, поздно!.. Я васъ покидаю... и прошу, если вы знаете какого-нибудь купца, нуждающагося въ умномъ солидномъ маломъ, то рекомендуйте меня... У меня эти всѣ таланты есть!

Между тѣмъ, соціалисты окружили маленькаго коренастаго буржуа, съ хитрыми глазами, съ карикатурнымъ краснымъ лицомъ и съ бородой сѣровато-рыжаго цвѣта. Какой-то желчный человѣкъ, съ круглыми черными глазами, съ глубокими слѣдами оспы на лицѣ, грызя корку хлѣба, ворчалъ:

— Что вы такое? Вы собака, сударь! Вы вашему ближнему дали бы съ голоду умереть!

— Отстаньте отъ меня!—отвѣчалъ тотъ спокойно.—Когда я вступилъ въ общество себѣ подобныхъ, у меня, чортъ возьми, были свои представленія о справедливости и добрѣ. Но очень скоро я увидѣлъ, что всѣ пощипываютъ... тогда и я сталъ щипать... какъ другіе... какого же чорта вы хотите... Я пользовался разинями и дураками, чтобы набить себѣ карманъ... Это уже въ природѣ, сударь... лисица душитъ куръ!.. О! если бы великій архитекторъ хотѣлъ... но онъ обманулъ меня, великій архитекторъ, какъ обманулъ всѣхъ!..

— Что за разсужденія! Конечно, вы не изъ тѣхъ, кого постѣснятся пригвоздить къ стѣнѣ въ день наступленія соціальнаго переворота!

— Я! да я встану на вашу сторону, какъ только вы

окажетесь сильнѣе!.. Когда-же наступитъ великій день? Какъ чудно будетъ, когда всѣ братья спустятся съ С.-Антуанскаго предмѣстья, съ кинжалами въ складкахъ своихъ блузъ!

Оппортунисты громко разсмѣялись. Одинъ революціонеръ спокойно замѣтилъ:

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, откровенный человѣкъ... Нужно, чтобы всѣ такъ же откровенно сознавались въ своемъ плутовствѣ... Насъ вводитъ часто въ заблужденіе, когда они начинаютъ прикидываться моралистами, когда они проповѣдуютъ о святости собственности... Но если всѣ откровенно сознаются, что они воры, какъ вы, сударь, то Революція произойдетъ не далѣе, какъ черезъ годъ... И я утверждаю, что этотъ гражданинъ вполнѣ заслужилъ свое мѣсто въ будущемъ обществѣ!

Встревоженные буржуа переглянулись.

Рядомъ кипятился какой-то субъектъ въ клѣтчатой парѣ.

— А! Вы думаете, что рантье не заставляетъ свой капиталъ работать?

— Конечно, нѣтъ... Онъ обращаетъ его въ бумаги... Его капиталъ спитъ... Лучше было бы пустить его въ оборотъ... дать ему ходъ...

— Но, получая ренту, онъ даетъ возможность государству жить.

— Да, но лучше пустить капиталъ въ ходъ.

У газетнаго кіоска слышались безпорядочныя фразы.

. . . .

Тоска, царившая въ душѣ Элье, быстро исчезла, и онъ загорѣлся желаніемъ тоже вступить въ споръ; онъ сталъ высматривать группу, гдѣ разговоръ шелъ спокойно, чтобы можно было незамѣтно примкнуть къ нему.

Какъ разъ неистовый Гудманъ изъ „la Bataille" велъ бесѣду, поддерживаемый тремя или четырьмя коллективистами и однимъ анархистомъ. Вокругъ толпилось много буржуа, радикаловъ и оппортунистовъ, и даже, на второмъ планѣ, смѣявшійся себѣ въ бороду „Docteur".

— Развѣ мѣста распредѣлены по заслугамъ? Развѣ негодяи не пользуются преимуществами? Развѣ есть какая-нибудь мѣра справедливости для счастья или горя? Развѣ деньги не въ рукахъ банкировъ безъ совѣсти и образованія? Ну, а если такъ, то развѣ не слѣдуетъ опрокинуть этотъ котелъ?

Въ это время подошелъ Элье.

— Позвольте... позвольте!

— Какъ позвольте!—рѣзко вскричалъ Гудманъ. — Развѣ

я сказалъ неправду? Развѣ вы вдругъ открыли, что буржуазія вознаграждается по заслугамъ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ, — отвѣчалъ Элье, по обыкновенію, въ поучительномъ тонѣ,—я говорю то же, что и вы: соціальная организація порочна; какъ и вы, я требую болѣе равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ труда, распредѣленія, основаннаго на дѣйствительномъ производствѣ,—все равно умственномъ или физическомъ,—по оцѣнкѣ, опредѣляющей реальную стоимость силы, а не по смѣхотворной оцѣнкѣ, основанной на хитрости, а не на умѣ, на воровствѣ, а не на работѣ...

— Въ такомъ случаѣ, что-же! — запальчиво вскричалъ Гудманъ.—Развѣ не слѣдуетъ опрокинуть котелъ?

Элье спокойно, медленно вытянувъ обѣ руки, сказалъ:

— А кто виноватъ, что люди низшей расы, вошедшіе въ наше общество,—непреклоннымъ терпѣніемъ, скаредной экономіей, мелкимъ плутовствомъ, словомъ—всѣми пассивными качествами, презираемыми высшимъ типомъ, почти всегда достигаютъ богатства?

Кучка буржуа воскликнула злобно:

— Это ложь!

— Торговля, точно такъ-же, какъ и наука, требуетъ способностей!

— Только дураки не добиваются въ ней успѣха!

Элье хладнокровно смотрѣлъ на эти разгнѣванныя, возбужденныя лица.

— Торговля, — сказалъ онъ, наконецъ, — отвѣчаетъ низшимъ способностямъ... Существуетъ много учрежденій, при помощи которыхъ богатство увѣковѣчивается... А существуетъ ли раса Гюго, Амперовъ, Курбэ, передающаяся отъ отца къ сыну, все прогрессируя... Оцѣнивать способности торговлей—это абсурдъ. Отвратительная сама по себѣ, она унизительна, когда ею управляютъ законы, подобные нашимъ!

— Браво! — закричалъ Гудманъ. — Вы чудесно говорите, гражданинъ... Но почему же вы въ такомъ случаѣ отказываетесь свалить всю эту гниль?

— Я бы очень хотѣлъ увидѣть его управляющимъ большого торговаго предпріятія!—вскричалъ одинъ буржуа.

— Не прерывайте же меня!

— Отлично, гражданинъ!

Элье, довольный, почти счастливый, въ своей настоящей раціоналистской сферѣ, продолжалъ:

— Но исторія, наука, ежедневныя наблюденія показываютъ намъ, что ничего прочнаго нельзя создать безъ помощи могущественнаго сотрудника — Времени. Развѣ въ одинъ день выросъ этотъ капиталъ? И вы хотите, чтобы человѣ-

чество, развивающееся такъ медленно—о, какъ медленно!—въ теченіе миріадъ лѣтъ, перескочило отъ предразсудковъ и традицій прямо къ идеямъ прогресса, заключающимъ въ себѣ сотню соціальныхъ ученій, всегда готовыхъ вступить въ бой, вы хотите измѣнить его съ помощью революціи? Ну, если бы хоть послѣ вѣковъ терпѣнія разразился переворотъ, какъ въ 1793, тогда, пожалуй... Но то, что вы намѣреваетесь ввести, какъ нормальное положеніе, перевороты, могущіе являться только какъ исключеніе въ соціальной жизни, это я отказываюсь понимать...

— Браво!—вскричали буржуа.

— На что мнѣ ваши одобренія!—возразилъ Элье съ оттѣнкомъ нервозности. — Если ихъ невѣжество огорчаетъ меня, то ваша грязь выводитъ меня изъ себя, и не о поддержкѣ богатыхъ мечтаю я. Я хочу избавить великодушное меньшинство изъ бѣдноты отъ безполезной гибели или отъ возможности бросить Францію въ пасть соперничающихъ націй!.. Что же касается отвратительнаго и подлаго воронья, этого отродья большихъ и малыхъ паразитовъ, этихъ гадовъ, плодящихся подъ покровомъ республики рядомъ съ алтынниками-орлеанистами или съ клопами имперіализма, то, если бы мнѣ пришлось нажать только кнопку, чтобы уничтожить ихъ всѣхъ сразу, я не задумался бы ни на минуту!

— Чортъ побери!—вскричалъ, топая ногами, Гудманъ:—ну, кто можетъ сказать, что онъ не революціонеръ!

Элье, между тѣмъ, оборвалъ себя, устыдившись страстности этихъ тирадъ и, медленно скрестивъ руки, холодно, перемѣнивъ тонъ, сказалъ:

— Въ концѣ концовъ, Революція, призываемая вами каждый день, это Божье милосердіе, чудо, феноменъ изъ ряда религіозныхъ или божественныхъ чудесъ. Ею вы хотите замѣнить медленную, вѣрную работу, естественную эволюцію человѣческаго ума. Съ помощью всеобщаго избирательнаго права...

— А! вы все-таки вѣрите во всеобщее избирательное право?

— Это старое шутовство!

— Не прерывайте-же!

— Отлично, гражданинъ!

— Я въ него вѣрю,—непоколебимо отвѣчалъ Элье.—Я вѣрю, что этому ремеслу мы всѣ должны обучиться, и оно единственное, гдѣ самоустраненіе непростительно... Пусть художникъ не интересуется алгеброй! Но всякій долженъ знать свою роль гражданина, всякій обязанъ знать основы соціальной науки, простыя и легко усваиваемыя, и

только въ тотъ день, когда милліоны гражданъ окажутся солидарными въ этомъ отношеніи, тогда только мирная или кровавая революція дастъ какіе-нибудь плоды...

— Но съ подобной теоріей можно прождать еще лѣтъ сорокъ!

— Что значитъ сорокъ лѣтъ въ жизни человѣчества?.. Ваша колоссальная ошибка заключается въ томъ, что вы не обладаете способностью опредѣлять время, когда вы вдругъ выступите... Вы не способны понять страшныя препятствія тупоумія и традиціи...

— Эй вы, свистуны!—вскричалъ анархистъ.—Если вы думаете, что мы еще сорокъ лѣтъ будемъ издыхать въ нищетѣ... такъ лучше сейчасъ-же разбить трубку... Мы хотимъ окончательной революціи, немедленнаго распредѣленія капитала.

— Увы!—прошепталъ Элье.

Ему вдругъ тяжело стало говорить, онъ почувствовалъ какое-то утомленіе. Онъ посмотрѣлъ вдаль на движеніе омнибусовъ, на линіи огней улицы Четвертаго Сентября, на сутольку жизни и подумалъ объ ея упорной суровости, и душа его наполнилась болѣзненнымъ чувствомъ неудачъ.

Приподнявъ плечи и склонивъ свою большую голову, Элье медленно прошелъ среди возгласовъ спора, вновь затѣяннаго Гудманомъ съ какимъ-то буржуа.

Еще тоскливѣе, съ омраченной душой, онъ вновь принялся бродить по площади.

III

Странное раскаяніе овладѣло Леклидомъ послѣ неудачи съ Евой. Цѣлые дни душа его горѣла гнѣвомъ, потрясая весь организмъ; безумная реакція становилась все невыносимѣе, правосудіе исчезло. Дѣйствительно, это длилось слишкомъ долго, и это животное Элье окажется правъ... Къ тому же какое же можетъ имѣть значеніе все анархистское движеніе, на глазахъ и съ вѣдома правительства? Не значитъ ли это идти ошибочнымъ путемъ? Тайныя общества—вотъ это другое дѣло! Съ ними, ужъ не говоря о томъ, что въ составъ ихъ войдутъ люди испытанные и энергичные, хотя и въ небольшомъ числѣ, но избранные,—вотъ съ ними и можно нанести великій ударъ. Что сказали бы буржуа, если бы въ одинъ изъ ближайшихъ дней ихъ палата депутатовъ или какое-нибудь другое учрежденіе взлетѣло на воздухъ? Это было бы большое дѣло, оно обнадежило бы несчастныхъ, и какой ужасъ посѣяло бы среди этого гнуснаго

лагеря эксплуататоровъ! Что нужно для этого? Чортъ возьми! Десятокъ людей. Этотъ поганый болтунъ Ранфло сказалъ далеко не глупость, утверждая, что достаточно пятнадцати рѣшительныхъ людей, чтобы создать революцію!

Успокоившись на этихъ разсужденіяхъ и съ каждымъ днемъ все болѣе поддаваясь страшной маніи, Леклидъ принялся за подыскиваніе товарищей, роясь въ памяти для опредѣленія ихъ свойствъ. Шестеро казались ему безупречными: Ламбу, Ралло, Буина, Девожъ, Жамбрезье и Бланкэ. Вотъ это были молодцы! Конечно, шестерыхъ еще далеко не достаточно, но шестеро хорошо сплоченныхъ заговорщиковъ могутъ, однако, надѣлать страшныхъ хлопотъ. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ, чтобы... впослѣдствіи...

И рѣшеніе Леклида было принято.

Дѣло, между тѣмъ, пошло не такъ гладко, какъ мечталъ анархистъ. Двое, Девожъ и Бланкэ, подъ разными предлогами, отказались.

Зато Буина и Жамбрезье тотчасъ же вошли въ роль, въ восторгѣ представляя себѣ дѣло огромное и таинственное. Робкіе Ламбу и Ралло стали задавать безчисленные вопросы, сдѣлали нѣсколько возраженій, а затѣмъ, потребовавши недѣлю на размышленіе, поклялись Леклиду быть вѣрными.

— Насъ только пятеро,—думалъ Леклидъ,—но зато всѣ первый сортъ.

Въ первомъ-же засѣданіи рѣшено было накупить практическихъ руководствъ по химіи и механикѣ.

Жамбрезье жилъ на улицѣ Муфтаръ въ полуразвалившемся домѣ начала прошлаго вѣка и занималъ двѣ огромныя комнаты съ вымощенными красными шестиугольниками полами, необыкновенно высокими потолками и полусовременными каминами. Окна выходили на огромный грязный дворъ, поросшій ржавою травою и лишаями. Жамбрезье, любившій просторъ, жилъ здѣсь среди населенія бродячихъ пѣвцовъ и уличныхъ оборванцевъ. Онъ былъ отличный столяръ, недурно зарабатывалъ и получалъ ежедневно отъ восьми до десяти франковъ. Онъ способенъ былъ на энтузіазмъ, на вспышки необузданнаго гнѣва. Его убѣжденія были тверды и прочно сидѣли въ его добромъ, но наивномъ сердцѣ и въ тяжеломъ мозгу. Очень экономный, онъ много помогалъ своей братіи, и хотя его часто обманывали, ему все же удалось прикопить кое-что.

Въ теченіе семи лѣтъ онъ накопилъ двѣ тысячи франковъ и берегъ ихъ съ затаенной мыслью, что съ такими деньгами можно будетъ совершить какое нибудь блестящее революціонное предпріятіе.

Такъ какъ остальные четверо жили въ тѣснотѣ, то комнаты Жамбрезье и сдѣлались мѣстомъ тайныхъ совѣщаній.

Выборъ цѣли былъ очень труденъ. У каждаго былъ свой проектъ, и проектъ грандіозный. Жамбрезье выбралъ Палату депутатовъ, но Ралло увѣрялъ, что сенаторы гораздо хуже, тогда какъ Ламбу, съ холодной настойчивостью, указывалъ на Французскій Банкъ.

— Банкъ!.. А, громъ и молнія!.. Вотъ ихъ богъ!.. О, въ тотъ день, когда Банкъ будетъ взорванъ!..

— Это трудно... трудно...—шепталъ Ралло...—Откровенно говоря, я думаю, что Биржа представитъ меньше препятствій.

Леклидъ колебался между безчисленными проектами.

Всѣ пятеро, возбужденные мрачными разговорами, исполненные преувеличенныхъ надеждъ, приподнятые заговорщицкимъ угаромъ, сидѣли въ самомъ далекомъ углу комнаты, глядя другъ на друга расширенными глазами, и понижали голоса, наслаждаясь окружающей ихъ таинственностью. Такимъ образомъ, эти дѣятельные люди собирались четыре раза и, со страстью посѣтителей митинговъ, отдавались безконечнымъ разговорамъ. На пятый разъ, однако, Леклидъ сдѣлалъ благоразумное предложеніе:

— Зачѣмъ намъ сейчасъ же знать, на чемъ мы остановимся?—сказалъ онъ.—Несомнѣнно, событія укажутъ, за что взяться... Въ ожиданіи ихъ, предлагаю всѣмъ заняться серьезнымъ изученіемъ *средствъ*... Каждому изъ насъ надо избрать часть города...

— По моему,—сказалъ Ламбу,—надо трехъ химиковъ и трехъ механиковъ.

— Я не согласенъ, — отвѣчалъ Леклидъ.—Химія въ нашихъ работахъ гораздо важнѣе... Довольно одного механика...

Ралло предлагалъ, чтобы всякій одновременно былъ и химикомъ, и механикомъ; Буина былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ начинать съ химіи, а механику оставить на конецъ. Ралло, Буина и Жамбрезье вдругъ присоединились къ предложенію Леклида.

— Кто же будетъ механикомъ?—спросилъ онъ.

— Если вы согласны, то я,—сказалъ Жамбрезье...—потому что я учился часовому мастерству.

Всѣ послѣдующіе дни ушли на занятія, съ мыслью быстро приготовить что-нибудь необыкновенное. Но въ пріобрѣтенныхъ книгахъ ничего не было, кромѣ обыкновенныхъ, очень непрактичныхъ указаній; потребовались спеціальныя сочиненія. Жамбрезье заупрямился, желая обойтись безъ пособій этихъ негодныхъ букинистовъ, и вздумалъ самъ составлять необыкновенныя соединенія. Къ счастью, онъ былъ доста-

точно остороженъ и, мало-по-малу, упростилъ свою работу и уменьшилъ количество составныхъ частей.

Съ своей стороны, химики рѣшили начать опыты. Четыре стклянки съ двойными горлышками, трубки, воронки, спиртовая лампа,—таковы были первоначальные приборы. Ламбу и Буина требовали, чтобы немедленно начать составленіе взрывчатаго вещества, но Ралло убѣдилъ ихъ въ необходимости набить руку на опытахъ менѣе опасныхъ. Они добыли кислородъ. На этотъ разъ вышла неудача: трубка лопнула съ страшнымъ трескомъ, и куски стекла разлетѣлись по комнатѣ, слегка ранивъ Буина и Ралло въ лицо. Испуганные сосѣди отворили окна, даже швейцаръ пришелъ узнать, что случилось.

Это приключеніе сдѣлало ихъ очень осторожными, и на время они оставили всякіе опыты, вновь вернувшись къ теоріи.

Леклидъ былъ въ восторгѣ отъ своего заговора. Онъ былъ доволенъ и чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Теперь дѣло пойдетъ впередъ. Время устранить послѣднія затрудненія. Вскорѣ онъ уже пересталъ мечтать о взрывѣ одного какого-нибудь памятника; ему рисовалась другая страшная катастрофа: въ одинъ и тотъ же день три или четыре крѣпости буржуазіи будутъ вдругъ разрушены, и тогда онъ, Леклидъ, станетъ великимъ, и революція будетъ обезпечена.

IV.

Какъ всегда, настроеніе Элье разрѣшилось въ обычныхъ его странствованіяхъ по городу. Его мысли чаще всего возвращались къ Евѣ, но не безъ внутренней борьбы поддавался онъ воспоминаніямъ о ней. Въ глубинѣ души онъ съ изумленіемъ долженъ былъ сознаться, что интимныя чувства далеко не заглохли въ немъ. По сложности своихъ интеллектуальныхъ силъ, онъ полагалъ, что онъ болѣе безразличенъ, чѣмъ оказался на самомъ дѣлѣ; что способенъ на нѣжность, но что страсти въ немъ исчезли. Но это было невѣрно. Иногда налетала волна безмѣрнаго счастья, впечатлѣніе чего-то нѣжнаго и мягкаго, какъ воздухъ послѣ весенней грозы, когда на небѣ остаются еще легкія, прозрачныя облака, а солнце разсыпало уже свои золотые лучи въ голубой безднѣ, и счастливая и обновленная природа точно родилась вновь. Часто, наоборотъ, какъ реакція, наступали мрачные перерывы, холодный разумъ бралъ верхъ и водворялось суровое спокойствіе.

Приближались мѣсяцы агоніи природы; надъ Парижемъ

спускалась осень, но Элье мало-по-малу, забывалъ окружающее, отбрасывалъ всякіе анализы и съ нѣжной тревогой вновь возвращался къ мысли о Евѣ, блуждая въ жестокой и въ тоже время сладостной нерѣшительности.

Переходный періодъ между концомъ осени и началомъ зимы прошелъ, наступилъ пріятный ровный холодъ. Элье, занятый серьезной работой по фотографированію звуковыхъ волнъ,—то работалъ, то предавался сердечнымъ тревогамъ. Онъ не измѣнилъ ни одной своей привычкѣ: продолжалъ попрежнему встрѣчать Еву у себя и слегка посвящать ее въ науку о міровой поэзіи. Вблизи нея онъ испытывалъ неопредѣленный страхъ, и когда она слушала его, сидя у стола, онъ отодвигался въ тѣнь, чтобы лучше наблюдать ее. И тогда его охватывало безпокойство, онъ начиналъ считать себя дуракомъ при мысли, что она можетъ любить его настоящей любовью. Въ приложеніи къ самому себѣ вся его наблюдательность исчезла. Робкія движенія Евы, дрожащій голосъ, сосредоточенное вниманіе, нѣжность при встрѣчахъ и при прощаніи въ его глазахъ принимали мрачную окраску. Давнишняя неловкость въ любви, высокое уваженіе къ женской нѣжности вводили его въ заблужденіе, и въ тридцать лѣтъ онъ чувствовалъ себя, такъ же, какъ и въ двадцать. Его душевная чистота воскресала передъ Евой, и онъ, по дѣтски унижая себя, испытывалъ преувеличенное уваженіе къ ея дѣвственной чистотѣ.

Ева, между тѣмъ, ждала. Безсознательная увѣренность въ томъ, что Элье ничто не дается безъ глубокой борьбы, дѣлало ее терпѣливой и дозволяло ждать. Она замѣчала его малѣйшую тревогу, измѣненіе интонаціи, внезапныя, мимолетныя остановки среди рѣчи, когда онъ начиналъ вглядываться въ нее, и болѣе смѣлая, нежели онъ, была вполнѣ убѣждена въ торжествѣ своего женскаго могущества и граціи. Но все же она не могла побороть смиреніе, испытываемое въ его присутствіи. Точно такъ же, какъ она узнала о любви Элье къ народу, она узнала и о его любви къ ней, замѣчая волненіе горячей крови подъ маской холодной серьезности. Сидя противъ него и наслаждаясь звуками его глубокаго голоса, она вдругъ улавливала внезапно дрожащія ноты, и видѣла, какъ его охватывало смущеніе. Иногда она со спокойной увѣренностью поднимала глаза и останавливала на немъ долгій взглядъ, какъ ученица, внимательно слушающая своего учителя. Онъ блѣднѣлъ, начиналъ нервно разбирать лежащія на столѣ бумаги, повторялъ одни и тѣ же слова, а она въ душѣ наслаждалась его сердечной тревогой.

Прошла зима, и близилась опять весна. Вмѣстѣ съ свѣтлыми днями росла и тревога Евы. Она начинала сомнѣваться

Польская политика въ Пруссіи и ея результаты.

Польскій вопросъ въ Пруссіи становится мало-по-малу однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ внутренней жизни Германіи и ея дальнѣйшей политической эволюціи. Прошло почти 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ, выселяя изъ предѣловъ Пруссіи тридцать тысячъ поляковъ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, заявилъ, что польскій вопросъ — это зіяющая рана на здоровомъ тѣлѣ Германіи. Почти 25 лѣтъ уже прусское правительство залечиваетъ эту рану, примѣняя обыкновенно методъ прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ,—однако рана не только не уменьшается, но обнаруживаетъ тенденціи охватывать все новыя и новыя частицы «здороваго тѣла». Могущественное государство, располагающее колоссальнымъ бюджетомъ, исправнымъ бюрократическимъ механизмомъ и сочувствіемъ значительной части общества, не можетъ справиться съ четырьмя милліонами польскихъ подданныхъ, которые упорно борятся за свою національную самобытность. Не помогаютъ сотни милліоновъ, ассигнованныхъ на выкупъ земли изъ польскихъ рукъ, не помогаетъ тактика лишенія польскихъ подданныхъ ихъ конституціонныхъ правъ, не помогаетъ истязаніе польскихъ дѣтей, поднимающихся на защиту родного языка. Польскій вопросъ не перестаетъ быть «зіяющей раной».

Въ самое послѣднее время наблюдается какая-то лихорадочная поспѣшность во всѣхъ мѣропріятіяхъ прусскаго правительства, направленныхъ къ подавленію польскаго элемента въ предѣлахъ восточной окраины Германіи. Все то, что дѣлается для насажденія германизаціи въ герцогствѣ Познанскомъ и Западной Пруссіи, производитъ впечатлѣніе, какъ будто прусскому правительству необходимо поторопиться съ ликвидаціей полонизма. Польская печать, указывая на эту лихорадочную поспѣшность, сопоставляетъ ее съ несомнѣнно усилившимися въ послѣднее время попытками колонизовать сосѣдніе съ прусской Польшей уѣзды Царства Польскаго (Плоцкой и Варшавской губ.) нѣмецкими крестьянами. Конечно, выводы изъ этихъ фактовъ, дѣлаемые познанской и вар-

шавской печатью, слѣдуетъ принимать съ большой осторожностью. Тѣмъ не менѣе они не лишены нѣкоторой правдоподобности.

По мнѣнію значительной части польской повременной печати, Германія готовится къ оккупаціи Царства Польскаго и вотъ ей необходимо какъ можно скорѣе укрѣпить преобладаніе нѣмецкаго элемента въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи для того, чтобы превратить ихъ въ прочную операціонную базу для дальнѣйшей германизаціи оккупированныхъ русско-польскихъ областей, въ которыхъ многочисленныя нѣмецкія колоніи сыграли бы роль сильныхъ форпостовъ. Конечно, торопясь довести до конца дѣло германизаціи герцогства Познанскаго и Западной Пруссіи, прусское правительство можетъ руководиться и другими соображеніями. Оно можетъ (или, вѣрнѣе, могло) полагать, что утвержденіе въ Россіи конституціоннаго строя и развитіе началъ самоуправленія на ея окраинахъ, въ томъ числѣ и въ Царствѣ Польскомъ, приведетъ къ улаженію польскаго вопроса въ Россіи. Коренной поворотъ въ отношеніи русскаго правительства къ полякамъ долженъ былъ бы неминуемо привести къ стихійному тяготѣнію прусской Польши къ автономному Царству Польскому, съ одной стороны, а съ другой—къ усиленію моральной и матеріальной помощи Познани со стороны Варшавы. И то, и другое, вѣроятно, заставило бы нѣсколько умѣрить германизаціонную политику Пруссіи. Предвидя это, Пруссія торопится сдѣлать все возможное, чтобы къ моменту, когда придется затормозить германизаціонную машину, результаты германизаторской политики были такъ значительны, что даже извѣстное ослабленіе гнета не позволило бы уже полякамъ возстановить прежнее преобладаніе. Конечно, и то, и другое предположеніе —въ равной мѣрѣ гипотезы, лишенныя вполнѣ прочной почвы, однако польское населеніе Пруссіи должно прибѣгать къ гипотезамъ подобнаго рода, такъ какъ иначе трудно объяснить, почему прусское правительство, можно сказать, удесятерило свою энергію въ борьбѣ съ поляками именно въ самое послѣднее время, съ періода русско-японской войны.

Законъ о принудительномъ отчужденіи въ пользу Колонизаціонной Коммиссіи польской земли, принятый прусскимъ ландтагомъ въ началѣ текущаго года, § 7 новаго закона, воспрещающій полякамъ пользоваться роднымъ языкомъ на собраніяхъ,—это мѣры, къ которымъ до сихъ поръ даже прусское правительство не рѣшалось прибѣгнуть, хотя нѣмецкіе націоналисты давно ему это совѣтовали. Прибѣгая къ такимъ совершенно экстреннымъ мѣрамъ, прусское правительство доказываетъ, что вся его политика по отношенію къ полякамъ, примѣнявшаяся за послѣдніе 25 лѣтъ, не привела къ ожидаемымъ результатамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы заявляетъ, что полякамъ не на что надѣяться, что ихъ участь рѣшена и что Пруссія не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы истребить путемъ германизаціи чуждый элементъ на восточной окраинѣ.

Однако прусскіе поляки не теряютъ духа. Указывая на тщетность всѣхъ мѣръ, предпринимавшихся до сихъ поръ прусскимъ правительствомъ, они надѣются, что и новыя, еще болѣе жестокія мѣры не дадутъ желательныхъ для Пруссіи результатовъ, и готовятся къ борьбѣ, съ условіями которой я хочу познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

I.

Прусская Польша, широкимъ полукругомъ охватывающая съ запада Царство Польское, представляетъ изъ себя разнообразный по своему составу комплексъ провинцій и отрѣзковъ провинцій Пруссіи. Каждая изъ частей прусской Польши рѣзко отличается отъ остальныхъ въ соціально-экономическомъ, культурномъ и даже въ этнографическомъ отношеніи, что является результатомъ всей ихъ исторической жизни. Дѣло въ томъ, что каждая изъ отдѣльныхъ частей польской территоріи, которыми въ настоящее время владѣетъ Пруссія, попала подъ ея власть въ различное время и при разныхъ условіяхъ.

Герцогство Познанское представляетъ изъ себя самое недавнее, сравнительно, пріобрѣтеніе Пруссіи, такъ какъ оно до 1815 г. входило въ составъ герцогства Варшавскаго, созданнаго Наполеономъ. Вѣнскій конгрессъ выдѣлилъ изъ герцогства Варшавскаго около 515 квадратныхъ миль и передалъ эту территорію Пруссіи въ видѣ автономнаго герцогства Познанскаго. Современемъ прусское правительство лишило его всѣхъ чертъ автономной самостоятельности и въ концѣ концовъ присоединило къ Германіи, какъ простую провинцію Пруссіи. Такимъ образомъ изъ всѣхъ областей прусской Польши герцогство Познанское сохранило самыя живыя воспоминанія о непосредственной связи съ остальной Польшей и о недавней еще внутренней самостоятельности. Что касается Западной Пруссіи, польской части Восточной и маленькаго клочка Помераніи, населеннаго поляками, то въ составъ этого комплекса областей входятъ земли съ довольно разнообразнымъ политическимъ прошлымъ.

Балтійское Поморье было нѣкогда занято на западѣ славянскимъ племенемъ, родственнымъ полякамъ, на востокѣ же разновидностью литовцевъ—пруссами. Поморскіе славяне жили сначала вполнѣ самостоятельной жизнью, затѣмъ западная часть ихъ владѣній (штеттинское Поморье) попала въ XII ст. подъ власть нѣмцевъ и съ теченіемъ времени совершенно германизовалась. Восточная часть славянскаго Поморья (данцигское Поморье) сохраняла связь съ польскими князьями и долго отстаивала свою самостоятельность по отношенію къ ордену крестоносцевъ, поселившемуся въ XIII ст. на низовьяхъ Вислы. Въ концѣ концовъ крестоносцамъ

удается укрѣпиться въ данцигскомъ Поморьѣ, которое вошло въ составъ ихъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они завоевываютъ и восточную, литовскую часть Поморья, истребляя огнемъ и мечемъ мѣстное населеніе и колонизуя эту территорію пришлымъ элементомъ—на югѣ поляками, на сѣверѣ нѣмцами и на востокѣ литовцами. Такимъ образомъ въ Поморьѣ возникло могущественное государство крестоносцевъ—опасный политическій соперникъ Польши, которой пришлось долго воевать съ этимъ неспокойнымъ сосѣдомъ, постоянно захватывавшимъ ея земли. Наконецъ, въ 1410 г. соединеннымъ усиліямъ Польши и Литвы удалось сломить могущество Ордена, который затѣмъ потерялъ въ пользу Польши значительную часть своихъ владѣній и сталъ въ вассальное положеніе по отношенію къ Польшѣ. Изъ отнятыхъ у крестоносцевъ областей была создана новая автономная провинція «Королевская Пруссія съ Warміей». Орденъ уже не оправился отъ нанесенныхъ ему пораженій и потерялъ всякое самостоятельное политическое значеніе. Въ 1525 г. маркграфъ бранденбургскій Альбрехтъ, бывшій послѣднимъ магистромъ Ордена и перешедшій въ лютеранство, заключилъ съ королемъ Сигизмундомъ договоръ, на основаніи котораго владѣнія Ордена превращались въ вассальное княжество подъ названіемъ «Княжеская Пруссія». Вслѣдствіе военныхъ неудачъ Польши и недостаточной предусмотрительности наслѣдниковъ Сигизмунда «Княжеская Пруссія» съ теченіемъ времени стала владѣніемъ Гогенцеллерновъ бранденбургской линіи (1660 г.). Еще раньше (1657) король Янъ Казиміръ уступилъ Бранденбургіи два округа Помераніи: Бытовъ и Лемборкъ. Укрѣпившись въ пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ областяхъ, бранденбургскіе курфюрсты превратили ихъ въ базу наступательной политики и, занявшись энергичной германизаціей мѣстнаго польскаго и литовскаго населенія, подготовляли условія для завоеванія остающихся за Польшей земель балтійскаго Поморья. При первомъ раздѣлѣ Польши король Фридрихъ II завладѣлъ «Королевской Пруссіей», за исключеніемъ двухъ ея городовъ: Данцига и Торна, которые подпали подъ власть Пруссіи послѣ второго раздѣла Польши вмѣстѣ съ областью современнаго герцогства Познанскаго. Побѣды Наполеона лишили Пруссію значительной части этихъ пріобрѣтеній, включивъ ихъ въ образованное въ 1807 г. герцогство Варшавское. Послѣ паденія Наполеона они опять возвращаются къ Пруссіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что теперешняя Западная Пруссія въ своей исторической жизни подвергалась самымъ разнообразнымъ передрягамъ, переходя то цѣликомъ, то по частямъ отъ одного государственнаго организма къ другому. Большая ея часть, сравнительно, еще не такъ давно жила общей жизнью съ другими областями Польши, меньшая обособилась раньше. Польская часть Восточной Пруссіи (за исключеніемъ Варміи) никогда, въ строгомъ смыслѣ слова, не

была частью польскаго государства, и польскій клочекъ Помераніи съ половины XVII вѣка потерялъ всякую связь съ Польшей.

Если мы теперь перейдемъ къ Силезіи, то намъ придется констатировать, что даже такая слабая связь, какая соединяла самыя отдаленныя части балтійскаго Поморья съ Польшей, была Силезіей потеряна еще въ XIII столѣтіи, когда этотъ край сталъ подпадать подъ политическое вліяніе Чехіи. Въ первой половинѣ слѣдующаго вѣка всѣ силезскіе князья признали надъ собой верховенство чешскаго короля; въ то же время польскій король Казиміръ отказался отъ своихъ правъ на Силезію. Съ 1526 г. Силезія переходитъ подъ власть Габсбурговъ, а въ 1742 г. ею завладѣваетъ прусскій король Фридрихъ II и съ тѣхъ поръ за Австріей остается только очень незначительная часть Силезіи.

Чѣмъ раньше подпадала какая-нибудь часть современной прусской Польши подъ власть нѣмцевъ, тѣмъ сильнѣе были въ ней успѣхи германизаціи. Родственные полякамъ поморяне совершенно исчезли еще нѣсколько столѣтій тому назадъ и только горсточки т. н. «словинцевъ» въ двухъ округахъ Помераніи являются ихъ ничтожными остатками. Большая часть Силезіи была окончательно германизована уже въ то время, когда ее заняла Пруссія (1742 г.), такъ какъ пятисотлѣтняя оторванность ея отъ другихъ частей Польши способствовала сильному распространенію въ ней нѣмецкаго элемента и языка. Силезію германизовали систематически почти всѣ мѣстные князья изъ рода Пястовъ, путемъ колонизаціи нѣмецкими выходцами незаселенныхъ пространствъ земли, путемъ продажи нѣмцамъ крупныхъ угодій, наконецъ, путемъ заключенія брачныхъ узъ съ нѣмецкими принцессами. Силезію германизовали многочисленные монастыри, основанные нѣмцами, заселявшими свои владѣнія колонистами, являвшимися съ запада. Силезію германизовали чешскіе (онѣмеченные) короли и германскіе императоры, чтобы убить въ ея населеніи чувство національной общности съ поляками изъ независимой Польши. Въ результатѣ въ Силезіи онѣмечились князья, дворяне и мѣщане польскаго происхожденія по лицу всей ея территоріи, польскую-же національность сохранили одни крестьяне, да и то только на правомъ берегу Одера. Силезія, лежащая на лѣвомъ берегу этой рѣки, край—за ничтожнымъ исключеніемъ—нѣмецкій. И въ польской части Силезіи германизація захватила всѣ тѣ элементы, которые возвысились надъ уровнемъ крестьянской и рабочей массы. Въ Верхней Силезіи, гдѣ поляки составляютъ громадное большинство населенія, нѣтъ ни польскаго крупнаго землевладѣнія, ни польской буржуазіи, а горсть польской интеллигенціи является результатомъ жизни послѣднихъ десятилѣтій этого края, результатомъ т. н. «національнаго возрожденія» Силезіи.

Германизація Западной Пруссіи не достигла размѣровъ германизаціи Силезіи, хотя и тутъ польская этнографическая территорія значительно сократилась на западной окраинѣ, а крупные острова

нѣмецкихъ колоній испещрили польскую территорію вдоль низовьевъ Вислы и по Нетцѣ. Города Западной Пруссіи сильно онѣмечены, нѣмецкое крупное землевладѣніе сильнѣе польскаго, а польская интеллигенція довольно малочисленна, но все-таки ея несравненно больше, нежели въ Силезіи. Въ этомъ отношеніи Западная Пруссія больше всего приближается къ герцогству Познанскому, гдѣ поляки составляютъ большинство населенія всѣхъ слоевъ общества.

Историческая судьба отдѣльныхъ провинцій прусской Польши наложила неизгладимую печать на физіономію населенія этихъ областей, тѣмъ болѣе, что каждая изъ послѣднихъ была въ свое время вовлечена въ кругъ экономическихъ интересовъ, чуждыхъ остальнымъ. Напримѣръ, Силезія развивалась въ промышленномъ отношеніи вмѣстѣ съ коренными нѣмецкими провинціями и успѣла достигнуть очень высокаго уровня развитія, спеціально благодаря своимъ богатымъ каменноугольнымъ залежамъ. Западная Пруссія, попавъ подъ власть прусскаго королевства, сильно пострадала экономически, такъ какъ ея торговые центры: Данцигъ, Торнъ и Грауденцъ оказались отрѣзанными отъ тѣхъ провинцій Польши, благодаря которымъ эти города въ свое время процвѣтали. Наконецъ, герцогство Познанское перешло къ Пруссіи уже въ то время, когда нѣмецкая промышленность достигла высокой степени развитія. Вслѣдствіе этого герцогство Познанское сразу же стало рынкомъ сбыта для прусскихъ и вообще германскихъ издѣлій, и его промышленность такъ и осталась въ зачаточномъ состояніи.

Въ конечномъ результатѣ герцогство Познанское, Западная Пруссія и польская часть Восточной являются областями чисто земледѣльческими, съ очень слабо развитой промышленностью въ то время, какъ польская часть Силезіи принадлежитъ къ самымъ промышленнымъ уголкамъ не только Пруссіи, но и всей Европы. Вслѣдствіе этого политическими представителями національныхъ интересовъ поляковъ герцогства Познанскаго являются крупные помѣщики и зажиточные крестьяне, въ Западной Пруссіи зажиточные крестьяне и (вслѣдствіе своей малочисленности на второмъ мѣстѣ) помѣщики, въ Восточной Пруссіи, вслѣдствіе полнаго отсутствія поляковъ-помѣщиковъ, крестьяне, въ Силезіи же промышленные рабочіе и отчасти крестьяне. Въ трехъ первыхъ провинціяхъ выдвигаются на первый планъ аграрные интересы, въ Силезіи— промышленные или, вѣрнѣе, чисто рабочіе, потому что поляковъ фабрикантовъ или владѣльцевъ рудниковъ нѣтъ. И эти экономическіе факторы не могутъ не оказывать извѣстнаго разобщающаго вліянія.

Обособленность каждой изъ провинцій прусской Польши вызвала явленіе очень печальное для совокупности національно-политическихъ интересовъ,—именно провинціальный партикуляризмъ, склонность замыкаться въ узкомъ кругу мѣстныхъ инте-

ресовъ съ пренебреженіемъ общенаціональныхъ. Этимъ партикуляризмомъ объясняется извѣстная разобщенность познанской и западно-прусской интеллигенціи, хотя условія жизни герцогства Познанскаго и Западной Пруссіи все-таки гораздо ближе, чѣмъ, напр., отношенія, господствующія въ Силезіи, по сравненію съ познанскими. Партикуляризмомъ познанцевъ въ значительной степени объясняется отсталость польскаго крестьянства Варміи и прусской Моравіи, о которомъ никто не заботился. На почвѣ партикуляризма возможно было и такое явленіе, какъ нежеланіе принять въ составъ «Польскаго Кола» первыхъ польскихъ депутатовъ Силезіи. Этотъ партикуляризмъ шелъ такъ далеко, что среди интеллигентной молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Германіи студенты-поляки изъ Западной Пруссіи держались въ сторонѣ отъ товарищей-познанцевъ, основывая собственныя студенческія общества.

Однако по мѣрѣ того, какъ германизаторскій гнетъ усиливается, партикуляризмъ мало-по-малу исчезаетъ, особенно вслѣдствіе того направленія, какое приняла политика германизаціи за послѣднее время.

Германизаторская политика временъ Бисмарка довольно сильно отличалась отъ той германизаціи, которую проводитъ въ жизнь правительство Вильгельма II-го. Бисмаркъ неоднократно и категорически заявлялъ, что онъ борется только съ польскими помѣщиками и съ польскимъ духовенствомъ, считая ихъ носителями идеи политической независимости Польши и антипрусскаго сепаратизма. Только эти элементы польскаго общества считалъ онъ опасными для Пруссіи и Германіи. Къ польскому народу (или, вѣрнѣе, къ польскому крестьянству, такъ какъ о польскихъ рабочихъ, въ то время очень малочисленныхъ въ Познани и совершенно еще лишенныхъ національнаго самосознанія въ Силезіи, трудно было говорить) Бисмаркъ не чувствовалъ недовѣрія. Онъ былъ убѣжденъ, что польскимъ крестьянамъ чужды и мечты объ отторженіи отъ Пруссіи, и ненависть къ ея правительству. Стоитъ только искренно позаботиться объ экономическомъ благосостояніи польскихъ крестьянъ—и въ нихъ прусское государство пріобрѣтетъ вѣрныхъ союзниковъ для борьбы съ помѣщиками и духовенствомъ, говорилъ Бисмаркъ. Всѣ усилія Бисмарка были направлены на то, чтобы сломить политическій авторитетъ двухъ этихъ элементовъ. Механическая германизація, стремящаяся къ превращенію поляковъ въ нѣмцевъ,—это, по мнѣнію Бисмарка, вздорная утопія и къ этому вовсе не нужно стремиться. Крестьянъ не слѣдуетъ трогать, нужно только выкупить помѣщичьи земли и Пруссія восторжествуетъ. Становясь на такую точку зрѣнія, Бисмаркъ обратилъ все свое вниманіе на герцогство Познанское и отчасти Западную Пруссію совершенно игнорируя Силезію, гдѣ не было вовсе польскихъ помѣщиковъ.

Бисмаркъ при каждомъ удобномъ случаѣ настаивалъ на необ-

ходимости уничтоженія польскихъ помѣщиковъ. Уже будучи въ опалѣ и сильно фрондируя противъ Вильгельма II, Бисмаркъ воспользовался его извѣстной торнской рѣчью (22-го сентября 1894 г.), чтобы заявить: «По моему мнѣнію, польское дворянство—партія переворота» (Umsturzpartei). По инициативѣ Бисмарка была учреждена въ 1886 г. Колонизаціонная Коммиссія, задачей которой было лишить всѣхъ польскихъ помѣщиковъ земли путемъ выкупа.

Съ уходомъ Бисмарка польская политика Пруссіи подвергается нѣкоторымъ колебаніямъ и, немного спустя, принимаетъ то направленіе, которое желѣзный канцлеръ считалъ утопическимъ. Въ мартѣ 1890 г. Вильгельмъ окончательно разстался съ Бисмаркомъ. Этотъ энергичный политическій шагъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ всѣми противниками бывшаго канцлера, въ томъ числѣ и поляками, которые считали Бисмарка олицетвореніемъ германизаторской политики. Бисмарка смѣнилъ Каприви—прямой, честный солдатъ, совершенно не оріентирующійся въ тонкостяхъ придворныхъ интригъ. Каприви сблизился съ депутатомъ Косцельскимъ, тогдашнимъ политическимъ руководителемъ поляковъ, и обѣщалъ ему перемѣну тактики по отношенію къ полякамъ, если они станутъ поддерживать военные проекты императора. И, дѣйствительно, отношеніе правительства къ полякамъ нѣсколько измѣняется. На мѣсто умершаго познанскаго архіепископа, нѣмца Диндера, назначается полякъ Стаблевскій; высылки поляковъ-иностранныхъ подданныхъ почти прекращаются; смягчается полицейскій надзоръ надъ польскими обществами и собраніями и т. д. Распространяются слухи объ уступкахъ польскому языку въ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Взамѣнъ за все это «Польское Коло» въ берлинскомъ парламентѣ вотируетъ въ пользу правительственнаго военнаго законопроекта, который проходитъ исключительно благодаря поддержкѣ поляковъ, голоса которыхъ въ этомъ случаѣ сыграли рѣшающую роль.

Между тѣмъ при дворѣ разыгрывалась закулисная интрига, направленная противъ гр. Каприви и его политики. Каприви палъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восторжествовала придворная клика, враждебная полякамъ. Политика Косцельскаго, опиравшаяся на предполагаемой благосклонности императора Вильгельма къ полякамъ, потерпѣла полное фіаско, и Косцельскому, потерявшему, вслѣдствіе происковъ придворной клики, расположеніе императора, пришлось сложить депутатское полномочіе и отказаться отъ дальнѣйшей политической карьеры.

Торнскую рѣчь Вильгельма II можно считать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи германизаціонной политики новѣйшаго времени, такъ какъ именно съ момента произнесенія этой рѣчи борьба съ поляками рѣзко мѣняетъ свой характеръ, превращаясь изъ политическаго преслѣдованія польскихъ помѣщиковъ въ травлю поля-

ковъ, какъ таковыхъ, съ цѣлью полнаго уничтоженія всѣхъ признаковъ національнаго обособленія польскихъ провинцій Пруссіи.

II.

Польскій языкъ въ Пруссіи вытѣсненъ почти совершенно изъ школъ, судопроизводства и всѣхъ административныхъ учрежденій. Преподаваніе на польскомъ языкѣ отмѣнено не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ начальныхъ школахъ. Кое-гдѣ еще сохранившееся необязательное обученіе польскому языку мало-помалу выводится. Даже закону божьему польскихъ дѣтей обучаютъ съ недавняго времени по-нѣмецки. Забастовка 30.000 дѣтей, воспротивившихся этому дикому нововведенію, была сломлена самыми жестокими карами, посыпавшимися не только на бастующихъ ребятишекъ, но и на ихъ родителей и даже на всѣхъ жителей общины, въ которой вспыхнула забастовка. Полякамъ, находящимся еще на государственной службѣ—вплоть до носильщиковъ на желѣзныхъ дорогахъ—запрещается говорить по-польски. Народнымъ учителямъ возбраняется польская рѣчь даже въ семьѣ и, если начальство узнаетъ, что народный учитель-полякъ говоритъ дома съ женой и дѣтьми по-польски, то его сейчасъ же переводятъ на западъ Германіи, въ чисто нѣмецкую мѣстность, куда вообще переселяютъ поляковъ-чиновниковъ. Польская печать подвергается неслыханнымъ преслѣдованіямъ. Процессы сыплются не только на издателей и редакторовъ польскихъ органовъ, но и на управляющихъ типографіями и наборщиковъ-поляковъ. Всякое польское общество, хотя бы занимающееся исключительно спортомъ, прусское правительство разсматриваетъ, какъ политическое, и вслѣдствіе этого требуетъ отъ его предсѣдателя сообщенія полиціи списка членовъ, что, конечно, сильно тормозитъ развитіе обществъ, потому что въ нихъ не вступитъ изъ боязни преслѣдованія ни одинъ полякъ, въ какой-нибудь степени зависящій отъ администраціи. Польскія собранія стѣсняются всевозможнымъ образомъ, иногда на основаніи допотопныхъ законовъ, давно уже всѣми забытыхъ, какъ, напр., предписанія, чтобы на митингѣ имѣлись лампочки, наполненныя масломъ, хотя бы митингъ былъ созванъ въ помѣщеніи, освѣщенномъ электричествомъ.

Просто трудно себѣ вообразить, до какой мелочной и безсмысленной придирчивости доходитъ система безпощадной германизаціи. Взять хотя бы ожесточенную борьбу прусскихъ властей съ поляками, имѣющими несчастье носить нѣмецкую фамилію. Такихъ поляковъ во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи тысячи. Если среди «чистокровныхъ нѣмцевъ» имѣются Посадовскіе, Подбѣльскіе, Богуславскіе, то среди поляковъ еще больше Шмидтовъ, Шумановъ, Калькштейновъ, Бидерманновъ и т. д. Предки послѣд-

нихъ были, несомнѣнно, нѣмцами, колонистами-крестьянами, поселившимися на востокѣ, или ремесленниками, которые нахлынули въ свое время въ познанскіе города. Но въ настоящее время всѣ они считаютъ себя поляками, слились культурно съ кореннымъ польскимъ населеніемъ, принимаютъ участіе въ польской общественной жизни и вообще ничѣмъ не отличаются отъ поляковъ славянскаго происхожденія. Значительная часть этихъ «бывшихъ нѣмцевъ» пишетъ свои нѣмецкія фамиліи по-польски, а не по-нѣмецки (напр. Szuman, а не Schumann; Sztajner, а не Steiner; Wolszlegier, а не Wohlschlaeger и т. д.). Ихъ фамиліи въ этой формѣ вошли въ метрическія свидѣтельства и другіе документы. Такимъ образомъ полонизація этихъ нѣмецкихъ фамилій стала вполнѣ легальнымъ фактомъ. И съ этимъ-то фактомъ прусскія власти ведутъ непрерывную борьбу, желая заставить поляковъ нѣмецкаго происхожденія вернуться къ прежнему способу писать фамилію. При первомъ попавшемся случаѣ какое-нибудь изъ судебныхъ или административныхъ учрежденій вводитъ въ любой документъ фамилію такого Шумана или Шмидта, написанную на нѣмецкій манеръ. И, разъ владѣлецъ такой фамиліи этого не замѣтитъ и не опротестуетъ, этотъ документъ является прецедентомъ для того, чтобы злополучнаго *Szuman*'а превратить навсегда въ «истинно-нѣмецкаго» *Schumann*'а. На этой почвѣ возникаетъ безчисленное количество процессовъ, такъ какъ лицо, офиціально значущееся *Schumann*'омъ, но подписавшееся на какомъ-нибудь документѣ *Szuman*'омъ, подвергается штрафу и тюремному заключенію. И вотъ лицу, допустившему введеніе въ какой-нибудь документъ своей фамиліи, написанной на нѣмецкій манеръ, приходится отстаивать свое право подписываться по-польски въ цѣломъ рядѣ судебныхъ инстанцій. Очень часто ему не удается отстоять своего права и прусская «національная идея» торжествуетъ.

Борьба изъ-за такого или иного начертанія фамилій поляковъ ведется съ поразительной энергіей и настойчивостью, какъ будто отъ этого дѣйствительно зависитъ національность лица съ этой фамиліей. Нерѣдко эта борьба принимаетъ чудовищныя формы. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ Королевской Гутѣ (Силезія) живетъ рабочій по фамиліи Шимала (Szymata). Когда онъ былъ ребенкомъ, то въ школѣ его фамилію записали *Schymalla*, и съ тѣхъ поръ во всѣхъ документахъ она фигурировала въ этой исковерканной формѣ. Ставъ совершеннолѣтнимъ и сознательнымъ политически, Шимала вернулся къ прежнему польскому начертанію своей фамиліи—и тутъ-то начались его злоключенія. Администрація рудника, на которомъ онъ работалъ, уволила его за такое «демонстративное презрѣніе къ нѣмецкому языку» и съ тѣхъ поръ ни въ одномъ нѣмецкомъ промышленномъ предпріятіи ему не давали работы. Онъ попалъ въ списокъ «польскихъ агитаторовъ» и такимъ образомъ, лишился заработка. Однако, будучи человѣкомъ

способнымъ и изворотливымъ, Шимала не палъ духомъ. Зная очень хорошо нѣмецкій языкъ, онъ сталъ писать рабочимъ прошенія и такимъ образомъ зарабатывалъ на хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не прекращалъ подписываться *Szymata* вмѣсто *Schymalla*. Привлеченный къ отвѣтственности за «самовольную перемѣну фамиліи», Шимала былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Выйдя изъ тюрьмы, онъ продолжалъ подписываться по-польски, за что опять попалъ въ тюрьму. Тогда прусскія власти, видя, что имъ ничего не подѣлать съ такимъ упрямцемъ, заключили его въ психіатрическую лечебницу для испытанія, не страдаетъ ли онъ умопомѣшательствомъ. Директоръ лечебницы пришелъ къ заключенію, что Шимала—человѣкъ очень интеллигентный и обладающій значительнымъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ путемъ чтенія газетъ и книжекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненормальный. Ненормальность же его состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онъ упорно придерживается польской формы своей фамиліи, а во-вторыхъ, и въ томъ, что, говоря о своей націи и герояхъ польской исторіи, онъ очень оживляется. Врачу-нѣмцу, проникнутому «прусской идеей», это показалось совершенно ненормальнымъ! И вотъ Шимала опять попадаетъ подъ судъ. Его защищалъ адвокатъ Кжыжанкевичъ, который краснорѣчиво охарактеризовалъ травлю несчастнаго рабочаго изъ-за его національныхъ чувствъ, демонстрируемыхъ съ такой геройской самоотверженностью. При этомъ случаѣ адвокатъ разсказалъ, какъ ему самому приходилось проводить дѣло черезъ всѣ судебныя инстанціи, чтобы защитить отъ прусскихъ германизаторскихъ тенденцій одну изъ буквъ собственной фамиліи. Судъ, наконецъ, оправдалъ Шималу, склоняясь къ мнѣнію, что человѣкъ, готовый подвергаться преслѣдованіямъ и непріятностямъ изъ-за такихъ мелочей, какъ примѣненіе того или иного правописанія, несомнѣнно ненормальный.

Къ слову сказать, прусскіе суды портятъ не мало бумаги и тратятъ значительное количество времени на то, чтобы лишить права полекъ подписываться въ женскомъ родѣ. Прусскія власти требуютъ, чтобы полька подписывалась точно такъ же, какъ и ея отецъ или мужъ, напр., Марія Коваль*скій*, Анна Скаврон*скій*, Ванда Павлов*скій*, а не Ковальская, Скавронская, Павловская и т. д. Изъ-за этого безсмысленнѣйшаго требованія возникаютъ постоянныя столкновенія съ административными властями—столкновенія, влекущія за собой процессы и, въ результатѣ, неслыханнымъ образомъ раздувающіе ненависть польскаго общества къ прусскому гнету.

Въ предѣлахъ польскихъ провинцій Пруссіи нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія—не только университета, но даже какого-нибудь спеціальнаго, техническаго. Прусское правительство прекрасно понимаетъ, что даже чисто-нѣмецкій университетъ въ Познани, съ самымъ тщательнымъ подборомъ профессоровъ-нѣм-

цевъ, все-таки явился бы учрежденіемъ, полезнымъ для поляковъ. Онъ сталъ бы прежде всего средоточіемъ польской молодежи, которая теперь должна направляться въ Берлинъ, Бреславль, Грейфенбергъ и т. д. Затѣмъ существованіе университета въ Познани привлекло бы въ его стѣны менѣе зажиточную польскую молодежь, которая въ настоящее время не идетъ въ высшія учебныя заведенія по недостатку средствъ. Скопленіе польской университетской молодежи въ Познани создало бы, конечно, почву для распространенія среди нея неугодныхъ прусскому правительству національныхъ и соціальныхъ теченій. Эта молодежь приняла бы, несомнѣнно, участіе въ мѣстной политической и общественной жизни, создались бы кружки молодежи, тяготѣющіе къ рабочимъ. Кромѣ того, очень трудно было бы совсѣмъ устранить поляковъ отъ ассистентуръ, доцентуръ и т. д., что привело бы въ концѣ концовъ къ замѣщенію поляками и профессорскихъ каѳедръ. И вотъ въ силу всѣхъ этихъ соображеній требованіе учрежденія въ Познани университета не удовлетворяется.

Для «поддержки» и «спасенія» нѣмецкаго элемента въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи бюджетъ, утвержденный на 1908 годъ, заключаетъ слѣдующія ассигнованія:

1. Спеціальный фондъ, находящійся въ распоряженіи президентовъ (губернаторовъ) провинцій — герцогство Познанское, Западная и Восточная Пруссія и опольскій округъ Верхней Силезіи,— предназначенный для распространенія и усиленія нѣмецкаго элемента—2.250,000 марокъ.

2. Прибавка къ жалованію низшихъ чиновниковъ, служащихъ на восточной окраинѣ,—2.000,000 марокъ.

3. Прибавка къ жалованію почтовыхъ чиновниковъ на восточной окраинѣ—690,000 марокъ.

4. Прибавка къ жалованію высшихъ чиновниковъ, спеціально на воспитаніе дѣтей—150,000 марокъ.

5. На покупку и перепродажу нѣмцамъ земли въ Познани, на мѣстѣ прежнихъ крѣпостныхъ построекъ, недавно упраздненныхъ,— 800,000 марокъ.

6. На завершеніе постройки императорскаго замка въ Познани— 650,000 марокъ.

7. Спеціальная прибавка къ жалованію народныхъ учителей за выдающіяся заслуги по распространенію нѣмецкаго языка— 1.185,000 марокъ.

8. Награды для учителей и учительницъ за распространеніе нѣмецкаго языка—700,000 марокъ.

9. На воспитаніе дѣтей администраторовъ помѣстій Колонизаціонной Коммиссіи—11.000 марокъ.

Общая сумма всѣхъ этихъ вспомоществованій, выдаваемыхъ усерднѣйшимъ германизаторамъ, равняется почти 7 милліонамъ марокъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что питаемое такими щед-

рыми подачками «усердіе» прусской бюрократіи постоянно возрастаетъ. Съ 1894 г. всѣ разрозненныя до того времени силы прусскаго шовинизма сорганизовались въ общество «Ostmarkenverein», которое стало не только помогать правительству въ дѣлѣ германизаціи, но и натравлять его на поляковъ, придумывая все новыя и новыя средства борьбы съ полонизмомъ. Члены этого общества, прозванные *гакатистами* (по первымъ буквамъ фамилій трехъ основателей «Ostmarkenverein'а»—*Гансеманна, Кеннемана* и *Тидеманна)*, разсѣяны по всей Германіи и располагаютъ крупными денежными средствами, позволяющими имъ насаждать германизацію въ польскихъ областяхъ путемъ пристраиванія тамъ нѣмецкихъ врачей, начинающихъ адвокатовъ, ремесленниковъ и т. д. Гакатисты ведутъ усиленную антипольскую пропаганду въ многочисленныхъ органахъ печати, на митингахъ и въ спеціальныхъ ферейнахъ. Они требуютъ, чтобы полякамъ было запрещено покупать и наслѣдовать земельную собственность, занимать какія бы то ни было оффиціальныя должности, издавать газеты и т. д. Гакатистское движеніе, охватившее въ настоящее время громадную часть нѣмецкой интеллигенціи и насчитывающее въ своихъ рядахъ много представителей нѣмецкой науки и литературы, выражаетъ аппетиты прусскихъ «ташкентцевъ», стремящихся поживиться на восточныхъ окраинахъ подъ флагомъ «защиты германскихъ интересовъ».

Нѣмецъ-бюрократъ, получающій мѣсто въ Познани, знаетъ, что онъ будетъ тамъ играть роль привилегированнаго лица, могущаго безнаказанно совершать то, что на западѣ Германіи считалось бы предосудительнымъ. Деморализація, являющаяся результатомъ антипольской системы, превращаетъ нѣмецкаго чиновника на восточной окраинѣ во взяточника и интригана и вообще пріучаетъ его не брезгать никакими средствами для карьеры. Нѣмецъ-врачъ, адвокатъ, инженеръ, ремесленникъ, переселяющіеся въ польскія провинціи, знаютъ, что и правительство, и «Ostmarkenverein» ихъ не оставятъ и что ихъ успѣхъ больше зависитъ отъ манифестированія нѣмецкаго «патріотизма», нежели отъ личныхъ способностей и труда.

III.

Самымъ сильнымъ средствомъ германизаціи польскихъ областей Пруссіи является учрежденное въ 1886 г. по почину Бисмарка Колонизаціонная Коммиссія. Задача этой «Коммиссіи» выкупать изъ рукъ польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ земельную собственность и поселять на ней нѣмцевъ, снабжая этихъ послѣднихъ долгосрочнымъ кредитомъ, самыми разнообразными субсидіями, основывая для нихъ лавки, склады сельскохозяйственныхъ орудій, строя школы, церкви и т. д. Въ этомъ году вышелъ подробный отчетъ

о дѣятельности Колонизаціонной Коммиссіи за 20 лѣтъ ея существованія, что позволяетъ намъ познакомиться подробно съ развитіемъ и результатами усилій этого антипольскаго учрежденія.

Въ 1886 г. прусскій ландтагъ ассигновалъ Колонизаціонной Коммиссіи 100 милліоновъ марокъ на выкупъ польской земли и колонизацію ея нѣмецкими крестьянами. Въ 1896 г. отъ этой суммы уже не осталось и слѣда, и ландтагъ ассигнуетъ еще 100 милліоновъ, а четыре года спустя 150 милліоновъ. Къ началу 1908 г. касса Колонизаціонной Коммиссіи опять оказалась пустой. Такимъ образомъ это предпріятіе поглотило за 20 лѣтъ своего существованія 350 милліоновъ марокъ. Эта колоссальная сумма пошла на покупку 325,993 гектаровъ земли, за которую ею заплачено 292.540,000 марокъ. Около 60.000,000 марокъ поглотили меліоративныя издержки, субсидіи колонистамъ и администраціи. Колонизаціонная Коммиссія дѣйствуетъ только въ двухъ польскихъ провинціяхъ—въ герцогствѣ Познанскомъ и въ Западной Пруссіи, такъ какъ только тутъ существуетъ польское крупное землевладѣніе, противъ котораго и была направлена вся антипольская политика Бисмарка. Площадь земли, скупленной до сихъ поръ Колонизаціонной Коммиссіей, равняется почти 8% поверхности герцогства Познанскаго и около 3,3% поверхности Западной Пруссіи.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что только меньшая часть (31,6%) этой земли выкуплена изъ польскихъ рукъ. Отъ поляковъ Колонизаціонная Коммиссія пріобрѣла 103,959 гектаровъ въ то время, какъ у нѣмцевъ ею куплено 215,871 гектаръ и у казны 7,063. Случилось это потому, что съ каждымъ годомъ количество поляковъ, готовыхъ продать свою землю Колонизаціонной Коммиссіи, уменьшалось, такъ какъ земля помѣщиковъ, принужденныхъ разстаться съ ней вслѣдствіе крайней нужды, оказалась выкупленной въ первые же годы дѣятельности Коммиссіи, а тѣхъ землевладѣльцевъ, которые безъ крайней нужды предлагали свою землю Коммиссіи, польское общество клеймило, какъ «ренегатовъ», и подвергало извѣстнаго рода остракизму. Съ другой стороны, Коммиссія такъ подняла цѣны на землю, что продажа ея этому «патріотическому» учрежденію стала очень выгодной въ финансовомъ отношеніи сдѣлкой и нѣмецкіе аграріи стали настойчиво требовать, чтобы Колонизаціонная Коммиссія ихъ не обижала, покупая землю только у поляковъ. И вотъ мы видимъ, что если въ первое пятилѣтіе дѣятельности Колонизаціонной Коммиссіи ею куплено у нѣмцевъ только 5 имѣній, то въ послѣднемъ пятилѣтіи эта цифра достигла 474. Отчетъ Колонизаціонной Коммиссіи сообщаетъ, что съ 1898 г. предложеніе земли со стороны польскихъ помѣщиковъ совершенно прекратилось, и, желая купить польское имѣніе, Коммиссія должна прибѣгать къ посредничеству спеціальныхъ агентовъ.

Къ слову сказать, эти агенты являются однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ порожденій германизаціонной системы. Это тем-

ныя личности и вообще всякаго рода проходимцы, облегчающіе Колонизаціонной Коммиссіи ея дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда нуженъ тонкій обманъ для пріобрѣтенія польской земли. Обыкновенно такой агентъ полякъ, прикидывающійся искреннимъ патріотомъ, который покупаетъ данное имѣніе для себя. Купивъ его, конечно, за деньги Колонизаціонной Коммиссіи, онъ «перепродаетъ» ей имѣніе, и такимъ образомъ послѣднее ускользаетъ изъ польскихъ рукъ. Съ теченіемъ времени большинство такихъ агентовъ было уличено и поляки, продавая лицамъ сомнительнымъ свою землю, помѣщаютъ въ купчей крѣпости условіе, по которому данное имѣніе не можетъ перейти въ нѣмецкія руки.

Пуская въ ходъ такія средства, какъ мошенническіе пріемы подставныхъ покупателей, Колонизаціонная Коммиссія и сама нерѣдко становится жертвой мошенниковъ, извлекающихъ денежную прибыль изъ своего «патріотизма». Вотъ, напр., нѣмецкій помѣщикъ распускаетъ слухъ, что онъ продаетъ свое имѣніе поляку и беретъ за него крупную сумму, совершенно не соотвѣтствующую истинной цѣнности имѣнья. Гакатистская печать поднимаетъ гвалтъ: опять-де кусокъ нѣмецкой земли погибаетъ, и Колонизаціонной Коммиссіи приходится спасать его, уплачивая ему, хоть и не столько, сколько, по его словамъ, давалъ полякъ, но все-таки крупную сумму. Гакатистская печать торжествуетъ: нѣмецкая земля спасена! А помѣщикъ-нѣмецъ, выгодно сбывшій имѣніе Колонизаціонной Коммиссіи, гордится своимъ «патріотизмомъ», который заставилъ его взять съ комиссіи меньшую сумму, нежели та, которую ему якобы предлагалъ полякъ. И гакатистская печать громко восхваляетъ этотъ «патріотизмъ».

Конечно, такіе аляповатые пріемы могли удаваться только въ самомъ началѣ дѣятельности Коммиссіи. Современемъ такимъ «патріотамъ» пришлось прибѣгать къ болѣе утонченнымъ способамъ объегориванія Колонизаціонной Коммиссіи. Фиктивнаго поляка-покупщика замѣнилъ реальный, въ лицѣ спекулянта, дѣлящагося съ ловкимъ «патріотомъ» долей прибыли. Проф. Бернгардъ въ своемъ сочиненіи «Die Polenfrage» разсказываетъ о такомъ фактѣ. Нѣмецкій помѣщикъ заключаетъ контрактъ, по которому онъ продаетъ поляку-спекулянту свое имѣніе за 600,000 марокъ. Контрактъ заключенъ совершенно формально, но въ немъ имѣется пунктъ, на основаніи котораго помѣщикъ можетъ продать свое имѣніе въ четырехнедѣльный срокъ тому, кто ему дастъ не меньше 630,000 марокъ. Колонизаціонная Коммиссія, конечно, платитъ эти деньги, если имѣніе расположено по близости ея пріобрѣтеній, и остроумный помѣщикъ дѣлится съ спекулянтомъ-полякомъ 30,000 марокъ.

Отчетъ Коммиссіи признается откровенно, что ей сплошь и рядомъ приходилось платить за нѣмецкія имѣнія суммы, сильно превышающія ихъ стоимость, потому что нужно было соперничать съ набивающимъ цѣну покупщикомъ-полякомъ, очень часто подстав-

нымъ лицомъ, которое трудно отличить отъ настоящаго покупателя. Это откровенное признаніе бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ операцій Колонизаціонной Коммиссіи и позволяетъ вѣрить слухамъ, будто чиновники этого почтеннаго учрежденія принимаютъ дѣятельное участіе въ разныхъ подвохахъ, направленныхъ къ опустошенію его кассы на пользу частныхъ лицъ.

Платя бѣшеныя деньги за пріобрѣтаемую землю, Колонизаціонная Коммиссія достигла того, что вообще цѣны на землю въ польскихъ провинціяхъ за періодъ ея дѣятельности возросли чудовищнымъ образомъ. Съ 1886 по 1899 годъ она платила за гектаръ въ среднемъ 582 марки, теперь же ей приходится платить 1381, т. е. почти втрое больше. И чѣмъ больше Колонизаціонная Коммиссія покупаетъ нѣмецкой земли, тѣмъ быстрѣе ростутъ ея цѣны, что свидѣтельствуетъ о превращеніи Колонизаціонной Коммиссіи изъ антипольскаго учрежденія въ филантропическій институтъ для наполненія шальными деньгами кармановъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Не мудрено поэтому, что прусскіе аграріи съ такой готовностью всегда поддерживаютъ въ ландтагѣ требованія ассигновки новыхъ суммъ на нужды Коммиссіи. Вѣдь эти деньги почти цѣликомъ попадаютъ въ ихъ же карманы.

Таковъ итогъ одной стороны дѣятельности Колонизаціонной Коммиссіи, направленной на то, чтобы лишить поляковъ земли. Если же мы теперь обратимся къ другой сторонѣ, къ ея попыткамъ насадить нѣмецкое землевладѣніе въ польскихъ областяхъ, то мы увидимъ, что и тутъ ей въ сущности нечѣмъ похвалиться.

До сихъ поръ Коммиссія поселила на выкупленной отъ поляковъ и нѣмцевъ землѣ 11,957 семей нѣмецкихъ колонистовъ. Однако въ этой цифрѣ заключается 2,926 семей, не выписанныхъ Коммиссіей съ запада, а издавна живущихъ въ герцогствѣ Познанскомъ и въ Западной Пруссіи, слѣдовательно, переселеніе ихъ на пріобрѣтенную Колонизаціонной Коммиссіей землю нисколько не способствовало увеличенію количества нѣмцевъ въ польскихъ областяхъ, что является первой задачей Коммиссіи. Такимъ образомъ она усилила количество нѣмецкихъ жителей двухъ польскихъ областей всего 9,031 семей, при чемъ ей удалось за эти 20 лѣтъ колонизовать только половину пріобрѣтенной земли. Да и то съ какимъ трудомъ и съ какой затратой средствъ!

Вообще найти колонистовъ, которые бы желали переселиться съ запада на востокъ и попасть тамъ въ чуждыя условія жизни, въ атмосферу враждебнаго отношенія мѣстныхъ жителей къ пришельцамъ, довольно трудно, и этого не скрываютъ отчеты Колонизаціонной Коммиссіи. Поэтому послѣдней приходится пользоваться далеко не первокачественнымъ колонизаціоннымъ матеріаломъ, который стекается въ польскія области единственно въ надеждѣ на щедрую поддержку правительства и неусыпную опеку Коммиссіи. Ѣдутъ на востокъ преимущественно экономическіе неудачники.

лишенные собственныхъ средствъ, такъ что только въ рѣдкихъ случаяхъ они могутъ пріобрѣсти въ собственность предлагаемую имъ землю, и Коммиссія должна передавать имъ парцеллы на самыхъ льготныхъ условіяхъ, что стоитъ очень дорого, тѣмъ болѣе, что до распредѣленія пріобрѣтеннаго имѣнія между пришлыми колонистами Коммиссіи приходится вести его администрацію, приспособить почву для будущихъ крестьянскихъ хозяйствъ, провести дороги, построить церковь и школу. Этихъ издержекъ нельзя свалить на плечи слабыхъ экономически колонистовъ и онѣ уже не возвратятся. Сверхъ того, нельзя заставить крестьянъ-колонистовъ платить за землю такихъ бѣшеныхъ цѣнъ, по какимъ ее пріобрѣла Коммиссія, и такимъ образомъ чистый дефицитъ послѣдней при 350.000,000 капитала равняется 7 милліонамъ марокъ въ годъ. И, не смотря на это, крестьянскія хозяйства, созданныя Колонизаціонной Коммиссіей, лишены здоровыхъ экономическихъ устоевъ, какъ это признаютъ нѣмецкіе изслѣдователи дѣятельности Коммиссіи.

Хотя Колонизаціонная Коммиссія не жалѣетъ никакихъ средствъ, чтобы обезпечить колонистамъ правильное экономическое развитіе, однако 2,2 процента ихъ уже обанкротилось, извѣстная часть вернулась на западъ, а остальные приспособились къ германизаціонной системѣ и, считая казну дойной коровой, пользуются поддержкой Колонизаціонной Коммиссіи не для укрѣпленія нѣмецкаго элемента въ Польшѣ, а просто для наживы. Нерѣдки и такіе случаи, что колонистъ пріѣзжаетъ на два года, въ теченіе которыхъ съ него не требуютъ денегъ за землю, пользуется чѣмъ можетъ, а затѣмъ перепродаетъ парцеллу наивному земляку изъ Саксоніи или Вестфаліи и самъ возвращается на западъ, нѣсколько оперившись. Мало того, Коммиссіи постоянно приходится трепетать отъ страха, какъ бы ея колонисты не ополячились.

Дѣло въ томъ, что мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ-нѣмцевъ нѣтъ и нѣмецкимъ колонистамъ приходится нанимать поляковъ, обыкновенно пришельцевъ изъ Царства Польскаго и Галиціи. Отчеты Коммиссіи констатируютъ, что колонисты подвергаются вліянію поляковъ, учатся польскому языку и имъ грозитъ судьба прежнихъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые во многихъ мѣстностяхъ герцогства Познанскаго совершенно слились съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ качествѣ курьеза слѣдуетъ отмѣтить еще и то обстоятельство, что иногда дѣятельность Колонизаціонной Коммиссіи прямо способствуетъ количественному росту польскаго населенія. Это бываетъ тогда, когда, благодаря парцелляціи крупнаго имѣнія, возникаетъ цѣлый рядъ средней величины крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ въ общей суммѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ поляковъ больше, чѣмъ ихъ было въ одномъ крупномъ имѣніи. О германизаціонномъ вліяніи колонистовъ на мѣстное населеніе, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Такимъ образомъ національная роль Колонизаціонной Коммиссіи въ высшей степени мизерна. Она со всѣми своими милліонами не въ состояніи противодѣйствовать ни быстрому росту польскаго населенія, ни постоянной эмиграціи нѣмцевъ изъ польскихъ областей. Колонизаціонная Коммиссія задалась цѣлью бороться со стихійнымъ процессомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ германизаторскими мечтами гакатистовъ и благопріятствующимъ усиленію польскаго элемента. Результаты этого процесса принуждена констатировать прусская офиціальная статистика, по даннымъ которой выраженное цифрами взаимоотношеніе польскаго и нѣмецкаго населенія областей, являющихся ареной дѣятельности Колонизаціонной Коммиссіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Поляковъ было въ 1890 г.	въ 1905 г.	приростъ.	Нѣмцевъ было въ 1890 г.	въ 1905 г.	приростъ.
Г. Познанское .	1.048,045	1.215,979	8%	402,087	415,390	3%
З. Пруссія . . .	483,731	537,273	17%	929,980	1.061,695	14%

Изъ этихъ данныхъ видно, что польское населеніе растетъ гораздо быстрѣе нѣмецкаго въ обѣихъ областяхъ. Если же мы теперь сравнимъ ростъ обоихъ національныхъ элементовъ отдѣльно въ городахъ и деревняхъ, то перевѣсъ роста польскаго населенія станетъ еще болѣе очевиднымъ.

	Поляковъ было: въ 1900 г.	въ 1905 г.	приростъ	Нѣмцевъ было: въ 1900 г.	въ 1905 г.	приростъ.
Г. Познанское.						
деревни	834,565	899,632	16%	692,172	761,435	3%
города	213,480	316,347	4[illegible]%	290,095	346,045	23%
З. Пруссія.						
деревни	420,179	487,883	16%	575,169	603,584	3%
города	54,552	79,158	45%	354,811	458,111	26%

Эти цифры, особенно относящіяся къ росту сельскаго населенія, указываютъ на полное безсиліе Колонизаціонной Коммиссіи, при содѣйствіи которой ростъ нѣмецкаго элемента въ деревняхъ все же остается ничтожнымъ въ сравненіи съ ростомъ польскаго.

IV.

Одной изъ естественныхъ причинъ малой успѣшности германизаціи является гораздо большая плодовитость польскаго населенія, нежели нѣмецкаго. По плодовитости населенія польскія области Пруссіи занимаютъ первое мѣсто во всей Германіи. Такъ, въ періодъ 1890—1900 гг. во всей Германіи на каждую 1000 жителей приходилось ежегодно 36,6 рожденій. Между тѣмъ въ Силезіи эта цифра равнялась 41,2, въ герцогствѣ Познанскомъ—43,3, а въ Западной Пруссіи 43,4, при чемъ въ этихъ трехъ провинціяхъ по-

ляки плодовитѣе нѣмцевъ, что дало поводъ канцлеру Бюлову говорить въ парламентѣ о «польскихъ кроликахъ». Съ такимъ факторомъ Колонизаціонная Коммиссія не въ силахъ бороться точно такъ же, какъ и съ сильной эмиграціей нѣмцевъ изъ польскихъ областей.

Изъ герцогства Познанскаго и изъ Западной Пруссіи ежегодно эмигрируютъ десятки тысячъ мужчинъ и женщинъ, направляющихся на заработки въ западно-германскія провинціи и ихъ промышленные центры. Эмигрируютъ и поляки, и нѣмцы, но характеръ эмиграціи каждой изъ этихъ національныхъ группъ различенъ. Нѣмцы покидаютъ Западную Пруссію и герцогство Познанское, оставляютъ ихъ навсегда, такъ какъ и на западѣ они чувствуютъ себя дома, между тѣмъ польскій крестьянинъ, занесенный судьбой въ Вестфалію и Саксонію, только и мечтаетъ о томъ какъ бы вернуться на родину и пріобрѣсти на заработанные на чужбинѣ деньги клочокъ родной земли. Конечно, не всѣмъ польскимъ эмигрантамъ удается осуществить эту мечту, тѣмъ не менѣе однако тысячи изъ нихъ ежегодно возвращаются домой и обзаводятся землицей, припасаемой для нихъ многочисленными польскими парцелляціонными банками и товариществами.

Эти банки и товарищества возникли тогда, когда польское общество столкнулось лицомъ къ лицу съ дѣятельностью Колонизаціонной Коммиссіи. Польскіе помѣщики сообразили, что парцелляція земли между крестьянами не только является дѣломъ высокопатріотическимъ, какъ орудіе борьбы съ Колонизаціонной Коммиссіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ весьма серьезное средство поправить плачевное финансовое положеніе крупнаго землевладѣнія. Крестьяне, вернувшіеся съ запада или разбогатѣвшіе на мѣстѣ, готовы очень хорошо платить за предложенную имъ землю и этимъ доставить помѣщикамъ возможность или купить имѣнье въ другомъ мѣстѣ, или же переселиться въ городъ. И вотъ стали появляться парцелляціонные банки и товарищества, а вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи гектаровъ помѣщичьей земли начали переходить въ руки польскаго крестьянства, которое брало на расхватъ предлагаемые ему клочки земли, платя за нихъ деньгами, вывезенными изъ рудниковъ Вестфаліи и Рейнскихъ провинцій.

Для противодѣйствія этому движенію нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1904 г.) было придумано новое средство. Обнародованъ законъ, на основаніи котораго всякій колонистъ, желающій построить домъ на купленномъ имъ клочкѣ земли, долженъ испрашивать на это позволеніе Колонизаціонной Коммиссіи. Безъ этого позволенія онъ не можетъ обзавестись ни жильемъ, ни хозяйственными постройками. Конечно, Кколонизаціонная Коммиссія только въ крайне рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаяхъ даетъ такое позволеніе польскому рабочему или крестьянину-участнику парцелляціи какого-нибудь помѣстья, особенно же куплен-

наго у нѣмецкаго землевладѣльца. И вотъ получилось прямо отчаянное положеніе. Рабочій купилъ клочокъ земли, но ни дома, ни коровника, ни клѣти, ни овина ему построить не позволяютъ. Что ему дѣлать? Приходилось продавать за безцѣнокъ этотъ клочокъ земли сосѣду-крестьянину, у котораго уже были и домъ, и хозяйственныя постройки, а самому искать какого-нибудь другого выхода.

Прусское правительство было убѣждено, что, изобрѣтая эту настоящую драконовскую мѣру, оно совершенно прекратитъ парцелляціонное движеніе польскихъ рабочихъ и малоземельныхъ крестьянъ и уничтожитъ польскіе парцелляціонные банки. Однако его чаянія не оправдались. Правда, законъ о постройкахъ нанесъ сильный ударъ самой бѣдной части покупателей парцеллированной земли, но остановить естественнаго экономическаго процесса онъ не могъ. Нашелся выходъ и изъ этого положенія.

Парцелляціонный банкъ, покупая у помѣщика его землю, устраивается такимъ образомъ, что клочки земли, на которые дѣлится помѣстье, продаются сосѣднимъ крестьянамъ, которымъ незачѣмъ обзаводиться новыми постройками. Усадьба же, вмѣстѣ съ окружающей ее землей, переходитъ въ руки одного изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, который пользуется постройками, оставшимися отъ помѣщика, свою же землю со всѣми постройками продаетъ крестьянину-безземельному или такому, который сбылъ свое хозяйство безземельному. Конечно, этотъ способъ парцелляціи представляетъ много неудобствъ и, прежде всего, обходится гораздо дороже и покупателямъ, и банку. Однако, примѣняя его, банки продолжаютъ процвѣтать и развиваться, а безземельные и малоземельные крестьяне обзаводятся участками земли.

На почвѣ примѣненія закона о постройкахъ возникло распространеніе т. н. «фургоновъ Джымалы». Дѣло въ томъ, что одинъ изъ такихъ злосчастныхъ рабочихъ, Джымала, который купилъ клочокъ земли, но которому не позволили построить на ней дома, рѣшилъ поселиться въ старомъ фургонѣ для перевозки мебели, пріобрѣтенномъ имъ по случаю. Онъ прорубилъ въ фургонѣ окна, вставилъ небольшую желѣзную печку, соорудилъ трубу и зажилъ въ такомъ домѣ, переѣзжая по мѣрѣ надобности съ одного конца своихъ «владѣній» въ другой. Слава объ изобрѣтательномъ Джымалѣ быстро распространилась по всему краю. Его портреты вмѣстѣ съ изображеніемъ дома-фургона стали появляться въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и на открыткахъ. Джымалой заинтересовались повсюду, даже за-границей *), такъ какъ польская печать не преминула воспользоваться его инцидентомъ для агитаціонныхъ цѣлей. Появились и послѣдователи Джымалы, прозванные «джы-

---

*) Извѣстный русскій славянофилъ, С. Шараповъ, прислалъ Джымалѣ въ подарокъ два своихъ плуга.

малитами», которые точно также поселились въ фургонахъ. Въ результатѣ прусское варварство было сильно скомпрометировано.

Конечно, прусскія власти не могли допустить, чтобы «джымалиты», столь явно надругающіеся надъ государственной мудростью гакатизма, восторжествовали. И вотъ теперь «джымалитамъ» воспрещаютъ помѣщать въ фургонахъ печи, такъ какъ это... негигіенично. Однако и тутъ былъ найденъ выходъ. Одна изъ познанскихъ фабрикъ стала сооружать такіе фургоны-дома, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ правиламъ полицейской гигіены, и эти фургоны, не смотря на то, что цѣна ихъ доходитъ до 2000 марокъ, раскупаются охотно польскими колонистами, не добившимися права построить нормальный домъ.

Съ естественнымъ стремленіемъ польскаго крестьянина пріобрѣсти на родинѣ землю прусское правительство не въ силахъ бороться. Не смотря на всѣ стѣсненія и придирки администраціи, парцелляціонное движеніе не прекращается и земля—въ томъ числѣ и нѣмецкая—переходитъ отъ помѣщиковъ въ цѣпкія руки польскаго крестьянина. И въ то время, когда Колонизаціонная Коммиссія стоитъ страшныхъ денегъ, приносящихъ громадный дефицитъ, польскія парцелляціонныя учрежденія процвѣтаютъ, такъ какъ они служатъ естественнымъ потребностямъ польскихъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, тогда какъ Колонизаціонная Коммиссія гоняется за несбыточными, химерическими мечтаніями. Въ результатѣ, по даннымъ проф. Бернгарда, въ періодъ 1896 — 1905 гг., изъ нѣмецкихъ рукъ въ польскія перешло на 60,383 гектара больше, чѣмъ изъ польскихъ въ нѣмецкія. Появились даже спеціалисты, которые прилагаютъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы выкупать землю изъ нѣмецкихъ рукъ. Между ними самой громкой извѣстностью пользуется нѣкій Бидерманъ, ополяченный нѣмецъ, родомъ изъ Ганновера, владѣлецъ познанскаго банка подъ фирмой «Древецкій и Лянгнеръ». Бидерману удалось до сихъ поръ выкупить отъ нѣмцевъ и перепродать полякамъ около 60,000 гектаровъ.

Въ то время, какъ всѣ усилія правительства были направлены на то, чтобы лишить поляковъ земельной собственности, польскій элементъ быстро росъ въ городахъ. Этому росту способствовала въ извѣстной степени и дѣятельность Колонизаціонной Коммиссіи, такъ какъ капиталы, выплаченные ею полякамъ за пріобрѣтенную отъ послѣднихъ землю, хлынули въ города, по крайней мѣрѣ, отчасти. Благодаря этимъ деньгамъ, въ польскія руки переходитъ множество нѣмецкихъ домовъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности въ города герцогства Познанскаго и Западной Пруссіи стекаются поляки-рабочіе, вытѣсняющіе болѣе дорогихъ рабочихъ-нѣмцевъ, которые эмигрируютъ на западъ. По мѣрѣ того, какъ въ городахъ появлялась и росла количественно польская рабочая масса, ря-

домъ съ ней стала расти мелкая буржуазія. Разъ же польское населеніе становилось серьезнымъ факторомъ городской жизни, появлялась и польская интеллигенція въ лицѣ адвокатовъ, врачей, аптекарей, техниковъ, редакторовъ и т. д., которые становились носителями польской національной идеи и соотвѣтствующимъ образомъ воздѣйствовали на массы. Такимъ путемъ шла и идетъ полонизація городовъ герцогства Познанскаго и Западной Пруссіи. Такъ, напр., въ 1831 г. въ Познани было 25,300 поляковъ и 31,000 нѣмцевъ. Въ 1899 г. нѣмцевъ было уже только 34,000, поляковъ же 40,000. Въ настоящее время поляки составляютъ болѣе 57% населенія Познани. Въ болѣе мелкихъ городахъ ростъ польскаго населенія гораздо быстрѣе. Даже въ такихъ городахъ, которые въ XVIII столѣтіи, значитъ во время принадлежности ихъ къ независимому польскому государству, были уже совершенно германизованы, теперь существуетъ польское меньшинство, обнаруживающее тенденцію постепенно превратиться въ большинство.

Полонизаціи познанскихъ и западно-русскихъ городовъ способствуетъ въ извѣстной степени массовая эмиграція евреевъ изъ польскихъ областей. Количество евреевъ, нѣкогда здѣсь такъ же многочисленныхъ, какъ и въ остальныхъ провинціяхъ Рѣчи Посполитой, дошло въ настоящее время, благодаря этой эмиграціи, до минимума. А такъ какъ познанскіе и западно-прусскіе евреи въ культурномъ отношеніи примкнули къ нѣмцамъ, то фактически уменьшеніе числа евреевъ является уменьшеніемъ нѣмецкаго элемента.

Эмиграцію евреевъ иллюстрируютъ наглядно слѣдующія сопоставленія:

Процентное отношеніе евреевъ ко всему населенію.

	1871 г.	1900 г.	1905 г.
Въ герц. Познанскомъ . . .	3,9%	1,9%	1,5 %
Въ Зап. Пруссіи	2 „	1,2 „	0,98 „
Въ Силезіи	1,3 „	1 „	0,95 „

Эмиграція евреевъ объясняется возникновеніемъ польской мелкой буржуазіи, польскихъ ремесленныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Вслѣдствіе гакатистской травли всего, что только носитъ польскій характеръ, польское общество не преминуло сплотиться для защиты польскихъ фирмъ, примѣняя бойкотъ къ нѣмецкимъ. Отъ этого бойкота не поздоровилось нѣмецкимъ (въ томъ числѣ и еврейскимъ) предпріятіямъ и ихъ число постепенно сокращается, между тѣмъ какъ число польскихъ фирмъ растетъ неустанно. Во многихъ мелкихъ городахъ польскіе домовладѣльцы совершенно вытѣснили нѣмецкихъ даже изъ центральныхъ пунктовъ. Такъ, напр., въ Познани, на Старомъ Рынкѣ, помѣщающемъ ровно 100 домовъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ польскимъ домовладѣльцамъ принадлежало всего 3 дома, въ 1889 году

польскихъ домовъ было уже 30, въ настоящее же время ихъ 70, такъ что домовладѣльцы-нѣмцы оказались въ меньшинствѣ.

Этотъ процессъ полонизаціи городовъ прусской Польши развивается постоянно, но такъ какъ полонизація идетъ снизу, благодаря наплыву рабочаго люда и росту мелкой буржуазіи, то она не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю. Города прусской Польши, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ поляки составляютъ громадное большинство, производятъ впечатлѣніе нѣмецкихъ. Однако не слѣдуетъ думать, что этому впечатлѣнію соотвѣтствуетъ реальная дѣйствительность. Многое зависитъ отъ времени дня, когда вамъ приходится наблюдать уличную жизнь прусско-польскаго города. Въ рабочее время, когда городская бѣднота занята на фабрикахъ и заводахъ, когда ремесленники и купцы не показываются изъ своихъ мастерскихъ и лавокъ, городъ имѣетъ почти чисто нѣмецкій характеръ, такъ какъ вся та публика, которая въ это время заполняетъ улицы, магазины, рестораны и кофейни, принадлежитъ къ самому зажиточному классу. А этотъ классъ въ прусско-польскихъ городахъ принадлежалъ прежде всецѣло, а въ настоящее время въ очень значительной степени принадлежитъ къ нѣмецкой національности. Но стоитъ пройтись по улицамъ въ томъ же «нѣмецкомъ» городѣ вечеромъ, особенно ближе къ окраинамъ, чтобы прійти къ убѣжденію, что нѣмцы составляютъ здѣсь только яркое блестящее пятно на сѣромъ польскомъ фонѣ. Количественное преобладаніе поляковъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе по воскресеньямъ, когда рабочіе и ремесленники-поляки заполняютъ улицы и когда бюрократически-буржуазный нѣмецкій элементъ прямо теряется среди польскихъ городскихъ массъ, къ которымъ присоединяются и крестьяне изъ подгородныхъ селъ.

V.

Изъ всего выше сказаннаго ясно, что германизаціонная система прусскаго правительства не дала до сихъ поръ результатовъ, ожидаемыхъ германскими «патріотами». Мало того, подъ давленіемъ германизаціи быстро распространяется національное самосознаніе польскихъ народныхъ массъ. Верхняя Силезія, польское населеніе которой совершенно игнорировалось Бисмаркомъ и его политикой, такъ какъ оно состояло только изъ крестьянъ и рабочихъ, за послѣдніе годы становится очагомъ сильнаго польскаго національнаго движенія. Силезскіе поляки, которые еще 40 лѣтъ тому назадъ самое названіе «поляки» считали браннымъ словомъ, быстро эмансипируются изъ подъ власти католическаго центра и съ 1903 года выбираютъ въ парламентъ, а съ 1908 и въ прусскій ландтагъ, польскихъ національныхъ депутатовъ. Начинаютъ пробуждаться къ національной жизни и поляки-проте-

станты (мазуры) Восточной Пруссіи, которые стояли въ сторонѣ отъ общепольскаго движенія другихъ польско-прусскихъ областей. Полной неудачи германизаціонной политики и всесторонняго роста полонизма не игнорируютъ и нѣмецкіе политическіе писатели.

Авторъ извѣстнаго сочиненія «Das polnische Gemeinwesen im Deutschen Reich», д-ръ Людовикъ Бернгардъ, доказываетъ, что прусское правительство своей германизаторской дѣятельностью не только не содѣйствовало сліянію интересовъ польскихъ подданныхъ съ интересами прусскаго государства, но, наоборотъ, своими мѣропріятіями достигло того, что прусское государство становится все болѣе и болѣе чуждымъ полякамъ. Поляки создали свои собственныя учрежденія взамѣнъ общегосударственныхъ, замкнулись въ своей средѣ, сплотились и сорганизовались, при чемъ они считаютъ прусское государство своимъ злѣйшимъ врагомъ. Бернгардъ доказываетъ, что вся антипольская политика прусскаго правительства была рядомъ политическихъ ошибокъ. Отнимая у герцогства Познанскаго автономію въ 1833—1836 гг., Пруссія толкнула польское дворянство на революціонный путь въ 1848 г. Вводя въ 1873 г. нѣмецкій языкъ въ народныхъ школахъ, Пруссія возстановила противъ себя польское крестьянство. Въ 1886 г. она учреждаетъ Колонизаціонную Коммиссію, и въ отвѣтъ на это возникаетъ Польскій Банкъ, который скупаетъ не только польскую, но и нѣмецкую землю. Въ 1904 г. министръ финансовъ приказываетъ всѣмъ чиновникамъ взять обратно изъ польскихъ финансовыхъ учрежденій всѣ свои вклады. Въ результатѣ поляки перевели свои вклады изъ нѣмецкихъ банковъ въ польскій, такъ что депозиты его сразу возросли на 12 милліоновъ марокъ, между тѣмъ какъ прежде ихъ ежегодный ростъ колебался между 5—7 милліонами марокъ. Такъ какъ вслѣдствіе нѣмецко-польской конкурренціи цѣны на землю невѣроятно поднялись, то нѣмецкіе капиталы, ищущіе выгоднаго помѣщенія, стекаются къ польскимъ ипотекамъ, положеніе которыхъ, благодаря этому, блестяще. Въ настоящее время польскіе банки Познани и Западной Пруссіи оперируютъ громадными капиталами и не только усиливаютъ польское крестьянское землевладѣніе въ этихъ провинціяхъ, но даже расширяютъ его площадь. По мнѣнію д-ра Бернгарда силы польскаго общества возросли. Оно уже не замыкается въ предѣлахъ герцогства Познанскаго и ищетъ выхода въ сосѣднія польскія провинціи — Силезію и Восточную Пруссію и двигается даже на западъ Германіи.

Характерный фактъ обнаружила послѣдняя прусская перепись населенія. Въ прусской статистикѣ поляки фигурируютъ въ четырехъ рубрикахъ—во-первыхъ, какъ поляки, затѣмъ, какъ «кашубы», *)

*) Кашубы, живущіе въ окрестностяхъ Данцига, являются потомками исчезнувшихъ поморянъ. Они говорятъ на нарѣчіи, отличающемся отъ

далѣе, какъ «мазуры» (въ Восточной Пруссіи) и, наконецъ, подъ рубрикой «двуязычныхъ». Къ «двуязычнымъ» причисляются тѣ поляки, которые во время переписи заявляютъ, что они считаютъ оба языка—и польскій, и нѣмецкій—въ одинаковой мѣрѣ родными. Конечно, такія заявленія дѣлаются только лицами, или мало сознательными въ національномъ отношеніи, или же полуонѣмеченными. Польская статистика обыкновенно причисляетъ къ полякамъ только половину «двуязычныхъ». И вотъ послѣдняя перепись преподнесла гакатистамъ очень непріятный сюрпризъ въ видѣ значительнаго уменьшенія числа «двуязычныхъ». Въ 1900 г. ихъ было 176,740, въ 1905 же ихъ оказалось всего 136,954. Такимъ образомъ количество сомнительныхъ поляковъ уменьшилось на 22,5%, потому что 40,000 «двуязычныхъ» на этотъ разъ назвали себя чистыми поляками. Это, конечно, результатъ усиливающагося германизаціоннаго гнета, вносящаго искру національнаго самосознанія даже въ самыя темныя и забитыя сферы, уже склонявшіяся было на сторону нѣмцевъ.

Политическіе выборы въ общеимперскій парламентъ точно такъ же свидѣтельствуютъ о безрезультатности усилій германизаторовъ. Не только количество польскихъ депутатовъ и польскихъ голосовъ увеличивается при каждыхъ выборахъ, но даже въ коренныхъ западно-германскихъ провинціяхъ, какъ Вестфалія, голоса польскихъ избирателей кое-гдѣ начинаютъ играть рѣшающую роль *).

Послѣдніе выборы въ прусскій ландтагъ, состоявшіеся въ концѣ мая и въ іюнѣ текущаго года, тоже какъ нельзя лучше иллюстрируютъ ростъ польскаго населенія въ отдѣльныхъ округахъ. Такъ, напр., въ I классѣ избирателей Познани количество поляковъ увеличилось со времени предыдущихъ выборовъ съ 46 до 66. Въ Шамотульскомъ округѣ въ 1903 г. избирателей нѣмцевъ было 109, поляковъ 107, теперь же поляковъ было 117, въ то время какъ количество нѣмцевъ осталось безъ перемѣны. Вообще во всѣхъ округахъ число польскихъ избирателей возросло гораздо значительнѣе числа нѣмецкихъ. Въ Познанско-Оборницкомъ округѣ число нѣмецкихъ избирателей поднялось съ 261 до 265, т. е. всего на 4, польскихъ же—съ 186 на 236, значитъ на 50. Если этотъ процессъ будетъ въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ развиваться съ такой же послѣдовательностью, то при ближайшихъ выборахъ Познанско-Оборницкій округъ перейдетъ въ руки поляковъ, что значительно усилитъ позицію послѣднихъ, такъ какъ этотъ округъ выбираетъ двухъ депутатовъ. Характерно, что во всѣхъ, за исключеніемъ одного, округахъ, не смотря на лихорадочную дѣятель-

---

другихъ польскихъ нарѣчій, но ихъ литературный языкъ такой же польскій, какъ въ Краковѣ или Варшавѣ.

*) Въ Вестфаліи и Прирейнской провинціи живетъ до 300,000 польскихъ рабочихъ.

ность Колонизаціонной Коммиссіи, шансы польскихъ кандидатовъ при послѣднихъ выборахъ были гораздо сильнѣе, чѣмъ при прежнихъ. Есть надежда, что черезъ пять лѣтъ они еще болѣе укрѣпятся.

Мизерность результатовъ дѣятельности Колонизаціонной Коммиссіи и другихъ германизаторскихъ мѣропріятій заставила прусское правительство обратиться къ рѣшительному средству,—именно къ такому, которое еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ могло бы всѣмъ показаться совершенно неправдоподобнымъ. Архи-консервативное правительство рѣшило посягнуть на «священнѣйшее право собственности» и примѣнить къ полякамъ право принудительнаго отчужденія земли. Этотъ шагъ былъ встрѣченъ непріязненно даже среди консерваторовъ, которые указывали на то, что, попирая право собственности, хотя бы только польской, правительство играетъ въ руку соціалистамъ и создаетъ опаснѣйшій прецедентъ. Умѣренная печать напоминала, что § 9 германской конституціи гарантируетъ неприкосновенность частной собственности, а § 4 говоритъ, что права всѣхъ прусскихъ подданныхъ равны. Съ рѣзкимъ осужденіемъ правительственнаго законопроекта, хотя и по инымъ, чѣмъ консерваторы основаніямъ, выступили и лѣвыя партіи: соціалъ-демократы и свободомыслящіе. Агитація перешла и за предѣлы Германіи. Генрихъ Сенкевичъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ къ представителямъ литературы, искусствъ и политики Западной Европы и Америки, прося ихъ высказаться по вопросу о новой антипольской затѣѣ Пруссіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе сотни литераторовъ, ученыхъ, художниковъ и политиковъ различныхъ національностей, исходя отъ различныхъ точекъ зрѣнія, самымъ рѣшительнымъ образомъ осудили варварство Пруссіи.

Конечно, все это не произвело рѣшительно никакого впечатлѣнія на правительство Пруссіи. Оно было озабочено только однимъ— удастся-ли обезпечить за законопроектомъ объ отчужденіи польской земли большинство прусскаго сейма и палаты господъ. Для того, чтобы смягчить оппозицію консерваторовъ, между которыми противники законопроекта не были единичными исключеніями, правительство рѣшило пойти на уступки, по крайней мѣрѣ, сдѣлало видъ, что желаетъ нѣсколько смягчить свой проектъ. На основаніи компромисса, заключеннаго съ консерваторами, правительство рѣшило идти къ цѣли не сразу, а исподволь. Оно потребовало, чтобы сеймъ позволилъ Колонизаціонной Коммиссіи экспропріировать на первыхъ порахъ только 57,000 гектаровъ польской земли, да и то только въ вполнѣ опредѣленныхъ районахъ герцогства Познанскаго и Западной Пруссіи, а не на всей территоріи этихъ провинцій. Однако очень скоро обнаружилось, что мнѣніе гакатистовъ гораздо сильнѣе въ нѣмецкомъ обществѣ, нежели страхъ за собственную шкуру консерваторовъ. Правительство убѣдилось, ведя переговоры съ представителями партій, что ему незачѣмъ дѣлать

слишкомъ большія уступки. И вотъ оно уже требуетъ не 57,000, а 70,000 гектаровъ на первый разъ, при чемъ эту «порцію» оно желаетъ экспроріировать не въ какомъ-нибудь строго опредѣленномъ районѣ, а повсюду, гдѣ только вздумается Колонизаціонной Коммиссіи.

Именно въ такомъ видѣ былъ внесенъ правительственный законопроектъ и въ такомъ видѣ онъ оказался принятымъ большинствомъ ландтага и палаты господъ. Всѣ поправки коммиссіи, нѣсколько смягчающія дѣйствіе новаго закона, были отвергнуты. Уцѣлѣла только одна: нельзя экспропріировать землю, находящуюся въ рукахъ ея теперешняго владѣльца съ 1886 г., т. е. пріобрѣтенную еще въ періодъ, предшествовавшій учрежденію Колонизаціонной Коммиссіи.

Прусскій ландтагъ утвердилъ правительственный законопроектъ, на основаніи котораго ассигнуется 275.000,000 марокъ. Однако не вся эта сумма пойдетъ на экспропріацію польской земли, а только 125 милліоновъ. Остальная сумма распредѣляется такимъ образомъ: 50 милліоновъ должно быть употреблено на созданіе нѣмецкихъ т. н. Rentengüter, 75 милліоновъ на регулированіе долговъ нѣмецкой земельной собственности и 25 милліоновъ на организацію крупныхъ правительственныхъ угодій, отдаваемыхъ въ аренду нѣмецкимъ помѣщикамъ.

По разсчету гакатистовъ, Колонизаціонная Коммиссія справится съ первой «порціей» въ 70,000 гектаровъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, лишая 140—150 польскихъ помѣщиковъ и крупныхъ крестьянъ ихъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ около 25—30,000 польскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ потеряетъ заработокъ на этой землѣ, *поскольку конечно, Колонизаціонной Коммиссіи удастся замѣнить ихъ нѣмецкими.* Кромѣ того, потеряетъ мѣсто 150—200 поляковъ, занятыхъ въ настоящее время въ администраціи этихъ помѣстій, да нѣсколько сотъ поляковъ ремесленниковъ. Въ качествѣ эквивалента отчужденной у поляковъ земли въ польскія руки перейдетъ около 45 милліоновъ марокъ.

Покончивъ съ закономъ о принудительномъ отчужденіи польской земли, правительство приступило къ подготовленію слѣдующаго удара, на этотъ разъ уже не въ ландтагѣ, а въ общеимперскомъ парламентѣ. Въ новый законъ о собраніяхъ и сообществахъ правительствомъ былъ включенъ слѣдующій (7-ой) параграфъ:

«Языкомъ публичныхъ собраній является нѣмецкій. Это правило не относится къ международнымъ конгрессамъ и къ собраніямъ передъ выборами въ парламентъ и законодательныя учрежденія союзныхъ государствъ точно такъ же, какъ и Эльзаса и Лотарингіи, со дня оффиціальнаго объявленія срока выборовъ до ихъ окончанія. Правительство каждаго изъ союзныхъ государствъ можетъ допустить исключенія изъ этого правила. Однако въ районахъ, гдѣ во время дѣйствія этого закона живетъ коренное насе-

леніе, употребляющее не-нѣмецкій языкъ,— поскольку его число на основаніи послѣдней переписи равняется 60% общаго количества жителей,—оно имѣетъ право въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ по обнародованіи этого закона пользоваться на собраніяхъ и не нѣмецкимъ языкомъ, если организующій собраніе заявитъ объ этомъ полиціи, по крайней мѣрѣ, за трое сутокъ, съ прибавленіемъ, что пренія будутъ вестись на иностранномъ языкѣ и на какомъ именно. Заявленіе это полиція должна немедленно подтвердить письменно, не взимая за это никакой платы. Райономъ считаются округа самыхъ низшихъ административныхъ властей. Затѣмъ допускаются исключенія съ позволенія центральной власти, поскольку это не противорѣчитъ мѣстному законодательству».

Включая § 7 въ законопроектъ о собраніяхъ, правительство не преминуло подчеркнуть въ своихъ органахъ, что этотъ параграфъ направленъ не противъ французовъ въ Эльзасѣ или датчанъ въ Шлезвигѣ, но исключительно противъ поляковъ. И нѣмецкій парламентъ, выбранный на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, принялъ большинствомъ голосовъ правительственный законопроектъ, лишающій поляковъ одной изъ основныхъ конституціонныхъ свободъ. Этотъ актъ неслыханнаго насилія былъ совершенъ 4-го апрѣля текущаго года.

Никогда еще со времени существованія имперскаго парламента партіи не были въ немъ представлены въ такомъ комплектѣ, какъ въ этотъ памятный день. «Польское Коло», соціалъ-демократы и центръ явились въ полномъ составѣ. Партіи правительственнаго блока также постарались, чтобы всѣ входящіе въ него депутаты были на мѣстѣ. Прибыли даже больные. И законопроектъ оказался принятымъ, благодаря предательству свободомыслящихъ, которые съ безграничнымъ цинизмомъ продались правительству за кое-какія уступки въ законѣ о биржѣ. Только четыре свободомыслящихъ (Гауссманъ, Поттгофъ, Нейманнъ-Гоферъ и Дорнъ) голосовали противъ § 7-го. Остальные шли рука объ руку съ консерваторами и націоналъ-либералами. Вмѣстѣ съ поляками голосовали соціалъ-демократы, центръ, эльзасцы и датчане. *За* было подано 200 голосовъ, *противъ* 179, трое воздержалось отъ голосованія.

На основаніи этого варварскаго закона поляки лишены возможности устраивать собранія не только на западѣ Германіи, въ многочисленныхъ колоніяхъ, но даже въ самой Познани, такъ какъ тамъ количество поляковъ составляетъ 57% жителей. На основаніи этого закона поляки могутъ организовать публичныя собранія только въ 26 (изъ 42) округахъ герцогства Познанскаго, въ 6 (изъ 37) Западной Пруссіи и въ 13 (изъ 20) Силезіи. Въ 1928 г. польскій языкъ долженъ исчезнуть повсюду. Слѣдуетъ добавить, что «публичными» собраніями считаются не только политическія митинги, но и собранія профессіональныхъ обществъ, просвѣтительныхъ и научныхъ учрежденій, а гакатистская печать доказы-

ваетъ, что на основаніи новаго закона правительство должно запретить польскія театральныя представленія въ Познани.

VI.

Если польское общество въ Пруссіи можетъ съ гордостью утверждать, что ему удалось отбить всѣ аттаки германизаціи, если оно не боится новыхъ ударовъ, пріуготовленныхъ ему могущественнымъ врагомъ, то все-таки нельзя сказать, чтобы германизаціонная система не отражалась самымъ плачевнымъ образомъ въ жизни прусской Польши.

Національный гнетъ привелъ къ сплоченію въ одинъ національный лагерь всѣхъ слоевъ польскаго общества подъ традиціоннымъ руководствомъ крупныхъ помѣщиковъ-аграріевъ и тяготѣющей къ нимъ интеллигенціи. Такъ какъ германизація, особенно въ ея новѣйшей формѣ, обрушилась и на помѣщика, и на рабочаго, и на крестьянина, и на интеллигента, и на ремесленника, и на священника, то «традиціоннымъ вождямъ народа» не трудно было убѣдить народныя массы, что для защиты общенаціональныхъ интересовъ слѣдуетъ поступиться «узко-сословными», «классовыми». И вотъ мы видимъ, что поляки-крестьяне и рабочіе посылаютъ въ «Польское Коло», руководимое помѣщиками-аграріями, своихъ представителей, которые тамъ энергично защищаютъ національные интересы польскаго народа, но объ экономическихъ нуждахъ и задачахъ трудового населенія по большей части молчатъ. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что не только въ мало промышленномъ герцогствѣ Познанскомъ, но даже въ Верхней Силезіи, въ области, гдѣ промышленность достигла очень высокой ступени развитія, классовое движеніе рабочихъ подъ знаменемъ соціализма крайне слабо. Польская соціалистическая партія (P. P. S.) прусской Польши развивается чрезвычайно медленно и, не смотря на то, что она самымъ энергичнымъ образомъ отстаиваетъ національные интересы польскаго населенія, ей до сихъ поръ не удалось пустить прочныхъ корней въ польскомъ рабочемъ классѣ. Въ Западной Пруссіи у нея совсѣмъ нѣтъ никакихъ связей, въ герцогствѣ Познанскомъ она располагаетъ всего горстью сторонниковъ и только въ Верхней Силезіи ей удалось кое-какъ укрѣпиться, хотя и тутъ большинство польскихъ фабричныхъ и рудничныхъ рабочихъ примыкаетъ не къ соціалистическому, а къ націоналистическому лагерю. Въ результатѣ П. П. С. прусской Польши является слабымъ отрядомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, не играющимъ сколько-нибудь замѣтной роли въ польской политической жизни. И польскія народныя массы идутъ безпрекословно за своими консервативно-клерикальными и умѣренно-демократическими вождями, борющимися съ прусскимъ правитель-

ствомъ и реакціонными партіями, поскольку дѣло касается національнаго и политическихъ вопросовъ, но идущими нерѣдко рука объ руку съ ними, разъ на сцену выступаетъ опасность, грозящая имущимъ классамъ.

Борьба съ германизаціей и самопомощь экономическаго характера оттѣснили въ польскомъ обществѣ Пруссіи на задній планъ интересы литературы, искусства и науки. Герцогство Познанское, которое когда-то, въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія, было очагомъ живого литературнаго движенія, въ настоящее время плетется далеко позади Галиціи и Царства Польскаго. Нѣкогда въ Познани работалъ рядъ выдающихся польскихъ философовъ, ученыхъ и литераторовъ, къ словамъ которыхъ внимательно прислушивалась вся Польша. Теперь всякій талантливый польскій литераторъ долженъ эмигрировать въ Галицію или въ Варшаву, чтобы найти подходящую почву для своей дѣятельности. Такіе таланты, какъ Каспровичъ и Пшибышевскій, давно покинули родныя познанскія нивы. Варшавскія редакціи переполнены познанскими выходцами, а въ львовскомъ и юрьевскомъ университетахъ цѣлый рядъ кафедръ занятъ уроженцами Познани. Между тѣмъ познанское «Общество ревнителей наукъ» едва прозябаетъ, научныя работы въ Познани появляются крайне рѣдко, тамъ нѣтъ ни одного серьезнаго общелитературнаго изданія и ни одно изъ выдающихся произведеній польской литературы за послѣднее тридцатилѣтіе не обязано своимъ существованіемъ художнику, живущему въ Познани.

Германизаціонный гнетъ не убилъ прусскихъ поляковъ, какъ національность, даже закалилъ ихъ въ борьбѣ и развилъ въ нихъ много качествъ, позволяющихъ имъ успѣшно конкурировать съ нѣмцами въ области экономическихъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, германизація способствовала распространенію въ польскомъ обществѣ грубыхъ матеріалистическихъ воззрѣній, убила въ немъ всякіе литературные и художественные интересы, понизила уровень его политическаго самосознанія и содѣйствовала укорененію въ немъ соціальнаго консерватизма, клерикализма и націоналистической односторонности.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Изъ Англіи.

I.

Утопіи съ ихъ шаблонной завязкой вышли теперь изъ моды. Послѣ «Путешествія въ Икарію» появлялись гораздо болѣе красивыя въ художественномъ отношеніи произведенія подобнаго рода, какъ, напримѣръ, «News from Nowhere» Морриса; но я не знаю романа будущаго, проникнутаго такой глубокой и наивной вѣрой, какъ книга Кабэ. Вѣдь тогда великій шквалъ 1848 г. съ его страшными разочарованіями еще не промчался. Предо мною первое изданіе «Путешествія въ Икарію». Кабэ поступаетъ, какъ рыцари, отправлявшіеся воевать съ сарацинами: они прикрѣпляли на груди кресты, а на щитахъ выставляли девизы. Крестоносецъ пролетаріата Кабэ выставляетъ свои девизы не на щитѣ, а на заглавномъ листѣ своей книги. Девизовъ этихъ болѣе тридцати и расположены они на заглавномъ листѣ геометрическими фигурами. «Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ»,—читаемъ мы. «Первое право человѣка—жить; первая обязанность—работать». «Каждому по его потребностямъ, отъ каждаго по его способностямъ». «Единеніе, равенство, свобода, избирательное право, миръ» и т. д. «Путешествіе въ Икарію» неуклюже по формѣ, но это *послѣдняя* утопія, написанная «вѣрующимъ». Мадонны художниковъ XIX вѣка удивительно изящны, а между тѣмъ мы проходимъ мимо нихъ совершенно равнодушно и останавливаемся надолго передъ Голгоѳой Никола Фолильо (въ лондонской національной галлереѣ). Художникъ середины XV вѣка рисовалъ наивно, не имѣлъ представленія о перспективѣ, а между тѣмъ умѣлъ передать свою глубокую вѣру, которая захватываетъ насъ, раціоналистовъ XX вѣка. И мы, смотря на эту наивную картину, гдѣ Богоматерь изображена съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами и носомъ, понимаемъ, что разсказъ про старинныхъ художниковъ, рисовавшихъ своихъ Мадоннъ въ религіозномъ экстазѣ, стоя на колѣняхъ, дѣйствительно вѣренъ. Итакъ, утопіи вышли теперь изъ моды потому, что нѣтъ болѣе авторовъ, проникнутыхъ, какъ Кабэ, такой глубокой вѣрой въ золотой вѣкъ, который наступитъ завтра. Нѣтъ болѣе эпохи, насыщенной «электричествомъ возвышенныхъ идеаловъ», какую мы видимъ во Франціи начала сороковыхъ годовъ. Въ прошломъ году появилась утопія Блэтчфорда. Написана она очень красиво, но авторъ дѣлаетъ безнадежныя усилія избавиться отъ шаблона. Оригинальна только что появившаяся «картина будущаго»—*The Last Generation* (Послѣднее поколѣніе) Флеккера; но это не «утопія».

Авторъ заглядываетъ въ будущее и видитъ полную гибель человѣчества. Такъ какъ выводы автора любопытно сопоставить съ тѣми фактами, которые приведены мною въ прошлой статьѣ, то я познакомлю читателей съ мрачнымъ произведеніемъ Флеккера.

Южный вѣтеръ предлагаетъ лицу, отъ котораго ведется разсказъ, перенести его черезъ пространство, раздѣляющее не отдѣльныя страны, а эпохи. И вотъ я романа переносится на неизвѣстное время впередъ. Онъ въ Бирмингэмѣ, гдѣ подготовляется великая революція. Громадная вооруженная толпа дожидается у городской ратуши вождя. И вотъ онъ появляется на балконѣ. Ему не болѣе тридцати лѣтъ. Автора онъ поражаетъ своими зелеными глазами и черной бородой. «Воины мои,—обращается вождь къ толпѣ—у меня для васъ только нѣсколько горькихъ словъ. Долженъ ли я еще внушать мужество людямъ, которые поставили на карту свою жизнь, чтобы добиться господства? Мы не можемъ отступить. Вопли десятковъ тысячъ убиваемыхъ людей не заставятъ насъ забыть жестокія муки миріадовъ существъ, жаждущихъ спасенія. Въ теченіе многихъ вѣковъ мы покорно несли бремя цивилизаціи, которую мы теперь желаемъ разрушить ею же созданнымъ оружіемъ. Мы, жители Бирмингэма, въ отвратительныя улицы котораго никогда не заглядываютъ ни солнце, ни мѣсяцъ, долго терпѣливо слушали розсказни про прогрессъ, неукоснительно ведущій человѣчество къ славной цѣли. Поглядите, что далъ человѣчеству этотъ прогрессъ? Площадь свободной земли сократилась. Число дикарей уменьшилось. Нищета увеличилась. Мы имѣемъ больше милліонеровъ и музеевъ. Довольно. Мы идемъ сегодня на Лондонъ... Впередъ. Сомнѣній въ томъ, что я веду васъ къ побѣдѣ, не можетъ быть. Нѣкоторые изъ васъ погибнутъ. Но вы знаете, что смерть только—вѣчный покой. Теперь мы не боимся больше ни фейерверка средневѣковаго ада, ни скучныхъ развлеченій методистскаго рая. Впередъ, друзья, на Лондонъ».

Слѣдующая глава описываетъ событія черезъ десять лѣтъ. Мы опять видимъ многотысячную толпу, собравшуюся въ гигантской залѣ, по формѣ своей напоминающей Колизей, но по размѣрамъ гораздо большей. «Въ одномъ концѣ залы на тронѣ сидѣлъ король въ скромной черной одеждѣ. Я узналъ въ немъ оратора съ зелеными глазами и мнѣ сказали, что его зовутъ Джошуа Гаррисъ. Весь партеръ залы былъ занятъ солдатами въ сѣрыхъ туникахъ и въ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ. То стояли люди, завоевавшіе весь свѣтъ». И вотъ король самъ читаетъ народу манифестъ. «Я, Джошуа Гаррисъ, па правахъ побѣдителя и въ силу моихъ дарованій король Великобританіи, императоръ обѣихъ Америкъ и лордъ-покровитель всего свѣта, шлю привѣтъ всѣмъ подвластнымъ мнѣ государямъ, президентамъ и народамъ. Вамъ извѣстно, что нѣкогда старикъ, теперь скончавшійся, открылъ мнѣ средство, какимъ образомъ горестное пребываніе человѣчества на земномъ шарѣ можетъ быть

добровольно прекращено, какимъ образомъ у мрачной силы, бросившей насъ въ жизнь и давшей намъ муки и смерть, можетъ быть отнята добыча. И я поклялся тогда выполнить планъ старика. Съ этой цѣлью я навербовалъ армію послѣдователей изъ несчастныхъ и голодныхъ людей, съ помощью которой покорилъ весь міръ. Уже въ прошломъ году въ манифестахъ, изданныхъ въ Вѣнѣ, Каирѣ, Пекинѣ и Ріо-Жанейро, я отдалъ приказъ, что рожденіе дѣтей прекращается. Всѣ женщины должны быть сдѣланы безплодными по методу, придуманному докторомъ Смитомъ. И такъ какъ теперь нѣтъ болѣе такого острова на землѣ, гдѣ мы бы не были побѣдителями, то сегодня прежніе манифесты распространяются на весь земной шаръ. Отнынѣ ни одна женщина не должна больше производить дѣтей. Въ противномъ случаѣ отецъ, мать и ребенокъ предаются смерти. Вамъ, солдаты, я поручаю слѣдить за тѣмъ, чтобы приказъ исполнялся. Радуйтесь же, мои народы. Житницы полны. Съѣстныхъ припасовъ, вина и платья заготовлено для человѣчества на много лѣтъ. Ликуйте, потому что вы—послѣднее и самое благородное поколѣніе человѣчества. Изобрѣтеніе доктора Смита даетъ вамъ возможность любить другъ друга, не страшась ни потомства, ни болѣзней. Запасовъ наготовлено столько, что никому не нужно больше работать до конца жизни. Вы всѣ можете жить отнынѣ въ роскоши. Отмѣняются также всякіе налоги». *Я* романа больше всего поразили неподвижныя фигуры солдатъ и отталкивающій видъ ихъ. «Меня привели въ ужасъ отталкивающія лица. Въ особенности противно было смотрѣть на оттопыренныя уши солдатъ». Южный вѣтеръ переноситъ автора на нѣсколько лѣтъ впередъ, и онъ видитъ послѣдствія манифеста. Авторъ попадаетъ въ Германію. Онъ видитъ вооруженныхъ жителей, повидимому, упражняющихся къ стрѣльбѣ въ цѣль. У автора мелькаетъ мысль, что идутъ приготовленія къ войнѣ.

Я высказалъ мои догадки толстому человѣку, въ стальныхъ очкахъ, съ добрымъ, умнымъ лицомъ. Толстякъ, повидимому, удивился.

— Должно быть, вы иностранецъ,—сказалъ онъ.—Вы видите нашъ «Vertildungsverein».

Я понялъ: то былъ «Клубъ взаимнаго истребленія». И я разсмотрѣлъ тогда, что обыкновенныхъ мишеней не было. Стрѣлки цѣлились въ какого-то бородача, который, съ трубкой въ зубахъ, стоялъ у дерева. Когда раздался выстрѣлъ, бородачъ поднялъ обѣ руки.

— Полный промахъ,—объяснилъ мнѣ новый знакомый.—Поднятая рука означаетъ: «раненъ». Обѣ руки: «промахъ». И сигнализація вполнѣ разумна, потому что если *мишень* убита, она не можетъ больше поднимать руки.

Я призналъ удивительную логичность сигнализаціи. Мнѣ казалось, что теперь бородачъ можетъ отойти отъ дерева.

— О, да,—сказалъ мнѣ новый знакомый.—По правиламъ нашего клуба *мишень,* конечно, можетъ уйти; но я не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ это. Чувство чести не позволитъ ему.

Членами клуба взаимнаго истребленія, оказывается, состоятъ большею частью ученые. Прежде они находили смыслъ жизни въ безсмертіи разума, въ преемственности знанія. Ученый накоплялъ факты и старался поставить ихъ въ причинную связь. Преемникъ его продолжалъ трудъ предшественника. Когда же постановлено было, что поколѣніе должно жить для себя, что родъ человѣческій прекращается,—жизнь для ученыхъ утратила всякій смыслъ. Зачѣмъ думать, зачѣмъ дѣлать изысканія, если ими все равно никто не воспользуется? Бородачъ остался у дерева. Раздается второй выстрѣлъ, и *мишень* падаетъ на землю. Въ «Клубѣ взаимнаго истребленія» состоятъ членами также и женщины.

— Въ нашемъ клубѣ—объясняетъ автору новый знакомый—состоятъ членами много развитыхъ, передовыхъ женщинъ, а также такія, которыя пережили бурю страстей.

У дерева стояла молодая, красивая, слишкомъ изысканно одѣтая женщина. Очередь стрѣлять выпала поджарому молодому студенту, съ торчащими, какъ у ежа, волосами. «То былъ сверхчеловѣкъ,—замѣчаетъ романистъ.—Онъ полагалъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые авторы, что превосходство надъ другими людьми проявляется непремѣнно въ грубости манеръ и въ цинизмѣ выраженій.

— Жалко портить такой великолѣпный кусокъ мяса,—сказалъ сверхчеловѣкъ, беря ружье.

Студентъ выстрѣлилъ. Женщина подняла одну руку. Онъ сдѣлалъ еще выстрѣлъ. Женщина вскрикнула и присѣла. Она опять была только ранена.

— Не хотите ли вы выстрѣлить,—обратился сверхчеловѣкъ къ моему собесѣднику.—Сегодня что-то я не въ ударѣ.—Руки его, дѣйствительно, дрожали. Мой собесѣдникъ поклонился и взялъ винтовку. Сверхчеловѣкъ сталъ рядомъ со мною.

— Этотъ Мюллеръ удивительно хорошо стрѣляетъ,—сказалъ онъ.—Раздался выстрѣлъ, и дама, къ моему великому облегченію, упала. Я былъ страшно возбужденъ. Ужасъ и любопытство въ равной степени овладѣли мною.

— Видите того человѣка, въ шляпѣ съ перомъ?—спросилъ сверхчеловѣкъ.—Онъ пришелъ сказать, кому выпалъ жребій стать у дерева. Ага! онъ подаетъ знакъ мнѣ. До свиданія! Къ сожалѣнію, приходится отложить нашъ разговоръ до болѣе удобнаго времени. — Сверхчеловѣкъ снялъ шляпу и сдѣлалъ шутливый поклонъ».

Авторъ попадаетъ изъ Германіи въ Англію и здѣсь наталкивается на крайне драматическую сцену. Нѣсколько членовъ международной полиціи волокутъ преступницу, женщину, держащую

въ рукахъ грудного ребенка. За полицейскими слѣдуетъ большая толпа. Она начинаетъ расходиться только тогда, когда преступницу запираютъ въ тюрьму. На правахъ пріѣзжаго, авторъ пробирается туда и тамъ вступаетъ въ разговоръ съ арестованной, которой въ силу закона грозитъ неминуемая казнь. Женщина эта объясняетъ автору, что до революціи была проституткой въ провинціальномъ городѣ. Ей всегда страстно хотѣлось имѣть ребенка. Послѣ изданія манифеста, она пустила въ ходъ всякія хитрости, чтобы избѣжать прививки «смитовской жидкости», дѣлающей женщинъ безплодными. Вмѣстѣ съ своимъ поклонникомъ женщина убѣжала въ глухое мѣсто, гдѣ жила въ пещерѣ. Тамъ она и родила ребенка. «И какой чудный онъ мальчикъ!—прибавила женщина, ломая руки.—Ему только годъ и два мѣсяца!» Авторъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ сильно уменьшившееся число полицейскихъ держитъ въ подчиненіи всѣхъ, и почему населеніе такъ послушно приняло манифестъ? Женщина отвѣтила, что полицейскіе—добровольцы. Эту обязанность берутъ на себя наиболѣе энергичные и благородные элементы населенія. Этимъ отчасти объясняется покорность остальныхъ. Затѣмъ громадное большинство всего человѣчества на землѣ твердо рѣшило привести въ исполненіе проектъ короля Гарриса. Наконецъ, всѣмъ привита смитовская жидкость. Она не имѣетъ вкуса и дѣйствуетъ тогда, когда ее принимать во внутрь. Такимъ образомъ впрыскиванія излишни. Всюду, во всѣхъ странахъ, этой жидкостью отравлены всѣ колодцы, источники, резервуары и цистерны. И въ результатѣ—безплодіе всѣхъ женщинъ на землѣ.

Во дворѣ авторъ нашелъ громадную толпу, которая разсматривала ребенка, какъ рѣдкаго, невиданнаго звѣрька. Женщины называли его «птичкой», «голубчикомъ» и другими ласкательными именами, давно вышедшими уже изъ употребленія; но большинство мужчинъ находили ребенка «противнымъ». Мальчишка лежалъ па подушкѣ и, протестуя противъ отсутствія матери, отчаянно заливался и билъ ножками. Въ толпѣ возникали разговоры на тему, какъ лучше всего прикончить ребенка. Одни стояли за безболѣзненное удушеніе углекислотой, какъ это дѣлаютъ съ бродячими собаками; другіе предполагали, что проще всего нанести ударъ палкой по головѣ. Остряки предлагали сварить ребенка и съѣсть его. Но вотъ одинъ полицейскій нечаянно уронилъ мальчика на каменный полъ. Ребенокъ скатился съ лѣстницы и убился.

II.

Авторъ попалъ потомъ въ Нормандію. Этотъ край трудолюбивыхъ крестьянъ былъ совершенно безлюденъ. Дома въ деревняхъ разрушались. Поля опустѣли. Такъ какъ не было никакой надобности пахать или сѣять, то все населеніе ушло въ города. Отсутствіе занятыхъ людей авторъ наблюдаетъ и въ Парижѣ, гдѣ работа всегда такъ кипѣла. Все, что прежде связывало людей вмѣстѣ,—разрушилось. Немного работали только члены англійской филантропической добровольческой лиги. Одѣтые въ особые мундиры, они дежурили возлѣ желѣзнодорожныхъ станцій (они же вели поѣздъ). Нуждающіеся въ помощи кричали: «Anglais, anglais!» Добровольцы помогали пріѣзжимъ, бѣгали для нихъ въ общественные склады за провизіей и варили обѣдъ. Автора поражаетъ въ Парижѣ всеобщее оцѣпененіе. «Я прошелся по Монмартрскому бульвару; чѣмъ дальше подвигался я, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ. До переворота Парижъ слылъ веселымъ городомъ, самой красивой столицей въ мірѣ. И, дѣйствительно, жизнь тогда кипѣла здѣсь ключемъ. Теперь въ Парижѣ никто ничего не дѣлалъ. Художники не рисовали картинъ; ваятели не лѣпили статуй, потому что не было больше такихъ стимуловъ, какъ желаніе славы или стремленіе продать произведеніе. На плитахъ тротуаровъ и на стѣнахъ кое-гдѣ были нацарапаны каррикатуры на добровольцевъ филантропической лиги. Это была вся живопись Парижа. Кое-гдѣ грамофоны гудѣли неприличныя пѣсни. То была вся музыка міровой столицы. На лицахъ прохожихъ лежала печать грубости и глупости. Людямъ было нечего дѣлать. Они только ѣли, пили и совокуплялись». Авторъ испытываетъ страстное желаніе бѣжать. Но куда? Когда-то въ Парижѣ удивительно талантливый и несчастный поэтъ, изломанный жизнью, съ издерганными нервами, совѣтовалъ опьяняться, чтобы уйти отъ дѣйствительности. «Нужно быть всегда пьянымъ,—говоритъ Бодлэръ въ одномъ изъ своихъ мало извѣстныхъ стихотвореній въ прозѣ, входящемъ въ серію «Petits poèmes en prose».—Чтобы не чувствовать ужасной ноши, давящей васъ къ землѣ и взваленной на ваши плечи временемъ, необходимо опьянять себя непрерывно. Но чѣмъ? Виномъ, поэзіей, доблестью, чѣмъ хотите; но только опьяняйтесь. И если когда-нибудь придетъ пробужденіе на лѣстницахъ дворцовъ, на зеленой обочинѣ рва или въ мрачномъ одиночествѣ вашей комнаты; если хмѣльной угаръ уменьшится или исчезнетъ совершенно,—спросите у вѣтра, у волны, у звѣзды, у птицы, у часовъ, у всего, что мчится, вздыхаетъ, поетъ, говоритъ, или катится, спросите: «который часъ?» И вѣтеръ, волна, птица, звѣзда или часы отвѣтятъ вамъ: «Часъ опьяняться. Чтобы не быть рабомъ,

мучимымъ временемъ—опьяняйся. Опьяняйся безпрерывно виномъ, поэзіей, доблестью, чѣмъ хочешь!» *). Послѣднее поколѣніе принимаетъ въ самой грубой формѣ совѣтъ Бодлэра. Наиболѣе избранные иначе уходятъ отъ дѣйствительности. Во время флорентинской чумы «sette giovani donne» (семь молодыхъ дамъ), сошедшихся «nella venerabile chiesa di Santa Maria Novella» (въ чтимой новой церкви Св. Маріи), рѣшили организовать содружество, которое дало намъ *Декамеронъ*. Въ Парижѣ—Фіаметты, Филомелы, Эмиліи и Пампинеи «послѣдняго поколѣнія» тоже рѣшили удалиться отъ дѣйствительности и образовать флорентинскую лигу. Ее составили наиболѣе красивые и молодые представители поколѣнія, любящіе искусство. Послѣ переворота большинство родителей ничему уже не учили дѣтей, кромѣ элементарной грамоты. Только наиболѣе талантливые представители молодого поколѣнія уже сами учились потомъ. «Мы наслаждаемся всѣмъ, что могутъ дать жизнь, природа и искусство, — объясняетъ одинъ изъ членовъ лиги автору.—Любовь еще не ушла отъ насъ и все еще умѣетъ владѣть своимъ золотымъ лукомъ. Это не тотъ поблекшій, опухшій Эросъ, который господствуетъ въ городѣ, а самъ жизнерадостный богъ древней Эллады». Авторъ отправляется въ садъ, куда удалилась отъ дѣйствительности флорентинская лига. «При входѣ меня поразили пѣніе, музыка и смѣхъ. Меня одѣли въ простое бѣлое шелковое платье съ золотой застежкой... Мы вошли въ садъ, въ которомъ особенно замѣтны были такъ называемые «старомодные» цвѣты: проскурнякъ, турецкая гвоздика, жабрей и наперстянка. Всюду подъ деревьями и на лужайкахъ видны были молодые мужчины и женщины. Нѣкоторые гуляли въ тѣни, другіе играли въ мячъ, иные читали другъ другу вслухъ. Мнѣ показали греческій храмъ, въ которомъ находилась библіотека, и жилыя помѣщенія рядомъ съ нимъ. Я спросилъ у дѣвушки, которую звали Фіоре ди Фіамма, какую книгу флорентинцы больше всего любятъ. Она сказала, что поэтовъ, въ особенности тѣхъ, которые своею неопредѣленною поэзіею даютъ неясное, чарующее, печальное настроеніе.—Пишете ли вы пѣсни, Фіоре ди Фіамма?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтила она.—Я написала также музыку къ нимъ.

— Такъ спойте мнѣ одну. Я буду вамъ аккомпанировать.— И она спѣла мнѣ одну изъ самыхъ грустныхъ пѣсенъ, какую я когда-либо слышалъ. Пѣсня эта была написана не для славы, а только для того, чтобы передать минутное печальное настроеніе».

Лицо, отъ котораго ведется разсказъ, осталось на много лѣтъ въ саду, въ гостяхъ у флорентинской лиги. «Я видѣлъ, какъ мои товарищи старѣлись. У насъ было правило, что никто старше тридцати семи лѣтъ не могъ оставаться въ лигѣ. Онъ долженъ былъ

*) Oeuvres Complètes de Charles Baudelaire, 1869, vol. IV, p. 106.

уйти въ городъ. Вмѣсто этого, многіе предпочитали ядъ. Мы сжигали тогда ихъ тѣла, а урны съ пепломъ ставили подъ деревьями въ травѣ... Мы жили спокойно; только иногда черезъ высокія стѣны, которыми садъ былъ окруженъ, долетали до насъ изъ города ужасные вопли; но это насъ не страшило. У насъ были пушки». Но лига мало-по-малу уменьшалась численно. Наконецъ, въ ней осталось только двѣнадцать сочленовъ, которые рѣшили умереть всѣ вмѣстѣ. Они устроили банкетъ, приготовили кубки съ ядомъ и вытащили жребій, кому въ какомъ порядкѣ умирать. Вышло, что Фіоре ди Фіамма должна первая выпить ядъ, а возлюбленный ея,—лицо, отъ котораго ведется разсказъ,—послѣдній. «Она поцѣловала меня и выпила ядъ, и другіе тоже выпили, и поблѣднѣли, и упали на траву. И я тоже поднесъ къ губамъ мой кубокъ. Но въ этотъ моментъ деревья и цвѣты согнулись подъ дуновеніемъ налетѣвшаго шторма. Кубокъ былъ вырванъ изъ моихъ рукъ и отнесенъ далеко въ сторону». То былъ южный вѣтеръ, повелѣвшій немедленно оставить садъ, гдѣ лежалъ прахъ послѣднихъ эстетовъ. Авторъ возвратился въ Парижъ, гдѣ еще три года прожилъ среди послѣдняго поколѣнія. Потомъ онъ попадаетъ въ Лондонъ. Юношей уже не было. Поколѣніе состояло только изъ людей средняго возраста и стариковъ. Вотъ почему похоть, составлявшая отличительную черту послѣдняго поколѣнія, когда оно было моложе, мало-по-малу, когда оно старилось, замѣнялось другой страстью: обжорствомъ. Толпы народа днемъ и ночью собирались у складовъ съ сладостями и изысканными консервированными блюдами, собранными королемъ Гаррисомъ. Всюду видны были только старческія лица, которымъ распутство, пьянство и обжорство придали отвратительное выраженіе. Особенно отвратительны были женщины, у которыхъ старость не отняла чувственности. По ночамъ горизонтъ освѣщался заревомъ горящихъ зданій. «Люди, повидимому, утеряли способность думать. Многовѣковая цивилизація спадала съ нихъ, какъ лохмотья истлѣвшаго платья. Европейцы проявляли такую же бестіальность, какъ готентоты. Люди постоянно дрались другъ съ другомъ, не смотря на то, что пища была въ изобиліи. Въ ходъ пускались зубы и ногти... Повидимому, мысль о приближающейся смерти всего человѣчества вызывала эти припадки злобы. Извѣстная грубая форма товарищества все еще оставалась. Люди держались отдѣльными стадами. Если они дрались, то тоже группами. О больныхъ и раненыхъ никто не заботился... И вотъ разъ я почувствовалъ, что тоже принадлежу къ числу этихъ людей. Не смотря на то, что столько лѣтъ съ ужасомъ избѣгалъ ихъ,—я присоединился къ нимъ, плясалъ съ ними ночью у костровъ, обжирался и опивался, какъ они. И, когда мы сидѣли пьяные у огня, неизвѣстно откуда появился высокій, голый, косматый старикъ. Вмѣсто гнусныхъ ругательствъ или похабныхъ словъ, онъ сталъ говорить о жизни, о высшихъ

стремленіяхъ человѣчества. То былъ пророкъ. Онъ протянулъ свои высохшія руки и воскликнулъ: «О, послѣднее поколѣніе проклятыхъ людей! Напрасны всѣ ваши старанія! Человѣчество не исчезнетъ съ лица земли. Опять будутъ выстроены города. Опять будутъ работать фабрики. Придутъ новыя поколѣнія и принесутъ съ собою на землю новыя страданія!»

— Друзья!—сказалъ я, обратившись къ пировавшимъ у костровъ,—намъ ненужны тутъ скелеты!—И я схватилъ изъ костра горящую головешку и бросился на старика. Онъ пробовалъ защищаться, но я ударилъ его нѣсколько разъ по головѣ, онъ упалъ и захрипѣлъ. Это предсмертное хрипѣніе представляло знакомый намъ звукъ. Я однако наклонился, обтеръ кровь съ лица старика, заглянулъ ему въ глаза и воскликнулъ:

— Кто ты? Я тебя гдѣ-то видѣлъ уже. Мнѣ знакомы твой голосъ и твои глаза! Скажи намъ предъ смертью, злосчастный пророкъ, кто ты?

— Люди послѣдняго поколѣнія,—сказалъ умирающій, приподнявшись и опершись на локоть, — я Джошуа Гаррисъ, вашъ король.—Онъ употребилъ страшное усиліе, чтобы удержать убѣгающую жизнь. Повидимому, король желалъ завѣщать человѣчеству свой послѣдній наказъ. И, когда онъ разсмотрѣлъ одичалую толпу, на глаза его набѣжали крупныя слезы, которыя не могли быть раньше вызваны его собственнымъ физическимъ страданіемъ.

— Простите мнѣ, простите!—произнесъ онъ, наконецъ, довольно внятно.—Если кто-нибудь изъ васъ знаетъ еще, что такое милосердіе; если кому-нибудь еще вѣдомо прощеніе, пусть онъ скажетъ мнѣ ласковое слово. Изъ любви къ вамъ, увѣренный въ силахъ своихъ и всего человѣчества, презирая власть Времени и Начала, бросившаго насъ въ жизнь, я сталъ ложнымъ искупителемъ. На свои плечи я взвалилъ бремя грѣха всего человѣчества. Но, о, мой народъ! какъ я могъ знать, къ чему приведетъ мой планъ вашего искупленія! Я ждалъ, что человѣчество отойдетъ въ ничто, какъ титанъ, какъ Прометей, съ гордо поднятой головой и съ вызовомъ на устахъ. Неужели никто не скажетъ мнѣ ласковаго слова? Неужели здѣсь нѣтъ никого, кто помнилъ бы то время, когда мы боролись? Гдѣ мои товарищи полководцы, помогавшіе мнѣ и ободрявшіе въ года великой борьбы со всѣмъ міромъ? Гдѣ Робертсонъ, Болдуинъ, Эндрю Спенсеръ? Неужели всѣ борцы вымерли?—Онъ утеръ кровь и слезы и оглянулъ толпу.

— Это ты, Эндрю!—радостно воскликнулъ онъ.—Я узналъ тебя по большому рубцу на лбу. Подойди ко мнѣ! Скорѣе!

Но старикъ или не слышалъ, или не понялъ короля. Подобно остальнымъ, онъ молча сидѣлъ у костра.

— Эндрю! - воскликнулъ съ тоскою король Гаррисъ,—ты долженъ меня знать. Вспомни наши войны за спасеніе человѣчества. Будь же англичаниномъ, Эндрю! Дай руку!

Старикъ пугливо и безсмысленно взглянулъ на пророка, потомъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, поднялся и убѣжалъ.

— Увы! Больше нѣтъ уже существъ, достойныхъ называться людьми!—прошепталъ король всего міра.—Я жилъ все время въ пустынѣ и тамъ у меня были видѣнія. Я хотѣлъ бы, чтобы они явились раньше. Потомъ уже было слишкомъ поздно. Мое намѣреніе временно удалось; но другой порядокъ придетъ съ теченіемъ вѣковъ... Время, когда я выступилъ, какъ вождь, было героическое. Добро и зло жили вмѣстѣ. Страданія сплотили людей вмѣстѣ. Я не жалѣю о томъ, что сдѣлалъ. Милліоны нерожденныхъ избавлены отъ мукъ существованія. Сила, владычествующая надъ землей, будетъ много десятковъ вѣковъ имѣть передъ собою пустыню. Я надолго остановилъ великій круговоротъ вѣковъ.

Король Гаррисъ умеръ. Лицо, отъ котораго ведется разсказъ, переносится южнымъ вѣтромъ еще на сорокъ лѣтъ впередъ. Заключительная глава фантастическаго произведенія называется «Послѣдніе люди».

«У хлѣбнаго амбара сидѣли пять или шесть сморщенныхъ преклонныхъ стариковъ. На лицахъ ихъ застыло желаніе жить во что бы то ни стало. Старики были совершенно наги. Они бормотали что-то и рвали свои сѣдыя бороды. Послѣдніе люди, повидимому, не умѣли уже говорить. Ночью изъ лѣса выходили какіе-то большіе звѣри, глядѣли на стариковъ свѣтящимися глазами, но не причиняли никому вреда. Съ утра до поздней ночи старики ѣли. Когда они не спали, то иногда безцѣльно бродили взадъ и впередъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ четыре старика умерли. «И я увидалъ послѣднихъ двухъ людей. Одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ. Онъ тяжело дышалъ, стараясь захватить воздухъ. Сморщенныя руки умирающаго были скрючены отъ жестокой боли. Повидимому, въ молодости онъ былъ удивительно красивъ и атлетически сложенъ. И, когда этотъ старикъ умеръ, послѣдній представитель расы вспомнилъ свое человѣческое достоинство. Онъ нагнулся, поцѣловалъ мертвеца въ посинѣвшія губы и со слезами закрылъ ему глаза. Послѣдній человѣкъ сдѣлалъ даже попытку вырыть своими скрюченными пальцами съ длинными ногтями могилу, но не могъ. И старикъ, шатаясь, ушелъ. Онъ плакалъ. Одиночество, повидимому, его ужасало. И въ полдень послѣдній человѣкъ пришелъ въ громадный городъ, гдѣ всюду валялись неубранные трупы. Когда солнце закатилось и засверкали звѣзды, старикъ подошелъ къ развалинамъ громаднаго храма, въ которомъ прежде поклонялись божеству. Старикъ вошелъ въ развалины. Полузасыпанный обломками алтарь еще стоялъ. И здѣсь умеръ послѣдній человѣкъ». Время и дожди потомъ превратили громадныя зданія въ кучи мусора. Но на громадномъ кладбищѣ, которое представляла собою земля, уже начиналась новая жизнь. «Присматриваясь внимательно, я увидалъ множество отвратительныхъ, маленькихъ

обезьянъ, покрытыхъ бурой шерстью. Онѣ бродили по развалинамъ; одна изъ обезьянъ разводила костеръ».

III.

Таково фантастическое произведеніе Флеккера. На основаніи разсказа о «Послѣднемъ поколѣніи», американскій авторъ Блиссъ, сторонникъ теоріи о высшихъ и низшихъ расахъ, рисуетъ свою картину. Если бѣлая, «избранная раса»,—говоритъ онъ,—забудетъ свою миссію, то человѣчество обратится въ «покрытыхъ бурой шерстью отвратительныхъ обезьянъ». Орды цвѣтнокожихъ вольютъ свою кровь въ жилы бѣлой расы и послѣдствіемъ будетъ всеобщее одичаніе. Подъ Тунисомъ, тамъ, гдѣ когда-то былъ Карѳагенъ, нѣсколько десятковъ жалкихъ, оборванныхъ арабовъ живутъ въ какихъ-то погребахъ съ полуобвалившимися сводами. Погреба эти—остатки гигантскаго, поразительнаго по красотѣ своей и грандіозности водопровода, выстроеннаго пунами. То же самое Блиссъ предвѣщаетъ культурѣ, созданной бѣлыми въ Европѣ и Америкѣ, если «хамитамъ» будутъ даны такія же права, какъ и европейцамъ. Въ подвалахъ развалинъ Лувра будутъ жить выродившіеся потомки, происшедшіе отъ скрещиванія французовъ съ обитателями Сенегала. На развалинахъ Лондона готтентотки будутъ разводить костеръ изъ картинъ, вытащенныхъ изъ Національной галлереи, въ то время, какъ мужья ихъ будутъ закидывать примитивныя сѣти въ Темзу. На чемъ же основываетъ Блиссъ свой прогнозъ? «Посмотрите на негритянскую республику Гаити!—говоритъ онъ.—Теперь тамъ такое одичаніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорятъ, населеніе возвратилось къ людоѣдству». Разсказъ про людоѣдство въ Гаити впервые пущенъ въ обращеніе путешественникомъ, обладавшимъ очень пылкой фантазіей, сэромъ Спенсеромъ С. Джономъ. Гаити находится въ нѣсколькихъ часахъ плаванья отъ Ямайки, которая является теперь любимымъ зимнимъ курортомъ англичанъ. Десятки туристовъ переправляются постоянно изъ Кингстона (Ямайка) въ Портъ-о-Прэнсъ (Гаити). Кромѣ того, цѣлый рядъ пароходныхъ обществъ поддерживаютъ правильное сообщеніе между Гаити и Флоридой, Нью-Іоркомъ, Панамой, Венецуэлой и Антильскими островами. Всюду въ двухъ негритянскихъ республикахъ существуютъ американскія, англійскія, французскія и испанскія торговыя конторы для вывоза хлопка, табака, сахара, рома, краснаго дерева, кофе, какао и древеснаго воска, добываемыхъ на островѣ. Туристы и купцы чувствуютъ себя на С. Доминго такъ же спокойно, какъ и въ любой другой странѣ. Фантазія сэра Спенсера С. Джона давнымъ давно опровергнута. И тѣмъ не менѣе, когда имперіалисты Соединенныхъ Штатовъ проповѣдуютъ захватъ С. Доминго, когда негрофобы говорятъ о неспособности черныхъ

къ самоуправленію,—выдвигается легенда о возвращеніи къ каннибализму на Гаити. Несомнѣнно то, что негритянскія республики далеко не такъ культурны, какъ Соединенные Штаты или сосѣдняя британская колонія Ямайка; но, во всякомъ случаѣ, они культурнѣе отсталыхъ европейскихъ государствъ. Въ Гаити около 960 тысячъ жителей. На народныя школы расходуется ежегодно 1 мил. долларовъ (т. е. 2 мил. руб.). Въ Россіи теперь около 150 мил. населенія. Если бы она расходовала на народныя школы столько же, сколько и Гаити, то ея школьный бюджетъ составлялъ бы 312,5 мил. руб. Между тѣмъ у насъ на начальное образованіе расходуется только 62 мил. руб. (Правительство даетъ 15,2 мил. руб., земство—14 мил., сельскія общества—8,9 мил., города—1,6 мил., частныя лица—6,3 мил. руб., плата за ученіе—3,3 мил. руб. и изъ другихъ источ.—12,2 мил. руб.). Такимъ образомъ, «дикая» Гаити пропорціонально расходуетъ на начальное образованіе въ пять разъ больше, чѣмъ Россія. Негритянскія республики не такъ культурны, какъ Соединенные Штаты; но изъ прошлаго письма мы видѣли, какъ недавно еще все населеніе было рабами.

Сторонники теоріи о высшихъ и низшихъ расахъ (главнымъ образомъ, американцы) предвѣщаютъ, какъ мы видѣли, великія бѣдствія культурѣ, если введено будетъ равенство между избранными и отверженными народностями. Вотъ, напр., выдержка изъ книги «The Negro Problem in America» (Негритянскій вопросъ въ Америкѣ). Авторъ протестуетъ противъ того, что президентъ Рузевельтъ принялъ у себя, какъ гостя, знаменитаго негра Букера Вашингтона.

«Мы желали бы, чтобы этого приглашенія не было, потому что признаніе президентомъ несуществующаго равенства между расами отнюдь не убьетъ предубѣжденій бѣлыхъ противъ черныхъ. Равенства не существуетъ. Быть можетъ, всѣ люди происходятъ отъ общихъ предковъ; но внѣ сомнѣнія, что расы развивались не одинаково. Въ настоящее время черная раса стоитъ гораздо ниже бѣлой или красной. Быть можетъ, отдѣльные индивидуумы ея достигли извѣстнаго развитія, но раса въ цѣломъ, какъ въ Африкѣ, такъ въ Америкѣ и Гаити, носитъ неизгладимые слѣды дикости. Въ особенности это видно по отношенію негровъ къ половому вопросу. Для измѣненія подобныхъ отношеній требуется работа многихъ поколѣній». Авторъ увѣряетъ, что исторія послѣднихъ лѣтъ будто бы «разочаровала аболиціонистовъ», боровшихся когда-то за освобожденіе негровъ. «Прежде въ Америкѣ была школа, увѣренная, что пороки негровъ обусловливаются только продолжительнымъ пребываніемъ въ рабствѣ. Аболиціонисты были убѣждены, что негры способны прогрессировать до безконечности, и утверждали, что свобода пробудитъ въ нихъ спящія душевныя качества. Однимъ словомъ, существовала теорія, что негръ, если ему предоставить свободу, въ состояніи самъ добиться благополучія.

Мы продѣлали опытъ. За нами послѣдовали другіе бѣлые народы. Состояніе Гаити и Южныхъ Штатовъ показало намъ, что освобожденный негръ такъ же пороченъ, какъ и порабощенный. Изученіе негритянскихъ племенъ на ихъ первоначальной родинѣ, на черномъ материкѣ, окончательно разсѣяло сантиментальныя теоріи первыхъ аболиціонистовъ. Опытъ доказалъ, что ни одно черное племя не способно усвоить экономическій и политическій механизмъ современной цивилизаціи». Въ прошломъ письмѣ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, какъ разъ противоположное. Не смотря на самыя неблагопріятныя условія, негры въ сравнительно короткій срокъ послѣ освобожденія сдѣлали громадный прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ. Возвратимся, однако, къ автору книги «The Negro Problem in America». По его словамъ, крахъ сантиментальныхъ теорій Вильберфорса и Кларксона предвидѣлъ «одинъ изъ наиболѣе проницательныхъ умовъ всѣхъ временъ—Гиббонъ». «Въ великомъ произведеніи его есть страница, которая теперь, черезъ 125 лѣтъ, поражаетъ своею проникновенностью». Историкъ говоритъ о смутахъ въ Ливіи въ то время, когда варвары стали со всѣхъ сторонъ напирать на Римскую имперію. «Бездѣйствіе негровъ—говоритъ Гиббонъ — не было однако результатомъ ихъ трусливости, а объяснялось крайнимъ невѣжествомъ. Они не придумали оружія ни для защиты, ни для нападенія. Повидимому, негры неспособны выработать никакого плана для завоеванія и не могутъ создать правительственную машину. Очевидная слабость ихъ умственныхъ способностей была открыта другими обитателями тѣхъ же широтъ. Открытіе было использовано для порабощенія негровъ. Каждый разъ, когда черныя племена пользовались независимостью, они проявляли—продолжаетъ Гиббонъ—врожденную неспособность къ цивилизаціи. Среди нихъ были довольно краснорѣчивые проповѣдники и агитаторы, но черныя племена не дали ни одного настоящаго вождя, ни одного дѣйствительно выдающагося человѣка» *).

«Равенство черныхъ племенъ и бѣлыхъ—продолжаетъ уже отъ себя авторъ—никогда не существовало и не можетъ существовать. Негры не въ состояніи усвоить высшій духъ современной цивилизаціи. Равенство повело бы къ гибели цивилизаціи». Итакъ, бѣлые дикари, устраивающіе въ Южныхъ Штатахъ избіенія черныхъ,—«спасаютъ культуру». Они—стражи. Отъ зоркости и бдительности ихъ зависитъ, чтобы большіе города не преврати-

*) Послѣ того, какъ Гиббонъ написалъ свою «Исторію паденія Римской имперіи», негры С.-Доминго, борясь за независимость, выдвинули своего чернаго Наполеона—Туссэна Лувертюра, о которомъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ. За нѣсколько десятилѣтій негры въ Америкѣ дали поэтовъ, историковъ, беллетристовъ, художниковъ, такъ же какъ врачей, профессоровъ, инженеровъ и финансистовъ.

лись въ груды развалинъ, на которыхъ будутъ копошиться «отвратительныя обезьяны, покрытыя бурою шерстью». Что же дѣлать бѣлымъ съ черными? Поступать, какъ въ Америкѣ съ краснокожими? Спаивать ихъ ромомъ, давать имъ ружья для взаимнаго истребленія? Посылать къ оставшимся въ живыхъ гостинцы, состоящіе изъ фланелевыхъ рубахъ и одѣялъ отъ оспенныхъ больныхъ? Поступать, какъ съ туземцами въ Австраліи? Тамъ ихъ прежде истребляли, какъ крысъ, раздавая имъ отравленную муку и посыпанное стрихниномъ мясо.

IV.

Сравнительно еще очень недавно, для предупрежденія такихъ картинъ, какою заканчивается фантастическое произведеніе Флеккера, настоятельно рекомендовалось безпощадное обращеніе вообще съ «низшими» расами, не только съ неграми. Принадлежность къ «высшей» расѣ, имѣющей право не церемониться съ другими, опредѣлялась, конечно, самими проповѣдниками «спасенія культуры». Иные включали въ списокъ «низшихъ» расъ не только цвѣтнокожихъ, но вообще всѣ слабыя національности. Такъ, напр., въ 1898 г. маркизъ Солсбри выступилъ съ теоріей о «живучихъ» и «умирающихъ» націяхъ. Первыя населяютъ большія страны, имѣютъ громадный флотъ, расширяютъ свои владѣнія, богатѣютъ, совершенствуютъ порядокъ управленія, умѣютъ концентрировать всѣ свои военныя силы для достиженія извѣстной цѣли; живучія націи могутъ выдвинуть армію, численность которой привела бы въ изумленіе всѣхъ великихъ полководцевъ былыхъ временъ. Умирающія націи съ каждымъ десятилѣтіемъ слабѣютъ и бѣднѣютъ. Талантливые люди, могущіе быть вождями, появляются все рѣже и рѣже. Націи эти быстро идутъ къ гибели. Примѣры дурного правленія не только не уменьшаются численно, но даже увеличиваются. Общество (оффиціальное) и администрація подобныхъ странъ, до такой степени поголовно испорчены, что нѣтъ никакой надежды на возрожденіе. Солсбри имѣлъ въ виду не ту страну, названіе которой, вѣроятно, подсказываетъ читатель, а Францію и латинскія государства вообще. То было время Фашоды, когда казалось, что самая передовая демократія Европы вотъ-вотъ вступитъ въ бой изъ-за громаднаго тропическаго болота. «Я не берусь предсказывать,—продолжаетъ Солсбри—какъ долго можетъ продолжаться подобный порядокъ дѣлъ. Могу только намѣтить основной процессъ, именно то, что умирающія націи становятся слабѣе, а живучія націи—сильнѣе. Не требуется прозорливости пророка, чтобы предсказать неизбѣжный результатъ намѣченнаго хода дѣлъ. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вслѣдствіе политической необходимости или изъ простого человѣ-

колюбія, живучія націи постепенно завладѣютъ территоріей умирающихъ народовъ. И тогда появятся сѣмена раздора между цивилизованными странами. Конечно, нельзя предположить, что одной какой-нибудь великой націи предоставлено будетъ исключительное право и монополія леченія несчастныхъ паціентовъ путемъ хирургіи. Возникнетъ вопросъ, кому изъ живучихъ народностей быть хирургомъ и въ какой степени».

Въ то время, когда была произнесена эта рѣчь, весь культурный міръ считалъ, что предъ нимъ одинъ очень богатый умирающій паціентъ; къ нему поспѣшили со всѣхъ сторонъ съ хирургическими инструментами. Я напомню читателямъ недавнія событія. Въ 1897 г. въ китайской провинціи Шантунгъ убиты были два нѣмецкихъ миссіонера. Въ серединѣ октября того же года, Германія высадила своихъ моряковъ въ Кіао-Чау, чтобы добиться отъ Китая удовлетворенія за это убійство. Германскій отрядъ прогналъ китайскія войска и укрѣпился. Въ видѣ удовлетворенія Германія потребовала отъ Китая смѣщенія губернатора и уступку угольной станціи. Для подкрѣпленія требованій Германія послала въ Кіао-Чау эскадру и войско. Изъ соревнованія съ Германіей Россія, подъ предлогомъ, что ей необходима только гавань для зимовки флота, заняла Портъ-Артуръ. Въ январѣ 1899 г. стало извѣстно, что Китай уступилъ Германіи на девяносто девять лѣтъ Кіао-Чау и всю прилегающую территорію. Германія сейчасъ же приступила къ постройкѣ дока и къ укрѣпленію гавани. Германія получила также концессію на постройку желѣзной дороги отъ Кіао-Чао до Ичау. Россія, подражая Германіи, потребовала такой же уступки Дальняго и прилегающей территоріи, а также право на проведеніе желѣзной дороги. Затѣмъ явились французы и «сняли на девяносто девять лѣтъ» портъ близъ Гайнана (Квангъ-Чау-вау). Франція потребовала отъ Китая также гарантію, что никакая часть провинцій Квангътунгъ, Квангъ-си и Юнъ-нанъ не будетъ уступлена другимъ державамъ. За германцами, русскими и французами послѣдовали англичане, захватившіе Вей-хай-Вей. Согласно тогдашнимъ взглядамъ, Китай представлялъ собою умирающій организмъ. Изъ человѣколюбія ему дѣлали операцію. Вслѣдствіе соревнованія явились четыре хирурга. Они не предвидѣли, что паціентъ можетъ запротестовать. Однако онъ запротестовалъ. Началось такъ называемое боксерское движеніе. Послѣдовалъ рядъ убійствъ европейцевъ. По самому преувеличенному счету, китайцы убили въ Чилу, Шантунгѣ, Шанси, Хонанѣ и въ Чекіангѣ девяносто пять миссіонеровъ (въ томъ числѣ сорокъ женщинъ) и двадцать пять дѣтей. Какъ видите, *во всемъ* Китаѣ было убито значительно меньше европейцевъ, чѣмъ евреевъ въ одномъ Кишиневѣ во время перваго погрома 1903 г. или чѣмъ русскихъ и евреевъ въ Томскѣ во время погрома 1905 г. Китай жестоко поплатился за сто двадцать

труповъ. Какъ извѣстно, для наказанія Китая послали свои войска Англія, Франція, Германія, Соединенные Штаты, Россія, Японія, Австрія и Италія. Вождь одной великой европейской страны, извѣстный своею страстью произносить напыщенныя рѣчи, сказалъ своимъ войскамъ предъ отправкой въ Китай: «Снова въ далекой Азіи поднялся языческій духъ амалекитянъ. Съ большой силой, съ невѣроятной хитростью, а также путемъ разрушенія и убійствъ, амалекитяне попытаются помѣшать доступу европейской торговли, европейской культуры и христіанской вѣры. И снова слышны слова Господни: «Изберите людей, ступайте и сражайтесь съ амалекитянами». Отправляющимся войскамъ вождь этотъ отдалъ приказъ: «При встрѣчѣ съ непріятелемъ пощады не давать и плѣнныхъ не брать». Въ Китаѣ «живучія» націи проявили тогда себя неслыханными со времени варварства убійствами, насиліями и грабежами. Вотъ, напр., выдержка изъ описанія ограбленія императорскаго дворца. Тутъ идетъ рѣчь не только о военныхъ, а также о членахъ посольства, торговцахъ, миссіонерахъ и проч. «Штатскіе ворвались въ императорскій дворецъ, не смотря на почтительныя просьбы мандариновъ. Ворвавшіеся увѣряли, что они только «посмотрятъ» или снимутъ фотографію. Они трогали мебель, «только чтобы убѣдиться, изъ какого она дерева сдѣлана и какимъ металломъ украшена». Толпа выдвигала ящики и взламывала шкатулки «только изъ любопытства», чтобы «получить представленіе о варварской роскоши китайскаго двора». Затѣмъ наступила пауза, во время которой «любопытные» смотрѣли не столько на вещи, какъ другъ на друга. Одинъ бралъ въ руки драгоцѣнное украшеніе изъ нефрита или художественно выполненную серебряную вещь, разсматривалъ ихъ, пугливо оглядывался, затѣмъ клалъ на мѣсто и выдвигалъ какой-нибудь ящикъ. Затѣмъ возвращался снова къ прежнимъ вещамъ. Вотъ одинъ отложилъ серебряную вещь и только оглянулся, какъ она очутилась въ карманѣ другого. «Слѣдуетъ имѣть что-нибудь на память»,— замѣчаетъ этотъ. И вотъ найдено было необходимое слово. Обрѣли формулу, прикрывающую воровство: всѣ бросились забирать «сувениры». Такъ какъ было слишкомъ мало времени, чтобы выбирать, то каждый забиралъ возможно больше предметовъ «на память». Начался грабежъ, въ которомъ приняли участіе военные и штатскіе, мужчины и дамы, свѣтскіе люди и священники. Кули, нагружающіе уголь на пароходы въ Гонгъ-Конгѣ, не могли бы проявить больше ловкости при прятаніи украденныхъ вещей, чѣмъ эта толпа свѣтскихъ людей, изящныхъ дамъ и нарядныхъ офицеровъ. Идолы, серебряныя вещи, ковры, фарфоръ исчезали куда-то подъ сюртуки и подъ юбки. Курьезнѣе всего было наблюдать выраженіе необыкновенной важности и серьезности на лицахъ людей, тѣло которыхъ приняло фантастическія формы вслѣдствіе запрятанныхъ вещей. Одинъ офицеръ, напримѣръ, пора-

жалъ громаднымъ турнюромъ. Явленіе это объяснялось тѣмъ, что офицеръ спряталъ подъ фалды мундира лоханку изъ драгоцѣннаго стараго фарфора» *).

Многіе возвращаются изъ Китая милліонерами,—писалъ профессоръ Кютнеръ, начальникъ отряда Краснаго Креста, своему пріятелю, тюбингенскому профессору Брунсу. Высшія расы явились къ «низшей» не только, какъ вожди, но и какъ поработители. «Каждый иностранецъ, каково бы ни было его общественное положеніе, можетъ выйти на улицу и скомандовать любому китайцу: «ступай!» А то просто поманить пальцемъ. И китаецъ немедленно повинуется — писалъ тогда изъ Пекина Диллонъ. Временному рабу задавалась любая работа. Если владѣльцу казалось, что его рабъ работаетъ медленно, онъ подгонялъ китайца побоями. Я видѣлъ китайца, котораго жестоко избилъ солдатъ за непонятливость. Китаецъ никакъ не могъ понять, что его посылаютъ ловить мула. На обыкновенно застывшемъ и неподвижномъ лицѣ азіатскаго мученика можно было читать болѣзненное стремленіе угадать непонятный приказъ. Абсолютная власть, которую человѣкъ получаетъ надъ жизнью и смертью своего ближняго,— всегда деморализуетъ — продолжаетъ Диллонъ. Предоставить эту власть грубой и жестокой натурѣ — то же, что дать бритву душевно больному, одержимому маніей убійства. Въ глубинѣ души многихъ людей, которые при нормальныхъ условіяхъ кажутся только эгоистами, таятся страсти мучительства».

Во время китайской войны, каждый изловленный китаецъ, каково бы ни было его общественное положеніе, обязанъ былъ выполнить заданную ему работу. «Представьте себѣ чувства англійскаго адвоката, банкира, офицера или чиновника,—продолжаетъ тотъ же авторъ—которыхъ внезапно окружилъ отрядъ вооруженныхъ китайцевъ и предложилъ на выборъ или работать, или разстрѣлъ на мѣстѣ. Именно это случается постоянно съ китайцами». «Работа тѣмъ болѣе тяжела,—писалъ съ театра «войны» другой наблюдатель—что у насъ нѣтъ достаточно кули. Такимъ образомъ нѣсколько человѣкъ должны выполнить работу многихъ. Одну очень тяжелую баржу тянули лямкой пять китайцевъ, изъ которыхъ двое по возрасту должны были бы сидѣть въ начальной школѣ, а одинъ—въ богадѣльнѣ для преклонныхъ стариковъ. Возрастъ людей, которыхъ принуждаютъ работать, колеблется отъ семи до семидесяти лѣтъ. Я видѣлъ, какъ одну барку тянули бичевой четверо. Одному было лѣтъ двѣнадцать. Его лицо поражало своею болѣзненностью. Другой—былъ сморщенный, сгорбленный преклонный старикъ, стоявшій одной ногой въ могилѣ... Чѣмъ дальше подвигалась баржа вверхъ по теченію, тѣмъ тяжелѣе становилось тащить бичеву».

*) «Glimpses of the Ages», By Scholes. Vol. II, p. 18.

Китайцевъ заставляли работать по 22 часа въ сутки (отъ 2,30 утра до 12,30 утра). Многіе изъ нихъ надрывались и падали. Ихъ оставляли въ грязи, гдѣ они умирали. Но высшія расы не останавливались только на грабежѣ и порабощеніи.

«Я прожилъ двѣнадцать дней на берегахъ Гнилой рѣки (Пей-хо)—писалъ одинъ англійскій наблюдатель съ театра «военныхъ» дѣйствій.—Никогда прежде я не видалъ такихъ потрясающихъ сценъ, какія мнѣ пришлось наблюдать здѣсь. (Авторъ былъ военнымъ корреспондентомъ въ двухъ войнахъ и видѣлъ рѣзню армянъ). Въ первый день послѣ того, какъ я оставилъ Тянзинь, кули волокли нашу баржу мимо береговъ, которые раньше были густо населены. Теперь всюду, вмѣсто домовъ, видны были только дымящіяся развалины. Тамъ и сямъ уцѣлѣла еще ярко расписанная дверь; она свидѣтельствовала о богатствѣ людей, которые жили и умерли тутъ. Многія вывѣски еще уцѣлѣли. Ужасно было видѣть надъ грудой дымящихся развалинъ вывѣску, возвѣщавшую входъ въ театръ или въ чайный садъ. У дверей тамъ и сямъ видны были трупы. На рядѣ разрушенныхъ домовъ я прочелъ надпись, сдѣланную громадными буквами: «Постоянный миръ». Мы плыли мимо громаднаго города мертвыхъ. Мое вниманіе остановилъ одинъ, повидимому, цѣлый домъ. Воспользовавшись моментомъ, когда бичева перервалась, я спрыгнулъ на берегъ и вошелъ въ сохранившееся зданіе. Оно было ограблено. Чего нельзя было забрать—уничтожили. Въ сохранности осталась только одна комната. На столѣ лежали остатки скромнаго обѣда, а на полу валялись трупы мужчины и женщины, повидимому, ѣвшихъ этотъ обѣдъ.

«Трупы были изрублены ужаснымъ образомъ. Во дворѣ лежалъ трупъ дѣвочки, волосы которой были заплетены въ четыре косички, перевитыя красными ленточками. Голова дѣвочки, покрытая запекшейся кровью, была облѣплена синими мухами. И подобныя картины можно было найти въ каждомъ домѣ. А между тѣмъ въ этомъ некрополѣ еще недавно только раздавался смѣхъ дѣтей и говоръ ихъ отцовъ и матерей. Въ мгновеніе ока все измѣнилось. Отцы, сыновья, дочери, матери были убиты. Трупы ихъ валялись въ дворахъ, подъ обгорѣлыми развалинами, на кучахъ мусора, въ ямахъ или плыли по рѣкѣ. Волна смерти и опустошенія прокатилась по странѣ и смыла всѣ слѣды китайской культуры. Мужчины и женщины, мальчики, дѣвочки и даже грудные младенцы были застрѣлены, заколоты штыками или зарублены шашками. На берегахъ рѣки царствовалъ тотъ миръ, о которомъ говоритъ Тацитъ. Ни одна птица въ прибрежныхъ плакучихъ ивахъ или на деревьяхъ чайныхъ садовъ не нарушала этой мертвой тишины. Только нетопыри шныряли въ вечернемъ небѣ, да крутились стервятники надъ богатой добычей».

Наблюдатель ѣдетъ дальше. Онъ видитъ городъ, въ которомъ еще есть живые. У дверей домовъ, принадлежавшихъ лояльнымъ

китайцамъ, поставлены часовые, чтобы защитить обывателей отъ обидъ. И въ одномъ изъ такихъ домовъ наблюдатель находитъ главу семейства съ пулей въ груди. Солдатъ выстрѣлилъ «такъ себѣ». «Въ громадномъ дворѣ другого дома мы нашли все женское населеніе ничкомъ, на колѣняхъ. Лица женщинъ были блѣдны. Мать, сестра ея и три дочери били лбомъ земные поклоны, какъ осужденные, ждущіе, что ихъ задушатъ или обезглавятъ. Повидимому, женщины эти не ѣли уже нѣсколько дней... Вдругъ мать замѣтила, что младшая дочь, ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ, встала и смѣло разсматривала насъ. Мать, повидимому, была перепугана на смерть смѣлостью ребенка и силой поставила его опять на колѣни. Одинъ изъ насъ бросился, чтобы остановить мать, но та, не понявъ движенія, загородила своимъ тѣломъ ребенка и стала молить о пощадѣ».

Еще картина. Наблюдатель входитъ въ домъ, принадлежавшій богатому китайцу, и видитъ какой-то большой, черный ящикъ, отъ котораго идетъ тяжелый запахъ.

— Что это такое?—спрашиваетъ наблюдатель.

— Тутъ лежатъ три дѣвушки,—объясняютъ ему.

— Кто ихъ убилъ и положилъ сюда?

— Офицеры. Дѣвушки эти—дочери хозяина. Офицеры изнасиловали ихъ, а затѣмъ убили и спрятали въ сундукъ.

Сторонники теоріи о «высшей» расѣ пугаютъ тѣмъ, что пришествіе «низшей» расы будетъ означать убійства, грабежи и насилія надъ женщинами. Можетъ ли быть хуже того, что европейцы продѣлывали въ Китаѣ? «Наиболѣе характерными чертами китайской войны являются убійства, грабежи и изнасилованія,—говоритъ англійскій наблюдатель.—Взрослыхъ и дѣтей убивали. Очень часто хоронили еще живыхъ, потому что солдаты торопились... Женщинъ всѣхъ возрастовъ насиловали до смерти». Въ деревняхъ и городахъ не избѣгали насилія всѣ женщины отъ шести до шестидесяти лѣтъ. Многія женщины, чтобы спастись отъ насилія, кончали самоубійствомъ. Онѣ вѣшались или бросались въ воду. Китаянки, не безъ основанія, были убѣждены, что лучше умереть, чѣмъ попасться представителямъ культурнаго и христіанскаго государства. Многія дѣвушки и женщины, спасаясь отъ насилія, бросались въ рѣку. Найдя, что вода достигаетъ только до пояса, онѣ становились на колѣни и имѣли мужество держать головы подъ водой, покуда не наступала смерть. Манія самоубійствъ среди женщинъ распространилась со стремительностью степного пожара.

Преподавъ Китаю урокъ высшей культуры, европейцы взяли за это съ ученика контрибуцію въ 450 мил. таэлей. Читатели знаютъ, что полководцы, получившіе боевое воспитаніе въ Китаѣ, примѣнили потомъ ту же систему у себя на родинѣ. «Низшей расой» признаны были ихъ же соотечественники, кормившіе ихъ своимъ трудомъ...

V.

Событія послѣднихъ лѣтъ внезапно доказали европейцамъ, что «отверженныя» расы способны къ возрожденію. Китай, который казался такой легкой добычей, былъ оставленъ въ покоѣ. Теперь европейцамъ въ ближайшемъ будущемъ придется, во что бы то не стало, разрѣшить вопросъ о цвѣтнокожихъ. Истребить ихъ, какъ индійцевъ или австралійцевъ, или какъ камчадаловъ у насъ, нельзя. Трудно также держать ихъ въ вѣчномъ порабощеніи. Вопросъ Европейцы такъ или иначе вынуждены будутъ признать полное равенство низшихъ расъ. Мнѣ припоминается картина, которую я видѣлъ въ Алжирѣ.

Въ тридцати километрахъ отъ станціи Батна, лежащей на военной желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ Алжиръ съ Бискрой (первый большой оазисъ въ Сахарѣ), находятся развалины большого города. Среди песковъ видны тріумфальная арка, колонны, обломки статуй, театръ, форумъ, термы. Въ особенности сохранились послѣднія. Видны еще мраморные столы для игроковъ. Видна на одномъ изъ нихъ надпись, выдолбленная, повидимому, стилетомъ досужимъ игрокомъ: «Venari, lavari, ludere, rigere, hoc est vivere» («Жить значитъ — охотиться, купаться, играть и смѣяться»). На этомъ мѣстѣ находился богатый, культурный римскій городъ Тимгадъ, лежавшій въ Нумидіи на границѣ Ливійской пустыни. Тутъ люди жили спокойной, сытой жизнью много вѣковъ. Великія событія древняго міра едва достигали до спокойнаго Тимгада. Когда въ Римѣ поклонялись Юпитеру, Тимгадъ строилъ ему великолѣпные храмы. Затѣмъ явилась новая вѣра и Тимгадъ принялъ культъ Галилеянина; точнѣе, старые боги получили новое названіе. Рядомъ съ развалинами храма Побѣды, мы находимъ остатки семи христіанскихъ базиликъ, изъ нихъ двѣ—рядомъ съ Капитоліемъ. Вся сѣверная Африка потомъ была захвачена кровавой борьбой различныхъ сектъ между собою. Языческій Римъ за все время гоненій на христіанъ не погубилъ и десятой части жертвъ, какія загублены были самими христіанами во время одного только движенія донатистовъ въ V вѣкѣ, когда безчисленныя секты, какъ циркумцелліоны, рогатисты, урбанисты, клавдіане и др., предводительствуемыя полудикими монахами, только что явившимися изъ пустыни, жгли и убивали *). Тимгадъ умѣренно реагировалъ на эксцессы донатистовъ. Даже когда по сѣверному берегу Африки прошли ван-

*) Читатели, которымъ нѣтъ времени просмотрѣть Гиббона, могутъ получить хорошее представленіе о той эпохѣ по великолѣпному историческому роману Чарльза Кингсли: „*Гипатія*“.

дилы, продѣлывая то, что европейцы въ Китаѣ или полководцы, воспитавшіеся тамъ, у себя на родинѣ,—Тимгадъ не сильно пострадалъ. Городъ, конечно, былъ ограбленъ, но быстро оправился и опять зажилъ спокойно, сытой жизнью. Это благополучіе держалось на подчиненіи «низшей» расы (нынѣшнихъ кабилловъ). И «низшая» раса терпѣливо работала, покуда однажды возстала, вырѣзала «высшую» расу, подожгла всѣ дома и храмы и ушла въ горы. Это было въ VII вѣкѣ нашей эры. И вотъ уже 13 вѣковъ Тимгадъ напоминаетъ картину, которую изобразилъ Флеккеръ. Если вопросъ о низшихъ расахъ не будетъ разрѣшенъ, то судьба Тимгада можетъ повториться въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. Толстовскій юбилей и тургеневская годовщина. Растерянныя мѣропріятія.—2. Нѣтъ поступковъ. Разочарованія въ военно-полевой системѣ. Октябристы и реформы.—3. Радостные слухи и безотрадные факты. Нѣтъ выхода.—4. Государственная суета и пустопорожнія цѣли.—5. Холера.

Толстовская годовщина дала поводъ правительству проявить усиленную дѣятельность. Синодъ, еще разъ повторивъ анаѳему, «благословилъ епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ существующихъ уже или составляемыхъ впредь изданій, въ коихъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное» *). Сверхъ того, высшій органъ православной россійской іерархіи «призвалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія». Съ своей стороны, «министръ народнаго просвѣщенія разослалъ циркуляръ, воспрещавшій учебнымъ заведеніямъ чествовать юбилей Л. Н. Толстого» **). Соотвѣтственныя распоряженія послѣдовали и по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ «участковые полицейскіе пристава были предупреждены, что 28 августа въ городѣ не должно быть допущено устройства какихъ-либо собраній, засѣданій, лекцій, докладовъ о Л. Н. Толстомъ. Объ этомъ были

*) Изъ „опредѣленія" синода отъ 20 августа; цит. по „Рѣчи" 23 августа.

**) „Южная Заря", 13 августа.

предупреждены также владѣльцы ресторановъ, трактировъ, чайныхъ и т. п.» *). Въ полицейскіе участки были «вызваны всѣ столичные дворники и швейцары для предупрежденія о недопущеніи распространенія какихъ-либо листковъ и воззваній, посвященныхъ юбилею Толстого; на основаніи этого приказа задержано и подвергнуто аресту нѣсколько человѣкъ» **). Тамбовскій губернаторъ особымъ циркуляромъ заявилъ, что «ни въ какомъ случаѣ не допуститъ чествованія Толстого ни государственными учрежденіями, ни учебными заведеніями», и что вообще «всякія попытки придать юбилею общественный характеръ не будутъ допущены». Смоленскій губернаторъ не допустилъ даже «обсужденія вопроса въ городской думѣ о чествованіи Толстого». «Кіевскій губернаторъ вызвалъ къ себѣ редакторовъ газетъ: «Кіевскія Вѣсти» и «Кіевская Мысль» и оффиціально заявилъ, что, согласно требованію изъ Петербурга, газеты должны говорить о Л. Н. Толстомъ лишь какъ о художникѣ, не касаясь его политическаго значенія; въ случаѣ неисполненія этого требованія губернаторъ пригрозилъ особенно строгими карами и прежде всего закрытіемъ типографій, въ которыхъ печатаются газеты»; «всѣмъ же лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, губернаторъ предложилъ воздержаться отъ подписанія адреса отъ кіевлянъ Л. Н. Толстому, угрожая въ противномъ случаѣ серьезными послѣдствіями» ***). Вологодскій вицегубернаторъ 18 августа вызвалъ «завѣдующихъ редакціями мѣстныхъ газетъ: «Сѣверъ» и «Русскій Сѣверъ», и объявилъ имъ, чтобы въ номерахъ отъ 28 августа не допускать статей и замѣтокъ демонстративнаго характера, связанныхъ съ празднованіемъ 80-лѣтняго юбилея Толстого» ****). Въ Вильнѣ «комитетомъ по дѣламъ печати воспрещено въ юбилейныхъ номерахъ касаться публицистической дѣятельности Л. Н. Толстого» *****)... Въ Петербургѣ наложенъ цензурный запретъ на апоѳеозъ Толстому, написанный г. Буренинымъ и предполагавшійся къ постановкѣ въ Маломъ (суворинскомъ) театрѣ ******)...

Впрочемъ, перечислять, какъ «свѣтскіе начальники» и «свѣтскія учрежденія» выполняли «требованіе изъ Петербурга», было бы утомительно. Варіаціи на эту тему были довольно-таки пестрыя. Но суть вездѣ одна и та же: свѣтское начальство не только само оказалось «вѣрнымъ сыномъ церкви», но и другихъ всячески старалось обратить на путь вѣрности. Еще больше послушанія синоду обнаружили духовныя лица. Епархіальными начальствами были вы-

*) „Рѣчь“, 28 августа.
**) „Голосъ Москвы“, 28 августа.
***) „Рѣчь“, 28 и 30 августа.
****) „Сѣверъ“, 19 августа.
*****) „Голосъ Москвы“, 28 августа.
******) „Голосъ Москвы“, 24 августа.

пущены листки для народа «противъ Толстого». И о характерѣ этой церковной литературы можно судить, напримѣръ, по «архипастырскому обращенію» къ православному народу «смиреннаго Гермогена, епископа саратовскаго и царицынскаго». «Архипастырское обращеніе» густо переполнено словами: «растлитель», «разбойникъ», «развратникъ», «анаѳема тебѣ, развратитель и убійца», «проклятіе тебѣ». Къ обращенію приложена молитва члена синода о. Ивана Кронштадтскаго: «Господи... возьми съ земли хульника Твоего злѣйшаго и нераскаяннаго Льва Толстого и всѣхъ его горячихъ послѣдователей»... Между прочимъ, оба эти человѣческихъ документа духовенству саратовской епархіи предписано было читать въ церквахъ во время богослуженій 28, 29, 30 и 31 августа... *).

Меньше хлопотъ доставила начальству другая годовщина,—исполнившееся 22 августа 25-лѣтіе со дня смерти Ивана Сергѣевича Тургенева. Впрочемъ, къ подчеркиванію этой годовщины общество мало готовилось. Нѣкоторую непріятность правительству причинилъ, повидимому, лишь Орелъ, родина Тургенева, откуда возбуждено было ходатайство объ освобожденіи учащихся отъ занятій 22 августа. Разумѣется, министръ народнаго просвѣщенія это ходатайство отклонилъ **). Тогда уже къ мѣстному учебному начальству было направлено другое ходатайство — о разрѣшеніи учащимся присутствовать 22 августа на панихидѣ по Тургеневу. Мѣстное начальство тотчасъ послѣ отвѣта министра, косвеннымъ образомъ указавшаго, что въ тургеневскую годовщину не долженъ быть нарушаемъ обычный ходъ классныхъ занятій, конечно, затруднилось удовлетворить обращенную къ нему просьбу. Съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ученикамъ и ученицамъ присутствовать на панихидѣ по Тургеневу пришлось обратиться снова къ министру по телеграфу. Просьба—сугубо невинная и по существу, и по формѣ. Но именно въ этой невинности и заключался для власти нѣкоторый конфузъ. «Новое Время» написало «громовую статью» по адресу, главнымъ образомъ, мѣстнаго начальства,—вотъ де не сумѣло разрѣшить такого самоочевиднаго положенія вещей... 22 августа межъ тѣмъ прошло. И дѣятельность властей по поводу двадцатипятилѣтней годовщины со дня смерти знаменитаго русскаго писателя сама собою окончилась.

Такъ или иначе, начальство воспользовалось благопріятнымъ случаемъ, чтобы свести нѣкоторые счеты съ обоими писателями—и съ Толстымъ, и съ Тургеневымъ. И отчасти не совсѣмъ плохо, что счеты сведены именно такимъ способомъ. Съ одной стороны, «мы» почти все лѣто изрядно-таки старались увѣрить Европу въ

*) „Рѣчь“, 30 августа.

**) Харьковское „Утро“, 22 августа.

нашихъ конституціонныхъ и либеральныхъ намѣреніяхъ, бесѣдовали со Стэдомъ, бесѣдовали съ другими интервьюерами. Только и недоставало, чтобы закончить эти пріятные разговоры именно такими дѣлами, какими была ознаменована тургеневская годовщина и въ особенности толстовскій юбилей. Получить еще разъ столь краснорѣчивое доказательство конституціонализма и либерализма даже для Европы не безполезно. А съ другой стороны, начальство, сводя счеты съ обоими писателями, нѣсколько пособило обществу знаменательнѣе почтить ихъ.

Обѣ годовщины совпали съ ожесточеннымъ разгуломъ репрессій, съ безконечными смертными казнями, съ неслыханнымъ опустошеніемъ и раззореніемъ страны, доведенной до потрясающаго развитія эпидемій и до полосы сплошныхъ неурожаевъ, въ какую попалъ и нынѣшній годъ. Въ переживаемую нами годину страшнаго бѣдствія трудно сосредоточить мысль на знаменательныхъ дняхъ, трудно оглянуться назадъ, взвѣсить то огромное, что дали намъ великіе художники слова. И особенно трудно это относительно Тургенева. Неувядаемы художественныя созданія его, но они прошлое. И самъ творецъ ихъ—тоже прошлое съ его «западничествомъ» и съ его «ганнибаловой клятвою». Милое, увѣковѣченное въ образахъ, полныхъ поэтической грусти и поэтической грезы, незабвенное, но прошлое. Послѣдній же представитель могучаго литературнаго поколѣнія, Л. Н. Толстой, слишкомъ далекъ отъ юбилейныхъ условностей. И достойно отмѣтить юбилейный день такого писателя даже при нормальныхъ условіяхъ было бы дѣломъ не столь простымъ и не столь легкимъ. Но теперь условія слишкомъ ненормальны. И то, чѣмъ отмѣтило русское общество обѣ годовщины, само по себѣ было бы блѣдно, тускло и мутно. Тутъ и пришла на помощь власть. Она, словно вспомнивъ о значеніи контрастовъ, взяла на себя трудъ положить тѣни. И, благодаря густо положеннымъ тѣнямъ, блѣдное стало почти яркимъ, тусклое и смутное—опредѣленнымъ и многозначительнымъ... Въ особенности у почитателей Толстого нѣтъ причины очень огорчаться, что святѣйшій синодъ и совѣтъ министровъ взяли на себя роль, съ ихъ, синодской и министерской точки зрѣнія, вовсе не благодарную.

Любопытно, однако, что толстовскій юбилей лишь въ самое послѣднее время сталъ разсматриваться, какъ антиправительственное событіе. Первоначально же замѣтны были иныя тенденціи. Приблизительно за полгода до 28 августа оффиціозная «Россія» писала по поводу тогдашнихъ толковъ о способѣ отмѣтить 80-лѣтнюю годовщину:

Этическая цѣнность жизни Толстого въ томъ именно и состоитъ, что онъ всегда оставался самимъ собою, не коверкалъ и не ломалъ собственной личности въ угоду толпѣ, не гладилъ ее по головкѣ въ интересахъ собственной популярности, и въ то время, какъ всякая шушера,

не имѣющая ни чести, ни Бога, сознательно пробуждала въ этой толпѣ дикаго звѣря, лишь бы только, вцѣпившись въ шкуру, поплотнѣе усѣсться у него на хребтѣ, Толстой стоялъ въ сторонѣ одиноко. И есть что-то глубоко омерзительное, когда эти хамы, шлепнувшись въ грязь и изображая изъ себя какія-то угнетенныя невинности, кричатъ и вопятъ на всѣ лады:

— Пойдемте къ нему, къ нашему великому старцу. Онъ тоже жертва вечерняя. Онъ и мы—это одно и то же. Онъ анаѳема, а мы винныя лавки очищали да полицейскихъ изъ-за угла подкалывали. Два сапога пара.

Какой-нибудь бомбистъ, политическій шулеръ или кропатель освободительныхъ фельетончиковъ лѣзетъ къ великому художнику и панибратски хлопаетъ его по плечу... Негодяи *).

Тонъ, какъ оно вообще свойственно россійскому оффиціозу, непристоенъ. Но ясна тенденція, такъ сказать, присвоить Толстого, отграничить его отъ освободительнаго движенія, передвинуть старую разграничительную черту между бюрократіей и страной такимъ образомъ, чтобы можно было говорить:

— Толстой и все вообще, что есть великаго, съ нами, а внѣ насъ «какіе-нибудь бомбисты, политическіе шулера, кропатели освободительныхъ фельетончиковъ,... негодяи»...

Параллельно можно бы припомнить соотвѣтствующую позицію «Новаго Времени», гдѣ г. Меньшиковъ пространно говорилъ о своей близости къ Толстому и въ доказательство опубликовалъ даже письмо изъ Ясной Поляны, въ коемъ содержались по адресу нововременскаго фельетониста похвалы и «поцѣлуи». Не лишне также вспомнить, что эта первоначальная тенденція преобладала въ моментъ особо тѣснаго содружества между министерскими скамьями и думскимъ центромъ. Въ ту пору «Голосъ Москвы», «Новое Время» и «Россія» подходили къ грядущему Толстовскому дню приблизительно съ одною и тою же мѣркою:

— Что бы тамъ ни писалъ Толстой, и какъ бы ни писалъ, и какъ ни смотрѣли на его писанія синодъ и охранное отдѣленіе, но онъ геній, русскій національный геній, признанный всѣмъ культурнымъ міромъ. И, какъ къ генію, къ нему и надо подходить съ націоналистической и патріотической точки зрѣнія.

На патріотической и націоналистической точкѣ зрѣнія относительно Толстого доселѣ остаются «Новое Время» и «Голосъ Москвы». На ней довольно долго держалась и «Россія». Соотвѣтственно вело себя и правительство. Между прочимъ, какъ извѣстно, въ программу перваго легальнаго съѣзда журналистовъ вошелъ спеціальный пунктъ о совмѣстномъ обсужденіи способа чествовать 80-лѣтнюю годовщину Толстого, и этотъ пунктъ былъ «допущенъ», не вызвавъ возраженій министерства внутреннихъ дѣлъ. Уже передъ самымъ началомъ лѣтнихъ вакацій, никакихъ возраженій не вызвало постановленіе петербургской городской думы «о выработкѣ

*) Цит. по харьковскому „Утру“, 5 марта 1908 г.

программы чествованія Толстого и о посылкѣ привѣтственной телеграммы въ Ясную Поляну». Между прочимъ, по поводу этого постановленія, когда взгляды правительства на «толстовскій юбилей» радикально измѣнились, возникло любопытное qui pro quo. «Городской голова г. Рѣзцовъ, по словамъ «Голоса Москвы», былъ вызванъ для объясненій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ему заявили, что, съ точки зрѣнія администраціи, городское управленіе... не можетъ принять участія въ чествованіи Толстого». А г. Рѣзцовъ въ свою очередь заявилъ, что онъ обязанъ выполнить постановленіе думы, которое не было во время опротестовано градоначальникомъ и вошло въ законную силу *). И характерно, министерство, обладающее «всею полнотою власти», министерство, казалось бы, вовсе не склонное смущаться при видѣ маленькихъ юридическихъ препятствій, спасовало передъ ссылкою г. Рѣзцова на такой, по русскимъ обычаямъ, пустякъ, какъ неопротестованное своевременно градоначальникомъ постановленіе городской думы. Привѣтственная телеграмма Толстому отъ имени петербургскаго «городского управленія» была послана и, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, доставлена. Слухъ, что привѣтственныя телеграммы въ Ясную Поляну 28 августа приказано задерживать, повидимому, оказался сильно преувеличеннымъ.

Но столкновеніе всей полноты власти съ неопротестованнымъ постановленіемъ городской думы, повторяю, произошло въ самое послѣднее время. Первоначально же намѣреніе запретить юбилей ничѣмъ не обнаруживалось. И это преобладаніе «октябристской тенденціи» замѣтно волновало союзниковъ. Волновались союзники одесскіе, волновались кіевскіе... Впрочемъ, всего больше волновалось духовное вѣдомство, которому предстоящія и въ особенности разрѣшенныя чествованія не совсѣмъ пріятно напоминали наложенную на Толстого анаѳему. Кіевскій миссіонерскій съѣздъ сдѣлалъ все ему доступное, чтобы дать правительству импульсъ къ перемѣнѣ взглядовъ на толстовскій юбилей. Но, повидимому, гораздо больше сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ самъ Толстой, опубликовавъ въ англійской печати свое обширное заявленіе: «Не могу молчать». Въ русской прессѣ воспроизведены лишь блѣдные отрывки этого протеста, едва передающіе главнѣйшую мысль Льва Николаевича, что онъ не можетъ и не хочетъ пользоваться безопасностью, купленною цѣной висѣлицъ, если даже сторонники смертной казни дѣйствительно увѣрены, что она необходима для поддержанія безопасности. Все наиболѣе яркое и сильное, чѣмъ Толстой аргументировалъ свой протестъ, до русскаго массоваго читателя не дошло. И отчасти на эти именно яркіе и сильные аргументы намекалъ синодальный «Колоколъ», громя «авантюристовъ печати, которые дѣлаютъ оскорбительныя, недопустимыя вылазки

*) „Голосъ Москвы", 24 августа.

противъ верховной власти, церкви, православной вѣры и правительства». Затѣмъ возникла мысль въ день толстовскаго юбилея и въ ознаменованіе этого дня, выступить съ коллективнымъ общественнымъ протестомъ противъ смертныхъ казней. Подписи, къ слову сказать, подъ этимъ протестомъ, насколько оказалось возможнымъ, были собраны. Это еще болѣе пошатнуло «октябристскую тенденцію». Въ концѣ концовъ синодъ взялъ на себя инипіативу и повторилъ анаѳему. Вслѣдъ за синодомъ пошелъ и совѣтъ министровъ, не забывшій кстати принять мѣры, чтобы протестъ противъ смертной казни въ печати не появился.

Попятный бѣгъ былъ начатъ очень стремительно. Но выдержать попятное направленіе оказалось не такъ-то просто. Предавъ Толстого повторной анаѳемѣ, духовное вѣдомство между прочимъ, обратило особо благосклонное вниманіе на противотолстовскую брошюру нѣкоего г. Айвазова. Ее велѣно было распространять по церквамъ, по школамъ, вообще «среди народа». И въ нѣкоторыхъ епархіяхъ брошюра была отлично распространена. Въ самый день юбилея «Русское Знамя» привело обширныя цитаты изъ нея. На петербургскій цензурный комитетъ онѣ произвели, однако, такое впечатлѣніе, что номеръ названной газеты былъ конфискованъ, а противъ редактора возбуждено преслѣдованіе за оскорбленіе величества и за дерзостное порицаніе верховной власти. Вслѣдъ затѣмъ «Голосъ Москвы» ехидно объяснилъ, въ чемъ тутъ секретъ. Дѣло въ томъ, что «г. Айвазовъ вздумалъ приводить подлинныя цитаты изъ Толстого, снабжая ихъ собственными бездарными комментаріями». «Голосъ Москвы» назвалъ этотъ способъ опровергать Толстого «поистинѣ курьезнымъ, достигающимъ цѣлей, прямо противоположныхъ намѣреніямъ г. Айвазова». Не преминулъ органъ октябристовъ сдѣлать и нѣкоторыя дополнительныя разъясненія, какъ могло случиться, что подлинныя и весьма сильныя выраженія Толстого о русскихъ властяхъ и русской церкви, хотя бы и сопровождаемыя возраженіями г. Айвазова, могли появиться въ легальномъ изданіи. «Разгадка, видите ли, проста». Брошюру разсматривалъ московскій цензурный комитетъ. А «въ московскомъ комитетѣ еще съ катковскихъ временъ сидятъ цензорами бывшіе сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей». Можно ли сомнѣваться въ ихъ антипатіи къ Толстому и симпатіи къ г. Айвазову?» *)

На другой день послѣ разъясненій «Голоса Москвы» брошюра г. Айвазова была конфискована, — оффиціально по распоряженію московскаго цензурнаго комитета. И такимъ образомъ само правительство вообще и духовное вѣдомство въ особенности оказались умышленными распространителями запрещенной литературы, содержащей, по опредѣленію петербургскаго цензурнаго комитета,

*) „Голосъ Москвы", 2 сентября.

признаки дѣяній, предусмотрѣнныхъ 103 и 128 статьями уголовнаго уложенія. Брошюру, навѣрное, будутъ отбирать назадъ. И какъ объяснитъ начальство вѣрнымъ чадамъ церкви конфузное противорѣчіе собственныхъ мѣропріятій,—мудрено сказать. Просто,—хоть снимай съ Толстого анаѳему, ибо «православный христіанинъ», все равно, пожалуй, рѣшитъ, когда у него книжку, врученную при торжественной обстановкѣ, станутъ отбирать:

— Значитъ, съ Толстымъ помирились...

Но въ данномъ случаѣ власть столкнулась лишь съ «досадною случайностью». Гораздо досаднѣе для власти, что она столкнулась съ неповиновеніемъ ея приказу. Не подчинился запрету даже такой лояльный человѣкъ, какъ г. Рѣзцовъ. Не подчинилась академія наукъ, не подчинились университеты, не подчинились многія другія общественныя и правительственныя учрежденія,—не говоря уже о «частныхъ лицахъ». Газеты, между прочимъ, подчеркнули, что въ числѣ многочисленныхъ юбилейныхъ привѣтствій Толстому есть и привѣтствіе отъ одного изъ великихъ князей. Г. Столыпину ничего другого не оставалось, какъ сдѣлать видъ, что никакого запрета и не было. Въ результатѣ появилось полуоффиціозное разъясненіе, что собственно правительство ничего противъ юбилейныхъ чествованій не имѣетъ, оно лишь — противъ «демонстративнаго характера». Но изъ этого дипломатическаго оборота событій получился еще большій конфузъ. Въ конфузѣ прежде всего оказался святѣйшій синодъ, ибо его призывъ ко «всѣмъ вѣрнымъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи» увѣковѣченъ документально. Въ конфузное положеніе попали и провинціальные администраторы. Кіевскій губернаторъ категорически ссылался на предписаніе изъ Петербурга, вдругъ—правительство собственно ничего не имѣетъ... Одесскій генералъ Толмачевъ не допустилъ ни одной юбилейной строчки во ввѣренныхъ его цензурному усмотрѣнію газетахъ. И оказался въ неловкомъ одиночествѣ, ибо не только окрестныя—кіевскія, харьковскія, екатеринославскія—газеты имѣли юбилейный видъ, но даже «Новое Время» сладко пѣло о гордости Россіи. Даже оффиціозная «Россія» отмѣтила 28 августа, хоть и весьма кислой, но юбилейной статьею...

Запѣли было по октябристскому камертону,—спутались, сбились, оборвали и бросили. Стали пѣть на синодальный ладъ,—еще больше спутались, потеряли тактъ и тонъ и затянули кто въ лѣсъ, кто по дрова. Была проявлена кипучая дѣятельность,—вызывали редакторовъ, отбирали подписку у типографій, совѣщались, писали, предписывали, приказывали, подняли на ноги, между прочимъ, всю петербургскую полицію, всѣхъ петербургскихъ дворниковъ, швейцаровъ, даже ресторагоровъ, даже трактирщиковъ... Дѣло, начатое весьма стремительно, бросали на полдорогѣ, снова поднимали и снова бросали. Черта, пожалуй, и не новая, но въ данномъ случаѣ она сказалась особенно выпукло. И невольно является вопросъ,

откуда эта черта? Явилась ли она въ силу того исключительнаго положенія, какое занимаетъ Л. Н. Толстой, или тутъ есть причины болѣе общаго и сложнаго свойства?

II.

— Пишутъ теперь, изволите ли видѣть, касательно успокоенія. И точно, доложу я вамъ, такое для нашего брата-землевладѣльца успокоеніе настало, — надо бы лучше, да некуда. Хозяйствую я безъ мала 30 лѣтъ. И никогда такого не было, чтобъ хоть клочекъ земли у меня пустовалъ. А вотъ теперь ужь второй годъ 120 десятинъ пашни пустуетъ. А всего-то у меня пахотной земли, изволите ли видѣть, 600 десятинъ. Значитъ, 20 процентовъ все равно, что потеряны. Остальные же 80 процентовъ, хоть и не пустуютъ; хозяйствую на нихъ, хлопочу. Да толку отъ хлопотъ немного. Тоже выходитъ пустота... Успокоеніе! Ужь чего спокойнѣе... Такъ оно, доложу я вамъ, стало теперь спокойно, что хоть панихиду служи...

Эту жалобу мнѣ пришлось недавно слышать отъ знакомаго землевладѣльца и земляка.

— Почему же, спрашиваю, такое спокойствіе вдругъ настало?

— Мужикъ другой пошелъ...

— Бунтуется, что-ль?

— Нѣтъ, бунтовъ или погромовъ у насъ, слава Богу, нѣтъ... Знаете ли, одинъ жандармскій ротмистръ говорилъ мнѣ: мы, говоритъ, за всею вообще интеллигенціей слѣдимъ, зная ея образъ мыслей, но на цугундеръ ее тащимъ лишь въ случаѣ обнаруженія поступковъ. Такъ вотъ, изволите ли видѣть, поступковъ мужикъ не обнаруживаетъ. Тащить его на цугундеръ не за что. А все-таки—другой мужикъ, не тотъ, не прежній. Работникъ другой, арендаторъ другой, всѣ условія другія... И выходъ теперь одинъ—развязаться съ землей. Все вотъ хлопочу, какъ бы продать имѣніе. Да то горе, что и продать-то некому. Толкнулся было въ крестьянскій банкъ... Есть тамъ у васъ въ Петербургѣ одинъ присяжный повѣренный,—открылъ онъ контору спеціально по сбыту земель банку. Обратился я къ нему. Прислалъ онъ агента. Ничего, солидный агентъ. 200 рублей жалованья въ мѣсяцъ отъ патрона получаетъ, проѣздъ во второмъ классѣ и суточныхъ 5 рублей. Нѣмецъ. Теперь аграрный вопросъ разрѣшаетъ, а раньше булочную въ Петербургѣ содержалъ. Такъ вотъ этотъ самый нѣмецъ взялъ карандашикъ и сталъ мнѣ составлять смѣту на бумажкѣ, сколько, куда и кому нужно дать... Я только ахнулъ. А нѣмецъ меня утѣшаетъ,—сами же вы, говоритъ, знаете, что теперь банкъ воздерживается отъ покупокъ, значитъ,—нуженъ очень большой расходъ. Заплатилъ я поскорѣе нѣмцу прогоны и отпустилъ съ миромъ. Нечего дѣлать,—записалъ свое имѣніе въ другую контору

по распродажѣ земель въ частныя руки. Теперь этихъ конторъ видимо-невидимо. Какъ грибы послѣ дождя, выросли. Ну, хорошо, записалъ. Но какой толкъ? Сколько я знаю въ нашей округѣ помѣщиковъ—у всѣхъ у нихъ имѣнія въ конторахъ записаны. Всѣ мы другъ надъ другомъ и сами надъ собою посмѣиваемся. И всѣ мы, однако, чего-то ждемъ. А чего ждемъ—и сами не знаемъ... Миленькое, доложу я вамъ, успокоеніе!..

Нѣсколько иначе, но ту же мысль высказываетъ «Новое Время» (№ 11665, 2 сентября):

— Въ деревнѣ «теперь тихо. Но стоитъ зловѣщая тишина. Съ виду какъ будто и ничего,—по прежнему обращаются: баринъ, батюшка, и въ передній уголъ сажаютъ и встрѣчаютъ честь-честью, а въявь чувствуешь, что что-то треснуло въ отношеніяхъ, и трещина идетъ все глубже и шире, и вернуться къ прошлому нечего и думать... «Успокоеніе»... Это новая чиновничья ложь по старой формулѣ: «все благополучно»... Нельзя теперь, ну—нельзя больше жить въ деревнѣ! Спертый воздухъ какой-то, тяжесть отношеній—будто бы мирныхъ, тяжесть ожиданій—вотъ-вотъ совершится»...

Я позволилъ себѣ пересказать ироническій отзывъ «человѣка снизу», такъ какъ въ немъ ничего новаго и неизвѣстнаго въ сущности не содержится. Онъ лишь удачно, какъ мнѣ кажется, формулируетъ безспорное общее мѣсто. Дѣйствительно, говоря объ «успокоеніи», надо различать область «мыслей» и область «поступковъ». Что касается массового обывательскаго образа мыслей, то былыя надежды на этотъ счетъ ликвидированы избирательнымъ закономъ 3 іюня. И едва ли для кого-либо секретъ, что послѣ 3 іюня 1907 года власть въ массовомъ обывательскомъ образѣ мыслей ничего не выиграла и много потеряла. Что же касается «поступковъ», то таковыхъ у массового обывателя, дѣйствительно, сейчасъ нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ «поступковъ» крупныхъ, замѣтныхъ, дающихъ основательный поводъ зазвучать громами карательныхъ экспедицій. Но въ томъ-то и странность, что отсутствіе поступковъ не только радуетъ громовержцевъ, но и удручаетъ.

Три года назадъ въ самый разгаръ «поступковъ» была надежда, что мужикъ, собственно, правильный, хорошій мужикъ, а если онъ «поступаетъ», то лишь по винѣ агитаторовъ, да еще по собственной дури, которая на него временами находитъ, и которая, какъ доказано опытомъ, поддается «выбиванію». Тогда все казалось ясно и просто. Помѣщики спѣшно закупали по особо льготнымъ цѣнамъ казенное оружіе и вносили деньги на организацію казачьихъ, черкесскихъ, лезгинскихъ, ингушскихъ и всякихъ иныхъ охранныхъ отрядовъ. Организовали команды стражниковъ, организовали кадры сельскихъ шпіоновъ. Но оружіе, закупленное на случай нападенія скопомъ на усадьбу, нынѣ ржавѣетъ праздно. За отсутствіемъ «поступковъ», охранительнымъ командамъ нечего

дѣлать. А такъ какъ онѣ, не щадя крестьянъ, оказывались нерѣдко малопочтительными и къ хозяйскому, помѣщичьему достоянію, то во многихъ случаяхъ владѣльцамъ пришлось хлопотать, чтобы охранителей убрали подальше отъ охраняемой ими экономіи. Сыщики нюхаютъ, но и они должны признать, что особенныхъ, стоющихъ «поступковъ» нѣтъ. Есть просто «другой мужикъ», новый мужикъ, не тотъ, что былъ раньше. Живетъ онъ тоже просто, почти безъ «поступковъ». А между тѣмъ получается, что доходность имѣній, даже при старомъ, прежнемъ мужикѣ, не покрывавшая широкихъ помѣщичьихъ потребностей, упала, какъ никогда. Приходится мечтать о «ликвидаціи», какъ объ единственномъ выходѣ. Надвинулось что-то необыкновенно сложное, тонкое, неуловимое и въ то же время враждебное и опасное. Оно волнуетъ. Съ нимъ надо бороться. И я вполнѣ понимаю, напр., елисаветградскаго предводителя дворянства г. Варунъ-Секрета, который недавно обратился къ дворянамъ съ такимъ циркулярнымъ увѣщаніемъ:

«Дворянство Херсонской губ., какъ и многихъ другихъ, приняло на себя въ части расходы по водворенію порядка среди сельскаго населенія и по борьбѣ съ крамолой. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи находится въ зависимости отъ средствъ, образуемыхъ исключительно изъ подесятиннаго налога на принадлежащую дворянству землю. Между тѣмъ налоги эти поступаютъ несвоевременно, образуется значительная недоимка, чѣмъ вызываются затрудненія въ организаціи обороны и безвыходное положеніе кассъ уѣзднаго и губернскаго предводителей дворянства при покрытіи обязательныхъ расходовъ»... *)

Надо понять, однако, и недоимщиковъ, которыхъ г. Варунъ-Секретъ убѣждаетъ «прислать въ возможной скорости причитающуюся по окладному листу сумму». Конечно, у нихъ исконная, историческая непріязнь къ платежу «по окладнымъ листамъ». Но, кромѣ исторической непріязни, что-либо значитъ и прямое отсутствіе дѣлового, коммерческаго разсчета. Есть фактъ: новый мужикъ безъ поступковъ. И есть вытекающія изъ даннаго факта послѣдствія: доходность хозяйства упала, концы съ концами не сводятся, «спертый воздухъ какой-то», и «нельзя, ну нельзя жить въ деревнѣ»... Но спрашивается, что тутъ подѣлаешь магазинками, винтовками, пулеметами, летучими казачьими отрядами и всею вообще установленною «организаціей обороны»? Магазинки, пулеметы, летучіе отряды—оружіе превосходное, но въ данномъ случаѣ оно ни къ чему. Въ данномъ случаѣ нужно какое-то другое оружіе. Какое именно, — неизвѣстно. И еслибы оно стало извѣстно, за него можно было бы съ радостью заплатить большія деньги. Но какой смыслъ платить за «организацію обороны»,

---

*) Цит. по „Рѣчи", 5 августа.

которая не обороняетъ и по самому свойству вещей оборонять не можетъ?

Три года назадъ, когда массовой обыватель совершалъ «поступки», проще, яснѣе чувствовали себя громовержцы на мѣстахъ. Проще и яснѣе жилось громовержцамъ въ центрѣ. Покойный Треповъ приказывалъ «патроновъ не жалѣть». Г. Дурново предписывалъ сжигать деревни, въ случаѣ обнаруженія «поступковъ». Г. Столыпинъ довелъ до возможнаго на землѣ совершенства военно-полевую расправу. И это было ясно, понятно, окрыляло надеждами на успѣхъ. Подъ обаяніемъ надеждъ на успѣхъ оборудованъ могущественнѣйшій въ мірѣ карательный аппаратъ, дѣйствующій быстро, рѣшительно, почти механически: стоитъ написать цифру 279, и смертный приговоръ получается самъ собою. Оружіе въ рукахъ у г. Столыпина страшное. И будь «поступки»... Но въ томъ-то и суть, что нѣтъ поступковъ.

Сосредоточены огромныя силы для искорененія крамолы внутри страны. Но имъ, по признанію даже «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», собственно нечего дѣлать. И естественно на каждый очевидно-крамольный фактъ онѣ обрушиваются массою, всею совокупностью свободныхъ рабочихъ рукъ. А когда очевидно-крамольнаго факта нѣтъ, тормошатъ и перетряхиваютъ обывателя,—на всякій случай, можетъ быть, крамола откуда-нибудь и вылетитъ. Сосредоточены огромныя силы, чтобъ не допускать крамолы зарубежной, съ запада. Но даже «Новое Время» вопитъ, печатая телеграмму изъ Варшавы:

> Нѣчто кошмарное творится въ Александровской таможнѣ. Пассажиры мечутся изъ стороны въ сторону. Окрики досмотрщиковъ. Вещи одного попадаютъ другому. Багажъ безжалостно портятъ. Замѣчаніе пассажировъ вызываетъ требованіе пошлины за что попало. Спорить некогда изъ опасенія опоздать на поѣздъ. После заграницы въѣздъ въ Россію оставляетъ впечатлѣніе тяжелаго кошмара *).

Сосредоточены огромныя силы, чтобы ни одинъ воронъ не перенесъ крамольныхъ костей черезъ финляндскую границу. Но и тутъ «происходитъ, по выраженію гласнаго петербургской городской думы г. Олейникова, безсмыслица, даже и съ точки зрѣнія сыска... Производится даже и не сыскъ, а издѣвательство надъ публикой» **). Къ такому же приблизительно выводу относительно потугъ уловить крамолу, перелетающую изъ Финляндіи, пришло и «Новое Время».

Все горе въ томъ, что нѣтъ поступковъ, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ припасенному противъ нихъ оружію. Однако, нѣтъ возможности и сложить оружіе. Тамъ стоитъ какой-то новый мужикъ. Тутъ просто обыватель, закоснѣвшій въ самомъ предосуди-

*) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ“, 8 августа.

**) „Рѣчь“, 6 сентября.

тельномъ образѣ мыслей. Крамола сказывается въ тысячахъ неуловимыхъ мелочей. И словно смѣется:

— Ну, приговорили, сослали, заключили... А дальше что? Съ апрѣля 1906 г. вы заняли свыше милліарда рублей. Теперь вамъ, говорятъ газеты, нужно еще 800 милліоновъ. Допустимъ, займете... А дальше черезъ годъ еще запросите 800? Такъ, что-ли?.. Вотъ «Новое Время» угрожаетъ, что нѣмцы почти безъ выстрѣла могутъ занять Петербургъ. И таки смогутъ-съ... Гдѣ же вашъ флотъ? Гдѣ переоборудованіе арміи на случай такихъ «ожиданностей», какъ, напр., оккупація Привислинскаго края съ запада?.. Писать 279 и посылать батальоны противъ засѣвшаго на чердакѣ «неизвѣстнаго» человѣка вы умѣете. Ну, а просто жить? И какимъ образомъ располагаете жить? И на какія средства?..

Карательный аппаратъ работаетъ неослабно. Но тѣ, кто еще недавно рукоплескалъ ему беззавѣтно и безоговорочно, нынѣ начинаютъ, хотя и не очень громко, но ворчать. Ворчитъ «Новое Время». Ворчитъ «Голосъ Москвы». Ворчатъ даже «Московскія Вѣдомости», находя, напр., что нѣкоторыя усмирительныя мѣропріятія правительства относительно высшей школы заходятъ ужь слишкомъ далеко. Ворчитъ «Свѣтъ». Дошло до того, что, напр., весьма реакціонное екатеринославское губернское земство въ своемъ періодическомъ изданіи: «Врачебно-санитарная хроника», выступило съ ужасающими разоблаченіями «порядковъ» въ одной изъ мѣстныхъ тюремъ (въ Луганской). Тюрьма эта, по отзыву земства, «является гнѣздомъ и разсадникомъ тифа для населенія города (Луганска) и всего уѣзда»... Въ ней,—пишетъ названный земскій органъ—«начиная съ мелочей, во всемъ проглядываетъ... не просто суровая дисциплина, а жестокость»; «проводится такой режимъ, который не терпимъ» *)... И въ самомъ дѣлѣ, жестокость, жестокость, жестокость безъ конца, а толку никакого. Пора бы, разъ толку нѣтъ, и остепениться. Не вѣчно же горшки бить. Когда-нибудь надо подумать, какъ и чѣмъ платить за нихъ. Потребность остепениться такъ сильна, что у «Петербургскихъ Вѣдомостей» явилась даже мысль,—не слѣдуетъ ли произвести хотя бы частичное разоруженіе.

„3 года назадъ—писала казенная газета—...правительству для подавленія вспышки пришлось спѣшно организовывать стражу и усилить полицію, удвоивъ оклады жалованья. Но вотъ прошло 2 года, какъ деревня совершенно успокоилась, а кадры стражи и штатъ полиціи съ повышеннымъ окладомъ остаются тѣ же, что и въ дни народнаго волненія. Очевидно, о существованіи ихъ забыло главное начальство и не даетъ распоряженій объ упраздненіи или сокращеніи этихъ штатовъ. Но забыть такое вѣдомство, которое поглощаетъ десятки милліоновъ рублей ежегодно и при нашихъ разстроенныхъ финансахъ, прямо-таки преступно... Видя ежедневно стражниковъ, невольно является вопросъ, для чего эти люди

*) „Врачебно-санит. хрон." Екатериносл. губ., № 1—3 1908 г., стр. 13.

содержатся, для чего оторваны они отъ земледѣльческаго труда, къ которому они привыкли?.. Страна гибнетъ отъ невѣжества, и для борьбы съ этимъ зломъ не находится средствъ, тогда какъ на содержаніе ненужныхъ въ настоящее время стражниковъ находятся десятки милліоновъ" *)...

Какая наивность—неискусная или дипломатическая—скрыта въ словахъ «Петерб. Вѣдомостей»: «главное начальство забыло»,—доискиваться не стоитъ. Газетѣ, разумѣется, извѣстно, что «главное начальство» не только не забыло о существованіи усиленныхъ кадровъ полиціи, но изыскиваетъ средства для дальнѣйшаго ихъ усиленія. Да и вообще при нынѣшнемъ настроеніи умовъ «главное начальство» ослаблять карательный аппаратъ вовсе не склонно. Какъ можно судить уже по приведенному выше циркуляру г. Варунъ-Секрета, не склонно къ разоруженію и близкое «главному начальству» дворянство. Да и вообще ссылки на успокоеніе хороши только при дипломатическихъ оборотахъ рѣчи. Въ дѣйствительности жить приходится подъ страхомъ. А страху никакое орудіе самообороны не кажется достаточно сильнымъ. О разоруженіи нечего и думать. Другой выходъ изъ тупика ищетъ «Новое Время». Не хитрая, говоритъ оно, штука—«распустить два или три парламента, чтобъ добиться, наконецъ, подлиннаго голоса Россіи»... И въ самомъ дѣлѣ, что собственно совершилъ нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ? Какіе такіе подвиги? Распустилъ двѣ Думы, измѣнилъ избирательный законъ и наполнилъ Таврическій дворецъ октябристами и союзниками—«подлиннымъ голосомъ Россіи»? Но такой результатъ, добытый такими средствами, вовсе не диво. Или, можетъ быть, г. Столыпинъ сумѣлъ прекрасно искоренять? Но, говоря откровенно, чтобы искоренять, «кому ума недоставало». И «Новое Время» «сожалѣетъ, что гр. Витте не остался у власти». Что продѣлано г. Столыпинымъ, то «сумѣлъ бы и гр. Витте, но... онъ могъ бы дать нѣчто болѣе важное, чѣмъ хорошій парламентъ,—хорошее правительство»... Дѣйствительно, нельзя ли какъ-нибудь устроить «хорошее правительство»? Кстати у насъ есть гр. Витте, дѣятель расторопный, изобрѣтательный... Можетъ быть, ему и на сей разъ удастся что-либо изобрѣсти. Въ концѣ-то концовъ чѣмъ мы рискуемъ, мѣняя кукушку на ястреба?

Въ иномъ родѣ и на первый взглядъ болѣе осмысленно подходятъ къ задачѣ октябристы. Лишь только окончилась думская сессія, они заговорили о неотложной необходимости крупныхъ реформъ. Это нѣсколько напоминаетъ манеру махать кулаками послѣ драки. Но надо отдать справедливость октябристамъ: говорятъ они о реформахъ упорно, настойчиво, договорились даже до угрозъ «перековать серпы на мечи».

„Приверженцы — писалъ „Голосъ Москвы"—отошедшаго навѣки въ

*) Цит. по харьковскому „Утру", 12 августа.

исторію абсолютизма собираютъ послѣднія силы для рѣшительнаго похода на слабые зачатки русскаго прогресса... Ходятъ зловѣщіе слухи"...

И далѣе:

„Запреты, запреты безъ конца, заглушеніе всякой общественной самодѣятельности. И въ котлѣ нельзя безнаказанно накапливать пары, но выпуская ихъ наружу; послѣдствія понятны. А допущенный къ власти „негръ"... Мы знаемъ, какъ онъ наглъ теперь, когда еще далеко не у власти; какъ виртуозенъ въ своихъ требованіяхъ, начиная съ лѣса висѣлицъ и кончая воспрещеніемъ смѣшанныхъ браковъ... Мало Цусимы—хотите еще Седана?"

Но «покорными и безгласными мы не останемся»:

„Какъ, въ случаѣ надобности, серпы перековываются на мечи, такъ и городское, и земское самоуправленіе, и всякія другія организаціи могутъ стать на политическій путь. Борьба такъ борьба. Народъ... долженъ только умѣть хотѣть. И, конечно, когда корабль накрененъ, то въ толпѣ, скучившейся на непокрытой волнами части, пассажиры разныхъ классовъ смѣшиваются. И вновь, какъ до 17 октября... о разногласіяхъ можно говорить потомъ—сперва врагъ общій... Располагая такимъ несокрушимымъ арсеналомъ на случай борьбы, мы, друзья порядка и законности, можемъ спокойно смотрѣть на какіе угодно реакціонные планы" *).

Грозный тонъ «друзей порядка и законности», впрочемъ, не испугалъ даже «Россіи». По ироническому замѣчанію «Кіевскихъ Вѣстей», «октябристы, ударившіе было въ колокола тревогу объ опасностяхъ реакціи, получили, повидимому, надлежащія указанія», и г. Гучковъ успокоительно заявилъ, что «реакція беззуба и безопасна» **). Намѣреніе «смѣшаться въ толпѣ пассажировъ разныхъ классовъ» сильно охладѣло. Но реформъ первоклассные и второклассные пассажиры «Голоса Москвы» «во имя нашей непримиримой борьбы съ революціей, нашихъ усилій водворить твердую закономѣрную власть» все-таки требуютъ. И какъ будто резонно. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, хоть чѣмъ-нибудь кончать. Надежда на всемогущество чрезмѣрныхъ охранъ смѣнилась разочарованіемъ. Финансы запутаны до-нельзя. И г. Валишевскій саркастически доложилъ читателямъ «Новаго Времени», что распродажа Россіи по частямъ уже началась. Торгово-промышленная анемія принимаетъ все болѣе и болѣе болѣзненныя формы. А тутъ новый голодъ. А тутъ безчисленныя эпидемическія заболѣванія вообще и холера въ частности. А тутъ эта почти мистическая, страшная фигура—«новый мужикъ», отъ котораго не спасаютъ «охраны», но который, быть можетъ, и не устоитъ, если его огорошить хорошей реформой. Во всякомъ случаѣ, выходъ нуженъ. И нужны реформы. Вопросъ лишь въ томъ: какія именно?

Къ прискорбію, среди самихъ октябристовъ насчетъ характера

*) „Голосъ Москвы", 13 августа.
**) „Кіев. Вѣсти", 31 августа.

требуемыхъ ими реформъ существуютъ разногласія,—по крайней мѣрѣ, послѣднія проникаютъ въ печать въ видѣ междоусобной полемики между «правыми» и «лѣвыми» октябристами. Недавно, напр., нѣкто, подписавшійся: «Московскій октябристъ» выступилъ съ печатными обвиненіями, что «лѣвые октябристы» обманно попали въ Думу, «а теперь сбросили съ себя маску и тяготѣютъ къ кадетамъ» *). На это графъ Уваровъ, отъ имени лѣвыхъ октябристовъ, отвѣтилъ въ «Русскомъ Словѣ»:

„Прошу Московскаго октябриста... взять печатныя программы центральнаго комитета союза 17 октября съ самаго начала созданія союза и до нынѣшняго года, хорошенько ихъ изучить и тогда откровенно сказать, насколько мы, лѣвые октябристы, отклонились налѣво отъ основной программы союза 17 октября. Смѣло утверждаю, что только мы одни остались на первоначальной программѣ союза, мы одни продолжаемъ работать въ прежнемъ направленіи; Московскій же октябристъ и иже съ нимъ давно сошли съ почвы прежнихъ программъ союза 17 октября и поспѣшно плывутъ къ союзу русскаго народа. Это фактъ, къ сожалѣнію, безспорный" *).

Дѣйствительно,—къ сожалѣнію, «фактъ безспоренъ». Но, еще къ большему сожалѣнію, безспоренъ и другой «фактъ»: «правые» и «лѣвые» октябристы могутъ безъ конца обмѣниваться взаимными обвиненіями въ измѣнѣ и предательствѣ, рискуя ничего не доказать ни другъ другу, ни намъ, невольнымъ свидѣтелямъ этого семейнаго междоусобія. Въ программѣ союза 17 октября «всякаго лиха понемножку». Одинаково побѣдоносно ссылаются на нее и гр. Уваровъ, и г. Московскій октябристъ. Именно эта одинаковая побѣдоносность и обезоруживаетъ насъ, когда мы хотимъ понять, какихъ собственно «реформъ» требуютъ октябристы, ради какихъ завоеваній они готовы перековать серпы на мечи. Одно время можно было надѣяться, что насъ освѣдомитъ на этотъ счетъ партійный съѣздъ. Но сначала въ газетахъ сообщалось, что съѣздъ будетъ созванъ въ августѣ. Потомъ срокъ былъ отодвинутъ на сентябрь и вообще—передъ началомъ думской сессіи или вскорѣ послѣ начала. Теперь срокъ отодвинутъ еще дальше—до будущаго года. И «когда—сѣтуетъ «Слово»—печать выразила недоумѣніе по поводу отсрочки октябристскаго съѣзда, г. Гучковъ... серьезно сталъ доказывать, что съѣздъ собственно не откладывается, а просто не назначается на сентябрь, а назначенъ теперь на январь»... Богъ вѣсть,—быть можетъ, въ декабрѣ окажется, что съѣздъ собственно не откладывается, а просто не назначается на январь, а назначенъ теперь на апрѣль или даже май...

Для насъ было бы, пожалуй, не такъ ужь важно, когда г. Гучковъ желаетъ и когда не желаетъ назначить съѣздъ. Собственно, это домашнее, семейное дѣло октябристовъ. Имъ оно виднѣе, когда съѣхаться. Но, вѣдь, люди грозятъ перековать серпы на мечи ради

*) Цит. по „Сарат. Листку", 15 августа.

реформъ. И въ то-же время до такой степени не могутъ даже между собою сговориться, о какихъ реформахъ идетъ рѣчь, что публично обвиняютъ другъ друга то въ кадетизмѣ, то въ черносотенствѣ, то въ предательствѣ и измѣнѣ знамени. Казалось бы, имъ надо поскорѣе призвать на помощь съѣздъ и покончить внутреннія распри. Покончить именно до начала думской сессіи, когда и предполагается начать реформы. И вдругъ «съѣздъ... просто назначенъ на январь». Позвольте, господа, кого-же вы собираетесь убивать мечами изъ стараго желѣза—насъ-ли, или г. Столыпина, или г. Дубровина, или, можетъ быть, и не насъ, и не г. Столыпина, и не Дубровина, а гр. Уваровъ будетъ насквозь пронзать г. Московскаго октябриста, а г. Московскій октябристъ будетъ насквозь пронзать гр. Уварова?

Щекотливое дѣло — догадываться, почему октябристы, имѣя множество резоновъ спѣшить со съѣздомъ, тѣмъ не менѣе, не спѣшатъ. Но нѣкоторая оцѣнка чисто объективныхъ данныхъ необходима. Какъ ни совѣщайтесь, съ какой стороны ни начинайте разговоръ о реформахъ, вы непремѣнно упретесь въ жалобы на «новаго мужика» и на причиненный имъ ущербъ помѣщичьему доходу. А упершись въ эту роковую стѣну, надо выбирать одно изъ двухъ: либо дать усиленное, чрезвычайное воспособленіе барину, хоть на время подкрѣпить его въ наступившій нынѣ моментъ экономической агоніи, либо признать, что барская пѣсенка спѣта, и открыть дорогу мужику. Полагаю, отъ воспособленій барину «союзъ 17 октября» не откажется, если не перестанетъ быть самимъ собою. А открыть дорогу мужику,—это, вѣдь, значило бы присоединиться къ лозунгу: «земля», хотя бы лишь въ «кадетской» его постановкѣ. Это, вѣдь, значило бы поставить крестъ не только на экономическомъ значеніи, но и на политической роли дворянства. Я не знаю, захочетъ-ли «лѣвый октябристъ», гр. Уваровъ, пропѣть вѣчную память дворянскому сословному господству; возможно, вѣдь, что, дойдя до этого пункта, онъ такъ же «поспѣшно поплыветъ къ союзу русскаго народа», какъ и его оппонентъ, г. Московскій октябристъ. Примѣры бывали. Но допустимъ, что часть «лѣвыхъ октябристовъ» при теперешнемъ безвыходномъ положеніи даже передъ вѣчной памятью не остановится. Если это такъ, если, дѣйствительно, среди октябризма найдутся и «непроявленные кадеты», предполагавшемуся, но отложенному съѣзду пришлось бы лишь разложиться на составные элементы, превратить такъ называемое «думское большинство» въ разсыпанную храмину. Но пусть, обсуждая программу реформъ и притомъ чисто дѣловымъ образомъ, конкретно, примѣнительно къ парламентской ихъ постановкѣ, удастся замолчать или обойти «проклятый аграрный вопросъ». При теперешнихъ условіяхъ это почти невозможно, но, повторяю, допустимъ. Что же смогутъ октябристы? Снова пропѣть вслѣдъ за г. Гучковымъ осанну военно-полевымъ расправамъ? Но, чтобъ пѣть эту пѣсню,

нужна вѣра въ спасительность расправъ. А если г. Гучковъ захочетъ и еще разъ съ «высоты думской трибуны» намекнуть о конституціи, у г. Столыпина есть въ запасѣ магическое слово: «разгонъ». Октябристы, навѣрное, не успѣли забыть, какъ они отвѣчали рукоплесканіями на обращенный къ нимъ выговоръ по поводу конституціонныхъ намековъ въ думскомъ адресѣ. Это былъ хорошій и вполнѣ заслуженный урокъ. На съѣздахъ можно, при очень большомъ желаніи, «аграрный вопросъ» обойти и замолчать. Но надо помнить при этомъ, что жизнь не съѣздъ. А жизнь обернулась, по волѣ судебъ, такою стороною, что если говоришь: конституція, то говори и—земля, если же земли давать не хочешь, если стремишься удержать ее, стой крѣпко за чрезвычайную охрану и за абсолютизмъ. Иначе впадешь въ противорѣчіе съ самимъ собою.

— Дѣла скверны. Начните реформы, а какія именно,—вамъ виднѣе...

Такъ, собственно, можно бы перефразировать октябристскіе разговоры. «Новое Время» предположило, что выходъ всего вѣрнѣе сумѣлъ бы найти гр. Витте. «Голосъ Москвы» по отношенію къ гр. Витте «перековалъ серпы на мечи» и больше склоненъ возлагать надежды на изобрѣтательность г. Столыпина *). И не только возлагаетъ надежды, но и подтверждаетъ ихъ фактическими сообщеніями.

«Вопросъ о реформѣ полиціи въ законодательномъ порядкѣ дѣятельно обсуждается министерствомъ внутренныхъ дѣлъ»... «Правительствомъ выработанъ и будетъ внесенъ въ Думу законопроектъ о печати; въ законопроектѣ этомъ совершенно устранены какія бы то ни было административныя репрессіи... и устанавливается отвѣтственность единственно лишь по суду» **). Еще вырабатывается какой-то особый законопроектъ о замѣнѣ чрезвычайнаго положенія законнымъ порядкомъ. Намѣчается множество другихъ «реформъ», какъ крупныхъ, основныхъ, такъ и мелкихъ, но симптоматическихъ. «По слухамъ, «освѣдомительное бюро» упраздняется; «Россія» также, вѣроятно, не будетъ выходить съ будущаго года; «Правительственный Вѣстникъ» реорганизуется ***). Есть и еще болѣе утѣшительный «слухъ»: «къ открытію Государственной Думы ожидается актъ, въ которомъ будетъ указано, что въ виду наступившаго въ странѣ успокоенія, Дума должна осуществить важнѣйшія реформы; часть акта будетъ посвящена снятію усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ; одновременно съ этимъ... будетъ объявлена будто бы амнистія по литературнымъ дѣламъ» ****). Впро-

---

*) Въ газетахъ высказывалась даже догадка, что угроза „перековать серпы на мечи“ вызвана слухами объ удаленіи г. Столыпина.

**) „Голосъ Москвы“, 31 августа.

***) „Утро“, 29 августа.

****) „Одесск. Новости“, 23 іюля.

чемъ, отрадными слухами насъ давно кормятъ. Сложилось даже предчувствіе—много отрадныхъ слуховъ не къ добру... И оно похоже на то, что не къ добру.

III.

Намъ говорятъ о реформѣ полиціи. И еще разъ приходится спросить, что это значитъ? Первоначально, какъ мнѣ уже приходилось писать, подъ реформой полиціи разумѣлось усиленіе ея и, въ частности, освобожденіе полицейскихъ, подчиненныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, отъ всякихъ обязанностей, кромѣ охраны. Потомъ появилось дополнительное извѣстіе, что «министерство вноситъ въ Думу законопроектъ о замѣнѣ стражниковъ жандармами, на что требуется 6 милліоновъ руб. дополнительнаго расхода» *). Наконецъ, «Новое Время» стало какъ бы случайно разрабатывать тему о возстановленіи, такъ сказать, вотчинной полиціи:

„Нужна хорошая уѣздная полиція. Необходимы—доказываетъ г. Меньшиковъ—мѣстные люди... а не упавшіе съ луны милостивые государи, ничего ровно не знающіе и не понимающіе въ мѣстныхъ условіяхъ и потому ничего не дѣлающіе. Нужна выборная полиція. Теперь дворяне не идутъ въ исправники и становые—зазорно. А будь эти должности выборныя—какъ когда-то,—пошли бы **).

Дворянская выборная полиція,—«какъ когда-то»... То-есть возвратъ къ крѣпостному праву? Но почему бы и не вернуться? Г. Меньшиковъ уже доказалъ въ «Новомъ Времени», что крѣпостное право было во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ и разумнымъ установленіемъ. А если и случались грѣхи, то лишь потому, что дворяне, впавшіе въ грѣхъ, «не выдержали экзамена». Но *отсюда* не слѣдуетъ, что ихъ не надо допускать къ переэкзаменовкѣ. Вонъ «Петербургскія Вѣдомости» говорятъ о десяткахъ милліоновъ рублей расходовъ на уѣздную полицію. Будь это полиція дворянская, выборная... При теперешнемъ упадкѣ помѣщичьихъ доходовъ десятки милліоновъ вовсе не шутка. А затѣмъ—просто помѣщикъ съ «новымъ мужикомъ» не справится, но если это будетъ одновременно и помѣщикъ, и становой приставъ... Повторяю, быть можетъ, и новый мужикъ не устоитъ, если его огорошить хорошей реформой. Во всякомъ случаѣ попытки въ этомъ направленіи возможны. И мы все-таки не знаемъ, какой же именно реформы хотятъ октябристы? Не той ли, о которой говоритъ г. Меньшиковъ? Я лично очень боюсь, что г-ну Московскому октябристу она очень мила. А гр. Уваровъ,—что онъ можетъ

*) „Кіев. Вѣсти“, 21 августа.

**) „Новое Время“, 2 сентября.

имѣть противъ такихъ очень либеральныхъ словъ, какъ «выборная уѣздная полиція», разумѣется, съ оговоркою: избираемая землевладѣльцами, если не исключительно дворянами, и по возможности изъ землевладѣльцевъ, если не исключительно изъ дворянъ? И что можетъ имѣть торгово-промышленное крыло октябризма противъ столь же либеральныхъ словъ: «выборная фабрично-заводская полиція», если, конечно, эти слова снабдить соотвѣтствующею оговоркою: избираемая представителями торговли и промышленности?

А затѣмъ,—какую «реформу» всего вѣроятнѣе ожидать,—объ этомъ до нѣкоторой степени можно судить уже по той энергіи, съ какою въ настоящее время полицейскихъ чиновъ обучаютъ владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ этомъ смыслѣ самые радостные слухи говорятъ меньше, чѣмъ сухая газетная замѣтка:

«Въ Кролевцѣ, въ центрѣ города на площади стражники по командѣ помощника исправника по очереди разгоняютъ своихъ лошадей и стараются на всемъ скаку срубить вставленный въ подставку сукъ». Въ случаѣ неудачнаго удара, помощникъ исправника дѣлаетъ замѣчанія: «слабо, слабо, такъ не разсѣчешь»...

То-есть: человѣка не разсѣчешь, а не палку,—поясняетъ газета, изъ которой я заимствую это «фактическое сообщеніе» *). Полицейскихъ тренируютъ въ искусствѣ разсѣкать живыхъ людей съ одного удара пополамъ. И само собою понятно, что дѣло тутъ не столько въ этой прямой цѣли, сколько въ укорененіи соотвѣтствующаго ей взгляда на человѣческую жизнь и на человѣческое благосостояніе. Какъ и въ охотничьей дрессировкѣ, здѣсь важна не столько техническая ловкость, сколько то особое чувство жадной и безпощадной стремительности, какое должна возникать при видѣ дичи. Разница лишь въ томъ, что охотникъ подъ дичью разумѣетъ зайцевъ или утокъ, а здѣсь роль дичи долженъ играть обыватель. И какія отношенія къ обывательской жизни уже удалось воспитать, можно судить по недавнему сообщенію «Южной Зари» объ урокѣ практической полицейской стрѣльбы въ Екатеринославѣ.

3 августа на стрѣльбу пригнали сразу 180 городовыхъ.—какая все-таки, масса свободныхъ рабочихъ рукъ у начальниковъ!.. Командовалъ и. о. полиційместера г. Реутъ. Стрѣльба производилась въ чертѣ города, близъ собора, жилыхъ домовъ и нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Стрѣльбище никакими знаками не было ограждено. Открытъ къ нему ходъ съ трехъ сторонъ. Съ двухъ онъ и остался открытымъ, и только съ третьей былъ поставленъ на стражѣ городовой. И полетѣли пули,—которая въ мишень, которая въ обывательскіе дома, а которая и въ расположенную по близости канцелярію члена окружного суда г. Бычихина. Къ

*) „Сѣверъ", 26 августа.

счастью, въ камерѣ г. Бычихина не происходило обычнаго разбора судебныхъ дѣлъ, когда въ нее стали летѣть пули. Г. Бычихинъ послалъ двухъ писцовъ и служителя на стрѣльбище. Тѣ подъ пулями добрались до г. Реута, но онъ «не повѣрилъ» имъ. Пули продолжали летѣть въ дома и въ камеру. Г. Бычихинъ побѣжалъ самъ. Сообщилъ городовому, поставленному на стражѣ. Но городовой «не разслышалъ». Пули продолжали летѣть. Тогда г. Бычихинъ воспользовался тѣмъ, что въ его распоряженіи тоже есть городовой, прикомандированный къ судебной камерѣ. По приказанію судьи, этотъ городовой,—опять-таки подъ пулями,—добрался до мѣста стрѣльбы. «Слава Богу», у насъ еще не отдѣлена отъ общей полиціи полиція судебная, которую можно не разслышать и которой можно не повѣрить. Выслушавъ докладъ своего подчиненнаго, командующій учебною пальбой г. Реутъ разслышалъ и повѣрилъ. Стрѣльбу онъ прекратилъ. Но во всякомъ случаѣ успѣлъ доказать, что опредѣленное чувство къ обывательской безопасности и обывательской жизни въ достаточной мѣрѣ воспитано.

«Въ началѣ августа—пишетъ въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ» землевладѣлица борзенскаго уѣзда (Черниг. губ.) дворянка Петрункевичъ—въ мое отсутствіе, по распоряженію борзенскаго исправника, явились въ мою усадьбу стражники. Обыскавши домъ и всѣ рѣшительно постройки, они отправились въ амбаръ, гдѣ стояли мои сундуки (съ домашними вещами), отбили всѣ замки, рылись въ моихъ вещахъ. Въ довершеніе же всего одинъ изъ стражниковъ пошелъ въ мой молодой фруктовый садъ и началъ тамъ въ присутствіи многихъ рубить фруктовыя деревья и топтать ихъ ногами» *).

Опредѣленное отношеніе къ обывательскому благосостоянію воспитано и продолжаетъ воспитываться. Взглядъ на обывателя, какъ на дичь, съ которой церемониться нечего, укрѣпляется и заостряется. Ужъ не на этомъ ли основаніи насъ и утѣшаютъ надеждами на вырабатываемый г. Столыпинымъ проектъ полицейской реформы?

«Одесскимъ типографамъ запрещено печатать что-либо объ ученой дѣятельности Толстого. Неисполнившія этого распоряженія типографіи будутъ закрыты **). «27 августа московскій генералъ-губернаторъ заявилъ редакторамъ, чтобы они не помѣщали въ юбилейныхъ номерахъ протеста противъ смертныхъ казней, для котораго въ общественныхъ кругахъ собирались многочисленныя подписи» ***). Положимъ, и раньше всѣ знали, что хотя статья стараго цензурнаго устава,предоставляющая запрещать опубликованіе тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, «по закону» и отмѣнена, но «явочнымъ порядкомъ» возстановлена. Однако, это обстоятельство все-таки

*) „Кіев. Вѣсти", 29 августа.

**) Харьк. „Утро", 27 августа.

***) Ibid., 28 августа.

старались не обнажать. Перемѣна взглядовъ власти на юбилей Толстого произошла довольно рѣзко. Приходилось торопиться, дѣлать распоряженія на спѣхъ и, по случаю спѣшки, пренебречь условностями. И вотъ начальство предписываетъ, открыто угрожаетъ, открыто говоритъ: пусть это не по закону, но у меня сила. А насъ увѣряютъ, что этимъ способомъ оно и само готовится, и печать готовитъ къ замѣнѣ административнаго произвола судебнымъ порядкомъ. Намъ уповательно предсказывали въ концѣ августа, что правительство намѣрено чрезвычайныя положенія замѣнить закономъ. 1 сентября опубликовано утвержденное мнѣніе совѣта министровъ о продленіи еще на одинъ годъ «срока дѣйствія положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Газеты еще разъ блестяще доказали, что, во-первыхъ, это положеніе юридически потеряло силу еще въ 1906 г., что, во-вторыхъ, возстановить его дѣйствіе можно не иначе, какъ съ согласія Государственной Думы, и что, въ-третьихъ, возстановленіе этого положенія помимо Думы представляетъ собою новое нарушеніе основныхъ законовъ. Доказано свободное отношеніе къ основнымъ законамъ, повторяю, блестяще, убѣдительно. Доказано уже не первый разъ, хотя кого нынѣ поразишь доказательствами, что у насъ вопросы государственнаго устройства рѣшаются внѣ правовыхъ соображеній и исключительно съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности? Общеизвѣстно это. И нуждается не столько въ доказательствахъ, сколько въ простомъ напоминаніи: вотъ и еще фактъ, свидѣтельствующій... Вокругъ насъ, куда ни погляди, все факты, свидѣтельствующіе... Каждый день они сызнова рождаются и сызнова свидѣтельствуютъ. И,тѣмъ не менѣе, насъ почти каждый день утѣшаютъ:

— Реформы, сейчасъ будутъ реформы...

Отчасти оно и понятно, что «друзья порядка и законности» не перестаютъ насъ утѣшать. И не только въ томъ смыслѣ понятно, что друзья помогаютъ успокаивать Россію надеждами. Понятно оно и въ другомъ смыслѣ. Хотя «факты и свидѣтельствуютъ», что отъ порядка и законности мы далеко, но они свидѣтельствуютъ также, что мы далеко и отъ политической цѣлесообразности. Тотъ же «Голосъ Москвы» легко докажетъ, что такія, напр., мѣропріятія, какъ воспитаніе въ стражникахъ и городовыхъ привычки смотрѣть на обывателя, словно на дичь, прежде всего политически нецѣлесообразны. Еще легче вскрыть политическую нецѣлесообразность такого шага, какъ напримѣръ, попытка сорвать юбилейныя чествованія Толстого. Конечно, положеніе было крайне щекотливымъ и двусмысленнымъ. Запретить юбилей — Европа ахнетъ, конфузъ. Разрѣшить — опять-таки конфузъ: вся страна чествуетъ писателя, который преданъ анаѳемѣ и многія сочиненія котораго запрещены и преслѣдуются. Щекотливымъ и двусмысленнымъ было положеніе даже по случаю такихъ мелочей, какъ избраніе Толстого въ

почетные члены казанскаго университета. Человѣкъ только что «Не могу молчать» написалъ, а его въ почетные члены императорскаго университета избираютъ. Скандалъ! Но когда наложили запретъ на избраніе, получился еще большій скандалъ, такъ что даже «Свѣтъ» «заинтересовался вопросомъ, почему Толстой не можетъ быть избранъ въ почетные члены императорскаго казанскаго университета, разъ можетъ оставаться почетнымъ членомъ императорскаго юрьевскаго университета» *) а сверхъ того почетнымъ академикомъ при императорской академіи наукъ. Точно также, съ своей точки зрѣнія, октябристы резонно морщатся и ворчатъ по поводу стремительности, какую обнаруживаетъ министръ народнаго просвѣщенія г. Шварцъ. А послѣднее требованіе г. Шварца отъ профессоровъ дать подписку о непринадлежности къ противоправительственнымъ партіямъ встрѣчено неодобрительно не только октябристскимъ «Голосомъ Москвы», но и вполнѣ казенными «Московскими Вѣдомостями». «Правительство— писали, между прочимъ, «Московск. Вѣдом.» — за 30 лѣтъ профессорской службы можетъ, какъ убѣждаетъ опытъ, десятокъ разъ измѣниться въ составѣ и направленіи», и лишь при крайне оригинальномъ пониманіи дѣйствительности, можно требовать, подобно г. Шварцу, чтобы въ теченіе 5 послѣднихъ лѣтъ, профессора при Плеве мыслили и вѣровали по Плеве, при Святополкъ-Мирскомъ—по Святополкъ-Мирскому, при Булыгинѣ и Треповѣ—по Булыгину и Трепову, при Витте и Дурново—по Витте и Дурново, при Горемыкинѣ—по Горемыкину, при Столыпинѣ— по Столыпину. Самое формулированіе такихъ требованій производитъ впечатлѣніе скандала, отъ котораго власти, положимъ, не очень холодно, но и не тепло. Всѣ эти «запреты, запреты безъ конца», всѣ эти «заглушенія всякой общественной иниціативы» ничего хорошаго впереди не сулятъ, никакого выхода не намѣчаютъ. А между тѣмъ, нуженъ же, наконецъ, выходъ. Нельзя же такъ дольше жить. Посмотрите, вѣдь всѣ согласны, что такъ дольше жить нельзя. Г. Меньшиковъ согласенъ, г. Гучковъ согласенъ, умѣренно-правые согласны, «Свѣтъ» согласенъ, «Петербургскія Вѣдомости» согласны... Оставимъ «лѣвыхъ» на тотъ случай, когда «пассажиры разныхъ классовъ смѣшиваются». Сейчасъ ихъ, пока что, кажется, слѣдуетъ бить. Но вообще, они, конечно, за реформы. Оставимъ въ сторонѣ «ничтожный, по выраженію «Голоса Москвы», количественно и качественно союзъ русскаго народа». Но между этими границами, гдѣ хоть одинъ человѣкъ, который сказалъ бы, что онъ не другъ законности и порядка? Между этими границами кто скажетъ, что онъ противъ разумныхъ, цѣлесообразныхъ реформъ. Оставимъ иронію. Ну, разумѣется, бываетъ грѣхъ,—словами: законность, порядокъ, разумныя реформы

*) Цит. по „Рѣчи", 31 августа.

и т. д., маскируются далекія отъ реформъ намѣренія. Но, вѣдь, и мальчикъ въ извѣстной сказкѣ не все зря кричалъ: «волкъ!» Хоть и напослѣдокъ, но крикнулъ взаправду, потому что на него дѣйствительно таки бросился волкъ. Такъ вотъ и тутъ теперь—законность, порядокъ, реформы не вродѣ овечьей шкуры, а взаправду, потому что—отъ своихъ нечего скрывать, а отъ чужихъ не скроешь—«дѣла Россіи очень плохи». Извнѣ, дѣйствительно, пахнетъ Седаномъ, внутри—крахомъ. И это уже воочію, чернымъ по бѣлому, даже безъ тѣхъ загадокъ, какія заключались въ библейскихъ: «мани, факелъ, фаресъ». Надо прямо говорить: въ 1905—1906 гг. было жутко, концомъ пахло. Мѣры, принятыя тогда, помогли продержаться до сихъ поръ. Но теперь снова пахнетъ концомъ, а прежнія мѣры не внушаютъ надежды, не даютъ увѣренности. Дальнѣйшее примѣненіе ихъ политически не цѣлесообразно. И видится одинъ выходъ—какія ни на есть, но реформы. Онѣ нужны не только торгово-промышленному, но и дворянскому крылу октябризма, для котораго запахъ конца особенно страшенъ. И октябризмъ—объ этомъ не даромъ настойчиво твердятъ газеты—бьетъ челомъ тамъ, вверху, докладывая, что дѣла плохи, и что нужны какія ни на есть, но реформы. А тамъ, вверху,—объ этомъ также твердятъ газеты,—соглашаются, что дѣла плохи, и обѣщаютъ.

Но странное дѣло, соглашаются и обѣщаютъ давно, а между тѣмъ, вмѣсто «реформъ», вмѣсто выхода изъ тупика, получается нѣчто, совсѣмъ не похожее ни на выходъ, ни на реформы...

IV.

Въ своей вступительной рѣчи, принимая обязанности министра народнаго просвѣщенія, г. Шварцъ соглашался, что нужна «реформа» и обѣщалъ... И надо отдать ему справедливость, онъ обнаруживаетъ необыкновенно кипучую дѣятельность. За короткое сравнительно время имъ изданы многочисленные циркуляры объ экзаменахъ, о переэкзаменовкахъ, о родительскихъ комитетахъ, объ авторитетѣ директоровъ и другихъ начальствующихъ лицъ, о школьномъ надзорѣ, о внѣшкольномъ надзорѣ, о поднятіи дисциплины, о времени вступительныхъ экзаменовъ, объ измѣненіи времени вступительныхъ экзаменовъ, о вольнослушателяхъ и вольнослушательницахъ, объ установленіи комплекта дѣйствительныхъ студентовъ, о разрѣшеніи пріема сверхъ комплекта, о нормѣ евреевъ и о превышеніи нормы, объ уничтоженіи факультетскихъ старостъ, о запрещеніи студентамъ групповой педагогической практики безъ разрѣшенія начальства и о многомъ другомъ,—циркулярной продуктивности г. Шварца могъ бы позавидовать самъ Д. А. Толстой. Служебное трудолюбіе нынѣшняго министра народнаго про-

свѣщенія заходитъ такъ далеко, что, по словамъ «Рѣчи», онъ «лично просматриваетъ учебники» для низшихъ и среднихъ школъ, уже допущенные ученымъ комитетомъ и, между прочимъ, на основаніи личнаго просмотра, «приказалъ изъять изъ обращенія» одобренный ученымъ комитетомъ учебникъ законовѣдѣнія Крюковскаго и Товстолѣса *).

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, какая собственно связь между дѣятельностью такого рода и школьными реформами. Но выдающееся служебное усердіе обнаруживаетъ не одинъ г. Шварцъ. Достаточно напомнить, въ видѣ примѣра, какую энергію проявило все объединенное правительство, когда пришла пора осужденнымъ по выборгскому процессу депутатамъ первой Думы отбывать трехмѣсячное тюремное заключеніе. Съ нервными и очень энергичными хозяйками иногда случается, что онѣ, отстранивъ прислугу, принимаются собственноручно мыть полы или стирать бѣлье и при этомъ проявляютъ такую энергію, что въ квартирѣ водворяется невѣроятнѣйшій кавардакъ,—всѣ мечутся, никто не знаетъ, что дѣлать, и никто не можетъ найти себѣ мѣста. По отношенію къ осужденнымъ за выборгское воззваніе тоже была проявлена столь энергическая стремительность, что довольно долгое время не только водворенные въ тюрьму выборжцы, но и тюремное вѣдомство, и министерство юстиціи, и самъ совѣтъ министровъ не знали, на какой срокъ и до какого дня бывшіе депутаты заключены. Пришлось даже экстренно упразднить законъ, обязывающій въ документахъ каждаго отбывающаго наказаніе по суду обозначать, когда наказаніе оканчивается. И все потому, что «блеснула мысль», очень плодотворная, хотя и нѣсколько щекотливая.

Дѣло, видите ли, въ томъ, что, сообразно съ конструкціей русскихъ тюремъ, по уложенію о наказаніяхъ, до сей поры единицей тюремнаго заключенія считался день, проведенный въ общей камерѣ, равный по штатамъ $^{3}/_{4}$ дня, проведеннаго въ одиночной камерѣ. При обсужденіи новаго уголовнаго уложенія, предполагалось переустроить тюрьмы по одиночной системѣ; къ одиночной системѣ уголовное уложеніе и было приноровлено. И единицей по уголовному уложенію, еслибы ввести его цѣликомъ и переустроить тюрьмы, надо бы считать «день одиночной камеры». Доселѣ считалась дѣйствующей первая единица. И, значитъ, выборжцамъ, заключеннымъ въ одиночныя камеры петербургскихъ «Крестовъ», пришлось бы сидѣть 68 дней, «только 68»... Вотъ тутъ и «блеснула мысль». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, еслибы тюрьмы были переустроены, и еслибы новое уголовное уложеніе было введено полностью, депутаты первой Думы отсидѣли бы 3 мѣсяца. Правда, новое уголовное уложеніе еще не дѣйствуетъ во

*) „Рѣчь", 30 августа.

всемъ объемѣ. Однако бывшіе депутаты осуждены по 129 ст. именно уголовнаго уложенія, а не уложенія о наказаніяхъ. Правда, тюрьмы не переустроены. Однако, гг. Винаверъ, Набоковъ и т. д. сидятъ въ одиночной тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ реформа усугубляла наказаніе на цѣлыхъ 22 дня. И ее ввели. А лишь только ее оформили и ввели, возникло недоразумѣніе: какъ же быть съ тѣми осужденными по выборгскому процессу, которые сидятъ въ общихъ камерахъ? Рѣшили: сидящихъ въ общихъ камерахъ держать не 3, а 4 мѣсяца, ибо нормальное наказаніе—одиночка, а день одиночки равенъ $^3/_4$ дня общей камеры. Затѣмъ возникло новое недоразумѣніе: нѣкоторые выборжцы уже отсидѣли по дореформенному счету и выпущены. Рѣшено: опять ихъ заключить— пусть отсиживаютъ. Заключенные предъявили встрѣчный аргументъ, прося примѣнить къ нимъ одиночное заключеніе, разъ оно признается нормальнымъ. Но достаточнымъ количествомъ одиночныхъ камеръ власть не располагаетъ. И пришлось откровенно возложить за это отвѣтственность на заключенныхъ—пусть сидятъ дольше опредѣленнаго судомъ срока. Главное—лишь бы дольше. Стремленіе продержать подольше зашло такъ далеко, что мѣсячный срокъ стали считать не по среднему числу 30 дней, а по календарю, благо заключеніе совпало съ длинными лѣтними мѣсяцами. По отношенію къ сидѣвшимъ въ «Крестахъ» это давало выигрышъ на цѣлыхъ два дня. Но выигрышъ достигался столь оригинальными средствами, что и сенатъ призналъ его незаконнымъ. Выиграть два дополнительныхъ дня у выборжцевъ не удалось. Но эта маленькая потеря съ лихвой возмѣстится тою прибавочною отсидкою, на которую, благодаря реформѣ, обречены нынѣ всѣ приговоренные и подлежащіе приговорамъ по новому уголовному уложенію. Съ одной стороны, оно и пріятно, что наказаніе крамольникамъ усугублено. А съ другой — тюрьмы-то, вѣдь, переполнены, въ тюрьмахъ-то, вѣдь, мѣстъ нѣтъ... Если потребовалось много трудовъ, чтобы ввести реформу, то еще больше придется «пота утереть», чтобы отстоять и удержать ее. И, конечно, въ смыслѣ государственной продуктивности, всѣ эти уже понесенные и предстоящіе труды ничѣмъ не хуже усердія, съ какимъ г. Шварцъ лично контролируетъ отзывы ученаго комитета о школьныхъ учебникахъ.

И вообще,—много теперь оказывается, такъ сказать, преизбыточествующей энергіи. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ газеты изумлялись тому обстоятельству, что вся полнота власти московскаго генералъ-губернаторства устремилась, между прочимъ, на грудного ребенка-еврея, который лишился родителей, а вмѣстѣ съ ними права жительства въ Москвѣ, и, слѣдовательно, подлежитъ отвѣтственности за незаконное проживательство и выдворенію изъ Москвы мѣрами полиціи въ черту осѣдлости. Но въ данномъ случаѣ московская власть хоть слѣдовала извѣстной административ-

ной традиціи. Нынѣ одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ нашелъ для себя государственную задачу, не оправдываемую даже традиціями. До свѣдѣнія его дошло, что многіе евреи, обязанные, по ихнему, еврейскому закону, кушать кошерное, ритуальнымъ способомъ освѣжеванное мясо, тѣмъ не менѣе кушаютъ трефное. И послѣдовало обязательное постановленіе, въ силу котораго запрещается продавать евреямъ трефное мясо подъ страхомъ штрафа до 3000 р. или ареста до 3 мѣсяцевъ*). По свѣдѣніямъ газетъ, нѣсколько человѣкъ уже наказано за нарушеніе этого обязательнаго постановленія, которое, несомнѣнно, потребуетъ отъ г. Толмачева чрезвычайной энергіи. Ибо не такъ легко и просто провѣрить,—кому мясоторговецъ продалъ мясо—еврейкѣ или не еврейкѣ, и если не еврейкѣ, то самостоятельно-ли дѣйствуетъ эта не еврейка, или она—подставное лицо на предметъ закупки трефныхъ продуктовъ евреямъ. Наконецъ, какъ опредѣлить, для себя-ли еврейка купила трефное, или для своихъ хозяевъ, квартирантовъ, нахлѣбниковъ, которые могутъ быть магометанскаго, католическаго или даже православнаго вѣроисповѣданія и которымъ кушать трефное не запрещается. Государственная задача, поставленная г. Толмачевымъ, затрагиваетъ множество трудныхъ и сложныхъ вопросовъ И если г. Толмачевъ не захочетъ, чтобъ его обязательное постановленіе свидѣтельствовало о безсиліи власти настоять на исполненіи всѣхъ ея велѣній,—а онъ этого, навѣрное, не захочетъ—то потребуется огромный штатъ полиціи, спеціально наблюдающей не только за продажей, но и за употребленіемъ трефного мяса, а затѣмъ и множество экспертовъ, умѣющихъ отличать трефное отъ кошернаго.

Не менѣе сложную и трудную государственную задачу поставилъ себѣ комендантъ владивостокской крѣпости:

Признавая—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ — несоотвѣтствующимъ офицерскому званію посѣщеніе существующихъ во Владивостокѣ кафешантановъ и увеселительныхъ заведеній, воспрещаю офицерскимъ и классныхъ чинамъ, не исключая и отставныхъ офицеровъ въ военной формѣ, какъ входящимъ въ составъ гарнизона крѣпости, такъ и временно здѣсь пребывающимъ, посѣщеніе увеселительныхъ заведеній, какъ существующихъ такъ и вновь открываемыхъ. Надзоръ за исполненіемъ настоящаго приказа возлагаю на комендантское отдѣленіе штаба и городскую полицію. Въ случаѣ неисполненія настоящаго приказа... офицеровъ, виновныхъ въ неисполненіи, предавать суду, кафешантаны закрывать, а владѣльцевъ и арендаторовъ высылать изъ крѣпости.

Допустимъ даже, что въ такомъ военномъ городѣ, какъ Владивостокъ, владѣльцы увеселительныхъ мѣстъ и городовые настолько осмѣлятся, что офицеры ихъ будутъ слушаться. Въ условіяхъ русскаго военнаго города это мало правдоподобно, но, повторяю, допустимъ. За офицерами наблюдаютъ чины полиціи и ко-

*) „Рѣчь“, 26 августа.

мендантскаго управленія... Ну, а за полицейскими классными чинами и за чинами комендантскаго управленія кто станетъ наблюдать, если они захотятъ пойти въ увеселительное мѣсто, да, еще, пожалуй, захватятъ съ собою для компаніи кое-кого изъ состоящихъ у нихъ подъ надзоромъ обыкновенныхъ офицеровъ? И, судя по этому очевидному пробѣлу, комендантъ владивостокской крѣпости въ моментъ подписанія приказа не вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ, на встрѣчу какихъ неразрѣшимыхъ трудностей онъ идетъ. Задача—укорененіе иноческихъ нравовъ среди офицерскихъ и классныхъ чиновъ—во всякомъ случаѣ, поставлена во весь ростъ. Теперь уже не въ отдѣльныхъ мѣстахъ, а по всей Россіи, ставится не менѣе сложная задача—укоренить добрые нравы мѣрами полиціи среди учащейся молодежи.

Всѣ губернаторы и генералъ-губернаторы—суммируетъ „Рѣчь" усилія власти, направленныя въ эту сторону,—призываютъ къ себѣ начальниковъ учебныхъ заведеній и совмѣстно съ ними вырабатываютъ правила для внѣшкольнаго надзора за гимназистами и гимназистками, учениками и ученицами. Результатомъ этихъ совмѣстныхъ работъ являются обязательныя постановленія: „усовъ не носить, папиросъ не курить, въ театры не ходить, церковь посѣщать исправно"... Мы не будемъ говорить,—продолжаетъ „Рѣчь",—о педагогическихъ результатахъ всѣхъ этихъ обязательныхъ постановленій,—это значило бы повторять азбуку. Но неужели же почти королевскія полномочія генералъ-губернаторовъ только на то и могли пригодиться, чтобъ наблюдать за поведеніемъ гимназистовъ на улицахъ? Неужели нужна такая власть, такая огромная административная машина, такіе, наконецъ, бѣшеные оклады, чтобы искоренить куреніе табаку гимназистами? *)

«Рѣчь» иронизируетъ. И подходитъ къ заботамъ власти объ укорененіи добрыхъ нравовъ фельетонно. Октябристскій «Голосъ Правды» пытается трактовать тему въ серьезъ: «Въ старыя времена—пишетъ онъ—родители сочувствовали мѣрамъ начальства. Но въ настоящее время, когда семья этимъ мѣрамъ больше ужъ не сочувствуетъ, каждый гимназистъ будетъ имѣть штатское платье»... «Съ того же момента, какъ гимназистъ сниметъ форму, онъ сдѣлается неуловимымъ для полиціи» **). Вотъ видите, какъ сложна задача, если къ ней подойти съ надлежащей точки зрѣнія: установивъ полицейскій надзоръ за учениками, мы тѣмъ самымъ создаемъ необходимость установить полицейскій надзоръ и за ихъ родителями. Тутъ именно нужны «почти королевскія полномочія», какъ выразилась «Рѣчь», «огромная административная машина, наконецъ, бѣшеные оклады». А затѣмъ,—не забудьте, что съ осуществленіемъ этой мѣры, каждому городовому предоставится возможность съ каждаго гимназиста почти въ любую минуту сорвать, по крайней мѣрѣ, гривенникъ на папиросы. Будетъ открытое поле для вымогательства. Этого начальство, разумѣется, допустить не

*) „Рѣчь", 3 сентября.
**) Цит. по „Рѣчи", 4 сентября.

пожелаетъ. И ему придется установить надзоръ не только за учащимися, но и за надзирающими...

Было пустопорожнее и даже скверное мѣсто—надзоръ полиціи за учащимися. Никто на него серьезнаго вниманія не обращалъ. Но посмотрите, какая кипучая дѣятельность уже теперь началась на немъ. То-ли еще предстоитъ впереди, когда вопросъ о полицейскомъ внѣшкольномъ надзорѣ перейдетъ изъ стадіи подготовительной въ стадію исполнительную!..

... Прежде всего изумляешься,—писало 31 августа „Слово"—изъ-за чего люди поднимаютъ тревогу. Закрыть какую-нибудь жалкую уѣздную библіотечку, не... допустить повторительныхъ курсовъ для учителей церковно-приходскихъ школъ, не разрѣшить спектакля, не допустить послать поздравительную телеграмму писателю, поднять шумъ изъ-за того, что воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній — „по собственному наблюденію начальника губерніи"—носятъ длинные волосы и цвѣтныя сорочки,—что это все, какъ не борьба съ тѣмъ „чижикомъ", послѣ одолѣнія котораго становится такъ конфузливо и неловко за самого „побѣдителя". А между тѣмъ административная практика... за послѣднее время приняла форму именно... борьбы съ „чижикомъ".

Дѣйствительно, трудно не изумляться развившейся въ послѣднее время способности находить совершенно пустопорожнія, даже скверныя мѣста и на нихъ и по поводу ихъ развивать кипучую государственную дѣятельность. Борьба съ «чижикомъ» кипитъ и въ центрѣ, и на периферіи. Между прочимъ, нынѣшнимъ лѣтомъ кіевскія газеты вынуждены были довольно много вниманія удѣлить исторіи о томъ, какъ одинъ казенный лѣсничій «бралъ осадой» дачную мѣстность Малютинка. Не мало лѣтъ уже въ Малютинкѣ живутъ дачники. И до сей поры они безпрепятственно ходили и ѣздили по старымъ, наѣзженнымъ дорогамъ, ведущимъ къ Малютинкѣ и изъ Малютинки черезъ казенный лѣсъ. И отъ того, что по этимъ дорогамъ ходили и ѣздили, никакихъ хлопотъ и огорченій государственной власти не было. Но теперь вдругъ мѣстный лѣсничій запретилъ ѣздить по старымъ дорогамъ черезъ лѣсъ всѣмъ и каждому, кто не получилъ отъ него, лѣсничаго, на это спеціальнаго разрѣшенія. А выдалъ онъ разрѣшеніе только двумъ дачникамъ. Остальные же оказались именно «въ осадѣ», какъ опредѣлили «Кіевскія Вѣсти». Осажденные обратились къ начальству лѣсничаго. А лѣсничій, узнавъ объ этомъ, «поставилъ на ноги всѣхъ лѣсныхъ сторожей и объѣздчиковъ, предпринялъ повальную перекопку всѣхъ существующихъ дорогъ, объѣздовъ и просѣкъ, гдѣ только предполагается малѣйшая возможность проѣзда для дачниковъ». Была проявлена чрезвычайная энергія. И на средства государственнаго казначейства въ короткое время удалось «загородить окопами и столбами» всѣ дороги, при чемъ права проѣзда были лишены и тѣ два дачника, которые имѣли отъ лѣсничаго разрѣшенія. Началась блокада тѣсная и полная. Дачникамъ и постояннымъ жителямъ пришлось ѣздить черезъ лѣсъ тайно. А осаж-

дающіе Малютинку лѣсные сторожа и объѣздчики стали всѣхъ проѣзжающихъ ловить... *) Впереди привлеченіе къ отвѣтственности за недозволенный и тайный проѣздъ. Протоколы, суды, аппелляціи, кассаціи, исполненіе судебныхъ рѣшеній... Словомъ, удалось таки создать необыкновенно кипучую дѣятельность тамъ, гдѣ, казалось бы, нѣтъ для нея ни смысла, ни повода. Доселѣ, по крайней мѣрѣ, смысла и повода не было.

Это называется въ просторѣчіи: «не было у бабы хлопоту—купила себѣ порося». Однако, лѣсничій началъ осаждать Малютинку не совсѣмъ зря и не совсѣмъ безъ причины. Такимъ способомъ онъ, видите-ли, рѣшилъ искоренять порубку казеннаго лѣса окрестными крестьянами. Правда, «принятыя мѣры»—какъ резонно доказываютъ «Кіевскія Вѣсти»—не ведутъ «къ разумной цѣли»:

«Дачники, вѣдь, лѣса не воруютъ; они пользуются только существующими уже старыми и давно наѣзженными дорогами, которыя не нужны тѣмъ, кто тайно производитъ рубку лѣса. Такимъ образомъ борьба ведется совсѣмъ не съ тѣми, съ кѣмъ слѣдуетъ, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Причина крестьянскаго воровства, какъ само собою понятно, лежитъ въ нуждѣ крестьянъ въ лѣсѣ»... *)

Положимъ, не въ этомъ только причина. Вопросъ нѣсколько сложнѣе. Даже гораздо сложнѣе. Во всякомъ случаѣ, нужда въ лѣсѣ—одна изъ ближайшихъ и главныхъ причинъ тайной рубки. Но удовлетворить крестьянскую нужду въ лѣсѣ,—вѣдь, это весьма «соціальный», щекотливый, а во многихъ отношеніяхъ и опасный вопросъ. Тутъ лѣсничій, даже если онъ вполнѣ благожелателенъ къ крестьянамъ, сможетъ предпринять лишь очень робкіе палліативы, да и то съ осторожностью, ибо, по нынѣшнимъ временамъ, за благожелательство къ мужику, того и гляди, «прослывешь мечтателемъ опаснымъ». А если лѣсничій вовсе не склоненъ благожелательствовать, то, откровенно говоря, у него и совсѣмъ нѣтъ «разумныхъ средствъ». И конечно, осаду Малютинки меньше всего можно отнести къ разумнымъ средствамъ. Перекопанныя дороги порубщикамъ, дѣйствительно, не такъ ужъ нужны. Скорѣе наоборотъ,—порубщики будутъ благодарны лѣсничему за то, что онъ главное вниманіе лѣсной стражи сосредоточилъ на борьбѣ съ проѣзжающими. Порубщиковъ не убавится. За то сколько лѣсничему дѣла, сколько заботъ, хлопотъ, какая кипучая дѣятельность проявлена! Суть не только въ начальствѣ, которое все-таки любитъ и поощряетъ энергическую суету. Много значитъ и личное самочувствіе,—что вотъ не сидишь сложа руки, волнуешься, мечешься, проливаешь, въ нѣкоторомъ родѣ, потъ на службѣ отечеству, переживаешь пріятное сознаніе исполненнаго долга. Пусть «шумимъ, братецъ, шумимъ». Но и въ процессѣ оголенной и даже оголтѣлой шумли-

*) „Кіевскія Вѣсти", 11 авг.
**) „Кіевскія Вѣсти", 11 авг.

вости можно почерпнуть если не удовлетвореніе, то удовольствіе. И бываютъ положенія, — не о лѣсничемъ говорю, а вообще, — до того безцѣльныя и смутныя, до того отягченныя чувствомъ собственной безпомощности, что шумѣть, прôсто шумѣть и шумомъ заполнять пустоту есть своего рода потребность.

По человѣчеству разсуждая, надо понять г. Шварца и тогда, когда онъ персонально разыскиваетъ крамолу въ одобренныхъ ученымъ комитетомъ учебникахъ, и тогда, когда онъ хлопочетъ обп учрежденіи внѣшкольнаго полицейскаго надзора. Конечно, искать крамолу послѣ ученаго комитета — все равно, что собирать урожай послѣ саранчи. Конечно, привлекать полицію къ внѣшкольному падзору,—значитъ, невиннѣйшія дѣтскія шалости переносить на почву антиправительственныхъ дѣйствій и политической борьбы. Но вонъ «Рѣчь», напр., пишетъ:

„Никто не станетъ оспаривать, что наша гимназическая молодежь страдаетъ, вульгарно выражаясь, распущенностью... Эта болѣзнь не острая, а хроническая, глубоко застарѣлая, и если въ послѣдніе годы она приняла новыя, уродливыя формы, то это служитъ только лишнимъ доказательствомъ, что внѣшкольное поведеніе есть только проявленіе, не самая болѣзнь, а симптомъ болѣзни, требующей серьезнаго и коренного леченія". *)

«Гимназическая молодежь страдаетъ распущенностью»... Признаюсь, меня лично, какъ бывшаго школьнаго учителя, который съѣлъ достаточно соли со всякаго рода «молодежью», въ томъ числѣ и «гимназическою», очень больно задѣваетъ эта фраза. Собственно, она нуждалась бы въ надлежащей отповѣди. Хочется думать, однако, что со стороны «Рѣчи» тутъ нѣтъ умышленной неправды, нѣтъ даже печальнаго, хотя и добросовѣстнаго заблужденія, а есть лишь неудачный оборотъ, объясняемый желаніемъ выразить мысль не столько вульгарнымъ, сколько понятнымъ министерству народнаго просвѣщенія языкомъ. То, что называется распущенностью на общеупотребительномъ русскомъ языкѣ, можно и должно оспаривать. Многое изъ того, что называется распущенностью на языкѣ г. Шварца, дѣйствительно, необходимо признать безспорнымъ. Къ учителямъ «гимназическая молодежь» въ общемъ довольно таки непочтительна, къ учебному начальству также, школьныхъ правилъ и предписаній не исполняетъ, запрещенную литературу читаетъ, въ свойственное молодежи всего земного шара время узнаетъ вкусъ спиртныхъ напитковъ и въ свойственное опять таки молодежи всего земного шара время подпадаетъ подъ сложную цѣпь причинъ и условій, дѣлающихъ неустранимымъ массовое потребленіе табаку... Вѣдь, и министры начинаютъ выпивать и курить не въ утробѣ матери и не по полученіи перваго ордена, а, подобно всѣмъ смертнымъ, на школьной скамьѣ... Гим-

*) „Рѣчь", 4 сентября.

назическая молодежь»—это живые формирующіеся люди со всѣми добродѣтелями и пороками, свойственными данной эпохѣ и совокупности данныхъ условій. Гимназическія же правила и предписанія—это прежде всего порожденіе безнадежно плоскаго и безнадежно мелочнаго ума, который никакъ не можетъ уловить различія между живыми формирующимися людьми и манекенами, между моральными вопросами и папиросой, между религіознымъ чувствомъ и выполненіемъ обрядовъ изъ страха наказанія. И такъ какъ «молодежь» нынѣ стала жить и формироваться нервнѣе, а школьныя правила тенденціозно закоснѣли въ своей плоскости и мелочности, то, дѣйствительно, разладъ между живыми людьми и мертворожденной системой «въ послѣдніе годы» принялъ сугубо «уродливыя формы»; симптомы «хронической» и «застарѣлой» болѣзни стали особенно ярки, наглядны и съ особенною силою далъ себя знать необходимость «серьезнаго и коренного леченія».

Но что-жъ намъ играть роль Ивановъ, непомнящихъ родства? Да и кто повѣритъ, будто мы не знаемъ, что для серьезнаго леченія школы нужна конституція, а осуществленіе конституціоннаго строя неминуемо ведетъ къ соціальному сдвигу, къ завершенію экономическихъ счетовъ между россійскимъ дворяниномъ-помѣщикомъ и россійскимъ мужикомъ-хлѣборобомъ? Старинный споръ, ужъ взвѣшенный судьбою. И лишь чрезвычайнымъ напряженіемъ государственныхъ силъ и средствъ удается отсрочить подведеніе очевидныхъ итоговъ.

Мы все въ томъ же заколдованномъ кругу. И еслибы предполагалось выйти изъ него, врачевать школьные недуги былъ бы призванъ не г. Шварцъ. Положеніе г. Шварца поистинѣ напоминаетъ врача, которому надо лечить острое малокровіе и у котораго нѣтъ иныхъ медицинскихъ средствъ, кромѣ зубныхъ щипцовъ и рвотнаго порошка. Надо отдать должное г. Шварцу,—онъ все-таки не впалъ въ уныніе. Отъ старыхъ, довольно отдаленныхъ временъ уцѣлѣло представленіе о вольнослушателяхъ университета, какъ о жупелѣ. Пишется циркуляръ и пріемлются мѣры противъ вольнослушателей. Отъ старыхъ временъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты трактовался, какъ жупелъ. Начатъ походъ противъ вольнослушательницъ. Отъ старыхъ временъ уцѣлѣло представленіе о польской надписи на вывѣскахъ Привислинскаго края, какъ о первѣйшей крамолѣ. Г. Шварцъ приказалъ вдругъ по всей Польшѣ на всѣхъ гминныхъ школахъ перекрасить вывѣски, замѣнивъ надписи на польскомъ и русскомъ языкахъ одною надписью на русскомъ языкѣ. И сразу для всѣхъ нашлась работа: министерство пишетъ, полиція побуждаетъ, гминные уполномоченные указываютъ то на незаконность распоряженія, то на невозможность выполнить довольно крупный въ селахъ, гдѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ мастеровъ, расходъ по заготовленію новыхъ вы-

вѣсокъ, разъ это не предусмотрѣно гминною смѣтою... *). Резона проявлять усиленную энергію въ данномъ направленіи у г. Шварца не было. Но въ томъ-то и суть, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ резоны во многихъ случаяхъ имѣютъ второстепенное значеніе.

Членъ Государственнаго Совѣта протоіерей Горчаковъ въ своей рѣчи сказалъ что-то сочувственное о конституціонализмѣ, но совершенно невинное, незамѣченное даже синодомъ, хотя синодъ нынѣ очень зорко слѣдитъ за образомъ мыслей подвѣдомственныхъ ему пастырей. Однако какому-то московскому монархисту въ словахъ о. Горчакова показалось нѣчто подозрительное. Подозрѣнія свои монархистъ доброволецъ доводитъ до свѣдѣнія синода. Синодъ быстро, словно обрадовался случаю проявить энергію, запрашиваетъ о. Горчакова. О. Горчаковъ отвѣчаетъ: «при пониманіи термина: основные государственные законы, въ смыслѣ конституціонномъ, я конституціоналистъ» **). И въ результатѣ—хлопотливый, и довольно таки конфузный вопросъ: подлежитъ ли членъ Государственнаго Совѣта наказанію за выраженное имъ, при исполненіи законодательныхъ обязанностей, уваженіе къ основнымъ государственнымъ законамъ въ смыслѣ конституціонномъ? Никакого резона не было звонить въ колокола, не поглядѣвши въ святцы, и тѣмъ болѣе звонить оффиціально. Но, повторяю, мы подошли къ моменту, когда жажда устремляться и дѣйствовать преобладаетъ надъ сознаніемъ, что для дѣйственной стремительности нуженъ, во-первыхъ, достаточный поводъ, а во-вторыхъ, соображеніе, куда устремляешься и навстрѣчу какимъ возможностямъ.

Я упомянулъ выше о конфузномъ приключеніи съ статьею г-на Айвазова, изданною, по случаю толстовскаго юбилея, отдѣльною брошюрой. «Статья эта,—пишетъ «Свѣтъ»—озаглавленная: «Кто такой Толстой», была напечатана... въ издаваемыхъ при синодѣ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ»***). Появленіе ея въ оффиціальномъ органѣ синода, а затѣмъ и въ отдѣльномъ изданіи для распространенія въ церквахъ и школахъ означаетъ дѣятельную стремительность къ искорененію «толстовской крамолы». Но вотъ петербургскій цензурный комитетъ усматриваетъ въ ней признаки преступленія, предусмотрѣннаго 103 и 128 ст. уголов. улож., и въ свою очередь дѣятельно устремляется къ искорененію кромолы. Затѣмъ «Голосъ Москвы» указываетъ, и московскій цензурный комитетъ, только что разрѣшившій брошюру г. Айвазова, тоже дѣятельно устремляется искоренять. И въ результатѣ этой разносторонней стремительности, въ результатѣ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ многоразличными органами власти, оказалось лишь, что привлече-

*) „Рѣчь", 5 сентября.
**) „Рѣчь", 30 августа.
***) Цит. по „Рѣчи", 6 сентября.

нію по 103 и 128 ст. подлежитъ святѣйшій синодъ. Это, разумѣется, абсурдъ, нѣчто въ родѣ сквернаго и совершенно неправдоподобнаго анекдота. Но въ томъ и горе, что тутъ есть своеобразная и притомъ желѣзная логика.

Собственно, что сдѣлалъ г. Айвазовъ? Онъ привелъ яркія выраженія Толстого о русской власти и русской церкви и снабдилъ ихъ собственными замѣчаніями. Съ точки зрѣнія прокурорскаго надзора, выраженія Толстого, несомнѣнно, «возмутительны». И еслибы найти православнаго христіанина, дѣйствительно искренно преданнаго власти, дѣйствительно искренно любящаго церковь и дѣйствительно вѣрующаго ученію церкви, а главное, знакомящагося съ ученіемъ Толстого только по произведенію г. Айвазова, то онъ, пожалуй, не менѣе «прокурорскаго надзора» возмутился бы. Для такого православнаго христіанина, — еслибы, повторяю, его найти,—вопросъ, поставленный г. Айвазовымъ: «кто такой Толстой», рѣшался бы ясно и просто, на основаніи приведенныхъ въ брошюрѣ цитатъ:

— Врагъ власти и церкви, которымъ я, православный христіанинъ, за совѣсть преданъ, а, стало быть, и мой врагъ.

Естественно, синоду понравилась мысль дать православнымъ христіанамъ документальное, хотя бы и не безъ фальши, понятіе о Толстомъ и тѣмъ возбудить враждебныя къ нему чувства. Но гдѣ они—дѣйствительно «православные»? А что, если тѣ, кого принято считать православными, только по внѣшности православные, что, если они не преданы ни власти, ни церкви, что, если «возмутительныя» выраженія Толстого покажутся имъ правильными, а замѣчанія г. Айвазова ничтожными и недостойными вниманія? Синодъ дѣйствовалъ слишкомъ сгоряча и это соображеніе упустилъ изъ виду. Но петербургскій цензурный комитетъ оказался сообразительнѣе. А когда «Голосъ Москвы» напомнилъ, каково въ дѣйствительности умонаклоненіе православныхъ христіанъ, начальству пришлось признать, что слона-то сгоряча оно было и не замѣтило...

И нельзя не горячиться, нельзя не устремляться, ибо крамола не дремлетъ. Она вотъ тутъ, гдѣ-то совсѣмъ близко. И Толстой—крамола. И образъ мыслей у православныхъ—крамола. И въ университетахъ крамола. И въ Царствѣ Польскомъ крамола. Всюду крамола. И средства противъ нея запасены тоже всюду и въ огромномъ количествѣ. Бѣда лишь въ томъ, что эти средства, поражая отдѣльныхъ лицъ, стирая въ порошокъ сотни тысячъ живыхъ людей, оказываются негодными, поскольку необходимо добраться до того основного и главнаго, гдѣ источникъ крамолы, гдѣ бьютъ живые ключи, питающіе революцію. Оно неуловимо,—это основное и главное. Оно страшно близко и страшно недосягаемо. «Вокругъ носа вьется, а въ руки не дается». Не даромъ одинъ изъ союзниковъ горестно перефразировалъ: «О, еслибы у крамолы была одна го-

лова»... Кесарь, который впервые пожалѣлъ, что у всего населенія Римской имперіи нѣтъ одной головы, былъ догадливъ. Онъ сумѣлъ понять, что его главный врагъ заключается въ духѣ и потребностяхъ эпохи и, стало быть, находится вездѣ, гдѣ есть люди. И тѣ дѣйствія, которыя—какъ по случаю толстовскаго юбилея—поражаютъ насъ непослѣдовательностью, случайностью, непониманіемъ дѣйствительнаго положенія вещей, огромностью затратъ при заранѣе явной ничтожности результатовъ, суть естественное состояніе людей, которыхъ угнетаетъ потребность и необходимость нанести врагу смертельный ударъ, но которые никакъ не могутъ опредѣлить, куда и какъ направить оружіе и какое именно оружіе. Отсюда—лихорадочная разбросанность поступковъ и случайность стимуловъ. Кому-то что-то показалось въ словахъ протоіерея Горчакова—власть устремляется на о. Горчакова. Кто-то почему-то вспомнилъ о вывѣскахъ—въ походъ на вывѣски. Для кого-то досадно самое воспоминаніе о «перводумцахъ»—всѣ мѣры употребить къ замѣнѣ установленнаго тюремнаго счета счетомъ, болѣе тяжкимъ...

— Но, вѣдь, это судороги. Вѣдь, это походитъ на человѣка, который заблудился, которому надо искать выхода, а онъ мечется безъ толку и еще больше запутываетъ и сбиваетъ съ толку самого себя... Вѣдь эта государственная суета страшнѣе бездѣлья...

Да, пожалуй, страшнѣе. Но что же дѣлать, если логика вещей обрекаетъ насъ на государственную суету, подобную судорогамъ?

V.

«Запреты, запреты безъ конца, заглушеніе всякой общественной самодѣятельности»... Безъ сомнѣнія, такая программа дѣйствій ничего утѣшительнаго впереди не сулитъ. Но, если октябристы захотятъ очень настаивать на общественной самодѣятельности и на прекращеніи запретовъ, г-ну Столыпину снова придется дать имъ урокъ, и снова, какъ въ отвѣтѣ на думскій адресъ, обучать пониманію грозной дѣйствительности. А каково дѣйствительное положеніе вещей, насколько оно не совмѣстимо съ общественной самодѣятельностью,—это, помимо всего прочаго, проявлено и подчеркнуто такимъ крупнымъ бѣдствіемъ, какъ нынѣшняя эпидемія холеры, достигшая наибольшаго напряженія (по абсолютнымъ цифрамъ) въ Петербургѣ. (Кстати, по газетнымъ отзывамъ врачей, худшаго надо ждать не теперь, а весною 1909 г.). На сей разъ холеры ждали и вообще въ Россіи, и въ частности въ Петербургѣ. А провинціальныя газеты, какъ мнѣ и приходилось отмѣчать въ майской книжкѣ «Русск. Богатства», сообщали своимъ читателямъ, что холерныя заболѣванія въ Петербургѣ собственно и не прекращались съ прошлаго года. Первое холерное заболѣваніе въ

Петербургѣ оффиціально признано 25 августа, когда общее количество холерныхъ заболѣваній во всей Россіи, также по офиціальныхъ свѣдѣніямъ, было около $6^1/_2$ тысячъ. Еще за мѣсяцъ до перваго оффиціальнаго случая въ Петербургѣ, между прочимъ, «Современное Слово» писало (21 іюля): «Холера движется все выше и выше по Волгѣ, и встрѣтить ее нужно... организаціей трудовой помощи населенію. Только на этомъ пути можно отчасти запрудить бурный потокъ эпидеміи. Сейчасъ, правда, она слаба, но ужé чувствуется въ ея шествіи могучій ритмъ прошлыхъ холерныхъ эпидемій... Первое, къ чему слѣдуетъ приступить, это—обезпеченіе работой безработныхъ» *).

— Лучшее предупредительное средство—поменьше голодныхъ,—такова вкратцѣ была мысль газеты, разумѣется, не оспаривающей значенія и чисто санитарныхъ мѣръ. Мысль самоочевидная, безспорная и во всей своей полнотѣ неисполнимая. Но, поскольку она выполнима, въ ней содержалось указаніе, что необходимо не «заглушать» тотъ видъ общественной самодѣятельности, который называется организаціей безработныхъ и организаціей трудовой помощи безработнымъ. Указаніе въ достаточной мѣрѣ платоническое, ибо отношеніе власти къ обоимъ видамъ организаціи установилось твердо и незыблемо: это крамола, такъ какъ опытомъ дознано, что организаціи безработныхъ склонны къ соціалистическому образу мыслей. Допускать же организацію съ такимъ образомъ мыслей—Германія, напр., можетъ, ибо тамъ конституція, парламентъ, и для соціальной борьбы открыты легальные пути. У насъ, слава Богу, нѣтъ ни парламента, ни конституціи, нѣтъ и легальныхъ путей для соціальной борьбы. Указаніе «Современнаго Слова», при всей его платоничности, содержало въ себѣ намекъ, почему Западная Европа нынѣ не знаетъ такого потрясающаго развитія холерныхъ эпидемій, какое у насъ, къ несчастью, стало обычнымъ явленіемъ: увы! возможность серьезныхъ предупредительныхъ средствъ противъ холеры тоже требуетъ правовыхъ условій, которыхъ наше «первенствующее сословіе», въ силу своихъ историческихъ грѣховъ, вынести не можетъ.

«Россія» подняла перчатку. «Пока,—возражала она 28 іюля—слава Богу, могучій ритмъ холеры слышенъ только въ редакціи «Современнаго Слова». На самомъ дѣлѣ эпидемія, благодаря принятымъ мѣрамъ, быть можетъ, и не разовьется. Во всякомъ случаѣ, трудовая помощь, какъ рецептъ борьбы съ эпидеміей, дала бы сомнительные результаты» **)...

Почему «дала бы сомнительные результаты» — высказанное соображеніе «Россіи» для насъ не важно, а не высказанное —

*) Обѣ цитаты заимствую изъ «Рѣчи», 7 сентября.

**) Обѣ цитаты заимствованы изъ „Рѣчи", 7 сентября.

понятно. Главное все-таки, «мѣры приняты», а это лучше всѣхъ конституцій. 25 августа холера оффиціально дошла до Петербурга. 28 августа официальная суточная цифра холерныхъ заболѣваній была уже 37, 29—58, потомъ 86, 110... 250... 392... 399... И оказалось, по обыкновенію, что никакихъ мѣръ собственно не принято. Пришлось прежде всего спѣшно нанять людей, которые бѣгали бы по городу и засыпали вонючія мѣста известкою... Суетливая фигура, разсыпающая повсемѣстно известку,—это истинно русскій глашатай эпидеміи. Не даромъ съ этою фигурой связано суевѣрное предчувствіе бѣды. И не даромъ одно появленіе ея родитъ глухую темную мысль:

— Пошли теперь холеру сыпать...

Въ наличности не оказалось ни санитарной организаціи, ни перевязочныхъ средствъ, ни изоляціонныхъ помѣщеній, ни мѣстъ для холерныхъ больныхъ... Снова возникъ вопросъ объ общественной самодѣятельности. «Россія» отвѣтила, что необходима диктатура, которая, впрочемъ, неизвѣстно чѣмъ отличается отъ чрезвычайной охраны. И это послѣдовательно. Обѣщаніе, что мѣры приняты, оказалось невыполненнымъ. Но единственно потому, что у начальства было мало власти—всего лишь «чрезвычайная охрана». А вотъ еслибы у начальства была настоящая, диктаторская власть, о, тогда бы... «Россія» такъ и писала, что мѣшаютъ «либеральныя учрежденія»,—сами, дескать, ничего не дѣлаютъ, и начальству дѣлать не даютъ... Я не касаюсь безтолочи, невѣжества, несообразностей и прямыхъ злоупотребленій, какими ознаменовывается обычная «борьба съ эпидеміей» мѣрами полиціи. Все это неизбѣжно, неотдѣлимо отъ бюрократическаго порядка вещей. И единственное средство противъ этого—широкая общественная самодѣятельность. Но двухъ - трехъ примѣровъ достаточно, чтобъ объяснить, почему это средство недопустимо.

Холерныхъ некуда помѣщать. И городскому головѣ отдается приказъ немедленно закрыть 4 школы, гдѣ обучается 4000 дѣтей, немедленно перевести въ школьныя помѣщенія хроническихъ больныхъ изъ больницъ, а больницы обратить подъ холерныхъ. Правда, школьныя помѣщенія совершенно не приспособлены; тамъ негдѣ устроить больничныя кухни, прачечныя, ванныя и т. д. Но приказано—все это тотчасъ же оборудовать, хотя и неизвѣстно какимъ образомъ. Такъ распорядилось начальство. Легко понять, какъ распорядилась бы общественная самодѣятельность. Въ Петербургѣ, вѣдь, есть и обширныя монастырскія зданія,—той же хотя бы Александро-Невской лавры, и многочисленныя монастырскія подворья, и пустующія помѣщенія военнаго вѣдомства, и точно также пустующія обширныя помѣщенія дворцоваго вѣдомства... Но, еслибы общественныя организаціи стали сюда «совать свой носъ», это было бы равносильно потрясенію основъ. А потомъ,—вѣдь, онѣ стали бы

докапываться, почему холерныхъ некуда дѣвать, что было сдѣлано, когда холеры ждали, и какъ сдѣлано, и почему...

Далѣе, эти дѣти въ школахъ, которыя велѣно закрыть, получали горячую пищу, при чемъ бѣдные безплатно. А нѣкоторые только въ школахъ ее и видѣли. Раздача горячей пищи прекращена—холера получила лишній шансъ. Но тутъ мы опять подходимъ къ положенію: чѣмъ меньше голодныхъ, тѣмъ слабѣе шансы эпидеміи. И, безъ сомнѣнія, общественная самодѣятельность особенное вниманіе обратила бы въ эту сторону. Организація дешевыхъ и безплатныхъ столовыхъ, та же организація безработныхъ, та же организація трудовой помощи безработнымъ...

— Знаемъ мы эти общественныя столовыя, —могла бы сказать «Россія».—Станутъ раздавать пищу, а между прочимъ займутся политикой.

Несомнѣнно, мы это знаемъ и по опыту, и теоретически. Больше того, мы знаемъ даже, что это совершенно неизбѣжно. Въ странѣ, гдѣ основныя массы населенія, повторяю, лишены легальныхъ способовъ соціальной и политической борьбы, всякая сколько-нибудь широко и жизненно поставленная организація неминуемо окажется вмѣстилищемъ политическихъ намѣреній, и, при нынѣшнихъ условіяхъ, намѣреній крамольныхъ, ибо таково умонастроеніе обывателя, особенно того бѣднѣйшаго, къ которому и надо направить помощь. Ясное дѣло, что общественная самодѣятельность недопустима.

Холерныя заболѣванія обнаружились, по словамъ газетъ, въ пересыльной тюрьмѣ. Неблагополучно въ арестныхъ помѣщеніяхъ полицейскихъ частей. «Голосъ Москвы» (3 сентября) сообщалъ о холерной больной, доставленной изъ Петропавловской крѣпости... Ни для кого не секретъ, какую печальную роль сыграли переполненныя тюрьмы и установленный въ нихъ карательный режимъ въ потрясающемъ развитіи эпидеміи тифа. И не только тифа. Общественная самодѣятельность, еслибы таковую допустить, имѣетъ слишкомъ много поводовъ смотрѣть на тюрьмы, какъ на особо подготовленные къ развитію холеры пункты и какъ на особо угрожающіе всему населенію источники заразы. Поводовъ достаточно даютъ и петербургскія тюрьмы, въ особенности пересыльная, и слишкомъ достаточно— тюрьмы провинціальныя. «Врачебно-санитарная хроника» даже екатеринославскаго земскаго, видитъ единственный выходъ: очистить тюрьму и отказаться отъ «жестокаго», мстительнаго режима. Но при этомъ оговаривается, что хотя соотвѣтствующее представленіе губернской земской управой начальству сдѣлано, однако «дѣло не двинулось впередъ». Петербургскія газеты по случаю эпидеміи тоже промолвили слово о холерной амнистіи, и тоже робко, тоже съ оговоркой, что это собственно «утопія», мечта, слишкомъ несообразованная съ очевидными стремленіями начальства. Но допустите «общественную самодѣятельность». Вы не понимаете, какъ

она заговоритъ о тюремныхъ порядкахъ, что раскроетъ, какъ станетъ настаивать на «мечтѣ»?..

«Мало Цусимы—хотите еще Седана?» спрашиваетъ «Голосъ Москвы». Вопросы такого рода можно варьировать безъ конца: «мало тифа и холеры—хотите еще чумы?» «Мало 400 заболѣваній въ сутки—хотите 800?»... Но, вѣдь, это лишь жалкія слова. Заглушеніе общественной самодѣятельности оплачивается человѣческими жертвами, бѣдствіями, раззореніемъ страны? Безъ сомнѣнія. Вотъ заграницей азіатскую холеру уже переименовали и называютъ русской холерой. «Россія — пишетъ, между прочимъ, «Рѣчь» — оказалась въ карантинѣ, и «Новое Время» справедливо бьетъ тревогу, указывая, что двухъ мѣсяцевъ карантина достаточно для того, чтобы разстроить нашъ торговый балансъ» («Рѣчь», 10 сентября)... Вы разочаровались въ такомъ методѣ дѣйствій? Вы не ждете отъ него добра ни себѣ, ни власти? Совершенно вѣрно,— добра нельзя ждать. Но будемте откровенны,—если избрать другой методъ дѣйствій, если не заглушать и не запрещать безъ конца, дворянское крыло октябристовъ получитъ добро? Полноте,— что дѣлается, то дѣлается, между прочимъ, ради охраны вашихъ же интересовъ въ данную минуту. Правда, отсрочка не надолго. Но и мгновеніе сверхсрочное каждому прожить хочется. И за мгновеніе сверхсрочной жизни надо благодарить, а не ворчать.

А. Петрищевъ.

Куда?

Куда идетъ Россія? Въ какую сторону, къ какой конечной цѣли? Таковъ мудреный вопросъ, который стоитъ теперь предъ *всѣми*, и который *всѣ* такъ или иначе пытаются рѣшить.

Гораздо легче получить отвѣтъ на вопросъ: откуда? отъ чего?.. Большинство скажетъ: «отъ революціи...» И въ этомъ отвѣтѣ окажутся болѣе или менѣе единодушны и одинаково увѣрены люди правительства и неразрывно связанные съ нимъ монархическіе и октябристскіе круги и представители общества, обыватели разныхъ круговъ и ранговъ. И разница будетъ только въ томъ, что одни служатъ молебны, а другіе панихиду, одни одобряютъ народъ и находятъ, что онъ выздоравливаетъ и оправляется, а другіе ругаютъ народъ «фефелой», требуютъ отъ Россіи мужества признать себя побѣжденной и вмѣстѣ съ ними, мужественными людьми, звонить въ погребальный колоколъ... Но въ отвѣтахъ на вопросъ: «куда»—и меньше увѣренности и больше разногласій. Два глав-

ныхъ мнѣнія. Одни говорятъ, что тихими стопами, медленно поспѣшая, мы все-таки двигаемся въ сторону 17-го октября, къ воплощенію въ жизнь того, что было объявлено въ манифестѣ 17-го октября, другіе съ большей опредѣленностью и съ большей увѣренностью въ голосѣ утверждаютъ, что мы возвращаемся смѣлыми и быстрыми шагами къ старому режиму...

Есть одинъ отвѣтъ, точно редактированный: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы...» Нельзя сказать, чтобы онъ былъ и точно опредѣленный и прояснялъ наше будущее, но именно потому, что онъ короткій и исходитъ изъ компетентныхъ сферъ,—онъ поможетъ намъ разобраться въ томъ, откуда мы идемъ, какую ношу несемъ на нашихъ плечахъ и куда идемъ. Въ немъ двѣ половины: «успокоеніе» и «реформы». Нужно съ должной внимательностью остановиться на первой половинѣ формулы, тѣмъ болѣе, что безпристрастное и объективное вскрытіе понятія «успокоенія» и объема его содержанія даетъ намъ возможность провидѣть понятіе и характеръ «реформъ».

Формула, не вчера родившаяся, достаточно старая, можно сказать, столѣтней давности. Правда, первая половина истекшаго столѣтія знала только первую половину формулы,—Россію только успокаивали,—отъ великой французской революціи, отъ декабристовъ, отъ 48-го года, но уже 40 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Россію стали успокаивать отъ 60-хъ годовъ, формула: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы» вылилась приблизительно въ томъ же пониманіи, въ какомъ разумѣется она и сейчасъ. «Успокоеніе» всегда было лозунгомъ правительства, и если вторая половина формулы—«реформы»—выговаривалась менѣе громко, то потому,—такъ подразумѣвалось—что именно успокоеніе и мѣшаетъ громко и опредѣленно выговаривать слово «реформы». Установился такой порядокъ мыслей. Нельзя давать реформы и даже говорить о нихъ, пока въ странѣ существуютъ стремленія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить существующій строй, а въ особенности, пока пускаются въ ходъ не отдаленные, а совсѣмъ близкіе револьверы, кинжалы, бомбы, нельзя перестраивать общество, пока оно не успокоится, не создастъ условій для «планомѣрной» и «всемѣрной» работы правительства въ сторону реформированія государства. И такую точку зрѣнія раздѣляло не одно правительство. И либеральные люди 70-хъ годовъ не только въ вѣрноподданническихъ адресахъ по поводу разныхъ случаевъ въ русской жизни, но и въ своей полемикѣ съ революціонной печатью, не только за страхъ, но и за совѣсть, проводили ту же мысль, что именно революціонныя стремленія и дѣйствія мѣшаютъ планомѣрному проведенію реформъ и даже «увѣнчанію зданія», совершенно такъ же, какъ теперь октябристскіе круги и довольно замѣтная часть членовъ партіи народной свободы думаютъ, что именно «лѣвые» помѣшали и мѣшаютъ проведенію въ жизнь 17-го октября.

Тогда тоже дѣлали «успокоеніе». Оно было по тѣмъ временамъ, повидимому, просто и не сложно. Нельзя сказать, чтобы оно было планомѣрно и закономѣрно, и даже просто разумно, хотя бы и съ правительственной точки зрѣнія. За все время истекшаго сорокалѣтія не было сдѣлано ни одной серьезной попытки вырвать почву изъ-подъ ногъ революціонеровъ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить сферу распространенія революціонныхъ идей, что было тогда относительно нетрудно. Это не значитъ, что успокоеніе дѣлалось нерѣшительно и примѣнялось не всемѣрно, оно всегда было жестоко и неуклонно, но въ немъ никогда не было государственной мысли, разума взрослаго человѣка,—просто били печку, о которую ушибались. Вредныя идеи оказались въ университетахъ и гимназіяхъ, били университеты и гимназіи, били студентовъ и гимназистовъ, преслѣдовали за нелегальную литературу, за прочтеніе прокламаціи, за знакомства,—держали годами въ тюрьмахъ и ссылкахъ, чтобы люди на свободѣ вырабатывали міросозерцаніе и укрѣплялись въ вѣрѣ, не давали имъ потомъ прочно устраиваться въ жизни, обростать мохомъ сытаго, обезпеченнаго существованія, чтобы они вѣчно скитались и всюду разносили сѣмена недовольства и «вредныхъ идей». Били разными способами, тѣми палками, которыя были въ рукахъ даннаго капрала. Д. А. Толстой рѣшилъ, что вся причина революціонности молодежи въ недостаточности классическаго образованія,—начали насаждать въ Россіи классицизмъ, всемѣрный, жестокій, неуклонный, и тысячами калѣчить молодыя жизни, чтобы не оскудѣвали кадры недовольныхъ. Графъ Деляновъ рѣшилъ, что большая бѣда отъ кухаркиныхъ дѣтей,—начали всемѣрно стремиться, чтобы кухаркины дѣти не выходили изъ кухни, и инспекторы народныхъ училищъ издавали циркуляры, чтобы въ воскресныхъ школахъ не учили мужиковъ считать дальше тысячи... Чувствовалось въ печати тлетворное вліяніе Запада и въ эзоповскомъ языкѣ проницательный читатель успѣвалъ уловлять вредныя идеи, говорила она о нуждахъ и горѣ народа, били печать, всегда били, всемѣрно били, наиболѣе жестоко и неуклонно... Били земство, такъ какъ тамъ открытъ былъ третій элементъ, соблазнявшій земцевъ вредными идеями, такъ какъ въ земствѣ объявились вопросы, «выходившіе изъ предѣловъ компетенціи земства», и всемѣрно усиливали губернаторскую власть, и всемѣрно суживали компетенцію земства. Били многое другое, обо что ушибались, не всегда въ темнотѣ разбираясь, что ихъ ушибло...

И тѣмъ не менѣе, повторяю, успокоеніе было какъ будто просто и несложно, такъ какъ безпокойная зона страны была невелика и довольно рѣзко отграничена. Считался несомнѣннымъ фактомъ «консерватизмъ толщи населенія» и на поверхность жизни не всплывали явленія, которыя бы колебали эту увѣренность. Либеральные круги рѣзко отграничивали себя не только въ тактикѣ, но и въ идеологіи отъ революціонныхъ круговъ. Оставалось сдѣлать сра-

вительно немногое, разрушить подпольныя организаціи, отстранить отъ жизни и возможности влiять на нее пропагандистовъ и агитаторовъ, пригрозить лишній разъ печати, цыкнуть на всякій случай на либераловъ—и дѣло кончено. А потомъ была, конечно, постоянная государственная политика, неизмѣнно клонившаяся къ успокоенію, политика «подмораживанія» Россіи, подмораживанія народа, чтобы не считалъ дальше тысячи, подмораживанія науки и цивилизаціи, самоуправленія и общественной иниціативы. И тогда лозунгомъ власти было: «расходись», недопущеніе организованности, скопленія людей, какого бы то ни было и гдѣ бы то ни было, но борьба, такъ сказать, шла больше съ цивилизаціей, культура въ болѣе или менѣе скромныхъ размѣрахъ терпѣлась и многія культурныя предпріятія продолжали существовать и умудрялись переживать времена Сипягина и Плеве, оставаясь внѣ зоны успокоенія.

Судьба второй половины формулы—реформъ—за истекшее сорокалѣтіе достаточно извѣстна. Успокоеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималось оно тогда, наступало, длительное успокоеніе на десятокъ лѣтъ, и тогда дѣйствительно строй обновлялся и развертывались планомѣрныя реформы. Мы знаемъ ихъ. Укрѣпленіе института тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ, появленіе у деревенской околицы земскаго начальника, обновленное земское положеніе, рядъ обновленій въ сферѣ суда, коронного и мѣстнаго, обновленіе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній и состава ихъ профессоровъ, подновленіе положенія печати и безконечное число другихъ реформъ,—все въ томъ-же планомѣрномъ направленіи...

Я помню, въ первый разъ я прочиталъ формулу: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы», въ интервью иностраннаго корреспондента съ «высокопоставленнымъ русскимъ сановникомъ». Тамъ-же была фраза, приблизительно гласившая: «тогда (послѣ успокоенія) я прикажу губернаторамъ, чтобы поступали по законамъ».

Разно принята была формула. Одни посмѣялись и заранѣе заподозрили искренность этой формулы и рѣшили, что она была сказана для Европы, а не для Россіи,—такъ сказать, лекарство для наружнаго употребленія, а не для пріема внутрь. Были благомысленные, доброжелательные люди, которые приняли формулу въ серьезъ. Они сами желали успокоиться, жаждали прежде всего порядка, находили правильнымъ, что во время той сумятицы и явнаго безпорядка, въ которое явилась формула, нельзя давать реформъ и, разумѣя подъ «успокоеніемъ» прекращеніе такъ называемыхъ эксцессовъ революціи, довольно оптимистически ожидали въ близкомъ будущемъ наступленія эры реформъ. Теперь эти благомысленные люди съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взираютъ на развертывающееся все шире и шире успокоеніе и на увеличиваю-

щійся, благодаря успокоенію, безпорядокъ въ Россіи и спрашиваютъ, когда-же реформы, когда-же порядокъ? Вотъ республики завоеваны, вредные люди въ тюрьмахъ сидятъ, въ ссылкѣ, въ каторгѣ, въ сырой землѣ лежатъ. Эксцессы революціи прекратились, успокоеніе наступило. Нѣтъ митинговъ, красныхъ флаговъ, не слышно революціонныхъ пѣсенъ, нѣтъ приговоровъ и наказовъ депутатамъ, нѣтъ собесѣдованій депутатовъ съ избирателями, крайней лѣвой газетой опять оказались «Русскія Вѣдомости». Успокоили первую Государственную Думу, основательно успокоили вторую Государственную Думу, успокоили эсъ-эровъ, успокоили эсъ-дековъ, понемножку успокаиваютъ кадетовъ. Тихо кругомъ. Даже въ настроеніи молодежи въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ, до назначенія г. Шварца, не замѣчалось «зловѣщихъ» и даже просто «тревожныхъ» симптомовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ не опубликованъ приказъ губернаторамъ, чтобы поступали по законамъ. И дѣйствуютъ на мѣстахъ даже не губернаторы, которые все-таки, такъ сказать, въ порядкѣ дня, а работаютъ генералъ-губернаторы безъ всякаго порядка, съ однимъ личнымъ усмотрѣніемъ, и отъ Перми до Тавриды нѣтъ обыкновеннаго положенія и хотя-бы малыхъ законовъ, а дѣйствуютъ охраны и военныя положенія и такъ называемые исключительные законы. И все не слышно по сіе время о реформахъ. Доброжелательные люди, учитывая не прерывающееся и все растущее въ своей свирѣпости успокоеніе и развертывающееся по всей линіи отступленіе вдаль и вглубь отъ 17 октября, утверждаютъ, что вторая половина формулы поставлена для красоты слога, и что никакихъ реформъ и не будетъ, кромѣ возвращенія къ старому режиму.

Все это такъ, но не правы и тѣ, и другіе—одни потому, что не дооцѣнивали слово успокоеніе, понимали его слишкомъ узко и были слишкомъ легкомысленны въ своемъ оптимизмѣ, другіе потому, что безъ достаточныхъ основаній заподозриваютъ искренность формулы. Быть можетъ, правильнѣе, разумнѣе, такъ сказать, логичнѣе было бы переставить слова: сначала реформы, потомъ успокоеніе; быть можетъ, допустимы доказательства, что реформы и есть успокоеніе и что безъ нихъ и до нихъ невозможно настоящее успокоеніе, какія бы свирѣпыя формы ни принимало оно; быть можетъ, даже не трудно будетъ доказывать, что безудержность революціи, пронесшейся надъ Россіей, въ значительной степени объясняется именно долговременной задержкой насущныхъ реформъ и что эксцессы революціи въ значительной мѣрѣ были вызваны эксцессами успокоенія въ прошломъ и въ настоящемъ,—но даже, если и большинство Россіи такъ думаетъ, это еще не доказательство, что другой человѣкъ и другая часть Россіи должны думать въ указанномъ направленіи. Обыкновенные люди, средніе люди, Петры не Великіе, всегда подчиняются воспитаннымъ съ дѣтства, сложившимся вѣками традиціямъ и психологіи

опредѣленнаго круга, изъ котораго они вышли, и нельзя предъявлять къ нимъ требованія выше ихъ роста. Они восприняли готовую старую формулу, и было бы странно, еслибы, вопреки традиціи и унаслѣдованному порядку мысли, они добровольно, безъ принужденія извнѣ, переставили формулу и начали съ реформъ. И все новое, что вносятъ они въ пріемы успокоенія, объясняется не тѣмъ, что они новаторы и творцы новыхъ методовъ и исключительно свирѣпые люди,—они глина въ рукахъ горшечника и принимаютъ тѣ формы, которыя угодно дѣлать горшечнику,—исторіи, условіямъ страны, велѣніямъ опредѣленнаго класса. И нужно помнить, что, разъ принята формула, дѣло ужь не зависитъ отъ личности, отъ ея желаній и намѣреній, ея индивидуальныхъ свойствъ,—она развертывается сообразно условіямъ момента и среды, расходясь, быть можетъ, шире, доходя, быть можетъ, дальше намѣченныхъ иниціаторами размѣровъ.

Все дѣло въ томъ, что теперешнее успокоеніе по своему объему рѣзко разнится отъ тѣхъ успокоеній, которыми занималось правительство за истекшіе сто лѣтъ. Измѣнилась именно зона вредныхъ идей. Раньше вредныя идеи захватывали отдѣльные кружки, тѣсно отграниченные слои общества, теперь онѣ охватили всю Россію. Два раза Москва со своимъ Кремлемъ, Охотнымъ рядомъ и Замоскворѣчьемъ, со своими купцами и мѣщанами и людьми древняго благочестія, единодушно голосовала противъ правительства. Мужикъ, на котораго столько положено было незыблемыхъ надеждъ, доходившихъ до мысли о всеобщемъ избирательномъ правѣ, выбиралъ трудовиковъ, с.-р., с.-д. Вѣрные и покорные «батюшки», никогда не поднимавшіе до того времени своего голоса въ политическихъ вопросахъ, приписывались въ Думѣ къ трудовикамъ и с.-р., купецъ, приказчикъ, чиновникъ и мѣщанинъ апплодировали на митингахъ оппозиціоннымъ, а нерѣдко и революціоннымъ ораторамъ и усердно клали черняковъ правительственнымъ кандидатамъ.

Размѣръ вредныхъ идей предрѣшилъ и объемъ успокоенія. Нѣсколько измѣнился характеръ успокоенія,—тутъ несомнѣнно приходитъ психологія лицъ, месть побѣдителя, потрясенный разумъ и вырвавшееся изъ узъ совѣсти чувство,—но и онъ по существу остался старымъ. Также бьютъ печку, о которую ушиблись, старыя избитыя русскія печки,—быть можетъ, нѣсколько иначе, нѣсколько больнѣе. Сотни редакторовъ привлечены къ дверямъ тюрьмы, десятки, а, можетъ быть, уже и сотни тысячъ рублей собраны невѣдомыми раньше штрафами съ газетъ. По прежнему, какъ и до 17 октября, объявившаго о свободѣ слова, собраній и союзовъ, привлекаются и отправляются въ каторгу русскіе граждане, только за одну принадлежность къ партіи с.-р. или с.-д. По старому карается слово, по старому разгоняются собранія, по старому успокаиваютъ профессоровъ и молодежь, хотя бы они и не собирались бунтовать.

Но лозунгъ: «расходись» приходится кричать громче и, главное, по новому адресу, не интеллигенціи только, профессорамъ и молодежи и третьему элементу, но, безъ преувеличенія, всей Россіи. И въ этомъ объясненіе многаго того, чему удивляются въ пріемахъ успокоенія даже благомыслящіе и доброжелательные люди. Этимъ «расходись», какъ мѣрою успокоенія, этимъ стремленіемъ разобщить всякое общеніе людей, распылить всякую организованность, на почвѣ чего бы она ни создавалась, объясняются многіе факты столичной и, въ особенности, провинціальной жизни, кажущіеся сами по себѣ нелѣпыми и безсмысленными. Закрыты общества, издавна существовавшія, погублены культурныя предпріятія, успѣвшія благополучно пережить времена Сипягина и Плеве, разгоняются на мѣстахъ скопленія людей, тщательно отгораживающія себя отъ политики, вродѣ лиги образованія, профессіональныхъ, кооперативныхъ начинаній, такъ ярко вспыхнувшихъ въ народѣ въ послѣднее время. Расходись!..

Правительство принуждено къ старой борьбѣ съ цивилизаціей присоединить и борьбу съ культурой. И борьба съ культурными предпріятіями неизбѣжна, такъ какъ эти культурныя предпріятія являлись очагами оппозиціи во время революціоннаго движенія, такъ какъ люди, работавшіе въ культурной области, оказались политически неблагонадежными или, пользуясь старымъ, временно устраненнымъ, правительственнымъ терминомъ, который теперь снова пестритъ министерскіе циркуляры и инструкціи,—«несоотвѣтствующими видамъ правительства». И такъ какъ въ Одессѣ не оказалось, да не оказалось, должно быть, и въ Россіи, соотвѣтствующихъ видамъ правительства бактеріологовъ, то пришлось закрыть одесскую бактеріологическую станцію. Пришлось разгромить многія культурныя учрежденія, приходится выгонять со службы докторовъ, учителей, профессоровъ, такъ какъ почему-то люди, работающіе въ культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, честные и знающіе люди, настоящіе работники, оказались въ оппозиціи къ правительству, оказались людьми, несоотвѣтствующими видамъ правительства.

Это, конечно, временно. Правительство по существу, какъ и раньше, ничего не имѣетъ противъ культуры въ не слишкомъ большихъ размѣрахъ, но нужно сначала успокоить, а потомъ уже разрѣшить продолжать культурную работу,—и потому, быть можетъ, звучатъ нѣсколько комично и являются въ значительной степени пустопорожними призывы, раздающіеся изъ среды добромысленныхъ и благожелательныхъ людей: «сходись на культурную работу!»—въ то время какъ идетъ еще успокоеніе, и лозунгомъ дня является «расходись!»

Есть великолѣпный примѣръ, своего рода лабораторный опытъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, отразилась эта формула, примѣненная къ «культурной работѣ»,—сначала успокоеніе, а потомъ реформы.

И потому да позволено мнѣ будетъ остановить нѣсколько дольше вниманіе читателя на этомъ примѣрѣ.

Было вятское земство. Потому ли, что это было мужицкое земство, до такой степени мужицкое, что, за отсутствіемъ дворянства, приходилось предсѣдателями земскихъ собраній назначать чиновниковъ, потому ли, что тамъ подобрались любители культуры и цивилизаціи,—оно успѣло сдѣлать въ высокой степени интересную и оригинальную на фонѣ русской жизни культурную работу. Тамъ въ каждомъ селѣ, въ каждой деревушкѣ была маленькая библіотечка, тамъ устроенъ былъ кустарный складъ, учили дѣлать печки, разводить пчелъ, тамъ издавалась единственная въ Россіи настоящая мужицкая газета. Я два года получалъ и два года неустанно читалъ ее. Въ ней мужики были читатели, мужики были сотрудники. Тамъ тщательно обсуждалось,—и возникали цѣлыя полемики,—какой летокъ способнѣе для пчелъ, какой плугъ, какая молотилка подходящи для Вятской губерніи. Помню необыкновенно радостную корреспонденцію, — крестьянинъ писалъ, какъ общество устроило прудъ изъ никому ненужнаго сырого ложка и напустило туда рыбу, и на Илью-Пророка міряне наловили много карасей и раздѣлили ихъ по душамъ. И единственно неблагонадежное, что я замѣтилъ за два года, это стихи Некрасова про Морозъ-Красный носъ и «Кому живется весело, вольготно на Руси», время отъ времени помѣщавшіеся въ газетѣ. Все это было до такой степени благонадежно, что даже чуткій Плеве не закрывалъ газеты, не препятствовалъ библіотечкамъ, конечно, по плевевски основательно профильтрованнымъ, давалъ жить портсигарамъ и плетушкамъ, выдѣлывавшимся въ кустарномъ складѣ, не ломалъ печекъ, не закрывалъ летокъ пчеламъ.

При обновленномъ строѣ губернаторъ Горчаковъ сталъ успокаивать, успокоены были и пчелы, и люди, разрушены годами складывавшіяся земскія начинанія, и, когда земство было разогнано и «бактеріологи», куда слѣдуетъ, убраны, когда онъ успокоилъ Вятскую губернію, то рѣшилъ, что можно начинать «реформы». И обратился къ земцамъ, имъ назначеннымъ, съ рѣчью: «не уничтожайте, а созидайте». Я не знаю, найдетъ ли князь Горчаковъ соотвѣтствующихъ видамъ правительства любителей, именно любителей культуры, но этотъ примѣръ характеренъ не только какъ показатель условій культурной работы на мѣстахъ, но и какъ прообразъ государственнаго осуществленія формулы: «сначала успокоеніе, потомъ реформы».

Я совершенно понимаю дѣйствія вятскаго губернатора, они строго логичны и мужественно послѣдовательны. Расходись! Нужно, чтобы люди сначала разошлись и потомъ снова собрались, конечно, другіе люди, соотвѣтствующіе видамъ правительства.

Объемъ распространившихся по Россіи вредныхъ людей, повторяю, предопредѣлилъ объемъ и потребнаго ихъ успокоенія. И

не только объемъ, но и методы. Когда встала въ оппозиціонномъ настроеніи вся Россія и не только интеллигентъ, и пролетарій, и человѣкъ либеральной профессіи, но и крестьянинъ, и купецъ, и чиновникъ, и приказчикъ, и мѣщанинъ, — старые методы успокоенія сдѣлались недостаточны, правительству оказалось недостаточно оперировать съ старыми привычными силами губернаторовъ, жандармовъ, исправниковъ, предводителей дворянства, становыхъ приставовъ и земскихъ начальниковъ. Пришлось организовать стражниковъ, мобилизовать чуть не все донское казачество, призвать ингушей... Но и этого все было мало. Оказалось необходимымъ поднять низы, объединить вмѣстѣ съ предводителями дворянства и околодочными надзирателями оставшихся вѣрными старымъ чувствамъ купцовъ, мѣщанъ, учителей и чиновниковъ, священниковъ и ихъ прихожанъ,—оказалось необходимымъ создать организацію союза русскаго народа.

Она возникла раньше появленія формулы: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы» и сначала была боевой дружиной, самообороной общественнаго строя, потрясеннаго революціей, но вошла потомъ въ жизнь, какъ мѣра мирнаго успокоенія. Она оказалась необходимой и незамѣнимой мѣрой успокоенія. Нельзя не только изъ Петербурга, но и изъ губерніи, и даже изъ присутствія исправника и предводителя дворянства точно знать, что дѣлается въ консервативной толщѣ населенія, только люди изъ самой толщи, изъ глубины, могли указать, гдѣ коренится крамола и смута и какіе люди соотвѣтствуютъ и какіе не соотвѣтствуютъ видамъ правительства. И, чтобы удалять изъ мѣстной жизни въ Нарымскую жизнь не соотвѣтствующихъ видамъ правительства людей, нужна хотя-бы приблизительная освѣдомленность мѣстныхъ людей, и, чтобы успокоить и нагнать спасительный страхъ на остающихся на мѣстахъ мало соотвѣтствующихъ людей, не безполезны свои средствія низовъ,—резины и дубинки и время отъ времени легкіе погромы...

Пришлось въ значительной мѣрѣ сократить, если не вовсе упразднить, писаные законы для многихъ мѣстъ страны, наиболѣе нуждающихся въ успокоеніи, учредить разныхъ степеней охраны и положенія, назначить генералъ-губернаторовъ. Въ широкихъ слояхъ общества установился не вполнѣ правильный взглядъ на генералъ-губернаторовъ, какъ на спеціально свирѣпыхъ и жестокихъ людей, принципіальныхъ беззаконниковъ и непремѣнныхъ членовъ союза русскаго народа. Нужно знать и помнить, что они не могутъ поступать иначе, чѣмъ поступаютъ. Для нихъ нѣтъ писаныхъ законовъ и имъ предписано «усмотрѣніе», такъ сказать, сверхзаконіе, они поставлены спеціально для успокоенія, для искорененія крамолы на мѣстахъ, которую, очевидно, нельзя искоренить существующей на мѣстахъ достаточно сильной и умудренной въ бояхъ властью губернаторовъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ и

жандармовъ, и успѣхъ «службы» ихъ зависитъ отъ степени проявленной ими въ дѣлѣ успокоенія энергіи и широты усмотрѣнія. Но они являются на мѣста чужими людьми и не знаютъ мѣстной жизни. Они военные люди, и то, что они плохо знаютъ гражданскіе законы, скорѣе облегчаетъ ихъ дѣятельность, но то, что они не знаютъ мѣстной жизни, чрезвычайно затрудняетъ выполненіе ихъ миссіи. Они не могутъ знать, какія мѣстныя учрежденія заражены крамолою и какія надежны, какіе мѣстные люди подлежатъ успокоенію и искорененію и какіе не подлежатъ. Предъ ними стоитъ плотная стѣна большинства населенія, людей, быть можетъ, молчащихъ, но внутренно неблагонадежныхъ и въ тайникахъ сердца не успокоившихся отъ мечтаній о 17 октября. И генералъ-губернаторамъ некуда больше обратиться за должными свѣдѣніями, кромѣ союза русскаго народа, гдѣ объединено все то малое, что осталось благонадежнымъ въ смыслѣ конституціонныхъ бредней,—вѣрнѣе, къ тѣмъ мѣстнымъ руководителямъ, которые стоятъ за спиной союза русскаго народа и диктуютъ ему должное поведеніе. У нѣкоторыхъ, быть можетъ, есть и личные опредѣленные взгляды, но иначе они поступать не могутъ.

Еслибъ правительству предложить вопросъ, что оно разумѣетъ подъ успокоеніемъ страны, и когда, по его мнѣнію, можно будетъ сказать, что Россія успокоилась,—оно, вѣроятно, очень удивилось бы и чрезвычайно затруднилось бы отвѣтомъ. Не потому, что оно не хотѣло бы отвѣчать, а потому, что ему было бы трудно. Оно шире и безусловно правильнѣе понимаетъ слово «успокоеніе», чѣмъ простодушные люди, принимавшіе его въ ограничительномъ толкованіи. Правительство не можетъ и не должно считать успокоеніемъ формальное, внѣшнее успокоеніе, прекращеніе эксцессовъ революціи, разгромъ вредныхъ партій,—оно не обманывается на счетъ тишины и совершенно правильно не придаетъ ей того значенія, которое стараются придать благомысленные печатные органы. Оно прекрасно знаетъ, что стоитъ завтра объявить выборы въ Думу по старому положенію и въ Таврическомъ Дворцѣ появятся люди и раздадутся рѣчи, не соотвѣтствующіе видамъ правительства, и пыль пойдетъ отъ октябристовъ, отъ монархистовъ, отъ союза русскаго народа, этихъ единственныхъ общественныхъ группъ, на которыя опирается правительство; что стоитъ дать настоящую свободу слова, печати, собраній и союзовъ, однимъ словомъ, полностью воплотить въ жизнь манифестъ 17 октября, и пыль пойдетъ отъ черныхъ милліоновъ истинно-русскихъ людей и «консервативная» толща русскаго населенія окажется совершенно не соотвѣтствующей видамъ правительства.

Правительство это знаетъ, вѣрнѣе, чувствуетъ и потому совершенно правильно не можетъ успокаиваться на тишинѣ, на внѣшнемъ успокоеніи. Ему нужно внутреннее успокоеніе Россіи... Когда

оно будетъ? Что правительство будетъ считать внутреннимъ успокоеніемъ? Единственный отвѣтъ на этотъ трудный вопросъ возможенъ только, такъ сказать, психологическій: можно будетъ сказать, что Россія успокоилась, лишь тогда, когда русскій обыватель не только перестанетъ говорить вслухъ новыя слова, а когда онъ забудетъ ихъ и воротится къ старымъ словамъ, когда онъ забудетъ новыя манеры и возвратится къ старымъ манерамъ, когда онъ забудетъ о 17 октября, перестанетъ думать о своемъ законодательномъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ и заботы о нихъ всецѣло передастъ въ руки правительства, какъ было раньше до «несчастія»,—т. е., когда, выражаясь языкомъ октябристовъ, страна, населеніе будетъ работать совмѣстно съ правительствомъ... Да, тогда можно будетъ дать реформы...

И правительство дастъ реформы. Въ этомъ отношеніи несправедливо заподозривать теперешнее правительство въ томъ, что у него въ программѣ одно успокоеніе и нѣтъ никакихъ реформъ,—не даромъ оно считается «либеральнымъ«, не даромъ второй уже годъ газеты изо-дня въ день полны извѣстіями о борьбѣ его съ реакціонными сферами. Да, нѣсколько измѣненъ избирательный законъ, но теперешняя Дума, повидимому, соотвѣтствуетъ видамъ правительства, ее не собираются распускать, и много-много, если придадутъ ей законосовѣщательный характеръ,—но на вопросъ, какія реформы, будетъ еще затруднительнѣе отвѣтить. Совершенно опредѣленный отвѣтъ имѣется на вопросъ: откуда идетъ правительство,—отъ революціи, и въ этомъ отношеніи виды его вполнѣ точно выяснились, но на вопросъ: куда ведетъ оно Россію, какіе виды на будущее, какіе контуры будущаго государственнаго зданія вырисовываются ему, оно затруднилось бы отвѣтить. Свѣдущіе люди изъ октябристскаго центра и даже съ оппозиціонныхъ скамей на ухо шепчутъ: конституція! Это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго...—Они, впрочемъ, какъ и правительство, избѣгаютъ слова конституція, и въ большомъ употребленіи у нихъ слова: «обновленный строй», «будущій строй» и прочія обходныя слова. Но само правительство отъ выясненія своего государственнаго плана и размѣровъ и характера реформъ уклоняется. И есть серьезныя основанія думать, что такого плана у него и не существуетъ и что вопросъ о характерѣ и предѣлахъ реформъ остается подвѣшеннымъ въ воздухѣ, даже въ средѣ самого правительства.

Есть тоже любимое патентованное правительственное слово: согласованность... Повидимому, реформы не согласованы другъ съ другомъ, повидимому, и само министерство не согласовано. Кто можетъ изъ русскихъ гражданъ сказать, какіе у правительства виды на желательную форму земскаго самоуправленія, на земскаго начальника, на мелкую земскую единицу. Да, существуетъ объединенное министерство... Но... былъ министръ Кауфманъ и проводилъ опредѣленную политику въ сферѣ народнаго образованія, а потомъ явился ми-

нистръ Шварцъ и сталъ проводить другую политику... А министерство все объединенное и русскій обыватель все никакъ не можетъ рѣшить, какіе же собственно у него виды на дѣло народнаго просвѣщенія и чья политика болѣе согласована съ намѣреніями и взглядами объединеннаго министерства: Кауфмана или Шварца? И не въ одной области народнаго просвѣщенія... Вотъ на-дняхъ въ газетахъ появилось короткое извѣстіе, что министръ-президентъ Столыпинъ получилъ только по почтѣ, какъ и всѣ прочія инстанціи, постановленіе синода по поводу юбилея Льва Николаевича Толстого, и русскій обыватель опять спрашиваетъ, соотвѣтствуетъ это постановленіе видамъ объединеннаго министерства, согласовано оно или не согласовано? И тучи подобныхъ вопросовъ ежедневно встаютъ предъ русскимъ обывателемъ...

Получается такое впечатлѣніе, какъ будто тамъ, въ правительствѣ, нѣтъ одного общаго вида, а существуютъ только виды, какъ будто тамъ люди безъ плана, немощные, безсильно стоящіе передъ лицомъ русской жизни, какъ будто даже не они выбираютъ по своимъ вкусамъ и склонностямъ виды, а имъ показываютъ виды... Ѣдетъ поѣздъ по рельсамъ и смотрятъ люди на виды. Вотъ благоухающій весенній лугъ Кауфмана, а вотъ темный осенній лѣсъ Шварца, а дальше идутъ на заборахъ и на стѣнахъ плакаты, тоже неожиданные и какъ будто несогласованные: не выходить послѣ 8 часовъ вечера на улицу и заблаговременно оповѣщать, кто заболѣетъ въ семьѣ. «Говори, прохожій, свою фамилію, а то тебя застрѣлятъ». Выгнать 4 профессоровъ изъ университета за несоотвѣтствіе видамъ правительства... И мелькаетъ вся та заборная литература, которая въ такомъ количествѣ выросла и распространилась въ нѣдрахъ Россіи,—а поѣздъ все ѣдетъ, и нельзя людямъ вагона остановиться, насладиться ароматомъ весеннихъ цвѣтовъ или заглянуть въ темную глубь лѣса, разобрать и вдуматься во всѣ заборные плакаты, поѣздъ везетъ ихъ все дальше и дальше и люди сами не знаютъ, куда ихъ везутъ и гдѣ ихъ высадятъ...

Я нѣсколько разъ употреблялъ слово «правительство», не прибавляя «оффиціальное», видимое правительство, и тѣмъ, быть можетъ, вводилъ читателей въ заблужденіе. Когда говорятъ теперь «правительство», русскій обыватель начинаетъ оглядываться кругомъ и спрашивать: гдѣ же правительство? И по разному отвѣчаетъ на вопросъ. И степень опредѣленности отвѣта приблизительно пропорціональна дальности или близости отъ Петербурга. Собственно говоря, даже въ Петербургѣ этотъ терминъ возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Когда передаютъ тамъ слухи объ отставкѣ одного министра или главноначальствующаго и о назначеніи другого министра, люди направляютъ свои взоры не въ сторону объединеннаго министерства, а на страницы «Русскаго Знамени», откуда шлются

министрамъ и главноначальствующимъ благодарности и порицанія въ формахъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ компетентности и авторитетности руководителей газеты,—но наличность объединеннаго министерства, его видимость создаетъ для петербургскаго обывателя нѣкоторую иллюзію правительства, власти. Чѣмъ дальше вы отъѣзжаете отъ Петербурга, тѣмъ быстрѣе разсѣивается эта иллюзія и на мѣстахъ на вопросъ, — гдѣ правительство?—отвѣчаютъ болѣе опредѣленно и, пожалуй, болѣе основательно, хотя въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ въ Петербургѣ.

Я помню, какъ сказаны были въ первой Государственной Думѣ слова о «полнотѣ власти». Тогда находили, что это звучало гордо, что то былъ красивый жестъ. Человѣкъ стоялъ, какъ будто пригоршни его были полны драгоцѣнной влагой и онъ боится разлить ее. Вода ушла между пальцевъ изъ тѣхъ пригоршней,—и смѣшно и жалостно смотрѣть, когда съ тѣмъ же гордымъ видомъ протягиваются сухія, пустопорожнія руки. Власть ушла изъ того мѣста и растеклась сотнями ручьевъ, самостоятельно текущихъ. И есть другой водоемъ, откуда тоже текутъ ручьи... Я писалъ уже годъ назадъ о той жалкой роли, которую играютъ теперь губернаторы и вообще оффиціальная власть,—за годъ оффиціальное правительство не укрѣпилось на мѣстахъ и населеніе значительно передвинулось отъ этой оффиціальной власти къ другой, болѣе осязательной, болѣе ощутимой. Скажешь по старой привычкѣ обывателю, разсказывающему о своихъ горестяхъ: «вы бы къ губернатору или къ министру!»—а потомъ и самому стыдно станетъ, такъ нелѣпо звучитъ это по теперешнимъ временамъ и такъ уничтожающе скептически посмотритъ онъ на васъ. Иногда и скажетъ: «былъ,—одинъ отвѣтъ: ничего не могу»...

Поэтому гораздо интереснѣе поставить вопросъ о реформахъ той другой власти, которая конкурируетъ,—многіе думаютъ, съ большимъ успѣхомъ—съ оффиціальной властью, съ такъ называемымъ правительствомъ,—союзникамъ, монархистамъ, неумѣренно правымъ. Куда они идутъ? Какъ имъ представляется и желается «видъ» будущей Россіи? Я полагаю, что они менѣе удивились бы и ихъ отвѣтъ былъ бы болѣе опредѣленный, такъ какъ виды *ихъ* правительства болѣе опредѣленны и устойчивы и болѣе «согласованы». Я говорю о званыхъ и избранныхъ, о тѣхъ, кто стоитъ за спиной союза русскаго народа, которые держатъ въ своихъ рукахъ нити, декретируетъ походы и сраженія, а не о толпѣ,—*ихъ* толпа наименѣе повинна въ государственныхъ планахъ, наиболѣе руководится желудочными эмоціями. Они также уходятъ отъ революціи... Но если для перваго правительства революція до извѣстной степени оканчивается съ того момента, когда Россія болѣе или менѣе демонстративно заявитъ, что ушла отъ 17-го октября, и будетъ впредь, какъ и до 17-го октября, работать совмѣстно съ нимъ, правительствомъ, то люди другого правительства, другой власти

не сочтутъ это концомъ революціи, не будутъ считать это успокоеніемъ страны и не отдадутъ свою судьбу въ руки того правительства,—и именно потому, что въ сущности такое же объединенное правительство, съ тѣми же навыками и пріемами существовало и до революціи и тѣмъ не менѣе не смогло или не сумѣло предупредить революцію.

Если оффиціальное правительство, такъ сказать, уходитъ отъ революціи, то не-оффиціальное бѣжитъ отъ революціи. И ни въ чемъ иномъ, какъ въ аллюрѣ шаговъ, и заключается *тактическая* разница между двумя правительствами. Куда прибѣгутъ эти другія сферы,—они тоже не знаютъ, потому что въ значительной мѣрѣ это не сознательно выбранный путь, а именно бѣгство,—паническое, безъ оглядки,—только бы уйти дальше... Во всякомъ случаѣ не къ старому режиму, не къ дореволюціонному періоду, и именно потому, повторяю, что тотъ режимъ, старый строй не предупредилъ революціи и поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ.

Дальше, дальше... Нужно считаться съ психологіей этихъ круговъ. Нужно помнить, что и въ глубинахъ Россіи, и на вершинахъ Государственнаго Совѣта есть люди, живые, еще говорящіе и дѣлающіе жесты, которые помнятъ крѣпостное право, воспитались въ немъ, юношами и даже взрослыми людьми вышли изъ него и еще тогда были ушиблены освободительнымъ движеніемъ, какъ въ трущобахъ воинствующаго монашества живы еще не только Соловки и Суздальскій монастырь, какъ мѣста успокоенія инако думающихъ, разно вѣрующихъ, но жива и память о кострѣ, уготованномъ протопопу Аввакуму. Послѣдній миссіонерскій съѣздъ въ Кіевѣ показалъ, куда желали бы повести Россію эти руководители отечества. Да, пока они говорили только о воспрещеніи браковъ православныхъ съ иновѣрцами, о возвращеніи въ этой области къ древнимъ, очень древнимъ временамъ, о покупкѣ христіанскихъ душъ земельными сребренниками въ холмской Руси, о полицейскомъ участкѣ, какъ главномъ способѣ распространенія христіанскихъ идей; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, судя по тону и психологіи засѣдавшихъ тамъ людей, что они не прочь придти и къ недавнихъ временъ казанскому миссіонерскому съѣзду, декретировавшему отобраніе дѣтей у старообрядцевъ, а во благовременьи и къ костру протопопа Аввакума.

Они уходятъ не только отъ революціи, но отъ всего созданнаго министерствомъ и утвержденнаго высочайшей волей за время революціи. Бѣгутъ отъ самой этой высочайшей воли, отъ манифеста 17-го октября, отъ Государственной Думы, бѣгутъ отъ правительства... Бѣгутъ, повторяю, не зная куда, въ невѣдомую даль, лишь бы дальше, дальше отъ революціи. Пришли къ опричинѣ, къ песьимъ головамъ, но это все мало,—въ глубь вѣковъ, въ темное историческое прошлое бѣгутъ они и нѣтъ ничего, что остановило

бы ихъ,—лишь бы дальше, какъ можно дальше, лишь бы гарантировать себѣ невозможность повторенія революціи...

Тутъ, впрочемъ, не одна паника, не одно стихійное бѣгство, тутъ есть и заранѣе обдуманное намѣреніе, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые направляютъ бѣгъ толпы, которые руководятъ союзомъ русскаго народа, которые включили въ программу его борьбу съ бюрократіей. Изъ всей, повидимому, безпорядочной сумятицы вырисовывается опредѣленный планъ, опредѣленное «куда», къ которому стремятся люди.

И именно борьба двухъ правительствъ, которая заполняетъ теперь поле зрѣнія русской жизни, поможетъ намъ разобраться, куда хотѣли бы привести Россію люди неоффиціальнаго правительства. Эта борьба—даже не двухъ смежныхъ группъ, а междоусобная брань въ одномъ и томъ же общественномъ слоѣ, стоящемъ на платформѣ однихъ и тѣхъ же классовыхъ интересовъ, представляетъ удивительное явленіе, предъ которымъ давно съ недоумѣніемъ стоитъ русскій обыватель.

130 тысячъ дворянъ-помѣщиковъ открыто съ высокаго мѣста Таврическаго Дворца представителемъ оффиціальнаго правительства поставлены во главу угла государственнаго зданія. Для нихъ распущены двѣ первыя Государственныя Думы, для нихъ и изъ нихъ собрана 3-я Дума, для нихъ устраивается въ Россіи 87 новыхъ охранныхъ отдѣленій, для ихъ охраны мобилизованы казаки, стражники, ингуши, генералъ-губернаторы, и тѣмъ не менѣе идетъ страстная борьба между этими чисто дворянскими группами и министры, стоящіе на почвѣ дворянскихъ же интересовъ, называются открыто измѣнниками и революціонерами. Правда, аллюръ оффиціальнаго правительства могъ бы быть еще быстрѣе и успокоеніе еще энергичнѣе, больше можно было бы успокоить людей въ сырой землѣ, въ тюрьмахъ и ссылкахъ, еще болѣе исключительны могли бы быть законы, но и злѣйшій врагъ не могъ бы обвинить теперешнее министерство въ излишней мягкости, въ чрезмѣрной склонности къ законности, въ слишкомъ поспѣшномъ шествіи къ 17-му октября.

Нѣкоторое значеніе имѣетъ въ этой борьбѣ чисто географическое распредѣленіе группъ,—центра и периферіи. Всегда бываетъ разная психологія у идущихъ и ѣдущихъ людей, хотя-бы то были люди одного слоя, попеременно то ѣдущіе, то идущіе. Ѣдущій человѣкъ всегда возмущенъ противъ пѣшеходовъ и находитъ, что они только мѣшаютъ движенію, попадаются подъ ноги лошадей и подъ колеса экипажей вмѣсто того, чтобы чинно идти по тротуарамъ; пѣшеходы всегда возмущаются, что экипажные люди наѣзжаютъ на ноги и давятъ людей, проходящихъ чрезъ улицу, и вообще мѣшаютъ пріятной прогулкѣ. Таково всегда

было отношеніе между провинціальнымъ дворянствомъ и петербургскими правительственными сферами, не смотря на родственныя и всегда очень близкія ихъ отношенія.

Но, конечно, не этой старой непріязнью помѣстнаго дворянства къ петербургскому, иногда невольно наступавшему ему на ногу, и не тактическими разномысліями объясняется эта борьба,—тутъ дѣло въ принципіальномъ разногласіи, очень тонкомъ, трудно уловимомъ, но существенномъ и несомнѣнно существующемъ. Дѣло именно въ тѣхъ видахъ, которые имѣютъ то и другое правительство на будущую архитектуру государства, не на основанія будущаго государства,—въ этомъ они согласны,—а именно на архитектуру, на порядокъ управленія, на отношенія центра и периферіи. Разрушается старое государство, измѣняется понятіе государства, перестраивается старый домъ, и въ этомъ стремленіи измѣнить существующій строй теперешнее министерство является реакціоннымъ и задерживающимъ по отношенію къ другому правительству, революціонному, стремящемуся измѣнить въ корнѣ самое пониманіе государства.

Въ этомъ отношеніи высоко характерна и многое объясняетъ объявленная въ программѣ союза русскаго народа при самомъ его возникновеніи непримиримая борьба съ бюрократіей. Когда впервые былъ опубликованъ этотъ пунктъ, многіе готовы были смѣяться, такъ чудовищно нелѣпо казалось это требованіе сообщества, организованнаго сверху, бюрократическимъ способомъ, негласными предписаніями и полугласными циркулярами, рекомендовавшими правительственнымъ служащимъ вступать въ союзъ русскаго народа. Болѣе проницательные люди усмотрѣли тутъ демагогическій пріемъ, желаніе использовать вѣковую ненависть населенія къ полиціи и привлечь въ сообщество людей съ низовъ этимъ реальнымъ и понятнымъ для нихъ лозунгомъ. Это такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это искренно, это въ серьезъ, это съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и люди этой дворянской группы искренно и серьезно ненавидятъ бюрократію. Они не забыли «обиды» 61-го года, они не простятъ обиды 17-го октября, и не позволятъ, чтобы ихъ судьба и долѣе оставалась въ рукахъ бюрократіи, не съумѣвшей охранить ихъ ни отъ освободительнаго движенія 60-хъ годовъ, ни отъ революціи 17-го октября. Они постараются гарантировать себя отъ сюрпризовъ бюрократіи и отъ сюрпризовъ «принунудительнаго отчужденія»; они не желаютъ больше оставаться слугами, хотя бы и номинальными, государства; они желаютъ быть хозяевами, желаютъ, чтобы государство служило имъ, и стремятся юридически закрѣпить фактическое свое положеніе въ государствѣ. Отъ стараго строя, отъ единой воли, какъ основоположенія русскаго государства, идутъ они, верхи русскаго дворянства, неумѣренно правые люди.

———

Къ ограниченію самодержавія, къ перестройкѣ стараго государства на новое классовое государство идутъ они... Того стараго государства, гдѣ была единая воля, изъ которой все исходило и къ которой все восходило, гдѣ всѣ были не граждане, а подданные, и всѣ общественные слои—слуги государства, опредѣленные государственные органы, отправлявшіе опредѣленныя государственныя функціи, гдѣ дворянство являлось привилегированнымъ классомъ, но тоже слугами государства, — полиціймейстерами, охраннымъ отдѣленіемъ, гдѣ бюрократія была такъ же неразрывно связана съ единой волей, съ понятіемъ государства, какъ скипетръ, держава и горностаевая мантія, гдѣ она сверху до низу являлась передовѣріемъ единой воли и единственной возможной формой проявленія этой единой воли, государства, желѣзнымъ Петромъ окончательно скованнаго въ желѣзныя формы, въ которыхъ существуетъ оно сейчасъ, и, такъ сказать, законченнаго въ своей эволюціи Побѣдоносцевымъ, этимъ послѣднимъ могиканомъ старой русской государственности, великимъ инквизиторомъ идеи русскаго государства, послѣднимъ настоящимъ государственнымъ умомъ уходящаго въ прошлое государственнаго строя.

Это пониманіе государства давно эволюціонировало, изъ военнаго лагеря государство уже давно постепенно становилось классовымъ, дворянскимъ, давно раскрѣпощены дворяне и постепенно изъ слугъ дѣлались фактическими хозяевами государства, но номинально они оставались слугами единой воли, органами государства. Революція ускорила и вскрыла сущность этой давно совершившейся эволюціи. Идеалистическая и романтическая при своемъ возникновеніи, формула «единенія царя съ народомъ» приняла вполнѣ реальныя формы и заполнилась опредѣленнымъ требованіемъ единенія царя съ дворянствомъ, и безполезно искать легальнаго пути и законныхъ формъ въ этомъ чисто-революціонномъ требованіи. Борьба съ бюрократіей, не съ бюрократами, а именно съ бюрократіей, какъ государственнымъ институтомъ, несомнѣнно, чисто революціонное требованіе, и стремленіе устранить бюрократическое средостѣніе есть, несомнѣнно, стремленіе ограничить единую волю, самодержавную власть коллективной волей или народа, т. е. конституціей, или дворянскаго класса, т. е. олигархіей. И будущій историкъ государства россійскаго, несомнѣнно, отмѣтитъ тотъ удивительный и необыкновенно характерный фактъ, что былъ во время революціи одинъ пунктъ, одинъ узелъ, на которомъ сходились изъ разныхъ точекъ отправлявшіяся и во всемъ остальномъ далеко расходившіяся линіи діаметрально противоположныхъ общественныхъ слоевъ, демократическихъ и аристократическихъ, революціонныхъ и не вполнѣ справедливо называющихся реакціонными, вѣрнѣе, черносотенно-революціонныхъ слоевъ,—борьба съ бюрократіей.

Въ революціонныя эпохи все революціонно. Въ настоящія ве-

ликія революціонныя эпохи, являющіяся жизненной необходимостью страны, происходитъ пересмотръ всѣхъ государственныхъ понятій, всѣхъ основоположеній государства, и въ этотъ пересмотръ существующаго порядка вещей вовлекаются всѣ слои населенія, весь народъ. Безразлично, за или противъ революціи размѣщаются отдѣльные слои населенія, она властно и непреоборимо захватываетъ въ свою волну, въ кругъ пересмотра и въ кругъ дѣйствія, верхи и низы, всю страну, весь народъ. И на вопросъ, поставленный всѣмъ великимъ революціямъ міра «куда?»—жизнь всегда отвѣчала: только не туда, откуда революція вышла, не къ старому государственному строю, не къ старому пониманію. И именно потому, что революціи всегда только вскрывали сущность происходившихъ раньше долговременныхъ эволюцій, что онѣ, такъ сказать, только редактировали выроставшія ранѣе, но не редактированные интересы, идеи и мнѣнія.

И въ той великой русской революціи, которая развертывается по сей день и будетъ еще развертываться на многіе дни,—въ видѣ-ли революціи или контръ-революціи, — все революціонно. Говорятъ-ли низы и молчатъ верхи, или говорятъ верхи и молчатъ низы, и молчаніе однихъ, и говоръ другихъ всегда революціонны, и будутъ-ли то друзья или враги революціи, ихъ дѣйствія всегда будутъ революціонны, пока не закончится циклъ революціи, не рѣшится въ ту или другую сторону государственная необходимость, изъ которой возникла революція.

И въ этомъ хаосѣ, въ той анархіи, которую сейчасъ представляетъ внутреннее состояніе Россіи, можно пока выдѣлить только два вида, двѣ архитектурныя линіи будущаго государственнаго зданія,—демократія или аристократія, конституція или олигархія.

И совершенно понятна та двусмысленная роль, которую играетъ между этими двумя опредѣленными теченіями теперешнее оффиціальное правительство, объединенное министерство. Оно откровенно уходитъ отъ революціи и искренно и всемѣрно отдѣляетъ себя отъ демократіи, но въ силу-ли личной властности, психологіи ѣдущаго и правящаго экипажемъ человѣка, вслѣдствіе-ли стараго воспитанія, воспитанныхъ бюрократическимъ режимомъ навыковъ мысли, отъ которыхъ оно не можетъ освободиться, оффиціальное правительство не идетъ къ тѣмъ, которые прямо и открыто стоятъ за перестройку государства въ ихъ классовыхъ интересахъ. И всегда въ революціонныя эпохи существовали межеумочные люди, у которыхъ не было творческихъ силъ овладѣть моментомъ, которые стремились соединить несоединимое — конституцію съ самодержавіемъ, пережитки стараго съ ясно обозначившимися требованіями отмѣны этого стараго, люди, которыхъ исторія за ненадобностью вычеркивала изъ своей памяти.

И, возвращаясь къ борьбѣ двухъ правительствъ, намъ теперь станетъ ясно, почему революціонная дворянская группа не удо-

влетворяется тѣмъ многимъ, что сдѣлано для нея оффиціальнымъ правительствомъ. Она перестала вѣрить въ бюрократію вообще, она лишила довѣрія существующее министерство. Она не вѣритъ ни въ стражниковъ, ни въ генералъ-губернаторовъ, ни въ ингушей, ни даже въ 87 новыхъ охранныхъ отдѣленій, она требуетъ автономіи, перенесенія власти изъ центровъ на мѣста, должнаго вооруженія дворянскихъ организацій и пока что сама организуетъ, какъ въ южныхъ губерніяхъ, въ обновленномъ земствѣ и въ дворянскихъ собраніяхъ свое войско, свои охранныя отдѣленія, посылаетъ своихъ шпіоновъ въ деревни.

Въ конечномъ подсчетѣ эта дворянская группа требуетъ подчиненія государства, сверху до низу, имъ, дворянамъ. Она требуетъ крѣпкой власти вверху, но ихъ власти, и прежде всего требуетъ *отвѣтственнаго министерства*, не бюрократическаго, отвѣтственнаго предъ единой волей, и отвѣтственнаго передъ нимъ, дворянствомъ...

«Та разумная олигархія, которою должно быть представительное учрежденіе, то аристократическое законодательствованіе лучшихъ умовъ и избранныхъ сердецъ, до котораго разовьется когда-нибудь наша Дума, еще только въ зачаткѣ»... Такъ меланхолично пишетъ А. Столыпинъ. («Нов. Вр.» № 11198).

Выше онъ пишетъ: «Гдѣ грязь не вызываетъ отвращенія, гдѣ хрустъ костей вызываетъ жестокій смѣхъ, гдѣ борьба за существованіе сведена въ первобытной зоологичности»... это, впрочемъ, онъ о «низахъ» пишетъ.

Нельзя миновать въ предусмотрѣніяхъ, куда идетъ Россія, Государственную Думу. Не потому, чтобы въ ней можно было искать предначертаній, указующихъ перстовъ, не потому, чтобы она могла давать какія-нибудь «директивы» для этого «куда»—она больше, чѣмъ кто-либо, въ полномъ невѣдѣніи относительно вопроса: «куда» и сама получаетъ директивы со стороны,—но она—Государственная Дума.

Скучно объ ней писать... Скучно потому, что она сама скучная, скучно потому, что таковой понимаетъ ее Россія, что ею мало интересуются, что никто на нее не надѣется, никто ничего отъ нея не ждетъ. Развертывая газету, современный читатель просматриваетъ прежде всего новый отдѣлъ «разныхъ разностей», появившійся въ русскихъ газетахъ,—число казненныхъ и приговоренныхъ къ казни, количество экспропріацій, убитыхъ стражниковъ, городовыхъ, жандармовъ и экспропріаторовъ, сообщенія о лигахъ любви и замѣтки о новыхъ произведеніяхъ порнографической литературы, потомъ переходитъ къ «внутреннимъ извѣстіямъ»—къ министру Шварцу, къ министру-землеустроителю, къ борьбѣ двухъ правительствъ,—объединеннаго совѣта министровъ и объединеннаго комитета союза

русскаго народа, потомъ къ иностранному отдѣлу, который въ послѣднее время снова занялъ старое, насиженное мѣсто въ русской журналистикѣ, къ поѣздкамъ короля Эдуарда, къ персидскимъ сказкамъ изъ тысячи одной ночи, къ младотурецкому движенію и потомъ уже, напослѣдокъ, нехотя, скучный, съ ослабѣвшимъ вниманіемъ и съ потухшимъ интересомъ, читатель обращается къ отчетамъ о думскихъ засѣданіяхъ. И читаетъ онъ изъ пятаго въ десятое, и мелькаютъ предъ нимъ строки, и фразы ораторовъ, не возбуждая ни любви, ни ненависти, ни восторга, ни проклятій, ни даже удивленія. Все это ему извѣстно - переизвѣстно, все это онъ раньше и болѣе обстоятельно прочиталъ и продолжаетъ читать со страницъ развертывающейся предъ нимъ книги жизни. И ни во что онъ тамъ не вѣритъ, ни на что, оттуда исходящее, онъ не надѣется, и ничто, происходящее въ зонахъ Таврическаго Дворца, онъ не считаетъ—врагъ онъ или другъ новаго—стоющимъ, серьезнымъ, настоящимъ дѣломъ. Интересуется онъ тѣмъ разрушительнымъ, злобнымъ, что несется съ правыхъ скамей, что гораздо болѣе указуетъ ему будущее «куда», чѣмъ законодатели, работающіе совмѣстно съ правительствомъ. Читаютъ не лѣвыхъ, не Милюкова и Шингарева, а читаютъ правыхъ, умѣренно-правыхъ, просто правыхъ и совершенно неумѣренныхъ правыхъ,—Гучкова, Бобринскаго и Мейендорфа. Съ большимъ интересомъ, чѣмъ соціалъ-демократовъ, читаютъ рѣчи Пуришкевича, Евлогія, Гололобова. Это понятно. Новыя, лѣвыя слова выговорены и, которыя вновь говорятся, не вибрируютъ прежнимъ воодушевленіемъ и темпераментомъ, люди партіи народной свободы занимаются не осадой власти, а стараются всемѣрно доказать свою способность работать совмѣстно съ правительствомъ,—а правыя слова все новѣютъ и свѣжѣютъ и все больше въ нихъ страсти и темперамента.

Я не хочу здѣсь разбирать, правъ ли читатель въ своемъ отношеніи къ Государственной Думѣ, и склоненъ думать, что она заслуживаетъ большаго вниманія, не только какъ преломленіе мнѣній, изъ которыхъ исходитъ истина, но и просто какъ учрежденіе, какъ Дума сама по себѣ. Какова бы она ни была, она все-таки новая линія въ русской архитектурѣ и не только узоръ орнаментики, но и клинъ, входящій въ старый дубъ. Она все-таки домъ на горѣ, высоко, все-таки мѣсто общественныхъ собраній. Пусть колокола сняты, и не только набатъ, но и колоколъ-благовѣстъ, и остался одинъ унылый перезвонъ великопостнаго колокола, призывающаго къ покаянію, къ духу «смиренномудрія, терпѣнія и любви», пусть оттуда по слову: «оглашенные, изыдите»!—ушли инородцы, ушли «оглашенные» — инославные, инако-вѣрующіе—и остались, за малымъ исключеніемъ, правильно вѣрующіе, т. е. соотвѣтствующіе видамъ правительства. Пусть незаконна самая вывѣска «Государственная Дума» на этомъ зданіи третьяго іюня, но она есть Дума, домъ на горѣ, новая линія, новый узоръ жизни. И можно

не раздѣлять оптимизма Маклакова объ экстерриторіальности залъ Таврическаго Дворца, въ которыхъ не трудно открыть подлинную русскую территорію, но и за всѣмъ тѣмъ именно на фонѣ современной русской архитектуры она представляется, быть можетъ, нѣсколько уродливымъ, но яркимъ, страннымъ и не могущимъ не привлекать вниманія пятномъ. Не люди, въ ней засѣдающіе, а сама она, какъ Дума, какъ обрывокъ разодранной ткани, сотканной революціей...

Быть можетъ, подкидышъ, но она несомнѣнная дочь революціи. И все-таки не участокъ, не «присутствіе», даже не земское собраніе и не Государственный Совѣтъ. Она все-таки Дума...

Я все это понимаю, но—мнѣ пришлось слѣдить за ней изъ-за границы—одного не понималъ я тамъ,—увѣреній октябристской и кадетской прессы, «Голоса Москвы» и «Рѣчи», что народное представительство все укрѣпляется, что конституція развертывается. Мнѣ казалось, что этими завѣреніями люди просто подбадриваютъ себя, чтобы не было страшно, и въ то же время пытаются напугать противника. Смотри,—вотъ онъ—я!..

Мнѣ думалось, наоборотъ, когда я читалъ окрики и угрозы, которыми встрѣчена была даже эта «соотвѣтствующая видамъ правительства» Дума, когда я читалъ, какъ, не смотря на ея существованіе, невозбранно развертывалось внѣдумское законодательство, какъ Амурская дорога фактически начала строиться раньше, чѣмъ Дума съ такимъ легкимъ сердцемъ узаконила ее, какъ третировали Думу зычные голоса: «Слава Богу, у насъ нѣтъ парламента!», какъ доморощенные государственные дѣятели, такъ превосходно устроившіе до-Цусимское государство, говорили о «доморощенныхъ законодателяхъ»,—какъ, съ другой стороны, предсѣдатель Госуд. Думы извинялся за то, въ чемъ долженъ былъ извиниться представитель правительства, какъ Дума ставила и снимала запросы,—такъ мало ставила и такъ быстро снимала, какъ она шагъ за шагомъ поступалась своими правами и рабски шествовала по стопамъ начальства и за 8 мѣсяцевъ своего существованія занималась только тысячью думушекъ, предлагавшихся на ея «уваженіе» правительствомъ, и не удумала ни одной серьезной думы изъ тѣхъ, которыхъ ждала и требовала отъ нея Россія,—мнѣ казалось, что самая идея народнаго представительства дискредитируется поведеніемъ думскаго большинства, что то отступленіе отъ 17 октября, которое совершается по всей линіи общественныхъ группъ, пославшихъ это большинство въ Государственную Думу, вполнѣ территоріально развертывается въ стѣнахъ Таврическаго Дворца и что изъ комбинаціи окриковъ и грубыхъ нарушеній правъ Думы сверху и изъ отступленія по всей линіи снизу, никоимъ образомъ не выходитъ укрѣпленія народнаго представительства и самой Государственной Думы, какъ Думы, какъ органа народнаго представительства.

Потомъ я понялъ. Это просто возвращеніе людей къ старой психологіи, къ ихъ обычной тактикѣ, къ испытанному, издревле установившемуся взаимоотношенію обывателя и власти. «Баринъ насъ разсудитъ»... Пріѣзда барина ждать нечего, онъ тутъ, рядомъ, въ видѣ объединеннаго министерства. Аттаки и осады власти, какъ не свойственные обывателю методы дѣйствія, оставлены, и принята болѣе приспособленная къ обывательской психологіи оппозиціонная тактика: «не мытьемъ, такъ катаньемъ».

Вотъ какъ въ былыя времена браки совершались въ купеческихъ семьяхъ. Случалось, женихъ слыхомъ не слыхалъ и видомъ не видалъ невѣсты, и жила она гдѣ-то за тридевять земель,—да и жениться ему еще совсѣмъ не хотѣлось,—не нагулялся еще съ полюбовницами, а ему невѣсту подсунули, окрутили да и обвѣнчали, можетъ быть, пьянаго. «Стерпится, слюбится»!..

Не столько слюбится, сколько стерпится. Мужъ сначала кричитъ: «уйди, постылая», полѣномъ дѣйствуетъ, цыкаетъ, при людяхъ честитъ... А понимающая жена свою линію ведетъ и постепенно и незамѣтно въ правахъ и вольностяхъ мужа ограничиваетъ. Нравъ мужній изучаетъ, вкусы его, блюда любимыя подставляетъ. Все поддакиваетъ, ластится, разстилается, а между прочимъ,—одинъ разъ рубликъ изъ жилетки утаитъ, а другой разъ изъ брюкъ полтинникъ, изъ верхняго платья два пятіалтынныхъ. Пріумножаетъ семейную кассу, бюджетъ упорядочиваетъ. И постепенно компанію около мужа налаживаетъ,—озорниковъ да гулякъ, что мужа на пропой и распутство склоняли, по маленечку, по женской хитрости оттираетъ, а собираетъ вокругъ него достойныхъ людей, хозяйственныхъ... А во благовременіи мужъ подъ башмакомъ оказывается и выходитъ бракъ, какъ бракъ, и супружество все укрѣпляется. Начинаютъ кругомъ поговаривать: «Обыгались, слава Богу, въ законѣ живутъ»...

Можетъ быть, такъ и будетъ. Въ семейной жизни это случается, но... Тверскіе люди разсказывали, — былъ у нихъ въ Твери докторъ, нѣмецъ, аккуратный, добросовѣстно ведшій бюллетень больного. Все ѣздилъ, все лѣчилъ и ежедневно писалъ въ бюллетенѣ: «лютше». А однажды пріѣхалъ и написалъ: «кончался». Бываетъ и такъ, что совсѣмъ ужъ, кажется, супружеское житіе наладилось, а глядишь, — неровенъ часъ — изъ-за какого-нибудь гривенника, на пропой понадобившагося, полѣно неладно угодитъ... И добрые люди благодушно скажутъ: «супруга скончалась»...

Но все-таки нужно писать о Думѣ... Куда же оно идетъ, ея большинство, задающее тонъ? По совѣсти они могли бы отвѣтить только одно: отъ революціи; но вопросъ: «куда»—для нихъ, по крайней мѣрѣ, такъ же теменъ, какъ и для оффиціальнаго правительства. Правда, у нихъ на вывѣскѣ стоитъ 17 октября, люди называются

октябристами, но ни надъ одной партіей такъ зло не посмѣялась жизнь, какъ именно надъ партіей 17-го октября. Собственно надъ вывѣской посмѣялась... Какъ партія, какъ среда, изъ которой рекрутировалась она, люди не возбуждали сомнѣній съ самаго момента, какъ объявились они октябристами; но вывѣска была «17-е октября» и были лозунги: «ни шагу впередъ, ни шагу назадъ». Гдѣ ужь впередъ, что ужь!..! Но 17-го октября,—и при томъ ни шагу назадъ... Безъ особаго напряженія фантазіи можно представить, какой ужасъ разлился бы на лицахъ подавляющаго большинства партіи, еслибы въ самомъ дѣлѣ жизнь не дѣлала шаговъ назадъ, еслибы манифестъ 17-го октября полностію воплотился въ русской жизни. Подлинная неприкосновенность личности, подлинная свобода слова, свобода печати, свобода союзовъ и собраній... «Ни одинъ законъ безъ одобренія Государственной Думы», и посему основные законы, какъ не прошедшіе чрезъ одобреніе Думы, отмѣняются, расширеніе избирательнаго права, а не суженіе въ смыслѣ 3-го іюня, благодаря которому октябристы только и прошли въ Думу...

Они идутъ отъ революціи, и они это твердо знаютъ и не только знаютъ, но и чувствуютъ, и чувство страха предъ призракомъ революціи кладетъ печать на всю психологію ихъ, на ихъ тактику, на поведеніе ихъ въ Думѣ. Дальше, дальше, какъ можно дальше... Представленный министерствомъ законопроектъ о неприкосновенности личности слишкомъ развязываетъ личность, слишкомъ мало связываетъ революціонера, нужно усилить его, больше связать личность—они усиливаютъ его. И этотъ страхъ передъ призракомъ революціи неуклонно предопредѣляетъ ихъ отношеніе къ проведенію въ жизнь 17-го октября. Какъ предоставить свободу печати, свободу слова, свободу собраній и союзовъ, вѣдь тогда опять вырвутся безумные революціонеры и снова заговорятъ безумныя рѣчи о принудительномъ отчужденіи, о націонализаціи, соціализаціи, муниципализаціи земли, о всеобщемъ избирательномъ правѣ, объ отвѣтственности министерствъ, о настоящей конституціи и опять договорятся до амнистіи и отмѣны смертной казни. Вѣдь они прекрасно знаютъ, что никакого успокоенія нѣтъ и никакого успокоенія не будетъ,—настоящаго успокоенія.

Такъ нельзя, такъ снова будетъ революція... Газеты удивлялись и иногда негодовали, что октябристы такъ робки въ своихъ запросахъ о дѣйствіяхъ генералъ-губернаторовъ, не дѣлаютъ никакихъ шаговъ къ отмѣнѣ исключительныхъ положеній, всякихъ охранъ, желѣзнымъ кольцомъ и крѣпкой веревкой опоясывающихъ Россію. Но какъ можетъ она, Дума, сама вышедшая изъ контръ-революціи, Дума чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ, Дума 3-го іюня, — протестовать противъ этихъ исключительныхъ законовъ и чрезвычайныхъ охранъ — какъ дѣтище будетъ пожирать мать, которая родила его?

Подобнымъ же образомъ въ газетахъ и въ широкихъ слояхъ

общества частью недоумѣвали, частью негодовали по поводу того, что Дума увязла въ болотѣ мелкихъ законопроектовъ, посыпавшихся на нее изъ министерствъ, и за восемь мѣсяцевъ своего существованія не удосужилась рѣшить ни одного дѣйствительнаго вопроса. Но какъ октябристы будутъ рѣшать большіе вопросы, когда сами не знаютъ, куда идутъ, когда ихъ основная задача, ихъ единственный символъ вѣры убѣжать отъ революціи и работать съ правительствомъ, которое само не знаетъ, идти ли къ Шварцу или къ Кауфману? И потомъ, повторяю, какъ они будутъ устанавливать свободу печати, бюджетное право, равноправіе евреевъ, всамомдѣлишнюю неприкосновенность личности, чтобы это было не смѣшно и не явно зазорно?

Было бы несправедливо сказать, что они не стремятся рѣшить никакихъ важныхъ вопросовъ—они отмежевали себѣ національный вопросъ, возрожденіе національнаго могущества. И это совершенно правильно съ ихъ точки зрѣнія. Это область, въ которую они могутъ укрыться отъ назойливыхъ внутреннихъ вопросовъ, это до извѣстной степени оправдываетъ ихъ передъ ихъ избирателями. И огромное количество времени, отданное Думой на это, объясняется не одной дѣйствительной важностью вопроса, но и спеціальной важностью его для нихъ, какъ политической партіи.

И характерная вещь,—работа шла не въ направленіи духа манифеста 17-го октября, а въ привычномъ и испытанномъ тонѣ стараго уклада. Быть можетъ, болѣе соотвѣтствовало бы принципамъ 17-го октября, принципамъ «права, а не силы», и болѣе приличествовало бы русской Государственной Думѣ отложить обсужденіе финляндскихъ государственныхъ дѣлъ, пока русское государственное устройство выльется въ опредѣленную форму, но пароль былъ данъ, и, за отсутствіемъ новаго пониманія государства, октябристы продолжали работать въ старомъ его пониманіи.

Въ старомъ пониманіи... Была забыта историческая фраза о нѣмецкомъ народномъ учителѣ, какъ побѣдителѣ французовъ во франко-прусскую войну, но она весьма убѣдительно была демонстрирована и подтверждена разгромомъ маленькою Японіей огромной Россіи. За три года тутъ всѣ слова выговорены и всѣ соображенія приведены, и дѣло стало ясно не только людямъ, засѣдающимъ въ Таврическомъ Дворцѣ, но и любому петербургскому швейцару и даже рядовому деревенскому крестьянину.

Не хуже ихъ зналъ причины и происхожденіе Цусимы и А. И. Гучковъ, но въ знаменитой рѣчи его по поводу военнаго бюджета дѣло обстояло необыкновенно просто. И совершенно изолированно отъ учителей и отъ конституціи и отъ всякихъ проклятыхъ внутреннихъ русскихъ вопросовъ... Стоитъ перестроить управленіе, только военное управленіе, укрѣпить власть объединеннаго неизвѣстно на чемъ министерства, и дѣло наладится, и Россія возродится къ новымъ побѣдамъ.

И въ этомъ ключъ къ объясненію всей тактики центра Государственной Думы, къ долгое время остававшемуся нѣсколько туманнымъ термину октябристовъ — «работа съ правительствомъ». Въ добавленіе къ опредѣленному отвѣту—«отъ революціи», можно будетъ добавить: туда, куда идетъ правительство, власть. И даже не правительство, а самый властный человѣкъ его. Пусть его собственное «куда» темно и неизвѣстно,—въ темное и неизвѣстное они сами идутъ,—но баринъ все разсудитъ, но важно, что онъ увѣренно говоритъ, что сумѣетъ уйти отъ революціи и спасетъ ихъ, напуганныхъ людей, отъ принудительнаго отчужденія земли и отъ отчужденія ихъ политическихъ правъ и вольностей. Нужно только укрѣпить барина и развязать ему руки. И они развязываютъ и укрѣпляютъ. Они дѣлаютъ невинное, младенческое лицо,—эти *взрослые* люди, превосходно освѣдомленные въ томъ, что дѣлается въ Россіи,—и со слезою въ голосѣ, краснорѣчиво увѣряютъ Россію, *что баринъ* чудесный человѣкъ и превосходно управляетъ, только его превосходныя намѣренія не вполнѣ точно и не вполнѣ *правильно* примѣняются на мѣстахъ его подчиненными. Съ старыми чувствами, съ древней психологіей, въ старое, привычное, насиженное мѣсто пришли эти мировые посредники третьяго призыва. Хоть мельница уже и развалилась, но именно туда влечетъ ихъ невѣдомая сила. Тамъ ихъ первая любовь, тамъ и послѣднія старческія вожделѣнія...

И съ старыми манерами... Частнымъ образомъ, съ задняго хода, чрезъ нужнаго человѣка, шопоткомъ,—какіе ваши виды? какъ прикажете, ваше высокопревосходительство? Не переставая, во все время сессіи Думы газеты полны были извѣстіями объ интимныхъ, закулисныхъ сношеніяхъ лидеровъ центра съ лицомъ, или съ лицами, какой-то простодушный депутатъ принесъ въ засѣданіе коммиссіи Государственной Думы якобы отъ себя законопроектъ, написанный и помѣченный въ канцеляріи соотвѣтствующаго министерства, другой простодушный южный депутатъ,—газеты не приводили его фамиліи,—объяснялъ нынѣшнимъ лѣтомъ своимъ избирателямъ, что хотя они, депутаты, и не успѣли въ Государственной Думѣ потребные законы установить, но за то много *частнымъ* образомъ сдѣлали,—гимназіи пооткрывали, разныя мѣстныя ходатайства удовлетворили... Да, Государственная Дума работаетъ съ правительствомъ...

И на всемъ протяженіи восьмимѣсячной законодательной работы Государственной Думы чувствовался указующій перстъ. Сюда входъ дозволенъ, а туда «постороннимъ входъ воспрещается». И Дума слушалась—ходила туда, куда дозволено, и не заглядывала, куда входъ воспрещается; и объ чемъ не полагалось говорить—молчала, а тамъ, гдѣ разрѣшалось, даже дерзостно говорила...

Да, есть Государственная Дума... Есть новая линія, ну хоть не клинъ, но во всякомъ случаѣ новый факторъ въ русской жизни.

Третья по счету... Основные законы, изданные за нѣсколько дней до открытія первой Государственной Думы, и быстро установившіеся виды правительства въ извѣстномъ смыслѣ предопредѣлили, какъ нѣчто неизмѣнное, митинговый характеръ дѣятельности Государственной Думы и невозможность ея законодательной работоспособности.

Было бы несправедливо отрицать всякій смыслъ въ дѣятельности третьей Государственной Думы,—въ митинговомъ смыслѣ она не менѣе работоспособна, чѣмъ первыя двѣ Государственныя Думы. Правда, старый центръ увялъ и лѣвыя скамьи опустѣли, и другіе агитаторы, и митинговые ораторы—октябристы. Бобринскіе и Пуришкевичи задаютъ тонъ митингу, но, быть можетъ, послѣ выговоренныхъ словъ стараго центра и лѣвыхъ, для просвѣтлѣнія Россіи не безынтересно и не безполезно выслушать новый центръ и примыкающихъ къ нему его друзей.

Есть одна существенная разница. Тѣ первыя Думы являлись, такъ сказать, всероссійскимъ учрежденіемъ и не только по правоспособности депутатскихъ мандатовъ, но и по непрерывавшейся связи съ широкими слоями населенія, со всей Россіей. Съ запертыми отъ публики и печати кулуарами, воспретивши наказы отъ избирателей, установивши свое октябристское отношеніе къ запросамъ, касающимся величайшихъ мукъ, испытываемыхъ русскими гражданами на мѣстахъ, эта Дума съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ обрубила свои корни и нити, корни отъ той почвы, изъ которой она выросла, нити, которыя сколько-нибудь связывали ее съ страной. Мимо русской жизни идетъ Дума, мимо Думы идетъ русская жизнь, и постепенно третья Государственная Дума перестала возбуждать интересъ въ населеніи и сдѣлалась, такъ сказать, петербургскимъ учрежденіемъ и постепенно восприняла старую психологію, тонъ и манеры до-революціонныхъ петербургскихъ учрежденій.

Тамъ всегда, издревле, были «виды правительства» и были «вѣянія», и такъ какъ «виды» и прежде не отличались прочнымъ фундаментомъ, архитектурной стройностью, то нерѣдко большую роль играли «вѣянія». Такъ и русскій обыватель понималъ, такъ и газеты отмѣчали,—не столько виды, сколько тѣ или иныя вѣянія. И третья Государственная Дума не безразличный факторъ въ области вѣяній.

Издревле и всегда происходила въ Петербургѣ борьба вліяній и вѣяній. Жила на Англійской набережной или на Сергіевской старуха, у которой были сосредоточены вліянія и вѣянія. Такъ и говорили—она все можетъ, къ ней запросто пріѣзжаютъ на чашку чаю... А въ другомъ мѣстѣ на Сергіевской или на Англійской набережной старикъ сидѣлъ и тоже дѣлалъ вѣянія,—всегда шла непрерывная борьба гостиныхъ и исходящихъ изъ нихъ вѣяній. Совсѣмъ было старикъ съ Англійской набережной подвелъ мину подъ министра

а старуха съ Сергіевской поворожила, и опальный министръ укрѣпился, а только что назначенный стариковскими вѣяніями министръ, благодаря старухиной контръ-минѣ, въ одно прекрасное утро за кофеемъ читаетъ въ газетахъ извѣстіе о своей отставкѣ.

Такъ и шло. Такъ и теперь идетъ... Явилась новая старуха и тоже вліяетъ и вѣетъ изъ Таврическаго Дворца. Тоже говорятъ о фаворѣ, запросто пріѣзжаютъ,—и не только чрезъ будуаръ въ укромную гостиную, но и на парадѣ показываются, въ кругломъ залѣ, и при гостяхъ виды правительства сообщаютъ. Говорятъ, старуха все укрѣпляется и силу забирать начинаетъ,—такъ сама она думаетъ, такъ увѣряютъ сановники, склоняющіе ее на любовь. Но и старикъ съ Михайловской площади крѣпкаго тѣлосложенія,—не дремлетъ, мины пускаетъ и въ сферахъ шепчетъ, что старуха крамольная, по женской линіи, изъ низкаго званія и даже еврейская кровь въ роду имѣется. Мое дѣло темное и въ придворныхъ вліяніяхъ я не свѣдущъ, можетъ быть, старикъ подкузмитъ, можетъ быть, старуха осилитъ, но со стороны кажется, что не старуха укрѣпляется, а старикъ въ силу входитъ...

Изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ за истекшіе три года, совершенно особнякомъ стоитъ законъ о разрушеніи общины и вся землеустроительная политика послѣдняго времени. Это единственная творческая идея, новая, не являющаяся продолженіемъ, повтореніемъ старыхъ мѣръ успокоенія, столь же новая и столь же «смѣлая и мужественная», какъ и сформированіе союза русскаго народа. И она не только успокоеніе, но и чисто государственная мѣра. Какъ мѣра успокоенія, логически она безупречна. Расщепить окончательно бывшую и раньше не компактною массу деревенскаго населенія, разбить и распылить связывавшее и организовывавшее общинное чувство и поставить на мѣсто его чистую борьбу классовыхъ интересовъ, внести междоусобную войну въ деревенскую околицу, въ низы государства,—безусловно смѣлая и съ извѣстной точки зрѣнія удачная мысль. Кое-гдѣ она уже принесла желанные результаты. Идетъ битва богатыхъ и бѣдныхъ, многосемейныхъ съ малосемейными, многоземельныхъ съ малоземельными и—я не знаю, насколько отвлекла она вниманіе деревни отъ помѣщичьей усадьбы,—но расщепленіе деревни, повидимому, развертывается.

Въ смыслѣ государственнаго строительства логически она сулитъ еще больше. Сформированіе «датскаго крестьянства», возникновеніе и воспитаніе священнаго чувства собственности, которымъ такъ бѣдна была деревенская Россія, и, наконецъ—и главное—крѣпкія подпорки шатающемуся дворянскому землевладѣнію, образованіе новаго землевладѣльческаго класса крѣпкихъ хозяйственныхъ мужиковъ... Мѣра экстренная и глубоко революціонная. Я помню, какія большія пренія и длинныя рѣчи происходили въ Государственномъ

Совѣтѣ по поводу проекта Витте—введенія винной монополіи. Теперь безъ Государственнаго Совѣта, почеркомъ пера, мановеніемъ руки проведена мѣра, огромная, безконечно болѣе сложная и важная, чѣмъ винная монополія. И практикуются чисто-революціонные методы,—своего рода комитетъ общественнаго спасенія. Посылаются экстренныя предписанія губернаторамъ, чтобы слѣдили, достаточно ли революціонны мѣстныя отдѣленія комитета—землеустроительныя коммиссіи; спрашивается, сколько земскій начальникъ разрушилъ общинъ и создалъ отрубныхъ участковъ, дознается, не противодѣйствуетъ ли старшина выходу изъ общины и закрѣпленію надѣльныхъ участковъ. Посылаются спеціальные эмиссары, повелительные, требовательные, подгоняющіе губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, чтобы шли быстрѣе, чтобы бѣжали разрушать общину и создавать отрубные участки.

Логически, въ смыслѣ государственнаго строительства мѣра безупречная,—распродадутъ въ немного лѣтъ свои закрѣпленные надѣльные участки маломощные крестьяне, скупятъ ихъ и сгрудятъ вокругъ себя крѣпкіе хозяйственные «отрубные люди», создастся новый классъ помѣщиковъ, который, какъ таковой, объединится въ классовыхъ интересахъ съ дворянскимъ помѣстнымъ слоемъ,—и создастся на мѣстахъ сильная организація, и скрутитъ она въ должномъ смыслѣ маломощнаго, малоземельнаго и безземельнаго мужика, который все мечтаетъ о принудительномъ отчужденіи...

Но, кромѣ логики, есть психологія, мудреная, сложная мужицкая психологія... Тридцать лѣтъ назадъ мнѣ пришлось служить земскимъ врачемъ въ деревнѣ, въ дворянской губерніи, въ сердцѣ житницы Россіи. И вотъ тогда знакомые помѣщики сообщали мнѣ удивительный фактъ,—съ нихъ мужикъ беретъ полтинникъ въ лѣтнее время за работу, а къ богатому мужику идетъ за сорокъ и даже за тридцать копеекъ. Я лечилъ и зналъ помѣщиковъ, кулаковъ и богатыхъ мужиковъ и мнѣ была ясна эта нелогичная психологія. Тамъ, у богатаго мужика, онъ у мужика, у своего человѣка, въ своей обычной обстановкѣ. Богатый мужикъ выжимаетъ изъ него потъ не хуже, а, можетъ, и лучше помѣщика, но рядомъ съ нимъ въ такомъ же поту работаютъ и хозяйскіе сыновья и хозяйскія беременныя снохи изнываютъ на жнитвѣ. И ѣда, можетъ, хуже, чѣмъ у помѣщика, но та же, что и у хозяевъ, и слова одни, и манеры одни и обхожденіе одно. Свои люди, здѣшніе, тутошніе, а иногда и родственники, свойственники, во всякомъ случаѣ—одно деревенцы, одной волости. Худо ли это, хорошо ли, но еще не успѣли тогда люди воспитаться въ чисто классовыхъ интересахъ и рѣзко обособляли *своего* кулака отъ помѣщика-кулака и даже не кулака, а благожелательнаго хорошаго человѣка, но помѣщика.

И было рѣзко различное отношеніе крестьянства къ землевла-

дѣнію того и другого, совершенно независимо отъ земельныхъ методовъ того и другого.

Въ деревнѣ два типа того слоя, который, не совсѣмъ справедливо, объединяется въ словѣ: «кулаки», и они довольно рѣзко различаются въ отношеніи къ нимъ крестьянства. Одни «шильники», лавочники, кулаки въ тѣсномъ смыслѣ, которые оперируютъ шильемъ-мыльемъ, лавкой, кредитомъ, куплей-продажей хлѣба, пуха, масла, яицъ, утокъ, гусей; неустойчивые люди въ деревнѣ, для которыхъ деревня—первоначальное накопленіе капитала и которые уходятъ оттуда, какъ только имъ открываются болѣе широкія перспективы. Они и землевладѣльцы, но покупаютъ землю только для спекуляціи, чтобы «охолостить» лѣсъ, выжать изъ земли два-три урожая и бѣжать дальше, холостить другія земли. Совершенно другой типъ *мужиковъ-богатѣевъ*, мужиковъ съ «купчей землей» въ средней полосѣ Россіи и казаковъ въ Малороссіи. Это люди, пришитые къ землѣ, которые никуда не уйдутъ съ нея, у которыхъ разъ пріобрѣтенную землю вы не «укупите», хотя бы, по вашему, давали и несуразную цѣну, и у которыхъ аппетитъ къ землѣ возростаетъ по мѣрѣ пріобрѣтенія ея,—именно тѣ крѣпкіе крестьяне, о которыхъ мечтаетъ правительство и которыхъ желаетъ положить оно въ главу угла будущаго государственнаго зданія, рядомъ съ дворянами-помѣщиками,—и объ нихъ я буду говорить.

Къ *ихъ* землевладѣнію крестьяне относятся совершенно иначе, чѣмъ къ землевладѣнію дворянства. На ихъ глазахъ возникало это земельное богатство. Разными путями оно складывалось, и не совсѣмъ чистыми,—кого нибудь обчистилъ, облапошилъ, а иногда и просто «прикончилъ»—и чистыми, на глазахъ мѣстныхъ жителей. Много мужиковъ въ семьѣ было, «къ году» приарендовывали у барина пустоши и отрѣзки, къ году снимали луга, къ году разводили капусту или бахчи, удачливая была семья и удачливо пользовалась при разложеніи дворянскаго землевладѣнія лѣсами, отрѣзками и пустошами и все прикупали и прикупали. И на глазахъ у всѣхъ работала семья, не покладая рукъ,—горбомъ наживалась земля, потомъ, трудомъ...

И во всякомъ случаѣ *не дадена* была, какъ помѣщику, когда то, зря, за какія-то неизвѣстныя мужикамъ заслуги, а иногда и извѣстныя да ужь очень нехорошія. И, случалось, крестьяне гордились своимъ земельнымъ богатѣемъ-мужикомъ, какъ гордятся люди всякимъ успѣхомъ человѣка своей среды, хотя и жметъ онъ ихъ, какъ слѣдуетъ крѣпкому, хозяйственному мужику; гордились, какъ басистымъ дьякономъ своей церкви, какъ камилавкой своего священника. Это давно было, но и теперь я получаю свѣдѣнія съ мѣстъ, что крестьяне къ дворянину помѣщику идутъ за полтинникъ, а къ своему, хотя бы и кулаку, за тридцать копеекъ.

Сложная, мудреная психологія... И въ вопросѣ, какъ сложатся взаимоотношенія будущихъ трехъ деревенскихъ группъ—помѣщи-

ковъ-дворянъ, крѣпкихъ хозяйственныхъ мужиковъ и освобожденныхъ отъ надѣльныхъ земель батраковъ—правительство можетъ жестоко просчитаться. Просчитаться—въ своемъ главномъ разсчетѣ—объединеніи интересовъ и психологіи новыхъ и старыхъ помѣщиковъ и разъединеніи новыхъ помѣщиковъ отъ батраковъ,—въ своей надеждѣ, что дымъ пожара потянетъ съ барской усадьбы на хозяйственнаго мужика... Политика бунтующаго рядового крестьянства,—выгонять своими средствіями помѣщика изъ усадьбы,—можно думать, сдѣлается именно политикой крѣпкихъ хозяйственныхъ мужиковъ. Аппетитъ приходитъ при ѣдѣ, и я не знаю, у кого больше жажда земли и земли—у голоднаго или у сытаго крестьянина. А предъ глазами сытаго мужика день и ночь торчать будетъ барская усадьба, съ самой лучшей землей, съ садомъ фруктовымъ, съ самыми лучшими угодьями, съ рѣкой и прудомъ, съ лугомъ и лѣсомъ...

Съ самаго освобожденія крестьянъ идетъ усиленная мобилизація дворянской собственности въ Россіи. Почему-то она плыветъ и плыветъ изъ дворянскихъ рукъ,—и словно какой-то рокъ тяготѣетъ надъ ней. Даже «мѣры воспособленія», направленныя именно на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія, всякія скидки и отсрочки, дворянскій банкъ и проч. и проч.,—почему-то, какимъ-то роковымъ образомъ,—только усиливали темпъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Революція дала новый огромный толчокъ. И вотъ, въ жизнь экономически ослабѣвшаго и морально угнетеннаго дворянства вдвигаютъ экономически сильную и морально крѣпкую силу отрубныхъ крестьянскихъ людей... Подразумѣвается, впрочемъ, что «жирѣть» и укрѣпляться они будутъ на счетъ «освобожденныхъ» надѣльныхъ участковъ, но думать, что новый микробъ питательнымъ бульономъ выберетъ только надѣльныя земли, нѣтъ никакихъ научныхъ основаній. Да, будетъ идти усиленная скупка крестьянскихъ надѣловъ, но, не говоря уже о нѣкоторыхъ психологическихъ неудобствахъ, которыя будутъ встрѣчаться на этомъ пути, самыя жирныя земли — дворянскія земли, и онѣ, въ томъ числѣ и знаменитыя «культурныя хозяйства», будутъ гипнотически привлекать къ себѣ жадные къ землѣ умы и сердца крѣпкихъ хозяйственныхъ мужиковъ. И, быть можетъ, именно эти новые люди деревни послужатъ сильнѣйшимъ факторомъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія..

И невольно является мысль: не поздно-ли? Не опоздала-ли нѣсколько эта государственная мѣра, пусть даже мудрая сама по себѣ, какъ мѣра успокоенія и какъ мѣра государственнаго строительства.

Года два спустя послѣ введенія института земскихъ начальниковъ мнѣ пришлось въ рубкѣ перваго класса волжскаго парохода присутствовать при любопытномъ разговорѣ. Высокій, плотный, су-

ровый старикъ, оказавшійся губернскимъ предводителемъ дворянства одной изъ восточныхъ губерній, съ большимъ возбужденіемъ критиковалъ введеніе этого института. Мнѣ запомнилась фраза его:

— Еслибы мы были мужественны и честны, мы должны были бы сказать государю: поздно! Теперь мы не въ силахъ взять на себя этой государственной функціи.

Онъ говорилъ, что имѣло бы смыслъ и резонъ, еслибы этотъ институтъ былъ введенъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, когда дворянство было еще экономически сильно и на мѣстахъ численно могущественно, а не теперь, когда дворяне разбѣжались изъ своихъ имѣній, или являются, въ существѣ дѣла, не собственниками своихъ имѣній, а управляющими отъ банковъ, въ которыхъ ихъ имѣнія заложены,—и съ негодованіемъ указывалъ, что въ своей губерніи ему съ губернаторомъ приходится пополнять кадры земскихъ начальниковъ всякими неудачниками, отбросами дворянства или отставными офицерами, не умѣющими отличать рѣпу отъ брюквы, и даже разночинцами,—даже телеграфными чиновниками...

Быть можетъ, незнакомый мой спутникъ нѣсколько сгустилъ краски, институтъ земскихъ начальниковъ благополучно дожилъ до нашихъ дней и, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ губерніяхъ не ощущаетъ нужды въ телеграфныхъ чиновникахъ для проведенія своей миссіи, но именно относительно закона 9 ноября можно поставить вопросъ: не поздно-ли? Быть можетъ, съ дворянской точки зрѣнія имѣло бы еще смыслъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ освободить надѣльныя земли, распылить общину и насадить постепенно институтъ новыхъ помѣщиковъ, который постепенно сливался бы въ своей психологіи съ психологіей старыхъ помѣщиковъ,—а теперь смысла мало. Съ 61 года успѣло бы вырости два поколѣнія, быть можетъ, выросли-бы къ настоящему времени священныя чувства собственности, быть можетъ, внуки тѣхъ крестьянъ ходили бы теперь во фракахъ и цилиндрахъ и не сидѣли бы въ Думѣ нелѣпыми правыми крестьянами, обнаруживающими лѣвыя чувства, какъ только дѣло касается волости, земли и вообще крестьянской жизни, а комфортабельно помѣщались бы въ самомъ великолѣпномъ конституціонномъ центрѣ, въ самой срединѣ его, между Гучковымъ и Гололобовымъ.

И тогда не было бы революціи. За огромное счастье освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьянство, быть можетъ, помирилось бы съ одновременнымъ насильственнымъ вторженіемъ въ другія области его жизни. Своевременно-ли, не поздно-ли, умно-ли— въ революціонное время взбудораженной мысли и приподнятаго чувства бросать такой разрывной снарядъ, какъ законъ 9 ноября? И большой вопросъ, какіе результаты на практикѣ будетъ имѣть пускай сама по себѣ превосходная мысль бросить кость, чтобы компактная масса перегрызлась между собой? Не обольщеніе-ли

думать, что въ это время и, благодаря этому, дворянинъ-помѣщикъ можетъ спокойно прогуливаться съ тросточкой по деревенской улицѣ? Нельзя-ли, наоборотъ, думать, что дальнѣйшее взбудораживаніе мысли и взвинчиваніе деревенской злобы, кромѣ благихъ результатовъ взаимнаго озлобленія, будетъ имѣть слѣдствіемъ и вообще ростъ озлобленія противъ всякаго мимо идущаго? Тутъ, конечно, начинается область предположеній, которыя пока нельзя аргументировать фактами, но одно, мнѣ кажется, можно поставить внѣ спора... Если успокоеніемъ считать именно успокоеніе, возвращеніе къ спокойной мысли и нормальному чувствованію, то законъ 9 ноября какъ будто нарочно придуманъ кѣмъ-то, врагомъ успокоенія, который стремился не позволять приходить въ норму народной мысли и чувству...

И еще въ большей мѣрѣ можно поставить этотъ же вопросъ: «не поздно-ли?» по отношенію къ закону 9 ноября, какъ къ мѣрѣ государственнаго строительства. Можно допустить, что новые отрубные люди долгое время не будутъ стремиться не только разрушать государственный строй, но даже и вмѣшиваться въ него,—пока правительство будетъ расчищать и шоссировать дорогу для ихъ побѣдоноснаго шествія, можно допустить, что они сумѣютъ «укоротить» бунтующую голытьбу, но, несомнѣнно, они укоротятъ, быть можетъ, даже скрутятъ въ бараній рогъ и дворянство. «Реальное соотношеніе силъ» на мѣстахъ весьма быстро измѣнится и есть полное основаніе думать, что имѣющіе явиться въ будущемъ, рядомъ съ разбѣжавшимися дворянами, управляющими имѣніями отъ банковъ и, такъ сказать, дачниками, пріѣзжающими въ свое имѣніе для воздуха и простокваши,—крѣпкіе и цѣпкіе мужики-помѣщики, которые неизбывно будутъ сидѣть на мѣстахъ, не позволятъ, чтобы на нихъ, какъ раньше на «общество» на «міръ», накладывали налоги, большіе, нежели на дворянъ, не позволятъ, чтобы была дворянская земская управа. И, быть можетъ, появленіе и ростъ этихъ отрубныхъ людей на мѣстахъ будетъ знаменовать ликвидацію не только дворянскаго землевладѣнія, но и дворянства, какъ политическаго фактора мѣстной жизни, дворянства, какъ правящаго класса.

И тутъ уже нужно будетъ ставить вопросъ не о томъ, не поздно-ли введенъ въ жизнь законъ 9 ноября, а куда, къ чему ведетъ онъ. Въ этомъ огромная часть отвѣта на общій русскій вопросъ: «куда»?

Представимъ себѣ исключеніе, счастливый островъ, одинъ уѣздъ, гдѣ или начальники и землеустроители особенно дѣятельны, или крестьяне особенно разумны и не упираются, какъ въ другихъ мѣстахъ, а сразу и всѣ поняли, что именно отрубная жизнь и есть рѣшеніе крестьянскаго вопроса, уѣздъ, гдѣ община распылилась,

крестьянскіе надѣлы совершили свою естественную эволюцію и уѣздъ сталъ «принципіально» чистымъ—состоящимъ изъ дворянъ, крѣпкихъ хозяйственныхъ мужиковъ, живущихъ отрубами, и изъ ютящихся около отрубовъ батраковъ... Деревни и села исчезли, вездѣ хутора и отруба и вездѣ правильное землепользованіе и правильное распредѣленіе крестьянской земли... Является вопросъ, что же замѣнитъ исчезнувшія формы жизни, и не только формы, но и то многообразіе функцій, которое лежало на старыхъ институтахъ общины, міра, волости? Что сдѣлается съ сельскимъ управленіемъ, съ сельской полиціей, съ волостью? Кто будетъ отправлять натуральныя повинности и «натурой» поддерживать мѣстную жизнь—дорожную, почтовую, судебную и всякую другую, которой только одинъ графъ Уваровъ не пользуется, но которыя для всѣхъ другихъ помѣщиковъ необходимая и неизбѣжная вещь? Какъ сложится тогда земское самоуправленіе? Конечно, можно будетъ распылить избирателей по цензамъ, малымъ, меньшимъ, большимъ, бóльшимъ, но если въ данномъ уѣздѣ окажется, при самыхъ остроумныхъ разъясненіяхъ, владѣніе и большими и малыми цензами въ большей части въ рукахъ крѣпкихъ, хозяйственныхъ мужиковъ,—что тогда будетъ съ земствомъ и съ остатками дворянства?

И не только съ земствомъ и съ мѣстной жизнью... Община — многоэтажный институтъ, соприкасающійся рѣшительно со всѣми сторонами не только мѣстной, но и государственной жизни, и община и волость давно несутъ многія чисто государственныя функціи—и податную, и военную. И многія изъ этихъ функцій предусматриваютъ не просто крестьянское населеніе, какъ таковое, а именно крестьянство, свернутое въ клубокъ общины. Какъ и кѣмъ будутъ отправляться эти функціи при обновленномъ строѣ распыленной общины?

Мало этого. Въ общинѣ, какъ таковой, несомнѣнно существуютъ чувства, не соотвѣтствующія видамъ правительства, но на фундаментѣ этой общины такъ или иначе государство покоилось цѣлыя столѣтія.

Какъ отразится на структурѣ самого государства это потрясеніе основы? Съ возникновеніемъ священныхъ чувствъ собственности и исчезновеніемъ вредныхъ общественныхъ чувствъ, — не возникнутъ ли новыя чувства, не создадутся ли новыя черты психологіи, не соотвѣтствующія видамъ правительства, и не исчезнутъ ли нѣкоторыя чувства и привычки мысли, которыя правительству выгодно было-бы сохранить, которыя такъ или иначе цементировали колосса на глиняныхъ ногахъ? Не будетъ-ли распыленіе общины и заселеніе Россіи отрубными людьми распыленіемъ дворянскаго землевладѣнія и фактическимъ уничтоженіемъ дворянства, какъ сословія, и даже разрушеніемъ существующаго строя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ?

Куда поведетъ осуществленіе закона 9-го ноября, куда пойдетъ

такъ обновленная Россія? Можетъ быть, на этомъ фактѣ яснѣе всего видно что Россія пойдетъ во всякомъ случаѣ не къ старому порядку жизни, не въ старый домъ уже потому одному, что изъ-подъ него вынутъ фундаментъ. «Куда»,—вопросъ огромной трудности и огромной сложности, требующій большого и серьезнаго размышленія...

И во всякомъ случаѣ не въ правительственныхъ предначертаніяхъ нужно искать отвѣтъ... «Смѣлость и мужество» не всегда соединяются съ государственнымъ предвидѣніемъ. И не только предвидѣніемъ, но и простымъ размышленіемъ. И потомъ «согласованность»... Законъ 9 ноября именно не согласованъ,—ни съ государственной архитектурой, которая по сіе время не вырисовалась въ сколько-нибудь ясныхъ очертаніяхъ, и по прежнему колеблется между «слава Богу, есть» и «слава Богу, нѣтъ», ни даже съ мѣстной архитектурой.

Вызывая къ жизни новыхъ отрубныхъ людей, правительство не приготовило для нихъ ни общественныхъ зданій, ни даже частнаго жилья. Повидимому, не было во время опубликованія закона, нѣтъ и сейчасъ просто никакихъ предначертаній правительства въ этой области. По крайней мѣрѣ, законопроектъ о мѣстномъ самоуправленіи, который, казалось-бы, долженъ быть выработанъ одновременно съ закономъ 9 ноября, уже разъ внесенный въ Думу, взятъ обратно и по сіе время скитается въ трущобахъ правительственнаго самоопредѣленія. И по сіе время неизвѣстно, какъ сложится земская реформа, сохранится ли старое обособленіе крестьянства или не сохранится. Эта мѣра не была результатомъ государственнаго размышленія, частью, которая входила бы въ общій государственный планъ,—она была мѣрой успокоенія, актомъ самообороны, вырванной и изолированной отъ государственныхъ плановъ,—революціонной мѣрой, не согласованной съ планами будущаго...

Революціонная мѣра...

Она дѣтище революціи, въ огнѣ и дымѣ революціи родилась она, революціонными методами проводится она въ жизнь,—и если потрясеніе основъ, государственный переворотъ, насильственное ниспроверженіе существующаго строя называть революціей, то эта мѣра есть истинная революція и по существу гораздо болѣе революціонна, чѣмъ знаменитое принудительное отчужденіе, поставленное въ рамки кадетскаго проведенія въ жизнь.

Когда мальчишки играютъ въ снѣжки, это не очень опасно, и разбитые носы—единственное серьезное послѣдствіе, которое можно предвидѣть въ результатѣ игры... Когда взрослые люди съ высокой горы катятъ снѣжный комокъ, изъ этого могутъ получиться послѣдствія, которыя не всегда легко предвидѣть...

И даже мужественные люди, пускающіе снѣжный комъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, не всегда могутъ предвидѣть,—

ни размѣры, какіе приметъ снѣжная лавина, ни даже направленіе, по которому пойдетъ она.

Можетъ оказаться, что, вопреки предначертаніямъ, она пойдетъ не по лѣвому ущелью, а по правому, можетъ оказаться она такихъ размѣровъ, что снесетъ не только вредныя въ санитарномъ отношеніи ветхія избушки, но и крѣпкіе дома съ желѣзными крышами и вполнѣ культурныя хозяйства...

Въ ряду безконечно огромнаго числа вопросовъ и недоумѣній, связанныхъ съ стремленіемъ разрушить общину, встаетъ большой, огромный вопросъ: что дѣлать съ безработными?.. Не съ безработными, число которыхъ все растетъ, выбрасываемыми промышленными предпріятіями, и не съ тѣми, которыхъ давно уже деревня выбрасывала на рынокъ, а съ той колоссальной массой будущихъ безработныхъ, которые будутъ освобождены отъ земельныхъ надѣловъ, если землеустроительная политика вопреки крестьянской косности будетъ давать плодотворные результаты, соотвѣтствующіе видамъ правительства и энергіи, которую оно затрачиваетъ въ эту сферу своей дѣятельности. Въ одномъ изъ старыхъ разсказовъ Эртеля товарищъ прокурора по политическимъ дѣламъ на вопросъ любимой имъ дѣвушки, что же дѣлать съ политическими, отвѣчалъ: «а мы ихъ на Сахалинъ»... Приблизительно съ такимъ же яснымъ челомъ одно время рѣшался вопросъ въ правительственныхъ сферахъ объ аграрной нуждѣ: «а мы ихъ въ Сибирь»,— но теперь, повидимому, и правительство рѣшило, что Сибирью аграрный вопросъ гораздо труднѣе рѣшить, чѣмъ Сахалиномъ вопросъ о бунтующей интеллигенціи.

И есть, конечно, другіе отвѣты: въ батраки къ старымъ помѣщикамъ, въ батраки къ новымъ помѣщикамъ... Но если старые помѣщики до сего времени не охотно хозяйничали съ собственнымъ инвентаремъ и батраками и предпочитали сдавать землю въ аренду крестьянамъ, то разсчитывать на новыхъ помѣщиковъ, какъ потребителей батрацкаго труда, въ ближайшемъ будущемъ еще труднѣе. Новые помѣщики долгое время будутъ мужиками и будутъ пользоваться землей сами до насыщенія мускульныхъ силъ своей семьи, до труда беременныхъ снохъ включительно. Сомнительно, чтобы около нихъ кристаллизовалась батрацкая периферія и вѣроятно, какъ и до сихъ поръ, богатѣи будутъ «принанимать» тѣ же бродячіе мускулы, — «отъ Егорія до Покрова», которые вполнѣ освобождаются отъ надобности «отъ Покрова до Егорія». Есть еще отвѣтъ, быть можетъ, самый главный, — въ городъ, на фабрику....

Такъ во всѣхъ прочихъ Европахъ въ аналогичномъ случаѣ дѣлалось и, быть можетъ, не вполнѣ сознательно, но именно этотъ государственный отвѣтъ и мелькалъ въ головахъ людей, придумав-

шихъ такое обновленіе Россіи. Тамъ все такъ превосходно устроилось,—и землепользованіе вылилось въ устойчивыя и пріятныя формы культурныхъ хозяйствъ, и промышленность процвѣла...

Можетъ быть... Но, по справедливому свидѣтельству свѣдущихъ людей, заграничные цвѣтки какъ-то трудно и не всегда удачно пересаживаются на русскую почву... Въ томъ числѣ и промышленность... Какъ-то и почему-то попытки завоевать заграничные рынки кончаются китайскими и персидскими неудачами, какъ-то и почему-то приходится ей разсчитывать вопреки другимъ европамъ только на внутренній рынокъ. Почему то она по сіе время напоминаетъ не заграничный «на чугунныхъ рельсахъ поѣздъ длинный», а все ту же удалую, но безпутную русскую тройку, которая такъ неровно ѣдетъ и такъ легко ломаетъ оси и колеса о невидимыя препятствія русскихъ дорогъ... Самоубійства и частичныя экспропріаціи,—тотъ путь, куда, повидимому, направляются теперешніе безработные,—не насытитъ, конечно, и не используетъ огромную массу будущихъ безземельныхъ безработныхъ.

Строго говоря, идти некуда. Но, конечно, они пойдутъ куда-нибудь. Куда? Кто знаетъ?..

Тамъ вверху есть кто-то лукавый и хитрый,—быть можетъ, цѣлое преступное сообщество, имѣющее филіальныя отдѣленія на мѣстахъ,—кто страшно боится тишины и успокоенія, кто опасается, что люди сядутъ подъ свою смоковницу, уйдутъ отъ политики къ своимъ будничнымъ дѣламъ и кто планомѣрно и всемѣрно заботится, чтобы политика пропитала всю Россію, всѣ слои населенія, всѣ области, даже самыя отдаленныя, русской жизни.

Нельзя теперь жить внѣ политики, нельзя самому благомысленному человѣку, желающему только порядка и спокойствія, заниматься только своей смоковницей, уйти отъ политики. «Ты опредѣли себя, ты становись направо или налѣво, ты записывайся»...

— Ты чего кобенишься? Люди записываются, — а ты что за принцъ такой?

Околоточный надзиратель обращается къ мелкимъ торговцамъ, къ хозяевамъ маленькихъ мастерскихъ, къ дворникамъ, извозчикамъ съ предложеніемъ записываться въ союзъ русскаго народа. Разно рѣшаютъ они... Крупный околоточный изъ Петербурга циркуляромъ по ввѣренному ему управленію оповѣщаетъ: «записывайся»... Училищный совѣтъ одного изъ уѣздовъ Курской губерніи постановляетъ, съ меньшинствомъ двухъ голосовъ, объявить народнымъ учителямъ ввѣреннаго ему, совѣту уѣзда, что имъ, народнымъ учителямъ, не возбраняется записываться въ союзъ русскаго народа,—что въ переводѣ съ иностраннаго знаменуетъ—записывайся!..

Передъ рабочими мастерской, а иногда и цѣлаго завода ставится вопросъ,—или уходи въ ряды безработныхъ, безхлѣбныхъ людей

или записывайся... Нельзя среднему благомыслящему крестьянину въ глухой деревнѣ жить по старинѣ, вдали отъ Петербурга, отъ видовъ правительства, отъ политики,—министры говорятъ ему: «ты какъ-нибудь опредѣляй себя,—въ смыслѣ-ли общины или въ смыслѣ отрубныхъ участковъ,—либо самъ готовь колъ, либо посматривай, какъ-бы кто-нибудь тебя коломъ». Записывайся въ землеустроительную коммиссію...

Нельзя старому типу захолустнаго русскаго священника, смиренно вѣрующему, тихо въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги живущему, смиренно вѣрить, въ мѣру своего разумѣнія и своей души учить прихожанъ Христову ученію. Ты записывайся, ты рѣшай, вносить-ли окровавленныя знамена русскаго народа въ твой старый храмъ, къ ветхимъ смиреннымъ хоругвямъ, подъ которыми столько тихихъ молитвъ нашептано, столько смиренныхъ слезъ выплакано... Ты устраивай приходъ орловскаго епископа Серафима, ты записывайся въ новую христіанскую вѣру протопопа Крючкова, протопопа Восторгова, волынскаго архіепископа Антонія, саратовскаго Гермогена, миссіонера Айвазова, или снимай свою священническую и священную для тебя рясу и уходи,—куда?—въ монастырь на покаяніе, къ старообрядцамъ, а то и въ тюрьму и въ ссылку.

Разно рѣшаютъ люди этотъ вопросъ. Есть указанія, что люди записываются, есть указанія, что люди выписываются, и, чего больше, я не берусь рѣшать, но не это интересуетъ меня. Я хочу указать только, что теперь нельзя жить въ сторонѣ, въ кельѣ подъ елью, что нельзя никому, ни въ одной области русской жизни, уйти отъ политики, и, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше эта политика захватываетъ русскихъ людей,—даже непривычныхъ къ ней.

И именно это называется успокоеніемъ, водвореніемъ тишины. Не отмѣненныя слова манифеста 17-го октября и развертывающаяся рядомъ русская законность перевернули всѣ общественные слои, произвели величайшую сумятицу мысли и чувствъ. Люди такъ или иначе опредѣляются, записываются. Канцеляріи губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ полны доносами. Управляющій доноситъ на своего барина, экономка на барыню, лакей на господина, баринъ на мужика, священникъ на помѣщика, старшина на священника, помѣщикъ на старшину и священника—всѣ и на всѣхъ.

Успокоеніе... Изъ министерства народнаго просвѣщенія несется окрикъ: вы что, господа студенты, присмирѣли? Наукой вздумали заниматься? Проблемы пола рѣшаете? Такъ нельзя,—это не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, это ни съ чѣмъ не согласовано. И вы, господа профессора не вздумайте заниматься только наукой, своими лекціями, вы выписывайтесь и записывайтесь... И принимается рядъ мѣръ, чтобы студенты не уходили отъ политики въ лабораторіи.

А кругомъ воровство, грабежъ открытый, голый, наглый, въ

Москвѣ, въ Кіевѣ, на желѣзныхъ дорогахъ, во всѣхъ управленіяхъ. Тоже успокоеніе, логика успокоенія...

На дняхъ на одномъ изъ южныхъ рудниковъ свидѣтель даетъ показанія по увѣчному дѣлу.

— Былъ какой-нибудь надзоръ за работами въ рудникѣ? — спрашиваетъ судья.

— Никакъ нѣтъ, надзору не было.

Судьѣ было очень важно выясненіе этого пункта и онъ обстоятельнѣе спрашиваетъ—былъ ли надзоръ за производствомъ работъ на рудникѣ, за соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Обстоятельный и серьезный свидѣтель отвѣчаетъ:

— Надзору не было. . Есть одинъ полицейскій, только онъ этого не касается. Онъ для усмиренія тишины...

И правительство въ центрѣ и мѣстные органы *этого* не касаются. «Надзора» нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ всѣ силы заняты усмиреніемъ тишины. И политика не одного г. Шварца можетъ быть опредѣлена этими словами: «усмиреніе тишины»...

Кромѣ министровъ—Столыпина и Шварца, кромѣ октябристовъ и союза русскаго народа, кромѣ истинно-русской Россіи и истинно-русскаго народа есть просто Россія и просто русскій народъ...

Куда идетъ просто Россія, подлинный русскій народъ, низы государства, крестьянство и рабочіе,—именно толща населенія? Изъ всѣхъ русскихъ вопросовъ несомнѣнно этотъ – самый крупный и самый сложный, такъ какъ, не въ примѣръ всѣмъ прошлымъ временамъ, въ первый разъ низы явственно и демонстративно вышли на русскую историческую сцену.

И самый мудреный вопросъ... Кто знаетъ?... Извѣстія, идущія съ низовъ, такъ темны и такъ смутны и при теперешней свободѣ печати такъ мало отражаются ею. Сообщенія, идущія съ мѣстъ отъ свѣдущихъ людей, такъ разнорѣчивы и такъ густо окрашиваются субъективизмомъ свѣдущаго человѣка... Говорятъ объ огромномъ недавно вспыхнувшемъ профессіональномъ движеніи и проявившейся въ немъ стихійной тягѣ къ организованности, говорятъ объ огромной жаждѣ серьезнаго настоящаго знанія, которая наблюдается теперь у рабочихъ и у передового крестьянства. Говорятъ о проснувшемся запоздаломъ интересѣ крестьянства къ земскимъ дѣламъ. Говорятъ о многомъ другомъ, организующемъ и творческомъ, что съ тяжкими усиліями пробивается сквозь толщу правительственнаго успокоенія... Но говорятъ и о глубокомъ разочарованіи въ томъ, чѣмъ люди недавно были очарованы, — не о паденіи идеи народнаго представительство, — повидимому, первая Государственная Дума и теперь окружена въ народѣ особеннымъ ореоломъ,—а о томъ, что вкратцѣ выражается крестьянствомъ: «какую хорошую Думу ни собери, ее все равно разгонятъ, а барская, господская Дума ничего не сдѣлаетъ»... Говорятъ о разочарованіи рабочихъ пролетарскихъ слоевъ въ своихъ учителяхъ

жизни, въ недавнихъ властителяхъ ихъ думъ, именно за то, что они толкали пролетаріатъ на легальный закономѣрный путь народнаго представительства, говорятъ о возвращеніи крестьянства отъ диктованнаго имъ ихъ учителями жизни того же законодательнаго легальнаго пути къ старымъ стихійнымъ своимъ средствіямъ...

Пестры и разнорѣчивы поступающія съ мѣстъ свѣдѣнія и о воплощеніи въ жизнь закона 9-го ноября, и о томъ, что дѣлается теперь въ деревнѣ. Повидимому, безпристрастно и объективно можно установить «прогрессивность» южнорусскаго крестьянства и соотвѣтствующіе видамъ правительства достаточные выходы изъ общины, которая тамъ не существовала или представлена была весьма слабо, и «косность», отсталость и несоотвѣтствіе видамъ правительства коренныхъ центральныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ губерній, гдѣ община была сильна. По крайней мѣрѣ, на-дняхъ Владимірская губернія получила выговоръ сверху за свое массовое противодѣйствіе выходу изъ общины.

Повидимому, все то, чѣмъ полна русская жизнь за послѣдніе два года,—отсутствіе какого бы то ни было закона, какого бы то ни было порядка въ жизни, весь объемъ и характеръ успокоенія,—кровавый туманъ, застилающій всю русскую жизнь, туманъ, въ которомъ жизнь человѣка такъ легко отдается и такъ легко отнимается, насилія, заполонившія русскую землю, — успѣли оказать свое дѣйствіе на психологію народныхъ массъ и — кто знаетъ? — быть можетъ, предустановили ближайшую ихъ тактику.

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, прямыхъ указаній, несомнѣнныхъ массовыхъ фактовъ для того, чтобы судить о настроеніи народныхъ массъ, объ *ихъ законопроектахъ*... Кто знаетъ? Народъ молчитъ и думаетъ... Кто знаетъ, о чемъ онъ думаетъ, какую ближайшую платформу и тактику намѣчаетъ онъ въ усмиряемой тишинѣ успокоенія? Приходится вращаться въ области предположеній и гаданій, исходить изъ тѣхъ, немногихъ, но несомнѣнныхъ фактовъ, которые выросли и уцѣлѣли отъ ликвидаціи и отъ успокоенія за послѣдніе три года.

Такъ недавно озорной человѣкъ, въ утѣсненіи своихъ правъ и вольностей, кричалъ въ глухой провинціи: «я до губернатора дойду, до министра!..» И, когда онъ хотѣлъ окончательно сразить своего утѣснителя и укрѣпить себя въ мысли, что у него есть мѣсто, куда бы онъ могъ прійти, крѣпчайшее безапелляціонное мѣсто, онъ кричалъ: «я до святѣйшаго правительствующаго сената дойду»... Поразительно быстро ушелъ онъ отъ святѣйшаго правительствующаго сената въ Таврическій дворецъ, и это массовое, охватившее всю Россію движеніе къ первой Государственной Думѣ,—въ видѣ наказовъ, въ видѣ ходоковъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и несомнѣнныхъ фактовъ русской дѣйствительности, свидѣтельствующихъ между многимъ другимъ о пошатнувшейся, очевидно, и раньше увѣ-

ренности въ несомнѣнности и крѣпости стараго центра, привычнаго мѣста.

Въ разныя мѣста уходилъ народъ отъ стараго мѣста, темный и безпомощный, твердо опознавшій только одно, что отъ стараго мѣста ему нечего ждать. Онъ кидался въ своихъ поискахъ всюду, гдѣ ожидалъ что-нибудь найти.

Охотнорядская Москва, еще помнящая охотнорядское избіеніе въ 70-хъ годахъ «студентишекъ», посылала въ существѣ дѣла ихъ, тѣхъ, которыхъ избивала, въ первую и вторую Государственныя Думы. Такъ недавно скручивали руки къ лопаткамъ студентишкамъ въ деревняхъ, а потомъ стали имъ письма писать, телеграммы посылать, мірскія подводы отправлять.

«Ваше высокопревосходительство»,—писали крестьяне одного села Житомірской губерніи—«господа студенты, мы, нижеподписавшіе, которые крестьяне—земледѣльцы села Л., Житомірской губерніи, просимъ мы васъ и со слезами, что мы теперь одни, какъ трава безъ хозяина на полѣ пропадаетъ, въ понятіе войти не можемъ, какія дѣла дѣлаются, и что съ того будетъ понять очень желательно и необходимо, а паны и все начальство очки втираютъ, свою линію ведутъ, отъ насъ настоящую правду скрываютъ, такъ что приступу нѣтъ и узнать никакъ ничего нельзя, а прогадать боимся, какъ бы чего не вышло и желательно знать, какъ поступать въ этомъ дѣлѣ всему народу. А какъ мы слышимъ всегда, что только господа студенты всегда желаютъ хорошо дѣлать для простого народу, то слезно васъ просимъ прислать котораго подходящаго, чтобы мы понять все могли и проѣздъ на нашъ щетъ, а также и все содержаніе. И если пришлете намъ телеграму, то на станцію дороги можемъ съ радостью встрѣтить хоть всѣмъ селомъ и съ великимъ удовольствіемъ, и если пріѣдете тайно, то какъ прикажете».

Даже «высокопревосходительство». Только что не прибавлено «святѣйшее»... Но, можетъ быть, это случайный смѣшной эпизодъ, можетъ быть, народъ снова ушелъ отъ интеллигенціи,—умные люди всегда говорили, говорятъ и теперь о разобщенности народа съ интеллигенціей, можетъ быть, охотнорядцы вернулись къ своей охотнорядческой психологіи и старому міропониманію, можетъ быть, обманувшій широкія ожиданія Таврическій Дворецъ снова повернулъ людей къ старому привычному мѣсту святѣйшаго правительствующаго сената?

Да, за студентами не посылаются въ ближайшій уѣздный городъ мірскія подводы и агитаторы не пропагандируютъ и не агитируютъ съ высоты крыльца волостного правленія, нѣтъ ходу въ деревни пятачковымъ брошюрамъ, излагающимъ государственныя проблемы. Разно, конечно, можно объяснять эти факты,—возможно, что просто не желаютъ больше читать и слушать, возможно, что брошюрки прочитаны и «простыя рѣчи» агитаторовъ выслу-

шаны, что азбука пройдена, начатки образованія восприняты и теперь народъ читаетъ по печатному и дѣлаетъ выводы изъ начатковъ образованія... Образованіе идетъ, воспитаніе продолжается... Есть и митинги союза русскаго народа, есть и агитаторы съ правыхъ скамей Таврическаго Дворца. И теперь идетъ предметное обученіе, преподаются предметные уроки, правильно поставленные, широко и глубоко поучительные. И на мѣстахъ,—въ союзѣ русскаго народа, въ административной практикѣ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ и землеустроительныхъ коммиссій, и наверху—въ дѣятельности министровъ, въ работахъ «господской» Государственной Думы. Серьезными предметными уроками былъ роспускъ первыхъ Государственныхъ Думъ и новый избирательный законъ 3-го іюня.

Какіе выводы дѣлаетъ народъ изъ предметныхъ уроковъ, которые каждый день преподаются ему? И потомъ, главное,—забыты-ли новыя слова, такъ недавно выслушанныя, и не воротились-ли люди къ старымъ, давнимъ словамъ? Исчезли-ли изъ сердецъ новыя чувства, такъ ярко вспыхнувшія, и не водворились-ли на ихъ мѣсто старыя привычныя чувства, прежняя психологія? Кто знаетъ? Можно сказать только одно, что нѣтъ явныхъ случаевъ воскрешенія старыхъ чувствъ и нѣтъ указаній, чтобы народная волна повернула къ старому мѣсту. Извѣстны случаи записыванія рабочихъ отдѣльныхъ мастерскихъ и заводовъ, кое-гдѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ союзъ русскаго народа и совершенно неизвѣстны случаи вступленія въ союзъ русскаго народа не подъ вліяніемъ голода, не по увѣщаніямъ резины и циркуляровъ, добровольнаго вступленія людей по велѣніямъ ихъ совѣсти и разума. И смѣются или безнадежно машутъ рукой теперь люди въ глухой провинціи, когда ихъ убѣждаютъ дойти до губернатора или до министра или даже до сената. И правые крестьяне, припечатанные печатью союза русскаго народа и монархическихъ организацій, какъ только поднимаются въ Думѣ вопросы земли, деревни и волости, не обнаруживаютъ желанья идти къ старой волости, къ прежней деревенской жизни.

Народу нельзя уходить отъ новаго, народу не отъ чего уходить... Всѣ нужды его, все горе, всѣ вопросы его жизни, которые поднялись съ самаго дна и наполнили до краевъ чашу революціи, стоятъ въ прежней остротѣ,—вѣчныя голодовки, непосильное платежное бремя, безграничная нищета, безпредѣльное угнетеніе,—и всѣ эти вопросы земли и воли стоятъ предъ нимъ, только еще болѣе голые, обнаженные, болѣе всѣмъ ясные. И народу некуда уходить... У него были свои мѣста: міръ-община, церковь и вѣра, государство,—но если ничего не разрушено, то все нарушено,—понятіе о государствѣ, старая вѣра безъ политики, старозавѣтный міръ... Революціонная буря пронеслась снизу, революціонная буря несется на него сверху, и дрожитъ до основанія его старый домъ.

Ему некуда идти. А идти надо, надо искать и устраивать новое мѣсто. Если справедливо сказалъ Достоевскій, что всякій человѣкъ долженъ имѣть мѣсто, куда бы онъ могъ придти, то это втройнѣ справедливо по отношенію къ цѣлому народу, въ особенности русскому народу, у котораго и раньше было такое холодное, неуютное, непривѣтливое, гиблое мѣсто.

Куда онъ пойдетъ—кто знаетъ? Только не въ старый домъ, не въ прежнее мѣсто. Не къ старымъ понятіямъ, не къ старымъ чувствамъ....

Не въ старое мѣсто, не къ прежнему укладу жизни,—къ измѣненію, къ перестройкѣ существующаго строя въ не отдаленномъ будущемъ—таковъ единственно правильный отвѣтъ на вопросъ,—куда идетъ Россія. Не по волѣ агитаторовъ, не изъ-за козней революціонныхъ организацій, не по волѣ государственныхъ дѣятелей, не вѣдающихъ, что творятъ, не изъ-за правыхъ разрушителей, а изъ всей совокупности русскихъ условій, изъ логики жизни, изъ того сдвига геологическихъ пластовъ, который съ геологической неотразимостью перемѣщаетъ верхи и низы и властно диктуетъ разрушеніе существующаго государственнаго строя даже людямъ, стоящимъ на стражѣ его... За геологической необходимостью стоятъ, конечно, и усилія людей, людей сверху и людей снизу.

Строго говоря, если ограничиться короткимъ періодомъ послѣдняго времени,—съ открытія 1-й Государственной Думы, то на вопросъ «куда»? слѣдовало-бы отвѣтить: никуда... Жизнь толчется все на томъ-же мѣстѣ, все крутится около того-же 17-го октября. Какъ запруженная вода... Подойдетъ къ плотинѣ, назадъ уйдетъ, закружится широкими кругами, а потомъ опять къ плотинѣ... Нѣтъ достаточныхъ основаній говорить, что Россія идетъ отъ революціи, нѣтъ достаточныхъ указаній, что она идетъ къ революціи, и, можетъ быть, наиболѣе справедливо будетъ сказать, что Россія остается въ революціи...

И, быть можетъ, болѣе интересенъ вопросъ,—не куда?—а когда,—и какъ?

С. Елпатьевскій.

На очередныя темы.

Кто начнетъ?—Кто началъ...

I.

Разспрашиваю знакомаго о томъ, что творится въ деревнѣ. Все то же... Новости, пожалуй, имѣются, но въ нихъ мало новаго. Новость, напримѣръ, — хуторяне... Но это—не «хозяйственные мужички», не новый фундаментъ для соціальнаго зданія.

— Самый несчастный народъ... Хуже дарственниковъ... Трудно даже представить себѣ, какъ они жить будутъ...

«Новость» вотъ тоже—шпіоны и предатели, которыхъ такъ много расплодилось за послѣднее время въ деревнѣ. Можно сказать:

Что день, то братъ на брата
Въ орду несетъ извѣтъ...

Но, вѣдь, это уже сказано про злыя времена татарщины...

Все то-же... И нѣтъ никакого просвѣта. Нигдѣ жизнь не просочилась сквозь преградившую ее плотину. Пусть это была бы даже маленькая струйка, пусть она нашла бы себѣ выходъ совсѣмъ не въ то русло, въ какое намъ хотѣлось бы русскую жизнь направить... Но напрасно мы всматриваемся: ничего такого не видно.

— Что же думаютъ крестьяне?—спрашиваю я.

— Ждутъ.

— Чего?

— Кто начнетъ...

Слово «ждутъ» въ послѣдніе годы часто слышалось и слышится въ сообщеніяхъ изъ деревни. Одно время оно имѣло, казалось, достаточно опредѣленный смыслъ: «ждутъ, что скажетъ Дума». И это продолжалось довольно долго. Даже, когда собиралась третья Дума, кое-гдѣ, повидимому, продолжали еще ждать въ этомъ смыслѣ: «не скажетъ ли чего»... Теперь, казалось бы, все и всѣми «сказано»,—и все-таки «ждутъ». Не всѣ, конечно... Нѣкоторые мечутся, иногда прямо лѣзутъ въ западню или въ петлю. Но въ массѣ своей крестьянство продолжаетъ занимать, какъ выражаются обыкновенно корреспонденты на этотъ счетъ, «выжидательную позицію». Даже странно какъ то: его бьютъ, а оно «выжидаетъ»...

Не крестьянство только... Странная неподвижность и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная податливость—это сейчасъ наиболѣе характерныя черты коллективной психологіи. Невольно иной разъ

задаешься вопросомъ: что это?—растерянность или отчаяніе? Осматриваются ли люди и соображаютъ, или же безсмысленно ждутъ, когда придетъ ихъ очередь сѣсть въ тюрьму или лечь въ могилу? Не можетъ-же, вѣдь, быть, чтобы страна послѣ того, что уже пережито, опять наполнилась толпою «здѣ предстоящихъ и молящихся, ожидающихъ отъ него великія и богатыя милости»...

Мой собесѣдникъ вложилъ въ слово «ждутъ» совсѣмъ иной смыслъ. Я не знаю, насколько точны его наблюденія (само собой понятно, ограниченныя) и насколько его обобщеніе удачно. Я даже думаю, что оно во всякомъ случаѣ грѣшитъ излишнею отчетливостью. Многіе изъ тѣхъ, кого онъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, даже не сознаютъ, что они «ждутъ», и тѣмъ болѣе не даютъ себѣ отчета, чего именно. Но въ безсознательныхъ глубинахъ народной психики, какъ мнѣ кажется, есть это ожиданіе: кто-то гдѣ-то начнетъ... Можетъ быть, еще болѣе смутное: что-то гдѣ-то начнется...

Но если бы даже и не было такого субъективнаго чувства, то, вѣдь, объективная логика вещей неизбѣжно ведетъ къ этому: кто-нибудь долженъ начать... И кто-нибудь, несомнѣнно, начнетъ...

Я говорю: кто-нибудь долженъ начать... Реакція—не японцы, которые, не дойдя даже до Харбина, согласились на дружественное посредничество. Нѣтъ!—реакція съ революціей въ мирные переговоры не вступитъ. Она не только отберетъ (да и отобрала уже) всю, вновь занятую было демократіей, территорію, но и вторгнется въ прежніе предѣлы русской общественности. Она постарается изничтожить всѣ ея зачатки. Лишь слѣпые и безпамятные люди могутъ думать, что реакція, дойдя до извѣстнаго предѣла, сама собой остановится и что затѣмъ начнется мирное сожительство и даже сотрудничество общественныхъ силъ съ самодержавною бюрократіею.

Развѣ реакція остановилась прошлый разъ? Не продолжалась ли она отъ одной освободительной эпохи до другой,—вплоть до того момента, когда ей самой пришлось начать отступленіе? И не замедляла ли она свой ходъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда натыкалась на сопротивленіе? Припомните самые крупные шаги, какіе ею за все это время были сдѣланы. Несомнѣнно, что таковыми слѣдуетъ считать новое земское и городовое положеніе и законъ о земскихъ начальникахъ, сведшіе въ своей совокупности почти на нѣтъ все мѣстное самоуправленіе. И эти акты были проведены на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ, т. е. въ самую глухую пору, когда о «крамолѣ» прекратились даже слухи. Съ другой стороны, припомните моментъ, когда реакція готова была ударить отбой... Это было въ разгаръ борьбы, предпринятой маленькой, но самоотверженной кучкой...

И развѣ есть какіе либо признаки, что на этотъ разъ реакція сама собой окончится? Какъ ни далеко она уже зашла, однако ни

малѣйшаго утомленія въ ея вдохновителяхъ и исполнителяхъ не замѣтно. Не осуществивъ одной задачи, они уже поставили передъ собой другую, не завершивъ «успокоенія», они уже принялись водворять «законность». Но, и заковавъ насъ въ кандалы, которые до революціи были узаконены, они своего дѣла не кончатъ: эти кандалы они еще усовершенствуютъ. Предстоятъ, какъ извѣстно, «реформы»... И напрасно, думается мнѣ, наивные люди опасаются, чтобы послѣднія не были забыты. Нѣтъ!—реформы будутъ... Отомстивъ за прошлое и увѣрившись въ настоящемъ, правительство, несомнѣнно, пожелаетъ обезпечить себя и въ будущемъ. Для того же, чтобы это будущее было безмятежно, не о кандалахъ только придется ему подумать. Для этого мало сломить волю народа, нужно еще подчинить его умъ и покорить его сердце. И реакція не усумнится такую задачу себѣ поставить. Да она уже и поставлена. Прочитайте, напримѣръ, хотя бы послѣдній циркуляръ «объединеннаго» правительства по продовольственному дѣлу.

Обращаю вниманіе гг. губернаторовъ на то,—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ—что принятіе даже рѣшительныхъ мѣръ взысканія продовольственныхъ долговъ является безусловно необходимымъ не только потому, что пополненіе истощенныхъ продовольственныхъ капиталовъ обезпечитъ продовольственную потребность населенія въ случаѣ неурожая въ послѣдующіе годы, но еще въ большей степени для моральнаго воздѣйствія на крестьянъ, необходимость коего вызывается укоренившимся у населенія воззрѣніемъ на продовольственныя ссуды, какъ на безвозвратное пособіе изъ казны. Немедленное же взысканіе продовольственныхъ ссудъ наглядно укажетъ населенію на ихъ долговой характеръ и разрушитъ создавшееся у крестьянъ ложное представленіе о ссудахъ, какъ о пайкѣ, даваемомъ безвозвратно *).

Подписали: Столыпинъ и Коковцевъ. Видите: не деньгами только они озабочены (это само собой); «еще въ большей степени» они желаютъ поднять нравственность народа, разсѣять его заблужденія и... такимъ образомъ обезпечить безнедоимочное въ будущемъ поступленіе платежей и сборовъ. Правда, пора бы, кажется, русскому правительству убѣдиться, что голодающихъ этому учить все равно, что мертваго лечить. Но уроки жизни оно воспринимаетъ по-своему. Какъ и подобаетъ реакціи, наоборотъ ихъ понимаетъ.

Практика прошлыхъ лѣтъ—говорится въ томъ же циркулярѣ—показала, что неуспѣшность взысканія въ большинствѣ случаевъ вовсе не находилась въ зависимости отъ пониженія платежеспособности мѣстнаго населенія вслѣдствіе неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, а обусловливалась полнымъ бездѣйствіемъ учрежденій и чиновъ, вѣдающихъ, въ силу закона, взысканіе поясненныхъ платежей.

Вотъ что «показала практика»... Наблюдая, какъ «чины» разъѣзжаютъ со стражниками и казаками по деревнямъ, мы ду-

*) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 26 августа.

мали, что они правежомъ занимаются, а оказывается, что это было «полное бездѣйствіе». По общему мнѣнію, платежныя силы населенія понижаются вслѣдствіе неурожаевъ, а оказывается: ничуть... Еслибы циркуляръ подписывалъ гр. Витте, то, быть можетъ, онъ еще вставилъ бы при этомъ: «народные прибытки возрастаютъ»... Воспринимая уроки жизни по своему, русское правительство и «для моральнаго воздѣйствія» на населеніе, конечно, свои особыя «реформы» предприметъ. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ вмѣсто того, чтобы лишнюю копейку въ народномъ карманѣ на черный день оставить, оно, наоборотъ, послѣднюю оттуда выжметъ,—благо г. Коковцевъ разсмотрѣлъ, что эта «послѣдняя копейка» гдѣ-то еще шевелится. Едва-ли нужно говорить, какъ много времени нужно, чтобы голодающихъ выучить исправной уплатѣ податей по этой методѣ.

Между тѣмъ и кромѣ нихъ учить многихъ придется. Нужно подучить солдатъ (и они не тверды оказались); нужно подтянуть чиновниковъ (за «бездѣйствіе»); главное же, нужно воспитать подростающее поколѣніе: въ немъ, вѣдь, будущее... Чтобы овладѣть его мыслями и чувствами, реакція, конечно, много своихъ «обратныхъ» реформъ предприметъ...

И все-таки — скажетъ, быть можетъ, читатель — успѣха не достигнетъ... Да... Но, вѣдь, рѣчь у насъ идетъ не о томъ, что реакція всѣ свои вожделѣнія удовлетворитъ. Этого никогда не бывало и въ данномъ случаѣ, конечно, не будетъ. Суть въ томъ, что реакція сама по себѣ конца имѣть не будетъ. Кто-нибудь долженъ положить ей конецъ. Но еще раньше кто-нибудь долженъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ начало.

И, несомнѣнно, это начало кто-нибудь сдѣлаетъ... «Выждать», когда прекратятся сыплющіеся на насъ удары нельзя, но и жить подъ усиливающимися все время ударами невозможно. Сколько бы ни было терпѣнія, рано или поздно оно истощится. Не у всѣхъ, конечно, сразу. Но въ томъ или иномъ пунктѣ побѣдоносно шествующая реакція наткнется, наконецъ, на сопротивленіе. Кто-либо изъ бѣгущихъ остановится,—и гипнозъ общаго бѣгства исчезнетъ...

Рано или поздно—сказалъ я. Въ этомъ, конечно, вся суть. Въ прошлый разъ реакція длилась, какъ было уже упомянуто, десятки лѣтъ. Подобно евреямъ, вышедшимъ изъ Египта, мы сорокъ лѣтъ, по освобожденіи отъ крѣпостного права, блуждали по пустынѣ, прежде чѣмъ подошли къ землѣ обѣтованной. Мнѣ кажется, однако, что даже потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ овладѣть ею, мы уже не вернемся въ пустыню, какъ не вернулись въ нее евреи, не смотря на упорное сопротивленіе, какое имъ оказали хананеяне; не вернемся, хотя бы уже потому только, что обѣтованную землю мы видѣли, чуть-чуть въ нее не вступили. Теперь уже

Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна...

Мы видѣли ее всѣмъ народомъ... Раньше только Моисей и Ааронъ твердили намъ о ней. Съ недовѣріемъ масса относилась къ ихъ разсказамъ, сказками казались они ей. О египетской жизни старики вспоминали, о египетскомъ хлѣбѣ сожалѣли,—и богамъ египетскимъ больше, чѣмъ Моисею съ Аарономъ, вѣрили. Но за сорокъ лѣтъ старики повымерли и въ воспоминаніяхъ теперь достаточно живы лишь опрѣсноки. Никому и въ голову теперь не придетъ сказать: «вернемся въ Египетъ!» Всѣ понимаютъ, что если возвращаться назадъ, то придется вернуться въ пустыню.. Впереди же какъ никакъ земля обѣтованная.

Ропотъ противъ Бога, который вывелъ изъ Египта, и сейчасъ слышенъ. «Сдѣлаемъ себѣ другихъ боговъ»—кричатъ малодушные. Спѣшно бросаютъ они въ огонь драгоцѣнности и уже бѣснуются около отлитыхъ такимъ образомъ идоловъ. Едва-ли однако ихъ примѣръ увлечетъ на этотъ разъ массу Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ дать послѣдней уродцы, которыхъ они на скорую руку изготовили? Вѣдь даже египетскаго хлѣба ихъ кумиры не обѣщаютъ. Во всякомъ случаѣ, не долго этимъ кумирамъ увѣровавшіе въ нихъ кланяться будутъ. Богъ не замедлитъ явиться въ громѣ и молніи. Появится опять и Моисей со скрижалями...

Слишкомъ быстро подвигается и слишкомъ далеко уже зашла реакція, чтобы она могла длиться такъ же долго, какъ прошлый разъ. Она отбросила уже насъ въ эпоху казней, ко временамъ Малюты Скуратова; все чаще приходится вспоминать намъ про времена татарщины; не кажется уже намъ страннымъ и дикимъ даже вопросъ о самомъ существованіи русской государственности. При данной быстротѣ попятнаго движенія, нѣтъ, вѣдь, ничего мудренаго, что варяги и безъ зова явятся...

Дѣло, однако, не въ темпѣ только, но и въ отправныхъ точкахъ. Въ прошлый разъ реакція настигла народъ, успѣвшій пріобрѣсти какъ-никакъ нѣкоторыя реальныя блага: свободу въ домашнемъ быту и мірскихъ дѣлахъ, независимый судъ, земское самоуправленіе... Реакціи было что отбирать, но и народу было съ чѣмъ тянуть, прежде чѣмъ сдѣлать выборъ между революціей и кладбищемъ. Что у него есть теперь? Я не говорю о новыхъ пріобрѣтеніяхъ которыя были получены только на бумагѣ, да и на ней уже вычеркнуты. Какія реальныя блага сохранились изъ тѣхъ, которыми народъ уже пользовался? Свой домъ? — но въ немъ хозяйничаетъ стражникъ... Свой міръ? — но въ немъ вершитъ дѣла земскій начальникъ... Земство?—но въ немъ засѣли зубры... Судъ?—но онъ уже превращенъ въ расправу... Реакція, конечно, найдетъ, что отбирать. Но съ чѣмъ народъ будетъ «ждать»,—я не знаю...

Въ прошлый разъ хроническія голодовки начались черезъ три

десятка лѣтъ послѣ того, какъ реакція приступила къ дѣйствіямъ. Хроническій кризисъ въ промышленности обнаружился въ концѣ четвертаго ея десятилѣтія. Теперь и кризисъ, и голодовки мы имѣемъ съ самаго начала. То, что тогда было для реакціи началомъ конца, то теперь является для нея исходной точкой. Но отъ этой точки до конечнаго предѣла, очевидно, не такъ, чтобы очень далеко...

Напомню однако, что мы не о самомъ «концѣ» говоримъ, а только о его началѣ. Вопросъ въ томъ: будемъ ли мы еще долго падать все ниже и ниже, или скоро начнемъ, хотя бы и медленно, опять подниматься на гору? По ровному мѣсту, какъ я уже сказалъ, намъ идти не придется.

И если подъемъ, какъ я думаю, не можетъ быть далеко, то кто положитъ ему начало? Уже теперь съ тревогой приходится ставить этотъ вопросъ. Да, не только съ нетерпѣніемъ, но и съ тревогой: будетъ ли это начало удачно? Удержится ли тотъ, кто остановится? не сорвется ли онъ и не упадетъ ли еще глубже?

Кто началъ въ прошлый разъ?

Ставя этотъ вопросъ, я знаю, что начальная дата русской революціи до сихъ поръ остается спорной. Одни склонны считать за таковую смерть Плеве, другіе—банкеты, третьи—рабочее шествіе. Но теперь, когда мы можемъ оглянуться на пройденный путь съ нѣкотораго разстоянія, не трудно, какъ мнѣ кажется, согласиться, что подъемъ начался гораздо раньше. Онъ чувствовался уже въ 1903 г., хотя бы на съѣздахъ, которые засѣдали тогда въ Петербургѣ (на Пироговскомъ и дѣятелей по техническому образованію), или на писательскихъ ужинахъ, не прекращавшихся втеченіе цѣлаго сезона, не смотря на то, что самовластье въ лицѣ Плеве достигло, казалось, своего апогея. Въ 1902 г. происходившій въ народѣ подъемъ заявилъ о себѣ въ полтавскихъ и харьковскихъ крестьянскихъ безпорядкахъ, — совершенно неожиданныхъ и далеко не вполнѣ тогда оцѣненныхъ. Годомъ раньше произошли всѣмъ памятныя событія: уличное движеніе въ Москвѣ и демонстрація учащейся молодежи около Казанскаго собора въ Петербургѣ, встрѣтившая, какъ извѣстно, самый живой откликъ, какъ въ трудовой массѣ, такъ и въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Но и эти событія не стояли отъ прошлаго особнякомъ, не были началомъ: они находились въ связи съ большой студенческой забастовкой 1899 года,— своего рода прообразомъ русской революціи въ пережитой уже ея части. По каламбуру, который приписывался тогда петербургскому митрополиту, воспользовавшемуся для него фамиліями трехъ министровъ (Боголѣповъ, Побѣдоносцевъ и Горемыкинъ), «молодежь начала боголѣпно, продолжала побѣдоносно и окончила горемычно». Дальнѣйшія событія, какъ мы уже знаемъ, показали, что это не былъ конецъ... Но это не было и начало. Не говоря уже о сту-

денческихъ безпорядкахъ, которые и раньше происходили почти регулярно черезъ каждые два года, можно напомнить большую рабочую забастовку 1896 года въ Петербургѣ, воочію показавшую интеллигенціи, что она не одинока въ борьбѣ, что она можетъ найти широкую и надежную опору для своихъ стремленій. Но и это не было начало. Въ поискахъ за нимъ нужно идти еще дальше. Минуя многіе факты, въ томъ числѣ и безсмысленныя мечтанія, неожиданно откуда-то появившіяся, напомню общественное возбужденіе, вызванное голодомъ 1891 г. Русское общество впервые вышло тогда изъ апатіи, сковывавшей его втеченіе цѣлаго десятилѣтія. Многіе склонны считать именно этотъ годъ поворотнымъ въ исторіи русской общественности. Но я думаю, что и это было бы ошибкой.

Кромѣ обывательскаго самочувствія, обществовѣдѣніе имѣетъ и другіе инструменты для наблюденій. Самый точный изъ извѣстныхъ до сихъ поръ - это статистика, своего рода сейсмографъ для наблюденія движеній, происходящихъ въ обществѣ. Если мы обратимся къ его записямъ, то увидимъ, что онъ отмѣтилъ начало подъема уже тогда, когда всѣ мы думали, что безудержно летимъ въ какую то бездонную пропасть. Десять лѣтъ тому назадъ, когда о какомъ-либо подъемѣ немногіе рѣшались не только говорить, но и мечтать, эти записи привлекли мое вниманіе. Пользуясь нѣкоторыми цифровыми данными, я указалъ тогда, *) что въ одномъ, по крайней мѣрѣ, изъ уголковъ народной души происходитъ несомнѣнное и все наростающее оживленіе, начало котораго относится къ концу 80-хъ годовъ, т. е. къ самой глухой, казалось бы, порѣ безвременья. И послѣ того,—по мѣрѣ появленія другихъ соотвѣтствующихъ данныхъ, я не разъ упоминалъ въ своихъ статьяхъ объ этихъ «молекулярныхъ», совершенно незамѣтныхъ для невооруженнаго статистическими счетами наблюдателя, происходившихъ подъ поверхностью общественной жизни, движеніяхъ, которыя предшествовали для всѣхъ очевидному подъему, завершившемуся прямо взрывомъ 1905 года. Сказать, кто началъ движеніе въ этомъ его видѣ, а это значило бы указать, какая изъ частичекъ первой пришла въ движеніе,—едва-ли возможно. И по отношенію къ будущему ставить вопросъ въ этомъ смыслѣ—кто начнетъ?—было бы, пожалуй безцѣльно. Несомнѣнно, что «молекулярная» работа и сейчасъ происходитъ въ народѣ,—и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что она идетъ уже въ интересующемъ насъ направленіи. Возможно, что мы уже проглядѣли начало въ этомъ смыслѣ, а если не проглядѣли, то едва-ли его замѣтимъ. Быть можетъ, только потомъ вооруженные болѣе точными данными изслѣдователи отмѣтятъ, когда произошелъ первый приливъ бодрости въ нѣмѣющемъ организмѣ. Но и они, быть можетъ, не смогутъ разграничить послѣднихъ конвульсій того,

*) „Изъ исторіи читателя". „Жизнь", 1899 г., май.

что было, отъ первыхъ проявленій того, что будетъ,—такъ незамѣтно одни смѣнятся другими.

Вернемся, однако, къ пережитому подъему. Онъ не былъ неуклоннымъ. Все время мы шли, какъ выражаются въ такихъ случаяхъ военные писатели, по пересѣченной мѣстности: то поднимались на холмъ, то спускались опять внизъ,—временами, казалось, прямо проваливались. Поэтому-то такъ долго и не замѣчали подъема. Только теперь, оглядываясь съ извѣстнаго разстоянія, ясно видишь, что, не смотря на провалы, мы поднимались все выше и выше. Многіе изъ спусковъ, удручавшихъ насъ въ свое время, теперь даже не замѣтны. Но нѣкоторые «провалы» въ коллективной психологіи до сихъ поръ памятны.

Мнѣ лично особенно памятенъ изъ нихъ одинъ, до извѣстной степени, какъ мнѣ кажется, похожій—не по размѣрамъ, конечно, а по своимъ очертаніямъ,—на тотъ, въ какомъ мы теперь очутились. Весною 1899 года студенческое движеніе, являвшееся въ тѣ времена чуть-ли не единственнымъ «оказательствомъ» таившагося въ странѣ соціальнаго и политическаго недовольства, достигло небывалой высоты. Но «боголѣпно начатое» оно, какъ я уже упомянулъ, «окончилось горемычно». Разслѣдованіе Ванновскаго дало въ итогѣ нуль.

Горе-мыкали мы прежде,
Горе-мыкаемъ теперь,—

пѣла молодежь въ одной изъ пѣсенъ, появившихся въ то время. Хуже того. Попытки ея въ слѣдующемъ учебномъ году напомнить о себѣ привели къ «временнымъ правиламъ» о солдатчинѣ. Положеніе создалось безвыходное: молодежь оказалась передъ непреодолимой силой, и притомъ одна, безъ союзниковъ. «Общество», обнаружившее весной 1899 г. готовность оказать ей поддержку, хотя бы косвенную (въ видѣ бойкота «Новаго Времени» и т. п.), притаилось, струсило. Всѣ попытки расшевелить его, вызвать изъ его среды откликъ, оказались безрезультатными. Была между прочимъ затѣяна коллективная петиція объ отмѣнѣ временныхъ правилъ, но при всѣхъ усиліяхъ подъ нею было собрано до смѣшного ничтожное число подписей,—меньше, чѣмъ было отдано студентовъ въ солдаты. Даже на такую поддержку «отцы» оказались неспособными.

Можетъ быть, это была не трусость,—такъ же, какъ нельзя, быть можетъ, назвать трусостью то уклоненіе отъ борьбы, которое является столь характернымъ для коллективной психологіи переживаемаго теперь момента. Уклоняются люди, конечно, изъ чувства самосохраненія, но пугаетъ ихъ, можетъ быть, не столько тюрьма, ссылка и даже разстрѣлъ, сколько ихъ безрезультатность,—нерѣдко только видимая безрезультатность, но тѣмъ не менѣе очень сильно дѣйствующая въ нѣкоторые моменты на людскую психику.

Какъ бы то ни было, создалось до-нельзя гнетущее настроеніе. Такъ же, какъ и теперь: совершенно ясное сознаніе, что такъ жить нельзя, и въ то же время полное отсутствіе какой бы то ни было активности. Особенно тяжелъ былъ первый мѣсяцъ 1901 года: до Рождества еще были попытки борьбы, на вакаціи молодежь разъѣзжалась съ мечтами о ея возобновленіи; собрались, однако, безвольные, придавленные. «Отцы повліяли», — какъ говорили тогда.

14-го февраля раздался выстрѣлъ Карповича... На студентовъ этотъ фактъ произвелъ до нельзя сильное впечатлѣніе. Немедленно же была назначена демонстрація на 19 февраля у Казанскаго собора. Потому ли, что этотъ срокъ былъ недостаточенъ для технической подготовки, или новое настроеніе не успѣло оформиться, но демонстрація оказалась совершенно неудачной: собралась кучка въ 200—300 человѣкъ, ихъ загнали во дворъ, переписали и потомъ выслали. Про эту демонстрацію мало даже кто слышалъ. На 4-е марта было назначено ея «продолженіе». Уже наканунѣ объ этой новой демонстраціи повсюду говорили съ тревогой, а къ концу этого дня она взбудоражила чуть-ли не весь Петербургъ. Молодежь шла, зная, что ее будутъ бить; нѣкоторыя курсистки плакали, прощались другъ съ другомъ,—и все-таки шли. Сковывавшее всѣхъ чувство - была ли то трусость или боязнь безцѣльной жертвы— сразу исчезло. Били, дѣйствительно, нещадно. Въ тотъ же день вечеромъ появился извѣстный протестъ 44 писателей,—первый именной протестъ изъ среды общества. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ «оказательствъ», единоличныхъ и коллективныхъ. И я не сомнѣваюсь, что въ числѣ лицъ, подписывавшихъ эти протесты и требованія, были и такія, которыя за два мѣсяца передъ тѣмъ не рѣшились подписать очень скромную петицію. Такъ измѣнчива коллективная психологія...

Вспоминается мнѣ и другой «провалъ»,—не столь, быть можетъ, общій, но тоже характерный. Это было, когда началась война съ Японіей, когда на улицахъ появились патріотическія манифестаціи съ царскими портретами и трехцвѣтными флагами. Въ либеральномъ лагерѣ готова была начаться—да и началась уже—паника. Многіе склонны были думать, что движеніе къ свободѣ—а въ томъ, что оно началось, можно было уже не сомнѣваться,—должно теперь оборваться. Поднимается, казалось, совсѣмъ другая волна, способная смыть и потопить насъ со всѣми нашими идеалами. И тогда же явилось это, столь характерное для переживаемаго нами теперь момента, стремленіе ухватиться за чуждую и даже враждебную свободѣ силу, въ надеждѣ такимъ образомъ удержаться. Напомню, что г. Струве, напримѣръ, который теперь такъ вдохновенно проповѣдуетъ въ «Русской Мысли» лозунгъ: «Великая Россія», уже тогда изъ Штутгардта въ «Освобожденіи»

совѣтовалъ намъ кричать: «да здравствуетъ свобода и армія!» Да, уже тогда—правда, съ перепугу, какъ и теперь,—желалъ онъ сочетать либерализмъ съ національнзмомъ, вступить въ компромиссъ съ казеннымъ патріотизмомъ. Уже въ то время обнаружилась щель, которая такъ рѣзко потомъ раздѣлила освободительную армію на сторонниковъ непримиримой борьбы и охотниковъ во всякій подходящій и даже неподходящій моментъ вступить въ переговоры. Трудно сказать, въ какой уже тогда мы оказались бы ямѣ, еслибы война съ Японіей оказалась для насъ побѣдоносной или, по крайней мѣрѣ, не столь позорной. Жертвы, которыя пришлось бы принести въ этомъ случаѣ народу, были бы, конечно, не меньше, положеніе было бы еще хуже. Нѣтъ, однако, ничего мудренаго, что, не смотря на это, довольно многіе и видные потомъ дѣятели освобожденія разошлись бы по «лигамъ обновленія флота» и начали бы работать надъ поддержаніемъ русской «великодержавности», къ чему они обнаруживаютъ такую склонность теперь... Но японцы были слишкомъ стремительны въ своемъ натискѣ, почвы, подходящей для достаточно быстраго расцвѣта казеннаго патріотизма, не оказалось; и сторонникамъ борьбы удалось предотвратить готовую разыграться панику. Даже дезертировать успѣли немногіе. 27 января началась война, 15 іюля умеръ Плеве... Начался новый подъемъ, еще болѣе быстрый.

Да, «проваловъ» и, тѣмъ болѣе, спусковъ было много. Многіе изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, теперь не видны, всѣми почти позабыты. Напримѣръ, 1905-й годъ мы склонны вспоминать, какъ годъ неуклоннаго и быстраго подъема. Въ дѣйствительности же это былъ годъ многихъ колебаній въ коллективной психологіи. Сколько разъ казалось, что всѣ силы исчерпаны, сколько разъ появлялось желаніе въ болѣе или менѣе обширныхъ кругахъ остановиться, начать переговоры и даже въ случаѣ чего удариться въ бѣгство. Но неожиданно приходили вѣсти: примкнули новыя силы, сдѣланы новые шаги,—и вновь возрождалась надежда подняться выше. Насколько эти вѣсти были подчасъ неожиданны, — достаточно, я думаю, напомнить хотя бы про «Потемкина Таврическаго». Для того же, чтобы показать, насколько колебанія по охватываемой ими площади бывали обширны, напомню хотя бы про отношенія къ законосовѣщательной Думѣ 6 августа. Обнаружилось чуть не общее желаніе ухватиться за нее: все равно, дескать, выше не подняться. Не такое же ли желаніе проглядываетъ и теперь въ отношеніяхъ къ господской Думѣ 3 іюня: ухватимся, дескать, чтобы не упасть еще ниже...

Да, мы шли все время по «пересѣченной» мѣстности. Это даетъ право нѣкоторымъ думать, что и теперешній упадокъ въ общественномъ настроеніи является ни больше, ни меньше, какъ однимъ изъ многихъ спусковъ, какіе уже попадались намъ по дорогѣ. Правда, онъ кажется черезъ-чуръ для этого глубокимъ и длитель-

нымъ, но—говорятъ—и предыдущій подъемъ былъ, вѣдь, не въ мѣру высокій и быстрый. Не будь привходящихъ обстоятельствъ—японской войны — мы, конечно, не скоро поднялись бы до точки 1905 года: вѣроятно, на нѣсколько холмовъ намъ пришлось бы взобраться и съ нѣсколькихъ спусковъ мы должны были бы спуститься. Благодаря же японской войнѣ, мы сразу взбѣжали и сразу же теперь скатимся. А потомъ будемъ двигаться, какъ двигались раньше, поднимаясь послѣ каждаго паденія все выше...

Въ медицинѣ такой именно видъ имѣетъ до кризиса температурная кривая брюшного тифа: за ночь температура падаетъ, а за день поднимается и притомъ съ каждымъ днемъ до болѣе высокой точки. Для этого имѣются, конечно, свои причины. Вѣроятно, имѣются свои причины и для колебаній въ настроеніи народа, котораго голодъ заставляетъ стремиться къ свободѣ. Не будемъ, однако, замѣченный нами фактъ возводить въ законъ. Не будемъ и угадывать, какой видъ кривая общественнаго настроенія получитъ въ ближайшемъ будущемъ: поднимется ли она уже въ слѣдующій разъ выше 1905 года или ей понадобится сдѣлать нѣсколько подъемовъ, чтобы превзойти уже достигнутую точку...

Напоминая о «спускахъ» и «провалахъ», я хотѣлъ сказать лишь одно. Будетъ время, когда столь удручающія насъ паденія—даже такое глубокое, какое мы сейчасъ переживаемъ,—покажутся малозначительными, а нѣкоторыя и вовсе сдѣлаются незамѣтными. Оглядываясь на путь, пройденный нашими предками и нами, наши потомки совершенно ясно увидятъ, что эта дорога поднималась все выше и выше.

Таковъ будетъ въ исторической перспективѣ путь, которымъ русскій народъ шелъ и идетъ къ свободѣ и соціальному миру. Начало этого пути теряется въ исторической дали. Самые вопросы: «кто началъ?» «кто начнетъ?»—съ этой точки зрѣнія представляются праздными. Русскій народъ началъ это восхожденіе, онъ же и возобновитъ его...

Чтобы устранить недоразумѣнія, я считалъ не лишнимъ отмѣтить, что могутъ дать въ интересующихъ насъ вопросахъ микроскопическій анализъ и телескопическое наблюденіе, — статистика, стремящаяся зарегистрировать колебанія мельчайшихъ частичекъ, и исторія, интересующаяся движеніемъ большихъ массъ на далекихъ разстояніяхъ. Но не отвѣты, которые можетъ дать та или другая изъ только что названныхъ наукъ, имѣлъ я въ виду, когда ставилъ свои вопросы. Меня интересуютъ явленія въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются невооруженному глазу, какими воспринимаетъ ихъ обывательское самочувствіе. Послѣднимъ, главнымъ образомъ, руководятся люди въ своей повседневной жизни, съ которой приходится имѣть дѣло публицистикѣ. Въ качествѣ публициста я и поставилъ эти вопросы: кто начнетъ? кто началъ?

Нерѣдко — а въ послѣднее время даже очень часто — прихо-

дится слышать, что движеніе начнется снизу. И въ эту — съ извѣстной точки зрѣнія, быть можетъ, очень близкую къ истинѣ — формулу, нѣкоторые вкладываютъ какой-то мистическій смыслъ: сами собой какъ будто внизу рѣшатся вопросы, само собой опредѣлится настроеніе, сами собой сорганизуются силы, — и потомъ сразу все это «выпретъ». И произойдетъ это не только помимо участія интеллигенціи, но, быть можетъ, и наперекоръ ея думамъ, стремленіямъ и планамъ. На ряду со склонностью къ мистическому анархизму, стремящемуся всю тяжесть стоящей передъ нами проблемы возложить на изолированную личность, въ современномъ обществѣ, несомнѣнно, наблюдается склонность и къ мистическому коллективизму, готовому обоготворить безличную массу. Для насъ, желающихъ остаться на реальной почвѣ, ни та, ни другая концепція, конечно, не пріемлемы.

Несомнѣнно, что процессы, происходящіе въ глубинѣ народной жизни, — мысли, которыя тамъ бродятъ, чувства, которыя тамъ копятся, «молекулярныя» движенія, которыя тамъ происходятъ, — имѣютъ громадное, первенствующее значеніе. Вынесенная на поверхность личность, — будь это даже современный «сверхчеловѣкъ» съ его самомнѣніемъ и потугами — конечно, не въ силахъ повліять на общее теченіе жизни и тѣмъ болѣе направить его въ опредѣленное русло. Но нельзя «ждать» и того, что масса какъ-то сразу вся поднимется и хлынетъ, — тѣмъ болѣе къ опредѣленной и достаточно общей для нея цѣли. Для этого необходимо, чтобы мысли народа сосредоточились, чтобы чувства его обострились, чтобы движенія его координировались. И не одновременно, конечно, этотъ процессъ завершится во всей народной толщѣ. Наиболѣе сознательные раньше поймутъ, наиболѣе впечатлительные раньше восчувствуютъ, наиболѣе дѣятельные раньше объединятся, — и ранѣе къ общей цѣли двинутся. Да, начнутъ они, — наиболѣе развитые, наиболѣе чуткіе, наиболѣе подвижные классы, возрасты, личности. Рабочіе опередятъ крестьянство, молодежь — старцевъ, интеллигенція — массу...

Совершенно случайно — такой ужъ оборотъ рѣчи подвернулся — я пользовался въ послѣднихъ строкахъ будущимъ временемъ, не имѣя, конечно, ни малѣйшаго намѣренія предсказывать. Не говоря о прочемъ, апріорныя соображенія, которыя мною указаны, слишкомъ общи для того, чтобы на основаніи ихъ предугадывать конкретную дѣйствительность. Достаточно напомнить, что самое ясное сознаніе, самое сильное чувство и самая стремительная активность, взятыя отдѣльно или не въ надлежащемъ сочетаніи, не въ состояніи дать цѣлесообразнаго движенія. А какъ они скомбинированы теперь и — тѣмъ болѣе — какъ они будутъ скомбинированы потомъ въ жизни — это такой сложный вопросъ, котораго нельзя даже ставить. Не имѣя права утверждать, что такъ будетъ, я считаю все-таки не лишнимъ напомнить, какъ было...

Рабочіе шли впереди крестьянства... Напомню время—и это было, вѣдь, совсѣмъ недавно,—когда многіе склонны были даже считать крестьянство реакціоннымъ классомъ и въ мужикѣ видѣли чуть-ли не главную помѣху свободѣ. И, дѣйствительно, со стороны крестьянъ очень долго не было никакихъ «оказательствъ», хотя, казалось бы, у мужика раньше всѣхъ терпѣніе должно было лопнуть и раньше всѣхъ онъ долженъ былъ подняться. Но онъ молча голодалъ и покорно ложился въ могилу. Его кормили, но о томъ, чтобы въ немъ найти активную силу, даже не думали. Выступленіе крестьянства,—а оно заявило о себѣ, какъ я уже упомянулъ, въ полтавскихъ и харьковскихъ безпорядкахъ 1902 года,—было для громаднаго большинства совершенно неожиданнымъ. Но и послѣ того, какъ движеніе сдѣлалось общимъ,—даже въ 1905 году, когда взволновалось все россійское море,—не трудно, какъ мнѣ кажется, было бы подмѣтить нѣкоторую послѣдовательность въ его колебаніяхъ не только во времени, о чемъ была рѣчь выше, но и въ пространствѣ. Городъ опережалъ въ своихъ подъемахъ деревню. Напомню о двухъ, наиболѣе широкихъ, волнахъ, которыя тогда прокатились.

Начало 1905 года ознаменовалось шествіемъ петербургскихъ рабочихъ, которое немедленно отозвалось въ цѣломъ рядѣ городовъ демонстраціями и забастовками. Но деревня, казалось, осталась внѣ этого движенія,—и лишь спустя нѣкоторое время прокатилась по ней волна, какъ будто даже своя особая, но по существу, какъ мнѣ кажется, та же самая. Я имѣю въ виду, съ одной стороны, «разборку» помѣщичьихъ усадебъ, къ которой приступили весной 1905 года крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а съ другой—движеніе въ формѣ приговоровъ, охватившее еще болѣе обширное пространство деревенской Россіи. Оба эти явленія въ своей психологической основѣ имѣли, думается мнѣ, много общаго съ рабочимъ шествіемъ. Стоитъ, казалось, явиться всѣмъ міромъ въ помѣщичью усадьбу или послать за общею подписью въ Петербургъ бумагу,—такъ же, какъ рабочимъ въ Петербургѣ дойти всею массою до дворца,—и дѣло будетъ сдѣлано. Та же наивная вѣра въ силу своей правды и та же неподготовленность къ ожидавшей ее встрѣчѣ.

Осенняя волна 1905 года, имѣвшая уже не столько демонстративный, сколько боевой характеръ, тоже прошла въ деревнѣ съ опозданіемъ. Правда, промежутокъ на этотъ разъ былъ меньше и связь деревенскаго движенія съ городскимъ очевиднѣе, но и за всѣмъ тѣмъ остается тотъ фактъ, что во время великой забастовки крестьянство оставалось пассивнымъ. Всколыхнулось оно уже послѣ того, какъ забастовка кончилась. Сложись обстоятельства иначе, «земля» въ манифестѣ 17 октября не была бы забыта и во всякомъ случаѣ генералъ-адъютанты съ пулеметами не смогли бы явиться въ всколыхнувшіяся губерніи такъ быстро... Возможно, что

еслибы подъемъ продолжался и дальше, то всѣ участвовавшія въ движеніи силы слились бы въ концѣ концовъ въ одну компактную массу,—и трудно было бы сказать, кто идетъ впереди и кто сзади. Но начался спускъ, завершившійся не опредѣлившимся до сихъ поръ въ своихъ размѣрахъ обрывомъ...

Какъ бы то ни было, запаздыванія крестьянства въ прошломъ являются въ сущности безспорными Да они и понятны. Стоитъ только вспомнить условія, въ какихъ находится деревня. Городъ соединенъ со всѣмъ міромъ телеграфомъ, а деревня отдѣлена отъ него проселочною дорогою. Мы читаемъ газеты въ тотъ же день, а до нея онѣ доходятъ спустя многіе дни и даже недѣли... Трудно даже представить себѣ, чтобы заброшенная въ степи или затерявшаяся въ дремучемъ лѣсу деревня—пусть это даже будетъ деревня Неѣлова—первою увидала, гдѣ находится выходъ и раньше всѣхъ начала вылѣзать изъ ямы. И, мнѣ кажется, это не случайность, что слово «ждутъ» такъ часто слышится въ сообщеніяхъ изъ деревни. Да, ждутъ, потому что не знаютъ, куда идти, и не видятъ своихъ спутниковъ. Хорошо уже то, что на этотъ разъ ждутъ не золотой грамоты: скорѣе подымутся и быстрѣе догонятъ. Но я не рѣшился бы сказать, что крестьяне тронутся первыми. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не деревня шла впереди, а городъ.

И молодежь шла впереди старцевъ... О томъ, какъ «дѣти» опередили «отцовъ», мнѣ пришлось уже говорить выше. «Отцы» все время сдерживали: сначала выучитесь, а потомъ будете дѣйствовать... И даже послѣ того, какъ «дѣти» вмѣсто аудиторій оказались въ казармахъ, многіе отцы продолжали успокаивать: подождите, вотъ мы выступимъ... Вѣроятно, этого пришлось бы долго ждать, еслибы порывистая молодежь не увлекла въ концѣ-концовъ людей болѣе солиднаго возраста.

Тоже самое происходило въ рабочей средѣ и въ крестьянской. Теперь, когда появилось уже довольно много записокъ и воспоминаній о томъ, какъ наростало движеніе, можно говорить съ увѣренностью: и тамъ молодежь шла въ авангардѣ. Старики считали нужнымъ повременить, и, когда выступили, то даже не скрывали, что идутъ за молодежью. Помимо всего прочаго молодежь была тамъ «сознательнѣе». Этого нельзя, конечно, сказать про культурное общество. И то, что здѣсь давно выучившіеся «отцы» оказались позади недоучившихся «дѣтей», приходится поставить, главнымъ образомъ, на счетъ меньшей свѣжести чувства и большей дряблости мускуловъ у первыхъ сравнительно со вторыми.

Мое дѣло напомнить факты, а не сожалѣть о томъ, что событія сложились такъ, а не иначе. Конечно, было бы несравненно лучше, еслибы всѣ поднялись сразу или, по крайней мѣрѣ, немедленно одни за другими. Но этого нельзя только «ждать», надъ этимъ нужно планомѣрно работать. Точно такъ-же было бы несравненно лучше, еслибы шли впереди и выбирали дорогу не

зеленые юноши, а возмужалые люди. Но для этого недостаточно было сзади кричать: обождите; нужно было стать во главѣ съ самаго начала. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ шли впереди тѣ, которые раньше вышли.

И интеллигенція шла впереди массы... Она вышла болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ раньше. Много разъ она начинала подъемъ одна, прежде чѣмъ въ томъ же направленіи двинулись крестьяне и рабочіе. Мнѣ нечего говорить о героическихъ усиліяхъ, какія русскою интеллигенціею за это время были сдѣланы, о тяжкихъ жертвахъ, какія ею были принесены, и о великихъ заслугахъ, какія ею народному дѣлу были оказаны;—помянуть ее добрымъ словомъ за прошлое не отказываются даже тѣ, которые уже давно желаютъ ее похоронить въ интересахъ будто бы будущаго. Напомню лишь послѣдній счетъ между интеллигенціей и народомъ,—благо самозванные съ той и другой стороны бухгалтеры уже подвели въ немъ итоги.

Одни обозвали народъ «фефелой» за то, что онъ не осуществилъ выставленныхъ интеллигенціею программъ вплоть до максималистской; другія обвиняютъ интеллигенцію въ томъ, что она «зарвалась» и тѣмъ погубила кампанію, которая безъ этого народомъ была бы выиграна. Я не буду останавливаться на этихъ перекорахъ людей, думающихъ, что они «нашли наконецъ виноватаго». Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить, что балансъ тѣми и другими показанъ одинаковый: интеллигенція и на этотъ разъ проявила больше активности, чѣмъ масса.

Въ мою задачу, какъ я уже сказалъ, не входитъ оцѣнка того, что было. Можетъ быть, было бы лучше, еслибы интеллигенція не такъ спѣшила, и еще, конечно, было бы лучше, еслибы масса отъ нея не отставала. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что масса можетъ совершить подъемъ, отбросивъ совершенно въ сторону интеллигенцію, какъ ненужную помѣху, или что личность можетъ подняться до идеала, порвавъ всѣ связи съ массой, какъ съ излишней обузой. Залогъ успѣха не въ томъ, чтобы онѣ совершенно разошлись, а въ томъ, чтобы окончательно сблизились.

Въ этомъ направленіи при послѣднемъ подъемѣ сдѣлано много. Можетъ быть, уже не далеко время, когда двѣ великія силы активнаго прогресса—движимая высокими идеалами личность и толкаемая насущными интересами масса—сольются въ одну, неустанно движущуюся къ общей цѣли, армію. Но пока вопросъ о томъ, кто изъ нихъ начнетъ,—остается.

До сихъ поръ начинала интеллигенція...

А. Пѣшехоновъ.

Наброски современности.

XV.

О современныхъ реформахъ.

Не такъ давно, мѣсяца два тому назадъ, одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ весьма торжественно оповѣстила своихъ читателей о появленіи «акта первостепенной государственной важности». Такого рода актомъ, по объясненію газеты, явился изданный въ іюлѣ высочайшій рескриптъ, которымъ в. кн. Николай Николаевичъ былъ освобожденъ отъ должности предсѣдателя совѣта государственной обороны. Газетѣ какъ будто видѣлись за этимъ актомъ необычайно широкія перспективы. «Рескриптъ указываетъ— говорила она—на трудность совмѣщенія въ одномъ лицѣ двухъ отвѣтственныхъ военныхъ должностей: главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа и поста предсѣдателя совѣта государственной обороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшій рескриптъ констатируетъ необходимость преобразованій въ организаціи военнаго вѣдомства и въ высшемъ управленіи арміей. Такимъ образомъ — заключала газета — означенный рескриптъ является актомъ первостепенной государственной важности. Подтверждается необходимость реформы военнаго вѣдомства и высшей организаціи вооруженной силы. Несовершенства въ этой области, столь ясно сознаваемыя страной, совпали съ высочайшими воззрѣніями на этотъ вопросъ и подверглись всестороннему разсмотрѣнію. Результатомъ этого будетъ новый законодательный актъ, долженствующій устранить пробѣлы высшей военной организаціи, законъ, отъ котораго общество ожидаетъ установленія единства власти наряду съ опредѣленной отвѣтственностью» *).

Казалось бы, мнѣніе газеты на счетъ «акта первостепенной государственной важности», какъ бы ни оцѣнивать серьезность этого мнѣнія, было во всякомъ случаѣ достаточно опредѣленно и устойчиво. Тѣ выраженія, въ какихъ оно было высказано, повидимому, не оставляли въ этомъ никакого сомнѣнія. Но въ той же самой газетѣ и даже въ томъ же самомъ ея номерѣ, всего лишь нѣсколькими столбцами ниже, была помѣщена другая статья, въ которой рѣчь шла уже не о должности предсѣдателя совѣта государственной обороны, а обо всей подготовляемой въ настоящее время реформѣ въ высшемъ управленіи арміей. И въ этой статьѣ говорилось уже нѣчто иное. «Еслибы даже— говорила здѣсь газета—новое положеніе объ управленіи вооружен-

*) „Слово", 29 іюля.

ной силой и подчинило всѣ военныя управленія одному лицу, то все же нѣкоторыя изъ подчиненныхъ вѣдомствъ, въ силу особыхъ условій, остались бы фактически самостоятельными. Еще меньше надеждъ приходится питать по вопросу объ отвѣтственности лица, которому будетъ вручена фактически власть надъ арміей... Такимъ образомъ дѣло, повидимому, сводится къ реформѣ лишь частичной, не рѣшающей кореннымъ образомъ вопроса, какъ и всѣ предшествовавшія реформы военнаго вѣдомства». Читателю, прочитавшему эту вторую статью, оставалось лишь въ недоумѣніи спрашивать себя, о какомъ собственно «актѣ первостепенной государственной важности» оповѣщала его газета, если сама она весь рядъ мѣропріятій, въ который входитъ этотъ актъ, считаетъ лишь частичной реформой, далекой отъ коренного рѣшенія вопроса.

Этотъ небольшой эпизодъ въ своемъ родѣ очень характеренъ для современной газетной публицистики. Правда, въ послѣдней были и болѣе яркіе эпизоды аналогичнаго характера. Одинъ изъ нихъ, быть можетъ, наиболѣе яркій, стоитъ, пожалуй, припомнить. Нѣсколько недѣль тому назадъ близкія къ октябристамъ газеты подняли большой шумъ, возвѣщая, что Россіи грозитъ опасность реакціи. Газетные сотрудники наперерывъ принялись печатать бесѣды съ гг. А. И. Гучковымъ и А. А. Уваровымъ, бесѣды, въ которыхъ оба названныя лица самымъ серьезнымъ образомъ увѣряли, что страна стоитъ передъ грозною опасностью и съ минуты на минуту можно ожидать рѣшительной побѣды реакціи. Октябристскій «Голосъ Москвы» напечаталъ по этому поводу весьма громкую статью, въ которой заявлялъ, что въ случаѣ дѣйствительнаго торжества реакціи октябристамъ останется перейти въ оппозицію и «перековать серпы въ мечи». Конституціонно-демократическая «Рѣчь», съ своей стороны, привѣтствовала октябристскіе страхи, какъ «начало премудрости и познанія», и выражала надежду, что октябристы прозрѣютъ отъ своей политической слѣпоты. Но въ разгарѣ всѣхъ этихъ газетныхъ страховъ, привѣтствій и надеждъ пріѣхалъ въ Петербургъ г. Хомяковъ, посѣтилъ предсѣдателя совѣта министровъ и вслѣдъ за тѣмъ заявилъ газетнымъ репортерамъ, что торжества реакціи не предвидится и что никакой реакціи, по словамъ П. А. Столыпина, въ Россіи вовсе не имѣется. Прошло еще нѣсколько времени и широкой публикѣ стало извѣстно, какую именно «реакцію» имѣли въ виду октябристскіе публицисты и ради чего они собрались «перековать серпы на мечи». Какъ сообщилъ одинъ изъ сотрудниковъ «Рѣчи», все дѣло заключалось въ томъ, что часть высшей бюрократіи, будучи недовольна г. Столыпинымъ и находя его слишкомъ либеральнымъ, старалась вынудить его оставить должность предсѣдателя совѣта министровъ, но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ *). И правильность такого истолкованія раз-

*) „Рѣчь", 29 августа.

говоровъ о грозящей «реакціи» была подтверждена никѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же г. Гучковымъ, который и началъ эти разговоры.

„А. И. Гучковъ—писалъ не такъ давно одинъ изъ сотрудниковъ „Голоса Москвы", излагая свою бесѣду съ главою октябристовъ,- не скрываетъ, что и при глубокомъ убѣжденіи въ необходимости не насильственнаго, а мирнаго преемственно-историческаго развитія конституціонныхъ началъ, октябристы каждую минуту могутъ перейти въ ряды оппозиціи. Всякому миролюбію есть свой предѣлъ. Но октябристы не хотятъ войны. Они только могутъ быть вынуждены принять войну. Такимъ вызовомъ, конечно, прежде всего можетъ явиться назначеніе такого предсѣдателя совѣта министровъ, который не имѣлъ бы пониманія важности переживаемаго момента и относился бы съ пренебреженіемъ ко всему ходу исторической послѣдовательности и преемственности и, въ томъ числѣ, къ общественному мнѣнію" **).

Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ мнѣ какъ-то довелось встрѣтиться съ горькими жалобами на равнодушіе, воцарившееся за послѣднее время среди публики по отношенію къ газетамъ. Въ Петербургѣ—указывалъ авторъ этихъ жалобъ, небезъизвѣстный сотрудникъ одной изъ скончавшихся столичныхъ газетъ,—закрылись двѣ большія газеты и тѣмъ не менѣе это обстоятельство не оказало почти никакого вліянія на подписку остальныхъ газетъ. Я не стану оспаривать фактъ извѣстнаго равнодушія, проявляемаго въ настоящее время публикой къ газетамъ, но, думается мнѣ, для такого равнодушія есть нѣкоторыя основанія и проявляющая его публика могла бы кое-что сказать въ свое оправданіе. Когда газетные публицисты начинаютъ съ серьезнымъ видомъ угощать читателя извѣстіями объ «актахъ первостепенной государственной важности», сводящихся къ раздѣленію должностей предсѣдателя совѣта государственной обороны и командующаго войсками петербургскаго военнаго округа, или пугать сообщеніями о жестокой опасности, грозящей Россіи со стороны реакціи и выражающейся въ возможности отставки г. Столыпина, тогда читающей публикѣ становится довольно трудно сохранить живой интересъ къ газетной публицистикѣ. Трудно, по крайней мѣрѣ, той части публики, которая ищетъ въ публицистикѣ освѣщенія и уясненія наиболѣе жгучихъ вопросовъ текущаго момента. И, нужно сказать правду, современная газетная публицистика далеко не богата попытками такого освѣщенія. Въ большинствѣ случаевъ газетные публицисты вяло и сонно разсказываютъ о важности различныхъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ въ настоящее время правительствомъ, о надеждахъ и опасеніяхъ, возлагаемыхъ на думскую сессію, объ упованіяхъ на процвѣтаніе россійской конституціи и страхахъ за ея сохранность, и въ большинствѣ же случаевъ сами сознаютъ, что все это очень мало интересуетъ читателя и очень далеко отъ настоящей жизни. А на ряду съ этимъ, на задворкахъ тѣхъ же га-

**) Цитирую по „Рѣчи", 31 августа.

ветныхъ листовъ, въ которыхъ помѣщаются эти вялыя и сонныя разсужденія, ютятся кричащіе факты подлинной русской жизни, какъ нельзя болѣе ярко вскрывающіе дѣйствительное ея направленіе. И эти факты касаются самыхъ различныхъ областей нашей общественной жизни, всюду сохраняя однѣ и тѣ же типичныя черты, всюду нося одинъ и тотъ же въ сущности характеръ.

Газетные публицисты какъ будто и серьезно говорятъ объ обновленномъ государственномъ строѣ и о надеждахъ на дальнѣйшее его обновленіе. А параллельно съ этимъ для русскаго обывателя становится запретнымъ многое изъ того, что еще очень недавно признавалось вполнѣ позволительнымъ, и этотъ процессъ разростанія запретныхъ сферъ подвигается впередъ съ поразительной быстротою, не встрѣчая для себя, повидимому, никакихъ препятствій. Нѣсколько времени тому назадъ начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія было получено увѣдомленіе, что въ одной изъ подмосковныхъ деревень распространяется среди крестьянъ брошюра: «Что необходимо знать, чтобы бороться съ заразными болѣзнями», изданная русскимъ обществомъ врачей имени Пирогова. Получивъ такое увѣдомленіе, московское охранное отдѣленіе, какъ сообщаютъ газеты, сочло нужнымъ разсмотрѣть названную брошюру и при этомъ разсмотрѣніи «нашло, что только на первыхъ страницахъ ея говорится о борьбѣ съ заразными болѣзнями, а вся остальная часть отведена антиправительственной агитаціи». Въ виду этого чинами охраннаго отдѣленія были произведены обыски въ складѣ брошюры, въ помѣщеніи правленія общества русскихъ врачей памяти Пирогова и въ квартирѣ секретаря этого общества, д-ра Д. Н. Жбанкова. Найденные при обыскахъ экземпляры зловредной брошюры были конфискованы, а д-ръ Жбанковъ подвергся аресту *). Между тѣмъ, какъ сообщаютъ опять-таки газеты, конфискованная брошюра была въ свое время процензурована и, въ частности, наиболѣе инкриминированная часть ея была проведена въ 1905 году черезъ цензуру безъ всякихъ препятствій. Эта часть брошюры содержитъ въ себѣ ничто иное, какъ изложеніе резолюцій Пироговскаго съѣзда врачей 1905 г. **). Въ свое время оглашеніе этихъ резолюцій не встрѣтило помѣхи со стороны цензуры, но, когда теперь ихъ разсмотрѣніемъ занялось охранное отдѣленіе, оно сразу открыло въ нихъ государственное преступленіе, требующее немедленной кары, и популярная книжка, трактующая о заразныхъ болѣзняхъ и изданная врачебнымъ обществомъ, обратилась въ орудіе «антиправительственной агитаціи». Въ томъ, что агенты охраннаго отдѣленія могли найти «антиправительственную агитацію» въ наставленіяхъ для борьбы съ заразными болѣзнями, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго.

---

*) „Рѣчь", 20 августа.
**) „Рѣчь", 21 августа.

Но тѣмъ болѣе знаменательно, что въ настоящее время именно усмотрѣніе агентовъ охраннаго отдѣленія безповоротно опредѣляетъ права населенія даже въ области борьбы съ заразными болѣзнями.

Само собой разумѣется, дѣло обстоитъ такимъ образомъ не въ одной только этой области. И, въ частности, даже Пироговскому обществу врачей пришлось за послѣднее время убѣдиться въ томъ, что теперь не одно только дѣло борьбы съ заразными болѣзнями представляется для него затрудненнымъ. Довольно долгое время при правленіи названнаго общества существовалъ комитетъ общественной помощи голодающимъ. Теперь этотъ комитетъ закрытъ властями. Причиною его закрытія, по словамъ газетъ, послужило нарушеніе одной изъ статей устава, по которой правленіе общества обязано извѣщать министерство обо всѣхъ постановленіяхъ Пироговскихъ съѣздовъ. «Это нарушеніе устава — поясняетъ газетное сообщеніе — министерство видитъ въ томъ, что общество врачей своевременно не довело до свѣдѣнія высшаго правительства постановленіе Пироговскаго съѣзда объ образованіи при немъ комитета общественной помощи голодающимъ, ограничившись лишь сообщеніемъ этого постановленія мѣстнымъ властямъ» *). Вслѣдъ за тѣмъ въ помѣщеніи правленія общества произведенъ былъ новый обыскъ, при чемъ были забраны всѣ документы, касающіеся дѣятельности комитета общественной помощи голодающимъ **). Такимъ образомъ учрежденіе, поставившее своей задачей помощь голодающимъ и нѣкоторое время благополучно существовавшее у всѣхъ на глазахъ, внезапно было признано вреднымъ и подлежащимъ преслѣдованію. И поводомъ къ такому признанію послужило даже не то, что власти не были оффиціально освѣдомлены о возникновеніи этого учрежденія, а только то, что извѣщеніе о немъ было послано не центральнымъ, а мѣстнымъ правительственнымъ органамъ.

Совершенно аналогичныя явленія можно наблюдать и въ другихъ сферахъ народной жизни, даже такихъ, которыя сами по себѣ далеко отстоятъ отъ тѣхъ областей, о какихъ у насъ только что шла рѣчь. Всего полгода тому назадъ, въ февралѣ настоящаго года, министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ сектѣ т. н. «евангельскихъ христіанъ» устраивать въ Петербургѣ и въ Петербургской губерніи религіозныя собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Но, когда черезъ нѣкоторое время названные сектанты попробовали устроить свои молитвенныя собранія въ Кронштадтѣ, кронштадтскій губернаторъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они не допускали на эти собранія военныхъ нижнихъ чиновъ и сообщали начальству фамиліи и число посѣтителей собраній. «Евангельскіе христіане» отвѣтили, что не могутъ исполнить этихъ требованій, такъ какъ

---

*) „Рѣчь“, 15 и 16 августа.
**) „Рѣчь“, 22 августа.

двери ихъ собраній открыты для всѣхъ желающихъ, а среди военныхъ нижнихъ чиновъ есть ихъ единовѣрцы, запрещать которымъ доступъ на свои молитвенныя собранія они считали бы для себя грѣхомъ. Въ результатѣ кронштадтскій губернаторъ запретилъ собранія «евангельскихъ христіанъ». Когда же послѣдніе обжаловали это рѣшеніе министру внутреннихъ дѣлъ, имъ было отъ имени министра объявлено, что собранія секты евангельскихъ христіанъ въ Кронштадтѣ «не могутъ быть допущены безъ соблюденія членами онаго общества требованій, предъявленныхъ имъ главнымъ кронштадтскимъ начальствомъ» *). Еще въ началѣ настоящаго года само министерство внутреннихъ дѣлъ, повидимому, не находило надобности въ предъявленіи подобныхъ требованій. Но стоило мѣстной власти предъявить ихъ, и они немедленно вошли въ обиходъ жизни, а скромное право, признанное было за сектантами, было сейчасъ же отобрано отъ нихъ.

Подобное же отобраніе однажды уже признанныхъ правъ съ большою энергіей производится въ настоящее время и еще въ одной области. Чрезвычайно характерное въ этомъ смыслѣ дѣло разбиралось въ только что минувшемъ августѣ выѣздною сессіей кіевскаго окружнаго суда въ г. Бердичевѣ. Въ качествѣ подсудимыхъ передъ судомъ предстали два брата Крачкевичи, обвинявшіеся въ томъ, что одинъ изъ нихъ, проживавшій въ м. Дзюнковѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія открылъ у себя въ домѣ школу, въ которой десять польскихъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 7 до 16 лѣтъ, обучались польской грамотѣ, а другой также безъ разрѣшенія открылъ подобную же школу въ м. Погребищѣ для 40 польскихъ дѣтей. Окружный судъ, разбиравшій это дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, вынесъ обоимъ подсудимымъ обвинительный приговоръ и приговорилъ обоихъ ихъ къ штрафамъ, одного въ 5 р., другого въ 3 р. Судя по размѣрамъ этой кары, сами коронные судьи не усмотрѣли въ дѣяніяхъ подсудимыхъ чего-либо особенно опаснаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ «школы», открытыя гг. Крачкевичами, судъ постановилъ закрыть въ мѣсячный срокъ со дня объявленія приговора **). Такимъ образомъ, если къ «преступникамъ», осмѣлившимся безъ разрѣшенія учить дѣтей польской грамотѣ, судъ и отнесся до извѣстной степени снисходительно, то самое «преступленіе» все же оказалось покараннымъ и плоды его были уничтожены.

Возстановленіе порядковъ, карающихъ самовольное открытіе польскихъ школъ грамоты, какъ преступленіе, не стоитъ въ переживаемой нами дѣйствительности одиноко и не представляетъ собою какого-либо исключенія. Оно сопровождается цѣлымъ рядомъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ одной и той же цѣли—

*) „Рѣчь“. 2 сентября.
**) „Рѣчь“, 17 августа.

преслѣдованію польскаго языка и изгнанію его съ тѣхъ позицій, какія онъ успѣлъ было занять въ послѣдніе годы. Не такъ давно, какъ разсказываютъ газеты, инспекторъ варшавскихъ начальныхъ училищъ объявилъ подчиненному ему учительскому персоналу новое разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія къ высочайшему указу отъ 15 октября 1905 г. Согласно этому разъясненію, преподаваніе ариѳметики въ начальныхъ школахъ Царства Польскаго должно вестись на русскомъ языкѣ, польскій же языкъ можетъ впредь допускаться только въ качествѣ вспомогательнаго при обученіи младшихъ учениковъ, не усвоившихъ еще себѣ русской рѣчи. Мѣра эта, по разсчетамъ учебнаго начальства, должна быть примѣняема такимъ образомъ, чтобы окончательные экзамены ученики могли держать уже на русскомъ языкѣ *). По свѣдѣніямъ польскихъ газетъ, въ скоромъ времени ожидается еще одно распоряженіе учебныхъ властей, содержащее въ себѣ запрещеніе выдавать разрѣшеніе на открытіе частныхъ польскихъ училищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Холмской Руси и Полѣсья, гдѣ не существуетъ русскихъ учебныхъ заведеній соотвѣтствующихъ категорій **).

Польскій языкъ изгоняется не только изъ школы, — онъ уже преслѣдуется и на почтѣ, и на улицахъ. Польскія газеты, издающіяся въ Вильнѣ, получили отъ подлежащихъ властей распоряженіе печатать адреса подписчиковъ на обложкахъ исключительно на русскомъ языкѣ ***). Адреса на письмахъ въ Западномъ краѣ пока еще можно писать по польски, но адреса на газетахъ уже нельзя печатать на польскомъ языкѣ. Нельзя уже мѣстами и выставлять польскія вывѣски. Въ Минскѣ надъ отдѣленіемъ газеты «Kurjer Litewski», 11 мѣсяцевъ благополучно висѣла вывѣска, содержавшая въ себѣ названіе газеты, переданное польскими буквами. Но недавно полиція потребовала отъ завѣдующаго отдѣленіемъ газеты, г. Дворжачека, уничтоженія этой вывѣски. Когда же онъ отказался исполнить такое требованіе, то полиція закрасила вывѣску собственными средствами, а г. Дворжачекъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, должно быть, за «неисполненіе законныхъ требованій властей». На будущее время въ Минскѣ воспрещено прикрѣпленіе вывѣсокъ безъ спеціальнаго разрѣшенія полиціи, причемъ послѣдняя вывѣсокъ на польскомъ языкѣ совершенно не разрѣшаетъ **). Такимъ путемъ въ Минскѣ одержана блестящая побѣда надъ польскимъ элементомъ и проведена руссификація уличныхъ вывѣсокъ.

Подобной же руссификаціей занялось въ послѣднее время и министерство народнаго просвѣщенія. Г. Шварцъ распорядился, чтобы надписи на гминныхъ и сельскихъ школахъ въ Польшѣ

---

*) „Кіев. Вѣсти", 20 августа.
**) „Рѣчь", 26 августа.
***) „Кіев. Вѣсти", 29 августа.
****) „Кіев. Вѣсти", 29 августа и „Рѣчь", 24 августа.

были сдѣланы не на двухъ языкахъ — русскомъ и польскомъ,—а на одномъ только русскомъ, и полицейскія власти заставляютъ въ настоящее время гминныя и сельскія правленія исполнять это распоряженіе. Мѣстами, впрочемъ, оно встрѣтило рѣшительный протестъ. Такъ, въ Плоцкой губерніи уполномоченные отъ гминъ заявили, что распоряженіе министра народнаго просвѣщенія противорѣчитъ закону, допускающему надписи на гминныхъ зданіяхъ на двухъ языкахъ. Помимо того, уполномоченные, ссылаясь на гминный уставъ, указываютъ, что въ смѣтѣ расходовъ гминъ на текущій годъ нѣтъ ассигновки на перекрашиваніе надписей на школьныхъ зданіяхъ. Сообразно этому, уполномоченные гминъ утверждаютъ, что подобное перекрашиваніе надписей во всякомъ случаѣ можетъ быть произведено не на счетъ гминъ, а лишь изъ средствъ самого министерства народнаго просвѣщенія *). Надо думать, впрочемъ, что это препятствіе не охладитъ реформаторскаго пыла г. Шварца и не остановитъ его похода противъ польскихъ надписей на школьныхъ зданіяхъ въ Царствѣ Польскомъ.

Подобному преслѣдованію подвергается опять-таки не только польскій языкъ. Когда одинъ изъ участниковъ происходившаго недавно въ Черниговѣ археологическаго съѣзда вздумалъ прочитать о немъ рефератъ на малорусскомъ языкѣ въ одесской «Просвітѣ», рефератъ этотъ былъ запрещенъ полиціей, потребовавшей, чтобы онъ читался на русскомъ языкѣ. Нѣсколько раньше полтавская администрація поступила еще проще и по-просту отказалась зарегистрировать представленный ей уставъ украинскаго общества «Просвіта», мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что цѣль общества, означенная въ уставѣ, какъ помощь культурно-просвѣтительному развитію украинскаго народа, является стремленіемъ къ обособленію малорусскаго населенія и можетъ вызвать послѣдствія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности. Когда же въ Полтавѣ нѣсколько евреевъ попытались недавно открыть отдѣленіе существующаго съ прошлаго года въ Петербургѣ «общества любителей древне-еврейскаго языка», полиція подъ угрозой репрессій отобрала отъ предсѣдателя отдѣленія подписку въ томъ, что онъ не откроетъ отдѣленія безъ разрѣшенія полтавскаго губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія, хотя по уставу общества такого разрѣшенія вовсе не требовалось. На поданную же просьбу о разрѣшеніи открыть въ Полтавѣ общество любителей древнееврейскаго языка по уставу, представлявшему собою точную копію устава зарегистрированнаго въ Петербургѣ общества, губернское присутствіе отвѣтило категорическимъ отказомъ. Отказъ этотъ былъ обоснованъ тѣми соображеніями, что изученіе древне-еврейскаго языка будетъ способствовать національному обособленію евреевъ, что можетъ вызвать обостреніе отношеній одной части населенія

*) „Рѣчь“, 5 сентября.

къ другой, а такое обостреніе, въ виду не наступившаго еще въ губерніи полнаго успокоенія, способно въ свою очередь повлечь за собою послѣдствія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности **). Для того, чтобы сохранить мирныя отношенія между различными національностями въ Полтавской губерніи, оказалось необходимымъ уничтожить одно изъ признанныхъ было центральной администраціей правъ, и полтавскимъ евреямъ такъ и не удалось создать кружокъ любителей древне-еврейскаго языка.

Попробуемъ подвести нѣкоторые итоги. Въ приведенныхъ примѣрахъ передъ нами вырисовывается вполнѣ опредѣленная дѣятельность правительственныхъ органовъ. Пусть отдѣльныя ея проявленія принимаютъ подчасъ прямо комичныя формы,—это не мѣшаетъ ей преслѣдовать вполнѣ серьезную цѣль и создавать въ полномъ смыслѣ слова трагическія послѣдствія. Пусть эта дѣятельность выражается по преимуществу въ рядѣ мелочныхъ мѣропріятій,—во всякомъ случаѣ всѣ такія мѣропріятія связаны однимъ объединяющимъ ихъ стремленіемъ. Правда, стремленіе это по существу весьма несложно. Все оно цѣликомъ сводится къ старанію отобрать отъ населенія послѣдніе остатки тѣхъ правъ, какія были признаны за нимъ въ годы народнаго подъема. Но за то это стремленіе проводится въ жизнь съ чрезвычайной послѣдовательностью и съ необыкновеннымъ напряженіемъ энергіи. Въ деревню оффиціально закрытъ доступъ всякому печатному слову, если только оно не исходитъ отъ черносотенныхъ организацій. И стоитъ появиться въ деревнѣ брошюркѣ о заразныхъ болѣзняхъ, чтобы разъ налаженный механизмъ пришелъ въ движеніе: брошюрка попадаетъ на разсмотрѣніе охраннаго отдѣленія, издавшее ее общество подвергается разгрому, секретарь этого общества, почтенный и популярный общественный дѣятель, попадаетъ въ тюрьму. Голодъ охватываетъ значительную часть Россіи. Но общественная организація, ставящая своей задачей помощь голодающимъ, считается недопустимой, и организація такого рода, возникшая при врачебномъ обществѣ, закрывается подъ первымъ попавшимся предлогомъ. Вѣротерпимость на бумагѣ остается пока еще не отмѣненной. Но на ряду съ этимъ начальство считаетъ себя въ правѣ предъявлять хотя бы къ сектантамъ, на которыхъ должна была бы распространяться вѣротерпимость, какія угодно требованія, и, какъ только эти требованія встрѣчаютъ малѣйшее сопротивленіе, на практикѣ дѣйствіе вѣротерпимости совершенно прекращается. Иначе говоря, она и существуетъ только на бумагѣ. Инородцы, подобно иновѣрцамъ, возвращаются усиліями администраціи въ безправное положеніе и на инородческіе языки открыто явное и послѣдовательное гоненіе, вплоть до изгнанія ихъ съ вывѣсокъ.

Коротко говоря, на всемъ протяженіи громадной страны раз-

**) „Рѣчь“, 5 сентября.

вертывается одна и та же политика, охватывающая самыя разнообразныя сферы народной жизни и стремящаяся повсюду водворить одинъ порядокъ, сводящійся къ возстановленію полнаго безправія обывателей передъ лицомъ власти. На водвореніе такого порядка направлены всѣ усилія какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ органовъ правительственной власти, при чемъ тѣ и другіе въ равной мѣрѣ не щадятъ энергіи въ дѣлѣ распространенія подобнаго порядка на весь обиходъ обывательской жизни, включительно до самыхъ мелкихъ ея подробностей. «Обновленный» строй все болѣе приближается къ строю старому, только достигается это путемъ необыкновеннаго напряженія всѣхъ силъ и средствъ правительственнаго механизма, напряженія, доходящаго до такихъ размѣровъ, которые сами по себѣ уже представляютъ нѣчто угрожающее.

Любопытнымъ образчикомъ этого являются мѣры, принимаемыя въ настоящій моментъ по отношенію къ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правительство въ лицѣ своихъ центральныхъ органовъ оказалось въ высшей степени озабоченнымъ вопросомъ о внѣшкольномъ поведеніи учениковъ среднихъ школъ и министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ обратиться съ особымъ циркуляромъ къ губернаторамъ, указывая имъ, что предстоящая учебному вѣдомству трудная задача обязываетъ министерство внутреннихъ дѣлъ оказать ему съ своей стороны посильную помощь. «Въ этихъ видахъ—гласитъ циркуляръ—министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, чтобы представители мѣстной администраціи озаботились немедленно водвореніемъ порядка въ поведеніи учащихся въ публичныхъ мѣстахъ, войдя для выработки общаго плана дѣйствій въ предварительныя сношенія съ начальствомъ учебныхъ заведеній, и установили бы должное наблюденіе за ученическими квартирами, устраняя возможность содержанія таковыхъ лицами, нравственно неблагонадежными, и вообще своимъ личнымъ вліяніемъ и авторитетомъ оказали, по соображеніи съ источниками возникающаго зла, зависящее содѣйствіе къ развитію и осуществленію всѣхъ условій, могущихъ возстановить и поддержать благонравіе въ этой средѣ» *): Вслѣдъ за полученіемъ этого циркуляра на мѣстахъ губернаторы немедленно принялись оказывать содѣйствіе учебному начальству. Въ рядѣ губернскихъ городовъ были созваны подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ совѣщанія начальниковъ школъ и чиновъ полиціи и на этихъ совѣщаніяхъ были выработаны обязательныя правила внѣшкольнаго поведенія для учениковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Наблюденіе за исполненіемъ учащимися этихъ правилъ возлагается, съ одной стороны, на учебное начальство, съ другой—на полицію, которой школы обязуются доставить списки всѣхъ учениковъ съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ семейнаго положенія и

*) „Рѣчь“, 3 сентября.

адреса. О результатахъ работъ созванныхъ совѣщаній и о новыхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ на полицію, губернаторы извѣстили послѣднюю особыми приказами, предлагая «безотлагательно ознакомить съ этими правилами всѣхъ чиновъ полиціи и принять мѣры къ точному исполненію этихъ правилъ».

Ученикамъ нашихъ школъ не приходится привыкать къ усиленнымъ заботамъ объ ихъ благонравіи. Съ давнихъ поръ эти заботы составляютъ неотъемлемую принадлежность нашей школьной жизни, съ давнихъ поръ каждый ученикъ школы, въ особенности школы средней, разсматривается у насъ, какъ существо, которое ни на одну минуту даже въ своей домашней жизни не должно выходить изъ-подъ попечительнаго наблюденія начальства. Не довѣряя семьѣ, наша школа давно уже выработала такой порядокъ, по которому жизнь ученика и внѣ школьныхъ стѣнъ подчинялась обязательнымъ правиламъ, составленнымъ учебнымъ начальствомъ, при чемъ послѣднему принадлежалъ и контроль за исполненіемъ этихъ правилъ. Осуществляя такой контроль, чины учебнаго вѣдомства не останавливались передъ самымъ рѣшительнымъ и безцеремоннымъ вторженіемъ въ область домашней жизни учащихся и ихъ родственниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ случаѣ нужды всегда могли разсчитывать на дѣятельную поддержку общей администраціи, къ услугамъ которой часто и прибѣгали въ цѣляхъ болѣе энергичнаго воздѣйствія на учащихся. Такъ дѣло шло до послѣднихъ лѣтъ, когда усиліямъ частью самихъ учащихся, частью ихъ родителей удалось нѣсколько поколебать этотъ порядокъ. Теперь онъ вновь возстанавливается, но возстанавливается съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и эти видоизмѣненія въ высшей степени характерны. Собственно, самыя «правила внѣшкольнаго поведенія учащихся» остаются и теперь почти въ неизмѣненномъ видѣ. По прежнему они обращаютъ особое вниманіе на исполненіе учащимися «религіозныхъ обязанностей», выражающееся въ исправномъ посѣщеніи церковныхъ службъ. По прежнему учащимся воспрещается посѣщеніе трактировъ, ресторановъ, увеселительныхъ садовъ и клубныхъ буфетовъ. По прежнему учащіеся обязываются внѣ своихъ квартиръ быть всегда въ формѣ и имѣть при себѣ «билетъ о личности», а для посѣщенія спектаклей, концертовъ и лекцій запасаться особыми билетами отъ учебнаго начальства. По прежнему, наконецъ, ученическія квартиры подвергаются особенно бдительному наблюденію и содержателями такихъ квартиръ могутъ быть только лица, особо одобренныя администраціей. Все это далеко не ново, но безусловною новостью является та роль, какую играетъ теперь въ дѣлѣ выработки этихъ правилъ и наблюденія за ихъ исполненіемъ общая администрація. Если раньше за благонравіемъ гимназистовъ усердно слѣдило учебное начальство, то теперь это благонравіе сдѣлалось предметомъ заботъ губернаторовъ и полиціймейстеровъ. Губернаторы сообща съ учебнымъ начальствомъ и

чинами полиціи обдумываютъ, какъ должны вести себя гимназисты и реалисты на улицахъ и въ публичныхъ помѣщеніяхъ, при какихъ условіяхъ могутъ учащіеся посѣщать театры и лекціи, какія возложить на учениковъ «религіозныя обязанности», и на всѣ эти случаи вырабатываютъ обязательныя правила. Полиція, на ряду съ другими своими дѣлами, будетъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ и оказывать посильное содѣйствіе учебному начальству въ его трудной задачѣ, контролируя поведеніе учащихся. Такимъ образомъ благонравіе учениковъ средней и низшей школы обращается въ предметъ непосредственныхъ попеченій администраціи и полиціи. Можно такъ или иначе оцѣнивать успѣшность этого средства, можно ожидать отъ него тѣхъ или иныхъ результатовъ, но самое средство во всякомъ случаѣ нельзя не признать героическимъ. Для того, чтобы обратить весь административный механизмъ губерній, начиная съ губернатора, продолжая полиціймейстерами и кончая городовыми, на поддержаніе благочинія въ средѣ учениковъ среднихъ и низшихъ школъ, надо безусловно придавать очень большую цѣну этому благочинію и вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣть никакихъ иныхъ средствъ для его водворенія.

Героическія средства, впрочемъ, практикуются не только по отношенію къ средней и низшей школѣ. Наша высшая школа въ настоящій моментъ также служитъ объектомъ примѣненія весьма рѣшительныхъ средствъ, которыя опять-таки имѣютъ своею непосредственною цѣлью полное возстановленіе прежнихъ порядковъ, временно было поколебавшихся и уступившихъ свое мѣсто инымъ. Студенческія организаціи въ высшихъ школахъ уже опять признаны недопустимыми, профессорская автономія вновь упразднена. Министерство народнаго просвѣщенія снова назначаетъ, переводитъ и увольняетъ профессоровъ по своему усмотрѣнію, нисколько не считаясь, какъ это выяснилось въ недавнемъ инцидентѣ съ проф. Погодинымъ, даже съ ихъ спеціальностью и не обращая никакого вниманія на рѣшенія университетскихъ факультетовъ и совѣтовъ. Помимо министровъ народнаго просвѣщенія, судьбою университетскихъ каѳедръ распоряжаются и отдѣльные градоправители. Такъ, одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ, исключительно для того, чтобы облегчить избраніе на должность ректора новороссійскаго университета одного изъ черносотенныхъ профессоровъ, нѣкоего г. Левашова, по-просту устранилъ отъ участія въ жизни профессорской коллегіи четырехъ профессоровъ и всѣ жалобы устраненныхъ на это совершенно незаконное распоряженіе втеченіе уже довольно долгаго времени остаются безъ всякихъ результатовъ. По всей видимости, распоряженіе одесскаго генералъ-губернатора признается однимъ изъ вполнѣ правильныхъ пріемовъ водворенія порядка въ высшей школѣ.

Начало новаго учебнаго сезона принесло съ собою и новыя мѣропріятія по отношенію къ высшей школѣ, притомъ мѣропріятія,

касающіяся какъ учащихся, такъ и учащихъ. Министерство народнаго просвѣщенія постановило изгнать изъ стѣнъ университетовъ всѣхъ допущенныхъ въ нихъ вольнослушательницъ и на будущее время совершенно закрыть доступъ вольнослушательницамъ въ университетскія аудиторіи, и это рѣшеніе встрѣтило полную поддержку и одобреніе со стороны всего совѣта министровъ. Одновременно съ этимъ была принята и другая мѣра, направленная уже по адресу университетскихъ преподавателей. Министерство народнаго просвѣщенія разослало по высшимъ учебнымъ заведеніямъ циркуляръ, воспрещающій профессорамъ участіе въ нелегализованныхъ политическихъ партіяхъ. Къ нѣкоторымъ же профессорамъ, извѣстнымъ по своей принадлежности къ конституціонно-демократической партіи, предъявлено спеціальное требованіе дать подписку въ томъ, что они не будутъ впредь принадлежать ни къ какимъ противоправительственнымъ и противогосударственнымъ партіямъ, при чемъ на случай отказа въ этой подпискѣ министерство грозило этимъ профессорамъ немедленнымъ увольненіемъ безъ прошенія. Въ Петербургѣ такое было требованіе предъявлено къ проф. Петражицкому, въ Москвѣ—къ профессорамъ Муромцеву, Шершеневичу и Котляревскому и къ приватъ-доцентамъ Кокошкину и Новгородцеву. Всѣ эти лица отказались дать потребованную отъ нихъ подписку. Въ частности московскіе профессора, какъ сообщаютъ газеты, въ своихъ отзывахъ на требованіе министерства «энергично отвергаютъ предъявленное имъ обвиненіе въ принадлежности къ антигосударственнымъ партіямъ: они никогда къ такимъ партіямъ не принадлежали; давать же подписку, требуемую министерствомъ, они считаютъ излишнимъ, указывая, что ихъ убѣжденія и вся ихъ научная дѣятельность и впредь никогда не позволятъ имъ примыкать къ партіямъ, отрицающимъ государственность» *). Съ своей стороны московскій университетскій совѣтъ выступилъ съ ходатайствомъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія о сохраненіи названныхъ профессоровъ въ составѣ университетскихъ преподавателей, указывая, что увольненіе ихъ «было бы тяжкимъ ударомъ для университета». «Утрата столь крупныхъ преподавательскихъ силъ — по словамъ совѣта — привела бы въ полное разстройство преподаваніе на юридическомъ факультетѣ, гдѣ означенные профессора незамѣнимы, и принесла бы значительный ущербъ преподаванію на историко-филологическомъ факультетѣ. Независимо отъ этого соображенія, увольненіе ученыхъ, пользующихся почетной, вполнѣ заслуженной извѣстностью, неблагопріятно отразится вообще на авторитетѣ преподавательской среды». Прибавляя, что названные профессора, «оставаясь вѣрными долгу службы, никогда не нарушали университетскаго устава» и, «оставаясь вѣрными началамъ строгаго академизма, проводили ясную грань между академической

*) „Рѣчь", 30 августа.

и политической жизнью», совѣтъ высказывалъ свое убѣжденіе, что «увольненіемъ профессоровъ по политическимъ соображеніямъ вопреки интересамъ науки эта грань будетъ стерта». «Совѣтъ, всецѣло оставаясь на академической точкѣ зрѣнія, — заключали московскіе профессора свое ходатайство—полагаетъ, что только строго послѣдовательное проведеніе этой точки зрѣнія можетъ обезпечить правильное теченіе академической жизни» *). Одновременно съ московскими профессорами попытались подѣйствовать на министерство и петербургскіе, проявившіе при этомъ нѣсколько большую рѣшимость. Совѣтъ петербургскаго университета, обсудивъ послѣднія распоряженія министра народнаго просвѣщенія, касающіяся высшихъ учебныхъ заведеній, постановилъ довести до свѣдѣнія министерства, что онъ слагаетъ съ себя всякую моральную отвѣтственность за тѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою приведеніе въ исполненіе этихъ распоряженій. Одновременно съ этимъ ректоръ петербургскаго университета проф. Боргманъ и проректоръ проф. Браунъ заявили объ отказѣ отъ своихъ должностей.

Въ органахъ нашей ежедневной печати дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія относительно университетовъ и положеніе, создающееся въ результатѣ этихъ дѣйствій, нашли себѣ въ общемъ довольно единодушную оцѣнку. Министерство—говоритъ проф. Комаровскій въ «Голосѣ Москвы»—«старается вернуть политику въ жизнь школы, и притомъ ту политику, несостоятельность которой подтвердилась на практикѣ многочисленными результатами въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ». «Къ числу мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ съ цѣлью возвращенія университетовъ на старый путь,—продолжаетъ авторъ—относится столь рекомендуемое правыми очищеніе ихъ отъ неблагонадежнаго на ихъ взглядъ элемента. Эта мѣра представляется столь же несправедливою, сколь и нецѣлесообразною... Должно помнить, что съ введеніемъ политической свободы въ странѣ возникаютъ неизбѣжно партіи не только правительственныя, но и оппозиціонныя. Нельзя принадлежность къ нимъ возводить въ дѣяніе наказуемое и менѣе всего для лицъ, посвящающихъ себя изысканіямъ научной истины. Это значитъ гасить въ странѣ свѣточъ знанія. Но обсуждаемая мѣра и нецѣлесообразна. Ею хотятъ обезпечить законность и порядокъ въ высшей школѣ. На практикѣ она можетъ вызвать большія замѣшательства, какъ стоящая въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ духомъ нашего государственнаго строя. У насъ толкуютъ о новыхъ университетахъ, жалуются на отсутствіе преподавателей, а не проявляютъ настоящаго уваженія къ наукѣ и ея служителямъ. Наука никогда не можетъ унизиться до того, чтобы превратиться въ орудіе лишь политики» *). Подобныя же мысли высказываетъ и петер-

*) „Рѣчь“, 3 сентября.

**) „Голосъ Москвы“, 5 сентября.

бургское «Слово». «Очевидно,—говоритъ эта газета, обсуждая рѣшеніе совѣта петербургскаго университета,—что къ этому рѣшенію можно было придти только при условіи внутренней готовности возложить на себя и общее разрѣшеніе вопроса, снявъ его прежде всего съ молодежи. Только этотъ мотивъ и можетъ, съ нашей точки зрѣнія, оправдать вынесенное профессурой рѣшеніе. Это прежде всего должна понять сама молодежь. И чѣмъ сдержаннѣе она будетъ относиться къ создавшемуся положенію, тѣмъ яснѣе въ глазахъ общества станетъ ненормальность установленнаго послѣдними циркулярами порядка университетской жизни, тѣмъ настоятельнѣй явится необходимость его дѣйствительнаго разрѣшенія. Такое разрѣшеніе возможно однако только черезъ Государственную Думу и университетскій вопросъ, несомнѣнно, долженъ будетъ стать передъ ней въ самую ближайшую очередь. Внутренне онъ уже и теперь стоитъ; онъ стоитъ въ сущности съ конца минувшей сессіи, когда столь ясно было выражено отношеніе большинства Думы къ новому курсу въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Но для того, чтобы Государственная Дума могла успѣшно разрѣшить этотъ вопросъ, инціатива его должна исходить отъ нея самой. Своимъ вмѣшательствомъ студенчество не только не облегчило бы народному представительству этой задачи, а, напротивъ, вызвало бы еще новыя затрудненія общеполитическаго характера» *).

Въ приведенныхъ отзывахъ, при всемъ заключающемся въ нихъ осужденіи мѣръ министерства народнаго просвѣщенія, явственно просвѣчиваетъ взглядъ на эти мѣры, какъ на нѣчто, болѣе или менѣе случайное и обособленное и именно поэтому сравнительно легко поддающееся устраненію. Политика министерства нецѣлесообразна, доказываетъ г. Комаровскій: у насъ толкуютъ объ новыхъ университетахъ, а не уважаютъ старыхъ. Но вѣдь объ новыхъ университетахъ только толкуютъ, а строятъ новыя тюрьмы. Это обстоятельство г. Комаровскій какъ будто забылъ, а между тѣмъ оно могло бы объяснить ему многое, что теперь для него, повидимому, неясно. Г. Комаровскій убѣжденъ, что политика министерства народнаго просвѣщенія «стоитъ въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ духомъ нашего государственнаго строя», но, на чемъ основано это его убѣжденіе, остается неизвѣстнымъ. Въ сущности оно свидѣтельствуетъ больше о готовности автора вѣрить въ «обновленный строй», чѣмъ о способности объяснять переживаемую дѣйствительность. Не болѣе убѣдительны и разсужденія «Слова», проводящія аналогичный взглядъ. Названная газета, какъ мы только что видѣли, считаетъ лишь нужнымъ, чтобы обществу выяснилась ненормальность создающагося въ университетахъ положенія, притомъ выяснилась не изъ чего иного, какъ изъ сдержаннаго поведенія студенчества, и вѣритъ, что такого выясненія ока-

*) „Слово", 5 Сентября.

жется вполнѣ достаточно для «дѣйствительнаго разрѣшенія» университетскаго вопроса. Ожидая благополучнаго разрѣшенія этого вопроса отъ Государственной Думы, газета находитъ залогъ успѣшности такого пути въ воспоминаніяхъ о томъ отношеніи, какое проявлено было уже весною большинствомъ Думы къ министру народнаго просвѣщенія. При этомъ однако «Слово» забываетъ вспомнить, какое отношеніе къ Думѣ проявилъ въ свою очередь самъ г. Шварцъ. Но именно такое забвеніе нѣкоторыхъ фактовъ дѣйствительности и дало возможность и «Голосу Москвы», въ лицѣ г. Комаровскаго, и газетѣ г. Ѳедорова трактовать дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія, какъ рядъ мѣръ, не стоящихъ въ тѣсной и непосредственной связи съ общей политикой текущаго момента и, пожалуй, въ извѣстной степени даже противорѣчащихъ ей.

Въ еще болѣе рѣзкой и оголенной формѣ тотъ же взглядъ высказывается петербургскою «Рѣчью». По мнѣнію этой послѣдней газеты, въ русской печати по отношенію къ вопросамъ академической жизни «нѣтъ въ сущности никакихъ разногласій, никакой партійной обособленности, и нерѣдко въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» высказываются тѣ же сужденія, что и въ октябристской прессѣ и въ «лѣвыхъ листкахъ». «Черта эта — продолжаетъ газета—такъ же характерна, какъ и давно знакома. Въ вопросахъ религіозной свободы и академической жизни наше общественное мнѣніе давно уже отличается исключительнымъ единодушіемъ и этимъ именно объясняется, что въ разсматриваемой области возможны были рѣшительные повороты тогда, когда вообще во внутренней политикѣ царилъ рѣшительный застой. Достаточно напомнить о режимѣ сердечнаго попеченія Ванновскаго, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Д. А. Сипягинъ, о Д. Ѳ. Треповѣ, установившемъ университетскую автономію, и т. д.» *). Сообразно такому взгляду, «Рѣчь» разсматриваетъ политику г. Шварца, какъ явленіе, очень мало гармонирующее съ общей политикой настоящаго момента и скорѣе даже рѣзко выдѣляющееся изъ послѣдней. «Министерство народнаго просвѣщенія—говоритъ газета въ другой своей статьѣ объ этомъ вопросѣ—единственное, которое наравнѣ съ Думбадзе и Толмачевыми приходится защищать штрафами отъ оцѣнки его дѣятельности общественнымъ мнѣніемъ; никакое другое министерство—надо воздать должное каждому—не прибѣгало къ этой защитѣ, не искало прикрытія за щитомъ военныхъ и чрезвычайныхъ положеній, и смѣло можно сказать, что вѣдомство просвѣщенія опирается на исключительныя охраны въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ. Трудно было бы упрекнуть нынѣшній кабинетъ въ крайностяхъ либерализма, но и въ составъ этого «объединеннаго правительства», объ-

*) „Рѣчь“, 3 сентября.

единеннаго преимущественно идеей объ «успокоеніи», а не о реформахъ, министерство народнаго просвѣщенія занимаетъ какое-то особое положеніе, является своего рода status in statu и ведетъ свою независимую политику, которую всякій благоразумный человѣкъ назоветъ политикой раздраженія, а не успокоенія» *).

Всѣ эти утвержденія чрезвычайно рѣшительны, но едва-ли сколько-нибудь правильны. Изъ того факта, что даже «Московскія Вѣдомости» не рѣшились безусловно защищать позицію г. Шварца въ дѣлѣ изгнанія изъ университетовъ профессоровъ, принадлежащихъ къ конституціонно-демократической партіи, заключать объ единодушіи всей русской печати и всего русскаго общества въ вопросахъ академической жизни можно только при помощи очень смѣлаго логическаго прыжка. На дѣлѣ такого полнаго единодушія у насъ, конечно, не существуетъ. Больше того,—даже сами подвергшіеся угрозъ изгнанія изъ московскаго университета профессора, если только ихъ отвѣтъ министерству правильно переданъ «Рѣчью», не рѣшились вполнѣ послѣдовательно провести точку зрѣнія академической свободы и нашли нужнымъ заявить, что они не принадлежали и не могутъ принадлежать къ анти-государственнымъ партіямъ, какъ будто такая принадлежность сама по себѣ является уже препятствіемъ къ занятію университетской каѳедры. Что касается нашей печати, то въ ней и подавно нельзя найти полнаго единодушія въ отстаиваніи идеи академической свободы и въ примѣненіи этой идеи къ профессорамъ и студентамъ нашихъ университетовъ. И, когда «Рѣчь» лишь «исключительнымъ единодушіемъ общественнаго мнѣнія» объясняетъ «рѣшительные повороты» въ школьной политикѣ, вродѣ происшедшаго въ министерство Ванновскаго, она по-просту забываетъ дѣйствительныя причины этихъ «рѣшительныхъ поворотовъ». Только крайней забывчивостью, позволяющей совершенно не считаться съ фактами дѣйствительности, можно объяснить и утвержденіе «Рѣчи», будто министерство народнаго просвѣщенія у насъ единственное, которое «приходится защищать штрафами отъ оцѣнки его дѣятельности общественнымъ мнѣніемъ». Такая забывчивость является почти невѣроятной. Слишкомъ часто, въ самомъ дѣлѣ, приходилось самой газетѣ сообщать факты, идущіе въ разрѣзъ съ ея нынѣшнимъ категорическимъ утвержденіемъ. Вотъ для примѣра одинъ изъ нихъ. Не далѣе, какъ въ началѣ августа, газета «Кіевская Мысль» была оштрафована на 500 р. за статью по поводу слуховъ о назначеніи ген. Клейгельса и за фельетонъ, посвященный проекту увеличенія наказанія за голодовки въ тюрьмахъ **). И, конечно, ни назначеніе ген. Клейгельса, ни кары заключеннымъ за голодовки не могли исходить отъ министерства народнаго просвѣщенія и не охрану послѣдняго отъ кри-

*) „Рѣчь“, 26 августа.
**) „Рѣчь“, 8 августа.

тики преслѣдовалъ этотъ штрафъ. Но въ сущности нужны ли здѣсь даже примѣры? У всѣхъ, вѣроятно, въ памяти длинный рядъ штрафовъ, наложенныхъ на органы печати вовсе не за оцѣнку дѣйствій вѣдомства просвѣщенія, и всѣмъ также извѣстно, что эта система штрафовъ введена въ дѣйствіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и самые штрафы налагаются именно его чинами, а не чинами министерства народнаго просвѣщенія. Утвержденіе «Рѣчи», будто это послѣднее министерство одно изъ всѣхъ нашихъ министерствъ охраняется штрафами отъ оцѣнки его дѣйствій общественнымъ мнѣніемъ, въ концѣ концовъ такъ же странно и такъ же мало отражаетъ дѣйствительность, какъ и другое утвержденіе конституціонно-демократической газеты, будто наше вѣдомство просвѣщенія опирается на исключительныя охраны въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Но несостоятельны не только тѣ аргументы, которыми «Рѣчь» поддерживаетъ свою мысль о совершенно особомъ мѣстѣ, какое будто бы занимаетъ министерство народнаго просвѣщенія въ составѣ нынѣшняго правительства. Несостоятельна въ сущности и самая эта мысль. Правительство устами «освѣдомительнаго бюро» поспѣшило уже заявить, что совѣтъ министровъ вполнѣ солидаренъ съ политикою г. Шварца и какъ нельзя болѣе одобряетъ всѣ его мѣропріятія, находя ихъ совершенно соотвѣтствующими задачамъ момента. Но, еслибы даже такого заявленія и не было сдѣлано, трудно было бы не видѣть, что министерство народнаго просвѣщенія подъ руководствомъ г. Шварца проводитъ ту же самую политику, какая опредѣляетъ собою и всѣ вообще дѣйствія правительства. Менѣе всего въ данномъ случаѣ можно говорить о дисгармоніи, о противорѣчіяхъ между дѣятельностью отдѣльнаго вѣдомства и работой всего правительственнаго механизма. Наоборотъ, всѣ мѣропріятія г. Шварца, начиная съ окончательнаго разрушенія студенческихъ организацій, продолжая уничтоженіемъ профессорской автономіи и кончая изгнаніемъ изъ университетовъ вольнослушательницъ и «неблагонадежныхъ» въ политическомъ смыслѣ профессоровъ, какъ нельзя болѣе согласованы съ задачами общей правительственной политики текущаго момента. Полное возстановленіе прежнихъ порядковъ, сводящихся къ совершенному безправію населенія и къ отсутствію въ его средѣ сколько-нибудь самостоятельныхъ общественныхъ организацій,—такова основная цѣль, преслѣдуемая этой политикой въ рамкахъ «обновленнаго строя». И, если министерство народнаго просвѣщенія въ стремленіи къ этой цѣли прибѣгаетъ къ героическимъ средствамъ, то не такъ трудно указать области, въ которыхъ правительство примѣняетъ средства, еще болѣе героическія.

Около мѣсяца тому назадъ въ варшавской судебной палатѣ разбиралось дѣло бывшаго пабіаницкаго полиціймейстера Іонина, обвинявшагося въ убійствѣ арестованнаго рабочаго Нарциса Гри-

зеля и дѣло это лишній разъ вскрыло мрачную картину порядковъ, царящихъ въ нашихъ тюрьмахъ. Іонинъ раньше былъ помощникомъ начальника въ рижской тюрьмѣ, пріобрѣтшей громкую извѣстность тѣми пытками и истязаніями, которыя производились въ ней надъ заключенными. Затѣмъ онъ былъ назначенъ полиціймейстеромъ въ г. Пабіаницы, Петроковской губерніи. Здѣсь онъ окружилъ себя вооруженной стражей, безпрекословно повиновавшейся всѣмъ его приказаніямъ, и занялся усерднымъ вымогательствомъ денегъ съ обывателей, широко пользуясь тѣми удобствами, которыя предоставляло ему военное положеніе, надѣлившее его почти безграничною властью. Въ должности полиціймейстера онъ оставался три мѣсяца, пока его карьера не была прервана дѣломъ объ убійствѣ Гризеля. Самое это убійство, какъ выяснилось на судѣ, было произведено необыкновенно просто, чуть не какъ самый обычный актъ управленія. Гризель былъ арестованъ въ результатѣ анонимнаго письма, извѣщавшаго Іонина, будто Гризель собирается убить его. Арестовавъ Гризеля, Іонинъ не отправилъ его въ тюрьму, а распорядился содержать закованнымъ въ кандалы въ канцеляріи полицейскаго управленія и въ сущности даже не скрывалъ, что намѣренъ съ нимъ сдѣлать. Начальнику земской стражи Мягкову не обинуясь, сообщилъ, что Гризель хотѣлъ его убить, но онъ его проучитъ. Отцу Гризеля, просившему передать дѣло его сына въ судъ, Іонинъ сказалъ еще прямѣе: «я убью твоего сына, потому что онъ грозился убить меня». И Гризель, дѣйствительно, былъ убитъ. Какъ-то ночью Іонинъ, отправляясь со стражниками на обыскъ, велѣлъ имъ взять съ собою Гризеля, якобы потому, что онъ можетъ понадобиться при обыскахъ, причемъ распорядился расковать его. Выведя за городъ окруженнаго стражниками арестанта, Іонинъ выстрѣлилъ въ него и, не убивъ сразу, приказалъ стражникамъ добить раненаго. Стражники исполнили приказаніе, а затѣмъ Іонинъ сообщилъ начальству, что Гризель убитъ при попыткѣ къ бѣгству. Когда не присутствовавшій при убійствѣ начальникъ земской стражи предложилъ полиціймейстеру, увѣдомивъ начальство, поставить при трупѣ охрану, Іонинъ изумился. «У насъ, въ Прибалтійскомъ краѣ,—заявилъ онъ—дѣлали иначе: закапывали убитаго въ землю и—баста!» Трупъ Гризеля и дѣйствительно былъ-таки закопанъ безъ освидѣтельствованія. Но отецъ убитаго подалъ жалобу на дѣйствія Іонина, дѣло раскрылось и варшавская судебная палата, разбиравшая его, приговорила бывшаго пабіаницкаго полиціймейстера къ 12 годамъ каторги *).

Во время разбирательства дѣла Іонина защитникъ послѣдняго, г. Булацель, утверждалъ, что поступокъ Іонина не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, и въ доказательство ссылался на приказъ губернатора Казнакова убивать арестантовъ, которые попытались бы

*) „Рѣчь“, 15 и 19 августа.

бѣжать. Такого рода защита сама по себѣ уже очень характерна для переживаемаго нами момента. Но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что полиціймейстеръ Іонинъ съ его подвигами не представляетъ собою черезчуръ рѣзкаго исключенія въ рядахъ нынѣшней администраціи. Въ Ригѣ и вообще во всемъ Прибалтійскомъ краѣ убійства арестованныхъ «при попыткѣ къ бѣгству» одно время были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. И отношеніе къ этимъ убійствамъ со стороны администраціи было самое простое: «закапывали убитаго въ землю и баста!» —говоря словами Іонина. Въ остальной Россіи такіе случаи бывали рѣже, но за то очень часто повторялись и повторяются разстрѣлы заключенныхъ въ тюрьмахъ часовыми и тюремной стражей. Очень часто также въ газетной хроникѣ мелькаютъ извѣстія о разнообразныхъ пыткахъ и истязаніяхъ, которымъ подвергаются политическіе заключенные въ тюрьмахъ. Но даже и тамъ, гдѣ не практикуются ни прямыя убійства, ни пытки, современный тюремный режимъ представляется однимъ сплошнымъ истязаніемъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мнѣ пришлось уже говорить о тѣхъ порядкахъ, какіе установились за послѣднее время въ тюрьмахъ Нерчинской каторги. Вновь полученныя съ той поры свѣдѣнія позволяютъ нѣсколько дополнить картину этихъ порядковъ, въ самыхъ бѣглыхъ и общихъ чертахъ набросанную мною мѣсяцъ тому назадъ. Въ Акатуйской тюрьмѣ, согласно этимъ свѣдѣніямъ, царитъ невѣроятно жестокій режимъ, на политическихъ каторжанъ наложена принудительная работа, работа страшно тяжелая, и вмѣстѣ съ тѣмъ они вынуждены переносить непрерывное глумленіе и издѣвательство со стороны администраціи. «Акатуй—это царство мертвыхъ»,—говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ. «Это царство сплошного ужаса»,—пишетъ другой. Не многимъ лучше политическимъ каторжникамъ и въ Алгачинской тюрьмѣ. Здѣсь, правда, нѣтъ для нихъ принудительныхъ работъ, но во всемъ остальномъ и здѣсь установленъ такой же жестокій режимъ и практикуется такое же издѣвательство надъ заключенными. Начальство тюрьмы требуетъ отъ послѣднихъ не только безусловной покорности, но и своего рода солдатской выправки. Тѣ изъ нихъ, кто отвѣчаетъ на здорованье начальства «здравствуйте», а не «здравія желаемъ», кто отказывается пѣть въ камерахъ молитвы и ходить въ церковь на религіозно-нравственныя бесѣды, немедленно подвергаются различнымъ наказаніямъ, въ видѣ заключенія на нѣсколько дней въ темный карцеръ, лишенія прогулокъ, книгъ, переписки, выписки, табаку, сахару и т. д. «Въ карцеръ сажаютъ—пишетъ одинъ корреспондентъ—за всякій пустякъ, и карцеры переполнены какъ никогда. Не отвѣтилъ достаточно громко на повѣркѣ «я»,—карцеръ, подошелъ къ окнамъ чужой камеры—карцеръ. Старшій надзиратель своею властью сажаетъ за недостаточно почтительное отношеніе къ нему, подыскать нужный предлогъ ему ничего не

стоитъ». Болѣе слабые и менѣе сознательные изъ каторжанъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ репрессій сдались и пошли на уступки требованіямъ начальства, болѣе сильные крѣпятся, мужественно отстаивая свое человѣческое достоинство, и въ тюрьмѣ идетъ глухая и упорная борьба, отнимающая послѣднія силы у измученныхъ заключенныхъ и грозящая ежеминутно превратиться для нихъ въ кровавую трагедію.

Такова современная обстановка жизни на сибирской каторгѣ. Но и въ тюрьмахъ Европейской Россіи, при томъ тюрьмахъ не каторжнаго типа, жизнь въ свою очередь бываетъ подчасъ такова, что арестанты, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, «мечтаютъ о каторгѣ». Весною текущаго года екатеринославское губернское земство сочло нужнымъ экстренно командировать завѣдующаго санитарнымъ отдѣленіемъ губернской управы въ г. Луганскъ «для выясненія и принятія мѣръ по борьбѣ съ развившимся въ луганской тюрьмѣ и обсѣменившимъ весь уѣздъ сыпнымъ тифомъ». Организованная этимъ завѣдующимъ особая врачебная коммиссія осмотрѣла Луганскую тюрьму и представила отчетъ о своемъ осмотрѣ губернской земской управѣ. Нынѣшніе екатеринославскіе земцы, какъ извѣстно, не отличаются особымъ мягкосердечіемъ по отношенію къ «преступному элементу», но, ознакомившись съ этимъ отчетомъ, они пришли въ ужасъ и постановили довести заключающіяся въ немъ данныя до свѣдѣнія губернской администраціи. И, дѣйствительно, было отъ чего придти въ ужасъ. Чтобы читатель могъ самъ судить о характерѣ луганской тюрьмы, я позволю себѣ воспроизвести нѣкоторыя мѣста изъ отчета земской коммиссіи.

«Помѣщеніе тюрьмы—говоритъ коммиссія—разсчитано на 134 человѣка, а въ февралѣ тамъ находилось 394 человѣка. По собраннымъ свѣдѣніямъ тюрьма была еще болѣе густо населена, такъ въ іюнѣ и іюлѣ содержалось до 432 человѣкъ. Если принять во вниманіе соотношеніе между первыми двумя цифрами 134 и 394, то оказывается, что тюрьма переполнена втрое противъ нормы. Если же обратить вниманіе на размѣщеніе заключенныхъ по камерамъ, то увидимъ, что переполненіе будетъ въ 4, въ 5 и даже въ 6 разъ болѣе противъ нормы, такъ какъ въ одиночныхъ камерахъ, обусловливающихъ по своему устройству возможный минимумъ воздуха лишь на одного человѣка, сидитъ въ большинствѣ случаевъ по 5 человѣкъ; встрѣчается рѣже по 4 и по 6. Такимъ образомъ, вмѣсто обычныхъ 2 или $2^1/_2$ куб. сажени, на одного приходится только 0,5, а во многихъ случаяхъ и 0,3 кубика, т. е. въ 5—6 разъ меньше, а если вычесть объемъ, занимаемый пятью или шестью тѣлами, а также одеждой, то содержаніе воздуха будетъ поистинѣ ничтожное, обусловливающее собою хроническое кислородное (воздушное) голоданіе». Вдобавокъ болѣе, чѣмъ въ половинѣ камеръ «окна не открываются и камеры абсолютно не провѣтриваются, потому что въ большинствѣ камеръ имѣются тяжело

больные, совершенно не оставляющіе камеръ втеченіе сутокъ, такъ что въ большинствѣ этихъ камеръ воздухъ до такой степени спертый, вонючій, удушливый, что первое время, когда входишь, буквально чувствуешь тошноту и состояніе, близкое къ обмороку. Воздухъ корридоровъ въ сравненіи съ камернымъ кажется хорошимъ. А воздухъ корридоровъ, за исключеніемъ третьяго этажа, вездѣ сырой, а на второмъ этажѣ эта сырость, эта промозглая атмосфера гнили и плѣсени положительно охватываетъ васъ». Къ тому же въ камерахъ стоятъ зловонныя, ничѣмъ не прикрытыя «парашки» и въ камерахъ же производится стирка бѣлья заключенными.

Бѣлье на арестантахъ «невѣроятно грязно». «Очень многіе носятъ свое бѣлье, такъ какъ казеннаго недостаточно». Въ общемъ бѣлье «производитъ впечатлѣніе немытаго цѣлыми мѣсяцами». «Отмѣчено даже однимъ должностнымъ лицомъ оффиціально, что бѣлье не мѣнялось съ Рождества до мая». Полъ въ корридорахъ и камерахъ тюрьмы вездѣ грязный и ослизлый. Между тѣмъ въ одиночныхъ камерахъ имѣется только по одной кровати, а тюфяковъ у большинства заключенныхъ совсѣмъ нѣтъ, да и тѣ, которые имѣются, «тюфяки только по названію». «Встрѣчаются и такія одиночныя камеры, гдѣ всѣ спятъ на полу. Въ общихъ камерахъ нѣтъ наръ; спятъ всѣ на полу. Нѣтъ столовъ въ одиночныхъ камерахъ, а потому большею частью все съѣстное находится на полу». Коммиссію ждали въ тюрьмѣ, къ ея осмотру готовились и тѣмъ не менѣе въ тюремной кухнѣ коммиссія застала такую же грязь, какъ и повсюду въ тюрьмѣ. «Ковшъ, которымъ мѣшалась пища въ котлѣ и разливалась, былъ ветхъ, протекалъ и былъ заткнутъ тряпкой»; въ больничномъ суповомъ ведрѣ «дно было также заткнуто тряпкой». Всю вообще посуду коммиссія нашла крайне грязной. «Посуда моется—отмѣтила она—кое-какъ, не кипятится, а выполаскивается водой и вытирается мочалкой, которая была такъ грязна и черна, что никто изъ коммиссіи не рѣшился взять ее въ руки». «Чайники, въ которыхъ разносилась вода, ветхи, поломаны, съ большимъ бѣлымъ осадкомъ на стѣнкахъ и днѣ».

«Коммиссія пыталась—продолжаетъ отчетъ—выяснить вопросъ, чѣмъ питается тюрьма въ то время, когда ее поражаетъ сыпной тифъ, заслужившій давно въ земской практикѣ нелестное названіе «голоднаго», и есть-ли какія-нибудь основанія къ тому, чтобы развитіе эпидеміи сыпного тифа въ тюрьмѣ ставить въ зависимость отъ недостатка питанія. На этотъ вопросъ коммиссія могла отвѣтить только, что тюрьма ѣстъ недостаточно, а въ тотъ моментъ, когда происходилъ осмотръ, тюрьма третій день постила и начиналось полуголодное состояніе, ибо постная пища въ тюрьмѣ есть тотъ питательный минимумъ, при которомъ человѣкъ только не умираетъ съ голоду». Помимо того, пища, приготовляемая для заключенныхъ, оказалась недоброкачественной и неудобосъѣдобной, хотя въ тюремной кладовой имѣлись

удовлетворительные продукты. «Политическимъ заключеннымъ—отмѣчала далѣе комиссія—запрещено имѣть свой собственный столъ, не смотря на то, что вездѣ существуетъ такъ называемая улучшенная пища для политическихъ. „Передача“ продуктовъ со стороны почему-то затруднена, были жалобы заключенныхъ на то, что по нѣсколькимъ недѣлямъ не разрѣшаютъ „выписки“, приходилось сидѣть безъ чая и сахара».

Луганская тюрьма явилась очагомъ эпидеміи сыпного тифа, распространившейся изъ нея на г. Луганскъ, а затѣмъ и на весь Славяносербскій уѣздъ. Въ самой тюрьмѣ процентъ заболѣваемости и смертности былъ очень высокъ. Но даже и это обстоятельство не заставило администрацію обратить больше вниманія на санитарное состояніе тюрьмы. «Собственно говоря,—замѣчала земская коммиссія въ своемъ отчетѣ—слово медико-санитарная организація для тюрьмы звучитъ горькой ироніей. Даже примитивный санитарный надзоръ находится въ жалкомъ состояніи и можно утверждать, что его нѣтъ совсѣмъ». Докторъ почти не посѣщаетъ тюрьмы и вся она остается на рукахъ одного фельдшера. «Аптека совершенно не оправдываетъ своего названія, такъ какъ лекарствъ въ ней почти совсѣмъ никакихъ нѣтъ». «Больные несвоевременно осматриваются, подолгу ожидаютъ своей очереди, залеживаются въ одиночныхъ камерахъ, гдѣ ихъ скопляется до 3-хъ человѣкъ при 5—6 всего населенія одиночки». «Послѣ заболѣванія сыпнымъ тифомъ камеры не дезинфецируются; постели отъ сыпно-тифозныхъ непосредственно переходятъ въ здоровымъ; изъ заразнаго барака, въ виду отсутствія тамъ мѣстъ, больные возвращаются очень рано обратно въ тюрьму». Ухода за больными никакого нѣтъ. «Изолированныхъ больныхъ въ тюремномъ баракѣ кладутъ на полъ, не смотря на то, что у администраціи были средства для болѣе удобнаго устройства больныхъ». Между прочимъ, въ больницѣ комиссія нашла двухъ больныхъ, изъ которыхъ одинъ уже 8, а другой 15 дней лежали съ повышенной температурой, при чемъ оба оставались закованными въ кандалы. «Въ объясненіе этого—разсказываютъ члены коммиссіи въ своемъ отчетѣ—мы услышали, что они только по предписанію доктора могутъ быть раскованы, каковое распоряженіе и было сдѣлано при насъ».

Въ концѣ концовъ земскіе уполномоченные вынуждены были въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ отозваться о режимѣ Луганской тюрьмы. «Начиная съ мелочей,—говорятъ они—во всемъ проглядываетъ даже не просто суровая дисциплина, а жестокость... Въ ту пору, когда болѣзнь уноситъ жертву за жертвой, когда поступившій на короткій срокъ рискуетъ заболѣть и умереть отъ тифа, когда тюрьма превратилась въ одинъ сплошной лазаретъ, гдѣ нѣтъ, однако, ни ухода, ни врачебнаго, ни даже фельдшерскаго надзора, когда тюрьма является гнѣздомъ и разсадникомъ тифа для населенія города и всего уѣзда, тамъ, въ тюрьмѣ, проводится

такой режимъ, который нетерпимъ съ точки зрѣнія закона даже въ обычное время» *).

Не всѣ наши тюрьмы, конечно, являются, подобно Луганской очагами и разсадниками заразныхъ болѣзней. Но тотъ режимъ, который поразилъ екатеринославскихъ земцевъ, составляетъ во всякомъ случаѣ достояніе не одной только Луганской тюрьмы. Переполненіе тюремъ со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями—фактъ, общій для всей Россіи. Равнымъ образомъ и усиленіе строгости тюремныхъ порядковъ происходитъ по всей Россіи и зависитъ оно не только отъ начальниковъ мѣстныхъ тюремъ. Такъ, напримѣръ, воспрещеніе или, по меньшей мѣрѣ, серьезное ограниченіе передачи заключеннымъ продуктовъ со стороны продиктовано отдѣльнымъ тюрьмамъ изъ центра. Изъ центра же исходятъ и другія мѣропріятія, направленныя къ увеличенію суровости заключенія. Въ минувшемъ августѣ, по словамъ газетъ, начальникамъ всѣхъ мѣстъ заключенія былъ разосланъ отъ главнаго тюремнаго управленія циркуляръ, въ которомъ устанавливаются новыя правила для содержанія ссыльно-каторжныхъ. Циркуляръ этотъ во многомъ измѣняетъ положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ ссыльно-каторжныхъ. Раньше они могли имѣть свиданіе еженедѣльно. Теперь, согласно циркуляру, свиданія должны разрѣшаться имъ лишь разъ въ мѣсяцъ, черезъ рѣшетки, по 15 минутъ, и притомъ только съ ближайшими родственниками. Раньше заключенные могли отправлять письма разъ въ недѣлю, а получать въ неограниченномъ количествѣ. Теперь, какъ къ заключеннымъ, такъ и отъ нихъ предписывается допускать въ мѣсяцъ лишь одно письмо на одномъ почтовомъ листкѣ. Кромѣ того, циркуляръ содержитъ въ себѣ еще рядъ другихъ ограниченій, касающихся передачи заключеннымъ книгъ, одежды и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій, по свѣдѣніямъ газетъ, уже и примѣняются на практикѣ: такъ, напримѣръ, чернила и перья у заключенныхъ отобраны и имъ оставлены для занятій въ камерахъ только карандаши **). И забота главнаго тюремнаго начальства о заключенныхъ выразилась не только въ этомъ циркулярѣ. Не такъ давно главное тюремное управленіе нашло нужнымъ опровергнуть появившееся въ газетахъ извѣстіе о томъ, будто бы этимъ управленіемъ представленъ въ министерство юстиціи проектъ новыхъ правилъ голодовки въ тюрьмахъ, предлагающій карать за голодовку увеличеніемъ срока заключенія. «Главное тюремное управленіе—говорилось въ опроверженіи—уже неоднократно имѣло случай заявить, что отказъ заключенныхъ отъ принятія пищи не составляетъ самъ по себѣ дисциплинарнаго

---

*) „Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губерніи". Изданіе Екатеринославской губернской земской управы. 1908 г. № 1—3. Стр. 1, 3—4, 5, 9, 7—8, 10, 16, 21, 11, 14, 13.

**) „Рѣчь", 26 августа.

проступка, что за голодовки заключенные никогда не подвергаются взысканіямъ и что противъ голодовокъ не предполагается принимать никакихъ мѣръ». Но въ томъ же номерѣ газетъ, въ которомъ было напечатано это опроверженіе, рядомъ съ нимъ было помѣщено такое сообщеніе: «главное тюремное управленіе предписало начальникамъ мѣстъ заключенія въ Петербургѣ, въ случаѣ возникновенія голодовокъ въ тюрьмахъ, не переводить голодающихъ, даже въ крайнихъ случаяхъ, въ больницы» *).

«Начиная съ мелочей, во всемъ проглядываетъ даже не просто суровая дисциплина, а жестокость»... Этотъ отзывъ съ полною справедливостью можетъ быть приложенъ не къ какой-либо отдѣльной тюрьмѣ, а ко всѣмъ нынѣшнимъ тюремнымъ порядкамъ. Казалось бы, если заключенный въ тюрьмѣ получитъ или отправитъ лишнее письмо, прочтетъ лишнюю книгу или воспользуется улучшенной пищей, отъ всего этого не произойдетъ никакого потрясенія основъ. И тѣмъ не менѣе все это воспрещается. Заключенные обрекаются на возможно болѣе полное изолированіе отъ всего міра, осуждаются на умственный и физическій голодъ и помимо этого по отношенію къ нимъ практикуется еще рядъ мѣръ, какъ бы спеціально предназначенныхъ для того, чтобы унизить ихъ человѣческое достоинство. Если же заключенные, потерявъ терпѣніе, рѣшаются на такую самоубійственную форму протеста, какъ голодовка, то ихъ не караютъ, такъ какъ «отказъ отъ принятія пищи не составляетъ самъ по себѣ дисциплинарнаго проступка», а лишь запрещаютъ перевозить голодающихъ, даже въ крайнихъ случаяхъ, въ больницы. Это не кара, это только естественное послѣдствіе поведенія самихъ заключенныхъ, пожалуй это даже помощь имъ въ доведеніи до конца задуманнаго ими дѣла самоубійства. И въ полномъ удовлетвореніи своими мѣрами главное тюремное управленіе съ торжествомъ сообщаетъ, что «получившія одно время значительное распространеніе въ тюрьмахъ голодовки сдѣлались теперь сравнительно рѣдкимъ явленіемъ, что объясняется, несомнѣнно, проникшимъ въ среду заключенныхъ убѣжденіемъ въ невозможности добиться путемъ голодовки какихъ бы то ни было уступокъ со стороны тюремнаго начальства».

Таковы реформы, создающіяся на нашихъ глазахъ въ рамкахъ «обновленнаго строя». Въ концѣ концовъ онѣ одинаковы во всѣхъ областяхъ жизни. Всюду онѣ идутъ въ одномъ и томъ же направленіи, всюду несутъ съ собою одни и тѣ же результаты. Иного рода реформъ этотъ «обновленный строй» органически неспособенъ дать. И поэтому, когда газетные публицисты начинаютъ пугать насъ, что «обновленный строй», воплощаемый г. Столыпинымъ, можетъ уступить свое мѣсто «реакціи», это выходитъ не такъ ужъ страшно. Страшно было бы другое, страшно было бы представить

*) «Рѣчь», 26 августа.

себѣ, что этотъ «обновленный строй» долго еще будетъ существовать и дарить насъ своими реформами. Однако не слѣдуетъ преувеличивать и эти опасенія. То чрезвычайное напряженіе силъ и средствъ государственнаго механизма, съ какимъ проводятъ правительственные дѣятели настоящаго момента свои реформы, само по себѣ уже служитъ плохимъ залогомъ долговѣчности послѣднихъ. Нельзя, конечно, надѣяться, что эти дѣятели сами когда-либо остановятся передъ такимъ напряженіемъ и умѣрятъ размахъ своихъ дѣйствій. Такого рода надежды были бы не болѣе, какъ наивными мечтаніями. Но въ «реформахъ» текущаго момента есть не только казовая сторона, которой дорожатъ ихъ творцы, въ нихъ есть еще и изнанка. Путемъ этихъ «реформъ», исходящихъ изъ одной основной идеи и образующихъ довольно стройную въ своемъ родѣ систему мѣропріятій, жизнь страны загоняется на прежніе, до самаго конца пройденные пути, отливается въ старыя, давно изжитыя и такъ еще недавно на глазахъ у всѣхъ поколебавшіяся формы. Начиная съ крупныхъ вопросовъ государственнаго строительства и кончая мелкими подробностями обывательскаго обихода, вся жизнь укладывается на Прокрустово ложе стараго государственнаго порядка и всѣ ея разнообразныя проявленія сдавливаются желѣзными тисками полицейскаго насилія. Но живыхъ силъ, неспособныхъ помириться съ возстановленіемъ стараго порядка, въ странѣ слишкомъ много и область репрессій неизбѣжно все болѣе расширяется, ихъ тяжесть все болѣе возрастаетъ. Конечный исходъ для этого процесса возможенъ лишь одинъ. Какъ ни велики средства государственнаго механизма, силы народнаго организма въ послѣднемъ счетѣ все же превосходятъ ихъ. Онѣ могутъ до поры, до времени оставаться въ бездѣйствіи или не проявлять большой энергіи, но, когда чуть не всѣ проявленія народной жизни оказываются одинаково стѣсненными, послѣдняя необходимо направляется на борьбу съ этими стѣсненіями. Трудно было бы предсказывать, когда и въ какой формѣ эта борьба можетъ принять рѣшительный оборотъ, но неизбѣжность его стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. И она представляется тѣмъ яснѣе, чѣмъ сильнѣе сгущаются тучи репрессій, чѣмъ большую область онѣ захватываютъ и чѣмъ очевиднѣе становится, что «чаша съ краями полна».

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Валерій Брюсовъ. Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ. Т. II. К—во «Скорпіонъ». М. 1908. Ц. 2 р.

Къ той общей характеристикѣ г. Брюсова, которая не такъ давно (1908, май) была дана на страницахъ «Р. Б.» по поводу I тома «Путей и Перепутій»,—вышедшій теперь въ свѣтъ II томъ прибавляетъ мало. Здѣсь собраны произведенія позднѣйшаго, зрѣлаго періода творчества поэта, и критика должна отнестись къ нимъ съ большей строгостью.

Прежде всего читателя поражаетъ все та же, давно извѣстная, самовлюбленность автора. Уже во вступительной пьесѣ книги, напечатанной курсивомъ, утверждается, что стихи г. Брюсова «прозвучали навѣкъ», что «и дѣвы, и юноши встали, вѣнчая его, какъ царя»; а другое стихотвореніе гласитъ:

Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
И что бы ни задумалъ я спѣть, запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ, что я—поэтъ!
Я въ жизнь пришелъ поэтомъ, я избранъ былъ судьбой
И даже противъ воли останусь самъ собой.
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть,
Не знаю самъ, какая, и все-жъ я—міру вѣсть!

Въ посвященіи г. Юргису Балтрушайтису (есть такой декадентскій поэтъ) читаемъ:

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья(!!), ожерелья и слова,
Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.
Блудящій огонекъ—*надежда всей вселенной*—
Намъ окружилъ вѣнцами волоса,
И если мы умремъ, то онъ, нетлѣнный,
Изъ жизни отлетитъ къ планетамъ, въ небеса.
Тяжелая плита надъ нашей мертвой грудью
Задвинетъ навсегда всѣ вѣщіе пути,
И вѣтеръ будетъ пѣть унылый гимнъ безлюдью...
Намъ умереть нельзя! Нѣтъ, мы должны идти!

Даже страшно становится: вдругъ погибнутъ безвременно, благодаря какой-нибудь глупой случайности, г. Валерій Брюсовъ и г. Юр-

гисъ Балтрушайтисъ—и съ ними погибнетъ «надежда всей вселенной», «задвинутся навсегда всѣ вѣщіе пути, и вѣтеръ станетъ пѣть унылый гимнъ безлюдью»!..

Нѣкоторое чувство скромности овладѣваетъ нашимъ поэтомъ только тогда, когда рѣчь заходитъ о «поэтѣ и братѣ», г. Бальмонтѣ, который считается какъ бы законнымъ царемъ школы и стоитъ «гдѣ-то тамъ, на высотѣ», куда «намъ не досягнуть» (замѣтимъ кстати, эти стихи, посвященные Бальмонту, очень красивы).

Очень недурно владѣя стихотворной формой, г. Брюсовъ можетъ написать стихи *подъ* любого поэта, даже подъ самого Пушкина, но скуденъ, къ сожалѣнію, его собственный поэтическій стаканъ бѣденъ собственный духовный обликъ, и даже въ лучшихъ вещахъ г. Брюсова нерѣдко можно, при самомъ поверхностномъ анализѣ,различить чужіе звуки и образы. Особенно свободно пользуется г. Брюсовъ французскимъ поэтомъ Бодлэромъ, имитируя его въ настроеніяхъ, въ цѣлыхъ пьесахъ и въ отдѣльныхъ стихахъ и выраженіяхъ («Втируша», «Чудовище», «Царица», «Прохожей», «Въ раю», «Ночь» и т. д.).

Если вечеромъ теплымъ осеннимъ закрою глаза я,
Изъ груди твоей жаркой вдыхая живой ароматъ,
Мнѣ приснятся тотчасъ берега благодатнаго края,
Гдѣ лучи монотонные солнца такъ ярко горятъ,—

говоритъ Бодлэръ, и г. Брюсовъ, въ свою очередь, пишетъ:

Лишь закрою глаза, какъ мнѣ видится берегъ
Полноводной рѣки...

Бодлэръ изображаетъ незнакомку, которая прошла мимо него, по людной улицѣ, «царственной поступью, тѣнью безшумной»,—и такова же «Царица» г. Брюсова:

Съ конки сошла она шагомъ богини...

«Ребекка! Лія! Мать!»—патетически восклицаетъ г. Брюсовъ, явно перефразируя риторическій оборотъ того же французскаго поэта, и приводитъ въ полный восторгъ гг. Пильскихъ, Ляцкихъ и имъ подобныхъ критиковъ. Но и русскихъ поэтовъ пощипываетъ онъ не меньше, особенно же мало извѣстнаго большой публикѣ Тютчева, котораго прямо систематически перепѣваетъ («Одиночество», «Голосъ часовъ», «Къ устью» и пр., и пр.). Не стѣсняется г. Брюсовъ подражать даже «поэту и брату», г. Бальмонту, надѣвая на себя, какъ онъ же, демоническій плащъ и завывая:

Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
А изъ людей лишь тѣхъ, кто презрѣлъ „не убій".

Развѣ это не мотивъ изъ «Горящихъ зданій»?

Но есть во II т. «Путей и Перепутій» одинъ тщательно разработанный мотивъ (не меньше 20 стихотвореній), который можно назвать, пожалуй, оригинальнымъ, даже спеціально-брюсовскимъ... Печальный это мотивъ; въ послѣднее время принято называть его «проблемой пола»... «Мнѣ такъ мучительно знакома съ мишурной кисеей продажная кровать», признается въ одномъ мѣстѣ г. Брюсовъ, и, дѣйствительно, «продажная кровать» — одинъ изъ его излюбленныхъ образовъ. Въ пьесѣ, которая такъ и называется «Въ публичномъ домѣ» и представляетъ какъ бы апологію этого учрежденія,—среди «дерзко поводящихъ плечами» женщинъ поэтъ видитъ саму Афродиту, скромно сидящую, какъ въ храмѣ, съ закрытой шеей и опущеннымъ взоромъ, и, удивляясь, спрашиваетъ ее, какъ могла она попасть въ этотъ вертепъ, гдѣ «властители—купля и мѣна».

И богиня отвѣчаетъ:

„Всюду я, гдѣ трепетъ страстный
Своевольно зыблетъ грудь.
Вы безсильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!
„Лгите зовомъ поцѣлуя,
О любви ведите торгъ,—
Въ мигъ послѣдній, торжествуя,
Опьянитъ глаза восторгъ!
„Въ тишинѣ альковòвъ брачныхъ
И въ весельи грѣшныхъ ложъ,
Желтизну колосьевъ злачныхъ
Узнаетъ равно мой ножъ.
„Здѣсь иль нѣтъ, пришлецъ случайный,
Ницъ ты склонишься челомъ—
Предъ моей предвѣчной тайной,
Подъ моимъ *святымъ серпомъ!*"

Какъ бы ни распинались поклонники поэта, утверждающіе, будто эротическіе стихи г. Брюсова далеки отъ цинизма, будто отъ нихъ вѣетъ холодной серьезностью и даже суровой печалью,—если последнее безусловно вѣрно относительно француза Бодлэра, то относительно русскаго его подражателя отнюдь не справедливо. Какъ назвать хотя бы такія стихотворенія, какъ «Адамъ и Ева», просто «Адамъ» и многія другія имъ подобныя? Говоря объ этого рода произведеніяхъ г. Брюсова, мы хотѣли бы еще подчеркнуть одну нерѣдко присущую имъ особенность. Изобразивъ, напр., пластично и картинно муки родовъ, когда женщина, въ безмѣрности физическаго страданія, теряетъ свою человѣческую красоту и какъ бы превращается на время въ низшее животное, — г. Брюсовъ заключаетъ пьесу такими злорадными стихами:

О, дѣвушки! О, мотыльки на волѣ!
. . . .
Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

Опять, если угодно, подражаніе Бодлэру, но какое аляповатое и грубое!

Характеренъ также въ другой лирической пьесѣ стихъ:

Твой голосъ слышалъ я: „Люблю! Твоя! *Мой Валя*!"

Можно ли представить себѣ, чтобы культурный поэтъ, вродѣ, напр., Лермонтова, вложилъ въ уста любимой женщины слова: «Люблю! Твоя! *Мой Миша*!»

Не оправдалась и наша надежда на то, что г. Брюсовъ не включитъ во II т. «Путей и Перепутій» свои «Фабричныя пѣсни». Онъ выбросилъ только одну изъ нихъ, яро-шовинистскую «Солдатскую», всѣ же остальныя сохранилъ въ полной ихъ неприкосновенности: «Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ», «Полно мнѣ считаться прачкой, я уйду на долгу ночь» и т. п.

Въ концѣ концовъ, мы не думаемъ, однако, отрицать даровитости автора. И въ этой книгѣ можно насчитать до десятка стихотвореній, отмѣченныхъ дѣйствительной красотой и силой: «Италія», «Парижъ», «Міръ», «Въ полдень», «Въ трюмѣ», «Послѣдній пиръ», «Въ склепѣ», «Въ отвѣтъ», «Терцины къ спискамъ книгъ». Если не всѣ эти пьесы выдержаны въ цѣломъ, не всѣ и оригинальны, то въ каждой изъ нихъ найдутся сильные стихи, самостоятельно-красивые образы...

Словомъ, передъ нами поэтъ небольшого, въ значительной степени подражательнаго и раздутаго критикой безвременья дарованія, но—поэтъ несомнѣнный, способный къ тому же рости и развиваться. Къ сожалѣнію, какъ раньше былъ онъ, такъ и до сихъ поръ остается ладьей, плывущей «безъ руля и безъ вѣтрилъ», куда несетъ теченіе... Лучшимъ эпиграфомъ къ поэзіи г. Брюсова могло бы служить его же стихотвореніе изъ сборника «Urbi et orbi», почему-то не включенное во II т. «Путей и Перепутій»:

Неколебимой истинѣ
Не вѣрю я давно
И всѣ моря, всѣ пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтобъ всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я...

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи. Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1908. Ц. 2 р.

У насъ нѣтъ въ настоящую минуту подъ руками ни 1-го, ни 2-го изданія этой хрестоматіи, и мы не помнимъ въ точности, какъ опредѣлялъ г. Бончъ-Бруевичъ въ предисловіяхъ къ нимъ «основной мотивъ» своей книги. Въ новомъ изданіи онъ почему-то, къ сожалѣнію, не повторяетъ этого опредѣленія, считая его какъ бы слишкомъ извѣстнымъ... Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что мотивъ этотъ—не художественныя достоинства произведеній русской поэзіи и даже не ихъ историко-литературное значеніе,—къ этимъ двумъ принципамъ г. Бончъ-Бруевичъ глубоко равнодушенъ. Для него важна лишь гражданская идейность того или другого стихотворенія, служеніе автора интересамъ родного народа, въ особенности же—политической свободѣ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно и обращеніе составителя хрестоматіи къ живущимъ и здравствующимъ нынѣ поэтамъ съ просьбой присылать ему не только свои печатные, но и *рукописные* стихи: «*все то*, что подойдетъ къ основному мотиву нашего сборника,—смѣло обѣщаетъ онъ—мы охотно напечатаемъ въ слѣдующемъ изданіи».

Какъ, однако, не боится почтенный составитель, что въ слѣдующемъ изданіи ему придется помѣстить уже не 230 поэтовъ, какъ въ настоящемъ, а, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ большее число? Вѣдь поэтовъ на Руси, пишущихъ «честные» стихи, безчисленное множество, и всѣ они жаждутъ печататься, таланта же и совершенства формы, по наивной добротѣ своей, г. Бончъ-Бруевичъ не спрашиваетъ...

Слыхалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, читатель о существованіи такихъ русскихъ поэтовъ: Х. Д., Барановъ, Бахаревъ, Цейнеръ, Москвинъ, Пукаревъ, Брехничевъ, Воронъ, Воронинъ, Воронцовъ, Савинъ, Толинъ, Далинъ, Радинъ, Шустовъ, Омскій, Студентъ Z., Фридбергъ, В. П—въ, Левъ К., Кобецкій, Скорбинъ, Чеченецъ, Оксъ, Чолба, Лера, Фегединъ, Рыбацкій, Аркадій Горинъ, Вернеръ, Ковенскій, Меттъ, Яшновъ, Шерръ, Баянъ, Терентьевъ, Травинъ, Коноплясовъ, Аникановъ, Сусловъ, Новиковъ и т. д., и т. д.? Очевидно, все это тѣ мотыльки-однодневки, которые въ «дни свободы» вынырнули изъ тьмы небытія на свѣтъ Божій, покрасовались день-другой на страницахъ столь же эфемерныхъ провинціальныхъ газетъ и газетокъ и съ ними вмѣстѣ безслѣдно канули въ Лету, откуда г. Бончъ-Бруевичъ и попытался вернуть ихъ безсмертію... Мы нарочно не перечисляемъ десятковъ тѣхъ современныхъ поэтовъ, поэтическія заслуги которыхъ не менѣе проблематичны, но имена, быть можетъ, нѣсколько примелькались уже читателю на страницахъ столичныхъ газетъ и журналовъ.

Малоизвѣстность имени, конечно, ничего еще плохого не обозна-

чаетъ; еще меньше плохого въ незначительной плодовитости стихотворца... Есть поэты, создавшіе всего одно-два стихотворенія и, однако, вошедшіе во всѣ литературныя хрестоматіи... У г. Бончъ-Бруевича, къ сожалѣнію, такихъ поэтовъ среди перечисленныхъ выше почти не имѣется, и подавляющее большинство ихъ сѣро и безцвѣтно, какъ... ну, съ чѣмъ бы сравнить? Какъ, напр., старый, выцвѣтшій арестантскій халатъ.

Утромъ раннимъ село пробудилося,
Да кому же охота и спать,
Когда рожь до земли наклонилася,
И пора ее, матушку, жать...
. . . .
Но убавится-ль горе тяжелое
Съ этой рожью въ избѣ мужика,
И настанетъ ли время веселое
Въ жизни горькой въ семьѣ бѣдняка.
Да бѣднягѣ того и не чается,
И въ семьѣ его счастья не ждутъ...
Его ржицы давно дожидается
Мельникъ толстый, хапуга и плутъ.
И придется бѣднягѣ рожь съ полюшка
Не себѣ, а за долгъ всю раздать,
Самому же съ малютками въ горюшкѣ,
Какъ и прежде, должно голодать.

Вотъ одинъ изъ этихъ безчисленныхъ сѣрыхъ образчиковъ, но есть и сѣрѣе...

Мы сказали выше о «наивной добротѣ» г. Бончъ-Бруевича, какъ критика поэзіи. И, дѣйствительно, подкупить его «честными» словами можетъ даже г. Иванъ Рукавишниковъ.

Идемъ въ борьбу! Идемъ въ борьбу!
Мы разобьемъ врага—Судьбу!
Въ борьбу! Въ борьбу!

Всѣ такія театрально-фразистыя завыванія («Три знамени», «За мной» и т. п.) г. Б.-Б. добросовѣстно перепечатываетъ: вѣдь они «подходятъ къ основному мотиву» его сборника...

Говорить ли послѣ всего сказаннаго о томъ, какъ представлены настоящіе, признанные русскіе поэты? Численной соразмѣрности абсолютно никакой: изъ Лермонтова взято 7 стихотвореній, изъ Надсона 14; изъ Майкова 6, изъ Полонскаго 13; изъ Кольцова и Дрожжина одинаково по 7; изъ М. Михайлова—4, изъ Минскаго — 6 и 6 же изъ Ленцевича, 7 изъ Василевскаго, 13 изъ Дмитрія Цензора...

Поэтъ-слѣпецъ Козловъ не могъ быть представленъ своими знаменитыми пьесами «Вечерній звонъ» и «Не билъ барабанъ», такъ какъ это — переводы, но и совсѣмъ обойтись безъ него было неудобно,—и вотъ г. Б.-Б. откапываетъ у Козлова пѣснь «Плѣн-

наго грека въ темницѣ», съ гражданскимъ мотивомъ борьбы за свободу родины, и радостно печатаетъ:

Можно-ль однороднымъ
Братьевъ не любить?
Ахъ, иль быть свободнымъ,
Иль совсѣмъ не быть!

Такъ и вспоминаешь другіе стишки прадѣдовскихъ временъ:

Льзя ли нѣжной Хлоѣ
Друга позабыть?
Ахъ, и ей въ покоѣ,
Вѣкъ уже не быть!

Однако въ хрестоматіи г. Б.-Б. мы совсѣмъ не находимъ слѣдующихъ поэтовъ, имена которыхъ, во всякомъ случаѣ, какъ будто извѣстнѣе имени г. Коноплясова:—Цыганова, Глинки, Давыдова, Ольхина, Шеллера-Михайлова, Случевскаго, Влад. Соловьева, Свѣтогора, Каляева, Корсака... Отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, вродѣ Глинки или Давыдова, понятно: г. Б.-Б. не могъ отыскать у нихъ либерально-гражданскихъ стиховъ; но остальные? Тамъ, гдѣ сплошное сѣрое сукно,—почему нѣтъ Шеллера-Михайлова, заслуженнаго и, во всякомъ разѣ, не безталаннаго поэта 60-хъ годовъ? Тамъ, гдѣ есть гг. Лукьяновы, Рукавишниковы, Цензоры, Василевскіе и др.,—почему нѣтъ Корсака-Александрова?..

Поражаетъ также полное отсутствіе хронологическихъ данныхъ: ни года рожденія авторовъ, ни времени появленія въ печати ихъ произведеній .. А между тѣмъ послѣднее было бы особенно важно въ такомъ сборникѣ, какъ хрестоматія г. Бончъ-Бруевича. Читатель, быть можетъ, примирился бы даже съ сѣрымъ массовикомъ-поэтомъ, какъ съ матеріаломъ для характеристики идей и настроеній того или другого поколѣнія. Но теперь г. Б.-Б. не даетъ намъ рѣшительно никакой возможности опредѣлить, когда именно писала, напр., г-жа Ленина-Сысоева, помѣщенная между г. Амари, сборникъ стиховъ котораго вышелъ, если не ошибаемся, въ 1906 г., и г. Гессеномъ, стихотвореніе котораго «Жизнь» появилось, по крайней мѣрѣ, десятью годами раньше. Одинъ изъ молодыхъ стихотворцевъ, г. Чернобаевъ, помѣщенъ между старымъ народникомъ Муравскимъ и П. Л. Лавровымъ! И самая юная представительница современной поэзіи, г-жа Ада Чумаченко, очутилась между тѣмъ же Лавровымъ и Пальминымъ!

Какъ курьезъ, отмѣтимъ, въ заключеніе, слѣдующее. Въ концѣ книги есть отдѣлъ «Стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ» и въ предпосланномъ этому отдѣлу подстрочномъ примѣчаніи составитель проситъ означенныхъ авторовъ сообщить ему свои имена или литературные псевдонимы. Просматриваемъ отдѣлъ этихъ таинственныхъ стихотвореній и находимъ, что стихотвореніе «Къ судьямъ» принадлежитъ извѣстному, недавно умершему адвокату-

поэту Боровиковскому, «Въ голодный годъ»—П. Я., «Искалъ онъ къ правдѣ путь далекій»—Н. А. Морозову, а «Памяти Чернышевскаго»—г. Тану. Послѣднія три пьесы давно напечатаны въ сборникахъ названныхъ авторовъ, а стихотвореніе Боровиковскаго — въ «Русской Музѣ» г. П. Я. Но всего любопытнѣе, что «Пѣсня волнъ», также отмѣченная г. Бончъ-Бруевичемъ въ качествѣ стихотворенія неизвѣстнаго автора, на стр. 242 помѣщена имъ же въ качествѣ произведенія г. Дмитрія Цензора...

А. М. Өедоровъ. Стихи. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Г. Өедоровъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, сравнительно еще молодыхъ, поэтовъ, которые остались совершенно въ сторонѣ отъ моднаго увлеченія декадентской манерностью и искусственностью. Онъ хорошо, очевидно, понимаетъ, что никакія школьныя ухищренія и мудрствованія не въ силахъ замѣнить поэту таланта и искренности, и что тотъ, кто родился безголосымъ воробьемъ или синицей, не смотря ни на какія усилія, пѣть соловьемъ не станетъ. Безхитростно-простое отношеніе къ своему скромному дарованію— главное достоинство г. Өедорова. Онъ не топорщится, не лѣзетъ ни въ Тиртеи, ни въ Лукреціи Кары, а когда изрѣдка поддается этому соблазну—выходитъ совсѣмъ плохо... Простыми и нѣжными звуками, въ человѣчески-ясныхъ образахъ, воспѣваетъ онъ любовь, землю, небо и море, человѣческую радость и человѣческую печаль, все, что видитъ вокругъ и чѣмъ, дѣйствительно, живетъ и болѣетъ. И, если читатель хочетъ на время уйти отъ декадентской шумихи, отъ самохвальства и рекламы двухвершковыхъ геніевъ, пусть онъ перелистаетъ эту маленькую книжечку и отдохнетъ на ней. Развѣ не истинно-поэтичны слѣдующія, напр., пьески:

I.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Какъ тишина чутка!
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно-близка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Прозрачна и легка
Въ насторожённыхъ вѣткахъ бродитъ мгла,
Предвѣстница весенняго тепла.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Звенитъ моя тоска
Предчувствіемъ весны, и ожила
Моя душа, какъ подо льдомъ рѣка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Ни вздоха вѣтерка.
Ночь первую звѣзду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

II.

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ.
Мое окно открыто. Вечерѣетъ.
Туманъ съ луговъ некошенныхъ плыветъ,
Весны дыханье ласковое вѣетъ.
Не знаю, отчего дрожитъ моя рука.
Не знаю, отчего въ слезахъ моя щека.
Вотъ голову склонилъ я на руки; глубоко
Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далеко!

И образчиковъ такой задушевной музыки въ книгѣ не мало. Главный недостатокъ г. Өедорова извѣстенъ: размѣры его симпатичнаго дарованія не велики, и у него нѣтъ рѣзко выраженной оригинальной физіономіи... За стихами его вообще чувствуется нѣжная, мягкая индивидуальность, не созданная для упорной борьбы ни въ жизни, ни въ искусствѣ,—и потому-то, быть можетъ, онъ такъ легко поддается обаянію родственныхъ дарованій. Когда-то на формѣ стиха г. Өедорова сильно отражался Надсонъ («Есть дни, когда ко мнѣ ласкается печаль»), въ послѣдніе годы его смѣнилъ г. Бунинъ...

Изданіе настоящей книги возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: что это—собраніе ли стиховъ поэта за извѣстный періодъ времени, или избранныя только стихотворенія разныхъ періодовъ? Всякія даты отсутствуютъ, и, не имѣя подъ руками, для сравненія, прежнихъ сборниковъ г. Өедорова, мы можемъ опираться лишь на память. Второе предположеніе, повидимому, вѣрнѣе: многія изъ вошедшихъ въ книгу пьесъ относятся къ весьма давнимъ произведеніямъ г. Өедорова, многихъ другихъ, какъ давнихъ, такъ и позднѣйшихъ, мы здѣсь не находимъ.

И. Я. Гинцбургъ. Изъ моей жизни. Спб. 1908. Стр. 221. Ц. 75 к.

Безъ притязаній, безъ широкаго плана и безъ искусственной литературности г. Гинцбургъ—извѣстный скульпторъ—просто и занимательно разсказываетъ о томъ, что видѣлъ, слышалъ и испыталъ въ своей жизни. Это не настоящая автобіографія; авторъ значительно больше интересуется внѣшнимъ міромъ, чѣмъ самимъ собой, и читатель, ищущій въ такой автобіографіи признаній художника о его развитіи, не найдетъ въ книгѣ г. Гинцбурга такой исторіи индивидуальнаго творчества. Портретистъ и жанристъ въ своей талантливой скульптурѣ, г. Гинцбургъ и въ литературномъ своемъ трудѣ является прежде всего тонкимъ и любящимъ наблюдателемъ внѣшняго міра; и потому онъ далъ не внутреннюю исторію художника, а бытовую исторію бѣднаго еврейскаго мальчика, ставшаго виднымъ дѣятелемъ въ области, столь чуждой нравамъ и даже религіознымъ законамъ среды, въ которой онъ выросъ. Въ живой смѣнѣ проходятъ предъ читателемъ картинки изъ жизни этой за-

холустной среды, изъ быта старой Академіи Художествъ, изъ нравовъ парижскаго предмѣстья; дѣтскія фигурки смѣняются фигурками животныхъ; портретики незамѣтныхъ и незначительныхъ людей сливаются въ общій фонъ, и на немъ выступаютъ крупные образы большихъ людей, съ которыми встрѣчался авторъ: Л. Н. Толстого и П. А. Кропоткина, В. В. Стасова и М. М. Антокольскаго. Послѣдній—учитель и, можно сказать, создатель автора, извлекшій его изъ тьмы захолустья и поставившій на надлежащую дорогу; его жизни и творчеству посвященъ въ книгѣ г. Гинцбурга восторженный очеркъ, тѣмъ болѣе содержательный, что авторъ имѣлъ счастливую возможность пользоваться вездѣ своими личными впечатлѣніями и воспоминаніями. Ему необходимы эти личныя впечатлѣнія и онъ умѣетъ ими пользоваться; другой и по книгамъ составилъ бы себѣ надлежащее представленіе о привлекательномъ образѣ П. А. Кропоткина; г. Гинцбургу надо было личное сближеніе, чтобы съ радостью «лично убѣдиться въ томъ, что то, что многими порицается, преслѣдуется, считается зловреднымъ—на самомъ дѣлѣ есть истинное, доброе и хорошее». Но онъ умѣетъ сообщать о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ такъ, что въ нихъ чувствуется нѣчто дѣйствительно глубоко личное и привлекательное. И этотъ все окрашивающій лиризмъ въ особенности дѣлаетъ содержательными его очерки, о чемъ бы они ни трактовали—объ интимныхъ переживаніяхъ въ комнатѣ незнакомой женщины, душевную тайну которой раскрыла автору случайность, объ ужасахъ боя быковъ, о творчествѣ Рѣпина, или о томъ, какъ Л. Н. Толстой читалъ близкимъ людямъ свой новый разсказъ. Поучительно все, что разсказываетъ г. Гинцбургъ—и, конечно, не потому, что онъ ищетъ этого поученія, а потому, что можетъ разсказывать только о томъ, что ему самому кажется значительнымъ, во что онъ самъ можетъ вложить какой-либо общій смыслъ.

Ю. Александровичъ. Послѣ Чехова. М. 1908. 256 стр. Ц. 1 р.

Признаться, мы впервые встрѣчаемъ въ литературѣ это имя, и весьма даже возможно, что г. Александровичъ не окончилъ еще курса семинаріи. Послѣднее, разумѣется, не позоръ, и мы говоримъ это лишь къ тому, что—не рановато ли задался авторъ цѣлью «*дать* если не исчерпывающій (ого!) *взглядъ* на такой богатый моментъ литературной жизни, какъ послѣднее десятилѣтіе (1898—1908), то, во всякомъ случаѣ, *точку зрѣнія*, выдержанную, строго проведенную черезъ все изложеніе и очерченную рѣзко и опредѣленно».

Задаваясь столь почтенной цѣлью, критикъ долженъ бы, думается, прежде всего получше ознакомиться съ хронологіей литературныхъ фактовъ. Г. Минскій, по его свѣдѣніямъ, выступилъ съ книгой «При свѣтѣ совѣсти» въ 1895 г., «почти одновременно»

съ повѣстью г. Вересаева «Безъ дороги»... Ошибка всего лишь въ восемь лѣтъ... Оставляемъ при этомъ на совѣсти г. Александровича утвержденіе, будто эта высокопарная, фразистая книга была долгое время «настольной книгой подроставшей молодежи»...

Упомянутую повѣсть «Безъ дороги» г. Вересаевъ—утверждаетъ московскій критикъ—выпустилъ, будучи уже извѣстенъ, какъ авторъ «Записокъ врача». Понимай—наоборотъ.

Г-жи Лѣткова и Дмитріева выступили «одновременно» съ гг. Арцыбашевымъ, Бунинымъ и другими новѣйшими писателями. Ошибка, по крайней мѣрѣ, въ десятилѣтіе...

Послѣ голоднаго 1891 г. вышелъ студенческій сборникъ «Откликъ». Опять десятилѣтняя ошибка... И такихъ ошибокъ или обмолвокъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ, можетъ быть, и незначительна,—книга полнымъ полна! Но не въ одной хронологіи слабъ г. Александровичъ.

Выдѣлился, по его словамъ, своими «Книгами Отраженій» И. Ѳ. Анненскій, «нечуждый «Русскому Богатству». Два различныхъ писателя сочтены за одно лицо... Поэту П. Я. почему-то упорно приписывается не принадлежащее ему выраженіе «энергія отчаянія», и т. п.

«Современное намъ литературное молодое поколѣніе—категорически утверждаетъ критикъ — родилось и выросло подъ знаменемъ Гаршина и Чехова. Ихъ духомъ, ихъ болью, кровью и плотью (?) проникнуто *все, что* было написано послѣднія десять лѣтъ».. Все?.. Даже и произведенія гг. Кузмина, Каменскаго и К°?

«Благодаря ихъ дѣятельности, — продолжаетъ г. Александровичъ—скорбь русской литературы, носившая вначалѣ мѣстный, національный характеръ... прорвала географическія и національныя рамки, широкимъ потокомъ хлынула за ихъ границы и, быстро завоевавъ себѣ мѣсто въ міровой литературѣ, приняла характеръ міровой скорби».. Высоко оцѣнивать Гаршина и Чехова—дѣло, конечно, похвальное, но мѣру, думается, знать все же нужно, а главное—необходимо помнить факты. Въ Европѣ русская литература прогремѣла еще въ 80-хъ годахъ, послѣ знаменитыхъ переводовъ Мельхіора де-Вогюэ, въ то время, когда Чеховъ печатался подъ именемъ Чехонтэ и мало кому былъ извѣстенъ даже у себя на родинѣ; и не «мѣстнымъ» только характеромъ и достоинствомъ отличались, полагаемъ, Тургеневъ, Толстой и Достоевскій, которые, дѣйствительно, завоевали русской литературѣ міровое мѣсто.

Но всего курьезнѣе кажется намъ слѣдующее мѣсто—о Леонидѣ Андреевѣ: «Можно держаться самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на терроръ какъ справа, такъ и слѣва, можно отрицать какъ то, такъ и другое, но посвящать цѣлый періодъ литературной дѣятельности борьбѣ съ терроромъ спеціально слѣва, какъ сдѣлалъ это Андреевъ въ вышеозначенныхъ произведеніяхъ («Губернаторъ», «Савва», «Тьма», отчасти «Къ звѣздамъ» и «Такъ было») — это

значитъ уподобляться Пуришкевичамъ, настойчиво вносящимъ на обсужденіе вопросъ о порицаніи террора слѣва при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и упорно замалчивающимъ и оправдывающимъ терроръ справа. Литературная этика налагаетъ извѣстныя обязанности и ставитъ границы, которыя Андреевъ въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній переступилъ».

Вотъ совершенно неожиданный «взглядъ» и «точка зрѣнія» на дѣятельность художника, проведенные, дѣйствительно, «строго и рѣзко опредѣленно»! И не правы ли мы были, высказавъ догадку объ очень юномъ возрастѣ критика?..

Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ 1-й. Спб. 1908. Стр. 216. Ц. 1 р.

По словамъ г. Максимова, онъ своей книгой разсчитывалъ «восполнить одинъ изъ многочисленныхъ пробѣловъ критической литературы о Некрасовѣ—отсутствіе подробнаго анализа литературныхъ дебютовъ покойнаго поэта». Сама по себѣ такая задача, безспорно, интересна, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго объ ея исполненіи въ книгѣ г. Максимова. Посвятивъ ее разсмотрѣнію юношескихъ стихотвореній и драматическихъ опытовъ Некрасова, авторъ добросовѣстно изучилъ какъ эти произведенія, такъ и относящуюся къ нимъ критическую литературу, и, поскольку его книга заключаетъ въ себѣ пересказъ всего этого матеріала, она даетъ читателю кое-что любопытное. Но, какъ только авторъ переходитъ отъ такого пересказа къ самостоятельной литературной критикѣ, онъ оказывается въ совершенно несвойственной ему роли. И въ анализѣ отдѣльныхъ произведеній Некрасова, и въ попыткахъ установленія связи между различными эпохами писательской дѣятельности покойнаго поэта г. Максимовъ не поднимается выше чрезмѣрно общихъ и по большей части безсодержательныхъ замѣчаній, порою пріобрѣтающихъ подъ его перомъ крайне наивный и вмѣстѣ съ тѣмъ рискованный характеръ. Немногихъ примѣровъ будетъ достаточно для поясненія сказаннаго.

Разбирая сборникъ стихотвореній юноши-Некрасова «Мечты и Звуки», г. Максимовъ сводитъ свой разборъ къ установленію трехъ группъ «основныхъ мотивовъ», имѣющихся въ этихъ стихотвореніяхъ. Такими группами, по его словамъ, являются мотивы мистико-романтическіе и созерцательно-религіозные, мотивы обличительно-религіозные и, наконецъ, мотивы пессимистическіе (70). Въ дальнѣйшемъ авторъ, стремясь найти «доказательство самостоятельности и искренности міровоззрѣнія, отразившагося въ «Мечтахъ и Звукахъ», находитъ для всѣхъ этихъ «мотивовъ» спеціальныя объясненія въ біографіи Некрасова. Такъ, по словамъ г. Максимова, «мотивы романтическіе, религіозные, идеалистиче-

скіе и отчасти альтруистическіе обусловливаются у Некрасова главнымъ образомъ материнскимъ вліяніемъ; мотивы религіозно-обличительные, опровергающіе „нечистое сомнѣніе“ и скептическую точку зрѣнія, имѣютъ своимъ источникомъ двойственность настроеній молодого поэта, возникшую изъ столкновенія вліяній материнскаго и отцовскаго, съ одной стороны, и несоотвѣтствія между концепціей романтическихъ идей и грубымъ реализмомъ дѣйствительности, съ другой. Наконецъ, пессимистическіе мотивы, отчасти коренящіеся въ той же двойственности, главнѣйшимъ образомъ являются слѣдствіемъ жизненныхъ злоключеній Некрасова» (104). Вслѣдъ за тѣмъ г. Максимовъ съ неменьшею легкостью устанавливаетъ связь между указанными имъ мотивами сборника «Мечты и Звуки» и позднѣйшимъ творчествомъ Некрасова. Достигается это очень просто. Вѣра въ загробную жизнь и вѣра въ конечное торжество идеаловъ правды и добра на землѣ—разсуждаетъ, напримѣръ, авторъ — одинаково представляютъ собою проявленія идеализма. «Поэтому-то—продолжаетъ онъ—между Некрасовымъ конца 30 гг., восклицавшимъ: „ты осужденъ цѣной страданья купить въ странѣ очарованья рай, недоступный на землѣ“, и Некрасовымъ 60 гг. съ его страстнымъ желаніемъ „ведренаго дня“ для родной страны—принципіальнаго различія нѣтъ. И тотъ, и другой одушевлены однимъ и тѣмъ же идеалистическимъ порывомъ. Правда, формы, въ которыя выливается этотъ порывъ, не схожи, но вѣдь и тридцатые годы не то, что шестидесятые“ (106). Подобнымъ же образомъ сближаетъ г. Максимовъ и другія черты юношескихъ стихотвореній и позднѣйшей поэзіи Некрасова и затѣмъ смѣло переходитъ къ выводамъ. «Итакъ,—говоритъ онъ—религіозный идеализмъ (вѣра въ загробную жизнь) сборника «Мечты и Звуки»... нашелъ свое отраженіе въ идеализмѣ общественномъ, составившемъ самую широкую струю послѣдующаго творчества Некрасова. Далѣе, понимаемая въ христіанскомъ смыслѣ религіозность молодого поэта сохранилась и въ его позднѣйшихъ вдохновеніяхъ, съ той только разницею, что взамѣнъ благоговѣйно-созерцательнаго характера приняла характеръ альтруистическій и по преимуществу имѣла своимъ объектомъ народъ... Затѣмъ религіозно-обличительный жанръ нѣкоторыхъ юношескихъ стихотвореній Некрасова, сообразуясь съ общей эволюціей его міровоззрѣнія, перешелъ въ сатиру, обличающую во имя народнаго блага» (124 - 5)...

Такого рода разборъ Некрасовскихъ произведеній, конечно, не представляетъ собою особенно цѣннаго вклада въ критическую литературу, посвященную поэту. И, повторяемъ, все любопытное, заключающееся въ книгѣ г. Максимова, сводится къ пересказу мало извѣстнаго матеріала, пересказу, дополненному тѣмъ, что въ приложеніяхъ къ книгѣ собраны нѣкоторыя юношескія сти-

хотворенія Некрасова и отрывки изъ его драматическихъ произведеній.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Герценъ. (Характеристика). Спб. 1908. Стр. 37. Ц. 35 к.

Брошюра г. Овсянико-Куликовскаго представляетъ собою перепечатку статьи, впервые напечатанной два года тому назадъ въ газетѣ «Наша Жизнь». Какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, онъ выпускаетъ эту статью въ нѣсколько измѣненномъ и исправленномъ видѣ отдѣльнымъ изданіемъ «въ виду того интереса, который возбуждается въ настоящее время личностью и дѣятельностью Герцена». «Предполагая современемъ издать особый трудъ о Герценѣ,—продолжаетъ авторъ—я выпускаю въ свѣтъ настоящій краткій очеркъ, какъ родъ предисловія къ будущей книгѣ,—предисловія, имѣющаго цѣлью дать предварительную характеристику личности и идеологіи великаго писателя, какъ я понимаю ихъ». Этотъ очеркъ раздѣленъ авторомъ на четыре небольшія главы. Въ первой главѣ г. Овсянико-Куликовскій пытается дать общую характеристику Герцена, въ трехъ остальныхъ говоритъ о «западничествѣ и славянофильствѣ Герцена», объ его «національнзмѣ и соціализмѣ» и, наконецъ, объ его «русскомъ мессіанизмѣ». Свою характеристику Герцена авторъ сводитъ къ опредѣленію его, какъ «великаго человѣка, который, не понимая будущаго съ достаточной ясностью, очень много сдѣлалъ для него только тѣмъ, что всѣми фибрами души своей чувствовалъ тяготу настоящаго и жилъ полнотою исторической жизни эпохи» (7—8). На протяженіи немногихъ страницъ первой главы это достаточно туманное опредѣленіе нѣсколько разъ повторяется г. Овсянико-Куликовскимъ, не становясь отъ того яснѣе. Мало поясняютъ его и другія главы брошюрки. Въ нихъ авторъ лишь излагаетъ, весьма поверхностно и не вполнѣ точно, взгляды Герцена на Россію и Западную Европу и оцѣниваетъ эти взгляды съ точки зрѣнія «научнаго» или, точнѣе, марксистскаго соціализма, не всегда, впрочемъ, послѣдовательно выдерживаемой имъ до конца. Въ результатѣ та «предварительная характеристика» Герцена, какую читатель сможетъ найти въ брошюрѣ г. Овсянико-Куликовскаго, остается весьма туманной, и, думается намъ, она, вопреки надеждамъ автора, едва-ли окажется особенно полезной въ дѣлѣ разъясненія Герцена. Быть можетъ, она станетъ болѣе ясной и рельефной въ томъ будущемъ трудѣ г. Овсянико-Куликовскаго, предисловіемъ къ которому должна, по его словамъ, служить настоящая брошюрка, но пока остается, пожалуй, лишь пожалѣть, что авторъ поспѣшилъ опубликовать это предисловіе, оторвавъ его отъ самого труда, и замѣнилъ полную характеристику интересовавшаго его писателя характеристикой «предварительной».

Цѣну брошюрки—35 копеекъ за 37 страницъ небольшого фор-

мата—по нынѣшнимъ условіямъ книжнаго рынка нельзя не признать чрезмѣрно высокой.

М. Колчинъ. Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. М. 1908. Стр XIII+176. Ц. 70 к.

Небольшая книжка г. Колчина не является, строго говоря, новинкой въ нашей исторической литературѣ, представляя собой лишь перепечатку, съ нѣкоторыми небольшими дополненіями, статей, помѣщенныхъ авторомъ еще въ 1887 и 1888 гг. въ «Русской Старинѣ». Но эти статьи, впервые увидѣвшія свѣтъ двадцать лѣтъ тому назадъ, полны такого глубокаго и захватывающаго интереса, что появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи надо признать какъ нельзя болѣе умѣстнымъ и желательнымъ. Содержаніе составившейся изъ нихъ книги строго фактическое. Положивъ въ основу своего разсказа архивные документы Соловецкаго монастыря, г. Колчинъ даетъ читателю подробную и обстоятельную исторію Соловецкой тюрьмы, начиная съ XVI столѣтія и кончая 1903 годомъ, когда эта тюрьма была окончательно закрыта. При этомъ самъ авторъ тщательно воздерживается отъ всякихъ широкихъ выводовъ и обобщеній. Онъ просто описываетъ различныя тюрьмы Соловецкаго монастыря, большинство которыхъ ему довелось еще видѣть своими глазами, и разсказываетъ, поскольку это позволяютъ сохранившіяся въ монастырскомъ архивѣ свѣдѣнія, о тѣхъ заключенныхъ, которые перебывали въ этихъ тюрьмахъ. Но въ результатѣ этого простого и безхитростнаго разсказа передъ глазами читателя какъ нельзя болѣе рельефно встаетъ одна изъ самыхъ яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нашихъ монастырей, служившихъ не только мѣстами молитвы, но и мѣстами заключенія. Ярко обрисовывая монастырскую тюрьму далекаго и недавняго прошлаго со всѣми ея ужасами, книга г. Колчина вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ передъ читателемъ цѣлую вереницу невольныхъ обитателей этой тюрьмы. «Ссыльные—говоритъ самъ авторъ, характеризуя эту вереницу, — были весьма различны, какъ по характеру своихъ преступленій, такъ и по своему происхожденію: ссылались туда бунтовщикъ, государственный преступникъ и пьяный монахъ, религіозный сектантъ и разгулявшійся не въ мѣру отеческій сынокъ, знатный вельможа и не помнящій родства бродяга. Рѣдкая изъ религіозныхъ сектъ Россіи не имѣла своего представителя въ стѣнахъ Соловецкаго острога. Каждая историческая эпоха клала свой отпечатокъ на составъ соловецкихъ ссыльныхъ: на ихъ составѣ сказывалось, къ чему тяготѣла общественная мысль въ данный періодъ времени. Въ эпоху религіознаго броженія, во время и послѣ Никона, являлись въ ссылку разные порицатели никоновскихъ реформъ и пророки

антихристова пришествія; эпоха неустойчивости государственной власти послѣ Петра даетъ цѣлую серію разныхъ произносителей «важныхъ и непристойныхъ словъ»; эпоха мистицизма выбрасываетъ въ Соловки ярыхъ, но неумѣлыхъ защитниковъ православія въ духѣ мистицизма, борющихся противъ масонства и вольномыслія; наконецъ, даже соціальное броженіе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія оставило свое клеймо на Соловецкой тюрьмѣ» (1—2). Отъ сектантовъ XVI и XVII столѣтій до революціонеровъ конца XIX вѣка, представители самыхъ различныхъ теченій русскаго общества перебывали въ мрачныхъ стѣнахъ Соловецкой тюрьмы и благодаря этому излагающій исторію послѣдней трудъ г. Колчина даетъ много любопытныхъ штриховъ каждому, интересующемуся развитіемъ нашей общественности.

Книга г. Колчина была подготовлена къ печати самимъ авторомъ, но онъ умеръ, не дождавшись ея выхода въ свѣтъ, и такимъ образомъ настоящее изданіе является посмертнымъ. Къ нему присоединено предисловіе А. С. Пругавина, содержащее въ себѣ краткую характеристику покойнаго автора.

А. С. Пругавинъ. Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Съ портретами епископовъ-узниковъ. М. 1908. Стр. 110. Ц. 40 к.

Настоящая книжка г. Пругавина касается, хотя и въ болѣе узкихъ предѣлахъ, той же темы, что и книга г. Колчина, подобно послѣдней освѣщая исторію нашей монастырской тюрьмы. Въ своей книжкѣ г. Пругавинъ разсказываетъ именно, на основаніи архивныхъ источниковъ, одинъ изъ сравнительно недавнихъ эпизодовъ этой исторіи—заточеніе въ тюрьмѣ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря старообрядческаго архіепископа Аркадія и старообрядческихъ же епископовъ Алимпія, Конона и Геннадія. Изъ названныхъ лицъ первые двое еще въ 1854 г. были «взяты въ турецкихъ владѣніяхъ» и по высочайшему повелѣнію посланы на одиночное заключеніе въ Суздальскій монастырь. Епископы же Кононъ и Геннадій были «пойманы» въ Россіи и тѣмъ же порядкомъ попали въ Суздальскую монастырскую тюрьму, первый въ 1859 г., второй въ 1863 г. Никакой вины, кромѣ исповѣданія старообрядчества и принадлежности къ старообрядческой іерархіи, за всѣми этими лицами не числилось и однакоже одному изъ нихъ, Алимпію, пришлось такъ и умереть въ тюрьмѣ, а трое остальныхъ были освобождены изъ заключенія лишь въ 1881 г. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, Геннадій, черезъ нѣкоторое время едва не подвергся вновь заточенію въ Суздальскій монастырь и спасся отъ него только бѣгствомъ за границу, въ Австрію. Весь этотъ эпизодъ, наглядно иллюстрирующій предѣлы той «вѣротерпимости», какая существовала въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, былъ

уже разсказанъ г. Пругавинымъ въ статьяхъ, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и позднѣе вошедшихъ въ переработанномъ видѣ въ книгу «Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка». Въ настоящемъ изданіи эти статьи вновь переработаны и дополнены авторомъ и къ тексту ихъ добавлены иллюстраціи, воспроизводящія портреты епископовъ Конона и Геннадія и виды Суздальскаго монастыря.

А. М. Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). Историко-юридическій очеркъ. Кіевъ. 1908. Стр. X+108. Ц. 75 к.

Работа А. М. Лазаревскаго о «малороссійскихъ посполитыхъ крестьянахъ» въ первый разъ появилась въ свѣтъ сорокъ два года тому назадъ, въ «Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета» за 1866 г. Эта замѣчательная для своего времени работа впервые поставила на твердую научную почву вопросъ о закрѣпощеніи малорусскихъ крестьянъ въ XVII—XVIII вв., указавъ, что такое закрѣпощеніе явилось результатомъ не внѣшняго механическаго воздѣйствія со стороны русскаго правительства, а всего хода развитія малорусской соціальной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ названная работа подняла и освѣтила рядъ другихъ важныхъ вопросовъ изъ исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVII—XVIII столѣтіяхъ и тѣмъ самымъ пріобрѣла значеніе исходной точки для всякой новой работы въ этой области. За сорокъ два года, прошедшіе съ той поры, разработка исторіи малорусскаго крестьянства сдѣлала, правда, нѣкоторые успѣхи, благодаря частью позднѣйшимъ трудамъ самого А. М. Лазаревскаго, частью изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, но тѣ и другія все же не устранили окончательно значенія первой работы Лазаревскаго и ее и въ настоящее время нельзя назвать совершенно устарѣлой. Въ виду этого можно только привѣтствовать ея новое изданіе, которое возвращаетъ работу покойнаго историка, въ первоначальномъ изданіи давно уже ставшую библіографической рѣдкостью, широкимъ кругамъ читающей публики. Настоящее изданіе снабжено небольшимъ предисловіемъ, принадлежащимъ перу одного изъ современныхъ изслѣдователей исторіи лѣвобережной Малороссіи, Н. П. Василенка. Въ этомъ предисловіи послѣдній вкратцѣ выясняетъ значеніе труда А. М. Лазаревскаго, причемъ особенно подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи его взглядовъ, доказывая, что онъ пришелъ къ нимъ вполнѣ самостоятельно, исключительно путемъ изученія архивныхъ документовъ. Въ заключеніе авторъ предисловія даетъ небезполезныя для спеціалистовъ указанія относительно нынѣшняго мѣстонахожденія тѣхъ архивныхъ матеріаловъ, которыми пользовался въ сво-

емъ трудѣ Лазаревскій и которые съ той поры въ большинствѣ своемъ перешли уже въ другія бумагохранилища.

С. Мельгуновъ. **Студенческія организаціи 80—90 гг. въ московскомъ университетѣ.** (По архивнымъ даннымъ). М. 1908. Стр. 103. Ц. 50 к.

Исторія студенческихъ организацій, возникавшихъ въ русскихъ университетахъ и до самаго недавняго времени вынужденныхъ вести едва-ли не исключительно нелегальное существованіе, остается пока почти совершенно не изученной. Любопытная книжка г. Мельгунова является однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Пользуясь архивными данными, авторъ даетъ въ ней подробный разсказъ о возникновеніи и дѣйствіяхъ извѣстнаго «союзнаго совѣта» студенческихъ землячествъ, функціонировавшаго въ московскомъ университетѣ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Названная организація возникла въ 1884 г. и первоначально ставила своею исключительною цѣлью оказаніе матеріальной поддержки своимъ членамъ, старательно отгораживаясь отъ всякихъ другихъ задачъ и особенно опасливо относясь къ возможности проникновенія въ студенческія землячества «политики». Первые годы послѣ своего возникновенія эта организація охватывала, впрочемъ, весьма немногочисленное количество московскихъ студентовъ и проявляла весьма слабую дѣятельность. Но волненія, разыгравшіяся въ концѣ 80-хъ годовъ въ русскихъ университетахъ, повлекли за собою большее сплоченіе студенчества, отразившееся, между прочимъ, и на московскомъ союзѣ землячествъ и его органѣ—«союзномъ совѣтѣ». По даннымъ г. Мельгунова, «въ 1892 г. число землячествъ, вошедшихъ въ союзъ, возросло до 20, къ концу 1893 г. достигло 36, въ 1894 г. числилось уже 43, число членовъ союза доходило до 1700» (12). Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась и самая дѣятельность союза, поставившаго своею цѣлью уже не одну матеріальную помощь студентамъ, но и поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня студентовъ, съ одной стороны, и руководство общестуденческими дѣлами московскаго университета, съ другой. Начало 90-хъ годовъ явилось временемъ расцвѣта союза землячествъ въ Москвѣ. Г. Мельгуновъ обстоятельно излагаетъ какъ организацію союза землячествъ въ эти годы, такъ и самую дѣятельность союзнаго совѣта и существовавшихъ при немъ учрежденій, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на работахъ «судебной коммиссіи», разбиравшей столкновенія студентовъ какъ другъ съ другомъ, такъ и съ профессорами и съ посторонними университету лицами. Характеризуя эти студенческія организаціи, авторъ попутно сообщаетъ не мало любопытныхъ фактовъ изъ университетской жизни конца прошлаго столѣтія. Наряду съ этимъ онъ удѣляетъ большое вниманіе основному процессу, совершавшемуся внутри студенческой организаціи. Даже

расширивъ свою дѣятельность и поставивъ ея задачей руководство общестуденческими дѣлами, московскій союзъ землячествъ на первыхъ порахъ все же стремился сохранить профессіональный характеръ и старательно сторонился отъ «политики». Когда господствовавшая реакція, тяжелымъ бременемъ давившая университеты, вызывала протестъ со стороны студенчества, союзный совѣтъ всѣми силами старался придать этому протесту возможно болѣе мирныя формы и прямо ставилъ своей задачей борьбу съ университетскими волненіями и безпорядками. Но жизнь постепенно дѣлала свое дѣло и передвигала русское студенчество въ другую сторону. Въ рядѣ горькихъ опытовъ университетская молодежь должна была убѣдиться, что осуществленіе ея академическихъ требованій неразрывно связано съ общей политической борьбой. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ неустаннымъ натискомъ реакціи и московскій союзный совѣтъ долженъ былъ измѣнить свою позицію и отъ борьбы съ академическими волненіями, онъ, дѣйствительно, уже въ 1896 г. перешелъ къ возможно болѣе широкой и прочной ихъ организаціи. А вслѣдъ за тѣмъ, въ самомъ концѣ 90-хъ годовъ, академическія волненія уступили свое мѣсто политическимъ. Этотъ послѣдній моментъ для московскаго университета былъ, впрочемъ, и моментомъ прекращенія существованія союзнаго совѣта, замѣненнаго исполнительнымъ комитетомъ союзныхъ землячествъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книжки г. Мельгунова, вводящей русскаго читателя въ мало извѣстную въ широкихъ кругахъ общества область жизни студенческихъ организацій. И эта любопытная книжка получаетъ, пожалуй, особенный интересъ въ настоящій моментъ, когда студенческія организаціи, временно получившія было возможность открытаго существованія, снова усиленно загоняются въ подполье.

П. Милюковъ. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. 2-е продолженіе сборника „Годъ борьбы". Спб. 1908. Стр. XIII+302. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Милюкова представляетъ собой сборникъ статей, написанныхъ авторомъ по поводу второй Думы и въ свое время уже видѣвшихъ свѣтъ. Главное содержаніе этого сборника составляютъ передовыя статьи и фельетоны, печатавшіеся авторомъ за время существованія второй Думы въ газетѣ «Рѣчь» и въ журналѣ «Вѣстникъ Народной Свободы». Къ нимъ въ сборникѣ присоединены еще двѣ публичныя лекціи, прочитанныя авторомъ о второй Думѣ передъ самымъ открытіемъ ея засѣданій и черезъ мѣсяцъ послѣ этого открытія, и сдѣланный авторомъ же докладъ парламентской фракціи партіи народной свободы о тактикѣ к.-д. партіи во второй Думѣ. Наконецъ, въ приложеніи къ сборнику помѣщенъ «отчетъ о дѣятельности парламентской фракціи партіи народной свободы во

второй Государственной Думѣ», «въ значительной мѣрѣ», по заявленію автора, также написанный имъ.

«Исторія второй думы—говоритъ г. Милюковъ въ предисловіи къ своей книгѣ, мотивируя ея появленіе,—есть законченный эпизодъ и, какъ таковой, составляетъ уже теперь достояніе историка. Однако нельзя не признать, что исторія неудачи второго опыта народнаго представительства является въ высокой степени поучительной. Чѣмъ скорѣе вызванныя этой проигранной битвой страсти улегаются, уступая передъ напоромъ новыхъ впечатлѣній, требующихъ новыхъ точекъ зрѣнія для правильной оцѣнки, тѣмъ нужнѣе и тѣмъ возможнѣе остановить вниманіе самыхъ широкихъ общественныхъ круговъ на выясненіи причинъ неудачи» (IX). Но такое выясненіе должно, по мнѣнію автора, оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ. «Разсуждать о томъ, какъ можно было бы сдѣлать дѣло лучше, чѣмъ оно было сдѣлапо, и что вышло бы, еслибы было сдѣлано не то, что дѣлалось въ дѣйствительности,—говоритъ онъ—очень легко, но и совершенно безплодно. За то всегда будетъ поучительна современная событіямъ и исходящая отъ участниковъ критика будущихъ дѣйствій, обсуждавшая каждый шагъ заблаговременно и заранѣе учитывавшая результаты того или иного рѣшенія. Такую лѣтопись публициста мы предлагаемъ читателю» (XI).

Въ дѣйствительности этотъ мотивъ, указываемый г. Милюковымъ въ поясненіе выхода его книги, не вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ послѣдней. Въ той «лѣтописи публициста», какую г. Милюковъ предлагаетъ читателю, очень видное мѣсто занимаютъ какъ разъ соображенія о томъ, «какъ можно было бы сдѣлать дѣло лучше, чѣмъ оно было сдѣлано, и что вышло бы, еслибы было сдѣлано не то, что дѣлалось въ дѣйствительности». И то обстоятельство, что эти соображенія развивались не спустя болѣе или менѣе долгое время послѣ событій, а до или во время тѣхъ событій, къ какимъ они относились, само по себѣ еще вовсе не дѣлаетъ ихъ особенно плодотворными и поучительными. Это могло бы быть достигнуто только ихъ внутренней цѣнностью. Но именно послѣдняя и представляется въ данномъ случаѣ довольно спорной.

Еще тогда, когда вышедшія теперь отдѣльнымъ изданіемъ статьи г. Милюкова печатались въ «Рѣчи», онѣ обращали на себя вниманіе своимъ узкимъ и сухимъ доктринерствомъ, нерѣдко налагавшимъ на политическія разсужденія автора отпечатокъ крайней близорукости, если не прямой наивности. Въ настоящій моментъ, когда событія, въ свое время дававшія поводъ для этихъ статей, развернулись до своего логическаго конца, а самыя статьи собраны ихъ авторомъ въ одну книгу, такой ихъ характеръ выступаетъ еще болѣе рѣзко и опредѣленно. Авторъ ихъ охотно называетъ себя реальнымъ политикомъ. Въ дѣйствительности же въ его статьяхъ очень много политическаго доктринерства и казуистики и очень мало реализма, если только понимать подъ послѣднимъ

стремленіе къ внимательной оцѣнкѣ реальныхъ жизненныхъ силъ и точному анализу ихъ взаимныхъ соотношеній. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ другая особенность публицистическихъ статей г. Милюкова. Красною нитью проходитъ черезъ нихъ упорное и непрерывное восхваленіе к.-д. партіи, доходящее порою до положительной наивности и неизмѣнно соединяющееся съ крайне высокомѣрнымъ и нетерпимымъ отношеніемъ ко всѣмъ оппозиціоннымъ группамъ и партіямъ, стоящимъ лѣвѣе конституціоналистовъ-демократовъ. Даже въ тѣхъ, крайне рѣдкихъ, случаяхъ, когда самъ г. Милюковъ находилъ дѣйствія к.-д. фракціи во второй Думѣ ошибочными, онъ все-же готовъ былъ выражать сожалѣніе о томъ, что фракціи не удалось собрать за собою большинства, и усматривалъ въ этомъ грозную опасность для существованія Думы. Въ общемъ же тактика к.-д. партіи представлялась ему не только единственно правильной, но и самымъ несомнѣннымъ образомъ ведущей къ побѣдѣ. Въ борьбѣ за существованіе Думы—писалъ онъ отъ имени конституціоналистовъ-демократовъ въ статьѣ, напечатанной всего за четыре дня до роспуска второй Думы—«мы одержали блестящіе успѣхи и П. А. Столыпинъ оказался въ ней нашимъ невольнымъ союзникомъ» (240). Такъ оптимистически оцѣнивая успѣхи к.-д. тактики, авторъ тѣмъ суровѣе критиковалъ конкуррировавшую съ ней тактику лѣвыхъ партій и группъ второй Думы. Но въ этой суровой критикѣ было очень мало справедливости и безпристрастія и, охотно обвиняя своихъ противниковъ въ искаженіи фактовъ, авторъ самъ нерѣдко давалъ такое толкованіе фактовъ думской жизни, которое было весьма близко къ полному ихъ извращенію. Если вѣрить г. Милюкову, благодаря только лѣвымъ во второй Думѣ «жало борьбы было отвращено въ другую сторону, и вмѣсто борьбы оппозиціи за власть получилась въ результатѣ борьба представительства за существованіе» (278). «Руководство лѣвыхъ—по словамъ автора—сыграло свою роковую роль въ судьбѣ Думы, и съ ея роспускомъ былъ пропущенъ благопріятный моментъ для крестьянъ—провести въ Думѣ земельную реформу въ духѣ проекта, предложеннаго партіей народной свободы» (282). И эти явно несостоятельныя обвиненія противъ лѣвыхъ партій, и мало согласованныя съ дѣйствительностью неумѣренныя восхваленія успѣховъ к.-д. партіи едва-ли будутъ особенно поучительны для читателя, а между тѣмъ именно они и составляютъ главное содержаніе статей, собранныхъ въ настоящей книгѣ г. Милюкова. И изученіе исторіи второй Думы по этой книгѣ врядъ-ли дастъ кому-нибудь особенно плодотворные результаты.

Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что книга г. Милюкова лишена всякаго значенія. «Для связной исторіи—говоритъ самъ ея авторъ—настанетъ время; нашъ сборникъ есть только матеріалъ для историка» (XIII). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сборнику г. Милюкова, несомнѣнно, принадлежитъ извѣстное значе-

ніе. Онъ не даетъ читателю не только исторіи, но и лѣтописи событій, связанныхъ со второй Думой. Для этого въ немъ слишкомъ многое обойдено молчаніемъ, слишкомъ многому придано одностороннее и неполное освѣщеніе. Но для того, кто захотѣлъ бы возможно обстоятельнѣе изучить исторію второй Думы, и, въ частности, роль, сыгранную въ ней к.-д. партіей, сборникъ статей признаннаго вождя и руководителя послѣдней явится однимъ изъ немаловажныхъ пособій, такъ какъ въ этихъ статьяхъ, быть можетъ, всего ярче вскрывается политическое міровоззрѣніе той партіи, къ которой принадлежитъ ихъ авторъ. Но, пользуясь этимъ пособіемъ, не надо забывать, что даваемыя имъ фактическія показанія требуютъ постоянной провѣрки и дополненія путемъ сопоставленія ихъ съ другими, болѣе безпристрастными источниками.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сѣверные сборники. Книга пятая. Изд. т-ва „Шиповникъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Разсвѣтъ. Литературный сборникъ. Бр. К. и И. Адарюковыхъ. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Юная Мысль. Художественно-литер. сборникъ. Могилевъ-Под. 1906.

Вѣнокъ. Литер. сборникъ. Памяти Воронежскаго поэта И. В. Клягина. Воронежъ. 1908. Ц. 65 к.

Сергѣй Грустный. Въ безсонныя ночи. Стихотворенія. М. 1908. Ц. 3 р.

Н. В. Корецкій. Пѣсни ночи. Стихотворенія. Изд. ред. журн. „Пробужденіе“. Ц. 1 р.

Лира. Сборникъ произведеній русск. худож. лирики. Собралъ и составилъ М. Бинштокъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Л. Барскій и ***П. Луганскій***. Завязь. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Archag Tchobanian. Poèmes. Paris. 1908. Ц. 3 фр. 50 с.

Христофъ Зигвартъ. Логика, Пер. съ 3-го посмертнаго изданія І. А. Давыдова. Томъ I. Ученіе о сужденіи. понятіи и выводѣ. Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к. Изд. книжнаго склада „Провинція“.

Georg Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig. 1908.

А. Копельманъ. Чѣмъ должна быть коллективная психологія. Одесса. 1908. Ц. 35 к.

Д-ръ В. Аментъ. Душа ребенка. Пер. съ 3-го нѣмецкаго изданія Я. Трарингъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

В. Бельше. Дни творенія. Изъ исторіи развитія міра. Пер. съ нѣм. В. Александрова. Спб. 1908. Ц. 60 к.

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ. Ч. I. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. I. Геффкенъ. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства. Библіотека для саморазвитія и ***проф. Т. Циглеръ***. Общая педагогика. Пер. съ нѣмецкаго С. Берса. Изданіе „Вѣстника Знанія“. 1908.

Шарль Диль. Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI в. Пер. съ франц. Спб. 1908. Ц. 5 р.

М. Тарѣевъ, Пр. Христосъ. Осно-

вы христіанства. Т. I. Второе изд. 1908. Ц. 2 р.

Л. Н. Толстой. Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій. 3 тт. Изд. „Посредника". М. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Петръ Стоянъ. Пути къ истинѣ, Соціально-философскій очеркъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

А. Шаховъ. Гёте и его время. Изд. 4-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Н. Ястребовъ. Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени. (Изъ исторіи гуситской мысли). В. I. Спб. 1908. Ц. 2 р.

П. А. Кропоткинъ. Поля, фабрики и мастерскія. Съ англ. пер. *А. Коншинъ.* Изд. 3-е, „Посредника", М. 1908. Ц. 80 к.

Исторія Россіи въ XIX в. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Вып. 11. Спб. 1908.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону. Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ ихъ писемъ къ другимъ лицамъ. Пер. Г. А. Лопатинъ. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Д-ръ правъ Л. Б. Будинъ. Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики. Пер. съ англійскаго подъ ред. В. И. Засуличъ. Книгоиздатольство „Новый Міръ". Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Кауфманъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Лекціи, читанныя въ Московскомъ народномъ университетѣ въ 1907 г. Изд. Моск. общества народныхъ университетовъ. Москва. 1908 г. Ц. 40 к.

А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. Изд. Сытина. Москва. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Берзынъ. Земельная собственность. Пер. съ латышскаго К. Дш. Рига. 1907. Ц. 15 к.

Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. 1905 г. Вып. I и *Статистика по казенной продажѣ питей.* 1905 г. Вып. III. Изд. Главн. Управл. неокл. сборовъ и казенной продажи питей по Статистическому отдѣленію. Спб. 1907.

С. О. Марголинъ. Еврейскія кредитныя коопераціи. Еврейское колонизаціонное общество. Статистико-экономическіе очерки и изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Б. Бруцкусъ. Профессіональный составъ еврейскаго населенія Россіи. Статистико-экономическіе очерки и изслѣдованія. Вып. II. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Забастовка Бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1907 г. Баку. 1908. Ц. 80 к.

П. А. Хворостанскій. Земельная норма для киргизъ Сарайской волости и *Н. И. Курбатовъ.* Естественно-историческое описаніе Сарайской волости. Оренбургъ. 1908 г.

Говардъ П. Киннардъ. Русскій крестьянинъ. Пер. Н. Сувирова. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. П. Ивановъ. (Опальный). Тайны государственнаго контроля. Вып. I. Спб. 1908. Ц. 50 к.

А. Л. Рубиновскій. О нѣкоторыхъ легко устранимыхъ причинахъ проституціи. Спб. 1905 г. *Его-же.* Концентрація проститутокъ. Спб. 1905.

Врачъ З. П. Соловьевъ. Ясли-пріюты въ Саратовской губ. лѣтомъ 1907 г. и *врачъ Н. И. Тезяковъ.* Матеріалы по изученію дѣтской смертности въ Саратовской губ. съ 1902 по 1904 г. Вып. второй. Изд. Саратовскаго губ. земства. Саратовъ. 1908.

Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Т. I. Составилъ Т. И. Полнеръ. М. 1908. Ц. за два тома 3 р.

Вл. Семеновъ. Расплата. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1908. Ц. 3 р.

Поповичъ Липовацъ ген.-маіоръ. Жгучій вопросъ дня. Македонскія реформы и русско-англійскіе проекты. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Стенографическій отчетъ Портъ Артурскаго процесса. Подъ ред. К. Ксидо и М. Соколовскаго. Вып. III. Спб. 1908. Ц. 1 р. 60 к.

Всеобщая библіотека: 1) *Пр. Т. Н. Грановскій.* Четыре характеристики. Ц. 10 к.—2) *А. С. Грибоѣдовъ.* Горе отъ ума. Ц. 10 к. — 3) *Викторъ Гюго.* Избранныя стихотворенія. Ц. 10 к.—4) *В. Шекспиръ.* Гамлетъ, принцъ датскій. Ц. 10 к.—5, 6) *М. Сервантесъ.* Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Ц. 20 к.—7) *В. А. Никольскій.* Морозовщина. Народныя движенія въ Россіи XVII в. Ц. 10 к. — 8, 9, 10) *Ренэ Базенъ.* Умирающая земля. Романъ. Ц. 30 к. Изд. Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ Спб. 1908.

Изд. В. Ив. Дмитріева на помощь крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Общ. „Союзъ копѣйки". Спб. 1908.—1) *С. Кашъ.* Страничка изъ жизни пр. Д. И Менделѣева. Ц. 20 к.— 2) *Л. Н. Толстой.* Надоѣло. Легенда о нищихъ.—*А. Ермоловъ.* Голодный годъ. *Свящ. I. Кедровъ.* Картинки деревенской жизни. *Пр. Ив. Озеровъ.* „Союзъ копѣйки". — 3)

И. Жилинскій. Рюрикъ. *В. Дмитріевъ*. Юнкерскія стихотворенія. Ц. 20 к.—4) *Кн. С. Мещерская*. Первая рождественская елка. Ц. 15 к.—5) Скромное геройство. Ц. 15 к.—6) *В. Зарубинъ*. Въ мастерской художника Руджіо. Ц. 15 к.—7) Джонъ Бёрнсъ, вождь рабочей партіи въ Англіи. Ц. 20 к.—8) *Г. Коллежинскій*. Письма изъ деревни. Ц. 20 к.—9) *Ольга Полетаева*. Сила науки въ экономической борьбѣ. Ц. 20 к.

Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Разумъ. Ц. 10 к. Богъ. Ц. 10 к. Единеніе. Ц. 10 к. Свобода. Ц. 10 к. Божественная природа души. Ц. 12 к. Собралъ Левъ Толстой. Изд. „Посредника". Москва. 1908.

Ал. Маритъ. Какъ я смотрю. Спб. 1908. Ц. 35 к.

Ст. Аничинъ. Кто такіе жиды и за что ихъ черная сотня не любитъ. Спб. 1908. Ц. 8 к.

А. Елистратовъ. Проблемы общественнаго обезпеченія дѣтства. Казань. 1908. Ц. 15 к.

Д. Деворъ. Наши Шекспиры и Гете. Литерат. памфлетъ. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Оскаръ Іегеръ. Педагогическое завѣщаніе. Пер. Сер. Крылова. 2-е изд. К. Тихоміровa. М. 1908. Ц. 50 к.

Кругомъ свѣта. Часть II. По Европѣ. Вып. I. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Е Горбунова. Съ 246 рисунками. М. 1908. Ц. 1 р. 80 к.

Первая трудовая артель горнорабочихъ Урала. Пермь. 1908.

А. Виноградовъ. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Од. 1908. Ц. 60 к.

А. Сапѣгинъ. Кр. учебникъ ботаники. Од. 1908. Изд. кн. маг. Е. Распопова. Ц. 1 р. 25 к.

П. Зюнова. Товарищъ. Книга для чтенія. Второй годъ обученія. Тоже—третій годъ обученія. Изд. кн. маг. Е. Распопова. Од. 1908. Ц. по 45 к. за книжку.

Планъ введенія всеобщаго обученія въ Александрійскомъ уѣздѣ. Съ приложеніемъ таблицъ. Александрія. 1908.

Журналъ перваго съѣзда обл. земск. переселенческой организаціи 9—11 іюня 1908.

Отчетъ о дѣятельности Союза общества помощн. врачей за 1907 г. Годъ 2-й. М. 1908.

Земледѣльческа Статистика за 1903 година. Княжество България. София. 1907.

К. Деруновъ. Примѣрный библіотечный каталогъ. Избранная литература по всѣмъ отраслямъ знанія. Съ прилож. своднаго указателя журнальныхъ рецензій на книги за періодъ 1848—1907 гг. Ч. I. 2-е испр. и доп. изд. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

И. В. Сажинъ. Д-ръ мед. Наслѣдственность и спиртные напитки. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Священникъ I. Виноградовъ. Основы христіанской религіи и православное вѣроученіе. Изд. 2-е. Москва. Ц. 1 р.

Сборникъ правилъ условій поступленія въ учебныя заведенія Россіи. Выпускъ II. Москва. Ц. 1 р.

В. Каннъ. Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Изд. третье. Москва. 1908. Ц. 60 к.

Каталогъ фундаментальной библіотеки Уманскаго средняго училища садоводства и земледѣлія. Умань. 1908 г.

ОПЕЧАТКА.

На стран. 195 августовской книги „Р. Б", въ „*Исторіи моего современника*" В. Г. Короленка, напечатано: „Вотъ это видно, что *попы* жили.. Настоящіе!"

Слѣдуетъ читать: „*паны*".

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ И. Шипко, изъ г. Александровска—5 р.; „отъ Луки"—9 р.; отъ Д. У. Новича 29 іюля 1908 г.—3 р.; отъ М. Чеботарева, изъ Орла—10 р.; „изъ Балты"—10 р.

Итого . . . . 37 р.

На музей имени Л. Н. Толстого: отъ Е. М.—3 р.

Редакторъ-Издатель *Вл. Короленко.*

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

По опредѣленію Комитета по дѣламъ печати **наложенъ арестъ** на сентябрьскую книжку „Русскаго Богатства“.

ОКТЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

ОКТЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.— Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.— 349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ. — Послѣдній лучъ.— Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.— 400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.— 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина*. — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго*. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема“. 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

ПРОСТУПОКЪ.

Повѣсть.

I.

Они жили, не возбуждая ни малѣйшихъ подозрѣній, уже два съ половиной мѣсяца на своей уединенной дачѣ, одиноко возвышавшейся среди пустырей, возлѣ самаго моря.

Осокинъ выдавалъ себя за московскаго журналиста, пріѣхавшаго сюда отдохнуть и поработать въ глуши, внѣ развлекающей сутолки столицы. Елена Павловна съ ея красивымъ и насмѣшливо-капризнымъ лицомъ избалованнаго ребенка, съ ея манерой одѣваться, подбирать чуть слышно шуршащее платье ловкимъ и элегантно изысканнымъ движеніемъ являлась въ глазахъ мѣстныхъ обывателей представительницей „настоящихъ столичныхъ дамъ“ и возбуждала всеобщее восхищеніе.

Но этотъ ансамбль нѣсколько портила ихъ горничная Ядя. У нея было большое, смуглое лицо, нескладный носъ, вѣчно сжатыя скорбныя губы, которыя, казалось, совсѣмъ не умѣли улыбаться, и чудные сіяющіе глаза, полуприкрытые отъ тяжести длинныхъ рѣсницъ, похожихъ на только что выкрашенныя въ черную краску, прямыя и тонкія стрѣлы.

Одѣвалась она съ какой то строгой и расхолаживающей простотой, никогда не вертѣлась за воротами дачи въ ожиданіи кавалеровъ, а когда ходила въ городъ на базаръ, то всегда спѣшила поскорѣе вернуться обратно, упорно не поднимая глазъ и не отвѣчая на подмигиванія мѣстныхъ ухаживателей-сердцеѣдовъ.

Даже извѣстный острякъ и донжуанъ, Никифоръ, лакей изъ гостиницы Монрепо, не сумѣлъ добиться благосклонности неприступной Яди. Въ отвѣтъ на его игривыя шутки имѣвшія такой колоссальный успѣхъ среди мѣстныхъ горничныхъ и кухарокъ, она молча отворачивалась и проходила.

Однажды она остановилась и сказала ему: „оставьте меня, пожалуйста!“ — съ такимъ выраженіемъ враждебности въ тонѣ, что Никифоръ растерялся и сразу отсталъ.

— Ловко она тебя!..—замѣтилъ ему наблюдавшій эту сцену лавочникъ Гавриловъ.

— Н-да... недотрога, прынцесса!.. Да мнѣ наплевать... Другихъ нешто нѣтъ?... Ихней сестры сколько хошь: до Москвы не перевѣшаешь!..—Но въ душѣ Никифоръ былъ все же глубоко уязвленъ и, главное, никакъ не могъ понять причины своего необычнаго пораженія.

Въ общемъ, никому изъ жителей N. не приходило въ голову, что снявшій эту одинокую и зимой обыкновенно пустовавшую дачу столичный писатель есть не кто иной, какъ хозяинъ тайной типографіи Осокинъ, извѣстный революціонеръ, разыскиваемый полиціею во многихъ городахъ, что Елена Павловна—жена его лишь для отвода глазъ, а Яся—еврейка, дочь богатыхъ коммерсантовъ изъ Западнаго края, которая бросила своихъ родныхъ, порвала всѣ связи съ семьей и очутилась въ самой гущѣ революціоннаго водоворота.

Образъ жизни всѣхъ троихъ былъ тихій и скромный. Осокинъ, подъ предлогомъ большой статьи, которую ему нужно было обработать, по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Елена Павловна и Яся тоже сидѣли дома.

Сперва хозяинъ дачи, коренастый и весь заросшій смолисто-черными волосами дьяконъ изъ грузинъ, удивлялся такому странному времяпровожденью.

— Что же вы, Николай Егорычъ, никуда гулять не ходите?.. Нехорошо въ такую погоду дома сидѣть... Сегодня музыка на бульварѣ. И женѣ вашей скучно: все одни, да одни... Въ городѣ, можетъ, съ кѣмъ-нибудь знакомство сведете: есть семьи весьма почтенныя.

Но потомъ онъ постепенно привыкъ. Только жена его, бывшая когда-то красавицей, а теперь уже расплывшаяся и вѣчно беременная грузинка, все еще искренно жалѣла Елену Павловну.

— Бѣдная!.. Ахъ, бѣдная!..—говорила она своему мужу, причмокивая губами и скорбно покачивая головой.—Такая красивая, молодая... а онъ все дома сидитъ. Дѣтей нѣтъ; поди—съ деньгами, чего бы еще?.. Веселились бы да по гостямъ ходили—нѣтъ: самъ запрется и ея никуда не пускаетъ. Такъ жаль мнѣ ее, такъ жаль...

Въ концѣ концовъ, супруги рѣшили, что Осокинъ—эгоистъ, а Елена Павловна принадлежитъ къ числу тѣхъ женъ, которыя изъ любви къ своимъ мужьямъ не желаютъ безъ нихъ никуда показываться.

Такъ съ внѣшней стороны проходила ихъ жизнь въ глазахъ хозяевъ и прочихъ обывателей этого маленькаго, затерявшагося между горъ курорта.

Большой губернскій городъ былъ отсюда довольно далеко. Раза два въ мѣсяцъ пріѣзжалъ оттуда на дачу, подъ видомъ брата Елены Павловны, одинъ изъ членовъ тамошней организаціи, извѣстный подъ именемъ „Сергѣя". Онъ гостилъ у нихъ дня два-три, чтобы не возбуждать у дьякона подозрѣній, и затѣмъ уѣзжалъ, увозя съ собой напечатанныя уже прокламаціи и брошюры.

Настоящее имя его зналъ только одинъ Осокинъ; для Елены Павловны и Яси онъ былъ лишь „товарищъ Сергѣй", лицо невѣдомое, таинственное, служившее для нихъ единственной связью со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Сергѣй являлся, вносилъ оживленіе въ ихъ замкнутое, монотонное существованіе, разсказывалъ партійныя новости, игралъ на гитарѣ, болталъ съ дьякономъ и его женой, гулялъ по берегу моря съ Еленой Павловной, и когда уѣзжалъ обратно, то всѣ невольно чувствовали, какъ замѣтно его отсутствіе на дачѣ.

Даже Яся—и та смѣялась, слушая его жизнерадостную болтовню, а послѣ отъѣзда его иногда замѣчала Еленѣ Павловнѣ:

— Вотъ и опять мы одни. Снова скучно!..

Обыкновенно Елена Павловна усмѣхалась ей въ отвѣтъ, а Осокинъ угрюмо ворчалъ:

— Ну-съ... Нагулялись достаточно. По мѣстамъ пожалуйте!..—Упорная, утомительная работа закипала съ прежнимъ ожесточеніемъ.

Осокинъ былъ „техникомъ" по призванію. Онъ любилъ свое дѣло, какъ нѣчто живое, одушевленное, относился къ принятымъ на себя обязанностямъ съ методичностью, не допускающей никакихъ послабленій, и требовалъ точно того же отъ тѣхъ, кому приходилось работать подъ его руководствомъ. Печатанье шло блестяще. Сергѣй едва успѣвалъ увозить выполняемые Осокинымъ заказы. Иногда ихъ оканчивали задолго до срока. Тогда всѣ трое отдыхали, читали вслухъ, разговаривали, гуляли, но большею частью по вечерамъ, чтобы кто-нибудь посторонній не замѣтилъ Ясю, слишкомъ ужъ „демократически" держащую себя съ „столичными господами".

Хозяева, тѣ ужъ привыкли, что Елена Павловна сажаетъ съ собой горничную за столъ.

— И хорошо же живется тебѣ,—какъ-то разъ замѣтила хозяйка Ясѣ:—я еще такихъ добрыхъ господъ никогда не видывала.

— И я тоже не видывала,—возразила Яся.—Это ужъ такое мнѣ счастье Богъ послалъ!..

Но обыкновенно Яся уклонялась отъ подобныхъ рискованныхъ разговоровъ. Хозяева, съ своей стороны, знали, что она многословіемъ не отличается, и разспрашивали ее очень рѣдко.

Съ Еленой Павловной Осокина свелъ случай. Послѣ счастливо удавшагося побѣга на ходу поѣзда изъ окна, онъ снова явился въ родной городъ и предложилъ свои услуги комитету. Но оставаться тамъ было уже невозможно. Всѣ мѣстные сыщики знали его въ лицо, и фотографіи его имѣлись въ каждомъ полицейскомъ участкѣ.

Однако же, отъ поѣздки за-границу Осокинъ рѣшительно отказался. Онъ зналъ, что по случаю недавнихъ „проваловъ" въ хорошихъ техникахъ ощущается особенный недостатокъ, и потому не чувствовалъ себя въ правѣ сидѣть, сложа руки, за тридевять земель, когда его присутствіе могло здѣсь быть полезно. Вынужденное бездѣйствіе уже начинало его тяготить.

Какъ разъ въ это время на югѣ налаживалось одно крупное дѣло. Между прочимъ, предполагалось устроить тайную типографію. Осокинъ съ радостью ухватился за возможность одновременно и освободиться отъ мытарствъ, неизбѣжно связанныхъ съ нелегальнымъ положеніемъ, и снова приняться за прерванную работу.

Въ типографіи должны были жить трое: мужъ, жена и горничная. Мужа изображалъ изъ себя Осокинъ, горничная уже имѣлась на мѣстѣ, остановка была только за „женой".

Наконецъ, послѣ долгихъ и тщательныхъ поисковъ, выборъ комитетчика остановился на Еленѣ Павловнѣ Ростовской. Она была дочь отставного генерала и работала въ партіи уже около полуторыхъ лѣтъ.

Когда получили ея согласіе, то ее познакомили съ Осокинымъ, и они вмѣстѣ отправились на югъ, по дорогѣ разыгрывая изъ себя путешествующую супружескую пару.

По пріѣздѣ всѣ трое поселились на заранѣе уже облюбованной дачѣ. Время стало тянуться въ душной комнатѣ за работой. Южныя краски, солнце, море,—все это было теперь не для нихъ, и всѣмъ этимъ пользоваться они не успѣвали. Свободныя минуты выпадали такъ рѣдко.

Однообразно проходилъ рядъ нескончаемыхъ дней: вокругъ все тѣ же безмолвныя, скучныя стѣны. Море сверкаетъ въ отворенное окно. Слышенъ запахъ типографской краски. Привычные пальцы тихо движутся отъ наборной кассы къ гранкамъ и обратно. Свинцовыя колонны выстраиваются и растутъ; чужія мысли начинаютъ оживать въ нихъ.

изъ своего недавняго оцѣпенѣнія. Онѣ уже волнуются, спѣшатъ куда-то, горятъ надеждой, зовутъ за собой, обѣщаютъ людямъ новое, яркое счастье... Но для тѣхъ, кто вдохнулъ въ нихъ жизнь, ничего нѣтъ свѣтлаго впереди: тамъ лишь тюрьма или смерть, или, можетъ быть, просто молчаливое забвенье...

Катится все дальше и дальше сѣрый клубокъ времени, разматывая свои тянущіяся нити. Безцвѣтная сѣть плетется изъ нихъ, и въ этой сѣти запутались три маленькихъ человѣческихъ существованія.

Они отрѣзаны сейчасъ отъ міра глухой стѣной. Конспиративная тайна встала между людьми и ими. Все личное: привязанности, ожиданія—все исчезло за этой гранью, отдѣляющей настоящее отъ того, что уже было и больше не вернется. Гдѣ-то кипитъ борьба, порой до нихъ долетаютъ отдѣльные всплески стремительно мчащагося жизненнаго потока,—но самъ онъ отъ нихъ сейчасъ далекъ: покупаемыя въ мѣстечкѣ газеты,иногда разсказы Сергѣя, да еще злободневныя брошюры,которыя приходится просматривать передъ наборомъ, — вотъ и все, что даетъ понятіе о происходящемъ за стѣнами дачи. Изъ „конспираціи", они не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакихъ сношеній, они должны ютиться лишь въ своемъ ограниченномъ кругу „изъ трехъ", но за то у нихъ есть одно утѣшеніе: они знаютъ, что въ своей скромной роли посредниковъ между людьми и свободнымъ словомъ они служатъ тому же дѣлу, съ которымъ смыслъ ихъ существованія связанъ незыблемо и неразрывно. Это сознаніе даетъ бодрость и силу, но оно все же не дѣлаетъ менѣе скучными тоскливо исчезающіе дни...

Такъ проходила ихъ жизнь, вдали отъ людей, на самомъ берегу вѣчно шумящаго моря...

II.

— Ну... на сегодня, пожалуй, и довольно!..—Осокинъ, потягиваясь, поднялся изъ-за стола.—Спину всю разломило, какъ не знаю у кого!.. Пойду руки мыть... А вы что же, Елена Павловна?..

— Я сейчасъ... Мнѣ только всего одна строчка осталась... И у меня тоже уже въ глазахъ рябитъ...

— Да... Здорово зрѣніе портится... Говорятъ, что и чахотку отъ этого наживаютъ... Цѣлый день въ согнутомъ положеніи... А, между прочимъ: давайте я сейчасъ докончу за васъ?..

— Ну, съ какой же это стати?.. Я сама развѣ не умѣю...

— Я совсѣмъ не потому... Я...

— Оставьте лучше краснорѣчіе и уберите кассу въ ящикъ. Мы вечеромъ будемъ у васъ сидѣть...

— Вотъ это хорошо. Посумерничаемъ, значитъ... Вы намъ споете?..

— Будетъ зависѣть отъ настроенія...

— Опять настроеніе!.. Неужели вы безъ этой штуки никогда не можете обойтись?..

— Отлично могу, но предпочитаю не обходиться... Ну, вотъ я васъ и догнала сейчасъ... Что вы на это скажете?

— Скажу, что вы дѣлаете колоссальные успѣхи. Я даже не ожидалъ...

— „Не ожидали?..“ Merçi... Вы думали, что я уже ни на что не гожусь?..

— Нѣтъ... Собственно говоря, я не то хотѣлъ сказать... Не такъ, т. е., выразился... Но когда насъ познакомили, вы мнѣ показались не совсѣмъ подходящей...

— Это почему же такъ?..

— Какъ вамъ сказать... Съ одной стороны, вы никогда еще не работали по типографской части... Съ другой... Ну, словомъ, я сначала вообразилъ было, что мнѣ съ вами мука-мученическая будетъ!.. Ей-Богу... Я, вообще, съ дамскимъ поломъ возиться не люблю...

— Осокинъ, вы сегодня невозможны!.. Кончится тѣмъ, что я должна буду заступиться за „дамскій полъ“, какъ вы презрительно изволите выражаться...

— Я не презрительно... Я по опыту...

— Скажите, какой опытный!.. Чѣмъ же мы, бѣдныя, вамъ насолили?

— Я вамъ скажу серьезно... Я, конечно, только не имѣю въ виду васъ — вы совсѣмъ особенная... вы на остальныхъ не похожи... Но, ей-Богу же, всѣ „товарищи - женщины“ удивительно неаккуратный народъ!.. Скажешь ей придти въ такое-то мѣсто—обязательно перепутаетъ адресъ... Попросишь нужную вещь принести—забудетъ!.. И такъ безъ конца... Кромѣ васъ я, покамѣсть, не знаю другого примѣра...

— Очень рада, если дѣйствительно заслужила этотъ комплиментъ. Въ устахъ такого женоненавистника, какъ вы, онъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность...

— Я совсѣмъ не женоненавистникъ... Я только вообще...

— Позвольте, я вамъ помогу... Касса вѣдь тяжелая, вамъ одному трудно...

— Спасибо... Ну, вотъ, видите: вы и сильная къ тому-же...

— Словомъ: „тетка за дядьку“, какъ у насъ говорятъ!.. Не дядя, а почти что человѣкъ...

— Не смѣйтесь... Не всякая можетъ поднять такую тяжесть. Посчитайте: сколько здѣсь свинцу... Шрифтъ—вѣдь онъ вѣситъ!..

— Ну, теперь хоть гостей принимай... Слѣдовъ „преступленія“ не осталось!..

— Я, вотъ, только рукъ все никакъ не могу отмыть... Удивительно ѣдучая краска. Вчера дьяконъ спрашиваетъ: „А вы все пишете, Николай Егорычъ?..“ — „Все пишу — говорю...“ — „Какія, говоритъ, у васъ чернила ядовитыя... Должно быть, очень неудобныя перья...“—„Да... неудобныя“... Однако, что же мы здѣсь стоимъ?.. Пойдемте къ Ясѣ...

Они вышли въ сосѣднюю комнату.

Послѣ ужина опять собрались у Осокина. Въ раскрытую дверь была видна темная ночь и сверкающая среди нея серебряная полоска моря. Молодой мѣсяцъ ясно вырисовывался на пустынномъ небѣ. Теплые порывы вѣтра врывались въ комнату вмѣстѣ съ шорохомъ волнъ. Всѣ трое довольно долго молчали.

— Что за ночь... Взгляни!..—

— вполголоса начала вдругъ Елена Павловна.

Блескъ и ароматы...
Вся душа объята
Жаждою любви...

— Да нѣтъ!.. Ну ее!.. — неожиданно оборвала она,—не стоитъ!..

— Елена, что это такое?.. — спросила Яся.—Знакомое что-то.

— Испанская серенада.

— Красивая вещь... Спойте полнымъ голосомъ!

— Да, да... спойте!.. — присоединился изъ своего угла Осокинъ.

— Не хочется мнѣ... Ей-Богу, лучше и не просите...

— А... теперь я вспомнила!.. Вы это пѣли, когда здѣсь въ послѣдній разъ былъ Сергѣй... Вы тогда стояли на балконѣ, а мы отсюда слушали васъ... Какой у васъ чудный голосъ, Елена!..

— Право, спойте, Елена Павловна!.. Такъ хорошо думается, когда вы поете...

— Господа, да не въ настроеньи же я... Не выйдетъ ничего... Вы же знаете, что я никогда не ломаюсь...

— Опять это „настроеніе“?.. Вотъ вѣдь какой у васъ есть хозяинъ и господинъ...

— Бросьте, Осокинъ!.. Мнѣ что-то тоскливо сегодня... Какъ странно мы здѣсь живемъ: совсѣмъ одни... Отъ всего міра гдѣ-то далеко, далеко... словно на необитаемомъ островѣ... А всюду жизнь идетъ... Люди борются, гибнутъ— мы же сидимъ взаперти и, какъ будто, никакого участія во всемъ этомъ не принимаемъ... Даже обидно: точно отрѣзанные ломти...

— Это совсѣмъ не вѣрно. Мы здѣсь свое дѣло дѣлаемъ—другіе тамъ... Обыкновеннѣйшее раздѣленіе труда..

— Да это все такъ... Я и не спорю... Только, ей-Богу, я къ машинному производству не чувствую расположенія. Бездушное что-то въ немъ. Тысячи винтиковъ, каждый винтикъ въ свою сторону вертится, и все такъ хорошо въ общемъ выходитъ... Послѣдовательно, логично... Только все же душа къ этому не лежитъ!.. Мнѣ бы вездѣ хотѣлось... и тутъ, и тамъ... всюду, гдѣ борьба... Ѣздить бы, новыхъ людей видѣть, новыя мѣста... убѣждать, доказывать... а я тутъ, какъ приклеенная, на дачѣ сижу... Но я, конечно, не жалуюсь ни на что и твердо памятую: взялся за гужъ...

— А скажите, Елена,—спросила Яся,—если бы не нужно было вамъ работать, если бы вы могли жить только личной жизнью, что бы вы стали дѣлать сейчасъ?..

— Что дѣлать?..—задумчиво повторила дѣвушка:—Конечно, я бы тогда на сцену пошла... Вы только подумайте, какъ это красиво: кругомъ толпа, всѣ ждутъ, и вы передъ ними одна... Въ вашей власти помочь всѣмъ этимъ чужимъ и далекимъ другъ другу людямъ на мгновенье стать близкими въ общемъ порывѣ... Вы можете своимъ пѣніемъ или игрой своей заставить ихъ вспомнить то, что, казалось бы, уже безвозвратно похоронено на днѣ души, можете воскресить все это съ новой, имъ самимъ еще невѣдомой силой... Я помню: одного скрипача извѣстнаго слушала я, какъ онъ мазурку Венявскаго игралъ,—такъ знаете, я въ ту ночь, какъ пришла домой, заснуть даже не могла!.. Все мое дѣтство такъ и стояло у меня передъ глазами... ярко такъ, отчетливо, точно я снова переживала его... И увидѣла я, какая раньше хорошая была и какъ теперь въ худую сторону перемѣнилась... Все темное, ненужное всплыло вдругъ предо мной, и было такъ больно, что жизнь уже незамѣтно успѣла вытравить изъ меня мое прежнее чистое и святое... А такіе моменты не проходятъ зря... Послѣ нихъ все же стараешься быть хоть немного лучше...

— Почему же вы тогда не пошли на сцену?.. Вы могли бы и на сценѣ быть полезной!..

— Ахъ, Яся!.. У васъ только польза всегда на умѣ... А, по моему, человѣкъ на свѣтъ рождается совсѣмъ не для

пользы... Не могу я съ равнодушнымъ сердцемъ на чужое горе смотрѣть... Въ консерваторіи я первой шла... Впереди меня ждала, быть можетъ, даже слава, но... какъ видите, я предпочла всему этому нѣчто другое и нисколько не раскаиваюсь... Какая охота чье-нибудь сытое брюхо мелодіей тѣшить, когда все равно это брюхо никакимъ Бетховеномъ не прошибешь!.. А въ наше время искусство не для тѣхъ вѣдь существуетъ, кто нуждается въ немъ для украшенія своей жизни, а для тѣхъ, кто дороже платитъ... Вотъ почему, милая моя Яся, я не на сценѣ!..

Елена Павловна замолчала и опустила голову. Нѣсколько секундъ всѣ трое думали, каждый о своемъ. Потомъ Елена первая заговорила:

— Что-то давно Сергѣй не пріѣзжалъ?.. Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?.. Можетъ, его арестовали, а мы здѣсь сидимъ и ничего не знаемъ!

— Ну... съ какой же стати!..—возразилъ Осокинъ.—Во-первыхъ, насъ всегда бы объ этомъ увѣдомили, а, во-вторыхъ, насколько мнѣ извѣстно, у Сергѣя сейчасъ нѣтъ никакихъ особенно опасныхъ порученій. Въ обыкновенное же время онъ держитъ себя очень осторожно.

— Скажите, Осокинъ,—вы давно его знаете?..

— Со времени моей первой ссылки... вмѣстѣ мы и бѣжали оттуда...

— Вы много тогда испытали тяжелаго?..—Въ голосѣ Яси проскользнули задушевныя и мягкія нотки.

— Какъ вамъ сказать?—послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ Осокинъ, украдкой взглядывая на сидящую передъ нимъ Елену Павловну,—мнѣ объ этомъ какъ-то и думать не приходилось. Всѣ мои мысли были заняты подготовленіемъ побѣга... А то, что приходилось тогда переживать, казалось временнымъ, случайнымъ... Мы на всѣ эти неудобства и вниманія даже не обращали: грубость конвойныхъ, кандалы и прочее—все было такими ничего не стоящими пустяками, въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы ждали впереди... Мы вѣдь день и ночь мечтали о возвращеньи... А поѣздъ уносилъ насъ все дальше и дальше... Намъ удалось бѣжать только лишь изъ Сибири, передъ самой каторгой...

— А какъ Сергѣй?..—спросила Елена Павловна.—Вѣдь онъ всегда былъ такой нервный, легко возбуждавшійся... неужели онъ тоже не страдалъ въ этой обстановкѣ?..

— Ей-Богу, ничего вамъ не могу сказать!.. Знаю только, что Сергѣй первый и подалъ мнѣ мысль о побѣгѣ... Вмѣстѣ мы и готовиться стали, вмѣстѣ же и выскочили ночью въ окно, когда конвойные заснули... Это былъ еще мой первый прыжокъ... Послѣ пришлось его повторить.

— Неужели же вы совсѣмъ не ушиблись при паденьи?— перебила его Яся.

— Я неловко выскочилъ и упалъ... но, по счастью, на откосѣ былъ мелкій песокъ, и я только на нѣсколько секундъ потерялъ сознаніе...

— А Сергѣй?..

— Вы же знаете, что Сергѣй отличный гимнастъ!..— возразилъ Осокинъ Еленѣ Павловнѣ.—Для него этотъ прыжокъ обошелся вполнѣ благополучно...

Снова наступило молчаніе. Въ отворенную дверь по прежнему было видно, какъ море серебрится среди темноты. Недавно еще выкрашенныя въ бѣлую краску перила выдѣлялись на немъ отчетливо переплетающейся тѣнью. Неясные звуки и шорохи ночи зарождались и снова умирали въ тишинѣ. Блѣдная полоска мѣсяца прислушивалась къ нимъ, внимательно и грустно изогнувшись... Въ прозрачномъ сумракѣ острой трелью звенѣли ни на секунду не умолкавшія цикады...

— Хорошо!..—Елена Павловна неслышно поднялась и подошла къ балкону.—Мы сейчасъ точно въ каютѣ: вокругъ лишь море и больше не видно ничего... Не могу я спокойно жить на берегу!.. Мнѣ все время уплыть куда-нибудь хочется... Каждый пароходъ, что мимо проходитъ, вгоняетъ меня въ какую то безудержную тоску... Такъ бы, кажется, и улетѣла вслѣдъ!.. Хочется знать, что тамъ скрывается за этой далью...

— Ничего не скрывается,—сказалъ Осокинъ.—Такая же земля, какъ и здѣсь...

— Не можетъ этого быть!.. Тамъ непремѣнно есть что-нибудь другое... А то зачѣмъ же впередъ стремиться,—чтобъ опять все то-же, прежнее найти?.. Не стоитъ овчинка выдѣлки!..

— Возьмите географическій атласъ, и вы увидите, что всюду и вездѣ...

— А ну васъ совсѣмъ!.. Развѣ ваша географія на тоску мою отвѣтитъ?.. Лучше бросимъ этотъ разговоръ... Между прочимъ, я давно уже хотѣла вамъ сказать: мнѣ не нравится то, что мы сейчасъ печатаемъ...

— И мнѣ тоже... Но что-жъ дѣлать?.. Приходится иногда...

— Ужасно безцвѣтное что-то, прѣсное... Словно сидѣлъ человѣкъ и высасывалъ аргументацію изъ пальца...

— Да... слабовато!.. Нѣтъ теперь въ нашихъ мѣстахъ талантливаго человѣка, который бы сумѣлъ настоящимъ языкомъ заговорить. Вотъ въ N—скѣ я былъ очень доволенъ тѣмъ, что мнѣ присылали... А здѣсь...

— А помните, Осокинъ,—вмѣшалась Яся,—ту народную брошюру, которую мы печатали въ прошломъ мѣсяцѣ... Вотъ та была хороша... Такъ и видно, что каждое слово прямо отъ сердца... И какіе яркіе образы!.. Невольно врѣзывались въ память... Вы не знаете: кто ее написалъ?..

Осокинъ почему-то отвѣтилъ не сразу.

— Это Сергѣй составилъ,—послѣ нѣкотораго колебанія пороизнесъ онъ.

— Сергѣй?..—Елена Павловна обернулась. И Осокину показалось при слабомъ отблескѣ мѣсяца, неподвижно лежавшаго на полу, что темные глаза ея какъ-то особенно блеснули. — Вотъ какъ!.. А я и не знала... Почему же онъ мнѣ... т. е. намъ, ничего объ этомъ не сообщилъ?..

— Не знаю, право... Очевидно, изъ скромности начинающаго автора... — Осокинъ хотѣлъ сказать эти слова шутливымъ тономъ, но они неожиданно для него самого прозвучали съ оттѣнкомъ нѣкоторой непріязни. Онъ смутился и замолчалъ.

— Ну... однако, пора и спать идти!.. — послѣ паузы объявила Елена Павловна. — Завтра чуть свѣтъ вставать. Работы по горло. А если начнемъ еще по ночамъ разсиживаться, то и силъ никакихъ не хватитъ. Спокойной ночи!..

— Всего хорошаго!.. — Онъ пожалъ имъ обѣимъ руки и, проводивъ до двери, вернулся.

— Чего эти цикады, какъ очумѣлыя, орутъ!..—съ непонятнымъ раздраженіемъ подумалъ онъ, высунувшись въ окно.—И мѣсяцъ прямо въ глаза свѣтитъ... Вредно это... Нужно ставни закрыть!

Осокинъ захлопнулъ рѣшетчатыя створки и, очутившись въ темнотѣ, началъ медленно раздѣваться. Бывшее только что чувство безпричинной радости, съ которой онъ слушалъ все, что говорила Елена Павловна, куда-то исчезло. Онъ и самъ не зналъ, почему это такъ случилось. Но это было ему непріятно, и онъ легъ спать съ неопредѣленно-тоскливымъ осадкомъ на душѣ.

Ложась, онъ имѣлъ благое намѣреніе сейчасъ же заснуть, но это ему не удалось. Онъ долго еще ворочался съ боку на бокъ на своей узкой постели, непрерывно куря и все еще смутно ощущая, что начавшійся такъ хорошо вечеръ подъ конецъ былъ чѣмъ-то испорченъ неожиданно и безвозвратно...

III.

Нѣсколько дней послѣ этого Осокинъ былъ угрюмъ и странно разсѣянъ. Онъ, какъ будто, думалъ о чемъ-то, поминутно ускользавшемъ изъ его воображенія, и въ попыткахъ уловить и выяснить себѣ свое настроеніе искалъ одиночества.

Особенно тщательно избѣгалъ онъ оставаться наединѣ съ Еленой Павловной.

Во время работы Осокинъ больше уже не разговаривалъ и казался погруженнымъ въ нее всецѣло. Когда Елена Павловна, или Яся обращались къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, отъ отвѣчалъ неохотно и невпопадъ, точно спросонокъ, и сейчасъ же умолкалъ, продолжая прерванное занятіе съ усиленнымъ вниманіемъ. Послѣ работы онъ немедленно же уходилъ въ свою комнату, отказываясь ужинать съ товарищами, и тамъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на кровати, изрѣдка поднимаясь и расхаживая изъ угла въ уголъ большими, монотонно-размѣренными шагами. Но обыкновенно онъ скоро уставалъ и снова ложился.

Обѣ дѣвушки недоумѣвали.

— Что съ вами, Осокинъ?..—спросила его, наконецъ, Елена Павловна.

Осокинъ неожиданно и густо побагровѣлъ.

— Со мной?.. Ничего!..—отрывисто буркнулъ онъ и сейчасъ же снялъ и началъ протирать очки, чтобы скрыть смущеніе.—А что такое?.. Развѣ я въ чемъ-нибудь перемѣнился?..—немного оправившись, но все еще неувѣреннымъ тономъ продолжалъ онъ.—Почему вы объ этомъ спросили?..

— Да мнѣ кажется, вы теперь сдѣлались другой... непохожій...

— Непохожій на что?..

— На то, чѣмъ вы были раньше, по отношенію ко мнѣ и Ясѣ...

— Какъ это такъ?.. Я не понимаю...

— Ей Богу, затрудняюсь вамъ объяснить... Я это лишь чувствую, но не могу еще найти опредѣленныя выраженія... Словомъ, за послѣдніе дни вы куда-то отъ насъ отошли... Куда?.. Я не знаю...

Осокинъ низко наклонилъ голову надъ наборной кассой. Рука его, державшая верстатку съ свинцово-темными буквами, слегка дрожала.

— Вы такъ думаете?..—съ усиліемъ, но притворяясь небрежнымъ, произнесъ онъ.

— Я въ этомъ убѣждена...

Осокинъ ничего не отвѣтилъ. Въ этотъ моментъ они оба потянулись за одной и той же буквой, и пальцы ихъ, встрѣтившись, невольно прижались другъ къ другу.

Елена Павловна засмѣялась.

— Боже мой!.. Вы сейчасъ сдѣлали такіе страшные глаза, точно собирались меня укусить!..

— И не думалъ даже!..—Осокинъ насупился.

— И даже не думали!..—передразнила его Елена Павловна. — Какой любезный!.. Но вы все-таки уклонились отъ отвѣта на мой вопросъ. Итакъ: почему вы стали такой кислый?..

— Боленъ я...

— Больны?.. Это съ какихъ же поръ... и чѣмъ больны?..

— Не знаю...

— Не знаете?.. Вотъ это любопытно... Кто же тогда долженъ знать?..

— Кто нибудь, только не я...

— Часъ отъ часу не легче!.. Что-жъ это за таинственная болѣзнь у васъ, о которой никто не знаетъ?..

— Я вамъ, можетъ быть, послѣ скажу... Сейчасъ я еще самъ не вполнѣ увѣренъ...

— Вы меня заинтриговали... Я очень любопытна...

— Вѣроятно, даже завтра ваше любопытство будетъ удовлетворено...

— Завтра?.. Осокинъ, милый... ну, скажите лучше сегодня!.. До завтра я могу еще и умереть... Мало ли что можетъ случиться... Такъ тогда я ничего и не узнаю!.. Скажите сейчасъ...

— Узнаете въ свое время...

— Ну ужъ ладно, Богъ съ вами!.. Значитъ, непремѣнно завтра?..

— Непремѣнно... Я вамъ уже обѣщалъ...

Осокинъ угрюмо выложилъ изъ верстатки на доску набранную строчку и уже окончательно умолкъ. Они просидѣли такъ до ужина, не прерывая молчанія.

Придя въ свою комнату, Осокинъ съ размаху бросился на кровать, которая судорожно заскрипѣла подъ его тяжестью, и, закуривъ папиросу, сталъ прислушиваться къ голосамъ Елены Павловны и Яси за стѣной. Вскорѣ онѣ стихли. Очевидно, обѣ легли уже спать. Осокинъ курилъ и думалъ.

Тусклое столичное утро неожиданно встало въ его воспоминаніи. Зима уже прошла, но приближающейся весны еще не видно ни въ сыромъ и холодномъ воздухѣ, ни на пасмурномъ небѣ. Два запорошенныхъ снѣгомъ окна смо-

трятъ въ комнату, какъ чьи-то мертвенно-устремленныя бѣльма. Лица сидящихъ вокругъ стола кажутся сѣрыми. Въ душѣ знакомая пустота. Хочется ѣсть, усталые глаза слипаются сами собой, но впереди еще цѣлый день хлопотъ и бездомовнаго скитанья.

Эту ночь онъ провелъ, скорчившись на короткомъ и жесткомъ диванчикѣ у одного товарища. Одѣяла не было. Приходилось все время дрожать отъ холода подъ ветхимъ пальто, поджимая подъ себя зябнущія ноги. Предыдущую ночь почти совсѣмъ не спалъ. Пустили ночевать съ условіемъ — въ шесть утра встать и исчезнуть. Днемъ бродилъ, гдѣ попало. Мерзъ и голодалъ. Раздобылся у кого-то на «явкѣ» двугривеннымъ, немного поѣлъ и къ ночи все же успѣлъ отыскать вышеупомянутый диванчикъ. Сегодня же съ утра еще во рту не было ни крошки. Но—некогда объ этомъ размышлять — въ сосѣдней комнатѣ слышатся увѣренные и быстрые шаги Михаила Петровича. Начинается длиннѣйшій и обстоятельный дѣловой разговоръ...

Подъ ложечкой сосетъ... Голова отъ голоду внезапно опустѣла. Приходится съ усиліемъ вслушиваться въ то, что говоритъ ему комитетчикъ своимъ неторопливымъ баскомъ. Осокинъ внимательно смотритъ, какъ шевелятся его сѣдоватые нависшіе усы.

— А что, если я у него сейчасъ полтинникъ попрошу?..— думаетъ онъ, но, во время спохватившись, старается придать своему лицу сосредоточенно-серьезное выраженіе..

Наконецъ, всегда спокойный и уравновѣшенный, Михаилъ Петровичъ на мгновеніе умолкаетъ.

— Итакъ... всѣ дѣла покончены,—послѣ короткой паузы продолжаетъ онъ. — Теперь позвольте васъ познакомить съ будущей супругой... Елена Павловна, пожалуйте сюда: вотъ вашъ супругъ!..

Осокинъ тревожно поднялъ голову. Ему почудилось, что онъ снова слышитъ сейчасъ звонко разсыпающіяся нотки ея глубокаго, грудного контральто... Неужели она смѣется... какъ тогда?.. Нѣтъ... Это обманъ слуха... Все тихо вокругъ. Среди молчаливой ночной темноты только море одно вздыхаетъ и тихонько ворочается внизу подъ окнами на камняхъ. Сквозь ставни пробиваются струйки луннаго свѣта. Онѣ серебряной лѣсенкой лежатъ на полу. Въ воздухѣ душно и неподвижно.

Осокинъ снова опускается на подушку.

— Почему же измѣнилось все?..—думаетъ онъ.—Вѣдь недавно еще было хорошо... Но она вѣдь осталась прежняя... Значитъ, это я измѣнился... Но чего же я, собственно, хочу?

Новая картина съ отчетливой ясностью появляется въ воспоминаніи.

Темная, сурово заглядывающая въ окна вагона, непроглядная ночь. Снѣжныя поля бѣлѣютъ по сторонамъ во мракѣ. Порой они озаряются мгновеннымъ отблескомъ изъ трубы локомотива, и тогда унылые, уходящіе въ даль сугробы точно призраки показываются среди темноты. Затѣмъ все исчезаетъ. Снова черная мгла, снова причудливыя тѣни бѣгутъ навстрѣчу поѣзду вмѣстѣ съ мертвенно-бѣлѣющей снѣжной равниной. Уныло завываетъ мятель. Колеса вагона стучатъ задумчиво и монотонно. Осокинъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Еленой Павловной на югъ. Солнце и тяжелая, изнурительная работа ждутъ ихъ тамъ впереди. Оба веселы, въ особенности же Осокинъ.

Въ первый разъ въ жизни онъ чувствуетъ себя свободно въ обществѣ женщины, которая ему нравится, не только какъ товарищъ.

Раньше онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно конфузился и молчалъ. Собственная безцвѣтная наружность угнетала его и отнимала всякую увѣренность. Въ особенности же—неумѣнье завязать и поддерживать разговоръ. А теперь всякая неловкость исчезла: Елена Павловна сумѣла разсѣять ее...

Когда Осокинъ, развеселившись, пытался острить, она весело смѣялась, хотя онъ и понималъ, что остроты его довольно-таки неуклюжи. Когда онъ хотѣлъ помочь ей разобраться въ вещахъ, или накинуть на плечи мѣховую кофточку передъ выходомъ на платформу, она съ милой ласковостью благодарила его и, казалось, совершенно не замѣчала, что въ пылу усердія онъ топчется и наступаетъ самъ себѣ на ноги, какъ ученый медвѣдь, или же, помогая одѣваться, всякій разъ чуть не вывертываетъ ей руку.

Въ другое бы время онъ невыносимо страдалъ отъ этого сознанія, но теперь его охватывала безпричинная веселость. Все казалось заманчивымъ и интереснымъ впереди...

Сначала, когда въ купэ не было другихъ пассажировъ, они разсказывали другъ другу о своей прошлой жизни, строили планы будущей и какъ-то сразу же сдѣлались добрыми друзьями.

— Мнѣ одно только смѣшно,—между прочимъ, замѣтила ему Елена Павловна,—что вы мой мужъ... Ну, какой же вы мужъ!.. Если бы вы были братомъ—еще туда-сюда!.. Но, ей-Богу, для мужа вы абсолютно не годитесь!

— Это почему же такъ?..—Осокину было бы пріятнѣе, если-бъ она этого не говорила...

— Исключительно лишь изъ конспиративныхъ соображе-

нiй... Мнѣ кажется, что я буду постоянно ошибаться, говоря о васъ при постороннихъ: „Мой мужъ!..“ Это звучитъ для меня немного курьезно... „Мой братъ“—было бы гораздо лучше...

— Ничего ужъ не подѣлаешь!.. За то такъ удобнѣй: меньше подозрѣнiй...

— Да, вы, конечно, правы...

— Могу васъ утѣшить: у насъ тамъ будетъ и братъ...

— Братъ?.. Это откуда же.. и зачѣмъ?..

— А онъ намъ необходимъ для общей декорацiи: кто же станетъ отъ насъ увозить напечатанное, или новые заказы намъ доставлять?.. Не забудьте, что мы будемъ тамъ замурованы, какъ въ гробу... Появляться въ люди или къ себѣ кого-нибудь приглашать намъ рѣшительно невозможно...

— Я это знаю.. А кто онъ такой?..

— Вашъ будущiй братъ? О... это очень интересный малый!

Осокинъ пустился разсказывать Еленѣ Павловнѣ про Сергѣя, но окончить ему не удалось. На ближайшей станцiи въ купэ сѣлъ драгунскiй офицеръ, который при видѣ Елены Павловны моментально обомлѣлъ и принялъ разслабленно-восхищенную позу.

— Гм!.. Вы позволите?...—едва лишь тронулся поѣздъ, обратился онъ къ ней, галантно скашивая глаза на свой раскрытый серебряный портсигаръ.

— Пожалуйста,—разрѣшила она ему. Черезъ нѣсколько секундъ завязался разговоръ, а черезъ полчаса драгунъ уже звѣрски ухаживалъ за Еленой Павловной. Она украдкой переглядывалась съ Осокинымъ, и оба безшумно хохотали.

— Женщина, это,—ядъ, которымъ прiятно отравиться,—со вздохомъ говорилъ офицеръ, бросая на Елену Павловну меланхолическiе взгляды.—Это пойметъ только тотъ, кто страдалъ... «Я видѣлъ бури морскiя и бури женскiя—сказалъ одинъ великiй мудрецъ—и жалѣю болѣе о любовникахъ, чѣмъ о матросахъ»!..

Въ такомъ же духѣ продолжался разговоръ до самаго вечера, пока, наконецъ, драгуну не пришлось слѣзть въ помуномъ провинцiальномъ городишкѣ.

— До свиданья, Елена Павловна!.. До свиданья...

— Торопитесь же,—а то еще, чего добраго, съ нами уѣдете...

— Съ вами?.. Да хоть на край свѣта!..

— Ну, это уже очень далеко... Прощайте!

— «Не говори... не повторяй мнѣ слова страшнаго „прощай!..“ Но тихо молви: „до свиданья!..“

— Какъ хотите... Только уходите, пожалуйста...

Но драгунъ ушелъ только послѣ третьяго звонка.

— Господи!.. Голова какъ разболѣлась...—воскликнула Елена Павловна, когда они остались одни.—Вотъ еще неожиданная напасть съ этимъ Донъ-Жуаномъ... Вы простите меня, Осокинъ, но я сейчасъ же лягу... Я очень устала...

Осокинъ помогъ ей устроиться на ночь. Завѣсилъ фонарь и усѣлся на диванчикѣ напротивъ. Въ купе стало почти совсѣмъ темно. Въ замерзшее окно тускло поблескивали среди ночи снѣжные сугробы. Монотонно стучали колеса. Ровное дыханіе Елены Павловны доносилось до Осокина, пробуждая неопредѣленныя и смутно волнующія воспоминанія.

Осокинъ думалъ о томъ, что онъ всегда былъ одинокъ и большую часть жизни провелъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Отъ женщинъ онъ держался всегда далеко. Иногда у него бывали случайныя и мимолетныя увлеченія, но всегда лишь платоническаго характера. Они, впрочемъ, очень скоро исчезали, не имѣя возможности перейти въ болѣе постоянное чувство. Обыкновенно тѣ женщины, о которыхъ мечталъ Осокинъ, даже и не подозрѣвали этого. Имъ и въ голову ничего подобнаго не приходило...

Существуетъ особый разрядъ людей, которыхъ можно себѣ представить въ какомъ угодно состояніи, исключая влюбленнаго.

Осокинъ принадлежалъ именно къ этому разряду...

Всѣ считали его добросовѣстнымъ работникомъ, думали, что онъ всецѣло занятъ общественными вопросами: внутренній же міръ его оставался никому неизвѣстнымъ.

Товарищи, сталкивавшіеся съ нимъ ежедневно, знали его лишь постольку, поскольку видѣли въ немъ искренно вѣрящаго въ свое дѣло революціонера. Но душа его была всегда закрыта для нихъ.

Впрочемъ, никто даже и не пытался въ нее заглядывать; раскапывать, что тамъ таилось въ ея глубинѣ,—не было никому охоты...

Да и некогда было: всѣ торопились сами жить, никто не зналъ, сколько дней осталось еще ему гулять на свободѣ; каждый хотѣлъ поэтому сдѣлать все, что можетъ и въ общественномъ, и личномъ смыслѣ, въ самый короткій срокъ.

Осокина же иначе и не представляли себѣ, какъ сидящимъ въ тюрьмѣ или же печатающимъ въ какомъ-нибудь конспиративномъ подпольѣ прокламаціи съ вдохновеннымъ видомъ техника-профессіонала... Жизнь его была похожа на свѣчу, зажженную съ обоихъ концовъ, но только лишь по отношенію къ общественной, а не личной жизни...

Когда Осокинъ познакомился съ Еленой Павловной, въ душѣ его произошелъ переломъ: ему вдругъ страстно захотѣлось счастья. Пускай хоть короткаго, но за то это счастье должно быть настоящимъ...

Осокину казалось, что все вокругъ послѣ этого знакомства стало непохожимъ на прежнее. И это сознаніе заставляло звенѣть въ душѣ какія-то дотолѣ невѣдомыя струны. Хотѣлось броситься впередъ, сдѣлать что-нибудь яркое, большое, хотя бы... И цѣною смерти! Смерти Осокинъ и раньше никогда не боялся.

Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Еленой Павловной на югъ.

Тамъ все уже было готово. Ихъ ждали. Для отвлеченія подозрѣній они ѣхали первымъ классомъ.

Въ купэ послѣ ухода драгуна было пусто. На промежуточныхъ станціяхъ никто не садился. Утомившаяся за день Елена Павловна крѣпко спала. Осокинъ посидѣлъ немножко, прислушиваясь къ постукиванію колесъ и порой заглушаемому грохотомъ поѣзда дыханію Елены Павловны, и кончилъ тѣмъ, что незамѣтно самъ уснулъ.

Когда они оба проснулись, было уже весеннее утро. Холодъ, снѣгъ, пасмурное небо—все это осталось вмѣстѣ съ ночью гдѣ-то далеко позади. Осокинъ чувствовалъ себя приподнято и бодро. Они вспоминали вчерашняго драгуна. Осокинъ, дурачась, представлялъ его въ лицахъ; Елена Павловна веселилась, какъ ребенокъ.

Наконецъ, поѣздъ остановился.

— Сколько здѣсь стоитъ?.. — опустивъ окно, спросилъ Осокинъ у бѣжавшаго мимо кондуктора.

— Станція N-скъ!.. Остановка тридцать минутъ... Буфетъ!..—не глядя на него, на бѣгу прокричалъ тотъ.—Станнія N-скъ!..—слышалось дальше...—Остановка...

— Пойдемте скорѣе кофе пить!.. — Осокинъ съ непривычной галантностью подалъ Еленѣ Павловнѣ руку.

На платформѣ, весело залитой горячимъ солнцемъ, была оживленная толкотня. Праздничная толпа пестро и разнообразно колыхалась по разнымъ направленіямъ. Окна огромнаго и красиво выстроеннаго вокзала нестерпимо искрились отъ солнечнаго свѣта. Длинныя южныя тѣни свѣжо выдѣлялись на черной землѣ. Дулъ вѣтеръ, и мягко сверкавшая линія горизонта казалась необозримой.

Осокинъ жадными глотками вдыхалъ въ себя струящійся прозрачный воздухъ. Сознаніе, что Елена Павловна здѣсь, съ нимъ рядомъ, наполняло все его существо горделивымъ восторгомъ. Онъ бережно выступалъ впередъ, ощущая на своей рукѣ ея чуть замѣтную, но въ то же время непривыч-

ную тяжесть. Елена Павловна шла, слегка прижимаясь къ нему, потому что ихъ отовсюду тѣснили. Осокину было пріятно, что всѣ оборачиваются ей вслѣдъ. Онъ безотчетно усмѣхался, точно самъ былъ этому причиной, и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ выпячивалъ грудь.

— Смотри какая...—услышалъ онъ позади себя. Осокинъ покосился на говорившаго. Это былъ не то загулявшій купчикъ, не то мѣщанинъ, въ синей поддевкѣ, съ плутоватыми, черными глазами.—Это, братъ, не фунтъ изюму,—продолжалъ онъ, подталкивая своего сосѣда. — Самъ Кощей Безсмертный, а небось... туда же!.. Вишь, какую кралечку подцѣпилъ!..

Елена Павловна засмѣялась.

— Намъ съ вами, кажется, комплименты говорятъ,—сказала она. Но Осокинъ уже чувствовалъ, что все вокругъ потускнѣло.

Онъ мысленно представилъ себя рядомъ съ ней, и самъ себѣ показался такимъ жалкимъ въ своемъ недавнемъ опьянѣніи...

— Не въ свои сани не садись,—глухо, сквозь зубы, произнесъ онъ и сейчасъ же опустилъ руку Елены Павловны.

— Что такое?.. Что вы сказали?..—спрашивала она. Осокинъ же шелъ, понурившись, рядомъ, ничего не отвѣчая. Онъ снова сталъ похожимъ на уныло шагающаго журавля. Прежнее его оживленіе исчезло.

— Почему вы меня оттолкнули сейчасъ?.. — продолжала допытываться Елена Павловна.

— Садитесь здѣсь... Я пойду вамъ кофе закажу,—вмѣсто отвѣта пробормоталъ Осокинъ.

Вернувшись въ вагонъ, онъ остальную часть пути упорно читалъ газеты.

— Осокинъ, проводите меня на вокзалъ, — звала его иногда при остановкахъ Елена Павловна.

— Не хочется что-то...

— Ну... пожалуйста!..

— Лучше и не зовите—все равно не пойду.

— Почему?..

— Голова болитъ... и при томъ неконспиративно...

— Въ такомъ случаѣ и мнѣ, значитъ, нельзя...

— Отчего-же?.. Вы можете, сколько угодно...

— Скучно одной...

— Ну... ужъ если вы такъ этого хотите...

— Сидите, сидите, пожалуйста!.. Мнѣ не надобно никакихъ жертвъ... Если вы соглашаетесь съ такимъ глубокимъ вздохомъ, то и я не хочу...

Неожиданно появившееся воспоминаніе также неожи-

данно оборвалось. Осокинъ вскочилъ и началъ расхаживать въ темнотѣ взволнованными шагами.

— Съ какой стати я вспомнилъ сейчасъ все это?.. Какая связь?.. Ахъ, да!.. Ну, конечно... Съ того именно вечера все и началось... То же самое настроеніе, какъ и тогда, на вокзалѣ... Я уже забылъ совсѣмъ о немъ, и опять было хорошо—и вдругъ снова... А все эта проклятая Яся! Всегда она!.. Ну, къ чему было соваться съ вопросами?.. А Елена сразу же заинтересовалась... У нея даже глаза заблестѣли, когда она услышала, что это Сергѣй написалъ... Ну, да оно и понятно... Дѣйствительно, Сергѣй умѣетъ иногда... И при томъ, онъ красивый... Но вѣдь это же вздоръ?.. При чемъ тутъ наружность?..

Осокинъ снова бросился на кровать. Передъ нимъ на мгновеніе встало и сейчасъ же опять исчезло веселое, слегка насмѣшливое лицо Сергѣя.

— Когда смѣется, на дѣвчонку похожъ!.. И вообще... А что талантливый онъ—это ужъ безспорно... Но развѣ же я виноватъ, что у меня никогда ничего не выходило?.. Не всѣмъ же звѣзды съ неба хватать — нужно, чтобы кто-нибудь былъ и чернорабочимъ. А только... вѣдь я завидую ему... Неужели?.. Нѣтъ... глупости... вздоръ!.. Померещилось отъ воображенія... Пройдетъ это... Да при томъ же, я Сергѣя люблю... Онъ мой товарищъ... Даже больше: единственный другъ... Съ какой же стати... Но Елена... Ахъ, нѣтъ!.. Неправда все... Я просто черезчуръ мнителенъ и до болѣзненности самолюбивъ... Противъ этого надобно бороться... Нужно себя въ руки взять... Да я и возьму... Вотъ начну съ завтрашняго дня укрѣплять свои нервы... Гимнастику буду дѣлать... Купаться... Хотя холодно еще, должно быть, въ морѣ.. А съ Еленой нужно будетъ непремѣнно объясниться... Завтра же подойду къ ней и прямо: „Елена Павловна—скажу—я больше не въ силахъ... Не въ силахъ я... Эта вѣчная неопредѣленность, ожиданья эти... Сегодня одно, завтра другое... Лучше сразу... Любовь должна быть радостью, счастьемъ свѣтлымъ, а у меня все какое то мученье выходитъ!.. Почему же это?.. А потому, что я все еще сомнѣваюсь... Елена, милая... Солнце мое... Если бы ты только поняла меня... если бы захотѣла!.. Вѣдь это же... Господи!.. А, впрочемъ, завтра я ей все разскажу... Я спрошу ее: „Елена Павловна, можете ли вы...“ А вдругъ она?.. Нѣтъ!.. Лучше усну... Нужно къ завтрашнему дню совершенно спокойнымъ быть... Итакъ, значитъ завтра...

Осокинъ поспѣшно раздѣлся и закутался съ головой въ одѣяло. Пролежавъ съ закрытыми глазами нѣсколько минутъ, онъ замѣтилъ, что мысли его начинаютъ смѣшиваться

въ одну неясную, пестро извивающуюся ленту. Потомъ она свернулась въ маленькій, непреодолимо несущійся подъ гору клубокъ.

— Елена!..—былъ послѣдній пробleскъ въ его затемняющемся сознаніи.

IV.

На слѣдующій день Осокинъ проснулся очень поздно и началъ одѣваться съ намѣренной медленностью, какъ-бы желая отдалить неизбѣжный моментъ встрѣчи съ Еленой Павловной. Принятое вчера вечеромъ рѣшеніе казалось сегодня утромъ чѣмъ то невозможнымъ. Онъ тупо смотрѣлъ, какъ яркіе солнечные лучи веселыми полосками желтѣютъ на полу. На душѣ была холодная пустота. Хотѣлось снова лечь въ постель и никого не видѣть.

— Вы встали, синьоръ? — послышался за стѣной голосъ Елены Павловны.

— Всталъ... — пробурчалъ Осокинъ, не отводя взгляда отъ ползущей по краю стола мухи и внимательно слѣдя за всѣми ея движеніями.

— Имѣйте въ виду, мой благородный супругъ, что мы съ Ясей давно уже чаю напиться успѣли. Если вы намѣрены послѣдовать нашему примѣру, то поторапливайтесь... А мы, покамѣсть, пойдемъ къ морю... Или, быть можетъ, вы еще намѣрены валяться?..

— Не намѣренъ!.. — Осокинъ, съ внезапнымъ порывомъ злобы, хлопнулъ попавшейся подъ руку книжкой по тому мѣсту, гдѣ сидѣла муха.—Не успѣлъ!.. Улетѣла, подлая...

— Вы это съ кѣмъ такъ изволите бесѣдовать?

— Ни съ кѣмъ...

— Самъ съ собой, значитъ... Поздравляю: вы нашли себѣ прекраснаго собесѣдника... Но, тѣмъ не менѣе, извольте сейчасъ же доканчивать вашъ туалетъ и потомъ приходите къ намъ... Ко мнѣ, то-есть!.. А я буду у дуба сидѣть. Слышали?.. Addio!..

Вызывающе хлопнули двери. Стало тихо. Осокинъ дрожащими руками чиркнулъ спичкой.

— Она одна, стало быть, сейчасъ... Хорошо... Пускай... Тѣмъ лучше... Или отложить?.. Но нѣтъ... уже поздно!.. Пойду...—Отрывочныя мысли замелькали въ головѣ, торопясь и перегоняя другъ друга.—А вдругъ она засмѣется?... Или скажетъ: „вы съ ума сошли!..“ А вдругъ...

Что-то безумно яркое освѣтило сознаніе и мгновенно погасло, какъ-бы испугавшись. Снова все тускло. Сѣрая тоска

по прежнему мучительно гнететъ и давитъ.—Гдѣ ужъ!.. Куда ужъ!.. Но вѣдь бываетъ-же...—снова брезжитъ чуть разгорающійся огонекъ надежды.—Бываютъ же такіе случаи... Чѣмъ я хуже другихъ?..—Но все опять колеблется и исчезаетъ. Раскрывается черная бездна, и нѣтъ уже больше ни мыслей, ни словъ... Неясный туманъ поднимается мертвенно стелющимися, неподвижными клубами...—А... пускай!.. Чему быть—тому не миновать!.. Не въ силахъ я больше... Я усталъ...

Осокинъ отшвырнулъ въ сторону давно уже погасшую папироску, умылся и, тщательно причесавъ свои торчащіе жидкими вихрами безцвѣтные волосы, спустился въ садъ.

Тамъ онъ сейчасъ-же натолкнулся на дьякона, по обыкновенію возившагося возлѣ своихъ недавно посаженныхъ абрикосовъ.

— Привяжется и помѣшаетъ, — быстро подумалъ Осокинъ, но уклониться отъ встрѣчи не успѣлъ.

— Николаю Егоровичу глубокое почтеніе! — еще издалека привѣтствовалъ его дьяконъ, выпрямляясь съ заступомъ въ рукахъ и показывая изъ-подъ нависшихъ усовъ свои крѣпкіе, блестящіе на солнцѣ зубы.—Супругу искать пошли?.. Она подъ дубомъ книжку читаетъ... Только что самъ имѣлъ удовольствіе пожелать имъ добраго утра.

— Идіотъ!..—еще разъ съ необъяснимой злобой подумалъ Осокинъ, но сейчасъ же попробовалъ любезно улыбнуться:— Здравствуйте, отецъ дьяконъ... Какъ дѣла?..

— Слава Богу... Слава Богу!.. Вашими молитвами... А деревца-то, Николай Егоровичъ, смотрите: совсѣмъ вѣдь привились?..

Осокинъ разсѣянно взглянулъ на стройно возвышавшіеся передъ нимъ абрикосы.

— Да, да!.. Какъ будто... ну... такъ значитъ я...—Но дьяконъ не далъ ему докончить.

— Не желаете ли, я вамъ сейчасъ свой питомникъ покажу?.. Прямо удивленія достойная здѣсь почва: посадишь что-нибудь, а оно уже потомъ само... Все, какъ есть, произрастаетъ... Одинъ восторгъ... Пойдемте, это недалеко...

Дьяконъ съ готовностью воткнулъ свой заступъ въ разрыхленную и влажно чернѣвшую землю и, опустивъ засученные рукава и подвернутые полы подрясника, двинулся, было, по направленію къ калиткѣ. Но Осокинъ остался стоять на прежнемъ мѣстѣ. Въ этотъ моментъ онъ думалъ уже о другомъ.

— Что-же, не желаете?..—обернулся къ нему дьяконъ.

— Вы простите меня... Но я... Видите ли... мнѣ...—голосъ Осокина хрипло сорвался, и онъ неестественнымъ то-

комъ продолжалъ:—Мнѣ бы супружницу мою сперва повидать, а потомъ я къ вашимъ услугамъ... Вашъ питомникъ давно меня интересуетъ...

Бронзовая и добродушно-нахмуренная физіономія дьякона просіяла отъ удовольствія.

— Вотъ за это спасибо!..—весело воскликнулъ онъ, снова заворачивая рукава и берясь за заступъ. — Больше всего люблю плоды рукъ своихъ показывать хорошимъ людямъ... Не для себя тружусь — для дѣтей... Пускай хоть они по своей дорогѣ пойдутъ, если мнѣ не удалось... Такъ вѣдь, Николай Егорычъ?.. Вѣрно?..

— Да... да... такъ... такъ...—поспѣшно удаляясь отъ него, бормоталъ Осокинъ.

— Въ потѣ лица своего... не такъ ли?.. — съ широкой улыбкой продолжалъ дьяконъ.

Но Осокинъ уже былъ далеко.

На сѣромъ фонѣ корявaго ствола нѣжно выдѣляется ея голубая кофточка. Лучи солнца свободно скользятъ между недавно развернувшимися, вырѣзными листьями. Склоненная надъ книгой, темная голова золотится воздушной пылью. Внизу безконечная, тихо колеблющаяся ширь... Море дремлетъ. Одинокій парусъ бѣлѣющей точкой сверкаетъ вдали. Виднѣются синія горы...

Но это лишь миражъ... далекій сонъ!.. На самомъ дѣлѣ, ничего сейчасъ нѣтъ... Есть только эта безконечно милая, голубая кофточка, за ней огромно возвышающійся сѣрый стволъ да эти небрежно порхающія вокругъ головы золотистыя пушинки...

Но какая непонятная, безумно щемящая тоска!.. Зачѣмъ она?.. Неужели же онъ и сегодня ей ничего не скажетъ...

Обрывки мыслей вяло бродили въ мозгу. Дулъ легкій вѣтеръ. Его дыханье уносило куда-то недавнюю рѣшимость. Осокину чудилось, что онъ уже цѣлую вѣчность тому назадъ вышелъ изъ дому.

Тамъ еще дьяконъ встрѣтился по дорогѣ... Говорили... О чемъ говорили?.. Не помнитъ уже... Но вѣдь и ему сейчасъ надобно что-то сказать... Но что?.. Забылъ... Ахъ, нѣтъ... Знаетъ... Но какое-то слово должно быть первымъ... Какое же?.. Забылъ... Потерялъ... Шагну впередъ и скажу — сразу нужно!..

Осокинъ сдѣлалъ неловкое движенье.

— Елена Павловна!..—тихо произнесъ онъ.

Она вздрогнула и подняла глаза. Какъ сквозь сонъ, Осокинъ увидѣлъ ея капризно изогнутыя, тонкія брови... Увидѣлъ, или ему только почудилось это?..

— Елена Павловна!..—еще тише повторилъ онъ.

— Боже мой!.. Что случилось?.. Полиція?..

— Ничего не случилось... Никакой полиціи... Только я...

— Фу... какъ вы меня перепугали!.. Какъ вамъ не стыдно... Ну развѣ же можно такъ?.. Подходитъ съ физіономіей привидѣнія и эдакимъ еще загробнымъ голосомъ: „Елена Павловна!..“ Меня даже въ жаръ бросило... Ну-съ... такъ въ чемъ же, собственно, дѣло?..

— Я люблю васъ!..—неслышно проговорилъ Осокинъ.— Лицо его мучительно побагровѣло подъ очками. Елена Павловна уронила книжку.

— Что?.. Что такое?..

— Я люблю васъ.

— Я ничего не понимаю...

Осокинъ зачѣмъ-то попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла жалкая гримаса.

— Я васъ люблю...

— Осокинъ!.. Что съ вами?.. Господи!.. Да вы, конечно, шутите... Боже мой, какая глупость!..

— Я не шучу, Елена Павловна... Мнѣ не до шутокъ...

— Постойте, Осокинъ!.. Нѣтъ... вы погодите... — Елена Павловна взволнованно умолкла, не зная, что дальше сказать. Осокинъ стоялъ передъ ней, понуря голову. Безнадежная пустота медленно расширялась въ его сознаніи.

— Та...ма...ра...á!..—звенѣлъ на пронзительной нотѣ голосъ жены дьякона за садомъ. Она звала свою маленькую дочь, ушедшую играть съ сосѣдними ребятишками.

— А..а...а...—далеко разносилось среди прозрачной утренней тишины. Гдѣ-то чирикали птицы. Солнце начинало уже слегка пригрѣвать. Синѣющее небо казалось необъятнымъ.

— Зачѣмъ вы это?.. — съ тоской и упрекомъ произнесла, наконецъ, Елена Павловна, безсильнымъ движеніемъ прислоняясь къ шершавой корѣ ствола и какъ бы ища у него защиты.—Зачѣмъ?.. — еще разъ повторила она. Въ голосѣ ея что-то дрогнуло, и она умолкла. Брови сдвинулись въ одну прямую и властную черту.

Осокинъ вдругъ очнулся.

— Зачѣмъ?.. Вы спрашиваете меня: зачѣмъ?..—Горячая волна прихлынула къ сердцу и оно усиленно-часто застучало.—Хорошо!.. Я могу вамъ сказать, если вы этого сами не понимаете...

Онъ остановился на секунду, чтобы вдохнуть въ себя воздуху.

— Какъ это все нелѣпо, что я сейчасъ дѣлаю!..—случайно промелькнуло у него въ головѣ, но эта мысль сейчасъ же исчезла.

— Я скажу вамъ... Я давно уже хотѣлъ вамъ это сказать... Я не могъ больше дожидаться... Вы поймите, Елена Павловна, силъ у меня не хватило!.. Измотался, изнервничался я... Я не тотъ теперь, какимъ былъ раньше... Я другой... И это сдѣлали вы... вы, Елена... Только поймите же... только захотите меня понять!.. Вѣдь я васъ люблю... Я давно уже васъ люблю... Сначала я даже не зналъ этого... я не думалъ... Вы—и я!.. Мнѣ было бы даже странно себѣ представить... Но теперь мнѣ все равно!.. Я васъ уже полюбилъ... Эти дни я боролся съ собой, самъ не зная, что я дѣлаю и зачѣмъ борюсь?.. Я думалъ: быть можетъ, все это самообманъ... Мало ли что вѣдь бываетъ!.. Вы красивая... вы женщина... Я же... Вѣдь поймите — я никого еще никогда не любилъ!.. Вы первая... Знайте это, Елена Павловна!.. Я не лгу сейчасъ ни передъ вами, ни передъ собой... Вы разбудили меня... До васъ я не жилъ... я только ощупью искалъ свою дорогу къ настоящей жизни... Теперь я вижу ее... Это вы!.. Погодите, не перебивайте меня!.. Дайте до конца досказать... Я все вамъ сейчасъ объясню... Да... я сказалъ это и повторяю... Вы... и только вы одна... Я, можетъ быть, смѣшонъ вамъ сейчасъ и жалокъ, но вѣдь надо же заглянуть въ меня... въ душу мою заглянуть!.. Тамъ пусто было, Елена Павловна... Холодъ и мракъ былъ... А теперь... нѣтъ—ну, вы только послушайте: ей-Богу же, мнѣ кажется, что я съ ума схожу!.. Вы молчите... Вы, можетъ, еще мнѣ скажете: „пойдите прочь... Я презираю васъ...“ Но, покамѣсть вы этого еще не сказали, я чувствую, какъ радость... свѣтлая такая, чудная радость озаряетъ меня... Мнѣ пѣть хочется... Мнѣ... А вы вѣдь знаете, что я никогда въ жизни не пѣлъ!.. Если бы я только могъ, я бы танцовалъ сейчасъ, бѣгалъ по берегу моря и всѣмъ бы... какъ есть всѣмъ, сталъ кричать: смотрите на меня... вотъ я, Осокинъ!.. Я счастливъ... Слышите ли вы всѣ?.. И знаете ли почему?.. Потому что я люблю... Васъ люблю, Елена Павловна!..

Осокинъ порывисто наклонился къ ней. Лицо его возбужденно сіяло... Но мертвыя стекла очковъ придавали его взгляду какую-то странную неподвижность.

— Слушайте!.. Развѣ вы не можете этого понять... Вѣдь это же ужасно!.. Всѣ считаютъ васъ моей женой, а мы съ вами совсѣмъ чужіе... Вы поймите только... Слышать шелестъ вашего платья... видѣть ваши глаза... Каждый день, каждую минуту думать о васъ, какъ о счастьи своемъ... какъ о самомъ дорогомъ, безконечно любимомъ, и знать... навѣрное знать, что никогда... Нѣтъ!.. Это свыше силъ моихъ!.. Елена Павловна, не отталкивайте меня.. загляните глубже... Вѣдь я со всѣми молчу... вамъ одной лишь могу я

разсказать, какъ мнѣ одиноко!.. Вѣдь я вездѣ и всюду одинъ... Вѣдь я не зналъ, Елена Павлона, женской ласки!.. Ничего!.. Только работалъ за десятерыхъ, какъ волъ, да другихъ понукалъ, чтобы и они тоже работали... Вся жизнь въ сумеркахъ, а впереди—пустынная ночь... Что мнѣ въ ней?.. Я вѣдь только и слышалъ, что для общаго дѣла трудиться надобно... А что мнѣ теперь дѣлать, когда я вдругъ своего собственнаго блага захотѣлъ?.. Эхъ, Елена Павловна!.. Вѣдь и не жилъ я на свѣтѣ, по правдѣ-то сказать!.. Все больше за рѣшетками за разными высиживалъ... Вы простите меня: можетъ, я сейчасъ что-нибудь такое несуразное мелю... но ей-Богу же — самъ не знаю: я ли это, другой ли кто за меня съ вами разговариваетъ... Одно только знаю: если вы... если я... Елена Павловна... я отвѣта вашего жду!..

Послѣднія слова Осокинъ произнесъ отрывисто и даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго ожесточенія, не глядя на дѣвушку. Краска сбѣжала съ его лица. Обычная землистая блѣдность покрыла ввалившіяся щеки. Молчаніе продолжалось нѣсколько секундъ.

— Осокинъ, — заговорила, наконецъ, Елена Павловна,— въ первый разъ поднимая на него свои, до сихъ поръ опущенные, глаза.—Мнѣ тяжело вамъ это говорить, но я должна... Я не могу оставить васъ въ какомъ-то непонятномъ для меня заблужденіи... Я не знаю: что съ вами... какимъ путемъ вы дошли до всего этого, но я вижу одно: произошла ужасная, трудно поправимая ошибка... Вы говорите, что любите меня... Допустимъ, что это такъ... Но если бы вы спрятали гдѣ-нибудь въ душѣ эту любовь!.. Если бы вы мнѣ ничего о ней не говорили!.. Но вы чего-то хотите отъ меня... Вы ждете отвѣта... Осокинъ, я цѣнила въ васъ товарища... Вы во многомъ нравились мнѣ... Но поймите меня... и пусть это наше объясненіе не породитъ ни ненависти, ни злобы... Вы сразу нарушили уютный, тѣсный укладъ нашей жизни... эту поэзію нашихъ тихихъ вечеровъ, когда мы собирались и болтали весело, беззаботно, какъ друзья... какъ близкіе другъ другу по духу... Теперь же все это должно исчезнуть... И мнѣ жаль, что это такъ. Мы живемъ сейчасъ подъ угрозой ежедневной опасности и, быть можетъ, даже— смерти... Ахъ, зачѣмъ... Неужели все это ненужное, мелкое такъ васъ ослѣпило?.. Я могу и могла быть вашимъ другомъ... Вы сами знаете, что я не бѣлоручка и ни смерти, ни опасности не боюсь... но... простите, Осокинъ,—неужели же я должна объ этомъ вамъ говорить?.. Любить васъ я не могу... Я никогда васъ, навѣрное, не полюблю... Неужели вы сами этого не сумѣли замѣтить?.. Если вы искренни, и я дѣлаю вамъ больно, то простите меня... ей-Богу, я не могу и не

умѣю утѣшать... Если же все это миражъ, бредъ какой-то... о, если бы онъ прошелъ, если бы вы снова стали самимъ собой, и мы бы по-прежнему остались друзьями...

Елена Павловна нагнулась за выроненной при появленіи Осокина книжкой, лежавшей у ея ногъ, и, поднявъ ее, пошла прочь.

— Елена Павловна!.. — глухимъ голосомъ позвалъ Осокинъ.

Она обернулась.

— Вы сейчасъ никого другого не любите?..

Она ничего не отвѣтила и скрылась за весело зеленѣющими кустами. Осокинъ остался одинъ.

— Вотъ и все... вотъ и все!..—безъ всякаго смысла подумалъ онъ, машинальнымъ жестомъ протягивая руку за портсигаромъ.

Закуривъ, онъ долго стоялъ на томъ же мѣстѣ. Влажное дыханіе моря обвѣвало ему лицо. Горы вдали синѣли загадочно и недоступно.

А. Деренталь.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Какъ свѣчи, возженныя Богу въ часъ, дышащій свѣжимъ [покоемъ,
Въ порывѣ простомъ и свободномъ за все благодарной земли,
Стоятъ кипарисы надъ моремъ, залитые свѣтомъ и зноемъ,
Надъ моремъ, гдѣ въ синемъ просторѣ предъ ними плывутъ [корабли.
Плывутъ, розовѣя на солнцѣ, всѣ въ нѣжныхъ тонахъ [перламутра,
На встрѣчу сверкающимъ зорямъ плывутъ, исчезая вдали,
Какъ бѣлыя легкія чайки въ сіяньи лучистаго утра,
Летящія дальше, все дальше, къ невѣдомымъ гранямъ земли.

И хочется мнѣ утонуть вмѣстѣ съ ними въ манящемъ [просторѣ,
Разбиться, растаять, какъ волны въ блестящей и влажной [пыли...
И мнится: стволы кипарисовъ, и утро, и синее море,
И я съ своей пѣсней свободной—мы только молитва земли..

II.

На скамейкѣ у обрыва нынче днемъ заснула я,
Убаюканная моремъ, полнымъ солнца и огня.
Надо мной зеленыхъ листьевъ чётокъ легкій былъ узоръ,
И сквозь нихъ синѣло небо да вершины дальнихъ горъ.
На траву упала книга, вѣтеръ мялъ ея листы...
Я заснула днемъ у моря, и опять мнѣ снился ты.
Какъ намекъ, какъ отзвукъ пѣсни, все здѣсь связано съ [тобой,
Солнце, крики бѣлыхъ чаекъ и прозрачныхъ волнъ прибой,
И просторъ, и вѣтеръ влажный, мнѣ цѣлующій лицо,
Это все — съ тобой навѣки насъ связавшее кольцо.
Въ многозвучный и дразнящій, молодой прибоя часъ
Это море въ бѣлой пѣнѣ обручило, помню, насъ...

Знаю я, что ты далёко, какъ въ вечерней мглѣ звѣзда,
Что тебя, вотъ здѣсь у моря, мнѣ не видѣть никогда;
Но большихъ шумящихъ крыльевъ развѣ нѣту у любви?
Гдѣ-бъ ты ни былъ, — если хочешь, если любишь — позови.
Межъ землей и синимъ небомъ много разныхъ есть путей,
И къ тебѣ любви такъ много у меня въ душѣ моей...
Развѣ съ нею въ міръ надзвѣздный я дороги не найду?
Если хочешь, если любишь, позови — и я приду!..

Ада Чумаченко.

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

Смольный во время реформъ.

V.

Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ классовъ.—Его отношеніе къ бывшимъ учителямъ.—Его преобразованія и вступительная лекція.

Въ самомъ началѣ 1859 г. разнеслась молва, что инспекторомъ классовъ въ Смольномъ, на Николаевской и Александровской половинахъ, назначенъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Если бы кто-нибудь сказалъ намъ тогда, что этому человѣку суждено не только пошатнуть устои двухъ огромныхъ институтовъ, незыблемо покоившіеся на основахъ безнравственной нравственности, ханжеской морали и рутинныхъ схоластическихъ пріемовъ преподаванія и въ корнѣ измѣнить взгляды и мечты институтокъ, мы, воспитанницы, ни за что не повѣрили бы этому. Передъ появленіемъ у насъ Ушинскаго намъ никто ничего не разсказывалъ о немъ, а сами мы мало интересовались инспекторами вообще. Инспекторъ долженъ былъ наблюдать за преподаваніемъ нашихъ учителей, замѣщать ихъ новыми, если кто-нибудь изъ нихъ выбывалъ изъ строя, но это случалось лишь вслѣдствіе смерти или продолжительной болѣзни кого-либо изъ нихъ, да и такія права его были фиктивными. Наша всесильная начальница Леонтьева давно забрала въ обоихъ институтахъ всю власть въ свои руки и всегда дѣйствовала по своему личному усмотрѣнію: ни одинъ учитель не могъ проникнуть къ намъ или оставаться у насъ, если онъ ей не нравился. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о просвѣщенномъ абсолютизмѣ, Леонтьева управляла двумя институтами, какъ монархъ, не ограниченный никакими законами, по образцу восточныхъ деспотовъ. Всѣ отношенія инспектора къ воспитанницамъ состояли въ томъ, что онъ отъ времени до времени посѣщалъ урокъ того или другого учителя и присутствовалъ на экзаменахъ.

Когда однажды у насъ только что кончился какой-то урокъ, и мы уже направились было къ двери, чтобы выйти изъ класса, въ

него вбѣжалъ, буквально вбѣжалъ высокій, худощавый брюнетъ, который, не обращая вниманія на наши реверансы и нервно комкая свою шляпу въ рукахъ, вдругъ началъ выкрикивать: «Вѣдь вы же здѣсь спеціально изучаете нравственность, а не знаете того, что портить чужую вещь духами или другою дрянью неделикатно!.. Не каждый выноситъ всѣ эти пошлости! Наконецъ, почемъ вы знаете... можетъ быть, я настолько бѣденъ, что не имѣю возможности купить другую шляпу... Да развѣ вы можете думать о бѣдности? Вѣдь это по вашему совсѣмъ неприлично!» И съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ класса.

Мы были такъ ошеломлены, что стояли неподвижно. И было отчего! Хотя классныя дамы ежедневно осыпали насъ бранью, упреками и намеками на что-то гнусное съ нашей стороны, но отъ мужского персонала: отъ нашихъ учителей и инспектора, мы никогда не слыхали грубаго слова. Для этого не было ни малѣйшаго повода. Наши учителя рѣдко вызывали плохихъ ученицъ, а хорошія твердо учили свои уроки. Если воспитанница не знала урока, ей ставили плохую отмѣтку, и этимъ ограничивались всѣ непріятности между учителями и нами. Учителя и инспекторъ обращались со всѣми весьма вѣжливо. «А это что же за инспекторъ? Не успѣлъ появиться, и уже осмѣливается орать на насъ, взрослыхъ дѣвушекъ! И какой невѣжа! Даже не отвѣчаетъ на поклоны!..» разсуждали мы. Но долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ не пришлось: раздался колоколъ, призывавшій насъ на урокъ нѣмецкаго языка.

За солиднымъ нѣмцемъ, отрастившимъ себѣ порядочное брюшко и неторопливо приближавшимся къ скамейкамъ, нервною и стремительною походкою вошелъ въ классъ Ушинскій. Онъ поклонился, попросилъ воспитанницъ, сидѣвшихъ на послѣдней скамейкѣ, подойти къ его столу и приказалъ одной изъ нихъ открыть книгу, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заданный урокъ, а на нѣсколько страницъ впередъ и переводить. «Мы этого еще не учили»... получилъ онъ въ отвѣтъ. Но Ушинскій заявилъ, что онъ желаетъ знать, какъ воспитанницы переводятъ à livre ouvert. Изъ страницы, прочитанной каждою, одна могла перевести два-три слова, другая нѣсколько больше, а третья рѣшительно ничего не знала. Когда же онъ предложилъ передать по-русски, своими словами, только что прочитанное, ни одна изъ нихъ ничего не могла отвѣтить, никто не понималъ даже, о чемъ идетъ рѣчь.

На вопросъ, сдѣланный учителю, сколько у насъ въ недѣлю уроковъ нѣмецкаго языка и сколько лѣтъ мы ему учимся, онъ отвѣчалъ, что уже шестой годъ, и что мы имѣемъ по два урока въ недѣлю. На это инспекторъ замѣтилъ: «вычитая каникулы и безконечное число праздниковъ, воспитанницы учатся, во всякомъ случаѣ, не менѣе мѣсяцевъ семи, слѣдовательно, въ году имѣютъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ шесть уроковъ... Вѣдь если бы онѣ

выучивали въ каждый урокъ только нѣсколько словъ и на эти слова дѣлали упражненія и переводы, то, подумайте сами, какой громадный запасъ словъ онѣ пріобрѣли бы въ 280 вашихъ уроковъ. Между тѣмъ, воспитанницы не понимаютъ даже смысла прочитаннаго, хотя текстъ оригинала простой и легкій».

Учитель оправдывался тѣмъ, что вызваны были плохія воспитанницы, но еще болѣе подчеркивалъ онъ то, что въ институтѣ все вниманіе обращено на французскій языкъ, что воспитанницъ заставляютъ разговаривать по-нѣмецки очень рѣдко, да и то для проформы, и указывалъ на то, что сами воспитанницы терпѣть не могутъ нѣмецкаго языка.

Ушинскій возражалъ, что для того, чтобы заставить воспитанницъ полюбить нѣмецкій языкъ, онъ, учитель, долженъ былъ отчасти читать, а отчасти сообщать ученицамъ содержаніе лучшихъ произведеній Шиллера и Гёте.

— О, господинъ инспекторъ! — насмѣшливо-добродушно отвѣчалъ нѣмецъ.—Увѣряю васъ... хотя онѣ и въ старшемъ классѣ, но ничего, рѣшительно ничего не поймутъ въ сочиненіяхъ этихъ писателей и не заинтересуются ими.

На это Ушинскій замѣтилъ, что только идіота можетъ не заинтересовать геніальное произведеніе.

Такъ какъ учитель въ свое оправданіе, между прочимъ, указывалъ на то, что инспекторомъ были вызваны плохія и лѣнивыя ученицы, Ушинскій предложилъ ему вызвать самыхъ лучшихъ и началъ внимательно вслушиваться въ ихъ чтеніе. Когда одна изъ нихъ начала бойко переводить, Ушинскій замѣтилъ ей, что хотя она прекрасно понимаетъ прочитанное, но по-русски выражается неправильно, и указывалъ ей, какъ нужно переводить то или другое нѣмецкое выраженіе.

Когда мы поближе познакомились съ Ушинскимъ, мы замѣтили что онъ такъ уходитъ въ дѣло—все равно, читалъ ли онъ лекцію, или слушалъ наши отвѣты,—что не видѣлъ и не слышалъ, что происходило вокругъ. Но когда что-нибудь внезапно нарушало тишину, онъ вздрагивалъ, рѣзко дѣлалъ замѣчаніе нарушителю ея, не обращая ни малѣйшаго вниманія, къ кому оно относилось—къ воспитанницѣ, учителю или къ классной дамѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Дежурная дама, m-elle Тюфяева, внезапно съ шумомъ отодвинула свой стулъ, встала съ своего мѣста, подошла къ скамейкѣ и начала что-то вырывать изъ рукъ одной воспитанницы. Какъ только она скрипнула стуломъ, Ушинскій быстро поднялъ голову и сталъ пристально всматриваться въ нее, точно не понимая въ первую минуту, чтó его отвлекло отъ дѣла. Но когда у нея завязалась борьба съ ученицей, онъ привсталъ съ своего мѣста и рѣзко закричалъ: «Перестаньте же, наконецъ, шумѣть! Кто васъ проситъ сидѣть въ классѣ? Учитель самъ обязанъ поддерживать порядокъ!» И сейчасъ же усѣлся, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжая за-

нятія. Тюфяева поблѣднѣла, но промолчала, можетъ быть, отъ неожиданности. Съ институтской точки зрѣнія замѣчаніе Ушинскаго, какъ по формѣ, такъ и по существу, могло считаться возмутительною дерзостью. Наши инспектора и учителя разговаривали съ классными дамами не иначе, какъ съ величайшимъ почтеніемъ. Если же приходилось о чемъ-нибудь ихъ попросить или сдѣлать самое ничтожное замѣчаніе (то и другое было крайне рѣдко), то они обращались къ нимъ, наклонивъ голову и съ принятою галантностью: «M-elle N., простите великодушно, если я рѣшаюсь васъ безпокоить»... и т. п. А новый инспекторъ только что показался, и уже смѣетъ кричать на нее, заслуженную классную даму, какъ на послѣднюю горничную! Между тѣмъ, Ушинскій, сдѣлавъ ей такое неподходящее по институтскому этикету замѣчаніе, моментально забылъ о ея существованіи.

— Вы, кажется, нѣмка? — спросилъ онъ у воспитанницы, которая только что переводила съ нѣмецкаго на русскій. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ узналъ и отъ двухъ другихъ воспитанницъ, прекрасно отвѣтившихъ на всѣ его вопросы, что онѣ хотя и русскія, но дома говорили больше на нѣмецкомъ, чѣмъ на родномъ языкѣ.

— А, вотъ что! Значитъ, эти первыя ученицы знаніемъ языка обязаны семейству, а не учебному заведенію!—сказалъ Ушинскій, обращаясь къ учителю, поклонился и повернулся, чтобы уходить, но Тюфяева загородила ему дорогу.—Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что мы дежуримъ въ классѣ по волѣ нашего начальства... что мы... что я... я высоко чту мое начальство...

— Если вы уже обязаны здѣсь сидѣть, неизвѣстно зачѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, должны сидѣть тихо, не скрипѣть стуломъ, не шмыгать между скамейками, не вырывать бумаги у воспитанницъ, не отвлекать ихъ вниманія отъ урока... Понимаете?—рѣзко перебилъ ее Ушинскій.

— Я, милостивый государь, служу здѣсь 36 лѣтъ... мнѣ, милостивый государь, седьмой десятокъ... да-съ, седьмой десятокъ... я не привыкла къ такому обращенію... Это все, все будетъ доложено, кому слѣдуетъ.

— Если вы дежурите съ такой опредѣленной цѣлью, то и исполняйте ваши священныя обязанности!..—Съ послѣдними словами онъ вышелъ изъ класса.

Тюфяева возвратилась на свое мѣсто, но была такъ взволнована, что не брала даже чулка въ руки, который она обыкновенно вязала: горько покачивая головой, она вдругъ расплакалась и направилась къ выходу. Воспитанницы въ первый разъ остались въ классѣ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Всѣ молчали. Нашъ нѣмецъ что-то крѣпко призадумался, но это былъ одинъ моментъ: онъ вдругъ встрепенулся и по заведенному порядку на-

чаль вызывать ученицъ, одну за другой. Ратманова, пользуясь отсутствіемъ классной дамы, встала съ своего мѣста и, прикрывая ротъ и носъ платкомъ (указывая этимъ, что у нея кровь идетъ носомъ), смѣло вышла изъ класса, но не въ ту дверь, въ которую ей надлежало выйти для этого. Мы поняли, что она отправилась «на развѣдки». Намъ тоже не сидѣлось: мы чувствовали сильнѣйшую потребность обсуждать происшедшее, а между тѣмъ приходилось ждать до звонка, мало того, необходимо было запастись терпѣніемъ и на весь обѣдъ, такъ какъ въ это время не очень-то удобно было болтать. Нѣмецъ не обращалъ ни на что вниманія, и мы то и дѣло оборачивались по сторонамъ: одна показывала другой на свою голову и вертѣла надъ нею рукою, выражая этимъ, что у нея Богъ знаетъ, что тамъ творится, другая била себя въ грудь и закатывала глаза,—это означало, что у нея разрывается сердце отъ муки изъ-за того, что приходится такъ долго молчать.

Въ столовую мы спустились безъ дамы. Когда мы шли по парамъ, Ратманова незамѣтно присоединилась къ намъ и сидѣла за обѣдомъ, загадочно улыбаясь. Подруги то и дѣло подталкивали ея сосѣдокъ, умоляя ихъ выспросить ее о томъ, чтó она успѣла узнать. «Удалось ли что-нибудь?» спрашивали ее. Гордо поднявъ голову, она отвѣчала, что неудачи преслѣдуютъ только трусихъ и идіотокъ.

Наступилъ конецъ и нашимъ страданіямъ. Когда мы возвратились въ классъ, Тюфяева, на наше счастье, ушла въ свою комнату заливать горе кофеемъ. Сбившись въ кучу, воспитанницы кричали, перебивая другъ друга. «Это какой-то ужасающій злецъ!»—«Просто невѣжа!»—«Не конфузится сознаться, что у него денегъ нѣтъ даже на покупку шляпы!»—«Неправда, и опять неправда!»—смѣло выскочила на его защиту воспитанница Ивановская.—«Ушинскій... это, прежде всего, человѣкъ неземной красоты!»—«Не ты ли облила его шляпу духами?»—«Я не могла этого не сдѣлать!.. Спускаюсь утромъ на нижній корридоръ и вдругъ, вижу, входитъ... меня точно стрѣла пронзила! Я такъ была поражена его красотой!.. Дала ему пройти, и сейчасъ же бросилась къ вѣшалкамъ, облила его шляпу духами, вылила духи въ карманы его пальто, однимъ словомъ, весь флакончикъ опорожнила, благо онъ былъ подъ рукой».

Воспитанницы, однако, не одобрили поступка Ивановской. Хотя почти каждая изъ нихъ дѣлала то же самое, но въ данномъ случаѣ онѣ ссылались на то, что стоило только взглянуть на Ушинскаго, и каждая должна была бы понять, что онъ не оцѣнитъ такого вниманія. Хотя это сужденіе высказывалось post factum, но съ нимъ всѣ согласились, судили, рядили, и все-таки никто изъ насъ не могъ понять, почему Ушинскій такъ обозлился только за то, что его одежду облили духами. Нашимъ

учителямъ это обыкновенно очень нравилось: при встрѣчѣ и прощаніи они послѣ этого улыбались намъ лишній разъ. Особенно возмутило насъ въ Ушинскомъ, какъ величайшая неблаговоспитанность съ его стороны, что онъ осмѣлился кричать на насъ, взрослыхъ дѣвицъ, а также и то, какъ онъ разговаривалъ съ m-elle Тюфяевой. Конечно, мы всѣ были до невѣроятности счастливы, что онъ ее такъ «отбрилъ» и «унизилъ», но многія находили, что хотя она и классная дама, слѣдовательно, гнусное существо, но все же она дама вообще, а каждый образованный мужчина долженъ относиться къ дамѣ по-рыцарски, съ утонченною любезностью и почтеніемъ.

— Онъ не только невоспитанный человѣкъ, но и фарсунъ!

— Онъ не фарсунъ, а хвастунъ!

— Вѣрно, вѣрно! Постарался блеснуть передъ нами даже знаніемъ таблицы умноженія! Онъ воображаетъ, что мы безъ него не сумѣемъ помножить число недѣльныхъ уроковъ на семь мѣсяцевъ!

— А вѣдь ты бы не сумѣла!—вдругъ зацѣпила одна другую. Но на нихъ моментально зашикали за то, что онѣ своими глупостями мѣшаютъ говорить о серьезныхъ вещахъ.

— Онъ, навѣрное, прогонитъ нашего нѣмца!—кричали нѣкоторыя.

— Ого, руки-то коротки! Не сегодня—завтра Леонтьева его самого вытуритъ отсюда.

— Много вы понимаете! Онъ самъ можетъ вышвырнуть цѣлую дюжину такихъ начальницъ, какъ наша. Ушинскій, это—такая силища!.. Такая!.. Это просто что-то невѣроятное!..—говорила Ратманова.

— Какая тамъ силища! Наглый человѣкъ, вотъ и все тутъ!—возражали нѣкоторыя.

— Развѣ вы можете оцѣнить смѣлость, дерзость, силу, съ которыми человѣкъ говоритъ правду въ глаза? Классныя дамы вамъ втемяшили въ голову, что это дурно, вы презираете ихъ, а сами повторяете за ними!.. Жалкія вы созданья, даже просто, можно сказать, стадо барановъ!—вдругъ отрѣзала Ратманова.

Страшная буря негодованія поднялась противъ нея и, вѣроятно, окончилась бы тѣмъ, что многія жестоко перебранились бы между собой и, уже навѣрно, большая часть воспитанницъ перестала бы разговаривать съ нею на недѣлю-другую, но на этотъ разъ всѣ охвачены были новымъ, неиспытаннымъ еще настроеніемъ: хотѣлось обсуждать происшедшее, узнать какъ можно болѣе новостей объ инспекторѣ. Сознавая, что Ратманова обладаетъ хорошею памятью и, будучи весьма толковой и неглупой, умѣетъ точно передавать слышанное, воспитанницы упрашивали другъ друга прекратить перебранку и умоляли свою оскорбительницу разсказать все, что она узнала. Въ другое время Ратманова не

упустила бы случая насъ помучить и поломаться, но въ эту минуту ее охватило сильное желаніе говорить, ея всегдашнее стремленіе «пофигурять» (такъ мы опредѣляли ея желаніе первенствовать) взяло, наконецъ, верхъ надъ остальными ея соображеніями, и она передала слѣдующее.

По выходѣ изъ класса, она, прежде чѣмъ завернуть за уголъ коридора, замѣтила прогуливающихся и разговаривающихъ между *собою* инспектрису и Ушинскаго. За угломъ ей все было слышно, но первой части разговора она не застала. Она пришла, когда *Ушинскій* разсказывалъ m-me Каро о своемъ столкновеніи съ Тюфяевой, но, не зная ея фамиліи, онъ такъ характеризо*валъ ее*: «Знаете, такая дряблая старушонка... хвастала тѣмъ, что высоко чтитъ начальство, что тридцать шесть лѣтъ служитъ здѣсь, что живетъ очень долго... Я хотѣлъ, было, сообщить ей, что слоны живутъ еще дольше, что продолжительность жизни цѣнится только тогда, когда она полезна ближнимъ... да не стоило терять времени съ этой скудоумной головой! Но такъ какъ она грозила донести своему начальству, то я и предупреждаю васъ объ этомъ».

Инспектриса, по мягкости своего характера, просила его о снисхожденіи къ классным дамамъ, указывая на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, не блестятъ своимъ образованіемъ, но гдѣ же взять образованныхъ?

Ушинскій указывалъ, что если бы при пріемѣ классныхъ дамъ руководились правиломъ приглашать умственно развитыхъ, а не особъ, умѣющихъ только «кадить всякой пошлости», то при стараніи, конечно, можно было бы найти подходящихъ...

— Кадить всякой пошлости! Кадить всякой пошлости! Какое чудесное выраженіе!—подхватывали мы, ошеломленныя столь новой для насъ фразой.

— А что еще онъ сказалъ!—продолжала Ратманова.—«Нужно,—говоритъ,—создать иныя условія для пріема воспитательницъ и *скорѣе выбросить весь теперешній старый хламъ*».

— Какой онъ умный!—всплеснули мы руками въ восторженномъ изумленіи.

— Не мѣшайте же слушать!—взывали другія, боясь проронить хотя слово Ратмановой, которая продолжала передавать его разговоръ съ инспектрисой.—«Выбросить старый хламъ служащихъ и сдѣлать это, какъ можно скорѣе, необходимо уже потому,—гово*рилъ Ушинскій*,—что теперешнія классныя дамы притупляютъ умственныя способности воспитанницъ и озлобляютъ ихъ сердца».

«Притупляютъ умственныя способности и озлобляютъ сердца!» повторяли мы, какъ молитву, за Ратмановой. Вообще, въ Ушинскомъ насъ на первыхъ порахъ поражали не только его умъ и находчивость, но, кажется, болѣе всего слова и выраженія, такъ какъ, кромѣ оффиціальныхъ, обыденныхъ словъ, мы до тѣхъ поръ ни отъ кого ничего подобнаго не слыхали.

Инспектриса отвѣчала ему, что она, хотя и съ большимъ трудомъ, можетъ еще представить себѣ, что при пріемахъ классныхъ дамъ будутъ болѣе, чѣмъ теперь, обращать вниманіе на ихъ умственное развитіе, но никогда, она за это ручается, ни одна начальница института не согласится на то, чтобы оставлять воспитанницъ въ классѣ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Это немыслимо уже потому, что идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ характеромъ институтскаго воспитанія, и такой обычай, по ея мнѣнію, имѣетъ основаніе: учитель во время урока занятъ своимъ дѣломъ, а классная дама обязана наблюдать, чтобы воспитанницы не занимались посторроннимъ.

— О, когда начнутъ занятія новые учителя, они сумѣютъ настолько заинтересовать воспитанницъ, что тѣ сами не будутъ заниматься ничѣмъ постороннимъ...

— Вы, кажется, твердо вѣрите въ то, что вамъ удастся создать идеальный институтъ?

— На идеальный не разсчитываю, но если бы я не вѣрилъ въ то, что мнѣ удастся оздоровить это стоячее болото...

— Ахъ, ты, Боже мой!.. Душка, Маша, неужели онъ такъ-таки и сказалъ: *стоячее болото?* Вотъ-то дерзкій! Вѣдь этими словами онъ унизилъ нашъ институтъ! Maman должна была его оборвать тотчасъ же. Ну, говори, говори, что же на это инспектриса?

— Ни гу-гу! Да развѣ онъ только это говорилъ! Онъ вотъ еще что загнулъ: «я, говоритъ, до сихъ поръ думалъ только о томъ, какъ бы получше поставить преподаваніе, но тѣ немногіе дни, которые я провелъ здѣсь, показали, что мнѣ придется вмѣшиваться и въ нѣкоторыя стороны воспитанія... Если не будутъ уничтожены многіе безнравственные обычаи, развращающіе воспитанницъ, они будутъ мѣшать ихъ правильному развитію.

— Что же безнравственнаго вы нашли въ нашихъ обычаяхъ?

— Но развѣ не безнравственно заставлять ученицъ снимать пелеринки передъ приходомъ учителя? Вѣдь въ послѣобѣденное время я самъ видѣлъ, что онѣ сидятъ въ пелеринкахъ, значитъ, тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы пріучать къ холодной температурѣ...

На это maman весело расхохоталась.—Помилуйте, вы хотите не только переформировать нашъ институтъ, но переформировать всю жизнь женщины вообще, измѣнить даже всѣ людскія отношенія! Въ такомъ случаѣ вамъ придется возставать и противъ баловъ, на которые дѣвушки являются декольтированными.

Ушинскій не уступалъ и тоже весело смѣялся.—Ну, въ бальные порядки я вмѣшиваться не собираюсь... Но согласитесь сами: вѣдь съ обнаженными плечами на балы являются для того, чтобы ловить жениховъ. А классъ для институтки долженъ быть храмомъ науки! И вдругъ здѣсь съ ранняго возраста пріучаютъ дѣвушекъ

оголять себя!.. Всѣми силами буду добиваться уничтоженія этого неприличнаго обычая.

Но тутъ колоколъ прервалъ ихъ бесѣду, и m-me Каро отъ всего сердца пожелала ему перестроить институтъ на идеальныхъ началахъ, хотя сильно сомнѣвалась въ удачѣ; онъ тоже задушевно пожелалъ ей всего лучшаго. Характеръ ихъ бесѣды не носилъ ничего оффиціальнаго: они называли другъ друга по имени и отчеству, разговаривали просто и дружески.

Колоколъ призывалъ и насъ къ чаю, хотя души наши рвались обсуждать безъ конца небывалыя новости. До сихъ поръ никто, ничто и никогда не волновало насъ такъ, какъ это первое появленіе у насъ Ушинскаго. Такъ же оживленно болтали мы и послѣ чаю, когда пришли въ дортуаръ, чтобы ложиться спать. Мы быстро раздѣлись и, закутавшись въ одѣяло, размѣстились на нѣсколькихъ кроватяхъ. И на этотъ разъ каждая спѣшила высказать свое мнѣніе. Мы совсѣмъ не были подготовлены ни къ самостоятельному мышленію, ни къ критическому анализу. Мысли наши были какія-то коротенькія и несложныя, высказывались отрывочно и непослѣдовательно. Наши чувства и ихъ выраженія были не только стадными, но часто извращенными, языкъ нашъ страдалъ однообразіемъ и бѣдностью выраженія, запасъ словъ былъ крайне не великъ. Но какъ бы то ни было, наша мысль зашевелилась впервые, насъ охватилъ какой-то вихрь вопросовъ, глаза у всѣхъ блестѣли, щеки пылали, сердца трепетали. Мы сидѣли и разсуждали далеко за полночь, бросаясь къ кроватямъ при каждомъ шумѣ.

— Онъ просто отчаянный какой-то! - было мнѣніемъ большинства. Однако, несмотря на отзывы, не совсѣмъ благопріятные для Ушинскаго, мы сразу, инстинктивно, почуяли въ его личности что-то сильное, крупное и оригинальное. Эпитетъ отчаяннаго, который ему давали, польстилъ «отчаяннымъ»: то одна, то другая обращали вниманіе подругъ на то, что отчаянность уже вовсе не такой порокъ, какъ у насъ принято думать. Вотъ онъ отчаянный, а между тѣмъ очень умный и, кажется, даже хорошій: сейчасъ раскусилъ, что Тюфяева дрянь, а нѣмецъ—плохой учитель. Но не всѣ соглашались съ этимъ опредѣленіемъ: умные и хорошіе люди, утверждали онѣ, непремѣнно въ то же время и люди благовоспитанные, а его насмѣшки надъ нами и разговоръ съ Тюфяевой показываютъ его невоспитанность. Другія въ число его преступленій заносили и то, что онъ осмѣлился назвать нашъ институтъ «стоячимъ болотомъ», а всѣ говорятъ, прибавляли онѣ, что это первоклассное заведеніе. Болѣе всего трепалось въ институтѣ выраженіе: «всѣ говорятъ»; оно казалось многимъ сильнѣйшимъ подтвержденіе[illegible] сказаннаго.

— А что въ немъ хорошаго, въ этомъ вашемъ институтѣ?— съ лиц[illegible]мъ, пылающимъ гнѣвомъ, вскочила Ратманова.—Пусть го-

воритъ каждая все хорошее, что знаетъ о немъ!.. Развѣ то, что мы въ немъ ничему не научились, что мы холодали и голодали, какъ жалкія собаки, что насъ всячески поносили классныя дамы, что нашими воспитательницами были даже сумасшедшія, что мы ни въ комъ не находили защиты, что мы ни отъ кого не слыхали добраго слова? Ахъ, молчите, молчите, вы—несчастныя съ вашимъ первокласснымъ заведеніемъ, или, лучше сказать, съ вашей первоклассной чушью и тупостью!—И, дѣйствительно, всѣ замолчали, сознавая справедливость ея словъ.

— А все-таки онъ странный! Какъ это онъ не понимаетъ, что ничего нѣтъ дурного въ декольтированіи? Это только красиво! Вѣдь если бы это было пошло и неприлично, то во дворцахъ и въ аристократическихъ домахъ на балахъ не являлись бы съ голыми плечами?—Этотъ доводъ показался до того вѣскимъ и убѣдительнымъ, что всѣ присоединились къ нему. Но тутъ же нѣкоторыя старались оправдать непониманіе Ушинскимъ такихъ простыхъ вещей тѣмъ, что онъ, вѣроятно, очень ученый, сильно заучился, а потому ничего и не смыслитъ въ жизни, а особенно въ красотѣ.

— Небось, очень понялъ, что maman красива, а Тюфяева уродъ: онъ потому-то такъ и накричалъ на нее, а съ красивою maman у него и дружескіе разговоры.

— Не то, не то...—возражали ей.—Тюфяева идіотка, а maman умна и умѣетъ всѣхъ очаровать. Да онъ скоро и ее раскуситъ!.. Что-то будетъ завтра? Ахъ, если бы онъ подольше у насъ остался!—восклицали воспитанницы, но тутъ же единогласно высказывали твердое убѣжденіе, что ему у насъ не сдобровать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій Ушинскій посѣтилъ урокъ русскаго языка учителя Соболевскаго, который преподавалъ во всѣхъ младшихъ классахъ. Это былъ человѣкъ сухой, какъ скелетъ, длинный, какъ жердь, съ низкимъ лбомъ, съ провалившимися щеками, съ косыми глазами, съ коротко подстриженными волосами, торчащими на головѣ, какъ у ежа. Самое непріятное въ этомъ преподавателѣ было то, что онъ, при своемъ чтеніи и объясненіи, брызгалъ слюною во всѣ стороны, отчего сильно страдали воспитанницы, близко къ нему стоящія. Его урокъ дѣлился на двѣ части: первую половину времени онъ спрашивалъ заданную страницу изъ грамматики, требуя, чтобы ее отвѣчали слово въ слово, ничего не пополняя, не измѣняя и не сокращая въ ней. Диктантомъ онъ никогда не занимался, какъ будто не имѣлъ даже представленія, что̀ это слѣдуетъ дѣлать, и дѣти разучились бы писать, если бы онъ не задавалъ списывать и выучивать басню за басней Крылова.

Самая характерная часть урока наступала тогда, когда Соболевскій приказывалъ отвѣчать басню. Онъ всегда былъ недоволенъ отвѣтомъ и каждой вызванной имъ дѣвочкѣ показывалъ, какъ слѣ-

дуетъ декламировать. Начиналось настоящее представленіе. Звѣрей онъ изображалъ въ лицахъ: лису, согнувшись въ три погибели, до невѣроятности скашивая свои и безъ того косые глаза, слова произносилъ дискантомъ, а чтобы напомнить о ея хвостѣ, откидывалъ одну руку назадъ, помахивая ею сзади тетрадкой, свернутой въ трубочку. Когда дѣло шло о слонѣ, онъ поднимался на носки, а длинный хоботъ должны были указывать три тетради, свернутыя въ трубочку и вложенныя одна въ другую. При этомъ, смотря по звѣрю, онъ то бѣгалъ и рычалъ, то, стоя на мѣстѣ, передергивалъ плечами, оскаливалъ зубы.

Ушинскій вошелъ на урокъ какъ разъ въ ту минуту, когда Соболевскій декламировалъ басню «Слонъ и Моська». Когда онъ произнесъ слова: «Ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться», онъ старался все это драматизировать болѣе, чѣмъ когда нибудь. Съ изумленіемъ смотрѣлъ на него Ушинскій, не дѣлая ни малѣйшаго замѣчанія, но, чтобы прекратить комедію, наконецъ, сказалъ: «я буду диктовать». Когда послѣ этого онъ просмотрѣлъ нѣсколько тетрадей, то замѣтилъ, что нѣкоторыя воспитанницы дѣлаютъ въ словахъ больше ошибокъ, чѣмъ буквъ, кивнулъ головой и вышелъ.

Оба они встрѣтились на нижнемъ коридорѣ, и Ушинскій замѣтилъ:—Вы, вѣроятно, слышали много похвалъ выразительному чтенію, но у васъ уже выходитъ цѣлое представленіе... Такъ кривляться даже какъ-то унизительно для достоинства учителя.—Соболевскій и тутъ не понялъ, что эти слова—его приговоръ, и отвѣчалъ, что онъ съ трепетомъ будетъ ожидать окончательнаго рѣшенія г. инспектора. Ушинскій рѣзко отвернулся отъ него и началъ искать свои калоши. Соболевскій нашелъ ихъ и уже нагнулся, чтобы подать ихъ ему, но Ушинскій со злостью вырвалъ ихъ у него и произнесъ съ запальчивостью: «Лакей на каѳедрѣ уже совсѣмъ не подходящее дѣло!... Это мое окончательное рѣшеніе!»

Мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали посѣщенія Ушинскимъ урока нашего учителя литературы и словесности Старова, который считался у насъ лучшимъ преподавателемъ. Мы тщательно готовили его уроки, а потому напередъ праздновали побѣду.

Старовъ по натурѣ былъ человѣкомъ порядочнымъ, мягкимъ, добросердечнымъ и обязательнымъ. Послѣ окончанія лекціи воспитанницы окружали его со всѣхъ сторонъ, а онъ, чуть, бывало, замѣтитъ выраженіе грусти на лицѣ кого-нибудь изъ насъ, сейчасъ же начинаетъ участливо разспрашивать о причинѣ ея, старается развлечь стихами, которые онъ говорилъ на память нараспѣвъ, полузакрывъ глаза и съ большимъ паѳосомъ. Онъ ободрялъ каждую изъ насъ незамысловатыми утѣшеніями вродѣ того, что наша жизнь впереди, что она сулитъ намъ много радости и счастья, а мы съ удовольствіемъ прислушивались и къ музыкѣ стиховъ, и къ его добрымъ словамъ. Особенно любили мы его за ласку и участіе,

которыхъ не встрѣчали въ другихъ. Если онъ узнавалъ, что кто-нибудь изъ насъ наказанъ, онъ бѣжалъ просить прощенія у классной дамы.

Старовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго одинаково любили и воспитанницы, и начальство. Оно считало его человѣкомъ «доброй души», и классныя дамы съ удовольствіемъ исполняли маленькія просьбы этого всегда безукоризненно вѣжливаго и внимательнаго къ нимъ человѣка. Но удивительнѣе всего было то, что мы чрезвычайно были довольны его преподаваніемъ, хотя какъ изъ устныхъ его лекцій, такъ и изъ письменныхъ, изложенныхъ имъ на листикахъ, которые мы тщательно переписывали, у насъ ничего не оставалось въ памяти,—все, какъ дымъ, испарялось изъ нашихъ головъ. Мы проходили у него теорію прозы и поэзіи, а также и литературу. Всѣ наши свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ мы черпали только изъ его записокъ. Правда, онъ читалъ намъ отрывки изъ произведеній, но они не давали намъ никакого понятія даже о самыхъ крупныхъ изъ нихъ. Но въ прозаическихъ и въ поэтическихъ отрывкахъ, а также въ лекціяхъ Старова постоянно говорилось о правдѣ, красотѣ, о высшихъ запросахъ ума и сердца, о порываніяхъ къ идеалу, и мы хотя и не понимали, о какой правдѣ и красотѣ идетъ рѣчь, не умѣли отличать высшихъ стремленій отъ низменныхъ, но намъ очень нравились хорошія слова и звучные стихи. Мы находили, что учить и слушать лекціи Старова несравненно пріятнѣе, чѣмъ долбить сухія грамматическія правила, хронологію исторіи, опредѣленія и номенклатуру географіи.

Ушинскій пришелъ, наконецъ, на урокъ Старова. Вызванная ученица прекрасно отвѣтила заданный урокъ о Пушкинѣ. Но когда Ушинскій сказалъ ей, чтобы она вмѣсто «фразистыхъ словъ учебника» (о ужасъ! эти, какъ онъ называлъ, фразистыя слова учебника были записки самого Старова), разсказала ему содержаніе «Евгенія Онѣгина» или «Капитанской дочки», ученица отвѣчала, что не читала ни того, ни другого произведенія. Тогда Ушинскій просилъ встать съ своего мѣста всѣхъ ученицъ, прочитавшихъ цѣликомъ одно изъ произведеній Гоголя, Пушкина или Лермонтова. Оказалось, что во всемъ классѣ не нашлось ни одной такой воспитанницы. Старовъ оправдывался тѣмъ, что у насъ не существуетъ библіотеки, а что свой экземпляръ онъ не можетъ оставлять у насъ, такъ какъ читаетъ литературу въ нѣсколькихъ заведеніяхъ.

Судя по разговору, который произошелъ на урокѣ между Старовымъ и Ушинскимъ (со стороны послѣдняго вполнѣ корректному), мы пришли къ мысли, что инспекторъ если и не уволитъ нашего любимца, то только въ томъ случаѣ, если мы выступимъ на его защиту. Нами руководило убѣжденіе, что если ученицы хвалятъ своего учителя, то каждый обязанъ вѣрить тому, что это

дѣйствительно хорошій преподаватель. И мы рѣшили защищать его до послѣдней капли крови. Мы сознавали всю трудность задачи говорить съ человѣкомъ, передъ которымъ робѣютъ и теряются даже учителя. Но намъ казалось, что уклониться отъ этой обязанности было бы величайшей низостью.

Но какъ плохо мы были вооружены для этого! Если между нами и были поэтессы, то ораторовъ, даже плохенькихъ, совсѣмъ не существовало. Мы наивно выражали наши дѣтскія мысли, не умѣли выдѣлить главнаго отъ мелочей и при этомъ страшно конфузились всѣхъ, а тѣмъ болѣе Ушинскаго. Но для любимаго Старова никакая жертва не была тяжела. Мы условились между собою, что одна изъ насъ во всемъ блескѣ выставитъ необыкновенную доброту Старова, другая укажетъ на его таланты, видимо, совсѣмъ не извѣстные господину инспектору. И мы бросились къ нему, какъ только онъ показался въ коридорѣ.

— Monsieur Ушинскій!—кричали мы, окружая его.

— Ахъ, пожалуйста, не называйте вы меня monsieur! Черезчуръ оффиціально! Константинъ Дмитріевичъ, да и все тутъ!..

Это неожиданное предложеніе такъ переконфузило насъ, что мы забыли даже, о чемъ собирались съ нимъ бесѣдовать.

— Что же вы хотѣли сказать? Ради Бога, не конфузьтесь! Останавливайте, спрашивайте меня обо всемъ, что вамъ угодно... И не очень сердитесь за мою рѣзкость, за мой, можетъ быть, не совсѣмъ вѣжливый тонъ... Работы у меня гибель, я всегда такъ тороплюсь: вотъ для скорости иногда и отхвачу приставочку къ рѣчи, которою можно было бы закруглить, смягчить то, что хочешь сказать... Ну, въ чемъ же дѣло?

Мы толкали ту, которая должна была начинать, но она могла только проговорить:—Вы недовольны Старовымъ! Вѣдь онъ же не виноватъ, что намъ не даютъ книгъ! Вы его совсѣмъ не знаете!.. Онъ такой добрый!.. Просто даже чудный человѣкъ!

— Правда, правда: незлобивый, даже недурной человѣкъ, но, къ сожалѣнію, этого еще очень мало для преподавателя...

— Вы, должно быть, не знаете, что онъ поэтъ! Даже очень знаменитый поэтъ!—лепетала Ивановская, обязанностью которой было выставить его таланты.

— Не зналъ... не зналъ, что такой поэтъ существуетъ! Да еще знаменитый! Гм... подите-же!.. Какія же такія его произведенія? Онъ уже, конечно, познакомилъ васъ съ ними и, можетъ быть, даже не въ отрывкахъ только?

Ивановская пролепетала, что у него есть чудное стихотвореніе «Молитва». Ушинскій въ концѣ концовъ уломалъ ее продекламировать его, и она начала дрожащимъ голосомъ:

«Какъ много пѣсенъ погребальныхъ
Еще ребенкомъ я узналъ,

И скорбный смыслъ ихъ словъ прощальныхъ
Я часто юношей внималъ.
Но никогда отъ думъ печальныхъ
Старовъ душой не унывалъ!
Создатель міра, Царь всесильный,
Мнѣ много, много подарилъ,
Когда веселостью обильной
Онъ трепетъ жизни домогильной
Во мнѣ»...

— Довольно... довольно! Это Богъ знаетъ что такое! Вѣдь Старовъ уже много лѣтъ читаетъ литературу въ разныхъ заведеніяхъ и могъ бы понять, что въ его стихотвореніи нѣтъ ни поэзіи, ни мысли, ни чувства, ни образа, ни риѳмы. А онъ не стыдится показывать эту свою замогильную чепуху своимъ ученицамъ! Нѣтъ, воля ваша, это просто фразеръ и пустозвонъ!..

Обозленныя этимъ проваломъ, воспитанницы ввалились въ классъ, ругая на чемъ свѣтъ своихъ ораторовъ, не умѣвшихъ защитить Старова, и перекорялись между собой. Хотя при этомъ сильно доставалось и Ушинскому, котораго мы честили эпитетомъ «непроходимой злюки» за то, что онъ выгоняетъ даже добрыхъ учителей, но когда нѣсколько успокоились, то нѣкоторыя начали высказывать, что незачѣмъ-де было цитировать стихи Старова, которыя, дѣйствительно, уже вовсе не такъ прекрасны, забывая, что еще недавно такъ восторгались ими, что каждая переписывала ихъ въ свой альбомчикъ и знала наизусть. Это критическое отношеніе пошло и дальше: говорили, что хотя Старовъ и чудный человѣкъ и превосходно читаетъ, но какъ-то отъ всѣхъ его лекцій въ головѣ ничего не остается. На это Ратманова закричала во все горло: «Если бы сюда собрать всѣхъ міровыхъ геніевъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ вѣковъ, всѣ они вмѣстѣ ни на іоту не просвѣтили бы ваши дурацкія головы!» Поднялась страшная буря,—всѣ набросились на Ратманову. На это, какъ сумасшедшая, вбѣжала m-elle Лопарева: «Какъ вы смѣете такъ орать? Хотя вы и выпускныя, но въ наказаніе будете стоять весь слѣдующій урокъ». Она передъ этимъ съ кѣмъ-то разговаривала въ коридорѣ, куда сейчасъ же и выбѣжала.

— Не смѣйте подчиняться этому! Преспокойно садитесь, когда войдетъ учитель...—кричали нѣкоторыя.

И, дѣйствительно, когда въ классъ вошла Лопарева, а за нею учитель, мы, несмотря на наказаніе, преспокойно усѣлись на свои мѣста. Это былъ первый протестъ, устроенный сообща всѣмъ классомъ безъ исключенія. Лопарева густо покраснѣла отъ злости, но не рѣшилась пикнуть, вѣроятно, понявъ по выраженію нашихъ лицъ, что на этотъ разъ мы скорѣе сдѣлаемъ скандалъ, но ни за что не подчинимся ея требованію.

Хотя Ушинскій нѣкоторымъ учителямъ отказалъ при первомъ

же посѣщеніи уроковъ, но большая часть ихъ оставалась у насъ до оффиціальнаго утвержденія его учебной реформы.

Воспитанница старшаго класса, Аня Ивановская, отправила однажды письмо къ своему отцу черезъ классную даму Тюфяеву, въ которомъ она просила его прислать ей денегъ. Отвѣтъ получился черезъ ту-же даму, у которой была родственница, нѣсколько знакомая съ Ивановскимъ: она приносила о немъ разныя сплетни m-elle Тюфяевой. Ивановскій на этотъ разъ отказывался исполнить просьбу дочери за неимѣніемъ денегъ. Тюфяева, прочитавъ письмо и передавая его Ивановской при остальныхъ подругахъ, начала попрекать ее тѣмъ, что вотъ-де она умѣетъ «носъ задирать и фордыбачить» (на институтскомъ жаргонѣ это означало, что она не выказываетъ должнаго смиренія), а между тѣмъ у отца ея ничего нѣтъ; если-же что и перепадаетъ, то онъ болѣе предпочитаетъ тратить деньги на театры, чѣмъ посылать ихъ дочери. Изъ этого примѣра Тюфяева сдѣлала общій выводъ для всѣхъ воспитанницъ и начала обычную нотацію на тему, что-де отъ нихъ, классныхъ дамъ, теперь требуютъ Богъ знаетъ чего, даже какихъ-то нѣжностей съ воспитанницами, которыя для нихъ совершенно чужія, а вотъ и отецъ родной, а нѣжностей къ дочери и особыхъ заботъ о ней не проявляетъ.

Зная необыкновенную вспыльчивость Ивановской, воспитанницы незамѣтно, но ловко выталкивали ее локтями въ задніе ряды, и она, наконецъ, выбѣжала въ коридоръ. Въ эту минуту проходилъ Ушинскій и съ большимъ участіемъ обратился къ ней, упрашивая ее оказать ему маленькое довѣріе, сказать, почему она такъ грустна. Она объяснила ему, что воспитанницы обязаны переписываться съ родителями не иначе, какъ черезъ классныхъ дамъ. Такое правило существуетъ, и тутъ уже ничего не подѣлаешь, но она злится на себя за то, что не постаралась, какъ другія ея подруги, переслать свое письмо черезъ ихъ родственниковъ. Къ тому же ее оскорбляетъ то, что m-elle Тюфяева воспользовалась письмомъ ея отца для того, чтобы попрекать ее тѣми сплетнями, которыя она собираетъ о немъ у своей родственницы, съ умысломъ искажаетъ его слова, чтобы унижать ее и часами говорить свои опостылѣвшія проповѣди.

Ушинскій горячо поблагодарилъ Ивановскую за довѣріе и сказалъ, что оно поможетъ ему обратить вниманіе на эту сторону жизни институтокъ, что онъ поговоритъ объ этомъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и будетъ стараться уничтожить этотъ обычай. И, дѣйствительно, мы узнали, что Ушинскій, со всей энергіей, присущей его страстному темпераменту, говорилъ съ принцемъ Ольденбургскимъ и на разныхъ совѣщаніяхъ о томъ, что обычай контролировать письма воспитанницъ подрываетъ основы семейныхъ узъ и пріучаетъ ихъ хитрить, лгать и обманывать. Развивая въ воспитанницахъ рабскія чувства, онъ не даетъ возможности начальству

достигать единственной цѣли, къ которой оно при этомъ стремится, т. е. лишить воспитанницъ возможности передавать родителямъ что-бы то ни было непочтительное о начальствѣ. Когда имъ необходимо снестись съ родственниками такъ, чтобы этого никто не зналъ, онѣ умѣютъ обходить это правило. Воспитанница, раздраженная тѣмъ, что не можетъ по душѣ говорить съ своими родителями, въ своемъ секретномъ письмѣ отдѣлаетъ начальство такъ, какъ это ей не пришло бы въ голову, если бы ей не мѣшали быть откровенной съ ними всегда, когда она того пожелаетъ.

Однако Ушинскому, несмотря на краснорѣчивыя доказательства вреда этого обычая, не удалось его уничтожить, но онъ сильно ослабилъ его: въ либеральную эпоху его инспекторства нѣкоторыя классныя дамы начали передавать воспитанницамъ письма, не распечатывая ихъ, другія распечатывали лишь для проформы. Но, конечно, оставались и такія, которыя не мѣняли своего поведенія въ этомъ отношеніи.

За то Ушинскому удалось настоять на томъ, чтобы воспитанницы во время уроковъ не сидѣли безъ пелеринокъ; достигъ онъ уничтоженія и еще несравненно болѣе вреднаго обычая. До его вступленія воспитанницы не имѣли права предлагать вопросовъ учителямъ. Ушинскій настоялъ на томъ, чтобы онѣ спрашивали у нихъ не только то, чего не понимаютъ, но чтобы вообще урокъ носилъ характеръ живыхъ бесѣдъ. Однако, большинство нововведеній, которыхъ Ушинскій достигъ путемъ тяжелой борьбы съ консервативнымъ до дикости начальствомъ, погрязшимъ въ рутинѣ и предразсудкахъ, были уничтожены тотчасъ же послѣ того, когда онъ сложилъ съ себя званіе инспектора и оставилъ институтъ.

Прошло недѣли три со дня вступленія Константина Дмитріевича въ должность инспектора. Пока никакихъ реформъ еще не было введено; несмотря на это, буквально каждая встрѣча съ нимъ, каждое его слово, все, что мы слыхали о томъ, что онъ объяснялъ въ другихъ классахъ, было для насъ откровеніемъ, поражало насъ, давало намъ огромный матеріалъ для споровъ и бесѣдъ между собой. Иной разъ то или другое въ его словахъ, казалось намъ, противорѣчило тому, что онъ говорилъ передъ этимъ. Но нерѣдко все это вдругъ выяснялось какимъ-нибудь однимъ его замѣчаніемъ, а затѣмъ постепенно мы сами стали доходить до разгадки нѣкоторыхъ его словъ и поступковъ. То, что мы не понимали самыхъ элементарныхъ вещей, было естественнымъ послѣдствіемъ нашей оторванности отъ жизни, нашего монастырскаго воспитанія.

Съ водвореніемъ Ушинскаго, мы, какъ по мановенію волшебнаго жезла, проснулись, ожили, заволновались и не могли наговориться другъ съ другомъ. Раздоры и пререканія между собой, даже отчаянныя выходки противъ классныхъ дамъ проявлялись теперь несравненно рѣже и слабѣе уже вслѣдствіе того, что мы были заняты другимъ. Еще такъ недавно наша жизнь протекала крайне

однообразно, не давая намъ никакого матеріала для живого общенія между собой, и наши разговоры ограничивались разсказами другъ другу о выходкахъ классныхъ дамъ и о нашихъ мечтахъ подкузьмить такъ или иначе ту или другую изъ нихъ. Теперь мы каждое слово и замѣчаніе Ушинскаго обсуждали со всѣхъ сторонъ и все болѣе критически относились къ прежнимъ нашимъ взглядамъ. Мы постепенно примирились и съ рѣзкой выходкой Ушинскаго за духи, и съ его суровымъ приговоромъ относительно нашего кумира Старова. Все искреннѣе и глубже проникались мы сознаніемъ того, что Ушинскій приноситъ намъ дѣйствительную пользу, что онъ стремится сдѣлать нашу жизнь болѣе человѣческою и содержательною, чѣмъ это было раньше. Наши дикіе, специфически-институтскіе взгляды незамѣтно сглаживались и замѣнялись воззрѣніями иного характера. Нашъ страхъ, что Ушинскій будетъ уволенъ изъ института за то, что онъ съ такою прямотою, смѣлостью и рѣзкостью, не щадя мелкаго самолюбія начальства, проводитъ свои взгляды и идеи, не только исчезъ, но замѣнился совершенно противоположнымъ. Намъ казалось уже, что такого человѣка, какъ Ушинскій, никто не посмѣетъ тронуть. Конечно, такое мнѣніе говорило объ отсутствіи пониманія жизни, но, какъ бы то ни было, наша вѣра во всемогущество Ушинскаго все росла и укрѣплялась слухами о немъ. Мы узнали, что его педагогическая и литературная дѣятельность, его блестящіе успѣхи въ Гатчинскомъ институтѣ, гдѣ онъ раньше былъ инспекторомъ, обратили на него всеобщее вниманіе. Наши учителя, классныя дамы, инспектриса открыто говорили о томъ (и это подтвердилось), что имп. Марія Александровна, желая поднять институтское образованіе, рѣшилась внести въ него многія реформы и сама указала министру народнаго просвѣщенія Норову (члену совѣта института по учебной части) на Ушинскаго, какъ на желательнаго для этого человѣка. И для насъ стало очевиднымъ, почему Леонтьева до сихъ поръ не уволила его. Мы твердо начали вѣрить, что, при энергіи Ушинскаго, реформы будутъ проведены, и безапелляціонно рѣшили, что онъ будетъ въ институтѣ такимъ-же реформаторомъ, какимъ былъ Петръ Великій въ Россіи.

Послѣ этого я долго не видала Ушинскаго. Со мною случилось несчастіе, описанное мною въ прошломъ очеркѣ: я заболѣла, долго пролежала въ лазаретѣ, а затѣмъ уѣхала домой на все лѣто и возвратилась только осенью того же 1859 г.

Какъ-то, когда до выпуска оставалось уже нѣсколько мѣсяцевъ (тогда выпуски были въ мартѣ), ко мнѣ подошелъ Ушинскій и спросилъ: Не вы ли та воспитанница, которая вслѣдствіе паденія съ лѣстницы чуть не вдребезги разбила себѣ грудь и, испытывая жестокія боли, подвергая себя смертельной опасности, не пошла къ доктору, опасаясь этимъ опозорить себя?

Я почувствовала въ его вопросѣ злую иронію и молчала; по-

други, стоявшія подлѣ, подтвердили, что это была именно я. Вдругъ этотъ строгій, суровый человѣкъ, тонкія, крѣпко сжатыя губы котораго такъ рѣдко улыбались, разразился громкимъ, веселымъ смѣхомъ, а мнѣ это показалось какимъ-то оскорбительнымъ издѣвательствомъ, и я повернулась, чтобы уйти даже безъ реверанса, что считалось у насъ невѣжествомъ.

— Что же вы сердитесь? Кажется, даже обидѣлись?

— Каждая на моемъ мѣстѣ поступила бы такъ же...

— Ну, нѣтъ! Если даже и у всѣхъ васъ такія «идеальныя убѣжденія», то все-таки рѣдко кто могъ бы выдержать характеръ до конца. Право-же, вы оказались настоящей героиней! Если у такой дѣвочки, какъ вы, такой характеръ, столько силы воли, она можетъ употребить ихъ на что-нибудь болѣе полезное. Однимъ словомъ, я хочу предложить вамъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать домой послѣ выпуска, остаться еще здѣсь и поучиться въ новомъ, седьмомъ классѣ, который я устраиваю для выпускныхъ. Увѣряю васъ... почитаете, подумаете, поработаете головой и даже на этотъ вопросъ будете иначе смотрѣть...

Видя мои колебанія, онъ добавилъ, что если я соглашусь, то должна буду спросить разрѣшенія родителей, но что для этого еще много времени впереди.

Ушинскій явился первымъ свѣтлымъ лучемъ въ царствѣ институтскаго мрака, пошлости, невѣжества и застоя. Нужно, однако, имѣть въ виду и то, что въ концѣ 50-хъ годовъ во всей Россіи занималась заря новой жизни, являлись проблески наступающей эпохи возрожденія. Въ обществѣ распространялись новыя идеи, вырабатывались новые идеалы, пробуждалось отрицательное отношеніе къ окружающимъ явленіямъ русской дѣйствительности. ~~Оживленіе среди воспитанницъ~~, наступившее вслѣдъ за назначеніемъ къ намъ Ушинскаго, усилилось и вслѣдствіе того, что прогрессивныя идеи стали проникать и къ намъ, несмотря на наши высокія стѣны и на полную монастырскую замкнутость нашей жизни. Послѣ непробудной спячки у насъ вдругъ зашевелился мозгъ, и мы стали обращаться къ нашимъ родственникамъ съ болѣе живыми вопросами; поэтому каждый разъ послѣ пріема родныхъ одна изъ воспитанницъ сообщала что-нибудь новенькое. Нечего и говорить о томъ, что всѣ эти новыя идеи въ передачѣ институтокъ и по формѣ, и по содержанію носили характеръ не то наивный, не то комичный:

— Представьте, мой братъ-студентъ утверждаетъ, что скоро всѣ люди, безъ исключенія, будутъ равны между собой. Вѣдь это же значитъ, что никакой разницы не будетъ между генералами и солдатами, между крестьянами и высокопоставленными людьми! Всѣ должны будутъ рѣшительно все дѣлать сами, значитъ, даже люди знатные будутъ сами выносить грязную воду. Вѣдь если это вѣрно, значитъ, все на свѣтѣ перевернется!

— А мой папа говорилъ, что у всѣхъ помѣщиковъ скоро от-

берутъ крестьянъ, что мужицкія дѣти будутъ учиться на одной скамейкѣ съ господскими, а мы—съ нашими горничными...

— Мой дядя настаиваетъ, чтобы послѣ выпуска я сдѣлалась учительницею и учила самыхъ простыхъ дѣтей, а взрослымъ внушала мысль о томъ, что теперь стыдно мучить крестьянъ, что это даже очень гадко...

— Мой папа (онъ служитъ въ министерствѣ) говоритъ, что человѣкъ долженъ гордиться бѣдностью,—это значитъ, что онъ ничего не накралъ, а что большая часть богачей богаты потому, что они наворовали на службѣ.

Все это мы обсуждали, обо всемъ вели безконечные споры, судили-рядили вкось и вкривь, но хорошо было уже то, что у насъ заработала голова.

Нашему оживленію и развитію помогало и то, что нашъ библіотечный шкафъ, въ которомъ никогда не было ни одной книги для чтенія, наполнился номерами журнала «Разсвѣтъ» Кремпина и другими книгами, пригодными для чтенія юношества. Произведенія русскихъ классиковъ появились въ нашей библіотекѣ нѣсколько позже.

Внимательно осматривая въ институтѣ каждый уголокъ, Ушинскій замѣтилъ одну, всегда запертую комнату. Наконецъ, она была открыта передъ нимъ, эта таинственная дверь. Каково же было его удивленіе: онъ увидѣлъ огромную комнату, заставленную по стѣнамъ старинными шкафами, съ огромной коллекціей животнаго царства изъ папье-маше, съ прекрасными для того времени коллекціями минераловъ, драгоцѣнные физическіе инструменты, разнообразные гербаріи.

Императрицы Марія Ѳедоровна и Александра Ѳедоровна, получивъ отъ кого-то эти сокровища, подарили ихъ институту, гдѣ ихъ никогда не употребляли въ дѣло, гдѣ никто никогда не показывалъ ихъ воспитанницамъ. Въ виду того, что это были дары двухъ императрицъ, институтское начальство находило необходимымъ беречь ихъ, т. е. крѣпко накрѣпко запереть въ большой, отдѣльной комнатѣ, о существованіи которой, вѣроятно, уже давнымъ-давно никто не вспоминалъ, кромѣ сторожа, наблюденію котораго онѣ были поручены, но и тотъ, видимо, не очень затруднялъ себя заботами о нихъ, такъ какъ не мало дорогихъ вещей оказалось испорченными молью.

Впослѣдствіи Константинъ Дмитріевичъ не разъ вспоминалъ при мнѣ объ этой находкѣ, особенно пріятно поразившей его. Считая необходимымъ ввести преподаваніе физики и естествознанія вообще, онъ прекрасно зналъ, какое встрѣтитъ затрудненіе: начальство, косо смотрѣвшее на введеніе чего бы то ни было новаго, сдѣлало бы все, чтобы затормазить преподаваніе этихъ предметовъ. Подъ предлогомъ того, что на покупку физическихъ инструментовъ, различныхъ коллекцій и моделей приходилось за-

трачивать значительную денежную сумму, начальство могло отложить преподаваніе естествознанія въ долгій ящикъ. Къ тому же въ институтѣ уже многіе поговаривали о томъ, что производить физическіе опыты немыслимо въ классѣ, а особаго помѣщенія для этого не имѣлось. И вдругъ мечта Ушинскаго осуществляется такъ неожиданно. Сравнительно небольшую сумму, необходимую для ремонта испорченныхъ вещей и на добавочныя пріобрѣтенія коечего, выдали безъ затрудненій,—такъ поразилъ всѣхъ докладъ Ушинскаго объ его находкѣ. «Начальство увидало въ этомъ чуть не перстъ божій, способствовавшій мнѣ въ моихъ предпріятіяхъ», смѣясь, закончилъ онъ свой разсказъ.

Для присмотра за кабинетомъ былъ приставленъ особый сторожъ. Комната, еще недавно постоянно запертая, съ большимъ удобствомъ послужила для уроковъ физики: для опытовъ въ ней все было подъ руками учителя.

Этотъ «музей» тоже внесъ въ жизнь институтокъ нѣкоторое оживленіе. «Всѣ видѣли вѣчно запертую комнату, однако никто не заинтересовался ею настолько, чтобы проникнуть въ нее... *Онъ* одинъ все смѣетъ, все можетъ, изъ всего извлекаетъ пользу, обо всемъ думаетъ»,—разсуждали мы, проникаясь все бóльшимъ благоговѣніемъ къ Ушинскому, а послѣ находки музея начали смотрѣть на него, какъ на что-то вродѣ мага и волшебника.

Мы то и дѣло бѣгали осматривать музей, но скоро это было строго запрещено. Вмѣстѣ съ Ушинскимъ туда приходилъ посторонній человѣкъ, выносилъ оттуда порченыя чучела животныхъ и приносилъ ихъ обратно въ исправленномъ видѣ. Такъ какъ входъ въ кабинетъ былъ запрещенъ до приведенія его въ порядокъ, то мы еще сильнѣе стремились заглянуть въ него. Однажды двѣ воспитанницы нашего класса, увидавъ, что Ушинскій только что вышелъ изъ музея, вбѣжали въ него. Никого не замѣтивъ и разсматривая животныхъ, разставленныхъ временно на полу, одна изъ нихъ, указывая подругѣ на звѣрька, утверждала, что то былъ соболь, другая настаивала на томъ, что это—куница. Вдругъ изъза угла шкафа вышелъ молодой человѣкъ и проговорилъ: «ни то, ни другое, mesdemoiselles, это только ласка... Мнѣ говорили, что институтки не умѣютъ отличить корову отъ лошади? Правда это?»

— Какая дерзость!—закричала ему въ упоръ одна изъ воспитанницъ.

— Мы непремѣнно пожалуемся на васъ Ушинскому!—бросила ему другая.

— Ахъ, барышни, барышни! Вы даже не понимаете, что жаловаться стыдно!..—со смѣхомъ возразилъ молодой человѣкъ, видимо, нисколько не испуганный ихъ угрозою.

Дѣвицы, какъ ошпаренныя, выскочили изъ музея и чуть не со слезами передавали подругамъ этотъ эпизодъ. Мы долго обсуждали сообща, какъ бы проучить «нахала». Намъ казалось это

необходимымъ уже потому, что въ этомъ случаѣ была затронута наша корпоративная честь. Но мы пришли къ убѣжденію, что это немыслимо. Ушинскій обыкновенно уходилъ и приходилъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ (оставлять посторонняго у насъ не допускалось), и на этотъ разъ онъ вышелъ, вѣроятно, лишь на нѣсколько минутъ, слѣдовательно, всякая «исторія» съ нашей стороны причинила бы большую непріятность Ушинскому, и онъ самъ могъ бы посмотрѣть на насъ за это съ очень нелестной стороны.

Это маленькое приключеніе имѣло большое вліяніе на мою личную судьбу. «Развѣ Ушинскій не сдерживаетъ порою улыбку, когда мы съ нимъ разговариваемъ? Развѣ при нашихъ разсужденіяхъ съ нимъ съ его устъ не срываются слова: «какъ это странно какъ это наивно!» А мой братъ еще болѣе безцеремонно повторяетъ, когда я что-нибудь разсказываю ему объ институтской жизни: «какъ это глупо, какъ это пошло!» Да... надъ нами всѣ издѣваются, всѣ смотрятъ на насъ, какъ на послѣднихъ дуръ! Учиться, учиться надо!» Вотъ какія мысли обуревали теперь мою голову, вотъ что ясно и опредѣленно сложилось теперь въ моемъ умѣ.

Въ первый разъ за всю свою институтскую жизнь я написала матери не казенное письмо: въ немъ я описывала появленіе у насъ новаго инспектора, оживленіе и волненіе, которое насъ всѣхъ охватило, предстоящія у насъ реформы, устройство новаго класса, въ которомъ будутъ преподавать новые учителя, извѣщала ее о томъ, что Ушинскій предложилъ мнѣ остаться въ немъ, и просила на это ея разрѣшенія; объ этомъ я писала и моему дядюшѣ.

Начались выпускные экзамены; подготовленіе къ нимъ и въ то же время чтеніе только что доставленныхъ намъ книгъ, новые мысли, взгляды и вопросы, перегонявшіе и смѣнявшіе другъ друга, образовали въ моей головѣ невообразимый хаосъ. Вслѣдствіе своей наивности и невѣжества я рѣшила, что, навѣрно, существуетъ такое руководство, которое можетъ мнѣ выяснить, чѣмъ и какъ было бы полезно заниматься, что мнѣ слѣдуетъ читать раньше и что позже. Это заставило меня обратиться къ одной подругѣ съ просьбою, чтобы она попросила своего брата-студента снабдить меня такимъ руководствомъ. Какъ она формулировала мое желаніе своему брату, я не знаю, но онъ прислалъ мнѣ книгу Павскаго: «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка».

Боже мой, сколько мученій вынесла я изъ-за этой книги! Я отнеслась къ ней, какъ къ кладезю величайшей премудрости, твердо вѣрила въ то, что, какъ только я ее осилю, передо мной выяснится все и въ жизни, и въ книгахъ. Но ужасъ охватилъ меня съ первой же страницы. Я рѣшительно ничего не понимала, перечитывала каждый періодъ по многу разъ, твердила наизусть, но въ головѣ не прояснялось, а только затемнялось. Тогда я рѣшила записывать въ тетрадь непонятныя для меня слова и выраженія, разсчитывая на то, что объясненія Ушинскаго дадутъ мнѣ ключъ

къ уразумѣнію глубины премудрости Павскаго, но для этого я считала необходимымъ прочитать книгу до конца. Однако, съ каждой страницей я приходила все въ большее отчаяніе, и вмѣстѣ съ непонятными для меня фразами, выписываемыми изъ Павскаго, и вопросами по этому поводу я заносила въ тетрадь и отчаянные вопли моего сердца о моемъ умственномъ убожествѣ.

Въ это время я получила отъ родныхъ разрѣшеніе на продолженіе образованія. Какъ діаметрально противоположны по своему характеру были письма дяди и матери! Дядя писалъ мнѣ, что мое желаніе остаться въ институтѣ весьма удобно для моихъ родственниковъ: въ виду того, что моя мать не можетъ взять меня къ себѣ, я должна была бы жить въ его семействѣ, а онъ находитъ меня слишкомъ молодою для того, чтобы вывозить въ свѣтъ и на балы. Моя же мать выражала изумленіе, что я вдругъ пожелала учиться, и для этого рѣшаюсь даже остаться въ институтѣ она приписывала перемѣну, происшедшую во мнѣ, всецѣло вліянію Ушинскаго. «До сихъ поръ», прибавляла она, «ты писала мнѣ деревянныя, оффиціальныя письма, глубоко огорчавшія меня. Если такая перемѣна могла произойти съ тобой, которую я считала совсѣмъ окаменѣвшею, то это могъ произвести только геніальный педагогъ». Она умоляла меня передать Ушинскому не только свое глубочайшее уваженіе, но и изумленіе, что онъ даже такой лѣнивой дѣвочкѣ, какъ я, могъ внушить желаніе учиться. Она приказывала мнѣ сказать отъ ея имени этому «необыкновенному человѣку», что ея мечта о такомъ величайшемъ счастьѣ, какъ продолженіе мною образованія, вѣроятно, разлетится въ прахъ. Она объясняла, что я была принята въ институтъ по баллотировкѣ, слѣдовательно, имѣю право воспитываться на казенный счетъ только до выпуска; за остальное образованіе мое въ институтѣ ей пришлось бы несомнѣнно платить, а для этого у нея нѣтъ никакихъ средствъ.

Хотя мнѣ былъ очень непріятенъ конецъ письма, напоминавшій о бѣдности, но я поняла, что скрывать это отъ Ушинскаго не имѣетъ смысла. Моя мать была особа энергичная и, долго не получая отъ меня отвѣта, могла еще ярче изобразить ему свое тяжелое матеріальное положеніе. Вслѣдствіе этого я рѣшила сама кое-что прочитать Ушинскому изъ письма моей матери, но никоимъ образомъ не доводить до его свѣдѣнія ея похвалы о немъ: мнѣ казалось, что онъ могъ принять ихъ за ея желаніе «подлизаться» къ нему. Въ то же время я собиралась поговорить съ Ушинскимъ и насчетъ книги Павскаго. Я рѣшила напрямикъ высказать ему, что совсѣмъ не поняла содержанія этой книги, и что это, вѣроятно, заставитъ его отказать мнѣ въ пріемѣ на новые курсы. Я находила, что скрывать это отъ него было бы не только наглымъ обманомъ, но и совершенно лишнимъ: мои занятія, конечно, скоро покажутъ ему отсутствіе у меня умственныхъ способ-

ностей. Какъ это ни странно, мнѣ гораздо легче было сознаться въ этомъ, чѣмъ въ бѣдности, несмотря на то, что Ушинскій такъ открыто издѣвался надъ тѣми, кто стыдился ея. Стыдъ за свою бѣдность исчезъ у насъ позже всѣхъ другихъ недостатковъ и дикихъ взглядовъ, усвоенныхъ въ институтѣ.

Стараясь поймать удобный моментъ для переговоровъ съ инспекторомъ, я расхаживала по коридору съ письмомъ матери, съ книгою Павскаго и съ тетрадкой, въ которой были отмѣчены непонятныя для меня слова и выраженія. Но, когда мнѣ посчастливилось встрѣтить Ушинскаго, я переконфузилась и стала безсвязно бормотать, что не могу перейти во вновь устраиваемый имъ классъ, потому что не понимаю Павскаго; къ тому же и казна не будетъ меня держать безплатно послѣ моего выпуска. Онъ не могъ сразу понять мой безтолковый лепетъ. Продолжая объяснять ему свои недоразумѣнія, я подала ему книгу, а сама начала пробѣгать по тетради вопросы, которые собиралась ему сдѣлать, какъ вдругъ услыхала съ верхней площадки, что меня зоветъ къ себѣ инспектриса. Я окончательно растерялась и въ разсѣянности сунула ему въ руки письмо, книгу и тетрадь съ просьбою, чтобы онъ самъ прочиталъ все это. Когда черезъ нѣсколько минутъ я вспомнила, что письмо въ рукахъ Ушинскаго, что онъ узнаетъ даже содержаніе моей тетради,—я пришла въ отчаяніе, но дѣло было сдѣлано.

Возвращая мнѣ Павскаго, Ушинскій замѣтилъ, что, на основаніи совсѣмъ неподходящаго чтенія, нелѣпо приходить въ отчаяніе. «Прочелъ я и вашу тетрадочку... Что же... она въ полномъ смыслѣ полна «сердца горестныхъ замѣтъ!» Это все трогательно... Ваши замѣчанія еще болѣе побуждаютъ меня уговаривать васъ остаться въ институтѣ и поработать. Со всѣми вашими недоразумѣніями можете обращаться ко мнѣ... Только никогда не читайте книгъ, не посовѣтовавшись раньше со мною, а Павскаго, пожалуйста, не раскрывайте больше». Относительно платы за будущее мое обученіе въ институтѣ онъ добавилъ, что постарается все уладить.

Послѣ этого не прошло и двухъ-трехъ недѣль, какъ онъ вошелъ въ нашъ классъ, вызвалъ меня и сказалъ: «вы будете стипендіаткой экзарха Грузіи, который уже отправилъ въ контору вполнѣ достаточную сумму на ваше образованіе». Я сдѣлала обычный реверансъ, не сказавъ ему ни слова признательности, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ трудно вообще выхлопотать какую бы то ни было стипендію, а тѣмъ болѣе такую значительную, какая была внесена за меня, сколько хлопотъ и трудовъ стоило Ушинскому ея добиться. Всю силу великодушія этого благороднѣйшаго человѣка я поняла гораздо позже: продолжая знакомство съ Ушинскимъ и послѣ выпуска изъ института, я лично была не разъ свидѣтельницею того, какъ онъ приходилъ на помощь не

только совѣтомъ, но и доставалъ работу нуждающимся, выхлопатывалъ имъ стипендіи, а за очень многихъ вносилъ деньги изъ своего кармана. Въ послѣднемъ случаѣ онъ неизмѣнно просилъ не называть его имени тѣмъ, кому онъ приходилъ на помощь.

Выпускные экзамены окончены, а вотъ и выпускъ. Церковь переполнена народомъ. Мои подруги, не пожелавшія продолжать своего образованія, въ первый разъ, какъ птички изъ клѣтки, вылетаютъ на волю. Всѣ онѣ въ пышныхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ кушакахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ. Не достаетъ только крыльевъ, чтобы походить на ангеловъ. Теперь, когда институты сдѣлались полузакрытыми интернатами, когда институтки, оставляя школьную скамью, имѣютъ хотя какое-нибудь представленіе о жизни, онѣ уже не могутъ испытывать при выпускѣ такое волненіе, какое испытывали воспитанницы дореформеннаго періода. Нѣкоторыми изъ нихъ овладѣвалъ невообразимый страхъ за будущее, и онѣ ожидали чего-то страшнаго сейчасъ, сію минуту, точно вотъ-вотъ ихъ поведутъ на эшафотъ; другія твердо вѣрили въ какое-то сказочное счастье, которое сразу свалится на ихъ головы, какъ только онѣ переступятъ порогъ института. Каковы бы ни были ихъ надежды, всѣ онѣ были крайне взволнованы, и это отражалось на ихъ лицахъ: у многихъ стояли въ глазахъ слезы; щеки, даже у блѣдныхъ воспитанницъ, горѣли румянцемъ. Еще вчера, въ неуклюжемъ форменномъ платьѣ, дѣвушка не отличалась особенною миловидностью, а сегодня, въ рамкѣ пышныхъ бѣлокурыхъ или черныхъ волосъ, она имѣла прелестный и граціозный видъ. А я стояла тутъ же въ своемъ форменномъ платьѣ.

Безысходное отчаяніе вдругъ овладѣло мной. Мнѣ сдѣлалось невыразимо завидно и тяжело смотрѣть на подругъ, навсегда оставлявшихъ институтъ когда я мѣняла свободу на прежнюю кабалу и неволю. «Счастливицы», думала я. «Завтра ихъ не разбудитъ проклятый колоколъ ни свѣтъ, ни заря, вмѣсто криковъ бранчливыхъ дамъ, ихъ горячо прижмутъ къ сердцу родныя руки! Зачѣмъ, зачѣмъ я осталась? Ничего не выйдетъ изъ моего ученія, да и на что оно мнѣ пригодится?» Я бросила взглядъ на присутствующихъ въ церкви: среди мужчинъ и пестро разодѣтыхъ дамъ, родственниковъ выпускныхъ, рѣзко выдѣлялись стройныя фигуры въ бѣломъ, говорившія о чистотѣ, невинности и юной прелести. Въ углу я замѣтила серьезную фигуру Ушинскаго. У меня закипѣла злоба противъ него, какъ противъ человѣка, который уговорилъ меня остаться въ институтѣ. Чтобы не разрыдаться, я вышла изъ церкви, и въ первый разъ въ жизни никто не обратилъ на это никакого вниманія.

Когда я пришла въ классъ, онъ былъ совершенно пустъ. Тоска одиночества, непоправимая ошибка, которую, какъ мнѣ казалось, я сдѣлала, добровольно оставшись въ прежней тюрьмѣ, письма

матери и дяди въ отвѣтъ на мою просьбу остаться, все представлялось мнѣ теперь въ новомъ, несравненно болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. И я въ отчаяніи, упавъ лицомъ на пюпитръ, рыдала, рыдала безъ конца. Вдругъ я услыхала позади себя торопливые, нервные шаги Ушинскаго. Бѣжать было уже поздно, и я почувствовала, что если онъ со мной заговоритъ, я выскажу ему все въ глаза. На его вопросъ о томъ, что я дѣлаю, я въ первую минуту молчала изъ боязни, что голосъ выдастъ мои слезы.

— Чего вы вѣчно конфузитесь?—началъ онъ, подвигая свой стулъ къ моей скамейкѣ и положивъ свой портфель на пюпитръ.— Вы годитесь мнѣ въ дочери и могли бы безъ стѣсненія разговаривать со мной. Скажите-ка откровенно, вѣдь вамъ взгрустнулось потому, что не удалось сегодня, какъ подругамъ, одѣть бѣленькое платьице и бѣленькій кушачекъ? Пожалуйста, отвѣчайте откровенно, да не смущайтесь вы, Бога ради.

Я не только не намѣрена была смущаться, но почувствовала, что на меня напала даже «отчаянность», совсѣмъ исчезнувшая въ послѣднее время. Я отвѣчала, что конфузиться не буду: все равно, онъ всегда издѣвается надъ нами...

Онъ отвѣчалъ, что такое мнѣніе крайне для него прискорбно, но онъ все-таки надѣется, что это только недоразумѣніе. И онъ началъ говорить о томъ, что, вслѣдствіе оторванности нашей отъ жизни, наши взгляды и выраженія нерѣдко оказываются дѣйствительно странными, иногда даже комичными... Очень возможно, что какъ нибудь, слушая насъ, онъ улыбнулся, но онъ не предполагалъ съ нашей стороны такой обидчивости, такого недовѣрія къ нему. Издѣваться надъ кѣмъ-нибудь изъ насъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ: мы не виноваты въ томъ, что насъ здѣсь ничему путному не научили, что намъ привили дикія понятія... Наконецъ, онъ спросилъ, что я дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ церкви, и получилъ въ отвѣтъ,—что ничего не дѣлала. Онъ выразилъ удивленіе, какъ это можно цѣлыхъ два часа просидѣть, ничего не дѣлая, даже безъ собесѣдника, говорилъ и о томъ, что человѣкъ, серьезно предполагающій работать, долженъ давать себѣ отчетъ въ каждомъ проведенномъ часѣ.

Злое, мрачное настроеніе охватывало меня все сильнѣе. Мнѣ казалось, что я своими замѣтками о Павскомъ, а теперь и своими отвѣтами достаточно унизила себя въ его глазахъ, что теперь мнѣ уже нечего терять въ его мнѣніи, и стала высыпать передъ нимъ все, что думала передъ его приходомъ. Онъ ошибается, говорила я ему, предполагая, что я взволновалась изъ-за того, что не могла надѣть бѣлое платье. Я несравненно болѣе пустая, чѣмъ онъ думаетъ, и вовсе не желаю казаться лучше, чѣмъ я есть. Такъ вотъ я считаю своею обязанностью признаться ему, что прихожу въ отчаяніе отъ того, что согласилась остаться въ институтѣ продолжать ученіе, которое меня вовсе не привлекаетъ,

а нерѣдко кажется даже постылымъ. Да и къ чему это ученіе? Въ ученые лѣзть я не собираюсь, а «синимъ чулкомъ» называться не хочу.

— Да чего это вы изъ кожи лѣзете показать мнѣ всю вашу институтскую пустоту? Разъ вы уже болѣе откровенны, чѣмъ это даже требуется въ данномъ случаѣ, то скажите по-правдѣ: вы, вѣроятно, думаете всѣми этими словами уязвить меня, причинить мнѣ боль? А между тѣмъ, вы одна будете въ накладѣ, если уѣдете съ такой пустой головой... Если вы рѣшили не учиться, такъ вамъ, конечно, лучше просить родственниковъ взять васъ завтра же отсюда.

Этотъ отвѣтъ меня и переконфузилъ, и разобидѣлъ, и я, еле сдерживая рыданія, начала жаловаться ему на то, что теперь взять меня изъ института уже немыслимо. Моя мать не можетъ пріѣхать за мной, слѣдовательно, я вынуждена буду жить въ семьѣ дяди, а онъ находитъ, что я слишкомъ молода, чтобы вывозить меня на балы, точно я просила когда-нибудь его объ этомъ. Несчастнѣе меня нѣтъ человѣка на свѣтѣ! Моя мать, моя родная мать, вмѣсто того, чтобы выразить желаніе повидать меня, обнять родную дочь послѣ долгой разлуки, только въ восторгъ приходитъ отъ того, что я могу продолжать свое ученіе.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго нравственнаго права такъ говорить о своей матери! Это, знаете ли, даже совсѣмъ нехорошо съ вашей стороны! Я читалъ ея письмо къ вамъ и самъ получилъ отъ нея недавно письмо (я узнала потомъ отъ матери, что она благодарила его за хлопоты о стипендіи для меня) и нахожу, что она на рѣдкость разумная женщина: вмѣсто жалкихъ словъ, поцѣлуевъ, объятій и всѣхъ этихъ дешевыхъ сантиментовъ, она горячо высказываетъ одно желаніе, чтобы ея дочь была образованной дѣвушкой, чтобы она училась и трудилась.

Мое злобное настроеніе противъ Ушинскаго какъ-то сразу разсѣялось, и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось узнать, что онъ отвѣтитъ на одинъ мой вопросъ.

— Когда вы прочли письмо моей матери... (я вамъ отдала его по разсѣянности). Она такъ превозноситъ васъ... вы могли подумать, что она къ вамъ подлизывается?

Ушинскій расхохотался.—Ну, казните меня. Право же, немыслимо оставаться серьезнымъ, слушая иногда, какъ вы выражаетесь! Увѣряю васъ, я не нашелъ, что ваша матушка подлизывается ко мнѣ. Я уже говорилъ вамъ, что я лучшаго мнѣнія о ней по ея письмамъ, чѣмъ ея родная дочь. А вотъ за вашу заботу о моей нравственности,—вѣдь вы боитесь, чтобы похвалы не вскружили мнѣ голову,—я приношу вамъ глубочайшую благодарность... Мнѣ кажется, что тучи разсѣялись, и теперь можно приступить къ дѣлу. Итакъ, рѣшено, вы остаетесь здѣсь, несмотря на ваше отчаяніе! Такъ принимайтесь же за чтеніе! Я захватилъ для васъ восьмой

томъ Бѣлинскаго и нѣсколько томовъ Пушкина... Окажите мнѣ маленькое довѣріе. Начинайте сейчасъ же читать «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ немедленно прочитайте критику на это произведеніе Бѣлинскаго. Та́къ читайте и остальныя сочиненія Пушкина. Я бы желалъ также, чтобы вы по этому поводу написали все, что вамъ придетъ въ голову. Если вы добросовѣстно отнесетесь къ моей просьбѣ, даю вамъ слово, что вашу досаду, какъ рукой сниметъ.

Какъ мнѣ было совѣстно всего того, что я наговорила Ушинскому! Мнѣ такъ хотѣлось просить его простить меня за всѣ мои глупости, но порывъ отчаянія прошелъ, а вмѣстѣ съ этимъ улетучился и подъемъ смѣлости, когда я только и могла говорить все, что мнѣ приходило въ голову. Мною овладѣла обычная конфузливость, и я знала, что если бы въ ту минуту встрѣтила Ушинскаго, я бы не рѣшилась произнести ни одного слова. Мое волненіе быстро улеглось уже потому, что мнѣ удалось высказать все, что меня такъ смущало. Этому душевному умиротворенію помогло и чувство благодарности, и надежда, что при Ушинскомъ все въ институтѣ измѣнится къ лучшему. Наконецъ-то и въ этой казармѣ, думала я, появился человѣкъ, который дѣйствительно заботится о насъ, съ которымъ можно поговорить и посовѣтоваться, который, несмотря на мои пошлыя выходки, не только не отвернулся отъ меня, но поспѣшилъ даже оказать новую услугу,—и при этихъ мысляхъ теплая струйка крови прилила къ моему сердцу и согрѣла его. Что изъ того, что меня не интересуетъ чтеніе, думала я: Ушинскій сдѣлалъ для меня все, что могъ, и я оказалась бы неблагодарной, если бы не исполнила немедленно его желанія.

Хотя вновь устроенный классъ именовался теоретически-спеціальнымъ, но это было не совсѣмъ точное названіе: кромѣ естествознанія, физики и педагогики, въ немъ проходили курсъ наукъ по программѣ средне-учебныхъ заведеній, но въ болѣе расширенномъ видѣ, чѣмъ въ нашемъ прежнемъ выпускномъ классѣ. Къ тому же изъ этого седьмого класса желающія могли переходить въ спеціальный классъ, гдѣ, во второй годъ своего пребыванія, воспитанницы должны были обучать дѣтей кофейнаго класса подъ руководствомъ учителей. Воспитанницы, оставленныя во вновь сформированномъ классѣ, въ числѣ которыхъ была и я, поступая на новые курсы, переходили собственно въ седьмой классъ, но въ ту минуту онъ не могъ такъ называться потому, что при прежнемъ дѣленіи не было шестого класса.

Относительно воспитанницъ, очутившихся въ совершенно новомъ положеніи, т. е. не вышедшихъ изъ института по собственному желанію, не было установлено никакихъ правилъ: выпускъ былъ въ мартѣ, а занятія въ седьмомъ классѣ должны были начаться не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, да и это не было точно опредѣлено. Какія классныя дамы должны были руководить этими воспитанницами, что онѣ должны были заставлять ихъ дѣлать до начала

занятій, на это не было получено никакихъ инструкцій. Классныя дамы заявили, что онѣ вовсе не желаютъ торчать съ нами, разъ это не вмѣнено имъ въ обязанность. И, дѣйствительно, онѣ не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія. «Пусть ихъ околачиваются, какъ знаютъ», говорили онѣ про насъ, и мы въ полномъ смыслѣ слова околачивались: кто изъ насъ сидѣлъ въ классѣ, кто въ дортуарѣ, кто отправлялся въ лазаретъ.

Времени для чтенія было много, и я послѣдовала совѣту Ушинскаго. Чѣмъ болѣе я читала, тѣмъ болѣе увлекалась чтеніемъ. Я скоро поняла, что прежде меня не прельщало чтеніе классиковъ только потому, что оно было отрывочно, а объясненія Старова лишь сбивали съ толку. Въ нѣсколько дней я такъ пристрастилась къ чтенію, что институтскій колоколъ, отрывавшій меня отъ него, явился моимъ злѣйшимъ врагомъ. Я забыла все на свѣтѣ и читала, читала безъ конца, читала днемъ, захватывая большую часть ночи. Чтеніе такъ поглотило меня, что, когда однажды я столкнулась съ maman, выразившей удивленіе, что я не посѣщаю ея теперь, когда у меня такъ много свободнаго времени, я поблагодарила ее и сказала ей о томъ, какую работу далъ мнѣ Ушинскій. Нѣсколько позже я очень пожалѣла, что легкомысліе, а можетъ быть, и нѣкоторая потребность протеста, заставили меня при этомъ прибавить: «какъ обидно, что насъ прежде никто не заставлялъ читать произведенія русскихъ писателей!» Хотя я замѣтила, что maman какъ-то особенно сухо простилась со мной, но я уже несравненно меньше придавала значенія всему тому, что происходило вокругъ: вся погруженная въ новый міръ идей и случайно оторванная отъ чтенія, я торопилась снова погрузиться въ него. За обѣдами и завтраками я съ восторгомъ передавала подругамъ, какія интересныя вещи я читаю: скоро всѣ онѣ точно также набросились на чтеніе.

Узналъ объ этомъ Ушинскій и немедленно прислалъ намъ остальные тома Пушкина, Бѣлинскаго и другихъ русскихъ писателей, кажется, изъ своей библіотеки.

Мы съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали лекцій Ушинскаго, но такъ какъ занятія все еще не начинались, у насъ явилась мысль просить его прочитать намъ что-нибудь. Въ то время, о которомъ я говорю, онъ особенно сильно былъ заваленъ работою и разносторонними заботами, связанными съ преобразованіями въ институтѣ. Несмотря на это, онъ съ восторгомъ отнесся къ нашей просьбѣ и заявилъ, что у него какъ разъ теперь свободный часъ, и онъ сію минуту можетъ приступить къ чтенію. Такъ какъ въ это время въ классѣ сидѣло всего лишь нѣсколько человѣкъ, онъ сказалъ, что прочтетъ вступительную лекцію въ педагогику.

Онъ началъ ее съ того, что доказалъ всю пошлость, все ничтожество, весь вредъ, все нравственное убожество нашихъ надеждъ и несбыточныхъ стремленій къ богатству, къ нарядамъ, блестящимъ

баламъ и свѣтскимъ развлеченіямъ.—Вы должны, вы обязаны,—говорилъ онъ,—зажечь въ своемъ сердцѣ не мечты о свѣтской суетѣ, на что такъ падки пустыя, жалкія созданія, а чистый пламень, неутолимую, неугасимую жажду къ пріобрѣтенію знаній и развить въ себѣ, прежде всего, любовь къ труду,—безъ этого жизнь ваша не будетъ ни достойной уваженія, ни счастливой. Трудъ возвыситъ вашъ умъ, облагородитъ ваше сердце и наглядно покажетъ вамъ всю призрачность вашихъ мечтаній, онъ дастъ вамъ силу забывать горе, тяжелыя утраты, лишенія и невзгоды, чѣмъ такъ щедро усѣянъ жизненный путь каждаго человѣка, онъ доставитъ вамъ чистое наслажденіе, нравственное удовлетвореніе и сознаніе, что вы не даромъ живете на свѣтѣ. Все въ жизни можетъ обмануть, всѣ мечты могутъ оказаться пустыми иллюзіями, только умственный трудъ, одинъ онъ никогда никого не обманываетъ: отдаваясь ему, всегда приносишь пользу и себѣ, и другимъ. Постоянно расширяя умственный горизонтъ, онъ мало-по-малу будетъ открывать вамъ все новый и новый интересъ къ жизни, заставитъ все больше любить ее не ради эгоистическихъ наслажденій и свѣтскихъ утѣхъ... Постоянный умственный трудъ разовьетъ въ душѣ вашей чистѣйшую, возвышенную любовь къ ближнему, а только такая любовь даетъ честное, благородное и истинное счастье. И этого можетъ и долженъ добиваться каждый, если онъ не фразеръ и не болтунъ, если у него не дряблая натуришка, если въ груди его бьется человѣческое сердце, способное любить не одного себя. Добиться этого величайшаго на землѣ счастья можетъ каждый, *слѣдовательно, человѣка можно считать кузнецомъ своего счастья.*

Отъ пламеннаго, восторженнаго апоѳеоза труду Ушинскій перешелъ къ опредѣленію, что такое материнская любовь и какою она должна быть. Любовь къ своему дѣтенышу заложена въ сердцѣ каждаго животнаго: хищные звѣри—медвѣдица, волчица—защищаютъ его съ опасностью для собственной жизни, нерѣдко падая мертвыми въ борьбѣ съ врагомъ; онѣ питаютъ его собственной грудью, согрѣваютъ собственнымъ тѣломъ, бросаютъ въ нору сухую траву, листья, чтобы ему мягче было спать. Возможно ли, чтобы женщина, разумное существо, заботилась, какъ и звѣрь, *только* о физическомъ благосостояніи и сохраненіи жизни своего ребенка? Инстинктивно сознавая это, женщина къ естественной заботѣ, вложенной въ ея сердце матерью-природою, присоединила еще любовь, которую она считаетъ человѣческою, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ ее слѣдуетъ назвать кукольной, такъ какъ она является результатомъ мелкаго тщеславія. Тутъ онъ привелъ въ примѣръ матерей, употребляющихъ всѣ средства, чтобы красивѣе разодѣть ребенка, сдѣлать его миловиднѣе,—онѣ играютъ съ нимъ, какъ дитя съ игрушкой. Уже съ ранняго возраста воспитатели должны развить въ ребенкѣ потребность къ труду, привить ему стремленіе къ образованію и самообразованію, а за-

тѣмъ внушить ему мысль о его обязанности просвѣщать простой народъ,—«вашихъ крѣпостныхъ, такъ называемыхъ вашихъ рабовъ, по милости которыхъ вы находитесь здѣсь, получаете образованіе, существуете, веселитесь, ублажаете себя мечтами, а онъ, этотъ рабъ вашъ, какъ машина, какъ вьючное животное, работаетъ на васъ, не покладая рукъ, не допивая и не доѣдая, погруженный въ мракъ невѣжества и нищеты.»

Теперь всѣ эти мысли давнымъ давно вошли въ общее сознаніе, всосались въ плоть и кровь образованныхъ людей, но тогда (1860 г.), наканунѣ освобожденія крестьянъ, онѣ были новостью для русскихъ женщинъ вообще, а тѣмъ болѣе для насъ, институтокъ, до тѣхъ поръ не слыхавшихъ умнаго слова, зараженныхъ пошлыми стремленіями, которыя Ушинскій разбивалъ такъ безпощадно.

Все, что я передаю о первой вступительной лекціи Ушинскаго,—блѣдный, слабый конспектъ его рѣчи, набросанный мною тогда же кратко и при томъ лишь въ главныхъ чертахъ.

Чтобы понять, какое потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ эта вступительная лекція, нужно имѣть въ виду не только то, что идеи, высказанныя въ ней, были совершенно новы для насъ, но и то, что Ушинскій высказывалъ ихъ съ пылкою страстностью и выразительностью, съ необыкновенною силою и блестящею эрудиціей, которыми онъ такъ отличался. Что же мудренаго въ томъ, что эта рѣчь огненными буквами запечатлѣлась въ нашихъ сердцахъ, что у всѣхъ насъ во время ея текли по щекамъ слезы.

Вся внѣшность Ушинскаго сильно содѣйствовала тому, чтобы его слова глубоко запали въ душу. Онъ былъ выше средняго роста, худощавый, крайне нервный. Изъ-подъ его черныхъ, густыхъ бровей дугою, лихорадочно сверкали темнокаріе глаза. Его выразительное, съ тонкими чертами лицо, его прекрасно очерченный высокій лобъ, говорившій о недюжинномъ умѣ, рѣзко выдѣлялся своею блѣдностью въ рамкѣ черныхъ, какъ смоль, волосъ и черныхъ бакеновъ кругомъ щекъ и подбородка, напоминавшихъ короткую, густую бороду. Его тонкія, безкровныя губы, его суровый видъ и проницательный взоръ, который, казалось, видитъ человѣка насквозь, краснорѣчиво говорили о присутствіи сильнаго характера и упорной воли. Мнѣ кажется, если бы знаменитый русскій художникъ, В. М. Васнецовъ, увидѣлъ Ушинскаго, онъ написалъ бы съ него для какого-нибудь собора типъ вдохновеннаго пророка-фанатика, глаза котораго во время проповѣди мечутъ искры, а лицо становится необыкновенно строгимъ и суровымъ. Тотъ, кто видалъ Ушинскаго хотя разъ, навсегда запоминалъ этого человѣка, рѣзко выдѣлявшагося изъ толпы даже своею внѣшностью.

Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мой жизненный путь оконченъ, и я у двери гроба, но до сихъ поръ не могу забыть пламенную рѣчь этого великаго учителя, которая впервые бросила человѣческую искру въ наши головы, заставила трепетать

наши сердца человѣческими чувствами, пробудила въ насъ благородныя свойства души, которыя безъ него должны были потухнуть. Одна эта лекція сдѣлала для насъ уже невозможнымъ возвратъ къ прошлымъ взглядамъ, по крайней мѣрѣ, въ области элементарныхъ вопросовъ этики, а мы прослушали цѣлый рядъ его лекцій, бесѣдовали съ нимъ по поводу различныхъ жизненныхъ явленій.

Дальнѣйшему измѣненію нашихъ взглядовъ, совершенному перевороту въ нашемъ умственномъ и нравственномъ міросозерцаніи содѣйствовали и новые преподаватели. Тѣмъ не менѣе все шло отъ Ушинскаго и черезъ него: онъ былъ наставникомъ и руководителемъ не только для насъ, но и для приглашенныхъ имъ учителей, главнымъ виновникомъ нашего полнаго перерожденія. Наша жизнь, если можно такъ выразиться, раскололась на двѣ, діаметрально противоположныя, части: на безпросвѣтное, безсмысленное, жалкое прозябаніе до его вступленія и на только что наступившую новую эру, полную живого интереса, стремленій къ знанію, къ мыслямъ и мечтамъ, облагораживающимъ душу. Постоянное чтеніе книгъ, выборомъ которыхъ руководили опытные наставники, шевелило нашъ мозгъ и быстро расширяло нашъ умственный горизонтъ.

И теперь еще, каждый разъ, когда мой взоръ встрѣчаетъ портретъ Ушинскаго, этого великаго педагога, я вспоминаю его вступительную лекцію: необыкновенное волненіе и глубочайшая признательность охватываютъ мою душу, и мнѣ такъ хочется преклонить колѣни передъ свѣтлымъ образомъ этого замѣчательнаго человѣка.

Съ благоговѣніемъ сохраняя въ нашихъ сердцахъ память о завѣтахъ великаго учителя, я должна сознаться, что не всѣ его ученицы могли сдѣлаться «кузнецами своего счастья». Отъ нашихъ отцовъ и матерей, пропитанныхъ вожделѣніями крѣпостнической эпохи и узко-эгоистическими принципами, мы не могли получить въ наслѣдство надлежащаго закала для альтруистическихъ устоевъ. Онъ утверждалъ, что высшее счастье человѣка состоитъ исключительно въ служеніи народу, что личное счастье ничто: оно эфемерно, призрачно, часто не даетъ даже нравственнаго удовлетворенія, а потому оно и должно быть принесено на алтарь служенія народу. Выполненіе такого суроваго требованія было не по силамъ большинству молодыхъ существъ, только что вступавшихъ въ жизнь, которыхъ она опутывала всѣми своими чарами, которыхъ она такъ заманчиво, такъ властно манила испытать личное счастье. Этотъ взглядъ на личное счастье Ушинскій раздѣлялъ со многими идеалистами-энтузіастами шестидесятыхъ годовъ.

Е. Водовозова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Серебристыя дороги
На зеркальномъ тихомъ морѣ
Затерялись и пропали
Въ нескончаемомъ просторѣ.
Это, можетъ быть, бѣлѣя,
Тамъ проходятъ корабли,
Вѣчно въ поискахъ свободныхъ
Новой, сказочной земли?
Въ міръ чудесъ непостижимыхъ,
Но угаданныхъ душою
Эти свѣтлыя дороги
Сердце манятъ за собою,
Эти свѣтлыя дороги,
Серебристые пути...
Развѣ можно, вѣря въ чудо,
Счастья ждать и не найти?
Развѣ яркому порыву,
Окрыленному мечтами,
Нуженъ путь, извѣстный людямъ
Съ ихъ маячными огнями?..
Серебристыя дороги —
Это счастья ясный сонъ,
Это путь для тѣхъ, кто молодъ,
Кто отважень и влюбленъ!

Ада Чумаченко.

Парижскій рабочій парламентъ 1848 г. и его дѣятельность.

I.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ въ исторіи февральской революціи является несомнѣнно исторія знаменитаго рабочаго парламента—Люксембургской коммиссіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ Луи Блана въ бывшемъ помѣщеніи палаты пэровъ — Люксембургскомъ дворцѣ — съ 1 марта по 15 мая 1848 года.

На Люксембургскую коммиссію возлагали самыя широкія надежды республиканцы соціалистическаго оттѣнка и парижскій пролетаріатъ, ее ненавидѣли всѣми силами своей души умѣренные республиканцы и реакціонеры. Ей всѣ историки эпохи приписываютъ громадное вліяніе на настроеніе парижскаго населенія. Тѣмъ не менѣе исторія ея до сихъ въ сущности остается неизученной, и существуетъ пока только одна монографія, ей посвященная, которую отнюдь нельзя назвать исчерпывающей вопросъ *).

Положеніе всякаго изслѣдователя, приступающаго къ изученію дѣятельности Люксембургской коммиссіи, довольно затруднительно, такъ какъ мы не располагаемъ пока достаточнымъ количествомъ источниковъ. Послѣ закрытія коммиссіи на ея бумаги былъ наложенъ секвестръ, и затѣмъ слѣдъ ихъ совершенно исчезаетъ. По всей вѣроятности, онѣ погибли во время пожара ратуши 1871 года. Поэтому единственными источниками остаются пока свѣдѣнія о ней, попавшія въ печать. Въ Moniteur'ѣ за мартъ, апрѣль и начало мая 1848 года регулярно помѣщались сообщенія о ея работахъ и протоколы ея засѣданій **). Но это источникъ и не вполнѣ досто-

---

*) *Georges Cahen*. Louis Blanc et la commission de Luxembourg въ Annales de l'Ecole libre des sciences politiques за 1897 годъ.

**) Всѣ эти отчеты собраны въ одно цѣлое въ брошюрѣ Луи Блана «La révolution de février au Luxembourg» (Paris 1848) и въ сборникѣ «Le droit au travail au Luxembourg et à l'Assemblée nationale» (Paris 1849), гдѣ они занимаютъ страницы 1—225 перваго тома. Дальнѣйшія ссылки сдѣланы на это послѣднее изданіе.

вѣрный, и неполный. Протоколы составлялись довольно кратко и почти никогда не перечисляютъ участниковъ засѣданія. Вдобавокъ Луи Бланъ принималъ мѣры, чтобы въ печать попадало только то, что онъ находилъ нужнымъ, а доступъ представителямъ печати въ коммиссію не былъ свободенъ. Кромѣ того, не обо всѣхъ засѣданіяхъ коммиссіи помѣщены были отчеты. Послѣднее засѣданіе, протоколъ котораго былъ напечатанъ, было 20 марта. Между тѣмъ Консидеранъ упоминаетъ въ своей газетѣ о рѣчи, которую онъ произнесъ въ засѣданіи 22 марта, и убѣдившись, что отчетъ объ этомъ засѣданіи и не будетъ напечатанъ, онъ самъ опубликовываетъ свою рѣчь *). Въ отчетѣ слѣдственной коммиссіи по поводу іюньскаго возстанія описывается еще засѣданіе 28 марта **). Приходится поэтому свѣдѣнія, даваемыя Moniteur'омъ, провѣрять и дополнять немногочисленными данными, которыя можно почерпнуть изъ газетъ, брошюръ, мемуаровъ и т. д. Несмотря на скудость этихъ свѣдѣній, можно попытаться воспроизвести въ основныхъ линіяхъ картину ея дѣятельности, поскольку она касалась рѣшенія соціальнаго вопроса. Это и послужитъ задачей настоящей статьи.

Февральская революція была произведена мелкой буржуазіей и рабочимъ пролетаріатомъ Парижа. Ихъ совмѣстными усиліями былъ низвергнутъ тронъ Людовика Филиппа, ихъ совмѣстныя дѣйствія сдѣлали невозможнымъ регентство герцогини Орлеанской и заставили временное правительство провозгласить республику. Но оба класса совершенно различно понимали идею демократической республики. Для буржуазіи провозглашеніе демократической республики было предѣломъ, дальше котораго она не хотѣла идти. Для пролетаріата и его вождей признаніе республики было только первымъ шагомъ по пути соціальной реформы. Недаромъ боевымъ кличемъ рабочихъ во время борьбы было: «Да здравствуетъ демократическая и *соціальная* республика!». Въ ихъ сознаніи республика, какъ наиболѣе полное воплощеніе народнаго суверенитета, немедленно должна была заняться соціальными преобразованіями.

Вотъ почему уже на другой день послѣ побѣды революціи, 25 февраля, народныя толпы явились къ зданію ратуши, гдѣ засѣдало временное правительство, съ требованіемъ немедленнаго признанія права на трудъ, и подъ давленіемъ манифестаціи умѣренное большинство правительства принуждено было подчиниться радикальному меньшинству и принять декретъ, которымъ обязалось «обезпечить трудъ всѣмъ гражданамъ».

*) См. Démocratie pacifique, 1 et 12 avril 1848.

**) См. Rapport de la commission d'enquête sur les causes de l'insurrection de juin, I, 118 sqq.

Авторомъ этого декрета былъ, какъ извѣстно, Луи Бланъ. Народная масса увидѣла въ этомъ декретѣ признаніе того пониманія республиканской идеи, которое сложилось у рабочаго пролетаріата. Въ ея глазахъ такъ же, какъ въ глазахъ Луи Блана, этимъ декретомъ правительство обязывалось приступить къ соціальной реформѣ, къ той самой организаціи труда, которой была посвящена знаменитая брошюра Луи Блана, и идея которой пользовалась широкой популярностью среди рабочихъ. Поэтому въ революціонныхъ кружкахъ быстро созрѣло рѣшеніе произвести новую манифестацію съ цѣлью добиться отъ правительства учрежденія спеціальнаго министерства, задачей котораго и явилось бы проведеніе въ жизнь организаціи труда.

28 февраля около полудня народная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрыла площадь предъ ратушей, требуя учрежденія министерства труда. Это требованіе вызвало бурныя пренія въ средѣ временнаго правительства. Луи Бланъ энергично поддерживалъ требованія толпы, но его предложенія встрѣтили отпоръ со стороны Ламартина, и мнѣніе Ламартина восторжествовало. Возмущенный Луи Бланъ тогда заявилъ, что ни онъ, ни Альберъ не могутъ послѣ этого оставаться въ составѣ временнаго правительства. Принять отставку Луи Блана, однако, было крайне опасно въ виду его популярности среди рабочихъ. Тогда Гарнье-Пажесъ предложилъ учредить подъ предсѣдательствомъ Луи Блана коммиссію съ участіемъ рабочихъ, которая занялась бы выработкой плана соціальныхъ преобразованій.

Луи Бланъ сначала упорствовалъ. Но горячія убѣжденія Араго поколебали его рѣшимость, и онъ уступилъ. О рѣшеніи временнаго правительства было немедленно сообщено собравшимся толпамъ, а на другой день появился въ Moniteur'ѣ декретъ, учредившій «правительственную коммиссію для рабочихъ» (Commission du gouvernement pour les travailleurs) въ Люксембургскомъ дворцѣ. Предсѣдателемъ ея назначался Луи Бланъ, вице-предсѣдателемъ Альберъ. Задачу коммиссіи декретъ опредѣлялъ очень неясно. Она должна была «спеціально заняться участью рабочихъ» *). Въ первой рѣчи, сказанной Луи Бланомъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, онъ постарался формулировать эту задачу болѣе опредѣленно. Цѣль коммиссіи, по его словамъ, «изучить всѣ вопросы, касающіеся труда, и подготовить ихъ рѣшеніе въ проектѣ, который будетъ представленъ въ національное собраніе», кромѣ того «предварительно выслушать наиболѣе неотложныя требованія рабочихъ и удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны справедливыми» **). На удовлетвореніи наиболѣе неотложныхъ нуждъ рабочихъ и на подготовкѣ проекта соціальныхъ реформъ и сосредо-

---

*) Moniteur, 29 février 1848.

**) Le droit au travail, I, 6.

точилась главнымъ образомъ работа Люксембургской коммиссіи. Но прежде чѣмъ перейти къ этой работѣ, познакомимся съ тѣмъ, какъ была организована Люксембургская коммиссія.

Первое засѣданіе коммиссіи состоялось 1 марта. Въ Люксембургскій дворецъ, въ залъ засѣданій бывшей палаты пэровъ, собралось около 200 делегатовъ отъ рабочихъ корпорацій. Составъ собравшихся былъ болѣе или менѣе случайный. Такой же случайный характеръ имѣлъ и составъ слѣдующаго собранія 2 марта, когда въ Люксембургскій дворецъ собрались представители предпринимателей. Но уже съ слѣдующаго дня Луи Бланъ принялся энергично за правильную организацію коммиссіи. 6 марта онъ издалъ прокламацію къ рабочимъ, въ которой приглашалъ ихъ выбрать по три делегата отъ каждой профессіи и заявилъ, что имена делегатовъ будутъ напечатаны въ газетахъ для провѣрки ихъ полномочій. Послѣ этой прокламаціи рабочіе занялись избраніемъ делегатовъ, и къ назначенному Луи Бланомъ сроку, 10 марта, было выбрано 242 делегата отъ 87 профессій. Имена ихъ были опубликованы въ «Moniteur'ѣ» 11 марта. 23 марта въ «Moniteur'ѣ» появился новый списокъ 442 делегатовъ отъ 131 профессіи. Число делегатовъ, такимъ образомъ, было 684. Но желаніе Луи Блана имѣть въ Люксембургской комиссіи органъ правильнаго представительства интересовъ рабочихъ не вполнѣ осуществилось. Въ основу дѣленія на профессіи не было положено никакого опредѣленнаго принципа, благодаря чему представительство получило характеръ неправильный и случайный. Послѣ 23 марта въ «Moniteur'ѣ» уже не появлялось новыхъ списковъ, но далеко еще не всѣ профессіи имѣли своихъ представителей, и выборы продолжались во все время существованія коммиссіи. 11 марта Луи Бланъ пригласилъ и предпринимателей выбрать въ Люксембургскую коммиссію по три представителя отъ каждой профессіи. А 20 марта въ «Moniteur'ѣ» былъ напечатанъ списокъ 230 делегатовъ отъ предпринимателей, представлявшихъ 77 профессій. Но и этотъ списокъ не былъ окончательнымъ, и выборы среди предпринимателей продолжались и послѣ 20 марта. Кромѣ того, Луи Бланъ рѣшилъ пригласить къ участію въ коммиссіи всѣхъ наиболѣе выдающихся экономистовъ и публицистовъ, такъ или иначе трудившихся надъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Судя по офиціальнымъ отчетамъ и словамъ самого Луи Блана, приглашены были слѣдующія лица: Анфантенъ, Олэндъ Родригъ, Дюверье, Казо, Консидеранъ, Туссенель, Видаль, Пеккеръ, Пьеръ Леру, Жанъ Рейно, Дюпонъ Уайтъ, Ле Плэ, Дюпоти, Дюссаръ, Малармэ, Паскаль, Корбонъ, Воловскій и Эмиль де-Жирарденъ. Анфантенъ, Родригъ Жирарденъ и Леру по разнымъ причинамъ, однако, не приняли участія въ работахъ коммиссіи.

Когда были произведены выборы отъ рабочихъ, то Луи Бланъ предложилъ въ засѣданіи 10 марта собравшимся рабочимъ деле-

гатамъ выбрать 10 человѣкъ для участія въ постоянной работѣ коммиссіи, прибавивъ, что по спеціальнымъ вопросамъ, касающимся рабочихъ той или иной профессіи, коммиссія будетъ входить въ сношенія съ делегатами этой профессіи. По предложенію одного изъ участниковъ, эти 10 человѣкъ были избраны посредствомъ жребія. Въ засѣданіи 17 марта Луи Бланъ сдѣлалъ такое же предложеніе собравшимся делегатамъ отъ предпринимателей. Предприниматели послѣдовали примѣру рабочихъ и жребіемъ выбрали 10 человѣкъ. Послѣ этого, какъ гласитъ протоколъ засѣданія коммиссіи 20 марта, коммиссія составилась изъ 20 избранныхъ жребіемъ делегатовъ отъ рабочихъ и предпринимателей и приглашенныхъ Луи Бланомъ публицистовъ и ученыхъ. Дѣятельное участіе въ работахъ коммиссіи принялъ, конечно, кромѣ предсѣдателя и вице-предсѣдателя, секретарь коммиссіи. Секретаремъ былъ назначенъ Франсуа Видаль.

Самъ Луи Бланъ, повидимому, считалъ съ 18 марта составъ коммиссіи достаточно опредѣлившимся. По крайней мѣрѣ, послѣ этого, онъ больше не дѣлалъ попытокъ обновить или расширить ея составъ. Между тѣмъ въ современной печати мы встрѣчаемъ жалобы на то, что далеко не всѣ стороны современной экономической жизни нашли своихъ представителей въ коммиссіи, что, напримѣръ, тамъ нѣтъ представителей отъ рабочихъ въ департаментахъ, и совсѣмъ не представлены интересы сельскаго хозяйства *). Одновременно съ Люксембургской коммиссіей возникли въ нѣкоторыхъ городахъ сходныя съ ней учрежденія. Напримѣръ, въ Ліонѣ возникла коммиссія организаціи труда, устроенная по образцу Люксембургской и продержавшаяся до марта 1849 года. Въ Марселѣ коммиссаръ временнаго правительства Эмиль Олливье тоже учредилъ коммиссію изъ рабочихъ. Аналогичныя явленія можно было наблюдать въ Лиллѣ, Крезо и другихъ мѣстахъ. Но Люксембургская коммиссія не вступала ни въ какія отношенія съ этими организаціями. Мало того, о допущеніи въ Люксембургскую коммиссію просили представители земледѣльческаго конгресса, собравшагося въ Парижѣ 1 марта, и представители управленія сберегательными кассами. Они заручились даже согласіемъ временнаго правительства **). Но Луи Бланъ остался глухъ къ ихъ желаніямъ.

Образованная такимъ образомъ комиссія, согласно плану Луи Блана, имѣла двоякаго рода засѣданія: а) закрытыя засѣданія, въ которыхъ принимали участіе избранные жребіемъ 20 делегатовъ и приглашенные публицисты и ученые, и гдѣ предварительно обсуждались предполагаемыя преобразованія; на эти собранія былъ даже закрытъ доступъ представителямъ печати ***); б) открытыя

*) См. „Démocratie pacifique“, 22 avril, 1848.

**) См. „Presse“, 7 et 9 mars, 1848.

***) См., напр., „Le Peuple Constituant“, 28 mars, 1848.

засѣданія, куда собирались всѣ делегаты отъ рабочихъ или отъ предпринимателей (тѣ и другіе вмѣстѣ не собирались ни разу) для выслушанія отчета о дѣятельности коммиссіи. Здѣсь Луи Бланъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ развивалъ свои идеи объ организаціи труда. Въ «Moniteur'ѣ» помѣщены отчеты о 4 засѣданіяхъ постоянной комиссіи—3, 5, 13 и 20 марта. Кромѣ того, Консидеранъ упоминаетъ въ своей газетѣ о засѣданіи 22 марта. Судя по оффиціальнымъ отчетамъ, общихъ собраній было семь: 1, 10, 19 марта. 3 и 27 апрѣля были собранія делегатовъ рабочихъ, 2 и 17 марта собранія делегатовъ предпринимателей. Кромѣ того, общее собраніе делегатовъ отъ рабочихъ происходило 28 марта, какъ это засвидѣтельствовано отчетомъ слѣдственной коммиссіи *). Дѣятельность коммиссіи продолжалась до половины мая. Когда собралось учредительное собраніе, Луи Бланъ и Альберъ въ засѣданіи 9 мая отказались отъ званія предсѣдателя и вице-предсѣдателя коммиссіи. Коммиссія, однако, продолжала свое существованіе. Но настроеніе большинства учредительнаго собранія было слишкомъ враждебно по отношенію къ ней, и демонстрація 15 мая послужила достаточнымъ поводомъ для ея закрытія. Съ 16 мая Люксембургская коммиссія больше не существовала. Любопытно, что не было даже издано декрета о ея распущеніи. Делегатовъ просто перестали пускать во дворецъ.

II.

Познакомившись съ устройствомъ Люксембургской коммиссіи, мы можемъ теперь приступить къ изученію ея дѣятельности. Въ ея дѣятельности, говоритъ Луи Бланъ, «надо различать доктрины, которыя излагались, какъ конечная цѣль стремленій, и мѣры чисто переходнаго характера, которыя предлагались, какъ немедленно осуществимыя» **). «Доктрины» излагалъ самъ предсѣдатель коммиссіи въ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ на общихъ собраніяхъ делегатовъ. Рѣчи Луи Блана представляютъ развитіе принциповъ, высказанныхъ имъ раньше въ «Организаціи труда». Мы находимъ въ нихъ и страстную критику системы laissez faire, основанной на конкуренціи и всеобщемъ антагонизмѣ, и ссылки на исторію Англіи, и вѣру въ ассоціаціи, и порученіе государству провести въ жизнь новые соціальные принципы, и ученіе о свободѣ, какъ не только о правѣ, но и о возможности развитія своихъ способностей, и т. д. Отличіе состоитъ только въ томъ пути, который указываетъ Луи Бланъ государству. Вмѣсто займа, который долженъ составить національный фондъ, и на который должны

---

*) Rapport de la commission d'enquête I, 118 sqq.
**) Hist. de la rév de 1848, I, 157.

быть содержимы соціальныя мастерскія, онъ рекомендуетъ взять въ руки государства только тѣ предпріятія, которыя ему добровольно передадутъ сами предприниматели за опредѣленную ренту. Идеи, высказанныя Луи Бланомъ въ его рѣчахъ, имѣли непосредственное вліяніе на труды Люксембургской коммиссіи.

Труды эти были двухъ родовъ. Во-первыхъ, она проектировала или осуществила рядъ временныхъ мѣропріятій, которыя немедленно должны были внести нѣкоторое облегченіе въ положеніе рабочихъ. Во-вторыхъ, она вырабатывала обширный проектъ соціальныхъ реформъ, проведеніе котораго въ жизнь должно было способствовать постепенному преобразованію современнаго общественнаго строя въ духѣ соціалистическихъ идеаловъ.

Посмотримъ сначала, что пыталась сдѣлать коммиссія для того, чтобы улучшить немедленно положеніе рабочихъ. Настроеніе парижскихъ рабочихъ въ моментъ открытія коммиссіи было очень возбужденное. Луи Бланъ, открывая первое засѣданіе коммиссіи 1 марта, сказалъ въ своей вступительной рѣчи, что одна изъ задачъ коммиссіи «выслушать наиболѣе неотложныя требованія рабочихъ и удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны справедливыми» *). Въ отвѣтъ на это нѣкоторые делегаты, по очереди, входили на каѳедру и высказывали желанія рабочихъ. На двухъ требованіяхъ они особенно настаивали, требуя ихъ немедленнаго осуществленія. Они требовали уменьшенія рабочаго дня и уничтоженія передачи работы предпринимателями подрядчикамъ (marchandage), занимающимся эксплуатаціей рабочихъ. Они категорически заявляли, что работа не возобновится, пока эти ихъ требованія не будутъ удовлетворены. Луи Бланъ всѣми силами старался внушить рабочимъ необходимость терпѣнія, призывалъ къ ихъ патріотизму и преданности республикѣ. Ему помогалъ въ этомъ прибывшій въ это время въ Люксембургскій дворецъ Араго. И съ большимъ трудомъ удалось имъ, наконецъ, побѣдить упрямство рабочихъ и уговорить ихъ разойтись. Немедленно послѣ этого онъ разослалъ приглашеніе виднѣйшимъ представителямъ предпринимателей собраться на слѣдующій день въ Люксембургскомъ дворцѣ. Собраніе состоялось 2 марта въ 8 часовъ утра. Луи Бланъ изложилъ предпринимателямъ требованія рабочихъ и предложилъ имъ высказаться по этому поводу. Вопросъ о системѣ подрядовъ подвергся обстоятельному обсужденію, и предприниматели вполнѣ согласились съ желательностью ихъ отмѣны. Вопросъ о продолжительности рабочаго дня былъ затруднительнѣе, и Луи Бланъ не обманывалъ себя въ его трудности. Онъ самъ опасался, что сокращеніе рабочаго дня вредно отразится на производствѣ и приведетъ къ вздорожанію продуктовъ **). Но собравшіеся предпри-

*) Le droit au travail, I, 6.

**) См. рѣчь 10 марта. Le droit au travail I, 33.

ниматели не возражали и противъ этого требованія. Они указали, что въ настоящее время въ Парижѣ существуетъ 11-часовой рабочій день, а въ департаментахъ—12-часовой, и что сокращеніе рабочаго дня на 1 часъ вполнѣ возможно. Послѣ этого собраніе разошлось, и, по предложенію Луи Блана, въ тотъ же день временное правительство подписало декретъ, которымъ оно устанавливало 10-часовой рабочій день для Парижа и 11-часовой — для департаментовъ и запрещало эксплуатацію рабочихъ подрядчиками (marchandage) съ оговоркой, что подъ это запрещеніе не подходитъ сдача работъ рабочимъ ассоціаціямъ *).

Декретъ, изданный временнымъ правительствомъ, однако, не удовлетворилъ обѣихъ сторонъ, и отношенія между предпринимателями и рабочими остались враждебными. Большинство предпринимателей отказалось подчиниться декрету или заставляло рабочихъ работать болѣе продолжительный срокъ, или предпочитало вовсе закрывать свои промышленныя заведенія, не желая подчиняться новымъ условіямъ труда. Съ другой стороны, и рабочіе считали уступку, сдѣланную имъ, слишкомъ ничтожной. Они осаждали своими требованіями Люксембургскую коммиссію, требуя 9 часового рабочаго дня и установленія таксы заработной платы, а для того, чтобы добиться повышенія платы, часто прибѣгали къ стачкамъ и прекращенію работы **). Промышленный кризисъ, разразившійся еще до февральской революціи, былъ усугубленъ самой революціей и дѣлалъ особенно затруднительной всякую примирительную политику. Поэтому Луи Бланъ принужденъ былъ нѣсколько разъ издавать прокламаціи, въ которыхъ указывалъ на необходимость исполнять этотъ декретъ ***). Наконецъ, по его предложенію временное правительство издало два декрета 21 марта и 4 апрѣля, въ которыхъ устанавливало наказаніе штрафомъ и заключеніемъ въ тюрьму за нарушеніе декрета 2 марта ****).

Вслѣдъ за декретомъ объ уменьшеніи рабочаго дня и уничтоженіи подрядовъ, Луи Бланъ постарался принять мѣры для того, чтобы найти заработокъ громадному числу безработныхъ. Съ этой цѣлью онъ проектировалъ открытіе справочныхъ конторъ, гдѣ бы могли записываться всѣ ищущіе работы, и куда бы обращались для найма предприниматели. Такого рода конторы существовали въ Парижѣ, но это были частныя предпріятія, хозяева которыхъ облагали записывавшихся рабочихъ значительными взносами за запись. По предложенію Луи Блана, временное правительство учредило декре-

*) См. по поводу всего этого Le droit au travail, I, 5—11.

**) См., напр., Presse 8 et 9 mars, „Le Peuple Constituant", 16 mars, „La Démocratie pacifique" 18 mars, „Le Siècle" 25 mars, „L'Assemblée Nationale", 26 mars etc.

***) См. прокламаціи 4, 5, 10 и 16 марта въ „Moniteur'ѣ" за соотвѣтствующіе дни.

****) См. „Moniteur", 22 mars et 5 avril.

томъ 8 марта безплатныя конторы въ каждой парижской мэріи. Въ этихъ конторахъ должны были вестись статистическія таблицы спроса и предложенія труда, что должно было облегчить рабочимъ пріисканіе заработка *).

Одну изъ причинъ пониженія заработной платы рабочіе видѣли въ той конкуренціи, которую имъ оказывалъ трудъ въ тюрьмахъ, монастыряхъ и казармахъ. Работающіе тамъ пользовались безплатно жилищемъ и пищей и потому могли брать за произведенія своего труда очень низкую плату. Благодаря этому, невольно понижалась плата свободныхъ рабочихъ. Особенно сильна была конкуренція въ швейномъ дѣлѣ, процвѣтавшемъ въ религіозныхъ братствахъ и монастыряхъ, вслѣдствіе чего обычная поденная плата швеи-работницы упала до 35 сантимовъ. Поэтому рабочіе требовали запрещенія подобнаго рода конкуренціи и ежедневно представляли заявленія въ этомъ духѣ въ Люксембургскую коммиссію. Луи Бланъ внялъ ихъ просьбамъ и 13 марта собралъ коммиссію для того, чтобы обсудить ихъ желанія. Изложивъ просьбы рабочихъ, онъ указалъ на ихъ тяжелое положеніе въ данный моментъ вслѣдствіе кризиса и находилъ справедливымъ, чтобы «люди, находящіеся въ исключительныхъ условіяхъ и не имѣющіе нужды въ трудѣ, чтобы жить, уступили работу тѣмъ, для кого трудъ есть жизнь» **). Присутствующіе члены коммиссіи согласились съ аргументами, высказанными Луи Бланомъ. Нѣкоторыя возраженія представилъ одинъ Консидеранъ. 24 марта былъ изданъ соотвѣтственный декретъ временнаго правительства, который запрещалъ трудъ въ тюрьмахъ и казармахъ. Контракты, заключенные предпринимателями, объявлялись уничтоженными, и соотвѣтственные суды должны были разобрать тѣ случаи, въ которыхъ государство обязано было выплатить предпринимателямъ вознагражденіе. На будущее время всѣ работы въ тюрьмахъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и религіозныхъ обществахъ должны быть поставлены въ такія условія, чтобы вредная конкуренція съ свободной промышленностью была невозможна ***).

Добившись уничтоженія конкуренціи со стороны тюремъ и казармъ, рабочіе начали приписывать низкую заработную плату конкуренціи иностранныхъ рабочихъ, находившихся во Франціи въ большомъ числѣ. Въ различныхъ городахъ вспыхнули даже безпорядки, причиной которыхъ являлось стремленіе удалить иностранныхъ рабочихъ. Въ Парижѣ 2 апрѣля съ этой цѣлью произошла большая демонстрація, во время которой рабочіе кричали: «долой иностранцевъ!» Луи Бланъ былъ глубоко возмущенъ такимъ поведеніемъ рабочихъ. Ихъ требованіе настолько противорѣчило чув-

---

*) „Moniteur", 9 mars.

**) Le droit au travail, I, 42—43.

***) См. Moniteur, 25 mars.

ству справедливости и настолько расходились съ громко провозглашаемымъ девизомъ февральской революціи: свободой, равенствомъ и братствомъ, что онъ не только не счелъ возможнымъ удовлетворить желанія рабочихъ, но даже счелъ необходимымъ оказать на нихъ давленіе въ обратномъ направленіи. По его предложенію 8 апрѣля временное правительство издало прокламацію къ рабочимъ, въ которой указывало, что подобныя мѣры противъ иностранцевъ не только вредны, но и безчестны *).

Антагонизмъ между предпринимателями и рабочими особенно обострился подъ вліяніемъ кризиса, и мы видѣли, что, съ одной стороны, предприниматели закрывали мастерскія, съ другой—рабочіе часто прибѣгали къ забастовкамъ для повышенія платы. Примирительныхъ камеръ, которыя могли бы устроить соглашеніе между обѣими сторонами, въ это время не существовало. Совѣты свѣдущихъ людей (couseils des prudhommes), учрежденные Наполеономъ въ 1809 г., должны были бы удовлетворять этой цѣли, но они не имѣли въ своемъ составѣ представителей отъ рабочихъ, и внушали рабочимъ недовѣріе. Поэтому рабочіе обращались со всѣми своими жалобами исключительно къ Люксембургской коммиссіи. Постоянные призывы Луи Блана къ умѣренности и терпѣнію склонили въ свою очередь и предпринимателей въ ихъ столкновеніяхъ съ рабочими обращаться къ содѣйствію коммиссіи. Луи Бланъ охотно отозвался на новую задачу, которую возлагали на коммиссію, и Люксембургская коммиссія стала фигурировать въ роли верховнаго трибунала въ спорахъ между предпринимателями и рабочими.

Уже 8 марта къ Луи Блану явились делегаты отъ владѣльцевъ омнибусовъ и наемныхъ экипажей, съ одной стороны, и отъ кучеровъ и кондукторовъ—съ другой, прося его посредничества. Послѣ трехчасовыхъ преній Луи Бланъ, къ общему удовлетворенію, установилъ соглашеніе, добившись повышенія заработной платы, уменьшенія штрафовъ за проступки и образованія изъ вносимыхъ штрафовъ кассы для вспомоществованія въ случаѣ нужды **). 25 марта онъ устроилъ примиреніе рабочихъ съ хозяевами въ механическихъ мастерскихъ Деронъ и Кайль въ Парижѣ и Фарко въ С.-Уанѣ ***). 29 марта утромъ Парижъ едва не проснулся безъ хлѣба. Рабочіе въ булочныхъ категорически отказывались продолжать работу, если ихъ тяжелое положеніе не будетъ немедленно улучшено. Нѣсколько тысячъ изъ нихъ пришли въ Люксембургскій дворецъ, чтобы заявить о своемъ рѣшеніи. Туда же въ испугѣ сбѣжались въ значительномъ числѣ и хозяева булочныхъ. Благодаря вмѣшательству Люксембургской коммиссіи, обѣ стороны согласились вы-

*) Moniteur, 9 avril.
**) Moniteur, 9 mars.
***) Moniteur, 25 et 26 mars.

брать изъ своей среды делегатовъ для того, чтобы добиться взаимнаго соглашенія. Цѣль была достигнута, обѣ стороны установили опредѣленный тарифъ, и рабочіе немедленно взялись за работу, такъ что никто въ городѣ не замѣтилъ забастовки. Одновременно съ этимъ вспыхнула другая забастовка, не менѣе непріятная для парижскаго населенія. Городъ еще не былъ вполнѣ приведенъ въ порядокъ послѣ баррикадъ въ февральскіе дни, и движеніе экипажей не было свободно. Между тѣмъ рабочіе, мостившіе улицы, прекратили работу и потребовали увеличенія заработной платы. При содѣйствіи Люксембургской коммиссіи, однако, 1 апрѣля состоялось соглашеніе между рабочими и ихъ предпринимателями, и работа возобновилась *). Скоро послѣ этого Люксембургская коммиссія сумѣла прекратить забастовку кровельщиковъ, работавшихъ надъ новымъ помѣщеніемъ для учредительнаго собранія **). Успѣхъ такого рода примирительной дѣятельности Люксембургской коммиссіи привелъ къ тому, что къ ней постоянно обращались съ подобнаго рода просьбами. Мы знаемъ, что она, кромѣ того, прекратила недоразумѣнія съ хозяевами и забастовки рабочихъ обойныхъ мастерскихъ (31 марта), чистильщиковъ выгребныхъ ямъ (5 апрѣля), кузнецовъ (7 апрѣля), рабочихъ свинцовыхъ и цинковыхъ мастерскихъ, кучеровъ наемныхъ экипажей (13 апрѣля), каменоломовъ (29 апрѣля), выгрузчиковъ (1 мая). Протоколы всѣхъ перечисленныхъ соглашеній частью напечатаны въ Moniteur'ѣ, частью приложены Луи Бланомъ къ его «Исторіи революціи 1848 г.». Любобытно, что хозяева первые обыкновенно обращались за помощью къ Люксембургской коммиссіи. Примирительная работа коммиссіи была чрезвычайно обширна, и во многихъ случаяхъ мѣсто Луи Блана, который былъ слишкомъ занятъ, занималъ Видаль. Коммиссія, дѣйствительно, имѣла право утверждать, что «хозяева и рабочіе различными дорогами идутъ въ Люксембургскій дворецъ, но выходятъ оттуда почти всегда вмѣстѣ» ***).

Несмотря на энергію, съ которой Луи Бланъ при содѣйствіи Альбера и Видаля старался различными временными мѣрами, какъ мы видѣли, помочь тяжелому положенію рабочихъ, единственнымъ дѣйствительнымъ способомъ для помощи, въ его глазахъ, оставалось устройство производительныхъ рабочихъ ассоціацій. По его мнѣнію, иниціативу въ этомъ дѣлѣ должно было взять на себя государство, но категорическій отказъ учредить министерство труда заставилъ его разочароваться въ возможности перейти къ практическому примѣненію своихъ идей. Однако потомъ два обстоятельства навели его на соображеніе, что можно попытаться хотя бы отчасти осуществить свои планы. Во-первыхъ, временное правитель-

*) Moniteur, 2 avril.
**) Le droit au travail, I, 122.
***) Le droit au travail, I, 123.

ство постановило, что всѣмъ національнымъ гвардейцамъ, кто не въ состояніи будетъ по бѣдности сшить себѣ форму, она будетъ заказана на счетъ государства *). Во-вторыхъ, оно уничтожило заключеніе въ тюрьму за долги, и, такимъ образомъ, тюрьма Клиши, служившая прежде этой цѣли, была теперь свободна. Эти два обстоятельства привели Луи Блана къ заключенію, что для исполненія заказа на форму національной гвардіи можно учредить ассоціацію рабочихъ и въ мастерскую обратить тюрьму Клиши. Онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ делегатовъ отъ корпораціи рабочихъ-портныхъ, Берара, о популярности котораго среди товарищей онъ зналъ раньше. На вопросы Луи Блана, возможно ли устроить ассоціацію среди портныхъ, Берарь отвѣтилъ, что сейчасъ есть около 2000 портныхъ, которые съ удовольствіемъ организовали бы ассоціацію, но препятствіемъ, съ одной стороны, является отсутствіе въ ихъ рукахъ орудій труда и капитала, съ другой,—конкуренція магазиновъ готоваго платья, страшно сбивающихъ цѣну на трудъ портныхъ. Но когда Луи Бланъ ему сказалъ, что государство можетъ сдѣлать портнымъ большой заказъ, то Берарь пришелъ въ восторгъ и обѣщалъ немедленно заняться устройствомъ ассоціацію. Дѣло очень скоро устроилось, и во главѣ возникшей ассоціаціи стали Берарь и другіе два делегата отъ портныхъ. Въ Люксембургской коммиссіи Луи Бланъ добился отъ временнаго правительства заказа 110.180 мундировъ и шароваръ для національной гвардіи. Рабочіе были снабжены матеріаломъ, тюрьма Клиши была обращена въ мастерскую, и съ 28 марта новая ассоціація начала тамъ работу. Въ основу ассоціаціи былъ положенъ уставъ, содержавшій развитіе принциповъ «Организаціи труда». Луи Бланъ убѣдилъ рабочихъ въ необходимости установить въ новой «соціальной мастерской» полное равенство вознагражденія. Заработная плата была опредѣлена по 2 франка въ день. Прибыль, которую сверхъ того могли получить участники ассоціаціи, рѣшено было дѣлить на двѣ части: одну распредѣлять поровну между участниками, другую оставлять для образованія резервнаго фонда. Выборное жюри должно было смотрѣть за порядкомъ. Управленіе было поручено выборной административной коммиссіи, контроль—особой испытательной коммиссіи. Представителемъ Люксембургской коммиссіи при ассоціаціи былъ 14 апрѣля назначенъ Эдмондъ Фроссаръ. 5 апрѣля въ мастерской было около 800 рабочихъ, но въ концѣ апрѣля количество ихъ уже достигало 1.200. Въ началѣ дѣло не обошлось безъ затрудненій. Число рабочихъ было слишкомъ велико сравнительно съ имѣвшейся работой. Національные гвардейцы постоянно являлись группами въ мастерскую и требовали своей обмундировки. Администрація плохо справлялась съ своей задачей. Но, мало-по-малу, дѣло вошло въ

*) См. Moniteur 16 mars.

норму, и уже въ концѣ перваго мѣсяца ассоціація реализовала некоторую, хотя и незначительную, прибыль. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыль, причитавшаяся ея участникамъ, все еще не превышала 15 сантимовъ на 2 франка поденной платы, несмотря на то, что рабочій день продолжался 10 часовъ.

Вслѣдъ за ассоціаціей портныхъ Луи Бланъ устроилъ ассоціацію сѣдельниковъ. Онъ воспользовался для этого запрещеніемъ труда въ казармахъ въ силу декрета 24 марта и уговорилъ временное правительство передать заказъ части сѣделъ, которыя должны были быть сдѣланы въ военной мастерской въ Сомюрѣ, въ руки рабочихъ-сѣдельниковъ въ Парижѣ. Этотъ заказъ далъ возможность сѣдельникамъ тоже сплотиться въ ассоціацію. Въ основу ея устройства были положены тѣ же принципы, что́ и въ ассоціацію портныхъ. Обмундировка національной гвардіи облегчила Луи Блану образованіе еще третьей ассоціаціи—прядильщиковъ. Не безъ труда побѣдилъ Луи Бланъ сопротивленіе мэра Парижа Марраста, подозрительно относившагося къ затѣямъ своего коллеги. 26 марта городъ заключилъ контрактъ съ ассоціаціей прядильщиковъ и передалъ ей заказъ на 100.000 эполетъ, необходимыхъ для обмундировки національной гвардіи. При содѣйствіи Луи Блана ассоціація вошла для исполненія этого заказа въ соглашеніе съ делегатами отъ корпораціи позументщиковъ и получила отъ учетной конторы временную ссуду въ 12.000 франковъ.

Такимъ образомъ, для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ рабочихъ, Люксембургская коммиссія принимала слѣдующія мѣры: она настояла на изданіи нѣсколькихъ законовъ для охраны труда, выступала въ качествѣ посредницы при столкновеніяхъ предпринимателей и рабочихъ и покровительствовала учрежденію рабочихъ ассоціацій.

Декреты, издаваемые по предложенію коммиссіи, имѣли мало успѣха. Несмотря на наказанія, установленныя за нарушеніе декрета 2 марта, онъ продолжалъ нарушаться, а послѣ іюньскихъ дней былъ немедленно отмѣненъ учредительнымъ собраніемъ. Декретъ 8 марта объ устройствѣ безплатныхъ конторъ для пріисканія труда остался только на бумагѣ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Декретъ 24 марта о трудѣ въ тюрьмахъ, казармахъ и религіозныхъ обществахъ остался почти безъ примѣненія. Въ казармахъ и религіозныхъ обществахъ работы продолжались. Въ тюрьмахъ, правда, онѣ были прекращены, но послѣ іюньскихъ дней и въ этомъ отношеніи вернулись назадъ, и учредительное собраніе измѣнило декретъ временнаго правительства въ такомъ духѣ, что фактически были возстановлены прежніе порядки. Такая же судьба постигла и учрежденныя при содѣйствіи Люксембургской коммиссіи ассоціаціи. Ассоціація портныхъ въ Клиши была особенно ненавистна въ правящихъ кругахъ, какъ любимое дѣтище Луи Блана. Послѣ іюньскихъ дней, несмотря на то, что члены ассоціаціи не

принимали никакого участія въ возстаніи, правительство уничтожило заключенный съ нею договоръ и уплатило ей 30.000 франковъ вознагражденія. Это нанесло сильный ударъ ассоціаціи и вскорѣ заставило ее ликвидировать дѣла. То же случилось и съ другими ассоціаціями. Тѣмъ не менѣе учрежденіе этихъ ассоціацій имѣло большое значеніе. Правда, Луи Бланъ не былъ инициаторомъ въ дѣлѣ образованія такого рода коопераций. Еще раньше проповѣдовалъ устройство ихъ Бюше, и уже во времена іюльской монархіи были сдѣланы первые опыты въ этомъ направленіи. Но дѣятельность Люксембургской коммиссіи, несомнѣнно, способствовала пробужденію самосознанія рабочаго класса и дала сильный толчекъ къ образованію множества рабочихъ ассоціацій, какъ кооперативныхъ, такъ въ особенности профессіональныхъ.

III.

Но главная задача коммиссіи заключалась не во временныхъ мѣрахъ, а въ выработкѣ проекта соціальныхъ реформъ, который долженъ былъ быть представленъ въ учредительное собраніе. Этотъ проектъ былъ законченъ ко времени закрытія коммиссіи. Онъ представляетъ собою несомнѣнный интересъ. Во-первыхъ, исторія его выработки составляетъ наименѣе извѣстную сторону дѣятельности Люксембургской коммиссіи. Во-вторыхъ, въ немъ мы встрѣчаемся съ одной изъ первыхъ попытокъ поставить на практическую почву вопросъ соціальной реформы, формулировать программу соціалистовъ въ опредѣленныхъ практическихъ требованіяхъ, выяснить, какія именно мѣропріятія были по мнѣнію соціалистовъ необходимы въ данный моментъ для торжества соціалистическихъ идеаловъ въ будущемъ. Между тѣмъ, историки 1848 года обыкновенно обращаютъ на этотъ проектъ очень мало вниманія, или вовсе не упоминая о его существованіи, или ограничиваясь двумя-тремя словами. Очень мало говоритъ о немъ и Луи Бланъ въ своей «Исторіи революціи 1848 года», а въ своихъ «Pages d'histoire» вовсе не упоминаетъ о его существованіи. Обратили на него вниманіе только Каэнъ, Левассёръ и Ренаръ *).

Проектъ этотъ составляетъ большую часть общаго изложенія (exposé général) дѣятельности Люксембургской коммиссіи, напечатаннаго въ Moniteur'ѣ 27 апрѣля, 2, 3 и 6 мая 1848 года **). Всѣ названные выше изслѣдователи говорятъ, что этотъ проектъ остался въ незаконченномъ видѣ. Дѣйствительно, въ Moniteur'ѣ отъ 6 мая въ концѣ напечатанной части проекта обѣщано въ будущемъ

---

*) *Cahen*. Louis Blanc et la commission de Luxembourg, p. 202—210. *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France, II, 366—367. *Renard*. La République de 1848 p. 272 sqq.

**) Въ сборникѣ Le droit au travail, стр. 118—183 перваго тома.

его продолженіе, а между тѣмъ это продолженіе не появилось. Въ самомъ текстѣ проекта, во введеніи, перечислены отдѣльные вопросы, о которыхъ будетъ идти рѣчь. Предположенныя имъ преобразованія должны состоять въ учрежденіи промышленныхъ и земледѣльческихъ общественныхъ мастерскихъ, въ улучшеніи способовъ обмѣна, организаціи коммерческаго кредита, преобразованіи системы страхованія, созданіи земельнаго кредита и упрощеніи ипотечной системы. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ не всѣ перечисленные вопросы. Въ текстѣ Moniteur'а нѣтъ проекта устройства промышленныхъ мастерскихъ и проекта организаціи земельнаго кредита и упрощенія ипотечной системы.

Каэнъ указываетъ именно на первый вопросъ въ доказательство того, что проектъ остался недоконченнымъ. Но отвѣтъ на замѣчаніе Каэна содержится въ самомъ текстѣ проекта. Въ введеніи авторы говорятъ, что они изложили уже планъ организаніи труда въ мастерскихъ мануфактурной промышленности и указали на возможность облегчить бѣдственное положеніе рабочихъ постройкой обширныхъ помѣщеній съ удобными жилищами для нихъ, и поэтому теперь они переходятъ къ дальнѣйшимъ желательнымъ преобразованіямъ *). Дѣйствительно, проектъ устройства рабочихъ жилищъ обсуждался въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 5 марта, а вопросъ объ организаціи труда въ промышленныхъ мастерскихъ— въ засѣданіи 20 марта, и отчеты объ этихъ засѣданіяхъ въ свое время были опубликованы въ Moniteur'ѣ 13 и 24 марта, а такъ какъ главнымъ авторомъ проекта былъ, какъ мы увидимъ дальше, секретарь коммиссіи Видаль, то, очевидно, онъ счелъ излишнимъ повторять въ общемъ изложеніи содержаніе этихъ отчетовъ, имъ же составленныхъ. Такимъ образомъ, вопросъ, поднятый Каэномъ, легко рѣшается. Что же касается окончанія проекта, которое сочтено было утеряннымъ, то оно помѣщено въ сочиненіи Видаля «Vivre en travaillant», напечатанномъ въ томъ же 1848 году. Главы VI, VII, VIII, IX и X этого сочиненія посвящены вопросу объ организаціи земельнаго кредита и преобразованіи ипотечныхъ порядковъ. Эти главы и представляютъ собой недостающую часть проекта, помѣщеннаго въ Moniteur'ѣ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ примѣчанія, сдѣланнаго авторомъ къ главѣ VI, гдѣ онъ говоритъ, что главы VI—X должны были составить часть общаго изложенія трудовъ Люксембургской коммиссіи и не были напечатаны въ Moniteur'ѣ только потому, что коммиссія была распущена **).

Такимъ образомъ, присоединивъ къ тексту, помѣщенному въ Moniteur'ѣ, отчеты о засѣданіяхъ 5 и 20 марта и указанныя главы сочиненія Видаля, мы можемъ воспроизвести проектъ Люксембургской коммиссіи въ его полномъ видѣ.

---

*) См. Le droit au travail, I, 130.
**) Назв. соч., стр. 105.

Авторы проекта начинаютъ его съ характеристики современнаго имъ состоянія экономическихъ отношеній.

За прежней эпохой землевладѣльческаго и военнаго феодализма въ новое время наступила эпоха феодализма финансоваго. Принципъ свободы промышленности и торговли привелъ къ торжеству сильныхъ и къ полному подавленію слабыхъ. Система laisser faire, провозглашенная въ эпоху революціи 1789 г., дала такіе печальные результаты, которые совершенно подорвали къ ней довѣріе. Современный экономическій порядокъ трещитъ по всѣмъ швамъ (craque de toutes parts), и общество въ томъ видѣ, какимъ его создала конкуренція и обособленіе, сдѣлалось почти невозможнымъ. И промышленность, и торговля подчинены хроническимъ безпорядкамъ, періодическимъ кризисамъ, полной непредвидѣнности. Значительная часть населенія находится въ жалкомъ состояніи. Безпрерывный трудъ ее изнуряетъ и губитъ. И въ то же время многіе, ищущіе заработка, его не находятъ и нищенствуютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чѣмъ больше развиваются всѣ слѣдствія системы laisser faire, тѣмъ болѣе ясными становятся два явленія, угрожающія современному обществу: перепроизводство и пауперизмъ. Въ настоящій моментъ положеніе дѣлъ особенно угрожающее. Многіе предприниматели раззорились, работа прекратилась на множествѣ фабрикъ. Множество рабочихъ голодаетъ, оставшись безъ заработка.

Но, къ счастью, на знамени, которое сплотило вокругъ себя народъ, написаны три безсмертныхъ слова: «свобода, равенство, братство». И эти великіе принципы даютъ намъ возможность открыть тѣ двѣ силы, которыя могутъ преобразовать существующій строй и доставить народу благосостояніе. Это—ассоціація и безкорыстное вмѣшательство государства въ экономическія отношенія. Государство, демократически устроенное, должно вмѣшиваться повсюду, гдѣ нужно уравновѣсить права и защитить интересы. Оно должно поставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія. Оно должно приступить къ ряду реформъ, основанныхъ на спасительномъ принципѣ ассоціаціи.

Во-первыхъ, государство должно остановить или уменьшить кризисъ частной промышленности. Оно должно спасти предпринимателей, покупая ихъ фабрики, когда предприниматели будутъ просить объ этомъ. Оно должно спасти и рабочихъ, давая имъ возможность продолжать свой трудъ. Съ этой цѣлью государство должно учредить общественныя мастерскія для промышленности.

Во-вторыхъ, государство должно создать новые центры труда и производства, гдѣ бы всѣ свободные и нуждающіеся рабочіе могли найти заработокъ. Для этого надо учредить въ различныхъ мѣстахъ Франціи земледѣльческія мастерскія, куда могъ бы уйти избытокъ населенія изъ промышленныхъ городовъ. Кромѣ того, надо учредить товарные склады (entrepôts) и базары для того, чтобы регулировать обмѣнъ, упростить торговлю и облегчить ея издержки, осно-

вать на новыхъ началахъ промышленный кредитъ и распространить употребленіе бумажныхъ денегъ.

Въ-третьихъ, государство должно обезпечить достаточныя средства для дѣйствія всѣхъ этихъ учрежденій. Для этого надо воспользоваться доходами съ товарныхъ складовъ и базаровъ и преобразовать банки и страховыя учрежденія въ національныя учрежденія. Кромѣ того, государство должно организовать земельный кредитъ, при помощи котораго можно было бы выкупить ипотечные долги и ссудить земледѣліе капиталами за небольшіе проценты. Такова общая схема реформъ, предполагаемыхъ Люксембургской комиссіей. Перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Уже въ планѣ было указано, что государство должно помочь затруднительному положенію промышленности и взять въ свои руки раззоряющіяся промышленныя заведенія, чтобы преобразовать ихъ въ общественныя мастерскія. Государство должно согласиться на предложенія предпринимателей, которые находятся въ тяжеломъ положеніи и желаютъ передать свои заведенія въ руки государства. Предприниматели, конечно, получатъ за это соотвѣтственное вознагражденіе. Но не будучи въ состояніи немедленно уплатить всю стоимость уступаемыхъ предпріятій, государство выпуститъ облигаціи, приносящія проценты, обезпеченныя стоимостью предпріятій и выкупаемыя посредствомъ погашенія. Рабочіе образуютъ братскую ассоціацію, и государство предложитъ на выборъ сохранить старую систему вознагражденія, основанную на неравенствѣ, *или* установитъ полное равенство заработной платы.

Какой бы способъ вознагражденія ни предпочли рабочіе, относительно распредѣленія прибыли надо держаться слѣдующаго правила. За вычетомъ заработной платы, процента на капиталъ и издержекъ производства, остальная прибыль дѣлится на четыре части: одна часть назначается на погашеніе капитала прежняго владѣльца предпріятія, другая—на устройство фонда вспомоществованія старикамъ, больнымъ, раненымъ и т. п., третья поровну дѣлится между рабочими, четвертая образуетъ особый резервный фондъ. Такимъ образомъ, осуществится ассоціація въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Слѣдующій шагъ будетъ состоять въ примѣненіи принципа ассоціаціи ко всѣмъ предпріятіямъ одного и того же рода промышленности. Для этого надо будетъ опредѣлять стоимость производимыхъ товаровъ самимъ производителямъ и, прибавляя необходимую прибыль, достигнуть одинаковой цѣны на товары во всѣхъ мастерскихъ, чтобы помѣшать возникновенію между ними конкуренціи.

Когда солидарность между всѣми предпріятіями одного рода промышленности будетъ достигнута, тогда государство приступитъ къ высшей цѣли стремленій, къ осуществленію солидарности между различными родами промышленности, между всѣми членами общества. Для этого надо будетъ вычислять общую сумму прибыли въ

каждомъ родѣ промышленности и дѣлить ее поровну между всѣми рабочими данной промышленности. Кромѣ того, изъ резервныхъ фондовъ, которые возникнутъ въ каждой ассоціаціи, образовать общій фондъ вспомоществованія между всѣми родами промышленности. Въ такомъ случаѣ, если наступитъ кризисъ въ промышленности одного рода, то можно будетъ прибѣгнуть къ помощи того рода промышленности, гдѣ будетъ оживленіе. Распредѣленіе этого капитала, принадлежащаго всему обществу, будетъ поручено административному совѣту, который будетъ поставленъ во главѣ всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ. Руководство отдѣльными родами промышленности будетъ возложено на особыхъ инженеровъ, назначенныхъ государствомъ. Окончательная цѣль ассоціаціи будетъ достигнута постепенно. Государство никого не будетъ принуждать. Оно создастъ свой образецъ организаціи труда въ видѣ общественныхъ мастерскихъ. На ряду съ ними будутъ дѣйствовать частныя ассоціаціи и существующая индивидуалистическая организація. Но общественныя мастерскія будутъ обладать такой притягательной силой, что мало-по-малу всѣ другія предпріятія переорганизуются по ихъ образцу.

Частныя предпріятія очень мало интересовали заправилъ Люксембургской коммиссіи. Они были настолько увѣрены въ близкомъ и неизбѣжномъ торжествѣ соціалистической организаціи производства надъ индивидуалистической, что не находили нужнымъ прибѣгать къ вмѣшательству государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими сверхъ тѣхъ временныхъ мѣръ, о которыхъ мы говорили выше. Единственной мѣрой, направленной прямо къ улучшенію участи рабочихъ въ частныхъ предпріятіяхъ, былъ проектъ о постройкѣ особыхъ домовъ для рабочихъ, обсуждавшійся въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 5 марта. Проектъ рекомендовалъ выстроить въ четырехъ наиболѣе населенныхъ кварталахъ Парижа по большому дому, который могъ бы вмѣстить приблизительно 400 рабочихъ семействъ. Постройка каждаго такого дома обойдется въ 1 милліонъ. Для того, чтобы осуществить такія постройки, государство должно выпустить заемъ на соотвѣтственную сумму. Долгъ будетъ гарантированъ залогомъ самихъ домовъ. Такъ какъ предпріятіе окажется для государства выгоднымъ, то въ скоромъ времени число такихъ домовъ возрастетъ и сможетъ удовлетворить потребность въ здоровомъ и дешевомъ жилищѣ у всего рабочаго населенія.

Печальныя слѣдствія системы laisser faire сказываются не только въ промышленности. Эта система отражается гибельно во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности, и спасительное вмѣшательство государства должно бороться повсюду съ этими слѣдствіями.

Земледѣліе находится въ нѣсколько болѣе привилегированномъ положеніи сравнительно съ промышленностью. Оно позволяетъ уста-

новить постоянную пропорцію между производствомъ и потребленіемъ и увеличивать количество производимыхъ продуктовъ безъ опасенія перепроизводства. Однако, несмотря на это преимущество земледѣлія, и въ этой области предъ демократическимъ государствомъ обширное поле для работы.

Франція не страдаетъ отъ избытка населенія, но населеніе очень неравномѣрно распредѣлено по территоріи. Государство должно избыткомъ городского населенія заселить пустыя поля и направить свободныя рабочія силы на земледѣльческій трудъ. Это выселеніе рабочихъ, не находящихъ себѣ заработка въ городахъ, уменьшитъ предложеніе труда и подниметъ заработную плату въ городахъ. А при помощи свободныхъ рабочихъ рукъ государство основетъ земледѣльческія колоніи. Такія земледѣльческія колоніи будутъ теоретическими и практическими школами земледѣлія. Эти колоніи не только обезпечатъ право на трудъ, но и дадутъ рабочимъ возможность пользоваться и продуктами труда, и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ.

На устройство земледѣльческихъ колоній потребуется сумма въ 100 милліоновъ франковъ. Сначала будетъ по одной колоніи въ каждомъ департаментѣ, а затѣмъ число ихъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности. Каждая колонія составится приблизительно изъ ста рабочихъ семей. Во главѣ ея будетъ стоять агрономъ, представляющій интересы государства и руководящій работами. Онъ назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ. Когда колонія будетъ въ разгарѣ дѣятельности и ея члены сойдутся другъ съ другомъ, то должностныя лица будутъ назначаться изъ кандидатовъ, указанныхъ самими колонистами. Одну треть колонистовъ составятъ земледѣльцы, другую треть—ремесленники, профессіи которыхъ непосредственно касаются земледѣлія или вообще являются необходимыми (кузнецы, шорники, каменщики, плотники, портные, сапожники и т. д.), наконецъ, третью составятъ фабричные рабочіе, переселившіеся изъ городовъ.

Для допущенія въ колоніи будетъ требоваться знаніе ремесла и безукоризненная честность и нравственность. Пріемомъ будетъ завѣдывать административный комитетъ изъ 15 членовъ, выбранныхъ колонистами подъ предсѣдательствомъ директора колоніи. Комитетъ будетъ обсуждать всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся ассоціаціи, и наблюдать за отчетностью и веденіемъ дѣлъ. Колонисты будутъ жить въ обширномъ зданіи, въ которомъ у каждой семьи за умѣренную цѣну будетъ отдѣльная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Кромѣ того, въ этомъ зданіи будутъ для общаго пользованія залъ для собраній, читальный залъ, библіотека, дѣтскій пріютъ, безплатная школа, общая кухня и т. д.

Спекуляція между членами ассоціаціи будетъ запрещена. Въ колоніи не будетъ ни лавокъ, ни купцовъ. Всѣ продукты будутъ закупаться оптомъ администраціей и продаваться по покупной

цѣнѣ. Распредѣленіе прибыли будетъ производиться слѣдующимъ образомъ. Изъ валового дохода колоніи сначала вычтутъ заработную плату. Эта плата будетъ одинакова для рабочихъ одной и той же категоріи, но категорій можетъ быть нѣсколько. Для того, чтобы опредѣлить высоту заработной платы, за minimum будетъ принята средняя заработная плата въ настоящее время въ каждой профессіи и въ каждой области. Этотъ minimum будетъ гарантированъ рабочимъ и въ случаѣ убытковъ будетъ выплачиваться изъ резервнаго фонда. Прибыль, которая останется за вычетомъ стоимости издержекъ производства и процента на ссуженный капиталъ, будетъ дѣлиться на четыре части точно такъ же, какъ въ мастерскихъ для промышленности.

Таково будетъ устройство земледѣльческой колоніи. Колонисты будутъ заниматься и земледѣліемъ, и мануфактурной промышленностью, но земледѣліе останется все таки главнымъ базисомъ хозяйственной жизни колоніи. Благодаря такому сочетанію, имъ можно будетъ разнообразить трудъ, переходя отъ одного занятія къ другому. Между всѣми земледѣльческими колоніями и вообще между всѣми общественными мастерскими должна установиться тѣсная солидарность. Мастерскія будутъ обмѣниваться взаимными услугами, и тогда каждая мастерская будетъ производить по преимуществу такіе продукты, которые для нея будутъ особенно выгодны, въ силу ли географическихъ особенностей положенія, или въ силу спеціальныхъ талантовъ населенія. Государство, въ качествѣ верховнаго руководителя, будетъ завѣдывать распредѣленіемъ труда и поддерживать равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ.

Система полной свободы въ экономическихъ отношеніяхъ привела къ гибельнымъ послѣдствіямъ не только въ промышленности и земледѣліи, но и въ торговлѣ Торговля, конечно, не является источникомъ народнаго богатства. Она не создаетъ цѣнностей, она ихъ только перемѣщаетъ. Тѣмъ не менѣе, купцы исполняютъ въ обществѣ полезную функцію. Они служатъ посредниками между производителями и потребителями и, какъ таковые, имѣютъ законное право на вознагражденіе. Но въ настоящее время въ торговлѣ царитъ полная анархія и безчисленныя злоупотребленія: обманы, поддѣлка, спекуляція, стремленіе къ чрезмѣрной прибыли, ложащееся тяжелой данью и на производителя, и на потребителя. Государство должно поэтому своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ такому положенію дѣлъ и вернуть торговлю къ ея нормальной функціи.

Съ этой цѣлью государство должно учредить товарные склады (entrepôts) для различнаго рода товаровъ. Завѣдывать ими будутъ спеціальныя должностныя лица. Всякій производитель будетъ имѣть право помѣщать въ такихъ складахъ свои продукты, получая въ обмѣнъ расписку (récépissé) или варрантъ съ обозначеніемъ количества, качества и цѣны помѣщенныхъ товаровъ. Такой варрантъ,

передаваемый при помощи индоссамента, будетъ удостовѣрять право собственности на товаръ. Государство будетъ отвѣчать за сохранность товаровъ и по требованію владѣльца варранта возвращать ихъ натурой или уплачивать ихъ стоимость. Подъ залогъ такихъ варрантовъ банки могутъ выдавать ссуды, и сами варранты будутъ легко обращаться въ коммерческомъ мірѣ, какъ кредитные знаки, такъ какъ каждый варрантъ будетъ обезпеченъ соотвѣтственнымъ количествомъ продуктовъ въ складѣ.

Кромѣ того, въ различныхъ кварталахъ Парижа надо учредить для продажи товаровъ базары. Они будутъ открыты для всѣхъ потребителей. Качество товаровъ будетъ подвергаться экспертизѣ, благодаря чему обманъ сдѣлается невозможнымъ. Завѣдывать ими также будетъ государство и сверхъ цѣны, назначенной фабрикантомъ, будетъ взимать 5% стоимости товара въ свою пользу на покрытіе издержекъ по устройству базаровъ. Каждые 15 дней будетъ сводиться счетъ всѣхъ вкладчиковъ, и имъ будетъ выдаваться сумма, вырученная за ихъ товары. Всѣ сдѣлки будутъ совершаться на наличныя деньги и по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Учрежденіе такихъ складовъ и базаровъ вовсе не создаетъ монополіи въ пользу государства. На ряду съ ними отлично могутъ существовать частные магазины и лавки. Но эта система сдѣлаетъ невозможной скупку (accaparement) товаровъ и произвольное поднятіе цѣнъ и избавитъ промышленниковъ отъ тираніи оптовыхъ торговцевъ. Они легко найдутъ покупателей и могутъ пользоваться при помощи варрантовъ дешевымъ кредитомъ Что касается потребителей, то они выиграютъ не меньше. Они не будутъ выплачивать прежней дани посредникамъ и будутъ гарантированы и въ хорошемъ качествѣ, и въ дешевой цѣнѣ продуктовъ. Всякій товаръ будетъ обложенъ только 5% сверхъ своей стоимости, тогда какъ теперь дань, взимается посредниками различныхъ сортовъ, достигаетъ 15%, 20%, 50% и даже 100% стоимости. Взиманіе 5% не только покроетъ всѣ расходы по содержанію складовъ и базаровъ, но еще дастъ государству значительный чистый доходъ. Предположимъ, что расходы поглотятъ половину дохода, и въ пользу государства останется только $2^1/_2$%. Если принять во вниманіе, что въ одномъ Парижѣ ежегодно совершается торговыхъ сдѣлокъ на нѣсколько милліардовъ, то не будетъ смѣлымъ предположеніе, что государство получитъ отъ этихъ складовъ и базаровъ доходъ въ 100 милліоновъ minimum.

Такимъ образомъ, для того, чтобы бороться съ гибельными послѣдствіями системы полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, надо устроить общественныя мастерскія для промышленности, общественныя мастерскія для земледѣлія и организовать на новыхъ началахъ всю систему обмѣна, купли и продажи при помощи товарныхъ складовъ и базаровъ. Такая всесторонняя «организація труда» потребуетъ отъ государства затраты

громадныхъ капиталовъ. Между тѣмъ облагать населеніе новыми налогами и несправедливо, и невозможно. Откуда же взять средства для этого «бюджета труда»? Эти средства отчасти доставитъ, какъ мы видимъ, само устройство товарныхъ складовъ и базаровъ. Другими источниками дохода для осуществленія «организаціи труда» является преобразованіе системы страхованій и реорганизація кредита.

Страхованіе служитъ практическимъ примѣненіемъ принципа солидарности и взаимности къ риску возможныхъ потерь. На ряду съ частными компаніями, пользующимися страхованіемъ для наживы, и теперь существуютъ взаимныя страховыя общества. Но система взаимнаго страхованія только тогда приноситъ всѣ полезные результаты, когда она находитъ широкое распространеніе. Большое число участниковъ дѣлаетъ уплату вознагражденія потерпѣвшимъ почти не чувствительной для каждаго изъ нихъ. Если система взаимнаго страхованія обниметъ всю Францію, то взносы могутъ быть очень низки, и въ то же время каждый участникъ получитъ полную гарантію своего имущества. Чтобы достичь этой цѣли, надо сдѣлать страхованіе обязательнымъ и сосредоточить его въ рукахъ государства. Если на такую мѣру не рѣшатся сразу, то во всякомъ случаѣ государство въ правѣ въ этомъ отношеніи пользоваться той свободой, которой пользуются частные предприниматели, и открыть свои страховыя учрежденія на ряду съ частными. Государство будетъ страховать противъ пожара, града, эпизоотіи, наводненій, морозовъ и другихъ несчастій. А это рано или поздно приведетъ къ ликвидаціи частныхъ компаній, которыя не выдержатъ конкуренціи съ государствомъ.

Организовать страхованіе во всей республикѣ очень не трудно. Для этого надо только облечь соотвѣтственными полномочіями сборщиковъ налоговъ. Налоговый реестръ послужитъ основаніемъ для опредѣленія цѣнности страхуемыхъ предметовъ. Случаи страхованія будутъ отмѣчаться сборщикомъ въ реестрѣ, взносы будутъ дѣлаться вмѣстѣ съ уплатой налоговъ. Чтобы опредѣлить сумму вознагражденія при какомъ-нибудь ущербѣ, можно будетъ поступать способомъ, принятымъ при отчужденіи въ видахъ общественной пользы. Установлять цѣнность потеряннаго имущества будутъ спеціальные эксперты, а апелляціонной инстанціей по отношенію къ ихъ рѣшеніямъ будетъ особый судъ присяжныхъ. Оффиціальныя данныя исчисляютъ въ 80 милліоновъ сумму ежегодныхъ потерь отъ пожаровъ, града, мороза, эпизоотій и наводненій во всей Франціи. Отчеты страховыхъ обществъ доказываютъ, что суммы выплачиваемыхъ вознагражденій не превышаютъ половины ежегодныхъ взносовъ, и что средняя цифра взноса составляетъ 5 сантимовъ на 100 франковъ. Совокупность всѣхъ имуществъ во всей Франціи, которыя могли-бы быть застрахованы, простирается по даннымъ статистиковъ до 300 милліардовъ. Эта

сумма даетъ ежегодный страховой взносъ въ 150 милліоновъ. Если вычесть 80 милліоновъ выдаваемаго вознагражденія, то государство получитъ 70 милліоновъ чистаго дохода. Вдобавокъ, система обязательнаго страхованія повлечетъ за собой рядъ полезныхъ реформъ. Если государство возьметъ на себя страхованіе, то оно немедленно постарается организовать повсюду пожарныя дружины, станетъ предупреждать наводненія рѣкъ посредствомъ устройства плотинъ и облѣсенія возвышеній, создастъ корпусъ ветеринаровъ для борьбы съ эпизоотіями и т. д. Всѣ эти мѣры значительно улучшатъ обстановку жизни низшихъ классовъ общества и приведутъ къ росту народнаго благосостоянія.

Въ современномъ обществѣ кредитъ является живительной силой, главнымъ нервомъ промышленности. При помощи кредита можно замедлить или ускорить производство, обмѣнъ, потребленіе, дать сильный толчекъ прогрессу земледѣлія, промышленности, торговли. Пріостановкой кредита можно закрыть всѣ фабрики и довести до нищеты милліоны рабочихъ и тысячи фабрикантовъ. При этихъ условіяхъ можно ли предоставлять частнымъ компаніямъ право пользоваться и злоупотреблять кредитомъ и держать въ зависимости отъ себя всю хозяйственную жизнь страны? «Государь долженъ самъ открывать кредитъ, а не пользоваться имъ», писалъ Лоу герцогу Орлеанскому *). Въ настоящее время государь—само демократическое общество, и теперь настало время осуществить идею Лоу. Демократическое государство должно сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ кредитныя учрежденія. Частныя компаніи, открывая кредитъ, заинтересованы въ барышахъ. Государство въ барышахъ не заинтересовано. Вотъ почему оно должно стать верховнымъ распредѣлителемъ кредита (le grand distributeur du crédit). До сихъ поръ кредитъ былъ средствомъ обогащенія богатыхъ, теперь онъ долженъ стать средствомъ обогащенія бѣдныхъ.

Главный источникъ прибыли банка — выпускъ билетовъ. Но если государству принадлежитъ исключительное право чеканки монеты, то ему должно принадлежать исключительное право выпуска знаковъ, замѣняющихъ эту монету. Въ современномъ обществѣ, основанномъ на недовѣріи и антагонизмѣ, драгоцѣнные металлы служатъ необходимымъ средствомъ обмѣна. Когда человѣку не вѣрятъ на слово, отъ него требуютъ опредѣленныхъ гарантій. Звонкая монета тѣмъ и удобна, что она представляетъ собой и средство обмѣна, и товаръ опредѣленной цѣнности. Но именно потому, что звонкая монета имѣетъ внутреннюю цѣнность, она является монетой, несовершенной въ общественномъ отношеніи (une monnaie socialement imparfaite). Звонкая монета слишкомъ дорога, количество ея ограничено, и она неизбѣжно будетъ сосредоточиваться въ рукахъ богатыхъ людей, что всегда будетъ

*) Le droit au travail, I, 160.

доставлять имъ громадныя привилегіи. Монета нормальнаго общества, основаннаго на довѣріи, истинно-демократическая монета — бумажныя деньги. Производство бумажныхъ денегъ стоитъ очень дешево, и количество ихъ можетъ увеличиваться сообразно съ потребностями. Не имѣя внутренней цѣнности, онѣ будутъ получать ее всецѣло отъ кредита, отъ реальной цѣнности обезпечивающаго ихъ залога. Несомнѣнно, наступитъ время, когда даже простыя обѣщанія будутъ имѣть реальную цѣнность, и бумажныя деньги сдѣлаются всеобщимъ орудіемъ обмѣна. Тогда наступитъ эпоха кредита личнаго и моральнаго, который въ идеѣ выше кредита реальнаго. Въ настоящее же время кредитные билеты могутъ служить средствомъ обмѣна только въ томъ случаѣ, если они представляютъ собой эквивалентъ опредѣленнаго количества затраченнаго труда, положительную цѣнность. Поэтому сейчасъ можно осуществить только реальный кредитъ. До сихъ поръ банки открывали кредитъ только крупнымъ негоціантамъ и капиталистамъ. Мелкій ремесленникъ не могъ получить ссуду подъ залогъ своихъ фабрикатовъ или другихъ цѣнностей. Поэтому для того, чтобы кредитъ сдѣлался общедоступнымъ, необходимо учредить товарные склады и базары, чтобы обезпечить полученіе ссудъ подъ залогъ товаровъ, а кромѣ того необходимо преобразовать французскій банкъ въ національный банкъ и въ каждомъ департаментѣ открыть отдѣленія этого банка. Эти банки отнюдь не должны сливаться съ государственнымъ казначействомъ и должны пользоваться полной финансовой независимостью. Управленіе банками будетъ поручено директорамъ и административнымъ совѣтамъ, а наблюденіе за ихъ дѣятельностью—особымъ выборнымъ коммиссіямъ. Каждые 8 дней банки должны будутъ публиковать балансы своихъ операцій. Банковые билеты, конечно, будутъ признаны законнымъ платежнымъ средствомъ во всемъ государствѣ. Но всякій билетъ долженъ соотвѣтствовать опредѣленной цѣнности, представлять собой опредѣленный залогъ. Тогда билеты будутъ легко обращаться въ обществѣ наравнѣ съ металлическими деньгами и сдѣлаются всеобщимъ средствомъ обмѣна, настоящей національной монетой.

Главной операціей преобразованныхъ банковъ будетъ учетъ векселей. При каждомъ банкѣ будетъ существовать особый учетный совѣтъ (conseil d'escompte), состоящій изъ делегатовъ, выбранныхъ торговыми палатами, ремесленными корпораціями и муниципалитетами. Этотъ совѣтъ будетъ давать свѣдѣнія о кредотоспособности должниковъ. Учитывая векселя, банкъ будетъ выдавать взамѣнъ банковые билеты, удерживая въ свою пользу 2, 3 или 4% процента суммы векселя. Для облегченія ссудъ банкъ будетъ требовать только двѣ подписи на векселѣ. Учетъ будетъ давать банкамъ огромные доходы. Если билетовъ будетъ выпущено на 1 милліардъ, то доходъ банка составитъ 40 милліоновъ. А если прибавить къ операціямъ центральнаго банка операціи департаментскихъ бан-

ковъ, то доходъ удвоится или даже утроится. Другой важной операціей банковъ будетъ выдача ссудъ подъ залогъ. Банкъ будетъ принимать цѣнныя бумаги и варранты и взамѣнъ выдавать ссуду въ размѣрѣ ²/₃ стоимости бумаги или находящагося въ складѣ товара. Если въ законный срокъ должникъ не вернетъ ссуды, банкъ продастъ бумаги или заложенный товаръ, вычтетъ изъ вырученной суммы ссуду и проценты на нее и остатки вернетъ должнику.

Преимущества устройства такого рода банковъ такъ очевидны, что о нихъ незачѣмъ подробно говорить. Съ одной стороны, государство получитъ громадныя выгоды отъ выпуска билетовъ. Съ другой стороны, банки помогутъ государству освободить рабочихъ отъ доли, платимой ими спекуляторамъ и предпринимателямъ, понизить проценты на капиталы и уничтожить мало-по-малу послѣдніе слѣды эксплуатаціи. Одно пониженіе процента принесетъ неисчислимыя выгоды и для промышленности, и для торговли. Организація кредита особенно важна еще въ одномъ отношеніи. Въ послѣдніе 60 лѣтъ въ экономическихъ отношеніяхъ произошла цѣлая революція. Примѣненіе машинъ заставило перейти къ крупному производству и фабричной промышленности. Мелкое производство, не выдерживая конкуренціи, стало исчезать, и мелкіе ремесленники стали превращаться въ наемныхъ рабочихъ. При этихъ условіяхъ для начала промышленнаго предпріятія требуется затрата значительнаго капитала. Рабочій поэтому никогда не можетъ сдѣлаться предпринимателемъ. Новая организація кредита дастъ государству возможность сдѣлаться банкиромъ бѣдныхъ. Давая ссуды рабочимъ ассоціаціямъ, государство поможетъ имъ стать предпринимателями и освободить ихъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ.

Организація коммерческаго и промышленнаго кредита поможетъ улучшить положеніе городского населенія. Но передъ демократическимъ государствомъ лежитъ еще другая задача облегчить положеніе сельскаго населенія и организовать для этой цѣли земельный кредитъ.

Земля представляетъ собой обезпеченіе, ни съ чѣмъ не сравнимое по своимъ достоинствамъ. Ея цѣнность постепенно возрастаетъ, потому что производство продуктовъ сельскаго хозяйства ограничено пространствомъ и плодородіемъ воздѣлываемой почвы, тогда какъ населеніе растетъ. Однако, несмотря на выгоды, которыя можетъ приносить сельское хозяйство, земельнаго кредита во Франціи пока нѣтъ. Причина этого заключается въ неудобствахъ французской ипотечной системы и въ сложности и раззорительности существующихъ порядковъ отчужденія. Поэтому прежде всего надо преобразовать ипотечную систему. Надо сдѣлать обязательной запись въ ипотечныя книги и допускать только спеціальныя ипотеки на опредѣленныя недвижимости. Кромѣ того, въ каждомъ кантонѣ надо учредить ипотечную канцелярію. Эти канцеляріи составятъ при помощи ипотеч-

ныхъ архивовъ и данныхъ кадастра общій реестръ всѣхъ видовъ поземельной собственности даннаго кантона съ указаніемъ именъ владѣльцевъ и описаніемъ имѣній.

Послѣ этого организовать земельный кредитъ будетъ очень не трудно. Въ главномъ городѣ каждаго департамента будетъ открытъ земельный банкъ съ отдѣленіями въ каждомъ кантонѣ. Всякій свой землевладѣлецъ, желающій получить ссуду, представляетъ въ банкъ удостовѣреніе ипотечной канцеляріи о дѣйствительной стоимости своего имѣнія. Банкъ въ отвѣтъ выдаетъ владѣльцу ссуду въ размѣрѣ $^2/_3$ стоимости имѣнія. Должникъ будетъ выплачивать за полученную ссуду банку 6%, изъ которыхъ 4% составятъ проценты на капиталъ, а 2%—погашеніе долга. При этихъ условіяхъ долгъ будетъ совершенно погашенъ въ 28 лѣтъ. Если должникъ не будетъ вносить процентовъ, то банкъ вступитъ во владѣніе имѣніемъ и получитъ право продать его съ аукціона. Банкъ не будетъ имѣть собственныхъ капиталовъ. Онъ передастъ въ руки должника соотвѣтственное количество процентныхъ облигацій. Имѣя въ своемъ распоряженіи эти облигаціи, должникъ легко сможетъ обратить ихъ въ соотвѣтствующую сумму денегъ. Мы уже знаемъ, что въ каждомъ департаментѣ, кромѣ земельнаго банка, будетъ отдѣленіе коммерческаго банка, одной изъ операцій котораго будетъ служить выдача ссудъ подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ. Поэтому должнику надо будетъ только учесть свои облигаціи въ коммерческомъ банкѣ и получить за нихъ на соотвѣтственную сумму банковыхъ билетовъ и звонкой монеты. Облигаціи будутъ помѣщены въ портфель коммерческаго банка и останутся въ немъ до погашенія или выкупа. Двойной надзоръ надъ земельнымъ и коммерческимъ банкомъ создаетъ достаточную гарантію для всѣхъ владѣльцевъ билетовъ.

Въ настоящее время во Франціи около 13 милліардовъ земельныхъ долговъ, записанныхъ въ ипотечныя книги, и minimum на такую же сумму долговъ незаписанныхъ. Несомнѣнно, что землевладѣльцы поторопятся воспользоваться организаціей кредита и сдѣлаться должниками государства изъ должниковъ частныхъ лицъ, такъ какъ это имъ дастъ возможность платить меньшій процентъ за ссуду и избѣгнуть опасности внезапнаго отчужденія. Если предположить, что только половина облигацій, выданныхъ земельными банками въ ссуду за всю сумму существующихъ земельныхъ долговъ, будетъ учтена въ коммерческихъ банкахъ, то учетъ въ 4% на сумму 15 милліардовъ дастъ государству громадный доходъ въ 600 милліоновъ. Облигаціи будутъ приносить своимъ владѣльцамъ 3,65%. 0,35% разницы между 4%, уплачиваемыми должникомъ, и 3,65% уплачиваемыми банкомъ, будутъ предназначены на покрытіе возможныхъ потерь и на содержаніе администраціи банковъ. По мѣрѣ того, какъ въ банкѣ будутъ накопляться капиталы отъ взносовъ должниковъ, онъ будетъ приступать къ выкупу обращающихся облигацій. Банки будутъ находиться подъ покровительствомъ

государства, которое будетъ назначать ихъ директоровъ. Ежегодные взносы плательщиковъ будутъ собираться сборщиками налоговъ при уплатѣ податей. Надзоръ за дѣятельностью банковъ будетъ порученъ особымъ выборнымъ комитетамъ.

Земля можетъ служить для земледѣльца источникомъ кредита и въ другомъ отношеніи. Можно получить ссуды подъ залогъ не только самой земли, но и ея продуктовъ. Для того, чтобы организовать кредитъ такого рода, достаточно будетъ основать въ каждомъ кантонѣ складъ для продуктовъ сельскаго хозяйства по образцу складовъ для обрабатывающей промышленности въ городахъ. Въ такихъ складахъ будутъ принимать на сохраненіе хлѣбъ, вино и т. д. и взамѣнъ выдавать варранты. За храненіе будетъ взиматься особая плата. Около склада можно будетъ устроить базаръ, гдѣ будутъ продаваться принятые въ складъ товары. Завѣдывать складомъ и базаромъ легко можетъ администрація мѣстнаго земельнаго банка. Подъ варранты, выдаваемые изъ складовъ, будутъ выдаваться ссуды изъ 4% въ размѣрѣ 2/3 стоимости соотвѣтственнаго товара.

Организовавши кредитъ такого рода, государство убьетъ мелкое ростовщичество и спекуляцію, которыя въ настоящее время угнетаютъ крестьянство, и значительно облегчитъ его положеніе. Кромѣ того, доходы, которые государство будетъ получать отъ содержанія складовъ и товаровъ и отъ процентовъ по ссудамъ, дадутъ новыя значительныя суммы для «бюджета труда».

Организаціей земельнаго кредита прежде всего можно будетъ воспользоваться для выкупа существующихъ ипотечныхъ долговъ. Эта операція будетъ выгодна и для должниковъ, и для кредиторовъ. Должникъ взамѣнъ вѣчной угрозы потерять свое имущество въ моментъ окончанія срока, на который онъ получилъ ссуду, получитъ возможность ликвидировать свой долгъ путемъ постепеннаго погашенія. Кредиторъ, получающій въ настоящее время 4%, правда, будетъ получать по облигаціямъ только 3,65%, но за то избавится отъ всѣхъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми связаны современные ипотечные порядки.

Другимъ послѣдствіемъ организаціи земельнаго кредита будетъ возможность передачи земли въ руки тѣхъ, кто работаетъ на ней и уменьшеніе земельной ренты. Крестьяне чувствуютъ острую потребность въ расширеніи своихъ земельныхъ участковъ и для того, чтобы прикупить земли, занимаютъ у частныхъ лицъ изъ 6%—8%. Между тѣмъ, при содѣйствіи земельныхъ банковъ легко будетъ организовать покупки земли на болѣе выгодныхъ условіяхъ. При посредничествѣ банка собственникъ, продающій землю, получитъ на соотвѣтствующую сумму земельныхъ облигацій, а крестьянинъ-покупщикъ будетъ уплачивать въ банкъ 4% и небольшое погашеніе. Облегченіе покупки земли даетъ возможность батракамъ, половникамъ и фермерамъ сдѣлаться мелкими собственниками

Правда, съ перваго взгляда такая мѣра противорѣчитъ будущему идеалу общественнаго строя. Она еще больше увеличитъ существующее дробленіе земельной собственности. Между тѣмъ, мелкое хозяйство съ первобытными способами производства уже отжило свой вѣкъ. Будущее принадлежитъ примѣненію машинъ, крупному хозяйству и ассоціаціи. Но невѣжественность, косность и жадность современнаго крестьянина не даютъ возможности иначе помочь его тяжелому положенію. Прогресса подобное дробленіе остановить не можетъ, а организація народнаго образованія подготовитъ въ будущемъ общественную организацію земледѣлія.

Наконецъ, земельный кредитъ принесетъ громадную пользу еще въ одномъ отношеніи. Онъ дастъ возможность государству всѣми силами поощрять возникновеніе земледѣльческихъ ассоціацій и оказывать имъ необходимое содѣйствіе, открывая соотвѣтственный кредитъ для организаціи производства. А возникновеніе такихъ ассоціацій подъ покровительствомъ государства въ свою очередь будетъ дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на населеніе и подготовлять его къ переходу къ новому общественному строю.

IV.

Таково содержаніе проекта соціальныхъ реформъ, выработаннаго Люксембургской коммиссіей. Постараемся теперь опредѣлить, какъ составился этотъ проектъ, и кто былъ его авторомъ.

Въ началѣ второй части общаго изложенія трудовъ коммиссіи мы читаемъ: «Главному секретарю правительственной коммиссіи для рабочихъ, г. Франсуа Видалю, и г. К. Пекkеру было поручено резюмировать главные результаты нашихъ внутреннихъ бесѣдъ (nos délibérations interieures)» *). Эти слова приводятъ къ заключенію, что проектъ составился постепенно, обсуждался въ засѣданіяхъ коммиссіи и печатался въ «Moniteur'ѣ» уже въ законченномъ видѣ. Но такое заключеніе оказывается невѣрнымъ. Отчетовъ объ этихъ предполагаемыхъ засѣданіяхъ въ «Moniteur'ѣ» напечатано не было, и, наоборотъ, были напечатаны отчеты какъ разъ о тѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ обсуждалась часть проекта, не вошедшаго въ общее изложеніе. Кромѣ того, Луи Бланъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію происхожденія этого проекта въ своей «Исторіи революціи 1848 г.» «Неоцѣнимую услугу оказали мнѣ г. Видаль, главный секретарь коммиссіи, и г. Пеккеръ... Послѣ обстоятельнаго обсужденія основныхъ принциповъ въ коммиссіи, мы сошлись, гг. Видаль, Пеккеръ, Альберъ и я, на планѣ, который обнималъ устройство земледѣльческихъ колоній на основаніи системы кооueraціи, созданіе на широкихъ основаніяхъ кре-

*) Le Droit au travail, I, 127.

дитныхъ учрежденій, централизацію всѣхъ родовъ страхованія, устройство складовъ и базаровъ... учрежденіе государственнаго банка съ отдѣленіями въ департаментахъ... Я отсылаю читателей, которые желали бы изучить этотъ планъ, къ прекрасному *докладу*, сдѣланному г. Видалемъ» *). Изъ этихъ словъ Луи Блана вытекаетъ, что коммиссія обсуждала только основные принципы организаціи труда (Луи Бланъ подразумѣваетъ, очевидно, засѣданія 20 и 22 марта), проектъ же реформъ былъ составленъ не всей коммиссіей, а только кружкомъ изъ названныхъ имъ четырехъ лицъ, и докладъ о немъ былъ написанъ Видалемъ. Основываясь на этомъ сообщеніи, и постараемся опредѣлить, какую роль въ выработкѣ этого проекта игралъ каждый изъ четырехъ участниковъ совѣщанія и прежде всего самъ Луи Бланъ.

Сравнивая содержаніе изложеннаго проекта съ содержаніемъ рѣчей, которыя произносилъ Луи Бланъ передъ общимъ собраніемъ делегатовъ, мы видимъ, что планъ разрабатываетъ въ подробностяхъ тѣ же самые основные мотивы, которые развивалъ въ своихъ рѣчахъ Луи Бланъ. Какъ и Луи Бланъ въ своей теоріи, изложенный проектъ исходитъ изъ современнаго состоянія промышленнаго міра и даетъ картину всѣхъ бѣдствій, порожденныхъ системой свободы конкуренціи, принципомъ laissez faire. Единственный выходъ изъ кризиса и рѣчи Луи Блана, и изложенный проектъ видятъ въ организаціи труда на принципѣ ассоціаціи, при чемъ осуществленіе этой организаціи должно взять въ свои руки демократическое государство. Организація труда въ области промышленности должна состоять въ передачѣ въ руки государства частныхъ предпріятій, гибнущихъ отъ кризиса.

Луи Бланъ ничего не говоритъ о роли государства въ другихъ сферахъ государственной жизни. Планъ идетъ въ этомъ отношеніи дальше и примѣняетъ принципъ организаціи труда государствомъ и къ земледѣлію, и къ торговлѣ, и къ страхованію, и къ различнымъ видамъ кредита. Какъ извѣстно, одной изъ основныхъ идей «Организаціи труда» было убѣжденіе, что частныя мастерскія не выдержатъ конкуренціи съ общественными, и рано или поздно въ руки государства перейдетъ завѣдываніе всѣми родами производства. Авторы плана Люксембургской коммисіи также преклоняются предъ идеей ассоціаціи и убѣждены, что частныя предпріятія не выдержатъ конкуренціи съ общественными, и руководство всѣми сторонами хозяйственной дѣятельности неизбѣжно сосредоточится въ рукахъ демократическаго государства. Они прямо высказываются въ этомъ смыслѣ, говоря о реформахъ, касающихся торговли и страхованій. Есть черты сходства и въ подробностяхъ организаціи. Въ одномъ только вопросѣ авторы проекта расходятся съ Луи Бланомъ—въ вопросѣ о равенствѣ вознагражденія. Излюбленной

*) I, 182.

идеей Луи Блана было полное равенство вознагражденія. Авторы проекта предлагаютъ въ отношеніи заработной платы дѣленіе рабочихъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ на нѣсколько категорій. Но, за исключеніемъ этого случая, все остальное содержаніе проекта есть развитіе и обоснованіе идей Луи Блана. Такимъ образомъ, вліяніе Луи Блана на выработку этого проекта несомнѣнно. Мало того, въ засѣданіи 5 марта, гдѣ обсуждался проектъ сооруженія жилищъ для рабочихъ, и въ засѣданіи 20 марта, гдѣ обсуждались основные принципы организаціи труда въ промышленности, Луи Бланъ самъ былъ докладчикомъ вопроса и принималъ самое дѣятельное участіе въ его обсужденіи. Естественнымъ бы казалось, поэтому, предположить, что Луи Бланъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ выработкѣ и остальныхъ частей плана. Но такое предположеніе не подтверждается въ дѣйствительности. Наоборотъ, изъ того, что говоритъ Луи Бланъ о дѣятельности коммиссіи, скорѣе можно вывести заключеніе, что онъ очень мало интересовался этимъ планомъ и не придавалъ ему большого значенія. Въ своей «Исторіи» отъ отводитъ очень много мѣста описанію практической работы коммиссіи, касавшейся улаженія конфликтовъ между предпринимателями и рабочими, и устройства ассоціацій, между тѣмъ о выработанномъ коммиссіей проектѣ упоминаетъ только вскользь, въ нѣсколькихъ словахъ. Мало того, даже знакомъ съ проектомъ Люксембургской коммиссіи онъ былъ, повидимому, самымъ поверхностнымъ образомъ. Въ 1849 г. онъ выпустилъ свою книжку «Appel aux honnêtes gens», которая въ позднѣйшихъ изданіяхъ носила названіе «Pages d'histoire de la révolution de février», съ цѣлью отвѣтить на всѣ обвиненія, взводившіяся на него по поводу его роли въ событіяхъ 1848 г. Въ этой книжкѣ, описывая дѣятельность Люксембургской коммиссіи онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ проектѣ *). А между тѣмъ ему еще въ засѣданіи учредительнаго собранія 10 мая когда онъ предлагалъ учредить министерство труда, одинъ изъ участниковъ коммиссіи, рабочій Пепенъ, бросилъ въ лицо обвиненеиіе, что коммиссія ничего не дѣлала, и казалось бы, что на это-то обвиненіе онъ долженъ былъ отвѣтить возможно болѣе обстоятельно и сослаться на выработанный проектъ. Дальше, говоря, почему онъ предложилъ учредить министерство труда, онъ объясняетъ свое предложеніе такъ. Какъ средство воспитанія народнаго самосознанія и пропаганды соціалистическихъ идей, коммиссія уже выполнила свою задачу. Ее надо было или уничтожить, или преобразовать въ министерство труда **). Но вѣдь министерство труда, о которомъ хлопоталъ Луи Бланъ, занялось бы какъ разъ осуществленіемъ плана реформъ, выработаннаго коммиссіей, а

*) См. главы VI—VII этого сочиненія.
**) См. главу XVI.

планъ реформъ въ это время еще былъ не оконченъ, какъ мы видѣли, и въ номерѣ «Moniteur'a» отъ 6 мая, гдѣ была напечатана послѣдняя его часть, обѣщалось его предложеніе. Въ введеніи къ изложенію плана реформъ, напечатанному 26 апрѣля, говорится о необходимости обсудить предлагаемые проекты въ собраніи коммиссіи *), а между тѣмъ такого обсужденія не было, ибо нельзя же считать обсужденіемъ рѣчь, произнесенную Луи Бланомъ 29 апрѣля, гдѣ онъ больше скорбитъ о неудачныхъ выборахъ въ Учредительное Собраніе, чѣмъ говоритъ о проектѣ реформъ. Наконецъ, делегаты рабочихъ корпорацій, давая своимъ избирателямъ отчетъ о своей дѣятельности, въ манифестѣ 8 іюня прямо говорятъ, что они были посланы въ Люксембургскую коммиссію для обсужденія вопроса о трудѣ, но не выполнили этой задачи и, по желанію самихъ рабочихъ, занялись избирательной кампаніей **). Такимъ образомъ, Луи Бланъ былъ совершенно не въ курсѣ того положенія, въ которомъ находился въ этотъ моментъ проектъ. Правда, въ главѣ VIII своей «Исторіи» Луи Бланъ излагаетъ основные принципы плана реформъ въ формѣ готоваго законопроекта ***); а въ главѣ XVI, критикуя финансовыя мѣропріятія Гарнье-Пажеса, онъ развиваетъ идеи Люксембургскаго проекта объ устройствѣ складовъ и базаровъ ****) и объ организаціи кредита *****). Но, во-первыхъ, предложенный имъ законопроектъ касается только организаціи общественныхъ мастерскихъ для промышленности, упоминая лишь вскользь объ устройствѣ такихъ же мастерскихъ для земледѣлія, и, слѣдовательно, составляетъ резюме его собственнаго доклада въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 20 марта. Во-вторыхъ, проводя параллель между мѣрами Гарнье-Пажеса и проектами Люксембургской коммиссіи, онъ ни слова не говоритъ о томъ, что онъ предлагалъ эти идеи вниманію временнаго правительства, тогда какъ обыкновенно всегда разсказываетъ о своихъ разногласіяхъ съ большинствомъ временнаго правительства. Всѣ эти соображенія заставляютъ предположить, что Луи Бланъ въ маѣ 1848 г. очень мало былъ знакомъ съ проектомъ, за исключеніемъ тѣхъ частей его, которыя обсуждались въ засѣданіяхъ коммиссіи 5 и 20 марта, и познакомился съ нимъ уже послѣ закрытія коммиссіи. Окончанія же проекта, помѣщеннаго въ названномъ выше сочиненіи Видаля, онъ вовсе, видимо, не зналъ, такъ какъ нигдѣ не говоритъ въ своей «Исторіи» объ устройствѣ земельнаго кредита.

Трудно предположить также, чтобы второй участникъ совѣщанія,

---

*) Le droit au travail, I, 118.

**) Journal des travailleurs, fondé par les ouvriers délégués au Luxembourg, 8 au 11 juin 1848.

***) I, 170.

****) I, 266.

*****) I, 281–283.

о которомъ разсказываетъ Луи Бланъ, вице-предсѣдатель комиссіи, рабочій Альберъ, принималъ участіе въ выработкѣ этого плана. Альберъ былъ революціонеръ-практикъ, и едва ли могъ самъ разобраться въ тѣхъ сложныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые развиваетъ планъ реформъ. Вдобавокъ, нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что онъ игралъ сколько-нибудь самостоятельную роль въ Люксембургской коммиссіи. Слѣдовательно, выработка этого плана могла выпасть только на долю Видаля и Пеккёра. Видаль и Пеккёръ въ настоящее время почти забыты. Въ блестящей плеядѣ соціальныхъ реформаторовъ 30-хъ и 40-хъ г.г. они казались мало замѣтными, а во второй половинѣ XIX вѣка ихъ затмили своими трудами вожди нѣмецкаго соціализма. Между тѣмъ, сочиненіи Видаля и Пеккёра представляютъ очень важную страницу въ исторіи соціализма. Близко сходясь во взглядахъ другъ съ другомъ, они сдѣлали первую попытку поставить соціализмъ на научную почву, подвести фундаментъ политической экономіи подъ воздушные замки соціальныхъ утопій, и во многихъ отношеніяхъ явились предшественниками Маркса, Энгельса и Лассаля, родоначальниками современнаго коллективизма. Видаль вначалѣ былъ послѣдователемъ Фурье, но затѣмъ пришелъ къ убѣжденію о непригодности принципа распредѣленія, проповѣдовавшагося фурьеристами, и примкнулъ къ идеямъ Луи Блана о равенствѣ вознагражденія. Съ Луи Бланомъ его роднила и вѣра въ могущество демократическаго государства, и недовѣріе къ индивидуализму и личной свободѣ. Стремленіе Видаля примирить ученіе Луи Блана съ ученіемъ Фурье и дало поводъ Прудону назвать его простымъ компиляторомъ. Видаль, какъ и всѣ соціалисты, исходитъ изъ критики современнаго капиталистическаго строя. Анализируя отношеніе капитала къ труду, онъ уже вполнѣ ясно формулируетъ лассалевскій желѣзный законъ заработной платы. Но отрицательныя стороны капитализма не заслоняютъ въ его глазахъ его положительныя стороны и не заставляютъ идеализировать доброе старое время. Онъ вполнѣ ясно сознаетъ всѣ преимущества крупнаго машиннаго производства предъ мелкимъ и убѣжденъ, что путемъ постепенной эволюціи общество придетъ отъ господства капитализма въ соціализаціи земли и капиталовъ. Главную роль въ этой эволюціи должно сыграть демократическое государство своими реформами, и прежде всего поощреніемъ производительныхъ ассоціацій и организаціей дешеваго кредита.

Еще ближе къ основнымъ принципамъ научнаго соціализма стоитъ Пеккёръ. Онъ тоже отмѣчаетъ желѣзный законъ и въ то же время преклоняется предъ превосходствомъ крупнаго производства, употребленіемъ машинъ и развитіемъ искусственныхъ путей сообщенія, такъ какъ капиталистическое хозяйство приводитъ къ обобществленію труда. Онъ отмѣчаетъ внутреннюю тенденцію капитализма къ концентраціи и подавленію мелкаго производства и торжество

новаго феодализма. Но въ прогрессирующемъ обобществленіи труда онъ видитъ залогъ будущаго преобразованія капиталистическаго строя въ соціалистическій и указываетъ на органическую связь между экономической эволюціей, съ одной стороны, и общественными идеалами и политическими формами—съ другой. Задачу государства, какъ и Видаль, онъ видитъ прежде всего въ поощреніи промышленныхъ ассоціацій и организаціи дешеваго кредита, какъ средствъ, могущихъ облегчить переходъ къ неизбѣжной соціализаціи земли и капиталовъ. Таковы основныя идеи этихъ обоихъ экономистовъ. Но они не остановились на одномъ изложеніи своихъ теорій, они занялись и разработкой вопросовъ практическаго примѣненія своихъ идей и въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ развили въ подробностяхъ планы необходимыхъ преобразованій. Поэтому они въ высшей степени подходили къ выполненію той задачи, которая падала на ихъ долю въ Люксембургской коммиссіи. Кромѣ словъ Луи Блана, на нихъ указываетъ и фраза въ самомъ текстѣ проекта, приведенная нами выше. Поэтому всѣ историки, упоминающіе объ этомъ планѣ, считаютъ ихъ его авторами, а Каэнъ прямо говоритъ, что планъ Люксембургской коммиссіи есть только пересказъ основныхъ идей сочиненія Видаля: «De la répartition des richesses» и сочиненія Пеккёра: «Théorie nouvelle de l'économie sociale».

Но Каэнъ могъ придти къ такому заключенію только потому, что не сталъ сравнивать эти оба сочиненія съ текстомъ плана коммиссіи. При сравненіи, оказываются въ нихъ общими только одни основные принципы. Между тѣмъ, ни Каэнъ, ни всѣ другіе историки, писавшіе о Люксембургской коммиссіи, не обратили вниманія на другое сочиненіе Видаля: «Vivre en travaillant!», вышедшее въ іюнѣ того же 1848 года. Это сочиненіе даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ объ авторствѣ Люксембургскаго проекта. Вся та часть проекта, которая была помѣщена въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Moniteur'ѣ, цѣликомъ перепечатана въ этой книгѣ. Именно: проектъ земледѣльческихъ колоній занимаетъ въ этой книгѣ главу II, устройство складовъ и базаровъ—главу IV, реформа системы страхованій—главу XII, организація промышленнаго и коммерческаго кредита и учрежденіе національнаго банка—главу V. И начало каждой изъ названныхъ главъ авторъ сопровождаетъ примѣчаніемъ, что помѣщаемая глава уже была напечатана въ изложеніи трудовъ Люксембургской комиссіи *). Въ этой же книгѣ, какъ мы уже видѣли раньше, помѣщено было и окончаніе проекта, посвященное вопросу объ организаціи земельнаго кредита.

Кромѣ простой перепечатки проекта Люксембургской комиссіи, между книгой Видаля и проектомъ замѣчается совпаденіе и въ другихъ частяхъ этой книги. Въ самомъ началѣ изложенія, пере-

---

*) См. стр. 33, 66, 79, 193.

числяя желательныя реформы, авторъ Люксембургскаго проекта говоритъ о выкупѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ. Проектъ дальше не говоритъ ни слова объ этомъ выкупѣ, между тѣмъ въ книгѣ Видаля этому вопросу посвящена глава XI. Окончивъ изложеніе организаціи товарныхъ складовъ и базаровъ и мѣръ для улучшенія торговли, авторъ проекта обѣщаетъ впослѣдствіи поговорить о желательныхъ преобразованіяхъ въ области внѣшней торговли Въ книгѣ Видаля, дѣйствительно, послѣ перепечатаннаго проекта устройства складовъ и базаровъ, двѣ страницы посвящены вопросу о внѣшней торговлѣ и таможенныхъ пошлинахъ *). Наконецъ, даже тѣ части проекта, которыя обсуждались въ засѣданіяхъ коммиссіи 5 и 20 марта и которыя не вошли въ общее изложеніе, находятъ свое мѣсто въ книгѣ Видаля. Глава XIII развиваетъ въ деталяхъ проектъ устройства жилищъ для рабочихъ. Глава III посвящена вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ въ промышленности, и только въ этой главѣ мы не найдемъ полнаго соотвѣтствія съ проектомъ организаціи труда, изложеннымъ Луи Бланомъ въ засѣданіи 20 марта.

Что касается участія Пеккёра, то въ обоихъ его главныхъ сочиненіяхъ: «Théorie nouvelle de l'économie sociale» и «Des intérêts du commerce», мы найдемъ тоже много общаго съ проектомъ Люксембургской коммиссіи. Онъ также рекомендуетъ устройство земледѣльческихъ колоній и описываетъ ихъ возможное устройство, при чемъ подчеркиваетъ необходимость установить солидарность между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью; затѣмъ онъ также предлагаетъ преобразовать весь характеръ торговыхъ сношеній путемъ устройства доковъ и введенія системы варрантовъ; онъ проектируетъ также организацію дешеваго кредита. Но въ подробностяхъ реализаціи предложенныхъ имъ преобразованій нѣтъ сходства съ планомъ Люксембургской коммиссіи, тогда какъ у Видаля мы видѣли полное совпаденіе.

Такимъ образомъ, сопоставивъ все вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что единственнымъ авторомъ почти всего проекта былъ Видаль. Луи Блану принадлежитъ только та часть проекта, которая имъ была изложена въ засѣданіи 20 марта и которая въ сущности пересказываетъ содержаніе знаменитой «Организаціи труда».

Даніель Стернъ говоритъ, что проектъ Люксембургской коммиссіи удовлетворялъ своимъ эклектизмомъ всѣ соціалистическія системы. Лоренцъ Штейнъ называетъ его «случайной компиляціей всѣхъ соціальныхъ теорій». Дѣйствительно, на проектѣ сказалось вліяніе различныхъ соціалистическихъ теорій. Мы уже отмѣтили сходство этого проекта съ основными идеями «Организаціи труда» Луи Блана. Въ описаніи устройства земледѣльческихъ колоній

*) См. стр. 77.

чувствуется сильное вліяніе фурьеризма Въ земледѣльческой колоніи Видаля нетрудно узнать фаланстеръ. Какъ и въ фаланстерѣ, мы видимъ здѣсь замѣну отдѣльныхъ лачугъ для рабочихъ семействъ однимъ громаднымъ зданіемъ съ отдѣльными квартирами, устройство въ этомъ зданіи библіотеки, школы, вечернихъ курсовъ и всякихъ развлеченій, организацію закупки необходимыхъ предметовъ потребленія оптомъ и запрещеніе розничной продажи, существованіе различнаго рода занятій сообразно съ наклонностями отдѣльныхъ членовъ колоніи и регулярную смѣну этихъ занятій и т. д. Также и въ другихъ частяхъ проекта мы найдемъ большое сходство съ содержаніемъ публичныхъ лекцій, читавшихся въ апрѣлѣ и маѣ 1848 г. Жюлемъ Лешевалье въ Фурьеристскомъ клубѣ «Организація труда» *). Наконецъ, проектъ организаціи дешеваго кредита и проповѣдь замѣны звонкой монеты бумажными деньгами очень напоминаютъ «Организацію труда» и народный банкъ Прудона. Если вспомнить, что Луи Бланъ старался всѣми силами, чтобы Люксембургской коммиссіи были представлены всѣ соціалистическія направленія, то невольно хочется предположить, что Видаль въ своей работѣ попытался дать синтезъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, и присоединиться, слѣдовательно, къ заключенію Лоренца Штейна. Но такое предположеніе оказывается невѣрнымъ. Что касается сильнаго вліянія фурьеризма, то оно неудивительно. Вѣдь Видаль, какъ мы уже говорили, былъ самъ вначалѣ убѣжденнымъ фурьеристомъ, да и въ послѣдующее время разошелся съ школой Фурье лишь въ немногихъ вопросахъ.

Что же касается вліянія на него Прудона, то прежде всего Прудонъ не былъ членомъ Люксембургской комиссіи. Онъ даже обращался съ письмомъ къ Луи Блану, предлагая ему свое сотрудничество и прося помощи въ осуществленіи своихъ идей, но Луи Бланъ отвѣтилъ отказомъ **). Въ періодъ засѣданій Люксембургской комиссіи онъ выпустилъ двѣ брошюры: «Organisation du crédit» (31 марта) и «Banque d'échange» (25 апрѣля) ***). Въ обѣихъ этихъ брошюрахъ есть общія черты съ проектами Видаля. Но Прудонъ теперь только впервые выступалъ съ проектомъ организаціи кредита. Между тѣмъ Видаль уже въ брошюрѣ 1844 года «Des caisses d'épargne» изложилъ основныя черты будущаго люксембургскаго проекта. Слѣдовательно, если въ данномъ случаѣ есть заимствованіе, то заимствовалъ Прудонъ у Видаля, а не наоборотъ. Въ той же брошюрѣ Видаля мы находимъ въ краткихъ чертахъ изложеніе желательнаго преобразованія системы страхованія. Проектъ устройства товарныхъ складовъ и базаровъ былъ напечатанъ Видалемъ въ

*) См. La Commune de Paris, 6 avril.
**) См. Proudhon. Correspondance, v. II, p. 295.
**) См. Proudhon. Oeuvres, v. VI.

журналѣ: «Revue indépendante» за 1844 годъ. Наконецъ, проектъ организаціи земельнаго кредита былъ составленъ, какъ это указываетъ и самъ Видаль, подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Лоро: «Du crédit foncier». Слѣдовательно, планъ Видаля не былъ результатомъ стремленія объединить различные взгляды, высказывавшіеся въ засѣданіяхъ комиссіи. Онъ былъ продуктомъ собственной работы Видаля и въ главныхъ своихъ чертахъ былъ уже готовъ въ 1844 году. Онъ, несомнѣнно, отличался эклектизмомъ, но этотъ эклектизмъ—характерная черта всѣхъ сочиненій Видаля.

Часто въ исторической литературѣ дѣятелей 48-го года обвиняютъ въ чрезмѣрности ихъ требованій, въ невозможности реализовать даже отчасти ихъ широкіе планы всеобщаго счастья человѣчества. Попробуемъ взглянуть съ этой точки зрѣнія на люксембургскій планъ. Какъ мы видѣли, онъ сводится къ осуществленію слѣдующихъ преобразованій: учрежденія при содѣйствіи государства промышленныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій, организаціи товарныхъ складовъ и базаровъ, созданія учрежденій дешеваго коммерческаго кредита, преобразованія системы страхованія, созданія земельнаго кредита для крестьянства. Кромѣ того, какъ мы упоминали, Видаль мечтаетъ еще о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ государствомъ.

Громадное большинство этихъ реформъ входило въ программу не только «красныхъ», но и «трехцвѣтныхъ» республиканцевъ, которыхъ отнюдь нельзя было заподозрить въ сочувствіи къ соціализму и въ склонности къ радикальнымъ рѣшеніямъ соціальныхъ вопросовъ. Виднѣйшіе представители группы умѣренныхъ республиканцевъ еще во времена іюльской монархіи требовали тѣхъ же самыхъ реформъ. Учрежденіе производительныхъ ассоціацій проповѣдывали и Арманъ Марастъ, и Дюпонъ, и Бюше. О необходимости поощренія производительныхъ ассоціацій писалъ Воловскій, правовѣрный представитель манчестерской школы. Само Учредительное собраніе 1848 г., несмотря на суровую расправу іюньскихъ дней, нашло нужнымъ ассигновать 3 милліона на поддержку рабочихъ ассоціацій. Планы организаціи кредита были одной изъ излюбленнымъ темъ сенъ-симонистской пропаганды, націнализаціи кредита требовалъ Годфруа Кавеньякъ. Министръ финансовъ временнаго правительства, Гарнье-Пажесъ, принялъ мѣры для демократизаціи кредита и открылъ въ департаментахъ учетныя конторы и товарные склады, которые начали выдавать ссуды подъ варранты. Министръ финансовъ исполнительной комиссіи, Дюклеркъ, внесъ въ Учредительное собраніе проектъ выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ и защищалъ его какъ разъ во время іюньскаго возстанія. Наконецъ, анкета о состояніи промышленности и земледѣлія, произведенная по постановленію Учредительнаго собранія, съ настойчивой

ясностью поставила вопросъ о необходимости организаціи дешеваго земельнаго кредита.

Такимъ образомъ, проектъ Видаля не шелъ дальше того, чего требовали умѣренные республиканцы, и не могъ представляться современникамъ утопическимъ. Реформы, имъ предложенныя, были прямымъ отвѣтомъ на требованія, поставленныя жизнью. Паденіе іюльской монархіи не было политической случайностью. Оно было результатомъ долгой классовой борьбы, первой попыткой свергнуть господство финансовой аристократіи. Рабочій пролетаріатъ находился въ особенно тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе успѣховъ капиталистическаго производства. Его положеніе еще обострилось отъ экономическаго кризиса 1847 года, и онъ сыгралъ роль передового бойца въ провозглашеніи республики. Но успѣхъ республиканцевъ былъ бы невозможенъ, если бы въ борьбѣ не приняла участія мелкая буржуазія, не имѣвшая основанія дорожить іюльскими порядками. Угнетаемая конкуренціей крупныхъ предпріятій, она тщетно старалась обратить вниманіе правящаго класса на свое положеніе, получить при содѣйствіи государства хоть частицу тѣхъ выгодъ, которыя сыпались изъ рога изобилія на финансовую аристократію. Тщетно мечтала она о демократизаціи кредита и не могла добиться даже такой ничтожной уступки, какъ разрѣшеніе представлять при учетѣ векселей двѣ подписи, вмѣсто трехъ. Наконецъ, и крестьянство не могло похвалиться своимъ положеніемъ. Дробленіе собственности и тяжесть падавшихъ на землю податей заставляли крестьянъ попадать въ руки ростовщиковъ. Анкета Учредительнаго собранія 1848 г. вскрываетъ страшную задолженность и раззоренность крестьянъ. Паденіе Луи Филиппа поставило на очередь дня соціальный вопросъ и заставило задуматься о тяжеломъ положеніи низшихъ классовъ. Проектъ Люксембургской коммиссіи и старался придти этимъ классамъ на помощь, указать тѣ мѣры, которыя могли бы облегчить ихъ положеніе: устройство ассоціацій должно было помочь нищетѣ рабочихъ, мелкій коммерческій кредитъ улучшить положеніе мелкой буржуазіи, новая система страхованія и земельный кредитъ избавить крестьянство отъ ростовщичества. Конечно, въ настоящее время многія разсужденія Люксембургскаго проекта кажутся наивными, и невольно возбуждаетъ улыбку вѣра въ рабочія ассоціаціи, какъ въ панацею отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Страннымъ кажется также полное умолчаніе о мѣрахъ для охраны труда: вѣдь работа государства надъ улучшеніемъ участи рабочихъ пошла именно въ этомъ направленіи. Но нельзя въ то же время не отмѣтить, что въ другихъ отношеніяхъ люксембургскій проектъ прямо нарисовалъ картину будущихъ соціальныхъ реформъ второй половины XIX вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены второй имперіей (жилища для рабочихъ, коммерческій и земельный кредитъ), другія хотя и не осуществлены до сихъ поръ, но входятъ въ программу радикаль-

ной партіи современной Франціи (выкупъ желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ).

Какова же была дальнѣйшая судьба люксембургскаго проекта? Въ области временныхъ мѣръ для успокоенія рабочихъ Люксембургская комиссія добилась успѣха, хотя и непродолжительнаго. Казалось бы, умѣренность программы комиссіи благопріятствовала осуществленію хотя бы той части ея плана, которая касалась мелкой буржуазіи.

По свидѣтельству Даніеля Стерна проектъ былъ представленъ въ бюро національнаго собранія, но не только не обсуждался, а даже не былъ прочитанъ *). Выходитъ, слѣдовательно, что авторы проекта сдѣлали все-таки попытку обратить на него вниманіе національнаго собранія. Но это сообщеніе Даніеля Стерна не подтверждается никакими другими данными. Вѣдь представить этотъ проектъ могъ только Луи Бланъ, а мы видѣли, что Луи Бланъ даже его не зналъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ, проектъ этотъ былъ бы неизбѣжно переданъ въ комитетъ труда (comité du travail), избранный Учредительнымъ собраніемъ для подготовки соціальныхъ реформъ, т. е. въ сущности для той же цѣли, для какой существовала Люксембургская коммиссія. Между тѣмъ, ни въ стенографическихъ отчетахъ о засѣданіяхъ Учредительнаго собранія, ни въ бумагахъ комитета труда (судя по свидѣтельству Ренара) нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого проекта. Поэтому вѣрнѣе предположить, что этотъ проектъ не былъ представленъ въ національное собраніе. И причина этого главнымъ образомъ заключалась въ томъ, что самъ Луи Бланъ, отъ котораго только и могло зависѣть обратить вниманіе Учредительнаго собранія на этотъ проектъ, относился къ нему болѣе, чѣмъ равнодушно. Онъ стремился добиться учрежденія министерства труда и, потерпѣвъ неудачу 10 мая, не сталъ даже работать въ комитетѣ труда. И общество, и печать обратили очень мало вниманія на проектъ Видаля. «Докладъ Люксембургской коммиссіи,—говоритъ Жоржъ Зандъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—если и не прошелъ не замѣченнымъ, то остался безъ серьезнаго обсужденія» **). Даже соціалистическія газеты не занялись его обстоятельнымъ разборомъ. Буржуазное же общество могло отнестись къ нему только съ ненавистью. Согласившись на учрежденіе демократической республики, буржуазія отнюдь не хотѣла дѣлать изъ демократическаго принципа выводы соціальнаго характера.

Но главная причина неудачи всѣхъ работъ Люксембургской коммиссіи заключалась въ той политической роли, которую играла она во все время своего существованія. Луи Бланъ, потерпѣвъ неудачу во время демонстраціи 28 февраля и не добившись учрежденія министерства труда, отнюдь не отказался отъ своихъ плановъ и не хо-

*) Д. Стернъ. Исторія революціи 1848 года II, 40.
**) *G. Sand.* Souvenirs de 1848, p. 161.

тѣлъ ограничить дѣятельность коммиссіи рамками, поставленными ей правительствомъ. По его мысли, она должна была организовать парижскій пролетаріатъ и служить могучимъ средствомъ въ классовой борьбѣ. Благодаря участію делегатовъ отъ рабочихъ корпорацій, въ рукахъ коммиссіи,—говоритъ самъ Луи Бланъ,—находился «могущественный рычагъ и при помощи постояннаго собранія, составленнаго изъ народныхъ избранниковъ, парижскій народъ могъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ» *). Въ то время, какъ Видаль трудился въ качествѣ секретаря коммиссіи надъ устройствомъ соглашеній между предпринимателями и рабочими и занимался выработкой проекта соціальныхъ реформъ, рабочіе делегаты коммиссіи вмѣстѣ съ Луи Бланомъ бросились въ водоворотъ политическихъ событій бурнаго года. Въ этой сторонѣ дѣятельности Люксембургской коммиссіи многое еще не изслѣдовано и не ясно, но несомнѣнно, что люксембургскіе делегаты приняли самое активное участіе въ разгоравшейся классовой борьбѣ. Они были заправилами манифестацій 17 марта и 16 апрѣля. Въ началѣ апрѣля они устроили избирательный комитетъ, чтобы подготовить успѣхъ своихъ сторонниковъ на выборахъ въ Учредительное собраніе, и съ большой энергіей занимались выборной агитаціей. Они участвовали въ демонстраціи 15 мая, когда народныя толпы едва не распустили національнаго собранія, а бывшій вице-предсѣдатель коммиссіи Альберъ былъ однимъ изъ членовъ неудачнаго временнаго правительства, занявшаго въ этотъ день городскую ратушу. Наконецъ, несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для того, чтобы въ рабочихъ національныхъ мастерскихъ приготовить противовѣсъ вліянію Люксембургской коммиссіи, съ мая мѣсяца между люксембургскими делегатами и делегатами національныхъ мастерскихъ установилась солидарность, и нѣкоторые слѣды вліянія люксембургскихъ делегатовъ можно уловить и въ катастрофѣ іюньскихъ дней.

Съ самаго начала существованія коммиссіи умѣренное большинство временнаго правительства относилось къ ней подозрительно и видѣло въ ней только громоотводъ противъ неминуемаго возстанія пролетаріата, въ полной власти котораго тогда находился Парижъ. Политическая дѣятельность коммиссіи должна была возбудить къ ней еще большую ненависть со стороны буржуазнаго общества. Періодически повторявшіяся демонстраціи—17 марта, 16 апрѣля, 15 мая—заставляли буржуазію предчувствовать неизбѣжность новаго возстанія и въ виду прекрасной организаціи силъ пролетаріата сомнѣваться въ возможной побѣдѣ. И, конечно, на Люксембургской коммиссіи, какъ на представительницѣ интересовъ пролетаріата, сосредоточилась главная сила ненависти буржуазіи. Активная политическая роль за-

*) Histoire de la rév de 1848, I, 181.

ставила забыть всѣ другія стороны ея дѣятельности. На всемъ, что исходило изъ этой коммиссіи, лежала печать проклятія, и достаточно было перваго повода—событій 15 мая,—чтобы Учредительное собраніе покончило съ ея существованіемъ. А наступившая послѣ іюньскихъ дней соціальная реакція сдѣлала невозможными со стороны буржуазіи и менѣе значительныя уступки, и память мирнаго рѣшенія того вопроса, который уже былъ рѣшенъ оружіемъ, скоро изгладилась.

В. Бутенко.

---

* * *

Печально осень глазомъ темнымъ
Глядитъ и плачетъ по ночамъ,
И кто-то посохомъ огромнымъ
Стучитъ по скользкимъ ступенямъ.
То вѣтеръ злой и старый ходитъ
Угрюмымъ сторожемъ кругомъ
И пѣсни страшныя заводитъ
Въ трубѣ, подъ ржавымъ колпакомъ.
И бьется листъ въ тоскѣ пугливой
Ночною бабочкой въ стекло:
То шепчетъ тополь сиротливо
О томъ, что было и прошло.
Тѣснятся тѣни, обступая
Мой одинокій уголокъ...
Какъ будто хочетъ сила злая
Задуть послѣдній огонекъ!

Г. Галина.

ПЧЕЛЫ.

Очеркъ.

I.

Утро двадцать девятаго августа, въ Ивана-постнаго, было чудное.

Дядя Пантелей, прозванный за особенности характера и поведенія „кровинушкой-горячей“, поднялся съ солнышкомъ, вымылся въ „собственномъ“ ключѣ, покрестился на блестѣвшій вдалекѣ крестикъ церкви и затѣмъ поспѣшно обошелъ свои владѣнія: садъ и огородъ, отлого спускавшіеся къ рѣкѣ Лутькановкѣ. Съ замираніемъ сердца онъ осматривалъ каждый кустъ, каждое дерево, но—оттого-ли, что онъ началъ читать по вечерамъ псаломъ сто сорокъ пятый, который, какъ извѣстно, очень помогаетъ отъ воровъ, или по другимъ причинамъ, но на этотъ разъ, какъ и въ предыдущія утра, нигдѣ не оказывалось никакого хищенія или озорничества. За исключеніемъ мирони, безбожно ощипанной недѣлю назадъ, и сливы, пострадавшей нѣсколько ранѣе, все находилось въ цѣлости-сохранности и спокойно занималось своимъ дѣломъ. „Золотое сѣмечко“ докрашивало на солнцѣ обѣ щечки, мокрыя отъ росы и безъ того уже румяныя; спѣшно выравнивались груши, нѣсколько запоздавшія въ этомъ году, быть можетъ, оттого, что разрослись слишкомъ густо... На огородѣ сочно наливались кочны, напоминавшіе Пантелею круглыя головки его внуковъ: сыновьямъ не судилъ Богъ долго жить! Наконецъ, въ ульяхъ происходили также обычныя по времени событія. А именно: въ виду близкаго сосѣдства зимы здѣсь безъ сожалѣнія убавляли количество трутней, этихъ въ настоящую минуту лишнихъ ртовъ въ пчелиномъ хозяйствѣ. Такъ заключилъ Пантелей по какому-то особенному, протяжно-жалобному писку, а, главное, по возбужденному виду самихъ пчелъ, неустанно „трубившихъ тревогу“.

Далекій ударъ въ колоколъ къ заутренѣ заставилъ Пантелея поспѣшно вернуться въ избу. Онъ надѣлъ на „собственную“ домотканную бѣлую рубаху сѣрый домотканный же армякъ, подпоясался вязанымъ изъ шерсти собственныхъ овецъ поясомъ, въ углу взялъ дубинку изъ „стального“ дерева „собственной“ яблони и, серьезный, важный, почти величественный, направился въ церковь. Сзади, только по нѣкоторой согбенности его атлетической фигуры, да по медлительной степенности движеній можно было заключить, что онъ перешелъ уже въ преклонный возрастъ.

Во время службы и особенно во время проповѣди священника потухли послѣднія искорки раздраженія, которое за послѣдній мѣсяцъ стало у Пантелея хроническимъ по отношенію къ деревенской вольницѣ. Отецъ Григорій, ровесникъ Пантелея, немудрый морщинистый старичокъ, по мнѣнію его прихожанъ, говорилъ очень хорошо: душевно, учительно. Онъ ощущалъ искренній ужасъ передъ кровожадной мстительностью Иродіады, и это настроеніе сообщалось его слушателямъ. То ли дѣло—незлобіе? Обидѣлъ тебя кто нибудь – прости. Сказалъ или сдѣлалъ не по-твоему—не отвѣчай тѣмъ же, а удержись. Пантелей старался вспомнить своихъ обидчиковъ и со слезами на глазахъ прощалъ ихъ. И за сливы, и за яблоки, и даже за то, что они, придя съ заводовъ питерскихъ, не только сами пѣли, а и внуковъ Пантелеевыхъ научили пѣть:

Бѣдная Россія, заль мнѣ тебя:
Несчастная, голькая участь твоя!

На обратной дорогѣ изъ церкви Пантелей, какъ человѣкъ наиболѣе нервный и впечатлительный, разъяснялъ и другимъ мысли проповѣдника, хотя нѣсколько по-своему, напирая, главнымъ образомъ, на бѣса, который такъ и норовитъ укусить то за одинъ локоть, то за другой, и которому отнюдь не слѣдуетъ поддаваться.

— Смотри, товарищъ, шестиэтажное тебѣ почтеніе съ балкономъ! — другихъ учишь, а самъ — чуть маленько — первый же спятишься! — крикнулъ, подходя къ Пантелею и скаля зубы, старостинъ Мосейка, одинъ изъ коноводовъ деревенской вольницы.

Въ этомъ человѣкѣ, въ его манерѣ держать себя и говорить, въ выраженіи скуластаго неглупаго лица и даже въ походкѣ и улыбочкѣ чувствовалось Пантелею что-то новое, до дерзости самоувѣренное, а по отношенію къ старому нанасмѣшливо-враждебное; будучи весьма невысокъ ростомъ, онъ ухитрялся, однако, смотрѣть сверху внизъ на Пантелея.

— Какой я тебѣ, козодою, товарищъ! Ты мнѣ въ пастухи

не гожъ!—фыркнулъ Пантелей презрительно, но тотчасъ, сообразивъ, что это бѣсъ начинаетъ хватать его за локти, прибавилъ спокойнѣе:

— Ты вотъ что, Мосейка, больше за собой гляди... На себя... того... больше... оглядывайся... Оно, братъ, вѣрнѣе будетъ...

— Ха-ха-ха!—залился раздражающе-веселымъ смѣхомъ Мосейка, но Пантелей какъ разъ въ эту минуту нажалъ плечомъ калитку и вошелъ въ домъ, не удостаивая его дальнѣйшимъ разговоромъ.

При видѣ умиленныхъ лицъ домашнихъ, къ старику тотчасъ вернулось его было поколебавшееся хорошее настроеніе.

— Ну-съ, что-то намъ нашъ поваръ скажетъ? —заговорилъ онъ въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ съ сегодняшней стряпухой, младшей невѣсткой Марьей. — Горѣло у тебя, какъ въ Христовъ день, а наготовлено никакъ-что въ чистый понедѣльникъ?

— Есть варено, есть жарено; будетъ-ли вкусненько, а горяченько будетъ,—отвѣтилъ поваръ съ низкимъ поклономъ.

И, дѣйствительно, было горяченько. Всѣ дули на ложки и, тѣмъ не менѣе, обжигались... Самъ хозяинъ, чтобы немного освѣжиться, открылъ окно въ садъ, возлѣ котораго сидѣлъ. Такъ прошло минутъ десять — двѣнадцать. И вдругъ предъ глазами семьи разыгрывается сцена, повидимому незначительная, но всѣхъ заинтересовавшая. Котъ Ерошка, пробиравшійся по своимъ дѣламъ межъ яблоней, точно рехнулся... Свирѣпо ощетинившись, онъ въ ужасѣ упалъ сначала на-земь, потомъ стремительно вскочилъ на дерево, съ дерева на крышу сѣнного сарая и, наконецъ, пропалъ гдѣ-то за заборомъ. На секунду — и старые, и малые такъ и застыли съ поднятыми ко рту ложками... Затѣмъ, прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ что-либо сообразить, на мѣстѣ происшествія оказалась внучка Пантелеева, Агаша, сидѣвшая крайней у двери. Но и она тотчасъ подверглась нападенію невидимой силы: взвизгнула, заметалась и исчезла за кустами. Тутъ уже вся семья во главѣ съ хозяиномъ двинулась въ садъ. Пантелей, повидимому, понялъ, въ чемъ дѣло: читая псаломъ девятидесятый, избавляющій отъ внезапной напасти, онъ направлялся въ сторону ульевъ. Но, еще не доходя до нихъ, буквально присѣлъ въ отчаяніи...

Ульи были ограблены. Въ то время, какъ старикъ съ домочадцами былъ въ церкви, какіе-то нехристи забрались въ садъ и вырѣзали медъ, оставленный пчеламъ на зиму.

Крышки и гнилые соты валялись на землѣ, а пчелы, обездоленныя и разозленныя, метались по саду, какъ-бы разыскивая злодѣевъ...

Съ минуту Пантелей не вѣрилъ своимъ глазамъ. Затѣмъ, опомнившись, съ плачемъ бросился къ ульямъ, закрылъ ихъ, выпрямилъ, какъ слѣдуетъ. И только кончивъ эту работу, онъ, чтобы согнать съ себя невинную божью тварь, которая, тѣмъ не менѣе, невыразимо-жестоко кусалась, съ головой залѣзъ въ рѣку, отдѣлявшую его надѣлъ отъ нижнеслободскихъ огородовъ. Изъ рѣки онъ видѣлъ на мосту широкую рожу Мосейки, съ хохотомъ кричавшаго во всю мочь: „Братцы, спасайте!.. Съ ума сошелъ!.. Топиться хочетъ!“—видѣлъ и другихъ лутканoвцевъ, таращившихъ на него глаза въ удивленіи.

Минутъ десять спустя, весь мокрый, распухшій, изжаленный, онъ сидѣлъ въ толпѣ на бревнахъ противъ своего дома и, въ отвѣтъ на общія, немного насмѣшливыя, увѣщанія „простить“ виновныхъ, взбѣшенно-дрожащимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Нѣтъ, братцы! Сказалъ: „не могу!“ — и не могу... Не приставайте, Христа-ради! Ежели за себя прощу,—за медъ не прощу. За медъ прощу, — за пчелъ не прощу... Безгрѣшную тварь такъ обидѣть! Теперь она съ голоду помирать должна?

И Пантелей со слезами качалъ головою.

— Чудакъ! Ну, не прощай,—что ты иначе можешь сдѣлать?—осторожно урезонивалъ его Мосейкинъ отецъ, высокій и осанистый сельскій староста, подмигивая окружающимъ.—Воръ побывалъ, руки-ноги не оставилъ: какъ ты теперь его найдешь?

— Разыщемъ!—гаркнулъ Пантелей съ той необычайной страстностью, которая, собственно, и доставила ему прозвище „кровинушки-горячей“.—Надо, хоть на сей разъ, бродягамъ рога сколоть! Житья не стало... Что ни день—то новости. Лёгко-ли: у Еремки баня была — въ оврагъ уперли. У Куличихи заборъ за-ночь вытаскали. Проснулась—и забора нѣтъ... Да что вы, братцы... Опомнитесь!

— Кому-же ты сколешь рога-то? Ты воровъ знаешь?—съ усмѣшкой возражалъ староста.

— Не знаю. А хочу узнать... Въ томъ-то и дѣло, милъ дружокъ. Мнѣ только поглядѣть-бы что за воришки промежь насъ завелись? А ужъ тамъ-то я ихъ на всю окружность прославлю. Только единымъ-бы глазкомъ взглянуть, кто у насъ, ягнячья матка, этимъ рукомесломъ занимается...

— Я вотъ про то тебя и спрашиваю, какимъ манеромъ узнать ихъ хочешь? Къ уряднику пойдешь? Къ колдуну, можетъ статься?

— Зачѣмъ грѣхъ на душу брать? Мы и безъ урядника съ колдуномъ обойдемся. Мы вотъ что сдѣлаемъ.—Пантелей всталъ и поклонился на обѣ стороны общественникамъ. — Господа-старички, покорнѣйше прошу собрать сходъ!—крикнулъ онъ, ударивъ себя въ грудь ладонью.—Для чего? А вотъ для этого для самаго, чтобы воровъ найти.—Голосъ его побѣдоносно звенѣлъ и долеталъ до зарѣчныхъ закоулковъ селенія.—Ужъ коли она жигнетъ--этого... ха-ха!.. не украдешь, братъ. Будетъ явственно. У кого, стало быть, волдыри, тотъ и воръ. Очень просто.

При такой соломоновской постановкѣ вопроса кругомъ послышались смѣхъ и сочувственныя восклицанія.

— А что. вѣдь и вѣрно?

— Чего вѣрнѣй!

— Стары-то люди... того... вѣкъ жили!..

— Теперь воришкамъ не уйтить...

— Во щахъ схлебаетъ.

Пробовалъ староста, у котораго родительское сердце, повидимому, было неспокойно, доказывать, что „изъ этихъ пустяковъ все-равно не выйдетъ никакого дѣлу развитія", но, очутившись въ меньшинствѣ, скоро умолкъ.

II.

Дѣлать нечего, побѣжали десятскіе барабанить подъ окнами:

— Эй, хозяинъ! Со всѣми парнями на сходку!

Пантелей продолжалъ, между тѣмъ, сидѣть на бревнахъ съ видомъ полководца, рѣшившагося дать генеральное сраженіе. Онъ не пошелъ даже домой изъ боязни, что трусливое бабье нытье ослабитъ въ немъ воинственное настроеніе. Внучка принесла ему шапку, гребень, армякъ, и теперь, приводя себя въ порядокъ, онъ время отъ времени потрясалъ въ воздухѣ огромными кулаками. Вокругъ скопились старички изъ тѣхъ, которые открыто держали его „руку"; нѣсколько въ сторонѣ трещали и смѣялись бабы, обсуждавшія всесторонне событіе. Передъ самымъ носомъ Пантелея набралось цѣлое полчище ребятишекъ; запустя въ ротъ пальцы, они не сводили глазъ со старика.

Наконецъ, явился староста и съ своимъ обычнымъ подмигивающимъ видомъ „доложилъ" Пантелею, что сходка собралась и „ждетъ его милость".

Пантелей тяжело поднялся и, въ сопровожденіи старичковъ, прослѣдовалъ къ постоялому двору на площадь, гдѣ обыкновенно вершились общественныя дѣла Лутканова.

— Ну,—сказалъ ему староста,—всѣ здѣсь. Ишь, наши бабы какія мастерицы: сколько настряпали народу! Вотъ и поищи воровъ!

Пантелей окинулъ съ высоты своего роста весело жужжавшую толпу молодежи, и глаза у него разбѣжались. Ему почудилось, что онъ вошелъ въ огромный людской улей.

Всякія тутъ были пчелы. Были молодые выводки, смирные, послушные, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ, съ выгорѣвшими отъ солнца волосами и простодушно-овечьимъ взглядомъ. Они знали дорогу въ кузницу, на мельницу, но еще не нюхивали Питера, и теперь робко держались въ сторонѣ, глядя во всѣ глаза на происходящее. Были пчелы мосейкинаго типа, въ пиджакахъ и разноцвѣтныхъ косовороткахъ, добывавшія медъ на сторонѣ, на столичныхъ фабрикахъ, и слетѣвшіяся въ Лутканово по случаю прекращенія заработковъ; очень задорныя и смѣлыя, всегда готовыя подраться и ужалить, онѣ въ настоящую минуту давали тонъ всей деревенской жизни. Были пчелы сытыя, нарядныя, жившія на хлѣбныхъ мѣстахъ въ Питерѣ и отпущенныя по осени жениться „въ провинцію"; распустивъ по жилеткамъ цѣпочки съ брелоками и дымя настоящими, а не самодѣльными „цыгарками", онѣ смотрѣли на окружающихъ немного свысока, хотя по „понятіямъ" принадлежали къ мосейкиному толку. Были тутъ, наконецъ, и трутни—пропивохи, частью высланные изъ города безъ штановъ и сапогъ по этапу, частью доморощенные лутканoвскіе. Эти молодцы, обыкновенно промышлявшіе дебоширствомъ и озорничествомъ, должны были, кажется, прежде другихъ остановить на себѣ вниманіе Пантелея, но, по антипатіи къ „вьюну-старостѣ", у него взяли верхъ другія соображенія.

— Ну-ка, пускай твой Веденька выйдетъ!—крикнулъ онъ во все горло.—Гдѣ онъ прячется?

— Я прячусь?.. О-о-о!..—не безъ юмора отозвался сиплымъ басомъ громадный и, въ противоположность „братцу-Мосейкѣ", чрезвычайно добродушный парень, выдвигаясь изъ толпы.—Вотъ тебѣ Веденька! Здравствуй, Пантелей Карпычъ. Что хорошенькаго скажешь?

— Ну, ты зубовъ-то мнѣ не заговаривай. Сними шапку.

Веденей безпрекословно повиновался.

— Портретомъ моимъ полюбоваться хочешь? Сдѣлай твое такое одолженіе. Руки?—вотъ. Холка?—вотъ. Можетъ, что другое показать? Не трудно. Пускай, кстати, и все обчество посмотритъ.

И такъ какъ онъ любезно поступалъ сообразно обѣщаніямъ, то дѣвки и бабы, окружавшія пестрымъ кольцомъ диковинную сходку, съ фырканьемъ отхлынули въ сторону, а „обчество" разразилось хохотомъ. Одинъ Пантелей былъ серьезенъ.

— Это что у тебя?—говорилъ онъ, щуря старческіе глаза и тыкая пальцемъ въ разныя пятна и полосы на голомъ тѣлѣ Веденьки.

— По первому пункту могу объяснить,—началъ Веденей, внезапно обнаруживая ученость:—у гада кушено на покосѣ. По второму пункту: косой порѣзалъ. Я вѣдь трудовикъ!.. Пахарь! А какъ на тебя, Пантелей Карпычъ, погляжу: до сивыхъ-то волосъ дожилъ, а ума не нажилъ. Нешто, братъ, твою пчелу я обижу? Да мы съ ней съ солнышка до солнышка на полѣ. Я косой машу, она тѣмъ времемъ остатній медъ съ цвѣтовъ обираетъ. А что касаемо моихъ орденовъ и медалей, такъ они, братъ, всѣ законные. Вотъ тебѣ самый главный: помнишь, ономнясь огороды дѣлили? — коломъ! Лента на шеѣ? — исправника въ вокзалъ приставляли. Нагайкой!.. А на прочіе не гляди: не ордена, а медальки, — болѣ изъ-за дѣвокъ съ ласунскими. Нѣтъ, братъ, ты обыскивай кого пожиже, повертячѣе. А я тяжелъ черезъ заборъ перелѣзать, — закончилъ Веденька, облачаясь въ свои доспѣхи и уходя въ толпу.

Первый блинъ оказался комомъ. Пантелей подумалъ немного и возгласилъ:

— Ну, тогда пусть Матюшка Стрекачъ выйдетъ.

— Матюшка, ступай! Тебя требуетъ!—пошло по толпѣ.

Стрекачъ вышелъ. Бойкій, вертячій, востроглазый, какъ разъ такой молодецъ, на какихъ намекалъ Веденька. И дѣйствительно: при первомъ взглядѣ на его кожу можно было подумать: „Ага! попался медовый воръ!" Отъ множества красныхъ, черныхъ и синихъ „заплатокъ" она представлялась разноцвѣтною, какъ его рубаха... Но, увы! — при ближайшемъ разсмотрѣніи и у него не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ пчелинаго укуса. „Заплатки" свои Стрекачъ объяснилъ нѣсколько иначе, сравнительно съ Веденеемъ и при томъ больше съ хронологической точки зрѣнія.

— Это, Пантелей Карпычъ, еще съ Питера. Съ черносотенцами сражались...

— Это, старичокъ почтенный, отъ Петрова дня. Забрать хотѣли...

— Это отъ Ильи: арестантовъ отбивали...

— Это объ Успеньѣ: малость на ярмаркѣ повздорили...

Смѣхъ вокругъ не прекращался.

— Ай-да ребята! Не зѣваютъ!

— Точно ригу на немъ молотили!

— Видать, что смирный пареңекъ!

Минутъ черезъ пять и Стрекачъ, отмѣнно довольный эффектомъ, пропалъ въ толпѣ. Пантелей съ удивленіемъ разводилъ руками.

— Ты походи промежъ народа-то, потолкайся, можетъ, скорѣй отыщешь?—посовѣтовали старички Пантелею.

Онъ послушался. Но что вы подѣлаете, если ни въ одномъ лицѣ нѣтъ никакихъ изъяновъ, никакой отмѣтины? При томъ, какъ скоро Пантелей вошелъ въ толпу, имъ овладѣло нѣсколько странное, неожиданное настроеніе.

— Вѣдь свои все!—замелькало въ немъ.

Да, одинъ оказывался крестникомъ (бабы несли къ нему, какъ къ богатому мужику, своихъ „щенятъ" особенно охотно), другой—племяшемъ, третій—просто „сродственникомъ". Этого онъ на рукахъ носилъ, тому гостинчика давалъ, этого за ноги изъ Луткановки вытаскивалъ.

— Ѳедюшка, помнишь, какъ, собачій сынъ, пузыри пускалъ?

— Неужто забылъ!

— А теперь у меня же яблоки трясешь, медъ грабишь, еретикъ?

— Я, что-ли? Поди ты!

Иные, при приближеніи старика, нарочно закрывались полами и, какъ-бы въ испугѣ, прятались за чужія спины: такимъ онъ, шутя, давалъ подзатыльника. Но, когда пришло въ голову „обыскать" высокаго блѣднолицаго, малознакомаго паренька, онъ самъ получилъ крутой отпоръ отъ окружающихъ.

— Вѣдь это Пётра?!.

— Пётра Голованъ нашъ!..

— Онъ совсѣмъ по другой части!

— Онъ весь въ умственность ушелъ!

— Насчетъ земли допытывается.

Пантелей съ нѣкоторымъ почтеніемъ поглядѣлъ на Голована и прошелъ далѣе. Его толкала впередъ единственно та мысль, что въ этой, повидимому, сплошной семьѣ „своихъ" есть все-же и воришки! Что они теперь, чего добраго, потѣшаются надъ нимъ, строятъ за спиной рожи, и онъ никакъ не можетъ открыть ихъ... Но, на ряду съ этой мыслью, понемногу крѣпла и другая, не менѣе обидная для старика.

— А что! вѣдь бѣсъ оплелъ-таки, анаѳема! Смутить — смутилъ, а много ли пользы?

— Пантелей Карпычъ!—наконецъ, раздался за нимъ голосъ соскучившагося старосты.—Знаешь, что мнѣ на умъ

пришло? У мужиковъ, ясная вещь, ничего нѣту. Надо намъ у бабъ нашихъ посмотрѣть. У нихъ чего не окажется ли?

Послѣдовалъ оглушительный взрывъ хохота.

— Какъ думаешь, Пантелей Карпычъ?—безъ малѣйшей улыбки продолжалъ староста.—Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Старикъ былъ красенъ, какъ ракъ. Онъ понималъ, что дѣло его пропащее, и нужно идти на мировую. Поэтому онъ развелъ руками и, невольно стараясь попасть въ тонъ старостѣ, проговорилъ съ несовсѣмъ естественной усмѣшкой:

— Ничего не подѣлаешь. Придется побезпокоить касатокъ...

Прекрасный полъ, выжидавшій поодаль, чѣмъ кончится дѣло, сначала дразнился, показывая языки и танцуя на мѣстѣ:

— Смѣй-ка!.. Смѣй-ка!...

Но, когда молодые ребята пожелали „исполнить постановленіе старичковъ“, бабы и дѣвки бросились вразсыпную. Послышался хохотъ, визгъ... Сходка принимала совершенно водевильный характеръ.

Староста, перемигнувшись кой-съ кѣмъ, подтянулъ потуже кушакъ, откашлялся и вновь выступилъ на средину. Большіе сѣрые глаза его смѣялись.

— Пантелей Карпычъ, дозволь еще одно словечко сказать. Ты—человѣкъ умный; плюнь ты на нихъ,—все равно никого не отыщешь. Воры—тутъ, вотъ они...—староста ткнулъ пальцемъ на толпу, которая весело загрохотала, точно польщенная такимъ названіемъ...—да развѣ они съ голыми руками пойдутъ? Надѣли, какъ слѣдуетъ быть, твое сито.. оно, чай, въ огородѣ лежало? Ну, такъ! Армяки съ рукавицами есть у каждаго... и произвели твоему меду экспропріацію. Ну, что-жъ,—это ничего; это, братъ, нынче въ модѣ. По крайности, теперь и ты на человѣка похожъ сталъ. А то, чай, совсѣмъ мохомъ заросъ. Значитъ, и сердиться тебѣ на нихъ нечего, простить надо...

— Вѣрно!.. Простить!.. Простить!—со смѣхомъ подхватили въ толпѣ.—Да и отецъ Григорій какъ давеча-то умолялъ? Нельзя же ему не уважить.

— А ужъ мнѣ-то бы какая благодать!—добавилъ староста, вздыхая.—Безъ хлопотъ, безъ дальнѣйшаго развитія дѣлу...

Пантелей помолчалъ, насколько того требовало приличіе, и, наконецъ, какъ бы принося жертву, махнулъ рукой.

— Ну... будь по-вашему! Прощаю...

— Господа воры!—громогласно объявилъ староста.—Можете идти домой. Дядя Пантелей васъ прощаетъ.

Гвалтъ, хохотъ, ревъ были ему отвѣтомъ.

V.

Пантелей, смущенный, сконфуженный, направился къ дому. Теперь онъ помышлялъ объ одномъ, какъ бы ему уплестись отъ обычая, завѣщаннаго въ подобныхъ случаяхъ стариною.

Однако для него и это оказалось невозможнымъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать десятка шаговъ къ дому, какъ былъ вновь окруженъ огромной толпою. Въ ней на первомъ планѣ находились Мосейка старостинъ, Матюшка Стрекачъ и прочіе предполагаемые воры и обидчики. Но теперь они мяли шапки въ рукахъ, глядѣли въ глаза Пантелею и, видимо, чувствовали къ нему нѣчто въ родѣ сыновней нѣжности.

— Папаша! Пантелей Карпычъ! А какъ же съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла? И за наше неоставленье?—слышались изъ толпы ласково-убѣждающіе голоса.

— Ахъ, шлёпъ тя во щи! Меня обокрали—да съ меня же и на водку!—раздражительно произнесъ Пантелей, оборачиваясь къ старичкамъ за поддержкой.

Но и тѣ, какъ бы конфузясь за него, бормотали съ нѣкоторой строгостью:

— Слѣдуетъ!.. Слѣдуетъ! Оно ужъ какъ по заведенію отъ отцовъ, отъ прадѣдовъ... Кто сбиралъ сходку... чья причина... Не намъ мѣнять...

Пантелей, скупой по природѣ, положительно не зналъ, на что ему рѣшиться.

— Ну и чудесныя дѣла!—сказалъ онъ, почесывая у себя въ затылкѣ.—Сегодня у меня медъ обобрали—давай на водку! Завтра пчелъ совсѣмъ украдутъ—опять давай на водку! Да что вы, братцы! Въ умѣ ли? Вѣдь этакъ все у насъ растащатъ и размытарятъ. Плѣшь одна останется...

Пантелей начиналъ горячиться, но староста и здѣсь оказался на высотѣ призванія.

— Слышите?—крикнулъ онъ общественникамъ.—Слышите, что говоритъ нашъ достопочтеннѣйшій Пантелей Карпычъ? Обязуетесь вы ему впредь никакихъ обидъ не причинять? Никакихъ озорствъ не сотворять?

— Мы?!—загалдѣли, какъ-бы съ ужасомъ, общественники. — Пантелей Карпычу?

— Не орать у меня безъ-толку! Путемъ говорите. Стрекачъ!.. Мосейка! Присягу даете?

— Дае-омъ!—съ хохотомъ гаркнула молодежь.—Присяга-емъ!

Староста поглядѣлъ въ глаза Пантелею.

— Добромъ лучше,—сказалъ онъ вполголоса.—Ты—человѣкъ умный. Самъ знаешь: раздѣвали, обыскивали... Какъ-бы еще грѣхомъ чего не вышло, — какого дальнѣйшаго развитія дѣлу?..

Пантелей, въ свою очередь, поглядѣлъ въ сѣрые загадочные глаза старосты и, хотя бѣсъ изо всѣхъ силъ хваталъ за локти, вынулъ кошелекъ изъ кармана. Мгновенно настала безмолвная тишина. Зеленая мятая бумажка торжественно опустилась въ шапку старосты.

— Урра!—загудѣло лушкановское „общество".—Качать Пантелей Карпыча! Ну-ка, забирай его поплотнѣе! Эко, грузный какой! Сдым...май!.. Урра! Ну-ка, повеселѣе! Урра-а!..

Часа черезъ два, на закатѣ солнца, когда пантелеевская водка „высохла", послали въ складчину за новой. Старички частью уже разбрелись по домамъ, частью клевали носомъ, но Пантелей находился въ состояніи, въ которомъ, говорятъ, по колѣно море. Онъ неоднократно пытался излить въ словахъ свои чувства къ пчеламъ, къ бѣсу, къ деревенской вольницѣ, и хотя самъ не могъ уразумѣть своей рѣчи, за то ее отлично понялъ Мосейка.

— Вѣрно!—кричалъ онъ тѣмъ же шалымъ, звенящимъ голосомъ, какъ бывало на фабричныхъ сходкахъ въ Питерѣ. —Ай да Пантелей Карпычъ! Правду сказалъ! Тѣ же пчелы!—Мосейка въ пьяномъ волненіи, почти со слезами, колотилъ себя въ грудь.—Дѣдка-а!.. А вѣдь мы думали, ты совсѣмъ отъ насъ отшатнулся. Все врозь да врозь... костишься... лаешься!.. Говорятъ, у тебя въ колодцѣ даже вода отъ руготни испортилась... Но вѣдь и мы тебѣ тоже не подданные... Не очень нуждаемся такимъ хламомъ... А ежели ты съ нами за одно: кончено! Праву руку... товарищъ! И за медъ свой... не безпокойся. Цѣлъ твой медъ! Взадъ свое добро получишь. Очень просто. Каждому дыханію нужно пропитаніе... мы понимаемъ... Тѣ-же пчелы! И такъ же должны другъ за дружку держаться,—это ты правду говоришь. Видалъ я нынче лѣтомъ, какъ онѣ у тебя клубкомъ на суку висѣли: ни одна не упадетъ! И ежели ихъ тутъ тронуть... Боже мой!.. Ногъ не унесешь! Вотъ съ кого и намъ нужно примѣры брать. Такъ-же нужно другъ за дружку держаться! Тронь-ка насъ тогда, попробуй! Правильно говорю я, товарищъ?

Послѣ Мосейки развивалъ эту же тему Голованъ, за Голованомъ—Игнатій-нижнеслободскій, возбуждая рѣзвостью языка искреннее удивленіе въ Пантелеѣ, какъ и въ другихъ лушкановцахъ.

— До чего натопорившись въ Питерѣ! Скажи на милость!

— О-о-о! Краснослo-овы!

Наконецъ, надъ глухимъ и пустыннымъ Туркинымъ полемъ вышелъ мѣсяцъ. Церковный сторожъ пробилъ одинадцать. Потревоженный улей успокаивался. На томъ мѣстѣ, гдѣ давеча сидѣлъ Пантелей, теперь никого уже не видно. Бурлятъ еще старыя почтенныя пчелы, укладываясь спать на лужкѣ, въ ожиданіи своихъ матокъ, да изрѣдка проносятся то гурьбой, то парамимо лоденькія, быстро исчезая въ таинственной мглѣ мѣсяца... Начинаетъ сильно холодѣть...

Мосейка сдержалъ слово. На другое утро Пантелей, придя позже обыкновеннаго въ садикъ, увидѣлъ противъ „обиженныхъ“ ульевъ пару лучинныхъ корзинокъ, наполненныхъ до верху свѣжими, очевидно вчера вырѣзанными сотами.

— Вотъ, ягнячья матка! Могъ ли я этого отъ нонѣшней вольницы ждать?—долго говорилъ потомъ Пантелей, разводя руками и внезапно всхлипывая.

В. Ѳаворскій.

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго А. М. Брумберга.

XIII.

Бюстъ г-жи Броохъ давно уже былъ законченъ и стоялъ въ кабинетѣ ея мужа. Фонтанъ уже двѣ недѣли былъ открытъ, красуясь передъ глазами всѣхъ, и каждый могъ отнестись къ нему, какъ хотѣлъ. Самого скульптора онъ, по мнѣнію благоразумныхъ людей, ужъ совершенно не касался. Бюргелю, слѣдовательно, ничто не мѣшало оставить городъ съ его безконечнымъ количествомъ фабричныхъ трубъ, съ его вѣчнымъ дождемъ изъ воды или сажи, или изъ того и другого вмѣстѣ. Ничто ему не мѣшало вернуться въ Мюнхенъ къ своимъ рыбамъ, съ которыми разстаться ему было тогда такъ тяжело, какъ будто эти нѣмыя твари проливали горючія слезы. Ничто не мѣшало вернуться къ своей новой работѣ, надъ которой онъ такъ лихорадочно и неутомимо трудился передъ самымъ отъѣздомъ въ Гаммерштедтъ, и которая теперь, одинокая и покинутая, стояла подъ сырыми тряпками и, вѣрно, получила ужъ не одну трещину и ссадину, если его сторожъ забылъ поливать тряпки.

Почему же онъ не уѣзжалъ? Онъ бы самъ затруднился дать ясный и разумный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ просто не уѣзжалъ и просрочилъ даже обратный билетъ. Его вещи были уже сложены, и такъ какъ онъ не зналъ, какъ устроится со стиркой въ чужомъ городѣ, то онъ обходился кое-какъ, покупая каждые нѣсколько дней самое необходимое изъ бѣлья.

На улицѣ знакомые очень часто встрѣчали его восклицаніемъ:

— Что, вы еще здѣсь! Вотъ какъ! Я думалъ, вы уже давно за горами.

— Завтра ѣду, непремѣнно,—отвѣчалъ онъ всякій разъ.

Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно. Ему почему-то было совѣстно, какъ будто онъ ужъ не имѣлъ права оставаться въ Гаммерштедтѣ. И все-таки онъ не уѣзжалъ. Какая-то таинственная и для разумныхъ людей непостижимая причина удерживала его.

Это, дѣйствительно, было нѣчто таинственное и непонятное. Казалось, будто его произведеніе не отпускало его, будто какая-то невѣдомая сила приковывала его къ Новому рынку, гдѣ стоялъ его фонтанъ.

Утромъ онъ рѣшалъ сдѣлать еще кой-какія покупки на дорогу и, гдѣ бы ни находился магазинъ, въ которомъ ему нужно было купить то или другое, его шаги непремѣнно приводили его къ площади. Его толкалъ туда тревожный вопросъ, все ли хорошо въ его произведеніи, является ли оно дѣйствительно тѣмъ, что предстало предъ нимъ однажды въ часы лихорадочныхъ мученій и восторговъ?

И коварнымъ, мучительнымъ, волнующимъ было одно обстоятельство: все въ фонтанѣ было хорошо, гармонично, жизненно, было сдѣлано не рукою новичка, осторожно и робко нащупывающей, а рукою мастера, которою легко и твердо водила внутренняя сила, такъ что она ничего не могла сдѣлать иначе, чѣмъ сдѣлала. Нѣтъ — онъ былъ придирчивымъ, отнюдь не снисходительнымъ къ себѣ критикомъ—въ этомъ онъ не ошибался. Кто только понимаетъ что-нибудь въ искусствѣ, не можетъ не наслаждаться его произведеніемъ. Но вотъ тутъ, на лѣвой сторонѣ, отвратительнымъ пятномъ вылѣзаетъ эта фигура мальчика съ безсмысленной улыбкой на лицѣ, въ шаблонной, глупой позѣ. Мальчикъ держитъ руку надъ головой, чтобы защитить себя отъ воды. Но эта согнутая рука не только не соотвѣтствуетъ позѣ вытянувшагося тѣла, но и само движеніе этой руки казалось Бюргелю все болѣе отвратительнымъ. Онъ просто не понималъ, какъ могъ онъ создать эту искусственную, фальшивую позу балерины. Затѣмъ, не только это. Черезъ нѣсколько дней онъ замѣтилъ, что и форма руки отвратительна. Предплечье было слишкомъ длинно и изогнуто такъ, какъ можно изогнуть, пожалуй, деревяшку, но не человѣческую руку.

Ахъ, сколько онъ ни смотрѣлъ на эту фигуру, она казалась ему ужасной! И этотъ дрянной мальчишка портилъ все произведеніе.

И никто, при видѣ этого чернаго господинчика въ широкополой шляпѣ, который, прислонившись къ стѣнѣ дома, заложивъ одну руку съ полуоткрытымъ зонтикомъ за спину, а другою прикрывая глаза, стоялъ передъ фонтаномъ, никто не могъ бы угадать, что происходитъ въ его душѣ, никто не

подозрѣвалъ, что означаетъ его тихое, мрачное лицо, когда онъ оставляетъ площадь.

Въ концѣ концовъ послѣ всѣхъ своихъ огорченій и всей своей досады Бюргель уходилъ въ погребокъ „Тихій пріютъ", расположенный на улицѣ Евангелической церкви, неподалеко отъ Рыночной площади. Снаружи этотъ погребокъ имѣлъ довольно жалкій видъ: направо и налѣво отъ узкой входной двери нѣсколько завѣшанныхъ оконъ, и на одномъ изъ нихъ налѣво отъ входа теракотовый карликъ на бочкѣ, который уже много, много лѣтъ пытался наливать вино изъ пустой бутылки въ пустой стаканъ. Но внутреннее помѣщеніе было уютно. Прежде всего магазинъ съ огромными полками, на которыхъ стояли покрытыя пылью и паутиной бутылки краснаго вина, затѣмъ комната съ круглыми бѣлыми, въ обѣденное время аккуратно накрытыми столами для большой публики, а потомъ тихій кабинетикъ для тѣсныхъ компаній. Здѣсь не знали полицейскихъ стѣсненій, и можно было пить, пѣть и шумѣть до утра. Между прочимъ, здѣсь происходили собранія „непринужденныхъ", для которыхъ учитель Мартини слагалъ стихи. Вообще, въ этомъ погребѣ бывали, выражаясь словами пастора Дистеркампа, „лучшіе элементы города".

Хозяиномъ погреба былъ общеизвѣстный господинъ Шнютгенъ, веселый старичокъ, который былъ недоволенъ только двумя вещами на этомъ свѣтѣ: что нельзя ѣду замѣнить питьемъ, и что вечеръ начинается не съ утра. Въ продолженіе всего дня, видите ли, онъ страдалъ хандрой и ни на что не годился. Днемъ старичокъ печально склонялъ свою головку налѣво; его шея, на которую былъ напяленъ слишкомъ широкій воротникъ, не удерживала головы, его стекловидные глаза печально глядѣли изъ его болѣзненнаго желтаго лица, съ многочисленными красными пятнышками. Онъ все время ходилъ, слегка трясясь, какъ будто его лихорадило, и голосъ его звучалъ такъ скрипуче, какъ вовѣкъ не смазанная дверь. Днемъ онъ могъ возбуждать только жалость. Хотя онъ утверждалъ, что болѣлъ только однажды въ своей жизни когда онъ въ первый и послѣдній разъ выпилъ стаканъ пива, вслѣдствіе чего онъ чуть не умеръ отъ коликъ; хотя онъ это утверждалъ, можно съ увѣренностью сказать, что ни одно страховое общество не хотѣло было принять его жизнь въ страховку. Да, весь день онъ былъ попросту самъ не свой и, точно мрачная тѣнь Стикса, шатался по своему дому, напоминая галлюцинацію меланхолика. Да, если бъ не было на свѣтѣ госпожи Шнютгенъ, тогда бы днемъ... Ахъ, эта госпожа Амалія Шнютгенъ съ бѣлымъ передникомъ надъ внушительнымъ бюстомъ и еще болѣе внушительнымъ жи-

вотомъ. На дворѣ могли быть и снѣгъ, и ненастье, она появлялась передъ гостями, точно солнце, только еще круглѣе.

— Извините, я немного разгорячена, я изъ кухни. Что угодно?

Этими словами она всегда встрѣчала звавшихъ ее посѣтителей. И она знала всегда самое подходящее для какого угодно состоянія желудка: кислое противъ изжоги, пикантное противъ слабости, тонкое при разстройствѣ, при поджариваніи бифштекса она умѣла соблюдать тончайшіе нюансы; въ ея соусахъ всегда была какая-нибудь таинственная пряность, дѣлавшая ихъ безподобными. Но верхомъ тонкости были ея закутанныя въ сало тетерки. Да, госпожа Шнютгенъ для всѣхъ посѣтителей являлась пріятной приправой среди однообразія будничныхъ дней.

Вечеромъ же въ свои права вступалъ господинъ Шнютгенъ. Господинъ Шнютгенъ вечеромъ весь преображался; точно въ немъ зажигалось живительное пламя: такъ онъ весь искрился и пылалъ, такъ онъ проворно двигался и острилъ.

— Добрый вечеръ, господинъ Шнютгенъ.

— Мое почтеніе.

— Какъ поживаете?

— Спасибо, прекрасно. А вы знаете уже послѣднюю новость? Кто самая цѣломудренная дама Гаммерштедта?

— Кто же?

— Дама на фонтанѣ. Она никогда не раздѣвается. А кто обладаетъ самой большой притягательной силой?

— Не знаю.

— Пасторъ Дистеркампъ, онъ даже на нее хотѣлъ что нибудь натянуть.

— Ну-ну. А дайте-ка мнѣ чего-нибудь выпить.

— Какъ насчетъ пунша?

И онъ сыпалъ остротами, точно заведенная машина; и если остроты его не всегда отличались тонкой маркой, то и въ этомъ онъ похожъ былъ на машину.

И вотъ въ этомъ-то погребѣ Антонъ Бюргель былъ постояннымъ гостемъ. Но хотя онъ посѣщалъ погребокъ каждое утро и каждый вечеръ, выпивая каждый разъ полбутылки, бутылку и даже больше, онъ не сошелся съ владѣльцами, они остались чужими другъ другу. Талантами хозяйки онъ вовсе не пользовался, такъ какъ онъ, вѣрный мюнхенскому обычаю, обѣдалъ въ пивной. Господинъ Шнютгенъ же неоднократно пытался вовлечь гостя въ маленькій разговоръ, но каждый разъ, когда старичокъ выбрасывалъ нѣсколько веселыхъ, остроумныхъ словъ, которыя всегда заключали въ

себѣ нѣчто пріятное, онъ получалъ въ отвѣтъ ворчливое бормотаніе, похожее на звукъ брошенныхъ въ раздраженіи дверей. Поэтому господинъ Шнютгенъ рѣшилъ; наконецъ, предоставить Бюргеля газетамъ и одиночеству и думалъ про себя: „Пьетъ парень какъ слѣдуетъ, но въ общемъ чудакъ".

Дочитавъ газету, Бюргель начиналъ нервно передвигать свою папиросу между губами, ерошилъ свои волосы, смущенно оглядывалъ все помѣщеніе и, наконецъ, рѣзкимъ движеніемъ отсовывалъ занавѣску такъ, что черезъ открывавшуюся щель онъ могъ смотрѣть на свой фонтанъ среди площади. Онъ нѣкоторое время упорно глядѣлъ на одну точку, а рука его порывисто отрывала отъ газеты маленькіе клочки бумаги и скатывала ихъ въ шарики. Но мало-помалу лицо его все больше омрачалось, и, медленно, но рѣшительно покачивая головой, онъ отводилъ глаза, чтобы залпомъ выпить одинъ, два, а то три стакана вина.

А почтенное и веселое общество, которое раньше присаживалось къ нему, перестало раздѣлять его компанію. У него являлись теперь совсѣмъ иныя мысли, мысли отнюдь не отрадныя... Чаще всего ему представлялось слѣдующее: прошло пятьдесятъ, а то и сто лѣтъ послѣ смерти Антона Бюргеля, умершаго въ своей ли кровати, въ гостяхъ ли— все равно; и вотъ въ одинъ прекрасный день въ Гаммерштедтъ попадаютъ двое художниковъ, не молодыхъ ужъ, не склонныхъ къ слѣпому преклоненію,—серьезные, здравомыслящіе люди. Невольно онъ создавалъ ихъ по собственному образу и подобію. Художники эти случайно наталкиваются на его фонтанъ; они удивленно останавливаются, долго и молча оглядываютъ его, какъ сдѣлалъ бы и онъ, и одинъ говоритъ другому: „Не дурно, ей-Богу, не дурно", но второй, не говоря ни слова, указываетъ на неудачную и шаблонную фигуру мальчика и прибавляетъ: „Нѣтъ, это все-таки мазня", и они удаляются.

Бюргель могъ выпить полбутылки, бутылку и еще больше, но эта фраза: „все-таки мазня" не выходила изъ его головы.

Въ иныя минуты, когда вино производило свое дѣйствіе, Бюргель чувствовалъ нѣчто вродѣ надежды. Вѣдь стоитъ только замѣнить эту фигуру другою. Какъ охотно сдѣлалъ бы онъ это на свои средства! Почему онъ не предложилъ этого господину Броохху? Да, онъ прекрасный человѣкъ этотъ господинъ Броохъ—благородный, щедрый,—словомъ, настоящій меценатъ, но понимаетъ-ли онъ что-нибудь въ искусствѣ? Бюргель очень сильно сомнѣвался и боялся, что Броохъ скажетъ ему то-же, что говорилъ бургомистръ при освященіи: фонтанъ вышелъ совершенно цѣлесообраз-

нымъ, чего же онъ еще хочетъ? Трезвому купцу его предложеніе покажется просто глупостью.

Дѣйствительно, для того, чтобы не отдаваться все больше озлобленію и огорченію, для того, чтобы эти чувства окончательно не подорвали дѣятельности его ума, осталось только одно средство—уѣхать возможно скорѣе изъ Гаммерштедта. Завтра! Непремѣнно завтра, какъ онъ ужъ неоднократно говорилъ себѣ. Да...

Господинъ Шнютгенъ, который сидѣлъ за своимъ бюро и съ необычайнымъ трудомъ (обхвативъ лѣвою рукою дрожащую кисть правой) записывалъ счета, какъ разъ въ это время всталъ, подкрался къ Бюргелю и, покашливая, спросилъ, не зажечь ли лампу?

— Если для меня, то не надо!—проворчалъ скульпторъ.

„Чудакъ парень", подумалъ господинъ Шнютгенъ, отходя отъ него.

„Да, да уѣхать! Мужество! Мужество! Мужество! Почему онъ ужъ давно не уѣхалъ?" спрашивалъ онъ себя, глядя до сихъ поръ на темное мѣсто, гдѣ въ это мгновеніе засвѣтились уличные фонари. Ахъ! Онъ широко раскрылъ глаза и вскочилъ со стула. Не шляпа ли фрейленъ Дистеркампъ промелькнула тамъ? А вотъ ея прическа надъ воротникомъ синей жакетки, вотъ вся ея стройная фигура. Онъ ее зналъ слишкомъ хорошо, чтобъ ошибиться.

— Получите!—крикнулъ онъ необыкновенно энергичнымъ голосомъ и вслѣдъ затѣмъ торопливо оставилъ погребъ.

Разъ Анна Дистеркампъ прорѣзала площадь, значитъ, она была сейчасъ въ одной изъ многочисленныхъ боковыхъ улицъ. Онъ бросался изъ улицы въ улицу съ наибольшей быстротой, возможной при густой массѣ публики и скользкихъ тротуарахъ. И, чѣмъ дольше онъ не находилъ Анны, тѣмъ настойчивѣе онъ искалъ ее.

Ибо, сказать правду, было еще одно обстоятельство, которое мѣшало ему покинуть Гаммерштедтъ, а именно, онъ передъ отъѣздомъ непремѣнно хотѣлъ поговорить кой о чемъ съ фрейлейнъ Дистеркампъ.

Антонъ Бюргель въ своей личной жизни былъ, можетъ быть, въ нѣкоторой степени чудакомъ, немного богемой, но по отношенію къ своимъ знакомымъ это былъ человѣкъ строжайшей, точнѣйшей порядочности.

И потому мысль, что онъ долженъ извиниться передъ Анной, не давала ему покоя. Онъ тогда на прогулкѣ обидѣлъ ее какимъ-то неподобающимъ словомъ. Если онъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о той половинѣ человѣчества, которая носитъ перья и цвѣты на шляпахъ, то это основывалось на давно забытомъ старомъ опытѣ. И онъ, несомнѣнно,

готовъ былъ признаться, что онъ ошибается, а тѣмъ болѣе, что существуютъ исключенія. Во всякомъ случаѣ онъ тогда имѣлъ въ виду не фрейлейнъ Дистеркампъ. Нѣтъ, ее меньше всего! Ее меньше всего!

Вотъ что онъ хотѣлъ ей сказать и потомъ съ чистою совѣстью распрощаться съ нею. Это и... Но все, что придумывалъ его мозгъ еще сверхъ того, онъ каждый разъ грубо, почти пугливо отбрасывалъ, какъ нѣчто совершенно не поддающееся сообщенію.

Однажды утромъ онъ стоялъ передъ витриной магазина и колебался, зайти ли ему. Ему очень трудно было столкнуться съ продавщицей, очень элегантной, пышной, но довольно стройной дамой съ блѣднымъ лицомъ. Онъ, напримѣръ, просилъ у нея прочные, довольно толстые шерстяные чулки; дама улыбалась, отвѣчала „хорошо“ и подавала ему кипу тончайшихъ носочковъ какихъ-то пестрыхъ рисунковъ, которые, утверждала она, сейчасъ въ модѣ. „Нѣтъ ли у васъ другихъ?“ „Разумѣется, но именно эти носятъ теперь всѣ“, отвѣчала она немного презрительно. „Завязать вамъ дюжину?“ Этотъ вопросъ она задала ему тономъ доброжелательнаго снисхожденія, поглядывая уже на дверь, точно ожидала слѣдующаго покупателя, чтобъ справиться съ тѣмъ такъ же быстро, какъ съ нимъ. И самое большое, на что Бюргель осмѣливался въ виду этого тона, было: „четверть дюжины“. Чувствуя, что онъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ этой дамы, онъ торопливо расплачивался и слишкомъ ужъ быстро оставлялъ магазинъ, унося съ собой чулки, которые рвались при первой же попыткѣ надѣть ихъ.

Рисуя себѣ всю предстоящую картину, онъ съ мрачнымъ, почти свирѣпымъ лицомъ смотрѣлъ на витрину. И вдругъ изъ-за этой же витрины выглянула Анна Дистеркампъ. Она улыбнулась ему, покраснѣла и кивнула головой.

— Что это, вы уже вернулись, или еще не уѣхали?

— Я еще все здѣсь... но я завтра непремѣнно уѣзжаю, если не случится ничего непредвидѣннаго,—прибавилъ онъ.

Что бы ни происходило сейчасъ въ душѣ Бюргеля, ничто не выступило наружу. Онъ снялъ шляпу, пожалъ руку дѣвушки и отвѣчалъ на ея вопросы своимъ обычнымъ, сдержаннымъ и нѣсколько ворчливымъ тономъ.

Быстро, какъ говорятъ что-нибудь, лишь бы только не молчать, между тѣмъ, какъ на душѣ совершенно другое, Анна спросила:

— Вы шли въ магазинъ?

— Да, но, можетъ быть, вы знаете, гдѣ можно купить прочтные шерстяные чулки?

— Шерстяные чулки?

Она почти выкрикнула эти два слова. Какъ много крылось въ этомъ восклицаніи! И смѣхъ, и слезы, и чувства. Какъ комична и какъ жестока жизнь! Она дни и ночи думала объ этомъ человѣкѣ, дни и ночи тосковала по немъ, и вотъ, когда они встрѣтились, онъ спрашиваетъ ее, гдѣ можно купить шерстяные чулки...

Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собой и повела его въ отстоявшій на нѣсколько шаговъ магазинъ, витрина котораго немедленно вызвала въ Бюргелѣ представленіе о безконечно добродушной, безконечно покладистой дамѣ, сидящей за пылающей печкой; на носу у нея стальныя очки, она носитъ душегрѣйку и ватные шарики въ ушахъ и вяжетъ шерстяной, дѣйствительно, теплый чулокъ.

— Здѣсь я всегда покупаю для своего отца,—сказала Анна.

Бюргель замѣтилъ себѣ имя владѣльца и номеръ дома и удовлетворенно кивнулъ головой.

— Вы не зайдете развѣ?

— Нѣтъ! Вѣдь это не къ спѣху. У меня сейчасъ нѣтъ никакихъ дѣлъ. Не позволите ли вы проводить васъ немного?

Эти послѣднія слова онъ произнесъ нѣсколько неувѣренно. И такъ же неувѣренно, хотя по возможности просто, Анна отвѣтила:

— Если вы никуда не спѣшите, мы, можетъ быть, пройдемся. Я тоже свободна.

— Хотите въ паркъ?

— Я знаю другую дорогу, которая гораздо красивѣе. Тамъ, на той сторонѣ. Вы знаете, гдѣ находится бумагопрядильня Мильзипена?

— Да, знаю.

— Вы меня тамъ подождете? Мнѣ все-таки надо еще кое-что сдѣлать. Но это не больше четверти часа.

— Я васъ жду.

Торопливыми шагами Анна удалилась и едва сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ улыбнулась, улыбнулась во все лицо, такъ что дама, попавшаяся ей навстрѣчу, сначала испытующе осмотрѣла себя, а потомъ бросила свирѣпый взглядъ на нее. Но она не могла совладать со своимъ лицомъ и тихо улыбалась. Она была рада тому, что ей удалось солгать такъ храбро, такъ гладко, такъ ловко. Во-первыхъ, у нея не было никакого дѣла: ей просто не хотѣлось ходить по улицѣ съ Бюргелемъ. А, во-вторыхъ, предложенная ею дорожка была глухая, тянулась ниже полей, выше рабочихъ кварталовъ и не была ни красива, ни живописна. Каждый день можно было читать въ газетахъ, что тамъ въ непролазной грязи

завязла какая-нибудь телѣга. Но за то эта дорога имѣла одно преимущество: ни фрейлейнъ Дюмелингъ, ни кого-либо другого изъ „лучшихъ элементовъ“ тамъ нельзя было встрѣтить.

Было какъ разъ обѣденное время. Отовсюду доносился глухой вой гудковъ. Изъ воротъ фабрики, возлѣ которой Бюргель поджидалъ Анну, полился потокъ спѣшащихъ, почти падающихъ и спотыкающихся людей, потокъ, имѣвшій такую силу, что Бюргеля отбросило на противоположную сторону улицы. Въ значительномъ отдаленіи онъ замѣтилъ Анну. Она то появлялась, то исчезала, какъ будто борясь съ волнами. Потомъ они вмѣстѣ пошли по дорогѣ, которая тянулась то между пустырями, то между рабочими казармами. Вьющаяся тропинка, вся засыпанная чернымъ пепломъ, поднималась къ жалкимъ остаткамъ буковаго лѣса.

Мрачныя каменныя зданія, покрытыя цементомъ, громоздились другъ надъ другомъ, а въ долинѣ высились крыши фабрикъ; изъ безчисленныхъ трубъ клубился черный дымъ; въ грязное русло Вуппера изъ короткихъ свинцовыхъ трубъ, шипя, вливался кипящій водяной паръ и красныя и фіолетовыя химическія жидкости. А надъ всѣмъ этимъ—тревожное сѣрое небо, покрытое изсиня черными тучами и разорванными облаками, края которыхъ сверкали золотомъ и серебромъ.

Бюргель молча остановился. Несмотря на грязь, въ которую онъ увязалъ на каждомъ шагу, мѣстность ему нравилась. Въ ней было что-то суровое, желѣзное, полное упорства и печали.

Онъ началъ было свою извинительную рѣчь, но Анна послѣ первыхъ же словъ прервала его, взявъ всю вину на себя и сознавшись ему, почему она тогда убѣжала.

Тутъ и тамъ на камняхъ или скамейкахъ сидѣли рабочіе, съѣдая свой обѣдъ изъ жестянокъ. Жена или дѣти, принесшія обѣдъ, смотрѣли внимательно, безмолвно, но не безъ нѣжной заботливости. Когда они пошли дальше, они наткнулись на влюбленную парочку: дѣвушка, судя по платью и лицу, фабричная работница, потупилась, когда они прошли мимо. Мужчина же спокойно и гордо посмотрѣлъ имъ прямо въ лицо. Потомъ онъ обратилъ свой взоръ на возлюбленную, вокругъ шеи которой, точно клещи, обвились его руки.

А наша пара говорила пока о Мюнхенѣ. Анна много слышала объ этомъ городѣ отъ подругъ. Хотѣла бы она познакомиться съ этимъ городомъ? Конечно, хотѣла бы, но объ этомъ и думать нечего!.. Вѣдь дальше Дюссельдорфа ей не выбраться.

Они заговорили о другихъ еще городахъ, и ее охватила

глухая, сѣрая тоска, а онъ вздрагивалъ отъ нерѣшимости. Но новая парочка отвлекла ихъ вниманіе.

Бюргеля охватило неудержимое презрѣніе ко всей раздвоенной, искусственной, сложной неестественности въ насъ, культурныхъ людяхъ. Почему онъ не кладетъ такъ же, какъ тотъ рабочій, свою руку на плечо Анны? Въ ней, хотя и въ скромныхъ тайникахъ, хотя и менѣе ясно, но не менѣе бурно проснулось то же желаніе.

Они уже дошли до открытаго поля, и Анна заявила, что ей пора вернуться, когда Бюргель, считая телеграфные столбы, поклялся на десятомъ столбѣ выложить ей все, что у него на душѣ.

До девятаго столба они говорили о скульпторѣ Гильдебрандтѣ, у десятаго же Бюргель остановился и, не дѣлая даже попытки перехода, выпалилъ:—Фрейлейнъ Дистеркампъ, если вамъ такъ хочется увидѣть Мюнхенъ, то вѣдь есть путь туда.

— Какой же?

— Да, если-бъ вы рѣшились стать моей женой!

Бюргель произнесъ это порывисто, погрузивъ конецъ свего зонтика въ грязь. И, поднявъ глаза, этотъ обычно столь мрачный человѣкъ какъ будто улыбался.

Лицо Анны измѣнилось немного, еще немного, наконецъ, перемѣнилось до того, что глаза глубоко ушли подъ лобъ, скулы на блѣдномъ лицѣ остро выступили, носъ вытянулся и обострился, такъ обострился, что, будь она трупомъ, онъ продырявилъ бы крышку гроба. Но вдругъ она какъ-то встрепенулась, топнула лѣвой ногой и убѣжала.

— Сжальтесь! Сжальтесь! О Боже! Боже!

Бюргель бросился за нею, говорилъ, молилъ, заклиналъ, осыпалъ ее упреками, увѣреніями, просьбами простить его. Тогда она остановилась, какъ бы проснувшись, провела рукою по лицу и глухимъ голосомъ спросила:

— Развѣ вы не пошутили?

— Пошутилъ? Пошутилъ? Нѣтъ. Въ шутку я такихъ вещей не говорю.

Новая перемѣна сразу помолодила Анну на десять лѣтъ. Она почувствовала потрясающее волненіе, отъ котораго она пошатнулась, такъ что Бюргель простеръ объятія, чтобъ она не упала. И грудь къ груди, уста къ устамъ, они обняли другъ друга желѣзными объятіями, и въ его головѣ невольно промелькнула мысль: крѣпче, бурнѣе и искреннѣе не могутъ обниматься даже этотъ блузникъ со своей возлюбленной.

Потомъ, спустя довольно много времени, онъ спросилъ

ее: любитъ ли она его дѣйствительно? Ему хотѣлось не только чувствовать, но и услышать признаніе.

Она разсмѣялась и бурнымъ движеніемъ откинула голову, такъ что ея слезы полились по щекамъ и подбородку.

— Если бъ ты меня спросилъ, согласна ли я удрать съ тобою сейчасъ, вотъ отсюда, хочу ли стать твоей любовницей, я бы и тогда пошла. Вѣдь я тебя такъ безумно люблю!

XIV.

Пораженныя, возбужденныя, не довѣряя своимъ ушамъ, особенно ушамъ внутреннимъ, которыя услышали не только произнесенныя вслухъ слова, но и ихъ тайный смыслъ, ушли съ урока готовящіяся къ конфирмаціи дѣти и обсуждали странную рѣчь пастора Дистеркампа. Онъ говорилъ о реформаціи и безъ всякой связи перешелъ къ Карлштадту, къ его приверженцамъ и къ иконоборцамъ. Онъ далеко не безусловно оправдывалъ ихъ дѣятельность, такъ какъ она вѣдь была направлена противъ украшенія церквей. Но, тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильна была вѣра въ поколѣніи того времени. И въ виду разныхъ происшествій послѣдняго времени онъ бы пожелалъ современнымъ холоднымъ христіанамъ нѣкоторую часть фанатизма тѣхъ временъ. Ибо воистину, городъ, въ которомъ на открытой площади для соблазна всѣмъ благочестивымъ очамъ стояло позорящее произведеніе, не вызывая противъ себя бури общественнаго негодованія, такой городъ уподобляется языческому Риму, какъ онъ описанъ апостоломъ въ Посланіи къ римлянамъ, гл. I, ст. 18—32.

При общемъ напряженіи и при злорадныхъ улыбкахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ, Эрнсту Брооху пришлось прочесть вслухъ то мѣсто, въ которомъ гнуснѣйшіе пороки вырождающейся древности были перечислены подъ возможно яркими именами.

— Я узнаю тебя. Тебѣ хочется, чтобы кто-нибудь разбилъ вдребезги фонтанъ, — сказалъ Фрицъ Люне по окончаніи урока.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, этого онъ не могъ имѣть въ виду, — возразилъ Августъ, весь перепуганный и пораженный.

— Вы знаете, что онъ хотѣлъ сказать?—замѣтилъ Гаверкампъ. — „Желать-то я этого не желаю, но дай Богъ, чтобъ такъ случилось!“

Одинъ только Эрнстъ не сказалъ ни слова, но товарищи догадывались о состояніи его души по его лицу, на которомъ

все еще было выраженіе мучительнаго возмущенія и скрывшагося за гордостью смущенія. Онъ, какъ, впрочемъ, и другіе мальчики, былъ увѣренъ, что пасторъ позоромъ этого чтенія хотѣлъ покарать именно его. Какъ будто онъ былъ виноватъ въ томъ, что его отецъ соорудилъ этотъ фонтанъ! Не подлость ли со стороны пастора вымещать на немъ свою злобу?! Въ его страстномъ сердцѣ былъ настоящій хаосъ: оскорбленное чувство справедливости, подорванное довѣріе, превратившаяся въ ненависть любовь поднимали въ немъ бурю и порождали невыполнимые планы.

Но, собственно говоря, его дядя былъ не такъ ужъ виноватъ. Его выборъ упалъ на племянника по необдуманности. Онъ, впрочемъ, и досадѣ своей далъ волю. Уже въ продолженіе четырехъ недѣль онъ агитируетъ, но до сихъ поръ не поднимается народное движеніе. Изъ лучшихъ людей на его сторону перешелъ за послѣднее время одинъ только аптекарь Рингель. Да и тотъ выставлялъ сначала разныя матеріальныя соображенія. Но тогда фрейлейнъ Дюмелингъ разъ во время интимнаго разговора спросила его супругу, знаетъ ли она, что существуетъ разница между хорошимъ и дурнымъ лѣкарствомъ. Если она не знаетъ, то пусть замѣтитъ себѣ: хорошее лѣкарство изготовляется хорошими, дурное—дурными христіанами. И пока она, фрейлейнъ Дюмелингъ, будетъ состоять въ попечительствѣ дѣтскаго госпиталя, она будетъ стараться, чтобы ея любимцы получали только лучшее. Послѣдствіемъ этого разговора было письмо господина Рингеля къ пастору Дистеркампу, письмо, въ которомъ аптекарь сообщалъ, что онъ передумалъ и рѣшилъ ради своей невинной маленькой дочери пожертвовать всѣми матеріальными соображеніями и принять участіе въ борьбѣ за нравственность и благопристойность.

Это былъ всего одинъ союзникъ! А по мнѣнію Дистеркампа, къ этому времени должны были явиться уже сотни.

Къ тому же на дняхъ въ думскомъ засѣданіи позорно провалилось предложеніе кондитера Батге „объ удаленіи соблазнительнаго фонтана съ Рыночной площади или объ устраненіи, по крайней мѣрѣ, самыхъ грубыхъ непристойностей его“. Послѣ краткихъ дебатовъ, во время которыхъ раздавались фразы, что „никто не дастъ втереть себѣ очки лже-моралью“ и т. п., засѣданіе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, пастору Дистеркампу и его вѣрнымъ союзникамъ оставалось одно лишь средство—созывъ народнаго собранія. И таковое было, дѣйствительно, назначено на слѣдующій понедѣльникъ. И вотъ, волненіе передъ этимъ чреватымъ послѣдствіями шагомъ, опасеніе передъ не совсѣмъ обезпеченнымъ исходомъ, но

больше всего сознаніе, что онъ не долженъ пропускать ни одного случая, чтобы будить души изъ ихъ позорнаго сна,— все это вмѣстѣ заставило пастора говорить столь рѣзкія рѣчи.

Послѣ обѣда, въ день урока Закона Божія, пасторъ сидѣлъ на своемъ креслѣ и былъ въ чрезвычайномъ затрудненіи, такъ какъ ему не приходило вдохновеніе для проповѣди въ будущее воскресенье.

Эта проповѣдь должна была имѣть своимъ предметомъ только грѣхъ, должна быть посвящена только дьяволу. И это должна быть не обыкновенная проповѣдь, во время которой слушатели потягиваются, зѣваютъ и оглядываются, чтобы, наконецъ, со довольными лицами разойтись по домамъ. Нѣтъ, она должна пронестись надъ общиною, точно гроза, точно Іерихонская труба, она должна открыть самыя черствыя сердца. Но ужъ нѣсколько часовъ пасторъ думалъ и думалъ, а на его бѣлой бумажкѣ чернѣла одна только фраза: „И сатана владыка“.

Наконецъ, онъ, вздыхая, всталъ и подошелъ къ запертому шкафчику съ надписью: „Домашняя аптека“. Онъ досталъ оттуда бутылку съ свѣтло-желтой жидкостью, изъ которой налилъ себѣ рюмочку. Мірянинъ подумалъ-бы, что пасторъ питаетъ слабость къ коньяку. Но для него коньякъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ лѣкарствомъ, и принималъ онъ его не изъ прихоти, а лишь потому, что ощущалъ сильное давленіе подъ ложечкой. Потомъ онъ закурилъ новую сигару и, вычеркнувъ написанное раньше предложеніе, опять началъ ждать вдохновенія.

Спустя полчаса, онъ написалъ: „Да, дьяволъ могучій владыка!“ И дальше ни съ мѣста.

Его затрудненіе росло, все больше и больше. Онъ окружилъ себя книгами, растрепалъ свои густо напомаженные волосы, стиралъ холодный потъ со лба, но дьяволъ продолжалъ издѣваться надъ нимъ, не поддаваясь никакимъ соображеніямъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ взобрался на чердакъ, гдѣ среди запыленныхъ, рѣдко употребляемыхъ книгъ и рукописей хранились конспекты проповѣдей его отца. Онъ досталъ пачку этихъ конспектовъ. Если кто нибудь могъ его выручить, то именно покойный отецъ.

Ибо старый Дистеркампъ былъ человѣкомъ совсѣмъ не такого склада, какъ его сынъ Готлибъ. У него не было ни такой статной, внушительной фигуры, ни брюшка, ни такого круглаго, чисто выбритаго лица, на которомъ, смотря по обстоятельствамъ, выступала то богоугодная улыбка, то мягкая снисходительность, а то вдругъ ложный священный гнѣвъ,

но которое въ общемъ выражало нѣкоторую досаду, а чаще довольно сонное спокойствіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что владѣлецъ этого лица не брезгалъ вкусной ѣдой и выпивкой. Старый Дистеркампъ былъ довольно невзрачный, кривоногій человѣкъ, съ взъерошенными сѣдыми волосами. У него былъ носъ картошкой, изъ ноздрей его торчали черные волосы, и были необыкновенно глубоко сидящіе, пронизывающіе глаза. Съ дьяволомъ онъ былъ за панибрата и имѣлъ съ нимъ не одну битву. Къ ужасу своей общины, онъ въ одно прекрасное воскресенье возвѣстилъ съ каѳедры, что сердце его—настоящій разбойничій притонъ, дикая пустыня, въ которой обитаютъ всѣ пороки дикихъ звѣрей: гнѣвъ льва, суетность обезьяны, чувственность козла... Община сильно перепугалась, но не отступилась отъ него послѣ этой рѣчи. Ибо она знала, что сердце этого человѣка является вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ садомъ Божіимъ, въ которомъ поютъ птицы съ чистыми хватающими за сердце голосами, съ мощными, уносящими душу праведныхъ въ рай, крыльями.

И если старый Дистеркампъ бывалъ иной разъ вспыльчивымъ и даже сварливымъ человѣкомъ (лучше всего это зналъ онъ самъ), то онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ—это зналъ весь городъ—настоящимъ добрякомъ, который своими рваными подошвами и кривыми каблуками обязанъ былъ не тому, что онъ обивалъ пороги богатыхъ обывателей, а тѣмъ, что его путь лежалъ всегда къ бѣднымъ и обездоленнымъ. Онъ не боялся, что его прогонятъ, не останавливался передъ тѣмъ, что часто приносилъ домой блохъ, а еще чаще—возможность заразныхъ заболѣваній; онъ кралъ у себя, у своей жены и своихъ дѣтей, чтобы помочь нуждающимся, и былъ въ этой области еще большимъ фанатикомъ, чѣмъ въ своей вѣрѣ.

Его сынъ Готлибъ, однако, унаслѣдовалъ отъ своего отца очень мало. Его сердце не было ни разбойничьимъ притономъ, ни садомъ Божіимъ. Это было трезвое, заурядное человѣческое сердце, и тамъ царилъ порядокъ, какъ въ нарядной купеческой комнатѣ, въ которой есть все необходимое, въ которой ничто не поражаетъ. И если въ этой комнатѣ было немного мрачнѣе обыкновеннаго, если воздухъ въ ней былъ немного болѣе спертый, то это происходило отъ того, что окна этого помѣщенія были завѣшаны торжественнымъ чернымъ пасторскимъ облаченіемъ.

Вотъ почему Дистеркампъ-сынъ обливался потомъ, когда онъ возымѣлъ намѣреніе говорить о дьявольской власти по собственному опыту, проникнуть въ самую глубь ея. Тутъ не хватило его собственныхъ силъ, и онъ долженъ былъ занять у своего отца. И въ конспектахъ послѣдняго онъ,

дѣйствительно, нашелъ гдѣ мѣткое изреченіе, гдѣ потрясающую исторію, пережитую самимъ проповѣдникомъ; все это онъ кое-какъ спаялъ съ помощью собственныхъ наблюденій и безчисленныхъ цитатъ изъ Библіи и составилъ душеспасительную, но далеко не краткую проповѣдь.

И воскресенье наступило. Мрачно-сѣрое, облачное ноябрьское небо простирало надъ долиной несказанную тоску и тяжесть, какъ будто вся сажа, которую въ продолженіе всей недѣли выплевывали всѣ фабричныя трубы, какъ будто всѣ стоны, которые поднимались изъ стѣсненныхъ сердецъ, какъ будто все это спадало съ неба въ видѣ моросящаго дождя.

Эрнстъ Броохъ въ тяжеломъ кошмарномъ снѣ ворочался на своей постели. На его ночномъ столикѣ стоялъ огарокъ свѣчи, и рядомъ съ нимъ лежала открытая Библія.

Рѣзкимъ движеніемъ, какъ будто кто-то его внезапно толкнулъ, онъ проснулся, потянулся, широко раскрылъ глаза и приподнялся. Онъ вдругъ опять вспомнилъ про все. И то, что ночью было въ немъ лишь смутнымъ желаніемъ, стало вдругъ твердымъ рѣшеніемъ. Онъ пойдетъ къ дядѣ и заставитъ его признаться, почему онъ велѣлъ читать вслухъ именно это мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ. Онъ ему скажетъ, что это было жестоко. Мало того! Онъ ему скажетъ гораздо худшее: что онъ отрѣшился отъ своей вѣры. Онъ не можетъ, онъ не хочетъ больше вѣрить. У него есть одно только желаніе - отдѣлаться отъ вѣры, какъ отъ тяжелой болѣзни. Развѣ вѣра помогла ему найти покой, чистую совѣсть и упованіе на Бога? Онъ чувствовалъ себя втянутымъ въ грязь, онъ потерялъ всякое уваженіе къ себѣ, всякую радость въ жизни. А жертвы, которыя онъ приносилъ! Ради кого, кому въ угоду? Замѣчая издали Кетхенъ Плацгофъ, онъ, вѣрный своему обѣщанію, сворачивалъ въ переулокъ. Но развѣ онъ послѣ этого испытывалъ чувство, что совершилъ доброе дѣло? Онъ стыдится этого бѣгства, какъ подлой трусости, какъ незаслуженной обиды, нанесенной дѣвушкѣ. Онъ не хочетъ больше вѣрить, онъ потерялъ всякую охоту къ этой вѣрѣ, всякую надежду на нее. Оскорбительнымъ обманомъ казалась ему мысль, что если и существуетъ Богъ, этому Богу нравятся люди безъ чувства собственнаго достоинства, люди, которые не смѣютъ сознаться, кто они такіе. Ахъ, какъ бы хотѣлъ онъ вернуть прежнее состояніе своей души!

Онъ вскочилъ, побѣжалъ босикомъ къ окну и выглянулъ на дворъ. Безжизненные, заспанные, какъ будто зажмуривъ глаза и заткнувъ уши отъ скверной погоды, стояли на безлюдной площади черные дома съ закрытыми ставнями. Нигдѣ ни красокъ, ни свѣта. Даже золотой левъ надъ аптекой какъ будто поблекъ. Одинъ только фонтанъ сіяющимъ блескомъ

своего мрамора выдѣлялся въ этой безнадежной безцвѣтности...

И въ мальчикѣ, который, неподвижно скорчившись отъ холода, внимательно оглядывалъ фонтанъ, шевельнулось живое удивленіе по поводу тѣхъ чувствъ, которыя внушало ему до сихъ поръ это произведеніе. Онъ до сихъ поръ злился на него, стыдился за него, желалъ его гибели, все изъ-за этихъ толковъ, изъ-за любопытныхъ разспросовъ товарищей, все потому, что его недовѣрчиво настроенные глаза чуяли грязь за этими голыми фигурами. Сегодня же эти мальчики показались ему презабавными: они вдругъ какъ будто задвигались, начали взлѣзать все выше и выше, чтобы уклониться отъ льющихся сверху капель... Но это смутное представленіе очень скоро смѣнилось болѣе опредѣленнымъ. Его смѣнило представленіе дивнаго знойнаго вечера на Рейнѣ, когда издали доносятся шаловливые крики изъ купаленъ. Ахъ, лѣто! Невольно быстрымъ движеніемъ онъ поднялъ глаза вверхъ, будто тамъ на небѣ могло сіять солнце. Лѣто, каникулы!.. Онъ босикомъ побѣжалъ обратно къ кровати. Лѣто... Въ уютномъ теплѣ постели онъ почти ощущалъ его. Онъ попроситъ маму, чтобъ она опять поѣхала съ нимъ въУнкель...

И пока онъ на крыльяхъ своей фантазіи быстро мчался внизъ по Рейну, гдѣ онъ на лодкѣ наединѣ съ Кетхенъ переживалъ страшную бурю и проявилъ мужество, его мягко и нѣжно охватилъ другой потокъ, въ глубинахъ котораго онъ нѣкоторое время плавалъ съ счастливой улыбкой облегченія на лицѣ.

Послѣ завтрака, какъ всегда по воскресеньямъ, онъ отправился въ церковь. Послѣдняя была уже почти полна, но передъ нею тѣснилась еще масса народа. Тутъ было много такихъ, которые обычно являются въ храмъ Божій лишь въ великіе праздники. И поэтому не одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей, найдя свое мѣсто занятымъ, долженъ былъ стоять.

Проповѣдь послѣдняго воскресенья возымѣла свое дѣйствіе, и паства надѣялась, что сегодня пасторъ будетъ выражаться еще опредѣленнѣе.

И онъ, дѣйствительно, не обманулъ возложенныхъ на него надеждъ. Уже самый выборъ эпиграфа вызвалъ пріятное предчувствіе:

„Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили е о въ море, нежели чтобъ онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ. — Невозможно не придти соблазнамъ, но горе тому, черезъ кого они приходятъ“.

Непродолжительная суета, глубокіе вздохи, быстрое передвиганье скамеекъ — и потомъ мертвая тишина. Даже люди, уплатившіе по талеру за мѣсто, не могли бы слушать внимательнѣе.

И проповѣдь, дѣйствительно, была великолѣпна; ее можно было сравнить развѣ съ долгой, долгой, непрерывной грозой, съ частыми раскатами грома. Минутами этотъ громъ звучалъ немного деревянно, трещалъ, но не громилъ, чаще, однако, онъ звучалъ устрашающе, дико и необычно, даже запугивающе, точно странный голосъ изъ груди давно умершаго разсказывалъ о томъ, что онъ перестрадалъ, что его сердило, чего онъ боялся, какъ будто покойникъ опять воскрешалъ горестное содержаніе своей тяжкой жизни.

Блестящая проповѣдь, она стала слабѣе только къ концу, когда ораторъ заговорилъ о воплощеніи сатанинскаго владычества, называемаго свѣтскими людьми литературой и искусствомъ и вообще красотой. Но тутъ уже публику занимала сама тема. Когда Дистеркампъ, въ качествѣ безбоязненнаго человѣка, заговорилъ прямо о фонтанѣ, называя его безъ всякихъ околичностей позорнымъ болотомъ грѣховности, а основателей его (тутъ находили многіе, онъ могъ выразиться точнѣе) безсознательными пособниками дьявола, онъ послѣ произнесенной молитвы могъ съ чувствомъ удовлетворенія вытащить свой носовой платокъ и вытерѣть вспотѣвшій лобъ и щеки. Это послѣднее было, съ одной стороны, крайне необходимо, съ другой же стороны, всегда производило чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на простую публику. Онъ проповѣдью добился результата, лучше котораго ему рѣдко приходилось достигать.

Правда, вліяніе было не на всѣхъ одинаковое, къ сожалѣнію, не на всѣхъ! Ахъ, какъ было бы ему больно узнать, что какъ разъ его любимцы, господа въ безукоризненныхъ сюртукахъ, въ цилиндрахъ и съ серебряными тросточками, а также ихъ „просто, но дорого“ одѣтыя супруги были не особенно довольны его доводами, особенно тѣми, которые онъ занялъ у своего отца.

И все-таки это было такъ. Ибо нынѣшнее поколѣніе, совершенно непохожее на своихъ отцовъ, которые съ вѣрующимъ и покорнымъ сердцемъ подходили къ пастырю, новое поколѣніе, чувствуя себя защитникомъ Бога, на котораго нападали соціалдемократы, атеисты, монисты и всякіе другіе плохіе плательщики податей, посѣщало, правда, Бога своего по воскресеньямъ отъ десяти до одиннадцати, потребовало за то отъ пастора вѣжливаго обращенія и, въ случаѣ надобности, защиты своихъ интересовъ. Выслуши-

вать же вмѣсто этого крѣпкія слова и быть предметомъ обличеній подобно грѣшникамъ это совсѣмъ не было въ ихъ вкусѣ. Поэтому на улицѣ, передъ входомъ въ церковь не одинъ цилиндръ безпокойно ерзалъ надъ багрово-краснымъ лицомъ и сквозь многіе искусно сдѣланные зубы вырывались слова: „Неслыханно! Возмутительно! Если нѣчто подобное пишетъ соціалдемократическая газета“ и т. п.

И еще одинъ человѣкъ не былъ согласенъ съ пасторомъ. Пасторъ замѣшкался немного въ ризницѣ, чтобы дать разойтись публикѣ; кромѣ того, случалось, что какая-нибудь растроганная проповѣдью дама приходила къ нему, чтобъ поблагодарить его за полученное наслажденіе. Пасторъ, видя, что никто не является, хотѣлъ было уже съ нѣкоторымъ разочарованіемъ удалиться, какъ вдругъ зашелъ Шлехтендаль, чтобы поставить на мѣсто оловянную тарелку съ деньгами. Обрадовавшись случаю поговорить съ какимъ-нибудь человѣкомъ, пасторъ поздоровался съ нимъ и опустилъ всю тяжесть своей руки на его плечо, говоря:

— Ну, Шлехтендаль, не перемѣните ли вы еще въ послѣдній часъ свое рѣшеніе, не перейдете ли къ намъ для борьбы съ безнравственностью?

Мастеръ Шлехтендаль поторопился зажать свой кулакъ, не то монеты, навѣрно, разлетѣлись бы по полу. Сморщивъ лобъ, онъ озабоченно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, очень жаль, но я не могу присоединиться. Я бы охотно оказалъ вамъ какую-нибудь услугу, но не въ этомъ дѣлѣ.

— А почему нѣтъ? Въ вашемъ письмѣ былъ только отказъ. Что у васъ собственно за доводы?

— Да, это такъ. У меня есть доводы.

— Какіе-же?

— Да, старуха, т. е. моя жена, она вѣдь простая женщина, необразованная, но, тѣмъ не менѣе, она знаетъ, что подобаетъ. Она мнѣ сказала: „Ты не долженъ этого сдѣлать господину коммерціи совѣтнику. Господинъ коммерціи совѣтникъ всегда благосклонно и хорошо относился къ намъ, а нашъ Августъ тамъ, точно дома“...

— Значитъ, свѣтскія соображенія опредѣляютъ ваше поведеніе?—прервалъ его возмущенный пасторъ.

Портной спокойно кивнулъ головой.

— Да, свѣтскія соображенія. Это такъ. Но и съ ними приходится считаться. И потомъ, моя жена еще вотъ что сказала: „Я была въ Дюссельдорфѣ на службѣ, а тамъ по близости замокъ, въ которомъ раньше жили принцы и даже самъ старикъ Вильгельмъ когда-то останавливался въ немъ. И тамъ были фигуры, всѣ совершенно голыя, мужчины и

женщины, безъ всякой одежды. И то, что не смущаетъ королевскихъ принцевъ, не должно смущать и твоихъ дѣтей.“ И...

— Ну да, теперь я бы...

— И тогда я сказалъ: „Твоя правда, старуха“. Вотъ и я кое-что видалъ на своемъ вѣку. Я побывалъ и въ Нюрнбергѣ, и въ Мюнхенѣ, и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ. Тамъ еще не такое увидишь. Тамъ голыхъ фигуръ и не пересчитаешь. И онѣ стоятъ уже тамъ двѣсти, триста лѣтъ. И еще ни разу ничего не было въ газетахъ, и никто никогда не слышалъ о томъ, чтобъ изъ-за нихъ люди стали безнравственными. Нѣтъ, господинъ пасторъ, вы только потому не можете примириться съ фонтаномъ, что вы не привыкли къ подобнымъ вещамъ. Дайте-ка ему постоять лѣтъ десять-пятнадцать, и онъ такъ почернѣетъ, такъ густо покроется сажей...

— Развѣ мнѣ одному онъ кажется непристойнымъ? Безчисленное множество вѣрующихъ почувствовало себя оскорбленными. И онъ ужъ принесъ нравственный вредъ. Да, да, Шлехтендаль, среди благочестивыхъ людей! Я бы могъ вамъ разсказать кое-что! Я вообще не знаю, о чемъ вы тутъ говорили. Во всемъ этомъ нѣтъ вѣдь никакой связи. Въ другихъ мѣстахъ вѣдь совершенно другія условія. Да и вообще я васъ совершенно не понимаю. Неужели васъ не потрясло то, что вы сейчасъ выслушали? Неужели вы не поняли, какъ безконечно близка опасность? Вы вѣдь должны... Какъ вамъ вообще понравилась проповѣдь?—спросилъ онъ вдругъ.

Мастеръ Шлехтендаль, нѣсколько удивленный, сморщилъ лобъ и посмотрѣлъ на пастора сначала нерѣшительно, а потомъ твердо:

— Основательная проповѣдь, господинъ пасторъ. Мѣстами мнѣ казалось, вотъ точь-въ-точь, какъ будто я слышу вашего покойнаго отца. Но...

— Да?! — спросилъ Дистеркампъ, немного польщенный, но потомъ недовѣрчиво спросилъ:

— Но?

— Ахъ это „но“, оно означаетъ не такъ ужъ много, господинъ пасторъ,—уклончиво отвѣтилъ Шлехтендаль.

— Но, вѣдь имѣетъ же оно какое-нибудь значеніе. Говорите же!

— Да это, видите-ли, такъ... У насъ есть такая пословица, господинъ пасторъ. Для насъ, простыхъ людей, она гласитъ: „Сапожникъ, знай свои колодки“! Мнѣ кажется: сюртукъ остается сюртукомъ, все по мѣркѣ. Чужой нарядъ не всякому къ лицу.

— Что это значитъ?

— Что это значитъ?—озобоченно спросилъ старикъ Шлехтендаль, который, очевидно, имѣлъ что-то въ виду, но не зналъ еще, какъ подойти къ своей цѣли.—Я вотъ что думаю. Вашъ отецъ тоже иной разъ слишкомъ много позволялъ себѣ. Но ему это шло. У него это исходило изъ сердца.

— Вы думаете, у меня это не отъ чистаго сердца?

— О, разумѣется! Вѣдь господинъ пасторъ не станетъ болтать пустыхъ словъ! Но вотъ покойный отецъ вашъ никого не оскорблялъ: ни большихъ, ни малыхъ. А когда вы, господинъ пасторъ, назвали сегодня фонтанъ позорищемъ, я себя спросилъ: „А что подумаетъ при этомъ маленькій Эрнстъ Броохъ? Вѣдь это его отецъ воздвигъ фонтанъ“!

— Любезный Шлехтендаль!—воскликнулъ пасторъ, весь пылая гнѣвомъ.—Это вы ужъ предоставьте, пожалуйста, мнѣ. Мнѣ, повѣрьте, мой племянникъ и его отецъ ближе, чѣмъ вамъ. И если я жертвую этими родственными соображеніями, то у меня, вѣрно, имѣются на то причины. Для меня, видите-ли, мои отношенія къ Богу болѣе священны, чѣмъ отношенія къ людямъ. Понимаете вы это?

— Да, я это понимаю. Вѣдь я и не думаю что бы то ни было предписывать господину пастору. Я только думаю: „Чти отца твоего и мать твою“. А то, что вы, господинъ пасторъ, говорили намедни на урокѣ Закона Божія!..

— Что такое я говорилъ имъ?

— Да, мой Августъ, вернувшись домой, разсказывалъ, что вы говорили: „Если въ Гаммерштедтѣ не было бы столько невѣрующихъ, тогда фонтана уже и въ поминѣ не было бы, онъ давно былъ бы разрушенъ“.

— Какая ерунда! Какое искаженіе моихъ словъ! Вашъ Августъ безконечно ограниченный мальчуганъ, скажу я вамъ. Какъ онъ подвигается впередъ въ гимназіи, этого я прямо не понимаю.

— Можетъ быть, онъ дѣйствительно ограниченный мальчикъ. Но это еще не такъ ужасно. Вѣдь не могутъ же всѣ быть умницами. Надо считаться и съ глупыми.

— Ахъ, съ глупостью сами боги борются напрасно!—крикнулъ пасторъ внѣ себя.

— Не знаю, сказано ли это въ Библіи. Это вамъ, господинъ пасторъ, лучше знать. Но тамъ сказано: „Блаженны нищіе духомъ“. Поэтому вамъ бы не слѣдовало попрекать моего Августа тѣмъ, что онъ глупъ. Вѣдь это не грѣхъ.

— Ахъ, вѣдь я его не попрекаю. Я на слѣдующемъ урокѣ возвращусь къ своимъ словамъ, чтобы устранить вся-

кое недоразумѣніе. Но извините меня,—мы вѣдь такъ сильно отклонились отъ нашей темы—у меня еще кипа дѣлъ.

— Прощайте, господинъ пасторъ.

Онъ подалъ Дистеркампу руку и прибавилъ:

— Простите, господинъ пасторъ. Нашему брату не всегда такъ легко высказаться. Иной разъ скажешь и не такъ тонко.

— Разумѣется, разумѣется!—торопливо отвѣтилъ пасторъ, собираясь уходить.—Каждый говоритъ, какъ можетъ. Но,—въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся,—что вы отъ меня отступаетесь, Шлехтендаль, объ этомъ вы еще пожалѣете.

Старикъ на минуту задумался и затѣмъ послѣдовалъ за пасторомъ. Съ такимъ тяжелымъ сердцемъ, съ такою озабоченностью онъ еще ни разу не уходилъ изъ церкви. И хотя онъ, сознавая свою простоту, воздерживался отъ всякой критики, его не оставляла мысль о томъ, какъ пасторъ Дистеркампъ, проповѣдуя на тему: „горе человѣку, приносящему соблазнъ“, не запнулся: внутренній голосъ говорилъ ему, что пасторъ самъ именно проповѣдью своею грѣшитъ противъ этой заповѣди.

XV.

Скамья, на которой Эрнстъ усѣлся въ церкви, скоро вся заполнилась молящимися. Сосѣдомъ его оказался широкоплечій парень, который, судя по исходившему отъ него неприятному запаху, служилъ въ красильнѣ. Нисколько не стѣсняя себя и не думая даже сблизить широко разставленныя ноги онъ все плотнѣе надвигался на Эрнста, такъ что послѣдній былъ буквально стиснутъ между могучей рукой подмастерья и высокой боковой стѣнкой скамьи. Въ пѣніи молодой человѣкъ принималъ дѣятельное участіе, и оно, видно, доставляло ему удовольствіе. Но этимъ интересъ его какъ будто совершенно исчерпывался.. Во время проповѣди, не произведшей на него, очевидно, ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ занимался обработкой своихъ рукъ и лица, для чего безпрестанно вынималъ изъ кармана то перочинный ножикъ, то круглое зеркальце, то гребешокъ.

Эрнстъ все время боролся со своимъ отвращеніемъ къ сосѣду, со все усиливающимся страхомъ, вызываемымъ въ немъ проповѣдью, съ какимъ-то трепетнымъ безпокойнымъ чувствомъ чего-то совершенно непонятнаго и невозможнаго. Наконецъ, въ немъ взяло верхъ желаніе какъ можно скорѣе выбраться изъ церкви, чтобы перевести дыханіе и придти въ себя.

Но вмѣстѣ съ первой струей воздуха, которую онъ жадно втянулъ въ себя, онъ ощутилъ, что въ этомъ воздухѣ нѣтъ ничего освѣжающаго, что онъ сыроватъ и тепловатъ, какъ паръ прачешной, тяжело сдавливающій грудь.

Въ глубокой задумчивости онъ направился домой. Дождь не переставалъ лить, и ему не предвидѣлось конца. Иногда мальчикъ дѣлалъ быстрый скачокъ, словно желая сказать себѣ: „Долой все это! Буду спокоенъ!" Но то, что давило его, какъ свинецъ, что пригибало его сильнѣе, чѣмъ тяжелые кулаки, то не хотѣло уступить мѣсто этому простому: „Долой!"

Ему казалось, что онъ долженъ передать отцу содержаніе проповѣди. Но дома онъ нашелъ гостей: кузину Анну и Бюргеля. Въ комнатѣ царило какое-то таинственное, торжественное и въ то же время радостное настроеніе. Въ особенно хорошемъ настроеніи былъ отецъ. Во время разговора, касавшагося, главнымъ образомъ, жизни въ Мюнхенѣ, онъ вдругъ сказалъ: „Какое лицо состроитъ Готлибъ... я жду этого съ нетерпѣніемъ!" И онъ потиралъ руки. Кузина Анна покраснѣла, мать испустила испуганное „Ш-т!" Эрнстъ не зналъ, что и подумать. Скоро затѣмъ явилось шампанское, всѣ чокнулись за преуспѣяніе господина Бюргеля, какъ выразился коммерціи совѣтникъ.

На мальчика не производили никакого впечатлѣнія ни вкусныя блюда, ни вино, ни царившее за столомъ веселье. Слишкомъ великъ былъ контрастъ между происходившимъ сейчасъ и только что пережитымъ. Все это казалось ему какъ бы сномъ. Словно червякъ, его мозгъ все время долбилъ одинъ вопросъ: „Кто правъ? Мои родители, которые смѣются и пьютъ шампанское, или мой дядя на каѳедрѣ?" Онъ зналъ, что послѣдній неправъ. Онъ долженъ быть неправъ! И все-таки этотъ вопросъ не переставалъ сверлить его мысль.

Въ три часа онъ хотѣлъ пойти къ пастору. Сидя въ своей комнатѣ, онъ обдумывалъ свои слова и считалъ минуты. Волненіе его все росло и росло. Часы еще не пробили, когда онъ всталъ, чтобы пойти къ дядѣ.

Прислуга, открывшая ему дверь, сказала, что у пастора неотложная работа, и онъ хочетъ, чтобъ его не безпокоили.

Въ то время, какъ онъ, испуганный этой злой шуткой судьбы, стоялъ у входа (онъ совершенно не разсчитывалъ на возможность подобнаго случая), дверь кабинета распахнулась, и изъ него раздался громовый голосъ дяди:

— Приходите завтра... нѣтъ, послѣзавтра. У меня абсолютно нѣтъ времени. Кто тамъ?.. Что?.. Это ты, Эрнстъ? Ты здѣсь?

И въ тотъ же моментъ въ возбужденномъ, недовольномъ выраженіи лица Дистеркампа произошла быстрая перемѣна. Онъ схватилъ правую руку племянника, охватилъ другой рукой шею его и, притягивая его къ себѣ, смягченнымъ голосомъ сказалъ:

— Это ты, мой милый мальчикъ? Да, для тебя у меня есть время. Добро пожаловать! Входи!

И, все время не выпуская его и толкая впередъ въ комнату, онъ, волнуясь, продолжалъ:

— Да, этого я совсѣмъ не ожидалъ. Я вѣдь долженъ былъ ожидать, что ты зайдешь за мною по дорогѣ на кладбище. Не сердись, что я не могу пойти съ тобой, но до завтра я по уши въ работѣ. Но это хорошо... право... это для меня большое утѣшеніе, что ты пришелъ ко мнѣ въ день смерти своей матери. Ну, садись!

И онъ посадилъ его на диванъ. Но, едва дотронувшись до края дивана, Эрнстъ почувствовалъ, будто одинъ потокъ холода за другимъ пронизываетъ все его тѣло, такъ что его сердце какъ бы застыло.

„Въ день смерти моей матери... въ день смерти моей матери!.. Какъ такъ? Ахъ да, календарь въ моей комнатѣ показываетъ еще вчерашнее число. Сегодня третье... третье ноября. День смерти мамы. А я объ этомъ и не думалъ. Сегодня за обѣдомъ я пилъ шампанское... съ папой. Онъ также не думалъ объ этомъ“...

— Ахъ, Эрнстъ, я въ ужаснѣйшемъ настроеніи, — продожалъ пасторъ, усаживаясь возлѣ мальчика на широкій диванъ.—Въ моей трудной дѣятельности подобная безобразная исторія! Я бы и теперь не началъ борьбы... но я вѣдь иначе не могъ. Я вѣдь отвѣтственъ передъ моей общиной... Ну, поговоримъ о болѣе возвышенныхъ вещахъ. Я буду благодарить Бога, когда пройдетъ завтрашнее собраніе. Я совершенно одинъ или почти одинъ противъ такого бурнаго моря! Воистину я могъ бы словами Лютера сказать... Впрочемъ, оставимъ это! Не думай, что я теряю мужество. Но я переутомился. Совсѣмъ изъ силъ выбился.

Онъ поднялъ очки и со вздохомъ прижалъ руку къ краснымъ глазамъ.

— Но того, что ты навѣстилъ меня сегодня, я не забуду никогда. Мнѣ страшно жаль, что я не могу пойти съ тобой. Но мы, по крайней мѣрѣ, вспомнимъ о твоей матери. Ты, навѣрное, помнишь, какъ мы были въ прошломъ году на кладбищѣ?

Эрнстъ молча кивнулъ головой. Рѣзкое выраженіе пугливаго, мрачнаго раздумья не оставляло его лица.

— Какъ прекрасны были тогда солнечные лучи, ниспо-

сланные Господомъ на послѣднюю листву деревьевъ. Сегодня сумрачная погода. Совершенно такая же, какъ въ день ея смерти. Ахъ да, Эрнстъ, не разъ сидѣла твоя мать на томъ же мѣстѣ, гдѣ ты сидишь теперь, и я пытался утѣшать ее. Незадолго до смерти она очень безпокоилась о твоемъ будущемъ. Тяжелыя были у нея заботы! Ибо ты былъ тогда такой маленькій! Ты былъ такой умный, развитой ребенокъ! И какъ разъ то, что доставляло ей радость, причиняло ей и страхъ. Какъ часто она говорила мнѣ: „Не избѣжитъ же онъ искушеній. Уже теперь онъ такъ любознателенъ, всему хочетъ найти причину, и его не удовлетворяетъ никакой отвѣтъ“... Тогда я указалъ ей на Господа. Ему пусть предоставитъ она своего сына. Но предвидѣть будущее не могъ и я... Если бы она знала тогда, ей легче было бы умереть...

Онъ ласково похлопалъ мальчика по плечу и продолжалъ:

— Ибо я долженъ воздать тебѣ похвалу. Ты очень сильно измѣнился къ лучшему. Въ послѣднее время я отъ тебя видѣлъ только радости. И твоя мать также радуется, могу тебя увѣрить.

Тутъ Эрнстъ повернулъ голову, быстро сдвинулъ брови съ выраженіемъ вопроса на лицѣ, словно къ нему вернулись задержанныя мысли:

— Если ты былъ мною доволенъ, почему же ты вчера заставилъ меня прочесть то мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ?

— Потому что я считалъ тебя наиболѣе достойнымъ,—возразилъ пасторъ удивленно.

— Значитъ, это мѣсто не имѣетъ никакого отношенія ко мнѣ?

— Да какъ это мнѣ могло придти на умъ? Это мѣсто заключаетъ въ себѣ многое, что вамъ, слава Богу, еще непонятно. Возможно, что лучше было бы выбрать другое мѣсто. Но что ты почувствуешь себя задѣтымъ, я и не подозрѣвалъ... Нѣтъ, нѣть, мой мальчикъ, тебѣ нечего стыдиться. Ты на истинномъ пути... А теперь я хочу тебѣ доставить радость. Теперь, когда ты станешь скоро полноправымъ членомъ церкви, ты ужъ созрѣлъ для этого. Одну минуту!

Онъ зажегъ лампу, которую поставилъ на полъ. Съ тяжелымъ вздохомъ онъ склонился надъ нижнимъ ящикомъ письменнаго стола, откуда досталъ пачку съ письмами, и одно изъ нихъ онъ передалъ племяннику.

Неловкой и дрожащей рукой Эрнстъ расправилъ листки и вперилъ свои глаза въ изящный, замѣчательно четкій по-

черкъ. На первыхъ страницахъ письмо въ общихъ чертахъ содержало то, что пасторъ успѣлъ уже передать ему. Но странный трепетъ вызвало у Эрнста не столько содержаніе этого письма, сколько чувство все болѣе явственной близости покойной. И хотя съ этимъ не связывалось никакое представленіе, въ немъ усиливалось это странное, полное страха, ощущеніе таинственнаго, неизбѣжнаго вліянія. Но при чтеніи послѣдней страницы въ его глазахъ появился внезапный испугъ. Дядя, напряженно слѣдившій за нимъ, бормоталъ:

— Да, и она, подобно всѣмъ людямъ, не избѣгла соблазновъ и борьбы. Она поборола ихъ. Но ей доставляло глубокое страданіе то, что твой отецъ потерялъ свою дѣтскую вѣру.

Не говоря ни слова, не пытаясь даже нарушить это напряженное, чреватое ужасомъ спокойствіе своей души, Эрнстъ вернулъ письмо.

— Я пойду, дядя.

— Да, съ Богомъ, мой мальчикъ! Помолись за меня на ея могилѣ!

Онъ поднялся и, при взглядѣ на свой письменный столъ вспомнивъ завтрашнее сраженіе, еще разъ глубоко вздохнулъ:

— Ахъ, если-бъ можно было обрѣсти покой!.. Но твое посѣщеніе доставило мнѣ истинное утѣшеніе. Теперь я чувствую себя совершенно другимъ. Ну... итакъ...

Стоя въ дверяхъ, онъ все еще продолжалъ крѣпко держать Эрнста. И вдругъ, широко открытымъ, пронизывающимъ взглядомъ глядя въ лицо мальчику, онъ сказалъ:

— Не правда ли, ты меня не оставишь? Ты нѣтъ? Если-бъ ты могъ, ты бы мнѣ помогъ въ этой борьбѣ всѣми своими силами. Пусть это будетъ моимъ утѣшеніемъ. Ну, съ Богомъ. Помолись за меня!

Былъ самый сѣрый часъ этого сумрачнаго дня. Фонари еще не были зажжены, но уже быстро темнѣло. Эрнстъ шелъ по дорогѣ къ кладбищу по грязнымъ улицамъ, безконечно тянувшимся между высокими однообразными заборами, окружавшими дворы фабрикъ. Зонтикъ онъ держалъ подъ мышкою закрытымъ, словно забылъ открыть его. Мелкій дождь моросилъ на его волосы, на лицо и покрывалъ шляпу и пальто сѣрымъ налетомъ.

Наконецъ, онъ очутился у окруженнаго кованой желѣзной рѣшеткой четыреугольника; здѣсь была гробница семейства Брооховъ.

Безмолвно и неподвижно смотрѣлъ онъ на простую плиту съ именемъ матери, плиту, которую поднявшійся до самаго желѣзнаго креста плющъ грозилъ совершенно скрыть отъ

глазъ. Дрожа какъ бы отъ холода, словно приходя въ себя изъ глубокаго раздумья, онъ сложилъ для молитвы свои окоченѣвшія отъ холода руки. Но изъ его души вырвалось лишь: „Прости, мама!“ И онъ опять погрузился въ тяжелую задумчивость.

Изъ завядшихъ листьевъ, покрывавшихъ сосѣднюю могилу, съ испуганнымъ крикомъ выпорхнулъ дроздъ и скрылся въ кустахъ, на голыхъ вѣткахъ которыхъ висѣли еще послѣднія бѣлыя ягоды. Потомъ опять все стихло. Ни души не видать. Изъ опавшихъ листьевъ поднимался запахъ гнили.

Эрнстъ еще разъ очнулся и устремилъ свои глаза на обросшій плющемъ камень, испытывая страстное желаніе, чтобы изъ глубины засвѣтило утѣшеніе, лучъ надежды, что-нибудь такое, что разсѣяло бы этотъ мракъ и зажгло его трепещущую душу. Но какъ въ немъ самомъ, такъ и кругомъ него все оставалось по прежнему.

Медленно поплелся онъ домой, чувствуя, что все теперь еще мрачнѣе и неизвѣстнѣе, чѣмъ прежде, что все—борьба, страхи, безсонныя ночи—вернется еще въ худшемъ видѣ. А онъ усталъ, развинченъ и потерялъ всякую надежду.

Въ промокшихъ ботинкахъ, продрогшій, съ горячей головой онъ лежалъ на своемъ диванѣ, когда фрейлейнъ Киппъ пришла звать его къ ужину.

— Эрнстъ! Э, онъ лежитъ! Въ темнотѣ! И лампа стоитъ на столѣ! Не пойдешь внизъ?

Говоря это, фрейлейнъ Киппъ зажгла спичку и подняла колпакъ и стекло.

— Мальчикъ, что съ тобой?

— Что можетъ быть со мной? — бормоталъ Эрнстъ, поднимаясь и прикрывая рукою глаза, жмурившіеся отъ внезапнаго свѣта.

— Ахъ, Боже! Грязь! грязь на ботинкахъ!

Она всплеснула руками и полными упрека глазами смотрѣла на слѣды мокрыхъ ботинокъ на чистомъ полу. Но тотчасъ же успокоилась.

— Ну, ну, ничего! Эта грязь... я знаю, откуда. Я понимаю, гдѣ ты провелъ все время послѣ обѣда... Вѣдь я такъ же не забыла...

Она подняла сплетенный изъ вереска вѣнокъ, похожій на тотъ, который обрамлялъ портретъ покойницы.

— Этотъ болванъ садовникъ опять сдѣлалъ его нехорошо, я велѣла ему принести другой. Хочешь повѣсить его?

— Да повѣсь ты!—отвѣтилъ Эрнстъ, вскакивая.

— Ну, ну, сиди. Я принесу тебѣ сухіе чулки и ботинки.

Такъ... Ахъ, Боже мой, на тебѣ сухой нитки нѣтъ! Какъ бы ты не схватилъ насморка. Ну, пойдемъ. Я кое-что приготовила для тебя, что тебѣ понравится. Мы вѣдь одни будемъ ужинать.

— Гдѣ же наши?

— Они идутъ на вечеръ, ты вѣдь знаешь.

Мальчикъ вздрогнулъ, дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ, кулаки сжались, зубы стиснулись. Да... да... да... такъ должно было быть. За обѣдомъ шампанское, вечеромъ танцы, такъ вспоминаютъ они своихъ покойниковъ. Ахъ, дядя былъ правъ! Такъ правъ! Такъ правъ!

Онъ стоялъ, обернувшись спиною къ фрейлейнъ Киппъ, весь потрясенный этой быстро усиливающейся дрожью. Его охватило страшное бѣшенство, и, когда его взоръ случайно упалъ на ярко освѣщенный фонтанъ, онъ мысленно опустилъ на него вооруженную молотомъ руку и разбилъ эти мраморныя фигуры на тысячи осколковъ.

— Пойдемъ же, чего ты ждешь?—спросилъ онъ, оборачиваясь и туша лампу. Оставивъ комнату, онъ провелъ руками по своему лицу, прижалъ пальцы къ глазамъ и тихо застоналъ.

Большой канделябръ бросалъ свой свѣтъ на одинкую пару, сидѣвшую за овальнымъ обѣденнымъ столомъ: на Эрнста, механически разрѣзывавшаго хлѣбъ и намазывавшаго его масломъ, и фрейлейнъ Киппъ, покрывшую пышную округленность своей черной бархатной блузы салфеткой и съ достоинствомъ отрѣзывавшую отъ холоднаго ростбифа розовые ломтики. Когда Эрнстъ послѣ нѣсколькихъ глотковъ отодвинулъ отъ себя хлѣбъ и, несмотря на всѣ просьбы фрейлейнъ Киппъ, отказался ѣсть, послѣдняя вынуждена была ѣсть одна, что она и дѣлала, изрѣдка прерывая производимый челюстями шумъ глубоко прочувствованнымъ словомъ.

Когда снаружи открыли ворота и подъѣхала карета, Эрнстъ спросилъ:

— Что? Они развѣ не уѣхали?

— Ахъ нѣтъ, какое тамъ!

Тутъ въ комнату вошла его мачиха, такая красивая и блестящая, въ вечернемъ туалетѣ, что въ первый моментъ онъ ощутилъ нѣчто вродѣ радости.

— Сиди. Не безпокойтесь. Я еще посижу съ вами одну минутку.

Опустивъ поднятое платье, она взяла стулъ и сѣла рядомъ съ Эрнстомъ.

— Ты больше не кушаешь?

— Спасибо, я сытъ.

— Онъ почти ничего не ѣлъ, — сказала фрейлейнъ Киппъ, складывая свою салфетку.

— А что, если-бы?.. — спросила его мать. — Я тебѣ сдѣлаю еще маленькій бутербродъ.

— Нѣтъ право, спасибо.

— Тогда сдѣлай ты мнѣ бутербродъ. Кто знаетъ, когда дадутъ тамъ что-нибудь поѣсть.

Фрейлейнъ Киппъ предложила свои услуги, но госпожа Броохъ возразила, что Эрнстъ будетъ такъ добръ...

— Вотъ если бъ вы напомнили Маріи о моихъ калошахъ.

Когда фрейлейнъ Киппъ выходила, фрау Броохъ осторожно взяла тонкій ломтикъ хлѣба кончиками пальцевъ, на которыхъ сегодня между обоими брилліантовыми кольцами сверкалъ крупный смарагдъ.

— Спасибо. Это очень кстати. Сегодня первый большой вечеръ. Мнѣ интересно.

Синева ея глазъ свѣтилась еще ярче, чѣмъ камни ея колецъ. Когда она, болтая съ сыномъ, смотрѣла на него сердечнымъ взглядомъ, на ея лицѣ былъ разлитъ блескъ неомраченной праздничной радости. Тонкій затканный золотыми нитями шарфъ нѣсколько разъ покрывалъ шею и затылокъ. Бѣлая кожа перчатокъ кокетливо охватывала ея руки до самаго локтя, а повыше темными, живыми тонами вырисовывалась безупречная округлость голой руки, черезъ кожу которой тамъ и сямъ просвѣчивала голубая жилка.

— Я ужъ думала... Чтобы не оставаться одному, ты бы могъ пойти въ театръ. Но какъ разъ ставятъ такую глупую пьесу. Она не для тебя ..

— Да я и не могъ бы пойти... изъ-за урока Закона Божія.

— Да, это вѣрно... Ну, будущей зимой... когда ты ужъ будешь конфирмованъ. Мы начнемъ съ уроковъ танцевъ. Я ужъ думала о томъ, что эти уроки ты будешь брать дома. Я буду играть... Хочешь?

Онъ пожалъ плечами.

— Будущей зимою... это вѣдь еще такъ далеко.

Какъ охотно крикнулъ бы онъ ей въ лицо: „Нѣтъ, я не хочу! Я не хочу сегодня вечеромъ ни ходить въ театръ, ни думать о танцахъ... Вы — да, я — нѣть!“

Отъ нея пахло какими-то духами, которые мучили и раздражали его, но пріятное дуновеніе которыхъ онъ втягивалъ при каждомъ дыханіи.

Въ эту минуту появился его отецъ во фракѣ, со складнымъ цилиндромъ подъ мышкой.

— Конечно! Мама у своего мальчика... Добрый вечеръ, сынъ мой, — сказалъ онъ, довольный. — Эге, ты это умно выдумала! Небольшой кусокъ и я перехвачу.

Готовя себѣ бутербродъ, онъ бросилъ на жену полный гордости влюбленный взглядъ и спросилъ Эрнста:

— Развѣ мама не великолѣпна? Показала ты Эрнсту свое новое колье?

— Нѣтъ... зачѣмъ это?

— Я начинаю подозрѣвать, что ты и не одѣла его...

— Конечно, одѣла.

— Ну, тогда покажи.

Она пробовала снять шарфъ, который зацѣпился за крючокъ, но ей это не удавалось.

— Помоги же мамѣ! Какой же галантный юноша сидѣлъ бы такъ неподвижно?

Эрнстъ вскочилъ быстро, но его дрожащіе пальцы взяли нѣжную ткань медленно, какъ бы противъ воли. Болѣзненное выраженіе глубокаго страданія покрыло его лицо, которому онъ пытался придать выраженіе осторожной внимательности. Мать отклонила голову съ безпомощной и смущенной улыбкой. Когда рука его коснулась горячей груди ея, онъ весь вздрогнулъ. На него еще сильнѣе пахнуло нѣжно одуряющими духами, словно тонкимъ ядомъ, горящимъ въ крови и вызывающимъ глубоко скрытыя желанія.

— Такъ, такъ хорошо... спасибо! — повторила его мать нѣсколько разъ, медленно отодвигая его руку. Но шаль еще разъ зацѣпилась на плечѣ и, когда онъ, прижимая руки къ себѣ, поднялъ ее съ обѣихъ сторонъ, его взглядъ упалъ на вырѣзъ ея платья.

— Ахъ!—сказалъ отецъ.—Ну, покажись! Однако онъ, дѣйствительно, хорошо сдѣлалъ. Что значитъ оправа! Пятнадцать лѣтъ лежали камни, ибо... ну, теперь они, наконецъ, выполнили свое предназначенье... Но платье также великолѣпно... Такъ воздушно!

Онъ приподнялъ немного нѣжную кисею, на которой были вышиты цвѣтущія вѣтви яблони очень тонкой работы.

— Ну, мы опять закутаемъ нашъ цвѣтокъ. Спокойной ночи, Эрнстъ. Завтра я разскажу тебѣ!

Мать наклонилась къ нему, онъ почувствовалъ на своей щекѣ ея поцѣлуй, и отъ нея еще разъ пахнуло сладкимъ ядомъ.

Когда дверь закрылась, онъ еще долго стоялъ неподвижно. Но затѣмъ руки сжались въ кулакъ, ротъ раскрылся, не произнося ни слова, и лишь черезъ нѣкоторое время медленно и злобно прозвучали пришедшія ему на память слова Библіи:

— . . . . . . И ходятъ съ обнаженной шеей и накрашенными лицами... выступаютъ величавою поступью и гремятъ цѣпочками на ногахъ. Но оголитъ Господь темя

ихъ... и вмѣсто благоуханія будетъ зловоніе... Растопчетъ онъ ихъ, и истребитъ этихъ жалкихъ...

Онъ заломилъ руки передъ своимъ лицомъ, какъ бы желая прогнать съ глазъ своихъ этотъ возбуждающій образъ. Но онъ не исчезалъ. Онъ не исчезалъ и послѣ, когда Эрнстъ легъ въ постель. Этотъ образъ носился передъ нимъ, улыбаясь, свѣтя, одурманивая, обвѣвалъ его пріятнымъ запахомъ и давалъ отгонять себя лишь на короткія мгновенія, когда Эрнстъ съ мрачнымъ страданіемъ вызывалъ передъ собою другой образъ, удрученное лицо своей покойной матери. Оба образа боролись между собою всю ночь.

XVI.

Въ понедѣльникъ, 24 ноября, ровно въ 8 ч. веч. въ залѣ „Евангелическаго фэрейна" состоится

Публичное собраніе

съ цѣлью протеста противъ открытія на рыночной площади безнравственнаго фонтана.

Предсѣдатель собранія:
г. пасторъ Готлибъ Дистеркампъ.

Докладчикъ: г. капитанъ въ отставкѣ Дрегеръ. Вслѣдствіе важности предмета обсужденія настоятельно просятъ всѣхъ единомышленниковъ явиться на собраніе.

Комитетъ:
Пасторъ Г. Дистеркампъ.
Капитанъ въ отставкѣ Д. Дрегеръ.
Госпожа Адель Дюмелингъ.
Кондитеръ П Батге.
Аптекарь Л. Рингель.

Это объявленіе нѣсколько дней красовалось на всѣхъ столбахъ города Гаммерштедта, чтобы объяснить благомыслящимъ гражданамъ, въ какой опасности находится ихъ нравственность. Что оно оказало извѣстное вліяніе, свидѣтельствовали различныя письма, присланныя Дистеркампу. Большая часть изъ нихъ были одобрительныя, нерѣдко даже восторженныя, но, къ сожалѣнію, попадались и оскорбительныя, которыя пасторъ хотѣлъ было сжечь, но затѣмъ, чтобы дать волю своему возмущенію, показалъ и другимъ членамъ комитета. Тогда и капитанъ Дрегеръ досталъ изъ кармана довольно сильно пропитанное виннымъ запахомъ открытое письмо, въ которомъ среди другихъ дешевыхъ остротъ пред-

лагалось ему, вмѣсто того, чтобы тянуть кислое молоко изъ сухихъ сосковъ добродѣтели, опять весело взяться за бокалъ. Подписалось нѣсколько „непринужденныхъ".

— Нахальные ослы! — сказалъ въ бѣшенствѣ капитанъ. — Но въ своей рѣчи я вверну словечко и объ ихъ времяпровожденіи, потому что и оно въ своемъ родѣ позорно. Хотя, правда, и я, да проститъ меня Господь, принималъ въ этомъ участіе.

— Да, было бы недурно при семъ удобномъ случаѣ предпринять всеобщую чистку, — поддерживалъ его Дистеркампъ.

Аптекарь Рингель также получилъ письмо. Но онъ сказалъ, что содержаніе его было настолько гнусно, что онъ не считаетъ возможнымъ передать его.

И письмо, дѣйствительно, было гнусно. Оно гласило: „Любезный г-нъ Рингель! Неужели вы считаете болѣе приличнымъ поддѣлку этикетовъ французскаго Tamar Indien, чѣмъ этотъ невинный фонтанъ? Если вы слишкомъ много позволите себѣ на собраніи, мы съ вами побесѣдуемъ объ этомъ".

Прочитавъ это, аптекарь поблѣднѣлъ и далъ прочесть письмо своей супругѣ. Послѣдняя сказала, что, какъ ей кажется, она узнаетъ почеркъ прогнаннаго съ должности ученика и совѣтовала не обращать вниманія на эту грязную исторію. Было бы недурно, если-бъ они стали бояться какого-то ученика!.. Аптекарь послѣдовалъ ея совѣту, но страха преодолѣть никакъ не могъ.

Собраніе было назначено на 8 час., чтобы, какъ надѣялся Дистеркампъ, открыть его въ 8½ ч. Но уже раньше половины седьмого явился капитанъ съ супружеской четой Гикенратъ и поставилъ ихъ обоихъ у воротъ дома „Евангелическаго ферейна".

— Здѣсь вы будете стоять. И каждому посѣтителю дайте въ руку листокъ. Поняли?

— Поняли, г-нъ капитанъ! — отвѣтилъ сапожникъ.

— И не давайте столкнуть себя съ мѣста, когда послѣ начнется толкотня.

— Мы съ мѣста не двинемся. Останемся при своемъ знамени, г-нъ капитанъ.

— Не то, пусть васъ чортъ поберетъ. Я зайду посмотрѣть, пришелъ ли ужъ кто-нибудь.

И капитанъ, въ дурную погоду страдавшій ревматизмомъ, поплелся къ дому. Но, приближаясь по двору къ входу, онъ видѣлъ, что залъ еще совершенно не освѣщенъ. Онъ рванулъ ручку, дверь была заперта. Случайно подошла горничная. Онъ такъ накинулся, что она тотчасъ же призвала старшаго кельнера. Тотъ пригласилъ хозяина. Капитанъ

ругался и кричалъ, что, навѣрное, ужъ Богъ вѣсть сколько народу ушло, и никакъ не могъ успокоиться.

Въ большомъ волненіи онъ направился къ пасторскому дому, гдѣ засѣдалъ уже комитетъ. И здѣсь царило не особенно радостное настроеніе.

Дистеркампъ широкими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и осыпалъ фрейлейнъ Дюмелингъ упреками за то, что она отказывается сѣсть за столъ комитета. Она заварила всю эту кашу, а теперь трусливо идетъ на попятный.

— А я не сяду на эстраду! Я не хочу быть зрѣлищемъ для черни...

— О... значитъ, чернь будетъ на нашемъ собраніи! А кто говорилъ все время о приличныхъ и христіанскихъ элементахъ? О, это...

— Возмутительно! Вы ужъ это разъ сказали, г-нъ пасторъ. Я совсѣмъ не пойду на собраніе.

— Чорта съ два, кузина, ты сдѣлаешь то же, что и мы. Вмѣстѣ кашу заварили, вмѣстѣ и расхлебывать будемъ.

— Господи, Господи! — бормоталъ аптекарь Рингель и выпилъ глотокъ воды.

Онъ чувствовалъ себя довольно плохо. У него была мигрень, и онъ принялъ ужъ даже порошокъ, но послѣдній не помогъ. Доволенъ былъ въ этомъ обществѣ одинъ только кондитеръ Батге. Онъ сидѣлъ полный надеждъ на прекрасное будущее и все время двигалъ большимъ пальцемъ. Когда Дистеркампъ усомнился, оправдаетъ ли предстоящее собраніе возлагаемыя на него надежды, онъ весело отвѣтилъ:

— Мнѣ какой-то голосъ говоритъ, что мы будетъ имѣть блестящій успѣхъ. Мы вѣдь должны побѣдить. Вѣдь то дѣло, за которое мы стоимъ, Твое дѣло, Господи Іисусе. А разъ это Твое дѣло, оно не можетъ быть проиграно.

Онъ тоже собирался сказать нѣсколько словъ на собраніи, чтобъ отомстить госпожѣ Броохъ за маргаринъ.

Гикенратъ съ супругой стояли, между тѣмъ, на своемъ посту. Дулъ вѣтеръ, и было порядочно холодно. Сапожникъ получилъ отъ пастора черный сюртукъ и казался самому себѣ очень важнымъ. Жена его также выфрантилась въ лѣтнюю мантилью, подаренную фрейлейнъ Дюмелингъ. Соотвѣтственно со своими важными костюмами, они держали себя очень прилично, и сапожникъ, который обычно не въ состояніи былъ даже посмотрѣть на свою супругу, чтобы не осыпать ее ругательствами, сегодня обмѣнивался съ нею почти нѣжными взглядами. Когда у нея начался приступъ кашля, онъ даже очень озабоченно сказалъ:

— Ты еще схватишь инфлюэнцу. Вообще, зачѣмъ мы собственно стоимъ здѣсь? Да здѣсь толкотня, какъ у цирка!

Былъ бы здѣсь хоть одинъ человѣкъ, который столкнулъ меня съ мѣста... Знаешь,—продолжалъ онъ въ раздумьи,— эта старая корга должна подарить тебѣ еще новое платье. Тогда ты будешь великолѣпна!

Наконецъ, первыми появилась знакомая имъ супружеская чета, приглашенная сапожникомъ. Послѣ короткаго совѣщанія всѣ четверо вошли въ залъ и заказали кое-что въ буфетѣ. Здѣсь скоро встрѣтилъ ихъ капитанъ. Они были единственными въ этомъ громадномъ, холодномъ и пустомъ залѣ. Капитанъ очень разсердился, сапожникъ же оправдывался:

— Господинъ капитанъ, тутъ было уже нѣсколько важныхъ господъ, но они вскорѣ ушли, такъ какъ увидѣли, что никого нѣтъ. Тогда я подумалъ: сяду самъ со своей женой. Развѣ не хорошо, господинъ капитанъ?

— Ну да... Но теперь ступайте опять на свое мѣсто!

— Г-нъ капитанъ, мы не можемъ уйти. Мы кое-что заказали въ буфетѣ.

Капитанъ уплатилъ за четыре кружки пива и четыре рюмки водки и печальный вернулся въ домъ пастора. Однако, если бы онъ не торопился и пришелъ на полчаса позже, онъ нашелъ бы, можетъ быть, цѣлую полсотню посѣтителей, и большею частью мужчинъ, да еще какихъ мужчинъ! Съ какими кулаками! И каждый кулакъ былъ готовъ позаботиться о томъ, чтобы собраніе прошло съ наибольшимъ успѣхомъ. Всѣ они были членами „Евангелическаго рабочаго союза“, почетнымъ предсѣдателемъ котораго состоялъ пасторъ Дистеркампъ.

Когда капитанъ пришелъ въ третій разъ, залъ былъ достаточно полонъ, и капитанъ Дрегеръ не преувеличилъ, когда, возвратившись въ домъ пастора, сіяя отъ радости, возвѣстилъ:

— Господа, побѣда! Залъ почти полонъ. И, по словамъ Гикенрата, сплошь наши сторонники. „Евангелическій рабочій союзъ“ явился въ полномъ составѣ.

— Браво!—бормоталъ Дистеркампъ.

— Пѣвческій ферейнъ „Хвала Господу“ также.

— Браво!

— „Ферейна Эммануила“ также большая часть.

— Остальные тоже придутъ,—замѣтилъ Дистеркампъ.

— Кромѣ того, масса сестеръ милосердія.

— Эти, благодаря мнѣ! — крикнула Фрелейнъ Дюмелингъ.

— И все еще идутъ и идутъ.

— Это мои люди,—сказалъ Батге.

Это радостное извѣстіе подняло настроеніе. Фрейлейнъ

Дюмелингъ согласилась подняться на эстраду. Пасторъ Дистеркампъ опять почувствовалъ свою прежнюю глубокую вѣру въ Господа и сожалѣлъ лишь, что основной докладъ будетъ дѣлать не онъ. Г-нъ Батге, улыбаясь, принималъ поздравленія по поводу того, что онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ. Лишь аптекарю Рингелю не становилось лучше, хотя онъ принялъ еще одинъ порошокъ. А когда онъ попросилъ третій стаканъ воды и всыпалъ въ ротъ третью дозу, фрейлейнъ Дюмелингъ взяла бумажку отъ порошка, внимательно прочла надпись и сказала:

— Прекрасно! Ужъ этого я никогда принимать не стану!

На улицѣ лилъ проливной дождь. А на дворѣ, на тротуарѣ, до середины улицы стояла густая толпа, которая все болѣе увеличивалась и непрерывно кричала:

— Столы уберите! Столы уберите! Столы!

Въ залѣ мнѣнія раздѣлились. Наконецъ, взяла верхъ жадность хозяина, и началась невѣроятная суматоха. Гости вытаскивали столы въ сосѣднія комнаты, въ кегельбанъ, потому что только тамъ оставалось еще свободное мѣсто. За то кельнера внесли новые стулья.

Когда стоявшіе снаружи ворвались въ залъ, здѣсь воцарился на нѣкоторое время страшный безпорядокъ. „Евангелическій рабочій союзъ" былъ разбитъ совершенно, пѣвческій ферейнъ затертъ въ уголъ, а большинство членовъ „Ферейна Эммануила", которые принимали дѣятельное участіе въ вынесеніи столовъ, стояли у кегельбана и не могли двинуться съ мѣста.

За то нѣкоторое количество пришедшихъ позже рабочихъ и также другіе гости, какъ учитель Мартини, Бюргель и д-ръ Макъ, достали очень хорошія мѣста.

Подъ галлереей, гдѣ было менѣе свѣтло, сидѣли также Эрнстъ Броохъ и Августъ Шлехтендаль. Весь день у Эрнста была тяжелая голова; его лихорадило. Онъ то вынималъ, то опять клалъ въ свой ящикъ съ инструментами тяжелый молотокъ. Послѣ ужина онъ побѣжалъ къ своему другу Августу. Въ суматохѣ они безъ особенныхъ трудностей пробрались въ залъ.

Было уже позже половины девятаго, когда комитетъ занялъ, наконецъ, свои мѣста за среднимъ столомъ. Справа за меньшимъ столомъ помѣстились полицейскій офицеръ и бородатый вахмистръ, слѣва за двумя приставленными другъ къ другу столами сидѣли репортеры.

Послѣ того, какъ члены комитета обмѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими записками и произнесенными шопотомъ короткими, но, видно, очень важными словами, па-

сторъ Дистеркампъ поднялся со своего мѣста и простымъ, задушевнымъ тономъ сказалъ:

— Объявляю сегодняшнее собраніе открытымъ.

Затѣмъ онъ попросилъ публику встать и пропѣть „Eine feste Burg“.

Это была рискованная проба. Но она удалась блестяще. Насколько онъ могъ видѣть, никто не остался сидѣть, и пѣніе священнаго гимна отдавалось въ его ушахъ, какъ мощный шумъ моря. Позже онъ замѣтилъ, что волны какъ бы уничтожали другъ друга, но до слуха его не донеслось, что многіе изъ присутствующихъ, вмѣсто гимна Лютера, затянули рабочую марсельезу. Этого онъ замѣтить не могъ, ибо самъ пѣлъ съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ.

Потомъ онъ опять обратился къ присутствующимъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они явились въ такомъ большомъ числѣ, и въ краткихъ связныхъ словахъ изложилъ то, что привело весь городъ въ столь справедливое волненіе. Рѣчь его оказалась длиннѣе, чѣмъ онъ раньше предполагалъ, и капитанъ Дрегеръ успѣлъ весь побагровѣть. Однако, когда онъ, спустя полчаса, окончилъ, его поблагодарили многочисленными рукоплесканіями.

Капитанъ тотчасъ-же хотѣлъ подняться на ораторскую трибуну, и Дистеркампу лишь съ большимъ трудомъ удалось удержать его, такъ какъ онъ забылъ попросить своихъ друзей внизу, чтобы они прочли находящуюся въ ихъ рукахъ резолюцію и покрыли ее возможно большимъ количествомъ подписей. Потомъ эти листы будутъ собраны и представлены магистрату.

Наконецъ-то, капитанъ Дрегеръ могъ начать свою большую рѣчь. Да онъ и не могъ бы дольше ждать ни минуты.

Если до сихъ поръ Дистеркампъ испытывалъ опасливыя сомнѣнія въ ораторскомъ талантѣ стараго солдата, то теперь, при первыхъ же словахъ капитана, эти сомнѣнія должны были разсѣяться. Капитанъ взялъ настоящій тонъ, и его сердечная, искренняя манера говорить была достойна подражанія.

Онъ началъ со славной войны 1870 г. Почему нѣмцы побѣдили, почему французы потерпѣли пораженіе? Cherchez la femme! Рисуя французскую безнравственность, которую онъ иллюстрировалъ многочисленными цитатами изъ порнографическихъ произведеній, онъ возбуждалъ то бурную веселость, то содроганія ужаса. А въ противовѣсъ всему этому— тогдашняя Германія!.. Какая возвышенная, для сердца утѣшительная картина! Но теперь!.. Friedrichstrasse въ Берлинѣ была нарисована такими яркими красками, что фрейлейнъ Дюмелингъ не знала, куда глаза дѣвать отъ стыда...

Прямую противоположность этому распутству капитанъ видѣлъ въ военной службѣ, что тутъ же подтвердилъ яркимъ и веселымъ описаніемъ казарменной жизни. Нравственное вліяніе военной среды было подчеркнуто, какъ слѣдуетъ. Не малую цѣну приписалъ онъ также юношескимъ играмъ и холоднымъ обтираніямъ... Но (продолжалъ онъ) оглянуться не успѣешь, какъ попадешь въ искушенія алкоголя. Тутъ рѣчь оратора стала еще болѣе яркой. Хотя онъ и не упомянулъ о своей дѣятельности въ этой области, онъ все-таки говорилъ, какъ опытный спеціалистъ. Наконецъ, онъ показалъ пропитанную виннымъ запахомъ открытку и въ пламенныхъ, огнедышащихъ выраженіяхъ сталъ клеймить времяпровожденіе нѣсколькихъ господъ, завсегдатаевъ извѣстнаго виннаго погребка, называющихъ себя „непринужденными", а на самомъ дѣлѣ заслуживающихъ совершенно другого названія. Тутъ съ его устъ слетѣло также имя трактирщика Шнютгена. Тотчасъ же раздались хриплые возгласы, которые онъ, однако, тутъ же оборвалъ словами: „Держите языкъ за зубами, берегите свой умъ на послѣ".

Однимъ словомъ, его рѣчь была блестяща и имѣла лишь тотъ недостатокъ, что фонтанъ былъ упомянутъ лишь мимоходомъ. Безъ всякихъ поясненій, „издѣліе мюнхенскаго скульптора" было заклеймено, какъ воплощенная чувственность и какъ „дерзкая пощечина всякому приличному, человѣку". Тутъ поднялись довольно оживленныя: „Ого!" и „Какъ такъ?" и „Слушайте, слушайте"! и даже: „А доказательства?" Но на доказательствахъ капитанъ не остановился и перешелъ къ торговлѣ дѣвушками. А такъ какъ онъ говорилъ объ этомъ очень интересныя вещи, то протестанты опять успокоились.

Рѣчь капитана была награждена такими громкими и продолжительными апплодисментами, что предсѣдатель былъ, наконецъ, вынужденъ взяться за звонокъ, чтобы предоставить слово г-ну Батге. Со все возраставшей увѣренностью Дистеркампъ слѣдилъ за висѣвшими противъ него стѣнными часами. Еще полчаса, и можно будетъ приступить къ собиранію заявленій. Дай Богъ, чтобы удалась и рѣчь Батге, и тогда побѣда обезпечена.

Но, къ сожалѣнію, рѣчь г-на Батге не удалась, и не удалась, главнымъ образомъ, потому, что его не поняли. Голосовыя средства этого мужа не соотвѣтствовали его великолѣпному тѣлосложенію. Онъ рисовалъ впечатлѣнія, которыя онъ въ качествѣ отца семейства испытывалъ при взглядѣ на фонтанъ, и затѣмъ попробовалъ проникнуть въ душу матери. Все было бы прекрасно, но, когда Дистеркампъ крикнулъ ему: „Громче! Громче"! ораторъ повернулся къ нему

съ глупой улыбкой на устахъ и началъ говорить еще тише. Когда онъ поставилъ вопросъ, можетъ ли порядочная нѣмецкая женщина перенести подобный фонтанъ, снизу раздались энергичные крики: „Нѣтъ! Нѣтъ!“ Когда же онъ продолжалъ: „Я думаю, что принесшій даръ не женатъ, а именно, онъ, что называется“... раздался еще болѣе громкій голосъ: „Нѣтъ! Нѣтъ!“ Но тутъ многіе вскочили со своихъ мѣстъ и шумно потребовали слова. Одинъ сѣдовласый господинъ съ представительной фигурой громко стучалъ своей тростью о спинку стула и кричалъ: „Я протестую“... Больше ничего нельзя было разобрать.

Предсѣдатель взялся за звонокъ, сидѣвшіе позади, не понимавшіе, въ чемъ тутъ дѣло, бурно требовали спокойствія. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ гармонія, царившая въ собраніи, была совершенно нарушена. Но еще хуже было то, что во время рѣчи Батге началась толкотня у ступенекъ трибуны. И едва ораторъ при довольно жидкихъ рукоплесканіяхъ кончилъ, какъ поднялось множество рукъ, и со всѣхъ сторонъ стали просить слова. Тщетно Дистеркампъ оглядывался по сторонамъ, ища заранѣе назначенныхъ ораторовъ: кругомъ не видно было ни содержателя христіанскаго книжнаго магазина, ни сестры милосердія, ни Гикенрата. Поэтому слово получилъ стоявшій впереди длинноволосый молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и съ проборомъ посерединѣ. Оказалось, что онъ принадлежитъ къ „Синему кресту“ и, кромѣ трезвости, рекомендовалъ и вегетеріанство. Произнесенная въ бѣшеномъ темпѣ, его рѣчь прерывалась насмѣшливыми возгласами. Едва онъ сошелъ съ трибуны, какъ его мѣсто занялъ Теодоръ Шнютгенъ. Онъ, повидимому, былъ очень взволнованъ, такъ какъ, несмотря на поздній часъ, преслѣдовавшая его днемъ болѣзненная дрожь была очень замѣтна. Его головка тряслась на его худой шеѣ самымъ угрожающимъ образомъ, и красная, какъ ракъ, правая рука, державшая измятую резолюцію, все время двигалась по черному сюртуку, ни на минуту не приходя въ спокойствіе. Тѣмъ не менѣе, онъ отвѣсилъ манерный поклонъ каждому изъ членовъ комитета, не забывъ даже полиціи за сосѣднимъ столомъ.

— Милостивыя государыни и милостивые государи,— началъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, проникавшимъ, однако, подобно дѣтской дудочкѣ, во всѣ концы зала.—Мнѣ нечего представляться вамъ. Моя фирма хорошо знакома всѣмъ. Впрочемъ, ради спокойствія господъ непьющихъ— имя мое Теодоръ Шнютгенъ, и содержу я винный погребъ на базарѣ, подъ названіемъ „Тихій уголокъ“.

Появленіе на трибунѣ маленькаго человѣчка произвело

выгодное впечатлѣніе на ту часть публики, которая не принадлежала къ друзьямъ христіанской морали, а явилась сюда или изъ любопытства, или въ надеждѣ на скандалъ. Виноторговецъ былъ встрѣченъ со всѣхъ сторонъ дружескими привѣтствіями.

— Милостивые государи,—продолжалъ ораторъ тѣмъ же симпатичнымъ голосомъ,—сказано, правда: „Благословляйте проклинающихъ васъ“...

— Ахъ, оставьте священное писаніе въ покоѣ!—недовольнымъ голосомъ крикнулъ Дистеркампъ. — И дьяволъ ссылается на слово Господне!

Господинъ Шнютгенъ запнулся и на короткое время былъ, казалось, совершенно выбитъ изъ колеи.

— Такъ? Ну, по мнѣ пусть хоть десять тысячъ чертей ссылаются на него. И, тѣмъ не менѣе, Библія остается для меня словомъ Божіимъ... Итакъ, сказано: „Благословляйте проклинающихъ васъ“. Но сказано также: „Не завяжите рта волу, который молотитъ“. А я скажу: не вяжите рта волу, котораго молотятъ. Милостивые государи, меня здѣсь молотили и даже очень сильно. Да, вы смѣетесь. Но мои почтенные гости будутъ удивляться, если я оставлю эти оскорбленія безъ возраженія. Поэтому позвольте мнѣ, господа, защитить здѣсь свою честь и честь моего заведенія.

— Но безъ личныхъ оскорбленій! Личныя оскорбленія не допускаются!

— Ахъ, вотъ какъ!—сказалъ виноторговецъ, какъ бы не въ состояніи придти въ себя отъ удивленія. — Личныхъ оскорбленій г-нъ предсѣдатель допустить не хочетъ!.. Лишь г-да члены президіума имѣютъ право наносить личныя оскорбленія! Ибо всѣ рѣчи были сплошныя личныя нападки. То, что вы сказали о постоянныхъ посѣтителяхъ моего заведенія, развѣ это не...

— Но при этомъ не были названы имена!

— Да вѣдь ихъ знаетъ каждый ребенокъ, господинъ пасторъ. Они вѣдь приходятъ ко мнѣ, не крадучись, какъ воры ночью. Они являются ко мнѣ среди бѣла дня, свободно и открыто... А то, что господинъ капитанъ сказалъ о мюнхенскомъ скульпторѣ...

— Это относится лишь къ его дѣятельности, а не къ личности.

— Э, да и я хочу говорить лишь о дѣятельности. Итакъ, господа, если я назову какое-нибудь имя, то я имѣю въ виду лишь дѣятельность его носителя. Съ васъ, господинъ пасторъ, я и начну.

Капитанъ ужъ предложилъ предсѣдателю взяться за

звонокъ, но тотъ въ порывѣ героизма отодвинулъ его отъ себя.

— Вамъ, господинъ пасторъ, — виноторговецъ сдѣлалъ при этомъ манерный поклонъ,—всяческое почтеніе. Если вы говорите о нравственности, вы дѣлаете это изъ убѣжденія и по долгу службы. Ибо ваша прямая обязанность заботиться о чистотѣ нравовъ. Точно такъ же, какъ я забочусь о чистотѣ вина. И оба мы хорошіе христіане... не правда-ли, господинъ пасторъ?

— Надѣюсь!—молвилъ тотъ.

— Надѣюсь! Это я также говорю. Ибо того, что подъ нашими одеждами, никто не можетъ знать... Не правда-ли, г-нъ пасторъ Дустеркампъ?

— Дистеркампъ!

— Дустеркампъ!

— Милостивый государь, какъ вы смѣете?—вскочилъ со своего мѣста предсѣдатель, весь красный отъ гнѣва.—Какъ вы осмѣлились искажать мою фамилію?

— Искажать?—бормоталъ виноторговецъ, и лицо его выражало крайнее удивленіе.—Искажать? Но вѣдь я...

И его рука стала дѣлать различныя неумѣренныя движенія, тщетно стараясь водворить на мѣсто пенснэ, что дѣлало его очень жалкимъ.

— Ахъ, прочтите ужъ, пожалуйста, сами!

И онъ протянулъ пастору резолюцію.

Въ эту минуту внизу произошло нѣчто удивительное. По всему залу раздалось громкое шуршаніе, словно вѣтеръ пронесся черезъ кучу сухихъ листьевъ. Тысячи рукъ, подобно Дистеркампу, въ тотъ же моментъ схватили резолюціи, тысячи головъ склонились надъ ними и увидѣли, что тамъ дѣйствительно было напечатано: „Пасторъ Г. Дустеркампъ“. Тогда въ залѣ поднялся гомерическій хохотъ, который заглушилъ гнѣвныя слова Дистеркампа.

— Мнѣ крайне жаль, господинъ пасторъ,—сказалъ виноторговецъ, когда стало тише.—А теперь перейду къ другимъ членамъ комитета. Прежде всего, фрейлейнъ Дюмелингъ...— онъ поклонился въ сторону смотрѣвшей на него съ ужасомъ дамы.—Ваше присутствіе здѣсь меня не удивляетъ. За вашу добродѣтель ручается ваша наружность. Но вашей Мими я совершенно недоволенъ.

— Это сюда не относится!—крикнулъ предсѣдатель и зазвонилъ въ колокольчикъ.

— Скандалезная Мими относится сюда столько же, сколько и мое заведеніе.

— Я не позволю...

— Поведеніе этого животнаго весною возбуждаетъ соблазнъ...

— Къ дѣлу, или я лишу васъ слова!

— Оставляю Мими и перехожу къ господину капитану Дрегеру.

Но прежде, чѣмъ продолжать, виноторговецъ досталъ платокъ и отеръ потъ со лба. Словесная битва все-таки разогрѣла его.

— Милостивые государи!—обратился онъ опять къ публикѣ.—Когда я прочелъ, что и капитанъ Дрегеръ протестуетъ противъ фонтана, я подумалъ: какъ можетъ офицеръ испытывать соблазнъ при видѣ этихъ нѣсколькихъ невинныхъ мальчугановъ лишь потому, что они безъ купальныхъ штаниковъ? Развѣ во время набора люди носятъ подобные костюмы? Что вы на это скажете, господинъ капитанъ?

Тотъ вскочилъ со своего мѣста, и изъ его устъ полился цѣлый потокъ словъ, изъ которыхъ выдѣлялись лишь: „Безстыдство“, „нравственность“, „фразы“! Такъ какъ г-нъ Шнютгенъ продолжалъ рѣчь, Дистеркампъ сталъ сильно звонить.

— Нравственность, говорите вы, господинъ капитанъ? Ваша нравственность въ вашей подагрѣ... Да, да, въ тѣ прекрасные дни, когда вы еще бывали моимъ почтеннымъ гостемъ, какъ часто говорилъ я вамъ, когда вы до самаго утра засиживались въ моемъ погребѣ: „Идите домой, господинъ капитанъ! Мои вина чисты, но надо знать мѣру! Вы когда-нибудь схватите подагру“. А вы что отвѣчали: „Чортъ подери, пусть чортъ васъ возьметъ, если вы не принесете новую бутылку“... Теперь васъ одолѣли-таки подагра и нравственность.

Въ залѣ раздался смѣхъ, громкія браво, требованія конца, шипѣніе, отдѣльные рѣзкіе свистки. Капитанъ стоялъ желтый и блѣдный, лишь носъ его алѣлъ, какъ неизгладимое клеймо преступника. Дистеркампъ опять зазвонилъ въ колокольчикъ, который, однако, оказался совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ голосовыми средствами виноторговца.

Но какъ только послѣдній замолчалъ, пасторъ крикнулъ:

— Я думаю, что поступлю согласно общему желанію, если лишу оратора слова.

Но, оказалось, что желаніе собранія не было таковымъ. Начался отчаянный шумъ. Брали верхъ то голоса, требовавшіе конца рѣчи, то кричавшіе: „продолжать“! Но, ничуть не смущаясь этимъ шумомъ, г-нъ Шнютгенъ глядѣлъ на собраніе съ любезной улыбкой. Головка его сидѣла теперь на шеѣ совершенно твердо, и руки его обрѣли, наконецъ, по-

кой въ карманахъ брюкъ. Когда стало нѣсколько тише, онъ опять продолжалъ:

— Господа, я, значитъ, продолжаю...

— Вы не будете продолжать!—загремѣлъ Дистеркампъ.— Вы замолчите! Мы собрались для важнаго дѣла...

— Но меня оскорбили...

— Жалѣю о томъ, что это произошло.

— Однако я долженъ защититься...

— Но ни слова противъ господина капитана.

— Тогда я перейду къ г-ну Батге...

— Но безъ оскорбленій!

— Кто станетъ оскорблять всѣми уважаемаго булочника?

— Кондитера!—крикнулъ г-нъ Батге.

— Это иностранное слово. Итакъ, нашъ почтенный пекарь Батге сказалъ, что онъ не можетъ больше стоять за своимъ прилавкомъ. Онъ стыдится при видѣ фонтана. Но фонтанъ вѣдь слѣва. Такъ, по моему, смотрите направо, господинъ булочникъ. Ибо жаль, если вы больше не будете стоять за прилавкомъ. Всѣ мы и особенно наши дѣти съ удовольствіемъ видимъ васъ тамъ. Слюнки текутъ, когда онъ, великолѣпный г-нъ Батге, въ своемъ бѣломъ передникѣ стоитъ тамъ такой чистый, такой обаятельный, такой... невинный, точно марципановый ангелочекъ изъ его булочной. Внутри же онъ...

— Марципановый поросенокъ!—крикнулъ кто-то.

— Этого я не сказалъ... „Марципановый поросенокъ“ я не сказалъ, г-нъ предсѣдатель.

— Говорите короче и вернитесь къ своей темѣ,—сказалъ Дистеркампъ.

— Итакъ, коротко: Батге такъ же лишь человѣкъ, какъ мы всѣ. Поэтому онъ не долженъ быть такъ щепетиленъ... У меня имѣется номеръ газеты „Kolner Volksstimme“. Тамъ написано: „Въ воскресенье на масленицѣ у кондитера Батге изъ Гаммерштедта украли кошелекъ. Онъ въ обществѣ нѣсколькихъ веселыхъ дамочекъ позволилъ себѣ лишнее“.

Поднялась невѣроятная суматоха. Столь пріятное, обыкновенно розовое лицо г. Батге стало багровымъ. Уже во время чтенія онъ нѣсколько разъ ударилъ по столу, и его съ трудомъ можно было сдержать. Но тутъ онъ вскочилъ со своего стула и, несмотря на то, что пасторъ и капитанъ схватили его за рукава, хотѣлъ броситься на виноторговца. Но послѣдній, прежде чѣмъ вынуть изъ кармана газету, придвинулся ближе къ столу полицейскихъ и теперь съ любезной улыбкой смотрѣлъ на всѣ усилія своего взбѣшеннаго противника. Фрейлейнъ Дюмелингъ же, не успѣвъ

даже захлопнуть свой ридикюль, словно крыса въ темной дырѣ, исчезла въ боковой двери.

То, что съ нѣкоторымъ трудомъ удалось предотвратить на эстрадѣ, было въ полномъ разгарѣ въ самомъ залѣ. Здѣсь стоялъ оглушительный гулъ, такъ какъ одни орали отъ злости, другіе изъ сочувствія, третьи просто изъ желанія покричать, четвертые, наконецъ, изо всѣхъ силъ призывали къ спокойствію и тѣмъ еще усиливали шумъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ отъ словъ перешли къ дѣлу.

Однако эта форма дебатовъ была довольно скоро прекращена. Лишь только стало нѣсколько тише, Дистеркампъ съ помощью звонка привлекъ къ себѣ вниманіе слушателей и сказалъ:

— Выражаю свое глубокое сожалѣніе по поводу безобразнаго происшествія. Г. кондитеръ Батге заявляетъ, что все это одна лишь клевета. Я увѣренъ, что честь г. Батге не будетъ запятнана этимъ печальнымъ оскорбленіемъ. Надѣюсь, однако, что я все-таки поступлю съ общаго согласія, если лишу, наконецъ, оратора слова.

Но тутъ внизу началась опять какофонія. Г-нъ Шнютгенъ выступилъ впередъ и своимъ хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Еще лишь нѣсколько словъ, господа! Я здѣсь въ качествѣ обвиняемаго, который защищается. Вы вѣдь будете справедливы... Перехожу къ г-ну аптек...

Но въ этотъ моментъ слово застряло въ горлѣ даже этого неугомоннаго крикуна. Ибо аптекарь Рингель упалъ со своего стула, словно сраженный ударомъ.

Начался полнѣйшій кавардакъ. Въ то время, какъ внизу толпа вскочила со своихъ мѣстъ и вытягивала шеи по направленію къ внезапно исчезнувшему аптекарю, Дистеркампъ, капитанъ и Батге подхватили упавшаго въ обморокъ. Такъ какъ послѣдній дѣлалъ странныя движенія и стоналъ: „Воздуха! Воздуха!“ то они вынесли его. Такимъ образомъ, предсѣдательскій столъ разомъ опустѣлъ, что г-нъ Шнютгенъ черезъ короткое время и констатировалъ соболѣзнующимъ движеніемъ руки. Въ то время, какъ внизу бушевало и гремѣло, оба полицейскихъ поднялись, надѣли свои каски и лейтенантъ сказалъ:

— Объявляю собраніе закрытымъ.

Вслѣдъ за этимъ раздался крикъ какого-то остряка:

— Да здравствуетъ комитетъ!

Въ отвѣтъ раздались восторженные „ура“.

Какъ послѣ особенно блестящаго представленія въ театрѣ, публика очищала залъ медленно. Вдоль бѣлыхъ стѣнъ и украшенныхъ библейскими изреченіями пестрыхъ оконъ продолжалъ съ неимовѣрной силой ревѣть бурунъ до край-

ней степени взволнованнаго тысячеголоваго человѣческаго моря, въ которомъ пѣнилась ярость, и бурлило злорадство, въ которомъ раздавалась рабочая марсельеза, но громче всего, заглушая все, носились волнующіе грудь, вызывающіе слезы и не знающіе удержу раскаты смѣха.

XVII.

Оба мальчика ушли много раньше конца собранія. Они спускались по скудно освѣщенному узкому переулку, пересѣкавшему улицу Евангелической церкви. Держа своего товарища подъ руку, Августъ шелъ рядомъ съ Эрнстомъ и полуобиженнымъ, полуомраченнымъ тономъ повторялъ:

— Но, право, это свинство. Я вѣдь тебѣ все разсказываю.

— Иди лучше домой!

— Нѣтъ. Прежде скажи мнѣ!

Не отвѣчая ни слова, Эрнстъ ускорилъ свои шаги и чувствовалъ, какъ при каждомъ шагѣ желѣзная головка молотка ударяла его по груди.

— Это безцѣльно,—возразилъ онъ, накопецъ.—Завтра я скажу тебѣ.

— Нѣтъ, сегодня! Больше я къ тебѣ ходить не буду. Это вѣдь не дружба!

— А если-бъ я тебѣ сказалъ, ты вѣдь также не могъ бы мнѣ помочь.

— Все-таки!

— Ты бы скорѣе старался удержать меня отъ этого!

— Нѣтъ! нѣтъ! Право, нѣтъ!

Одну минуту Эрнстъ стоялъ въ раздумьи и затѣмъ сказалъ:

— Нѣтъ! Я самъ долженъ это сдѣлать! Иди, иди домой!

— Эрнстъ, честное слово! Мое самое святое слово, что я тебѣ помогу. Я вѣдь другъ твой.

Тутъ Эрнстъ съ короткимъ, стонущимъ звукомъ выпустилъ дыханіе, схватилъ лѣвую руку Августа и прижалъ ее къ своей груди:

— Знаешь, что́ у меня здѣсь? Молотокъ!.. Имъ я раздроблю фонтанъ. Слишкомъ рано смѣялись они, эти негодяи!

— Что?—заикался Августъ.—Что?.. Ради Бога, какое ты имѣешь право?

— Какое ты имѣешь право? Ахъ ты, несчастный оселъ! „Какое ты имѣешь право“? Я долженъ! Или я съ ума сойду. Я больше не могу видѣть этого фонтана. Эту голую стерву наверху... Ахъ Боже, зачѣмъ я сказалъ тебѣ это? „Какое ты имѣешь право?“

Онъ безумно трясъ головой, быстро, почти бѣгомъ спѣша

впередъ. Наполовину оглушенный, другъ его пыхтѣлъ рядомъ съ нимъ, тяжело повиснувъ на его рукѣ, за которую онъ тѣмъ крѣпче держался, чѣмъ больше чувствовалъ, что Эрнстъ хочетъ освободиться отъ него. Неудержимый страхъ заставилъ его, наконецъ, высказать свои спутанныя мысли.

— Ахъ, Боже... Эрнстъ... если они схватятъ тебя... тебя потащутъ въ полицію. Ахъ, Боже! Вѣдь твой дядя думалъ совсѣмъ не то.

— Нѣтъ! Онъ думалъ это. Именно это... Вчера еще, здѣсь... А если даже нѣтъ... пусть они не торжествуютъ! Пусть смѣхъ исчезнетъ съ ихъ лицъ! Я долженъ это сдѣлать. Я далъ себѣ слово... Ахъ, ты всего этого не можешь понять. Ты не знаешь... не знаешь... Иди же домой, Августъ!

Они стояли передъ площадью, широко и пустынно лежавшей передъ ними со своей неровной, блестѣвшей отъ сырости мостовой. Фонтанъ поднимался бѣлый, спокойный и привѣтливый, такой неприкосновенный въ своемъ блескѣ, словно никогда не могло случиться, чтобы на него посягнула злодѣйская рука. И одну минуту Эрнстъ былъ охваченъ ужасомъ, почтительнымъ страхомъ... Но, опустивъ глаза книзу, онъ двинулся впередъ, между тѣмъ какъ Августъ обхватилъ его, повисъ на немъ всей своей тяжестью и умоляюще просилъ:

— Что ты дѣлаешь? Тебя схватятъ! Тебя могутъ увидѣть!.. У васъ еще свѣтло... Ахъ, Боже, вспомни своихъ родителей!

— О нихъ я какъ разъ и думаю.

— Не дѣлай себя несчастнымъ! Ты попадешь въ полицію! Ты не въ своемъ умѣ, Эрнстъ.

Онъ тащилъ его назадъ, и его невозможно было стряхнуть, пока Эрнстъ не вырвался изъ его рукъ. Прижимая руку ко лбу, онъ тихимъ, измѣнившимся отъ мукъ голосомъ сказалъ:

— Оставь меня, Августъ! Если я не сдѣлаю этого, я себѣ раздроблю черепъ... Ты не можешь этого понять. Я вполнѣ въ своемъ умѣ! Тебя никогда не метало такъ: сегодня сюда, завтра туда... Если я это сдѣлаю, я освобожусь отъ своихъ мукъ. Тогда пусть случится, что угодно: я знаю свою дорогу...

Не глядя по сторонамъ, онъ прошелъ широкую площадь, а другъ его метался позади него, испуская заглушенные вздохи и восклицанія ужаса. Когда же Эрнстъ наклонился надъ выгнутымъ краемъ бассейна, Августъ еще разъ, но тщетно, пытался удержать его. Съ дикой быстротой Эрнстъ подымался по мраморной скалѣ, держась за голову одного изъ мальчиковъ. Онъ ударилъ молоткомъ по тѣлу голой жен-

ской фигуры—раздался ясный, полный звукъ. Еще разъ, тотъ же пѣвучій, полный тонъ, почти какъ отъ металлическаго колокольчика. Когда же Эрнстъ поднялъ руку въ третій разъ, Августъ стащилъ его внизъ. Тогда Эрнстъ направилъ молотокъ на мраморнаго мальчика, за котораго онъ держался. Одинъ ударъ попалъ въ лицо и откололь носъ и губу, другой—руку, которая со звономъ слетѣла внизъ...

— Эрнстъ! Эрнстъ! Полиція!

Раздался продолжительный, рѣзкій свистъ, который заставилъ его обернуться. Оба мальчика скатились въ бассейнъ, но тотчасъ же поднялись и перепрыгнули черезъ край его. Въ этотъ моментъ Эрнстъ замѣтилъ толстую фигуру Пампуха, пыхтя бѣжавшаго на него съ распростертыми руками. Порывъ вѣтра сорвалъ шляпу съ головы Августа. Онъ нагнулся за нею и растянулся при этомъ въ всю длину. Но почти въ то же время Пампухъ споткнулся о свою шашку. Эрнстъ поднялъ своего друга и быстрыми прыжками помчался по улицѣ Евангелической церкви.

— На Озерную!—крикнулъ онъ Августу.

Вода изъ водосточныхъ трубъ обливала его съ головы до ногъ. Звуки его шаговъ отражались отъ стѣнъ и будили эхо какъ бы отъ многихъ ногъ. Время отъ времени, заворачивая въ новую боковую улицу, онъ бросалъ своему товарищу нѣсколько торопливыхъ словъ.

Наконецъ, онъ достигъ берега рѣки Вупера и крикнулъ:

— Августъ, стой!

Никто не отвѣтилъ. Испуганный онъ обернулся назадъ: Августъ исчезъ.

Тогда онъ, весь объятый страхомъ, снова пустился по всѣмъ этимъ кривымъ, узкимъ переулкамъ Стараго города, окружавшимъ Новый рынокъ, время отъ времени кидаясь къ какой-нибудь отдаленной фигурѣ, полный мучительнаго страха, что его товарищъ могъ быть схваченъ преслѣдователемъ. Но вѣдь это было невозможно! Онъ вѣдь слышалъ за собою шаги Августа... Вотъ онъ! „Августъ! Августъ! Подойди!..“ хрипѣлъ онъ. Но тотъ, къ кому онъ обращался, поворачивался къ нему, дѣлалъ удивленное лицо и спѣшилъ дальше.

Наконецъ, Эрнстъ вернулся къ площади, которая лежала передъ нимъ, широкая и пустынная. Посрединѣ подымался фонтанъ — бѣлый, спокойный и неприкосновенный, словно ничего не произошло... Онъ пошелъ мимо будки полицейскаго подъ четыреугольнымъ фонаремъ. Не видно ничего. Тутъ, успокаивая его страхъ, вспомнились ему ихъ прежнія индѣйскія игры, при которыхъ обязательнымъ правиломъ считалось никогда не бѣжать въ одномъ и томъ

же направленіи, а разсѣяться во всѣ четыре стороны. Можетъ быть, Августъ вспомнилъ это правило? Можетъ быть...

Смертельно усталый, убитый, колеблясь между страхомъ и надеждой, онъ вернулся домой въ полночь.

Въ эту ночь волненій и неслыханныхъ происшествій, когда въ священныхъ покояхъ „Евангелическаго ферейна" царилъ столь нехристіанскій шумъ и смѣхъ, когда городовой Пимнухъ бѣгалъ по улицамъ, точно молодой рекрутъ, въ эту ночь въ комнатѣ своего сына сидѣла фрау Броохъ, перебирая цѣлый рядъ ключей, чтобы открыть ящикъ письменнаго стола Эрнста. Найдя, наконецъ, подходящій, она отперла, но заколебалась и задвинула обратно открытый уже ящикъ.

— Какъ глупо!—думала она.—Кажешься самому себѣ преступникомъ, хотя желаешь самаго лучшаго.

Она задумалась... Мысли ея перенеслись въ прошлое къ вечеру, наканунѣ ея помолвки, словно тѣ часы безпокойныхъ размышленій были тѣсно связаны съ нынѣшними.

Она была тогда нѣсколько испугана предложеніемъ Брооха, хотя и говорила себѣ, что должна была ожидать его. Она не въ состояніи была дать сейчасъ же безусловный утвердительный отвѣтъ, а попросила дать ей время обдумать свое рѣшеніе, что она и сдѣлала, просидѣвъ половину ночи одѣтой въ своемъ номерѣ гостиницы, рядомъ съ комнатой матери. Держа передъ собою снимокъ дома Брооха и фотографическую карточку его сына, она попеременно разсматривала то одно, то другое и связывала съ ними безпокойныя мысли, между тѣмъ какъ за стѣною мать ея похрапывала совершенно спокойно. Дѣло въ томъ, что Елена нѣсколько побаивалась обоихъ: большого дома и большого сына.

Останется ли она той же, какою была?—А что она коечѣмъ была, она чувствовала безъ тщеславія, но и не безъ спокойной гордости. Сможетъ ли она сохранить свое „я" въ этой новой обстановкѣ, въ этомъ городѣ купцовъ и фабрикантовъ, въ этомъ домѣ, имѣвшемъ такой видъ, какъ будто въ немъ обиталъ домовой, такой же внушительный, давящій и нѣсколько мрачный, какъ и самъ домъ?

И чѣмъ былъ для нея коммерціи совѣтникъ Броохъ? Если бы онъ уѣхалъ вчера, нѣтъ... еще недѣлю тому назадъ, она вспоминала бы о немъ, какъ о миломъ, цѣнномъ и интересномъ знакомомъ по путешествію, какъ о человѣкѣ, на котораго она смотрѣла съ уваженіемъ, но и съ нѣкоторой робостью. Ея впечатлѣніе было, собственно говоря, таково: въ

высшей степени дѣльный, цѣльный человѣкъ и... еще кое-что больше. Но вотъ это именно „кое-что больше“ и дѣлало его такимъ привлекательнымъ. Она съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ, высказывая свои взгляды сначала какъ бы съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ упрямства, словно намѣреваясь съ перваго же момента противорѣчить ему, но затѣмъ все болѣе свободно и естественно. На ея слова онъ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ и лишь по временамъ, съ короткой, добродушно-насмѣшливой улыбкой противопоставлялъ ея внутреннимъ переживаніямъ свой „внѣшній“, пріобрѣтенный въ торговой жизни, въ хозяйственной борьбѣ опытъ. Но не какъ нѣчто противорѣчащее, а, нѣкоторымъ образомъ, какъ равноцѣнное. Да, позже она при нѣкоторыхъ случаяхъ убѣждалась, что то или другое онъ перенималъ у нея. Тогда въ его трезвомъ, корректно-констатирующемъ купеческомъ тонѣ слышалось нѣчто чуждое, новое. Ее располагало въ его пользу именно то, что онъ это дѣлалъ, что это было чужестраннымъ пестрымъ камнемъ въ массивномъ, цѣльномъ зданіи его личности. Но можно ли на этомъ построить совмѣстную жизнь? Не придетъ ли день, когда онъ,—можетъ быть, и не по своей винѣ, а потому, что этого потребуютъ обстоятельства, домашніе пенаты,—объявитъ ей, что Ницше, Эмерсонъ и Карлейль плохіе совѣтники въ домашней жизни жены купца, что она должна перестать ходить своей дорогой, а должна принять то, что принято испоконъ вѣковъ и у всѣхъ?

А образъ этого большого, серьезнаго мальчика, который глядѣлъ на нее своими затуманенными глазами строго и нѣсколько надменно,—она не разъ качала при этомъ головой и думала: онъ слишкомъ большой... Если-бъ онъ еще былъ ребенкомъ, а то уже почти взрослый человѣкъ! Кто знаетъ, можетъ быть, онъ будетъ мнѣ несимпатиченъ или безразличенъ; можетъ быть, онъ обладаетъ какимъ-нибудь свойствомъ, которое сдѣлаетъ его мнѣ враждебнымъ, а я должна стать для него матерью? Не слишкомъ ли велика отвѣтственность?

Долго, очень долго обдумывала она все это, пока, наконецъ, не вскочила со слабымъ крикомъ: „Ахъ, я это все-таки сдѣлаю!“ — почувствовавъ, что всѣ эти длинныя, длинныя разсужденія по существу своему безполезны и ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ убѣжденіемъ, что она любитъ, да, любитъ этого добродушнаго, искренняго человѣка съ его нѣсколько насмѣшливой улыбкой.

Поставивъ возлѣ себя на ночной столикъ большого мальчика и большой домъ, она раздѣлась, крѣпко заснула и на слѣдующее утро проснулась съ увѣренностью, что другого отвѣта она и не могла бы дать...

И до сихъ поръ она въ немъ не раскаялась. Нѣтъ! нѣтъ, она не раскаивалась.

Сегодня она знала, что такой же она осталась, такой же останется и въ новой обстановкѣ. Она испытала кое-какія противодѣйствія, измѣрила свои силы и была полна мужества. А мужъ ея,—во время путешествія онъ не надѣвалъ на себя маски человѣка съ болѣе веселой и широкой душой: дома онъ оставался тѣмъ же человѣкомъ. Она чувствовала, что можетъ быть для него кое-чѣмъ больше, чѣмъ украшеніемъ, чѣмъ радостью его существованія, хотя таковой она главнымъ образомъ и являлась для него.

Но сильнѣе всего она чувствовала одно: она осталась бы, можетъ быть, неудовлетворенной въ этомъ положеніи равномѣрно веселаго благополучія, она бы чувствовала, что какъ разъ самая глубокая, самая страстная потребность ея сердца, которое не затихаетъ даже во счастьи, которое хочетъ страдать, бороться, помогать и утѣшать, которое находитъ удовлетвореніе лишь въ обладаніи всей человѣческой душой, что какъ разъ эта потребность осталась бы неудовлетворенной, если-бъ оригиналъ этой фотографической карточки, которая и привлекала ее и въ то же время внушала страхъ, не былъ бы — ея большимъ сыномъ. Да, дѣйствительно, ея сынъ... если-бъ онъ только чувствовалъ такъ же: моя мать!

И это именно заставило ее открывать ящикъ его письменнаго стола: она хотѣла знать, что запирало его сердце передъ стучавшейся въ него любовью. Она должна это знать, чтобы быть въ состояніи помочь ему. И, такъ какъ никакіе разспросы не помогали, то она хотѣла проникнуть въ его внутреннее *я* съ помощью хитрости и насилія, и потому читала его дневникъ, который онъ запиралъ всегда съ такой поспѣшностью.

И вотъ—послѣ долгаго раздумья—съ нею теперь произошло то же, что и тогда: она разомъ поняла, что напрасно столько думаетъ. Онъ вѣдь никогда не узнаетъ этого, и это принесетъ ему только пользу!

Она читала его дневникъ и пережила всю его жизнь. Совершенно забывшись, не замѣчая, что на эти безпорядочно исписанныя страницы скатываются ея горячія слезы, она заглядывала въ самые потаенные уголки его души, изучала его такъ, какъ лишь онъ одинъ зналъ самого себя, но въ то же время освѣщая это тѣми же обдуманными знаніями, съ какими знающій врачъ изслѣдуетъ безпомощно страдающаго ребенка. Переживая его страхъ, его сомнѣнія, его борьбу, она видѣла также тайно дѣйствующія причины ихъ, видѣла каменщика при его работѣ, какъ онъ камень за камнемъ кладетъ стѣну, которая отдѣляла сына отъ не-

знакомой ему еще матери. И, если до сихъ поръ она видѣла въ Дистеркампѣ лишь ограниченнаго, но въ сущности неопаснаго человѣка, она поняла теперь, что при всей своей глупости онъ мощный борецъ мрачнаго фанатизма, который можетъ влить горечь во всякую земную радость и простереть свой мракъ надъ всѣми дѣтьми свѣта.

Эрнстъ долженъ уѣхать, какъ можно скорѣе уѣхать. Не только отъ своего дяди, но и отъ фрейлейнъ Киппъ, въ совершенно новую обстановку. Это было для нея вполнѣ ясно, и она твердо рѣшила сдѣлать все возможное, чтобы спасти его.

Передвинутыя души.

Очерки.

III.

Погромъ.

Горбатовскій погромъ не привлекъ особеннаго вниманія. Газеты упомянули о немъ, потомъ напечатали краткое извлеченіе изъ судебнаго отчета и въ свое время—извѣстіе о Высочайшемъ помиловании преступниковъ.

Въ то время было слишкомъ много погромовъ. Писать приходилось о самыхъ, такъ сказать, эффектныхъ, гдѣ число жертвъ доходило до сотенъ,—Одесса, Баку, Томскъ, Бѣлостокъ, Сѣдлецъ. Всѣхъ не перечтешь.

Черносотенцы, однако, оказались внимательнѣе къ Горбатовскому погрому. Адвокатъ Булацель затѣялъ цѣлую кампанію противъ нижегородскаго суда и довелъ ее побѣдоносно до конца, даже получилъ оффиціальное одобреніе.

Дѣйствительно, Горбатовскій погромъ это—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и многозначительныхъ.

Другіе погромы были шире и грандіознѣе. Но этотъ, благодаря особому стеченію обстоятельствъ, представляетъ собой какъ бы соціологическій препаратъ русской революціи, взятый въ самой толщѣ народнаго тѣла и свободный отъ постороннихъ примѣсей. И если изучить его даже со стороны, то можно видѣть болѣе или менѣе ясно, откуда пошло освободительное движеніе, какъ протекало оно и обо что оно разбилось.

Мнѣ пришлось видѣть рядъ пострадавшихъ и свидѣтелей Горбатовскаго погрома. Я говорилъ съ людьми, которые часами сидѣли въ чуланѣ или подъ казеннымъ столомъ, ежеминутно ожидая гибели. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ и на столѣ стояло зерцало. Кругомъ бѣгали погромщики съ кирпичами и окровавленными палками. Складки казеннаго сукна висѣли до полу и дали защиту. Другой защиты не было. Я разспрашивалъ людей, которые

видѣли, какъ Завирущевъ «скакалъ» и «топтался» по тѣлу Горбунова, и Чичеринъ набивалъ осколки стекла въ горло Романову, и были безсильны вступиться.

Память о погромѣ не прошла безслѣдно даже для уцѣлѣвшихъ. Курочкинъ, членъ управы, высокій мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ нервнымъ и мнительнымъ. Мы переѣзжали Волгу вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, въ ясный лѣтній день, при тихой погодѣ.

Когда набѣжала легкая зыбь, и лодка качнулась, онъ сталъ волноваться и хвататься руками за бортъ.

— Пустите меня обратно,—сказалъ онъ,—я не могу...

Ему пришлось пережить во время погрома ужасныя минуты.

Убійцы, покончивъ съ Горбуновымъ и Романовымъ, ворвались въ комнату, гдѣ скрывались Курочкинъ и Воскресенскій.

Они не знали ихъ въ лицо и спрашивали: «Гдѣ Курочкинъ?»

— Я такъ растерялся,—разсказывалъ Курочкинъ,—что, кажется, пробормоталъ: «я здѣсь». Но они не слышали.

— Воскресенскій, спасибо ему, былъ смѣлѣе. Онъ сталъ говорить: «Какого вамъ Курочкина? Вы видите, насъ только двое здѣсь».

— Что вы чувствовали?—спросилъ я.

— Тупое такое ощущеніе, какъ будто ударъ по головѣ... Дали или дадутъ... Я все фуражку нахлобучивалъ... О дѣтяхъ думалъ...

Оонъ замолчалъ и потомъ попросилъ: «Будетъ объ этомъ».

— Я не могу,—повторялъ онъ. — Недавно встрѣтилъ на пароходѣ Лаврентьева, подальше отошелъ. Рожа эта, я не могу...

Кромѣ живчхъ разсказовъ я пересмотрѣлъ также судебные акты, полицейскіе протоколы и показанія свидѣтелей.

Изо всего этого матеріала я постараюсь выдѣлить прежде всего основныя особенности Горбатовскаго погрома, которыя отличаютъ его отъ другихъ подобныхъ событій.

Начну съ того, что въ Горбатовскомъ дѣлѣ вовсе не было «жида».

Правда, Лаврентьевъ, городской голова, который выписывалъ газету «День» (тогда еще не было ни «Вѣча», ни Дубровинскаго «Знамени») въ трицати экземплярахъ и раздавалъ ее безплатно въ трактирѣ, пробовалъ заговаривать и объ евреяхъ. Но даже трактирщикъ могъ дать только одинъ отвѣтъ: «Я ихъ не знаю, никогда не видѣлъ».

Уже черезъ годъ на судѣ защитникъ погромщиковъ Баженовъ попробовалъ вернуться къ тому же предмету. Онъ говорилъ:

— Въ Кіевѣ евреи кричали: «Мы вамъ дали Бога, дадимъ и царя». Одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго вырѣзалъ на портретѣ лицо Государя Императора и вставилъ свое собственное съ пейсами».

Но эти разсказы не нашли отклика даже среди подсудимыхъ.

Ибо Горбатовъ такое мѣсто, куда евреи не доѣзжаютъ (да и не пускаютъ ихъ). Въ городѣ, кажется, нѣтъ ни одного еврея. Горбатовымъ владѣютъ собственные, истинно-русскіе купцы, русскіе ростовщики, русскіе заводчики. Они платятъ рабочимъ истинно русскую плату: сорокъ копѣекъ въ день.

Они чувствуютъ себя отлично. Газеты ненавидятъ. Съ особеннымъ остервенѣніемъ рвутъ книги въ мелкіе клочки. У Серебровскаго при погромѣ изорвали библіотеку болѣе тысячи томовъ.

Ихъ девизъ простъ и ясенъ. Когда городскому головѣ Лаврентьеву предложили присутствовать на молебнѣ по поводу 17 октября, онъ отвѣтилъ: «я этихъ свободъ не понимаю. Я жилъ свободно и раньше...»

Другая отличительная черта. Въ Горбатовскомъ дѣлѣ не было воздѣйствія начальства. Былъ только нейтралитетъ.

Многіе склонны приписывать воздѣйствію начальства въ нашихъ послѣднихъ неудачахъ слишкомъ большое значеніе. Они разсматриваютъ его, какъ нѣчто чуждое, совсѣмъ постороннее, Deus ex machina русской жизни. Между тѣмъ, воздѣйствіе начальства,—это сила бытовая и даже творческая. Она выросла изъ почвы, и корни ея проросли до самой глубины. Будочникъ Мымрецовъ такая же коренная національная фигура, какъ торговецъ Разуваевъ и даже деревенскій мужикъ, дядя Власъ, старикъ сѣдой.

Итакъ, въ Горбатовѣ начальство хранило нейтралитетъ. Правда, это былъ нейтралитетъ благожелательный.

Исправникъ Петръ Предтеченскій заявилъ священнику Алмазову: «намъ не велѣно вмѣшиваться въ народное движеніе». А дьякону прямо сказалъ: «мнѣ неудобно присутствовать на молебнѣ».

Послѣ молебна толпа погромщиковъ качала исправника и кричала: ура!

Даже тужурка его запачкалась въ крови.

Воинскій начальникъ еще въ іюлѣ говорилъ: «Жалко, упустили ихъ». Земскій начальникъ Шалимовъ, по словамъ свидѣтелей, говоря о манифестѣ 17 октября, всегда выражался: «Швабода, швабода!»

По показанію свидѣтелей, полиція не принимала никакихъ мѣръ противъ избіенія.

Они говорили: «стоило бы одному городовому поднять кулакъ—и всѣ бы разбѣжались».

У исправника были свои счеты съ мѣстной интеллигенціей, особенно съ мелкими людьми, народными учителями, волостными писарями изъ новыхъ, «непьющихъ и образованныхъ», какъ говорили свидѣтели.

Одинъ изъ такихъ писарей 20 октября, тотчасъ же послѣ манифеста, написалъ восторженно въ письмѣ: «Ура, да здравствуетъ свобода! Берегись, Петрушка Балаганчикъ». Балаганчикъ было

уличное имя исправника Предтеченскаго. Въ захолустныхъ городахъ люди слывутъ по прозвищамъ, по уличнымъ именамъ. Я зналъ другого исправника, маленькаго и злого. Его уличное имя было: Фунтикъ.

Черезъ два дня восторженнаго писаря чуть не убили на погромѣ. Ему выбили глазъ и вывихнули руку.

Третья особенность. Въ Горбатовѣ не было, такъ называемыхъ, постороннихъ элементовъ, пріѣзжихъ агитаторовъ, соціалдемократической пропаганды, рабочихъ забастовокъ.

— Предлагали эс-деки партійнаго оратора прислать,—разсказывалъ мнѣ одинъ мѣстный человѣкъ довольно откровенно,—да мы отказались. У насъ, признаться, не было яснаго представленія объ этихъ партіяхъ, Богъ съ ними.

Въ Горбатовѣ были коренные, мѣстные, уѣздные люди. Елизвой Серебровскій до погрома ни разу ни выѣзжалъ изъ Горбатова.

Убитый Горбуновъ былъ мѣстный рабочій, канатчикъ.

Это былъ одинъ изъ мѣщанскихъ самородковъ, какіе стали попадаться на Руси еще со временъ россійскаго изобрѣтателя, Ивана Кулибина, восемнадцатаго вѣка. Хлопотунъ, непосѣда, очень кроткій, но любитель правды. Безъ всякаго образованія, но много читалъ. Его жалѣютъ до сихъ поръ. Даже черносотенцы говорятъ: «Этого убили напрасно. Онъ хотѣлъ народу добра».

Такъ называемыхъ революціонныхъ эксцессовъ тоже не было въ Горбатовѣ.

Многіе опять-таки склонны приписывать этимъ эксцессамъ слишкомъ большое значеніе. До сихъ поръ раздаются громкіе упреки по адресу лѣваго фланга: «Если бы *вы* не кричали и не дѣлали жестовъ, *мы* бы имѣли теперь настоящую конституцію».

Настроеніе Горбатовской интеллигенціи было, напротивъ, самое мирное, идеалистическое:

— Вѣрили людямъ. Думали: общее забвеніе обидъ. Не враги, но друзья...

— Мы искренно хотѣли сдѣлать что-нибудь полезное для народа,—говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей,—воодушевленіе такое было, подъемъ духа... Подхватило насъ и несло, какъ на крыльяхъ.

Самый рѣшительный человѣкъ прогрессивной стороны говорилъ мнѣ почти съ самоудивленіемъ:

— Я раньше культурникомъ былъ, о политикѣ не думалъ. Теперь только эпоха положила на меня свою чеканку. Я сталъ опредѣленнѣе.

— Прежде я былъ благожелательнымъ чиновникомъ, увлекался работой, очень ужъ почва подходящая. Такъ много можно бы сдѣлать добраго, если-бъ начальство не мѣшало.

Этотъ рѣшительный человѣкъ въ своей новой опредѣленности сдѣлался только кадетомъ—правда, кадетомъ лѣваго склона. Съ

тѣхъ поръ онъ былъ уволенъ со службы по третьему пункту, перемѣнилъ шесть мѣстъ и, вмѣсто трехсотъ рублей въ мѣсяцъ, получаетъ только семьдесятъ пять. У него четверо дѣтей, но онъ не унываетъ: «Ничего, мы по спартански!»

Именно поэтому Горбатовская интеллигенція явилась такой безпомощной во время погрома.

— Намъ говорили, что будетъ погромъ, но мы не вѣрили,— разсказываютъ всѣ пострадавшіе въ одинъ голосъ.—Вздоръ, за что?..

Этотъ самый вопросъ: «Братцы, за что?»—выкрикнулъ Романовъ, когда его стащили съ табуретки и ударили ломомъ по головѣ.

По словамъ знакомыхъ, Романовъ былъ толстякъ, говорунъ, весельчакъ, выпивоха, пѣвецъ, душа-человѣкъ, рубаха парень. Онъ былъ человѣкъ атлетической силы, но даже не поднялъ руки на свою защиту. Въ эти самыя минуты онъ былъ настроенъ совсѣмъ по иному.

Передъ началомъ погрома онъ былъ на молебнѣ, все время пѣлъ съ добровольцами и по показанію свидѣтелей молился горячо и со слезами.

Между прочимъ, безпомощность русской интеллигенціи во время черносотенныхъ погромовъ—общее явленіе. Защищались инородцы, отчасти евреи и очень сильно армяне. Тамъ, гдѣ русскіе били русскихъ, въ Горбатовѣ, въ Твери, въ Томскѣ, въ Архангельскѣ, въ Вологдѣ, никто не защищался. Въ Твери, во время погрома, членъ управы, Медвѣдевъ, выскочилъ на крыльцо и сталъ отнимать у толпы избиваемыхъ дѣвушекъ, управскихъ служащихъ. Онъ тоже былъ человѣкъ атлетической силы и у него были пустыя руки. Ему пробили голову и сломали два ребра. Онъ долго хворалъ, потомъ оправился, попалъ въ Государственную Думу, а оттуда въ Выборгъ, и такъ далѣе, вплоть до трехмѣсячной отсидки. Но въ минувшее лѣто увѣчья опять отозвались, и Медвѣдевъ умеръ.

Послѣ погромовъ многіе хватились, но было поздно.

— Хоть бы одинъ револьверъ,—съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ пострадавшихъ,—ничего бы не было...

— Черносотенцы тоже боятся. Они любятъ бить за православную вѣру, но умирать за православную вѣру они не любятъ...

Револьверы были, но ихъ оставили дома.

— Мы шли мирно,—говорилъ тотъ же пострадавшій,—совершали мирное шествіе черезъ собственные трупы...

Послѣ погрома иные изъ мѣстныхъ интеллигентовъ дошли до крайней ненависти. Они строили планы мести, неправдоподобные, фантастическіе: «Поджечь городъ. Гдѣ спальня Лаврентьева, зарѣзать его».

Планы, конечно, остались планами.

Черносотенцы тоже были въ страхѣ. По городу ходили слухи: идутъ богородскіе рабочіе мстить за погромъ. По ночамъ выставляли караулы. Разъ или два начинали бить въ набатъ.

Однимъ словомъ, просыпались страсти и страхи междуусобной войны.

Я помню, въ городѣ Гомелѣ, послѣ перваго погрома, ночью, евреи попрятались на чердаки и даже въ клозеты, и женщины зажимали дѣтямъ ротъ, чтобъ они не плакали. И въ то же самое время на желѣзнодорожной слободкѣ, гдѣ жили мѣщане-погромщики, былъ пущенъ слухъ, будто изъ ближнихъ лѣсовъ идетъ 6000 вооруженныхъ евреевъ мстить за погромъ. Женщины съ плачемъ бѣжали на вокзалъ и заперлись въ амбарѣ. Мужчины вооружались и всю ночь ходили дозоромъ по улицамъ. И на другой день погромъ возобновился...

Впрочемъ, общее настроеніе Горбатовской интеллигенціи было подавленное. Многіе разбѣжались. Пострадавшіе такъ и не вернулись въ Горбатовъ, даже потомъ для устройства личныхъ дѣлъ. Елизвой Серебровскій продалъ заочно остатки своего дома за пятьсотъ рублей. Домъ стоилъ ему больше трехъ тысячъ.

Тѣ, кто остался въ Горбатовѣ, были запуганы до крайности.

Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ пострадавшихъ, который вернулся потомъ на короткое время по неотложному дѣлу.

— Сходилъ въ присутствіе, иду назадъ съ револьверомъ въ карманѣ. Вижу, компанія молодежи, все знакомые. Даже поздороваться боятся. Обернулся назадъ: идетъ городской голова и еще два черносотенца...

Старая и новая Россія встаютъ передъ нами во весь ростъ въ Горбатовскомъ дѣлѣ.

Вотъ Елизвой Серебровскій, центральная фигура погрома. Это Горбатовскій мѣщанинъ, старинной, но бѣдной семьи. Отца его звали Елизвоемъ, сына тоже зовутъ Елизвоемъ. Онъ учился въ уѣздномъ училищѣ и достигъ знанія самоучкой.

Горбатовцы могли бы скорѣе гордиться Елизвоемъ Серебровскимъ. Даже, по словамъ прокурора, «онъ пробилъ себѣ дорогу собственнымъ горбомъ, сталъ образованнымъ человѣкомъ и центромъ кружка интеллигенціи, желавшей блага народу».

И, дѣйствительно, горбатовцы знали Елизвоя Серебровскаго. Въ день погрома толпа убійцъ бѣгала по городу, заглядывала въ городскую управу и въ частные дома, шарила, искала и кричала: «Изволка, выходи»!

Елизвой Серебровскій построилъ себѣ въ Горбатовѣ домъ, устроилъ большое венеціанское окно; выписывалъ журналы, покупалъ книги, статуэтки, завелъ много бѣлья. Все это пріобрѣталось въ теченіе 14 лѣтъ, вещь за вещью, изъ очень скромнаго жалованья.

Елизвой Серебровскій гордился своимъ домомъ, но мѣстные купцы не одобряли его вкуса. Они заводили только иконы въ серебряныхъ окладахъ.

Даже адвокатъ Баженовъ нашелъ нужнымъ задать ему вопросъ во время суда.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса бѣлья?

Серебровскій отвѣтилъ: «Культурный человѣкъ привыкъ часто мѣнять бѣлье. Кромѣ того, часть бѣлья была заготовлена въ приданое дочери».

Во время погрома это бѣлье разобрали по рукамъ. Горбатовъ—городъ маленькій. Бѣлье молодой Серебровской разошлось по мѣщанскимъ невѣстамъ, почти на полгорода.

— Носятъ теперь,—благодушно говорили свидѣтели.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса книгъ?—настаивалъ Баженовъ. На этотъ вопросъ Серебровскій не отвѣтилъ. Я уже упоминалъ, что книги были предметомъ особой ненависти черносотенцевъ. Иныя изъ нихъ были съ картинками. Мальчишки, бѣжавшіе вслѣдъ за погромщиками, пытались унести нѣсколько книгъ, но ихъ били по рукамъ, книги отнимали и рвали въ клочки.

— Не читай, сволочь, а то станешь такимъ, какъ Изволка!.. Портреты писателей поднимали на колья съ крикомъ «Ура».

Я встрѣтилъ точно такую же ненависть къ книгамъ въ другомъ извѣстномъ погромѣ той же эпохи. Я говорю о городѣ Александровскѣ, гдѣ дѣйствовалъ знаменитый ротмистръ Будогосскій. Толпа громилъ разграбила домъ секретаря земской управы Чижевскаго, который потомъ былъ депутатомъ Государственной Думы. Съ особеннымъ стараніемъ громилы уничтожали библіотеку Чижевскаго, большую, старинную.

— Это колдовскія книги,—кричали они.—Это жидовскій талмудъ.

— Зачѣмъ у васъ былъ фотографическій аппаратъ?—приставалъ адвокатъ Баженовъ.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса негативовъ? Зачѣмъ у васъ была электрическая машина?

Мѣстные купцы задавали Серебровскому еще болѣе элементарные вопросы: «Зачѣмъ водку не пьешь? Зачѣмъ въ карты не играешь?».

Горбатовскій погромъ раззорилъ Серебровскаго въ конецъ. Все, что было накоплено за 14 лѣтъ, пропало. Изъ всего имѣнія остались только малыя дѣти. Елизвой Серебровскій забралъ своихъ дѣтей и отправился искать себѣ новаго мѣста...

На другой сторонѣ цѣлая галлерея черносотенныхъ типовъ.

Вотъ купцы патріоты: Стешовъ, Спиринъ, Орѣховъ, Склянинъ. Они возмущены нападками прогрессистовъ на Куропаткина.

— Зачѣмъ поминаете, зачѣмъ? Газеты читаете, ахъ вы...

Психологія у нихъ упрощенная: «Придемъ на собраніе и выкидаемъ всѣхъ изъ окошекъ».

Съ другой стороны, они возмущены также дѣйствіями земской веревочной артели, которую устроили интеллигенты. Она повышаетъ

цѣны на трудъ. Еще хуже: она успѣла взять большіе казенные подряды.

— Подряды и намъ годились бы,—говорятъ купцы.

Пріемы дѣйствій купцовъ старинные, испытанные, еще со временъ Бориса Годунова и Василія Шуйскаго.

— Михайло Васильевичъ Стешовъ денегъ даетъ, чтобъ раскидать этотъ домъ по бревнышкамъ.

Это говорилось подъ окнами у Серебровскаго, совершенно открыто.

Во время погрома Стешовъ прислалъ къ дому Серебровскаго рабочихъ спеціалистовъ. Печники ломали печи. Кровельщики разбирали кровлю.

По словамъ свидѣтелей послѣ погрома городской голова Лаврентьевъ угощалъ громилъ за то, что «постарались за Бѣлаго Царя и Отечество».

Впрочемъ, на самомъ погромѣ купцы не выступали. Дѣйствовали ихъ приспѣшники и довѣренные люди.

Первый изъ нихъ Федяковъ, писецъ уѣзднаго съѣзда, дѣятель мѣстнаго союза русскаго народа.

Фигура тоже характерная. Человѣкъ способный, дока, законникъ, мастеръ писать бумаги. Недурной ораторъ. Старый, чахоточный, злой. Беретъ взятки, но небольшія. Кое что скопилъ. Даетъ деньги на проценты. Ярый приверженецъ старого строя. У него на сердцѣ дворяне... Ему льститъ, что земскій начальникъ обращается къ нему на *вы*.

— Изъ лавки у Стешова не выходитъ,— говорили свидѣтели.—Съ богатыми купцами за ручку здоровается. Его благодарятъ и называютъ опорой. Онъ обѣщаетъ заслужить.

Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ погрома, но не удержался въ этой роли, и перешелъ въ «активную борьбу». Это онъ нанесъ первый ударъ Романову.

Дальше идутъ простые исполнители. Чичеринъ служитъ у Стешова по разнымъ порученіямъ. Бывшій воръ, сидѣлъ въ тюрьмѣ. Козырихинъ—коммиссіонеръ Стешова; Федотовъ, единовѣрческій дьячокъ, фигура дикая. Во время погрома, по показаніямъ свидѣтелей, скакалъ передъ толпой на одной ногѣ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ. На бѣломъ флагѣ была надпись: «За царя».

На какой почвѣ возникла въ Горбатовѣ вражда между интеллигенціей и «народомъ»? Погромщики изъ подсудимыхъ говорятъ: на политической, пострадавшіе интеллигенты утверждаютъ: на экономической. Но дѣло въ томъ, что Горбатовская экономика была въ то-же время и политикой. Тамъ наблюдалось въ полной мѣрѣ старо-русское единеніе основъ.

Горбатовъ хотя и городъ, но мѣсто отсталое. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ главныхъ русскихъ путей. Въ немъ нѣтъ даже прогимназіи, есть только нѣсколько начальныхъ школъ.

Съ другой стороны, уже полтора вѣка въ Горбатовѣ и въ окрестностяхъ существуетъ значительное веревочное производство.

Формы этого производства старыя. Мелкіе заводчики имѣютъ раздаточныя конторы, раздаютъ пеньку рабочимъ и принимаютъ канатъ. Канатчики занимаются также земледѣліемъ и огородничествомъ.

Заработки чрезвычайно низкіе. Множество посредниковъ, коммерсантовъ, раздатчиковъ, маклеровъ, хозяевъ и хозяйчиковъ, мастеровъ и мастерковъ. Нравы тоже соотвѣтственные, старинные московскіе нравы, описанные еще Герберштейномъ.

Точно такіе же нравы существуютъ и въ другихъ отсталыхъ центрахъ полукустарнаго производства, напримѣръ, въ Кимрахъ.

Звѣриная эксплуатація, съ одной стороны, и полная продажность — съ другой. Общее невѣжество, общій развратъ, общій взаимный обманъ.

Это та самая затхлая мѣщанская среда, которая даже въ большихъ городахъ валомъ валила на первые публичные митинги, но спрашивала при этомъ ораторовъ съ тревогой и даже съ угрозой: «Чего вы хотите, что вамъ надо»?

— Зачѣмъ надо было рязъяснять манифестъ,—спросилъ предсѣдатель суда свидѣтеля Фіалковскаго, судебнаго слѣдователя.

— Затѣмъ что по этому поводу шли кривотолки. Даже помощникъ бухгалтера Бобылинъ говорилъ: «Что такое свобода?—Кого хочу, того и изругаю». Это говорилось въ серьезъ, безъ всякихъ шутокъ.

Многіе изъ насъ были потомъ свидѣтелями, какъ эта мѣщанская, обывательская толпа пьянѣла отъ смѣлаго слова, какъ будто отъ вина, и вдругъ разбивала свои старые кумиры и создавала себѣ новые кумиры...

Эта перемѣна шла быстро и захватила многіе уѣздные города и захолустные посады, какъ о томъ свидѣтельствуютъ выборы въ Государственную Думу, первую и вторую.

Въ одномъ изъ южныхъ городовъ я видѣлъ человѣка, который пережилъ слѣдующую эволюцію.

Лѣтомъ 1905 года ѣздилъ съ депутаціей въ Царское Село, весною 1906 года привлекался по подозрѣнію въ принадлежности къ соціалъ-демократической партіи, а теперь, увы! состоитъ подъ подозрѣніемъ, уже съ другой стороны, какъ агентъ-провокаторъ...

Эта перемѣна, однако, не коснулась города Горбатова. Онъ какъ былъ, такъ и остался. Горбатовскіе выборщики въ Государственную Думу были черносотенные.

Еще въ 1901 году Горбатовскіе купцы учредили клубъ для карточной игры. Они пьянствовали, наливали пива въ рояль. Они протестовали даже противъ устройства любительскихъ спектаклей. Клубъ этотъ существуетъ и теперь.

Съ другой стороны, податной инспекторъ Владиславлевъ, устрои-

тель земской раздаточной конторы, которая пыталась вести борьбу съ эксплуатаціей, говорилъ мнѣ, что съ городскими канатчиками нельзя было имѣть никакого дѣла. Они норовили сдавать негодный товаръ. Даже съ деревенскими кустарями, сравнительно болѣе честными, приходилось держаться на сторожѣ и строго браковать сдаваемый канатъ.

Поставленное такимъ образомъ дѣло стало развиваться. Купцы платили рабочимъ до 59 коп. съ пуда, а земская контора до 70 коп. съ пуда.

Въ первое же полугодіе получился оборотъ въ 18,000 руб. и чистая прибыль въ пользу земства 900 руб.

Земская контора сумѣла достать подрядъ у интендантства, преодолѣвъ затрудненія. Даже никакой взятки не было дано, хотя обычная норма считается въ 15% валовой суммы. За то заказъ былъ исполненъ безукоризненно, и придраться было не къ чему.

Дѣло это было поставлено такъ крѣпко, что даже теперь, когда всѣ другія начинанія горбатовской интеллигенціи разгромлены, это одно уцѣлѣло и существуетъ черезъ пень колоду.

Земскіе доходы слишкомъ плохи, и даже черносотенное земство не хочетъ отказаться отъ этихъ канатныхъ барышей.

Раздаточная контора была устроена весною 1904 г. Лѣтомъ 1905 г. была устроена потребительная лавка, чайная трезвости, съ высокими потолками, съ газетами, съ граммофономъ...

— Мы всѣ работали, — говорилъ мнѣ г. Владиславлевъ.—Я самъ прибиралъ пьесы для граммофона.

Купцы стали коситься. Они говорили довольно прямо: «Зачѣмъ интеллигенція ссорится съ фабрикантами? Мирно жили».

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, кромѣ уѣзднаго города, лежитъ большое село Богородское. Это село является центромъ кожевеннаго производства. Оно люднѣе и промышленнѣе, чѣмъ городъ Горбатовъ.

Это село расположено здѣсь, какъ будто нарочно, для удобства соціологическихъ сравненій, ибо оно типично для новой Россіи, какъ Горбатовъ типиченъ для старой.

Село Богородское съ самаго начала переживало всѣ перипетіи освободительной борьбы. Здѣсь была пропаганда, и были аресты. Въ апрѣлѣ 1905 года была забастовка большая, успѣшная. Наконецъ, послѣ забастовки была военная экзекуція.

Организаторомъ забастовки былъ рабочій Согедъ, полякъ изъ Вильны, ибо у богатаго промышленника Равкинда было два завода, одинъ въ Вильнѣ, другой въ Богородскомъ, и рабочіе переходили съ одного завода на другой. Дѣло, такимъ образомъ, не обошлось безъ инородца...

Горбатовская интеллигенція принимала во многомъ посильное участіе. Такъ, 10-го іюля при ея содѣйствіи былъ созванъ въ селѣ Богородскомъ экономическій совѣтъ съ участіемъ крестьянъ и рабочихъ. Засѣданія совѣта прошли ярко, съ подъемомъ. Крестьяне

говорили рѣчи, разбирали газеты нарасхватъ. Старые крестьяне плакали: «Боже мой, до какихъ дней дожили».

— Мы полагали, оно уже въ рукахъ,—говорилъ мнѣ простодушно одинъ изъ устроителей,—было въ рукахъ, кромѣ физической силы...

Апрѣльская забастовка прошла со стихійною силой.

Толпа рабочихъ въ 2—3 тысячи дефилировала по улицамъ. Шли непрерывные митинги.

Въ уѣздѣ прошелъ слухъ, будто бы кружокъ интеллигентовъ пожертвовалъ на забастовку 25,000 рублей. Хозяева испугались и уступили во всемъ. Рабочій день сразу сократился съ 15 часовъ на 10. Спросъ на рабочія руки соотвѣтственно выросъ въ полтора раза. Рабочая плата поднялась. Въ руки рабочихъ попали лишнія деньги передъ самой ярмаркой. Начался торговый подъемъ.

Безпорядки начались съ приходомъ полуроты солдатъ и продолжались непрерывно. Впрочемъ, и безпорядки были мирные и выражались, по словамъ оффиціальнаго доклада,—въ многочисленныхъ арестахъ (?).

Одно время даже собраніе фабрикантовъ просило губернатора убрать войска ради умиротворенія. Роль интеллигенціи была, по преимуществу, примирительная. Нѣкоторые даже получили одобреніе министра за спасеніе становото пристава отъ натиска рабочихъ. Въ то же самое время они были отданы подъ судъ за вмѣшательство въ дѣла полиціи. Дѣло протянулось до манифеста и утонуло въ забвеніи...

Однако именно эта мирная дѣятельность интеллигенціи подала поводъ къ ожесточенной враждѣ.

Купцы испугались.

По словамъ прокурора:

«Идея коопераціи была ненавистна купцамъ. Опасно было уже и то, что создался новый пріютъ, куда люди могутъ идти за работой, помимо нихъ. Богородская забастовка несла съ собой непосредственную опасность для кармана заводчиковъ. И съ этого же момента возможно установить связь съ событіями 24 октября»...

Заводчики составили синдикатъ, но этого было мало.

Они старались уговаривать собственныхъ рабочихъ.

«Злонамѣренные люди хотятъ устроить забастовку. Мы закроемъ заводы, хоть на два мѣсяца. У насъ капиталовъ много».

Городскіе мѣщане, однако, стали интересоваться Богородскими дѣлами. Нужно было обратить ихъ вниманіе въ другую сторону.

Среди земскихъ служащихъ началось броженіе.

8 іюля Елизвой Серебровскій созвалъ собраніе для того, чтобы «обсудить положеніе».

Купцы воспользовались удобнымъ случаемъ. На базарахъ стали говорить, что земскіе служащіе хотятъ прибавки жалованья, а платить придется крестьянамъ и купцамъ.

Пускались въ дѣло обычныя обвиненія: Чичеринъ говорилъ на пароходѣ «Наслѣдники»: «Надо заявить, что они идутъ противъ царя. Тогда если избить ихъ, то ничего не будетъ».

Эти обвиненія падали на благодарную почву. Въ день собранія кругомъ земской управы собралась огромная толпа народа. Начало дня было совсѣмъ, какъ въ Твери, но до свалки не дошло. Земскіе служащіе были всѣ въ сборѣ, и черносотенцы не рѣшились напасть.

— Подождите,—кричали они,—мы послѣ наверстаемъ.

Какъ я уже упоминалъ, подкупъ и угощеніе тоже пускались въ дѣло.

Одинъ изъ мѣстныхъ обывателей попросилъ у Серебровскаго милостыню.

— Зачѣмъ тебѣ? У тебя свой домъ.

— Выпить хочется, — сказалъ проситель и потомъ прибавилъ:—я удивляюсь: такого добраго барина бить велятъ.

Вскорѣ послѣ того къ г-жѣ Серебровской явился мѣстный босякъ, Гогинъ, съ полѣномъ въ рукахъ и попросилъ рубль. Онъ говорилъ: «Это полѣно я могу обратить и противъ васъ, и противъ тѣхъ, кто меня нанялъ».

Впрочемъ, пострадавшіе отмѣчаютъ отсутствіе «босой команды» среди погромщиковъ.

Громили и убивали: городскіе мѣщане, прядильщики, огородники, дьячокъ, тюремный надзиратель...

Удобный случай представился только во время манифеста.

24 октября кричали въ толпѣ передъ управой: «Нельзя пропускать. Вотъ мы имъ покажемъ манифестъ».

Послѣ молебна членъ суда Усть-Волжскій всталъ на табуретку передъ толпой и началъ объяснять манифестъ. Серебровскій не утерпѣлъ, высунулъ голову изъ окна и крикнулъ: «Свободному крестьянину, свободному рабочему, свободному народу, ура!»

Толпа зашумѣла. На табуретку поднялся Романовъ, его стащили прочь и, по выраженію одного изъ свидѣтелей, «пошла потѣха».

Самый погромъ отличался звѣриной жестокостью и слѣпотой.

Романовъ былъ человѣкъ совершенно чужой и никому неизвѣстный въ Горбатовѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Нижняго за два дня передъ этимъ по земскимъ дѣламъ и, по выраженію свидѣтелей, попалъ, какъ куръ во щи.

Послѣ погрома убійцы стали говорить, что Романовъ будто бы велъ агитацію среди новобранцевъ и требовалъ у священника Алмазова служить «молебенъ безъ иконъ», но воинскій начальникъ и священникъ не поддержали этого утвержденія. Я упоминалъ, что во время молебна Романовъ молился горячо и со слезами.

Чичеринъ на судѣ показалъ: Романовъ кричалъ: «Свобода, царя не надо. Да здравствуетъ республика! Ура!»

Но цѣлый рядъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что Романовъ не успѣлъ даже рта раскрыть.

По словамъ свидѣтеля Соколова,—его били за то, что полѣзъ на скамейку. Били бы всякаго, кто сталъ бы говорить.

Романова и Горбунова повалили на землю и избили до полусмерти. Поворачивали и били. Били и смотрѣли, есть-ли духъ... Но они были еще живы. Ихъ унесли въ больницу и сдѣлали имъ перевязку. Почти тотчасъ же убійцы ворвались въ больницу и добили ихъ. По медицинскому осмотру, у Романова вся кожа съ головы была содрана, какъ скальпъ, кожа съ лица была сорвана клочьями и заворочена кверху. Горбунову былъ забитъ въ глотку деревянный колъ, на головѣ было пятнадцать рваныхъ ранъ...

— Потѣшились,—хвастался потомъ Чичеринъ.

Этотъ Чичеринъ какая то каннибальская фигура.

Онъ рѣзалъ Романову лицо склянкой и приговаривалъ: «Слава Богу, сподобилъ Господь принять».

По свидѣтельству прокурора, когда читали протоколы осмотра искалѣченныхъ труповъ, на лицѣ Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ подсудимыхъ играла улыбка.

«Возможно, что они и теперь разсчитываютъ на безнаказанность,—сказалъ возмущенный прокуроръ,—на какія-нибудь внѣшнія силы, но здѣсь въ этомъ безпристрастномъ храмѣ правосудія ихъ надежды во всякомъ случаѣ будутъ тщетны».

Разсчеты погромщиковъ, какъ извѣстно, оправдались. Мнѣ разсказывали мѣстные люди:—Раньше во время суда они опустили голову, а теперь опять задрали носъ: «Надо говорятъ, было всѣхъ перебить. А то непріятности вышли, свидѣтели, суды,—никто бы не показывалъ. Спасибо, нашли заступу».

Съ другой стороны, прокуроръ и весь окружный судъ поплатились серьезными непріятностями за свою смѣлость.

Послѣ двойного убійства толпа громилъ хлынула къ дому Серебровскаго. По дорогѣ нашли бывшаго волостного писаря Сергѣя Мерзлова и избили его до безчувствія.

Били также Макарова, Смирнова и другихъ.

Дѣти Серебровскаго, Елизвой, 12 лѣтъ, и Нина, 14 лѣтъ, спрятались на чердакѣ, но ихъ нашли. Чичеринъ говорилъ, что ихъ надо убить, но другіе возражали: «не надо!»

Они опять убѣжали и спрятались въ банѣ.

— Я Чичерина знаю,—сказалъ мальчикъ на судѣ.

— Какъ не знать,—возразилъ Чичеринъ съ усмѣшкой.—Вмѣстѣ съ отцомъ у насъ въ усадьбѣ прокламаціи раскидывалъ.

Мальчикъ трясся и молчалъ.

Это одна изъ многихъ выдумокъ того же черносотеннаго стиля...

Послѣ того погромщики ворвались въ домъ мѣстнаго купца Кочуева. Они кричали: «Гдѣ ихъ прячешь? Отдавай!» Но у Кочуева никого не было.

Серебровскій съ женою и еще одинъ служащій, Ложкаревъ, спрятались въ управѣ.

Они видѣли изъ оконъ, какъ убивали Романова. Онъ повернулся на животъ въ лужѣ крови. Его стали топтать ногами. Тогда они отошли отъ окна и встали за перегородку. Они простояли здѣсь до вечера, ежеминутно ожидая смерти. Погромщики приходили и уходили разъ пять.

Сторожъ бралъ метлу и принимался мести полъ.

— Вы видите: никого нѣтъ. Я убираю!

Воскресенскій и Курочкинъ тоже скрывались въ управѣ.

Передъ вечеромъ исправникъ прислалъ сказать: «Будьте спокойны». Они испугались еще больше, но исправникъ тоже трусилъ и не зналъ, что дѣлать. Они вышли садами въ поле, пробирались оврагами, канавами, позади черносотенныхъ селъ. Потомъ достали лошадь и уѣхали на хуторъ въ семи верстахъ отъ города.

Когда стемнѣло, группа Серебровскихъ тоже рѣшилась выйти. Имъ пришлось проходить больничнымъ коридоромъ. Окна смотрителя-черносотенца сіяли огнями напротивъ. Тамъ шла пирушка. Но ихъ не замѣтили. Они перелѣзли черезъ заборъ. Г-жа Серебровская оборвала на себѣ платье. Они оказались на краю города.

— Вездѣ дозоры ходятъ,—говорилъ Ложкаревъ, — стерегутъ насъ.

Онъ залегъ въ канаву. Серебровскіе рѣшили идти черезъ заводы, окружающіе городъ.

Въ довершеніе всего Серебровскому нездоровилось еще съ вечера, и онъ насилу шелъ.

Жена понукала:—Пойдемъ потихоньку, до Павлова дойдемъ.

— Какъ мы дойдемъ?—возражалъ Серебровскій.—Замерзнемъ, голодные, раздѣтые.

Онъ разсказывалъ мнѣ дальше:—Пошли мы. На улицахъ было тихо. Народу не было. Только какой-то дядя раму тащилъ изъ нашего дома. Жена узнала.

— Я шапку потерялъ, жена свою дала. А голову себѣ повязала обрывкомъ юбки. Я изображалъ пьянаго, очки снялъ, спряталъ. А она жену такую. Въ тотъ день было много пьяныхъ.

— Дошли до села Окулова, стали лошадей нанимать.

— «Кто, откуда?»—«А, не надо, дойдемъ пѣшкомъ».

— Спасибо, на полдорогѣ встрѣтили горбатовскаго ямщика обратнаго За большія деньги поворотилъ въ Павлово, повезъ насъ.

— Ѣдемъ, темно. А эти рожи передъ глазами, и зубы стучатъ.

Въ Павловѣ выѣхали на пристань. Тамъ освѣщенный пароходъ. Крики: ура! Мы испугались, думали: тоже погромъ. Потомъ отрезвились, видимъ, это свои...

Такъ совершилось бѣгство интеллигенціи изъ города Горбатова.

Какія перемѣны произошли въ Горбатовѣ за послѣдніе три года послѣ погрома?

— Ничего хорошаго,—говорили мнѣ свѣдущіе люди.

— Федяковъ и его товарищи завладѣли потребительской лавкой и немедленно ликвидировали ее, просто разобрали по рукамъ. Синдикатъ пеньковаго производства преуспѣваетъ. И даже заработная плата стала ниже прежняго. Канатчики совсѣмъ отощали.

И опять таки любопытно сравнить село Богородское по сосѣдству. Несмотря на аресты и экзекуціи, пріобрѣтенія революціонной эпохи на половину сохранились въ Богородскомъ. Рабочій день короче прежняго и плата выше. Только продукты вздорожали. Въ Горбатовѣ продукты, конечно, тоже вздорожали, а платежныя средства упали.

— Есть ли какой поворотъ въ настроеніи? — полюбопытствовалъ я.

— Есть поворотъ... Теперь все соболѣзнуютъ женѣ Горбунова. Ей собрали въ Нижнемъ 300 рублей, она лавочку открыла. Покупаютъ у ней. «Мужа твоего занапрасно убили. Все занапрасно». Медленно, тупо идетъ... А купцы все ругаются...

Трудно сдвинуть съ мѣста такую твердыню, какъ Горбатовъ...

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Исторія моего современника.

Мой старшій братъ дѣлается писателемъ.

Старшій братъ былъ года на два старше меня. Казалось, онъ унаслѣдовалъ нѣкоторыя черты отцовскаго характера. Былъ, какъ отецъ, вспыльчивъ, но быстро остывалъ, и, какъ у отца, у него смѣнялись разныя увлеченія. Одно время, напримѣръ, онъ сталъ клеить изъ бумаги сначала дома, потомъ корабли. Онъ былъ способенъ просиживать за этой работой дни и ночи напролетъ, запуская уроки, и достигъ въ этомъ безполезномъ строительствѣ значительнаго совершенства: миніатюрные фрегаты были оснащены по всѣмъ правиламъ искусства, съ мачтами, реями и даже маленькими пушками, глядѣвшими изъ люковъ. Спущенные на воду, они размокали, теряли окраску и валились на бокъ. Братъ принимался опять за работу, совершенствуя корпусъ и придумывая непромокаемую окраску. Потомъ внезапно бросалъ и принимался за что-нибудь новое.

Особенно увлекался онъ чтеніемъ. Часто его можно было видѣть гдѣ-нибудь на диванѣ или на кровати въ самой неизящной позѣ: на четверенькахъ, упершись на локтяхъ, съ глазами, устремленными въ книгу. Рядомъ на стулѣ всегда стоялъ при этомъ стаканъ воды и кусокъ хлѣба, густо посыпанный солью. Такъ онъ проводилъ цѣлые дни, забывая объ обѣдѣ и чаѣ, а о гимназическихъ урокахъ и подавно.

Сначала это чтеніе было чрезвычайно безпорядочно: „Вѣчный жидъ", „Три мушкатера", „Двадцать пять лѣтъ спустя", „Королева Марго", „Графъ Монтекристо", „Тайны Мадридскаго двора", „Рокамболь" и т. д. Книги онъ бралъ въ маленькихъ еврейскихъ книжныхъ лавчонкахъ и иной разъ посылалъ меня мѣнять ихъ. На ходу я развертывалъ книгу и жадно поглощалъ страницу за страницей. Но братъ ни-

когда не давалъ мнѣ дочитывать, находя, что я „еще малъ для романовъ". Такъ многое изъ этой литературы и донынѣ осталось въ моей памяти въ видѣ ярко освѣщенныхъ, но довольно безсвязныхъ обрывковъ...

Однажды,—братъ былъ въ это время въ пятомъ классѣ ровенской гимназіи,—старый фантазеръ Лёмпи предложилъ классу перевести русскими стихами французское стихотвореніе:

De ta tige detaché,
Pauvre feuille desséché,
Ou vas tu? je ne sais rien...

Весь классъ отказался отъ небывалой задачи, но два ученика согласились. Это былъ нѣкто Пачковскій и мой братъ. Послѣдній кинулся на стихи такъ же страстно, какъ недавно на выклейку фрегатовъ, и хотя не безъ труда, но ему удалось въ концѣ концовъ передать изряднымъ стихомъ меланхолическія размышленія о листочкѣ, уносимомъ потокомъ въ невѣдомые предѣлы. Стихи вызвали удивленіе, о нихъ заговорили и товарищи, и учителя. Братъ прослылъ „поэтомъ" и съ этихъ поръ цѣлые дни проводилъ, подбирая риѳмы. Мы смѣялись, глядя, какъ онъ лѣвой рукой выстукивалъ по столу число стопъ и слоговъ, а правой строчилъ, перемарывалъ и опять строчилъ. Когда нашъ смѣхъ достигалъ до его слуха, онъ на время отрывался отъ своего вдохновеннаго творчества, грозилъ намъ кулакомъ и опять погружался въ свое занятіе.

Тутъ былъ отчасти вопросъ честолюбія и соперничества: французскіе стихи перевелъ также и Пачковскій, и сначала въ классѣ говорили: „у насъ два поэта". Пачковскій, сынъ бѣдной вдовы, содержавшей ученическую квартиру, былъ юноша довольно великовозрастный, съ угреватымъ лицомъ, широкій въ кости, медвѣжеватый и неуклюжій. Такъ какъ онъ былъ очень молчаливъ, то долгое время никто не замѣчалъ, что въ этой невзрачной фигурѣ таится огромное самолюбіе. Роковая „De ta tige" вскрыла это чувство и выгнала его наружу. Переводъ его былъ плохъ, но все же заслужилъ нѣкоторое поощреніе. Послѣ этого Пачковскій сталъ какъ-то иначе ходить, иначе носилъ голову, втягивая ее между поднятыхъ плечъ и слегка откидывая назадъ, и говорилъ, цѣдя слова сквозь зубы. Большій успѣхъ брата не давалъ ему покоя. Онъ рѣшился затмить соперника, для чего выступилъ одновременно съ „оригинальной поэмой" и сатирой. Сатира имѣла форму „посланія къ товарищу-поэту", и въ ней, подъ видомъ лу-

каваго признанія чужого первенства, скрывался ядъ злѣйшей „критики“. Поэма изображала страданія юной гречанки, которая собирается кинуться съ утеса въ море по причинѣ безнадежной любви къ младому итальянцу. Поэтъ напрасно въ лирическомъ отступленіи взывалъ къ ея благоразумію, убѣждая не губить молодой жизни. Гречанка все-таки привела въ исполненіе пагубное свое намѣреніе и кинулась съ утеса въ пучину. Но и жестокосердый итальянецъ не избѣгъ своей участи, такъ какъ „волны выкинули гречанкино тѣло на берегъ крутой“ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ итальянецъ младой. Поэма кончалась убѣдительнымъ двустишіемъ:

И онъ не смогъ того пережить
И долженъ былъ себя жизни лишить.

Публика встрѣтила и поэму, и сатиру гомерическимъ хохотомъ, а братъ довершилъ пораженіе, пустивъ по рукамъ стихотворную басенку о „Пачкунѣ, поэтѣ народномъ“. Эта кличка такъ и осталась за Пачковскимъ.

Этотъ маленькій комическій эпизодъ всколыхнулъ всетаки литературные интересы въ гимназической средѣ, и если бы педагоги захотѣли отнестись къ нему со вниманіемъ, то, быть можетъ, комическое начало могло бы потонуть въ болѣе серьезномъ теченіи, вродѣ того, какое было нѣкогда въ царскосельскомъ лицеѣ или нѣжинской гимназіи временъ Гоголя. Но словесникъ Андріевскій, человѣкъ даровитый и порой остроумный, былъ весь поглощенъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, а когда впослѣдствіи его преемникъ Авдіевъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи внѣклассныхъ занятій, чтеній и рефератовъ, то оказалось, что уже были циркуляры, запрещавшіе подобныя затѣи: Д. А. Толстой заботился, чтобы умственные интересы въ гимназической средѣ не били ключомъ, а смиренно и анемично журчали въ руслѣ казенныхъ программъ.

Пачковскій не примирился съ приговоромъ общественнаго мнѣнія. Онъ принялъ тонъ непризнаннаго генія: съ печатью отверженія на челѣ, онъ ходилъ мрачно-презрительный, одинокій и продолжалъ кропать длинныя и вялыя „демоническія“ творенія. Когда однажды Андріевскій спросилъ его на урокѣ что-то по теоріи словесности, онъ полунасмѣшливо, полувеличаво поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Для человѣка съ кастальскимъ источникомъ въ душѣ мертвящія теоріи излишни.

Андріевскій отвѣтилъ своимъ обычнымъ удивленно-протяжнымъ „а-а-а!“—и поставилъ поэту единицу.

Къ концу года Пачковскій бросилъ гимназію, смѣнивъ гимназическую форму почтово-телеграфнымъ мундиромъ съ яркими оранжевыми кантами, и, при встрѣчахъ, презрительно смотрѣлъ на бывшихъ товарищей, не оцѣнившихъ его генія.

Братъ продолжалъ одиноко взбираться на Парнасъ, безъ руководителя, темными и запутанными тропами: цѣлые часы онъ барабанилъ пальцами стопы, переводилъ, сочинялъ, подыскивалъ риѳмы, при чемъ для облегченія послѣдней работы затѣялъ словарь риѳмъ... Классныя занятія шли все хуже и хуже. Исторію и языки онъ зналъ изрядно, по-латыни могъ обмѣниваться со старикомъ Радомирецкимъ цѣлыми шуточными діалогами, но математику запустилъ совершенно и уроки, къ огорченію матери, пропускалъ постоянно.

Однажды, прочитавъ проспектъ какого-то эфемернаго журнальчика, онъ послалъ туда стихотвореніе. Оно было принято и даже, кажется, напечатано, но журнальчикъ исчезъ, не выславъ поэту ни гонорара, ни даже печатнаго экземпляра его стиховъ. Ободренный все-таки этимъ сомнительнымъ „успѣхомъ", братъ выбралъ нѣсколько своихъ твореній, заставилъ меня тщательно переписать ихъ и отослалъ... самому Некрасову въ „Отечественныя Записки".

Недѣли черезъ двѣ или три пришелъ отвѣтъ. Некрасовъ (самъ Некрасовъ!) писалъ невѣдомому начинающему поэту въ глухой городишко. Правда, отвѣтъ былъ не особенно утѣшительный: Некрасовъ нашелъ, что стихи у брата гладки, приличны, литературны; вѣроятно, отъ времени до времени ихъ будутъ печатать, но... это все-таки только версификація, а не поэзія. Автору слѣдуетъ еще учиться, читать, впослѣдствіи, быть можетъ, попытаться использовать свои литературныя способности въ другихъ отрасляхъ литературы.

Братъ сначала огорчился, но все же письмо произвело на него отличное дѣйствіе. Онъ пересталъ выстукивать стопы и принялся за серьезное чтеніе: Сѣченовъ, Молешоттъ, Шлоссеръ, Льюисъ, Добролюбовъ, потомъ Бокль и Дарвинъ. Читалъ онъ опять съ увлеченіемъ и толково и порой кидалъ мнѣ крохи отъ своихъ познаній. Какъ нѣкогда отецъ, онъ сообщалъ мимоходомъ ту или другую поразившую его мысль, характерный афоризмъ, мѣткое двустишіе, еще, такъ сказать, теплыя, только что выхваченныя изъ новой книги. Эти неожиданныя откровенія, западая въ мой нетронутый мозгъ, давали своеобразные ростки, и впослѣдствіи я встрѣчалъ ихъ, уже какъ знакомыхъ...

Отецъ въ то время уже почти не вмѣшивался въ вопросы

нашего воспитанія. Мать очень огорчалась тѣмъ, что братъ видимо отстаетъ отъ гимназическихъ занятій. Но однажды дядя-капитанъ, пріѣхавшій въ городъ, увидѣлъ брата въ обычной позѣ за книгой; окликнулъ его и, не получивъ отвѣта и постоявъ, глубокомысленно закачалъ головою:

— Га! Помяните мое слово: изъ этого хлопца выйдетъ ученый или писатель.

Репутація будущаго „писателя“ устанавливалась за братомъ, такъ сказать, въ кредитъ. Хотя о письмѣ Некрасова знали только братъ да я, и оба молчали,—все-таки оно стало извѣстно какими-то невѣдомыми путями и придавало брату особое значеніе...

Между тѣмъ, ему пришлось выйти изъ гимназіи, такъ какъ онъ остался на второй годъ, а позади надвигались уже классы съ реальной программой. Предполагалось, что онъ будетъ держать экстерномъ при какой-нибудь другой гимназіи, но, вмѣсто подготовки къ экзамену, братъ поглощалъ книги, дѣлалъ выписки, обдумывалъ планы какихъ-то работъ. Очень вѣроятно, что, если бы такъ пошло дальше, предсказаніе капитана могло оправдаться. Иногда, за неимѣніемъ лучшаго слушателя, братъ прочитывалъ мнѣ отрывки изъ своихъ компиляцій, и я восхищался новыми для меня мыслями, прекраснымъ языкомъ, точностью и красотой его изложенія. Но тутъ подвернулось новое увлеченіе.

На этотъ разъ причиной его явился весьма извѣстный издатель, г-нъ Трубниковъ. Этотъ юркій, предпріимчивый человѣкъ обладалъ какимъ-то прирожденнымъ даромъ рекламы. Въ то время онъ только что поставилъ свою газету „Биржевыя Вѣдомости“, которую обѣщалъ сдѣлать органомъ провинціи, и его рекламы, заманчивыя, яркія и вкусныя, производили на провинціальнаго читателя сильное впечатлѣніе. „Выписалъ я, знаете, газету Трубникова...“ или: „Объ этомъ надо бы написать Трубникову“... — говорили другъ другу обыватели, и „Биржевыя Вѣдомости“ замелькали въ городѣ, вытѣсняя традиціонный „Сынъ Отечества“ и успѣшно соперничая съ „Голосомъ“.

Однажды брату принесли конвертъ со штемпелемъ редакціи. Онъ вскрылъ его, и на лицѣ его выразилось изумленіе. Въ конвертѣ было письмо отъ самого Трубникова. Правда, текстъ письма былъ печатный, но въ началѣ стояло имя и отчество брата... Откуда юркій издатель узналъ объ его существованіи, сказать трудно. Быть можетъ, у него были какія-нибудь связи съ эфемернымъ журнальчикомъ, помѣстившимъ первое стихотвореніе ровенскаго поэта... Какъ бы то ни было, изъ столицы въ глухой городишко пришло письмо, говорившее о важныхъ „въ наше время“ задачахъ

печати и приглашавшее брата содѣйствовать пробужденію общественной мысли въ провинціи присылкой корреспонденцій, замѣтокъ и статей, касающихся вопросовъ мѣстной жизни.

Братъ забросилъ на время даже чтеніе. Онъ досталъ у кого-то нѣсколько номеровъ трубниковской газеты, перечиталъ ихъ отъ доски до доски, затѣмъ запасся почтовой бумагой, обдумывалъ, строчилъ, перемарывалъ, считалъ буквы и строчки, чтобы втиснуть написанное въ рамки газетной корреспонденціи, и черезъ нѣсколько дней такой упорной работы мнѣ пришлось переписывать новое произведеніе брата. Начиналось оно словами: **Гор. Ровно** (*отъ нашего корреспондента*).

За этимъ слѣдовала бойко, въ тогдашней обличительной манерѣ, набросанная характеристика маленькаго городка, съ его спячкой, пересудами, сплетнями и низменными интересами. Общими бѣглыми чертами были набросаны провинціальные типы, кое-гдѣ красиво выдѣлялись литературные обороты и цитаты, обнаруживавшіе начитанность автора. Мнѣ казалось только, что рѣчь идетъ, какъ будто, о какомъ то городкѣ вообще, а не о нашемъ именно, типы же взяты были скорѣе изъ книгъ, чѣмъ изъ нашей жизни. Когда, на вопросъ брата, я высказалъ ему это свое впечатлѣніе, онъ немного разсердился и сказалъ по обыкновенію, что я ничего не понимаю. Такъ и нужно. Это вѣдь „литература"... Всегда немного иначе, чѣмъ въ жизни.

Корреспонденція была отослана. Дней черезъ десять старикъ-почтальонъ, въ форменной кепи и съ коротенькой сабелькой (на ручкѣ которой почему-то была изображена мѣдная собачья голова и которая, дѣйствительно, служила, главнымъ образомъ, для защиты почтеннаго письмоносца отъ лютыхъ дворовыхъ псовъ) — принесъ брату номеръ газеты и письмо со штемпелемъ редакціи. Братъ тотчасъ же схватился за газету, и лицо его освѣтилось.

— Смотри,—сказалъ онъ мнѣ съ торжествомъ.

На третьей страницѣ, выведенная жирнымъ шрифтомъ и курсивомъ, стояла знакомая фраза: **Гор. Ровно** (*отъ нашего корреспондента*).

Мнѣ показалось это почти чудомъ. Такъ еще недавно я выводилъ эти самыя слова неинтереснымъ почеркомъ на неинтересной почтовой бумагѣ, и вотъ они вернулись изъ невѣдомой, таинственной „редакціи" въ нашъ глухой городишко отпечатанными на газетномъ листѣ и вошли сразу въ нѣсколько домовъ, и ихъ теперь читаютъ, перечитываютъ, обсуждаютъ, выхватываютъ листъ другъ у друга... Передъ этимъ почти волшебнымъ явленіемъ моя недавняя критика

совершенно смолкла. Я перечиталъ корреспонденію, и мнѣ показалось, что на огромномъ сѣромъ листѣ она выдѣляется чуть не огненными буквами, и что это—образцовое, выдающееся, замѣчательное произведеніе человѣческаго слова. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно, чтобы описаніе совсѣмъ походило на нашу дѣйствительность, когда это—„литература“, то есть нѣчто гораздо интереснѣе нашего тусклаго городишка, съ его заросшими прудами и сонными лачугами... А вотъ этотъ листокъ съ столбцомъ бойкихъ строчекъ, набросанныхъ рукою брата,—упалъ сюда, какъ камень въ застоявшуюся воду... Точно вдругъ надъ соннымъ городомъ склонился таинственный фантомъ: самъ г-нъ Трубниковъ изъ своего прекраснаго и важнаго далека заглядываетъ въ него умнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ... Подъ этимъ взглядомъ городокъ начинаетъ копошиться, точно внезапно раскрытый муравейникъ.

Городокъ, дѣйствительно, закопошился. Номеръ ходилъ по рукамъ, о таинственномъ корреспондентѣ строились предположенія и догадки, въ его общихъ характеристикахъ, которыя и самъ авторъ признавалъ отвлеченными, теперь узнавали тѣхъ или другихъ живыхъ лицъ, ловили намеки. А такъ какъ корреспондентъ въ заключеніе обѣщалъ современемъ вскрыть на этомъ фонѣ разные частные эпизоды „повседневнаго обывательскаго прозябанія“, то у Трубникова опять прибыло въ городѣ Ровно нѣсколько подписчиковъ.

Этотъ Трубниковскій эпизодъ имѣлъ для брата роковыя послѣдствія, такъ какъ онъ въ значительной степени уничтожилъ дѣйствіе некрасовскаго письма. Братъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ Атласа, держащаго на плечахъ ровенское небо. Въ то время, когда въ городѣ обсуждали первую корреспонденцію, стараясь угадать автора,—авторъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ опять лежали листки бумаги, покачивался на стулѣ, съ опасностью опрокинуться на его спинку, глядѣлъ въ потолокъ и придумывалъ новыя темы Онъ былъ весь поглощенъ этимъ занятіемъ. Корреспонденція летѣла за корреспонденціей, и хотя печатались не всѣ, но нѣкоторыя все же печатались. Вдобавокъ, редакція считала нужнымъ поощрять автора лестными письмами, а однажды почталіонъ принесъ повѣстку на 18 рублей 70 копѣекъ. Эта сумма въ то время, когда штатные чиновники суда получали по три и по пяти рублей въ мѣсяцъ, могла показаться цѣлымъ богатствомъ.

Правда, вялый городокъ доставлялъ мало темъ. Но братъ былъ на этотъ счетъ очень изобрѣтателенъ и недостатокъ фактическаго матеріала восполнялъ литературностью изло-

женія. Помню, напримѣръ, что наибольшее волненіе въ городѣ было вызвано его письмомъ о вечерѣ въ мѣстномъ клубѣ. На этотъ вечеръ, по просьбѣ старшинъ, начальствомъ были допущены гимназисты, и они имѣли нѣкоторый успѣхъ у дамъ. Корреспондентъ изобразилъ этотъ успѣхъ нѣсколько преувеличенными красками. „Питомцы Минервы (такъ онъ называлъ гимназистовъ) рѣшительно оттѣснили сыновъ Марса (гарнизонныхъ и стрѣлковыхъ офицеровъ), и прелестная богиня любви, до тѣхъ поръ благосклонная къ усамъ и эполетамъ, съ стыдливой улыбкой поощренія протянула ручку безусымъ юношамъ въ синихъ мундирахъ". Корреспонденція подѣйствовала, какъ взрывъ петарды: офицеры обидѣлись и заговорили въ офицерскомъ собраніи объ „оскорбленіи мундира". Полковникъ ѣздилъ объясняться съ директоромъ, обыватели въ аллегорической картинѣ усматривали дѣйствительный романъ, съ измѣной усачу-офицеру въ пользу гимназиста... Городокъ долго не могъ успокоиться... Въ качествѣ практическаго результата—гимназистамъ посѣщеніе танцовальныхъ вечеровъ было воспрещено...

Тутъ уже брату было, конечно, не до гимназіи съ ея скучными предметами и экзаменами. Онъ попробовалъ было все-таки готовится къ экзамену на аттестатъ, для чего уѣхалъ въ Черниговъ, къ дядѣ-учителю. Но въ результатѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ тамъ, явилось нѣсколько бойкихъ корреспонденцій въ газетѣ Трубникова. Къ экзаменамъ братъ не приступалъ и послѣ смерти отца опять вернулся въ Ровно. Онъ отпустилъ усики и бороду, сталъ носить пенснэ, и въ немъ вдругъ проснулись инстинкты щеголя. Вмѣсто прежняго увальня, сидѣвшаго цѣлые дни надъ книгами, онъ представлялъ теперь что-то вродѣ щеголеватаго дэнди, въ плоеныхъ манишкахъ и лакированныхъ сапогахъ. „Мнѣ нужно бывать въ обществѣ,—говаривалъ онъ:—это необходимо для моей работы". Онъ посѣщалъ клубы, сталъ отличнымъ танцоромъ и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ... Всѣмъ давно уже было извѣстно, что онъ „сотрудникъ Трубникова", „литераторъ".

Однажды онъ коснулся темы болѣе „серьезной", чѣмъ побѣды въ клубѣ гимназистовъ надъ гарнизонными офицерами. Обокрали какого-то обывателя, и братъ очень картинно изобразилъ беззпомощный городишко въ темныя осеннія ночи, безъ освѣщенія, со стражами, благополучно спящими по своимъ угламъ... Послѣ этого, встрѣтивъ брата на улицѣ, помощникъ исправника, представлявшій изъ себя, за окончательной дряхлостью исправника Гаца, высшую фактическую полицейскую власть въ городѣ, взялъ брата подъ руку и увелъ къ себѣ „для нѣкотораго секретнаго разговора". При-

гласивъ его въ кабинетъ и любезно предложивъ папиросу, высшій представитель полицейской власти приступилъ къ дипломатическому объясненію: онъ хорошо зналъ и глубоко уважалъ отца.. Кромѣ того, онъ питаетъ уваженіе къ литературѣ. Онъ находитъ, что описаніе вечера было очень остроумно и мило. Но въ послѣднее время въ газетѣ Трубникова стали уже касаться нѣкоторымъ образомъ „дѣятельности правительства".

Братъ выразилъ удивленіе: онъ получаетъ газету... о правительствѣ, кажется, ничего не было.—Да, не прямо. Но было о ночной стражѣ и бездѣйствіи, такъ сказать, власти. Участились грабежи... „А кто, позвольте спросить, обязанъ за этимъ наблюдать?" Полиція! Полиція есть органъ правительства. И если впредь корреспонденціи будутъ касаться дѣятельности правительственной власти, то онъ, помощникъ исправника, при всемъ уваженіи къ отцу, а также къ литературѣ, будетъ вынужденъ произвести секретное дознаніе о вредной дѣятельности корреспондента и даже... ему непріятно говорить объ этомъ.. ходатайствовать передъ губернаторомъ о высылкѣ господина литератора изъ города...

Затѣмъ онъ вѣжливо попрощался, увѣряя, что очень уважаетъ печать, восхищается острымъ перомъ неизвѣстнаго ему, въ сущности, корреспондента и ничего не имѣетъ противъ обличенія нравовъ. Лишь бы не касались правительства.

Братъ вернулся домой нѣсколько озабоченный, но, вмѣстѣ, польщенный. Онъ—сила, съ которою приходится считаться правительству. Вечеромъ, расхаживая при лунномъ свѣтѣ по нашему небольшому саду, онъ разсказалъ мнѣ въ подробностяхъ разговоръ съ помощникомъ исправника и прибавилъ:

— Да, вотъ непріятная сторона извѣстности... А скажи: думалъ ли ты, что твой братъ такъ скоро станетъ руководителемъ общественнаго мнѣнія?

— Ну-у...—протянулъ я скептически.—Это ты что-то ужъ того... слишкомъ громко.

Онъ остановился въ аллейкѣ, пронизанной пятнами луннаго свѣта, и сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ (мое сомнѣніе врывалось диссонансомъ въ его настроеніе):

— Ты еще глупъ. А я тебѣ по всѣмъ правиламъ логики докажу, что это такъ. Посылка: печать руководитъ общественнымъ мнѣніемъ. Отвѣчай: да или нѣтъ?

— Ну, положимъ, да!

— А я теперь писатель?..

— Д-да,—протянулъ я менѣе рѣшительно.

— Несомнѣнно, такъ какъ человѣкъ, печатающій свои статьи, есть писатель. Отсюда выводъ: я тоже руководитель

общественнаго мнѣнія. Совѣтую: почитай логику Милля, тогда не будешь дѣлать глупыхъ возраженій.

Я не возражалъ болѣе, а онъ смягчился и, продолжая ходить по аллейкѣ, развивалъ свои взгляды и планы.

Читатель отнесется снисходительно къ маленькимъ преувеличеніямъ брата, если приметъ въ соображеніе, что ему было тогда лѣтъ семнадцать или восемнадцать, что онъ только что избавился отъ скучной школьной ферулы, и что, въ сущности, у него были на лицо всѣ признаки такъ называемой литературной извѣстности.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, литературная извѣстность? Золя въ своихъ воспоминаніяхъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, рисуетъ юмористическую картинку: однажды его, уже „всемірно-извѣстнаго писателя“, одинъ изъ почитателей просилъ сдѣлать ему честь быть свидѣтелемъ со стороны невѣсты на бракосочетаніи его дочери. Дѣло происходило въ небольшой деревенской коммунѣ близъ Парижа. Записывая свидѣтелей, мэръ, мѣстный мелкій торговецъ, услышавъ фамилію Золя, поднялъ голову отъ своей книги и съ большимъ интересомъ спросилъ:

— Мосье Золя? Шляпный магазинъ на такой-то улицѣ?

— Нѣтъ, писатель.

— А!—произнесъ мэръ равнодушно и записалъ фамилію.

За писателемъ послѣдовалъ какой-то мосье Мишель. Мэръ опять поднялъ голову:

— Мосье Мишель... Магазинъ бѣлья на такой-то улицѣ?

— Да.

Мэръ засуетился:—Стулъ г-ну Мишелю... Покорно прошу садиться. Очень польщенъ...

Этотъ маленькій эпизодъ, который я передаю по памяти, очень характерно и—увы!—довольно вѣрно рисуетъ предѣлы самой громкой „всемірной извѣстности“. Извѣстность—это значитъ, что имя человѣка распространяется по свѣту извѣстными узкими тропками. Знаютъ тамъ, гдѣ читаютъ—это въ лучшемъ случаѣ. А читаютъ вообще на этомъ свѣтѣ мало. Читающее человѣчество—это, приблизительно, поверхность рѣкъ по отношенію ко всему пространству материковъ. Капитанъ, плавающій по данной части рѣки,—весьма извѣстенъ въ этой части. Но стоитъ ему отъѣхать на нѣсколько верстъ въ сторону отъ берега... Тамъ другой міръ: широкія долины, лѣса, разбросанныя тамъ и сямъ деревни... Надъ всѣмъ этимъ проносятся съ шумомъ вѣтры и грозы, идетъ своя жизнь—и ни разу еще къ обычнымъ звукамъ этой жизни не примѣшалась фамилія нашего капитана или „всемірно-извѣстнаго“ писателя.

За то на своей линіи—онъ, дѣйствительно, всемірно-извѣ-

стенъ, пока вращается въ своей средѣ: здѣсь все полно имъ, и ничто не приходитъ безъ того или иного отношенія къ нему. И это-то создаетъ психологію „знаменитости“.

Она и была на-лицо въ данномъ случаѣ. Мірокъ брата былъ очень маленькій: отъ одной заставы до другой. И здѣсь, конечно, о немъ ничего не знали мужики, пріѣзжавшіе на базаръ изъ-за предѣловъ этого міра. Но въ этихъ предѣлахъ онъ уже вкушалъ сладкую отраву „извѣстности“. Его знало и считалось съ нимъ „правительство“ въ лицѣ высшей полицейской власти, знало образованное общество, знали евреи-торговцы,—народъ, питающій, какъ извѣстно, большое почтеніе къ интеллекту,—знали чиновники... И когда въ погожія сумерки „весь городъ“ выходилъ на улицы, и „вся жизнь“ выливилась на нихъ, колыхаясь своими пестрыми волнами между тюрьмой, на одной сторонѣ, и почтовой станціей, въ противоположномъ концѣ городка,—то среди другихъ „извѣстностей“ этого замкнутаго міра всѣ съ интересомъ отмѣчали фигуру недавняго гимназиста, а теперь уже „писателя“. Тутъ были „важныя персоны“: исправникъ, директоръ гимназіи, акцизный, какой-нибудь случайно заѣзжій магнатъ-помѣщикъ, въ родѣ графа Плятера или князя Вишневецкаго... Это былъ міръ „высотъ“, опредѣленный и, такъ сказать, застывшій въ своей опредѣленности. Но были и фигуры не столь высокаго ранга, отмѣченныя, однако, своеобразнымъ, болѣе или менѣе проблематическимъ интересомъ: небольшой чиновникъ Михаловскій, иниціалы имени и фамилія котораго совпадали съ подписью въ то время нѣсколько извѣстнаго поэта. Нашъ Михаловскій недавно пріѣхалъ „изъ столицы“, носилъ очень пестрые пиджаки и галстухи, а брюки до такой степени узкія, что объ немъ говорили, будто онъ по утрамъ вскакиваетъ въ нихъ со стола, какъ принцъ д'Артуа по разсказу Карлейля, а по вечерамъ дюжій лакей вытряхиваетъ его прямо на кровать внизъ головой. Танцуя въ клубѣ, онъ такъ подымалъ свои тонкія ноги, что разъ, будто-бы, всадилъ свой ботинокъ въ карманъ другого танцора. Всѣ эти смѣшныя стороны сначала прощались. И когда, въ дымкѣ пыли, поднятой ногами гуляющихъ и пронизанной косыми лучами закатывающагося солнца, появлялась смѣшная вертлявая фигурка, то встрѣчные почтительно давали дорогу и, оглядываясь, говорили другъ другу:

— Господинъ Михаловскій... Поэтъ. Знаете?.. Въ „Дѣлѣ“.

— Какъ же, какъ же.. Читалъ...

Впослѣдствіи, когда обнаружилось, что „тотъ Михаловскій—совсѣмъ другой“,—извѣстность нашего Михаловскаго пала, и за нимъ остались только узкія брюки и смѣшные прыжки во время танцевъ...

Была еще одна „проблематическая натура“, вызывавшая своеобразный интересъ. Это былъ стряпчій Баланда, плотный, серьезный человѣкъ въ большихъ очкахъ. Говорили, будто именно ему принадлежатъ бытовые очерки и повѣсти изъ провинціальной жизни, по временамъ появлявшіеся въ журналахъ. Но, опять-таки, навѣрное это не было извѣстно. Былъ, наконецъ, молодой человѣкъ, недавно окончившій гимназію и пріѣхавшій на „отдыхъ“ въ родной городъ. Говорили, что онъ состоитъ въ редакціи „Дѣятельности“, еженедѣльника, всходившаго небольшой, но замѣтной звѣздочкой на тогдашнемъ журнальномъ горизонтѣ. Въ гимназіи онъ считался весьма зауряднымъ ученикомъ, и фигура его, когда онъ, нѣсколько надутый, съ поднятыми плечами и съ собачкой на лентѣ одиноко шагалъ по улицамъ среди гуляющихъ, казалась тоже не очень умной. Но... редакція газеты „Дѣятельность“... Злые языки говорили, впрочемъ, что роль этого молодого человѣка ограничивалась секретарской книгой, куда онъ только записывалъ фамиліи авторовъ и подписчиковъ...

Итакъ, все это были „писатели“, болѣе или менѣе загадочные. Братъ былъ „писатель“ несомнѣнный. Всѣ уже узнали—отъ почтмейстера, отъ помощника исправника, отъ товарищей, что это именно онъ сотрудничаетъ у Трубникова, и его перо сотрясаетъ отъ времени до времени ровенскій мірокъ, волнуя то чиновниковъ, то почтовую стражу и полицію, то офицерство... На него обращали вниманіе, его приглашали на вечера, на свадьбы, на крестины. И порой, отведя въ сторонку, разсыпались въ похвалахъ и просили „продернуть“ того или другого.

Объ немъ разсказывали анекдоты. Какъ истинный „ученый“, онъ былъ очень разсѣянъ. Однажды, приглашенный шаферомъ на свадьбу дочери станового пристава, онъ подвелъ невѣсту къ алтарю и сталъ съ нею рядомъ,—величавый, видный, во фракѣ и съ цвѣткомъ въ петлицѣ. Ксендзъ принялъ его за жениха и сталъ уже продѣлывать первоначальные обряды. Женихъ, фигурка мало замѣтная, скромно стоявшій сзади, обезпокоился и дернулъ брата за фалду. Тотъ, въ это время о чемъ-то глубоко задумавшись, только досадливо отмахнулся рукой. Женихъ повторилъ свой маневръ. Братъ опять отмахнулся. Такъ продолжалось, пока ксендзъ не обратилъ вниманія на эту возню.

— Да кто же у васъ женихъ?—спросилъ онъ.—Езусъ-Марія! Вѣдь я чуть не обвѣнчалъ васъ съ чужой невѣстой...

— Га! Всѣ знаменитые люди были разсѣяны,—комментировалъ капитанъ.—И вообще братъ, особенно внѣ семьи, былъ окруженъ атмосферой общаго интереса и признанія.

Мудрено ли, что нѣкоторое время онъ плавалъ въ этой атмосферѣ извѣстности, наслаждаясь ею и не замѣчая, что, въ сущности, онъ вращается въ пустомъ пространствѣ, и что его потрясающія корреспонденціи производятъ безплодное волненіе, ничего и никуда не подвигающее. Запрещеніе гимназистамъ посѣщать клубъ было, кажется, единственнымъ практическимъ результатомъ газетной гласности. И ничего больше. Касаться „правительственной власти" онъ остерегался, и правительственная власть была спокойна. Было спокойно и все остальное. Однажды, вскорѣ послѣ корреспонденціи, починили фонарь въ самомъ центрѣ города, у моста, и два или три раза въ темные вечера, въ честь обличительной гласности, горѣлъ огонекъ... Это было всетаки торжество: каждый, кто проходилъ мимо фонаря ночью, удивленно взглядывалъ на него, а многіе и понимали: а, это въ честь трубниковскаго корреспондента. Но скоро и этотъ одинокій огонекъ погасъ..

Духъ времени. Ожиданіе „героя".

Можно подумать, что у общества бываютъ предчувствія, какъ у отдѣльныхъ людей. Русское общество того времени находилось какъ бы въ предчувствіи героизма.

Великая реформа всколыхнула всю жизнь, но поступательная волна начала скоро отступать, и на ряду съ завершеніемъ какъ бы по инерціи начатыхъ раньше реформъ,—въ другія области жизни опять вливалась мертвящая, тусклая реакція. „Зданіе не было завершено" (ходячая тогдашняя фраза), переустройство жизни не закончено. То, что должно было пасть, не упало окончательно, что должно было возникнуть,—не возникло. Жизнь повисла на мертвой точкѣ въ какой-то неопредѣленности между старымъ и новымъ. Всѣ,—„консерваторы" одинаково, какъ и либералы,—сознавали, что „такъ продолжаться не можетъ". Нуженъ выходъ въ ту или другую сторону. Обращеніе назадъ, къ нарушенному безвозвратно крѣпостному строю являлось утопіей. Для движенія впередъ не было силъ. Правительство стало явно реакціоннымъ, „общество" никакой силы въ борьбѣ съ правительствомъ не представляло. Народъ, благодарный царю за освобожденіе,—всѣ оставшіяся и послѣ этого свои невзгоды приписывалъ „господамъ", т. е. тому же обществу, въ которомъ не различалъ уже обозначавшихся противорѣчій, и отъ этого народнаго настроенія вѣяло холодомъ, какъ отъ огромной ледяной глыбы... Дорога, на которую „обнов-

ленная“ Россія такъ радостно выступала въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, упиралась въ мрачныя и туманныя дебри. Чувствовалось, что гдѣ-то впереди предстоитъ необходимость героическихъ усилій, чтобы прорубиться черезъ эти дебри и расчистить дальнѣйшій путь для движенія великой страны...

Таково было предчувствіе, разлитое въ тѣ годы въ образованномъ обществѣ. Безъ кризиса съ мертвой точки не сойти... Въ наличности еще нѣтъ силъ для его разрѣшенія. Значитъ, остается надежда на какихъ-то новыхъ людей, которые разрѣшатъ великую задачу. Является запросъ на „новаго человѣка“, на „героя“. Откуда же онъ явится? Очевидно, изъ той части общества, которая еще не захвачена и не втянута механизмомъ обыденной жизни въ „рутину“,— т. е. изъ молодежи. И вотъ молодежь становится предметомъ вниманія и ожиданій. Поручикъ въ свѣженькомъ мундирѣ кажется много интереснѣе генерала, а молодой студентъ, еще только начинающій изучать юриспруденцію, интереснѣе готоваго прокурора. Въ молодежи общество инстинктивно цѣнило будущія возможности. Гдѣ-то въ туманахъ, залегающихъ впереди, чуется гроза великій кризисъ жизни, не закончившій свое самоопредѣленіе... И въ тѣхъ же туманахъ начинаютъ роиться образы будущихъ борцовъ и героевъ.

Это предчувствіе было на обѣихъ сторонахъ тогдашней жизни. „Освобожденіе крестьянъ“ роковымъ образомъ поведетъ къ революціи,—говорили ретрограды, — и покойный Любимовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ рядъ статей („Противъ теченія“), гдѣ доказывалъ, что революція уже начинается. Да,—освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ полному преобразованію жизни,—отвѣчали другіе. Движеніе остановлено, неизбѣженъ катаклизмъ... Въ этомъ предчувствіи сходились и либералы, и ретрограды...

Литература отозвалась на эти запросы. Въ ней начинаютъ мелькать „новые люди“. Откуда? Изъ той же жизни. Но они растутъ непремѣнно въ исключительныхъ условіяхъ: или необыкновенно мрачныхъ, вызывающихъ протестъ и закаляющихъ характеры на борьбу, или необыкновенно благопріятныхъ, чаще всего—въ общеніи съ таинственными „глубинами народнаго духа“...

Въ жизни этихъ необыкновенныхъ героевъ еще не было; „почувствовать“ ихъ, созерцать, видѣть творческимъ воображеніемъ было невозможно. Приходилось не создавать, а выдумывать, живость изображенія замѣнять одушевленіемъ ожиданія и вѣры. Поэтому первостепенные художники за эти задачи не брались. Первый планъ художественной ли-

тературы все еще занимали Лаврецкіе и Рудины съ ихъ меланхолическимъ отношеніемъ къ жизни, съ отрицаніемъ настоящаго и туманными предчувствіями. Изъ дѣйствительности брались отрицательные типы, и настроеніе, изъ нея почерпаемое, былъ горькій юморъ. За то второй планъ былъ весь заполненъ величаво-мглистыми очертаніями „новыхъ людей"... И это опять было на обѣихъ сторонахъ: герои прогрессивной беллетристики несли разрушеніе старому міру. Консервативно настроенное воображеніе пыталось идеализировать его защитниковъ.

Впереди этой литературы по вліянію на молодежь стояли „Знаменія времени" Мордовцева и „Шагъ за шагомъ" Омулевскаго. Мордовцевъ былъ писатель не вполнѣ искренній и сильно „себѣ на умѣ". Молодежь восхищалась его „Историческими движеніями русскаго народа", не замѣчая, что книга кончается чуть не апоѳеозомъ государства, у подножія котораго, какъ вокругъ могучаго утеса,—бьются эти безсильныя волны. Онъ приводилъ въ восхищеніе „областниковъ" и „украинофиловъ" и могъ внезапно разразиться яркой и эффектной статьей, въ которой доказывалъ, что „централизація—законъ жизни". Свой романъ онъ началъ тоже эффектнымъ бредомъ больного, которому грезится казнь. Въ картинахъ бреда узнавались намеки на казнь Каракозова. Это кидало на весь романъ неуловимый для цензора, но ясно ощутимый покровъ „революціонности", и весь романъ былъ усѣянъ намеками... Можно было подумать, что и автору, и его героямъ—выходъ совершенно ясенъ, и если бы не цензора, то они-бы его, конечно, указали... Романъ имѣлъ въ то время огромный успѣхъ. Его зачитывали, комментировали, раскрывали и разгадывали намеки, которые часто не могъ бы, пожалуй, разгадать и самъ авторъ.

Омулевскій былъ гораздо искреннѣе и проще. Отъ его романа вѣяло молодой вѣрой и какой-то особенной бодростью. Самъ слабохарактерный, спившійся и погибавшій, онъ какъ-бы раздваивался въ своемъ произведеніи: себя онъ вывелъ въ лицѣ доктора, мрачнаго меланхолика, страдающаго запоемъ, безнадежно загубленнаго уже мракомъ окружающихъ условій, но благословляющаго своего молодого друга Свѣтлова на новую жизнь и борьбу. Въ Свѣтловѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самая фамилія,—воплощена вѣра въ высшее будущее. Онъ бодръ, силенъ, свѣтелъ. Все ему пока удается, всѣ преклоняются передъ его знаніями, характеромъ, особенной удачливостью. Живя въ сибирской глуши, онъ, съ одной стороны, участвуетъ въ столичной литературѣ, съ другой—закидываетъ сѣти своего вліянія въ самыя таинственныя глубины народной жизни.

И все это, вся видимая его дѣятельность представляетъ только „средства“ для какой-то таинственной цѣли.

— Какова же самая цѣль? — спрашиваетъ его молодая женщина, пробужденная имъ „къ сознательной жизни“. Это онъ скажетъ ей послѣ, когда она будетъ готова къ воспріятію великой тайны. Наконецъ, однажды, прощаясь съ нею передъ отъѣздомъ на какое-то „дѣло“, онъ наклоняется къ ея уху и произноситъ шепотомъ одно слово... Она блѣднѣетъ. Она поражена, она заболѣваетъ. И въ бреду часто называетъ его имя, имя героя, будущаго мученика, взявшаго на свои плечи бремя титанической задачи.

Слово, которое герои Мордовцева закутывали эзоповскими намеками и шарадами, а Свѣтловъ шепнулъ на ухо любящей женщинѣ, было, конечно, „революція“. Это оно стояло впереди, какъ мглистыя дебри и туманы, какъ величавая туча, чреватая грозой, передъ обществомъ, вышедшимъ изъ мрака крѣпостного права и остановленнымъ на пути къ окончательному раскрѣпощенію. Ростъ образованія, могучій расцвѣтъ литературы, желѣзныя дороги, университеты, пресса, европейская культура, потокомъ льющаяся съ запада—и азіатскія формы жизни, только начавшія переплавляться по новому и вновь застывшія каменными преградами на всѣхъ путяхъ жизни,—этихъ контрастовъ было совершенно достаточно для созданія революціонныхъ предчувствій, охватившихъ русское общество. Какъ это будетъ и когда будетъ? Это было неясно. На второй вопросъ обычный отвѣтъ былъ: скоро. На первый никто не могъ отвѣтить точно. Намѣчались только главные факторы: молодежь—во-первыхъ. Во-вторыхъ—народъ.

Отсюда—идеализація сначала молодежи въ лицѣ „героевъ“ Мордовцева и Омулевскаго, мыслящихъ реалистовъ Писарева, а затѣмъ и народа...

Много въ этомъ было наивнаго, пожалуй—теперь смѣшного. Революціонные планы даже очень серьезныхъ тогдашнихъ людей кажутся намъ совершенно дѣтскими. Однако оглянемся назадъ. Жизнь со времени „освобожденія“ все застывала въ мертвящихъ формахъ реакціи, разливавшейся сверху. Молодежь безпрестанно шевелилась и инстинктивно протестовала *одна*. Поколѣніе за поколѣніемъ выходило изъ толстовской средней школы и тотчасъ же охватывалось нервнымъ безпокойствомъ и волненіемъ. Молодость какъ-бы упиралась на порогѣ жизни, не желая сливаться съ нею. Каждому поколѣнію казалось, что именно ему суждено разрѣшить предчувствуемую задачу... Жизнь брала свое: поколѣніе за поколѣніемъ проходило черезъ эту полосу бурной зыби и затѣмъ—сливалось съ общими тонами среды. Изъ

недавнихъ студентовъ, волновавшихся и протестовавшихъ, выходили въ большинствѣ готовые прокуроры, инженеры, заводчики, управляющіе, съ улыбкой вспоминавшіе о періодѣ своихъ „молодыхъ увлеченій". А на только что оставленномъ ими мѣстѣ уже волновались и кипѣли другіе, въ свою очередь проходившіе эту неизбѣжную для каждаго учащагося поколѣнія повинность протеста. И съ каждымъ десятилѣтіемъ волненіе росло, пока назрѣло движеніе семидесятыхъ годовъ, потрясшее все общественное зданіе небывалыми эпизодами борьбы одинокой еще интеллигенціи. Это и было оправданіемъ смутныхъ предопредѣленій: „молодежь" во-первыхъ. А теперь, когда туча уже надвинулась и охватываетъ въ событіяхъ послѣднихъ годовъ весь горизонтъ нашей жизни, — мы слышимъ первые зловѣщіе раскаты: это „народъ, во-вторыхъ" выступаетъ своей тяжелой поступью на арену общественной жизни...

„Смутныя предчувствія" шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ оказались далеко не такими наивными, какъ могло казаться иному „трезвому" взгляду...

Духъ времени въ Гарномъ Лугѣ.

Читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ это небольшое отступленіе. Дѣло въ томъ, что безъ этого общаго очерка тогдашняго настроенія многое должно бы остаться непонятнымъ: изолированные факты отдѣльной жизни сами по себѣ далеко не опредѣляютъ и не уясняютъ душевнаго роста. То, что разлито кругомъ, что проникаетъ однимъ общимъ тономъ весь многоголосый хоръ жизни,—невольно, незамѣтно просачивается въ каждую душу и заливаетъ ее, подхватываетъ, уноситъ своимъ потокомъ. Оглядываясь назадъ,—такъ трудно отмѣтить отдѣльными вѣхами пути этого движенія въ каждой отдѣльной душѣ.

Настроеніе или, какъ тогда говорили, духъ времени просачивался всюду, во всѣ уголки жизни. Заглянулъ онъ и въ скромную гарнолужскую усадьбу.

Однажды—это было уже кажется на третьи или четвертые каникулы, которыя мы проводили въ Гарномъ Лугѣ,—капитанъ разсказывалъ свои анекдоты. Онъ былъ въ ударѣ. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, слушатели хохотали.

Но вотъ очередь дошла до анекдота „изъ времени эмансипаціи". Крестьянъ только что освободили. Былъ праздникъ. Мужики нарядными толпами шли изъ церкви и съ базара, много было пьяныхъ. Капитанъ съ женой и дѣтьми въ большой коляскѣ возвращался изъ костела. Вдругъ ло-

шади стали. Оказалось, что на дорогѣ, раскинувшись въ самой безпечной позѣ, лежалъ одинъ изъ новыхъ „свободныхъ гражданъ". Кучеръ крикнулъ ему, чтобы онъ сползъ съ дороги, но онъ, еле приподнявъ голову, отвѣтилъ, что теперь воля, что онъ хочетъ отъ-такъ себѣ лежать, а на пановъ плюетъ. Дорога для всѣхъ.

Капитанъ было вспылилъ, но вдругъ его мысли приняли юмористическое направленіе. А! дорога для всѣхъ... теперь воля! Хорошо-же. Пусть такъ. Онъ приказалъ женѣ и дочерямъ отвернуться и, ставъ надъ пьянымъ, продѣлалъ то, что нѣкогда Гулливеръ продѣлалъ въ царствѣ лиллипутовъ. Панская „шутка" вызвала большое веселье въ кучкахъ народа, столпившагося вокругъ этой маленькой сценки и ждавшаго, чѣмъ она кончится. „Свободный гражданинъ", озадаченный и огорченный неожиданнымъ орошеніемъ, только поворачивалъ лицо, сплевывалъ и говорилъ съ укоризной заплетающимся языкомъ:

— Э! Пане, пане! Не робить бо кепства...

И затѣмъ, вдругъ собравшись съ силами, быстро поползъ подъ общій хохотъ съ дороги въ канаву.

Обыкновенно такимъ же хохотомъ слушатели встрѣчали финалъ разсказа. Капитанъ преуморительно изображалъ и безпомощное положеніе „свободнаго гражданина", и его укоризненную фразу.

На этотъ разъ, однако, анекдотъ видимо не имѣлъ успѣха. Слушатели, хохотавшіе надъ разсказами о гарнолужскихъ панахъ, теперь дослушали разсказъ о „кепствѣ", продѣланномъ надъ мужикомъ, въ молчаніи. Дѣло въ томъ, что аудиторія капитана значительно измѣнилась.

Тутъ были мы всѣ, въ томъ числѣ мой старшій братъ, въ то время уже ставшій „писателемъ", затѣмъ сынъ капитана, еще недавно пріѣзжавшій кадетомъ и юнкеромъ, а теперь явившійся въ качествѣ новоиспеченнаго подпоручика артиллеріи, въ свѣжемъ съ иголочки мундирѣ, въ блестящихъ эполетахъ и самъ весь какой-то свѣжій, сіяющій новизной своего положенія, какими-то ожиданіями, какими-то обѣщаніями на порогѣ новой жизни. Наконецъ, что самое важное, былъ еще студентъ кіевскаго университета, Брониславъ Янковскій, изъ семьи, лишь въ этотъ годъ поселившейся въ Гарномъ Лугѣ. Отецъ его купилъ клочокъ земли, построилъ домъ и арендовалъ еще землю у сосѣднихъ помѣщиковъ. Въ семьѣ была еще дочь, серьезная и сдержанная молодая дѣвушка, и подростки,—мальчикъ и дѣвочка. Студентъ сошелся съ семьей капитана и бывалъ въ усадьбѣ ежедневно. Это былъ юноша необыкновенно серь-

езный на видъ, въ большихъ золотыхъ очкахъ, несловоохотливый, пожалуй, даже немного угрюмый.

Капитанъ любилъ и очень гордился сыномъ. Брата моего онъ считалъ будущимъ свѣтиломъ литературы и, хотя разсказывалъ потѣшные анекдоты объ его разсѣянности и называлъ полушутливо „редакторомъ", но во всемъ этомъ все-же слышалось почтеніе къ его талантамъ.

Однако, наиболѣе импонировалъ старику кіевскій студентъ, съ его внушительнымъ видомъ, молчаливой серьезностью и краткими, всегда очень авторитетными заявленіями.

Вообще эта маленькая группа молодежи заняла сразу въ жизни скромной усадьбы центральное положеніе. Казалось, отъ нея исходитъ какое-то сіяніе ума, интеллекта, новизны, вызывавшее въ капитанѣ почтительное удивленіе вмѣстѣ съ нѣкоторой растерянностью. Въ немъ всегда было живо преклоненіе передъ „философіей", „наукой", „литературой" и тому подобными возвышенными предметами, а теперь, когда въ Гарномъ Лугѣ собрались сразу „редакторъ", писавшій у самого Трубникова и получавшій письма отъ Некрасова, молодой офицеръ изъ столицы и серьезный студентъ съ видомъ почти профессора, когда въ маленькой усадьбѣ закипѣли умнѣйшіе, даже не вполнѣ понятные разговоры и страстные споры,—капитанъ почтительно прислушивался къ новымъ словамъ и видимо гордился, что его скромная усадьба подъ соломенной крышей стала вдругъ средоточіемъ такого количества „философіи, науки и литературы"...

Молодежь сначала относилась къ старику нѣсколько свысока и снисходительно: старый человѣкъ, бывшій крѣпостникъ-рабовладѣлецъ, отставшій, разумѣется отъ вѣка съ его новыми требованіями. Капитанъ пытался иной разъ примкнуть къ этому молодому потоку, клокотавшему въ его домѣ, но это не удавалось...

И вотъ теперь новая неудача: анекдотъ встрѣтилъ явное осужденіе,—примѣръ того, какъ новыя мысли измѣняютъ чувства и настроенія. Кромѣ студента, всѣ мы, остальные слушатели, раньше выслушивали анекдотъ безъ всякой „критики", съ непосредственнымъ чутьемъ одного комизма: и мы, и сынъ-юнкеръ хохотали до упаду, а женщины, слегка осуждая легкое неприличіе сюжета, все-же не могли удержаться отъ смѣха. Теперь въ усадьбу явились „новыя мысли", и веселый сюжетъ не встрѣтилъ прежняго пріема. Всѣ сидѣли въ неловкомъ молчаніи. Офицеръ, очень любившій отца, густо покраснѣлъ и съ стыдливой нервностью первый нарушилъ молчаніе.

— Папа... Вѣдь это... это поруганіе личности...

— Д-да,—прибавилъ мой братъ раздумчиво,—униженіе человѣческаго достоинства.

Студентъ молча глядѣлъ передъ собой въ золотыя очки; а потомъ поднялся и вышелъ изъ комнаты своей размѣренной, нѣсколько журавлиной походкой.

Капитанъ растерялся. Онъ, пожалуй, могъ отшутиться и отъ офицера, и отъ „редактора". Одинъ все-таки былъ сынъ другой племянникъ. Но молчаливая демонстрація „студента" была неотразимо-внушительна. Жена капитана, женщина очень добрая, беззавѣтно преклонявшаяся передъ умомъ мужа и боявшаяся его нерѣдкихъ вспышекъ, смотрѣла то на молодежь робко-просящимъ взглядомъ, то на мужа съ выраженіемъ пугливаго ожиданія. Двѣ старшихъ дочери молчали, потупясь. Чувствовалось, однако, что и онѣ на сторонѣ умной молодежи. Капитанъ попробовалъ что-то возразить, въ родѣ того, что зачѣмъ же „свободный гражданинъ" разлегся на дорогѣ. Если, дескать, на дорогѣ можно дѣлать „все", то и онъ капитанъ... Но возраженіе не удавалось... Черезъ минуту, подъ предлогомъ какихъ-то распоряженій по хозяйству, старикъ вышелъ изъ комнаты. Выходя, стукнулъ дверью, а затѣмъ со двора донесся его звонкій, очень сердитый голосъ. Онъ за что-то накинулся на работниковъ. Было видно, что капитанъ былъ не въ духѣ... Въ его усадьбѣ, гдѣ онъ привыкъ чувствовать себя властелиномъ, водворялось что-то новое. Шла какая-то переоцѣнка, и при этой переоцѣнкѣ „наука, литература и философія" могли оказаться противъ него... Это его раздражало и безпокоило... Доставалось рабочимъ, младшимъ дѣтямъ, женѣ...

Жизнь молодого кружка шла, между тѣмъ, своей колеей... Двѣ старшихъ дочери капитана становились взрослыми дѣвицами. Женскихъ гимназій тогда почти не было. Обѣ учились чему-нибудь и какъ-нибудь то у гувернантокъ, то въ нехитромъ пансіонѣ. Старшая была полная, веселая, недурная собой хохотушка, хорошо играла на фортепіано, любила танцы. Другая—смуглая, некрасивая, съ большими задумчивыми глазами и по большей части печальнымъ выраженіемъ лица. Первая интересовалась „новыми взглядами" довольно поверхностно, вторая жадно прислушивалась къ спорамъ и порой садилась за новыя книги, для пониманія которыхъ была, однако, совершенно не подготовлена. Студентъ обратилъ на нее особое вниманіе и сталъ пополнять ея образованіе. Ихъ нерѣдко можно было видѣть вдвоемъ. Студентъ своей размѣренной походкой шагалъ вокругъ клумбы, передъ домомъ, и, держа въ рукахъ свѣже-сорванный цвѣтокъ, объяснялъ дѣвушкѣ его устройство важно, спокойно, какъ профессоръ съ каѳедры. Дѣвушка, вся зардѣвшись, жадно

ловила каждое слово, и смуглое лицо ея дѣлалось въ эти минуты привлекательнымъ, почти красивымъ.

Если-бы кто-нибудь другой, хотя-бы даже любимый сынъ позволилъ себѣ сорвать такъ безцеремонно цвѣтокъ съ завѣтной клумбы, за которой капитанъ ухаживалъ съ такой любовью и усердіемъ,—это было-бы поводомъ для цѣлой бури. Но теперь капитанъ лишь инстинктивно слѣдилъ взглядомъ, какъ студентъ вытаскивалъ завѣтные цвѣты со стеблями и луковицами и... не говорилъ ничего. Можно думать, что, кромѣ уваженія къ наукѣ, тутъ были и родительскія соображенія. Старшая дочь привлекала уже вниманіе молодыхъ людей, и за ея „судьбу“ не безпокоились. Сближеніе студента, недавняго свѣтила гимназіи и теперь, навѣрное, такого-же свѣтила университета,—съ младшей дочерью, дурнушкой, давало родителямъ надежду самымъ блестящимъ образомъ устроить ея судьбу. Поэтому капитанъ лишь съ невольнымъ вздохомъ слѣдилъ, за какимъ еще пышно распустившимся цвѣткомъ протянется безжалостная рука „ученаго“...

— Голова!—говорилъ онъ конфиденціально какому нибудь новому человѣку,—будущій Пироговъ, помяните мое слово... И характеръ—скала! Если сказалъ: „не буду“,—кончено. Чай пить, обѣдать, что хотите. Сказалъ: „не буду!“—самъ царь зови, не перемѣнитъ слова. Желѣзный характеръ. Говорю вамъ: голова необыкновенная!

Понятно, что нѣкоторое отчужденіе и какъ бы молчаливое осужденіе, которое капитанъ не могъ не чувствовать въ отношеніи къ себѣ молодого поколѣнія,—его глубоко огорчало и задѣвало его самолюбіе.

Скоро, однако, умный и нѣсколько лукавый старикъ нашелъ средство не только примирить съ собой молодежь, но и заключить съ нею наступательный и оборонительный союзъ.

Это было время Бокля, естественныхъ наукъ и матеріализма. Бѣлинскаго и Добролюбова затмевалъ Писаревъ. Его молодое буйство увлекало и заражало. Пушкинъ, которымъ такъ восхищался Бѣлинскій, котораго ставилъ такъ высоко даже Чернышевскій,—теперь былъ низвергнутъ съ пьедестала. „Пѣвецъ бобровыхъ воротниковъ и золотой молодежи“... („Морозной пылью серебрился его бобровый воротникъ“—братъ по Писареву приводилъ этотъ стихъ, какъ характерный для всей поэзіи Пушкина). Разбирали Онѣгина, громили его барство, его эпикуреизмъ и умственную лѣнь... „И полку съ пыльной книгъ семьей задернулъ траурной тафтой“... Братъ, въ увлеченіи, доходилъ до отрицанія у Пушкина даже стихотворной техники. Онъ прочелъ

рядомъ „Орину“ Некрасова и затѣмъ „Черную шаль“. „Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей“... „Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ“... „Не взвидѣлъ я свѣта, булатъ загремѣлъ, прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ“... Все это, прочитанное соотвѣтственнымъ образомъ, вызвало въ молодой компаніи искренній хохотъ. Дѣвицы и капитанъ, довольно плохо знакомые съ Пушкинымъ, тоже смѣялись... Мои слабыя возраженія потонули въ общемъ неодобрительномъ хорѣ.

Всѣ эти новыя мысли и настроенія мы, т. е. младшіе, а также женская часть семьи, получали изъ вторыхъ рукъ въ видѣ яркихъ парадоксальныхъ обрывковъ и афоризмовъ. Я тогда не читалъ еще не только Бокля, но и Писарева. Братъ, офицеръ и студентъ читали и Бокля, и Молешотта, и Фохта, были знакомы съ Дарвиномъ, правда — больше по писаревскимъ компиляціямъ. То, что, какъ искры, долетало до насъ изъ ихъ оживленныхъ бесѣдъ и споровъ, казалось страннымъ и новымъ. Борьба за свободу ирландцевъ противъ англичанъ не имѣла успѣха потому, что ирландцы питаются картофелемъ, а англичане—ростбифами... Это изъ Бокля. Между тѣмъ, мѣшокъ картофеля прибавляетъ меньше крови, чѣмъ одинъ фунтъ мяса. Это, кажется, изъ Бюхнера. Тэнъ объясняетъ сильныя страсти шекспировскихъ героевъ, ихъ пламенные монологи и неистово грубыя ругательства тѣмъ, что предки Шекспира англо-саксы набивали животы сырыми ростбифами и пивомъ... „Мысль,—говоритъ Фохтъ,— есть выдѣленіе мозга, какъ желчь есть выдѣленіе печени“. „Матерія“ и „сила“, то есть, въ окончательномъ счетѣ, простѣйшій атомъ и его механическія свойства, слагаясь и комбинируясь, даютъ все, что мы чувствуемъ, какъ душевные процессы. Разложите на составныя части вдохновенный порывъ,—останется такое-то количество атомовъ съ ихъ тяготѣніемъ и ничего больше, никакого остатка...

Все это на меня лично производило впечатлѣніе блестящихъ холодныхъ снѣжинокъ, падающихъ на голое тѣло. Я чувствовалъ, что всѣ эти отдѣльныя блестки, разрозненныя, случайно вырывавшіяся въ жару случайныхъ споровъ,—свѣтятся какимъ-то особеннымъ, общимъ свѣтомъ, рѣзкимъ, холоднымъ, но идущимъ изъ общаго источника... Всѣ эти парадоксы, афоризмы, новыя истины были гдѣ-то объединены общей формулой, которая и влекла, и вмѣстѣ вызывала инстинктивное противорѣчіе въ глубинѣ моего тогдашняго настроенія. Скоро дѣло дошло до вопросовъ о сотвореніи міра, о душѣ, о загробной жизни, о дарвинизмѣ и о Богѣ...

Тутъ уже въ тихой усадьбѣ обозначились рѣзко два настроенія. Моя мать, ея сестра—жена капитана—и я оказались

на одной сторонѣ, мой старшій братъ, офицеръ и студентъ—на другой.

Младшіе братья и сестры изъ обѣихъ семей составляли публику.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ такой споръ: рѣчь зашла о статьѣ Писарева: „Подвиги европейскихъ авторитетовъ". Статья касалась извѣстнаго въ свое время спора между Пуше и Пастеромъ. Пуше произвелъ опыты съ настоями въ закрытыхъ сосудахъ и сообщилъ французской академіи,что микроскопическіе организмы возникаютъ и развиваются при такихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ появленіе можетъ быть объяснено только самозарожденіемъ. Пастеръ доказывалъ, что въ опытахъ Пуше микроорганизмы попадали изъ воздуха. Теперь не остается никакихъ сомнѣній, что Пастеръ былъ правъ, и его опыты были поставлены вполнѣ научно. Но... Писареву и одинаково съ нимъ настроенной молодежи важенъ былъ не методъ, а результатъ. Самозарожденіе дополняло теорію Дарвина, устанавливая непрерывность между неорганизованной матеріей и міромъ организованныхъ существъ.. Все становилось законченнымъ и стройнымъ, высшія проявленія духа низводились къ элементарнымъ процессамъ: нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и силы. Писаревъ со всѣмъ своимъ молодымъ задоромъ и остроуміемъ терзалъ Пастера, отстаивая Пуше и самозарожденіе.

Я Писарева еще не читалъ, о Дарвинѣ у меня почти только и было воспоминаніе изъ разговоровъ отца: старый чудакъ, который говоритъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны... И оба—Дарвинъ и Писаревъ—стучались въ дверь, которую я когда-то, еще въ дѣтствѣ, закрылъ отъ нихъ наглухо обѣтомъ: никогда не отступать отъ вѣры отца. Вмѣстѣ съ матерью и теткой я горячо отстаивалъ „откровеніе"... Споръ велся шумно, безпорядочно, страстно... Ну, хорошо. Микроорганизмы зародились въ водѣ, а вода откуда? Изъ облаковъ? А облака? Изъ водорода и кислорода? А водородъ и кислородъ?... Братъ, студентъ и офицеръ, перебивая другъ друга, кидали все новые аргументы, высмѣивая „старыя сказки", женщины съ красными лицами и сверкающими глазами возражали, я пылко поддерживалъ ихъ, вызывая пренебрежительныя насмѣшки брата. Скоро мудреный Пуше и его противникъ остались въ сторонѣ, и споръ соскользнулъ на болѣе элементарные вопросы: вѣрить-ли „священному писанію"?

Капитанъ пришелъ уже въ половинѣ спора и нѣкоторое время молчалъ, хотя обѣ стороны, уставшія и нѣсколько запутавшіяся въ безпорядочныхъ возраженіяхъ, апеллировали къ нему со своими аргументами. Онъ выслушивалъ, взвѣ-

шивалъ и вдругъ, со свѣжими силами и свѣжимъ голосомъ, вмѣшался въ ожесточенную борьбу: къ удивленію обѣихъ сторонъ, капитанъ, самый старый изъ всѣхъ присутствующихъ, оказался на сторонѣ молодежи съ ея матеріализмомъ и даже Дарвиномъ...

— Га. Конечно это правда, пора бросить эти бабьи сказки, когда уже философія и наука доказали... Священное писаніе... А кто знаетъ, кѣмъ оно писано, и можно ли всему этому вѣрить, когда въ священныхъ книгахъ попадаются такія несообразности. Взять хотя-бы: „стой солнце и не движись луна"...

Я вдругъ вспомнилъ далекій день моего дѣтства, когда капитанъ развивалъ эти же свои сомнѣнія передъ отцомъ, который слушалъ его, лежа на постели и смѣясь своимъ нутрянымъ смѣхомъ. И теперь капитанъ опять стоялъ посерединѣ комнаты, высокій, сѣдой, красивый въ своемъ одушевленіи, и опять съ необыкновеннымъ паѳосомъ, картинно разводя руками, говорилъ о мірахъ, солнцахъ, планетахъ, объ ихъ безконечномъ круговращеніи... И вдругъ на одной изъ пылинокъ, называемыхъ землею, безконечно малая пылинка, называемая Іисусомъ Навиномъ,—останавливаетъ все это безконечное, такъ сказать, круговращеніе естества..

Молодежь радостно привѣтствовала неожиданнаго союзника. Артиллеристъ дополнилъ соображенія капитана: ядро, остановленное въ полетѣ, развиваетъ столько-то единицъ теплоты. Земля на одно только мгновеніе задержанная въ своемъ движеніи,—все превратила бы въ пары и газы...

Было поздно, когда всѣ разошлись спать, съ отяжелѣвшими головами отъ страстныхъ споровъ въ тѣсной и накуренной комнатѣ. Наша сторона была формально разбита: пылкая рѣчь капитана объ Іисусѣ Навинѣ и научныя соображенія, которыми она была поддержана,—остались послѣднимъ словомъ вечера. Студентъ уходилъ къ себѣ, братъ, офицеръ и дѣвицы его провожали. Молодежь удалялась по переулку, смѣясь и перебивая другъ друга, дѣлилась новыми побѣдоносными аргументами. За ними лаяли собаки, и казалось, что какая-то пестрая, шумная, живая волна катится по спящей деревнѣ среди мужицкихъ и „панскихъ" крытыхъ соломою хатокъ.

Я не пошелъ съ ними. Мой младшій братъ и Саша ушли спать на сѣновалъ. Я тоже прошелъ туда... Ночь была тихая, ясная; изъ-за стараго „магазина" еще не поднялась луна, но очертанія остроконечной крыши и силуэты тополей, казалось, плавали въ загорающемся сіяніи. Тихо шурша душистымъ сѣномъ, я пролѣзъ на сѣновалъ. Въ одномъ мѣстѣ

соломенная крыша была продрана, и въ нее свѣтился, мигая и какъ бы дыша огнями, клокъ ночнаго неба...

Мнѣ вспомнилось настроеніе давно минувшихъ годовъ: вечеръ, когда я ходилъ по двору, въ такую-же тихую ночь, и „съ вѣрой“ просилъ у Бога крыльевъ, а небо, какъ живое, дышало своими огнями. Потомъ выплылъ въ памяти другой освѣщенный островокъ прошлаго, когда я сравнивалъ спокойную вѣру отца съ извѣстнымъ мнѣ тогда невѣріемъ и давалъ обѣтъ, что никогда, никогда не перестану вѣрить такъ-же ясно и просто...

Воспоминаніе объ этомъ устойчивомъ настроеніи отца, объ его смѣхѣ и его превосходствѣ надъ безпокойными и какъбудто лишенными внутренней прочности разсужденіями капитана повѣяло на меня и въ эту минуту успокоеніемъ. Я припомнилъ тогдашніе аргументы отца. Іисусъ Навинъ не зналъ космографіи. Но Богъ зналъ, о чемъ онъ проситъ. Богъ всемогущъ, онъ могъ не только остановить круговращеніе вселенной, но и устранить послѣдствія этой остановки... По просьбѣ пылинки?.. Ну, что-жъ. Вѣдь въ сущности... нуженъ былъ только свѣтъ въ теченіе лишняго часа. Для этого достаточно было преломленія лучей въ свѣтломъ облакѣ.

И вселенная, и нетронутое еще зданіе моей вѣры въ этотъ вечеръ были возстановлены на своихъ устояхъ. Я заснулъ спокойно, глядя, какъ по свѣтлому отверстію въ крышѣ тихо передвигались вѣчныя звѣзды, а въ слѣдующій же разъ, когда опять возникъ споръ, я выдвинулъ свои аргументы: сначала „всемогущество“. Оно скоро было сбито. Сопоставленіе безконечныхъ міровъ и остановка ихъ для сведенія счетовъ Навина съ кучкой противниковъ уже не укладывались въ воображеніи. Но, когда я выдвинулъ на сцену лучепреломленіе и свѣтлое облако, наша сторона укрѣпилась: вѣдь это уже не міросозерцаніе, а только легкій туманный экранъ... Такія явленія бываютъ и описываются даже въ учебникахъ...

Это была наивная попытка „примиренія науки“ *со всѣмъ объемомъ* данной вѣры, и она имѣла тоже слабый успѣхъ. Мои ухищренія только на время задерживали торжество противниковъ и доставляли нашей сторонѣ иллюзію побѣды. Старшая молодежь смотрѣла на мои попытки съ пренебреженіемъ, а капитанъ рѣшительно присоединился къ молодому лагерю; поощряемый своими союзниками, онъ высказывалъ порой самыя радикальныя сужденія. Испуганные взгляды жены, которая уже оплакивала вѣчную погибель своего неистоваго старика, только подливали масла въ огонь.

— Ага!—говорилъ онъ. — Развѣ я давно не говорилъ то

же самое? А теперь, вотъ видишь: наука!—И его кощунственныя шутки вызывали порой взрывы веселаго хохота...

Правда, по вечерамъ, которые къ началу осени становились долги и темны, его задоръ обыкновенно нѣсколько уменьшался, а однажды у него вырвалось невольное признаніе. Всѣ засидѣлись поздно. Снаружи въ окна глядѣла темная сырая ночь; капли дождя сплющивались и стекали по стекламъ, а деревья въ саду безпокойно шумѣли, какъ будто кто-то гигантской рукой схватывалъ ихъ вершины, сводилъ вмѣстѣ и потомъ опять распускалъ широко по вѣтру...

Капитанъ нѣсколько перехватилъ въ своемъ острословіи и въ его настроеніи наступила нѣкоторая реакція. Въ комнатѣ водворилось молчаніе, прерываемое только неугомоннымъ крикомъ сверчка и шумомъ вѣтра снаружи. Капитанъ сидѣлъ съ увядшимъ лицомъ: бѣлые усы его и красноватый носъ, какъ будто, опустились.

— Пора спать,—сказала его жена.

Капитанъ тяжеловато поднялся съ мѣста и вдругъ, окинувъ взглядомъ своихъ тоже притихшихъ союзниковъ, сказалъ:

— Э! А все-таки, знаете, стану ложиться въ постель... перекрещусь... Оно, конечно, наука и все такое. А все-таки не знаешь навѣрное: а вдругъ *оно* есть... На всякій случай, знаете ли, не мѣшаетъ... Совѣтую и вамъ...

Онъ говорилъ опять по своему: съ юмористической ноткой въ голосѣ. Но жена пояснила простодушно:

— Эхъ, старый! Кощунствуетъ цѣлый вечеръ, а потомъ крестится, вздыхаетъ и боится темноты...

— Ну-ну! — остановилъ ее капитанъ, видя, что разоблаченія супруги заходятъ слишкомъ далеко и могутъ уронить его во мнѣніи молодого поколѣнія...

Борьба за „вѣру“. Потерянный аргументъ.

На этотъ разъ я вывезъ изъ Гарнаго Луга особое настроеніе. Сдержать свой обѣтъ, данный въ дѣтствѣ, казалось мнѣ важной задачей: я помнилъ ту минуту своей жизни и помнилъ душевную ясность этой минуты. И мнѣ казалось, что если я откажусь отъ нея, то мой мірокъ потеряетъ устойчивость, а самъ я потеряю довѣріе къ себѣ. А между тѣмъ, сомнѣніе уже стучалось въ мою душу. Многое, хотя не все изъ того, о чемъ говорили въ Гарномъ Лугѣ, было такъ ярко, молодо, такъ очевидно правдиво. Все, что касалось общественныхъ отношеній, во мнѣ не вызывало

противорѣчій: общее туманное стремленіе къ свободѣ сіяло и манило, а на другой сторонѣ стояли только фигуры вродѣ Безака и подобныхъ ему „обрусителей“ и сатраповъ. Правда, герои Мордовцева казались мнѣ и тогда довольно смѣшными, надутыми кривляками, и я во время общаго чтенія позволилъ себѣ высказать рѣзкое мнѣніе объ одномъ эпизодѣ. Одинъ изъ „героевъ“, носящій кличку „Точеная голова“, подаетъ барышнѣ стулъ. Барышня обижается. Это значитъ, что на нее не смотрятъ, какъ на человѣка, равнаго другимъ. Герой объясняетъ иронически, что это не кавалерская галантность, а простой эгоистическій разсчетъ: „барышня“ можетъ упасть въ обморокъ, и тогда ему же придется бѣгать за водой и возиться съ нею. Я сказалъ, что это плоская глупость: мы можемъ легко представить себѣ каждое лицо Тургенева и въ жизни. И всѣ они остаются сами собой. Но представьте, что вы видите въ жизни сцену, описанную Мордовцевымъ; тогда непремѣнно „Точеная голова“ покажется намъ надутымъ дуракомъ, который говоритъ для краснаго словца не то, что думаетъ: онъ отлично знаетъ, что отъ пятиминутнаго стоянія на балконѣ никакая барышня въ обморокъ не упадетъ. На меня напали, но братъ принялъ мою сторону. Свѣтловъ Омулевскаго казался мнѣ иногда похожимъ на хорошо вычищенный, блестящій тазъ; кромѣ того, постоянное любованіе автора своимъ героемъ какъ-то непріятно рѣзало ухо. У Тургенева, Гоголя, Писемскаго такого любованія не было, и люди, хороши они или дурны, дѣйствовали и отвѣчали сами за себя. Я легко подмѣчалъ всякое отступленіе отъ реальной правды и фальшь въ изображеніи лицъ. Для этого у меня былъ свой пріемъ: я старался представить, что все описанное происходитъ не въ книгѣ, гдѣ все „не совсѣмъ такъ, какъ въ жизни“, а въ самой дѣйствительности, что данное лицо говоритъ эти самыя слова вотъ тутъ, въ нашемъ домикѣ, обращаясь къ намъ. И тогда всякая условность тотчасъ-же выступала рѣзко и ясно. При такой провѣркѣ герои Мордовцева, Омулевскаго и другихъ писателей теряли очень много. Это не лица,—формулировалъ я однажды свое ощущеніе,—а „личности“. И, вдобавокъ, еще „свѣтлыя личности“... А „свѣтлыя личности“ тогда являлись, какъ грибы. И, когда при мнѣ называли такъ кого-нибудь незнакомаго, мнѣ сразу онъ представлялся не настоящимъ простымъ человѣкомъ, а нѣсколько надутымъ педантомъ.

И, однако... несмотря на эту реакцію противъ нѣкоторыхъ сторонъ „героической“ литературы, было что-то и въ самомъ Свѣтловѣ, и въ его таинственныхъ цѣляхъ, и въ атмосферѣ, порождаемой этой литературой, что-то неотразимо-заманчивое

и привлекательное. Думаю, что оно коренилось въ рѣзкомъ отрицаніи настоящаго и въ предчувствіяхъ, о которыхъ я говорилъ выше и отъ которыхъ вѣяло инстинктивно правильнымъ предвидѣніемъ... Въ этомъ мое настроеніе не расходилось съ настроеніемъ старшихъ братьевъ и студента. Общее отрицаніе существующихъ формъ я принималъ легко. Я пытался только отстоять свою вѣру.

За то въ этомъ отношеніи я сдавался трудно. Уже переѣхавъ въ городъ, я припоминалъ всѣ наши споры и придумывалъ возраженія. Ложась спать, въ тѣ часы, которые прежде я отдавалъ буйному полету воображенія, уносившаго меня въ обстановку рыцарства или казачества, — теперь я возстановлялъ нить спора и старался опрокинуть аргументацію противниковъ.

Особенно ярко стоитъ въ моей памяти одинъ вечеръ. Въ то время я былъ влюбленъ. Юная особа, плѣнившая впервые мое сердце, каждый день ѣздила съ сестрой и братомъ въ маленькой таратайкѣ на уроки. Я отлично изучилъ время ихъ проѣзда, стукъ колесъ по мостовой шоссе и позвякиваніе бубенцевъ. Къ тому времени, когда имъ предстояло возвращаться, я, какъ будто случайно, выходилъ къ своимъ воротамъ или на мостъ. И, когда мнѣ удавалось увидѣть розовое личико съ каштановымъ локономъ, выбивающимся изъ-подъ шляпки, уловить ея взглядъ или благосклонную улыбку, это разливало нѣкоторое сіяніе на весь мой остальной день.

Однажды бубенчики прогремѣли въ необычное время, и таратайка промелькнула мимо нашихъ воротъ такъ быстро, что я плохо разглядѣлъ фигуры сидѣвшихъ. Но по особому сладкому замиранію сердца я былъ убѣжденъ, что это проѣхала она. Вскорѣ телѣжка вернулась обратно пустая. Это значило, что сестры остались гдѣ-нибудь въ гостяхъ на вечерѣ и, значитъ, будутъ возвращаться обратно часовъ въ десять. Стояла ясная осень, съ свѣжими лунными вечерами. Послѣ девяти часовъ я вышелъ изъ дому и сталъ ходить по шоссе, не замѣчая окружающаго и весь охваченный своимъ чувствомъ и своими мыслями. Чувство летѣло навстрѣчу телѣжкѣ съ фигурами двухъ сестеръ и мальчика. Умъ былъ занятъ важнымъ вопросомъ о бытіи Божіемъ и безсмертіи души.

Время шло, уличное движеніе стихало, лавчонки были заперты, окна закрывались ставнями, точно прижмуривались передъ сномъ, таратайка, пустая, съ однимъ только долговязымъ кучеромъ на козлахъ, давно опять проѣхала въ ту сторону, за дѣвочками, но назадъ все не возвращалась. Слухъ мой напряженно ловилъ въ тишинѣ знакомое шарканье бу-

бенчиковъ, а въ головѣ складывались мысли: я велъ полемику, опровергая матеріалистическіе аргументы и подбирая свои.

И вдругъ, — я весь встрепенулся,—гдѣ-то далеко въ затихшемъ и спокойномъ воздухѣ вечера дрогнулъ легкій звукъ, какъ будто ударили ложечкой по стакану, и затихъ. Я зналъ этотъ звукъ: это были бубенчики. *Она* уже выѣхала и приближалась. Скоро таратайка выбѣжитъ изъ сѣти переулковъ на прямое шоссе и прогремитъ по мосту. И, если я хочу увидѣть ее при этомъ яркомъ свѣтѣ луны, чтобы потомъ унести съ собой это видѣніе въ глубину дремоты и сновидѣній, — я долженъ поторопиться. Я стану въ густой тѣни лавокъ у самаго моста, а она проѣдетъ по свѣтлой улицѣ, даже не подозрѣвая, быть можетъ, чья это фигура сливается съ густой тѣнью...

Но въ то же самое время, какъ бы оживленная этимъ толчкомъ внезапнаго возбужденія, мысль заработала ярко, быстро и сильно. Я остановилъ шаги и прислушался къ внутренней работѣ мозга. Да, несомнѣнно, это складывается ясное, логичное, „неопровержимое“ доказательство „безсмертія“. Я спорилъ съ своими противниками. „А, вы говорите вотъ что... Хорошо. Но вѣдь отсюда слѣдуетъ то-то...“ Аргументы вытягивались неразрывною цѣпью, положеніе за положеніемъ, стройно и логично. Еще мгновеніе... Видѣнъ конецъ. Меня охватила глубокая радость перваго, быть можетъ самостоятельнаго умственнаго творчества и открытія. Я чувствовалъ, что мнѣ надо остановиться, уйти куда-нибудь, додумать до конца свою логическую цѣпь, отрѣшившись отъ всего остальнаго, но въ то же время ноги быстро несли меня по деревяннымъ кладочкамъ вдоль рѣчки къ мосту. Звонъ шаркунцовъ и бубенчиковъ уже вылился на шоссе и все усиливался, и мнѣ казалось, что онъ заливаетъ весь этотъ тихій вечеръ своими растущими трелями... Успѣю, или не успѣю?.. Я ловилъ одновременно и приближающееся тарахтѣніе колесъ, и быстро пробѣгающія мысли. Черезъ минуту я былъ на мосту, но не успѣлъ дойти до намѣченнаго тѣнистаго угла. Телѣжка уже гремѣла по деревянной настилкѣ, и обѣ сестры съ удивленіемъ оглянулись на мою одинокую и, вѣроятно, очень глупую фигуру, освѣщенную луной и неизвѣстно зачѣмъ застывшую на серединѣ моста. Онѣ меня не могли не узнать, но я не успѣлъ даже поклониться, потому что въ это мгновеніе жадно хваталъ обрывки разлетѣвшагося силлогизма. Стройная цѣпь посылокъ и почти готоваго уже заключенія снялась, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, и улетала въ неопредѣленно сіяющій сумракъ, вслѣдъ за быстро исчезающей телѣжкой. Звонъ бубенцовъ убѣгалъ

въ конецъ улицы, забился еще и затѣмъ остановился въ далекой перспективѣ. Двѣ фигурки промаячили пятнышкомъ у подъѣзда, потомъ и онѣ, и телѣжка исчезли... Осталась пустая спящая улица, пустота въ сердцѣ и пустота въ головѣ. Неопровержимое доказательство исчезло. Я вернулся на прежнее мѣсто, на рѣчку, но силлогизмъ не возстановлялся. Какъ это бываетъ иногда во снѣ, когда кажется, что читаешь прекрасную поэму и, проснувшись, не можешь ее вспомнить, и въ умѣ остаются только начальные или конечные стихи, отрозненные, блѣдные, сухіе,—такъ теперь у меня стояло только: „Вы говорите вотъ что"... За этимъ слѣдовало поблѣднѣвшее изложеніе оспариваемаго мнѣнія, изъ котораго такъ недавно вставали сами собой возраженія, теперь оставшіяся въ видѣ какой-то общей мысленной формы, которую я не могъ заполнить содержаніемъ. На душѣ было ощущеніе какой-то важной утраты, раскаяніе, сожалѣніе. И было тускло, какъ на улицѣ, на которой нечего было ждать на этотъ разъ. Вдобавокъ, луна задернулась туманомъ, все стало расплывчато и мутно.

Я ушелъ домой съ покаянной молитвой въ душѣ. Не отнялъ ли у меня Богъ мое несокрушимое доказательство за то, что я не отдалъ одному ему всего настроенія данной минуты. Но... я такъ любилъ тогда эту красивую, нѣсколько надменную юную головку и такъ благоговѣлъ передъ своимъ чувствомъ, что не могъ примириться съ мыслью, что въ чувствѣ этомъ есть что-нибудь грѣховное, заслуживавшее наказанія. Ночью я долго не спалъ, стараясь возстановить исчезнувшую мысль.

Но она такъ и не явилась.

Кажется, именно въ этотъ періодъ я становился на площади на колѣни и молился на статую Мадонны, чувствуя печаль по уходящей вѣрѣ и стремясь ее выразить въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ...

Еще долго мнѣ казалось, что я все-таки остаюсь вѣрнымъ своему дѣтскому обѣту. Но, какъ это бываетъ часто, наиболѣе сильными аргументами являлись не тѣ, которыя представляли прямую полемику и возраженіе. Противъ такихъ непріятельскихъ атакъ умъ тотчасъ же настораживался и отражалъ ихъ. Гораздо сильнѣе было незамѣтное расширеніе умственнаго горизонта, занимаемаго шагъ за шагомъ, повидимому, совершенно нейтральными образами, фактами, пріемами мысли. Они мѣняли общее представленіе о мірѣ. Мой наивный ужасъ передъ Дарвиномъ постепенно исчезъ, и простыя, ясныя положенія эволюціонной теоріи органически занимали свое мѣсто въ умѣ. Картина моего міра постепенно мѣнялась. Помню, что какъ-то въ это время

мнѣ случилось прочесть „Подводный камень“ забытаго теперь романиста Авдѣева. Особенно яркаго впечатлѣнія этотъ романъ на меня не произвелъ, но и до сихъ поръ мнѣ вспоминается изъ него одно мѣсто. Героиня, жена очень хорошаго, честнаго и вѣрующаго человѣка, сама тоже вѣрующая, заинтересовывается пріятелемъ мужа. Сначала ей очень не нравится то, что этотъ пріятель—атеистъ. Но онъ—человѣкъ тоже глубоко честный, умный и способный къ самоотверженію. Итакъ, не одна религія служитъ источникомъ такого душевнаго строя. Хороша простая искренняя вѣра. Она освѣщаетъ жизненную дорогу, она примиряетъ съ тягостью этой дороги, устанавливая равновѣсіе двухъ міровъ и суля торжество правды хотя бы за предѣлами міра. Но идти суровой дорогой долга, бороться за то, что всѣ честные люди признаютъ добромъ, безъ мысли о наградѣ въ будущей жизни, безъ опоры въ высшей силѣ, съ гордой увѣренностью въ себѣ и съ надеждой только на собственныя силы,—въ этомъ она не могла не признать своего рода величія...

Это мѣсто меня поразило... Да, это вѣрно. И значитъ, есть люди „невѣрующіе“, но по иному, чѣмъ мой дядя волтеріанецъ, крестящійся на всякій случай передъ сномъ. Я подумалъ, что̀ сказалъ бы отецъ, если-бы встрѣтилъ *такого* невѣрующаго человѣка, который, конечно, былъ бы его союзникомъ среди тьмы взяточничества и неправды. И я сразу почувствовалъ, что, во всякомъ случаѣ, отецъ не могъ-бы смѣяться тѣмъ смѣхомъ снисходительнаго превосходства, который такъ импонировалъ мнѣ въ его отношеніи къ капитану...

А что такіе люди есть,—я это и зналъ, и чувствовалъ потому, что, въ сущности, вся литература, въ которую съ такимъ преклоненіемъ и наслажденіемъ погружался мой умъ,—была проникнута именно этимъ настроеніемъ. Звали на борьбу съ неправдами въ *этой жизни* люди, равнодушные къ будущей. А тѣ, кто объявлялъ себя хранителями вѣры, освящали въ жизни жестокую и явную неправду... Затѣмъ—новая вѣха отмѣтила ходъ этого кризиса.

Я былъ, если не ошибаюсь, въ шестомъ классѣ... Въ гимназіи случилась какая-то шалость, кажется, довольно скверная. Виновныхъ, по обыкновенію, не открыли, ученики стояли твердо и не выдавали товарищей, хотя въ большинствѣ осуждали ихъ. Наступало время говѣнія. Начальство вдругъ сдѣлало распоряженіе, чтобы ученики старшихъ классовъ исповѣдывались непремѣнно у законоучителя. Для этого время исповѣди было продолжено. Это удивило и огорчило многихъ. Обыкновенно мы исповѣдывались у кого

хотѣли: для помощи нашему священнику въ гимназическую церковь приглашался еще свящ. Барановичъ, человѣкъ глубоко-вѣрующій и добрый; гимназисты шли больше къ нему, и въ то время, какъ около аналоя нашего гимназическаго протоіерея бывало почти пусто, къ Барановичу тѣснились и дожидались очереди...

Теперь выбора не было. Намъ приходилось поневолѣ идти только къ законоучителю... Затѣмъ случилось, что тотчасъ послѣ перваго дня исповѣди, виновники шалости были раскрыты. Священникъ наложилъ на нихъ эпитемью и лишилъ причастія, но еще до начала службы три ученика были водворены въ карцеръ. Имъ грозило даже исключеніе...

Это произвело сильное впечатлѣніе среди учениковъ. Явилось подозрѣніе, что законоучитель выдалъ тайну исповѣди.

На слѣдующій день предстояло исповѣдываться шестому и седьмому классамъ. Идя въ церковь, я догналъ на гимназической улицѣ рыжаго Сушкова, о которомъ говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ.

— Слышалъ? — спросилъ онъ у меня. — Онъ былъ видимо взволнованъ, и я сразу понялъ, что такъ занимаетъ его.

— Да,—отвѣтилъ я.—Но можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что это именно протоіерей?..

— Положимъ. Но... какъ ты думаешь: можно ли быть увѣреннымъ, что это не онъ?

Я представилъ себѣ фигуру протоіерея-обрусителя, гораздо больше чиновника духовнаго вѣдомства, чѣмъ пастыря,—и отвѣтилъ:

— Я не увѣренъ.

— Я тоже. А можно ли раскрывать душу передъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ даже такой увѣренности.

— Да-а,—протянулъ я.—Я не могу безъ отвращенія подумать о томъ, что я *вынужденъ* идти къ нему...

— Я ему не скажу правды,—рѣшительно сказалъ Сушковъ.

— Я тоже. Но тогда?..

У обоихъ тотчасъ же всталъ вопросъ: какъ же быть съ причастіемъ? Было немало гимназистовъ, которые не задавались этимъ вопросомъ и, отправляясь къ причастію, пили чай и ѣли даже скоромное. И не потому даже, чтобы отрицали таинство, а просто потому, что относились къ нему легко и беззаботно. Мы оба съ Сушковымъ тогда уже сомнѣвались во многомъ и прежде всего въ томъ, что его мать, англичанка, и моя—полька—осуждены на вѣчную гибель. Но

въ немъ было еще живо глубокое чувство, съ которымъ мы такъ недавно приступали къ таинству, и намъ было больно думать, что теперь мы осквернимъ его ложью. Поэтому мы рѣшили формально исполнить требованіе начальства, исповѣдаться у законоучителя, не раскрывая передъ нимъ своихъ душъ, и уклониться отъ причастія.

Никогда, кажется, въ жизни я не приступалъ съ такимъ волненіемъ къ исповѣди, какъ въ этотъ разъ. Это было передъ вечерней. Въ церкви желтые огни свѣчей какъ бы спорили съ сумерками, расплывавшимися въ тонкой мглѣ отъ ладана. Справа за аналоемъ сидѣлъ нашъ законоучитель; онъ иногда страдалъ печенью, и желчное страданіе виднѣлось во взглядѣ его маленькихъ глазъ, которыми онъ внимательно окидывалъ подходившихъ. А невдалекѣ, высокій и блѣдный, съ добрымъ простымъ скуластымъ лицомъ, на которомъ теплилось простодушное умиленіе, другой священникъ, Барановичъ, принималъ малышей, накрывая ихъ эпитрахилью, и тотчасъ же наклонялся съ видомъ торжественнаго и добраго вниманія.

Какъ я завидовалъ въ эту минуту малышамъ, и какъ мнѣ хотѣлось подойти къ этому доброму великану и излить передъ нимъ все настроеніе данной минуты, вплоть до своего намѣренія солгать на исповѣди.

Но меня уже ждалъ законоучитель. Онъ отпустилъ одного исповѣдника и смотрѣлъ на толпу ожидавшихъ, которые какъ-то сжимались подъ его взглядомъ. Никто не выступалъ. Глаза его остановились на мнѣ; я вышелъ изъ ряда...

Лицо у меня горѣло, голосъ дрожалъ, на глаза просились слезы. Протоіерея удивило это настроеніе, и онъ, кажется, приготовился услышать какія-нибудь необыкновенныя признанія... Когда онъ накрылъ мою склоненную голову,— обычное волненіе исповѣди пробѣжало въ моей душѣ.. „Сказать, признаться?“

Но это было мгновеніе... Поднявъ глаза, я встрѣтился съ его взглядомъ, заглядывавшимъ мнѣ въ лицо изъ-подъ эпитрахили. Въ немъ не было ничего, кромѣ внимательной настороженности духовнаго „начальника“... Я отвѣчалъ формально на его вопросы, но мое волненіе при этихъ краткихъ отвѣтахъ его озадачивало. Онъ тщательно перебралъ всю табличку грѣховъ. Я отвѣчалъ, по большей части, отрицаніемъ; „грѣховъ“ оказывалось очень мало, и онъ рѣшилъ, что волненіе мое объясняется душевнымъ потрясеніемъ отъ благоговѣнія къ таинству...

„Разрѣшеніе“ онъ произнесъ смягченнымъ голосомъ. „Эпитеміи не налагаю. Помолись по усердію... и за меня

грѣшнаго",—прибавилъ онъ вдругъ, и эта послѣдняя фраза вновь кинула мнѣ краску въ лицо и вызвала на глаза слезы отъ горькаго сознанія вынужденнаго лицемѣрія...

На слѣдующій день, когда всѣ подходили къ причастію подъ внимательными взглядами инспектора и надзирателей, мы съ Сушковымъ замѣшались въ густую толпу, обошли причащавшихся не безъ опасности быть замѣченными и вышли изъ церкви...

Послѣдній годъ въ гимназіи.

Этотъ годъ прошелъ для меня въ особомъ настроеніи.

Мои каникулы были на исходѣ, когда „окончившіе" уѣзжали—одинъ въ Кіевъ, другіе въ Петербургъ. Среди нихъ былъ и Сушковъ, съ которымъ въ Житомірѣ мы учились въ одномъ классѣ. Потомъ онъ обогналъ меня на годъ, и мысль, что и я могъ бы уже быть свободнымъ, выступала для меня съ какой-то особенной, раздражающей ясностью.

Я проводилъ его за заставу. Въ штатскомъ платьѣ, съ новымъ чемоданомъ въ ногахъ, съ новенькимъ саквояжемъ черезъ плечо, онъ сидѣлъ въ перекладной, которая уносила его въ заманчивую даль. На шоссе, за тюрьмой, мы разстались, и я долго еще слѣдилъ за клубкомъ пыли, который катился пятнышкомъ по дорогѣ. Мнѣ страстно хотѣлось самому на волю... Ѣхать вотъ такъ же все впередъ и впередъ, куда-то на просторъ, къ новой жизни. А тамъ—что-то неясное, но великолѣпное. И странно: изъ всего этого великолѣпія прежде всего передо мной выступила маленькая комнатка гдѣ-то очень высоко... Изъ окна видны крыши и небо. На полу стоитъ мой чемоданъ, на стѣнкѣ виситъ такой же, какъ у Сушкова, новенькій саквояжъ. Это значитъ, что я пріѣхалъ, и вотъ-вотъ уйду куда-то. Куда? Въ новую жизнь!

Но... еще годъ! Когда комокъ пыли исчезъ вдали, я повернулся къ городу. Онъ лежалъ въ своей лощинѣ, тихій, сонный и... ненавистный. Надъ нимъ носилась та же легкая пелена изъ пыли, дыма и тумана, мѣстами сверкали клочки заросшаго пруда, и старый инвалидъ дремалъ въ обычной позѣ, когда я проходилъ черезъ заставу. Вдобавокъ, на гимназической улицѣ, на узкой деревянной кладочкѣ, передо мной вдругъ выросла огромная фигура Якова Степановича, ставшаго уже директоромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ высоты своего роста и сказалъ сурово:

— Хотите обновить карцеръ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Что нужно этому человѣку? Страха передъ нимъ давно уже не было въ моей душѣ. Я сознавалъ, что онъ вовсе не грозенъ и не золъ, пожалуй, даже по своему добръ. Но въ немъ не было ничего, кромѣ педантизма и рутиннаго соблюденія правилъ. За что онъ накидывается теперь? За то, что я иду задумавшись и не замѣтилъ его еще издали? Онъ не знаетъ, конечно, какое чувство я несу съ собой съ этого возвышенія за заставой, откуда я провожалъ тоскующимъ взглядомъ маленькій клубокъ пыли, исчезнувшій въ широкихъ даляхъ? Но неужели одной необычной задумчивости достаточно, чтобы растревожить его привычку къ вытянутости, къ робости и ровной походкѣ... чтобы оборвать такъ низко и грубо?

— Хотите обновить карцеръ?—повторилъ онъ. И указалъ пальцемъ на мой мундиръ. Двѣ среднихъ пуговицы мундира были не застегнуты.

— Только-то?—Я невольно слегка пожалъ плечами и застегнулъ пуговицы. Лицо его покраснѣло, но, встрѣтившись взглядомъ съ моими глазами, въ которыхъ, вѣроятно, не было ни задора, ни вызова, ни дерзости, а только мимолетная досада и глубокое равнодушіе, онъ, какъ будто, растерялся.

— Откуда вы идете?—спросилъ онъ.

— Я... провожалъ товарища Сушкова...

— Ну... такъ что же?—спросилъ онъ опять не совсѣмъ кстати, озадаченный, вѣроятно, выраженіемъ моего лица.

— Ничего, Яковъ Степановичъ,—отвѣтилъ я деревянно.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, какъ будто подыскивая какую-нибудь форму для вспышки, которая должна была встряхнуть мою нечувствительность къ его авторитету, но, видимо, ничего не придумавъ и встрѣчая мой равнодушный и вовсе не дерзкій взглядъ, круто отвернулся и пошелъ своей дорогой.

А я съ тоской посмотрѣлъ вокругъ. Сушковъ несется на своей перекладной уже далеко. А передо мной все тотъ же прудъ, заросшій зеленой ряской... Прогалины знойно и неподвижно отражаютъ небо и солнечный свѣтъ... Ряска кой-гдѣ шевелится,—это подъ ней проплываютъ головастики и лягушки... Изъ камышей выплылъ тяжко скучающій лебедь. Баба стучитъ валькомъ по мокрому бѣлью... Яковъ Степановичъ сейчасъ грозилъ мнѣ карцеромъ... И все это еще на цѣлый годъ!

Онъ тянулся для меня вяло и скучно. Словесника Авдіева уже не было, ничто не оживляло гимназической рутины, и я хорошо понималъ брата, который, разъ выско-

чивъ изъ колеи, не могъ и не желалъ попасть въ нее вторично. Но передо мной конецъ виднѣлся уже близко... Я, конечно, кончу...

Директоръ сталъ какъ-то особенно присматриваться ко мнѣ своимъ тяжелымъ, пристальнымъ, но мало понимающимъ взглядомъ. Однажды онъ остановилъ меня при выходѣ изъ церкви.

— Отчего вы не молитесь?—спросилъ онъ.—Прежде вы молились очень усердно. Теперь стоите, какъ столбъ.

Я опять поднялъ на него глаза, и въ нихъ, вѣроятно, опять было озадачившее его выраженіе. Я недоумѣвалъ и не скрывалъ этого, очень хладнокровно думая про себя: „Что же я скажу тебѣ? Начать опять молиться, чувствуя упирающійся въ спину начальственный взглядъ?..“

— Не знаю,—отвѣтилъ я кратко.

Я былъ „старшимъ“ на ученической квартирѣ, которую содержала моя мать. Въ этотъ годъ одну комнату занималъ у насъ юноша Подгурскій, сынъ богатаго помѣщика, готовившійся къ поступленію въ одинъ изъ высшихъ классовъ. Однажды директоръ, посѣтивъ квартиру, зашелъ въ комнату Подгурскаго въ его отсутствіе и повелъ въ воздухѣ носомъ.

— Онъ... куритъ?—спросилъ онъ у меня.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Вы—старшій?

— Да, но онъ еще не ученикъ.

— Это все равно... Вы должны... узнать.

— Хорошо, Яковъ Степановичъ, я спрошу у него,—отвѣтилъ я наивно.

Удивленіе и гнѣвъ вспыхнули на широкомъ лицѣ директора. Онъ считалъ, конечно, что я, какъ „старшій“, т. е. маленькій винтикъ учебной администраціи,—въ родѣ дворника по отношенію къ полиціи,—обязанъ оказывать ему содѣйствіе въ секретномъ надзорѣ за будущимъ ученикомъ. То есть, я долженъ былъ „выслѣдить“ и затѣмъ „доложить конфиденціально“. Въ моемъ отвѣтѣ онъ увидѣлъ насмѣшку. Но, въ дѣйствительности, этого не было: я просто въ эту минуту былъ далекъ и отъ гимназіи, и отъ его педагогическихъ соображеній. Вѣроятно, поэтому я опять невозмутимо выдержалъ его взглядъ, а онъ опять былъ озадаченъ. Когда онъ ушелъ, ученики удивлялись моей „дерзости“ и „ловкому отвѣту“, а я не сразу понялъ, въ чемъ состояла дерзость... Я только уже *могъ быть разсѣяннымъ* въ присутствіи нѣкогда столь страшнаго Якова Степановича... Это было несомнѣнное и какое-то почти инстинктивное неуваженіе къ начальству, и не хватало благонамѣреннаго лице-

мѣрія, чтобы его скрыть. Въ послѣдующіе годы это, несомнѣнно, квалифицировали бы, какъ „неблагонадежность“ или „вредный образъ мыслей“. Но въ то время, какъ и во всей русской жизни, чтеніе въ сердцахъ еще не было такъ развито, и педагогическіе совѣты имѣли еще нѣкоторое значеніе. А совѣты требовали все-таки опредѣленныхъ квалификацій и поступковъ. Между тѣмъ, мое настроеніе такой квалификаціи не поддавалось...

Я думаю, многіе изъ оканчивающихъ испытывали въ большей или меньшей степени это настроеніе „послѣдняго года“. У меня это было даже не озлобленіе,—по крайней мѣрѣ, не оно было на первомъ планѣ. Къ Якову Степановичу, напримѣръ, я относился даже лучше, чѣмъ прежде.. Но это была полная отчужденность отъ глубоко опостылѣвшаго учебнаго строя, какая-то усталость отъ мертвой рутины, въ которой не было основного глубокаго мотива, способнаго скрасить всѣ детали, придать имъ жизнь, общій смыслъ и единство. Не было ничего возвышающаго, подымающаго молодую душу, уже охваченную предчувствіемъ возможнаго и близкаго полета... Я бы сказалъ, что образованіе должно имѣть свой собственный культъ, освящающій отдѣльныя знанія, подымающій ихъ на высоту какого-то общаго единаго смысла. Наша педагогическая система болѣе или менѣе усердно барабанила по отдѣльнымъ клавишамъ... Звуковъ было до скуки много. Общая мелодія исчезала...

Одинъ разъ это мое настроеніе прорвалось довольно рѣзкой и опасной для меня вспышкой. Шелъ какой-то урокъ, для котораго два класса собирались вмѣстѣ. Урокъ тянулся по обыкновенію; въ классѣ была тоскливая тишина напряженнаго полувниманія, въ которомъ чувствуется успѣшная пока борьба съ одолѣвающей дремотой и которое составляетъ идеалъ классной дисциплины. Я сидѣлъ ровно, вытянувшись и, по обыкновенію, думая о чемъ то постороннемъ, какъ вдругъ сидѣвшій рядомъ со мной товарищъ толкнулъ меня локтемъ и указалъ на дверь. Мнѣ пришлось наклониться направо, чтобы увидѣть то, что онъ указывалъ, такъ какъ дверь отъ меня скрывалъ уголъ классной доски. Оказалось, что въ стеклѣ двери виднѣлся поднятый кверху хохолокъ Дидонуса. Любознательный надзиратель, очевидно присѣвъ на корточки, смотрѣлъ въ замочную скважину и съ обычнымъ наслажденіемъ шпіонилъ и за учителемъ, и за классомъ. Подъ вліяніемъ внезапно вспыхнувшаго остраго чувства презрѣнія, я всталъ на своемъ мѣстѣ, невидномъ Дидонусу изъ-за угла доски, и попросился выйти. Получивъ разрѣшеніе, я прошелъ за доской и, быстро подойдя къ

двери, дернулъ ее такъ, что раскрылись обѣ половинки сразу, и передъ восхищеннымъ классомъ явилась фигура Дитяткевича на корточкахъ, съ торчащимъ кверху хохолкомъ и испуганно выпученными глазами. Въ классѣ поднялся шумный смѣхъ. Учитель въ изумленіи оглянулся и тоже засмѣялся. А я, какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ въ коридоръ.

Это былъ пятый урокъ только въ нашемъ классѣ. Директоръ, инспекторъ, учителя уже разошлись, и одинъ только нашъ классъ шумно двигался по коридорамъ, когда навстрѣчу показался Дитяткевичъ. Онъ былъ красенъ, и маленькіе глаза его сверкали злостью. Бѣдняга вообще сильно страдалъ отъ насмѣшекъ: и его имя, и кривыя ножки, и склонность къ щегольству, и неудачныя попытки сватовства—все это служило предметомъ болѣе или менѣе остроумныхъ карикатуръ и анекдотовъ, и это его раздражало тѣмъ болѣе, что самъ онъ считалъ себя ловкимъ кавалеромъ и красавцемъ. Теперь онъ опять почувствовалъ себя поставленнымъ въ экстренно-смѣшное положеніе и зналъ, что анекдотъ разойдется по городу. Растолкавъ учениковъ, онъ остановился передо мной и взялъ за бортъ шинели.

— Вы остаетесь въ карцерѣ.

Я спокойно отстранилъ его руку и сказалъ:

— По чьему распоряженію?

— Я... я... своей властью. За вашу дерзость.

— Вы на это не имѣете права,—отвѣтилъ я все еще очень спокойно.—Если я былъ дерзокъ, вы можете пожаловаться инспектору. Но на что же вы будете жаловаться?..

— Какъ, на что?—нѣсколько растерянно сказалъ Дитяткевичъ:

— Тамъ ужъ я знаю на что...

Я пожалъ плечами.

— Я вышелъ съ разрѣшенія учителя и открылъ дверь... Почему я могъ знать, что... что... что это будетъ вамъ непріятно?..

Среди учениковъ раздался хохотъ, который окончательно вывелъ изъ себя бѣднягу-надзирателя. Онъ опять схватилъ меня за бортъ и весь красный, съ глазами, совершенно позеленѣвшими отъ злости, пытался вывести меня изъ рядовъ товарищей. При этомъ у него сорвалось нѣсколько грубыхъ, чисто базарныхъ ругательствъ.

Во мнѣ вдругъ поднялось что-то. Я рѣзко оттолкнулъ его руку и, глядя въ его зеленые глаза, назвалъ его шпіономъ, негодяемъ и идіотомъ. Товарищи во-время оттѣснили Дитяткевича, иначе сцена могла закончиться еще безобразнѣе, такъ какъ въ первый еще разъ въ жизни во мнѣ

вдругъ поднялась отцовская наслѣдственная вспыльчивость... Въ маленькой фигуркѣ съ зелеными глазами, которые впивались въ меня, вызывая изнутри какое-то клокочущее гнѣвное чувство, я какъ-будто видѣлъ въ эту минуту олицетвореніе всего, что такъ томило, угнетало и вызывало такое презрѣніе ко всей гимназической рутинѣ. И то, что мы стоимъ другъ противъ друга съ прямымъ взаимнымъ вызовомъ, доставляло мнѣ особое странное наслажденіе...

Чувство это, повидимому, раздѣляли и товарищи. Мы вышли на гимназическій дворъ шумной и веселой толпой; всѣ хохотали надъ Дидонусомъ и надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. Только спустя нѣкоторое время мы начали соображать, что дѣло это можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. „Дисциплина" въ то время, въ сущности, держалась гораздо строже, чѣмъ теперь, и случай выходилъ изъ ряду. Мнѣ эта мысль пришла послѣднему.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ одинъ изъ близкихъ товарищей, котораго мы почему-то всѣ звали Хомой. Это былъ юноша, значительно старше меня; ученіе давалось ему туго, но онъ бралъ огромной энергіей и трудомъ. Я его любилъ, быть можетъ, именно за эти черты, которыхъ недоставало мнѣ, а онъ восхищался, наоборотъ, легкостью, съ которой я схватывалъ гимназическую премудрость, такъ сказать, на лету. Я ему не разъ помогалъ въ сочиненіяхъ, а онъ относился ко мнѣ съ снисходительной нѣжностью старшаго благоразумнаго товарища.

Войдя въ комнату и сѣвъ на кровать, онъ сказалъ печально:

— Ахъ, Карла, Карла (это было мое прозвище)—вотъ до чего доводитъ остроуміе... Дѣло твое плохо.

Онъ съ двумя другими товарищами уже обошелъ нѣсколькихъ лучшихъ учителей и откровенно разсказалъ имъ, какъ было дѣло. Тѣ нашли, что дѣло очень серьезно.

— Ну и пусть,—отвѣтилъ я упрямо, но сердце у меня сжалось при воспоминаніи о матери. Я чувствовалъ, однако, что, если бы передо мною опять очутился Дитяткевичъ и опять, схвативъ меня за бортъ, сталъ ругаться,—я отвѣтилъ бы тѣмъ же...

Дѣло кончилось благополучно. Показанія учениковъ были всѣ въ мою пользу, но, конечно, они не имѣли бы особенной цѣны, если бы ихъ не поддержалъ старикъ Савельичъ, сторожъ, который молча, съ колокольчикомъ подъ мышкой, философски наблюдалъ всю сцену. Онъ сказалъ,— и это была правда,—что я сначала держался очень спокойно, пока Дитяткевичъ не попытался съ ругательствами силой увести меня въ карцеръ, на что, по тогдашнимъ правиламъ,

не имѣлъ права. Меня оставили на нѣсколько часовъ въ классѣ, а Дитяткевичу сдѣлали замѣчаніе за нетактичность.

Послѣдній экзаменъ. Свобода.

Часовъ въ пять чуднаго лѣтняго утра въ концѣ іюня 1870 года, съ книжками Филаретовскаго катехизиса и церковной исторіи, я вышелъ за городъ къ грабовой рощѣ. Въ этотъ день былъ экзаменъ по Закону Божію, и это былъ уже послѣдній. Законъ Божій и теперь является предметомъ, который знаютъ меньше всѣхъ. Церковная исторія, которая при болѣе живомъ отношеніи не къ формальной только и застывшей, а къ живой религіозной истинѣ, могла бы такъ глубоко захватить молодые умы, —считалась и считается наиболѣе мертвымъ и прямо ненужнымъ предметомъ: годы соборовъ, скелетъ ересей и ученій, сухая догматика, лишенная совершенно того жгучаго обаянія, которымъ въ дѣйствительности сопровождаетъ каждый шагъ человѣчества по пути исканія религіозной истины,—таково содержаніе этой гимназической исторіи: все рѣшено, запечатано, ереси отвергнуты, еретики сожжены и—въ результатѣ нѣкая урна съ сухимъ пепломъ живыхъ нѣкогда и полныхъ драматизма исканій истины...

Я порядочно зналъ и любилъ общую исторію, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи церковной.

Это обстоятельство дѣлало для меня настроеніе этого утра тягостнымъ и непріятнымъ. Я уже усталъ отъ экзаменовъ. Вчера легъ поздно, всталъ сегодня очень рано, еще до восхода солнца. Глаза невольно слипались, мозгъ дремалъ, и я пришелъ сюда въ надеждѣ, что чистый утренній вѣтеръ на этомъ холмѣ разгонитъ мою дремоту. Взойдя на возвышеніе, я залюбовался широкой далью. Городъ лежалъ внизу, какъ на ладони. По утрамъ его часто затягивало туманами отъ прудовъ, и теперь туманная пелена разрывалась, обнаруживая то крышу, то клокъ зелени, то бѣлую стѣну... Статуя Мадонны точно плавала въ воздухѣ, а далеко за городомъ чуть виднѣлись поля, деревни, полосы лѣсовъ... Нѣсколько минутъ я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища, которому легкое, почти незамѣтное движеніе тумановъ придавало особую жизнь... Мнѣ казалось, что я еще въ первый разъ настоящимъ образомъ вижу природу и начинаю улавливать въ ней какое-то особое внутреннее выраженіе, но... глядѣть было некогда. Я долженъ былъ читать сухое перечисленіе догматовъ, соборовъ и ересей, въ которыхъ не

было никакой, даже отдаленной связи съ красотой этого изумительнаго міра. И, вдобавокъ, у меня не было надежды подготовиться къ экзамену въ эти два-три часа. Это дѣлало меня глубоко-несчастнымъ. Счастье въ эту минуту представлялось мнѣ въ видѣ возможности стоять здѣсь же, на этомъ холмѣ, съ свободнымъ настроеніемъ и глядѣть на эту чудную красоту божьяго міра безъ мысли о церковной исторіи и ловить то странное выраженіе, которое мелькаетъ, какъ дразнящая тайна природы, въ этомъ тихомъ движеніи ея свѣта и ея тѣней.

Я далъ себѣ слово, какъ только выдержу экзаменъ (а вѣдь это рѣшится же черезъ три-четыре часа),—тотчасъ же придти опять сюда, стать на этомъ самомъ мѣстѣ, глядѣть на этотъ самый пейзажъ, уловить, наконецъ, его выраженіе и... глубоко заснуть подъ деревомъ, которое шумѣло рядомъ своей темно-зеленой листвой.

Я еще зубрилъ „Законъ Божій", когда до меня долетѣлъ переливчатый звонъ гимназическаго колокола, въ послѣдній разъ призывавшій меня въ гимназію. Я быстро ринулся къ заставѣ и черезъ четверть часа входилъ уже во дворъ гимназіи, а черезъ часъ выбѣжалъ оттуда, охваченный новымъ чувствомъ какого-то облегченія, свободы, счастья! Какъ случилось, что я выдержалъ и, при томъ, выдержалъ „отлично" по предмету, о которомъ, въ сущности, не имѣлъ понятія,—теперь уже не помню. Знаю только, что выдержавъ, какъ сумасшедшій, забѣжалъ домой, къ матери, радостно обнялъ ее и, швырнувъ ненужныя книги, побѣжалъ за городъ.

Это было исполненіемъ утренняго обѣта. Я опять стоялъ на возвышеніи, и главное наслажденіе состояло въ сознаніи что я не долженъ болѣе зубрить и могу оставаться здѣсь, сколько хочу. Раннее утро кончалось, его свѣжесть исчезала, тумана не было, только надъ прудами еще тянулись чуть замѣтныя сизыя струйки. Тургеневъ говоритъ, что въ первый разъ уже за-границей, гдѣ-то подъ Берлиномъ, онъ сознательно наслаждался природой и пѣньемъ жаворонка. Это странно, но это правда. Это не значитъ, что онъ не чувствовалъ природу ранѣе. Но наступаетъ моментъ, когда это свое чувство человѣкъ сознательно наблюдаетъ въ себѣ, какъ особое душевное явленіе. И это бываетъ поздно, а у иныхъ людей, быть можетъ, не наступаетъ никогда. Въ ту минуту я тоже, быть можетъ, въ первый разъ такъ смотрѣлъ на природу и давалъ себѣ отчетъ въ своемъ ощущеніи. И въ первый разъ эта заканчивающаяся симфонія утра показалась мнѣ стройной, одухотворенной и цѣльной. Что-то „отходило", какъ отходитъ вечерня при пѣніи „свѣте тихій",

въ природѣ я чувствовалъ именно „священнодѣйствіе", полное гармоніи и смысла. Но теперь въ этомъ чувствѣ, близкомъ къ религіозному, не было уже никакой связи съ знакомой мнѣ тогда религіей.

Я стоялъ довольно долго, какъ очарованный, но когда вспомнилъ о второй части своей программы,—заснуть подъ деревомъ, то почувствовалъ, что она не имѣетъ уже для меня никакой прелести. Я опять ринулся съ холма и понесся къ гимназіи, откуда одинъ за другимъ выходили отъэкзаменовавшіеся товарищи. По закону Божію, да еще на послѣднемъ экзаменѣ, „рѣзать" было не принято. Выдерживали всѣ, и городишко, казалось, былъ весь заполненъ нашей опьяняющей радостью. Свобода, свобода!

Это ощущеніе было такъ сильно и такъ странно, что мы просто не знали, что съ нимъ дѣлать и куда его пристроить. Цѣлой группой мы рѣшили снести его къ „чехамъ", въ новооткрытую пивную... Крѣпкое чешское пиво всѣмъ намъ казалось горько и отвратительно, но... еще вчера мы не имѣли права входить сюда и потому пошли сегодня. Мы сидѣли за столами, глубокомысленно тянули изъ кружекъ и старались подавить невольныя гримасы...

А черезъ нѣсколько дней, получивъ аттестаты, мы рѣшили сообща отпраздновать нашу свободу. И праздникъ былъ опять въ родѣ горькаго пива. Мы собрались въ большой комнатѣ виноторговца еврея Вайнтрауба, куда доступъ ученикамъ былъ воспрещенъ подъ страхомъ исключенія, и пригласили учителей. Учителя „по-товарищески" пили съ нами, варили жжонку, пьянѣли, цѣловались. Жжонка большинству изъ насъ казалась тоже отвратительно крѣпкой, но... мы пили ее вмѣстѣ съ учителями, хлопая ихъ дружески по плечамъ, и это было ново, необычно, какъ будто нужно и пріятно... Поздно ночью кто-то потребовалъ музыку. Юркій факторъ-еврей поднялъ музыкантовъ среди ночи, а на разсвѣтѣ мы ходили по спящему и темному еще городишку, сопровождаемые кларнетомъ, флейтой, двумятремя скрипками и турецкимъ барабаномъ. Музыка играла среди спящихъ улицъ, мы кричали „ура", качали учителей и... чувствовали, что все это какъ-то нехорошо, ненастояще и фальшиво.

А между тѣмъ, что же дѣлать съ этимъ недающимъ покоя новымъ чувствомъ „полной свободы"?

На слѣдующій день, съ тяжелой головой и съ сквернымъ чувствомъ на душѣ, я шелъ купаться и зашелъ за однимъ изъ товарищей, жившимъ въ казенномъ зданіи, сосѣднемъ съ гимназіей. Когда я подымался по лѣстницѣ, одна изъ дверей открылась, и навстрѣчу мнѣ спустился молодой еще

человѣкъ съ умнымъ лицомъ и окладистой небольшой бородкой... Мнѣ запомнился очень выпуклый. лобъ и серьезный упорный взглядъ. Лицо это въ нашемъ городѣ было новое, очевидно „не ровенское". Когда онъ сошелъ съ лѣстницы, дверь вверху открылась, и на площадкѣ показался учитель исторіи, Андрузскій. Наклонясь съ перилъ, онъ крикнулъ:

— Драгомановъ! Постойте, еще два слова!

Незнакомый господинъ поднялся по лѣстницѣ, и когда я проходилъ мимо, онъ проводилъ меня внимательнымъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ.

Товарища я не засталъ, и когда спускался съ лѣстницы, незнакомца уже не было.

Драгомановъ, Драгомановъ! Я вспомнилъ эту фамилію изъ сочиненій Добролюбова. Въ полемику по поводу пироговскаго инцидента вмѣшался студентъ Драгомановъ, причемъ въ своихъ статьяхъ, направленныхъ противъ Добролюбова, довольно безцеремонно раскрылъ его иниціалы. Отвѣтъ критика-публициста, проникнутый горечью, произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Добролюбова я горячо любилъ и преклонялся передъ нимъ, фамилію Драгоманова присоединилъ къ числу его противниковъ. Кромѣ того, это былъ *студентъ*, защищавшій авторитетнаго *попечителя*, который въ этомъ случаѣ, на мой взглядъ, былъ совершенно неправъ противъ скромнаго публициста. Неужели этотъ господинъ съ крутымъ лбомъ и такимъ умнымъ взглядомъ,— тотъ самый Драгомановъ?

Я его за-глаза не любилъ, но встрѣтить въ первые же дни свободы человѣка изъ того, другого міра, гдѣ кипѣли такіе споры, видѣть живьемъ писателя, о которомъ, хотя бы и въ спорѣ, упоминаетъ Добролюбовъ, — казалось мнѣ чуть не чудомъ изъ того новаго міра, лежащаго за порогомъ гимназіи...

На полевой дорожкѣ, которая вела къ рѣкѣ, меня обогналъ Андрузскій. Объ этомъ учителѣ я говорилъ уже въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ очерковъ: не талантливый, а только добросовѣстный учитель, онъ преподавалъ сухо и скучновато, но пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, твердый и справедливый. Вчера онъ появился только въ началѣ нашего вечера, ничего не пилъ и ушелъ рано. Теперь онъ шелъ съ полотенцемъ черезъ плечо, бодрый, свѣжо одѣтый и самъ свѣжій. Я посторонился и по-ученически снялъ передъ учителемъ фуражку, но онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку. Я опять почувствовалъ въ этомъ одну изъ новыхъ чертъ моего новаго положенія.

— Вы купаться? — спросилъ онъ.

— Да.

— Идемъ вмѣстѣ.

И мы пошли со вчерашнимъ моимъ учителемъ на мѣсто, гдѣ незадолго до того Дидонусъ устраивалъ на насъ засаду. Дорогой я робко спросилъ у Андрузскаго:

— Вы это разговаривали на лѣстницѣ съ...

— Съ Драгомановымъ.

— Это... тотъ самый?..

— Да, писатель и профессоръ. Мой товарищъ и пріятель.

Онъ не понялъ, что для меня „тотъ самый" значило— „противникъ Добролюбова", а я не рѣшился заговорить объ этомъ эпизодѣ.

Возвращаясь съ купанья, Андрузскій у своихъ дверей задержалъ мою руку въ своей и сказалъ:

— Я послѣ купанья пью чай. Хотите выпить стаканъ чаю? У меня свѣжая газета. Отчетъ о нечаевскомъ дѣлѣ.

Предложеніе было сдѣлано просто, и я, нѣсколько конфузясь, зашелъ въ маленькую холостую квартиру учителя. На столѣ уже стоялъ чистенькій самоваръ. Андрузскій заварилъ чай, покрылъ чайникъ аккуратно сложенной салфеткой и взялъ со стола листъ „Голоса". Пробѣжавъ его содержаніе, онъ протянулъ мнѣ газету и сказалъ:

— Можетъ, вы прочтете громко судебный отчетъ. Вы знаете, въ чемъ дѣло?

Я еще ничего не зналъ о нечаевскомъ процессѣ, который въ то время волновалъ всю читающую Россію. Со смертью отца въ нашемъ домѣ уже не было газетъ, среди гимназистовъ и въ городѣ почти не было никакихъ толковъ по этому поводу. Я сталъ громко читать отчетъ. Попался номеръ, въ которомъ приводилось обращеніе къ обществу отъ студенчества... „Въ то время, когда мы, разочарованные и озлобленные" — вспоминается мнѣ до сихъ поръ одна фраза этой прокламаціи. „Разгулъ произвола ген. Тимашевыхъ и Треповыхъ"—была другая, повторявшаяся много разъ. Я не зналъ тогда подкладки самого дѣла и того, какая роль принадлежала тутъ студенческой массѣ и какая личной предпріимчивости покойнаго Нечаева. Но каждая фраза о „генералахъ Треповыхъ и Тимашевыхъ" легко ассоціировалась съ воспоминаніемъ о Безакѣ, и мысль о томъ, что есть какая-то таинственная и могучая сила, встающая на борьбу съ Безаками, „озлобленная и разочарованная" въ данную минуту, но готовящаяся къ новой борьбѣ,—будила во мнѣ какіе-то отголоски инстинктивнаго сочувствія. Могу сказать по совѣсти, что до тѣхъ поръ я не встрѣчалъ ни одного „агитатора"

или „злонамѣреннаго человѣка", который бы стремился посѣять смуту въ моемъ молодомъ и неопытномъ умѣ. Андрузскій объяснялъ непонятныя для меня мѣста совершенно объективно. Онъ, очевидно, считалъ только умѣстнымъ ознакомить меня съ тѣмъ, съ чѣмъ я все равно столкнусь черезъ мѣсяцъ-другой. Нечаевскій процессъ—матеріалъ не особенно благодарный для пропаганды, и убійство Иванова произвело на меня рѣзкое, почти болѣзненное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, я читалъ газетный отчетъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ поэму Некрасова или драму Островскаго, которымъ въ то время увлекался.

Отъ Андрузскаго я вышелъ съ головой, совершенно свободной отъ вчерашняго угара, но охваченной опьяняющимъ чувствомъ другого рода... Оно вспыхнуло не подъ вліяніемъ агитаціи. Это „духъ времени", то самое „предчувствіе", о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, стучалось въ молодую душу, подготовленную для этого и гимназической рутиной, будившей инстинктивный протестъ, и общимъ настроеніемъ литературы, и—быть можетъ, особенно—Безаками всякаго рода, которые метались въ глаза и тамъ, гдѣ не было мѣста ни агитаціи, ни даже общему вліянію печати...

Отъ Андрузскаго я уносилъ опредѣленное представленіе о „студенчествѣ", незнакомомъ, но умномъ, серьезномъ и сильномъ, совсѣмъ не похожемъ на насъ, убогихъ захолустныхъ гимназистовъ, и берущемъ на свои плечи тяжелое бремя общественныхъ вопросовъ...

Новое чувство независимости и свободы скрашивало теперь для меня обыденную прозу городской жизни. Съ молодымъ эгоизмомъ я какъ-то мало заботился о томъ, откуда и какъ мать достанетъ денегъ для моего снаряженія, Я только читалъ, слонялся по полямъ и лѣсамъ, ходилъ на желѣзную дорогу, которую начинали тогда строить, вступалъ въ разговоры съ землекопами и жадно всей душой прислушивался и присматривался къ жизни, которая съ „послѣднимъ экзаменомъ", какъ будто, раскрывала передо мной какія-то новыя стороны...

Однажды вечеромъ одинъ изъ товарищей, Леонтьевскій, попался мнѣ на мосту подъ руку съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, съ длинными волосами, въ широкополой шляпѣ и темносинихъ очкахъ. Фигура была тоже не ровенская, и я былъ очень польщенъ, когда товарищъ представилъ меня:

— Кіевскій студентъ Піотровскій. А это,—указалъ онъ на меня,—тоже будущій студентъ,—такой-то.

Піотровскій крѣпко сжалъ мнѣ руку и пригласилъ насъ

обоихъ къ себѣ, въ номеръ гостиницы. Въ углу этого номера стояли двѣ пачки какихъ-то бумагъ, обвязанныхъ веревками и обернутыхъ газетными листами. Леонтьевскій съ какимъ-то почтеніемъ взглянулъ на эти связки и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Это... онѣ?

— Да,—съ важностью кивнулъ студентъ.

— Знаешь... это въ углу стояли запрещенныя книжки,— сказалъ мнѣ Леонтьевскій уже на улицѣ... Его, Піотровскаго... послали... Очень опасное порученіе...

Это былъ первый „агитаторъ", котораго я увидѣлъ въ своей жизни. Онъ прожилъ въ городѣ нѣсколько дней, ходилъ по вечерамъ гулять на шоссе, привлекая вниманіе своимъ студенческимъ видомъ, очками, панамой, длинными волосами и плэдомъ. Я иной разъ ходилъ съ нимъ, ожидая откровеній. Но студентъ молчалъ или говорилъ пустяки, которымъ старался придать важность необыкновеннымъ глубокомысліемъ тона.

Когда онъ уѣхалъ, въ городѣ осталось нѣсколько таинственно розданныхъ и довольно невинныхъ украинскихъ брошюръ, а въ моей душѣ—двойственное ощущеніе. Мнѣ казалось, что Піотровскій малый пустой и надутый ненужною важностью. Но это таилось гдѣ-то въ глубинѣ моего сознанія и робѣло пробиться наружу, гдѣ все-таки царило наивное благоговѣніе: такой важный, въ очкахъ и съ такимъ опаснымъ порученіемъ...

Наконецъ, наступила счастливая минута, когда и я покидалъ тихій городокъ, оставшійся за мной позади въ своей лощинѣ. А передо мной разстилалась далекая лента шоссе, и на горизонтѣ клубились неясныя очертанія: полосы лѣсовъ, новыя дороги, дальніе города, невѣдомая, новая жизнь...

Вл. Короленко.

---

* * *

Близъ моря ты зарытъ... Угрюмый крестъ
Не осѣнилъ твоей могилы:
Морская даль, песокъ... На всемъ окрестъ
Печать величія и силы,
И красоты... Краснѣя на волнахъ,
Здѣсь утра свѣтъ горитъ чудеснѣй,
И валъ морской кропитъ твой чистый прахъ
Съ глубокой, неземною пѣсней.

Здѣсь ночью мгла вся дышитъ и живетъ:
Туманъ клубится серебристый,
На волны сѣть алмазную кладетъ
Свѣтилъ далекихъ блескъ лучистый.
И звѣздный блескъ, и неба глубина,
И волнъ прерывистые шумы —
Волшебно все; вся ночь облечена
Святою тайной вѣчной думы...

О чемъ она?.. О жизни, о судьбѣ,
О смерти, съ жизнью слитой странно,
И о любви безсмертной, — о тебѣ,
Мой мальчикъ, спящій бездыханно?
Блистаютъ звѣзды радостнымъ огнемъ,
И волнъ глубокое роптанье
Дрожитъ, звенитъ на берегу пустомъ,
Какъ материнское рыданье...

Когда же море, страшно потемнѣвъ,
Шумитъ, скликая злыя грозы, —
Какой въ тѣхъ кликахъ страстный, чудный гнѣвъ!
Какая скорбь! Какія слезы!

А ты лежишь, такъ страшно глухъ и нѣмъ...
Ты не услышишь той порою,
Какой могучій, грозный реквіэмъ,
Гремя, трепещетъ надъ тобою!..

Иль въ смерти — жизнь другая? И дойдетъ
Къ тебѣ, въ безмолвный сумракъ гроба,
Съ мятежнымъ громомъ гнѣвныхъ этихъ водъ
Моя тоскующая злоба,
И боль, и зовъ?.. И слышишь ты, сквозь сонъ,
Въ тревожномъ крикѣ чайки бѣлой
Подавленный, полубезумный стонъ
Моей любви осиротѣлой?..

Е. С.

въ любви Элье, сердилась и становилась разсѣянной ученицей. Онъ эту нервность приписывалъ скукѣ, считалъ первыми сиптомами усталости легкомысленной женской головки. И ему становилось страшно при мысли, что тонкая нить, соединяющая ихъ, готова порваться.

Прошелъ мартъ и апрѣль: — недоразумѣніе все росло. Иногда Ева не появлялась по цѣлымъ недѣлямъ. Разъ вечеромъ, сидя на склонѣ бульвара Монмартръ, Элье слѣдилъ взоромъ за непрерывной цѣпью гуляющихъ и прохожихъ, какъ всегда погруженный въ думы о всеобщемъ счастьи людей, о новыхъ силахъ красоты и истины. Но несмолкаемый гулъ и шумъ разношерстной толпы не давалъ его мысли сосредоточиться, и незамѣтно онъ перешелъ къ воспоминаніямъ объ Евѣ. Нетерпѣливая жажда любви, реальнаго счастья жизни заставила его съ сожалѣніемъ оглянуться на безплодно прожитые мѣсяцы. Онъ подумалъ, что, быть можетъ, и она страдала отъ долгаго ожиданія, и упрекъ совѣсти кольнулъ его сердце.

— Поговорю!—внезапно рѣшилъ онъ про себя.

Но когда? Онъ съ увѣренностью обѣщалъ себѣ сдѣлать это въ теченіе недѣли, но, какъ только принялъ это рѣшеніе, всѣ его страхи воскресли, и онъ почувствовалъ себя неспособнымъ на рѣшительный шагъ. Его тридцать лѣтъ показались ему старостью, серьезность — уродствомъ, и все существо—лишеннымъ всякой привлекательности. Съ отчаянія, онъ ухватился за внѣшнія причины. Ева такъ любитъ его дѣтей! Ради нихъ, можетъ быть, она благосклонно приметъ любовь ихъ отца. Однако, эта надежда возмутила его, такою цѣною онъ не хочетъ купить союзъ. Нѣтъ, отраженной любви не надо: или непосредственное чувство, или— ничего.

Широко шагая, онъ направился къ дому и дошелъ до улицы Орденеръ, совершенно безлюдной въ этотъ поздній часъ. Гдѣ-то часы пробили полночь.

— Полночь! Еще одинъ день прожитъ!.. Жизнь безпощадно проходитъ день за днемъ!.. Ахъ, хоть бы крупицу счастья!

Улица Шампіонэ была погружена въ сонъ. По пустынному тротуару звонко стучали каблуки Элье. Наконецъ, онъ позвонилъ у своихъ воротъ и, проходя по темному коридору къ двери своей квартиры, проговорилъ про себя:

— Въ концѣ недѣли!

V.

Въ этотъ день Элье встрѣтилъ Еву вблизи маленькой станціи Орнано. Одинъ и тотъ же инстинктъ, опьянѣніе весеннимъ воздухомъ и скука толкнули ихъ на воздухъ, и они, блѣдные, влюбленно взглянули другъ на друга.

— Вы не работаете?—спросилъ Элье.

— Нѣтъ, не тянетъ сегодня къ работѣ.

Когда они дошли до перекрестка, Ева въ нерѣшительности остановилась.

— Пойдемте дальше!—нервно предложилъ Элье.

Они пошли вмѣстѣ. Настроенный на приключенія, Элье рѣшилъ увести Еву какъ можно дальше, къ маяку на островѣ Сенъ-Дени. Тамъ удобнѣе будетъ говорить, чѣмъ въ Парижѣ; отдаленность, открытое пространство, зелень,—все поможетъ ему. Она смутно догадывалась о намѣреніи, характерномъ для ея спутника, и, чтобы испытать его, снова сдѣлала видъ, что не рѣшается идти дальше, когда они очутились на берегу Сены.

— У васъ есть свободное время?—спросилъ онъ съ тревогой.

— Да,—отвѣтила она тономъ покорности.

Мрачныя фабрики спускали смолистые потоки въ рѣку; цѣлыя флотиліи пробокъ и отбросовъ вмѣстѣ съ пѣной неслись по теченію, а грязныя лодки стояли неподвижно на якоряхъ. Молодые люди перешли мостъ и очутились на островѣ. Первые домики казались очень миловидными среди яркой зелени, но дальше, вглубь, они переходили въ изъѣденныя червями лачуги, въ ужасные деревянные шалаши, въ обломки странствующихъ колымагъ. Но вотъ открылось красивое пустое пространство: поля, тополи и ивы.—Ева вдругъ вспомнила, что отецъ останется сегодня безъ супа на ужинъ. Но, покорившись, а главное—стремясь къ развязкѣ, она шла за Элье и съ виду спокойно бесѣдовала съ нимъ.

— Отдохнемъ немного!—предложилъ Элье.

Они присѣли на толстый сукъ ивы, но вскорѣ Элье растянулся во весь ростъ на травѣ. Ева съ любопытствомъ слѣдила за гребцомъ, скользившимъ въ маленькомъ яликѣ по спокойной рѣкѣ.

Элье лежалъ на землѣ, перебиралъ былинки, отдавшись обаянію теплоты и ясности вечера. Солнце было точно окутано прозрачной тафтой, а линія холмовъ, прерываемая небольшими кучками тополей, представляла рѣзкую параболу на горизонтѣ.

Желаніе счастья еще сильнѣе вспыхнуло въ груди Элье. Руки горѣли, кровь точно бурлила въ жилахъ. Онъ приподнялся на локти. Ева по-прежнему сидѣла на бревнѣ и смотрѣла вслѣдъ исчезавшему вдали ялику. Онъ видѣлъ только часть ея лица, чистый оваль ея щеки, шею подъ яркимъ плюшемъ галстуха и трепетавшія рѣсницы. Вдругъ она вздрогнула, обернулась, и глаза ихъ встрѣтились. Почему-то ему стало страшно. Она встала, платье ея зашелестило по травѣ, и онъ увидѣлъ, что она приближается къ нему.

— Итакъ,—сказала она,—вы счастливы?

— Очень счастливъ!—отвѣчалъ онъ.

Онъ упивался ею, а она неподвижно стояла передъ нимъ во весь свой ростъ. Онъ опустилъ глаза, сдунулъ муравья съ рукава сюртука и вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ, о своихъ работахъ. Вдругъ онъ почувствовалъ что-то тревожное: платье Евы скользнуло по его рукѣ.

— Я не могу быть счастливой!—произнесла она.

— Не можете? Почему?

— На свѣтѣ много несправедливости!

Онъ поднялъ голову, и оба—онъ снизу, она сверху—долго, пристально смотрѣли другъ на друга. Имъ стало не по себѣ.

— Ну, вотъ!..—сказалъ онъ:—надо хотѣть быть счастливымъ время отъ времени... Если бы мы всѣ предавались горю, то передушили бы другъ друга...

Платье плотнѣе прижалось къ Элье, и онъ пожалъ плечами, находя нелѣпой гражданскую скорбь Евы передъ такой красотой природы.

— Когда же, наконецъ, Ева, вы поймете, что природа не обращаетъ никакого вниманія на ваши желанія? И пройдутъ еще сотни тысячъ лѣтъ, прежде чѣмъ мечи перекуются въ орала.

Онъ смотрѣлъ на нее нѣжно, лѣниво и томно, а она, покраснѣвъ, смутилась, догадываясь о страсти, возбужденной въ немъ. Опьяненный, онъ нашелъ, что, стоя, она слишкомъ подавляетъ его, загораживая своей красотой даже небесный сводъ, и съ нетерпѣніемъ воскликнулъ:

— Садитесь, Ева!

Она послушно сѣла, довольная его повелительнымъ тономъ. Молча смотрѣли они на рѣку, гдѣ сверху показался тяжелый паромъ безъ парусовъ и палубы, управляемый однимъ только краснымъ рулемъ.

— Я спрашиваю себя, что вы такое?—вдругъ прошептала она.

— Я тоже себя спрашиваю объ этомъ!—отвѣчалъ онъ.

— Прежде... Когда я васъ видѣла только по нѣскольку

минутъ... на собраніяхъ... съ моимъ отцомъ... я думала, что у васъ нѣтъ сердца.

— А теперь?

— О, теперь!—отвѣтила она рѣзко.—Вы лучшій изъ людей... но въ васъ мало естественности! Вы изъ другого тѣста, чѣмъ другіе!..

Она говорила рѣзкимъ тономъ. Онъ чувствовалъ, что она ворчитъ отъ злости и этимъ подстрекаетъ его. Онъ разсѣянно анализировалъ и просѣивалъ ея слова и вновь возвращался къ неувѣренности, къ робкимъ сомнѣніямъ, къ наивному страху. Что дѣлать? Безсознательныя нравственныя силы удерживали его. Тутъ были гордость, застѣнчивость, страхъ передъ разочарованіемъ и ужасъ передъ трусостью. Что же въ концѣ концовъ? Онъ можетъ высказать только чувство благородное и искреннее. Можетъ ли она, не желая казаться смѣшной, обидѣться отъ признанія въ любви, разъ она согласилась послѣдовать за нимъ въ этотъ уголокъ природы. Правда, ихъ отношенія учителя къ ученицѣ допускали извѣстную близость и обязывали къ учтивой сдержанности... Пусть такъ, но надо же кончить, наконецъ, и вчера еще онъ обѣщалъ себѣ это. Учитель или нѣтъ, онъ молодъ, здоровъ и достоинъ женщины. Въ такомъ случаѣ? О! какое счастье безъ всякихъ колебаній упасть на колѣни, стать смиреннымъ и умоляющимъ. И онъ пожалѣлъ, что не захватилъ бутылки шампанскаго... Онъ выпилъ бы ее всю сразу, сдѣлался бы глупымъ и нахальнымъ, прогналъ бы всѣ страхи и сталъ бы нашептывать дерзко-любовныя фразы... Какъ грустно, что, въ сущности, ни наука, ни привычки не лишаютъ человѣка дѣтской робости; юношескій страхъ вновь охватываетъ мужчину въ минуты любви съ прежней нервностью и непреодолимостью! О, раціоналистъ, какой ты большой дуракъ!

На западѣ показалось желтое облако и на минуту привлекло къ себѣ вниманіе Элье. Затѣмъ опять началась внутренняя борьба, тревога, почти религіозный страхъ передъ признаніемъ,—и вдругъ приливъ рѣшимости, все возраставшей, завершился однимъ тихо произнесеннымъ словомъ:

— Скоро!

Лучи свѣта переливались на платьѣ Евы, и тѣни ложились только въ его складки. Волосы, то блестящіе, то вьющіеся, выбивались изъ-подъ шляпы, и отъ ея шеи, отъ нѣжнаго подбородка, отъ красныхъ губъ вѣяло чѣмъ-то безконечно очаровательнымъ и свѣжимъ. Въ уныніи, Элье опустилъ голову съ глубокимъ и тяжелымъ вздохомъ.

— Итакъ?—сказала она.

— Итакъ?

— Вы вздохнули.

— Чего же вы хотите? Погода такъ прекрасна... мнѣ было хорошо, а теперь грустно.

— Почему?

— Мнѣ такъ хотѣлось жить въ тѣ минуты!

— А сейчасъ умираете?

— Вы нагоняете на меня грусть!

Она пристально взглянула на него, онъ отвернулся, и пріятный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ отринулъ всѣ земныя радости, внѣ присутствія Евы, и напрасно старался представить себѣ какое-нибудь желаніе, не направленное къ ней.

— Какъ называется этотъ жучокъ?—спросила Ева, указывая на ползавшее въ травѣ насѣкомое.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, приблизившись къ нему на колѣняхъ.

Очутившись противъ Евы, почти касаясь ея, онъ, блѣдный, съ умышленной предосторожностью положилъ руку на складки ея шерстяного платья. Ощущеніе было захватывающее, ему казалось, что онъ совершаетъ святотатство.

Она была смущена и коротко дышала, полуоткрывъ губы. Онъ хотѣлъ наклониться, чтобы ближе разсмотрѣть насѣкомое, но рука у него соскользнула, и онъ почти упалъ на колѣни Евы.

Съ минуту онъ не въ силахъ былъ двинуться, очарованный прикосновеніемъ къ ней подъ нахлынувшей волною страсти. Она стала блѣднѣе облаковъ, блуждавшихъ по прозрачному небу. Онъ крѣпко сжалъ свои горячія губы, но ощущеніе было такъ остро, что ему казалось, будто онъ растворяется въ этомъ прикосновеніи, и сердце готово выскочить изъ груди. Изъ чувства застѣнчивости, Ева медленно отстранила его. Онъ же подумалъ, что она отталкиваетъ его и, подавленный горькимъ чувствомъ, поднялъ голову.

— Что такое?—спросила она.

— У меня подвернулась рука...

— А!

Въ ея взорѣ блеснули обида и негодованіе. Въ душѣ росла злоба. Она отвернулась, пожавъ плечами.

— Ну!..—произнесла она съ презрѣніемъ и встала.

— Куда вы?—спросилъ онъ застѣнчиво.

— Куда хочу!

— Отлично!—отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ и овладѣвъ собой.

Она стала медленно удаляться. Шелестъ ея платья, волочившагося по травѣ, юная грація, весь ея образъ напол-

нилъ его сердце непонятной тоскою. Онъ, казалось, хотѣлъ послѣдовать за ней, но вновь упалъ въ траву, лицомъ къ землѣ, съ чувствомъ все растущей боли въ душѣ.

Она, между тѣмъ, перешла лугъ и два или три раза оборачивалась посмотрѣть, не идетъ ли онъ за нею. Но онъ не двигался. Она оборвала весь тюль, украшавшій ея корсажъ... Весна, ясный горизонтъ показались ей страшно безобразными, холодными, мертвыми, какъ склепъ.

Маленькая гавань дѣлала поворотъ, и въ этомъ углу, поросшемъ кустарникомъ и водяными лиліями, водяные пауки скользили по зеркальной поверхности воды, а одинокая желтенькая рыбка плавала въ хрустальной глубинѣ, выставляя то свои блестящія чешуйки, то темный раздвоенный хвостикъ.

Ева сѣла въ этомъ углу и погрузилась въ свои мрачныя думы. Что за человѣкъ этотъ Элье? Такой неуклюжій, добрый, но безъ энтузіазма, безъ страсти.

— Какъ глупо любить такого человѣка!

Но вдругъ сердце ея смягчилось, и, подъ вліяніемъ глубокой грусти, слезы брызнули изъ глазъ. Всякое презрѣніе исчезло. Она видѣла его восточную медлительность, серьезность, рѣзкія, но благородныя черты, здоровое тѣло и слышала его глубокій, искренній и добрый голосъ оптимиста. Теперь даже его небрежная, качающаяся походка казалась ей полной очарованія, что-то было въ немъ невыразимо притягательное, что проникало ей въ сердце.

— Какой онъ красивый...

Она сложила руки, губы изобразили поцѣлуй, и она представила себѣ, что прижимаетъ къ своей груди широкую грудь Элье. Солнце садилось, окрашивая все желтымъ свѣтомъ; тѣни удлиннялись на вновь ожившей весенней землѣ, и Ева грустно запѣла:

Dansons la Carmagnole,
Vive le son, vive le son!
Dansons la Carmagnole,
Vive le son du canon!

Она перебирала свою прошлую жизнь, посвященную безчисленнымъ революціоннымъ надеждамъ. Она думала объ этомъ еще въ бесѣдѣ съ Элье. Ахъ! какъ скучна жизнь! Безсмысленная машина, портящаяся съ утра до вечера... не дѣйствующая правильно два дня подъ рядъ!

Jules Ferry avait promis
De faire egorger tout Paris!

Во время одной прогулки въ Буживалѣ она какъ-то потеряла изъ виду отца при входѣ въ лѣсъ. Встревоженная,

она стала его искать и по дорогѣ встрѣтила молодого человѣка, худощаваго, красиваго, съ острыми глазами, настоящаго аристократика, еще неиспорченнаго жизнью. Онъ почтительно заговорилъ съ нею, и хотя она на все отрицательно качала головой, у нея не хватило мужества разсердиться, что поощрило его слегка прикоснуться къ ней. Отъ него хорошо пахло, онъ говорилъ очень вѣжливымъ тономъ. Подъ вѣтвями развѣсистаго дерева, онъ привлекъ ее къ себѣ и прикоснулся губами къ ея волосамъ, и хотя она оттолкнула его, но ощущеніе поцѣлуя было очень пріятно... Появленіе отца заставило аристократика скрыться.

И теперь, чтобы отомстить Элье, она думала объ этомъ юношѣ и сравнивала его съ Элье.

— Онъ былъ созданъ для любви... такой хорошенькій!

Она сорвала маленькій листикъ ивы и безсознательно поворачивала его то на серебристую, то на зеленую сторону. Вдругъ, съ тихимъ стономъ отчаянія, она впилась въ него зубами. Ей стало невыносимо тяжело не видѣть Элье, предпочитаемаго всѣмъ на свѣтѣ.

Желтый свѣтъ заката еще не угасъ, но рѣка покрылась уже широкими тѣнями отъ острововъ, косые лучи солнца, менѣе яркіе и слабые, не переливались уже въ голубомъ небѣ. Въ глубокой тишинѣ рѣяли водяныя птицы и бѣлогрудыя ласточки.

Элье всталъ съ травы недовольный и мрачный; онъ протянулъ руки къ огромному спускавшемуся солнцу.

— Гдѣ же она, однако?

Онъ пустился на поиски. Его мягкіе шаги замедлялись густой травой, проходили минуты нерѣшительности, и нервность его все возрастала. Солнце склонилось еще ниже, и на рѣкѣ отразились блѣдными блестками его косые лучи. Уже на лугахъ и холмахъ поднимался легкій молочный туманъ, а въ ближней деревнѣ покрылись росою всѣ выступы домовъ. Тонкія очертанія фабричныхъ трубъ вдали походили на башенки колокольни.

— Гдѣ же она?

Наконецъ, онъ увидѣлъ ее. Она показалась среди прибрежныхъ ивъ залива, гдѣ тихо бродила по берегу. Онъ направился къ ней. Его медлительность исчезла; онъ готовъ былъ на приступъ, заранѣе мирился съ пораженіемъ, протестуя всѣмъ своимъ существомъ противъ прозябанія послѣднихъ мѣсяцевъ, безъ мысли, безъ движенія сердца, и быстро шелъ впередъ, шумно шурша травой. Вскорѣ онъ былъ возлѣ Евы. Оба остановились.

Вечерній часъ былъ необыкновенно красивъ. На блѣдно-зеленоватомъ небѣ, въ видѣ легкаго пара, неслись облака,

направляясь къ заходящему солнцу, а кудрявыя деревья и невысокая трава чередовались со свѣжими злаками, забытыми на берегу рѣки. Прошли шесть быковъ, наполовину освѣщенные солнцемъ, бросая впередъ свои огромныя тѣни. Погонщикъ покрикивалъ на нихъ, подымая огромную суковатую дубину. Вскорѣ солнце опустилось еще ниже, и наступили яркія, очаровательныя сумерки.

— Послушайте!—сказалъ Элье.

— Ну?

Ева гордо остановилась; окутанная сумерками, она казалась еще привлекательнѣе. Онъ подумалъ, что одно слово можетъ или покорить ее, или оттолкнуть отъ него навсегда.

— Ева... уже долгіе мѣсяцы... я очень долго сопротивлялся... я не думалъ, что имѣю право!.. Мнѣ казалось глупостью съ моей стороны по отношенію къ вамъ... такой юной... тогда какъ мнѣ больше тридцати лѣтъ, и у меня трое дѣтей...

Блѣдная и удивленная, на фонѣ розоваго заката, она стояла передъ нимъ въ видѣ сѣраго граціознаго силуэта, съ трогательной нерѣшительностью въ лицѣ и во взорѣ; а онъ, освѣщаемый послѣдними отблесками умирающей зари, точно расплывался съ радужнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Но чувство сильнѣе меня,—продолжалъ онъ суровымъ тономъ,—и я долженъ покориться ему... рискуя разсердить васъ, Ева.

Наступила полная тишина. Воробьи дремали въ своихъ качающихся гнѣздахъ, летучія мыши гонялись за бабочками. Онъ придвинулся къ ней. Она дрожала въ смертельномъ страхѣ, боясь, что послѣднее слово будетъ не то, котораго она ждетъ.

— Хотите вы быть моею, Ева?

Она взглянула на него своими потемнѣвшими глазами и вдругъ вся ослабѣла.

— Развѣ вы меня любите?—спросила она.

Она сомнѣвалась, страдала и стояла неподвижно.

— Ева!—вскричалъ онъ.

Безмолвно, вся дрожа, она прильнула къ нему всѣмъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ.

— Развѣ ты любишь меня?—прошепталъ онъ.

— О, такъ давно!.. Такъ давно!..

Всюду на засыпавшей землѣ, на журчавшей рѣкѣ царилъ покой; горизонтъ потемнѣлъ, а въ зенитѣ—Волопасъ, Вѣнецъ и Геркулесъ выставили уже свои мерцавшія укрѣпленія. И Ева вспомнила другой вечеръ на вершинѣ холма, когда Элье поочередно называлъ ей имена звѣздъ.

— Арктуръ!—прошептала она.

Элье нѣжно приподнялъ ея лицо, и губы его слились съ ея устами. Она возвратила ему поцѣлуй неловко, съ дрожью отъ безмѣрнаго счастья, глубокой и гордой радости, что она, наконецъ, стала его женой.

VI.

Въ одинъ іюньскій вечеръ, послѣ дождя, Леклидъ и Жамбрезье шли по долинѣ Монружа, вдоль дороги въ Банье. Они разговаривали вполголоса, точно остерегаясь чего-то, и вдругъ останавливались въ неосновательномъ страхѣ.

— Ты увѣренъ, что полицейскіе не видѣли?..—спросилъ Жамбрезье.

— Увѣренъ, я даже остановился... они всѣ были заняты телѣгой... можно быть спокойнымъ! Дай мнѣ машину, ты, навѣрно, усталъ.

— Не особенно... вотъ возьми... осторожно... Держишь?

— Держу!

Леклидъ съ большой осторожностью взялъ свертокъ, переданный ему Жамбрезье, и нѣсколько времени они шли молча. Дома были здѣсь рѣдки и въ поляхъ царилъ знойный покой. Позади, надъ Парижемъ небо было красно, точно тамъ рдѣло сѣверное сіяніе.

— Ты знаешь, гдѣ мы?—спросилъ Леклидъ.

— Да, еще пять минутъ,—отвѣчалъ Жамбрезье.

Еще мрачнѣе продолжали они путь, охваченные подозрительностью ко всему. Они миновали какой-то постоялый дворъ, откуда на нихъ бросилась злая собака.

— Это, должно быть, онъ!—прошепталъ Жамбрезье.

Кто-то шелъ имъ навстрѣчу. Они узнали Буина.

— Мы будемъ, какъ дома!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Намъ, точно, все подготовили... есть даже крюкъ... перекладина и лебедка... Но не будемъ терять времени... надо идти полями.

Еще болѣе взволнованные, всѣ трое направились черезъ поле. Ихъ отрывистыя слова звучали въ одно и то же время гордо и трусливо. Дорожки были грязны, отъ травы поднимался сильный запахъ. Леклидъ заявилъ, что онъ усталъ.

— Дай,—сказалъ Буино.—Къ тому же, недалеко!

Они, дѣйствительно, были у цѣли, и проводникъ вскорѣ остановился. Онъ указалъ пальцемъ въ темноту, гдѣ виднѣлась широкая площадка, и на ней въ огромномъ количествѣ громадные однообразные камни, похожіе не то на друидическіе жертвенники, не то на грубо построенную крѣпость съ неправильно вырѣзанными, безчисленными зубцами; въ

глубинѣ—лебедка съ висѣвшей цѣпью,—страшная картина, напоминавшая висѣлицу.

Всѣ трое взобрались на площадку, среди каменныхъ глыбъ, и тутъ близость попытки нѣсколько минутъ держала ихъ въ сосредоточенномъ молчаніи.

Впечатлительный Леклидъ почувствовалъ, что въ его сознаніи воскресаютъ прежнія фантазіи, давно уже погребенныя въ событіяхъ прожитой жизни и среди соціальныхъ теорій. Онъ вспомнилъ героевъ прочитанныхъ сказокъ и полныхъ приключеній романовъ.

Въ глухой тьмѣ трое мужчинъ представляли собою различныя по очертанію тѣни, изуродованныя неправильной мѣстностью. Всякая неподвижная фигура изъ камня обманывала анархиста. И онъ останавливался, пристально всматривался въ это дикое мѣсто, медленно оглядывался кругомъ, забывая на время о своемъ дѣлѣ подъ наплывомъ воскресшихъ воспоминаній.

— Любопытно, правда?—замѣтилъ Жамбрезье.

— Да,—отвѣтилъ Леклидъ...—Очень любопытно.

Буина, тяжело покачиваясь, сказалъ:

— Вотъ гнѣздо, гдѣ мы можемъ помѣстить нашу птицу!

И между двумя самыми большими камнями онъ указалъ на узкій проходъ. Въ то же время Леклидъ открылъ маленькій потайной фонарь и освѣтилъ мѣсто.

— Здѣсь?—спросилъ Жамбрезье.

Всѣ трое гуськомъ вошли въ галлерею. Когда они дошли до конца, Леклидъ, склонившись къ Буина, сталъ внимательно вслушиваться въ его объясненія. Тутъ были двѣ прислоненныя другъ къ другу глыбы въ видѣ двуграннаго угла съ очень острыми гранями. Другіе камни, лежавшіе вокругъ, одни поддерживали ихъ, другіе возвышались надъ ними очень высокой массой. На одной изъ глыбъ свободно лежалъ камень кубической формы, и подъ нимъ Буина показалъ углубленіе.

— Видите, вотъ какъ разъ то, что нужно, чтобы установить машину!..

— Дай,—сказалъ Жамбрезье,—я приготовлю.

И съ торжественнымъ видомъ священнослужителя, съ вдохновеніемъ въ подвижныхъ глазахъ, Жамбрезье поставилъ свою ношу на камень и осторожно сталъ развертывать ее. Двое другихъ, склонившись къ нему, со страхомъ слѣдили за его движеніями.

— Вотъ она!—сказалъ Жамбрезье.

Это былъ маленькій четырехугольный деревянный ящикъ, запертый на замокъ. Отверстіе для ключа находилось на крышкѣ. Маленькій коробокъ казался имъ чѣмъ-то необык-

новеннымъ, средоточіемъ какой-то таинственной силы, предназначенной укротить весь міръ. Леклидъ и Жамбрезье были въ особенности взволнованы и возбуждены, какъ изобрѣтатели, испытывали ощущеніе важности момента, достопамятнаго событія въ исторіи міра, и были полны почтенія къ самимъ себѣ. А въ глубинѣ души все это смѣшивалось съ чувствомъ ужаса, съ непобѣдимымъ инстинктивнымъ сознаніемъ преступности, со смутной грустью, съ едва уловимыми упреками совѣсти. Проводникъ, менѣе развитой, весь находился подъ вліяніемъ обоихъ изобрѣтателей и былъ въ полномъ восторгѣ, въ восторгѣ передъ тайной и великимъ дѣломъ и видѣлъ міръ поклоняющимся культу равенства.

— Такъ я установлю ящикъ?—спросилъ Жамбрезье.

— Прежде всего,—отвѣчалъ Леклидъ,—надо приготовить что нибудь, чѣмъ заложить отверстіе!..

— Это не необходимо, — замѣтилъ Буина,—все равно взорветъ.

— Надо развить наибольшую силу!—отвѣтилъ Леклидъ.

— Но вѣдь это для пробы!

— Ну, такъ что-жъ? Надо все обставить какъ можно лучше. Рискъ слишкомъ великъ и стоитъ того, чтобы опытъ былъ произведенъ возможно тщательнѣе!

Буина сдался, и всѣ трое принялись подкатывать камни къ отверстію пещеры.

— Готово!—сказалъ Жамбрезье.—Осторожно... я завожу... Слышите, пошло! Черезъ часъ съ четвертью лопнетъ!

— Часъ съ четвертью... Ты въ этомъ увѣренъ?—спросилъ Буина...

— Да ты же видѣлъ самъ въ прошлый разъ... Ну, я кладу!..

— Да,—подтвердилъ Леклидъ.

Онъ мечталъ, вполнѣ сознательно, о грандіозныхъ предпріятіяхъ, видѣлъ себя господиномъ міра, великимъ разрушителемъ его. Медленно развертывались въ его мозгу картины драмы: колоссальныя каменныя зданія рушатся въ Парижѣ; ужасъ, трусость, капитуляція буржуазіи, безсиліе полиціи и войскъ, неуловимая хитрость заговорщиковъ и, наконецъ, торжество народа, побѣдные клики толпы, и онъ, Леклидъ, выше всѣхъ, великій герой, любимый и обожаемый, съ сожалѣніемъ смотритъ на своихъ враговъ и холодно отталкиваетъ любовь Евы.

Жамбрезье вслухъ высказалъ тайныя размышленія Леклида.

— Подумай-ка, Леклидъ, когда всѣ ихъ сооруженія взлетятъ кверху такъ же, какъ сейчасъ эти камни!.. То-то

у нихъ сдѣлается разстройство желудка!.. Придется повѣрить, что весь міръ состоитъ изъ однихъ трусовъ, если не найдутся подражатели намъ!.. И вотъ, если бы набралось тысяча или двѣ человѣкъ, готовыхъ обречь себя смерти... съ подобными снарядами... не прошло бы и полугода, какъ воцарилась бы анархія!..

Леклидъ попрежнему упорно размышлялъ передъ миной, и слава его все росла, увеличивался великій апоѳеозъ праведника, свободно признаннаго толпой, праведника, ничего не требующаго, оставляющаго каждаго быть судьею своихъ собственныхъ поступковъ, но чьи совѣты, принимаемые съ восторгомъ, приближаютъ обѣтованную землю анархизма.

Между тѣмъ, Буина и Жамбрезье подкатили огромную глыбу къ отверстію. Непонятыя въ первую минуту слова Жамбрезье страннымъ образомъ вдругъ припомнились теперь Леклиду.

— И подражатели, и мужество—все найдется... но раньше надо совершить нѣчто такое, что взволновало бы весь міръ. Тогда за нами пойдутъ!.. Въ низахъ общество прогнило насквозь... Но до тѣхъ поръ, пока не поданъ знакъ, знакъ настоящій, до тѣхъ поръ... ничто не перевернетъ буржуевъ... до тѣхъ поръ ничто не двинется. Если намъ удастся свалить Банкъ или палату депутатовъ... Я думаю, удастся!

— Я тоже думаю!—прошепталъ Жамбрезье.

У нихъ была эта вѣра въ минуту душевнаго подъема, подъ вліяніемъ уединенной мѣстности, таинственнаго мрака при неровномъ свѣтѣ потайного фонаря, тяжелаго молчанія каменныхъ глыбъ. И проводникъ, менѣе воспріимчивый, нежели они, раздѣлялъ ихъ вѣру, поочередно глядя на нихъ обоихъ съ восторгомъ и теребя свою бороду грязной рукой. Между тѣмъ, отвѣчая на болѣе сложную мысль, возвращаясь къ критическому анализу, Леклидъ проговорилъ:

— Однимъ только выстрѣломъ изъ револьвера въ 48 году одинъ человѣкъ... Безъ пушекъ съ вершинъ Монмартра развѣ можно было бы получить Коммуну?.. Не надо такъ много, какъ думаютъ, чтобы разбудить народъ!..

И они снова замолчали, сосредоточившись на своей надеждѣ, на своихъ одностороннихъ мысляхъ. Леклидъ облокотился на перегородку, и его прямой профиль, съ торжественнымъ выраженіемъ, рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ, а двое другихъ погружены были въ болѣе отвлеченныя мысли, подъ вліяніемъ страха и вмѣстѣ съ тѣмъ и удовольствія, доставляемаго неиспорченнымъ людямъ мыслью о великихъ приключеніяхъ, о неизвѣстныхъ земляхъ.

Буина, менѣе склонный къ продолжительному отвлеченію отъ дѣйствительности, сказалъ, наконецъ:

— Все приготовлено, правда?.. Если хотите, выйдемъ отсюда.

— Идешь?—спросилъ Жамбрезье у Леклида.

— Иди, иди, я приду сейчасъ!

Леклидъ взялъ фонарь и въ то время, какъ товарищи его выходили изъ галлереи, настойчиво, желая еще разъ отдать себѣ отчетъ во всемъ предпріятіи, вновь осмотрѣлъ мѣсто. Сердце его сильно билось. Руки дрожали. Онъ спрашивалъ себя: неужели это онъ, Леклидъ, творецъ страшнаго заговора, и сегодня, въ эту минуту, онъ дѣлаетъ предварительное испытаніе своего будущаго плана?

— Чего-жъ ты не идешь? —прокричалъ Жамбрезье у входа.

— Не бойся!.. Иду... ступай, жди меня... я тутъ еще коечто осматриваю!

Его обезпокоилъ промежутокъ между гранями угла и, желая, чтобы опытъ вполнѣ удался, онъ подумалъ, нельзя ли заткнуть и это отверстіе?

— Это трудно!—пробормоталъ онъ.

Его охватилъ ужасъ при мысли, что случайно снарядъ можетъ разбиться и уничтожить взрывомъ его самого. И онъ видѣлъ *себя*, Леклида, разорваннымъ въ клочки, съ разбрызганнымъ мозгомъ, въ отвратительной лужѣ крови... Пустяки! Этого не будетъ!.. Его судьба казалась ему слишкомъ высокой, его роль слишкомъ важной въ экономіи человѣчества для такого ничтожнаго конца...

— Надо, однако, заткнуть отверстіе!—подумалъ онъ, вернувшись къ первоначальной мысли.

Возбужденный, онъ вышелъ за небольшимъ бревномъ, лежавшимъ у входа въ галлерею. Онъ подвелъ его подъ каменный кубъ, лежавшій на наклоненной глыбѣ, и надавилъ на бревно. Кубъ медленно сдвинулся, а большой камень подъ нимъ неожиданно зашатался. Съ крикомъ и съ страшной увѣренностью въ катастрофѣ, Леклидъ въ ужасѣ отскочилъ, но вдругъ оглушительный взрывъ поднялъ его на воздухъ и выбросилъ въ пространство. Его *я* исчезло во мракѣ безсознательнаго.

Снаружи сильное колебаніе воздуха опрокинуло Буина и Жамбрезье.

Въ черной долинѣ наступила мертвая тишина.

Оглушенный Буина всталъ и ощупалъ себя.

— Переломовъ нѣтъ!.. Эй, Франсуа, гдѣ ты?

— Здѣсь!

— Ты раненъ?

— Не знаю.

Силуэтъ Жамбрезье, смутный и неопредѣленный, приподнялся, также ощупывая себя.

— Кажется, у меня пустая царапина на плечѣ.

— Пошевели рукой, попробуй!

— Вотъ... ничего... все цѣло!.. А гдѣ Леклидъ?

— Онъ убитъ, — сказалъ Буина... — Это такъ же вѣрно, какъ теперь ночь и звѣзды на небѣ... Онъ, навѣрно, разорванъ на кусочки...

Вдали послышался лай собакъ и крики людей, выскочившихъ изъ своихъ домовъ.

— Опасно оставаться здѣсь,—сказалъ проводникъ.—Бѣжимъ!

Жамбрезье стоялъ неподвижно, въ раздумьи: глубокая жалость къ товарищу удерживала его.

— А если онъ не умеръ?—прошепталъ онъ.

— Онъ мертвъ, какъ дважды два четыре. Иди! Сейчасъ придутъ люди. Не валяй дурака!..

— Ну, разъ онъ уже умеръ!..—вздохнулъ Жамбрезье.

И онъ грустно послѣдовалъ за Буина, съ раскаяніемъ въ глубинѣ души, и, борясь съ нимъ, прибавилъ:

— Все равно... не могъ же онъ остаться въ живыхъ?

— Повѣрь мнѣ... Никогда больше ты не увидишь его лица.

Между тѣмъ, медленно и слабо къ Леклиду вернулось сознаніе. Сначала онъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета, потомъ удивился и, наконецъ, вмѣстѣ съ появившимися болями началъ стонать. Онъ понялъ, что теперь онъ только обломокъ, лоскутъ человѣческаго тѣла съ оторванными членами, окровавленное и отвратительное животное при послѣднемъ издыханіи, и что жизнь теплыми каплями одна за другой вытекаетъ изъ него въ землю. Въ первую минуту, даже съ широко открытыми глазами, онъ не видѣлъ надъ своей головой звѣзднаго неба. Но медленно нѣкоторые нервы ожили, послѣднія силы сосредоточились въ предсмертной борьбѣ, и своимъ правымъ глазомъ онъ увидѣлъ въ зенитѣ тускло мерцавшую красноватую звѣзду. Она глядѣла на него, безжалостно примѣшиваясь къ его предсмертнымъ мукамъ. Передъ нимъ проходило прошлое, все то хорошее и привлекательное, что онъ пережилъ въ своей жизни. Но воспоминаніе о катастрофѣ, о страшномъ взрывѣ газа и камней прервало эти мысли, и онъ спрашивалъ себя: за что? Развѣ онъ былъ осужденъ? Развѣ таинственныя силы заранѣе соединились вмѣстѣ и сговорились убить его? И ему показалось, что онъ видитъ какого-то духа буржуазіи, врага революціи, подстерегающаго его агонію... Онъ сталъ сомнѣ-

ваться въ справедливости, ему представилось невозможнымъ, чтобы восторжествовала анархія, когда его, Леклида, не будетъ уже въ живыхъ. И онъ въ туманѣ увидѣлъ собранія ораторовъ на трибунѣ и самого себя, произносящаго рѣчь, стоя у самой рампы, склонившись къ внимательной толпѣ. Конецъ? Такъ уйти изъ міра, безъ одного слова, безъ сочувствія отъ кого бы то ни было... исчезнуть въ пространствѣ? И гнѣвъ его въ теченіе нѣсколькихъ минутъ былъ ужасенъ; онъ приподнялъ свою несчастную голову, свое обезображенное туловище. Затѣмъ наступилъ періодъ очаровательнаго спокойствія, точно сонъ спускался на его усталое тѣло, точно что-то окутывало его *я*, проходили какія-то неясныя, точно стертыя, воспоминанія, будто онъ состарился. Онъ уже больше не жаловался, не понималъ ни справедливости, ни несправедливости и умиралъ вмѣстѣ съ каждой каплей вытекавшей крови. Онъ еще жилъ, но дыханіе становилось все короче, біеніе сердца все слабѣе.

Между тѣмъ, во мракѣ ночи подходили люди; надъ долиной неслись звуки рожка... А Леклидъ, съ открытыми глазами, безъ сознанія тихо отходилъ въ вѣчность.

КОНЕЦЪ.

Изъ Хр. Ботева *).

Нѣтъ, не умретъ, кто палъ за свободу!..
Тихою лаской его обвѣютъ
Земля и небо, звѣрь и природа,
Въ пѣсняхъ же имя его возлелѣютъ.
Днемъ надъ нимъ сѣнью рѣетъ орлица,
Волкъ ему лижетъ ласково рану,
Соколъ же бѣлый, вольная птица,
Надъ нимъ, надъ братомъ, держитъ охрану.
Спустится-ль вечеръ, мѣсяцъ зардѣетъ,
Небо обсыпятъ звѣздъ хороводы,
Лѣсъ встрепенется, вѣтеръ повѣетъ,
Горы воскреснутъ пѣсней свободы.
И самодивы, кроткія дѣвы
Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ ласковымъ взглядомъ,
Его окружатъ тихимъ напѣвомъ,
Скользнутъ по травамъ и сядутъ рядомъ.
Одна изъ нихъ раны травой уврачуетъ,
Другая приникнетъ къ его изголовью,
Третья же тихо въ уста поцѣлуетъ,
Павшему въ очи посмотритъ съ любовью...

В. Красновъ.

---

*) Наиболѣе любимый въ Болгаріи поэтъ, убитый турками 20 мая 1876 у вершины Градиште 27 лѣтъ отъ роду. Университетская молодежь постановила чествованіе Ботева сдѣлать общестуденческимъ праздникомъ.

Изъ Англіи.

I.

«Мы ввели спеціальный курсъ *морали*, разсчитанный на двѣнадцать лѣтъ. За это время дѣти и юноши узнаютъ всѣ свои обязанности: знакомятся съ похвальными качествами души и научаются, какіе пороки слѣдуетъ избѣгать. Этотъ курсъ, который казался когда-то столь скучнымъ, что его по возможности избѣгали,—теперь считается самымъ привлекательнымъ, такъ какъ въ него входитъ исторія всѣхъ великихъ добродѣтелей и тяжкихъ преступленій, всѣхъ доблестныхъ героевъ и тяжкихъ грѣшниковъ»,—такъ объясняетъ ученый историкъ Динаросъ путешественнику, посѣтившему *Икарію*.—«Моральнымъ воспитаніемъ населенія заняты также и самые значительные романисты, поэты и драматурги». Семейная жизнь въ Икаріи—«одинъ продолжительный урокъ морали» *).

И вотъ теперь пятнадцать различныхъ странъ Европы, Азіи и Америки, не считая самоуправляющихся британскихъ колоній, пришли къ заключенію, что требуется реформа школы pour faire aimer la morale,—какъ говоритъ Динаросъ. Съ этой цѣлью представители этихъ странъ собрались въ Лондонѣ на первый международный конгрессъ по моральному воспитанію. Одинъ и тотъ же вопросъ занимаетъ Турцію и Мексику, Японію и Германію, Китай и Соединенные Штаты. На конгрессъ собрались независимые педагоги по призванію, всю жизнь свою отдавшіе идеальной школѣ, созданной ими, какъ, напр., Рессель или Бедли, о которыхъ дальше, а также правительственные делегаты, изъ которыхъ нѣкоторых занимаютъ, повидимому, не столько педагогическіе, сколько полицейскіе вопросы **). Тутъ можно было видѣть искателей истины

*) Cabet, Voyage en Icarie, 1845, p. 93.

**) На школьной выставкѣ, устроенной совмѣстно съ конгрессомъ экспонированы были педагогическія картины. Выставлены были также картины изъ польской исторіи и жизни художниковъ Малеревскаго и Гротгера. Судя по объясненію делегатовъ, эти картины являются пособіемъ въ польскихъ школахъ въ Галиціи. И вотъ, всѣ эти картины сразу

и педагоговъ съ типичными лицами «героевъ изъ Чехова». Пріѣхали лица съ мировыми именами, какъ, напрям., Ломброзо, и никому неизвѣстные дѣятели. Свободные мыслители, священники, принадлежащіе къ іезуитскому ордену, англиканскіе священники, баптисты, буддисты, послѣдователи Конфуція, мусульмане — всѣ сошлись вмѣстѣ, чтобы обсудить жгучіе вопросы о воспитаніи подрастающаго поколѣнія. На конгрессѣ поднятъ былъ рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ. Постараюсь познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Прежде всего, при самомъ открытіи конгресса предсѣдатель проф. Садлеръ выставилъ, какъ необходимое условіе, автономность средней школы. О моральномъ воспитаніи можно говорить только тогда, когда у насъ есть school-community, т. е. школа, какъ самоуправляющаяся единица. «Томасъ Арнольдъ изъ Регби, — сказалъ проф. Садлеръ, — показалъ намъ великое значеніе самоуправленія въ школѣ... Идея o school-community завѣщана намъ средними вѣками. Ее слѣдуетъ только обновить духомъ двадцатаго вѣка». Ту же мысль развивалъ профессоръ Колумбовскаго университета въ Нью-Іоркѣ, Феликсъ Адлеръ. Чтобы моральное воспитаніе шло успѣшно, мы должны имѣть не только самоуправляющуюся школу, но и «комитеты учащихся» (committees of the scholars). Вопросъ о самоуправляющейся школѣ, какъ очевидный, не вызвалъ разногласій. За то діаметрально противоположныя мнѣнія высказаны были по вопросу о томъ, какой характеръ должно носить воспитаніе въ школахъ—свѣтскій или религіозный? Во время обсужденія этого вопроса залъ засѣданій и эстрада пестрѣли делегатами-священниками. Одинъ за другимъ они заявляли, что воспитаніе—*ихъ* дѣло, что школа дастъ моральное воспитаніе только тогда, когда во главѣ будетъ стоять священникъ. Свѣтское воспитаніе ведетъ къ моральному одичанію, къ грубому матеріализму, къ развитію примитивнаго эгоизма. Слѣдуетъ сказать, что докладчики-священники спорили, какъ вѣжливые, воспитанные, образованные люди. Они пытались убѣдить аргументами и логикой, а не бранью и взываніемъ къ полиціи. Делегатамъ-священникамъ возражали сторонники исключительно свѣтскаго воспитанія, имѣющіе многолѣтній опытъ. Наиболѣе горячимъ и талантливымъ защитникомъ послѣдняго выступилъ отецъ Майкель Маэръ, іезуитъ, ректоръ старинной знаменитой католической школы Стоунхэрстъ въ Ланкаширѣ. Говоритъ онъ красиво, страстно. Споритъ онъ, какъ джентльмэнъ. «Религіозное воспитаніе, какъ я его понимаю,— сказалъ Маэръ,—съ одной стороны, представляетъ нераздѣльную часть моральнаго воспитанія, тогда какъ съ другой — должно оживлять,

---

были убраны. Въ „Daily News“ отъ 30 сентября 1908 г., на стр. 5, въ статьѣ „Delegates Insulted“ утверждается, что, будто бы, картины убраны по требованію оффиціальнаго русскаго делегата г. Ковалевскаго.

опредѣлять и окрашивать моральное воспитаніе человѣческаго существа, какъ таковаго. Религія является совокупностью истинъ о Богѣ и вѣрованій въ него. Отсюда вытекаетъ рядъ обязанностей по отношенію къ Богу, какъ къ главному объекту. Изъ этихъ вѣрованій и желаній возникаютъ чувства и эмоціи, которыя мы называемъ религіозными. Въ ихъ число входитъ любовь, благодарность, горе, радость, страхъ, надежда, благоговѣніе, почтеніе и аналогичныя формы проявленія совѣсти. Для христіанина можетъ быть только одинъ идеалъ—Христосъ. Ученіе его опредѣляетъ нашъ долгъ. Жизнь Христа изъясняетъ намъ всѣ этическія добродѣтели. Кромѣ того, христіанская религія является величайшимъ моральнымъ факторомъ во всей исторіи человѣчества. Мораль современнаго цивилизованнаго міра рѣзко отличается отъ морали Рима и Греціи. Это, по преимуществу, мораль христіанская. Основные принципы ея и наиболѣе плодотворныя концепціи взяты изъ ученія Христа. Несомнѣнными результатами евангельскаго ученія являются, по мнѣнію Маэра: понятіе о нравственномъ долгѣ и о моральной отвѣтственности, грѣховность насилія надъ чужой совѣстью, равенство людей, братство ихъ, равноправіе женщинъ, единобрачіе, нравственная чистота и многія другія добродѣтели, цѣнимыя теперь въ Европѣ». «При этическомъ воспитаніи молодежи,—говоритъ Маэръ,—необходимо постоянно имѣть въ виду созданіе въ умѣ ея высокаго и облагораживающаго моральнаго идеала. Таковымъ можетъ быть только личность Христа. При моральномъ воспитаніи мы должны развивать въ дѣтяхъ моральные принципы и необходимость придерживаться извѣстныхъ нравственныхъ законовъ. Но дѣти понимаютъ моральные законы только тогда, когда послѣдніе находятся въ гармоніи съ ученіемъ св. писанія, когда правила нравственности являются волей Бога, нашего Творца и Отца». «Я глубоко убѣжденъ,—продолжалъ отецъ Майкель Маэръ,—что только путемъ религіознаго воспитанія можно привить подрастающему поколѣнію моральные принципы, признаваемые теперь базисомъ общественной жизни. Только умъ, получившій соотвѣтственную религіозную подготовку, можетъ воспринять эти принципы. емная жизнь Христа и характеръ его, какъ онъ выясняется въ вангеліи, представляютъ намъ наиболѣе совершенный, возвышенный и понятный юношеству этическій идеалъ» *). Мы видимъ, го рѣчь современнаго іезуита сильно отличается отъ рѣчей его эедшественниковъ XVIII вѣка; но мы находимъ въ ней одинъ зисъ, когда-то выставленный іезуитомъ Ле-Бо въ его «Histoire ı Bas-Empire»: «Христіане имѣли мораль, тогда какъ у язычниковъ ея не было». Вольтеръ, отмѣчая этотъ тезисъ, говоритъ въ оемъ «Философскомъ словарѣ»: «Ахъ, г. Ле-Бо, сочинитель че-

---

*) Papers on Moral Education communicated to the F. I. M. E. Congress ptember 25—29, 1908. P. p. 177—180.

тырнадцати томовъ! Откуда вы почерпнули ваше утвержденіе? Что же въ такомъ случаѣ мораль Сократа, Харонда, Цицерона, Эпиктета, Марка Аврелія? Существуетъ только одна мораль, г. Ле-Бо, какъ существуетъ одна только геометрія. Мнѣ скажутъ, что большинство людей не знаютъ геометріи. Совершенно вѣрно; но какъ только люди знакомятся съ ней хоть немного, то разногласія у нихъ по поводу нея не существуетъ. Земледѣльцы, ремесленники, актеры не прошли курса морали. Они не читали ни *Finibus* Цицерона, ни *Этики* Аристотеля. Однако, едва только они начинають задумываться надъ извѣстными вопросами, какъ становятся, не подозрѣвая этого, учениками Цицерона. Индѣйскіе красильщики, татарскіе пастухи и англійскіе матросы знаютъ, что такое справедливость и несправедливость. Конфуцій не изобрѣлъ системы морали, а нашелъ ее въ сердцахъ всѣхъ людей... Мораль заключается не въ суевѣріяхъ, не въ церемоніяхъ и не имѣетъ ничего общаго съ догмой. Догмы сектъ различны, но мораль у всѣхъ мыслящихъ людей одинакова» *).

Иллюстраціей къ послѣднимъ словамъ является докладъ японскаго делегата г. Ходжо. «Моральное воспитаніе въ нашихъ школахъ,—говоритъ онъ,—совершенно независимо отъ какой бы то ни было религіи. Мы даемъ въ школахъ спеціальный курсъ морали, не имѣющій ничего общаго съ религіозными доктринами и ритуалами. Преподаванію морали отводится въ японскихъ школахъ первое мѣсто». Учебники морали сперва издавались въ Японіи частными фирмами, но въ 1900 г. министерство народнаго просвѣщенія назначило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ барона Хироюки Като, для изслѣдованія всѣхъ существующихъ учебниковъ и для составленія новыхъ. Комитетъ работалъ почти четыре года. Въ декабрѣ 1903 г. онъ представилъ, наконецъ, результаты своихъ трудовъ: восемь руководствъ для учителей и восемь учебниковъ для учащихся. Эти книги приняты теперь во всѣхъ народныхъ японскихъ школахъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ. По нимъ теперь учатся 5.350.000 дѣтей. Министерство, судя по докладу, не считаетъ свой трудъ образцовымъ. Оно охотно прислушивается къ общественному мнѣнію и къ указаніямъ печати. Вступленіемъ къ учебникамъ морали является императорскій манифестъ, обнародованный въ 1890 г. Этотъ документъ школьники заучиваютъ наизусть. «О вы, наши подданные,—говорится въ манифестѣ,— будьте нѣжными дѣтьми по отношенію къ родителямъ, любите вашихъ братьевъ и сестеръ. Какъ мужья и жены, живите въ согласіи. Будьте вѣрными друзьями. Простирайте вашу кротость на всѣхъ. Учитель, культивируйте искусства и, такимъ образомъ, развивайте умственныя силы и совершенствуйте добродѣтель. Больше всего

*) Oeuvres complètes de Voltaire, tome VIII (1875), p. 84.

заботьтесь объ общественномъ благѣ и блюдите общіе интересы. Всегда чтите нашу конституцію и соблюдайте законы. Если представится надобность, мужественно предлагайте себя государству... И, такимъ образомъ, вы не только проявите себя добрыми и вѣрными подданными, но придадите также новый блескъ лучшимъ традиціямъ вашихъ предковъ». Для каждаго класса существуетъ особый учебникъ морали. Сперва школьники изучаютъ отношеніе дѣтей другъ къ другу, потомъ отношеніе къ родителямъ, къ классу, наконецъ, къ государству и императору. При изученіи добродѣтелей принятъ cyklischer Lehrplan, но противоположный fortschreitender Lehrplan практикуется для оживленія преподаванія. Какъ и въ Икаріи, преподаваніе морали въ японскихъ школахъ иллюстрируется жизнью знаменитыхъ людей, какъ японцевъ, такъ и иностранцевъ. Къ сожалѣнію, намъ, европейцамъ, ничего не говорятъ имена Ямагодаке-но-Микото, Кусуноки Масашиге, Тойотоми Хидеіоши, Като Кіомаса и другихъ японскихъ героевъ, жизнью которыхъ должны вдохновляться школьники въ странѣ Восходящаго Солнца; но объ урокахъ морали мы можемъ судить по знакомымъ героямъ. Японскіе школьники изучаютъ жизнь Георга Вашингтона, Франклина, Авраама Линкольна, Эдуарда Дженнера, сестры милосердія Флоренсъ Найтингэйлъ, прославившейся своею самоотверженной любовью во время Крымской войны. Воспитаніе въ Японіи совершенно свѣтское въ томъ смыслѣ, что преподаватели не ссылаются на авторитетъ религіи. «Мы, японцы, какъ нація, никогда не относились индифферентно къ религіи.,—говорится въ докладѣ г. Ходжо:—но въ то же время наша вѣра никогда не заставляла насъ портить красоту единственнаго въ своемъ родѣ характера страны. Никогда также не допускали мы, чтобы фанатизмъ увлекъ насъ до забвенія національнаго духа. Наша конституція гарантируетъ всѣмъ, не нарушающимъ общественнаго спокойствія, полную свободу совѣсти. Мы объясняемъ также въ нашихъ учебникахъ морали, что японцы имѣютъ полную свободу выбирать, какую хотятъ, вѣру; поэтому не слѣдуетъ насмѣхаться ни надъ соотечественникомъ, ни надъ иностранцемъ, молящимся иначе, чѣмъ мы». Учебники морали говорятъ о патріотизмѣ, о долгѣ каждаго гражданина защищать свою страну; но въ то же время дѣтей предупреждаютъ, что шовинизмъ не есть патріотизмъ. «Богатство и сила страны не зависятъ главнымъ образомъ отъ арміи и флота,—говорится въ докладѣ японскаго делегата.—Не находятся они также въ зависимости отъ величины территоріи и отъ количества населенія. Мы объясняемъ учащимся, что Японія далеко отстала отъ Западной Европы и Америки въ степени цивилизаціи и въ развитіи естественныхъ богатствъ страны. Мы учимъ также, что необходимо относиться хорошо и предупредительно по отношенію къ иностранцамъ и вообще чужимъ людямъ. Иначе мы нарушаемъ законъ

гостепріимства. Глумясь надъ другимъ человѣкомъ, мы унижаемъ не его, а себя, и роняемъ достоинство націи» *).

II.

Свѣтское воспитаніе отстаивали также французскіе делегаты. «Французы, вслѣдствіе цѣлаго ряда историческихъ условій,—говорится въ докладѣ профессора Сорбонны Бюиссона,—приняли систему, состоящую въ томъ, что преподаваніе этики совершенно независимо отъ религіи. По мнѣнію французовъ, этика одно, а религія—другое. Они убѣждены, что свободная нація можетъ и должна дать каждому изъ дѣтей въ государственной школѣ полное моральное воспитаніе, основанное только на доводахъ разума и пріемлемое для представителей всѣхъ религій. Свѣтскія школы Франціи не борятся съ религіей, но онѣ не берутся ни учить ее, ни рекомендовать извѣстную догму предпочтительно передъ другою. Свѣтская школа не должна быть ни непріятелемъ, ни союзникомъ, ни слугою церкви. Школа не должна проповѣдывать ни за, ни противъ опредѣленнаго культа. Преподаватели французскихъ свѣтскихъ школъ не спрашиваютъ у дѣтей, протестанты ли ихъ родители, католики, евреи или свободные мыслители. Школа задается только цѣлью сдѣлать изъ ребенка честнаго человѣка, не больше. Съ этою цѣлью она развиваетъ его умъ, сердце и волю, говоря ему про любовь, истину, добро и красоту». Французскіе педагоги не сектанты, но въ своемъ родѣ они тоже вѣрующіе. Вѣруютъ они въ гуманность, какъ другіе—въ церковь. У этихъ педагоговъ своя библія; не та книга, которая признается священной, но человѣческая душа. Не отстаивая постановленія божества (слишкомъ много людей теперь готовы дѣйствовать, какъ Божьи представители, и отстаивать, будто бы, его права!), французскіе педагоги полагаютъ, что необходимо постоянно напоминать обществу, что цѣль его существованія только—гарантія каждому индивидууму права на жизнь и свободу. Методъ моральнаго воспитанія во Франціи зиждется только на свѣтскомъ базисѣ. Этотъ методъ одинъ пригоденъ для страны, въ которой церковь совершенно отдѣлена отъ государства. Чтобы вести такимъ образомъ преподаваніе морали,—продолжалъ Бюиссонъ,—необходимъ методъ, отличающійся совершенно отъ катехизиса. Вотъ какъ опредѣляетъ его оффиціальная французская программа. «Преподаваніе морали вращается въ совершенно иной сферѣ, чѣмъ преподаваніе остальныхъ предметовъ. Тогда какъ обученіе развиваетъ порядокъ извѣстныхъ способностей и даетъ спеціальныя знанія, — преподаваніе морали стремится развить въ учащимся *человѣка*, т. е. сердце, разумъ и совѣсть.

---

*) *T. Hojo*, The japan text book on Morals, etc p. p. 2—16.

Это преподаваніе имѣетъ цѣлью научить тому, какъ *знать* и какъ *хотѣть*. Въ особенности въ начальной школѣ преподаваніе морали не есть *наука*, а *искусство*, заключающееся въ томъ, чтобы склонить волю къ добру. Чтобы развитіе нравственности, опредѣленной такимъ образомъ, было возможно,—абсолютно необходимо одно условіе: необходимо, чтобы преподаваніе захватывало всецѣло учащагося. Ни по тону, ни по формѣ преподаваніе морали не должно смѣшиваться съ обыкновеннымъ урокомъ. Преподаватель долженъ затронуть душу учащагося, а не только наполнить его память опредѣленными правилами. Онъ долженъ выработать въ учащемся моральное чувство... Систематическій курсъ морали, если онъ холоденъ и баналенъ, ничему не обучаетъ, такъ какъ не заставляетъ любить. Недостаточно еще, чтобъ учащіеся поняли и запомнили правила морали; необходимо, чтобы послѣднія отразились на характерѣ» *). Ту же самую программу развивалъ другой французскій делегатъ Альфредъ Мулэ, профессоръ ліонскаго лицея.

Утвержденная центральнымъ правительствомъ программа свѣтскаго воспитанія будетъ такъ же мертва, какъ и предписаніе насаждать религіозное воспитаніе, если нѣтъ искреннихъ, талантливыхъ исполнителей. Каждая школа должна представлять автономную единицу. Крайне любопытно познакомиться съ результатами, полученными при примѣненіи чисто свѣтской системы въ автономной школѣ. Въ этомъ отношеніи интересенъ докладъ магистра Джона Ресселя, директора превосходнаго средняго учебнаго заведенія Hampstead Sool (въ сѣверномъ Лондонѣ). Школа эта—одно изъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Альфредовскимъ Обществомъ (King Alfred School Society). Рессель стоитъ во главѣ Хэмпстедской школы вотъ уже четверть вѣка. «Воспитывать значитъ—помогать вести хорошую жизнь,—говоритъ Рессель въ своемъ докладѣ... Мое собственное поведеніе было основано на сознаніи товарищества всѣхъ людей и на томъ, что стыдно жить только для самого себя. Обращаясь къ своимъ воспитанникамъ, я вѣрилъ всегда, что такое же сознаніе живетъ и въ ихъ душѣ. Вотъ почему моя система воспитанія заключается въ культивированіи чувства, свойственнаго всѣмъ человѣческимъ существамъ». Воспитанники той школы, во главѣ которой стоитъ Джонъ Рессель, принадлежатъ къ среднимъ и выше-среднимъ классамъ. Это—обычный контингентъ почти всѣхъ безъ исключенія англійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Школа Ресселя—смѣшанная. Вмѣстѣ учатся мальчики и дѣвушки въ возрастѣ до 17 лѣтъ. «Главная отличительная черта нашей школы заключается,—говоритъ Рессель,—въ томъ, что отъ младшаго класса до самаго старшаго нѣтъ совершенно религіознаго воспитанія. Мы не только не соблюдаемъ никакихъ религіозныхъ

*) *Ferdinand Buisson*, L'Enseignement Laïque de la morale en France. apers, etc., p. p. 189—192.

обрядовъ, но никогда не говоримъ о Богѣ. И, тѣмъ не менѣе, идеаломъ возвышенной жизни проникнуто все то, что мы дѣлаемъ. Мы культивируемъ въ воспитанникахъ и воспитанницахъ самоконтроль и любовь къ ближнему. Любовь эта зиждется на благоговѣніи къ величественной тайнѣ человѣческой жизни и человѣческой души. Нашимъ девизомъ мы выбрали *Ex corde vita*. Даже маленькому дитяти можно дать понять, что въ своихъ поступкахъ оно должно руководствоваться чувствами стыда, радости или горя, другими словами—своимъ сердцемъ. Мы не относимся враждебно къ религіи. Мы просто не упоминаемъ совершенно о ней, покуда прямой вопросъ воспитанника не заставляетъ насъ сдѣлать это. Тогда мы отвѣчаемъ, стараясь не задѣть религіознаго чувства родителей воспитанника. Мы рекомендуемъ обратиться за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ отцу или къ матери. Главная цѣль нашей школы заключается въ развитіи у дѣтей сознанія, что все человѣчество—одна общая семья. Къ преподаванію «гуманности» мы прибавили математику, естественныя науки и другіе предметы, обыкновенно входящіе въ программу средней школы... Другой характерной чертой школы является полное отсутствіе наградъ и наказаній, такъ какъ мы считаемъ, что соперничество во всѣхъ своихъ формахъ имѣетъ деморализующее вліяніе. Основной законъ хорошей жизни требуетъ, чтобы мы дѣлали все возможное для нашихъ ближнихъ, безъ всякихъ матеріальныхъ поощреній. Не признаемъ мы также никакихъ наказаній за такъ называемые проступки, такъ какъ убѣждены, что источники справедливости такъ же скрыты и темны, какъ и причины, побуждающія насъ дѣйствовать такъ или иначе. Тѣлесное наказаніе внушаетъ намъ такой же ужасъ и кажется намъ столь же чудовищнымъ, какъ и смертная казнь. Почти въ такой же степени кажутся намъ чудовищными наказанія, отнимающія у дѣтей то, что имъ настоятельно необходимо: игру, свободу и цѣлесообразныя занятія. Время, распредѣленное на разумныя занятія, не должно быть затрачено на выполненіе безполезной работы, наложенной въ видѣ наказанія. Личный многолѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что для достиженія хорошихъ результатовъ отнюдь нѣтъ надобности прибѣгать къ наказаніямъ. *Какъ рѣдкія исключенія*, встрѣчаются морально больные воспитанники, на которыхъ обычныя средства убѣжденія не дѣйствуютъ. Тогда остается только одно средство — удаленіе изъ школы. Цѣль школьной дисциплины заключается не въ томъ, чтобы всѣ дѣти вели себя, какъ святые, но чтобы внушить имъ разумность дисциплины вообще, продиктованной желаніемъ общаго блага... Наиболѣе типичнымъ изъ всѣхъ нашихъ методовъ являются сократовскіе разговоры. Иногда они ведутся съ отдѣльнымъ классомъ, а иногда со всей школой. Темой служитъ поведеніе въ жизни при различныхъ обстоятельствахъ. Иногда предметомъ сужденія является какой-нибудь абстрактный вопросъ, напримѣръ

сущность справедливости, долга или добра. Болѣе часто предметами бесѣдъ выбирается конкретное примѣненіе принциповъ Такъ мы поступаемъ, когда возникаетъ ссора между воспитанниками или когда кто-нибудь уличенъ во лжи. Убѣжденія и доводы разума дѣйствуютъ оздоровляющимъ образомъ на сознаніе и совѣсть дѣтей». Къ общественной жизни воспитанники и воспитанницы подготовляются, между прочимъ, въ «школьномъ парламентѣ», составляющемъ характерную особенность всѣхъ большихъ англійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. «Я, отбросившій вѣру,—заканчиваетъ свой докладъ магистръ Джонъ Рессель, — все еще живу ею. Я вѣрю теперь въ моральную природу человѣка. въ жизнь, въ добро, присущее людямъ. Я вѣрю, что нормальная природа человѣка можетъ быть развита, не прибѣгая къ ссылкамъ на авторитетъ сверхъестественныхъ существъ, а только культивированіемъ взаимнаго пониманія и любви. Я вѣрю дальше, что то царство божіе, о наступленіи котораго человѣчество столько вѣковъ молилось, наступитъ только тогда, когда осуществятся въ жизни это взаимное пониманіе и любовь *).

Видя, что на конгрессѣ сторонники совершенно свѣтскаго воспитанія выставили болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ ихъ противники, защитники религіознаго воспитанія пришли на помощь въ общей печати. «Можно ли выучить добродѣтели?—пишетъ преподаватель манчестерской грамматической школы (т. е. гимназіи) Пэйтонъ.—Если возможно, то странно, что никто этого не сдѣлалъ еще до сихъ поръ. Защитники свѣтскаго воспитанія должны показать намъ не изложенную на бумагѣ систему морали и списокъ добродѣтелей, а *результаты*. Всѣмъ извѣстно, что люди, прославившіеся въ исторіи благородствомъ своей души, имѣли дѣтей, если не въ такой же степени отличившихся низостью, то, во всякомъ случаѣ, порочныхъ. Маркъ Аврелій, котораго можно считать однимъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ учителей морали, имѣлъ сына, прославившагося даже среди римскихъ императоровъ низостью своего характера. Если добродѣтели можно обучить, какъ алгебрѣ, то странно, почему такъ много благородныхъ мужчинъ и женщинъ забыли дать уроки своимъ собственнымъ дѣтямъ». Авторъ дальше приводитъ свои соображенія, почему «педагоги-практики» возстаютъ противъ учебника морали». «Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы оказывать пользу гигіены,—говоритъ педагогъ.—Мы не отказываемся включить въ этотъ курсъ разсужденіе о страшномъ вредѣ куренія папиросъ; но мало такихъ педагоговъ-практиковъ, которые согласились бы обучать мужеству, правдивости, альтруизму и другимъ добродѣтелямъ. Наши доводы сводятся къ слѣдующему.

*) J. *Russell*, An Experiment in non-theological Moral Education, Paris, etc., p. p. 193—196.

Во-первыхъ, преподавая какой-нибудь предметъ, мы обращаемся къ уму воспитанника. То или другое поведеніе диктуется не умомъ, а чувствомъ, лежащимъ такъ глубоко, что съ нимъ невозможно аргументировать. Никто не можетъ мнѣ *доказать*, что я долженъ любить ближняго. Доводами отъ разума никто также не докажетъ мнѣ, что слѣдуетъ любить отца. Когда французскій педагогъ пытается основать свои моральные тезисы на разумѣ, онъ только упражняется въ софистикѣ. Когда же онъ, желая, чтобы ученики лучше запомнили правило, заставляетъ ихъ спрягать: «я не буду мучить животныхъ», «ты не будешь мучить животныхъ», «онъ не будетъ мучить животныхъ», и т. д.,— учитель культивируетъ только скуку. Результатомъ можетъ быть діаметрально противоположные поступки, чѣмъ тѣ, которые рекомендуются педагогомъ». Выводъ, къ которому Пэйтонъ приходитъ, конечно, тотъ, что мораль должна быть основана только на авторитетѣ божества. Воспитаннику нельзя докучать логикой, что ближняго слѣдуетъ любить; но можно внушить ему, что любить *должно*, потому что такъ повелѣлъ Господь. Любопытно, что доводы, приведенные Пэйтономъ противъ свѣтскаго воспитанія, могутъ быть обращены противъ самого педагога. Въ самомъ дѣлѣ. Совершенно вѣрно, что у Марка Аврелія и другихъ благородныхъ людей были недостойныя, ничтожныя дѣти. Но развѣ религіозное воспитаніе мѣняетъ положеніе дѣла? Не только у глубоко религіозныхъ людей были недостойныя дѣти, но люди, прославившіеся своею вѣрою, вписали кровью свое имя въ исторіи. Стоитъ только назвать имена Филиппа II, Торквемады, Маріи Кровавой и др. Епископъ Гермогенъ, о. Иліодоръ, о. Восторговъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, вѣроятно, люди глубоко религіозные, но по поступкамъ ихъ не видно, чтобы это дало имъ любовь къ ближнему, которая, по словамъ Пэйтона, пріобрѣтается только вѣрой. Мнѣ припоминается одно старинное изреченіе, которое, по преданію, приписывается апостолу Іоанну. «Если кто говоритъ: «я люблю Бога», но въ то же время ненавидитъ своего ближняго, тотъ лжецъ. Ибо, если онъ ненавидитъ своего ближняго, котораго видитъ, то какъ же можетъ онъ любить Бога, котораго зрѣть не можетъ?»

III.

Не менѣе интересенъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи, поднятый на конгрессѣ. На основаніи десятилѣтняго опыта директоръ извѣстной бидэльской школы въ Питерсфильдѣ, Бэдли, горячо отстаивалъ совмѣстное обученіе. Бэдли имѣетъ въ своей школѣ до ста пятидесяти воспитанниковъ и воспитанницъ въ возрастѣ отъ десяти до девятнадцати лѣтъ. «Опытъ убѣдилъ

меня,—говоритъ въ своемъ докладѣ Бэдли,—что при нормальныхъ и разумныхъ условіяхъ, выгоды совмѣстнаго воспитанія далеко превосходятъ опасности». Подъ «совмѣстнымъ воспитаніемъ» Бэдли понимаетъ соединеніе въ одномъ классѣ воспитанниковъ и воспитанницъ приблизительно одного и того же возраста. «Совмѣстное воспитаніе не означаетъ, что мальчики и дѣвочки должны выполнять совершенно одну и ту же работу,—продолжаетъ Бэдли.—Въ раннемъ возрастѣ, приблизительно въ четырнадцать лѣтъ—это вполнѣ возможно; но давать имъ впослѣдствіи одинаковую работу, значитъ, жертвовать интересами одного пола ради другого». При соблюденіи этихъ условій совмѣстное обученіе можетъ принести только одну пользу. И дѣвочки, и мальчики остаются въ выигрышѣ. Дѣвочка пріобрѣтаетъ большую свободу и можетъ вести болѣе подвижную жизнь въ школѣ. Она можетъ тоже карабкаться на дерево или взбираться на мачту; она научается владѣть столярными инструментами такъ же свободно, какъ иголкой. Дѣвочки принимаютъ равное съ мальчиками участіе во всѣхъ играхъ, въ «парламентѣ» и въ школьномъ самоуправленіи. Все это выгодно отражается на развитіи ихъ характера. Дѣвочки, такимъ образомъ, научаются быть храбрыми, независимыми и выносливыми. Выигрываютъ также отъ совмѣстнаго воспитанія и мальчики. На нихъ выгодно отражается энтузіазмъ дѣвочекъ и ихъ умѣнье вкладывать всю душу въ то, что онѣ дѣлаютъ. Вліяніе дѣвочекъ сказывается также въ томъ, что мальчики становятся болѣе деликатны и избѣгаютъ грубыхъ выраженій. Воспитанники привыкаютъ къ сознанію, что авторитетъ не можетъ быть основанъ на грубой силѣ. Мальчики пріучаются уважать въ дѣвочкахъ ихъ личность и умъ. Но еще болѣе важно то, что совмѣстное воспитаніе ведетъ къ взаимному пониманію и уваженію, къ снисходительности къ природнымъ слабостямъ. Все это вытѣсняетъ то незнаніе, на почвѣ котораго выростаютъ одновременно презрѣніе и обоготвореніе, питаемыя однимъ поломъ къ другому. Послѣдствіемъ взаимнаго пониманія является возможность совмѣстной идейной дѣятельности не только во время пребыванія въ школѣ, но и послѣ оставленія ея. Не ведетъ ли совмѣстное воспитаніе къ раннему развитію половыхъ инстинктовъ? Не порождаетъ ли оно, вслѣдствіе этого, глупаго ухаживанія или болѣе сильныхъ увлеченій? «Я не хочу утверждать,—отвѣчаетъ на эти вопросы Бэдли,—что совмѣстное воспитаніе пригодно рѣшительно для всѣхъ безъ исключенія и при всѣхъ условіяхъ. Я могу только сказать, что *вообще* это—самая лучшая и наиболѣе безопасная система воспитанія... Если она помогаетъ нашимъ дѣтямъ вступить на жизненный путь менѣе слѣпыми, то уже одно это важная заслуга. Совмѣстное воспитаніе не можетъ измѣнить законовъ природы; но оно вырабатываетъ болѣе здоровый типъ

юношей и дѣвушекъ» *). Въ своей школѣ, въ Питерсфильдѣ, Бэдли добился такихъ блестящихъ результатовъ, что она теперь представляетъ одну изъ достопримѣчательностей Англіи. Десятки туристовъ пріѣзжаютъ спеціально въ Питерсфильдъ, чтобы познакомиться съ интересной школой. Съ такою же похвалою, какъ и Бэдли, отзывается о совмѣстномъ обученіи датскій педагогъ Тріеръ, стоящій во главѣ большой школы въ Копенгагенѣ. По мнѣнію его, совмѣстное образованіе хорошо тѣмъ, что вырабатываетъ чувство нормальнаго товарищества между мальчиками и дѣвочками, гарантирующее отъ пробужденія раннихъ инстинктовъ. Для развитія этого чувства необходимо, чтобы дѣти воспитывались вмѣстѣ отъ ранняго возраста (еще въ Kindergarten'ѣ). Совмѣстное обученіе рисковано, когда оно начинается поздно, въ періодъ пробужденія полового чувства. «Не слѣдуетъ откладывать совмѣстнаго воспитанія до тѣхъ поръ,—говоритъ Тріеръ,—покуда половыя стремленія начнутъ обозначаться». Докладчикъ на основаніи опыта говоритъ о благихъ результатахъ совмѣстнаго обученія. Когда мальчики и дѣвочки посѣщаютъ одну и ту же школу съ дѣтства, тогда вопросъ о томъ, что дѣлать съ раннимъ пробужденіемъ полового чувства, устраняется самъ собою.

На конгрессѣ выступили также ярые противники совмѣстнаго воспитанія, главнымъ образомъ, женщины. Онѣ съ насмѣшкой отзывались о тезисахъ Бэдли и Тріера, что совмѣстное обученіе полезно и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ. «Быть можетъ, тогда, когда общество и семья будутъ совершенно иныя, чѣмъ теперь, совмѣстное обученіе принесетъ пользу,—сказала одна изъ докладчицъ. — Теперь же, когда мы имѣемъ дѣтей, растущихъ въ семьяхъ, не понимающихъ воспитанія, совмѣстное обученіе можетъ принести только вредъ. Намъ нужны такія школы, въ которыхъ мальчики и дѣвочки были бы совершенно отдѣлены другъ отъ друга. И чѣмъ раньше будетъ введено это раздѣленіе, тѣмъ лучше».

Мы видѣли уже взглядъ Джона Ресселя на награды и наказанія въ школахъ. Этому вопросу на конгрессѣ былъ посвященъ рядъ докладовъ. Въ Икаріи проступки воспитанниковъ отдаются на разсмотрѣніе «школьнаго трибунала», состоящаго изъ учащихся же. Лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, у Кабэ такъ описываетъ этотъ судъ: «Залъ былъ наполненъ уже. Какъ и утромъ, въ наличности находились всѣ преподаватели и воспитанники. Одинъ изъ старшихъ школьниковъ выступилъ обвинителемъ, пять другихъ явились судьями, и всѣ остальные—присяжными. Одинъ изъ преподавателей изложилъ проступокъ мальчика и затѣмъ обратился съ просьбой къ обвинителю быть снисходи-

*) Co-Education in its effects on character by J. *H. Badley*. „Papers" etc., p. p. 64—66.

тельнымъ, къ обвиняемому—быть смѣлѣе, къ свидѣтелямъ—давать правдивыя показанія, къ присяжнымъ—дѣйствовать по совѣсти и къ судьямъ—примѣнять законы безъ лицепріятія. Обвинитель выразилъ прежде всего сожалѣніе, что ему приходится выступить противъ товарища и высказалъ ему пожеланіе оправдаться. Обвинять онъ долженъ,—продолжалъ «прокуроръ». Школьный кодексъ выработанъ всѣми учащимися, въ томъ числѣ и обвиняемымъ. Всѣ правила и запрещенія, заключающіяся въ кодексѣ, сводятся къ защитѣ интересовъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Проступокъ заключался въ томъ, что обвиняемый спрыгнулъ съ мачты, вопреки запрещенію. «Обвиняемый могъ убиться или причинить себѣ сильный вредъ,—продолжалъ обвинитель.—Въ интересахъ всѣхъ онъ долженъ быть наказанъ, если онъ виновенъ, или отпущенъ, если не виновенъ». Маленькій подсудимый смѣло защищался. Онъ откровенно сознался въ томъ, что дѣйствительно спрыгнулъ. Онъ призналъ, что нарушилъ законъ школьной республики и заслуживаетъ поэтому наказанія. Мальчикъ заявилъ, что кается. Онъ былъ увлеченъ желаніемъ показать товарищамъ свою смѣлость и отвагу да увѣренностью, что не можетъ прыжкомъ причинить себѣ вредъ. Выступилъ другой мальчикъ, показавшій, что онъ тоже разъ спрыгнулъ съ мачты, забывъ, что это запрещено закономъ. Мальчикъ, вызванный свидѣтелемъ, показалъ, что видѣлъ, какъ обвиняемый прыгнулъ. Свидѣтель выразилъ сожалѣніе, что ему приходится дѣлать показаніе; но онъ сказалъ, что обязанъ сдѣлать, что повелѣваютъ долгъ и истина. Защитникъ призналъ проступокъ, но указалъ, какъ на смягчающія обстоятельства, на раскаяніе обвиняемаго и на вызовъ товарищей. Дальше защитникъ просилъ принять во вниманіе смѣлость своего друга, которая увлекла его. Обвинитель, признавая, что обвиняемый заслужилъ бы вѣнокъ, если бы такая награда назначалась за прыганье, указалъ, что именно къ такимъ смѣльчакамъ необходимо примѣнять наказанія съ цѣлью спасти ихъ отъ опасностей. Присяжные единогласно признали подсудимаго виновнымъ; но небольшимъ большинствомъ дали ему снисхожденіе. Пять судей постановили ограничить наказаніе распубликованіемъ проступка по всей школѣ, а верховный совѣтъ преподавателей утвердилъ приговоръ» *).

На конгрессѣ три докладчика высказали по поводу вопроса о наказаніяхъ въ школахъ взгляды, въ значительной степени похожіе на мнѣнія Кабэ, но только не облекли ихъ въ такую «чиновничью» форму, какъ у автора *Икаріи*. По поводу наказаній мы имѣемъ два полярныхъ взгляда. Представители одного стоятъ за крутыя мѣры. Эти господа не попали на конгрессъ. Намъ, членамъ конгресса, раздавали только на улицѣ у входа въ университетъ, гдѣ происходили засѣданія, брошюрку подъ названіемъ «Сантиментальная Англія». Авторъ

---

*) *M. Cabet*, „Voyage en Icarie", p. 93.

ея,—Raymond Blathwayt, привелъ бы въ умиленіе нашихъ черносотенцевъ. Сущность брошюрки сводилась къ тому, что безъ порки немыслимо воспитаніе. Какъ только перестаютъ драть подрастающее поколѣніе, такъ нація становится «сантиментальной» и вырождается. «Когда-то въ англійскихъ школахъ драли безпощадно,—говоритъ авторъ,—и вотъ тогда изъ нея выходили будущіе товарищи Фарэнсиса Дрэка, отважные буканиры, наводившіе трепетъ на весь «испанскій континентъ», затѣмъ латники Кромвеля и др. Теперь стальной становой хребетъ изъ тѣла націи вынутъ, — скорбитъ авторъ,—и замѣненъ замазкой... Презрѣнный сантиментализмъ выродившейся части англійскаго народа изгналъ розгу изъ школъ и дѣтской. Послѣдствіемъ явились хулиганы, съ одной стороны, и безвольныя ничтожества—съ другой. Сантименталисты не хотятъ понять, что мальчикъ, не умѣющій вынести безъ плача заслуженное сѣченіе, не достоинъ называться мальчикомъ». Авторъ мрачно предсказываетъ, что результатомъ упраздненія розги будетъ послѣдовательное превращеніе завоевателей-захватчиковъ въ слезливыхъ членовъ различныхъ «этическихъ обществъ». Изъ гуманитарнаго общества не могутъ выйти такіе герои, какъ Дрэкъ, Марльборо, Нельсонъ или Веллингтонъ». Ложный сантиментализмъ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ,—совершенно отравилъ сознаніе современной Англіи. Современный англичанинъ боится строгой дисциплины (подъ этимъ авторъ подразумѣваетъ порку въ школѣ и дома). Онъ считаетъ ее посягательствомъ на свободу индивидуума, тогда какъ въ дѣйствительности она содѣйствуетъ достиженію высшей свободы. Дисциплина же—антитезисъ сантиментальности.

Въ Англіи, какъ и въ Россіи, находятся люди, достаточно «откровенные», чтобы высказать вслухъ дикія и нелѣпыя мысли; но разница между двумя странами заключается въ слѣдующемъ. Въ Англіи эти чудаки довольствуются тѣмъ, что стоятъ на улицѣ и раздаютъ свою литературу, такъ какъ «въ люди» ихъ не пускаютъ. Въ Россіи же эти господа не только являются хозяевами положенія, но не дозволяютъ представителямъ противоположныхъ взглядовъ даже стоять у дверей и раздавать свою литературу.

IV.

Другой взглядъ на наказанія заключается въ полномъ отрицаніи ихъ. Въ этомъ духѣ на конгрессѣ высказался цѣлый рядъ докладчиковъ. «Какова должна быть система наказаній?—говоритъ Альберъ Байэ изъ Парижа.—Проблему можно лучше формулировать такъ: слѣдуетъ ли награждать или наказывать дѣтей? Съ точки зрѣнія морали, мнѣ кажется, не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Безъ сомнѣнія, награды и наказанія могутъ быть примѣнены съ извѣстной пользой учителемъ, желающимъ, прежде всего,

имѣть хорошо дисциплинированный классъ. Но эти мѣры приносятъ больше пользы учителю, чѣмъ ученику. Дисциплина, введенная такимъ путемъ, держится на двухъ одинаково дурныхъ чувствахъ: на страхѣ и на тщеславіи. Предположимъ, что страхъ наказанія заставитъ лѣниваго ребенка работать (подобные случаи рѣдки): можемъ ли мы послѣ этого относиться съ уваженіемъ къ характеру его? Само послушаніе ребенка не явится ли доказательствомъ слабой и низменной натуры? Такимъ же образомъ ученикъ, котораго нужно поощрять къ работѣ наградами, превратится, въ концѣ концовъ, въ тщеславнаго искателя матеріальныхъ выгодъ. Все это до такой степени очевидно,—продолжаетъ докладчикъ,—что даже горячіе защитники наказаній и наградъ предлагаютъ ихъ только крайними средствами. «Лучше всего, конечно, если бы можно было обойтись безъ нихъ—говорятъ защитники наградъ и наказаній; но на практикѣ они необходимы». Если преподаватели не могутъ развивать способностей дѣтей иначе, какъ прибѣгая къ средствамъ, гибельнымъ для характера,—то методъ ихъ принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, — продолжаетъ Байэ и заявляетъ, что вообще даже ничтожная польза наказаній и наградъ подлежитъ большому сомнѣнію. Въ девяти случаяхъ изъ десяти наказанія производятъ какъ разъ обратное дѣйствіе, чѣмъ то, которое желательно педагогамъ. «Тѣмъ, которые видятъ въ наказаніяхъ необходимое педагогическое средство, — говоритъ Альберъ Байэ, — можно было бы отвѣтить такъ: въ девяти случаяхъ изъ десяти средство это не приноситъ никакой пользы. Что же касается десятаго случая, то наказаніе приноситъ пользу, но за то уничтожаетъ индивидуальность наказываемаго или портитъ его совершенно морально». Но что же дѣлать для поддержанія дисциплины, если мы отвергнемъ старую систему? Когда преподаватель имѣетъ дѣло съ нормальными дѣтьми (какъ это обыкновенно бываетъ въ школахъ), онъ, вмѣсто того, чтобы добиваться пассивнаго повиновенія путемъ обращенія къ дурнымъ чувствамъ воспитанниковъ, - долженъ пробовать установить активное послушаніе (une obéissance active) путемъ обращенія къ хорошимъ чувствамъ. На обыкновенныхъ (нормальныхъ) учащихся убѣжденіями и любовью можно больше и лучше воздѣйствовать, чѣмъ страхомъ и поощреніемъ тщеславія. Изъ школы слѣдуетъ изгнать старыя формы наказаній и наградъ: оставленіе безъ обѣда, добавочную работу, побои, отмѣтки, золотыя доски, призы и т. д. Ихъ необходимо замѣнить *приватными* бесѣдами преподавателя съ учениками. Безъ сомнѣнія, въ школѣ могутъ быть *ненормальныя* дѣти, на которыхъ убѣжденія не дѣйствуютъ. Эти учащіеся разстраиваютъ систему преподаванія. Наказаніе еще больше ожесточаютъ ненормальныхъ дѣтей. По мнѣнію докладчика, ихъ слѣдуетъ посылать въ спеціальныя учебныя заведенія. Такія школы существуютъ, напр., въ Англіи при народныхъ училищахъ

и называются Special difficulty Schools. Анормальныя дѣти встрѣчаются только, какъ исключенія.

Докладчикъ такъ формулируетъ свои взгляды: «1) Всякая система преподаванія, основанная на наказаніяхъ или на наградахъ, каковы бы они ни были, — культивируетъ въ дѣтяхъ чувство страха или тщеславія. Если она иногда даетъ хорошіе, съ точки зрѣнія старыхъ педагоговъ, результаты, — то за то въ моральномъ отношеніи дѣйствуетъ гибельно. Вотъ почему система эта должна быть отвергнута. 2) Школьная дисциплина хороша и благодѣтельна только тогда, когда она основана на лучшихъ чувствахъ дѣтей, т. е. когда она свободна и разумна. Вотъ почему награды и наказанія слѣдуетъ замѣнить собесѣдованіями преподавателя съ ученикомъ, во время которыхъ воспитатель долженъ затронуть лучшія чувства воспитанника. 3) Ненормальныя дѣти съ атрофированными чувствами морали должны быть отсылаемы въ спеціальныя школы; тамъ характеръ такихъ дѣтей будетъ исправленъ безъ ломки его» *). Къ такимъ же выводамъ, хотя формулированнымъ не такъ сильно и категорически, приходитъ нѣмецкій педагогъ dr. Вильгельмъ Мюнхъ **)

Въ связи съ вопросомъ о наказаніяхъ и наградахъ находится цѣлый рядъ другихъ вопросовъ о школьной дисциплинѣ, о самоуправленіи средней школы, объ образованіи характера, о пробужденіи инициативы и пр. Для всего этого необходимъ, прежде всего, преподаватель *педагогъ* въ истинномъ смыслѣ слова, а не *чиновникъ*, послушный исполнитель приказаній, отданныхъ министерствомъ. Выясненію типа подобнаго идеальнаго педагога посвященъ былъ докладъ dr. Андрээ: — «Der moralische Wert guter Unterrichtsmethoden». Что касается «мѣстнаго самоуправленія» въ школѣ, то ему былъ посвященъ интересный докладъ доктора естественныхъ наукъ, г-жи Брайантъ. Школа — толпа дѣтей, имѣющихъ свою индивидуальность, чуткихъ, понятливыхъ, своевольныхъ; толпу эту школьное начальство превращаетъ въ послушную, стройную, развивающуюся общину (community), — говоритъ г-жа Брайантъ.—Процессъ превращенія толпы дѣтей, интересы которыхъ противоположны, въ преслѣдующую единую цѣль общину обусловливается психологическими силами, таящимися въ самихъ же дѣтяхъ. Въ чемъ заключаются эти силы и въ какой степени вліяетъ на характеръ отдѣльныхъ дѣтей процессъ превращенія толпы въ стройную общину? Основные инстинкты дѣтей это — своевольность и общительность. Дѣти любятъ идти во всемъ своей собственной дорогой; но они также любятъ быть вмѣстѣ и охотно вступаютъ въ

---

*) *Albert Bayet.* Des Récompenses et des Punitions à l'Ecole. «Papers» ets. p. p. 96—98.

**) *Von Geheimrat Prof. Dr. W. Münch,* Belohnungen und Strafen in der Erziehung.

союзы для достиженія общихъ цѣлей. Драки и дружба доставляютъ дѣтямъ одинаковое наслажденіе и являются первоисточникомъ развитія въ нихъ характера, мужества, симпатіи, чувства долга и самопожертвованія. Основными чертами дѣтскаго характера, т. е. общительностью и своеволіемъ, долженъ умѣть пользоваться опытный и любящій педагогъ. Группа дѣтей, предоставленныхъ себѣ,— продолжаетъ г-жа Брайантъ,—быстро вырабатываетъ порядокъ для того, чтобы игра доставляла больше удовольствія. Во всѣхъ дѣтскихъ играхъ выработанныя правила соблюдаются строго. Дальше дѣти открываютъ, что порядокъ необходимъ также для охраненія свободы и интересовъ индивидуумовъ, которымъ нужно заниматься чѣмъ либо другимъ. Какъ и первобытный человѣкъ, дѣти выбираютъ вождя для охраненія порядка въ игрѣ и вообще въ своемъ мiру. Г-жа Брайантъ доказываетъ, что любящій педагогъ въ концѣ концовъ явится авторитетомъ, къ которому, какъ къ высшей инстанціи, будетъ обращаться школьная община. Вся система, однако, рухнетъ тогда, когда педагогъ будетъ отдавать свои приказанія *ad hoc*. Въ такомъ случаѣ неминуемымъ результатомъ явится враждебное отношеніе между школьной общиной и преподавателемъ, между «управляемыми» и «управителями». Г-жа Брайантъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Учитель не долженъ быть патріархомъ, управляющимъ по своему личному рѣшенію, даваемому *ad hoc*. Въ такомъ случаѣ онъ создастъ только или протестантовъ, или послушныхъ рабовъ. 2) Хорошій педагогъ призоветъ къ выработкѣ школьныхъ правилъ своихъ воспитанниковъ. Онъ установитъ, такимъ образомъ, своего рода, школьную конституцію, оставивъ за собою право абсолютнаго *veto*. 3) Школьная «конституція» должна быть на столько свободна, чтобы дать просторъ индивидуальности развиваться. 4) Въ приведеніи въ исполненіе школьной «конституціи» должны принимать участіе дѣти. Всѣ они должны быть заинтересованы въ поддержаніи порядка *). Конечно, такая школьная «конституція» возможна только въ тѣхъ странахъ, гдѣ школа автономна, и гдѣ преподаватель не является послушнымъ исполнителемъ приказаній, присылаемыхъ изъ центра. Проектъ г-жи Байантъ подразумѣваетъ, что сами педагоги въ каждой школѣ могутъ вырабатывать свою систему примѣнительно къ даннымъ условіямъ. Проектъ совершенно немыслимъ тамъ, гдѣ центръ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ условій, присылаетъ циркулярно новыя системы для *всѣхъ* школъ.

Здоровыя дѣти въ то же время являются дѣтьми пытливыми. Лѣнь и разсѣянность обусловливаются физической слабостью,—говоритъ въ своемъ докладѣ датскій профессоръ Штаркъ.—Здоровыхъ и слабыхъ дѣтей нельзя воспитывать по одной и той же

---

*) Mrs Brayant, D. Sc., Zitt. D. «School Goverument», etc. «Parers», p. p. 73—76.

программѣ. Невозможно ожидать, что они достигнутъ одинаковаго уровня знанія. Достаточно, если болѣзненныя дѣти оставляютъ школу въ лучшемъ здоровьи и выносятъ уваженіе къ чужому мнѣнію. «Предъ нами безличный человѣкъ, легко подпадающій подъ вліяніе окружающихъ и отражающій ихъ мнѣнія. Это отсутствіе индивидуальности,—говоритъ Штаркъ, — является послѣдствіемъ своего рода калѣчества, задержавшаго свободное и здоровое развитіе природныхъ инстинктовъ и давшаго имъ ненормальное направленіе. Чтобы бороться съ пороками, необходимо дать душѣ воспитанника какой нибудь здоровый интересъ; съ тою же цѣлью не слѣдуетъ препятствовать свободному развитію энергіи дѣтей. Мы никогда не достигнемъ хорошихъ результатовъ, если будемъ бороться только съ симптомами, т. е. съ порочными наклонностями, не восходя къ причинѣ ихъ. Среди поступающихъ въ школу шестилѣтнихъ дѣтей наблюдаются два рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа. Одни обладаютъ отличнымъ здоровьемъ. Они веселы, любознательны и довѣрчивы. Другія лѣнивы, разсѣянны, раздражительны или меланхоличны. Это дѣти - невропаты, нуждающіеся въ медицинскомъ надзорѣ. Авторитарная дисциплина и механическое преподаваніе, установленное общей программой, представляютъ серьезную опасность для моральнаго развитія обоихъ типовъ. Подъ вліяніемъ такой системы дѣти перваго типа потеряютъ свою оригинальность, а дѣти втораго станутъ порочны. Школа не должна стремиться къ тому, чтобы дѣти каждый годъ достигали опредѣленной, намѣченной заранѣе цѣли, такъ какъ нельзя измѣрять ихъ способности количествомъ знанія, пріобрѣтеннаго въ данный моментъ. Достаточно, если воспитанники оставятъ школу, достигнувъ извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія. И въ моей школѣ,—говоритъ проф Штаркъ,— я достигаю этой цѣли тѣмъ, что въ первые годы направляю всѣ усилія на физическое развитіе однихъ дѣтей и на увеличеніе у другихъ дѣтей ихъ радостнаго довѣрія въ свои умственныя силы и въ свои склонности. Болѣзнь нервной системы, проявляющаяся въ лѣности, подавленности, раздражительности и неровности характера, излѣчивается иногда безъ всякаго лѣченія, когда тѣло растетъ и крѣпнетъ. Учитель тогда, прибѣгавшій къ наказаніямъ, гордится достигнутыми результатами. Но болѣе глубокій наблюдатель замѣтитъ,—продолжаетъ Штаркъ,—что такой педагогъ, во всякомъ случаѣ, задержалъ процессъ выздоровленія и оставилъ въ душѣ воспитанника неизгладимый слѣдъ увяданія. Такое воспитаніе или озлобляетъ воспитанника, или дѣлаетъ его пассивно-послушнымъ, т. е. убиваетъ его индивидуальность.

Авторъ доклада дальше переходитъ къ способамъ преподаванія. Оно должно быть построено на развитіи у дѣтей способности наблюдать. Необходимо, чтобы дѣти пріучились сами оцѣнивать явленія. Требуя отъ дѣтей пассивнаго вниманія и

заучиванія, мы убиваемъ творческое воображеніе, являющееся главнымъ источникомъ умственной и моральной оригинальности. У ребенка эта оригинальность проявляется въ вопросахъ, съ которыми онъ обращается къ учителю. Останавливая эти вопросы, задерживающіе иногда правильный ходъ занятій, мы убиваемъ въ зародышѣ все, что наиболѣе цѣнно въ интеллектуальной жизни. Преподаватель достигаетъ того, что ребенокъ или перестаетъ задаваться вопросами и ограничивается простымъ собираніемъ знанія, или онъ привыкаетъ скрывать свои мысли. Онъ сомнѣвается въ цѣнности своихъ собственныхъ мыслей и теряетъ способность отличать важные вопросы отъ ничтожныхъ. При такой системѣ преподаванія забота становится бременемъ, страданіемъ. Ребенокъ начинаетъ предпочитать игры и праздность скучной и неинтересной работѣ. Профессоръ Штаркъ говоритъ, что опытъ въ школѣ убѣдилъ его въ слѣдующемъ. Дѣти, привыкшія отъ раннихъ лѣтъ наблюдать, оцѣнивать явленія и упражнять свои умственныя дарованія въ границахъ, опредѣленныхъ степенью развитія, утрачиваютъ нѣсколько способность заучивать заданный урокъ. За то такія дѣти становятся болѣе смѣлы въ стремленіи пріобрѣтенія знанія, необходимость котораго сознаютъ. Дѣти научаются цѣнить наслажденіе, доставляемое творческой умственной дѣятельностью. Проступки подобныхъ дѣтей никогда не носятъ серьезнаго характера. Такимъ образомъ, исчезнетъ сама собою необходимость въ наказаніяхъ. Проступки являются послѣдствіемъ еще рудиментарнаго развитія критическаго отношенія къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ, столь свойственнаго дѣтямъ. Достаточно поговорить съ дѣтьми и объяснить имъ все несоотвѣтствіе, существующее между поступками ихъ и природными склонностями... Уроки морали не даютъ никакихъ результатовъ, если они основаны только на одномъ авторитетѣ, хотя бы и самомъ сильномъ.

«Легко можетъ случиться,—заканчиваетъ свой докладъ проф. Штаркъ,—что дѣти, въ концѣ концовъ, выработаютъ себѣ кодексъ морали, который нѣсколько будетъ отличаться отъ правилъ, рекомендуемыхъ учителями. Но мы отнюдь не должны стремиться къ воспитыванію людей, думающихъ, любящихъ и ненавидящихъ точно такъ же, какъ мы. Добрый преподаватель доволенъ, если видитъ въ воспитанникахъ, оставляющихъ школу, кипучую жизнь, любовь къ человѣчеству и уваженіе къ чужому мнѣнію и личности» *).

V.

Мы видѣли уже, какое громадное значеніе придаютъ нѣмецкіе, французскіе, англійскіе, американскіе и скандинавскіе педагоги

*) L'Education morale de l'enfant à l'école. Par C. N. Starke, Th. D. „Papers“, etc., p. p. 70—73.

принципу автономности средней школы. Всякая программа, выработанная въ центрѣ и навязанная путемъ циркуляровъ, является посягательствомъ на самыя основы моральнаго воспитанія. Громадное значеніе имѣетъ не только самоуправленіе учительскаго персонала, но и self-government воспитанниковъ. Мы познакомились уже со взглядами нѣкоторыхъ педагоговъ на то, какъ должна быть выработана школьная конституція. Объ этическомъ значеніи self-government учащихся прочиталъ интересный докладъ директоръ знаменитой школы въ Гарро (Harrow), сэръ Артуръ Хортъ. «Я слышалъ, что разъ маленькій мальчикъ, воспитанникъ моей школы, просилъ у товарища совѣта, какъ разрѣшить такого рода дилемму. Я ему велѣлъ явиться ко мнѣ въ 12 часовъ. Но «капитанъ» (т. е. мальчикъ, руководящій игрой въ крикетъ) тоже приказалъ ему явиться въ 12 часовъ, чтобы участвовать въ игрѣ. Маленькій мальчикъ допытывался у пріятеля, кому онъ долженъ скорѣе подчиниться: мнѣ ли, или «капитану». Пріятель посовѣтовалъ исполнить приказъ «капитана», который можетъ причинить мальчику больше непріятностей, чѣмъ директоръ. Вердиктъ этотъ, хотя не лестный для моего профессіональнаго самолюбія,—говоритъ сэръ Артуръ Хортъ,—свидѣтельствуетъ о крайне важномъ фактѣ. Воспитанникъ средней школы (public school) цѣнитъ авторитетъ товарищей больше, чѣмъ авторитетъ лицъ, поставленныхъ надъ нимъ. Чтобы мы, преподаватели, ни дѣлали, наиболѣе способный и сильный мальчикъ станетъ всегда во главѣ товарищей». Преподаватели въ англійскихъ среднихъ школахъ признаютъ этотъ фактъ и стараются только сдѣлать его болѣе моральнымъ. Этимъ объясняется, такъ называемая, monitorial system, т. е. признаніе наиболѣе способныхъ и пользующихся вліяніемъ мальчиковъ «мониторами» или представителями отъ цѣлаго класса. По мнѣнію сэра Артура Хорта, преподаватели хорошо дѣлаютъ, признавая, такимъ образомъ, вождей школьной республики. Мнѣ припоминается одинъ фактъ, который является иллюстраціей къ докладу сэра Артура объ отношеніи воспитанниковъ къ авторитету школьной республики и преподавателей. Бесѣдовали мы съ однимъ пріятелемъ-англичаниномъ, сынъ котораго воспитывается въ большой, старинной средней школѣ, находящейся въ провинціи. Рѣчь шла о тѣлесномъ наказаніи. Оно отходитъ въ область преданій почти во всѣхъ большихъ public schools и примѣняется въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. У меня есть возможность наблюдать одну изъ самыхъ большихъ и старинныхъ лондонскихъ среднихъ школъ St. Paul's. За три года въ четырехъ младшихъ классахъ (Colet Court) былъ только одинъ случай примѣненія тѣлеснаго наказанія. Совершенно испорченный мальчикъ, повидимому, дегенератъ, былъ уличенъ въ воровствѣ (это было завершеніе цѣлаго цикла пакостей). Мальчика высѣкли, т. е. директоръ далъ ему

шесть ударовъ тростью «по штанамъ» (Раздѣваніе никогда не примѣняется). На мальчика, какъ и слѣдовало ожидать, наказаніе не оказало никакого вліянія. Черезъ недѣлю онъ былъ опять уличенъ въ воровствѣ. Любопытно, что родные мальчика—очень богатые, даже по англійскимъ понятіямъ, люди. Маленькаго дегенерата послѣ этого удалили изъ школы, какъ раньше удаляли изъ цѣлаго ряда другихъ учебныхъ заведеній. Я сослался при разговорѣ съ пріятелемъ на этотъ фактъ, какъ на доказательство полной безполезности тѣлесныхъ наказаній, но встрѣтилъ въ англичанинѣ защитника ихъ. Онъ разсказалъ мнѣ такой случай: За play ground, т. е. за лугомъ, гдѣ играютъ воспитанники той школы, въ которой учится сынъ моего пріятеля, проходитъ линія желѣзной дороги (школа лежитъ въ полѣ, далеко отъ городка). Ежедневно въ полдень пролетаетъ здѣсь съ быстротой 80 верстъ въ часъ шотландскій экспрессъ. И вотъ мальчики выработали своеобразный крайне опасный спортъ: какъ только показывался экспрессъ, они съ стремительной быстротой перебѣгали черезъ рельсы. Если бы мальчикъ не то что споткнулся, а опоздалъ на пять секундъ, то былъ бы раздавленъ экспрессомъ. И каждый день одинъ изъ мальчиковъ, несмотря на неоднократное запрещеніе директора, перебѣгалъ такимъ образомъ рельсы. Наконецъ, директоръ объявилъ, что высѣчетъ того, который сдѣлаетъ это еще разъ. Къ этому времени всѣ школьники, кромѣ Рэджи, сына моего пріятеля, проявили уже свою смѣлость. И вотъ мальчики высыпали снова на лугъ Показался шотландскій экспрессъ, и Рэджи перебѣжалъ черезъ рельсы, не стараясь даже о томъ, чтобы «бульдоги» (надзиратели) не видѣли преступленія. Мальчика сейчасъ же потребовали къ директору.

— Вы знали о моемъ запрещеніи?—спросилъ тотъ.

— Да, сэръ.

— Вы знаете, что ждетъ ослушника?

— Да, сэръ.—Мальчикъ тутъ же былъ высѣченъ директоромъ.

— Но вѣдь это озлобило вашего сына?—сказалъ я пріятелю.

— Озлобило? Нисколько. Онъ сказалъ мнѣ: «Я зналъ, на что иду. Всѣ мальчики показали, что они не трусы, кромѣ меня. Я не хотѣлъ, чтобы товарищи думали, будто я прикрываю свою трусость запрещеніемъ. Я доказалъ имъ, что у меня столько же смѣлости, сколько у нихъ. Что касается директора, то онъ тоже былъ правъ. Я не злюсь на него. Онъ тоже меня понялъ: мы послѣ обмѣнялись рукопожатіемъ.

Этотъ случай, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько англійскій мальчикъ считается съ авторитетомъ школьной республики въ public schools. Сэръ Артуръ Хортъ доказываетъ дальше въ своемъ докладѣ, что «республика школьниковъ» имѣетъ

громадное воспитательное значеніе, если только педагогъ умѣетъ воспользоваться ими *).

Культивированію иниціативы у дѣтей посвященъ крайне интересный докладъ преподавателя въ Collège Rollin, Поля Крузэ.

«Духъ иниціативы вполнѣ присущъ дѣтямъ,—говоритъ докладчикъ.—Нѣтъ почти такихъ дѣтей, которыя не проявили бы тѣхъ или другихъ природныхъ наклонностей или хотя бы слабаго желанія. Одни дѣти выдумываютъ фантастическіе разсказы, другія—комбинируютъ игрушки или игры. Одни проявляютъ большій умъ, другія—болѣе практичны, но почти всѣ имѣютъ отъ природы иниціативу. Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго, такъ какъ иниціатива зависитъ, главнымъ образомъ, отъ воображенія, составляющаго преобладающую способность дѣтей». Къ сожалѣнію, часто случается, что естественное проявленіе иниціативы, развитіе которой имѣетъ громадное значеніе, забывается не только школой, но и семьей. Дѣтскій умъ мечтаетъ о разныхъ формахъ проявленія дѣятельности: ребенку хочется завоевывать міръ, стать знаменитымъ путешественникомъ, воздухоплавателемъ, морякомъ, золотопріискателемъ, арканзаскимъ охотникомъ, а мать его не позволяетъ ему одѣваться самому. Бабушка, какъ сѣтью, опутываетъ внучка совѣтами и воркотней. Ребенокъ уже проявляетъ любознательность, умѣнье думать, творческое воображеніе, а учитель сковываетъ его своими программами и толкаетъ его на избитую дорогу своего метода. Педагогъ желаетъ, чтобы ребенокъ повторялъ слова учителя возможно болѣе точно. Въ концѣ концовъ, иниціатива воспитанника убивается. Вмѣсто оригинальнаго ума мы получаемъ только «копію съ педагога, un éternel copiste», по выраженію Крузэ. Такимъ образомъ, очень часто семья и школа заключаютъ двойственный союзъ для похода противъ иниціативы ребенка. Иногда школа и семья представляютъ два враждующихъ лагеря; но и тогда оригинальность ума ребенка страдаетъ точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда онѣ соединяются вмѣстѣ. Авторъ доклада не согласенъ также съ другою крайностью, которую отстаиваетъ Л. Н. Толстой въ своихъ педагогическихъ статьяхъ. Читатели помнятъ, конечно, отношеніе великаго писателя къ такъ называемой школьной дисциплинѣ. «Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили, ребята!» или «будетъ! брось виски-то!» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю, «вели имъ бросить». «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкафу; изъ кучи на полу—верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу умень-

*) Sir *Artur F. Hort*, The Ethical Value of Self-Government in Schools. „Papers“, etc. P. p. 89—90.

шается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкафу и кричатъ: «и мнѣ, и мнѣ» «Гораздо легче оставить ихъ (мальчиковъ) самихъ успокоиться,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Толстой,—чѣмъ насильно разсадить ихъ». Иниціатива дѣтей должна опредѣлять, по мнѣнію Л. Н., распредѣленіе уроковъ. «По расписанію, до обѣда значится четыре урока, а выходитъ иногда три или два, и иногда совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и, вмѣсто одного часа, классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «Нѣтъ еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. «Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ»,—говорятъ они презрительно». «Подчиняясь законамъ только естественнымъ, вытекающимъ изъ ихъ природы, они не возмущаются и не ропщутъ, подчиняясь вашему преждевременному вмѣшательству, они не вѣрятъ въ законность вашихъ звонковъ, расписаній и правилъ». «Я убѣжденъ, что... школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать, что лучшая полиція и администрація школы состоитъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собою, какъ имъ хочется... Пускай тамъ, въ мірѣ, который называютъ дѣйствительнымъ... въ мірѣ, гдѣ разумно не то, что̀ разумно, а то, что̀ дѣйствительно,—пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумываютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ міръ дѣтей—людей простыхъ, независимыхъ—долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванія и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры въ самообманыванія въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ» *).

Мы видѣли, что многіе взгляды, высказанные съ такою силою великимъ русскимъ писателемъ въ 1862 г., нашли отраженіе въ прочитанныхъ въ 1908 г. докладахъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др. педагоговъ. Таковы, напр., взгляды на наказанія, на воспитательное значеніе товарищескаго круга и пр. Но Крузэ находитъ, что Л. Н. Толстой ошибается, когда всю программу преподаванія предоставляетъ иниціативѣ учащихся. «Car qui dit initiative, ne dit pas anarchie»,—прибавляетъ французскій педагогъ (Иниціатива не значитъ анархія). «Теперь всюду наблюдается стремленіе развивать иниціативу дѣтей,—заканчиваетъ Крузэ.—Для развитія прогресса въ мірѣ иниціатива необходима. Человѣкъ съ иниціативой это—дѣятель прогресса и цивилизаціи» **).

---

*) Сочиненія графа Л. Н. Толстого, т. IV (изданіе девятое), стр. 192—202.

**) *Paul Crouzet*, „La culture de l'initiative au foyer et à l'école", „Papers", etc., p. p. 303—311.

VI.

Много докладовъ посвящено было дѣтскимъ книгамъ. Въ рефератахъ нѣмецкихъ педагоговъ мы слышимъ знакомые мотивы. Ректоръ Вольгастъ изъ Гамбурга и профессоръ Іоганессонъ изъ Берлина въ своихъ докладахъ доказывали, что хорошая дѣтская книга должна представлять сочетаніе реальнаго съ идеальнымъ. Идеальный міръ долженъ преобладать надъ «грубой дѣйствительностью». По мнѣнію этихъ докладчиковъ, великія классическія произведенія являются неизмѣримо болѣе подходящимъ чтеніемъ для дѣтей, чѣмъ спеціальная литература (Jugendschriften) съ ея моралью, пришитой бѣлыми нитками. Нѣмецкіе педагоги того мнѣнія, что школа должна строго контролировать чтеніе дѣтей. Младшимъ воспитанникамъ слѣдуетъ совсѣмъ воспретить внѣшкольное чтеніе. Старшіе воспитанники должны читать только то, что соотвѣтствуетъ планамъ школы. Чтобы воспитанники не могли доставать опасныхъ для себя книгъ, слѣдуетъ воспретить открытую продажу въ книжныхъ лавкахъ соблазнительныхъ произведеній *). Однимъ словомъ, эти нѣмецкіе педагоги выражаютъ полное недовѣріе семьѣ въ противоположность англійскимъ воспитателямъ. Англійская средняя школа исходитъ изъ того положенія, что родители такъ же компетентны въ выборѣ книгъ для своихъ дѣтей, какъ и учителя. Интересенъ докладъ о дѣтскихъ книгахъ Реджинальда Брэя **). Дѣти любятъ три рода книгъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ свои собственныя достоинства,—говоритъ докладчикъ. Это: 1) книги, описывающія міръ матеріальныхъ фактовъ, 2) книги, проповѣдующія мятежъ противъ міра матеріальныхъ фактовъ, и 3) соединеніе и примиреніе книгъ обоего рода, или произведенія, въ которыхъ изображается подчиненіе міра матеріальныхъ фактовъ міру идеаловъ. Книги перваго типа въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворяютъ любознательность дѣтей, снабжая ихъ фактами изъ области исторіи, естествознанія или географіи. Лучшія книги этого рода представляютъ систематизированный разсказъ о связныхъ группахъ естественныхъ явленій или о человѣческой дѣятельности. Въ худшемъ случаѣ такія книги даютъ отрывочныя свѣдѣнія или отдѣльные факты. Воспитателю остается только устранить книги, трактующія о предметахъ, о которыхъ воспитаннику рано еще знать, а затѣмъ слѣдуетъ ему предоставить свободу. Необходимо только разнообразіе въ подборѣ книгъ этого рода, дабы пробудить возможно больше любознательность

---

*) *Heinrich Wolgast*, Jugendliteratur. „Papers", etc., p. p. 109—112. *Dr. Fritz Johannesson*, Die Hauslektüre der Schüler, „Papers", etc., p. p. 112—116.

**) *Reginald A. Bray*, Children and Libraries, „Papers", etc., p. p. 107—109.

дѣтей. Такимъ образомъ, путемъ чтенія они пріобрѣтутъ большой запасъ разнообразныхъ знаній. Слѣдуетъ помнить, что въ дѣтствѣ складываются наши научные вкусы. Главнымъ результатомъ отъ чтенія книгъ подобнаго рода должно быть все болѣе и болѣе крѣпнущее сознаніе, что въ мірѣ все связано одною цѣпью причинъ и слѣдствій.

Но дѣтскій умъ въ концѣ концовъ протестуетъ противъ такого заключенія. Міръ, въ которомъ все сковано, кажется ребенку скучнымъ, пошлымъ и лишеннымъ красоты. Послѣдствіемъ протеста противъ матеріальнаго міра является увлеченіе волшебными сказками. Главная особенность волшебной сказки заключается въ томъ, что герои ея по своему желанію могутъ порвать съ тѣснымъ міромъ обычнаго существованія. Весьма вѣроятно, что дѣти никогда не увѣрены вполнѣ въ существованіи фей и другихъ героинь и героевъ волшебной сказки, точно такъ какъ дѣвочка никогда не убѣждена вполнѣ въ томъ, что ея кукла—живое существо. Но за то дѣти глубоко убѣждены въ томъ, что волшебныя сказки представляютъ гораздо болѣе вѣрную картину міра, чѣмъ какая-либо другая книга. Сказки отвѣчаютъ на заложенное въ каждомъ изъ насъ сознаніе, что въ природѣ вещей скрыто чудо. Онѣ гармонируютъ съ примитивной интуиціей, утверждающей, что человѣкъ властелинъ, а не рабъ окружающихъ условій. Вотъ почему въ дѣтскихъ библіотекахъ долженъ быть большой запасъ сказокъ всякаго рода. Часто говорятъ, что мораль многихъ народныхъ сказокъ сомнительна, а то совершенно отсутствуетъ. Быть можетъ, это и такъ,—говоритъ Брэй,—но это не имѣетъ существеннаго значенія. Значеніе волшебной сказки—не въ морали, заключающейся въ ней, а въ протестѣ противъ грубаго, примитивнаго взгляда на жизнь. И если эта нота протеста слышится, намъ нечего требовать большаго. Въ наше время, когда изъ года въ годъ люди все больше и больше скучиваются въ городахъ и теряютъ способность понимать природу, — необходимо всячески поощрять протестъ противъ міра матеріальныхъ фактовъ. Волшебныя сказки удивительно пригодны для этого.

Книги перваго типа изображаютъ міръ съ его грубой дѣйствительностью. Книги второго типа населяютъ его самыми причудливыми образами, порожденными воображеніемъ. Наконецъ, предъ нами книги третьяго типа, представляющія своего рода синтезъ. Онѣ изображаютъ одновременно міръ реальный и идеальный. Идеалы господствуютъ надъ дѣйствительностью и подчиняютъ ее себѣ. Такимъ образомъ два различныхъ фактора согласованы. Авторъ доклада имѣетъ въ виду хорошіе разсказы о приключеніяхъ въ различныхъ странахъ, представляющіе собою одно изъ любимыхъ чтеній англичанъ. «Книги эти говорятъ о смѣломъ стремленіи къ намѣченной цѣли, для достиженія которой преодолѣваются всѣ препятствія. Мы имѣемъ передъ собою героическія побужденія, —

говоритъ Брэй,—а все героическое находитъ откликъ въ дѣтскихъ сердцахъ. Ребенокъ, читая такія книги, такъ сказать, живетъ въ будущемъ. Онъ самъ видитъ себя смѣлымъ изслѣдователемъ, стремящимся черезъ ледяныя поля къ сѣверному полюсу и героемъ, беззавѣтно жертвующимъ собою для достиженія идеала. Дѣтская библіотека должна имѣть большой запасъ книгъ подобнаго рода».

Я упомянулъ уже про германскихъ педагоговъ, предлагающихъ для борьбы съ безнравственными книгами заручиться содѣйствіемъ властей. Слушая эти доклады, мнѣ припоминались два мѣста изъ «Грозы». Странница Ѳеклуша приходитъ въ умиленіе отъ праведной жизни купечества въ городѣ Калиновѣ. «Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе! - набожно бормочетъ она.—Красота дивная! Да что ужъ говорить! Въ обѣтованной землѣ живете! И купечество все народъ благочестивый, добродѣтелями многими украшенный! Щедростью и подаяніями многими!» У Кулигина нѣсколько иной взглядъ на благочестивыхъ обывателей города Калинова. «И что, сударь, за этими замками разврату темнаго, да пьянства!—говоритъ калиновскій мечтатель Борису.—И все шито да крыто—никто ничего не видитъ и не знаетъ, видитъ только одинъ Богъ». Преслѣдуя полицейскими мѣрами, такъ называемую, безнравственную литературу, мы добьемся лишь того, что наступитъ такое же «бла-алѣпіе», какое изображаетъ Ѳеклуша. У полиціи должны быть вполнѣ опредѣленныя функціи: слѣдить за тѣмъ, чтобы воришки не залѣзали въ карманы и чтобы ночью обыватель могъ спать спокойно, не страшась громилъ. Полиція очень плохой литературный критикъ и никуда не годится, какъ оцѣнщикъ «нравственнаго» и «безнравственнаго». Въ особенности плохо разбирается она въ этомъ тамъ, гдѣ на полиціи лежитъ еще функція слѣдить за проститутками. Свои пріемы, выработанные при обращеніи съ уличными женщинами, полиція тамъ примѣняетъ къ литературѣ. Понятіе о «безнравственности» крайне растяжимо и условно. Въ исторіи литературы мы видимъ, какъ съ полицейской точки зрѣнія абсолютно «безнравственныя» по формѣ произведенія заключаютъ высоко нравственную мораль. Если бы современный авторъ написалъ что-нибудь подобное девятнадцатой главѣ книги Бытія, полицейскіе критики завопили бы о гибели нравственности. Перейду, однако, къ свѣтской литературѣ. Съ точки зрѣнія обычной морали авторъ, написавшій такія вещи, какъ четвертая новелла пятаго дня (Rusignuolo), какъ девятая новелла девятаго дня (та самая, въ которой монахъ, уступая просьбамъ своего пріятеля Пietро, колдуетъ «per far diventar la moglie una cavalla»). Но у того же «безнравственнаго» автора мы находимъ такую поразительную для четырнадцатаго вѣка проповѣдь религіозной терпимости, которая имѣетъ всю свою силу даже теперь, черезъ $5^1/_2$ вѣковъ. Я говорю о третьей новеллѣ перваго дня (novella di tre anella), которую мы больше знаемъ по лессинговской передѣлкѣ

въ «Натанѣ Мудромъ». Тотъ самый герой «Декамерона», который разсказываетъ десятыя сказки каждаго дня и превосходитъ всѣхъ своею «фривольностью», повѣствуетъ трогательную повѣсть про Гризельду. Наконецъ, вдумываясь въ самыя «фривольныя» новеллы, мы находимъ подъ скабрезной оболочкой поразительныя по смѣлости мысли, за которыя жгли на кострахъ еще въ XVIII в., да и въ наше время за высказываніе подобныхъ мыслей авторъ не вездѣ безопасенъ. Я имѣю въ виду десятую новеллу шестого дня (про монаха Чиполла, обѣщавшаго показать перо архангела Гавріила) и десятую новеллу третьяго дня (про Алибеку и пустынника). Тотъ же «безстыдный» разсказчикъ десятыхъ новеллъ высказываетъ въ XIV вѣкѣ политическій принципъ, который былъ признанъ много вѣковъ спустя. «Каждый король, если онъ справедливъ, долженъ раньше другихъ исполнять законы, имъ же установленные. И если онъ поступаетъ иначе, его слѣдуетъ признать не королемъ, а рабомъ, достойнымъ наказанія» *). Итакъ, полиція не годится для оцѣнки того, что «прилично» или «неприлично» въ литературѣ. Съ точки зрѣнія такихъ блюстителей нравственности, какъ шпіоны Карла X и Луи Филиппа, были «безнравственны» не только шаловливыя стихотворенія Альфреда Мюссэ, въ р дѣ «Ballade à la Lune», но и поэмы: «Mardoche» и «Namouna». Мы видимъ, какъ произведенія, встрѣченныя при своемъ появленіи воплями и обращеніями къ полиціи,—съ теченіемъ времени начинаютъ свободно обращаться на рынкѣ. Эти книги не только никого не «развращаютъ», но признаются даже самымъ подходящимъ чтеніемъ для подростающаго поколѣнія. Въ Англіи подобное случилось съ романомъ Шарлоты Бронте: «Джэйнъ Эйръ». При появленіи его суровые блюстители нравственности взывали къ палачу. Теперь этотъ наивный, хотя очень талантливый романъ дарятъ пятнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Возьму другой примѣръ. Лѣтъ четырнадцать тому назадъ появился въ Англіи романъ *Woman who did* (Грэнтъ-Аллэна), встрѣченный буквально воемъ. Вотъ что писала тогда г-жа Фаусэтъ, вождь феминистскаго движенія и обладательница нѣсколькихъ ученыхъ степеней. «Обезьяна и тигръ, живущіе въ мужчинѣ, возстаютъ иногда противъ тѣхъ узъ, которыми цивилизація сковала ихъ похоть. По мѣрѣ того, какъ цивилизація растетъ, обезьяна и тигръ слабѣютъ. Порой, однако, они пытаются разорвать оковы и издаютъ глухое рычаніе. Доказательствомъ тому является романъ Грэнтъ-Аллэна». Г-жа Фаусэтъ взывала къ полиціи, умоляя ее конфисковать развратный романъ и сжечь его рукой палача. Романъ надолго исчезъ съ книжнаго рынка. Только теперь онъ перепечатанъ и выпущенъ

---

*) «Manifestissima cosa è che ogni giusto re primo servatore dee essere delle leggi fatte da lui, e se altro ne fa, servo degno di punizione, e non re, si dee giudicare». (*Il Decameron*, Novella X, giornata VII).

дешевымъ изданіемъ... И Англія стоитъ, тѣмъ не менѣе, тамъ же, гдѣ и прежде. Объ этомъ романѣ русская публика можетъ судить, такъ какъ онъ переведенъ года два тому назадъ, если мнѣ не измѣняетъ память.

Но, безъ сомнѣнія, есть безнравственная литература, разсчитанная на самые низменные инстинкты публики. Литература эта покрыта липкой, вонючей грязью. Она написана не просто для развратниковъ, а для психопатовъ, страдающихъ извращенностью чувствъ. Что дѣлать съ нею? Устанавливать цензора? Облекать полицію полномочіями? Отвѣтъ на это даетъ намъ Джемсъ Мэрчантъ, прочитавшій на конгрессѣ по моральному воспитанію докладъ о безнравственной литературѣ и такихъ же рисункахъ *). «Громадный финансовый успѣхъ грязныхъ книгъ, лишенныхъ всякихъ литературныхъ достоинствъ, но крайне ходкихъ вслѣдствіе спеціальности сюжетовъ, вызвалъ теперь къ бытію массу скабрезныхъ повѣстей, написанныхъ по преимуществу женщинами», — говоритъ докладчикъ. — «Мы имѣемъ теперь въ Англіи отъ 10 — 15 періодическихъ изданій съ тиражемъ почти въ полмилліона, которыя мы должны признать крайне опасными для нравственности». Авторъ имѣетъ въ виду еженедѣльные пенсовые «магазины», обращающіеся, по преимуществу, среди горничныхъ, молодыхъ приказчиковъ и пр. «Магазины» эти напечатаны на скверной бумагѣ, наполнены невѣроятными рисунками и еще болѣе невѣроятными повѣстями, бездарными до одури. Говорятъ, поставщики и поставщицы этой идіотской литературы вырабатываютъ до 20 тысячъ руб. въ годъ: до такой степени силенъ спросъ на нее. Литература эта, по выраженію докладчика, взываетъ «ко всему скотскому въ человѣкѣ». То же самое слѣдуетъ сказать объ «открыткахъ», крайне бездарныхъ и грубыхъ по выполненію. Лучшіе англійскіе издатели составили теперь союзъ съ цѣлью бороться съ безнравственной литературой. Они не принимаютъ рукописей съ предосудительнымъ содержаніемъ. Такой же союзъ составили книгопродавцы (Newsagents' Federation съ президентомъ Шэкльтономъ, извѣстнымъ коммонеромъ-радикаломъ во главѣ). «Моральная цензура подобнаго рода неизмѣримо лучше цензуры государственной»,—говоритъ докладчикъ. — Подъ «государственной цензурой» онъ подразумѣваетъ полицію, прочитывающую сомнительныя произведенія *послѣ* ихъ появленія, для привлеченія автора и издателя къ суду. Но больше всего можетъ сдѣлать для борьбы съ безнравственной литературой *общественное мнѣніе*. Бездарная порнографическая литература существуетъ только потому, что есть спросъ на нее. Если бы публика перестала покупать ее, она бы исчезла, какъ роса въ іюльское утро. Публи-

*) *James Marchant*, „The Censorship of Low Grade Literature and Illustrations". „Papers", etc. P. p. 214—216.

читаетъ такія произведенія, потому что ея художественный вкусъ мало развитъ. Людей съ сколько-нибудь выработаннымъ вкусомъ тошнитъ отъ литературы, предназначенной, собственно говоря, для завсегдатаевъ лупанаріевъ и для душевно-больныхъ, страдающихъ извращенностью чувствъ. Грубые, бездарные рисунки покупаются только потому, что у большой публики не выработанъ артистическій вкусъ. И вотъ Джемсъ Мэрчантъ рекомендуетъ для борьбы съ грубой и безнравственной литературой не полицейскія преслѣдованія, какъ германскіе педагоги, а развитіе художественныхъ и литературныхъ вкусовъ публики. Въ XVII вѣкѣ англійская образованная публика зачитывалась романами: «Развратникъ», «Насильственный бракъ», «Монахиня» и другими невѣроятно скабрезными произведеніями Афры Бэнъ (Aphra Behn) или поэмами лорда Рочестра, которыхъ даже названія не могутъ быть приведены теперь. Бэнъ и Рочестръ находили десятки подражателей, потому что литература эта была въ большомъ спросѣ. Въ театрѣ давались произведенія Уичерли, Оутвэй, Ковентри и др., посвященныя той же темѣ. Но вотъ вкусы образованной части англійскаго общества развились, и скабрезная литература исчезла безъ слѣда (Тогда, кромѣ выше среднихъ классовъ и аристократіи, книгъ никто не покупалъ). Въ XVII и началѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ испанскихъ «плутовскихъ» романовъ, появилась въ Англіи своя литература подобнаго рода. Сперва она была талантливая (въ этомъ родѣ писали и Дефо, и Фильдингъ); потомъ явились бездарные подражатели. «Воровская» литература исчезла безслѣдно, когда развились вкусы публики. Она воскресла снова въ XIX вѣкѣ и имѣетъ теперь Конана Дойля; почитатель этихъ произведеній—новый типъ. Онъ пріобщенъ къ грамотѣ еще очень недавно. Когда разовьются литературные вкусы и этого читателя, исчезнетъ изъ книжныхъ лавокъ *Шерлокъ Хольмсъ*. Для воспитанія художественнаго вкуса англійскихъ массъ очень много сдѣлала уже издательская фирма «Рафаэль Тукъ и К°». Она выпустила и выпускаетъ изящныя, художественно-выполненныя «открытки». Тутъ—великолѣпные снимки съ картинъ иностранныхъ и англійскихъ великихъ мастеровъ (гравюры и хромо-литографіи), виды мѣстъ, воспѣтыхъ англійскими поэтами и романистами, портреты знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей и писателей и пр. Изящные рисунки, продающіеся по такой же цѣнѣ, какъ вульгарныя, аляповатыя и бездарныя порнографическія «открытки», вытѣсняютъ мало-по-малу послѣднія. Итакъ, воспитайте литературные и художественные вкусы публики, и она перестанетъ покупать бездарную, грубую порнографію. Послѣдняя тогда быстро исчезнетъ. Тутъ полиціи дѣлать нечего.

VII.

Для развитія здоровыхъ вкусовъ лучше всего—знакомство съ природой. На эту тему на конгрессѣ прочитанъ былъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ докладовъ. «Всѣ дѣти проявляютъ интересъ къ животнымъ и растеніямъ,—говоритъ г-жа Wyss, стоящая во главѣ одного изъ лондонскихъ учительскихъ институтовъ (London Day Training College). Если педагогъ умѣетъ воспользоваться этой любовью, то онъ можетъ открыть передъ своими воспитанниками безконечное поле высокихъ эстетическихъ наслажденій. Знакомство съ природой развиваетъ въ насъ чувство альтруизма, такъ какъ мы видимъ себя частью великаго космоса, а не чѣмъ-то обособленнымъ и отдѣленнымъ. Природа, если мы умѣемъ ее читать, даетъ тѣ высокія эмоціи, которыя вѣрующіе люди получаютъ отъ молитвы. Наконецъ, біологическое приближеніе къ половымъ проблемамъ крайне полезно для моральной чистоты,—говоритъ докладчица.—Дѣти знакомятся съ этими проблемами, какъ съ чѣмъ то простымъ и естественнымъ и привыкаютъ смотрѣть на нихъ совершенно объективно. Съ дѣтьми можно говорить о размноженіи цвѣтовъ. Такимъ же образомъ можно говорить о размноженіи животныхъ. И при правильной постановкѣ преподаванія воображеніе молодого натуралиста не будетъ запачкано ничѣмъ грязнымъ. Такимъ образомъ,—доказываетъ г-жа Wyss,—изученіе космоса является наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для развитія этической и моральной природы ребенка, такъ какъ изученіе это не только развиваетъ способность къ точному мышленію, къ точному способу выраженія и говоритъ намъ объ альтруизмѣ,—но подготовляетъ также путь къ правильному поведенію тогда, когда жизнь предъявитъ впослѣдствіи болѣе серьезныя требованія *). О роли естественныхъ наукъ въ моральномъ воспитаніи прочиталъ также докладъ докторъ Жоржъ Бовизажъ изъ Ліона. Проподаваніе естественныхъ наукъ должно начинаться очень рано. Для первыхъ уроковъ книги совершенно ненужны. Маленькія дѣти могутъ накопить много фактовъ изъ естественной исторіи раньше, чѣмъ научатся читать. Учитель долженъ научить дѣтей, какъ *видѣть*, какъ *замѣчать* и какъ *наблюдать*. Дѣтей слѣдуетъ пріучить къ тому, какъ смотрѣть на явленія съ цѣлью найти отвѣтъ на вопросъ, роящійся въ головѣ. Это въ высшей степени важно. Мы можемъ видѣть безчисленное множество людей, не умѣющихъ *наблюдать*. Имъ гораздо легче создать фантастическую гипотезу, чѣмъ причинно связать нѣсколько явленій, случающихся повседневно. Дѣти должны кон-

*) *Miss C. Wyss.* The Contrbution of Nature-Study to Moral Education. „Papers" p. p. 160—161.

статировать явленія, а затѣмъ пріучиться къ точному разсказу о немъ. Преподаватель направляетъ дѣтей, задавая имъ вопросы. Само собою разумѣется, что преподаватель долженъ не только *всесторонне* знать естественныя науки, но и быть проникнутъ вполнѣ философскими принципами метода наблюденія. Дальше дѣти должны пріучиться *анализировать* явленія. Чтобы руководить учениковъ, преподаватель долженъ имѣть большое знанія общихъ идей и ихъ іерархіи. Философски образованный преподаватель сумѣетъ рано познакомить дѣтей съ основными началами, съ общими идеями, заложенными въ фундаментъ всѣхъ точныхъ наукъ. Докладчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Естественныя науки, развивая наблюдательность, критическій умъ, любознательность и способность къ точному мышленію, должны составлять поэтому основу преподаванія. Преподаваніе ихъ слѣдуетъ начать очень рано, слѣдуя философски-научному методу. Только впослѣдствіи должно приступить къ анализу физіологическихъ функцій.

До сихъ поръ мы видѣли объектомъ воспитанія только морально здоровыхъ дѣтей. Посмотримъ теперь, какъ отнесся конгрессъ къ воспитанію морально *больныхъ* дѣтей, т. е. малолѣтнихъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ докладъ Чезаре Ломброзо *). Эксцентричный итальянскій ученый, исходя изъ положенія, что преступникъ представляетъ антропологически особый типъ, доказываетъ, что исправленіе его невозможно: «Учить преступника—значитъ совершенствовать его въ искусствѣ причиненія зла; это значитъ—давать ему новое оружіе противъ общества. Раньше всего поэтому слѣдуетъ упразднить при тюрьмахъ всѣ школы для взрослыхъ преступниковъ, такъ какъ онѣ создаютъ только рецидивистовъ». Для доказательства этого тезиса, Ломброзо ссылается на свою же собственную книгу «Преступный человѣкъ». Туринскій профессоръ пропускаетъ безъ вниманія всѣ тѣ возраженія, которыя ему дѣлались въ разное время, напр., слѣдующее. Изъ тюремъ выходятъ рецидивисты не потому, что существуетъ «преступный типъ» и не потому, что тюремныя школы даютъ новое оружіе ему, а потому, что современная пенитенціарная система убиваетъ въ заключенномъ всякую иниціативу и волю. Къ тому же, при современномъ строѣ, безработному, вообще, очень трудно найти занятія, а въ особенности это трудно человѣку, вышедшему изъ тюрьмы послѣ многолѣтняго заключенія. Возвратимся, однако, къ докладу Ломбразо. По мнѣнію туринскаго профессора слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы обучать преступниковъ, а о томъ, чтобы дать образованіе возможно большему числу честныхъ людей. «Слѣдуетъ укрѣплять тѣло пріятными занятіями на открытомъ воздухѣ. Такимъ образомъ мы предупредимъ гораздо лучше

---

*) Prof. *Cesare Lombroso*, „Traitement Moral du jeune Criminel“, „Papers“, p. p. 216—222.

чѣмъ уроками морали, лѣнь и раннюю половую зрѣлость... Если въ начальной школѣ будетъ найдено дитя, проявляющее характерныя черты прирожденнаго преступника, то его слѣдуетъ раньше всего отдѣлить отъ другихъ и примѣнить къ нему спеціальный методъ воспитанія, цѣлью котораго является развитіе задерживающихъ центровъ. Послѣдніе всегда слабы у прирожденныхъ преступниковъ. Необходимо укротить и, такъ сказать, канализировать дурныя наклонности, открывая имъ полезный выходъ. Въ то же время необходимо препятствовать прирожденному преступнику совершенствоваться въ его опасномъ искусствѣ». Прирожденныхъ преступниковъ въ особенности слѣдуетъ бояться теперь. «Въ настоящее время,—говоритъ Ломброзо,—политическія условія даютъ легкую возможность прирожденнымъ преступникамъ, получившимъ образованіе, достигнуть власти. Италія и Франція были бы гораздо болѣе счастливы; десятки тысячъ людей не погибли бы, останься такіе прирожденные преступники, какъ Наполеонъ, Буланже или Криспи неграмотными». Можно сказать только, что «прирожденные преступники», добившіеся власти, охотнѣе всего готовы воспользоваться теоріей Ломброзо, чтобы устранить отъ школы совершенно нормальныхъ людей. Вѣдь о томъ, кто такой мальчикъ, ищущій образованія: «прирожденный ли преступникъ» или нѣтъ,—рѣшили бы именно «прирожденные преступники» въ казенныхъ вицъ-мундирахъ или продажныя твари, вдохновленныя «прирожденными преступниками».

Чтобы школа была полезна,—продолжаетъ Ламброзо,—необходимо измѣнить базисъ нашего воспитанія. Путемъ проповѣдуемаго въ школахъ культа прекраснаго и силы мы насаждаемъ въ воспитанникахъ лѣнь, непослушаніе и уваженіе къ насилію. Основой школьнаго воспитанія должно быть, по преимуществу, развитіе характера. Школа должна укрѣпить характеръ, если онъ не рѣшителенъ, создать его, если онъ еще не существуетъ, и направить его на должный путь, если онъ уклонился. Всѣ эти замѣчанія въ особенности относятся къ исправительнымъ домамъ, куда, по мнѣнію Ломброзо, слѣдуетъ направлять всѣхъ дѣтей съ преступными наклонностями. Туринскій профессоръ совѣтуетъ завѣдующимъ этими домами избѣгать суровыхъ наказаній, которыя только ожесточаютъ характеръ малолѣтнихъ прирожденныхъ преступниковъ, и безъ того склонныхъ къ жестокости. Отборъ дѣтей въ школахъ долженъ быть сдѣланъ очень тщательно. Изысканія, сдѣланныя недавно въ Италіи (Studi antropologici in servizio alla pedagogia), показали, какъ великъ процентъ ненормальныхъ дѣтей въ школахъ. Изъ 333 изслѣдованныхъ школьниковъ у 13% оказались важныя ненормальности черепа. Изъ дѣтей съ такими ненормальными черепами 44% не поддавались дисциплинѣ, тогда какъ изъ дѣтей съ нормальными черепами недисциплинированныхъ было 24%. Среди ненормальныхъ дѣтей было 23% тупицъ и 27% съ очень плохими способ-

ностями. Изъ 43 «ненормальныхъ» дѣтей, изслѣдованныхъ въ другомъ мѣстѣ, 8 жаловались на безпрерывныя головныя боли и были неспособны къ усидчивой работѣ. Двѣнадцать дѣтей обнаруживали крайнюю импульсивность, раздражительность и полное отсутствіе самообладанія. Шесть дѣтей были типичные поирожденные преступники, совершенно лишенные нравственнаго чувства.

По мнѣнію Ломброзо, почти идеальными исправительными домами для маленькихъ преступниковъ являются Учрежденія Барнардо въ Англіи. Къ слову сказать, тутъ какое то недоразумѣніе. «Barnardo Institutions», основанныя недавно скончавшимися филантропомъ и педагогомъ, отнюдь не *исправительныя* дома. Это — открытые пріюты для бездомныхъ уличныхъ дѣтей, не имѣющихъ родителей. Эти дѣти могутъ во всякое время зайти туда и *уйти*, если захотятъ. Маленькихъ скитальцевъ (waifs, по англійской терминологіи) воспитываютъ въ учрежденіяхъ Барнардо, посылаютъ юнгами на корабли или отправляютъ въ Канаду и другія колоніи. Барнардовскія учрежденія, несомнѣнно, приносятъ громадную пользу. Года четыре тому назадъ покойный Барнардо праздновалъ свой юбилей. Къ этому времени въ Лондонъ съѣхались изъ Америки, Южной Африки и Австраліи тысячи зажиточныхъ фермеровъ, потомъ матросы, шкиперы купеческихъ кораблей, машинисты, учителя, клэрки и пр. Всѣ они были когда-то уличными «waifs», которыхъ пріютили Барнардовскія учрежденія и «вывели въ люди». Все это такъ, но при чемъ тутъ теорія о прирожденныхъ преступникахъ?

Діонео.

Революція ближняго Востока.

I.

Такъ внезапно вспыхнувшая турецкая революція лишній разъ подтверждаетъ мысль о неизбѣжности общаго политическаго процесса, который увлекаетъ всѣ страны въ одномъ направленіи, а именно ко все большей и большей демократизаціи учрежденій. Давно-ли, напр., русскіе реакціонеры съ важностью разсуждали о томъ, что понятіе объ общемъ политическомъ прогрессѣ есть измышленіе зловредныхъ умовъ, и что наши отечественныя формы власти представляютъ собой особый высшій типъ государственнаго организма, который безъ всякаго измѣненія можетъ существовать и процвѣтать въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій, въ

поученіе рядомъ съ нимъ живущимъ, но совершенно чуждымъ ему низшимъ по типу политическимъ тѣламъ, зараженнымъ гангреною свободы личности, народной власти и т. п. Событія послѣднихъ лѣтъ показали, что и для нашей эволюціи нѣтъ особаго пути. И нашъ государственный строй низошелъ со степени неподвижныхъ, вѣчныхъ божественныхъ учрежденій на степень земныхъ, подлежащихъ, какъ все въ этомъ мірѣ, законамъ развитія. И какъ бы ни упирались наши носители «отечественныхъ завѣтовъ», имъ придется продѣлать тотъ самый неизбѣжный путь демократизаціи власти, который болѣе культурныя страны продѣлали раньше.

Въ Турціи были политическіе философы, точь въ точь такого-же рода, какъ и наши, взиравшіе на всю Европу съ высоты особаго истинно-турецкаго міровоззрѣнія, согласно которому для Имперіи Правовѣрныхъ никакіе законы развитія не писаны: пусть, молъ, мятутся бѣдные гяуры въ поискахъ лучшей конституціи, а у насъ нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ пророкъ его, а султанъ—наслѣдникъ его калифской власти, султанъ—не только политическій, но и духовный вождь всѣхъ оттомановъ, которые должны безпрекословно подчиняться его священнымъ капризамъ. Недавняя революція показала, что общему закону политическаго развитія Илдизъ-Кіоскъ подлежитъ не менѣе, чѣмъ всѣ бывшія до него и еще существующія, но все въ уменьшающемся числѣ, абсолютныя правительства. Утонченно-жестокая историческая Немезида не только выбила власть изъ рукъ ужасающаго деспотизма. Она вынудила его сказать громогласно, сказать на весь цивилизованный міръ, что, въ сущности, онъ уже давно подумывалъ о томъ, какъ бы обуздать себя, да вотъ все разныя обстоятельства мѣшали, особенно неразвитость народа, а теперь, когда молодая Турція показала свою политическую зрѣлость, онъ съ радостью, молъ, мѣняетъ свою неограниченность на конституціонное служеніе націи.

Очень любопытно въ турецкой революціи одно обстоятельство, съ которымъ, мы, впрочемъ, неизмѣнно встрѣчаемся въ исторіи послѣднихъ революцій: русской и персидской. Я разумѣю внезапность революціоннаго взрыва для людей, которые, казалось бы, должны были хорошо знать условія страны и предвидѣть хоть бы до извѣстной степени близость и напряженность назрѣвавшаго переворота. Въ данный моментъ предо мной лежитъ не мало иностранныхъ журналовъ. И чрезъ всѣ статьи, посвященныя европейскими «спеціалистами» турецкой революціи, проходитъ одинъ лейтмотивъ: удивленіе передъ неожиданностью ея, передъ ловкостью лицъ, игравшихъ инициіативную роль на переворотѣ, и—передъ собственнымъ невѣжествомъ. Особенно ярко это настроеніе проглядываетъ въ англійскихъ органахъ, такъ какъ, по самому характеру своей международной дѣятельности, Великобританія обыкновенно располагаетъ въ каждый данный моментъ достаточно большимъ контин-

гентомъ лицъ, хорошо знающихъ иностранныя дѣла и умѣло освѣдомляющихъ о нихъ своихъ соотечественниковъ.

Беру хотя бы сентябрьскій номеръ «The Fortnightly Review». Здѣсь посвящены непосредственно перевороту двѣ рядомъ стоящія и носящія одно общее заглавіе «Проблемъ ближняго востока» статьи, изъ которыхъ одна принадлежитъ перу нѣкоего Viator'а и касается собственно «Турецкой революціи», а другая, написанная Энгесомъ Гамильтономъ,—тѣмъ самымъ «компетентнымъ» Гамильтономъ, что въ августовскомъ номерѣ журнала прославлялъ энергію Шаха въ борьбѣ съ «недозрѣвшей» до свободы націей,—трактуетъ о «старомъ и новомъ режимѣ», главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія англійскаго буржуазнаго хищничества. Кромѣ того, нѣкій капитанъ фонъ Гербертъ печатаетъ написанную имъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ статью о теперешнемъ визирѣ подъ названіемъ «Камилъ Паша и престолонаслѣдіе въ Турціи». Наконецъ, четвертый авторъ, Брэльсфордъ, работаетъ надъ сопредѣльной темой «Модернизма въ исламѣ». Какъ видите, турецкая революція затронула за живое общественное мнѣніе Англіи, и каждый, у кого есть что-либо сказать, спѣшитъ подѣлиться впечатлѣніями съ читателями. И что-же? Повсюду, со страницъ журнала глядитъ на васъ, выражаясь фигурально, изумленное око человѣка, который смотрѣлъ и не видѣлъ и соображаетъ теперь заднимъ числомъ, какъ же, наконецъ, могло вырасти такое сильное и побѣдоносное движеніе, не остановивъ на себѣ вниманія, мало того, пройдя на всѣхъ предшествующихъ стадіяхъ своего развитія совершенно незамѣченнымъ мимо взоровъ людей всевозможныхъ національностей и профессій. Особенно добросовѣстно это настроеніе выражается въ статьѣ Viator'а, изъ которой я приведу читателямъ наиболѣе типичныя въ этомъ отношеніи мѣста:

«Уже цѣлые годы, - говоритъ простосердечный авторъ,—скоплялась о Турціи на всевозможныхъ языкахъ цѣлая масса литературы, и оффиціальной, и прочей. Тутъ были и Голубыя, и Желтыя, и Зеленыя и всякія иныя книги,—безконечный рядъ томовъ, отливающихъ всѣми цвѣтами спектра. И во всѣхъ этихъ изданіяхъ нельзя найти, повидимому, ни одного словечка, которое можно было бы истолковать за предвидѣніе возможности того, что случилось. Ни одинъ посланникъ не предупредилъ о томъ своего правительства. Баронъ Маршаллъ, въ Константинополѣ, представляетъ собою одно изъ способнѣйшихъ и опытнѣйшихъ лицъ въ дипломатическомъ персоналѣ какой бы то ни было націи, но Вильгельмштрассе было, очевидно, столь же поражено, какъ и министерство иностранныхъ дѣлъ любого другого государства. Повсюду были консулы, но они не сдѣлали ни малѣйшаго намека. Всѣ главнѣйшія газеты въ Европѣ имѣютъ своихъ корреспондентовъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. И многіе изъ нихъ—люди, обладающіе большимъ практическимъ знаніемъ страны (in-

timate experience) и тонкою наблюдательностью. Но даже и они не предвидѣли того, что должно было случиться, хотя слѣдить за политическими событіями и тенденціями составляетъ ихъ главное профессіональное занятіе» *).

Не болѣе пониманія надвигавшихся событій обнаружили ученые изслѣдователи въ родѣ сэра Чарльза Эліота, книгу котораго о «Турціи въ Европѣ» авторъ статьи называетъ «блестящимъ и великолѣпнымъ трудомъ», а самого сочинителя ея—«наблюдателемъ, мыслителемъ и писателемъ, съ которымъ должно считаться». Но вотъ что, напр., говоритъ этотъ выдающійся знатокъ страны и жителей о младотуркахъ, игравшихъ такую исключительно важную роль въ революціи: «Изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ младотурокъ не найдется ни одного, который бы, когда наступитъ пора дѣйствовать, не подчинился волѣ султана... Хотя и много говорится и пишется о революціи, которую будто бы совершитъ такъ называемая либеральная партія, но до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлано». И далѣе: «Многіе, въ особенности молодые люди, высказываютъ заботу о «реформахъ» и извѣстны подъ распространеннымъ названіемъ «младотурокъ» или *la jeune Turquie*. Ихъ идеаломъ является нѣчто въ родѣ конституціоннаго правительства, на манеръ парламента 1877 г.; но, насколько я знаю, между ними нѣтъ ни одной группы, которая обладала бы достаточно опредѣленной и практической организаціей съ мало-мальски подробной программой. Между тѣмъ, они и ихъ литература служатъ предметомъ особаго подозрѣнія и строгости оттоманскаго правительства, и какое-нибудь возстаніе среди христіанъ причиняетъ ему менѣе безпокойства, чѣмъ конспирація между турецкими школьниками».

Приведя это, дѣйствительно, интересное въ смыслѣ отсутствія политическаго чутья мѣсто изъ Эліота, журнальный публицистъ дѣлаетъ слегка ироническое замѣчаніе, что «такимъ образомъ Илдизъ оказался гораздо болѣе основательнымъ въ своихъ страхахъ, чѣмъ самый блестящій изъ его критиковъ», хотя вслѣдъ за этимъ сейчасъ же прибавляетъ, что онъ говоритъ такъ отнюдь не изъ желанія поколебать авторитетъ компетентнаго писателя, но потому, что «и никакой другой комментаторъ турецкихъ событій не успѣлъ лучше проникнуть въ будущее. Подумайте только о многоязычной библіографіи македонскаго вопроса. Болгары, греки, сербы, румыны, всѣ они работали съ своей точки зрѣнія надъ изученіемъ балканскихъ условій и при этомъ опирались на полное знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ. Но и они оказались столь же далеки, какъ и иностранные послы на берегахъ Босфора или консулы и дипломатическіе агенты въ Салоникахъ, отъ малѣйшаго

*) *The Turkish Revolution*; «The Fortnightly Review», сентябрь, 1908, стр. 358.

предчувствія возможности движенія, которое обнаружило, однако, силу, превосходящую всѣ другіе факторы взятые вмѣстѣ» (стр. 359).

Замѣтимъ по этому поводу, что, помимо общей трудности предсказывать событія, корень которыхъ лежитъ во внутренней работѣ народнаго сознанія,—развѣ наканунѣ Великой французской революціи австрійскій посланникъ не извѣщалъ свой дворъ, что никогда еще Людовикъ XVI и Марія Антуанетта не пользовалась такой любовью среди націи?—не говоря уже объ этой всегдашней трудности политическихъ пророчествъ, они становятся особенно трудными въ наше время, когда хищническіе интересы международной буржуазіи достигли наибольшей напряженности. Нынѣ посланники, консулы, дипломатическіе агенты, корреспонденты типичныхъ вліятельныхъ органовъ, политики всѣхъ родовъ и оттѣнковъ, представляющіе такъ называемыя культурныя страны in partibus infidelium, среди болѣе отсталыхъ народовъ, глухи и слѣпы на все то, что не касается прямо «первоначальнаго накопленія», т. е. наилучшихъ способовъ, какъ угнетать, грабить, эксплуатировать туземное населеніе при помощи банка, биржи, займовъ, концессій, подкупа мѣстныхъ властей, наконецъ, прямого мошенничества. Какъ же вы хотите, чтобы, всецѣло поглощенные подготовленіемъ и реализаціей плановъ интернаціональнаго пиратства, эти «спеціалисты» и эти «компетентныя» лица могли обращать вниманіе на то, что происходитъ въ глубинахъ національной жизни или въ психологіи наиболѣе сознательныхъ общественныхъ элементовъ, которые выдвигаются въ данный моментъ исторіей для разрѣшенія великихъ національныхъ задачъ? Пишущій эти строки прекрасно, напр., помнитъ, что то время, какъ намъ, русскимъ «съ того берега», жившимъ въ Парижѣ, но сохранившимъ тѣсныя идейныя связи съ родиной, былъ какъ нельзя болѣе ясенъ процессъ наростающей у насъ революціи, французское министерство иностранныхъ дѣлъ во главѣ съ самоувѣреннымъ ничтожествомъ, носившимъ фамилію Делькассэ, было убѣждено на основаніи докладовъ и свѣдѣній своихъ дипломатическихъ и торговыхъ агентовъ, что въ Россіи старый строй стоитъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо, и его же царствію не будетъ конца.

Вотъ почему меня нисколько не удивляетъ, если вся эта армія рыцарей индустріи, паладиновъ желтаго, червонно-золотого интернаціонала, которая избрала ареною своихъ грандіозныхъ стяжательныхъ подвиговъ территорію Оттоманской имперіи, ничего не видѣла и не слышала въ странѣ, кромѣ того, что имѣло болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ процессу обездоливанія «варваровъ». Набросаемъ же въ общихъ чертахъ картину столь поразившаго всѣхъ неожиданностью переворота.

II.

Въ первыхъ числахъ іюля н. с., въ то время, какъ европейскія державы въ лицѣ Англіи и Россіи въ сотый разъ адресовали султану ноту съ предложеніемъ приступить къ реформамъ въ Македоніи, камарилья Илдизъ-Кіоска получила отъ своихъ шпіоновъ тревожныя извѣстія объ усиленіи младотурецкой агитаціи въ тѣхъ именно частяхъ войскъ, которыя занимали раздираемую междоусобіями болгаръ, сербовъ и грековъ область. Правительство прибѣгло къ обычному въ такихъ случаяхъ пріему: Энверъ-Бей, въ которомъ власти, и не безъ основанія, видѣли главнаго вожака младотурокъ въ Салоникахъ, получилъ отъ султана чрезвычайно любезное приглашеніе пожаловать на чашку кофе въ собственный Его Величества дворецъ. Такъ какъ приглашенный, въ качествѣ лица близко знакомаго съ пріемами управленія въ Турціи, отлично зналъ, что султанскій душистый напитокъ неизмѣнно отправляетъ гостя на тотъ свѣтъ, а въ случаѣ сопротивленія паціента съ удобствомъ замѣняется шелковымъ снуркомъ или холщовымъ мѣшкомъ, который бросается съ человѣческой ношей въ волны Босфора, то вмѣсто Константинополя онъ предпочелъ отправиться къ своему близкому другу албанскаго происхожденія, майору Ніази-Бею, командовавшему войсками въ городѣРеснѣ. Ніази-Бей, не дожидаясь общаго возстанія, которое, какъ оказалось послѣ, младотурки организовали къ осени, немедленно же бросается съ преданными ему солдатами въ ближайшія горы и, поднимая знамя инсурреквіи, обращается оттуда съ воззваніемъ къ населенію Охридскаго округа, безъ различія національности и религіи, подняться на защиту общей турецкой родины, съ тѣмъ, чтобы «создать новый политическій строй, который обезпечитъ свободу всякой народности и всякой вѣрѣ». Этотъ либеральный «манифестъ» находитъ горячее сочувствіе среди албанцевъ, болгаръ, грековъ и сербовъ. И опираясь на симпатіи населенія, военная инсуррекція широко разливается среди всего третьяго корпуса арміи, а затѣмъ быстро перебрасывается и на второй, такъ что часть Албаніи, вся Македонія и провинціи по обѣимъ берегамъ Босфора становятся на сторону мятежниковъ.

Происходитъ нѣчто похожее на быструю смѣну декорацій въ балетѣ. Побѣда за движеніемъ остается почти безъ всякаго сопротивленія стараго режима. Генералъ Шемси-Паша, которому въ самомъ началѣ инсуррекціи было поручено подавить ее силою, убивается въ Монастырѣ (Битолѣ), и его убійца ускользаетъ отъ преслѣдованій. Хидайетъ-Паша, командовавшій войсками этого главнаго города вилайета (провинціи) того же имени, падаетъ подъ пулями солдатъ въ самой казармѣ, куда онъ явился для увѣща-

нія войскъ остаться вѣрными падишаху. Маршалъ Османъ-Паша оказывается фактическимъ плѣнникомъ Ніази-Бея. Въ Салоникѣ, Сересѣ, Дибрѣ происходитъ нѣсколько покушеній на военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, держащихъ сторону реакціи. Застрѣленъ полковой (мусульманскій) священникъ. Преданъ смерти кой-кто изъ самыхъ ненавистныхъ шпіоновъ.

Правительство арестовало было и привезло въ Константинополь для жестокой расправы 38 либеральныхъ офицеровъ. Но изъ всѣхъ уголковъ Европейской Турціи въ Илдизъ приходятъ вѣсти о побѣдоносномъ ходѣ военнаго возстанія. И когда наскоро вытребованные изъ Анатоліи батальоны отказываются идти на своихъ братьевъ по оружію въ Македоніи, султанъ и камарилья почувствовали, что дни, мало того—часы стараго порядка сочтены. Привезенные для суда офицеры «прощаются», а тѣмъ временемъ происходятъ засѣданія за засѣданіемъ турецкаго кабинета министровъ, вмѣстѣ съ которыми «кровавый султанъ», какъ его заклеймилъ еще Гладстонъ, тщетно старается найти выходъ изъ становящагося все болѣе и болѣе грознымъ положенія. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва драматизировала и изукрасила всевозможными легендами «историческое засѣданіе» 22 іюня, когда по злой ироніи судьбы, самъ престарѣлый Шейкъ-Абуль-Уда, арабскій астрологъ султана, принесенный въ совѣтъ на одрѣ смерти первымъ изъ приближенныхъ лицъ повелителя произнесъ то самое слово «конституція», какое столько лѣтъ никто не осмѣливался выговорить въ присутствіи Абдулъ-Гамида, торжественно заявивъ, что онъ прочелъ его—на звѣздахъ! Министры Саидъ, Тевфикъ, Мемдуръ поддержали астролога. Но султанъ еще судорожно цѣплялся за свою неограниченную власть и на зарѣ 22 числа, послѣ долгаго ночного засѣданія, распустилъ совѣтъ, не принявъ опредѣленнаго рѣшенія. Лишь ночное засѣданіе того же дня, когда отовсюду пришли самыя недвусмысленныя вѣсти о торжествѣ революціи, было «послѣднимъ совѣтомъ гамидіанской деспотіи», какъ назвалъ его одинъ иностранный корреспондентъ. Приходилось подчиниться побѣдоносному движенію. И 23 іюля н. с. было опубликовано султанское ираде, которымъ возвѣщалось собраніе палаты депутатовъ на основаніи «временно отложенной» конституціи 1876 г.

Мало того, поступая въ духѣ Маккіавелли, который, какъ извѣстно, совѣтовалъ государямъ «обладать умомъ, расположеннымъ поворачиваться въ разныя стороны сообразно съ тѣмъ, что предписываетъ ему измѣненіе вѣтровъ и судьбы... и умѣть ладить съ необходимымъ зломъ» *), султанъ храбро принялъ позу конститу-

*) «... Un animo disposto a volgersi secondo che i venti e le variazione della fortuna gli comandano; e... sapere entrare nel male necessitato». *Il Principe*, XVIII, въ „Opere de Niccolò Machiavelli scelte da Giuseppe Zirardini"; Парижъ, 1851, стр. 267.

ціоннаго монарха и особымъ рескриптомъ объяснилъ, что «прежняя конституція не могла быть примѣнена вслѣдствіе тогдашняго положенія вещей»; но «теперь, когда наступило время, онъ, султанъ, выражаетъ крайнее удовольствіе, что можетъ осуществить ее, и надежду, что народъ будетъ работать наравнѣ съ парламентомъ, поддерживая правительство и своего государя» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, султанъ непринужденнымъ жестомъ бросалъ за бортъ выдающихся лицъ камарильи, при помощи которой онъ такъ долго угнеталъ страну, лишь бы самому выплыть на утломъ конституціонномъ челнокѣ среди волнъ національнаго движенія: клевреты, видите-ли, обманывали его правовѣрное величество, который былъ ни при чемъ въ ужасающей тираніи. И вотъ клика старыхъ министровъ изгоняется съ насиженныхъ годами мѣстъ. Иные заключены въ тюрьму и подверглись обвиненію въ лихоимствѣ и присвоеніи государственныхъ средствъ, что заставило наиболѣе скомпрометированныхъ чиновныхъ воровъ приняться за возвратъ государству награбленныхъ суммъ съ цѣлью избѣжать преслѣдованія. Народъ довольствовался, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ этой добровольной отдачей національнаго имущества, и лишь очень немногіе, особенно ненавистные представители рухнувшаго режима поплатились жизнію за годы кровавой тираніи.

Великій визирь, Фэридъ-Паша, только что получившій отъ германскаго императора орденъ Чернаго Орла, былъ смѣненъ «Кучукомъ» (маленькимъ) Саидомъ (который, въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, уступилъ мѣсто теперешнему визирю, Кіамиль-Пашѣ). Министръ внутреннихъ дѣлъ, морской министръ, константинопольскій префектъ были арестованы и, подъ свистки и торжествующіе крики толпы, были отведены въ тюрьму при департаментѣ полиціи. Былъ арестованъ и убѣгавшій на англійскомъ пароходѣ Иззэтъ-Паша, который оффиціально исправлялъ должность второго секретаря султана и имѣлъ чинъ камергера, а въ дѣйствительности былъ главою реакціонной придворной партіи и вдохновителемъ самыхъ свирѣпыхъ мѣръ, принимавшихся противъ всего, въ чемъ власти чуяли ненавистный имъ либерализмъ. Въ Малой Азіи, по дорогѣ изъ Бруссы въ Эски-Шехръ былъ схваченъ во время бѣгства и убитъ толпой кровожадный ех-начальникъ тайной полиціи, Фэхимъ-Паша, который въ теченіе долгихъ лѣтъ выдавался злодѣйствомъ даже среди безсердечныхъ слугъ султанскаго самодержавія.

Рядомъ съ этимъ идетъ дѣятельная смѣна правящаго персонала, при чемъ выходящую изъ ряду вонъ роль играетъ младотурецкій комитетъ «Единеніе и Прогрессъ», остающійся за кулисами оффиціальнаго правительства въ качествѣ дѣйствительнаго правительства страны и распоряжающійся назначеніемъ министровъ и

**) См. „The Times Weekly Edition", № отъ 31 іюля 1908 г., стр. 484.

важнѣйшихъ чиновниковъ. Самъ султанъ, склоняясь передъ мощью этой центральной революціонной организаціи, громогласно заявляетъ опять-таки въ въ духѣ совершеннѣйшаго послѣдователя Маккіавелли: «Вся нація принадлежитъ къ комитету «Единенія и Прогресса», и я — его президентъ. Будемъ же работать вмѣстѣ надъ возстановленіемъ величія отечества», присоединяя къ этому конституціонному profession de foi болѣе осязательный аргументъ въ видѣ пожертвованія изъ гражданскаго листа крупной суммы на постройку зданій парламента.

Саидъ-Паша, который оказывается не на высотѣ революціоннаго положенія, принужденъ выйти въ отставку подъ давленіемъ младотурецкаго комитета. Сторонники широкихъ реформъ упрекаютъ его въ томъ, что онъ недостаточно защищаетъ принципъ отвѣтственнаго министерства, такъ какъ, вопреки принципу парламентаризма, который даетъ великому визирю конституціонное право подбора членовъ однороднаго кабинета, султанъ желалъ оставить за собой назначеніе военнаго и морского министровъ и Шейха-Уль-Ислама, являющагося верховнымъ представителемъ духовной власти калифата. И на сторонѣ рѣшительныхъ конституалистовъ,—истинное знаменіе времени,—становится какъ разъ только что упомянутое высшее духовное лицо: подача Шейхъ-Уль-Исламомъ прошенія объ отставкѣ въ видѣ протеста противъ султанскихъ привилегій влечетъ за собою паденіе кратковременнаго министерства Саида, которое смѣняется уже чисто конституціоннымъ кабинетомъ Кіамиль-Паши (5 августа н. с.), куда входятъ министры, въ общемъ пользующіеся симпатіями и поддержкою младотурокъ. среди нихъ одинъ грекъ и одинъ армянинъ.

Между тѣмъ, какъ это происходитъ въ высшихъ сферахъ управленія, по всей странѣ идетъ организація торжествующихъ либеральныхъ элементовъ, и, несмотря на отдѣльныя реакціонныя вспышки, совершившаяся революція находитъ горячую поддержку населенія, забывшаго въ эти «дни свободы» и коллективнаго энтузіазма національныя и вѣроисповѣдныя распри. Мы уже видѣли, съ какимъ сочувствіемъ различныя народности, населяющія Македонію, отнеслись къ первымъ революціоннымъ шагамъ Энверъ-Бея и Ніази Бея. Когда туда дошла вѣсть о побѣдѣ младотурокъ, то, словно по мановенію волшебнаго жезла, всѣ эти шайки болгаръ, сербовъ, грековъ, мусульманъ, превращавшія своей взаимной жесточайшей рѣзней благодатный по природѣ край въ сущій адъ, стали класть оружіе передъ турецкими властями. Въ то время, какъ, напр., крупные вожаки македонскихъ сербовъ, управлявшіе движеніемъ изъ Бѣлграда, отправлялись на турецкую территорію, въ Ускюбъ (Скопліе), чтобы торжественно провозгласить прекращеніе междуусобнаго кровопролитія передъ лицомъ представителей конституціонной Турціи, рядовые сербскіе инсургенты, обмѣниваясь рукопожатіями и братскими поцѣлуями съ недавними врагами, воз-

вращались на родину. И то же продѣлывали болгары, отливая въ Софію, греки, возвращаясь въ Аѳины, мусульмане, уходя въ родныя горы. Изъ Европы главы албанскихъ клановъ, изъ Азіи предводители курдскихъ племенъ спѣшили извѣстить новое правительство о желаніи положить конецъ насиліямъ и нападеніямъ на окружающихъ мирныхъ жителей.

Во всѣхъ городахъ и мало-мальски людныхъ мѣстечкахъ происходили импозантныя демонстраціи въ честь конституціи, и европейцы не могли надивиться такту и безукоризненному поведенію многотысячныхъ толпъ, которыя умѣли сочетать энтузіазмъ съ достоинствомъ. Лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, отвѣчая на вызовы — очень немногочисленныхъ—черносотенныхъ элементовъ, почувствовавшіе себя свободными граждане прибѣгали къ насилію, чтобы заставить враговъ новаго строя попрятаться по норамъ. Мы уже видѣли, какъ мало пролила крови побѣдоносная турецкая революція, которая въ этомъ отношеніи представляла собою буквально еще невиданное въ мірѣ зрѣлище. Корреспонденты иностранныхъ газетъ не могли, напр., безъ восхищенія описывать уличныя картины въ Константинополѣ, когда въ первые дни провозглашенія конституціи, освящающей свободу слова, печати, собраній и амнистирующей борцовъ за наконецъ-то добытый строй, разноплеменное населеніе то устремлялось на митинги, гдѣ звучала турецкая марсельеза, то устраивало восторженныя встрѣчи возвращавшимся политическимъ изгнанникамъ, то съ жадностью бросалось на свободныя въ первый разъ газеты,—редакторы которыхъ съ достоинствомъ отвергли притязанія цензоровъ кастрировать вольное человѣческое слово,—то, наконецъ, устраивало импровизированныя сцены братанья всѣхъ народностей, всѣхъ вѣръ и всѣхъ сословій общества. Старики и дѣти, взрослые мужчины и не покрытыя, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни чадрою женщины, военные и штатскіе, аристократія и плебсъ,—все смѣшивалось въ одномъ гражданскомъ восторгѣ *).

Еще любопытнѣе, еще многозначительнѣе были эти сцены коллективнаго энтузіазма въ азіатскихъ городахъ, гдѣ чисто-восточная обстановка и типы еле затронутыхъ цивилизаціей жителей такъ оригинально контрастировали со смысломъ политическихъ демонстрацій. Вотъ какъ одинъ корреспондентъ изображаетъ картину гражданскаго братанья въ Іерусалимѣ, въ томъ самомъ Іерусалимѣ, гдѣ до сихъ поръ возлѣ самаго гроба Христа, проповѣдывавшаго любовь между всѣми людьми, разыгрывались цѣлыми столѣтіями дикія сцены насилія между католиками, греками, армянами, коптами, маронитами: «Возстановленіе конституціоннаго режима

*) См. о любопытныхъ переливахъ настроенія константинопольцевъ небольшую статейку очевидца: Prof. D. S. Margoulionth, *Constantinople at the Declaration of the Constitution*; „The Fortnightly Review“, октябрь 1908 г., стр. 563—570.

было отпраздновано въ Іерусалимѣ въ воскресенье (9-го августа) съ крайнимъ энтузіазмомомъ. Улицы, зданія, экипажи были изукрашены зелеными вѣтвями, гирляндами и флагами, и ночью весь городъ былъ иллюминованъ. Вскорѣ послѣ полудня населеніе собралось на обширной площади, окруженной казармами, возлѣ Давидовой башни, и здѣсь губернаторъ Экремъ-Бей, сынъ покойнаго Кэмаль-Бея, знаменитаго литератора и крупнаго либеральнаго лидера, возвѣстилъ народу о дарованіи конституціи. Толпа привѣтствовала эту новость бурными криками радости, и музыканты заиграли національный гимнъ. Сцена была неописуема. Шейхи, священники, раввины, образуя любопытную смѣсь типовъ и костюмовъ, произносили рѣчи, клеймившія старый режимъ, и мусульмане, христіане, евреи, самаритяне, турки, армяне, образовали одну братскую процессію, передъ которой шли знамена съ эмблемами свободы, между тѣмъ какъ евреи несли свою Тору, покрытую золотыми тканями» *).

Чего не могла сдѣлать религія, которая насчитываетъ чуть не двѣ тысячи лѣтъ существованія, то сдѣлалъ одинъ великій порывъ гражданскаго энтузіазма! Но еще любопытнѣе описаніе аналогичнаго зрѣлища въ Бейрутѣ, древнемъ финикійскомъ портѣ, гдѣ находится столько различныхъ вѣроисповѣдныхъ школъ: «Всего какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ,—пишетъ очевидецъ,—Бейрутъ былъ ареною страшныхъ безпорядковъ, когда, спасаясь отъ взявшихъ надъ ними верхъ головорѣзовъ мусульманской общины, 30.000 —40.000 христіанъ должны были укрыться отъ смерти въ сосѣднихъ мѣстахъ. Ничто, кромѣ своевременнаго прибытія трехъ американскихъ военныхъ кораблей, не могло тогда предупредить ужаснаго кровопролитія. Между тѣмъ, самою отличительною чертою настоящей демонстраціи было сильное и неоднократное выраженіе чувства братства между мусульманами и христіанами, которымъ приходится жить въ мирѣ при режимѣ новой эры. Никогда еще въ турецкой исторіи не слышали такихъ изъявленій. Если бы кто-нибудь, всего мѣсяцъ тому назадъ предсказалъ возможность этой перспективы, то его бы сочли за помѣшаннаго. Но вотъ передъ нами прошла сотня мусульманскихъ ораторовъ въ тюрбанахъ, которые произносили различныя варіаціи на эту тему до тѣхъ поръ, пока намъ не стало, наконецъ казаться, что мы все это видимъ во снѣ. Какой то почтенный шейхъ, въ зеленомъ тюрбанѣ, въ развѣвающемся восточномъ одѣяніи, громовымъ голосомъ повѣствовалъ намъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ мусульманскія и христіанскія матери кормили другъ другу сыновей своей грудью, и молодые люди называли себя взаимно братьями. Затѣмъ наступила ужасающая горечь режима Абдулъ-Гамида, который породилъ фанатизмъ, ненависть и кровопролитіе. Но теперь этому наступилъ конецъ, и

*) „The Times“, № отъ 14-го августа 1908 г.

отнынѣ они будутъ снова жить, совершенно какъ братья. Снова и снова мусульманскіе ораторы обращались къ толпѣ съ привѣтомъ *эсъ-салаамъ-алейкумъ-я-ахви* (миръ съ вами, о братья!), съ которымъ уже столько лѣтъ никто не обращался къ христіанамъ, кромѣ самыхъ гуманныхъ и просвѣщенныхъ мусульманъ. Въ одномъ мѣстѣ, на улицѣ виднѣлась огромная надпись, которая выражала вѣяніе новаго духа стихомъ изъ Корана и начертаннымъ рядомъ съ нимъ стихомъ изъ Библіи: «Начало отъ Бога—побѣда близка»; «Страхъ Божій есть начало премудрости». Дальше красовалась сентенція, которая никогда еще раньше не выставлялась публично: «Да здравстуетъ мусульмано-христіанское братство», а подъ нею: «Да здравствуетъ свобода». Было почти нельзя вѣрить своимъ ушамъ и глазамъ. Во скольких мѣстахъ и сколько разъ въ теченіе дня, когда народъ видѣлъ рядомъ христіанскаго священника и украшеннаго тюрбаномъ мусульманина, онъ толкалъ ихъ въ объятія другъ друга и заставлялъ цѣловаться!.. Въ воскресенье самая большая и замѣчательная демонстрація произошла въ армянской церкви между базарами. На ней присутствовали начальникъ войскъ и многіе изъ офицеровъ вмѣстѣ съ военными музыкантами. Епископъ, многіе христіанскіе священники и еще большее число мусульманъ произнесли проникнутыя братскими чувствами рѣчи, въ которыхъ всѣ они оплакивали страшныя событія, совершившіяся за это царствованіе въ Арменіи, и привѣтствовали новую эру, въ которой должны будутъ осуществиться братство, равенство, свобода, что положитъ навсегда конецъ такъ называемому армянскому вопросу» *).

III.

Но пора отъ этой идилліи первыхъ «дней свободы», которые въ Турціи прошли, дѣйствительно, среди такого почти безпримѣснаго энтузіазма и столь мало омрачались сатурналіями ушедшей въ норы реакціи, что могутъ по справедливости вызывать зависть въ другихъ якобы культурныхъ и христіанскихъ странахъ,—пора, говоримъ мы, отъ этихъ сценъ гражданскаго ликованія и общей радости перейти къ изображенію болѣе будничной повседневной жизни новаго строя съ его положительными результатами, его задачами и затрудненіями, наконецъ, съ тѣми вопросами, которые онъ невольно возбуждаетъ въ умѣ наблюдателя, желающаго уяснить себѣ причины, смыслъ и, даже если возможно, дальнѣйшую судьбу турецкой революціи.

Ранѣе было сказано, что побѣдоносная инсуррекція имѣла прежде всего своимъ результатомъ возстановленіе конституціи

*) „The Times" отъ 21-го августа 1908 г.

1876 г. Эта конституція была даже не просто возстановлена, но султану пришлось однимъ изъ своихъ, если можно такъ выразиться, покаянныхъ рескриптовъ подчеркнуть нѣкоторыя статьи прежняго основного закона и при томъ обѣщать, что на будущее время никакихъ coups d'Etat не будетъ. Мы приведемъ въ сокращеніи главнѣйшіе пункты возобновленной конституціи, заключая въ скобки развитіе того или иного параграфа по новой формулѣ.

Итакъ: Оттоманская имперія есть государство, представляющее нераздѣльное цѣлое. Султанъ, верховный калифъ мусульманъ и государь всѣхъ своихъ подданныхъ, безразлично называющихся оттоманами, несмотря на разницу религій, національности и т. п., есть конституціонный монархъ, неотвѣтственный и неприкосновенный.

Исламъ — государственная религія, но всѣ другія вѣроисповѣданія пользуются полной свободой, и прежнія религіозныя привилегіи различныхъ общинъ остаются въ силѣ.

Всѣ граждане, независимо отъ вѣроисповѣданія, имѣютъ доступъ къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ. Они всѣ равны передъ закономъ, обладаютъ одинаковыми правами и несутъ одинаковыя обязанности, платятъ одинаковые налоги. Неприкосновенность ихъ личности, жилища и собственности гарантируется законами (§ 1: «Всѣ оттоманскіе подданные, безъ различія расы и происхожденія, должны пользоваться свободой личности и равенствомъ правъ и обязанностей». § 2: «Никто не долженъ быть допрашиваемъ, арестуемъ, посаженъ въ тюрьму и наказанъ какимъ бы то ни было образомъ безъ законнаго основанія». § 3: «Всякіе чрезвычайные суды должны быть уничтожены, и воспрещается звать кого бы то ни было на судъ внѣ компетентнаго трибунала». § 4: «Жилище всякаго гражданина неприкосновенно; воспрещается входить въ чей бы то ни было домъ и надзирать за какой бы то ни было частью его иначе, какъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ установленными законами». § 5: «Чиновники, будутъ ли они благороднаго или простого происхожденія, не имѣютъ права никого подвергать преслѣдованію иначе, какъ по закону»).

Свобода печати (§ 7: «Цензура должна быть уничтожена, письма и газеты не могутъ перехватываться на почтѣ, и проступки по дѣламъ печати должны вѣдаться обыкновенными судами»). Свобода союзовъ (§ 6: «Всѣ подданные султана имѣютъ право жить, гдѣ хотятъ, и вступать въ союзъ съ кѣмъ пожелаютъ»). Право посылать петиціи въ обѣ палаты. Свобода преподаванія.

Совѣтъ министровъ обсуждаетъ дѣла подъ предсѣдательствомъ великаго визиря. Каждый министръ отвѣтственъ въ предѣлахъ своего вѣдомства. Палата депутатовъ имѣетъ право требовать преданія министровъ суду, для чего назначается особый высшій трибуналъ. Вотъ недовѣрія министерству палатой депутатовъ по важному вопросу влечетъ за собою или выходъ кабинета въ отставку,

или распущеніе палаты. Министры имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ обѣихъ палатъ: они могутъ тамъ говорить, и имъ можно дѣлать запросы. Чиновники назначаются согласно условіямъ, которыя строго опредѣлены закономъ, и не могутъ быть смѣщены безъ основательныхъ и вполнѣ законныхъ причинъ. Ихъ отвѣтственность не покрывается ссылкою на противозаконныя приказанія, которыя они могли получить отъ начальства (§ 9: «Чиновники отвѣтственны передъ закономъ; они не могутъ быть принуждены повиноваться приказаніямъ, противнымъ закону. Никто не можетъ быть назначенъ на должность противъ своей воли». § 10: «Великій визирь выбираетъ министровъ и представляетъ ихъ назначеніе на утвержденіе султана. Онъ выбираетъ также дипломатическихъ агентовъ, *вáли* (губернаторовъ) и членовъ государственнаго совѣта, съ согласія министровъ иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ и президента упомянутаго совѣта, поскольку это касается того или другого изъ нихъ»).

«Общее Оттоманское Собраніе» (названіе турецкаго парламента) состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты депутатовъ. Онѣ собираются ежегодно 1-го ноября, и ихъ сессіи длятся четыре мѣсяца. Члены обѣихъ палатъ пользуются полною свободою мнѣній и вотовъ. Законодательная инициатива принадлежитъ, прежде всего, министерству и затѣмъ обѣимъ палатамъ, проявляющимъ ее въ формѣ предложеній. Законопроекты обсуждаются сначала палатой депутатовъ, потомъ сенатомъ и, наконецъ, подлежатъ санкціи султана.

Сенатъ состоитъ изъ членовъ, назначаемыхъ султаномъ, который выбираетъ ихъ изъ «знаменитостей страны» (отголосокъ старой французской системы «capacités du pays»). Сенатъ обсуждаетъ законы, пересылаемые ему уже вотировавшей ихъ палатой депутатовъ и возвращаетъ ей или отбрасываетъ такіе, которые противорѣчатъ конституціи и представляютъ опасность для цѣлости государства.

Что касается до палаты депутатовъ, то члены ея избираются, въ пропорціи одного депутата съ каждыхъ 100000 жителей, тайнымъ голосованіемъ на четыре года, по истеченіи которыхъ они снова могутъ переизбираться. Они не имѣютъ права состоять на государственной службѣ, которая считается несовмѣстимой съ депутатскимъ званіемъ. Во время сессій они не могутъ быть ни арестованы, ни преслѣдуемы по суду безъ разрѣшенія палаты. Въ случаѣ роспуска палаты, должны быть назначены новые выборы, и новая палата должна собраться не позже шести мѣсяцевъ послѣ дня распущенія. Засѣданія палаты публичны. Она вотируетъ законы параграфъ за параграфомъ и бюджетъ статья за статьей.

Правосудіе отправляется путемъ обыкновенныхъ, строго опредѣленныхъ въ своей компетенціи и независящихъ отъ администраціи судебныхъ учрежденій. Пренія въ нихъ публичны, защита со-

вершенно свободна, приговоры могутъ быть печатаемы. Судьи несмѣняемы. Спеціальные трибуналы и всякія судебныя комиссіи отмѣняются.

Никакой налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ помимо утвержденнаго закономъ, при чемъ бюджетъ долженъ вотироваться въ началѣ каждой сессіи и не дольше, какъ на одинъ годъ (§ 13: «Бюджетъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ государства, равно какъ смѣты каждаго министерства и каждаго вилайета, должны быть отпечатаны въ началѣ оффиціальнаго года»). Особенное контрольное учрежденіе, соотвѣтствующее французской счетной палатѣ (Cour des comptes), представляетъ палатѣ депутатовъ ежегодно докладъ о финансахъ. Члены контроля несмѣняемы, кромѣ какъ по спеціальному рѣшенію палаты депутатовъ.

Мѣстная администрація покоится на принципѣ самой широкой децентрализаціи. Провинціальные, кантональные и общинные совѣты состоятъ изъ выборныхъ членовъ и обсуждаютъ касающіеся мѣстныхъ дѣлъ вопросы.

Конституція можетъ быть измѣнена лишь по иниціативѣ министерства, сената или палаты депутатовъ, и при непремѣнномъ условіи вотированія предложенныхъ измѣненій большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ двухъ палатъ и санкціонированія ихъ султаномъ *).

Теперь младотурки, представляющіе наиболѣе организованную и пока, можно сказать, единственную серьезную партію Турціи, направляютъ свои усилія на то, чтобы подвергнуть эту конституцію дальнѣйшей переработкѣ въ демократическомъ духѣ. Не довольствуясь вліяніемъ на настоящій кабинетъ, они, какъ только были возвѣщены выборы въ воскресающій парламентъ, который долженъ собраться въ ноябрѣ, уже открыли избирательную кампанію на почвѣ партійной платформы, намѣчающей, между прочимъ, пункты измѣненія въ существующей конституціи. Въ концѣ сентября н. с. (въ половинѣ нашего сентября) комитетъ лиги «Единенія и Прогресса» является передъ избирателями съ довольно подробной программой, касающейся главнѣйшихъ вопросовъ преобразованія. Предоставляя парламенту сдѣлать измѣненія въ «конституціи 1293 (1876) года и подтверждающихъ ее статьяхъ гаттигумаюна (рескрипта) отъ 4-го реджеба 1326 (1-го августа 1908 года)», младотурки, съ своей стороны, выставляютъ слѣдующія требованія, которыя мы приведемъ здѣсь въ сокращенномъ и систематизированномъ видѣ.

Развитіе конституціи на «основахъ, гарантирующихъ первен-

---

*) См. въ томъ же сентябрьскомъ номерѣ „The Fortnightly Review" статью: Angus Hamilton, *Turkey: the old Regime and the new*, стр. 369—371 и стр. 380.

ствующее значеніе народнаго голосованія»: абсолютная отвѣтственность министерства предъ парламентомъ; выходъ въ отставку министровъ, получившихъ вотъ недовѣрія отъ палаты; право депутатовъ вносить законопроекты, подписанные десятью членами палаты. Лишь треть сенаторовъ назначается султаномъ, остальные избираются народомъ, при чемъ долженъ быть опредѣленъ срокъ сенаторскихъ полномочій. Выборы двухстепенные. Въ выборахъ первой степени имѣютъ право участвовать всѣ подданные Оттоманской имперіи мужского пола, достигшіе 20-лѣтняго возраста, независимо отъ какого бы то ни было ценза.

Свобода политическихъ союзовъ гарантируется конституціей, въ которую вносятся общія нормы ихъ образованія. Свобода вѣроисповѣданій и церковныя привилегіи разныхъ религіозныхъ общинъ остаются въ полной силѣ. Всѣ граждане, независимо отъ племени и религіи, равны передъ закономъ и пользуются одинаковою долею участія въ государственныхъ правахъ и обязанностяхъ, равно допускаются къ государственной службѣ, смотря лишь по способностямъ, равно должны нести воинскую повинность, хотя бы и не были мусульманами.

Турецкій языкъ остается оффиціальнымъ въ имперіи для корреспонденцій и совѣщаній. При свободѣ обученія, гарантируемаго конституціей, которая разрѣшаетъ каждому оттоману открывать частныя школы, турецкій языкъ является, однако, языкомъ общегосударственной школы: на немъ обязательно ведется преподаваніе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и онъ представляетъ «основной» языкъ среднихъ и высшихъ заведеній.

Мѣстное управленіе реформируется въ смыслѣ расширенія «административной власти» провинціальныхъ органовъ. Дѣленіе имперіи на провинціи (вилайеты) не подлежитъ измѣненію, иначе какъ по рѣшенію палаты депутатовъ. Для низшихъ же единицъ (деревень и сельскихъ обществъ) должны быть по возможности немедленно созданы облегчающія мѣстную жизнь постановленія.

Отношенія между рабочими и работодателями регулируются особыми законами. Должны быть приняты мѣры для «облегченія пріобрѣтенія крестьянами земельной собственности», но съ тѣмъ, чтобы при этомъ «не нарушались охраняемыя закономъ права собственности нынѣшнихъ землевладѣльцевъ»; а также мѣры «для развитія торговли и промышленности и особенно сельскаго хозяйства». Десятинный налогъ будетъ взиматься пока по арендной системѣ на основаніи средней цифры поступленій за пятилѣтіе, а затѣмъ по кадастровой системѣ, которая должна вводиться постепенно.

Статья 113 конституціи, дающая право султану, если понадобится по обстоятельствамъ, принимать исключительныя мѣры, отмѣняется.

Вотъ какъ рисуется программа младотурокъ, которые хотятъ

непосредственно привить свои дальнѣйшія требованія на основномъ конституціонномъ стволѣ, отрытомъ побѣдоносной революціей 1908 г. изъ-подъ ужасающаго слоя деспотическихъ пріемовъ управленія и актовъ произвола, къ которымъ прибѣгалъ султанъ въ теченіе последнихъ тридцати лѣтъ. Но самая легкость и неожиданность переворота, возвращающаго Турцію къ 1878 г., поневолѣ ставитъ передъ нами вопросъ: откуда же взялось это младотурецкое движеніе? Неужели мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то соціологическимъ чудомъ появленія могущественной партіи изъ ничего, ея, такъ сказать, самопроизвольнаго зарожденія?

IV.

Чудесъ на свѣтѣ, конечно, не бываетъ. И въ данномъ случаѣ самый бѣглый взглядъ, брошенный на исторію турецкой оппозиціи, уже можетъ убѣдить читателей въ томъ, что если европейскіе наблюдатели просмотрѣли развитіе этой крупной прогрессивной силы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы уже давно она не накопляла элементы для все замедлявшейся, но наконецъ-то разразившейся грозной бури. Когда приходится заднимъ числомъ продумывать событія, ведшія къ послѣднему финалу, то начинаешь удивляться не тому, что революція высвободила молодую Турцію изъ ледяныхъ объятій гальванизированнаго разными обстоятельствами трупа старой Турціи, а тому, что это освобожденіе произошло такъ поздно. Либеральное движеніе въ имперіи падишаха имѣетъ свою уже длинную исторію, свой мартирологъ самоотверженныхъ борцовъ за свободу, честь и прогрессъ народа, свой позорный столбъ съ именами тирановъ и насильниковъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, начиная съ самого «повелителя правовѣрныхъ» и кончая самомалѣйшимъ шпіономъ, сочинявшимъ фантастическіе доклады о парижскомъ или женевскомъ комитетѣ младотуркской эмиграціи.

Въ очень умѣренной по идеямъ, но не безынтересной статьѣ, которую нѣкто Ренэ Пинонъ, авторъ недавней книги о «Европѣ и Оттоманской имперіи» *), написалъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue des Deux Mondes», мы находимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя данныя о развитіи освободительныхъ идей въ Турціи, главнымъ образомъ, на основаніи двухъ вышедшихъ на французскомъ языкѣ сочиненій: сравнительно уже давней работы А. Анжеляра объ «Исторіи реформъ въ Оттоманской имперіи» **) и только что появившейся біографіи Мидхата-паши, написанной

*) René Pinon, *L'Europe et l'Empire Ottoman*; Парижъ, 1908.

**) A. Engelhardt, *La Turque et le Tanzimat ou Histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'a nos jours*; Парижъ, 1882-1884, 2 т.

его сыномъ *). Присоединивъ къ этимъ даннымъ кой-какія другія свѣдѣнія, источники которыхъ будутъ цитированы въ своемъ мѣстѣ, мы можемъ составить себѣ уже болѣе или менѣе ясное понятіе о подготовительныхъ фазисахъ турецкой революціи.

Любопытно, что іюльская революція, отразившаяся въ болѣе или менѣе сильной степени на политическихъ событіяхъ и внѣ Франціи, не прошла безслѣдно и для Оттоманской имперіи. «Прогрессъ либеральныхъ идей въ Турціи,—говоритъ Рене Пинонъ,—проявляется послѣ великаго европейскаго сотрясенія 1830 г. Ему дѣятельно способствуетъ Англія, которая для того, чтобы освободить Оттоманскую имперію отъ русской опеки, возложенной на нее договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси, толкаетъ ее по пути реформъ и централизаціи. Лондонскій кабинетъ совѣтуетъ султану, съ цѣлью отнять всякій предлогъ русскаго вмѣшательства, слить всѣ христіанскія народности въ одну модернизированную, терпимую, либеральную и парламентарную Турцію» **). Въ 1839 г. Абдулъ-Меджидъ издаетъ гатти-шерифъ Гюльханэйскій, провозглашающій законъ Танзимата, или «новаго порядка», какъ-то: равенства всѣхъ подданныхъ султана предъ закономъ, отмѣну всякаго различія между ними въ правахъ, къ какой бы расѣ они ни принадлежали и какую бы вѣру ни исповѣдывали. Но предложенныя реформы остаются мертвою буквою. Допущенная равноправнымъ членомъ въ концертъ европейскихъ державъ на засѣданіяхъ Парижскаго конгресса 1856 г., Турція гатти-гумайюномъ 18 го февраля снова провозглашаетъ принципы равноправія. Но старинная вражда національностей, мусульманскій фанатизмъ, сопротивленіе лихоимствующихъ чиновниковъ и отсутствіе искреннихъ реформистскихъ тенденцій въ центральномъ правительствѣ сводятъ на нѣтъ формальныя обѣщанія султана европеизировать имперію.

Мало-по-малу, однако, идеи прогресса находятъ себѣ путь и въ сознаніе турокъ. Потребность войти составною частью въ міръ общечеловѣческой культуры начинаетъ живо ощущаться нѣкоторыми передовыми представителями націи, которые образуютъ партію «молодой Турціи», и среди которыхъ въ началѣ 60-хъ годовъ выдвигается Мидхатъ-паша, если и не отличавшійся особымъ теоретическимъ развитіемъ, то замѣнявшій его значительнымъ чутьемъ и тонкимъ практическимъ пониманіемъ назрѣвшихъ государственныхъ задачъ. Въ качествѣ придунайскаго (начало 60-хъ годовъ), а затѣмъ аравійскаго (конецъ 60-хъ годовъ) губернатора, Мидхатъ-паша старается проводить въ жизнь принципы гуманности и вѣротерпимости. Возвратившись въ 1871 г. въ Константинополь,

---

*) *Midhat-pacha, sa vie, son oeuvre,* par son fils Ali-Haydar-Midhat-bey; Парижъ, 1908.

**) René Pinon, *La Turquie nouvelle,* „Revue des deux Mondes", № отъ 1-го сентября 1908 г., стр. 137.

этотъ реформаторъ находитъ въ столицѣ уже довольно многочисленную партію, преслѣдующую прогрессивныя цѣли пріобщенія Турціи къ европейской культурѣ и старающуюся приданіемъ конституціоннаго характера Оттоманской имперіи предупредить опасность отпада угнетенныхъ національностей. Противъ нароставшаго боевого настроенія среди славянъ, которое поддерживалось въ эгоистичныхъ цѣляхъ русскими и австрійскими агентами, либеральные турки пытались выдвигать общечеловѣческіе принципы свободы, равенства и братства. Инсуррекціи въ Герцеговинѣ, Босніи, Черногоріи, Сербіи и Болгаріи показали, что было уже поздно. Мидхатъ-паша, сдѣлавшись главою реформистовъ, тщетно пытался влить новое вино въ старые мѣха. Онъ уже одинъ разъ былъ великимъ визиремъ при Абдулъ-Азизѣ, но ушелъ, разочаровавшись въ возможности поправить дѣла частными реформами. Принявъ дѣятельное участіе въ низверженіи Абдулъ-Азиза и замѣнѣ его слабоумнымъ Мурадомъ, а затѣмъ нынѣ царствующимъ братомъ его, Абдулъ-Гамидомъ, Мидхатъ-паша быстро изготовилъ проектъ конституціи и заручился согласіемъ новаго султана на немедленное осуществленіе этой радикальной политической реформы. Конституція, въ вѣрности которой Абдуль-Гамидъ клялся самымъ торжественнымъ образомъ, была провозглашена въ тотъ самый день (23-го декабря н. с. 1876 г.), когда открывалась и Берлинская конференція, созванная европейскими державами съ цѣлью найти выходъ изъ крайне смутнаго положенія, созданнаго возстаніемъ славянъ противъ ихъ вѣкового угнетателя.

Съ самаго же начала, впрочемъ, уже ясно чувствовалась разница точекъ зрѣнія султана и Мидхатъ-паши, на короткое время ставшаго снова великимъ визиремъ. Въ то время, какъ либеральный министръ искренно стремился къ превращенію Турціи въ правовое, конституціонное государство, для падишаха конституція была лишь диверсіей, внѣшней декораціей, обращенной казовой стороной къ европейскимъ державамъ съ цѣлью созданія среди нихъ иллюзіи насчетъ реформаторскихъ намѣреній Оттоманской имперіи. Эта борьба двухъ тенденцій окончилась побѣдой старой Турціи надъ молодой, и Мидхатъ-паша, 5-го февраля 1877 года получилъ отставку, въ значительной степени благодаря интригамъ графа Н. П. Игнатьева, который всячески старался подорвать кредитъ великаго визиря у султана. Нашъ посланникъ, «искусившійся, — по счастливому выраженію Рене Пинона, — во всѣхъ византійскихъ интригахъ восточной политики», крайне недружелюбно смотрѣлъ на либеральные планы Мидхата, который стремился «слить всѣ національности въ единствѣ реформированной Оттоманской имперіи».

Русско-Турецкая война послужила поводомъ къ отмѣнѣ конституціи. Сначала распущенный, затѣмъ совсѣмъ закрытый, даже помимо всякаго формальнаго роспуска (на основаніи злоупотребленія

статьею 44 конституцiи), парламентъ прекратилъ свое призрачное существованiе, хотя, по мнѣнiю безпристрастныхъ наблюдателей, рѣчи, раздавшiяся въ немъ, если и обнаруживали значительную долю политической наивности, то заключали въ себѣ и зерно здоровыхъ и благородныхъ идей. Въ Турцiи начиналась эра ужасающей тиранiи, въ которой главную роль играло страстное тяготѣнiе самого султана къ неограниченному деспотизму и не менѣе страстная ненависть его ко всякому проявленiю свободной мысли и гражданскаго чувства въ обществѣ. «Гамидизмъ», какъ система, которой суждено было длиться 30 лѣтъ, характеризовался двумя полярно-противоположными прiемами: заискиванiемъ передъ европейскими державами, не останавливавшимся ни передъ какимъ униженiемъ нацiональнаго достоинства, лишь бы получить отъ нихъ carte blanche на деспотическое хозяйничанье внутри страны; и невѣроятнымъ внутреннимъ гнетомъ, превратившимъ Турцiю въ одну громадную тюрьму и кровавую арену казней.

Внѣшнее значенiе Турцiи падаетъ по наклонной плоскости. Берлинскiй договоръ (13 iюля 1878 г.), хотя и ослабившiй черезчуръ тяжелыя для Турцiи условiя сан-стефанскаго прелиминарнаго договора между воевавшими сторонами, нанесъ сильный территорiальный и политическiй ударъ Оттоманской имперiи. Онъ создалъ изъ Болгарiи автономное, хотя и платящее дань и находящееся въ состоянiи вассальной (въ сущности, фиктивной) зависимости отъ Турцiи государство. Онъ объявилъ независимыми Румынiю, Сербiю и Черногорiю и увеличилъ, правда, въ незначительной степени территорiи двухъ послѣднихъ странъ. Онъ отнялъ у Турцiи Карсъ, Ардаганъ и Батумъ и передалъ ихъ Россiи, которая получила Бессарабiю отъ Румынiи, «компенсированной» отнятiемъ у Турцiи Добруджи. Онъ, подъ видомъ оккупацiи, отдалъ во власть Габсбургской имперiи Боснiю и Герцеговину *). Онъ подтвердилъ англо-турецкое соглашенiе 30-го мая 1878 г., разрѣшавшее Англiи занять Кипръ, и т. д. Онъ опредѣлилъ въ 300 миллiоновъ рублей военную контрибуцiю, которую Турцiя должна уплатить Россiи.

Послѣдующiе годы видѣли дальнѣйшiй дѣлежъ имущества «больного человѣка», какъ со временъ Николая I принято было называть Турцiю. Съ 1880 г. неимовѣрно задолжавшая Турцiя вынуждена для удовлетворенiя своихъ кредиторовъ и въ видѣ гарантiи передать завѣдыванiе нѣкоторыми статьями государственныхъ доходовъ синдикату галатскихъ банкировъ. А съ 1883 г. суммы, получаемыя съ шести монополiй: соляной, гербовой, спир-

*) «Самое великолѣпное завоеванiе кампанiи сдѣлала Австро-Венгрiя, и при томъ не вынимая меча изъ ноженъ, не развязывая кошелька вопреки Турцiи, Россiи, Италiи»,—говоритъ французскiй историкъ берлинскаго конгресса: Gabriel Hanotaux, *Le congrès de Berlin*; «Revue des deux Mondes» 1-го октября 1908 г., стр. 497.

товой, рыболовной и шелковой, и отчасти табачной, составляютъ спеціальный фондъ для платежа по государственнымъ займамъ и находятся въ распоряженіи международнаго финансоваго органа, носящаго на благозвучномъ дипломатическомъ языкѣ Франціи названіе «Comité de l'administration de la dette publique ottomane» (Комитета администраціи оттоманскаго государственнаго долга) и представляющаго, въ сущности, коллегію интернаціональныхъ пиратовъ капитала. Съ января 1883 г., несмотря на фикцію зависимости отъ султана, Египетъ переходитъ подъ англійское владычество. Въ 1885 г. Болгарія присоединяетъ Восточную-Румелію, которая, по берлинскому договору, должна была составлять автономную провинцію Оттоманской имперіи подъ управленіемъ назначаемаго султаномъ губернатора. Въ 1898 г. Критъ получаетъ автономію и особаго «верховнаго коммиссара» четырехъ великихъ державъ: Франціи, Англіи, Италіи и Россіи. И такъ далѣе.

Но параллельно съ этимъ распаденіемъ Турціи, которую рвутъ на части волки международной эксплуатаціи, подъ защитой и съ одобренія капиталистическихъ правительствъ, идетъ внутренній процессъ «гамидійскаго» успокоенія страны при помощи шпіонства, ссылокъ, казней и оффиціальнаго и оффиціознаго вырѣзыванія непокорныхъ элементовъ населенія цѣлыми тысячами и сотнями тысячъ. Душой реакціи становится самъ султанъ, соединяющій въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія страной: онъ и дипломатъ, и свой первый министръ, и начальникъ тайной полиціи, и глава шпіоновъ, и вдохновитель казней и наемныхъ убійствъ, такъ что придворная камарилья лишь исполняетъ его велѣнія, и самые кровожадные выразители этого режима являются только покорными орудіями воли султана. Можно замѣтить, кстати, по этому поводу, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности легенда, пущенная въ первые дни революціи самимъ Абдулъ-Гамидомъ и гласящая, будто вся вина 30-тилѣтняго режима чудовищной тираніи лежитъ на вѣроломныхъ слугахъ падишаха, скрывавшихъ отъ него истинное положеніе дѣлъ въ странѣ.

Какъ бы то ни было, изъ самой этой тираніи вырастаетъ, по закону дѣйствія, равнаго противодѣйствію, все усиливающаяся оппозиція режиму произвола. Она исходитъ какъ отъ наиболѣе культурныхъ народностей въ составѣ Оттоманской имперіи, такъ отъ наиболѣе передовыхъ элементовъ самой господствующей расы, уже знакомыхъ намъ младотурокъ. И если капиталистическая Европа присутствуетъ хладнокровно при избіеніи трехсотъ тысячъ армянъ *), происходившемъ въ 1894—1896 гг. въ Малой Азіи и въ самой столицѣ Имперіи, если она цѣлыми годами очень скеп-

*) См. романъ, написанный однимъ изъ выдающихся тогда генгакистовъ: Nazarbek, *Through the Storm. Picture of life in Armenia*; Лондонъ 1899.

тически смотрѣть на пропагандистскія и организаціонныя усилія младотурской оппозиціи, то это отсутствіе сочувствія среди руководящихъ слоевъ культурныхъ государствъ къ росту прогрессивныхъ силъ Турціи можетъ лишь затормазить, но отнюдь не остановить процессъ революціонизированія сознательныхъ элементовъ, стонавшихъ подъ игомъ гамидійскаго деспотизма. Насильственная смерть (въ 1883 г.) отправленнаго въ ссылку Мидхатъ-паши, голова котораго была изъ Аравіи привезена въ даръ властелину въ ящикѣ, носившемъ надпись «Японскія рѣзныя вещи изъ слоновой кости. Для Его Величества султана», эта смерть стараго вождя реформистовъ не ослабила энергіи партіи, обновлявшейся новыми силами, вырабатывавшей программу по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ и слагавшейся въ серьезную организацію какъ путемъ вербованія сторонниковъ среди турецкаго населенія, такъ и путемъ соглашенія съ другими оппозиціонными элементами Имперіи.

Съ 1895 г. въ Парижѣ начинаетъ выходить на турецкомъ и французскомъ языкахъ органъ младотурокъ «Мешверетъ» (Mechveret). Въ 1901 г., подъ вліяніемъ усилившагося движенія въ Македоніи, гдѣ выдающуюся роль скоро станетъ играть болгарская «Внутренняя организація“, младотурки принимаются за особенно энергичную агитацію. Парижскій и женевскій комитеты младотурскихъ эмигрантовъ наводняютъ Имперію листками, гдѣ проводятся либеральные принципы. Наиболѣе передовые элементы офицерства, чиновничества и вообще среднихъ и высшихъ классовъ общества все больше и больше начинаютъ проникаться новыми идеями, которыя распространяются заговорщиками — знаменательное явленіе — нерѣдко при помощи получившихъ западное образованіе турчанокъ. Самъ зять султана, эмигрируя за-границу, громогласно заявляетъ о своемъ присоединеніи къ младотурской партіи. Въ 1902 г. въ Парижѣ имѣлъ мѣсто конгрессъ этой партіи, подъ предсѣдательствомъ принца Сахабъ-Эддина. На немъ присутствуетъ 47 делегатовъ, представляющихъ различныя отдѣленія организаціи въ Европейской Турціи, Малой Азіи и Египтѣ. Резолюціи, вотированныя конгрессомъ, на ряду съ выраженіемъ чувствъ лоялизма, но «въ предѣлахъ закона», говорятъ о необходимости распространенія прогрессивныхъ идей между мусульманами, о «покровительствѣ другимъ религіямъ на почвѣ равенства», о «гармоническомъ политическомъ сотрудничествѣ» всѣхъ оттомановъ, независимо отъ расы и вѣры и, наконецъ, о принятіи за основу государственнаго управленія конституціи 1876 г

Но скоро въ партіи обнаруживаются тренія между элементами, не идущими одинаково далеко по пути культурныхъ и политическихъ требованій. Любопытно, что въ рядахъ младотурокъ наибольшею умѣренностью отличается эмиграція, тогда какъ начавшія возникать все быстрѣе и быстрѣе на территоріи Оттоманской имперіи организаціи требуютъ болѣе опредѣленной программы и болѣе

рѣшительныхъ дѣйствій. Разноголосица вносится особенно необходимостью считаться съ тенденціями революціонныхъ организацій, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ. Такъ, армяне, съ которыми младотурки старались выработать платформу соглашенія, тянули больше къ тактикѣ македонской «внутренней организаціи», чѣмъ къ болѣе миролюбивымъ пока пріемамъ младотурокъ, стремившихся, прежде всего, возможно обширнѣе распространять конституціонныя идеи. Опасаясь, однако, вмѣшательства иностранныхъ державъ въ рѣшеніе македонскаго вопроса, который тѣмъ временемъ все обострялся и обострялся, вожаки партіи рѣшили созвать новый конгрессъ, на которомъ были представлены, кромѣ младотурккой, и другія оппозиціонныя партіи Имперіи. На этомъ послѣднемъ конгрессѣ, состоявшемся въ Парижѣ въ декабрѣ 1907 г., обмѣнялись между собою взглядами делегаты отъ слѣдующихъ организацій: Оттоманскаго Комитета «Единенія и Прогресса», Революціонной армянской федераціи, Оттоманской лиги частной инниціативы, децентрализапіи и конституціи, редакцій «Арменіи», «Размизо» балканскихъ странъ, революціоннаго «Хайремика», издающагося въ Америкѣ, египетскаго комитета «Ахди-Османи». На конгрессѣ восторжествовали болѣе умѣренныя тенденціи, защищавшіяся въ особенности Комитетомъ *Единенія* и Прогресса, первоначальное названіе котораго, — мы считаемъ небезынтереснымъ отмѣтить это,—было Комитетъ *Порядка* и Прогресса, что выражало достаточно ясно умѣренность политическаго идеала, вокругъ котораго группировались силы этой наиболѣе распространенной въ Турціи организаціи. Однако, принятая на конгрессѣ резолюція ставила все же такія требованія, которыя означали рѣшительный разрывъ со старымъ строемъ: отреченіе султапа Абдула-Гамида отъ трона; коренное измѣненіе политическаго режима; созывъ Парламента.

Между тѣмъ, отдѣленія младотурецкой партіи, сильно умножившіяся за послѣднее время въ разныхъ частяхъ Оттоманской имперіи, фатально принимали все болѣе революціонный характеръ. Умѣряющее дѣйствіе Комитета «Единенія и Прогресса» сказывалось въ гораздо большей степени на строго конституціонномъ характерѣ программы, ставившей непосредственныя политическія задачи и не усложнявшей ихъ соображеніями объ отдаленномъ идеалѣ, чѣмъ на тактикѣ мѣстныхъ комитетовъ, становившихся централизованными секціями одного великаго конспиративнаго общества. События въ Россіи и Персіи заставили выдающихся вожаковъ партіи перенести Центральный Комитетъ изъ за-границы на почву Турціи, въ Салоники. Строго заговорщицкіе пріемы вербовки членовъ,—въ родѣ клятвы на Коранѣ, кинжалѣ и револьверѣ, — напоминавшіе европейскій карбонаризмъ; связь между отдѣльными комитетами лишь при посредствѣ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ строго скрывались отъ самихъ членовъ секцій; вѣрная смерть, ожидавшая

измѣнниковъ и вообще лицъ, вредившихъ распространенію общества,—все это быстро усиливало значеніе младотурской организаціи и покрывало всю Турцію все болѣе и болѣе сближавшимися петлями одной общей политической сѣти.

Такъ какъ эти идеи преимущественно распространялись среди передового офицерства и наиболѣе сознательной части молодого чиновничества, къ которымъ присоединялись лучшіе люди общества, то дисциплинированность членовъ и опредѣленность ближайшихъ политическихъ цѣлей явились отличательными чертами революціонной организаціи. Потому-то, когда событія заставили конспираторовъ ускорить переворотъ, вожаки движенія необыкновенно умѣло продѣлали ту часть революціоннаго процесса, которая называется «вторымъ днемъ революціи» и которая, по большей части, чревата крайне серьезными опасностями для руководителей движенія, ибо имъ приходится въ очень короткій промежутокъ времени превратить себя изъ людей оппозиціи въ людей правительства. Конспираторы знали, чего хотѣли, и немедленно же принялись за положительную часть работы. Они не увлеклись исключительно митингами и газетами, возможностью громить старый строй на собраніяхъ и въ печати. Правда, всего этого было повсюду въ изобиліи, и гражданскій энтузіазмъ лился, какъ мы уже видѣли, широкой волной въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Но одновременно съ этими естественными, стихійными проявленіями революціоннаго подъема, шла строго планомѣрная работа закрѣпленія только что взятыхъ у врага позицій, путемъ реорганизаціи государственнаго механизма на новыхъ началахъ и замѣны стараго правящаго персонала свѣжимъ, революціоннымъ. Не предрѣшая дальнѣйшей судьбы молодой Турціи, мы можемъ все таки сказать, что именно этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему до сихъ поръ реакція оказываетъ тамъ такъ мало сопротивленія. Пораженная въ своихъ жизненныхъ центрахъ, она, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, ничего пока не можетъ противоставить творческой дѣятельности революціонеровъ.

V.

Было бы, однако, несправедливо видѣть въ турецкой революціи, какъ это часто приходится слышать, лишь родъ военнаго пронунціаменто, въ которомъ нація не принимала никакого участія. Несомнѣнно, что интеллигентное офицерство, которое пріобщалось къ европейской цивилизаціи не только на почвѣ общечеловѣческой культуры, но и на почвѣ профессіональныхъ военныхъ интересовъ,—и въ этомъ, по странной ироніи судьбы, ученые инструкторы милитаристской и полуфеодальной Германіи сыграли не малую революціонизирующую роль,—несомнѣнно, говоримъ мы, что

въ совершившемся переворотѣ турецкое офицерство выступило на первый планъ. Оскорбляемое въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, угрожаемое въ своихъ матеріальныхъ интересахъ вѣчною задержкою жалованья, разворовываемаго придворной кликой, доведенное до озлобленія системой подкупа, фаворитизма и шпіонства, которая выдвигала низкихъ и неспособныхъ людей и затирала честныхъ и талантливыхъ, офицерство сумѣло сообщить свое недовольство и презрѣніе къ «гамидизму» и солдатамъ. Въ этомъ, напр., отношеніи не лишено правдоподобности соображеніе нѣкоторыхъ хорошо знающихъ турецкія дѣла корреспондентовъ насчетъ того, что если первоначально революція вспыхнула среди войскъ, размѣщенныхъ въ Македоніи, то это потому, что именно здѣсь, гдѣ турецкая голодающая и оборванная армія видѣла каждый день упитанныхъ и съ иголочки одѣтыхъ людей интернаціональнаго корпуса жандармеріи, контрастъ между парламентарной Европой и деспотически управляемой Турціей особенно болѣзненно ощущался оттоманами.

Но не одно офицерство со своими солдатами принимало участіе въ революціи. Идеи переворота нашли благодарную почву, какъ мы уже видѣли, среди молодой бюрократіи, стоявшей, подобно офицерству, ближе другихъ общественныхъ группъ къ источнику европейской культуры. Любопытно, что почтовое вѣдомство, на которое гамидійская клика возложила спеціальную функцію шпіонства за пересылавшимися письмами и газетами, оказалось сильнѣе прочихъ вѣдомствъ пропитаннымъ освободительными стремленіями. Многіе изъ наблюдателей послѣднихъ событій уже утверждаютъ, что если военная инсуррекція могла накопить столько горючихъ элементовъ, не возбудивъ подозрѣнія у артистовъ сыска и читанія въ сердцахъ, то это потому, что почтово-телеграфные чиновники, принадлежавшіе къ младотуркской партіи, обнаружили чудеса ловкости и проницательности, перехватывая шпіонскія донесенія начальству, начальственныя приказанія шпіонамъ, дешифрируя правительственныя депеши и сообщая ихъ содержаніе вожакамъ движенія,—словомъ, дезорганизуя ту обширную систему политическаго соглядатайства, которою султанъ и его клика думали задушить ростъ прогрессивныхъ идей въ странѣ.

Но и это не все. Дальновидность младотурокъ сказалась и въ томъ, что они старались распространить свою организацію среди всѣхъ общественныхъ элементовъ, доступныхъ пониманію невыносимости политическаго режима старой Турціи и способныхъ къ сознательной революціонной дѣятельности. Въ послѣднее время, непосредственно предшествовавшее побѣдоносной инсуррекціи, мѣстные комитеты составлялись не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ, заключавшихъ союзъ между собою противъ общаго врага, султанскаго деспотизма, съ тѣмъ, чтобы разрѣшить

сложные вопросы сожительства разныхъ расъ и религій свободнымъ обсужденіемъ ихъ въ парламентарной Турціи. Вожаки движенія обращались безразлично къ мусульманамъ и христіанамъ съ предложеніемъ, вступая въ общество, дѣлать извѣстные взносы и запасаться оружіемъ, готовиться одинаково къ пассивному и къ активному сопротивленію, начиная отъ политическихъ стачекъ и экономическаго бойкота, переходя къ отказу платить подати и кончая всеобщимъ вооруженнымъ возстаніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что члены, примыкавшіе къ мѣстнымъ комитетамъ, вербовались преимущественно изъ тѣхъ элементовъ, которые въ Европѣ носятъ названіе интеллигенціи и общества. Но нельзя совершенно отрицать тяги къ нимъ и болѣе широкихъ слоевъ населенія. Неосвѣдомленность европейцевъ въ турецкихъ дѣлахъ, или, лучше сказать, небрежность, съ какой они смотрѣли на либеральное движеніе въ Оттоманской имперіи, мѣшала имъ обращать вниманіе на свѣдѣнія, сообщавшіяся турками на языкахъ культурныхъ странъ и позволяющія теперь, однако, хоть заднимъ числомъ оцѣнивать важность первыхъ продромовъ революціоннаго сотрясенія, въ которыхъ участвовала не одна военная и гражданская интеллигенція, но и болѣе обширныя группы.

Что, напр., читатель скажетъ по поводу слѣдующихъ строкъ изъ «Обозрѣнія мусульманскаго міра», которыя я цитирую по статьѣ одного парижскаго профессора исторіи, нѣкоего Ле-Шателе, напечатанной подъ заглавіемъ «Революціи на Востокѣ» въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ «La revue bleue»? Дѣло идетъ о мало извѣстныхъ въ Европѣ манифестаціяхъ противъ турецкой системы управленія, происходившихъ еще въ 1907 г. въ Малой Азіи: «Собравшись въ Кастамуни передъ дворцомъ военнаго начальника, въ моментъ муниципальныхъ выборовъ,—что обыкновенно является въ Турціи прелюдіей новыхъ налоговъ,—народъ сказалъ громогласно гамидизму: «Мы совершенно не знаемъ состоянія доходовъ и расходовъ нашего города. Какъ же мы можемъ вотировать? Какой-нибудь цеховой ученикъ не долженъ же платить такой же самый налогъ, что и его патронъ. Почти всѣ лица знатнаго происхожденія не платятъ налоговъ. Самымъ богатымъ негоціантомъ нашей области является самъ губернаторъ, а между тѣмъ онъ не несетъ никакого налога. Мы не дадимъ ни піастра». И надо было, чтобы тамъ, въ Илдизъ-Кіоскѣ, самъ султанъ подошелъ къ проволокѣ, по которой редифы - телеграфисты передавали султану требованія толпы. Абдулъ-Гамидъ привѣтствовалъ депешей народъ и депешей же отозвалъ губернатора. «И тогда народъ, получивъ удовлетвореніе, разошелся по домамъ» *).

---

*) „Revue du Monde musulman“ т. IV, n⁰ 4, стр. 820. Цитировано въ статьѣ: A. Le Chatelier, *Revolutions d'Orient*; „Revue politique et litteraire“ (Revue bleue), отъ 15-го августа 1908, стр. 195—196.

Точно также и «мирная революція» въ Синопѣ, Требизондѣ, Эрзерумѣ, Битлисѣ, Діарбекирѣ, Моссулѣ, Смирнѣ, мѣстности, именуемой Дервимомъ, и т. п. ставила на своемъ знамени програму Кастамуни. И во всѣхъ этихъ мѣстахъ населеніе съ энтузіазмомъ слѣдовало за подававшими сигналъ къ манифестаціямъ офицерами, муллами и даже женщинами. Кой-гдѣ уже прорывались болѣе рѣзкіе пріемы протеста. Въ Требизондѣ одинъ лейтенантъ убиваетъ дивизіоннаго генерала Гамди-пашу, «для вящшей безопасности оттомановъ». Въ Эрзерумѣ толпа преслѣдуетъ верхами заптіевъ, которые арестовали муфтія, бывшаго однимъ изъ вождей движенія. А когда губернаторъ вздумалъ было подвергнуть заключенныхъ пыткѣ, то женщины врываются въ его дворецъ съ криками: «убійца! долой убійцу»! Въ Діарбекирѣ толпой мятежниковъ предводительствуетъ дервишъ Мегеметъ-Абулъ-Фазель, преданный за то мучительной смерти. Въ Моссулѣ попытка переписи женщинъ вызываетъ возмущеніе всѣхъ окрестныхъ деревень.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ подготовлявшейся событіями революціи принимала большее или меньшее участіе и «толпа», «улица», «масса». Первыя зарницы, предвѣщавшія грозу, засверкали еще въ прошломъ году въ Азіатской Турціи, гдѣ недовольство режимомъ на почвѣ непосредственныхъ жизненныхъ нестроеній (податного гнета и т. п.) принимало мѣстами характеръ спонтанейнаго народнаго возстанія. Когда узнаешь эти факты, то уже перестаешь удивляться тому удивительному энтузіазму, которымъ населеніе этихъ, казалось бы, дикихъ областей отвѣтило на дошедшую изъ Европы вѣсть о побѣдоносной революціи. Но, съ другой стороны, вѣрно то, что инціатива и активная роль въ совершенномъ переворотѣ принадлежали военной и штатской интеллигенціи, духовенству, людямъ либеральныхъ профессій, купечеству, вообще представителямъ высшихъ и среднихъ классовъ, затронутымъ общеевропейской культурой; а что массы дали лишь свое согласіе, правда, не молчаливое, но шумное, полное сочувствія согласіе на повалившую старый строй революцію.

Эта особенность великаго турецкаго переворота опредѣляется, прежде всего, самими культурно- политическими и экономическими условіями Оттоманской имперіи. Не безъ основанія одинъ соціалъ-демократическій писатель въ статьѣ, посвященной «Турціи, какъ конституціонной имперіи», говоритъ, что «прежде всего Турція есть земледѣльческое государство, и младотуркское реформистское движеніе носитъ чисто буржуазный характеръ. О пролетарскомъ движеніи въ Оттоманской имперіи рѣчь можетъ лишь идти лишь годами позже (erst nach Jahren). Да, даже быстрый успѣхъ младотурокъ должно приписать отчасти тому обстоятельству, что высшіе и средніе классы Турціи не знаютъ еще «опасности» соціализма» *).

*) M Beer, *Die Türkei als konstitutionelles Reich*; „Die Neue Zeit", номеръ отъ 25-го сентября 1908 г., стр. 941.

Правда, къ этой нѣсколько схематической картинѣ приходится прибавить кой-какіе усложняющіе ее штрихи. Если даже оставить въ сторонѣ затрудненія, вытекающія изъ расовыхъ стремленій различныхъ населяющихъ Имперію народностей, а также изъ интернаціональнаго положенія Турціи, на которую съ такою алчностью смотрятъ христіанскія культурныя государства, все же въ идиллію политическаго единодушія первыхъ дней уже начинаютъ примѣшиваться соціальные диссонансы. Тѣ немногіе рабочіе элементы, которые были вызваны къ жизни организаціей при помощи иностранныхъ капиталовъ нѣкоторыхъ крупныхъ отраслей промышленности, уже зашевелились. Стачки портовыхъ, трамвайныхъ, желѣзнодорожныхъ рабочихъ уже показали, что волшебная формула свободы, равенства и братства не можетъ сама по себѣ разрѣшить вопросовъ хлѣба, нужды, труда, существованія широкихъ массъ. Младотурки не могли зачаровать эти впервые поднимающіеся на соціальную борьбу элементы конституціонной идеологіей, и либеральному министерству приходилось уже въ иныхъ случаяхъ прибѣгать на чисто европейскій ладъ къ войскамъ и полиціи для охраненія пресловутой «свободы труда». Въ половинѣ августа н. с., когда портовые разгрузчики угля въ Константинополѣ организовали забастовку, нѣсколько рабочихъ уже были арестованы министромъ полиціи за «угрозы штрейкбрехерамъ». А когда толпа стачечниковъ рѣшила перебраться на другой берегъ Босфора, чтобы убѣдить каталей изъ Гайдара-Паши присоединиться къ нимъ, комитетъ «Единенія и Прогресса» настоялъ передъ правительствомъ на посылкѣ туда войскъ, и переправившіеся забастовщики были встрѣчены на малоазіатскомъ берегу ротой пѣхоты, заставившей ихъ отплыть обратно въ Константинополь. Точно также и совсѣмъ недавняя стачка желѣзнодорожниковъ на Восточныхъ линіяхъ,—стачка, которая подала поводъ Болгаріи захватить въ свои руки эту сѣть,—не могла окончиться такъ скоро, какъ того желали младотуркскіе политическіе дѣятели. И именно защищая нѣмецкій «капиталъ» компаніи противъ справедливыхъ требованій турецкаго «труда», Болгарія при помощи своихъ солдатъ и прибрала къ рукамъ Румелійскую вѣтвь. Изъ Бруссы проскользнули даже слухи о носившей уже рѣзко анархистскій характеръ манифестаціи, которую младотурки и европейскіе корреспонденты старались представить въ видѣ безпорядковъ, произведенныхъ подонками городского населенія, тогда какъ, повидимому, она была первымъ лепетомъ пробуждающагося къ сознательной жизни трудящагося, эксплуатируемаго люда.

Но, указавъ на эти нѣсколько усложняющія политическую революцію соціальныя столкновенія, мы должны, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что если государственный переворотъ, продѣланный въ Турціи интеллигенціей при помощи войскъ, не былъ активнымъ выступленіемъ большинства населенія, то онъ, несомнѣнно, идетъ на пользу всѣмъ общественнымъ слоямъ, изнемогавшимъ подъ

игомъ деспотизма и грабительства, и потому поддерживается ими, какъ общенаціональное дѣло. Поскольку чудовищный произволъ агентовъ власти, беззаконные поборы съ производительныхъ классовъ населенія, феодальная эксплуатація земледѣльцевъ различными категоріями привилегированныхъ владѣльцевъ и т. п. будутъ устраняться конституціей, постольку инціаторы политической революціи найдутъ ревностную поддержку во всѣхъ тѣхъ элементахъ, которые жестоко страдали отъ стараго режима. Въ этомъ смыслѣ правъ другой нѣмецкій соціалъ-демократъ, говоря, что турецкая революція, хотя и является, прежде всего, «революціей арміи», отнюдь не имѣетъ смысла обыкновеннаго «военнаго бунта». «Войско,—аргументируетъ этотъ авторъ,—не противоставляетъ себя здѣсь государству, чтобы подчинить власть послѣдняго честолюбію своихъ вождей, но сами эти вожди чувствуютъ себя представителями государства и народа, призванными судьбой спасителями ихъ. Если вообще всякая революція даетъ выраженіе при помощи насильственнаго взрыва нравственнымъ и умственнымъ идеаламъ извѣстной эпохи, ставшимъ народной силой, то турецкіе офицеры дѣлаются орудіемъ обновленія своего народа. Во имя народа они возстали, чтобы разбить вдребезги деспотизмъ Абдулъ-Гамида. Что они ставятъ своей задачей, есть дѣйствительно настоящая революція» *).

Достатоточно нѣсколькихъ словъ, чтобы дать понять читателю, какія наиболѣе ощутительныя тягости и злоупотребленія снимаются конституціоннымъ режимомъ съ плечъ населенія Если установится, напр., система правильнаго взиманія налога и равенства всѣхъ передъ государственными повинностями, то тотчасъ же падаетъ масса поборовъ съ земледѣльца, который, обрабатываетъ-ли онъ принадлежащую ему или другимъ лицамъ «свободную собственность» (*мюлькъ*) или государственныя (*эмиріе*) и церковныя (*вакуфъ*) земли, или привилегированную собственность высшаго служилаго сословія (*муликанэхъ*) **), въ концѣ концовъ видитъ переходящими въ руки правительства, владѣльцевъ и посредниковъ почти всѣ результаты своего тяжелаго труда, при чемъ зачастую громадная часть жатвы портится вслѣдствіе варварскихъ пріемовъ взиманія и безъ того варварской «десятины» ***). Если уста-

*) Karl Leutner, *Die Erneuerung der Türkei*; „Sozialistische Monatshefte", № отъ 20-го августа 1908 г., стр. 1044—1045.

**) Ср. о формахъ владѣнія въ Турціи: Emile de Laveleye, *De la propriété et de ses formes primitives*; Парижъ, 1891, 4-е изд., стр. 356—360; и Scott Keltie, *The Statesman's Year-book for the year* 1908; Лондонъ, 1908, стр. 1571—1572.

***) „Для предотвращенія обмана, нѣкоторые сборщики десятины не придумали ничего болѣе остроумнаго, какъ обязать земледѣльцевъ нагромождать вдоль полей всю ихъ жатву; пока агенты фиска не взяли десятаго снопа, кучи маиса, риса, пшеницы должны лежать подъ открытымъ небомъ, безъ всякой защиты отъ вѣтра, дождя и животныхъ. Часто, когда

новится упомянутая система правильности и равенства обложенія, то исчезнутъ беззаконные поборы съ ремесленниковъ и купцовъ, обираемыхъ пашами и беями безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и съ полной безнаказанностью. При конституціонномъ строѣ должны будутъ также значительно сократиться взятки, которыя берутся въ Турціи на всѣхъ ступеняхъ правительственной лѣстницы со всѣхъ и каждаго, кому только приходится обращаться къ администраціи. Я уже не говорю о тѣхъ спеціальныхъ облегченіяхъ, которыми воспользуются не-мусульманскіе элементы населенія, подвергавшіеся до сихъ поръ сугубой стрижкѣ: и какъ подданные деспотическаго государства, и какъ стоящіе внѣ религіозной общины магометанъ.

Прибавьте къ этому болѣе идеальныя блага конституціи, тѣсно, впрочемъ, связанныя и съ матеріальнымъ благосостояніемъ,—свободу слова, печати, союзовъ, участіе въ государственномъ и мѣстномъ управленіи,—словомъ, всѣ тѣ вещи, которыя дадутъ возможность болѣе полной и широкой дѣятельности не только представителямъ литературныхъ профессій, но и трудящемуся люду Турціи, и вы поймете, почему революціонный coup d'Etat, продѣланный младотурками прежде всего при посредствѣ арміи, долженъ находить сочувствіе и поддержку и въ широкихъ слояхъ.

VI.

Но здѣсь «молодую Турцію» ждутъ затрудненія, которыя начинаютъ все болѣе и болѣе вкрапливаться черными точками въ свѣтлый фонъ столь блистательно проведеннаго революціонерами переворота. Поведеніе различныхъ національностей, входящихъ въ составъ ставшей конституціонною Оттоманской имперіи, и отношеніе къ Турціи европейскихъ державъ являются такими важными факторами послѣдующей судьбы Ближняго Востока, что отъ той или иной конъюнктуры ихъ будетъ зависѣть и устойчивость внутренняго порядка вещей въ новомъ конституціонномъ государствѣ. А надо сказать, что вѣсти, приходящія въ послѣднее время съ Балканскаго полуострова, не даютъ повода особенно радоваться искреннимъ друзьямъ юной турецкой свободы.

Что касается до modus'a vivendi, который вырабатывается какъ между различными народностями Оттоманской имперіи, такъ и въ отношеніи ихъ всѣхъ къ господствующей политической расѣ, то здѣсь если и не наблюдается пока еще столь обычнаго въ прежнее время взаимнаго озлобленія, однако уже нѣтъ и того общаго ли-

---

правительство взяло, наконецъ, свою десятину, жатва потеряла половину своей цѣны",—говоритъ Элизэ Реклю, описаніе котораго до сихъ поръ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Elisée Reclus. *Nouvelle géographie universelle*; Парижъ, 1876, т. I (*L'Europe Meridionale*), стр. 233.

кованья, того коллективнаго энтузіазма, который такъ подкупающе дѣйствовалъ на всѣхъ наблюдателей, и который мы пытались изобразить, со словъ очевидцевъ, на первыхъ страницахъ нашей статьи. Младотуркамъ придется рѣшать очень сложный и очень деликатный вопросъ: въ какой степени обновленное инициативой ихъ партіи государство дастъ возможность свободно проявиться культурно-политическимъ стремленіямъ тѣхъ національностей, которыя населяютъ территорію Турціи. Дѣйствительно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что своеобразный «миръ Божій», водворившійся съ объявленія конституціи между различными враждующими народностями, прежде всего и больше всего зависитъ отъ того, что каждая изъ нихъ пока ожидаетъ и всматривается въ перспективы, открывающіяся для нея при новомъ режимѣ, а тѣмъ временемъ старается расположить въ свою пользу побѣдившую партію своимъ лояльнымъ къ младотурецкому правительству отношеніемъ. Потому-то прежняя рѣзня, хотя бы между соперничающими другъ съ другомъ въ Македоніи болгарами, греками. сербами, въ общемъ почти совсѣмъ прекратилась и свелась въ самыхъ крайнихъ случаяхъ лишь къ отдѣльнымъ вспышкамъ. Но долго-ли еще продлится эта райская гармонія, когда, по выраженію одного восточнаго юмориста, львы мирно пасутся съ телятами?

Вѣдь младотурки не даромъ объявляютъ себя не только либералами, но и патріотами. Одинъ нѣмецкій публицистъ назвалъ ихъ даже «національ-либералами». Во всякомъ разѣ ихъ идеаломъ, какъ уже читатель могъ видѣть, является не только свободная и парламентарная, но «единая и нераздѣльная» Турція. А съ этимъ терминомъ, имѣющимъ со временъ Великой французской революціи совершенно опредѣленное значеніе, связывается историческая ассоціація идей и традицій, слагающаяся въ общее представленіе объ унитарномъ и централизованномъ государствѣ. Почти нельзя ожидать, чтобы младотурки обнаружили такую независимость и смѣлость политической мысли, которая позволила бы имъ порвать съ предразсудками по-революціонной парламентарной Европы и гордо развернуть знамя федералистической Оттоманской имперіи, что, въ сущности, несмотря на фактическія трудности осуществленія этого идеала въ частностяхъ, было бы все-таки наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса о государственномъ строѣ той необыкновенно пестрой мозаики племенъ и религій, какую представляетъ собою современная Турція. Наоборотъ, централизаторскій либерализмъ младотуркской партіи уже сказался въ недвусмысленныхъ притязаніяхъ ея создать «единую оттоманскую душу путемъ единаго общенаціональнаго языка и единой общенаціональной школы». Возможно, конечно, что вожаки движенія, обнаружившіе, говоря вообще, много политическаго такта, избѣгнутъ рокового подводнаго камня отурченія, когда увидятъ, съ какой

свирѣпой энергіей различныя народности Турціи готовы защищать свою культурную автономію, свой языкъ и свою школу въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладаютъ ихъ этническія группы. Но то, что до сихъ поръ извѣстно о взглядѣ младотурокъ на эти вещи,—ихъ ироническое отношеніе къ «перспективѣ 27-язычнаго государства», ихъ «нежеланіе идти по стопамъ Австро-Венгріи», не Богъ знаетъ какъ, однако, справившейся до сихъ поръ съ вопросомъ о мирномъ сожительствѣ различныхъ входящихъ въ составъ Габсбургской имперіи національностей, ихъ преувеличенно-патріотическое мнѣніе о большей якобы способности турокъ къ свободной политической дисциплинѣ по сравненію съ другими племенами,—все это заставляетъ искреннихъ друзей молодой Турціи опасаться, что иниціаторы конституціоннаго преобразованія заплатятъ дань унитарнымъ предразсудкамъ и будутъ пытаться скрѣпить различныя народности не федеральнымъ союзомъ, опирающимся на взаимное уваженіе участниковъ, а насильственной централизаціей ихъ подъ гегемоніей господствующей расы.

Между тѣмъ, можно-ли говорить въ строгомъ смыслѣ о господствующей расѣ въ Турціи, когда, по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ, въ европейскихъ областяхъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ Порты, 70% населенія подѣлены поровну между тремя наиболѣе многочисленными племенами: турецкимъ, греческимъ и албанскимъ, такъ что, значитъ, турки не составляютъ и четверти всего числа жителей, между тѣмъ какъ остальные 30% представлены болгарами, сербами, армянами, румынами, мадьярами, цыганами, евреями и черкесами? Что касается до Азіатской Турціи, то и тамъ, рядомъ съ значительнымъ числомъ турокъ, насчитывается четыре милліона арабовъ и цѣлая масса другихъ племенъ, въ родѣ грековъ, сирійцевъ, курдовъ, черкесовъ, армянъ, евреевъ и т. п. *). Ясно, что при такихъ условіяхъ, желая провести послѣдовательно принципъ централизованнаго государства, съ гегемоніей турокъ, младотурскіе конституціоналисты натолкнутся на отчаянное сопротивленіе претендующихъ на національную автономію народностей. Наоборотъ, только признаніе права на «самоопредѣленіе» различныхъ культурно-этническихъ группъ, входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, дастъ возможность

---

*) Scott Keltie, l. c., стр. 1563.—Подводя итоги подробной этнографической таблицѣ населенія четырехъ провинцій и одного округа, входящихъ въ составъ Ѳракіи и Македоніи съ Старой Сербіей, по болгарскимъ источникамъ, приведеннымъ въ извѣстномъ географическомъ Словарѣ Вивьена де Сэнъ-Мартэна и Русслэ, я нахожу, что на этой территоріи живутъ 1.649,820 болгаръ, 787,340 турокъ, 645,400 албанцевъ, 450,680 грековъ, 112,870 сербовъ, 90,845 румыновъ, 55,320 евреевъ, 37,200 цыганъ, 30,000 армянъ, и т. д. См. Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, *Nouveau Dictionnaire de Geographie Universelle* 18-ый выпускъ „Приложенія“, статья *Turquie d'Europe*, Парижъ, 1900.

федеративной молодой Турціи образовать изъ себя сравнительно устойчивое и способное къ развитію политическое цѣлое.

Опасенія, что всѣ эти народности постараются оторваться отъ имперіи и образовать, или самостоятельно, или въ составѣ родственныхъ имъ сосѣднихъ государствъ, независимыя, можетъ быть, враждебныя Турціи политическія тѣла, не должны были бы, въ сущности, останавливать искреннихъ федералистовъ. Можно даже предположить, что области, гдѣ разныя національности сильно перемѣшаны и борются между собою за преобладаніе, обнаружатъ тѣмъ сильнѣйшее тяготѣніе къ обновленной Турціи, чѣмъ менѣе каждая изъ обитающихъ тамъ расъ будетъ склонна допустить политическое первенство какой-нибудь другой. Это съ поразительной рельефностью обнаруживается хотя бы по отношенію къ Македоніи, гдѣ болгары, сербы, греки воюютъ другъ съ другомъ не только на полѣ партизанской рѣзни, но и на столбцахъ статистики, убивая другъ друга взаимно неправдоподобными цифрами. Я приведу здѣсь одну изъ такихъ таблицъ, заимствуя ее въ сокращенномъ видѣ у англичанина Эллиса Баркера, автора статьи о «Будущности Турціи», который сопоставилъ этнографическія вычисленія населенія области на основаніи документовъ различнаго національнаго происхожденія:

Населеніе Македоніи.

Народности.	Согласно Гопчевичу (сербу).	Согласно Канчеву (болгарину).	Согл. Николаидесу (греку).
Турки	231,400	489,664	576,600
Болгары.	57,600	1.184,036	454,700 (Болгары и Сербы)
Сербы	2.048,320	700	
Греки	201,140	222,152	656,300
Албанцы.	165,620	124,211	—

и т. д. *).

Одного этого примѣра достаточно, чтобы видѣть, какъ фантастичны статистики, окрашенныя племеннымъ соперничествомъ и, значитъ, въ какой степени каждая изъ расъ будетъ отвергать притязанія на гегемонію другой. Можетъ, дѣйствительно, случиться, что уже въ упомянутыхъ областяхъ съ очень смѣшаннымъ населеніемъ вся совокупность обитающихъ тамъ племенъ предпочтетъ остаться подъ владычествомъ конституціонной Турціи, чѣмъ политически подчиниться одной изъ борющихся за владычество народностей или войти въ составъ сосѣднихъ государствъ. Правда, младотурксkимъ политикамъ будетъ предстоять въ этомъ случаѣ задача создать очень гибкій политическій строй, который могъ бы держаться не только на имперскомъ федерализмѣ и авто-

*) J. Ellis Barker, *The Future of Turkey*; „The Fortnightly Review", октябрь 1908 г., стр. 553.

номіи областей, но и на пропорціональномъ представительствѣ различныхъ національностей.

Трудный вопросъ, требующій большой проницательности и еще большаго самообладанія не только турокъ, но и всѣхъ расъ, изнывавшихъ до сихъ поръ подъ игомъ «кроваваго султана», а нынѣ очутившихся на свѣжемъ воздухѣ конституціи, не только этихъ расъ, но и европейскихъ державъ! Между тѣмъ, именно культурныя и христіанскія государства своимъ поведеніемъ разжигаютъ теперь національные аппетиты и племенную вражду, принявшись разрубать по кускамъ гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса. Такъ, Болгарія, условившись съ Австро-Венгріей, объявляетъ себя независимымъ королевствомъ. Такъ, Австро-Венгрія, съ очевиднаго благословенія Германіи и болѣе, чѣмъ вѣроятнаго согласія оффиціальной Россіи, уже совершенно присвоиваетъ себѣ фактически принадлежащія ей тридцать лѣтъ Боснію и Герцеговину. И вотъ Сербія и Черногорія волнуются, затронутыя въ своихъ жизненныхъ интересахъ. Франція и Англія до сихъ поръ ограничиваются выраженіемъ платоническаго сочувствія конституціонной Турціи, между тѣмъ какъ нѣмецкій державный комми-вояжеръ въ шлемѣ Лоэнгрина, столько лѣтъ поддерживавшій чудовищный «гамидизмъ», уже продѣлываетъ съ Божьею помощью поворотъ, стараясь увѣрить въ искренней симпатіи младотурецкую партію, лишь бы продолжать свою игру въ европейскихъ и азіатскихъ владѣніяхъ Оттоманской имперіи, представлявшей до сихъ поръ такой удобный матеріалъ для обрабатыванія его во вкусѣ германской колоніальной политики *). И какой ироніей звучатъ теперь заднимъ числомъ, при грубомъ освѣщеніи фактовъ европейскаго культурнаго хищничества, увѣренія буржуазнаго итальянскаго писателя по внѣшнимъ вопросамъ въ томъ, что для самихъ младотурковъ будетъ очень выгодно «имѣть за собой солидарность Европы, проявляющуюся въ присутствіи—на территоріи Македоніи—чиновниковъ различныхъ державъ» **).

Право, когда вглядываешься въ подвиги государствъ, именующихъ себя носителями цивилизаціи, по отношенію къ новому собрату, вступающему на путь свободнаго политическаго развитія, то начинаешь понимать, какъ одинъ французскій «антипатріотъ» могъ писать по адресу жертвъ французской же колоніальной политики: «добрые друзья мароканцы! соберите все ваше мужество, весь вашъ героизмъ, котораго у васъ, къ сожалѣнію, больше, чѣмъ усовершенствованныхъ пушекъ и ружей, и бейте, бейте изо всей силы моихъ милыхъ соотечественниковъ, тѣхъ самыхъ доблестныхъ патріотовъ, что тридцать пять лѣтъ уже вопятъ объ отнятыхъ у

---

*) См. Maurice Lair, *L'Allemagne et la Revolution turque*; „Revue politique et litteraire", № отъ 3-го октября 1908 г., стр. 423—427.

**) *XXX, L'Italia et la Nuova Turchia*; „Nuova Antologia", № отъ 1-го сентября 1908, стр. 145.

нихъ Эльзасѣ и Лотарингіи, а сами расправляются съ вами въ тысячу разъ хуже, чѣмъ когда то нѣмцы съ нами... И да почіетъ благословеніе Аллаха на васъ, доблестные враги моего звѣринаго отечества! Аминь!»...

О политикѣ европейскихъ государствъ въ восточномъ кризисѣ, который развертывается нынѣ поразительными и неожиданными скачками, надо, впрочемъ, говорить вплотную и особо.

Н. Е. Кудринъ.

На очередныя темы.

Сумятица.

I. Въ жизни.—II. Въ литературѣ.

...Не всѣ «ждутъ». Нѣкоторые мечутся, иногда прямо лѣзутъ въ западню или въ петлю...

Въ прошлый разъ я упомянулъ объ этомъ мимоходомъ. Между тѣмъ, неподвижность, сковавшая однихъ, и сумятица, захватившая другихъ, въ равной мѣрѣ характерны для переживаемаго нами періода. Въ сущности, это двѣ стороны одного и того же процесса, какой происходитъ въ коллективной психикѣ. И при взглядѣ на мятущихся, встаютъ тѣ же вопросы, что и при видѣ остолбенѣвшихъ: что это? растерянность или отчаяніе? Разсчитываютъ ли люди спастись, или не знаютъ, куда дѣваться отъ гибели? Какова субъективная основа этой сумятицы, и, главное, каковы могутъ быть ея объективныя послѣдствія?

Попытаемся хоть нѣсколько въ нее всмотрѣться...

I.

Позволю себѣ начать съ частныхъ фактовъ, но болѣе, какъ мнѣ представляется, ясныхъ.

Въ одномъ изъ только что полученныхъ мною писемъ разсказывается исторія укрѣпленія надѣльной земли въ деревнѣ К. Псковской губ. По общественному положенію мой корреспондентъ—крестьянинъ (эстонецъ), по убѣжденіямъ—соціалистъ. «Иниціаторами укрѣпленія, какъ это ни странно,—пишетъ онъ,—явились лѣвые крестьяне, такъ называемые сознательные, нѣкоторые даже изъ нашихъ (т. е. изъ партійныхъ) людей. Противниками выдѣленія, а ихъ было болѣе половины, состояли правые,—большин-

ство убѣжденные монархисты. Несмотря на это, лѣвымъ, при непосредственномъ содѣйствіи землеустроительной коммиссіи, все-таки удалось добиться своего. Сходъ большинствомъ голосовъ сначала не соглашался, но желающіе выдѣлиться явились къ земскому начальнику, и тотъ, явившись въ деревню, объяснилъ законъ, по которому желающихъ могутъ выдѣлять и противъ общественнаго желанія. Тогда стоявшіе за общину дали согласіе на выдѣленіе, но только по отношенію къ надѣльной землѣ, купчую же землю — около 400 дес.—рѣшили оставить въ общинномъ пользованіи. Дѣло пошло быстро, пріѣхалъ землемѣръ и въ мѣсяцъ разбилъ всю деревню на тридцать участковъ»...

Дальше исторія пошла, повидимому, обычнымъ путемъ. «Положеніе,— говоритъ корреспондентъ,— получилось самое запутанное. Не желающіе выдѣлиться изъ общины опять взялись за протестъ: говорятъ, что по старому было все-таки лучше; желающіе выдѣлиться тоже убѣждаются, что они сдѣлали, во всякомъ случаѣ, неопытный шагъ»... Но не на этомъ продолженіи исторіи, достаточно понятномъ, конечно, для нашихъ читателей, желалъ бы я остановить ихъ вниманіе, а на ея не совсѣмъ обычномъ началѣ.

Не правда ли, какое неожиданное движеніе: соціалисты бросились въ сторону личной собственности! И какое прихотливое получилось въ результатѣ этого сочетаніе: лѣвые въ союзѣ съ земскимъ начальникомъ и землеустроительной коммиссіей дѣйствуютъ противъ убѣжденныхъ монархистовъ!..

Между тѣмъ, если не въ земельной сферѣ, то въ другихъ областяхъ жизни такіе случаи теперь далеко не рѣдки. Бываютъ, пожалуй, еще болѣе неожиданныя движенія, получаются еще болѣе прихотливыя сочетанія.

Заходитъ какъ-то ко мнѣ членъ одного изъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Разсказываетъ о томъ, какъ идутъ дѣла въ обществѣ. Идутъ, оказывается, не важно: очень ужъ тѣснитъ полиція. Но кое-чего правдами и неправдами удалось все-таки добиться. Танцовальные вечера разрѣшили... И деньжонки у союза кое-какія завелись.

— Двадцать пять рублей ассигновали на борьбу съ холерой. Послали градоначальнику... Можно было бы, конечно, въ городскую управу передать, да думаемъ: если къ градоначальнику направить, то, можетъ быть, не такъ придираться будутъ...

А «придираются» сильно. И грубо такъ,—прямо съ ругательствами иной разъ. Приходитъ какъ-то приставъ въ правленіе и видитъ на стѣнѣ портретъ Гапона.

— Ахъ вы такіе сякіе!—говоритъ.—Государь Императоръ вамъ право собираться далъ, а вы вмѣсто того, чтобы его портретомъ общество украсить, повѣсили этого революціонера, этого безбожника...

И пошелъ, и пошелъ... Теперь повѣсили портретъ государя.

но и гапоновскій портретъ остался. Получившееся сочетаніе смущаетъ рабочихъ. И мой собесѣдникъ зашелъ ко мнѣ, между прочимъ, затѣмъ, чтобы узнать, нельзя ли гдѣ пріобрѣсти по сходной цѣнѣ портреты другихъ лицъ,—въ одну сторону до Маркса и Чернышевскаго, въ другую—до Пуришкевича и Дубровина включительно.

— Думаемъ такъ сдѣлать, чтобы у насъ всѣ общественные дѣятели были... А размѣстить портреты мы ужъ сумѣемъ...

Да, сочетанія бываютъ до нельзя прихотливыя, и движенія— совершенно неожиданныя. Когда смотришь на нихъ со стороны, не зная внутреннихъ побужденій, которыми руководятся люди, то иной разъ прямо-таки хочется крикнуть:

Улица! улица! иль ты пьяна?!
Правая, лѣвая гдѣ-жъ сторона?

Если я взялъ приведенные факты, то потому именно, что подкладка ихъ намъ извѣстна. Про случаи съ рабочими даже говорить нечего: слишкомъ они примитивны по лежащимъ въ основѣ ихъ мотивамъ. Деревенскій случай сложнѣе, но и онъ, какъ мнѣ кажется, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія сообщены моимъ корреспондентомъ. «Жители деревни— пишетъ, между прочимъ, онъ,—старообрядцы, почти всѣ болѣе или менѣе зажиточные собственники». Мы уже знаемъ, что, кромѣ надѣльной земли, они имѣютъ купчую, въ среднемъ болѣе 10 дес. на дворъ. Вообще вопросъ о землѣ стоитъ для нихъ, повидимому, на второмъ планѣ, но за то тѣмъ острѣе, быть можетъ, даетъ себя чувствовать другая половина проблемы, которую пытались разрѣшить лѣвые,—вопросъ о волѣ. И именно волей, какъ объясняетъ корреспондентъ, соблазняетъ крестьянъ мысль о хуторахъ. Впрочимъ, не только волей, но и вообще возможностью хоть какъ нибудь измѣнить свое положеніе, неудобства котораго для многихъ сдѣлались невыносимыми.

«Всѣ ждали,—говоритъ онъ,—чуда и, не дождавшись, хватаются за то, что представляетъ хотя нѣкоторую возможность перемѣнить положеніе, несмотря на то, какія могутъ быть послѣдствія. Переходъ къ хуторскому хозяйству въ настоящее время увлекаетъ новоиспеченныхъ собственниковъ больше тѣмъ, что для нѣкоторыхъ есть въ этомъ что-то новое, что немножко соотвѣтствуетъ инстинкту самолюбія: теперь,—говорятъ,—каждый хозяинъ себѣ собственникъ, имѣетъ больше правъ и вѣсу въ новой жизни»...

«Въ чемъ и какъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—этого многіе себѣ еще не представляютъ»... И нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что, погнавшись за волей, они оказались въ западнѣ, запутались въ цѣломъ рядѣ новыхъ стѣсненій, изъ которыхъ вовсе не видятъ выхода. «Чѣмъ все это кончится,—говоритъ корреспондентъ,—покажетъ будущее, но сейчасъ между крестьянами этой деревни усиливается убѣжденіе, что общиной жить лучше,

ибо общество, во всякомъ случаѣ, можетъ произвести передѣлъ, а новый собственникъ приковываетъ себя къ мѣсту»... Говоря коротко, готовы хотя бы и обратно двинуться... Ничего удивительнаго,—повторяю,—въ этомъ нѣтъ. Если вы не представляете себѣ, куда ведетъ данная дорога, и отправляетесь по ней только потому, что вамъ невыносимо оставаться на мѣстѣ, то нѣтъ ничего мудренаго, что вы заблудитесь и попадете совсѣмъ не туда, куда вамъ хотѣлось.

Но понятно, какъ мнѣ кажется, и то, что, несмотря на это, многіе сейчасъ готовы двинуться въ любую сторону, по какой угодно, хотя бы и очень сомнительной, тропкѣ, въ надеждѣ, что она приведетъ ихъ, куда нужно. Сложный и трудный вопросъ, который всталъ передъ страною, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. Между тѣмъ, жизнь властно требуетъ на него отвѣта. Не всѣ могутъ ждать, когда опять намѣтится общее рѣшеніе и вновь начнется общее движеніе. Одни для этого слишкомъ голодны или черезчуръ неудобно поставлены, другіе черезчуръ нетерпѣливы или слишкомъ сильно встревожены. Такъ или иначе, но оказывается много людей, которые не въ силахъ оставаться на мѣстѣ. И вотъ они мечутся, ищутъ выхода, пытаются врозь и враздробь рѣшить великую проблему.

Раньше всѣ шли въ одну сторону, шли долго, сначала медленно и неувѣренно, мелкими и разрозненными кучками, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все смѣлѣе и быстрѣе, все больше наростая въ своемъ числѣ и все больше сливаясь въ одну компактную массу. Въ правильности направленія никто изъ шедшихъ не сомнѣвался; пути, ведущіе къ цѣли, для всѣхъ были ясны. Шли и вдругъ спохватились: «всѣ дороги занесло»...

Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы... Что дѣлать намъ?

Одни остановились въ недоумѣніи, другіе ринулись въ разныя стороны. Задача, въ сущности, осталась прежняя,—тотъ же самый вопросъ о землѣ и волѣ стоитъ передъ народомъ,—но только рѣшается она врозь, каждый ищетъ отвѣта по своему. Въ этомъ, какъ я думаю, и состоитъ главное отличіе движенія, какое происходитъ сейчасъ въ странѣ, отъ того, которое было раньше.

Большинство, конечно, ищетъ выхода только для себя, не думая о другихъ и не разсчитывая на общія силы. При этомъ ищутъ въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко прямо противоположныхъ, направленіяхъ. Одинъ въ поискахъ земли и воли бредетъ за Уралъ, другой—выселяется на хуторъ. Одинъ экспропріируетъ мірскую землю, другой — казенныя деньги. Одинъ не желаетъ работать на помѣщичьей землѣ ни одного дня, а другой, покупая ту же землю, закабаляетъ себя на многіе годы. Одинъ пробирается тайкомъ къ

дому урядника, чтобы бросить ему въ окно бомбу, другой—для того, чтобы предать въ его руки сосѣда...

Бываетъ, конечно, что въ одну и ту же сторону сразу бросается множество людей. Получается иллюзія широкаго и какъ будто даже планомѣрнаго общаго движенія. Вспомните хотя бы исторію переселенческаго движенія за послѣдніе годы: какая масса людей устремилась въ эту сторону! Или припомните поджоги, отъ которыхъ вдругъ во множествѣ запылали помѣщичьи усадьбы: какъ будто они производились по одному плану... Но нельзя, конечно, въ подобныхъ движеніяхъ, хотя бы они принимали подчасъ массовой характеръ, видѣть осуществленіе общей программы, усвоенной народной мыслью. Не трудно въ каждомъ такомъ случаѣ разглядѣть, что это движутся совершенно разрозненные люди, что это несется людская пыль, захваченная скоропреходящимъ порывомъ. Переселенцевъ масса, но каждый изъ нихъ озабоченъ лишь тѣмъ, какъ бы ему въ эту дверь пробраться. Поджоговъ было много, но, быть можетъ, очень немногіе поджигатели задавались цѣлью всѣхъ помѣщиковъ такимъ путемъ выжить.

Движутся разрозненные люди, движутся въ разныя стороны. И каждый, при этомъ, думаетъ, что свою-то долю онъ найдетъ, что мѣшающаго ему жить врага онъ изничтожитъ...

Конечно, среди мятущихся имѣются люди, которые ищутъ общаго рѣшенія, и которые не теряютъ надежды собрать около какой либо «центры» нужныя для этого силы. Но и въ ихъ движеніяхъ вы не найдете единства, — даже въ направленіи. Одни хватаются за кооперативъ, другіе—за церковно-приходское попечительство; одни надѣются стянуть нужныя силы въ революціонныя братства, другіе разсчитываютъ собрать ихъ около господской Думы... И каждый при этомъ думаетъ, что около этого именно забора находится наиболѣе защищенное отъ враждебныхъ вихрей мѣсто.

Общую задачу пытаются разрѣшить врозь... И рѣшить ее надѣются враздробь. Одни, махнувъ рукой на волю, спѣшатъ ухватиться за землю, хотя бы и столь отдаленную, какъ киргизская степь или сибирская тайга. Другіе, отказавшись почти совсѣмъ отъ земли, сосредоточили всѣ мысли на томъ, чтобы удержать волю, хотя бы и столь призрачную, какъ современная «конституція». «Подождемъ съ землей и волей,—говорятъ третьи: — станемъ насаждать пока культуру... Ничего, что солнца не видно, воспользуемся тѣмъ, что октябристы оросятъ землю «мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній»...

Единую проблему дробятъ не только вдоль, но и поперекъ. Одни готовы удовлетвориться хлѣбомъ, какой можно собрать на жалкомъ и обремененномъ непосильными платежами отрубѣ; другіе—свободой собираться на танцовальныхъ вечерахъ, какіе можно устраивать при чрезвычайной охранѣ; третьи—свѣтомъ, какой можетъ возсіять подъ эгидой г. Шварца. И если одни склонны нестись

въ непроглядную даль, вплоть до индивидуалистическаго анархизма, то другіе готовы опуститься у первой попавшейся на дорогѣ кочки, хотя бы это былъ пометъ октябризма.

Есть и еще одна характерная черта въ современномъ движеніи. Мечутся люди, но въ какую бы сторону они ни стремились и какъ бы стремительно они ни двигались,—нѣтъ въ нихъ ни вѣры, ни энтузіазма. Въ сущности они такъ же холодны, какъ и та, поражающая своею неподвижностью, обывательская масса, отъ которой они оторвались. «Хоть гирше, та инше»—вотъ что нерѣдко лежитъ въ основѣ этихъ метаній. Да и чѣмъ инымъ можно объяснить эту порывистость въ движеніяхъ и эту склонность вновь и вновь впадать въ неподвижное состояніе? Если бы люди вѣрили, развѣ они могли бы такъ быстро мѣнять направленіе? Не этимъ-ли объясняется, что двигавшіеся все время влѣво такъ легко бросаются вправо съ тѣмъ, быть можетъ, чтобы тотчасъ остановиться или вновь двинуться въ прежнюю сторону? Всмотритесь въ тѣхъ, которымъ удалось около какого-либо «центра» собраться. Присмотритесь, напримѣръ, къ профессіональнымъ союзамъ и кооперативамъ, къ разнымъ обществамъ и лигамъ, которыхъ такъ много возникаетъ и которые такъ быстро исчезаютъ, если вовсе не бездѣйствуютъ. Легко понять, что это не жизнеспособные коллективы, а какія-то безжизненныя скопленія, своего рода снѣжные сугробы. Не этимъ-ли объясняется, что ихъ такъ легко разметываетъ реакціонный вихрь, когда проносится надъ ними?...

II.

Движеніе, какое можно наблюдать въ настоящее время, я назвалъ въ началѣ статьи сумятицей. Теперь, я думаю, читателямъ понятно, почему я употребилъ именно это слово. Когда начинаешь вглядываться въ соціальное состояніе страны, то получается такое же впечатлѣніе, какъ у путника, застигнутаго въ полѣ мятелью. Мѣстность, въ которой онъ находится, въ сущности давно извѣстна, вдоль и поперекъ, можно сказать, изъѣзжена. Но теперь она кажется чуждой, таинственной, полной всякихъ опасностей...

Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Внизу—какъ будто неподвижная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне зыбкая снѣжная масса; вокругъ—«снѣгъ летучій», множество разрозненныхъ снѣжинокъ, быстро движущихся во всевозможныхъ направленіяхъ. Онѣ взлетаютъ и падаютъ, безпорядочно кружатся на мѣстѣ, стремительно несутся въ разныя стороны... Подхваченныя тѣмъ или инымъ порывомъ, онѣ даютъ порою иллюзію общаго и даже какъ будто бы стройнаго движенія. Прежде, однако, чѣмъ

глазъ успѣлъ опредѣлить его направленіе, порывъ уже пронесся, и подхваченныя имъ снѣжинки, безпомощно покружившись, начинаютъ падать съ тѣмъ быть можетъ, чтобы уже больше не подниматься. Въ то же время налетаетъ новый порывъ, поднимаетъ новыя тучи снѣжной пыли и несетъ ихъ въ другую, нерѣдко прямо противоположную, сторону. Безпрестанно мѣняется темпъ движенія и его направленіе, мѣняется составъ захваченныхъ имъ частицъ, мѣняются очертанія складывающихся изъ нихъ фигуръ. Въ общемъ получается впечатлѣніе какой-то ужасной безтолковщины...

Хуже того: способной привести въ ужасъ фантасмогоріи... Пока вы приглядываетесь къ движенію въ нижнихъ его частяхъ, оно представляется вамъ болѣе или менѣе понятнымъ. Вы можете еще разсмотрѣть, откуда взялись эти летучія снѣжинки, какой порывъ оторвалъ ихъ отъ массы и понесъ въ ту или иную сторону. Но поднимите вашъ взглядъ выше... Какія странныя и уродливыя фигуры замелькаютъ передъ вами, какія прихотливыя и неустойчивыя онѣ имѣютъ очертанія, какъ безпорядочно и непонятно ихъ движеніе! Напуганное воображеніе мѣшаетъ вамъ видѣть въ нихъ механическія лишь сочетанія; вамъ кажется, что это живыя существа, что передъ вами:

Безконечны, безобразны
. . . .
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...

Ту же по внѣшности картину представляетъ и теперешнее движеніе въ соціальной средѣ. До сихъ поръ мы присматривались къ нему въ нижнихъ его слояхъ. Но поднимите вашъ взглядъ выше. Присмотритесь хотя бы къ тому, что творится въ литературѣ...

Мчатся бѣсы рой за роемъ...

Вотъ петербургскіе «Понедѣльники»—эти уродливыя сочетанія литературнаго хулиганства и политическаго радикализма, съ видной примѣсью, съ одной стороны, беззастѣнчивой порнографіи, съ другой—безшабашнаго зубоскальства. Вотъ альманахи, совсѣмъ было вытѣснившіе всякую другую литературу,—альманахи, во многихъ изъ которыхъ художество прихотливо переплелось съ порнографіей. Вотъ толстый ежемѣсячникъ, попытавшійся объединить порнографовъ, марксистовъ и богоносцевъ. Вотъ иллюстрированный еженедѣльникъ—«въ политикѣ внѣ партій, въ литературѣ внѣ кружковъ, къ искусствѣ внѣ направленій»—съ голой женщиной въ качествѣ девиза на обложкѣ и съ еще болѣе откровенными лозунгами внутри:

Ѣдемъ, что-ли, баринъ... Ѣдемъ за цѣлковенькій,
Дешево, ей-Богу,—просто парамуръ!..
(„Весна" № 3).

Мчатся бѣсы... Во всевозможныхъ видахъ мелькаютъ они передъ нами.

Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?

«Вѣдьму замужъ выдаютъ»... Такъ, по крайней мѣрѣ, еще недавно казалось. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто бы мы на Лысой горѣ очутились. «Поэзія пользующихся институтомъ проституціи», какъ выражается теперь г. Сергѣй Городецкій, заполонила значительную часть литературы. Въ послѣдней возобладало совершенно опредѣленное, казалось, теченіе...

Но это движеніе, дѣйствительно, было «внѣ направленій». «Бѣсы» уже кружатся... Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, упомянутый выше ежемѣсячникъ, разсыпались, не давъ клада, на который разсчитывали издатели. Другіе уже готовы мчаться прямо въ противоположную сторону. «Широкіе слои молодежи,—спохватилась недавно одна изъ петербургскихъ понедѣльничныхъ газетъ,—цѣломудренны». И вотъ она уже взываетъ къ «поэту будущаго»:

„Будь цѣломудренъ, этого мы больше всего хотимъ. Этого требуемъ. Мы такъ изучили мелкій и крупный садизмъ, нимфоманію, некрофилію, мужеложество, скотоложество, мы черезчуръ увлеклись описаніемъ душевной жизни твари, мы слишкомъ долго культивировали въ своей душѣ эти жизненныя бациллы... Не изображай намъ всѣхъ способовъ, какими губятъ душу. Не изображай намъ мнимо-экстатическихъ состояній, даруемыхъ наркотиками и пьяными поцѣлуями. Пусть твои стихи не пахнутъ виномъ и табакомъ, какъ губы проститутки"... [1]).

Другая понедѣльничная газета—«Эпоха»—тоже выступила со статьей противъ «Мальчиковъ безъ штановъ»... Налетаетъ, повидимому, новый порывъ. Быть можетъ, теперь станутъ «спасать душу», и значительная часть литературы, только что представлявшая домъ терпимости, превратится въ средневѣковый монастырь со свойственными ему уродливостями... Впрочемъ, трудно предугадать, куда помчатся духи, только что отпраздновавшіе вѣдьмину свадьбу. Можно сказать одно: домового ужъ хоронятъ... Веселый канканъ еще не кончился, а жалобное пѣніе уже слышится:

„Быстро сгораютъ люди на кострахъ житейщины. Неуловимо быстро сгораютъ люди на жертвенникѣ поэзіи. Вотъ прошли побѣдители, и вотъ уже стоятъ урны съ ихъ пепломъ". („Утро").

Да, совершенно неожиданныя движенія возможны въ современной литературѣ, и до-нельзя уродливыя въ ней встрѣчаются сочетанія. Прихотливы сочетанія не только идей и мотивовъ; еще прихотливѣе, быть можетъ, сочетанія лицъ. Присмотритесь къ нынѣшнимъ литературнымъ комбинаціямъ,—хотя бы къ тѣмъ же, напримѣръ, «Понедѣльникамъ»: какихъ только именъ вы въ нихъ

---

*) „Утро", 29 сентября.

не встрѣтите! Максималисты, большевики и... кошкодавы *), символисты и реалисты; порнографы и моралисты; всѣмъ извѣстные крупные таланты и усердно рекламируемыя круглыя бездарности... Множество именъ, между которыми нѣтъ и, казалось бы, не можетъ быть ничего общаго.

И въ цѣломъ рядѣ подобныхъ комбинацій, какъ бы для того, чтобы глазъ не упустилъ уродливаго сочетанія, фигурируетъ Леонидъ Андреевъ. Онъ въ альманахахъ, онъ—въ «Понедѣльникахъ», онъ въ ежемѣсячникахъ, даже въ «Веснѣ» онъ сотрудничаетъ **).

Прихотливы сочетанія не только въ этой, наиболѣе сильно

---

*) Я не знаю, какъ иначе назвать „литераторовъ", о митингахъ которыхъ (съ поименнымъ указаніемъ, кто именно въ нихъ участвовалъ) газеты какъ-то сообщили слѣдующее „...Кошекъ привязывали къ столу, къ роялю, къ дивану или въ саду къ дереву и впускали двухъ или трехъ фоксъ-терьеровъ. Собакъ раззадоривали, били, щипали, доводили почти до бѣшенства и бросали на кошекъ. Начиналась свалка, лай собакъ, визгъ кошекъ, крики и возня... Чѣмъ ожесточеннѣе грызли собаки кошекъ, тѣмъ сильнѣе возбуждались зрители. Когда кошку загрызали или она уже не могла защищаться, возбужденіе у зрителей падало. Иногда компанія вторично посылала на охоту за кошками, и вновь начиналась травля. Павшихъ кошекъ зарывали въ саду или выбрасывали на улицу. Временами кошка, защищаясь, кусала или царапала фокса, тогда ее предавали смертной казни, предварительно рѣшивъ, какая форма казни наиболѣе желательна; обыкновенно вѣшали"... („Биржевыя Вѣдомости", цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ" отъ 17 августа). Такова „политическая" дѣятельность нѣкоторыхъ изъ современныхъ „литераторовъ" и такова почва, на которой они ведутъ борьбу съ существующимъ строемъ. Исторія описанныхъ митинговъ вскрылась, благодаря столкновенію участниковъ ихъ съ полиціей. Однажды они выбросили разорванную или задушенную кошку на улицу, гдѣ она упала какъ разъ къ ногамъ городового. „Возмущенный поступкомъ бросившаго кошку человѣка, какъ незаконнымъ въ санитарномъ отношеніи", городовой подошелъ къ квартирѣ. Хозяинъ послѣдней хотѣлъ, повидимому, съ нимъ объясниться, но вышедшій вмѣстѣ съ нимъ „писатель", не долго думая, ударилъ городового въ морду. Послѣдній далъ свистокъ, дальше, конечно, протоколъ, а затѣмъ и обвиненіе въ жестокомъ обращеніи съ животными. („Рѣчь", 22 августа).

**) Новыхъ вещей для всѣхъ, конечно, не хватаетъ,—раскапываются поэтому старыя; если нѣтъ разсказовъ, печатаются выдержки изъ писемъ или перепечатываются старые фельетоны, которые г. Андреевъ писалъ, когда былъ заурядным газетнымъ работникомъ. Для того же, чтобы читатели этого не замѣтили, придумываются новые заголовки или ставятся кабаллистическія даты. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ петербуржцевъ догадается, что 02, поставленные подъ фельетономъ, о появленіи котораго имъ заранѣе возвѣщено аршинными буквами, означаетъ 1902 годъ, когда этотъ фельетонъ впервые появился въ малораспространенной московской газетѣ? Имя писателя, приковывающаго сейчасъ къ себѣ общее вниманіе, оказалось въ распоряженіи юркой и плутоватой рекламы, которая пользуется имъ, чтобы легче создавать и быстрѣе пускать въ ходъ самыя уродливыя литературныя комбинаціи. Художникъ, спеціализировавшійся на изображеніи ужасовъ жизни,—видящій ихъ иногда даже въ томъ, въ чемъ мы ихъ не чувствуемъ,—какъ будто вовсе не замѣчаетъ кошмара, который насъ давитъ..

мятущейся, части литературы, но и въ болѣе спокойныхъ ея слояхъ. Возьмите хотя бы «Слово»... Характеризуя эту газету, кто-то сказалъ, что тутъ собрались бывшіе с.-д., бывшіе с.-р., бывшіе к.-д. и бывшіе трудовики во главѣ съ бывшимъ министромъ. Если это и не совсѣмъ точно, то все-таки довольно близко къ дѣйствительности. Все «бывшіе люди», — не упустило, конечно, случая съязвить по этому поводу «Новое Время». Что за странное, въ самомъ дѣлѣ, сочетаніе? Во имя чего сошлись эти писатели? Неужели всѣ принципіальныя различія въ ихъ взглядахъ исчезли? Неужели всѣ острыя грани въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, еще недавно такъ сильно дававшія себя знать, стерлись? Стало быть, объединеніе произошло? О, нѣтъ... Легко понять, что это не органическое сочетаніе, а механическое скопленіе. Просто-на-просто безпорядочно закружившіяся частички опустились у перваго забора, какой имъ попался по дорогѣ. Около г. Ѳедорова подвѣтренное мѣсто оказалось,—вотъ и получился сугробъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ «Слова».

Въ большей или меньшей степени то-же явленіе—присутствіе случайно занесенныхъ частицъ,—можно наблюдать теперь и въ другихъ литературныхъ сочетаніяхъ, — даже въ такихъ, очертанія которыхъ достаточно точно, казалось, опредѣлились. Не мало найдется ихъ, напримѣръ, даже въ партійной «Рѣчи»... Благодаря этому, картина, которую представляетъ изъ себя современная литература, въ громадной своей части оказывается смутной и неопредѣленной.

Между тѣмъ, появляются новые литературные «сугробы», какъ я ихъ назвалъ. Подписочный годъ только что начинается, а мы имѣемъ уже нѣсколько очень сложныхъ и совсѣмъ почти непонятныхъ литературныхъ комбинацій. Назову хотя бы «Бодрое Слово»... Судя по преобладающему составу сотрудниковъ, журналъ будетъ народническій. Но какимъ образомъ среди нихъ оказался М. П. Невѣдомскій, — этотъ «голый мальчикъ съ повязкой на головѣ», какъ его назвалъ когда-то покойный Н. К. Михайловскій,—М. П. Невѣдомскій, мечтающій все время о томъ, чѣмъ-бы это «проломить упрямыя народническія головы». Даже указу 9-го ноября онъ съ этой точки обрадовался и по мальчишески свою радость какъ-то возвѣстилъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ... Какимъ, далѣе, образомъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Ѳедоръ Сологубъ и І. М. Бикерманъ оказались вмѣстѣ? Что это за блокъ такой?—О томъ, чтобы тутъ могло произойти сліяніе, я не рѣшаюсь даже думать. Для тѣхъ, кто знаетъ ихъ литературное прошлое, даже временный союзъ между ними представляется чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ... Также непонятны и другія новыя журнальныя комбинаціи, представляющія, какъ, напримѣръ, «Міръ» гг. Богушевскихъ, какую-то странную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній», или, какъ «Сѣверное Сіяніе» гр. Бобринской—какую-то

не менѣе странную кучу очень тщательно собранныхъ съ обширнаго пространства частичекъ, въ большинствѣ случаевъ очень мелкихъ...

Почему появляются эти «сугробы» вмѣсто яркихъ и опредѣленныхъ органовъ, которыхъ такъ мало осталось теперь въ литературѣ? Откуда взялась эта снѣжная пыль, то клубами носящаяся по литературному полю, то осѣдающая у какого-либо куста или забора? Что приводитъ въ движеніе этихъ писателей? Чѣмъ руководятся они, вступая въ самыя уродливыя комбинаціи и входя въ составъ самыхъ странныхъ смѣсей?

Если бы эти вопросы поставить по отношенію къ каждому изъ безпорядочно закружившихся литераторовъ въ отдѣльности, то, вѣроятно, отвѣты не трудно было бы получить, не выходя изъ личной сферы. Г. Энгельгардтъ въ своей литературной дѣятельности былъ максималистомъ, желалъ осчастливить русскій народъ свыше всякой мѣры, а потомъ разсердился на него и обругалъ его въ одномъ изъ «Понедѣльниковъ» «фефелой». Таковъ ужъ у него характеръ... У другого, быть можетъ, такая теорія. Мнѣ припоминается, напримѣръ, теорія, которую развивалъ въ свое время г. Б. М. въ «Сознательной Россіи». Представьте себѣ послѣдователя этой реоріи: раньше онъ былъ въ своей литературной дѣятельности революціонеромъ, «выступалъ подъ опредѣленнымъ флагомъ», «пріучая широкія массы слѣдить за нимъ и слѣдовать за нимъ»; а теперь, быть можетъ, онъ слился съ массой, сталъ «производить всякаго рода продукты, продавать и покупать, и потому никакая политическая организація не можетъ муштровать его и командовать имъ»; что же мѣшаетъ ему въ интересахъ теперешняго дѣла пригласить въ компанію съ собою оппортунистовъ и даже садистовъ и, что за бѣда, если въ той же компаніи окажется человѣкъ, который спитъ и видитъ, какъ бы сорвать флагъ, подъ которымъ г. Б. М. выступалъ раньше?.. *) Эти личные мотивы, которыми руководятся писатели въ отдѣльности, вообще многообразны, но, въ большинствѣ случаевъ, они очень просты, даже примитивны.

— Пить-ѣсть надо, а въ литературѣ сейчасъ до-нельзя тѣсно, органовъ подходящихъ мало, а то и вовсе нѣтъ. Поневолѣ всюду сунешься,—тѣмъ болѣе, когда зовутъ... Разборчивымъ по нынѣшнимъ временамъ трудно быть, брезгливость, и ту забудешь...

— И то взять: Андреева ничто не неволитъ, а не отказывается же онъ въ одной компаніи съ кошкодавами выступать... Теперь это не считаютъ зазорнымъ... Нравы другіе, не то, что прежде...

Вотъ какіе отвѣты можно получить, если приведенные выше вопросы поставить въ упоръ тому или иному отдѣльному литера-

---

*) Заключенныя мною въ кавычки слова взяты изъ статьи г. Б. М. „Тактическіе принципы оппозиціи“, помѣщенной въ № 3 „Сознательной Россіи“ (изд. 1906 г.).

тору. Но не въ этой, конечно, постановкѣ они насъ интересуютъ. Не то важно—и не то страшно,—что тотъ или иной писатель оказался не въ подходящей компаніи. Характерно явленіе въ его цѣломъ, и страшны не индивидуальныя блужданія, а общая сумятица. А послѣднюю, оставаясь въ личной сферѣ, не объяснишь. Уже изъ взятыхъ мною для примѣра индивидуальныхъ отвѣтовъ ясно, что въ основѣ ея лежатъ нѣкоторыя общія причины, далеко выходящія за предѣлы литературной среды и самой литературы.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдней тѣсно и «подходящихъ» органовъ мало? Легко понять, что не только къ личнымъ свойствамъ теперешнихъ редакторовъ и издателей, но и къ «внѣшнимъ условіямъ», въ какихъ находится сейчасъ литература, свести цѣликомъ это явленіе невозможно. «Внѣшнія условія» могутъ сдѣлать—да и сдѣлали уже—нѣкоторыя изъ литературныхъ комбинацій не возможными, но они сами по себѣ не въ силахъ были бы сдѣлать тѣ, для которыхъ еще остается мѣсто на легальной аренѣ, уродливыми. Подъ внѣшнимъ давленіемъ сохранившіеся органы печати могли стать блѣдными, но это не значитъ, что они должны были сдѣлаться пестрыми...

Почему, далѣе, измѣнились нравы въ литературѣ? Почему литераторы перестали различать добро и зло? Почему они «ходятъ, точно пьяные», какъ будто вовсе не соображая, «правая, лѣвая, гдѣ сторона?» Легко опять-таки понять, что не только къ аморализму тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ писателей, но и вообще къ имморализму, какъ къ ученію, будто-бы сдѣлавшему за послѣдніе годы громадные успѣхи въ русскомъ обществѣ, свести это явленіе нельзя. Нельзя его объяснить и тѣмъ, что гдѣ-то существуетъ ресторанъ «Вѣна», и что въ немъ пьянствуютъ нѣкоторые изъ петербургскихъ литераторовъ.. Пьяницы среди писателей бывали и раньше, горькіе бывали пьяницы,—это не мѣшало, однако, имъ свою литературную линію вести твердо и неуклонно. Точно также и философскія теоріи бывали разныя, какими увлекалось русское общество, а въ томъ числѣ и писатели. Было, напримѣръ, время, когда чуть-ли не всѣ въ извѣстной средѣ были матеріалистами,—это не мѣшало, однако, имъ, а въ томъ числѣ и писателямъ, въ своей жизни и дѣятельности быть самыми пламенными идеалистами. Да и теперь: развѣ грань между добромъ и зломъ совсѣмъ стерлась? Развѣ правая и лѣвая сторона для тѣхъ, которые пишутъ «внѣ направленій», совсѣмъ не существуютъ? Почему же, въ такомъ случаѣ, писатели, драпирующіеся въ плащъ имморализма и не стѣсняющіеся разгуливать по литературной улицѣ съ кошкодавами и порнографами, не присоединятся къ Меньшикову? Компанія получилась бы еще болѣе занятная... Но до этого ихъ имморализмъ—пока, по крайней мѣрѣ,—не доходитъ. Идти въ домъ терпимости, содержимый г. Василевскимъ, можно, а въ

домъ терпимости, содержимый г. Суворинымъ, зазорно. Разница не совсѣмъ понятная... Но чѣмъ бы она ни объяснялась, этика изъ писательской среды, стало быть, не совсѣмъ исчезла, и если литературная улица пьяна, то, очевидно, только до извѣстнаго предѣла...

Почему, наконецъ, «производить всякаго рода товары», поскольку дѣло касается литературы, многіе стали въ видѣ смѣси? Легко опять-таки понять, что личными свойствами и склонностями теперешнихъ издателей, редакторовъ и писателей этого не объяснишь. Не для себя вѣдь они «производятъ»...

Личныя соображенія, повторяю, въ большинствѣ случаевъ просты и понятны, нерѣдко мелочны и узки, но лежащія въ основѣ ихъ общія причины широки и сложны.

Возьмемъ тѣ изъ личныхъ соображеній, которыя можно свести къ экономическому интересу, какъ къ основному мотиву. Не для себя, какъ я только что сказалъ, «производятъ» литераторы, а для публики. Если вмѣсто чистыхъ и однородныхъ «товаровъ» литература стала предлагать всякаго рода смѣси, вплоть до ядовитыхъ, то, очевидно, таковы требованія рынка. Достаточно этого указанія, чтобы увидѣть неразрывную связь, въ какой находятся сумятица въ литературѣ и сумятица въ жизни. Читатели мечутся, не зная, куда направить свои поиски, и кидаются въ разныя стороны; издатели мечутся, не зная, какъ имъ потрафить, и приготовляютъ самыя прихотливыя смѣси; писатели мечутся, не зная, куда приткнуться, и вступаютъ въ самыя уродливыя сочетанія. Если бы все явленіе можно было умѣстить на экономической базѣ, то вину въ немъ цѣликомъ пришлось бы переложить на читателя.

Но у меня вовсе нѣтъ намѣренія всю вину съ одной больной головы перекладывать на другую... Если литературная среда такъ легко могла быть взбудоражена читательскимъ спросомъ, то, очевидно, и въ ней самой не очень много было связности. Въ самомъ дѣлѣ: не на экономической вѣдь почвѣ возникла литература, не на ней только она держалась, и не рублемъ только съ читательской средой она была связана. Въ писательской дѣятельности больше, чѣмъ въ какой-либо другой, всегда имѣли силу идейныя побужденія. Писатель не потому только «производилъ», что былъ внѣшній спросъ, но и потому, что была внутренняя потребность. Не потрафить читателю, а повліять на него ставилъ онъ своею цѣлью. И къ своимъ произведеніямъ онъ всегда относился очень бережно, даже ревниво. Почему же теперь писатели стали равнодушны къ тому, въ какой компаніи появятся на публику ихъ образы, въ какомъ сочетаніи дойдутъ до читателей ихъ мысли, въ какомъ аккордѣ или диссонансѣ, смѣшавшись съ чужими, прозвучатъ ихъ чувства? Не потому ли это происходитъ, что въ нихъ самихъ нѣтъ восторга передъ красотою образовъ,

которые они творятъ, нѣтъ вѣры въ истину, которую они проповѣдуютъ, и нѣтъ энтузіазма передъ справедливостью, къ которой они зовутъ? И не потому ли они мечутся въ разныя стороны?

Среди теперешнихъ писателей найдется, конечно, не мало такихъ, всѣ побужденія которыхъ сводятся, въ концѣ концовъ, къ рублю, но, несомнѣнно, много имѣется и такихъ, для которыхъ идейныя побужденія стоятъ на первомъ планѣ, если не всецѣло владѣютъ ими. И если однихъ приводятъ въ движеніе извнѣ долетающіе порывы, то другихъ—извнутри идущая тревога. Одни мечутся потому, что ихъ «гонятъ», другіе — потому, что ихъ «ищутъ»...

Вверху, въ литературѣ, движеніе, такимъ образомъ, сложнѣе, чѣмъ внизу, въ жизни: здѣсь дѣйствуютъ не только прямые, зарождающіеся въ душѣ самого писателя порывы, но и отраженные отъ читательской массы, которые извнѣ двигаютъ частицы, внутренно, быть можетъ, вовсе не участвующіе въ движеніи. Благодаря этому, сочетанія движущихся нерѣдко получаются здѣсь болѣе прихотливыя и очертанія складывающихся изъ нихъ фигуръ кажутся болѣе уродливыми. Но по существу движеніе, несомнѣнно, то же самое: ту же оно имѣетъ первоначальную причину, тотъ же имѣетъ основной характеръ и тѣ же, нужно думать, будетъ имѣть конечные результаты. Это одна и та же сумятица...

Да и странно было бы думать, что состояніе литературы можетъ быть инымъ, чѣмъ состояніе всей жизни. Странно было бы ожидать, что здѣсь все будетъ ясно, когда тамъ все такъ мутно, что, когда тамъ «всѣ дороги занесло», здѣсь всѣ пути будутъ видны. Тамъ и здѣсь мечутся люди и ищутъ, тамъ и здѣсь единую проблемму они пытаются рѣшить врозь и враздробь, и ни тамъ, ни здѣсь рѣшенія еще не найдено,—во всякомъ случаѣ, коллективной мыслью оно еще не усвоено. Было бы, конечно, любопытно присмотрѣться къ этимъ поискамъ и къ достигнутымъ въ нихъ, хотя бы и отрицательнымъ пока, результатамъ. Но это нужно сдѣлать особо. Въ настоящій же разъ мнѣ хотѣлось дать лишь общую характеристику происходящаго въ странѣ движенія, считаясь съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оно производитъ, когда пытаешься своею мыслью охватить его въ цѣломъ.

Вернемся еще разъ къ путнику, застигнутому въ полѣ мятелью. Послѣдняя способна, какъ я уже сказалъ, произвести на него впечатлѣніе какой-то ужасной фантасмогоріи... То же въ сущности впечатлѣніе получается и у насъ, когда мы начинаемъ всматриваться въ происходящую вокругъ насъ сумятицу. Порою охватываетъ прямо ужасъ...

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ...

Обращаешь свой взоръ къ литературѣ, надѣясь найти въ ней хоть какія-нибудь руководящія указанія. Вотъ-вотъ, какъ будто

что-то видно... Но напрасная надежда—это бѣсъ смѣется надъ нами.

Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой...

Напуганное воображеніе нужно, однако, и можно успокоить,—отъ мистическаго ужаса, какой способна нагнать окружающая насъ дѣйствительность, можно и нужно отдѣлаться. Не живыя существа, а разрозненныя частички носятся передъ нами; не непреодолимыя преграды, а снѣжные сугробы выростаютъ на нашей дорогѣ. Первыя не могутъ насъ увлечь помимо нашей воли, и послѣдніе не могутъ насъ остановить, если у насъ еще имѣются силы. Это чисто механическія и при томъ очень непрочныя сочетанія и скопленія... И отнюдь не жизнеспособныя...

Г. Сергѣй Городецкій, которому принадлежитъ приведенный выше призывъ къ «поэту будущаго», намѣренъ двинуться въ сторону «цѣломудрія» не иначе, какъ подъ руку съ г. Петромъ Потемкинымъ, имя котораго, по его собственнымъ словамъ, «не сходило прошлую зиму съ газетныхъ столбцовъ, ставившихъ его рядомъ со всѣмъ, что цинично, скользко и пошло». Повидимому, теперешняя комбинація представляется г. Городецкому постоянной, и онъ даже рисуетъ такую картину:

...Когда придетъ поэтъ во всеоружіи, со всѣми человѣческими чувствами въ сердцѣ и со всѣми зубами во рту, и скажетъ принесенное имъ новое и сильное слово, проникнутое цѣломудріемъ, мы всѣ, современники, сравнивъ съ его словомъ свою невыраженную глубь, воскликнемъ:

— Вѣдь это именно мы и хотѣли сказать!

Возможно, что г. Потемкинъ и сдѣлается еще глашатаемъ цѣломудрія... Можетъ быть, онъ и самъ не прочь двинуться въ эту сторону. Я представляю себѣ, какъ пріятно носиться надъ полемъ «внѣ направленій»... Но и за всѣмъ тѣмъ теперешнія комбинаціи, въ которыя входятъ Потемкины и Городецкіе, не представляются мнѣ прочными. Въ случаѣ новаго порыва,—будетъ ли онъ въ сторону цѣломудрія, или въ какую иную,—многіе Потемкины осыплются около того забора, надъ которымъ они теперь кружатся, да такъ въ видѣ подзаборныхъ сугробовъ и останутся. Если внимательно присмотрѣться, то эти порнографическіе сугробы какъ будто уже стали складываться... Съ новымъ порывомъ взлетятъ, конечно, новыя частички; смѣшавшись съ тѣми изъ прежнихъ, которыя удержались въ воздухѣ, онѣ дадутъ новыя сочетанія, быть можетъ, тоже уродливыя и столь же непрочныя. Поэтому, если бы мы, облюбовавъ ту или иную изъ комбинацій, какія вокругъ насъ носятся, сознательно рѣшились за нею слѣдовать, то изъ этого все равно ничего бы не вышло: прежде чѣмъ мы осуществили бы свое намѣреніе, прежде чѣмъ мы двину-

лись бы, облюбованная нами комбинація исчезла бы. Въ дѣйствительности, она вѣдь не существуетъ,—существуютъ лишь разрозненныя частички, которыя и носятся передъ нами...

Я представляю себѣ и то, какъ пріятно лежать въ мягкомъ сугробѣ, не волнуясь и не двигаясь. Возможно, что многіе писатели, нашедшіе себѣ въ томъ или иномъ изъ нихъ мѣсто, готовы остаться въ этомъ положеніи надолго... Но и за всѣмъ тѣмъ я не могу считать ихъ положеніе прочнымъ. Первый же порывъ можетъ разметать эту кучу и разнести ее мелкими частичками во всѣ стороны. И если бы мы, облюбовавъ тотъ или иной сугробъ среди поля, сознательно рѣшились около него расположиться, то нашъ отдыхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться обезпеченнымъ. Прежде, чѣмъ ночь окончится, сугробъ, быть можетъ, исчезнетъ, и намъ придется искать новаго пристанища... Я уже не говорю о томъ, что эта мягкая постель, которая такъ клонитъ ко сну, когда кругомъ бушуетъ вьюга, можетъ оказаться смертнымъ ложемъ...

Отъ призраковъ—и отъ мятущихся, какъ будто живыхъ существъ, и отъ неподвижныхъ, какъ будто бы твердыхъ скалъ,—нужно отдѣлаться. Отъ нихъ нечего приходить въ ужасъ, но и нельзя на нихъ возлагать надежды. Но это не значитъ, что можно успокоиться, или остается—отчаяться.

Опасность, и кромѣ призрачной, велика. Выходъ, и кромѣ призрачнаго, несомнѣнно, имѣется...

А. Пѣшехоновъ.

Хроника внутренней жизни.

1. „Университетскій кризисъ“ и „рѣзкіе вопросы“. Личные вкусы г. Хомякова. Откуда тревога?—2. Средняя школа. Совѣщанія о школьной нравственности. Неудобосказуемое правило.—3. Кто насаждаетъ нравственность. Первые шаги русскихъ „герцоговинцевъ“.—4. Земскія кассы. Преобладающій земскій типъ. Ариѳметика и психологія. Поиски выхода. Гдѣ средства?

Исполнилось три года съ того памятнаго момента русской жизни, когда почти всѣ ея вопросы, почти всѣ недоумѣнія вышли вдругъ наружу, стали на большую дорогу, въ центрѣ общественнаго вниманія, требуя если не разрѣшенія, то отвѣта. Студенты, рабочіе, офицеры, мужики, солдаты, желѣзнодорожники, національныя группы, ученики, заключенные въ тюрьмахъ, просто чиновники, почтовые чиновники, учителя, телеграфисты и многое множество иного званія и состоянія людей кричали въ тысячахъ петицій, жалобъ, приговоровъ, заявленій, писемъ, постано-

вленій, резолюцій... И все это такъ или иначе заставляло средняго человѣка прислушиваться, вникнуть, по мѣрѣ силъ обдумать и по мѣрѣ силъ осмыслить. То былъ своеобразный синтезъ русской жизни, для котораго, впрочемъ, не имѣлось никакой обобщающей инстанціи, кромѣ общественнаго мнѣнія.

Затѣмъ былъ споръ, можно ли надѣяться, что даръ данайцевъ, называемый Думою, будетъ обобщающей инстанціей, или нельзя надѣяться. Понемногу на большой дорогѣ, въ центрѣ общественнаго вниманія оказались вопросы, связанные съ Думою; все другое стало какъ бы въ тѣни, полуслышно, или даже совсѣмъ неслышно,—ушло на проселокъ. Потомъ родилась Дума,—первая Дума, походившая до нѣкоторой степени на обобщающую инстанцію. Къ ней летѣли петиціи, жалобы, приговоры, резолюціи... Къ ней обращались разнаго званія и состоянія люди, требуя отвѣта. Въ этомъ хорѣ недоставало многихъ голосовъ, словно ушедшихъ куда-то и не пожелавшихъ вернуться. Еще жиже хоръ былъ возлѣ второй Думы. А когда родилась третья, совсѣмъ не стало слышно ни рабочаго, ни телеграфиста, ни солдата, ни даже мужика... Синтезъ исчезъ. Вопросы и недоумѣнія попрятались. На большой дорогѣ, если не общественнаго вниманія, то политической прессы стала Дума,—не обобщающая инстанція, а просто Дума, фактъ an und fur sich. Возлѣ нея въ прошломъ году, по тогдашнимъ увѣреніямъ газетъ, случались «историческія событія», были «историческіе дни», потомъ просто «большіе дни», потомъ дни, когда произносились «настоящія парламентскія рѣчи», потомъ инциденты, потомъ каникулы... И за послѣдніе 2—3 мѣсяца крупнѣйшими происшествіями на большой дорогѣ были многочисленныя интервью съ г. Хомяковымъ, многочисленныя интервью съ г. Гучковымъ, догадки о расколѣ октябристовъ, догадки о союзѣ октябристовъ съ кадетами... А когда г. Маклакову въ Москвѣ не разрѣшили собранія, и когда г. Маклаковъ по этому случаю убѣдился, что успокоеніе ведетъ не къ реформамъ, а къ реакціи, получилось настоящее, большое событіе дня, такое событіе, которому посвящены передовыя статьи почти во всѣхъ оппозиціонныхъ газетахъ... Тихо и темно стало на большой дорогѣ. Ночь. Фонари погасли. И неизвѣстно, что къ чему, куда и какъ.

И сызнова начинаютъ выступать наружу попрятавшіеся было вопросы и недоразумѣнія. Еще въ ту пору, когда только подготовлялась блаженной памяти первая Дума, когда только группировались избирательныя силы, редактировались лозунги и заготовлялись предвыборныя воззванія, тихонько ушли съ большой дороги студенты и профессора и унесли съ собою вопросъ о высшей школѣ. Подъ шумъ событій, молчкомъ, почти незамѣтно для «публики» появились вольнослушательницы, вольнослушатели, организованное студенческое представительство, фактически осуществляемое, хотя и не вполнѣ, право самоуправленія. Появилось многое другое, доселѣ

небывалое. Появилась, коротко говоря, такъ называемая «автономія», т. е. ниспроверженіе самыхъ священныхъ основъ полицейскаго управленія высшими школами,—нѣчто въ полицейскомъ государствѣ невозможное и безусловно недопустимое... Впослѣдствіи вошло въ привычку повторять, что академическая автономія создана указомъ 27 августа 1905 г. Но это—недоразумѣніе. Указъ 27 августа ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ автономіи. Онъ предоставляетъ профессорамъ избирать ректоровъ и декановъ, представлять избранныхъ на утвержденіе начальства и «заботиться о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Автономію дала все та же «неслыханная смута», «реальное соотношеніе силъ» не только внутри академій, но и во всей странѣ, тотъ грохотъ событій, благодаря которому высшая школа смогла безъ помѣхъ свыше заняться своимъ внутреннимъ облагоустроеніемъ. Не до академическихъ вольностей было начальству. Но шумъ стихъ. Существованіе автономіи, со всѣми ея непримиримыми противорѣчіями полицейскому строю стало слишкомъ замѣтно. «Автономію» начальство стало подстригать сообразно общему плану россійской государственности. Въ результатѣ—студенческая забастовка въ Петербургѣ, въ Юрьевѣ, въ Казани, въ Москвѣ, въ Кіевѣ... Послѣ трехлѣтняго перерыва это первыя крупныя, почти всероссійскія «студенческія волненія»...

Я не буду подробно останавливаться на нынѣшней академической забастовкѣ. Подробной оцѣнкѣ университетскихъ событій посвящены въ этомъ номерѣ «Русскаго Богатства» «Наброски современности» В. А. Мякотина. Я упоминаю о «студенческихъ волненіяхъ» лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, ровно постольку, поскольку необходимо отмѣтить въ общемъ ходѣ событій это наиболѣе замѣтное явленіе общественной жизни послѣднихъ дней. Какъ ни какъ, а вопросъ, ушедшій было съ большой дороги, снова возвратился назадъ. И, вдумываясь въ общій ходъ событій, я готовъ понять того «члена кабинета» министровъ, который, по словамъ «Рѣчи», находитъ, что «университетскій кризисъ теперь совсѣмъ не кстати»:

„Если обсужденіемъ университетскаго вопроса займется Дума, то это будетъ обстоятельствомъ неудобнымъ. Мы готовились особенно тщательно заняться вмѣстѣ съ Думою бюджетомъ. Для этого необходимы спокойныя отношенія между Думою и кабинетомъ, несмущаемыя какими-либо рѣзкими вопросами“ („Рѣчь“, 30 сентября).

Говорю: «готовъ понять», хотя само по себѣ заявленіе «члена кабинета» весьма странно... Казалось бы, съ какой стати придавать «университетскому кризису» такую исключительную важность, когда «вопросы», въ высшей степени рѣзкіе и въ высшей степени способные смутить отношенія, встрѣчаются буквально на каждомъ шагу. Намъ незачѣмъ напоминать о такихъ страшныхъ вещахъ, какъ аграрный, рабочій и т. п. жупелы.

Но возьмите хотя бы такія мелочи чисто хроникерскаго свойства. Первая сходка студентовъ петербургскаго университета, принципіально рѣшившая забастовать, была 13 сентября. И въ теченіе почти недѣли въ петербургскихъ газетахъ не было ни одного слова не только объ этомъ рѣшеніи, но и самый фактъ, что происходила сходка, оставался неизвѣстнымъ. Газеты ограничились глухими намеками на какія-то событія въ университетѣ. Въ теченіе той же недѣли случайно раскрыты и нѣкоторыя техническія подробности, какъ это достигается. Оказалось, что, кромѣ распоряженія молчать о студентахъ, было сдѣлано неизвѣстно кѣмъ по телефону и другое распоряженіе редакціямъ— не критиковать дѣятельности предсѣдателя петербургской городской санитарной коммиссіи, г. Оппенгейма... Т. е., конечно, никакого преступленія нѣтъ, если газета сообщитъ: 13 сентября въ университетѣ была сходка, или не найдетъ возможнымъ отозваться объ г. Оппенгеймѣ съ похвалой. И распоряженіе о переводѣ на практическій языкъ означаетъ: если не послушаетесь, то будетъ осуществлена возможность въ любой изъ обычныхъ статей и замѣтокъ газеты найти предлогъ для преданія суду по 129 ст. или для наложенія штрафа до 3000 р. въ порядкѣ административномъ... Словомъ, таинственныя лица, отдающія такія распоряженія, выражають весьма опредѣленный взглядъ и на независимость суда, и на достоинство административной власти, и на характеръ самыхъ законовъ, коимъ подчинена печать. И не такъ легко объяснить, почему этотъ «вопросъ» менѣе рѣзокъ и менѣе способенъ смутить отношенія, чѣмъ студенческая забастовка.

Беру другую мелочь. Какъ разъ во время забастовки закончился въ первой стадіи финляндскаго суда процессъ Половнева, одного изъ обвиняемыхъ по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. И, между прочимъ, по словамъ «Голоса Москвы», въ заключеніе судебнаго разбирательства «гражданскій истецъ просилъ судъ по достоинству оцѣнить гнусное убійство агентомъ власти народнаго представителя, принимая во вниманіе, что Половневъ былъ на службѣ охраннаго отдѣленія» («Голосъ Москвы», 3 октября). И не только Половневъ. По свидѣтельскому показанію бывшаго жандарма Запольскаго, «всѣ они (принадлежавшіе къ шайкѣ убійцъ Герценштейна) называли себя агентами охраннаго отдѣленія». И называли не голословно: напр., «Казанковъ (впослѣдствіи организовавшій также убійство Іоллоса) предъявилъ Запольскому агентскую карточку за казенною печатью и подписью полковника Легата» («Рѣчь», 3 октября). Финляндскій судъ призналъ Половнева виновнымъ въ умышленномъ пособничествѣ убійству М. Я. Герценштейна и приговорилъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 6 лѣтъ. Послѣ такого оффиціальнаго (хотя и въ предѣлахъ Финляндіи) признанія факта снять это обвиненіе нѣсколько труднѣе, чѣмъ раньше, когда существовали лишь догадки и «несоглашенныя» улики. И спраши-

вается, почему этотъ «вопросъ» не рѣзокъ, почему онъ не можетъ «смутить покойныя отношенія между кабинетомъ и Думой»?

Но, положимъ, «членъ кабинета» до того привыкъ къ рѣзкостямъ внутренней жизни, извѣстнымъ ему гораздо лучше, чѣмъ простымъ смертнымъ, что онъ этихъ рѣзкостей просто не замѣчаетъ. Но, вотъ, пока мы воевали со студентами и съ газетами, злоумышлявшими напечатать, что 13 сентября въ петербургскомъ университетѣ происходила разрѣшенная начальствомъ сходка, Болгарія объявила себя независимой, Австро-Венгрія оформила фактическое обладаніе Босніей и Герцеговиной, запахло крупными международными осложненіями; державы заговорили о компенсаціи, путешествующій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Извольскій то же, по газетнымъ свѣдѣніямъ, ставилъ условіе, чтобы Россіи былъ открытъ свободный проходъ черезъ Дарданельскій проливъ, не предрѣшая вопроса о томъ, что свободный на бумагѣ проходъ въ любую минуту фактически можетъ быть закрытъ. Впрочемъ, по словамъ берлинскихъ газетъ, г. Извольскій выразилъ согласіе отказаться и отъ этой «компенсаціи», если будетъ гарантировано благопріятное размѣщеніе ближайшему очередному русскому займу... Собственно это—«внѣшній вопросъ». Но какъ-то сразу было ясно, что онъ весьма рѣзко подчеркиваетъ внутреннее состояніе Россіи. Кн. Е. Н. Трубецкой, между прочимъ, весьма опредѣленно высказалъ, что балканскія событія, если мы не будемъ сидѣть смирно, могутъ имѣть послѣдствіемъ «окончательное разложеніе и гибель Россіи» («Голосъ Москвы», 3 октября). Еще болѣе опредѣленно высказалось «Новое Время». «Россія, по выраженію этой газеты, это раззорившійся помѣщикъ», и министръ Извольскій «путешествуетъ, какъ бѣдный родственникъ къ богатымъ роднымъ». «У насъ нѣтъ флота, а разстроенная армія связана внутренней смутой». Если мы вмѣшаемся въ дѣла богатой родни, насъ могутъ просто подѣлить на части. Если не вмѣшаемся и будемъ просить о помилованіи, надъ нами, можетъ быть, и смилуются. Такъ или иначе, помилуютъ насъ или не помилуютъ, пощадитъ богатая родня безпомощность новаго больного человѣка въ Европѣ или не пощадитъ, но пока «членъ кабинета» г. Извольскій, по свѣдѣніямъ берлинскихъ газетъ, отъ имени Россіи обѣщаетъ въ Лондонѣ не поднимать «вопросъ о проливахъ», если «Англія въ видѣ вознагражденія за эту уступку обязуется реализовать ближайшій русскій заемъ» (См. «Рѣчь», 3 октября). Другой же «членъ кабинета», по свѣдѣніямъ «Рѣчи», заявляетъ, что безпомощность государства передъ событіями, которыя могутъ имѣть весьма грозный исходъ,—«вопросъ не рѣзкій», и отказы г. Извольскаго, сопровождаемые просьбой «реализовать ближайшій заемъ»—тоже «вопросъ не рѣзкій». Все это не помѣшало бы спокойно и «особенно тщательно заниматься бюджетомъ». И не «смущало бы

отношеній между Думой и кабинетомъ». А студенческія забастовки, видите ли, мѣшаютъ и смущаютъ.

Удивительно, далѣе, и противоположеніе «рѣзкихъ вопросовъ» бюджету, словно этотъ послѣдній не есть совокупность чрезвычайно многихъ рѣзкостей. Г. Извольскій не даромъ открылъ въ Лондонѣ торговлю уступками. Обыкновенный бюджетъ будущаго года совѣту министровъ кое-какъ удалось свести концы съ концами, по крайней мѣрѣ, въ проектѣ и на бумагѣ. «Что же касается,—читаемъ въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи на 1909 г.,—чрезвычайныхъ расходовъ... то уже теперь мы вынуждены покрывать ихъ изъ займовъ, за неимѣніемъ какихъ-либо особыхъ источниковъ или запасовъ въ предѣлахъ обыкновенныхъ средствъ» *). Это «уже теперь» въ объяснительной запискѣ министра финансовъ звучитъ весьма элегически. У г. Коковцева есть и другое «уже»: «наша задолженность,—пишетъ онъ,—отнимаетъ ежегодно на выполненіе долговыхъ обязательствъ государства уже почти четвертую часть чистаго бюджета» **). И, въ самомъ дѣлѣ, «уже теперь» къ обычному куртажу приходится прибавлять отказъ отъ «вопроса о Дарданельскомъ проливѣ», хотя и неизвѣстно, сколько за это дадутъ, и хватитъ ли денегъ, занятыхъ такою цѣною, на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ 1909 г. А дальше что? Намъ «необходимо,—признаетъ г. Коковцевъ,—заключать ежегодно займы». Что прибавить къ обычному куртажу при изысканіи средствъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ 1910 г.? Правительство въ своемъ проектѣ росписи предлагаетъ программу. Оно не признаетъ возможнымъ сколько-нибудь серьезно увеличить доходы, указывая на главное препятствіе: «малую обезпеченность народныхъ массъ въ Россіи». Правительство не считаетъ возможнымъ сколько-нибудь серьезно сократить обыкновенные расходы, «ибо въ общей своей совокупности большинство потребностей государственной жизни не обезпечено у насъ достаточными средствами». Остается экономить на бюджетѣ чрезвычайномъ, что на языкѣ третьей Думы равносильно предложенію не увлекаться планами о «возрожденіи флота», о «реформированіи» арміи и т. д. «Какъ бы заманчивъ ни былъ путь быстраго устроенія государственной жизни», но «этотъ путь, не обставленный должною осмотрительностію, грозитъ крайне тяжелыми послѣдствіями». Да и практически, добавлю отъ себя, трудно осуществимъ: взаймы намъ даютъ плохо и неохотно. Есть еще путь, о которомъ говорятъ «лѣвые листки» и «противоправительственные депутаты»: поднять «обезпеченность народныхъ массъ». Но это—аграрный вопросъ, это—разговоръ о конституціи, это—подходъ къ ниспроверженію основъ, это безусловно недопустимо, и внѣ этого, если говорить откровенно, остается возможной только правительственная про-

---

*) Цит. по „Рѣчи“, 2 октября.

**) Ibid.

грамма. О деталяхъ ея можетъ быть споръ между «кабинетомъ» и благомыслящей частью Думы, но общій смыслъ министерской программы долженъ быть при этомъ ясенъ для обѣихъ сторонъ, да онъ и дѣйствительно ясенъ, особенно если помнить, что мы— бѣдные родственники, вынужденные просить милостыни у богатой родни. Смыслъ программы г. Коковцева можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ:

— Будемъ умирать медленно.

И положительно недоумѣваешь, на какомъ основаніи «членъ кабинета», о которомъ говоритъ «Рѣчь», считаетъ этотъ «бюджетный вопросъ» менѣе рѣзкимъ, чѣмъ студенческая забастовка. Наконецъ, если даже не брать «бюджетный вопросъ» вообще и остановиться лишь на бюджетныхъ деталяхъ, соображенія «члена кабинета» все-таки приходится признать весьма странными. Оставимъ въ сторонѣ аренды, оклады жалованья и прочія щекотливыя темы. Но возьмите хотя бы такую мелочь. Правительство проектируетъ повысить цѣну на водку (на 40 коп. съ ведра), и, въ связи съ этимъ, газеты вспомнили о расходахъ казны по закупкѣ спирта:

Лица, близко стоящія къ этому дѣлу, — пишетъ, напр., „Голосъ Москвы",—хорошо знаютъ, какая спекулятивная вакханалія по продажѣ въ казну спирта царила за послѣдніе годы подъ сѣнью главнаго управленія неокладныхъ сборовъ.

Результаты же «спекулятивной вакханаліи» въ общихъ чертахъ таковы:

Въ то время, какъ въ первые годы по введеніи у насъ винной монополіи среднія цѣны на сырой спиртъ колебались въ предѣлахъ отъ 57,68 коп. за ведро въ 40 градусовъ до 69,98 коп., за послѣдніе 3 года цѣны стали неимовѣрно вздуваться, достигнувъ въ 1907 г. небывалой цифры 87,09 коп. за ведро. Принявъ во вниманіе, что казна въ теченіе года пріобрѣтаетъ болѣе 100 милліоновъ ведеръ сырого спирта, легко сообразить, какую громадную сумму переплачиваетъ наше финансовое вѣдомство *).

Дѣйствительно, «сообразить легко». Но вѣдь легко и вспомнить, особенно «лицамъ, близко стоящимъ къ дѣлу», что еще при возникновеніи проекта о «казенной монополіи» весьма видную роль играли заботы о поддержаніи «сельскохозяйственнаго винокуренія», или, говоря конкретнѣе, о повышеніи доходности помѣщичьихъ винокуренныхъ заводовъ, вопіявшихъ, что ихъ, какъ поставщиковъ сырого спирта, обижаютъ винокуры-купцы, въ родѣ знаменитаго «Петра Смирнова», вырабатывающіе чистый продуктъ. Для чего, между прочимъ, и практикуется нынѣ «фантастическій, какъ выразились «Русскія Вѣдомости», способъ опредѣленія цѣны сырого спирта на каждомъ заводѣ въ отдѣльности», если не для поддержанія «очаговъ культуры»? Оскудѣли вѣдь они, очаги-то.

*) «Голосъ Москвы», 27 сентября.

А «за послѣдніе три года» тяжко пострадали отъ смуты, требуютъ усиленной поддержки. Мудрено ли, если именно «за послѣдніе 3 года» «оцѣнка сырого спирта на каждомъ заводѣ въ отдѣльности» «стала неимовѣрно вздуваться» и дала въ концѣ концовъ «небывалую среднюю цифру 87,09 за ведро»? Оставимъ въ сторонѣ подозрѣнія, что «патріотическія сферы» подняли шумъ по поводу сырого спирта ради цѣли, невысказанной и спеціальной: часть суммы, которая должна получиться отъ повышенія цѣны, обратить на поддержаніе оскудѣвшаго дворянскаго землевладѣнія. Не разъ ужъ бывало, что шумъ объ интересахъ казны оканчивался именно такимъ неожиданнымъ образомъ. Допустимъ, однако, что теперь въ данномъ случаѣ никакихъ невысказанныхъ и спеціальныхъ цѣлей нѣтъ. Но если бы Дума, въ самомъ дѣлѣ, захотѣла «особенно тщательно заняться» этою бюджетною частностью, получился бы весьма «рѣзкій вопросъ», способный во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ студенческая забастовка, «смутить отношенія».

Словомъ, въ высшей степени странно заставляетъ «Рѣчь» разсуждать «члена кабинета», до такой степени странно, что, казалось бы, остается лишь признать самое существованіе его проблематическимъ, лежащимъ всецѣло на совѣсти газеты. И при всемъ томъ, въ странныхъ мысляхъ этого проблематическаго министра есть нѣчто съ подлиннымъ вѣрное, несомнѣнно соотвѣтствующее фактическому положенію вещей. Прежде всего съ подлиннымъ вѣрно отношеніе правительства къ самому факту студенческой забастовки. Ни для власти, ни для подвластныхъ не секретъ, что сейчасъ страна находится въ состояніи отчаянномъ.

«Населенію—подводятъ „Петербургскія Вѣдомости" итогъ трехлѣтней дѣятельности правительства—опять грозитъ голодъ и безработица. Аграрный, учебный и другіе жгучіе вопросы русской жизни въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ засталъ манифестъ 17 октября. Армія и флотъ—въ томъ же и даже большемъ развалѣ. Экономика и финансы несравненно хуже. И, наконецъ, мы волею судебъ и попустительствомъ нашей дипломатіи, опять наканунѣ конфликта, могущаго разрѣшиться лишь силою оружія. Вотъ что принесли намъ эти три года» (цитировано по «Рѣчи», 2 октября).

Страна разваливается. Страна, по выраженію тѣхъ же «С.-Пет. Вѣд.», «глубже врастаетъ въ мертвую точку», дальнѣйшее пребываніе на которой грозитъ потерей политической самостоятельности. Картина такова, что студенческую забастовку, казалось бы, приходится считать эпизодомъ, сравнительно, мелкимъ. И, однако, на этомъ сравнительно мелкомъ эпизодѣ сосредоточилось столько правительственнаго вниманія, словно онъ-то и заключаетъ въ себѣ разгадку всѣхъ загадокъ и корень всѣхъ бѣдъ, словно все благополучно, хорошо, какъ слѣдуетъ быть, и единственное, что нехорошо и неблагополучно,—это «университетскій кризисъ». Тутъ странность кабинетскихъ мыслей, о которыхъ говоритъ «Рѣчь», вполнѣ гармонируетъ со странностью кабинетскихъ поступковъ.

А затѣмъ въ этой странности есть своеобразная логика. Я упомянулъ выше о положеніи печати. Оно сейчасъ рѣзко. Но вѣдь не менѣе рѣзко оно было и въ прошломъ году. И въ прошломъ году, какъ и теперь, положеніе печати подрывало довѣріе къ суду, опредѣленнымъ образомъ свидѣтельствовало объ административныхъ правахъ и о характерѣ законовъ. Все это было, и хорошо извѣстно. И тѣмъ менѣе по отзыву самого предсѣдателя Государственной Думы г. Хомякова все это не доказываетъ, что съ «реформой печати» надо очень торопиться. Наоборотъ, печать можно отнести и на второй планъ. Она «можетъ погодить». И вотъ собственно почему:

— Можно ли,—пояснилъ г. Хомяковъ,—обойтись безъ реформъ земства, мѣстнаго суда, земскихъ начальниковъ и проч.? Нѣтъ. А безъ газетъ можно жить? Можно. Во время отпуска станете ли вы читать газеты? Я, признаюсь, прожилъ безъ газеты (въ имѣніи, послѣ окончанія думской сессіи), и ничего»... *).

Съ своей стороны тоже признаюсь: когда я прочиталъ этотъ аргументъ «предсѣдателя законодательнаго учрежденія» и при томъ прочиталъ не во враждебномъ «думскому большинству» «листкѣ», а въ «Голосѣ Москвы», мнѣ живо припомнился мой старый пріятель кладбищенскій сторожъ Кузьма, который очень ворчалъ, когда вблизи воротъ кладбища повѣсили почтовый ящикъ:

— Я, слава Тебѣ, Господи, пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, а каки-таки письма не знаю. Какъ съ роду я ихъ не получалъ, такъ совсѣмъ они мнѣ ни къ чему. А тутъ накося—яшшикъ! Для какой такой надобности?.. Дѣвкамъ записки посылать... Я ужъ сколько прошу заступъ новый купить—такъ нѣтъ погоди, старый по ихнему хорошъ. А вотъ яшшикъ, вишь, повѣсили... Па-а-рядки...

Дорогого стоитъ эта Дума, у которой даже предсѣдатель способенъ относиться къ общегосударственнымъ вопросамъ первостепенной важности съ точки зрѣнія своихъ личныхъ вкусовъ и привычекъ. Если бы у насъ — Боже избави! — была конституція, и если бы конституціонное министерство объяснило г. Хомякову, что организованное и правильное выраженіе общественнаго мнѣнія есть необходимое условіе законодательной работы, и что поэтому «реформа печати» принадлежитъ къ числу самыхъ первоочередныхъ и неотложныхъ,—быть можетъ, г. Хомяковъ понялъ бы, сколь мало умѣстна въ такихъ случаяхъ ссылка на свой вкусъ. Но у насъ, слава Богу, нѣтъ конституціи, и г. Хомякову, быть можетъ, объяснятъ, что, пока печать не подтянута, законодательная работа въ предложенномъ направленіи будетъ встрѣчать препоны, и что поэтому «реформа печати» опять таки должна стоять на первой очереди. Возможно, что и въ этомъ случаѣ г. Хомяковъ пойметъ, сколь ошибочно въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководиться личнымъ

*) «Голосъ Москвы», 22 августа.

вкусомъ. По крайней мѣрѣ, надежды на то, что онъ пойметъ, не потеряны. Но, во всякомъ случаѣ, пока, на его взглядъ, рѣзкости въ вопросѣ о печати не видно. Теперь «Голосъ Москвы» сообщаетъ, что «П. А. Столыпинъ лично выработалъ» законопроектъ о печати. Положимъ даже, что этотъ законопроектъ будетъ внесенъ, поставленъ на очередь, станетъ закономъ. Но хуже отъ него печати или лучше, съ точки зрѣнія человѣка, который «прожилъ лѣто безъ газеты—и ничего», рѣшительно все равно, какъ для моего пріятеля, кладбищенскаго сторожа Кузьмы рѣшительно все равно, куда помѣстить почтовый ящикъ—на улицѣ или въ лѣсу, на крышѣ колокольни или на днѣ озера. Единственное, противъ чего рѣшительно протестовалъ бы Кузьма,—это, если бы ящикъ повѣсили на дверяхъ его сторожки. Но вѣдь и г. Хомяковъ протестовалъ бы, если-бы положеніе печати предполагалось улучшить до непріятныхъ ему, г. Хомякову, размѣровъ.

Шумятъ вотъ тоже по случаю охранки. Ну, хорошо, нѣкто, предъявлявшій агентскую карточку охраннаго отдѣленія департамента полиціи, подготовлялъ и совершалъ убійство Герценштейна. И было это, между прочимъ, какъ разъ въ то время, когда г. Хомяковъ жилъ въ своемъ сычевскомъ, если не ошибаюсь, имѣніи,—и ничего!.. Но, собственно, кто же не знаетъ, что въ охранномъ отдѣленіи вообще не безъ грѣховъ? Есть гдѣ-то это отдѣленіе. А то еще есть сыскное. Есть тюрьмы, распространяющія, между прочимъ, тифъ. Есть ссылки. Есть много разныхъ другихъ непріятностей. И на счетъ финансовъ давно ужъ извѣстно, что они у насъ весьма не склонны улучшаться. И въ прошломъ году былъ голодъ, и въ позапрошломъ. И въ прошломъ году у насъ не было флота, и была «разстроенная армія, связанная смутой». И въ позапрошломъ также. И въ прошломъ году мы были безпомощны на случай международныхъ осложненій. Ну, и въ нынѣшнемъ тоже... Все это было и есть. И все, что есть въ русской жизни рокового, страшнаго, невыносимаго, въ прошлую сессію оказалось какъ-то психологически чуждо Думѣ 3 іюня. Она сумѣла въ общемъ довольно спокойно заниматься бюджетомъ и «законодательной вермишелью», по выраженіи того же г. Хомякова. Она стояла именно одна на большой дорогѣ,—самодовлѣющая, словно забронированная отъ безчисленныхъ рѣзкихъ и жгучихъ вопросовъ, которыми кипѣла русская дѣйствительность гдѣ-то вдали, на проселкахъ. Дѣйствительность была ужасна; самъ г. Хомяковъ призналъ, что тамъ, «на мѣстахъ», въ подлинной Россіи «все разваливается». Но это онъ призналъ послѣ сессіи, на каникулахъ, въ качествѣ такъ сказать партикулярнаго человѣка и партикулярнымъ образомъ. Во время же сессіи отъ него русская дѣйствительность просто отскакивала, какъ, впрочемъ, и отъ всего думскаго большинства. Странно вспомнить: г. Хомяковъ чрезвычайно волновался, когда дѣло дошло до штатовъ думской канцеляріи и обнаружи-

валъ поразительное философическое спокойствіе по случаю крайне трагическихъ признаковъ того, что «все разваливается», и страна стоитъ на пути, ведущемъ къ гибели.

Дума 3 іюня дала достаточно доказательствъ, что съ нею можно «жить по примѣру прошлаго года» и «умирать медленно». И съ этой точки зрѣнія, «университетскій кризисъ теперь, дѣйствительно, совсѣмъ не кстати». Ибо надо было или не надо возвратить, ради сохраненія исконныхъ устоевъ,—высшую школу въ первобытное состояніе? Ясное дѣло—надо. А между тѣмъ, когда это, очевидно, необходимое дѣло осуществлено, студентъ опять выскочилъ съ проселка на большую дорогу и сталъ кричать. И, посмотрите, г. Меньшиковъ уже дрожитъ отъ страха:

Авангардъ бунта, — пишетъ онъ, — высшая школа, уже идетъ... Персидскіе энджумены и турецкіе младотурки замѣтно подняли духъ нашихъ... Осень 1908 года обѣщаетъ быть тревожной... Революція отдохнула... Что касается арміи, единственнаго оплота государственнаго... теперешніе нижніе чины поступили въ разгаръ безпорядковъ и среди нихъ очень многіе—скрытые „товарищи". О вольноопредѣляющихся и говорить нечего... („Нов. Время", 4 окт.).

И, характерно, тотъ-же г. Меньшиковъ предлагаетъ «мужественно примириться съ тѣмъ, что «Россія больше не великая держава», что она безпомощна, что она — «раззорившійся помѣщикъ» (см. «Нов. Время», 7 октября). Но разъ «идетъ высшая школа», г. Меньшиковъ мириться безусловно не согласенъ. Онъ требуетъ мѣръ немедленныхъ, рѣшительныхъ, безпощадныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, а что если вслѣдъ за студентами выскочатъ на большую дорогу съ проселковъ желѣзнодорожники, почтальоны, рабочіе, мужики, солдаты?.. Что, если опять всѣ вопросы вылѣзутъ наружу, какъ тогда, въ 1905 г., когда г. Хомяковъ тоже жилъ, если не ошибаюсь, въ сычевскомъ уѣздѣ, но, вспоминая прошлое, врядъ-ли сумѣетъ сказать: «и ничего». О, конечно, призраки прошлаго лишь чудятся. Но человѣка, склоннаго смотрѣть на земную жизнь до нѣкоторой степени съ точки зрѣнія личныхъ удобствъ, и призраки, съ коими связаны непріятныя воспоминанія, могутъ нервировать. Г. Хомяковъ тоже можетъ потребовать мѣръ,—такихъ-ли, какъ г. Меньшиковъ, или помягче, мы не знаемъ. Но надежда прожить спокойно, «по примѣру прошлаго года», во всякомъ случаѣ, колеблется. И въ этомъ, повторяю, смыслѣ «авангардъ бунта» выступилъ совсѣмъ не кстáти.

II.

«Осень 1908 г. обѣщаетъ быть тревожной», хотя и не въ томъ смыслѣ, какой разумѣетъ «Новое Время» и «верховная палата союза Михаила-архангела», ожидающая всероссійской желѣзнодорожной забастовки. Да, сколько можно понять, и не съ той

стороны видны тучи, откуда ихъ ждетъ г. Меньшиковъ. Не совсѣмъ хороша сейчасъ, между прочимъ, конъюнктура на томъ проселкѣ русской жизни, на которомъ влачитъ свои дни средняя школа. Когда-то она тоже шла большою дорогою, почти въ центрѣ общественнаго вниманія, — но то было давно, въ толстовскія времена насажденія классицизма. Позже споръ о классической и реальной школѣ смѣнился вопросомъ о постановкѣ средняго образованія; выяснилось въ сознаніи широкихъ круговъ, что сколько - нибудь удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса возможно лишь въ условіяхъ правового строя. На большой дорогѣ, въ центрѣ общественнаго вниманія оказались основные вопросы государственнаго бытія. Средняя школа, судьба которой, очевидно, зависитъ отъ того или иного рѣшенія основныхъ вопросовъ, очутилась на второмъ планѣ. На второмъ планѣ она оставалась даже въ медовые мѣсяцы Ванновскаго, хотя и былъ тогда поднятъ большой шумъ о школьной реформѣ: для широкихъ круговъ не составляло секрета, что сколько ни шуми, но, пока общія условія не измѣнены, «реформаторскій» пылъ пойдетъ не дальше мелкихъ и ничего по существу не измѣняющихъ поправокъ. Въ 1905 г. средняя школа кричала со всѣми вмѣстѣ. А потомъ какъ-бы скрылась куда-то отъ вниманія большой публики, получивъ, впрочемъ, отъ смуты кое-какое наслѣдство.

Говоря о наслѣдствѣ, разумѣю не только родительскіе комитеты, не только появленіе на урокахъ такихъ, наприм., словъ, какъ «конституція», не только наступившую было перемѣну отношеній къ личности ученика, сказавшуюся во многихъ сторонахъ школьнаго быта, начиная съ исчезнувшихъ на нѣкоторое время эксцессовъ внѣшкольнаго надзора и кончая такими мелочами, какъ курительныя комнаты въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (школьныя «курилки», впрочемъ, тоже существовали лишь «нѣкоторое время»). Все это было. И все это важно. Но важнѣе да и опаснѣе для правительства не столько сама «свобода», сколько то, какъ ученики ею пользовались. 45 лѣтъ свобода такъ же, какъ и теперь, фуксомъ, такъ же, какъ и теперь, въ очень робкихъ дозахъ пыталась заглянуть въ школы. Тогда дѣло закончилось большой тревогой власти. «Ученики занимались,—констатируетъ одинъ изъ старинныхъ циркуляровъ (изданъ въ 1864),—исключительно разборомъ стихотвореній Лермонтова... Никитина... Добролюбова... Некрасова»... Переписывали «У параднаго подъѣзда» Некрасова, «Монологи» Огарева... Читали «Что дѣлать» Чернышевскаго, «Подводный камень» Авдѣева и даже «Современникъ»... Попросту говоря, въ школу проникла крамольная литература, и трактующая о «соціальныхъ вопросахъ», и въ тогдашнее время интересъ къ ней сблизилъ учителей съ учениками. Власть всполошилась, приняла мѣры, и «безобразіе» надолго исчезло. Теперь учитель оказался иной. Къ тому же, по случаю смуты, было произведено

фундаментальное изъятіе неблагонадежныхъ учителей изъ обращенія. За рѣдкими исключеніями, нынѣшняя свобода не сблизила учениковъ съ учителями. Но въ повышеніи ученическаго интереса къ крамольнымъ вопросамъ и къ крамольнымъ предметамъ она сыграла нѣкоторую роль. Иждивеніемъ самихъ учениковъ стали возникать внѣшкольныя ученическія библіотеки. Кружки самообразованія. Собранія по квартирамъ. Чтенія. Рефераты... Положимъ, все это было и до смуты, но подъ большимъ секретомъ и въ очень ограниченныхъ количествахъ. Смута помогла старому тяготѣнію въ эту сторону оформиться, окрѣпнуть, принять сравнительно крупные размѣры, создать своеобразную «ученическую литературу», то въ формѣ небывало многочисленныхъ рукописныхъ журналовъ, то въ видѣ печатныхъ, легально изданныхъ «сборниковъ».

Ученическая литература послѣднихъ трехъ лѣтъ, возникшая, повторяю, благодаря смутѣ, пока плохо замѣчена и совершенно не изслѣдована. Да и когда было изслѣдовать? Почти незамѣченными остались школьные кружки самообразованія, самочинныя библіотечки, рефераты и многое другое, чѣмъ характеризуется значительное повышеніе интеллектуальныхъ интересовъ среди школьныхъ подростковъ. Впрочемъ, въ этомъ проселокъ средней школы совпалъ съ большимъ и также проселочнымъ явленіемъ русской жизни: я говорю о повышенной потребности въ образованіи. Это большое явленіе тоже плохо замѣчено. Пока извѣстны лишь коекакія детали его. Подмѣчено, напр., что въ высшихъ школахъ студенты жаждутъ учиться, какъ никогда. Подмѣчено также, что на книжномъ рынкѣ послѣ брошюры, словно сыгравшей роль легкой закуски передъ обѣдомъ, начался необычно большой спросъ на толстую, ученую книгу. Подмѣчено, пожалуй, и еще коечто. Но, повторяю, это лишь детали сложнаго и значительнаго явленія, совпавшаго съ нѣкоторыми переживаніями, тоже сложными и значительными, школьной молодежи.

Путь, по которому шла средняя школа послѣ смуты 1905 г., совпалъ отчасти и съ другимъ также сложнымъ и также проселочнымъ явленіемъ. Не даромъ въ послѣднее время и въ педагогической литературѣ, и среди родителей, принимающихъ близко къ сердцу вопросы воспитанія, замѣтенъ повышенный интересъ къ вопросу о «первоначальныхъ свѣдѣніяхъ изъ области половой жизни». Свободу личности, въ правовомъ смыслѣ этого понятія, власть не признала и не узаконила. Не признана и не узаконена властью свобода личности и въ бытовомъ смыслѣ. Узы церкви и семейнаго права, соотвѣтственнаго полицейской государственности, de jure съ россійскаго обывателя доселѣ не сняты. Но въ сознаніи широкихъ массъ смута декретировала свободу личности; смута, такъ сказать, установила, что жажда свободы не грѣхъ, а благо, не преступленіе, а право и необходимость. И трудная задача, какъ

примирить интересы свободной личности съ тѣми обязанностями, какія налагаетъ на нее половое общеніе, возникла сама собой. Уже одно признаніе, что личность имѣетъ права, должно было повести къ переоцѣнкѣ нормъ традиціонной «половой морали», къ усиленному сосредоточенію вниманія на «половой проблемѣ». Въ это теченіе, въ основѣ своей выходившее изъ здоровыхъ и чистыхъ источниковъ, внесено много мути и грязи. Помимо барышниковъ, для которыхъ непотребство есть промыселъ, сюда устремились и просто безшабашные люди, и просто дураки. Изъ ложно понятаго принципа свободной личности возникло «санинство», съ его основнымъ выводомъ: кто силенъ да удачливъ, тотъ и правъ, и тому все можно. Подъ видомъ естественныхъ правъ личности возникла проповѣдь права сильнаго; въ маскѣ защитниковъ свободы выступили люди, проповѣдующіе реакцію гораздо глубже и дальше, чѣмъ святѣйшій синодъ или союзъ русскаго народа. Я говорю глубже и дальше, ибо православіе все-таки защищаетъ физически слабую личность отъ насилія, а санинство разрѣшаетъ насиловать; для полицейскаго строя дѣвушка все-таки человѣкъ, права котораго должны быть, хотя и въ очень минимальной степени, охраняемы, для Санина она—лишь объектъ наслажденія; полицейскій государственный строй слишкомъ прогрессивенъ для «санинства», которому, чтобъ воплотиться, собственно нужно возродить строй рабовладѣльческій и кулачное право.

Повторяю, грязи, мути и глупости внесено было много. Но вопросъ о соотношеніи между сознанными и признанными правами личности, съ одной стороны, и обязанностями, налагаемыми половою жизнью, съ другой,—остается вопросомъ, такъ или иначе подлежащимъ рѣшенію. Какъ примирить и согласовать права личностей, сошедшихся въ половомъ смыслѣ?—эту задачу рѣшала и рѣшаетъ, собственно, взрослая Россія, но самая постановка ея по многимъ причинамъ не могла ускользнуть отъ Россіи юной, которая еще только растетъ, формируется, осмысливаетъ себя разными способами и, между прочимъ, посредствомъ школьныхъ кружковъ самообразованія. И опять-таки то здоровое и чистое, что было въ сосредоточеніи интереса школьныхъ кружковъ, между прочимъ, и на этой сторонѣ жизни, осталось почти незамѣченнымъ. Плохо учтено даже значеніе массовыхъ ученическихъ протестовъ противъ единичныхъ фактовъ половой распущенности. За то подмѣсь грязи и мути была прекрасно замѣчена, и кричали о ней слишкомъ много, кричали даже тогда, когда никакого повода кричать не было. И этотъ крикъ о развратѣ, о кружкахъ свободной любви послужилъ благовиднымъ предлогомъ для проявленія чрезвычайной заботливости о внѣшкольномъ надзорѣ.

Къ началу нынѣшняго учебнаго года почти по всей Россіи были организованы мѣстныя особыя совѣщанія, на обязанность которыхъ циркулярами двухъ министровъ (внутреннихъ дѣлъ и народнаго

просвѣщенія) возлагалось выработать мѣры къ «поднятію нравственнаго уровня» учащихся. Составлялись совѣщанія нѣсколько своеобразно. Въ ростовское (на Дону), напримѣръ, совѣщаніе, кромѣ предсѣдателя-градоначальника, входили: «директора мужскихъ и женскихъ гимназій, учредители частныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, депутаты духовнаго вѣдомства, представители прокурорской власти и прочія лица» *). Въ саратовскомъ совѣщаніи «присутствовали также «начальники губернскаго и желѣзнодорожнаго жандармскихъ управленій и полицеймейстеръ» («Русс. Сл.», 21 сентября). Въ Тильнѣ среди другихъ былъ и городской голова. Въ Екатеринославѣ на совѣщаніе были приглашены просто представители гражданскаго и учебнаго начальства» **). Въ правилахъ внѣшкольнаго надзора, опубликованныхъ въ Петербургѣ, говорится лишь о «соглашеніи» между градоначальникомъ и попечителемъ округа. Разнообразна оказалась и сила постановленій, сдѣланная совѣщаніями и соглашеніями. Въ Ростовѣ, Екатеринославѣ, Пензѣ, Саратовѣ и т. д. выработанныя правила были тотчасъ же опубликованы, какъ обязательное и подлежащее немедленному исполненію постановленіе. «Предлагаю,—писалъ, напр., въ своемъ циркулярѣ екатеринославскій губернаторъ начальникамъ полиціи, — *безотлагательно* (курсивъ подлинника) ознакомить съ этими правилами всѣхъ чиновъ полиціи и принять мѣры къ точному исполненію этихъ правилъ» ***). Въ Нижнемъ Новгородѣ случилось какъ-то такъ, что, съ одной стороны, правила, выработанныя особымъ совѣщаніемъ, предложены къ руководству и исполненію, а съ другой—«сообщены въ педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній». «И вотъ, — разсказываетъ далѣе «Русское Слово»,—на-дняхъ педагоги собрались, чтобъ обсудить рекомендованныя (?) мѣры. Педагогическое совѣщаніе (?) признало, что внѣшкольный надзоръ долженъ быть со стороны родителей и воспитателей», т. е., повидимому, помощь полиціи отвергнута. Кромѣ того, «педагогическое совѣщаніе» внесло существенныя поправки и въ другія постановленія особаго совѣщанія. Такъ, особое совѣщаніе «воспрещаетъ» позднее появленіе на улицахъ и посѣщеніе увеселительныхъ заведеній; педагогическое совѣщаніе находитъ возможнымъ лишь «высказать все это въ формѣ пожеланій» и при томъ родителямъ, а не ученикамъ; особое совѣщаніе «воспрещаетъ посѣщеніе пьесъ», признанныхъ педагогами безнравственными. «Педагогическое совѣщаніе» заявило, что «для просмотра пьесъ должна быть избрана спеціальная коммиссія изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній»... ****) Я отмѣтилъ вопро-

*) „Южный Телеграфъ“, 6 сентября.
**) „Южная Заря“, 29 августа.
***) Ibid.
****) „Русское Слово“, 24 сентября.

сительными знаками наиболѣе загадочные для меня пункты. Въ самомъ дѣлѣ, почему постановленія особыхъ совѣщаній и соглашеній въ цѣломъ рядѣ городовъ сразу воспріяли силу закона, въ Нижнемъ они только «рекомендованы»? И дѣйствительно ли только рекомендованы, или такъ толкуетъ лишь педагогическое совѣщаніе? И если только оно такъ толкуетъ, то на какомъ основаніи? И что это за педагогическое совѣщаніе, представляющее, повидимому, соединенное засѣданіе педагогическихъ совѣтовъ, но всѣхъ или нѣкоторыхъ, и если нѣкоторыхъ, то почему одни были, а другихъ не было? И кого, наконецъ, слушать,—особое совѣщаніе или педагогическое совѣщаніе?

Говоря коротко, Богъ вѣсть на какомъ основаніи созданы непредусмотрѣннаго типа и неопредѣленнаго состава учрежденія, обладающія, однако, правомъ постановить рѣшенія, имѣющія силу закона; и Богъ вѣсть на какомъ основаніи возникли другія учрежденія тоже непредусмотрѣннаго типа, неопредѣленнаго состава и неизвѣстныхъ полномочій... Петербургское начальство отдало приказъ, не заботясь объ юридической формальной сторонѣ дѣла. Мѣстное начальство тоже объ этомъ не слишкомъ безпокоилось. Сочиненныя правила объявлены закономъ, то въ формѣ обязательнаго постановленія безъ ссылокъ на «соотвѣтствующія» статьи положенія о чрезвычайной или усиленной охранѣ, то въ видѣ губернаторскаго предписанія педагогическимъ совѣтамъ... Изъ всего этого вышла бы изрядная кутерьма, если бы не было спасительнаго полицейскаго полновластія, которое всѣ разногласія примиритъ и, что считать закономъ, опредѣлитъ. На лицо останутся лишь утвержденныя полицейской властью правила для учениковъ, да развѣ еще нѣкоторыя неожиданныя учрежденія, въ родѣ проектируемаго нижегородцами выборнаго комитета театральной цензуры, подчиненнаго министерству народнаго просвѣщенія.

Нельзя сказать, чтобы совѣщанія о школьной нравственности выдумали порохъ. Выработанныя ими правила, правда, редактированы весьма различно, но по существу удивительно однообразны и, за исключеніемъ одного пункта, о которомъ рѣчь ниже, часто представляютъ собственно перефразъ того, что и раньше излагалось въ такъ называемыхъ школьныхъ дневникахъ и ученическихъ билетахъ. Въ началѣ—какъ учащіеся обязаны вести себя при встрѣчѣ съ государемъ, потомъ какъ кланяться министру, товарищу министра, попечителю округа, помощнику попечителя, губернатору, архіерею и т. д. Потомъ идутъ «запрещается»: ходить въ форменной одеждѣ, носить тросточки, «обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ», курить табакъ, «распивать спиртные напитки», посѣщать суды, бывать въ земскихъ собраніяхъ и т. д. Суть, конечно, не въ этихъ правилахъ. Главное въ томъ, что возстановлено обязательное для учителей «посѣщеніе» ученическихъ квартиръ, и, кромѣ того, учрежденъ особый полицейскій надзоръ за всѣми уче-

никами и ученицами, съ каковою цѣлью введена система обязательныхъ школьныхъ паспортовъ: каждый учащійся обязанъ имѣть всегда при себѣ «билетъ», выданный учебнымъ начальствомъ, и предъявлять по первому требованію полиціи на предметъ установленія личности. Рядъ дополнительныхъ правилъ, коими запрещено, напр., появляться на улицѣ или даже «быть внѣ квартиры» послѣ 8 часовъ вечера, собираться по нѣскольку человѣкъ у товарищей и т. д., еще болѣе выясняетъ, куда именно направленъ ударъ. И направленъ, съ полицейской точки зрѣнія, основательно, ибо всѣ эти кружки самообразованія, тайныя библіотеки, «сборища», рефераты,—дѣло для «существующаго строя» опасное, вредное, а потому и недопустимое. Тенденція, словомъ, ясна. Но, кромѣ этой тенденціи, совѣщанія сочли нарочитымъ долгомъ подчеркнуть особый пунктъ:

«Дома разврата — предписываетъ одно изъ варшавскихъ правилъ—учащимся посѣщать совершенно запрещается, публичныя же лекціи они могутъ посѣщать не иначе, какъ съ разрѣшенія учебнаго начальства» («Рѣчь», 10 сентября).

Воспрещается посѣщать—читаемъ въ пензенскихъ правилахъ—«публичныя дома, трактиры, буфеты на вокзалахъ, винныя лавки... а также судебныя засѣданія» («Саратовскій Вѣстникъ», 26 сентября).

«Воспрещается посѣщеніе учащимися —гласятъ петербургскія правила—съ женщинами бань»...

Тутъ мысль выражена голо и напрямки. Въ другихъ мѣстахъ совѣщанія замѣтно предпочитали высказать ее обиняками, прибѣгали къ терминамъ: увеселительныя мѣста, увеселительныя заведенія и даже къ иносказаніямъ, какъ, напр., въ Ростовѣ на Дону, гдѣ соотвѣтствующій пунктъ, редактированъ такимъ образомъ:

„Учащимся воспрещается посѣщеніе кафешантановъ и садовъ при нихъ, гостиницъ, ресторановъ, винныхъ погребовъ, пивныхъ, трактировъ, шашлычныхъ, билліардныхъ, кофейныхъ, меблированныхъ комнатъ, маскарадовъ и тому подобныхъ заведеній" *).

Но описательныя формулы, помимо грамматическихъ неловкостей, въ родѣ «маскарадовъ и тому подобныхъ заведеній», страдаютъ и многими другими недостатками. Въ томъ же Ростовѣ описательная формула поставила въ крайне неловкое положеніе школьниковъ, родители которыхъ содержатъ гостиницы, рестораны, меблированныя комнаты, винные погреба и т. д. Ростовская описательная формула возбуждаетъ цѣлый рядъ неловкихъ вопросовъ—какъ, напр., быть «иногороднему» ученику, если пріѣдетъ отецъ, мать, дядя или тетка и остановится въ гостиницѣ или меблированныхъ комнатахъ? Наконецъ, если вспомнить, что правила предназначаются не только для восьмиклассниковъ, но и для «пригото-

*) „Южн. Тел.", 6 сентября.

вишекъ», даже въ педагогическомъ смыслѣ варшавская прямота пріемлемѣе ростовской иносказательности. Лучше ужъ на казарменный ладъ отрѣзать «приготовишкѣ»: «дома разврата посѣщать воспрещается», чѣмъ дразнить дѣтскую мысль намеками на особыя цѣли, которымъ служатъ «маскарады и тому подобныя заведенія».

Я, сколько могъ, внимательно слѣдилъ по газетамъ за трудами совѣщаній. И, судя по тѣмъ правиламъ, которыя дошли до меня, нѣтъ почти ни одного совѣщанія, которое сочло бы долгомъ пройти молча мимо «домовъ разврата». Наоборотъ, замѣтно, что люди возлѣ этого мѣста останавливались съ особеннымъ проникновеніемъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ члены совѣщанія возлѣ этого мѣста все-таки разсуждали. На московскомъ, напр., совѣщаніи раздались голоса, что нужны факты, которые доказывали бы упадокъ нравственности среди школьниковъ. «Въ концѣ концовъ, какъ выяснилось изъ словъ градоначальника, такихъ фактовъ можно сказать нѣтъ». Никакихъ лигъ свободной любви, огарковъ и тому подобныхъ организацій въ Москвѣ, сколько извѣстно, нѣтъ. Особаго... нарушенія благопристойности со стороны учащихся также не замѣчается... Градоначальникъ призналъ также нежелательнымъ воспретить учащимся посѣщеніе бульваровъ... Если же какіе-либо бульвары пользуются плохой репутаціей, то надо бороться съ условіями, создавшими такую репутацію, а не лишать учащихся возможности пользоваться воздухомъ и растительностью бульваровъ» («Южн. Заря», 28 сентября). Но Москва въ этомъ случаѣ—одно изъ исключеній. Вообще же совѣщанія чрезвычайно старались прямо или обинякали напомнить и указать, повторяю, не только восьмиклассникамъ, но и «приготовишкамъ»:

— Вотъ мѣста, гдѣ получаются запретныя для тебя удовольствія.

Въ этомъ смыслѣ губернаторы, градоначальники и совмѣстно съ ними работавшіе чины учебнаго и другихъ вѣдомствъ сумѣли пойти гораздо дальше самыхъ крайнихъ сторонниковъ педагогической теоріи, предлагающей освѣдомлять дѣтей о половой сторонѣ жизни. Самые крайніе сторонники этой теоріи предлагаютъ вести бесѣды съ дѣтьми на эти темы въ извѣстной постепенности, не слишкомъ часто, лишь при случаѣ, въ обстановкѣ болѣе или менѣе интимнаго разговора, возможно деликатнѣе, не притупляя стыдливости и не раздражая чувственности обвиненіями въ грязныхъ мысляхъ и грязныхъ желаніяхъ. Возможны, разумѣется, случаи, когда при разговорѣ съ ребенкомъ на эту деликатную, требующую огромнаго такта тему придется упомянуть и о домахъ разврата, но кричать на всѣхъ дѣтей сразу: посѣщеніе бань съ женщинами воспрещается,—воля ваша, такой способъ «освѣдомленія учащихся въ половомъ вопросѣ» заходитъ слишкомъ далеко. Есть вещи, о которыхъ говорить языкомъ запрета и обязательныхъ постановленій—равносильно подстрекательству. Едва ли нужно объя-

снять смущеніе нижегородскаго «педагогическаго совѣщанія», высказавшаго, между прочимъ, что о предметахъ такого свойства умѣстнѣе говорить съ родителями, но отнюдь не съ дѣтьми. Чтобы понимать это, вовсе не надо быть педагогомъ; надо просто лишь обладать тѣмъ элементарнымъ тактомъ, въ силу котораго ни одинъ отецъ и ни одна мать не скажетъ своему ребенку:

— Когда пойдешь въ баню, не смѣй приглашать съ собою проститутокъ.

Чтобы оскорблять такимъ способомъ дѣтскую стыдливость, чтобы такимъ способомъ подстрекать дѣтскую мысль, нужны особыя качества, не свойственныя человѣку средняго типа. Бывали эти качества и раньше. Въ прежнихъ «дореволюціонныхъ» школьныхъ правилахъ встрѣчались порою напоминанія и указанія весьма не цѣломудреннаго свойства. Бывало и прежде, что оффиціальные насадители школьной нравственности обнаруживали особенную, ужъ слишкомъ неестественную склонность сочинять законы о тѣхъ «мерзостяхъ», о которыхъ, по слову апостола Павла, благоразумнѣе молчать. Но теперь эта черта проявилась, такъ сказать, во всероссійскомъ блескѣ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ небывалымъ по широтѣ единовременнымъ, оффиціальнымъ, предпринятымъ сразу во всей Великой, Малой и Бѣлой Руси походомъ на дѣтскую стыдливость, на естественое состояніе дѣтской мысли. И, какъ всероссійскій походъ на школьные нравы, это ново и заслуживаетъ вниманія.

III.

Эта особенность совѣщаній о школьной нравственности до извѣстной степени объясняется многообразіемъ административнаго вѣдѣнія. Одесскій генералъ Толмачевъ, между прочимъ, очень трогательно заботится о «правильной постановкѣ» «домовъ свиданій». Въ предѣлахъ того же г. Толмачева дѣйствовалъ «персидскій консулъ Зайченко», а когда былъ печатно обвиненъ въ развращеніи учениць, то нашелъ оффиціозную защиту и оффиціальную безнаказанность. Тому же г. Толмачеву поручено нынѣ пещись о нравственномъ состояніи школъ. Согласитесь, трудно и даже невозможно одному и тому же человѣку размежевать мысли о веселыхъ домахъ, о поддержаніи престижа г. Зайченко и о нравственности дѣтей. Нѣкоторая путаница понятій и смѣшеніе методовъ при такихъ обстоятельствахъ тѣмъ болѣе неизбѣжны, что столь разнородныя вещи сталкиваются не только въ административномъ мозгу, такъ сказать, умозрительно. Нынѣ мы вообще переживаемъ время чрезвычайныхъ административныхъ заботъ о веселыхъ домахъ. И не даромъ прошеніе одной предпринимательницы, поданное недавно вятскому подлежащему начальству, начинается сло-

вами: «по примѣру цивилизованныхъ губерній, по прибытіи моемъ въ г. Вятку я возымѣла намѣреніе открыть домъ свиданія, а потому имѣю честь..» («Сѣверъ», 3 октября). Губерніи наши помаленьку «цивилизуются». И, между прочимъ, по словамъ «Сѣвера», въ Новгородѣ «при участіи губернатора, открылось нѣсколько веселыхъ домовъ». И вотъ что по этому поводу сообщаетъ «Голосъ Москвы»:

Въ одинъ нелѣпый день на центральной улицѣ Новгорода публикѣ стали раздавать листки объявленія, извѣщающаго объ открытіи г-жею Герцогъ „веселаго дома". При извѣщеніи была помѣщена и такса для посѣтителей: короткій визитъ 1 руб., за перемѣну бѣлья 50 коп., ночь—по соглашенію. Разумѣется, печатаніе этого объявленія-прейскуранта должно было дѣлаться съ разрѣшенія начальства. Вопросъ разсматривался въ засѣданіяхъ мѣстной администраціи. Были даже пренія. Нѣкоторые находили таксу высокой. Авторитетный голосъ положилъ конецъ этимъ преніямъ разъясненіемъ, что намѣченная такса допускается только для лицъ интеллигентныхъ и состоятельныхъ, для солдатъ же будетъ другая, съ болѣе дешевыми цѣнами. Учрежденіе г-жи Герцогъ пріютилось не на краю города, какъ бываетъ обычно, а на одной изъ центральныхъ улицъ, въ виду церкви и поблизости интерната для молодыхъ дѣвушекъ *).

Повторяю, школьная нравственность не только въ административномъ мозгу переплетается съ прейскурантами веселаго дома. Оба эти «вопроса» сталкиваются даже географически, какъ «интернатъ», по сосѣдству съ которымъ новгородскимъ губернаторомъ «разрѣшено» учрежденіе г-жи Герцогъ. Между прочимъ, обыватели послали жалобу въ министерство внутреннихъ дѣлъ по поводу этого сосѣдства. Министерство «запросило мѣстную администрацію». Мѣстная администрація отвѣтила, что заведеніе г-жи Герцогъ открывается только по ночамъ, «когда дѣвушки въ интернатѣ должны уже спать». Вопросъ географическаго размежеванія рѣшается просто, такъ какъ однимъ и тѣмъ же лицамъ поручено писать правила и для веселыхъ домовъ, и для ученицъ: ученицамъ приказано спать именно съ того времени, съ какого учрежденію г-жи Герцогъ разрѣшено работать. Если обыватели дополнительно пожалуются, что учрежденіе г-жи Герцогъ слишкомъ шумитъ и мѣшаетъ уснуть, мѣстная администрація можетъ отвѣтить:

— Мѣры приняты, интернату приказано спать крѣпко, и съ 10 часовъ вечера до 6 часовъ утра ни въ какомъ случаѣ не просыпаться...

Въ странѣ, гдѣ институтъ помпадуршъ узаконенъ административнымъ обычаемъ, губернаторскими и генералъ-губернаторскими заботами о веселыхъ заведеніяхъ никого, конечно, не удивишь. И прежде не разъ бывало, что его превосходительство энергически облагоустраивало дома свиданій, но трудами на этомъ по-

*) Цит. по «Сѣверу», 20 сентября.

прищѣ, по крайней мѣрѣ, не хвастались, какъ нынѣ хвастается г. Толмачевъ. И раньше на губернскихъ небосклонахъ загорались звѣзды, въ родѣ новгородской г-жи Герцогъ, но до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, мѣстная власть не рекламировала ихъ съ такою откровенностью, какая проявлена въ Новгородѣ. Удивляться, положимъ, нечего, но нѣкоторой «эволюціи нравовъ» данной среды трудно не замѣтить. Дальше прежняго тутъ идутъ люди, ближе подошли къ лозунгу: «будемъ, какъ солнце»...

Мѣсяца два назадъ въ екатеринославскую губернскую земскую больницу была доставлена изъ мѣстной общины Краснаго Креста сестра милосердія Сорокина. У нея врачемъ обнаружены побои, потребовавшіе коечнаго лѣченія. Сорокина заявила, что её избила нѣкая графиня Ольга Капнистъ; заявленіе больной подтверждено свидѣтелями-очевидцами *). И въ связи съ этимъ эпизодомъ изъ человѣколюбивой дѣятельности Краснаго Креста открылись нѣкоторые порядки, установленные въ екатеринославской общинѣ. Между прочимъ, оказалось, что, по распоряженію графини Ольги Капнистъ, въ ея отсутствіе «фактически исполняетъ обязанности старшей сестры черкесъ, отъ котораго сестры милосердія получаютъ все необходимое, въ томъ числѣ чистое бѣлье для себя, при чемъ онъ контролируетъ, дѣйствительно ли сестрѣ нужно чистое бѣлье» **). Далѣе, по распоряженію гр. Ольги Капнистъ, вынуты замки изъ дверей всѣхъ комнатъ, гдѣ сестры милосердія спятъ; черкесу же предоставлены и возможность и право входить въ ихъ спальни во всякое время дня и ночи. Для удобства «контроля» самая комната черкеса помѣщена рядомъ со «спальнями и столовой сестеръ милосердія» ***). Подробности, какъ издѣвается черкесъ надъ подчиненными ему дѣвушками, какъ ругаетъ ихъ «неприличными словами», какъ появляется передъ ними «во всякое время въ самыхъ откровенныхъ костюмахъ», я опускаю. Сестры пытались протестовать и жаловаться. Но тѣхъ, кто протестовалъ и жаловался, прогнали изъ общины. Затѣмъ, когда всѣ эти обстоятельства были раскрыты мѣстной печатью, «предсѣдатель екатеринославскаго управленія Краснаго Креста», кн. Урусовъ напечаталъ въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (26 августа) заявленіе: «Я для возстановленія истины и дабы положить конецъ толкамъ, обратился къ губернатору съ просьбой назначить совершенно безпристрастное разслѣдованіе инцидента». Дѣйствительно, какъ только кн. Урусовъ «обратился къ г. губернатору», «толки» изъ мѣстной печати сразу исчезли. И нѣкоторыя лица, потрясенныя проскользнувшими разоблаченіями, вынуждены были искать другихъ путей «для защиты сестеръ и правды». Между прочимъ,

*) „Приднѣпр. Край", 17 августа.
**) „Южная Заря", 19 августа.
***) ibid.

обратились они и ко мнѣ съ заявленіями, что «безпристрастнымъ разслѣдователемъ инцидента» оказался самъ князь Урусовъ, а послѣ княжескаго слѣдствія «губернаторъ прислалъ помощника полицеймейстера», при чемъ этотъ второй безпристрастный разслѣдователь явился производить допросъ какъ разъ именно въ тотъ день, когда свидѣтели побоевъ, нанесенныхъ сестрѣ Сорокиной, были «поразосланы» графиней Ольгой Капнистъ въ разныя мѣста по служебнымъ надобностямъ и потому остались не допрошенными; впрочемъ, одна сестра все-таки дала показаніе не въ пользу графини, но, на другой же день послѣ этого, была уволена. Подала, между прочимъ, пострадавшая Сорокина жалобу въ судъ, но и тамъ, по мнѣнію лицъ, обратившихся ко мнѣ, «дѣло тормазится подъ давленіемъ свыше». Словомъ, передъ нами обычная картина «безпристрастія». И, признаюсь, не она собственно меня заинтересовала. Я письмомъ спросилъ у моихъ корреспондентовъ: «а что же черкесъ?» Они мнѣ также письмомъ отвѣтили:

«Черкесъ служитъ по прежнему, но на помощь ему теперь назначенъ стражникъ».

Совѣтъ министровъ въ своей прокламаціи по поводу студенческихъ волненій объявилъ «нелѣпыми предположенія объ измѣненіи правительствомъ своихъ воззрѣній и распоряженій подъ воздѣйствіемъ студенческихъ забастовокъ». Въ равной мѣрѣ, не станутъ же, въ самомъ дѣлѣ, и екатеринославскій губернаторъ, и «безпристрастный» кн. Урусовъ, и графиня Ольга Капнистъ измѣнять свое отношеніе къ женской стыдливости подъ воздѣйствіемъ разоблаченій и общественнаго мнѣнія. Тутъ рѣчь идетъ о престижѣ власти. Однако, представьте себѣ ту же хотя бы гр. Ольгу Капнистъ, все-таки женщину, подъ управленіемъ которой другія женщины и дѣвушки безпрекословно обязаны подчиняться «черкесу», когда тотъ желаетъ самолично «проконтролировать», нужно имъ или не нужно чистое бѣлье. Представьте эту, все-таки, повторяю, женщину, которая, когда странная роль черкеса разоблачена печатью, на помощь ему поставила стражника. Представьте и скажите: что это такое?

Я говорю: представьте... Но, въ сущности, обыватель, поскольку рѣчь идетъ не о гр. Капнистъ, а о нравахъ среды, многое знаетъ, представляетъ, а при случаѣ склоненъ даже дѣлать выводы. Вотъ теперь идетъ слѣдствіе по дѣлу 60-лѣтняго статскаго совѣтника Макарова, «примѣрнаго семьянина—какъ выразились «Ярославскія Губернскія Вѣдомости,—и полезнаго общественнаго дѣятеля», уличеннаго въ растленіи малолѣтнихъ сиротъ, призрѣваемыхъ въ рыбинскомъ пріютѣ вѣдомства императрицы Маріи. Мнѣ противно говорить о гнусныхъ подробностяхъ этого дѣла. И я позволю себѣ ихъ не касаться. Напомню лишь вкратцѣ, что «примѣрный семьянинъ и полезный общественный дѣятель» былъ директоромъ рыбинскаго пріюта 13 лѣтъ. «Поговаривали» о немъ давно, и настолько упорно, что самое слово: «*пріютскія*» (дѣвочки) получило

въ Рыбинскѣ особый смыслъ. Объ этомъ знали, но Макаровъ продолжалъ оставаться «примѣрнымъ семьяниномъ и полезнымъ дѣятелемъ», пока не появилась какая-то нянька, которая, по бабьему своему любопытству, подсмотрѣла въ щелку, чѣмъ занимается директоръ съ пріютскими дѣтьми, а увидавши картину, въ высшей степени гнусную, подняла шумъ и учинила скандалъ. Шумъ проникъ въ печать. Петербургская канцелярія вѣдомства учрежденій императрицы Маріи прежде всего потребовала исключить изъ пріюта двухъ дѣвочекъ, относительно которыхъ фактъ растленія директоромъ Макаровымъ удостовѣряется («Голосъ Москвы», 7 сентября). Кромѣ того, дѣвочки пріюта подвергнуты медицинскому освидѣтельствованію. И тогда газеты сообщили, ссылаясь на «освѣдомленные источники», что «слѣдствіе закончится на этихъ дняхъ» (Сѣверъ», 10 августа). Затѣмъ это освидѣтельствованіе признано почему-то спорнымъ. Рѣшили еще разъ освидѣтельствовать, чѣмъ былъ смущенъ даже «Голосъ Москвы», справедливо недоумѣвавшій, неужели распоряжающіеся судьбою пріютскихъ дѣтей не понимаютъ, что и одно освидѣтельствованіе столь спеціальнаго характера оставитъ въ ребенкѣ впечатлѣніе на всю жизнь, и что производить повторныя впечатлѣнія такого рода равносильно легкомысленному отношенію къ дѣтской стыдливости. Далѣе оказалось, по словамъ того же «Голоса Москвы», что рѣшено еще допросить «прислугу, уволенную изъ пріюта въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и неизвѣстно гдѣ находящуюся», вообще же «слѣдствіе затянется на очень продолжительное время» — быть можетъ, вплоть до прекращенія дѣла за смертію обвиняемаго, которому все-таки больше 60 лѣтъ отъ роду. Могутъ быть разныя мнѣнія объ этихъ прозрачныхъ газетныхъ намекахъ на возможность, что затяжка есть цѣль, а между прочимъ, повторныя освидѣтельствованія дѣтей — одно изъ средствъ. Но намеки эти безусловно заслужены средой, доведшей дѣло до того, что единственною дѣйствительною защитницею пріютскихъ дѣтей оказалась случайная нянька, которая не побоялась произвести скандалъ.

Особенная, повторяю, это среда. И не мудрено, если редакторамъ новѣйшихъ ученическихъ правилъ оказалось нѣсколько чуждо то деликатное отношеніе къ дѣтямъ, при которомъ немыслимы ни варшавская нечистоплотная нагота, ни ростовскія, столь же нечистоплотныя, иносказанія. Свое умонаклоненіе эта среда на бумагѣ запечатлѣла. Теперь ей поручено осуществлять дѣйствительное наблюденіе за нравственностью учащихся. И трудно думать, что то же умонаклоненіе не будетъ запечатлѣно и въ жизни. Въ газетахъ уже появились свѣдѣнія, заставляющія догадываться, что изъ этого можетъ выйти. Передаю вкратцѣ одинъ изъ екатеринославскихъ инцидентовъ, какъ онъ разсказанъ въ харьковской газетѣ «Утро». Разсказъ начинается тѣмъ, что вечеромъ по улицѣ скромно шла гимназистка въ форменномъ платьѣ:

Было „уже пять минутъ девятаго", а, по правиламъ внѣшкольнаго надзора, 8 часовъ есть предѣльная норма для появленія на улицахъ. Дѣвушку остановилъ первый попавшійся на пути городовой.

— Гимназистка?

— Гимназистка.

— Предъявите билетъ!

— У меня нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— Намъ еще не выдавали.

— Пожалуйте въ участокъ.

Арестовали гимназистку и отправили подъ конвоемъ городового въ участокъ. Изумленіемъ и понятной растерянностью провожали и встрѣчали это шествіе прохожіе. На ряду съ соболѣзнованіями раздавались грязныя шутки и грязныя предположенія встрѣчныхъ... Въ участкѣ сняли допросъ и услышали все тотъ же отвѣтъ: „намъ еще не выдавали билетовъ". Это и подтвердилось впослѣдствіи. Гимназистку отпустили.

Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ признаковъ дѣйствительной заботливости о поднятіи нравственнаго уровня настолько опредѣленное, что въ томъ же Екатеринославѣ губернаторъ счелъ долгомъ «разъяснить» приказъ о «внѣклассномъ надзорѣ за учащимися». Упомянувъ, что этотъ приказъ изданъ собственно не имъ, а вице-губернаторомъ, губернаторъ пишетъ: «Мною предоставляется право лишь класснымъ чинамъ полиціи, въ случаѣ нарушенія... правилъ учащимися, требовать отъ нихъ предъявленія билетовъ». Однако,—говоритъ губернаторъ,—«въ случаѣ нарушенія обязательныхъ постановленій», могутъ «требовать и городовые». Вина за содѣянное такимъ образомъ сваливается на вице-губернатора. Но обывателя это «разъясненіе», ничего въ сущности не измѣняющее, едва-ли успокоитъ. И г-нъ А. Ст—нъ въ «Новомъ Времени» счелъ долгомъ выдвинуть примиряющую точку зрѣнія. Ссылаясь на газетную вырѣзку объ арестѣ гимназистокъ, подобномъ екатеринославскому, г. А. Ст—нъ пытается отнестись къ дѣлу юмористически: ну, молъ, ученицы немного поплакали по дорогѣ въ участокъ, немножко посидѣли тамъ, пока придетъ приставъ ихъ допросить, но вѣдь недоразумѣніе выяснилось, это во-первыхъ, а, во вторыхъ, вѣдь участокъ есть правительственное учрежденіе, городовой—правительственный агентъ; какой вредъ можетъ произойти, если ученица или ученикъ пробудутъ нѣсколько минутъ или даже нѣсколько часовъ въ правительственномъ учрежденіи въ обществѣ правительственныхъ агентовъ?

И дѣйствительно, вотъ если бы ученица или ученикъ, вопреки правиламъ, посидѣли нѣсколько минутъ или—Боже избави!—нѣсколько часовъ въ земскомъ собраніи, тогда нравственности угрожала бы серьезная опасность. Но посидѣть въ русскомъ участкѣ, поглядѣть на его обычную публику, увидѣть, какъ тамъ съ нею обращаются,—это даже полезно, хотя я и не увѣренъ, что скажетъ г. А. Ст—нъ, если такого рода наглядному обученію подвергнется его дочь, или его сынъ. А это послѣднее очень воз-

можно: не разберешь вѣдь, особенно если вечеромъ, которая дочь мѣщанки Ивановой, и которая внучка предсѣдателя земской управы, падчерица прокурора или племянница министра. «Форма» на всѣхъ гимназическая. Конечно, «агенты правительства» постараются различать «сортъ дѣтей» и, навѣрное, будутъ дѣлать это съ такимъ же остроуміемъ, съ какимъ прибалтійскій генералъ Меллеръ-Закомельскій борется съ революціоннымъ принципомъ равноправія, ради чего даже отмѣняетъ временно собственныя обязательныя постановленія, если они угрожаютъ непріятностью благороднымъ лицамъ *). Но «ошибки» все-таки возможны. И легко понять, что такіе эпизоды, какъ арестъ дѣтей на улицѣ впредь до выясненія личности въ участкѣ,—лишь цвѣтки. Ягодки впереди. Отъ новгородскихъ друзей г-жи Герцогъ, когда они серьезно захотятъ воспользоваться своими новыми правами надъ учащейся молодежью обоего пола, можно ждать большой предпріимчивости. И едва-ли есть хоть какая-нибудь надежда, что дѣло обойдется безъ приключеній, болѣе или менѣе острыхъ. Конечно, если друзья г-жи Герцогъ, эти, такъ сказать, истинно-русскіе герцоговинцы, будутъ насаждать нравственность, а обыватель помалкивать, надеждамъ прожить по примѣру прошлаго года въ спокойной «законодательной работѣ Думы и кабинета» съ этой стороны ничто не угрожаетъ. Но кто поручится, что обыватель будетъ помалкивать?

Одинъ изъ новгородскихъ герцоговинцевъ недавно разъяснилъ обывателямъ:

Я могу послать полицію въ любой частный домъ съ приказаніемъ просидѣть столько-то часовъ. Хозяинъ дома придетъ за объясненіемъ, а я скажу: такъ надо; жалуйтесь,—я дамъ объясненіе („Рѣчь“, 5-го октября).

Обыватель ворчитъ по поводу этой усовершенствованной постановки вопроса о неприкосновенности жилищъ, но не слишкомъ. Ворчитъ обыватель и по поводу открытыхъ герцоговинцами веселыхъ домовъ, но опять-таки не слишкомъ громко. Но если герцоговинцы со свойственною имъ прямотою поступковъ начнутъ, распространяя одною рукою рекламы и прейскуранты веселыхъ

---

*) По словамъ „Рѣчи“, съ бар. Меллеръ-Закомельскимъ случилось, между прочимъ, слѣдующее. „Въ январѣ 1907 г. онъ издалъ обязательное постановленіе о преданіи виновныхъ въ оскорбленіи должностныхъ лицъ“. Но вслѣдъ затѣмъ къ нѣкоему барону Штакельбергу явилось должностное лицо—судебный приставъ для взысканія по исполнительному листу. Бар. Штакельбергъ разсердился и нанесъ приставу оскорбленіе. Выходило, что барона Штакельберга надо предать военному суду. Въ такой крайности баронъ Меллеръ-Закомельскій отмѣнилъ свое обязательное постановленіе; а черезъ нѣсколько дней, когда дѣло объ оскорбленіи пристава перешло въ гражданскій судъ, обязательное постановленіе снова было объявлено вошедшимъ въ законную силу („Рѣчь“, 20 сентября).

домовъ, другою—осуществлять свои новѣйшія права надъ учащимися обоего пола, не переполнится ли тогда долготерпѣніе обытеля, задѣтаго въ своихъ родительскихъ чувствахъ? А что если, въ самомъ дѣлѣ, средняя школа опять выскочитъ на большую дорогу и притащитъ съ собою вопросы объ административныхъ правахъ и обычаяхъ, о насажденіи веселыхъ домовъ и о многомъ другомъ, съ чѣмъ она такъ затѣйливо переплелась, особенно благодаря новѣйшимъ мѣропріятіямъ двухъ министерствъ? Хуже вѣдь всего, что средняя школа собственно деталь; эти новѣйшія мѣропріятія собственно лишь примѣръ, до чего далеко зашли авангарды реакціи. До того далеко, что даже ни съ чѣмъ несообразно. Слишкомъ рискованныя позиціи заняты. И защищать-то ихъ трудно, почти невозможно. И свойство этихъ позицій таково, что занявшему ихъ нельзя не ждать контръ-атаки. Можно бы для сравненія напомнить позицію, занятую синодомъ по случаю толстовскаго юбилея, или кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ. Можно бы напомнить и многія другія авангардныя наступленія, по поводу которыхъ морщится и охаетъ даже «Голосъ Москвы». И позиціи-то, повторяю, безнадежны, и контръ-атаки неизбѣжны. И хотя неизвѣстно, гдѣ онѣ начнутся и когда, но не безъ основанія скулятъ гг. Меньшиковы: «Осень 1908 обѣщаетъ быть тревожной». Объективныя «тревоги»—въ рудѣхъ Божіихъ: можетъ, и близка напасть, по грѣхамъ нашимъ, а можетъ быть... «долго терпѣливъ вѣдь и многомилостивъ Господь». Что же касается «тревоги» субъективной,—трудно, невозможно г-дамъ Меньшиковымъ не подражать некрасовской старухѣ: «охаетъ, мечется по печи, мается... ждетъ,—не поютъ пѣтухи? Вся-то ей грѣшная жизнь представляется, все-то грѣхи, да грѣхи. Охти мнѣ, охъ,—угожу въ преисподнюю»...

IV.

Появились заголовки въ газетахъ: «финансовый кризисъ земства». А по отношенію къ нѣкоторымъ земствамъ,—напримѣръ, новгородскому, «Рѣчь» сочла необходимымъ примѣнить терминъ: «крахъ».

„Несмотря на различные циркуляры,—суммируетъ „Сѣверъ“ (25-го сентября)- въ земскія кассы поступаетъ мало денегъ. Земскія кассы въ большинствѣ поволжскихъ, среднихъ и южныхъ губерній опустѣли... истощены до невѣроятной степени. Учителямъ жалованье не выплачивается по нѣсколько мѣсяцевъ. Земскія дороги пришли въ упадокъ. Больницамъ не отпускаютъ въ долгъ лѣкарства“.

Это общая характеристика. А вотъ нѣкоторыя детали:

За послѣдніе 3 года,—говоритъ „Смоленскій Вѣстникъ“ (17-го сентября),—смоленской губернской земской управѣ пришлось для выполненія смѣты прибѣгнуть къ позаимствованію изъ государственнаго банка.

(подъ залогъ процентныхъ бумагъ) въ размѣрѣ 957,2 тысячъ рублей... На текущій 1908 годъ осталось возможнымъ занять подъ то же обезпеченіе лишь 124,2 тыс. руб. Между тѣмъ, вся сумма займа, необходимаго для покрытія расходовъ 1908 г., должна выразиться, по разсчету управы, цифрою не менѣе 500 тыс. руб.

Какіе именно капиталы смоленское губернское земство хранило въ процентныхъ бумагахъ, мѣстная газета не разъясняетъ. Она беретъ общій итогъ: вся залоговая стоимость капиталовъ ушла на текущіе расходы «трехъ послѣднихъ лѣтъ», теперь не хватаетъ около 375 тыс. рублей. И взять эту сумму негдѣ:

Платежи уѣздныхъ земствъ не покрываетъ даже 1/3 ежегоднаго оклада губернскихъ повинностей... Не только нечего мечтать о погашеніи (уѣздными земствами) губернской недоимки, но можно заранѣе предвидѣть дальнѣйшее возрастаніе ея. По крайней мѣрѣ, за послѣднее пятилѣтіе эта недоимка не только росла въ общей суммѣ, но каждый годъ увеличивалась въ большемъ размѣрѣ по сравненію съ предыдущимъ *).

Точно также ярославскому губернскому земству уѣздныя задолжали «свыше 1.300.000 р.» и приступить къ взысканію этой суммы— значитъ разорить земства» **). Новгородскимъ губернскимъ земствомъ «всѣ просьбы уѣздныхъ земствъ оставляются безъ удовлетворенія, такъ какъ само губернское земство не имѣетъ возможности своевременно производить выдачу жалованья служащимъ, поставщикамъ медикаментовъ, посредникамъ по работамъ и другимъ кредиторамъ...; поставлено въ затруднительное положеніе въ отношеніи... выдачи пожарныхъ убытковъ; кромѣ того, ему предстоятъ расходы на мѣры противъ холеры»...***) Въ самарскомъ губернскомъ земствѣ «положеніе тяжелое»: «наложенъ арестъ на всѣ текущія поступленія, вслѣдствіе неуплаты ссуды въ размѣрѣ 200,000 р.» («Сѣверъ», 28 сентября). О финансовомъ состояніи губернскихъ земствъ мы узнаемъ подробнѣе, когда начнутся очередныя губернскія сессіи. Относительно же уѣздныхъ земствъ надо сказать, что именно очередныя уѣздныя земскія собранія и послужили поводомъ примѣнить слова: кризисъ и крахъ. И, дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями похоже на крахъ.

Вольское, напр., земство (Саратовской губ.) до 1899 г. имѣло «сносные финансы». На 1 января 1900 г. появился дефицитъ 5665 р. Въ настоящее время дефицитъ 154.865 р. Въ 1907 г. вольское земство имѣло долгу частнымъ лицамъ свыше 94.000 р. Платитъ оно кредиторамъ теперь «по 8, 9, 10 и даже по 12 процентовъ».«Многіе,—жалуется управа,—кредитовали земство изъ 7 и 8 процентовъ, а теперь ужъ перешли на 10 процентовъ». «Приходится совершать краткосрочные займы, напр., на уплату дол-

*) «Смолен. Вѣст.», 17 сент.
**) „Рѣчь", 2 окт.
***) „Рѣчь", 3 окт.

говъ учебнымъ заведеніямъ». Но возможные источники использованы. Нынѣ необходимо «немедленно занять у правительства 72.637 р.» Въ противномъ случаѣ, заявилъ предсѣдатель управы собранію, «придется закрывать все дѣло» *). Слободское земство проситъ у правительства (въ ссуду) 63 тыс. р., Симферопольское—100 тыс. **), новгородское (уѣздное) — «хотя бы 2000 р.» (у губернскаго земства). Въ старорусскомъ земствѣ «касса пуста, поступленій никакихъ нѣтъ и въ ближайшемъ будущемъ совершенно не предвидятся, служащіе не получаютъ жалованья за іюнь—іюль (въ сентябрѣ), учителямъ не на что выѣхать къ мѣсту службы; боровичскому земству не на что выкупить медикаменты; бѣлозерское не имѣетъ средствъ вести хозяйство, двѣ больницы бездѣйствуютъ, служащіе не получаютъ жалованья мѣсяцами; череповецкое «находится положительно безъ средствъ»... ***).

Крахъ во многихъ мѣстахъ. А гдѣ онъ еще не наступилъ, тамъ земскую свѣчку лихорадочно торопятся сжечь. Елисаветградское, напр., земство, въ цѣляхъ «охраненія порядка» (этотъ мотивъ былъ высказанъ вполнѣ откровенно) рѣшило «устроить телефонную сѣть». По смѣтѣ расходъ на устройство телефона исчисленъ въ 255 тысячъ руб. Но денегъ нѣтъ. И предсѣдатель собранія, г. Варунъ-Секретъ, предложилъ: во первыхъ, сдѣлать позаимствованіе изъ дорожнаго капитала, а во вторыхъ, отказаться отъ дорожныхъ сооруженій на 5 лѣтъ:

«Отсутствіе хорошихъ дорогъ и мостовъ,—заявилъ онъ, по словамъ «Одесс. Нов.»—не составляетъ особаго лишенія для населенія. Вѣдь обходилось же оно до сихъ поръ безъ мостовъ,—значитъ обойдется и дальше».

Собраніе постановило: просить о разрѣшеніи займа подъ дорожный капиталъ, «поручить управѣ представить чрезвычайному земскому собранію свои соображенія относительно изысканія средствъ на устройство телефона и возбудить ходатайство передъ правительствомъ объ участіи его въ дѣлѣ осуществленія телефонной сѣти въ уѣздѣ»...****).

Обсуждая «тяжелое матеріальное положеніе земствъ», «Рѣчь» пишетъ:

«Причины его лежатъ не въ отсутствіи у населенія доброй воли къ платежу земскихъ сборовъ и даже не въ упадкѣ экономическаго благосостоянія народныхъ массъ, а въ неправильномъ построеніи системы мѣстнаго обложенія» («Рѣчь», 2 октября).

Мы не знаемъ, почему к.-д. офиціозъ, признавая одну общую причину—«неправильное построеніе системы мѣстнаго обложенія»,

---

*) „Сарат Листокъ“, 24 сент.

**) „Рѣчь“, 2 октября.

***) „Рѣчь“, 3 октября.

****) „Одесс. Нов“., 25 сент.

слишкомъ смѣло и слишкомъ бездоказательно полуотрицаетъ значеніе другой общей причины,—«упадокъ экономическаго благосостоянія экономическихъ массъ»—признаваемой нынѣ, по скольку дѣло касается общегосударственнаго финансоваго кризиса, даже г. Коковцовымъ. Еще меньше можно понять, почему «Рѣчь» останавливается только на причинахъ хроническихъ и не хочетъ замѣтить причинъ острыхъ.

Прошлогоднія сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній—вспоминаютъ „Кіевскія Вѣсти"—прошли подъ знакомъ „борьбы съ преступностью". Огромное большинство земствъ ассигновало болѣе или менѣе крупныя суммы на усиленіе явной и тайной полиціи, на приглашеніе казаковъ, осетинъ и прочихъ кавказскихъ горцевъ, зарекомендовавшихъ себя въ указанной борьбѣ, на пособіе сельскимъ обществамъ, въ ихъ расходахъ на высылку „порочныхъ членовъ" и т. д. („Кіев. Вѣсти", 19 сент.)

Много тутъ плакали земскія денежки. Въ Екатеринославской и Херсонской, напр., губерніяхъ—напоминаетъ другая провинціальная газета, харьковское «Утро»,—нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земствъ чуть не всѣ свои ассигновки... назначали на усиленіе полицейской охраны, почти уничтоживъ или сокративъ до минимума отпускъ средствъ на культурныя учрежденія, какъ школы, библіотеки, больницы, читальни и т. п.» *) Отъ уѣздныхъ земствъ не отставали губернскія...

Но не тутъ только плакали земскія денежки «за три послѣдніе года», съ тѣхъ поръ, какъ русскій земецъ частью превратился въ перепуганнаго помѣщика, частью былъ вытѣсненъ перепуганнымъ помѣщикомъ. Много значитъ истинно-русская система хозяйничанія, водворившаяся въ земствѣ, когда оно откровенно превратилось въ органъ помѣщичьей самообороны. Можно бы напомнить газетныя извѣстія, аналогичныя недавней телеграммѣ изъ Твери: «уѣздное земское собраніе, за отсутствіемъ законнаго числа гласныхъ, закрылось; расходная смѣта осталась не разсмотрѣнной» **). Можно бы не мало разсказать о системѣ оплачивать страховые убытки помѣщиковъ, пострадавшихъ отъ аграрныхъ волненій. Можно бы напомнить и о пособничествѣ роднымъ человѣчкамъ, о перерасходахъ, о прямыхъ хищеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, не меньше значило массовое изгнаніе «неблагонадежнаго третьяго элемента», которымъ собственно и держалось земское дѣло; теперь вѣдь владычествуютъ тѣ самые представители «очаговъ культуры», коимъ недавно въ бахмутскомъ, напр., земскомъ собраніи предсѣдатель управы самымъ серьезнымъ образомъ доказывалъ, что хотя статистика и страшное слово, способное привести въ трепетъ, но и совсѣмъ обойтись безъ статистики невозможно. Наконецъ, нельзя не учитывать и того опустошенія, какое произве-

*) «Утро», 17 сент.
**) „Рѣчь", 3 окт.

дено за три года перепуганнымъ помѣщикомъ, съ такою ревностью обрушившимся на школы, читальни, библіотеки, даже больницы, даже дороги, словно самое существованіе ихъ было для него личнымъ оскорбленіемъ. Экономическое послѣдствіе этой борьбы перепуганнаго помѣщика съ культурными учрежденіями сказалось еще не вполнѣ. Пока, въ смыслѣ деревенскаго раззоренія, быть можетъ, сильнѣе чувствуются нагнанные земствами ингуши и лезгины, сумѣвшіе за полтора-два года наживать по нѣсколько сотъ рублей сбереженій. Еще больше помогла насажденная при ближайшемъ участіи земствъ, а иногда и по ихъ иниціативѣ система деревенскаго шпіонства съ ея доносами, арестами, вымогательствомъ, раззореніемъ цѣлыхъ семей, взаимными крестьянскими поджогами на почвѣ мести, съ ея приспособленностью организовывать и прикрывать разныя темныя дѣла, о которыхъ кое-какое понятіе можетъ дать недавно раскрытое преступленіе одного лѣсопромышленника курской губерніи: онъ нанялъ шайку поджигателей и въ теченіе двухъ лѣтъ занимался поджогомъ крестьянскихъ строеній съ единственною цѣлью — повысить спросъ на лѣсные матеріалы. (Аналогичное дѣло въ концѣ сентября возникло въ Борзенскомъ у., Черниговской губ., по обвиненію управляющаго помѣщичьей экономіей въ организаціи поджоговъ. См. «Кіевъ. Вѣсти», 27 сент.). Деревню раззоряли, конечно, причины общегосударственнаго порядка. Но политика земствъ помогала раззорять. И за послѣдніе 3—4 года земства не мало потрудились, чтобъ подрыть корни того дерева, плодами котораго они жили.

Знаю,—не всѣ земства полностью превратились въ органы дворянской самообороны, въ опорные пункты охраннаго отдѣленія. Сохранились и доселѣ земства другого рода, старавшіяся держаться того стараго типа дѣятельности, который создалъ земству популярность въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Да и въ откровенныхъ органахъ дворянской самообороны, какимъ стало, наприм., земство Екатеринославской, Полтавской или Курской губ., не все походитъ на охранное отдѣленіе. Земская дѣятельность нынѣшняго революціоннаго періода, въ сущности, очень пестра и многогранна. Но, въ данномъ случаѣ, я беру лишь господствующій типъ и преобладающую тенденцію. Господствуетъ же съ 1906 года и по сей день именно земство—органъ дворянской самообороны. Именно земство—опорный пунктъ борьбы съ революціей—все это время играло и продолжаетъ играть крупную политическую роль, какъ помощникъ совѣта министровъ. Другого рода земство, земство, которому правительство недавно запретило обсуждать школьный проектъ лиги образованія, съ 1906 г. и по сей день—въ меньшинствѣ, живетъ безъ опредѣленной политической цѣли, подобно актеру съ ангажементомъ, но безъ роли; его задача въ лучшихъ случаяхъ сводится къ тому, чтобы сохранить наслѣдство, уберечь, елико

возможно, остатки, отсидѣться въ окопахъ до благопріятнаго поворота событій.

Господствующій нынѣ земецъ—это, прежде всего, защитникъ исконныхъ правъ первенствующаго сословія, защитникъ дворянскаго землевладѣнія, ради чего онъ и выступилъ, какъ активный борецъ съ крамолой и революціей. И насъ въ данное время интересуетъ не столько нравственный и культурный обликъ воинствующаго земца, сколько то, чего онъ достигъ, какіе у него виды на будущее, какого, наконецъ, онъ самъ на этотъ счетъ мнѣнія.

Недавно «дворянинъ Смоленской губ. Павелъ Гернъ» въ мѣстномъ «Вѣстникѣ» высказалъ по этому поводу свои не лишенныя интереса соображенія. Раны и потери дворянства за послѣдніе годы велики, но г. Павелъ Гернъ озирается назадъ, подсчитываетъ 25-лѣтніе итоги и вотъ что находитъ. Въ 1880 году дворянское землевладѣніе занимало почти 40 процентовъ общей площади губерніи, теперь немногимъ больше 18. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ потери еще болѣе тяжки. Въ порѣчскомъ, напримѣръ, уѣздѣ дворянство въ 1880 г. имѣло почти 37 процентовъ, въ 1907 г. осталось 13, въ рославльскомъ было свыше 40 процентовъ, стало 15.. Не менѣе значительно вымираніе «цензовыхъ дворянъ». Въ 1883 г. Смоленская губернія имѣла 1339 дворянъ, владѣющихъ земельнымъ цензомъ. Въ 1907 году ихъ осталось всего 522. Это именно вымираніе. Дворянство, напр., бѣльскаго уѣзда за 24 года потеряло свыше 82 процентовъ своего состава, рославльское дворянство потеряло за то же время 76 процентовъ своего состава, въ сычевскомъ уѣздѣ осталось всего 20 дворянъ, владѣющихъ цензомъ, а самый многодворянскій уѣздъ—смоленскій, хотя и насчитываетъ 75 «цензовыхъ дворянъ», но изъ этого числа 17 цензовъ приходится на городскія имущества. Такимъ образомъ, «Смоленскую губернію,—дѣлаетъ выводъ г. Гернъ,—уже нельзя называть дворянскою».. Въ виду этого,—говоритъ онъ,—и естественнаго хода событій, понуждающаго дворянъ къ (дальнѣйшей) ликвидаціи своей земельной собственности, кажется, о принудительномъ отчужденіи дворянской земли въ Смоленской губерніи не должно быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что за годы 1907—1908, т. е. послѣ полученія вышепомѣщенныхъ данныхъ, значительная часть принадлежавшей (въ началѣ 1907 г.) дворянству земли уже перешла въ другія руки» *)...

Не лишне, пожалуй, напомнить вкратцѣ, что цифры, приводимыя г. Герномъ относительно Смоленской губерніи, въ сущности, не представляютъ чего-либо исключительнаго. Вообще въ центральномъ районѣ за время съ 1877 г. по 1905 г. дворянское землевладѣніе потеряло около 44 процентовъ (въ 1877 г. занимало 29,9 процентовъ общей площади, въ 1905 г.—только 16,7). Въ средневолжскомъ оно сократилось почти въ 2 раза, въ южно-степномъ

*) „Смоленскій Вѣстникъ“, 4 сентября.

почти въ 3 раза *). Годы же 1905—1907 г. были, какъ извѣстно, исключительными по массовой ликвидаціи «наслѣдственныхъ маетностей»... Подводя балансъ мобилизаціи дворянскихъ земель: г. Евг. Фортунатова пишетъ въ сборникѣ «Борьба за землю», «Не прошло и полувѣка съ момента освобожденія крестьянъ, какъ больше половины дворянскаго землевладѣнія исчезло съ лица русской земли. При этомъ и остающаяся меньшая доля ликвидируется съ такой лихорадочной быстротой, что если дѣло будетъ идти и впредь тѣмъ же темпомъ (какъ, напр., въ 1906 г.), то черезъ 5—6 лѣтъ въ Россіи исчезнутъ послѣдніе остатки исторически-сложившагося захватнаго землевладѣнія» **). «Темпъ» 1906 г., когда крестьянскій банкъ игралъ съ исключительнымъ азартомъ, трудно брать за образецъ. И срокъ «5—6 лѣтъ», быть можетъ, нѣсколько поспѣшенъ. Но это къ слову. Вообще же, повторяю, я хочу лишь напомнить, что цифры г. Герна имѣютъ не мѣстное только значеніе. «Оскудѣніе» дворянства само по себѣ фактъ общеизвѣстный, и для насъ интересно, какой выводъ дѣлаетъ изъ этого факта смоленскій дворянинъ.

«Дворянство,—говоритъ онъ,—уже не можетъ сохранить въ губерніи свое первенствующее положеніе, опираясь только на свое землевладѣніе, которое должно въ непродолжительномъ времени еще убавиться и сохраниться только за особыми счастливыми единицами и людьми, которые при серьезной подготовкѣ посвятятъ себя исключительно земледѣлію... Никакими искусственными мѣрами своего землевладѣнія не удержитъ» ***).

И потому еще «никакими искусственными мѣрами не удержитъ», что, «помимо задолженности дворянъ Смоленской губерніи въ разныхъ обществахъ и частныхъ банкахъ», существуетъ задолженность дворянскому банку, начавшая усиленно расти съ 1897 г., возросшая за 8 лѣтъ (1897—1905) на 35,6% и продолжающая расти по сей день. При этомъ «число заложенныхъ десятинъ уменьшается ****), но лежащій на нихъ долгъ возрастаетъ, т. е. выясняется все большее и большее обремененіе дворянской земли долгами». Но тутъ опять, пожалуй, не лишне напомнить вкратцѣ нѣкоторыя цифры и обстоятельства общаго значенія. За первыя 30 лѣтъ по отмѣнѣ крѣпостного права средняя подесятинная задолженность дворянской земли возросла всего на 68% (лежало на десятинѣ долгу въ 1861 г.—5 р., въ 1890—8 р. 40 коп.) за слѣдующее десятилѣтіе, 1890—1900 гг., она возрастаетъ на 245%

*) „Смол. Вѣст.", 4 сентября.

**) Пользуюсь подсчетомъ, произведеннымъ составителями сборника „Борьба за землю", стр. 332.

***) Ibid., стр. 264.

****) Уменьшается въ абсолютныхъ цифрахъ, сообразно потерямъ дворянскаго землевладѣнія. Процентное же отношеніе заложенной земли къ общей площади наличнаго дворянскаго землевладѣнія растетъ. *А. П.*

(съ 8 р. 40 коп. на десятину до 29 р.), при чемъ уже въ 1900 г. мѣстами платежи по ссудамъ стали поглощать 40 процентовъ дохода съ земли *). Дворянскіе убытки во время первыхъ аграрныхъ вспышекъ 1902 г. велѣно было взыскать съ крестьянъ. И, быть можетъ, не одному мнѣ памятно, въ какое веселое настроеніе сумѣли придти по этому случаю нѣкоторые дворяне. Я лично, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ (въ Екатеринославской губ.) субъектовъ, которые съ хохотомъ говорили:

— Расцѣнка хорошая... Молебенъ за мужиковъ отслужу, если они у меня въ экономіи бунтъ устроятъ...

Однако, этотъ разсчетъ оказался столько же наивенъ, сколько и циниченъ. Аграрное движеніе, въ формѣ открытыхъ нападеній скопомъ на помѣщичьи усадьбы, шло, повышаясь, достигло въ 1905 г. максимума, привело къ физической невозможности не только получить прибыль при взысканіи убытковъ съ крестьянъ, но и возмѣстить потери. Массовое уничтоженіе инвентаря, построекъ, запасовъ кое-какъ было сглажено отсрочками платежей, льготами, пособіями. Оскудѣвшее дворянство было щедро поддержано. Но все-таки событія 1902—1905 г. привели его къ еще большему оскудѣнію и еще большей задолженности. Помѣстное дворянство за земскій счетъ организовало охрану. 1906 г., вмѣсто аграрныхъ нападеній скопомъ, принесъ максимальное напряженіе волны сельскохозяйственныхъ забастовокъ. Былъ экстренно выработанъ чисто драконовскій «законъ» о сельскихъ забастовкахъ. Были предприняты еще болѣе драконовскія мѣры административнаго воздѣйствія. Забастовочная волна, въ ея обычныхъ и предусмотрѣнныхъ закономъ формахъ, стихла. За то началась полоса тайныхъ поджоговъ, неуслѣдимой, никакими законами не предусмотрѣнной порчи инвентаря. Объ этомъ сначала кричали. Но слишкомъ кричать тоже нехорошо. Вверху стоящимъ все-таки въ концѣ концовъ нужно показать, что ихъ трудами благополучіе, хотя бы и относительное, возстановлено. Внизу—дали себя знать разныя тонкости гражданскаго процесса въ случаѣ взысканія убытковъ за сгорѣвшее имущество по страховому полису. Въ протоколахъ о пожарахъ «поджогъ злоумышленниковъ-крестьянъ» смѣнился «неизвѣстными причинами». Мѣстныя газеты, памятуя, что всякое извѣстіе, несогласное съ полицейскимъ протоколомъ и почему-либо невыгодное власть или вліяніе имущимъ, есть распространеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ, умолкли. Но и до сихъ поръ сквозь строжайшій карантинъ прорываются такія, напр., замѣтки:

„Въ Кіевской губ., по донесеніямъ начальниковъ уѣздной полиціи, за послѣднее время участились поджоги у помѣщиковъ. Поджигаются, главнымъ образомъ, сѣно, хлѣбъ и т. п. Въ виду этого, сдѣлано распоряженіе о принятіи энергичныхъ мѣръ" **).

*) Борьба за землю", стр. 250.

**) Харьковское „Утро", 19 августа.

„Въ Саратовскомъ уѣздѣ погорѣло много свѣжаго хлѣба. Убытокъ свыше 25000 р.... Предполагаютъ поджогъ крестьянами изъ мести" *).

Неуслѣдимая и неуловимая порча инвентаря идетъ своимъ чередомъ. А, помимо этихъ формъ движенія, родилось нѣчто иное, быть можетъ, болѣе грозное и больнѣе бьющее въ корень. Мнѣ ужъ приходилось отмѣчать, напр., непривычное и не предполагавшееся до сихъ поръ отношеніе крестьянъ къ земельной арендѣ (см. мою замѣтку: «Въ глухомъ переулкѣ», «Русское Богатство», іюль, 1908 г.). Мужикъ сталъ отказываться отъ арендъ на прежнихъ, освященныхъ привычкою, условіяхъ. Отъ помѣщика потребовалось переходить къ самостоятельному хозяйству, т. е. расширять или пріобрѣтать наново инвентарь, для каковой надобности у массоваго помѣщика, оскудѣвшаго, задолженнаго, еле-еле сводящаго концы съ концами, нѣтъ средствъ. Нашелъ мужикъ у барина и другія уязвимыя мѣста. Доселѣ въ огромномъ числѣ случаевъ онъ работалъ на барскихъ поляхъ, получая разсчетъ соломой, сѣномъ, валежникомъ въ лѣсу, вообще натурой, иногда просто въ долгъ, иногда въ счетъ платы за аренду земли. Этотъ порядокъ установился частью, какъ пережитокъ крѣпостныхъ временъ, частью по той причинѣ, что, обыкновенно, баринъ бываетъ при деньгахъ лишь послѣ реализаціи урожая. Тутъ онъ платитъ долги, проценты, закупаетъ, немножко вознаграждаетъ себя за воздержаніе въ періодъ безденежья, и ко времени лѣтнихъ полевыхъ работъ у него остается не столько свободная наличность, сколько надежды на реализацію новаго урожая. Такъ ужъ у насъ искони повелось. Таковъ нашъ обычай. Но въ послѣднее время мужикъ вдругъ сталъ требовать разсчета наличными и при томъ немедленно. «Проработали день—вечеромъ деньги подай». Въ худшихъ случаяхъ это повело къ тому, что скошенный машинами хлѣбъ проросъ и погнилъ въ поляхъ, а то и вовсе остался не скошеннымъ. Въ лучшихъ случаяхъ, удалось лѣтомъ занять для разсчета, но цѣною какихъ процентовъ!..

Поджоги, нарочитую порчу и многія иныя деревенскія «средствія» можно бы, пожалуй, выносить довольно долго, конечно, при помощи льготъ, отсрочекъ и цѣною повышенія задолженности. Но мужицкихъ, такъ сказать, легальныхъ, закономѣрныхъ новшествъ массовое дворянское хозяйство, сумѣвшее раззориться даже въ привычныхъ для него условіяхъ и въ спокойное время, вынести, очевидно, не въ состояніи. И трудно не согласиться со смоленскимъ дворяниномъ г. Герномъ, когда онъ пишетъ, что дворянскія земли «и безъ усиленной скупки крестьянскимъ банкомъ» должны перейти «въ руки другихъ сословій». Любопытно, однако, г. Гернъ въ этой неизбѣжной близости конца винитъ... дворянскій банкъ.

— Банкъ, — говоритъ онъ,—допустилъ чрезмѣрное накопленіе

*) „Голосъ Москвы", 19 сентября.

недоимокъ, не требовалъ погашенія капитальныхъ долговъ, довелъ до того, что долгъ сталъ неоплатнымъ, и единственный выходъ—ликвидація.

Но Богъ съ ними, — съ этими обвиненіями по адресу банка. Для насъ важенъ, повторяю, выводъ: простая, ясная, равно для всѣхъ доступная ариѳметика, говоритъ, что положеніе дворянскаго землевладѣнія сейчасъ отчаяннѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Тутъ, именно, ариѳметика, цифра, противъ которой ничего не подѣлаешь.

Но, кромѣ цифры, есть еще психологія. И она тоже заставляетъ задумываться и самихъ дворянъ, и близкіе къ нимъ круги. Впрочемъ, и безъ многихъ думъ ясно, что «плохую шутку сыграло съ крестьянствомъ освободительное движеніе». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ мужикъ до революціи?

Набожный, смиренный, - пишетъ, напримѣръ, „Подолія"—свыкшійся со своимъ безправнымъ положеніемъ крестьянинъ жилъ, хотя и полуголодной, но покойной жизнью, не задаваясь вопросами, что, какъ и почему... „Должно быть, такъ Богу угодно" — съ такимъ сознаніемъ онъ безропотно шелъ своею тернистою дорогою и терпѣливо тянулъ тяжелую лямку до самой могилы, завѣщая и дѣтямъ своимъ покорность, трудъ и терпѣніе" *).

Но началось «освободительное движеніе». «Какъ ураганъ», оно ворвалось «во внутренній міръ крестьянства» «и поломало всѣ устои»:

Религія, подтачиваемая со всѣхъ сторонъ, стала падать и унесла съ собою сознаніе о будущей наградѣ труженикамъ, которое, быть можетъ, было единственной отрадой въ тяжелой жизни неудачниковъ.. Еще тяжелѣе, еще безотраднѣе стала жизнь крестьянская: къ прежнему, полуголодному, но хоть покойному, существованію прибавилось еще недовольство, ропотъ и озлобленіе, которыя отравляютъ и такъ незавидную жизнь труженика, и черствая корка еще суше и черствѣе кажется ему отъ сознанія того, что въ его неудачахъ виноватъ не онъ самъ, а кто то другой **).

Промежъ своихъ и про себя нечего грѣхи таить: скверно жилось мужику и раньше, скверно и теперь жить. Въ сущности, даже невозможно такъ жить. «И дальнѣйшая жизнь крестьянства—признаетъ та же «Подолія»,—можетъ быть направлена на ту сторону, куда ее толкнетъ случайность, такъ какъ крестьянинъ потерялъ точку опоры и стоитъ на зыбкой почвѣ, сдерживаемый въ границахъ только страхомъ». Весь вопросъ въ томъ, куда можетъ толкнуть мужика случайность? Говоря яснѣе, есть ли надежда, что онъ захочетъ размежеваться съ бариномъ честь-честью, по хорошему? И опять-таки промежъ своихъ и про себя нечего таить, что давно уже, еще задолго до революціи, мужикъ укрѣпился въ нѣкоторомъ непочтительномъ и раздраженно-ироническомъ понятіи

*) Цитирую по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 28 іюля.
**) Ibid.

о дворянинѣ. Даже странно—о купцѣ и то мужикъ лучшаго понятія. То есть оно, пожалуй, мужикъ и купца при случаѣ обругаетъ толстопузымъ, толстомордымъ и разными другими болѣе или менѣе непріятными словами, а все-таки «купецъ—башка», дѣлами орудуетъ, мозгами ворочаетъ, вообще «самостоятельный человѣкъ», съ которымъ при томъ же не связано воспоминаній крѣпостныхъ временъ. Дворянинъ же—человѣкъ не только съ тяжелымъ, на мужицкую оцѣнку, прошлымъ. Мужику не до статистическихъ подсчетовъ, цифири онъ не обучался, но дворянское оскудѣніе для него есть прежде всего очевидность. И онъ верхнимъ чутьемъ схватываетъ, что ежели дворянина хорошенько посчитать, то выйдетъ амуниціи на грошъ: ни капитала, ни дѣловой сноровки, ни смекалки, ни даже знаній, и при томъ роковое неумѣнье по одежкѣ протягивать ножки—словомъ, несамостоятельный человѣкъ, но съ огромными претензіями, съ правами на первое мѣсто и на хозяйскую роль. И всего больше, быть можетъ, раздражаетъ, что эти исключительныя дворянскія права ничѣмъ, въ сущности, не оправдываются: ни заслугами, которыхъ мужикъ не признаетъ, ни талантами, ни даже мошной.

— Дадены ему права, а за что, про что—неизвѣстно.

Что внесли въ эту исконную непріязнь три послѣдніе года обостренной соціальной борьбы, ясно само собою. Своею боевою тактикою за это время дворяне именно озлобили мужика, обострили до крайности отношенія съ широкими кругами интеллигенціи, сдѣлали все возможное, чтобы слова: «объединенное дворянство» для всей страны звучали синонимомъ злѣйшей реакціи и человѣконенавистничества. Если цифра предсказываетъ близкій конецъ, то психологія даетъ достаточно поводовъ чувствоваать, что послѣдніе дни живота пройдутъ не мирно, и кончина будетъ не безмятежна. Со стороны интеллигенціи, которой понятна связь интересовъ даже между враждующими частями цѣлаго, можно ждать, что она все-таки подумаетъ прежде, чѣмъ опустить занесенную для удара руку. Но отъ мужика, у котораго многое опредѣляется чувствомъ и аффектомъ, трудно ждать деликатности и осторожности. И я вполнѣ понимаю нѣкоторый переломъ въ дворянскомъ настроеніи, нѣкоторый проблескъ сознанія, что надо остепениться, не натягивать струны до послѣдней крайности, найти тотъ или иной выходъ. И, насколько можно уловить, выхода ищутъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, нельзя-ли какъ-нибудь поднять оскудѣвшее дворянство извнутри, а, во-вторыхъ, нельзя-ли какъ-нибудь смягчить мужицкое озлобленіе и мужицкій напоръ извнѣ.

Мы уже видѣли, какъ смотритъ на дѣло смоленскій дворянинъ Гернъ. Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, признать, что «о принудительномъ отчужденіи не должно быть и рѣчи», а, во-вторыхъ, смириться передъ неизбѣжнымъ ходомъ событій и поддержать «положеніе дворянства» другими средствами, «помимо землевладѣнія».

«Такимъ средствомъ,—говоритъ г. Гернъ,—должно быть образованіе, ибо въ настоящее время только хорошо вооруженный научными познаніями и ознакомленный съ тонкостями техническихъ производствъ можетъ добиться выдающагося положенія и пріобрѣсти какое-либо значеніе». Но для потомственныхъ дворянъ Митрофана Простакова и Тараса Скотинина такая комбинація принципіально непріемлема. Поручикъ же Милонъ, хотя и не лишенъ надежды «вооружиться научными знаніями», но имѣетъ всѣ основанія думать, что очутится въ рядахъ пролетаріевъ гораздо раньше, чѣмъ дойдетъ до мѣста, гдѣ лежатъ эти доспѣхи. А затѣмъ, неизвѣстно на кого собственно разсчитано это предложеніе: «и рѣчей не вести объ отчужденіи». Ежели, къ примѣру, на мужика, то мужикъ, пожалуй, не послушается. Какъ ни заманчиво, словомъ, предложеніе г. Герна, но предлагаемый имъ выходъ—для массового дворянства не выходъ.

Не лучше дѣло обстоитъ и съ поисками средства ослабить мужицкое озлобленіе и мужицкій натискъ. Тираспольская, напр., уѣздная земская управа находитъ, что́ «грамотность и матеріальное благополучіе населенія являются сильнѣйшимъ оплотомъ противъ всякаго рода нарушеній правовыхъ нормъ», а потому надо «усилить дѣятельность земства по народному просвѣщенію и поднятію экономическаго благосостоянія населенія» *), съ цѣлью прекратить «насилія», съ которыми не въ состояніи справиться полицейскія мѣры предупрежденія и пресѣченія. Въ сущности, это лишь отголосокъ агрикультурнаго времяпрепровожденія, которымъ съ усиленнымъ стараніемъ занимается, между прочимъ, г. Демчинскій, замѣнившій весьма убыточные для государственнаго казначейства экскурсы въ область метеорологіи шумомъ по поводу «грядковой культуры». О покушеніяхъ г. Демчинскаго на метеорологію представители этой науки были довольно-таки непріятнаго для него мнѣнія. Попытка объѣхать на грядковой культурѣ огромный соціальный вопросъ сопряжена съ такою же непріятностью для г. Демчинскаго со стороны агрономовъ и экономистовъ. Но дѣло, конечно, не въ грядковой культурѣ и не въ тѣхъ опытахъ, коими, судя по отзывамъ «Новаго Времени», занимается въ Средней Азіи военное вѣдомство съ цѣлью превратить рожь во многолѣтній кустарникъ на подобіе вербы, на которой, Богъ дастъ, со временемъ станутъ расти груши. Все это—предпріятія, такъ сказать, спеціальнаго назначенія, и относительно ихъ можно выразить лишь надежду, что они обойдутся казначейству не слишкомъ дорого. Важна общая мысль, усвоенная, судя по газетнымъ рефератамъ о земскихъ собраніяхъ, не только тираспольскою управою: мужикъ бунтуетъ не потому, что у него земли мало, а потому, что она плохо родитъ; слѣдовательно, чтобы

*) „Кіевскія Вѣсти“, 19 сентября.

прекратить бунтъ, нужна интенсификація, а для интенсификаціи нужна грамотность въ размѣрахъ, возможныхъ лишь при всеобщемъ обученіи. То-есть, ежели говорить по настоящему, то, кромѣ грамотности, нужны еще и средства,—другими словами: если, съ одной стороны, нужно ввести интенсификацію для того, чтобъ поднять благосостояніе массъ, то, съ другой стороны, надо поднять благосостояніе массъ для того, чтобъ сдѣлать возможной интенсификацію. Это нѣсколько напоминаетъ того школьника, который утверждалъ, что онъ легко рѣшитъ задачу и получитъ отвѣтъ, но для этого ему необходимо знать отвѣтъ, ибо иначе онъ не сможетъ приступить къ рѣшенію. Далѣе возникаютъ разные сложные вопросы: совмѣстима ли интенсификація при существованіи, напр., обязательной паспортной системы? Мыслимы ли сложные и личные разсчеты культурнаго земледѣльческаго хозяйства, основаннаго на твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при существованіи земскихъ начальниковъ, урядниковъ, стражниковъ, облеченныхъ полнотою власти опрокидывать всякіе разсчеты, искоренять всякую увѣренность населенія въ его правахъ?.. Много разныхъ соображеній связано съ интенсификаціей. Но уже одно то, что для нея нужно всеобщее обученіе, а для всеобщаго обученія конституція, въ сущности рѣшаетъ вопросъ. Правда, тираспольская управа, вмѣсто всеобщаго обученія, предлагаетъ лишь «усилить дѣятельность земства по народному просвѣщенію». Но отъ этого данный проектъ теряетъ всякую тѣнь основательности: жди, покуда дѣятельность усилится да благосостояніе поднимется; а до тѣхъ поръ... И отъ неграмотнаго мужика житья нѣтъ, а ежели онъ будетъ грамотный... Не такъ ужъ наивенъ нынѣшній преобладающій земецъ, чтобы ждать отъ народнаго просвѣщенія чего-либо соотвѣтствующаго своимъ исконнымъ интересамъ. Его дѣды предлагали,—«чтобы зло пресѣчь, собрать всѣ книги да и сжечь». Его отцы рукоплескали Леонтьеву, когда тотъ указывалъ, что «особенно необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія» и убѣждалъ «подморозить Россію, чтобы она не жила». Онъ самъ рукоплескалъ Побѣдоносцеву, когда тотъ не только далъ понять, но и прямо высказалъ: «безусловно вредно народное образованіе, ибо оно... даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить». Тираспольскій земецъ оказался послѣдовательнымъ: предложеніе управы «усилить дѣятельность по народному просвѣщенію и поднятію экономическаго благосостоянія населенія» онъ отклонилъ, ассигновку въ 100 руб. на пособіе лигѣ образованія «провалилъ» и, вопреки предложенію управы, ассигновалъ 1000 р. «въ распоряженіе духовнаго вѣдомства на церковно-приходскія школы» *). Въ цѣломъ рядѣ другихъ земскихъ собраній ассигновки на стражниковъ и противокрамольныя мѣропріятія переме-

*) „Кіевскія Вѣсти“, 19 сентября.

жались съ постановленіями касательно агрономіи, открытія школъ, правительственной субсидіи на всеобщее обученіе. Съ точки зрѣнія господствующаго земскаго типа, въ этомъ серьезно лишь—субсидія, которая хотя и ассигнована на школы, но, въ случаѣ чего, можетъ быть употреблена на болѣе экстренныя надобности. Серьезно еще, пожалуй, что нѣкоторыя газеты, странно не замѣчавшія крайне реакціонныхъ постановленій, сумѣли обратить вниманіе лишь на агрономію и на школы, сумѣли затрубить о полѣвѣніи земства, о перемѣнѣ курса... Это воспомоществуетъ, въ смыслѣ политической репутаціи, но судебъ дворянскаго землевладѣнія, очевидно, не измѣняетъ. А въ этихъ судьбахъ и сосредоточенъ главный, основной интересъ господствующаго земца.

Ариѳметика доказываетъ, что дѣла дворянства плохи, какъ никогда. Но вѣдь это—лишь доводъ, что еще никогда не было такой необходимости отстаивать свои права распоряжаться мѣстными земскими средствами, никогда не было такъ важно отстоять порядокъ, гарантирующій безконечныя пособія, ссуды, отсрочки, льготы, никогда еще не стояла такъ остро надобность искоренять всякій проблескъ крамолы, всякое покушеніе ввести конституціонныя, явно гибельныя новшества. Психологія такова, что мужикъ свыше мѣры озлобленъ и щадить не склоненъ. Но это опять таки значитъ, что мужика надо еще больше «охранять», слѣдить за каждымъ его шагомъ, ни на секунду не выпускать изъ виду. Отдѣльные люди испугались, размякли, сложили или готовы сложить оружіе. Но масса, для которой важно прожить хоть одинъ день, прожить во что бы то ни стало, за ними не пойдетъ, ибо то, что они называютъ выходомъ, въ дѣйствительности равносильно сословной смерти. Для дворянской массы ариѳметика и психологія доказываютъ лишь, что если въ 1905 г. нужна была огромная энергія для активной борьбы, то теперь нужна энергія въ еще большей степени. Только, вотъ, гдѣ средства?

Денегъ на борьбу и въ 1905 г. само дворянство дать не могло. Нынѣ съ дворянскими сословными капиталами дѣло дошло до такихъ крайностей, что мѣстами, какъ, напр., въ Костромской губерніи, совершенно «прекращена уплата денегъ на дворянскія нужды, въ томъ числѣ и на содержаніе канцелярій предводителей дворянства и дворянскихъ опекъ, и, надо полагать, скоро эти учрежденія прекратятъ свое существованіе за недостаткомъ средствъ... На необходимыя текущія надобности губернскаго дворянства расходуется запасный капиталъ, накопившійся много лѣтъ тому назадъ» *). Въ 1905 г. были земскія средства,—теперь, за рѣдкими исключеніями, пустая касса, кризисъ и крахъ. Остается надежда на займы, въ формѣ правительственныхъ ссудъ. Но правительство тоже питается надеждой на займы... Между тѣмъ вѣдь и въ са-

*) „Вят. Вѣст.“, 23 іюля.

момъ дѣлѣ предстоятъ еще «мѣропріятія по холерѣ». Предстоятъ также «мѣропріятія по тифу», ибо зима 1908—1909 будетъ опять голодная. Предстоятъ разныя другія экстренныя надобности... Гдѣ ужъ тутъ думать о международныхъ осложненіяхъ!.. Пусть «богатая родня» дѣлаетъ, что хочетъ. Намъ не до того. Намъ лишь бы выкрутиться, — заплатить жалованье стражникамъ. И въ нынѣшнемъ году, Богъ дастъ, выкрутимся: центральная касса какъ-нибудь подѣлится съ мѣстными. Но ежели что-либо случится этакое... «Охаетъ, мечется по печи» старая, «ждетъ: не поютъ пѣтухи?»... «Охти мнѣ, охъ! угожу въ преисподнюю». Напрасно только думаетъ г. Меньшиковъ, что на счетъ преисподней ему суждено тревожиться лишь «осенью 1908». Ежели осень пронесетъ Господь, думы о преисподней не дадутъ старухѣ спать зимою; зиму пронесетъ Господь,—тоже будетъ весною, тоже будетъ и лѣтомъ, если поможетъ сила небесная продержаться и весну... Такъ и будетъ «маяться» старуха до послѣдняго своего издыханія.

А. Петрищевъ.

Наброски современности.

XVI.

Трагедія высшей школы.

Исторія, повидимому, повторяется, и передъ русскимъ обществомъ опять стоитъ университетскій вопросъ. Временно онъ былъ какъ бы отодвинутъ съ очереди, какъ бы заслоненъ другими дѣлами и вопросами. Событія послѣднихъ недѣль вновь вызвали его на авансцену русской общественной жизни и снова сосредоточили на немъ вниманіе широкихъ круговъ общества. Это произошло, конечно, не случайно, и тѣмъ интереснѣе разобраться въ причинахъ, выдвинувшихъ университетскій вопросъ на такое мѣсто и обусловившихъ собою ту форму, въ какой онъ стоитъ въ настоящее время передъ обществомъ.

Борьба за сохраненіе университетской автономіи—таково наиболѣе распространенное опредѣленіе этой формы, таково, можно сказать, ходячее представленіе о смыслѣ событій, переживаемыхъ въ настоящій моментъ нашей высшей школой. Если не широкая масса общества, которая не располагаетъ сейчасъ способами выражать свое мнѣніе, то, по крайней мѣрѣ, большая часть органовъ нашей періодической прессы именно въ такомъ видѣ восприни-

маетъ эти событія и исключительно съ такой точки зрѣнія оцѣниваетъ ихъ. Политика, принятая за послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія, изображается при этомъ, какъ болѣе или менѣе внезапное и во всякомъ случаѣ стоящее совершенно особнякомъ въ ряду другихъ правительственныхъ дѣйствій покушеніе на автономію, существовавшую до того въ стѣнахъ высшей школы. На дѣлѣ, однако, такое изображеніе нуждается въ серьезныхъ поправкахъ и существенныхъ дополненіяхъ. И необходимость этихъ поправокъ и дополненій станетъ для насъ особенно ясной, если мы попробуемъ оглянуться на исторію нашей высшей школы за послѣдніе годы и, въ частности, припомнимъ происхожденіе тѣхъ особенностей въ строѣ этой школы, которыя до нѣкоторой степени приблизили его къ автономіи.

Названныя особенности университетскаго строя, какъ и многія другія явленія современной русской жизни, своимъ происхожденіемъ обязаны 1905 году, тому году, который былъ ознаменованъ высокимъ подъемомъ народнаго движенія, и рядомъ уступокъ этому движенію со стороны правительства. Одною изъ такихъ уступокъ было и измѣненіе порядковъ высшей школы. Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа 1905 г. профессорскимъ коллегіямъ университетовъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено было право избирать ректоровъ и декановъ, представляя ихъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ» тѣмъ же указомъ были возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетахъ» и совѣтамъ предоставлено было право принимать мѣры, ведущія къ этой цѣли. Право профессорскихъ совѣтовъ избирать ректора и декановъ и возложенная на тѣ же совѣты обязанность нести «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни» сами по себѣ, конечно, далеко еще не создавали автономіи для высшей школы. Но эти права и обязанности были переданы совѣтамъ въ такой моментъ, когда власть не видѣла возможности инымъ путемъ водворить порядокъ въ высшей школѣ, и жизнь, вынудившая эту уступку, не замедлила вслѣдъ за тѣмъ расширить узкія рамки закона. Подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, съ одной стороны, студенческаго движенія—съ другой, профессорскимъ совѣтамъ пришлось приступить къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ порядковъ академической жизни. Впрочемъ, дѣло свелось не столько даже къ преобразованіямъ, сколько къ простому признанію уже существующихъ фактовъ. Такимъ образомъ за студентами было признано право собираться на сходки, создавать свою студенческую организацію и имѣть своихъ представителей въ лицѣ выборныхъ старостъ. Нѣкоторыя измѣненія произошли и въ другомъ направленіи. Процентная норма для студентовъ-евреевъ, если и не исчезла совершенно, то все же въ сильной мѣрѣ утеряла свое значеніе. На ряду съ

этимъ открылся доступъ въ университетскія аудиторіи и женщинамъ, правда, лишь въ качествѣ вольнослушательницъ.

Всѣ эти перемѣны и дали поводъ говорить о созданной якобы автономіи высшей школы. Особенно часто это слово слышалось изъ устъ самихъ профессорскихъ коллегій. И все же въ немъ было больше преувеличенія, чѣмъ правды. Автономія была лишь обѣщана высшей школѣ въ будущемъ, при составленіи новаго университетскаго устава, пока же школа оставалась въ нѣсколько двусмысленномъ положеніи. И эта двусмысленность тѣмъ меньше могла исчезнуть отъ частаго повторенія профессорскими коллегіями слова автономія, что это часто повторяемое слово очень мало соотвѣтствовало дѣйствіямъ тѣхъ же коллегій. Въ общемъ послѣднія больше убѣждали студентовъ беречь университетскую автономію, нежели осуществляли ее на дѣлѣ. И даже тѣ преобразованія, какія были произведены вслѣдъ за указомъ 27 августа въ порядкахъ академической жизни, проводились не столько путемъ простыхъ рѣшеній «автономныхъ» профессорскихъ коллегій, сколько путемъ ходатайствъ этихъ коллегій передъ министерствомъ. До поры, до времени правительство съ своей стороны удовлетворяло такія ходатайства, не видя иного способа избавиться отъ лишнихъ затрудненій. Такимъ образомъ широкое общественное движеніе, шедшее вокругъ высшей школы и то и дѣло перекидывавшееся внутрь ея собственныхъ стѣнъ, внесло нѣкоторыя существенныя перемѣны въ ея бытъ, но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ высшая школа все же осталась далека отъ автономіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и сами дѣятели школы въ лицѣ профессорскихъ коллегій и ихъ выборныхъ представителей избѣгали черезчуръ послѣдовательно проводить идею той «автономіи», которая, по ихъ словамъ, была уже предоставлена высшимъ учебнымъ заведеніямъ, и порою даже, наоборотъ, обнаруживали большую готовность принимать самое сокращенное толкованіе этой «автономіи».

При такихъ условіяхъ поворотъ къ старому порядку представлялся очень мало затрудненнымъ. И, дѣйствительно, какъ только ослабѣло широкое народное движеніе, высшая школа немедленно же почувствовала на себѣ послѣдствія этого факта. Понемногу, сперва медленно, затѣмъ все болѣе быстро и рѣшительно, въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній стали возвращаться прежніе порядки. Студенческія организаціи, одно время дѣйствовавшія свободно, постепенно начали наталкиваться на стѣсненія и преслѣдованія, съ теченіемъ времени все возроставшія. Поворотъ къ старому совершался и въ другихъ сферахъ университетской жизни. Министерскія распоряженія понемногу возстановили въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прежнюю процентную норму для евреевъ, и еврейское населеніе опять оказалось отброшеннымъ отъ дверей высшей школы. Вообще министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ отношеніяхъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ строго

слѣдовало за общей политикой правительства и въ своихъ стараніяхъ сообразоваться съ послѣдней неизбѣжно приходило къ все большимъ стѣсненіямъ университетской жизни. Не такъ давно одна изъ московскихъ газетъ разсказала чрезвычайно любопытную въ этомъ смыслѣ исторію, происходившую въ 1907 году. Въ октябрѣ названнаго года совѣтской профессорской коммиссіей петербургскаго университета былъ выработанъ, по соглашенію со студентами, проектъ положенія о факультетскихъ старостахъ. Ректоръ университета, проф. Боргманъ, счелъ нужнымъ еще до совѣтскаго засѣданія, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться этотъ проектъ, показать его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, г. Кауфману, и заручился согласіемъ послѣдняго. Послѣ того университетскій совѣтъ единогласно утвердилъ проектъ положенія. Съ своей стороны министръ послѣ рѣшенія университетскаго совѣта вновь повторилъ г. Боргману свое согласіе на проектированное положеніе о старостахъ. Однако черезъ нѣсколько дней ректоръ и проректоръ университета были вызваны на совмѣстное совѣщаніе съ г. Кауфманомъ и съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макаровымъ, какъ извѣстно, спеціально завѣдующимъ полиціей. На этомъ совѣщаніи г. Макаровъ, не возражая принципіально противъ института факультетскихъ старостъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свою редакцію положенія объ нихъ, при чемъ главное отличіе этой редакціи отъ выработанныхъ университетомъ правилъ заключалось въ отсутствіи параграфа, предусматривавшаго возможность общихъ собраній всѣхъ факультетскихъ старостъ. Представители университета возражали противъ предложенія г. Макарова, и министръ народнаго просвѣщенія высказывалъ полное свое согласіе съ ихъ возраженіями. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣкоторое время ректоръ университета получилъ отъ г. Кауфмана оффиціальную бумагу, въ которой послѣдній сообщалъ, что онъ не можетъ согласиться съ выработанными университетомъ правилами о старостахъ и предлагаетъ совѣту свой проектъ такихъ правилъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ проектъ г. Кауфмана оказался точной копіей проекта, составленнаго г. Макаровымъ. Совѣтъ университета отправилъ къ министру депутацію изъ семи профессоровъ, которымъ удалось добиться отъ него обѣщанія пересмотрѣть вопросъ. Но прошло нѣсколько времени и въ совѣтѣ вновь было получено категорическое заявленіе министра, что онъ не можетъ согласиться съ утвержденнымъ совѣтомъ проектомъ положенія о факультетскихъ старостахъ и настаиваетъ на разсмотрѣніи совѣтомъ новой редакціи этого проекта, составленной по указаніямъ г. Макарова *).

Въ министерство г. Кауфмана эта исторія такъ и не получила своего окончательнаго разрѣшенія. Какъ ни старательно слѣдо-

*) „Голосъ Москвы", 13 сентября.

валъ г. Кауфманъ указаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ ни чувствителенъ онъ былъ къ вѣяніямъ общей политики правительства, онъ все же не удовлетворилъ всѣхъ предъявлявшихся къ нему требованій, и его мѣсто занялъ г. Шварцъ. Однимъ изъ первыхъ же дѣйствій новаго министра было обращенное къ совѣту петербургскаго университета заявленіе, что существованіе института старостъ противорѣчитъ закону. Совѣтъ университета отвѣтилъ министру мотивированнымъ заявленіемъ, въ которомъ настаивалъ на закономѣрности института факультетскихъ старостъ и на полезности его «для обезпеченія спокойнаго хода университетскихъ занятій» и указывалъ, что упраздненіе названнаго института «не безъ основанія можетъ быть разсматриваемо, какъ отнятіе у университета того, что было предоставлено ему въ законномъ порядкѣ». Аргументы профессорскаго совѣта не подѣйствовали, однако же, на министра и не заставили его измѣнить разъ намѣченной линіи поведенія. Въ теченіе минувшаго лѣта г. Шварцъ издалъ рядъ циркуляровъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ перестраивавшихъ жизнь высшей школы и возвращавшихъ послѣднюю подъ власть старыхъ порядковъ, царившихъ въ ней до 1905 года. Однимъ изъ этихъ циркуляровъ стѣснялась свобода студенческихъ собраній, другимъ упразднялись факультетскіе старосты, третьимъ изгонялись изъ университета вольнослушательницы. Помимо всего этого, министерство народнаго просвѣщенія потребовало отъ профессоровъ подписки о непринадлежности ихъ къ противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ, и къ нѣкоторымъ профессорамъ, завѣдомо принадлежащимъ къ конституціонно-демократической партіи, это требованіе было предъявлено въ особенно острой и вызывающей формѣ.

Всѣ эти распоряженія г. Шварца окончательно устраняли всякую двусмысленность въ отношеніяхъ правительства къ высшей школѣ. Дѣло ставилось теперь въ высшей степени просто и ясно. И опредѣленіе контингента учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и установленіе внутреннихъ порядковъ академической жизни министерство подчиняло всецѣло и исключительно своей волѣ, а профессорскимъ совѣтамъ, такъ много говорившимъ за эти годы о дарованной высшей школѣ «автономіи», какъ нельзя болѣе откровенно предоставлялась роль простыхъ исполнителей министерской воли. Тѣмъ не менѣе совѣты и на этотъ разъ сдѣлали попытку пойти путемъ ходатайствъ и «мотивированныхъ представленій». Совѣтъ московскаго университета выступилъ съ ходатайствомъ объ оставленіи въ университетѣ тѣхъ профессоровъ, которыхъ министерство собралось было уволить за принадлежность къ «противогосударственной» конституціонно-демократической партіи. Сами профессора, отказавшись отъ подписки, какой отъ нихъ потребовали, тѣмъ не менѣе не приняли полностью брошеннаго имъ вызова и дали на него уклончивый отвѣтъ. Въ этомъ

случаѣ министерство уступило и не стало настаивать на исполненіи своего первоначальнаго требованія. Но не столь уступчивымъ оказалось оно въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ рѣчь шла уже не о профессорахъ, а объ учащихся. Всѣ ходатайства профессорскихъ совѣтовъ объ оставленіи въ университетскихъ аудиторіяхъ хотя бы тѣхъ вольнослушательницъ, которыя уже ранѣе были приняты въ университеты, остались безъ успѣха. Въ концѣ концовъ этотъ вопросъ былъ переданъ на рѣшеніе совѣта министровъ и послѣдній, усмотрѣвъ, что «числящіяся нынѣ вольнослушательницы приняты были согласно распоряженію университетскаго начальства», разрѣшилъ имъ окончить курсъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы профессора читали для нихъ особыя лекціи, отдѣльно отъ студентовъ, въ тѣ часы, когда университетскія помѣщенія бываютъ свободны. Иначе говоря, принятіе вольнослушательницъ въ университеты совѣтъ министровъ разсматривалъ не то, какъ грѣхъ, который былъ совершенъ профессорами и который долженъ быть ими же заглаженъ, не то, какъ частный договоръ между вольнослушательницами и профессорами, въ очень малой степени касающійся правительства. Самимъ вольнослушательницамъ рѣшеніе совѣта министровъ во всякомъ случаѣ не дало ничего, такъ какъ осуществленіе признаннаго за ними права въ указанной этимъ рѣшеніемъ формѣ остается совершенно невозможнымъ, какъ это, конечно, было извѣстно и самому совѣту министровъ. Не болѣе удачными оказались и другія ходатайства профессоровъ. Всѣ просьбы совѣтовъ о пріемѣ въ высшія учебныя заведенія евреевъ сверхъ количества, допускаемаго процентной нормой, были отклонены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Столь же рѣшительно г. Шварцъ отклонилъ и всѣ ходатайства профессоровъ о признаніи студенческихъ старостъ, категорически заявивъ, что въ этомъ вопросѣ министерство не сдѣлаетъ никакой уступки.

Такимъ образомъ новый учебный сезонъ для высшей школы, подвѣдомственной министерству народнаго просвѣщенія, начинался съ полнаго почти возстановленія старыхъ порядковъ, существовавшихъ въ ней до 1905 года. Эта перспектива настолько угнетающе подѣйствовала на совѣты высшихъ учебныхъ заведеній, что они, не ограничиваясь одними ходатайствами, рѣшились и на нѣкоторыя демонстративныя заявленія своего протеста противъ дѣйствій министерства. Въ петербургскомъ университетѣ ректоръ проф. Боргманъ и проректоръ проф. Браунъ сложили съ себя свои должности, а совѣтъ университета заявилъ, что онъ вынужденъ сложить съ себя всякую моральную отвѣтственность за тѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою исполненіе распоряженій министра. Въ московскомъ университетѣ переизбранный на должность ректора проф. Мануиловъ передъ своимъ избраніемъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ свой взглядъ на положеніе университетовъ въ

виду послѣднихъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія, и эта рѣчь звучала, повидимому, весьма опредѣленно.

„Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г.—говорилъ, между прочимъ, проф. Мануиловъ—были дарованы начала университетскаго самоуправленія, являющіяся единственнымъ прочнымъ основаніемъ и надежной гарантіей процвѣтанія русскихъ университетовъ. Неправильное или узкое пониманіе автономіи грозитъ привести университетъ къ полному упадку, и нашъ долгъ оградить его отъ опасности свести автономію къ пустому звуку. Актомъ высочайшей воли отъ 27 августа 1905 г. и послѣдовавшими затѣмъ узаконеніями завѣдываніе дѣлами университета возложено на совѣтъ профессоровъ и избирательный университетскій органъ. Воля законодателя совершенно ясна и въ своихъ выраженіяхъ не допускаетъ никакого сомнѣнія. Совѣтъ университета обязанъ слѣдить за правильной жизнью университета, принимать своевременно соотвѣтствующія мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является отвѣтственнымъ за произведенныя имъ дѣйствія. Такъ категорически закономъ опредѣленъ вопросъ объ отношеніи университета къ министру народнаго просвѣщенія, которому онъ является подчиненнымъ въ порядкѣ надзора. Въ виду этого вполнѣ ясно, что ни министръ народнаго просвѣщенія, ни попечитель учебнаго округа не могутъ предлагать университету для приведенія въ исполненіе распоряженія, которыя самимъ совѣтомъ будутъ признаны за несоотвѣтствующія правильному теченію университетской жизни. При этомъ принудительное приведеніе въ исполненіе такого распоряженія ограничило бы свободу дѣйствій совѣта, ослабило бы авторитетъ профессоровъ и явилось бы явнымъ нарушеніемъ закона объ автономіи университета. Подчиненный министерству въ порядкѣ надзора, университетскій совѣтъ за свои дѣйствія отвѣчаетъ по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ".

Избравъ послѣ этой рѣчи проф. Мануилова вновь на должность ректора, совѣтъ московскаго университета вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію проф. Комаровскаго, единогласно принялъ такую резолюцію: «Совѣтъ московскаго университета, избравъ проф. Мануилова ректоромъ, этимъ самымъ выражаетъ свою полную солидарность съ его прежней дѣятельностью въ университетѣ; совѣтъ твердо увѣренъ, что и впредь А. А. Мануиловъ будетъ являться точнымъ выразителемъ принциповъ совѣта, стоящаго на стражѣ началъ, провозглашенныхъ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г. и оберегающаго ихъ отъ всякихъ посягательствъ» *).

Подобныя же заявленія сдѣланы были въ совѣтахъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Указомъ 27 августа 1905 г.—говорилъ въ засѣданіи совѣта петербургскаго женскаго медицинскаго института директоръ послѣдняго, проф. Салазкинъ,— заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни возложены на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ, которымъ съ этой цѣлью и предоставлено право принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Между тѣмъ, циркуляры министра пытаются ограничить это право и свести совѣты на роль простыхъ исполнителей мѣръ, предписываемыхъ представителями высшей власти. Такимъ образомъ создается совер-

*) „Рѣчь", 11 сентября.

шенно ненормальное положеніе—мѣры диктуются свыше, а отвѣтственность за ихъ результаты возлагается на совѣты. При такихъ условіяхъ возможны только два выхода: или твердо и исключительно стоять на почвѣ высочайшаго указа 27 августа 1905 г., или выборной администраціи сложить свои полномочія, а совѣту отказаться и отъ заботъ о сохраненіи порядка, и отъ отвѣтственности. Первое рѣшеніе въ данный моментъ было бы цѣлесообразнѣе, такъ какъ оно дастъ хоть нѣкоторую надежду сохранить правильный ходъ учебной жизни. Послѣднее же рѣшеніе могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бы министръ народнаго просвѣщенія сталъ требовать неукоснительнаго исполненія циркуляровъ, противорѣчащихъ указу 27 августа 1905 г. и требующихъ принятія такихъ мѣръ, какія совѣтамъ представляются нецѣлесообразными. Совѣты должны быть отвѣтственны передъ министромъ народнаго просвѣщенія только за закономѣрность своихъ дѣйствій» *). Совѣтъ института согласился съ мнѣніемъ своего директора и рѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра, а въ другомъ засѣданіи постановилъ обратиться съ особымъ воззваніемъ къ слушательницамъ института. «Совѣтъ института,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ воззваніи—подобно совѣтамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, единогласно постановилъ неуклонно держаться началъ, установленныхъ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г., охраняя при этомъ какъ права совѣта на автономію, такъ и право учащихся на общестуденческое представительство по вопросамъ внутренней жизни» **). Учебный комитетъ технологическаго института въ свою очередь обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ особой запиской, въ которой обстоятельно доказывалъ закономѣрность существованія института студенческихъ старостъ, избраніе которыхъ разрѣшалось еще министрами Ванновскимъ и Глазовымъ и невыполнимость и незаконность послѣднихъ циркуляровъ министерства. «Считая своею первой обязанностью—говорилось въ принятой учебнымъ комитетомъ резолюціи—заботы о поддержаніи правильной учебной жизни института и полагая, что исполненіе циркуляровъ отъ 26 мая и 25 іюня, въ виду ихъ противорѣчія съ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа 1905 г. и по основаніямъ, которыя приведены въ заключеніи учебнаго комитета, способны разстроить правильный ходъ учебной жизни въ институтѣ, — учебный комитетъ постановилъ представить о вышеизложенномъ министру народнаго просвѣщенія» ***). Подобнымъ же образомъ совѣтъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, выслушавъ докладъ своей коммиссіи о послѣднихъ распоряженіяхъ министра народнаго просвѣщенія,

*) „Рѣчь“, 18 сентября.
**) „Рѣчь“, 20 сентября.
***) „Рѣчь“, 20 и 23 сентября.

«единогласно призналъ, что не находитъ никакого несоотвѣтствія между учрежденіемъ факультетскихъ депутатокъ въ той формѣ, какъ оно существуетъ на курсахъ, и существующими законоположеніями, что дѣятельность депутатокъ не давала повода къ нареканіямъ и, напротивъ, оказывала полезное вліяніе на поддержаніе порядка внутренней жизни на курсахъ, что означенныя распоряженія министра народнаго просвѣщенія находятся въ противорѣчіи съ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г. и являются нарушеніемъ правъ, предоставленныхъ совѣту курсовъ этимъ указомъ». Свое постановленіе совѣтъ курсовъ, подобно совѣтамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, рѣшилъ представить черезъ попечителя учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія *).

Такимъ образомъ совѣты, по крайней мѣрѣ, столичныхъ высшихъ школъ выступили съ довольно единодушнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, довольно рѣшительнымъ протестомъ противъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Но при всей кажущейся рѣшительности этого протеста онъ, за рѣдкими исключеніями, не пошелъ дальше представленій министру. И тѣ же самые совѣты, которые въ своихъ представленіяхъ такъ опредѣленно и рѣшительно заявляли, что министерство не имѣетъ права навязывать совѣтамъ свои распоряженія, что эти распоряженія незаконны и неисполнимы, на дѣлѣ принимали оспариваемыя ими распоряженія къ исполненію, въ лучшемъ случаѣ лишь оговариваясь, что не берутъ на себя моральной отвѣтственности за ихъ послѣдствія. Ни принять въ число студентовъ евреевъ сверхъ указанной нормы, ни удержать въ университетскихъ аудиторіяхъ вольнослушательницъ, ни даже сохранить студенческихъ старостъ собственною властью университетскіе совѣты не рѣшились. По всѣмъ этимъ пунктамъ они ограничились однимъ лишь заявленіемъ своего протеста, рѣшительный тонъ котораго довольно мало гармонировалъ съ ихъ дѣйствіями. Съ своей стороны министерство народнаго просвѣщенія, привыкшее находить въ профессорахъ, если не всегда усердныхъ, то всегда почти покорныхъ исполнителей своихъ предписаній, не обратило большого вниманія на протесты профессорскихъ совѣтовъ и осталось на занятой имъ позиціи. Послѣ состоявшагося 3 сентября засѣданія совѣта петербургскаго университета министръ народнаго просвѣщенія, какъ сообщило «освѣдомительное бюро», «сдѣлалъ названному совѣту разъясненіе о неправильномъ со стороны совѣта толкованіи циркулярныхъ распоряженій министерства отъ 16 мая и 14 іюля с. г., касающихся нѣкоторыхъ студенческихъ организацій и собраній, и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ увѣренность, что какъ совѣтъ, такъ и должностныя лица петербургскаго университета, исполняя свой служебный долгъ, приложатъ всѣ усилія къ поддержанію правильнаго хода учебныхъ за-

*) „Рѣчь“, 24 сентября.

нятій въ наступившемъ году, съ одной стороны, путемъ точнаго примѣненія дѣйствующихъ правилъ, съ другой—путемъ разъясненія учащимся того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что рѣшеніе большинства тревожащихъ ихъ вопросовъ зависитъ не отъ министерства народнаго просвѣщенія, но отъ законодательныхъ учрежденій, на уваженіе коихъ въ непродолжительномъ времени и предполагается внести проектъ новаго устава россійскихъ университетовъ». Одновременно съ этимъ, по сообщенію того же «освѣдомительнаго бюро», министръ народнаго просвѣщенія, «въ виду нерѣдкихъ случаевъ разнообразнаго и не согласованнаго съ дѣйствующими уставами пониманія совѣтами высшихъ учебныхъ заведеній закона 27 августа 1905 г.», обратился въ сенатъ съ ходатайствомъ о разъясненіи названнаго закона *).

При всей своей внѣшней гладкости эти оффиціальныя заявленія какъ нельзя болѣе ясно опредѣляли политику министерства. Приступивъ къ коренной ломкѣ порядковъ высшей школы, оно поручало профессорамъ успокоивать задѣтыхъ этой ломкой учащихся тѣмъ соображеніемъ, что тревожащіе ихъ вопросы будутъ въ свое время разсмотрѣны «законодательными учрежденіями». А вмѣстѣ съ тѣмъ, избавляя себя отъ упрековъ въ незаконности дѣйствій, оно просило сенатъ разъяснить законъ 27 августа 1905 г., на который ссылались профессорскіе совѣты въ своихъ протестахъ. На этомъ пути оно, конечно, могло не опасаться никакой неудачи, такъ какъ готовность сената «разъяснять» законы стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Припомнивъ тѣ многообразныя «разъясненія», которыя въ свое время даны были сенатомъ по поводу избирательнаго закона, не трудно представить себѣ, какъ основательно можетъ тотъ же сенатъ «разъяснить» указъ 27 августа 1905 г.

Но успокоить учащихся министерству не удалось. Высшая школа многое вынесла за послѣдніе два года почти безъ попытокъ протеста, но лѣтніе циркуляры г. Шварца оказались той - каплей, которая переполнила чашу, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ открытіемъ учебнаго сезона началось сильное броженіе. Въ предвидѣніи этого броженія администрація постаралась принять мѣры, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы оно осталось неизвѣстнымъ широкой публикѣ. Въ частности петербургскимъ газетамъ, подъ угрозою большихъ штрафовъ, было запрещено сообщать что-либо о студенческихъ сходкахъ и принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ. Эта мѣра могла укрыть и, дѣйствительно, укрыла на время отъ общества подробности студенческаго движенія, но она, конечно, не въ силахъ была ни скрыть совершенно самый фактъ этого движенія, ни, тѣмъ болѣе, предотвратить послѣднее. Съ 20 сентября въ петербургскомъ университетѣ началась студенческая забастовка. Въ ближайшіе же дни къ университету присоединились и всѣ почти

*) „Рѣчь“, 10 сентября.

остальныя петербургскія высшія учебныя заведенія, какъ состоящія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и неподвѣдомственныя ему. Почти одновременно съ Петербургомъ студенческая забастовка была объявлена въ московскомъ университетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Изъ столицъ забастовочное движеніе быстро перешло въ провинцію, и въ короткое время во всѣхъ провинціальныхъ университетахъ, за исключеніемъ одного лишь варшавскаго, и во многихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ провинціи прекратились всякія занятія. Отъ Петербурга до Томска, отъ Москвы до Одессы учащаяся молодежь всѣхъ почти учебныхъ заведеній Россіи дружно примкнула къ забастовкѣ, протестуя противъ послѣднихъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія и требуя ихъ отмѣны.

Провинціальная администрація не замедлила отвѣтить на студенческое движеніе обычными репрессіями. Кіевскій генералъ-губернаторъ ген. Сухомлиновъ уже 9 сентября обратился съ особыми письмами къ ректору кіевскаго университета и директору политехникума, настаивая, что они вмѣстѣ съ профессорами «должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наступившій учебный годъ прошелъ при полномъ порядкѣ, и студенты, желающіе серьезно заниматься, могли получить возможность осуществить свое законное и естественное право». «Никакія своеволія со стороны студентовъ, направленныя исключительно къ вызову и поддержанію безпорядковъ,—продолжалъ генералъ-губернаторъ—не должны быть допускаемы, и я ожидаю отъ васъ и отъ гг. профессоровъ такихъ распоряженій и такой постановки дѣла, при которыхъ не могутъ имѣть мѣста даже попытки къ нарушенію спокойнаго теченія академической жизни. Прошу объявить студентамъ, что я не имѣю права безразлично относиться къ нарушителямъ порядка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, и потому всѣ студенты, виновные въ устройствѣ и посѣщеніи неразрѣшенныхъ сходокъ, въ проявленіи насилій надъ товарищами, профессорами и другими лицами, служащими въ учебномъ заведеніи, въ нанесеніи оскорбленій, срываніи лекцій и пр., участники забастовокъ—будутъ мною немедленно высланы изъ Кіева. Примѣръ прошлогодней высылки, увѣренъ, указалъ студентамъ, что съ требованіемъ закона и власти необходимо считаться. Надѣюсь на серьезное руководительство гг. профессоровъ и благоразуміе студентовъ» *). На профессоровъ политехникума это письмо, повидимому, не произвело особаго дѣйствія, но профессора и ректоръ кіевскаго университета въ полной мѣрѣ оправдали надежды генералъ-губернатора и проявили то «серьезное руководительство», котораго онъ ждалъ отъ нихъ. Правда, они не сумѣли придумать такія распоряженія, которыя сдѣ-

*) „Рѣчь", 17 сентября.

лали бы невозможными «даже попытки къ нарушенію спокойнаго теченія академической жизни», но готовность усмирять «своеволія» студентовъ они обнаружили полную. Когда 2 октября въ кіевскомъ университетѣ собралась сходка, начавшая обсуждать вопросъ о забастовкѣ, ректоръ университета г. Цытовичъ немедленно вызвалъ полицію, и университетъ былъ занятъ отрядомъ полицейскихъ и полуротою солдатъ. Нѣсколько студентовъ было арестовано и профессора дочитывали свои лекціи подъ охраною полиціи. На другой день повторилось то же самое. Послѣ того ректоръ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ предупреждалъ студентовъ, что «дальнѣйшая необходимость прибѣгать къ содѣйствію полиціи повлечетъ за собою переписку участниковъ безпорядковъ и примѣненіе къ нимъ административныхъ взысканій» *). Тѣмъ не менѣе, университетъ продолжалъ оставаться подъ охраной полиціи, дежурившей въ вестибюлѣ университетскаго зданія, и войскъ, помѣщенныхъ въ сосѣднихъ домахъ. Что касается «административныхъ взысканій», то они не заставили себя ждать, и извѣстія объ нихъ уже появляются въ газетахъ. Такъ, по сообщенію послѣднихъ, кіевскимъ губернаторомъ «за активное участіе въ безпорядкахъ въ университетѣ и попытку устроить забастовку» студенты Гуревичъ и Туржанскій подвергнуты аресту на три мѣсяца **).

Въ Казани въ университетъ также была введена полиція, которая, задержавъ около 500 студентовъ, препятствовавшихъ чтенію лекцій, отобрала у задержанныхъ билеты, а нѣсколькихъ лицъ арестовала. Вслѣдъ затѣмъ распоряженіемъ казанскаго губернатора «за участіе въ неразрѣшенномъ студенческомъ собраніи, состоявшемся 30 сентября въ коридорѣ университета», одинъ студентъ, какъ устроитель и руководитель собранія, былъ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца, 15 студентовъ денежному штрафу въ размѣрѣ 150 руб. каждый или аресту на одинъ мѣсяцъ, 56 студентовъ — штрафу въ 100 руб. каждый или аресту на 20 дней и 345 студентовъ—штрафу въ 20 руб. или аресту на восемь дней ***). Въ одесскомъ университетѣ ректоръ г. Левашовъ, избранный на эту должность при благосклонномъ содѣйствіи генералъ-губернатора Толмачева, изобрѣлъ особую мѣру для предупрежденія «попытокъ нарушенія спокойнаго теченія академической жизни». Онъ именно, по словамъ газетъ, «предложилъ служащимъ университета не допускать студенческихъ сходокъ, если же группы студентовъ заговорятъ о забастовкѣ, то сообщить имъ въ видѣ слуха, что въ случаѣ осуществленія забастовки всѣ евреи немедленно будутъ уволены, а обратно будутъ приниматься лишь съ строгимъ соблюденіемъ десятипроцентной нормы» ****). Когда же эта мѣра не при-

*) „Голосъ Москвы", 5 октября; „Рѣчь", 4 и 5 октября.
**) „Рѣчь", 9 октября.
***) «Рѣчь» 2 и 9 октября.
****) „Рѣчь", 26 сентября.

несла ожидавшихся отъ нея плодовъ, и въ университетѣ состоялось совѣщаніе группы студентовъ о забастовкѣ, то въ слѣдующую же ночь многіе участники этого совѣщанія были арестованы. На вопросъ депутаціи студентовъ о причинѣ этихъ арестовъ ректоръ отвѣтилъ, что сходокъ онъ не допуститъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ университетѣ вывѣшено было за подписью ректора объявленіе, заявлявшее, что «совѣтъ, на основаніи указа 27 августа 1905 г. и другихъ узаконеній и правилъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы университетъ могъ безъ перерыва исполнять свое высокое назначеніе, обезпечивъ возможность занятій всѣмъ желающимъ работать». Одновременно съ этимъ правленіе университета объявило, что освобождать отъ взноса платы за слушаніе лекцій оно будетъ только тѣхъ студентовъ, которые исправно посѣщаютъ лекціи. Съ своей стороны генералъ-губернаторъ Толмачевъ счелъ нужнымъ путемъ особаго объявленія «предупредить студентовъ, что никакія насилія надъ желающими слушать лекціи не будутъ допущены» и что на виновныхъ въ такихъ насиліяхъ «будутъ наложены самыя строгія административныя взысканія». Въ университетѣ, по распоряженію ректора, были помѣщены полицейскіе чины, чтобы помѣшать обструкціи *). Но, несмотря на всѣ эти мѣры, забастовка въ одесскомъ университетѣ все-таки состоялась.

Мѣстами совѣты высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ выборные представители прибѣгли къ репрессіямъ и самостоятельно, не вступая въ прямой союзъ съ общею администраціей. Такъ, въ харьковскомъ университетѣ, по словамъ газетъ, было вывѣшено, за подписью ректора, объявленіе, что студенты - семинаристы, уволенные изъ университета за забастовку, будутъ приниматься обратно въ университетъ только по выдержаніи экзамена на аттестатъ зрѣлости **). Въ Москвѣ конференція межевого института предложила забастовавшимъ студентамъ немедленно приступить къ правильнымъ занятіямъ, заявивъ, что тѣ изъ студентовъ, которые не пожелаютъ заниматься, должны взять свои бумаги до 2 октября, а студенты, не приступившіе къ занятіямъ и не взявшіе бумагъ, будутъ исключены изъ института ***).

Въ общемъ, однако-же, совѣты столичныхъ учебныхъ заведеній не стали на путь репрессій по отношенію къ забастовавшему студенчеству и весьма рѣшительно высказались противъ самой возможности такого пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они съ началомъ студенческой забастовки не удержались всецѣло и на той позиціи, которую они заняли первоначально по отношенію къ министерству и отошли отъ этой позиціи нѣсколько въ сторону. И быть можетъ, съ наибольшею яркостью эта перемѣна позиціи сказалась въ дѣйствіяхъ совѣтовъ петербургскаго и московскаго университетовъ.

*) „Рѣчь“, 1, 11 и 9 октября; „Вечеръ“, 7 октября.
**) „Рѣчь“, 2 октября.
***) „Утро“, 6 октября.

Когда въ петербургскомъ университетѣ студенческая сходка 20 сентября объявила и провела забастовку, профессорскій совѣтъ «въ виду обнаружившейся совершенной невозможности обезпечить правильный ходъ занятій въ ближайшіе дни и въ сознаніи необходимости предотвратить возможность дальнѣйшаго развитія начавшейся забастовки» счелъ нужнымъ временно пріостановить занятія въ университетѣ и постановилъ ходатайствовать объ этомъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній не согласился, однако, съ мнѣніемъ совѣта и распорядился вновь открыть закрытый было властью ректора университетъ, предложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессорамъ успокоить студентовъ путемъ разъясненія имъ законности министерскихъ циркуляровъ. Тогда совѣтъ рѣшилъ, не приводя въ исполненіе этого распоряженія, представить министру объ его неудобствахъ. Указывая на то, что временное закрытіе университета позволило бы дать студентамъ время для успокоенія и избѣжать «взаимнаго разжиганія страстей», совѣтъ одновременно въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ пояснялъ, въ какое трудное положеніе ставитъ его предложеніе министра.

„Скорѣйшее возстановленіе занятій—говорилось по этому поводу въ представленіи совѣта—составляетъ, конечно, важнѣйшую задачу совѣта, но всѣ мѣры, направленныя къ этой цѣли, если не считать чисто репрессивныхъ, которыя, по убѣжденію совѣта, совершенно недопустимы, требуютъ для своего осуществленія нѣкотораго времени, а независимо отъ этого обращеніе къ студентамъ, отъ котораго никоимъ образомъ нельзя разсчитывать на успѣхъ возобновленія занятій, особенно въ настоящее время, при отсутствіи легализованнаго студенческаго представительства, возможно только въ томъ случаѣ, когда оно является выраженіемъ свободной оцѣнки событій со стороны высшаго органа университетскаго самоуправленія и соотвѣтствуетъ убѣжденію совѣта въ томъ, что эта мѣра дѣйствительно можетъ содѣйствовать успокоенію умовъ.

„При наличныхъ же условіяхъ совѣтъ лишенъ возможности обратиться къ студентамъ съ какимъ-либо призывомъ, ибо всякое слово, сказанное въ такой моментъ, когда совѣтъ самъ глубоко убѣжденъ въ невозможности немедленнаго возобновленія занятій, прозвучало бы фальшью, было бы истолковано исключительно, какъ актъ, продиктованный волею высшаго начальства. Обращеніе при такихъ условіяхъ только усилило бы броженіе, простое же указаніе на слова министра, что волнующіе нынѣ студентовъ вопросы академической жизни должны стать предметомъ обсужденія законодательныхъ учрежденій при разсмотрѣніи проекта новаго устава, можетъ оказаться совершенно недостаточнымъ. Съ другой стороны, неосуществимо рекомендуемое министромъ разъясненіе студентамъ того обстоятельства, что распоряженія его, касавшіяся дѣятельности университета, отнюдь не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо ограниченій правъ, данныхъ указомъ 27 августа 1905 г. и правилами 11 іюня 1907 г. Это рѣшеніе неисполнимо, ибо оно находилось бы въ прямомъ противорѣчіи съ выраженнымъ уже единогласнымъ мнѣніемъ совѣта" *).

---

*) „Нов. Русь", 26 сентября.

Отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ уже не отъ министра народнаго просвѣщенія, а отъ совѣта министромъ. 25 сентября въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было опубликовано пространное правительственное сообщеніе, излагавшее результаты обсужденія университетскаго вопроса въ совѣтѣ министровъ. Въ этомъ сообщеніи профессорамъ, между прочимъ, ставится въ вину то обстоятельство, что они «хотя и убѣждали студентовъ не прекращать занятій, но одновременно тѣмъ или другимъ путемъ доводили до свѣдѣнія студентовъ, что борьбу за автономію они берутъ на себя, каковое заявленіе не могло, конечно, не дѣйствовать на студентовъ возбуждающимъ образомъ». Между тѣмъ для такой борьбы, по мнѣнію совѣта министровъ, не могло быть мѣста, такъ какъ циркуляры министра народнаго просвѣщенія нисколько не нарушаютъ правъ, данныхъ университетамъ указомъ 27 августа 1905 г. Все дѣло въ томъ, что этотъ указъ былъ неправильно понятъ и невѣрно толковался.

„Тогда какъ нѣкоторыя студенческія группы,—утверждало правительственное сообщеніе,—толковали новый порядокъ управленія университетами, какъ политическое завоеваніе революціонныхъ организацій, а совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній склонны были понимать вновь дарованное устройство, какъ право регулировать академическую жизнь, не стѣсняясь существующимъ законодательствомъ, правительство съ самаго начала полагало, что этотъ новый порядокъ управленія высшихъ учебныхъ заведеній возлагаетъ на профессорскія коллегіи право и обязанность руководить внутреннею университетскою жизнью въ рамкахъ дѣйствующаго закона, а именно избирать ректоровъ и декановъ и принимать мѣры къ обезпеченію правильнаго хода учебныхъ занятій и порядка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, что, за упраздненіемъ подчиненной попечителямъ учебныхъ округовъ инспектуры, должно было составить непосредственную заботу ректора и совѣта профессоровъ".

Иначе говоря, указъ 27 августа 1905 г., по мнѣнію совѣта министровъ, содержалъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ передачу обязанностей университетской инспекціи профессорскимъ совѣтамъ. Свой взглядъ на новую постановку высшихъ учебныхъ заведеній правительство, по словамъ сообщенія, разсчитывало осуществить въ новомъ университетскомъ уставѣ, но обсужденіе послѣдняго въ законодательныхъ учрежденіяхъ «можетъ занять довольно продолжительное время, а между тѣмъ длительнымъ, хотя и незаконнымъ примѣненіемъ произвольно установленныхъ, незаконныхъ правилъ внѣдрялись въ жизнь недопустимые, по мнѣнію правительства, порядки». Этому внѣдренію и должны помѣшать циркуляры г. Шварца, водворяющіе такимъ образомъ въ жизнь высшей школы законный порядокъ. И этотъ порядокъ, по мнѣнію совѣта министровъ, не требуетъ даже большихъ жертвъ. «Правительство не лишило отдѣльныя учебныя группы права обращаться къ своимъ профессорамъ по интересующимъ ихъ академическимъ вопросамъ черезъ избранныхъ посредниковъ-студентовъ, но оно не

признавало допустимымъ объединеніе этихъ посредниковъ въ какую бы то ни было постоянную представительную организацію, такъ какъ опытъ показалъ, что такія организаціи пріобрѣтаютъ неминуемо политическій характеръ. Въ послѣднее время совѣтъ министровъ рѣшилъ дать возможность лицамъ женскаго пола, хотя и незаконно допущеннымъ въ университеты, но добросовѣстно считавшимъ себя студентками, дослушать начатые ими университетскіе курсы, при чемъ, если бы техническія условія проведенія этого постановленія въ жизнь требовали какихъ-либо разъясненій, то за таковыми университеты должны были обращаться къ министру народнаго просвѣщенія. Наконецъ, правительство нашло необходимымъ провести одну общую норму евреевъ, допускаемыхъ въ высшія учебныя заведенія, дабы въ этомъ дѣлѣ не могло быть постоянныхъ колебаній».

Выражая надежду на «благоразуміе большинства студентовъ, очевидно сознающихъ нелѣпость предположеній объ измѣненіи правительствомъ своихъ воззрѣній и распоряженій подъ воздѣйствіемъ студенческихъ забастовокъ», совѣтъ министровъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что онъ «всецѣло разсчитываетъ на содѣйствіе профессоровъ, которые не исполнили бы своего служебнаго долга, если бы, подчиняясь давленію забастовщиковъ, лишили студентовъ, желающихъ заниматься, способовъ продолжать занятія». Соотвѣтственно этому совѣтъ министровъ въ своемъ сообщеніи предложилъ совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній продолжать лекціи и занятія и принять всѣ внутреннія мѣры къ прекращенію непорядка, а при невозможности оградить порядокъ собственными средствами учебнаго заведенія обращаться къ содѣйствію гражданскихъ властей. Послѣднимъ же совѣтъ министровъ поручалъ, «не принимая полицейскихъ мѣръ противъ забастовавшихъ студентовъ, пока они ограничиваются лишь непосѣщеніемъ лекцій, не допускать никакихъ съ ихъ стороны проявленій своеволія или насилія надъ другими лицами, въ случаѣ же полученія увѣдомленія отъ университетскаго начальства о насиліяхъ внутри стѣнъ учебнаго заведенія немедленно примѣнять къ виновнымъ всѣ законныя мѣры воздѣйствія».

За двѣ недѣли до сообщенія совѣта министровъ, когда конфликтъ г. Шварца съ профессорскими коллегіями былъ въ полномъ разгарѣ и, между прочимъ, шла еще рѣчь объ увольненіи профессоровъ, которые не дадутъ подписки въ непринадлежности къ противогосударственнымъ партіямъ, одинъ изъ вліятельныхъ профессоровъ московскаго университета, кн. Е. Трубецкой, выступилъ въ печати съ весьма рѣшительными заявленіями, горячо одобряя рѣшеніе петербургскаго профессорскаго совѣта сложить съ себя всякую отвѣтственность за мѣры министра народнаго просвѣщенія. «Ясно,—писалъ г. Трубецкой —что при такихъ условіяхъ отвѣтствовать за управленіе университетомъ совѣтъ не можетъ: признать передъ студентами, что раньше онъ нарушилъ законъ,

что онъ пошутилъ, давъ имъ право выбора старостъ, или что онъ не въ силахъ отстаивать своего и ихъ законнаго права—значитъ разъ навсегда поступиться своимъ педагогическимъ авторитетомъ. Чтобы пользоваться авторитетомъ, совѣтъ не долженъ быть безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства. Если послѣднее хотѣло въ своей университетской политикѣ опираться на совѣтъ, оно должно было съ большимъ уваженіемъ относиться къ его автономическимъ постановленіямъ. Ясно, что при этихъ условіяхъ заявленный совѣтомъ отказъ отъ осуществленія автономіи представлялся единственнымъ выходомъ» *). Совѣтъ министровъ въ своемъ сообщеніи какъ разъ подтвердилъ, что, съ точки зрѣнія правительства, профессорскіе совѣты «раньше нарушили законъ», что они лишь «пошутили», признавъ за студентами право выбора старостъ и впустивъ въ университетъ вольнослушательницъ, и что вообще никакихъ новыхъ правъ, кромѣ принадлежавшихъ раньше инспекціи, за университетскими совѣтами не числится. И тѣмъ не менѣе ни товарищи г. Трубецкого по совѣтамъ петербургскаго и московскаго университетовъ, ни самъ г. Трубецкой не удержались на заявленной имъ точкѣ зрѣнія.

Совѣтъ петербургскаго университета сумѣлъ даже отыскать въ правительственномъ сообщеніи нѣкоторыя уступки, создающія «совершенно новый моментъ». Одну изъ такихъ уступокъ совѣтъ нашелъ въ предоставленіи ему возможности ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи условій чтенія лекцій вольнослушательницамъ, возможности, которая, конечно, была у совѣта и раньше. Другую уступку совѣтъ усмотрѣлъ въ высказанномъ правительствомъ взглядѣ на студенческое представительство. «Правительство—говорилъ по этому поводу газетнымъ сотрудникамъ и. об. ректора проф. Шимкевичъ— высказывается противъ представительства отъ лица всего студенчества и постояннаго. Но вѣдь и совѣтъ университета не считалъ старостъ представителями всего студенчества, а лишь той части учащихся, которая участвовала въ выборахъ этихъ старостъ. Очевидно, правительство главнымъ образомъ противъ постояннаго представительнаго студенческаго органа, т. е., вопросъ въ сущности сводится къ тому, можетъ ли этотъ органъ имѣть постоянный уставъ или же ежегодно должна устанавливаться новая организація, имѣющая временный характеръ». Исходя изъ такихъ соображеній, совѣтъ петербургскаго университета рѣшилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о возстановленіи института старостъ и о предоставленіи вольнослушательницамъ возможности посѣщать общія со студентами лекціи. Это послѣднее ходатайство было возбуждено и совѣтомъ московскаго университета **).

*) „Голосъ Москвы", 11 сент.

**) „Нов. Русь", 26 сент.; „Рѣчь", 27 сент. и 12 окт.

Разсчеты профессоровъ, выразившіеся въ приведенныхъ соображеніяхъ, являлись, конечно, въ высокой мѣрѣ проблематичными и въ сущности представляли собою ничто иное, какъ попытку нѣкотораго самоутѣшенія. Я не говорю уже о томъ, что, если бы даже такіе разсчеты оправдались, они во всякомъ случаѣ дали бы не тотъ результатъ, какой первоначально имѣли въ виду совѣты. Но, какъ бы то ни было, совѣтъ петербургскаго университета рѣшилъ исполнить обращенное къ нему предложеніе правительства и открылъ университетъ, пригласивъ студентовъ возобновить занятія. Студенчество, однако же, не прекратило своей забастовки и въ теченіе нѣсколькихъ дней профессора приходили на лекціи лишь для того, чтобы узнать отъ студентовъ, что онѣ не могутъ состояться. Отдѣльные профессора за это время горячо убѣждали студентовъ приступить къ занятіямъ, но не имѣли большого успѣха и находили себѣ поддержку главнымъ образомъ среди немногочисленныхъ въ университетѣ членовъ «союза русскаго народа». Черезъ нѣкоторое время, когда на сходкѣ, созванной для обсужденія вопроса о продолженіи или прекращеніи забастовки, разыгралось рѣзкое столкновеніе, вызванное «союзниками», совѣтъ вновь попытался ходатайствовать передъ министромъ о временномъ закрытіи университета въ цѣляхъ успокоенія студенчества. Но совѣтъ министровъ, въ который опять-таки было перенесено это ходатайство, и на этотъ разъ отвѣтилъ на него отказомъ, предупредительно указавъ профессорамъ, что у нихъ имѣется другой путь для воздѣйствія на студенчество—путь репрессій.

„Совѣтъ министровъ—говорилось въ новомъ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ 5 октября,—не могъ не обратить вниманія на то, что совѣтомъ петербургскаго университета не были исчерпаны для возстановленія порядка предоставленныя ему закономъ 27 августа 1905 г. средства. Сознавая вполнѣ всю тяготу принятія противъ учащейся молодежи мѣръ репрессіи, совѣтъ министровъ полагаетъ, однако, что одно лишь пассивное отношеніе къ столь уродливому явленію, какъ учебная забастовка, доказываетъ безсиліе бороться съ нею, съ другой же стороны активныя противъ нея мѣропріятія должны быть приняты прежде всего совѣтами университетовъ, которымъ законъ предоставляетъ прибѣгать къ профессорскимъ дисциплинарнымъ судамъ и къ исключенію виновныхъ изъ числа студентовъ. Казалось бы,—съ неожиданной для оффиціальной бумаги попыткой на юморъ прибавляло правительственное сообщеніе—что послѣдняя мѣра отвѣчала бы и стремленію тѣхъ лицъ, которыя сами заявляютъ о нежеланіи своемъ слушать лекціи и препятствуютъ занятіямъ своихъ товарищей".

Совѣтъ петербургскаго университета не пошелъ за этимъ приглашеніемъ, но, открывая вновь университетъ, обратился къ студентамъ съ особымъ воззваніемъ, настойчиво приглашая ихъ вернуться къ занятіямъ. И, составляя такое воззваніе, которое самъ онъ еще недавно считалъ невозможнымъ, совѣтъ вставилъ въ него недвусмысленную угрозу. «Совѣтъ—такъ заканчивалось

это воззваніе—не хочетъ терять надежды, что студенты поймутъ крайнюю серьезность положенія и отдадутъ себѣ отчетъ въ огромной лежащей теперь на нихъ отвѣтственности. Если, вопреки надеждамъ совѣта, всѣ его старанія наладить университетскую жизнь окажутся тщетными, у совѣта неминуемо возникнетъ сомнѣніе, самое тягостное и роковое въ настоящую минуту, въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи».

Та нота, которая прозвучала въ этомъ воззваніи петербургскаго совѣта, еще раньше и еще рѣшительнѣе была взята московскими профессорами. Когда въ московскомъ университетѣ началась забастовка, профессора приложили большія усилія къ тому, чтобы убѣдить студентовъ возобновить занятія. Особенно большую энергію въ этомъ отношеніи обнаружилъ г. Трубецкой. Въ своихъ собесѣдованіяхъ со студентами онъ категорически утверждалъ, что «никакой союзъ русскаго народа не можетъ нанести автономіи столько вреда, сколько настоящая студенческая забастовка», и не менѣе категорически заявлялъ, что «вся профессорская коллегія московскаго университета относится въ высшей степени отрицательно къ прекращенію занятій и усматриваетъ въ дѣйствіяхъ студентовъ самую большую опасность для университетской автономіи» *). И такого рода заявленія дѣлались не однимъ только г. Трубецкимъ. Послѣ того, какъ настоянія профессоровъ на чтеніи лекцій вызвали обструкцію со стороны забастовавшихъ студентовъ, ректоръ университета, г. Мануиловъ, высказалъ ту же самую мысль въ еще болѣе рѣзкой формѣ и встрѣтилъ единодушную поддержку всей профессорской коллегіи.

„Въ рѣчи, произнесенной мною передъ баллотированіемъ на должность ректора,—говорилъ г. Мануиловъ въ совѣтскомъ засѣданіи 30 сентября—я заявилъ, что, по дѣйствующему закону, на совѣтѣ и выборныхъ органахъ университетскаго самоуправленія лежитъ обязанность нести въ полной мѣрѣ возложенную на нихъ законодателемъ отвѣтственность и пользоваться всей широтой сопряженныхъ съ этой отвѣтственностью правъ, рѣшительно отстраняя попытки нарушенія началъ высочайшаго указа 27 августа 1905 г., откуда бы эти попытки ни исходили. Въ настоящее время такія попытки исходятъ отъ студентовъ. Ихъ образъ дѣйствій, приведшій къ пріостановкѣ учебныхъ занятій въ университетѣ, есть рѣзкое нарушеніе началъ университетскаго самоуправленія, сущность котораго заключается въ томъ, что университетомъ управляетъ профессорская коллегія, основывающая свои дѣйствія на законѣ и нравственномъ авторитетѣ учащихъ по отношенію къ учащимся. Въ силу возложенной на совѣтъ отвѣтственности, которая служитъ и основаніемъ предоставленныхъ ему правъ, совѣтъ и выборные его органы обязаны и по закону, и по совѣсти возстановить нарушенное студентами правильное теченіе академической жизни въ университетѣ или сложить съ себя возложенную на нихъ отвѣтственность, откуда вытекала бы и утрата сопряженныхъ съ этой отвѣтственностью правъ самоуправленія. Вопросъ, поставленный на очередь событіями, имѣвшими мѣсто въ университетѣ въ послѣдніе дни, касается

*) „Рѣчь", 18 сентября.

самаго существованія университетской автономіи. Это—вопросъ о томъ, быть ей или прекратиться.

„Автономія не можетъ существовать, если законъ, на которомъ она покоится, нарушается неудачными и незакономѣрными распоряженіями или ограничительными толкованіями. Но она въ равной мѣрѣ падаетъ и въ томъ случаѣ, если подвергается колебаніямъ авторитетъ профессорской коллегіи и его сила оказывается недостаточной для поддержанія правильнаго теченія академической жизни.

„Дѣянія, совершаемыя въ настоящее время студентами въ университетѣ, если они не прекратятся, покажутъ яснымъ и не допускающимъ никакихъ пререканій способомъ, что профессорская коллегія не пользуется въ университетѣ надлежащимъ авторитетомъ, т. е., что автономія невозможна.

„Такой образъ дѣйствій студентовъ я считаю преступнымъ. Являясь соучастниками враговъ университетской автономіи, они вмѣстѣ съ ними выполняютъ печальную миссію разрушителей русской культуры.

„При условіяхъ, сложившихся въ данное время въ университетѣ, я не вижу для себя возможности оставаться на ректорскомъ посту"...

Совѣтъ, однако же, выразивъ полную свою солидарность съ г. Мануиловымъ, убѣдилъ его сохранить должность ректора и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ обратиться къ студентамъ съ особымъ воззваніемъ. «Совѣтъ московскаго унивирситета,—гласилъ текстъ этого воззванія, единогласно принятый совѣтомъ, — протестуя противъ забастовки, грозящей университету разрушеніемъ, и выражая крайнее негодованіе тѣмъ изъ студентовъ, которые участвовали въ обструкціи и позволили себѣ грубые и оскорбительные поступки противъ профессоровъ и ихъ слушателей, обращаетъ вниманіе студентовъ на создавшееся исключительно серьезное по своей опасности для университета положеніе и на безусловную необходимость возвращенія къ правильнымъ занятіямъ. Неисполненіе студентами этого предложенія послужитъ свидѣтельствомъ полнаго съ ихъ стороны неуваженія къ университетской автономіи» *).

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ провинціи на участниковъ студенческой забастовки обрушились административныя репрессіи, столичные университетскіе совѣты выступили противъ забастовавшихъ студентовъ съ обвиненіями въ томъ, что они губятъ университеты и въ большей мѣрѣ, чѣмъ это могли бы сдѣлать самые заядлые реакціонеры, подрываютъ дѣло университетской автономіи. Къ этимъ обвиненіямъ присоединилась и немалая часть столичныхъ газетъ. Особенно далеко пошло въ этомъ направленіи петербургское «Слово». Обсуждая университетскія событія, газета г. Ѳедорова категорически заявила, что нынѣшнее положеніе университетовъ гораздо болѣе тягостно, чѣмъ было оно даже «въ безпросвѣтную эпоху, послѣ 1848 г.», и болѣе тягостно именно благодаря студентамъ. «Съ чѣмъ столкнулись мы теперь?—патетически спрашивала названная газета.—Извнѣ нависли новыя тучи надъ нашею академическою жизнью, тучи мрачной реакціи. Но теперь менѣе, чѣмъ прежде

*) „Рѣчь", 3 октября.

можно было бы вѣрить въ побѣду ихъ, по крайней мѣрѣ, въ сколько-нибудь продолжительную побѣду. Слишкомъ сильно всколыхнулось общественное сознаніе, слишкомъ яркимъ казался опытъ послѣднихъ двухъ академическихъ годовъ, чтобы органъ общественнаго мнѣнія, даже такой, какъ третья Дума, могъ допустить торжество налетѣвшаго шквала. Чаша испытанія приблизилась къ устамъ нашимъ, но была крѣпкая надежда, что найдется рука, которая отведетъ ее». Случилось, однако, по мнѣнію газеты, нѣчто неожиданное. «Въ тотъ моментъ, когда надо было дружно сплотиться всѣмъ друзьямъ свободной науки, когда нельзя было допускать ни одного ложнаго шага, который былъ бы на руку и безъ того достаточно сильному врагу,—въ этотъ моментъ въ совѣтахъ обоихъ столичныхъ университетовъ «возникаетъ тягостное и роковое въ настоящую минуту сомнѣніе въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи». И виновниками этого сомнѣнія являются уже не внѣшнія обстоятельства, а внутреннія осложненія,—неумѣніе студенчества сдержать свои порывы, пренебреженіе съ ихъ стороны, во имя этихъ порывовъ, уваженіемъ къ голосу профессорской коллегіи, единствомъ старшихъ и младшихъ элементовъ академической семьи. На карту ставятся, дѣйствительно, «самые дорогіе интересы университета», самыя завѣтныя надежды, такъ долго поддерживавшія лучшую часть профессоровъ и студенчества, столь близкія уже къ осуществленію. И кто же наноситъ имъ роковой ударъ? Сами студенты». «Нѣтъ будущаго—поясняла далѣе свою мысль газета—у дѣла, въ которое перестаютъ вѣрить его работники. А какъ могутъ сохранить вѣру въ свое дѣло профессорскія коллегіи, столь энергично и единодушно выступившія въ послѣднее время, разъ студенты всѣмъ образомъ дѣйствій своихъ доказываютъ ихъ безсиліе отвѣчать за то, что совершается подъ академической кровлей? Вотъ самый тяжкій вопросъ, выдвинутый на очередь послѣдними событіями. Стоитъ только поставить его во всей его трагической обнаженности, чтобы содрогнуться передъ нимъ» *).

Какъ видитъ читатель, обвиненіе по адресу студентовъ сформулировано ясно и опредѣленно. Другой вопросъ,—правильно ли оно. Въ этомъ вопросѣ стоитъ разобраться, и разобраться серьезно, не отуманивая себя крикливымъ пафосомъ громкихъ словъ. Попробуемъ же сдѣлать это.

По мнѣнію «Слова», «мрачныя тучи реакціи», нависшія надъ нашей высшей школой, были бы, внѣ всякаго сомнѣнія, разсѣяны «даже такимъ органомъ общественнаго мнѣнія, какъ третья Дума», если бы только не помѣшали этому «порывы» студенчества, увлекшіе послѣднее въ забастовку. Этому утвержденію, конечно, не повѣрятъ даже профессора и еще меньше можетъ повѣрить ему ши-

*) „Слово“, 5 октября.

рокое русское общество. Вѣдь еще минувшей весною ораторы «руководящаго большинства» третьей Думы достаточно неодобрительно отзывались о политикѣ г. Шварца, но это нисколько не помѣшало дальнѣйшему развитію той же политики и одобренію ея всѣмъ правительствомъ. А если спросить, что собственно измѣнилось съ той поры въ отношеніяхъ между третьей Думой и правительствомъ, то, думается, даже благодушная газета г. Ѳедорова едва-ли найдетъ какой-либо отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Но, не довольствуясь ссылкою на третью Думу, которая якобы совсѣмъ была готова облагодѣтельствовать нашу высшую школу, «крѣпкой рукой» отведя отъ нея «чашу испытаній», «Слово» говоритъ еще и нѣчто другое. Оно даетъ именно понять, что права высшей школы отстаивались профессорскими коллегіями, но и послѣднимъ помѣшали студенты своею забастовкой, которая компрометировала самую идею университетской автономіи. Какъ мы видѣли, это самое утверждаютъ и сами профессорскіе совѣты. Но въ дѣйствительности, какъ показываютъ приведенныя выше фактическія справки, это утвержденіе не отличается большою точностью. Совѣты петербургскаго и московскаго университетовъ начали, дѣйствительно, съ протестовъ противъ министерскихъ циркуляровъ, нарушившихъ права высшей школы, но затѣмъ постепенно открыли другого «врага» этихъ правъ въ лицѣ забастовавшихъ студентовъ. И, нужно отдать справедливость профессорскимъ совѣтамъ, по отношенію къ этому «врагу» они развили большую энергію. Забастовавшіе студенты были обвинены и въ «рѣзкомъ нарушеніи началъ университетскаго самоуправленія», и въ «полномъ неуваженіи къ университетской автономіи», и въ «преступномъ образѣ дѣйствій», и въ томъ, наконецъ, что они берутъ на себя «печальную миссію разрушителей русской культуры». И самая реакція университетскихъ совѣтовъ и ихъ выборныхъ представителей на всѣ эти «преступленія» оказалась порою даже болѣе сильной, чѣмъ ихъ же реакція на дѣйствительныя нарушенія университетскихъ правъ. Г. Мануиловъ, напримѣръ, собирался «рѣшительно отстранять попытки нарушенія началъ указа 27 августа 1905 г., откуда бы эти попытки ни исходили». «Автономія—утверждалъ тотъ же г. Мануиловъ—не можетъ существовать, если законъ, на которомъ она покоится, нарушается неудачными и незакономѣрными распоряженіями или ограничительными толкованіями». «Незакономѣрныя распоряженія», при томъ незакономѣрныя съ точки зрѣнія самого г. Мануилова, состоялись—г. Мануиловъ протестовалъ противъ нихъ, но не «отстранилъ» и спокойно остался на своей ректорской должности. Когда же забастовали студенты, г. Мануиловъ не потерпѣлъ такого «нарушенія началъ университетскаго самоуправленія» и заявилъ о своемъ отказѣ отъ должности.

Разъ пойдя по направленію наименьшаго сопротивленія, университетскіе совѣты зашли по этому опасному пути гораздо дальше

тѣмъ это позволяла самая обыкновенная логика и самое простое благоразуміе. Сначала они сами вполнѣ резонно заявляли министерству, что спокойствіе студентовъ обезпечивается автономіей высшей школы, а не нарушеніемъ ея правъ. Но затѣмъ, принявшись все-таки, частью добровольно, частью подъ вліяніемъ настояній начальства, успокаивать студенчество, они какимъ-то страннымъ образомъ смѣшали самихъ себя съ идеей университетской автономіи, а то обстоятельство, что студенты не вняли сразу ихъ призывамъ къ успокоенію, отожествили съ неуваженіемъ къ автономіи высшей школы. Отсюда получились самые неожиданные выводы. «Если—писалъ совѣтъ петербургскаго университета въ своемъ обращеніи къ студентамъ—всѣ старанія совѣта наладить университетскую жизнь окажутся тщетными, у совѣта неминуемо возникнетъ сомнѣніе, самое тягостное и роковое въ настоящую минуту, въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи». Еще прямѣе и проще выразилъ ту же мысль московскій ректоръ въ рѣчи, «полную солидарность» съ которой заявилъ и весь совѣтъ московскаго университета. «Дѣянія,—сказалъ въ этой рѣчи г. Мануиловъ,—совершаемыя въ настоящее время студентами въ университетѣ, если они не прекратятся, покажутъ яснымъ и не допускающимъ никакихъ пререканій способомъ, что профессорская коллегія не пользуется въ университетѣ надлежащимъ авторитетомъ, т. е., что автономія невозможна». Газета г. Ѳедорова нашла, что эти заявленія профессорскихъ коллегій ставятъ «тяжкій вопросъ», который своею «трагическою обнаженностью» заставляетъ «содрогнуться». И приведенныя заявленія, дѣйствительно, очень характерны, хотя настоящее ихъ значеніе, думается, заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ видитъ его «Слово». Мнѣ, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, эти заявленія университетскихъ совѣтовъ своей наивно-величавой горделивостью напоминаютъ заявленія тѣхъ государственныхъ людей, которые глубоко убѣждены въ томъ, что, если страна недостаточно имъ довѣряетъ, значитъ, она не созрѣла для свободы. Г. Мануилову и его московскимъ и петербургскимъ товарищамъ, повидимому, не приходитъ даже въ голову то простое соображеніе, что большое уваженіе къ университетской автономіи можетъ очень легко соединяться съ глубокимъ недовѣріемъ къ образу дѣйствій данной профессорской коллегіи. Кто говоритъ,—было бы, конечно, очень желательно, чтобы учащаяся молодежь питала безусловное довѣріе къ своимъ профессорамъ и, въ частности, вполнѣ довѣряла имъ въ дѣлѣ отстаиванія правъ высшей школы. Но вѣдь довѣріе не дается даромъ, не пріобрѣтается само собой,—его нужно заслужить и заслужить не словами, а дѣлами. Между тѣмъ, если говорить о дѣлахъ профессорскихъ коллегій, то придется вѣдь сказать, что въ памяти русскаго общества осталось не такъ ужь много дѣйствій послѣднихъ, направленныхъ къ отстаиванію правъ высшей школы. За то русское общество едва-ли

могло забыть, что въ средѣ нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій находится не мало людей, которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ либо сами участвовали въ актахъ отдачи студентовъ за университетскіе безпорядки въ солдаты, либо оставались безмолвными свидѣтелями такихъ актовъ. Едва-ли общество успѣло забыть и то, какъ немного позже, въ 1901 г., московскіе профессора, совмѣстно съ начальствомъ, старались заткнуть, говоря словами тогдашняго ихъ воззванія, «злосчастную отдушину» университета. Это, конечно,— прошлое, но вѣдь именно прошлое и даетъ тѣ или иныя права на довѣріе въ настоящемъ. Что касается нашихъ профессорскихъ коллегій, то имъ оно врядъ-ли дало основанія требовать безусловнаго довѣрія къ себѣ. Въ настоящемъ совѣты столичныхъ университетовъ не пошли, правда, по дорогѣ репрессій противъ студенчества, боровшагося за права высшей школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнили радикально своего поведенія и въ другую сторону. Въ судьбахъ нашей высшей школы есть одна по-истинѣ трагическая черта, заключающаяся въ томъ, что вся тяжесть борьбы за права и достоинство школы ложится почти исключительно на плечи учащейся молодежи. Эта черта сохранилась въ сущности неизмѣнной и въ настоящій моментъ. Позиціи учащихъ и учащихся не только оказались различными, онѣ были вдобавокъ противопоставлены одна другой, какъ взаимно враждебныя, и вина за такое противопоставленіе, явившееся во всякомъ случаѣ результатомъ не особенно глубокой политической мудрости и не особенно большой послѣдовательности, никакъ не можетъ быть возложена на студенчество.

Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, студенческая забастовка уже закончена, и закончена рѣшеніемъ самихъ студентовъ. Вняли ли студенты уговорамъ и увѣщаніямъ профессоровъ, убѣдились ли они въ недостаточности своихъ силъ для начатой борьбы побоялись ли возможнаго раздора и деморализаціи въ собственной средѣ,—они во всякомъ случаѣ постановили прекратить забастовку и въ результатѣ рѣшенія студенческихъ сходокъ занятія въ учебныхъ заведеніяхъ возобновляются. Тѣ, кто оцѣнивалъ студенческую забастовку главнымъ образомъ съ точки зрѣнія жертвъ, какихъ она могла потребовать отъ учащейся молодежи, могутъ теперь радоваться, что забастовка окончилась, не повлекши за собою черезчуръ тяжелыхъ жертвъ. Но другой вопросъ, окончились ли съ забастовкой хотя бы для ближайшаго времени тѣ жертвы, какихъ требуетъ отъ молодежи школа. Боюсь, что на этотъ вопросъ возможно отвѣтить лишь рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Трагедія нашей высшей школы заключается не только въ томъ, что борьбу за школу приходится вести по преимуществу учащейся молодежи. Въ этой трагедіи есть еще другой, не менѣе, если не болѣе, трагическій элементъ, сводящійся къ тому, что борьба за свободу школы сама по себѣ является совершенно безнадежной, пока она остается въ сферѣ одной лишь академической жизни,

внѣ всякой связи съ другими, болѣе широкими задачами. Свободная школа, и особенно свободная высшая школа, представляется въ настоящій моментъ въ Россіи своего рода безсмыслицей, такъ какъ школа, даже при всемъ желаніи ея дѣятелей, не можетъ освободиться изъ-подъ воздѣйствія общихъ условій окружающей ее жизни. Не случайно, въ самомъ дѣлѣ, правительство, признавъ въ 1905 г. за высшей школой нѣкоторыя права, съ 1906 года начало отбирать эти права обратно. И не случайно также этотъ процессъ отбора назадъ однажды признанныхъ было правъ сталъ особенно энергично развиваться именно въ тотъ моментъ, когда правительство сочло общее «успокоеніе» страны достаточно продвинутымъ впередъ. Оба эти процесса тѣсно связаны другъ съ другомъ, точнѣе говоря, первый изъ нихъ входитъ во второй, какъ его естественная составная часть. На извѣстной ступени своего развитія общее «успокоеніе» съ логическою неизбѣжностью повлекло за собою и то возстановленіе «законности» или, говоря обычнымъ языкомъ, прежняго порядка въ высшей школѣ, которое является цѣлью циркуляровъ г. Шварца. А за этой цѣлью, достиженіе которой правительство теперь объявляетъ своею обязанностью, намѣчена уже и другая въ видѣ коренной «реформы» всего быта высшей школы.

О необходимости реформы нашей высшей школы говорится уже давно, и въ правительственныхъ сферахъ давно ведутся подготовительныя работы въ этомъ направленіи. Было время, въ 1905 году, когда правительственныя сообщенія извѣщали о признанной необходимости «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія». Тогда правительство обѣщало осуществить эту задачу путемъ составленія новаго университетскаго устава и привлекало къ участію въ работахъ надъ проектомъ такого устава профессорскія коллегіи. Теперь оказалось, что «начала внутренняго самоуправленія» въ высшей школѣ очень удобно могутъ быть сведены къ передачѣ функцій инспекціи профессорскимъ совѣтамъ. Мысль объ общей реформѣ высшей школы все же не была оставлена, но для развитія этой мысли въ новой ея постановкѣ участія профессоровъ уже не потребовалось. Новый проектъ университетскаго устава при г. Шварцѣ былъ составленъ исключительно силами чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и до поры, до времени держался въ большой тайнѣ. Лишь не такъ давно онъ былъ опубликованъ и содержаніе его оказалось настолько любопытнымъ, настолько ярко вскрывающимъ основныя тенденціи переживаемаго нашей высшей школой момента, что на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Проектъ новаго устава, прежде всего, оставляетъ университеты подчиненными министру народнаго просвѣщенія и попечителю учебнаго округа. Попечитель, по проекту, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы

университетъ не отступалъ отъ выполненія возложенныхъ на него задачъ, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ закона и правилъ всѣми университетскими установленіями и должностными лицами и въ этихъ отношеніяхъ оказываетъ имъ необходимое содѣйствіе. Всѣ дѣла, превышающія власть органовъ университетскаго управленія, попечитель или разрѣшаетъ самъ, или представляетъ на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія со своимъ заключеніемъ. Когда попечитель признаетъ нужнымъ, онъ предлагаетъ на обсужденіе подлежащихъ органовъ университетскаго управленія вопросы, касающіеся университета и учебнаго округа, для чего получаетъ право созывать собранія совѣта, правленія и факультетовъ, а равно и присутствовать на этихъ собраніяхъ. Дѣятельность университета во всѣхъ ея частяхъ должна быть всегда доступна контролю попечителя, и всѣ лица, служащія въ университетѣ или состоящія при немъ, обязаны давать попечителю объясненія, относящіяся къ ихъ дѣлахъ. Въ случаяхъ нарушенія правильнаго хода дѣятельности университета попечитель принимаетъ всѣ нужныя по его усмотрѣнію мѣры къ возстановленію порядка, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ дѣйствуетъ безотлагательно всѣми зависящими отъ него способами, хотя бы они выходили изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Но въ такихъ случаяхъ онъ немедленно сообщаетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и вызвавшихъ ихъ причинахъ министру. Всѣ сношенія министерства народнаго просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ министерство должны совершаться черезъ попечителя.

Университетскій совѣтъ, по проекту, имѣетъ право избирать кандидатовъ на должность ректора и проректора. Если избранные кандидаты не будутъ утверждены министромъ, назначаются новые выборы, и совѣтъ можетъ избрать другихъ лицъ. Въ случаѣ же вторичнаго неутвержденія избранныхъ кандидатовъ министръ самъ назначаетъ ректора и проректора изъ числа ординарныхъ профессоровъ даннаго университета. Подобнымъ же образомъ факультеты могутъ избирать кандидатовъ въ деканы, а въ случаѣ двукратнаго неутвержденія избраннаго кандидата должность декана замѣщается по назначенію министра. Ректоръ наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ засѣданіяхъ совѣта и правленія и несетъ отвѣтственность за законность ихъ постановленій. Что касается профессовъ, то они назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, при чемъ отъ послѣдняго зависитъ предоставить соотвѣтствующему факультету избрать на вакантную должность одного или нѣсколькихъ кандидатовъ и представить ихъ на утвержденіе. Такимъ образомъ все управленіе университетомъ сосредоточивается въ рукахъ назначенныхъ министромъ лицъ. Но и этимъ лицамъ проектъ предоставляетъ очень ограниченную власть. На утвержденіе министра должны восходить отъ факультетовъ и совѣта не только такія дѣла, какъ проектъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей

или предположенія о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ одной каѳедры другою, объ открытіи новыхъ каѳедръ, либо о перенесеніи каѳедръ съ одного факультета на другой, но и такія, какъ избраніе почетныхъ членовъ университета, ходатайства факультетовъ о возведеніи того или иного лица въ степень почетнаго доктора, устройство университетомъ торжественныхъ собраній и даже ходатайства факультетовъ объ учрежденіи при университетѣ ученыхъ обществъ. Однимъ словомъ, проектъ не только подчиняетъ университеты министру, не только обращаетъ профессоровъ въ назначенныхъ чиновниковъ, но еще устанавливаетъ надъ каждымъ шагомъ профессуры бдительную опеку со стороны министра.

Трактуя такимъ образомъ профессоровъ въ духѣ устава 1884 г., проектъ и по отношенію къ студентамъ возвращается къ началамъ того же устава. Упраздненная въ послѣднее время университетская инспекція возстанавливается проектомъ подъ именемъ «факультетскихъ приставовъ». На обязанность этихъ приставовъ возлагается ближайшее наблюденіе за исполненіемъ въ университетскихъ зданіяхъ студентами и посторонними слушателями установленныхъ правилъ и надзоръ за соблюденіемъ этими лицами порядка во всѣхъ помѣщеніяхъ университета. Число такихъ приставовъ опредѣляется министромъ, по представленіямъ ректоровъ, для каждаго университета отдѣльно; избираются они ректоромъ, по возможности изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждаются въ должности попечителемъ. Состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ректора, они должны дѣйствовать по инструкціи, вырабатываемой ректоромъ по соглашенію съ деканами и утверждаемой попечителемъ. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ выбора лицъ, долженствующихъ слѣдить за исполненіемъ студентами университетскихъ правилъ, равно какъ и въ составленіи инструкціи для этихъ лицъ, университетская профессура и стоящій во главѣ ея ректоръ остаются подчиненными власти попечителя.

Съ другой стороны, дисциплинарную власть по отношенію къ студентамъ проектъ всецѣло передаетъ въ руки ректора и декановъ и, ставя ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень тѣсныя рамки, въ другихъ, напротивъ, оставляетъ передъ ней черезчуръ широкій просторъ. Согласно проекту, въ случаѣ нарушенія студентомъ университетскихъ правилъ соотвѣтствующій деканъ дѣлаетъ ему напоминаніе; въ случаѣ дальнѣйшаго нарушенія студентомъ правилъ деканъ сообщаетъ ректору, который съ своей стороны дѣлаетъ студенту напоминаніе; если же и послѣ этого студентъ продолжаетъ нарушать правила, то онъ увольняется изъ университета. Въ случаѣ важныхъ нарушеній правилъ ректоръ можетъ немедленно уволить студента. Отвѣчая за дисциплинарные проступки передъ деканомъ и ректоромъ, студенты вмѣстѣ съ тѣмъ остаются отвѣтственными передъ общимъ судомъ за преступныя дѣянія, совершенныя ими какъ въ университетѣ, такъ и за его стѣнами. Съ своей стороны

ректоръ о всякомъ преступномъ дѣяніи студента, совершенномъ въ университетѣ, обязанъ, истребовавъ заключеніе университетскаго юрисконсульта, доводить до свѣдѣнія подлежащей власти, сообразно существующимъ законоположеніямъ; при этомъ отъ усмотрѣнія ректора, по соглашенію его съ соотвѣтствующимъ деканомъ, зависитъ оставить виновнаго въ числѣ студентовъ до рѣшенія суда или немедленно уволить изъ университета. Точно также отъ соглашенія ректора съ деканомъ зависитъ оставить въ университетѣ или уволить студента въ случаѣ полученія свѣдѣній о взысканіи, наложенномъ на него по приговору общаго суда, или о такихъ совершенныхъ имъ проступкахъ, которые, хотя и не повлекли за собою судебнаго преслѣдованія, но имѣютъ «предосудительный характеръ». Иначе говоря, ректору и деканамъ предоставляется полная возможность, которая на практикѣ, конечно, обратилась бы въ обязанность, увольнять студентовъ по доносамъ о совершенныхъ ими поступкахъ, носящихъ «предосудительный характеръ». Наконецъ, «въ случаѣ нарушенія студентами порядка въ университетѣ посредствомъ дѣйствій скопомъ» ректоръ обязанъ немедленно сообщать объ этомъ подлежащей административной власти, которая уже и принимаетъ нужныя для возстановленія порядка мѣры. При этомъ участники безпорядка, независимо отъ преданія ихъ общему суду, немедленно увольняются ректоромъ изъ университета.

Въ общемъ студенты проектомъ новаго устава, стоящимъ и въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ уставомъ 1884 г., разсматриваются, какъ отдѣльные посѣтители университета, между которыми нѣтъ и не должно быть никакой связи и никакого общенія. Правда, по проекту, «студентамъ университета не возбраняется образовывать разнаго рода общества, преслѣдующія цѣли, имѣющія ближайшее отношеніе къ академической жизни студентовъ, а также основывать учрежденія, соотвѣтствующія ихъ духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ», но только «на основаніи общихъ законоположеній и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность студенческихъ обществъ и учрежденій происходила исключительно внѣ университета». Никакіе студенческіе кружки и общества, никакія организаціи и учрежденія студентовъ внутри университетовъ проектомъ не допускаются. Точно также «студентамъ университета могутъ быть разрѣшаемы внѣ университета собранія на основаніи общихъ законоположеній о публичныхъ собраніяхъ». Въ университетѣ же никакія собранія студентовъ, кромѣ обычныхъ собраній для учебныхъ занятій въ аудиторіяхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, не допускаются. Возможность студенческихъ обществъ и собраній внѣ университета «на основаніи общихъ законоположеній»—это, конечно, не болѣе какъ наивный эвфемизмъ, истинный смыслъ котораго нетрудно разгадать, припомнивъ существующія у насъ условія разрѣшенія обществъ и собраній. Но

этотъ эвфемизмъ едва-ли совершенно случайно попался подъ руку составителямъ проекта и ему присуще, пожалуй, нѣкоторое значеніе и помимо звучащей въ немъ насмѣшки. Студенческая жизнь проектомъ новаго университетскаго устава изъ того не особенно уютнаго, но все же хоть до нѣкоторой степени защищеннаго уголка, въ которомъ она жмется теперь, выбрасывается на широкую улицу, ничѣмъ, никакими преградами не охраняемую отъ урагана «успокоенія». Университетъ—таковъ смыслъ проекта — долженъ быть поставленъ на одинъ уровень со всею окружающею его дѣйствительностью, долженъ перестать быть убѣжищемъ какихъ бы то ни было остатковъ свободы, хотя бы то была лишь свобода чисто корпоративной жизни учащейся молодежи.

На ряду съ этимъ проектъ новаго устава намѣчаетъ и еще одно крупное преобразованіе въ нынѣшней университетской системѣ. Согласно проекту, окончаніе университета, сопровождаемое выдержаніемъ всѣхъ установленныхъ испытаній, само по себѣ не должно давать никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ, лица же, ищущія такихъ правъ и преимуществъ, должны подвергаться особымъ испытаніямъ въ спеціальныхъ вѣдомственныхъ коммиссіяхъ. При этомъ, однако, университетское преподаваніе не дѣлается свободнымъ, а ведется по планамъ, составляемымъ факультетами и утверждаемымъ министромъ.

И въ этомъ случаѣ проектъ новаго устава представляетъ собою не болѣе, какъ попытку возобновленія и дальнѣйшаго развитія той системы, которая впервые была намѣчена уставомъ 1884 г., при томъ попытку, столь же неясную и противорѣчивую и столь же мало согласованную съ дѣйствительными условіями русской жизни, какъ и неудачный опытъ 1884 г., отъ котораго вскорѣ вынуждены были отказаться сами его авторы.

Таково въ главныхъ своихъ чертахъ содержаніе проекта новаго университетскаго устава, того проекта, который, по мысли правительства, долженъ создать реформу нашей высшей школы. Въ сущности изложить этотъ проектъ значитъ уже и оцѣнить его. Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ проектѣ передъ нами является не что-либо новое, что предстояло бы внимательно разсматривать, тщательно взвѣшивать и оцѣнивать. Нѣтъ, проектъ, изготовленный г. Шварцемъ, представляетъ собою ничто иное, какъ послѣдовательное развитіе давно намъ знакомыхъ, давно извѣданныхъ нами на горькомъ опытѣ началъ, лежавшихъ въ основѣ прежняго школьнаго порядка, такъ тѣсно связаннаго съ порядкомъ общимъ. Университетъ, управляемый попечителемъ и министромъ, назначаемые властью министра ректоры и деканы, профессора-чиновники, студенчество, распыленное на отдѣльныя единицы, находящееся подъ наблюденіемъ университетской инспекціи и «при дѣйствіяхъ скопомъ» усмиряемое «подлежащей администраціей»,—все это мы видѣли, все это мы испытали. И, если теперь къ этой давно

знакомой намъ картинѣ прибавились нѣкоторые орнаменты въ новѣйшемъ стилѣ въ видѣ излюбленныхъ «обновленнымъ строемъ» эвфемизмовъ, они все же не помѣшаютъ намъ разсмотрѣть знакомыя очертанія старой картины.

«Сперва успокоеніе, затѣмъ реформы»... Мы часто слышали за послѣдніе годы эту формулу, и были даже наивные люди, которые серьезно ожидали воплощенія ея въ жизнь и въ самомъ дѣлѣ ждали реформъ, хоть какихъ-нибудь, хоть не широкихъ, но настоящихъ реформъ. Были, въ частности, и люди, которые ждали реформы высшей школы и мечтали, уйдя отъ широкихъ задачъ жизни, примирившись съ тѣмъ, что возможно, безъ борьбы создать въ условіяхъ окружающей дѣйствительности автономную школу съ культомъ свободной науки. Отъ многаго отказались, отъ многаго отвернулись они ради этой мечты. Теперь обликъ возможной «реформы» высшей школы вырисовался вполнѣ ясно. И, быть можетъ, вглядѣвшись въ этотъ обликъ, даже нѣкоторые изъ свернувшихъ съ прямой дороги вновь поймутъ, что трагедія русской школы не можетъ быть оторвана отъ трагедіи русской жизни, и припомнятъ тотъ лозунгъ, который они повторяли три года тому назадъ и который гласилъ, что свободная школа можетъ существовать только въ свободной жизни. Переживаемая нами дѣйствительность во всякомъ случаѣ не устаетъ копить новые аргументы для этого лозунга и новыя силы для его проведенія. Реальные плоды усерднаго успокоенія уже имѣются на-лицо и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что плоды вѣнчающихъ это успокоеніе реформъ будутъ развиваться въ томъ же направленіи.

В. Мякотинъ.

Политика.

Новый фазисъ въ исторической эволюціи восточнаго вопроса.—Добровольное усвоеніе европейской цивилизаціи вмѣсто принудительнаго.—Прежніе примѣры: Россія, Балканскія мелкія страны, Японія.—Новыя событія: Персія, Турція, аналогичныя движенія въ другихъ странахъ Востока.—Современное положеніе дѣлъ на Востокѣ съ этой точки зрѣнія.—Послѣднія событія въ Персіи.—Положеніе Турціи къ осени 1908 года.—Общій кризисъ на Балканахъ.—Папскія выступленія послѣдняго времени и церковный модернизмъ.—Внутреннее положеніе католической церкви.—Текущія событія.

I.

Весь европейскій міръ глубоко взволнованъ послѣдними событіями на Балканскомъ полуостровѣ. На Балканахъ разгораются костры, но успѣютъ ли зажечь Европу, или усилія миролюбивыхъ элементовъ среди европейскихъ народовъ сумѣютъ загасить этотъ пожаръ, зажженный искусною, но безтрепетною рукою вѣнской дипломатіи,—вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ цивилизованныя націи всего міра. Съ грустью можно констатировать, что для нѣкоторыхъ правительствъ европейской культуры *миръ* и его сохраненіе являются лишь лицемѣрною маскою и лишь до тѣхъ поръ, покуда международная историческая конъюнктура не обѣщаетъ успѣха при наступленіи... Длинная и печальная исторія XIX вѣка и коротенькая исторія XX вѣка тому даютъ многочисленные примѣры. Осень 1908 года прибавила еще одинъ. Великая держава, подписавшая въ 1878 году берлинскій трактатъ и, можно сказать, его вмѣстѣ съ Англіей выработавшая, отказалась отъ обязательствъ, наложенныхъ этимъ трактатомъ, и одностороннимъ актомъ безъ согласія другихъ контрагентовъ объявила нѣкоторые пункты договора отмѣненными!

Таково центральное событіе балканской драмы, бросившее палки въ колеса новаго турецкаго режима, возбудившее опасныя страсти среди народовъ Ближняго Востока, заставившее державы Европы вспомнить о своихъ правахъ и обязанностяхъ по международному праву и снова поставившее на очередь такъ называемый «восточный вопросъ». Этотъ больной вопросъ давно тяготѣетъ надъ Европою. Обновленіе Турціи и Персіи обѣщало его снять съ очереди, но *кому-то* это невыгодно... Удастся-ли эта закулисная игра, покажетъ ближайшее будущее, а пока вся Европа съ тревогою и опасеніями ожидаетъ событій, наблюдаетъ эти внезапно выступившіе на ясномъ небѣ темные и туманные призраки больного вопроса, самаго больного (если не считать польскаго) изъ международныхъ вопросовъ, волнующихъ человѣчество.

Что такое, однако, восточный вопросъ?

Тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ заключенія санъ-стефанскаго мира (19 февр. 1878 года), когда ожидалось военное столкновеніе между Россіей, съ одной стороны, и коалиціей съ Англіей во главѣ—съ другой, этотъ вопросъ о сущности восточнаго вопроса такъ же стоялъ передъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, какъ снова теперь. Наружную игру событій и внѣшній переплетъ факторовъ, въ нихъ участвующихъ, видно простымъ глазомъ, но смыслъ этихъ, казалось-бы, безсмысленныхъ явленій, вскрывается лишь при болѣе сильномъ освѣщеніи общаго историческаго и философскаго характера. Тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ, я попробовалъ это сдѣлать. Послѣдующая исторія подтвердила мои обобщенія (помѣщены они были въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»). Поэтому вкратцѣ и въ общихъ чертахъ я здѣсь ихъ изложу.

Человѣческія общества государственнаго періода имѣютъ два типа культуры (или двѣ формы быта, какъ я предпочелъ выражаться въ позднѣйшихъ работахъ). Этимъ типамъ у меня посвящено много работъ. Объ нихъ-же я заговорилъ (кажется, впервые) и въ указанномъ очеркѣ о восточномъ вопросѣ въ 1878 году. Я предпочитаю, однако, привести объ этой сторонѣ дѣла значительно позже составленное сжатое резюме (изъ тома IV «Большой Энциклопедіи» sub verbo *Бытъ*): «Перечисленныя нами три формы быта (дикій, родовой и общинный) составляютъ группу быта догосударственнаго. Частью непосредственно изъ общиннаго, большею же частью изъ взаимодѣйствія общиннаго и родового возникаетъ бытъ государственный въ его двухъ главныхъ типахъ: *варварства* и *цивилизаціи* (по терминологіи Фурье). Варварство характеризуется въ *экономическомъ* отношеніи рабской организаціей труда и натуральнымъ хозяйствомъ; въ *умственномъ*—отсутствіемъ свѣтской образованности и господствомъ національныхъ религій, большею частью исключающихъ свободное развитіе мысли внутри націи, а внѣ не допускающихъ равноправнаго общенія съ другими народами; въ *политическомъ*—произволомъ въ управленіи, порабощеніемъ женщины, нерѣдко даже въ формѣ полигаміи, и постоянной международной враждой, опирающейся на полную отчужденность народовъ. Такое состояніе фатально ведетъ къ вырожденію господствующихъ классовъ и паденію государства, которое обыкновенно замѣняется новой подобной же организаціей изъ новыхъ свѣжихъ слоевъ (нерѣдко изъ пришлыхъ завоевателей), фатально повторяющихъ ту же эволюцію. *Цикличность* эволюціи является, такимъ образомъ, наиболѣе общимъ признакомъ варварства, находящимся въ связи и зависимости со всѣми главными отличительными чертами этой формы быта. Въ отличіе отъ варварства, бытъ *цивилизованный* характеризуется: освобожденіемъ рабовъ, развитіемъ свѣтской образованности, распространеніемъ всемірныхъ религій, законностью, народнымъ правленіемъ, моногаміей и международ-

нымъ общеніемъ, а какъ резюме всего этого, *прогрессивностью* общественнаго процесса, для котораго цикличность перестаетъ быть закономъ исторіи. Совокупность признаковъ двухъ типовъ государственнаго быта дозволяетъ замѣнить неясные термины «варварства» и «цивилизаціи» болѣе точными терминами *цикличной* и *прогрессивной* формы. Огюстъ Контъ называетъ одну оріентализмомъ, другую оксидентализмомъ. Бокль пріурочиваетъ одну къ жаркому, другую къ умѣренному климату. У Герберта Спенсера одна является военнымъ бытомъ, другая—промышленнымъ. Между этими наименованіями не всѣ удачны, но всѣ указываютъ распаденіе государственнаго быта на два основныхъ типа, характеризуемыхъ совокупностью цѣлаго ряда самыхъ важныхъ и яркихъ отличительныхъ особенностей, связанныхъ между собою логическимъ и генетическимъ соотвѣтствіемъ и сходящихся, какъ въ фокусѣ, къ цикличности одной формы и къ прогрессивности другой. Переходныя формы многочисленны и разнообразны, но, лишенныя логической и генетической связи, неустойчивы и небезопасны. Неустойчивость и опасность происходитъ изъ того обстоятельства, что такіе переходныя формы заключаютъ въ себѣ противорѣчивые элементы, которые продолжительное время не могутъ существовать совмѣстно». Такъ, деспотизмъ и просвѣщеніе не могутъ долгое время существовать вмѣстѣ: или деспотизмъ задавитъ и прекратитъ просвѣщеніе, или просвѣщеніе подниметъ культуру до уровня свободныхъ учрежденій. Въ XVII вѣкѣ деспотизмъ раздавилъ просвѣщеніе въ Испаніи, а въ XIX вѣкѣ въ Германіи просвѣщеніе привело къ упраздненію деспотизма. Другой примѣръ: несовмѣстимость рабства части народа и вольностей для другой части. Участь Польши въ XVIII вѣкѣ явилась печальнымъ послѣдствіемъ противорѣчія этого рода.

Что касается современнаго состоянія человѣчества, то оно, кромѣ извѣстной части, еще пребывающей на стадіяхъ догосударственнаго быта, заключаетъ въ себѣ и типичныя, и переходныя формы. Западная Европа и Сѣверная Америка являются представителями типичной прогрессивной формы (цивилизованной по Фурье, оксидентальной—по Конту, промышленной—по Спенсеру). Весь независимый Востокъ отъ Турціи, черезъ Персію, государства Средней Азіи до Китая, Кореи и Индокитая включительно, тридцать лѣтъ назадъ представлялъ собою типичную цикличную форму (варварскую—по Фурье, оріентальную—по Конту, военную—по Спенсеру). Переходными формами были Россія, мелкія балканскія государства, Испанія, Южная Америка и Японія (только-что начавшая свое преобразованіе изъ цикличной формы въ прогрессивную). Для разрѣшенія проблемы восточнаго вопроса важно именно то обстоятельство, что Турція, Персія, средне-азіатскія и сѣверно-африканскія мусульманскія народности были въ полной власти цикличной формы.

Установивъ эти два ряда данныхъ (классификацію культуръ и тогдашнее распредѣленіе между ними историческихъ элементовъ), я остановился на взаимодѣйствіи этихъ двухъ рядовъ историческихъ данныхъ. Разрѣшеніе этой задачи я постарался тогда же дать въ слѣдующихъ строкахъ: «Европейская цивилизація прогрессивна. Не таковы были древнія и сохранившіяся доселѣ цивилизаціи Востока. Много тысячелѣтій, гораздо дольше, нежели Европа, живетъ Востокъ культурной жизнью, но во все это долгое время всѣ многочисленныя смѣнявшія другъ друга и столь различныя цивилизаціи не отличались способностью постояннаго прогресса, всѣ онѣ были и нынѣ представляются культурами застоя или циклическаго движенія. Фатально и неизбѣжно наступаетъ въ исторіи такой культуры моментъ, когда она начинаетъ склоняться къ упадку, государство разлагается, сама раса до извѣстной степени вырождается (верхніе слои, даже непремѣнно). Дѣло кончалось обыкновенно появленіемъ новой, свѣжей расы (или свѣжихъ слоевъ снизу), покорявшей, порабощавшей и истреблявшей старую расу (или ея верхніе слои) и ея культуру и начинавшей развитіе сызнова. Новая раса, создавшая въ свою очередь болѣе или менѣе цвѣтущую матеріальную, а иногда и духовную культуру, болѣе или менѣе могущественное государство, приходила опять къ упадку, разложенію, вырожденію и даже иногда вымиранію. И т. д. Такъ шла исторія Востока тысячелѣтія, пока на Западѣ не выдѣлился, наконецъ, изъ ряда подобныхъ же культуръ, типъ прогрессивной культуры. Какъ это случилось въ Европѣ и почему въ Азіи этого не случилось,—вопросъ, конечно, интересный, но сегодня намъ не подлежащій. Для нашей цѣли довольно, что именно такъ, а не иначе, произошло и что пока Востокъ вертѣлся въ своемъ заколдованномъ циклизмѣ, Западъ все шелъ и шелъ впередъ и достигъ, наконецъ, такой высоты матеріальной и умственной культуры, что борьба Востока съ Западомъ (проходящая черезъ древнюю, средневѣковую, отчасти и новую исторію) оказалась уже невозможною. Западъ могъ задавить весь Востокъ съ его сотнями милліонами жителей неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Тогда-то началась борьба уже не съ Востокомъ, а изъ-за Востока: изъ-за Индіи—борьба Голландіи съ Португаліей, Англіи съ Голландіей и Франціей, изъ-за Турціи—борьба Англіи, Франціи, Россіи, Австріи; соперничество въ Египтѣ, Персіи, Средней Азіи, Китаѣ и т. д. Что же дѣлалъ самъ Востокъ, пока въ теченіе столѣтій Европа раздиралась изъ-за него войнами, которыя спасли его отъ полнаго покоренія Европою? Востокъ продолжалъ свое предопредѣленное, издревле установившееся историческое движеніе: различные его члены довершали циклы своей исторіи и культуры. Этимъ путемъ одна культура за другою приходила къ упадку, одно государство за другимъ теряло свое былое могущество, культурные (верхніе) слои восточныхъ расъ вырождались... Въ одномъ мѣстѣ

раньше, въ другомъ позже, но повсюду въ Азіи наступила пора обновленія; пришла повсюду пора старымъ культурамъ и государствамъ рухнуть и уступить мѣсто новымъ, но на этотъ разъ повсюду это обновленіе прежнимъ способомъ оказалось невозможнымъ. Смѣна культуры и расъ новыми разбилась о неподвижность, наложенную на Востокъ Западомъ... Такимъ-то путемъ весь обширный Востокъ очутился въ совершенно новомъ историческомъ положеніи; его культуры (оригинальныя восточныя культуры) сказали повсюду свое послѣднее слово, но смѣнить ихъ новыми, которыя возродили бы на Востокѣ жизнь и движеніе, не дозволено внѣшнею силою, и вотъ повсюду надъ Востокомъ господствуетъ нѣчто политически, культурно и нравственно мертвое (выродившіеся правящіе классы, вырождающіяся господствующія расы, пережившія себя династіи и пр.)... Атмосфера смерти, умершихъ, безжизненныхъ государствъ, вырождающихся классовъ и расъ,—такова атмосфера восточной жизни (въ семидесятые годы XIX вѣка) отъ береговъ Великаго океана до береговъ Средиземнаго моря. Всюду одна картина... Но жизнь человѣческая не умерла на Востокѣ, а если люди живутъ, то жизнь эта должна возродить историческую и соціальную жизнь. Востокъ, конечно, возродится и долженъ возродиться, а такъ какъ старый путь возрожденія чрезъ смѣну династій, классовъ и расъ, чрезъ нашествія, истребленія и т. д. уже невозможенъ, то Востоку приходится искать другого исхода и, повидимому, ему остается одинъ исходъ, хотя къ нему и много путей. Этотъ исходъ—*переработать свои культуры по типу прогрессивному.* Но глубокая принципіальная грань лежитъ между этими типами, грань, трудно переходимая, и вотъ въ ея-то переходѣ тою или другою частью Востока и заключается историческая сущность восточнаго вопроса. *Восточный вопросъ заключается въ переходѣ странъ Востока отъ типа неподвижныхъ (цикличныхъ) культуръ къ типу прогрессивному,* при чемъ, вдобавокъ, старыя восточныя культуры пришли къ полному упадку, а господствующіе классы, частью и расы—къ вырожденію».

Таковъ прогнозъ восточнаго вопроса, который мнѣ удалось дать тридцать лѣтъ тому назадъ. И, дѣйствительно, всѣ три десятилѣтія именно въ этомъ направленіи развивается исторія Востока, или, вѣрнѣе, исторія варварскихъ и цикличныхъ культуръ, которыя имѣются не только на Востокѣ и эволюціей всюду стали или становятся на тѣ же историческіе пути. А эти пути группируются въ три разряда: или европейцы просто захватываютъ и покоряютъ варварскія государства и являются непосредственными «культуртрегерами», нерѣдко въ высшей степени тягостными для «цивилизуемыхъ» туземцевъ; или изъ-подъ власти варварскаго правительства и косныхъ племенъ освобождаются болѣе культуроспособныя народности (такъ было на Апеннинскомъ полуостровѣ, когда оттуда изгнали австрійцевъ, неаполитанскихъ Бурбоновъ и мелкихъ

деспотовъ сѣверной и средней Италіи, а затѣмъ то же постепенно происходило и на Балканскомъ полуостровѣ); или, наконецъ, народы цикличной культуры находили въ себѣ достаточно силы, чтобы воспринять европейскую цивилизацію самостоятельно. Изъ прежнихъ примѣровъ можно указать на Россію, которая въ XVII в. вступила на путь европеизаціи своей цикличной культуры, глубоко варварской въ XIV—XVI в. Однако, и до сихъ поръ этотъ процессъ далеко не завершился, и XX вѣкъ видитъ возрожденіе варварства, достойное временъ двухъ Іоанновъ, стоглаваго собора и опричниковъ. Въ XVIII в. на тотъ же путь преобразованія основъ культуры вступили Испанія и Португалія, гдѣ представители стараго варварства до сихъ поръ продолжаютъ упорную борьбу съ новыми историческими теченіями, постепенно обновляющими жизнь этихъ даровитыхъ, но вѣками угнетенныхъ народовъ. Уже во второй половинѣ XIX в. вступила на путь европеизаціи и Японія. Отсутствіе фанатическаго духовенства и тѣ вольности, которыми цѣлые вѣка пользовались высшіе классы, облегчили задачу, и Японія сдѣлала дѣло скорѣе и съ меньшими страданіями сравнительно съ другими. Наконецъ, въ началѣ XX в. на ту же дорогу вышли Персія, Турція и Черногорія. Вся эта эволюція далеко не завершилась, но покуда есть основаніе надѣяться на торжество прогрессивнаго типа надъ цикличнымъ, цивилизаціи надъ варварствомъ.

Не только этимъ самостоятельнымъ движеніемъ отъ варварскаго быта къ цивилизованному въ это тридцатилѣтіе совершалась исторія Востока. Была освобождена Болгарія, были расширены территоріи Сербіи, Румыніи и Греціи, была обезпечена автономія Крита, состоялось освобожденіе Кубы. Этотъ путь болѣе изобилуетъ горестями и страданіями, нежели путь самостоятельнаго преобразованія *всей* націи, потому что эта замѣна господства однѣхъ народностей другими вызываетъ національную вражду и нетерпимость, но все же онъ оставляетъ судьбу освобожденныхъ странъ въ рукахъ ихъ населенія. Самый неправедный методъ — это третій, методъ завоеванія европейцами. И этотъ методъ—увы!—въ самомъ широкомъ масштабѣ практиковался въ разсматриваемый періодъ. Австрія захватила Боснію и Герцеговину, Англія—Египетъ, Франція—Тунисъ, но въ Марокко ее не пустили, какъ не дали и Россіи захватить Манчжурію. Кореей завладѣла Японія, а разными гаванями и областями по берегамъ Китая завладѣли нѣмцы, англичане и французы (такой же русскій захватъ отнятъ японцами).

Какъ бы то ни было, но этотъ бѣглый обзоръ восточной исторіи (и Ближняго, и Дальняго Востока) обнаруживаетъ, что анализъ историческаго положенія восточной проблемы, сдѣланный тридцать лѣтъ тому назадъ, оправданъ всею послѣдующею исторіей Востока, а, слѣдовательно, въ свѣтѣ этого анализа можно разсматривать и современныя событія, театромъ которыхъ является все необъятное пространство отъ Адріатическаго моря до Тихаго океана, приба-

вивъ сюда же всю Россійскую имперію, Пиринейскій полуостровъ, сѣверную Африку и Южно-американскія республики. Двѣ трети человѣчества переносятъ муки рожденія новаго свободнаго строя. Если эта тяжба кончится побѣдою цивилизаціи надъ варварствомъ, прогресса надъ циклизмомъ, то человѣчество будетъ имѣть будущность, обезпеченную отъ выступленія изъ нѣдръ прошлаго всякихъ допотопныхъ звѣрей и доисторическихъ троглодитовъ и будетъ, уже не атакованное съ тыла этими выходцами дикаго міра, рѣшать свои сложныя соціальныя проблемы со свободными руками и свободными мыслями.

Если же, къ нашему общему несчастью, въ Россіи ли, Турціи, Персіи или Китаѣ, вопросъ будетъ рѣшенъ отрицательно, и призраки тяжелаго прошлаго окончательно утвердятся хозяевами положенія, распространяя заразу продуктами разложенія на далекую округу, то насильственное культуртрегерство останется единственнымъ выходомъ для прогрессивнаго человѣчества. Да и выходомъ — не труднымъ, потому что такія разлагающіяся государственныя тѣла не могутъ имѣть достаточной силы для отпора. Правда, раздоры цивилизаторовъ могутъ затруднить... Я не ожидаю этого несчастія. Я вѣрю въ живыя силы народа, въ самоотверженіе тѣхъ, которымъ «дѣло просвѣщенія, Господь, Ты ввѣрилъ на Руси». Но мы стоимъ на перепутьи. На перепутьи стоятъ Персія и Турція, кажется, даже Китай.

II.

На перепутьи стоитъ и великая иранская раса, безъ малаго пять тысячелѣтій отстаивающая культурныя начинанія и отъ нашествій иноплеменныхъ варваровъ, и отъ тираніи варваровъ туземныхъ, разныхъ узурпаторовъ и ихъ правительствъ... Много разъ побѣжденная, много разъ почти истребленная (арабы, Чингизъ, Тамерланъ) съ жалкими остатками, порабощенными и угнетенными, эта великая раса находила въ себѣ жизненныя силы снова и снова подыматься и снова становиться на стражѣ культурности. Конечно, эта доблестная, но страдная исторія Ирана, эта исчерпывающая силы борьба не могли не привести къ культурному и политическому циклизму и къ духовному игу неподвижной религіи. Мусульманскія культуры до 1906 года были повсемѣстно косными и цикличными, и казалось, что среди народовъ мусульманской цивилизаціи нельзя было ожидать самостоятельнаго преобразованія туземной цикличной (варварской) культуры и соотвѣтственнаго деспотическаго государства по типу прогрессивному, по типу западно-европейскихъ прогрессивныхъ культуръ и свободныхъ государствъ. И, однако, персы подали тому первый примѣръ, и въ концѣ 1906 года шахъ Мозаффаръ-Эддинъ подписалъ холодѣющей рукою хартію о дарованіи

иранскому народу конституціи и свободныхъ учрежденій. Мозаффаръ-Эддинъ-шахъ умеръ черезъ семь дней послѣ подписанія этой хартіи, и на престолъ Кира и Камбиза вступилъ новый шахъ Али-Магомедъ, старшій сынъ Мозаффара-Эддина, хотя по мусульманскому праву престолъ долженъ былъ принадлежать брату умершаго шаха, принцу Зилле-Салтане, генералъ-губернатору Испагани.

Али-Магомедъ-шахъ, бывшій генералъ-губернаторомъ Тавриза, прибылъ въ Тегеранъ еще при жизни отца, скрѣпилъ своею подписью хартію, дарованную отцу, и, благодаря этому, безпрепятственно вступилъ на престолъ. Зилле-Салтане не протестовалъ. Али-Магомедъ манифестомъ подтвердилъ хартію и въ вѣрности ей принесъ присягу на коранѣ. Меджлисъ послѣ всего этого продолжалъ свои труды по обновленію персидскаго государственнаго и общественнаго быта, по экономическому и политическому освобожденію народа, но съ самаго начала увидѣлъ неожиданныя препятствія со стороны шаха и его приближенныхъ. Либеральное министерство вышло въ отставку, вслѣдъ за нимъ не удержалось и умѣренно-консервативное, реакціонеры восторжествовали въ совѣтахъ Али-Магомеда, разстрѣляли артиллеріей меджлисъ, задавили народное движеніе въ столицѣ, бывшіе министры и болѣе либеральные иранцы скрылись за-границу, въ ихъ числѣ и Зилле-Салтане. Реакція, казалось, одержала побѣду, и персы снова должны будутъ подчиниться тираніи династіи Каджаровъ, узурпировавшей царскую власть въ концѣ XVIII в. (Ага-Магомедъ-Каджаръ въ 1785 г.). Однако у шаха хватило войскъ для разгрома оппозиціонныхъ элементовъ въ Тегеранѣ, но не во всей Персіи. Борьба вспыхнула съ новою силою, и есть всѣ основанія думать, что реакція преждевременно торжествовала побѣду. «Сказка скоро говорится, дѣло мѣшкотно творится», и на всѣ эти событія понадобилось около года (лѣто 1907—лѣто 1908). Кромѣ Тегерана, были репрессіи въ Фештѣ и Энзели и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ центрахъ. Лѣтомъ 1908 года въ совѣтахъ шаха было рѣшено разгромить Тавризъ, гдѣ оставались кварталы, непокорные реакціонному правительству. Эти свободомыслящіе кварталы были заняты волонтерами-стрѣлками дружины Саттара. Противъ этой дружины реакціонеры организовали «карательную экспедицію» подъ начальствомъ бывшаго визиря (ферзя, по персидскому) Эйнудъ-Доуле. Онъ выступилъ изъ Тегерана, ведя подъ своей командою регулярныя войска (сарбазы), стоявшія около столицы, и часть собственнаго шахскаго конвоя. Охранять шаха осталась другая часть конвоя и бригада казаковъ (персовъ) подъ начальствомъ русскаго полковника Ляхова. 4 (17) сентября Эйнудъ-Доуле и его армія появились передъ Тавризомъ. Извѣстный разбойникъ Рахимъ-ханъ подвелъ на подмогу шахскому полководцу своихъ «всадниковъ». Въ сосѣдней Тавризу области Маки, ея сердарь (правитель) собралъ отрядъ въ 2000 воиновъ (при 6 орудіяхъ) и двинулся на

соединеніе съ главными силами шахской «карательной экспедиціи». Около того же времени, отъ 3 (16) сентября сообщалось, что конституціоналисты въ Тавризѣ усиленно готовятся ко всякимъ случайностямъ и возводятъ новыя укрѣпленія. Въ Энджуменѣ (мѣстномъ политическомъ собраніи) ежедневно происходятъ засѣданія.

Затѣмъ подъ Тавризомъ и въ Тавризѣ событія развиваются слѣдующимъ образомъ: 5 (18) сент. «Эйнудъ-Доулэ обнародовалъ оффиціальный ультиматумъ, которымъ требуетъ сдачи оружія въ теченіе 48 часовъ, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардировкѣ революціонныхъ кварталовъ. Революціонеры рѣшили сопротивляться... Макинскій отрядъ съ пятью орудіями находится въ Софіанѣ, въ 35 верстахъ отъ Тавриза. Энджуменцы обратились ко всѣмъ посланникамъ въ Тегеранѣ съ просьбою о посредничествѣ и возстановленіи конституціи».

Такъ телеграфировали изъ Тавриза. «Times» имѣлъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, именно, что «5 сентября Сипехдаръ отъ имени Эйнулъ-Доулэ открылъ переговоры съ тавризскимъ энджуменомъ, переславъ ему телеграмму шаха, въ которой говорится, что шахъ готовъ лояльно возстановить конституцію въ Персіи, но Тавризъ долженъ, прежде всего, выдать оружіе и четырехъ вождей конституціоналистскаго движенія. Если городъ этого не сдѣлаетъ, то послѣдуетъ немедленный штурмъ. Энджуменъ отвѣтилъ въ категорической формѣ, что Тавризъ только того и ждетъ, что шахъ сдержитъ свою клятву относительно конституціи, принесенную на коранѣ. Если шахъ возстановитъ меджлисъ въ назначенный имъ для Европы срокъ то Тавризъ разоружится. Сипехдаръ послѣ этого послалъ въ городъ копію другой телеграммы, въ которой онъ убѣждаетъ шаха въ разумности примиренія».

Такимъ образомъ, ультиматумъ Эйнудъ-Доулэ не принятъ конституціоналистами Тавриза, и бой сталъ неизбѣженъ. Эйнудъ, однако, дѣйствовалъ сначала нерѣшительно. Были и другіе неблагопріятные для шаха признаки. Именно въ это время по всей Персіи стало распространяться воззваніе муштаидовъ (улемовъ, по арабски) Неджефа. Это воззваніе указываетъ, «что сохраненіе ислама и могущества государства опирается на конституціонный строй». Именно вслѣдствіе этого и Турція вводитъ у себя конституцію, а затѣмъ улемы продолжаютъ такъ: «Въ Иранѣ же (такъ персы всегда называютъ свое отечество), несмотря на то, что покойный шахъ Музафферъ-эд-Динъ торжественно утвердилъ конституціонныя основы, онѣ не нашли подъ собою благопріятной почвы. Усматривая причину этого явленія въ дѣйствіяхъ людей своекорыстныхъ, измѣнниковъ вѣры и государства и обвиняя нынѣшнее персидское правительство въ томъ, что оно не оказало ожидаемаго содѣйствія законнымъ требованіямъ народа, чѣмъ навлекло смуту и причинило гибель жизни и имущества мусульманъ,

улемы въ заключеніе обращаются къ Мохаммедъ-Али-шаху, убѣждая его приступить къ созванію меджлиса, единственнаго оплота истиннаго порядка и законности».

Неджефъ—это небольшой городокъ въ Азіатской Турціи на озерѣ Неджефъ, представляющемъ собою разливъ водъ Евфрата. Онъ лежитъ нѣсколько южнѣе Вавилона и знаменитъ могилою калифа Али, которая для шіитовъ является такимъ же предметомъ поклоненія, какъ Мекка и Медина. Улемы Неджефа поэтому пользуются огромнымъ авторитетомъ въ шіитско-мусульманскомъ мірѣ (Иранъ, восточная Аравія и нѣкоторыя племена Кавказа, Афганистана и Белуджистана, понемногу и въ другихъ мѣстахъ). Такія рѣчи улемовъ Неджефа не могли нравиться полководцамъ шаха, потому что онѣ поселяли сомнѣнія въ ихъ войскахъ. Не мудрено, если Эйнудъ все колебался и еще 10 и 11 сентября (23 и 24 по нов. ст.), несмотря на истеченіе срока ультиматума, шахскій полководецъ все только угрожалъ. Въ Тегеранѣ въ это время англійскій и русскій послы посовѣтовали шаху умѣренность, примирительный образъ дѣйствій и созывъ меджлиса. Шахское правительство отвѣтило, что оно само этого желаетъ, но необходимо прежде достигнуть «успокоенія». 11 (24) сентября появилось новое воззваніе улемовъ Неджефа, гдѣ они объявляютъ священную войну шахскому правительству. Въ тотъ же день началась перестрѣлка между конституціоналистскими и абсолютистскими кварталами въ самомъ Тавризѣ. Колебаться дольше было невозможно, не потерявъ всѣхъ шансовъ, и Эйнудъ, наконецъ, приступилъ къ атакѣ Тавриза и его конституціоналистскихъ кварталовъ, защищаемыхъ милиціей Саттаръ-хана. 11 (24) сентября произошло сраженіе. О немъ Саттаръ-ханъ увѣдомилъ своихъ тегеранскихъ единомышленниковъ, «что всѣ атаки шахскихъ войскъ отбиты. Правительственныя войска потерпѣли громадный уронъ и дальше двигаться безъ подкрѣпленій не смѣютъ. Многіе изъ воиновъ Эйнудъ-Доулэ перешли на сторону «революціонеровъ», видя, какъ имъ «самъ Богъ помогаетъ». Никакимъ обѣщаніямъ шаха черезъ Эйнудъ-Доулэ и ни въ какіе переговоры съ нимъ Саттаръ-ханъ рѣшилъ не вступать, такъ какъ дружина его дала клятву или умереть въ борьбѣ за свободу, или добиться того, чего ждетъ весь персидскій народъ».

Объ этомъ сраженіи находимъ нѣкоторыя подробности въ депешахъ Times'а, именно отъ 13 (26) изъ Тавриза: «Монархисты начали атаку при восходѣ солнца, открывъ недостаточный артиллерійскій огонь изъ шести орудій. Курды сдѣлали неудачную попытку завладѣть джульфинскими воротами и мостомъ, а также кварталомъ Саттаръ-хана. Карадагская конница также вела атаку по направленію къ кварталу хана. Оба нападающихъ отряда вскорѣ задержались въ обнесенныхъ стѣнами участкахъ, на которые конституціоналисты раздѣлили городъ, и были съ легкостью отброшены. Бомбардировка, прекратившаяся въ сумеркахъ, велась вяло, не прича-

нила вреда и не измѣнила положенія. Серьезно вели наступленіе макинцы, продвинувшіеся на двѣ версты впередъ и подошедшіе къ лагерю Саттаръ-хана. Много пострадавшихъ. Съ двухъ часовъ возобновилась орудійная и ружейная перестрѣлка между войсками и главными укрѣпленіями конституціоналистовъ». Бомбардировка продолжалась три дня, но при большомъ разстояніи, съ которой она велась и плохой стрѣльбѣ шахскихъ артиллеристовъ, она оказалась безрезультатною и не нанесла особеннаго вреда возставшимъ кварталамъ Тавриза и войскамъ Саттаръ-хана.

Кромѣ Неджефа и могилы калифа Али, въ долинѣ Евфрата лежитъ и другая святыня мусульманъ-шіитовъ, городъ Кербелла (немного сѣвернѣе Вавилона), гдѣ палъ Гуссейнъ, сынъ калифа Али и внукъ Магомета. Здѣсь у его могилы обширная шіитская колонія (до 50 тыс. душъ), и улемы Кербеллы пользуются тоже огромнымъ авторитетомъ въ Персіи. Главный улемъ (муштадъ) этого священнаго учрежденія шіитовъ, совершенно въ разрѣзъ съ воззваніемъ улемовъ Неджефа, издалъ прокламацію, въ которой объявилъ вѣроотступниками сторонниковъ конституціи и противниковъ шаха. Въ самомъ Тегеранѣ главный улемъ, тоже приверженецъ реакціи и шахскаго правительства, поступилъ еще рѣшительнѣе. Отъ 11 (24) сентября сообщалось изъ Тегерана, что «удручающее впечатлѣніе на народъ и защитниковъ свободъ произвела смерть мирзы Мехти, сына главы духовенства въ Тегеранѣ шейха Фазлулла. Отецъ мирзы Мехти шейхъ Фазлулла занималъ постъ главнаго муштаида въ Тегеранѣ, извѣстенъ былъ, какъ взяточникъ и какъ самый ярый поклонникъ шаха. Шахъ цѣнилъ это и смотрѣлъ на всѣ продѣлки «отца духовнаго» сквозь пальцы. Благодаря этому шейхъ Фазлулла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составилъ себѣ колоссальное состояніе. Семья Фазлуллы состоитъ изъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Два сына и, повидимому, дочери были солидарны съ отцомъ. Но старшій сынъ—мирза Мехти, получившій духовное образованіе въ Бейрутѣ, все время шелъ противъ отца. Онъ совѣтовалъ ему примкнуть къ остальнымъ муштаидамъ страны, вмѣстѣ съ ними встать на защиту попранныхъ шахомъ правъ народа и этимъ хотя бы отчасти искупить свою прежнюю дѣятельность. Но отецъ предпочелъ за лучшее донести на сына своему «единомышленнику» эмиру Богадаръ-Дженгу. Тотъ отдалъ немедленно приказъ объ арестѣ Мехти. Шаху же было доложено, что шейхъ Фазлулла до того преданъ его величеству, что даже не пожалѣлъ предать въ руки правительства своего собственнаго сына-революціонера.

По приказу эмира Дженга и съ благословенія Фазлуллы, Мехти въ темницѣ былъ отравленъ, какъ опасный для государства революціонеръ».

Эти факты очень ободрили шахское правительство. Отъ 12 (25) сентября сообщалось о многочисленныхъ арестахъ, въ томъ числѣ и

сановниковъ имперіи. Тогда-же 12 сент. изданъ указъ о созывѣ второго меджлиса, выборы назначены на 14 (1) октября, открытіе меджлиса на 1 ноября (19 окт.). Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ (17/30) сент.) фирманъ, измѣняющій нѣкоторыя статьи основныхъ законовъ и закона избирательнаго съ цѣлью лучше руководить выборами. Адербейджанъ былъ исключенъ изъ выборовъ до его покорности шахскому правительству.

Такъ издѣвалось тегеранское правительство надъ народными стремленіями и надъ дипломатическими представленіями. Но не дремало и тавризское правительство. Саттаръ-ханъ и и его помощникъ Багиръ-ханъ дѣятельно организовали, перевооружали и реформировали войска, въ ряды которыхъ стекались молодые люди со всѣхъ сторонъ Ирана, а также изъ Россіи горцы-шіиты. Пропаганда шла усиленная и повсемѣстная, поощряемая не только улемами Неджефа, но и слабостью шахской арміи, столь ярко обнаружившейся въ бояхъ подъ Тавризомъ и въ Тавризѣ. Неудачи Эйнуда ободрили недовольные элементы, и вотъ отъ 18 сент. (1 окт.) изъ Тавриза было сообщено, что «находящіяся между Тегераномъ и Тавризомъ города: Занджанъ, Абхаръ, Салтанъ-Абадъ, Нусратъ-Абатъ и Али-Абатъ охвачены возстаніемъ. Изъ главнаго города Занджана генералъ губернаторъ изгнанъ. Возставшіе избрали себѣ предводителя, который раздѣлилъ армію на двѣ части. Одна часть пошла на подмогу Саттаръ-хану, а другая заняла пути отступленія шахскихъ войскъ. Кромѣ этого, изъ возставшихъ шахскихъ конвойцевъ образовался добровольческій отрядъ, который направился въ резиденцію шаха съ цѣлью склонить во что бы то ни стало на свою сторону ту часть конвойцевъ, которая сейчасъ охраняетъ особу шаха».

Эта измѣна части шахскихъ конвойцевъ явилась дурнымъ предсказаніемъ для шаха и его правительства. Что касается возставшаго племени занджанцевъ (правильнѣе: санджанцевъ), то это полузависимые горцы, воинственные и вооруженные. Санджанскій муштаидъ Курбанъ, очень популярный среди горцевъ, поднялъ ихъ своими проповѣдями. Шахское дѣло снова пошло на убыль. Эйнудъ-Доуле это сознавалъ лучше всего. Онъ думалъ было блокировать Тавризъ, но и это не удалось. Отряды Эйнуда задерживали обозы, но ихъ отбивали стекавшіяся повсюду подкрѣпленія отважной арміи Саттара и Багира. Наконецъ, 22 сентября (5 окт.) пришло изъ Тегерана извѣстіе, что «войска Эйнуда перешли на сторону Саттаръ-хана. Эйнудъ-Доуле подъ охраной сотни всадниковъ едва успѣлъ скрыться. Осада съ Тавриза снята. Народъ ликуетъ и празднуетъ свою блестящую побѣду. Перешедшія на сторону Саттаръ-хана шахскія войска приняты дружинниками, какъ братья, съ распростертыми объятіями. Эти «измѣнники», какъ назвалъ ихъ Эйнудъ-Доуле въ своемъ донесеніи шаху, въ одинъ голосъ заявили Саттаръ-хану, что они тогда только поняли, какую огромную услугу

оказалъ странѣ Саттаръ-ханъ, когда узнали отъ своего главнокомандующаго, что повелитель Персіи, благодаря геройскому сопротивленію Саттаръ-хана, лишилъ выборныхъ правъ всю Адербейджанскую провинцію. Войска и дружинники требуютъ немедленно встать на защиту правъ всего населенія этой провинціи. Ежедневно по этому поводу въ главной квартирѣ Саттаръ-хана происходили засѣданія. Начальники отдѣльныхъ частей во главѣ съ Саттаръ-ханомъ рѣшили немедленно приступить къ организаціи народной милиціи среди адербейджанцевъ, къ ея вооруженію и, наконецъ, обученію ея, испытанными въ бояхъ дружинниками — военному искусству. Затѣмъ, когда все будетъ подготовлено, дружинники, народная милиція и бывшія войска шаха, подъ командой народнаго героя (такъ называютъ теперь Саттара), выступятъ по дорогѣ въ Тегеранъ. Съ дороги шаху будетъ посланъ ультиматумъ, съ требованіемъ возвратить адербейджанцамъ незаконно отнятыя отъ нихъ права. Ходъ же дальнѣйшихъ событій будетъ зависѣть отъ отвѣта шаха на народный ультиматумъ».

Къ этому времени, очень некстати для тегеранскаго правительства, появилось воззваніе улемовъ Кербеллы, въ которомъ они въ полномъ согласіи съ улемами Неджефа, но въ разрѣзъ съ заявленіемъ ихъ старшаго улема, обращаются къ главному энджумену въ Тавризѣ, къ кочевникамъ, пограничной стражѣ и всему войску. «Мутшаиды доводятъ до свѣдѣнія поименованныхъ корпорацій, что въ данный моментъ главной ихъ задачей является—сохраненіе религіи и любви къ многострадальной родинѣ. Они выражаютъ удовольствіе по поводу энергичной дѣятельности адербейджанцевъ въ борьбѣ съ шахскимъ правительствомъ и заявляютъ всему персидскому народу о томъ, что всѣ лица, замѣченныя въ противодѣйствіи конституціи, будутъ объявлены ими врагами Магомета. Такое же воззваніе отправлено въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ Ширазъ и Испагань на имя офицеровъ».

Между тѣмъ, уже къ этому времени (около 5—7 октября) подъ начальствомъ Саттара сосредочилось 15.000 его добровольцевъ, перешедшія на его сторону войска Эйнуда и разныя полунезависимыя племена, въ томъ числѣ и санджанцы. Въ Тавризѣ организовано правительство, назначены Саттаромъ генералъ-губернаръ провинціи, полицеймейстеръ города, финансовые чиновники, взимаются налоги, охраняется торговля,—словомъ, возстановленъ порядокъ... Оставались внѣ этого водворяющагося порядка только два реакціонныхъ квартала въ самомъ Тавризѣ. Они были взяты конституціонными войсками 30 сентября (13 октября). Вожди реакціонеровъ бѣжали.

Шахъ сначала покаралъ Эйнуда, отнявъ у него командованіе и назначивъ на его мѣсто принца Фермана-Ферму, но тотъ отказался и, по просьбѣ реакціонныхъ мушгандовъ, Эйнудъ-Доуле былъ

возстановленъ въ своихъ должностяхъ. Шахское правительство, повидимому, растерялось сначала, но скоро оправилось и рѣшилось поставить все на карту...

Оно организовало новый походъ на Тавризъ. На этотъ разъ съ русскимъ полковникомъ Ляховымъ во главѣ.

Извѣстно, что этотъ русскій полковникъ, а шахскій полководецъ организовалъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ, бригаду персидскихъ казаковъ. Нижніе чины-персы обученны казачьему конному и пѣшему строю и снаряженны и вооруженны по образцу донскихъ казаковъ. Эта-то бригада (т. е. два полка, что при полной численности можетъ составить около 1.800 комбатантовъ) съ придачею двухъ пулеметовъ и нѣсколькихъ пушекъ и отправлена подъ командою Ляхова для усмиренія Адербейджана. По пути къ отряду Ляхова присоединятся остатки войска Эйнуда, а потомъ и разбойничьи шайки Рахима. Первыя извѣстія объ этомъ походѣ сообщали о многочисленномъ дезертирствѣ, вслѣдствіе все болѣе распространяющагося подъ вліяніемъ воззваній улемовъ убѣжденія, что благословеніе Аллаха и его пророка даровано войску Саттаръ-хана. Шахскіе «казаки» пошли на битву безъ надежды на побѣду, остатки войскъ Эйнудъ-Доуле деморализованы пораженіями и неудачами, «всадники» Рахима выступали и снова выступили не шаха ради, а для разбоя и грабежа... Все это не улыбается шахскому дѣлу, но Ляховъ въ себѣ увѣренъ и не сомнѣвается въ своей побѣдѣ. Эта ляховская самоувѣренность и есть послѣднее ободреніе для Али-Магомеда.

Персы доблестно отстаиваютъ новый свободный строй. Они формируются въ добровольческія дружины, вооружаются, сосредоточиваются у Тавриза и отважно сражаются съ войсками Али-Магомеда, до сихъ поръ не теряя занятыхъ позицій, но постепенно завоевывая новыя и значительныя. Въ ихъ патріотическомъ дѣлѣ они поддержаны шіитско мусульманскимъ духовенствомъ, наиболѣе вліятельными его элементами. И только это обстоятельство внушаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ высшее духовенство (а *улемы* это высшее духовенство) повсемѣстно доселѣ бывало неизмѣнно на стражѣ реакціи. «Спасеніе религіи» улемы всюду ставятъ рядомъ съ вольностями и меджлисомъ, а что они разумѣютъ подъ «спасеніемъ религіи», міръ увидитъ лишь послѣ окончательной побѣды конституціоналистовъ надъ шахскимъ правительствомъ. Нѣтъ основанія многаго опасаться, но за этою еще неясною точкою на ясномъ небѣ великаго Ирана приходится слѣдить со вниманіемъ.

Вслѣдъ за этою главою объ Иранѣ, я имѣлъ въ виду отвести еще главу балканскимъ дѣламъ, но налаживавшіеся болгаро-турецкіе переговоры какъ будто разстроились. Еще хуже дѣло съ австро-турецкими переговорами. Послѣднія извѣстія возбуждаютъ сомнѣнія, состоится ли конференція. И въ этомъ международномъ в-

просѣ мы стоимъ на перепутьи. Однако на немъ Европа не замѣшкается долго, и къ будущей нашей бесѣдѣ все будетъ готово (если не вспыхнетъ война) для обсужденія и оцѣнки. Тогда мы и займемся этимъ важнымъ эпизодомъ всемірной исторіи.

Покуда отмѣтимъ два факта: царство болгарское (Фердинандъ принялъ титулъ царя) превратилось въ простой форпостъ Австріи на Балканахъ, какъ такимъ же австрійскимъ форпостомъ уже давно состоитъ румынское королевство на нижнемъ Дунаѣ. Второй фактъ, тоже совершенно уже выяснившійся, это въ высшей степени лояльное и тактичное положеніе, занятое новымъ турецкимъ правительствомъ. Это поведеніе даровало туркамъ самыя теплыя симпатіи Англіи, Франціи и даже Италіи и даруетъ надежду, что интересы Турціи обезпечены отъ всякихъ «компенсацій».

III.

Среди грома и треска политическихъ событій у насъ, въ Россіи, почти не замѣчены культурныя событія огромной важности, именно новыя выступленія римской куріи въ теченіе 1907—1908 годовъ противъ такъ называемаго *модернизма* въ западныхъ церквахъ. Это теологическое теченіе развивается уже около полувѣка, началось на протестантскихъ теологическихъ факультетахъ, но скоро перешло и на католическіе, гдѣ вскорѣ выставило очень крупныя научныя силы. Церковный модернизмъ заключается въ стремленіи согласовать ученіе церкви съ истинами, добытыми историческими и вообще общественными науками. Въ XV и XVI вѣкахъ развивалось такое же движеніе въ сторону признанія естественно-научныхъ истинъ католическою церковью. Джордано Бруно былъ сожженъ, Галилея осудили и принудили подписать отреченіе отъ системы Коперника, но это не помогло, и католическая церковь признала и систему Коперника, и дальнѣйшее ея развитіе Кеплеромъ, Тихо-де Брага, Ньютономъ и т. д. Пришлось признать (по крайней мѣрѣ, не протестовать и терпѣть въ католическихъ школахъ) и геологическія истины, совершенно разрушившія церковную космогонію; и дарвинизмъ со всѣми его продолженіями и даже возраженіями, которыя всѣ исходили изъ доктрины постепенной эволюціи животнаго міра и человѣка; и новую физику безъ небесъ, безъ божескихъ наказаній въ видѣ грозы, землетрясеній, засухи, эпидемій. Знаменитый Секки, одинъ изъ главныхъ творцовъ новой физики, былъ іезуитъ и состоялъ астрономомъ при римской куріи въ Ватиканѣ: «духъ вѣка вотъ куда зашелъ!» Да, передъ естествознаніемъ римско-католическая церковь покорилась, частью признала его выводы, частью просто молчала и молчаливо допускала. Однако, наступила очередь тоже окрѣпнувшихъ и много добывшихъ наукъ историческихъ, юридическихъ, по культуровѣдѣ-

нію, по соціологіи, по сравнительному вѣровѣдѣнію, вообще по наукамъ гуманнымъ, моральнымъ и общественнымъ.

Естествознаніе атаковало и опровергло многія основныя положенія Ветхаго Завѣта,—это было тяжело для католиковъ и вообще для христіанъ, но этому покорились. Обществовѣдѣніе поставило вопросы еще болѣе острые: объ Откровеніи, о божественности Христа, о происхожденіи и первоначальной исторіи христіанства вообще и католической церкви въ частности, о происхожденіи церковной іерархіи и такъ называемой «благодати», носителемъ которой она является и т. под. Иными словами, теперь оказался атакованнымъ Новый Завѣтъ и всѣ преданія католической церкви, и при томъ католическими учеными, профессорами католическихъ теологическихъ факультетовъ! Напримѣръ, знаменитый католическій теологъ Луази, профессоръ въ парижской Сорбонѣ, отрицалъ съ каѳедры, передъ будущими патерами и законоучителями, божественную сущность Христа, наличность Откровенія, происхожденіе іерархіи въ апостольскія времена, преемственность папства отъ апостола Петра и т. д. Однако, какъ католикъ, онъ признавалъ, что постепенная эволюція, создавшая католическую церковь, была эволюціей правильной и плодотворной, такъ что настоящее состояніе католицизма, его догматы и организація суть наилучшія среди всякихъ организацій культа.

Курсъ Луази вызывалъ порицанія и недовольство въ средѣ французскаго духовенства, и парижскій архіепископъ обратился къ папѣ Льву XIII, не устранитъ-ли папа профессора Луази съ каѳедры (тогда еще дѣйствовалъ конкордатъ, и папа имѣлъ на то право). «Я не желаю имѣть новаго Галилея», отвѣтилъ будто бы Левъ XIII. Луази во всякомъ случаѣ сохранилъ каѳедру. При новомъ папѣ враги модернизма взяли верхъ въ совѣтахъ римской куріи, и папа Сарто выступилъ на борьбу съ модернизмомъ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы излагаемъ эти выступленія, попутно давая дополнительныя свѣдѣнія о модернизмѣ.

Модернисты не признаютъ ничего сверхъестественнаго и стоятъ на почвѣ постепенной эволюціи религій, въ томъ числѣ христіанства. Это приложеніе научнаго метода не только къ космогоніи и геологіи, но и ко всей совокупности христіанскаго ученія, давно вызываетъ недовольство реакціонныхъ элементовъ католической церкви и сказалось выступленіемъ римской куріи съ рѣшительными репрессіями противъ модернизма и модернистовъ.

3 іюля (20 іюня) 1907 года былъ изданъ декретъ «Lamentabili», составляющій пересмотрѣнное изданіе знаменитаго Syllabus'а 1864 года, т. е. представляетъ собою перечень запрещенныхъ мнѣній и книгъ. Это запрещеніе было подробно развито и получило санкцію въ энцикликѣ «Pascendi dominici gregis» отъ 8 сентября (26 авг.) 1907 года, и, наконецъ, 18 (5) ноября того же года Пій X лично отъ себя издаетъ подтвержденіе всего изложенія

энциклики, придавая этому документу значеніе непогрѣшимости. Если актъ 3 іюля былъ первымъ выступленіемъ противъ модернизма, а документъ 18 ноября подтвержденіемъ, то главнымъ актомъ была энциклика 8 сент., глубоко потрясшая научность католическихъ теологическихъ факультетовъ. Теперь мы ознакомимся въ главныхъ чертахъ въ содержаніемъ этого историческаго документа.

Во введеніи къ энцикликѣ говорится, что въ самомъ домѣ католической церкви завелся врагъ, и при томъ врагъ дѣятельный и коварный, стремящійся всевозможными способами сломать жизненную силу церкви. Врагъ этотъ—модернисты, и пришло время сорвать съ нихъ маску и обличить передъ всею церковью. Обличеніе это является обязанностью папства, и энциклика призвана выполнить эту задачу. Для этого все изложеніе группируется въ три части: изложеніе модернизма, опроверженіе и указаніе репрессій противъ него.

Модернистическая философія анализируется въ пяти параграфахъ (4—8) энциклики: § 4 - агностицизмъ; § 5—жизненная имманентность, вѣра по чувству; § 6—религіозное чувство и откровеніе; § 7—разумъ и вѣра; § 8—происхожденіе и природы догматовъ.

Основою модернизма, *по мнѣнію энциклики*, является агностицизмъ, который человѣческій разумъ замыкаетъ въ предѣлы видимаго міра и открываетъ возможность возвыситься до общенія съ божествомъ. Энциклика полагаетъ, что результатомъ является атеизмъ. Это отрицательная сторона модернистической философіи, а положительною стороною представляется жизненная имманентность. Религія возникаетъ изъ внутренней жизни, слѣдуя за чувствомъ. Это чувство модернистъ называетъ вѣрою, и возникновеніе такъ понимаемой вѣры и является началомъ религіи. Такимъ же путемъ, по воззрѣніямъ модернистовъ, произошла и католическая религія. Это чувство и эта вѣра и являются для модернистовъ *откровеніемъ*. Это откровеніе Бога, но вмѣстѣ и его открытіе. Отсюда излюбленное ученіе модернистовъ, что каждая религія одновременно представляется естественною и сверхъестественною, и смѣшеніе познанія съ откровеніемъ. Но непознаваемое (сверхъестественное) не имѣетъ самостоятельнаго существованія, но связано съ явленіями. Задачею исторической критики, по воззрѣніямъ модернистовъ, будетъ снова разрушить эту связь. Напр., историческая личность Христа, которая вѣрою возвышена до сверхъестественнаго (трансфигурація), наукою должна быть поставлена на историческую почву (дефигурація). Эти возникающія изъ чувства вѣрованія систематизируются и связываются разумомъ, а формулы, отсюда получаемыя, называются догматами, которые тоже являются продуктомъ эволюціи, и которыхъ измѣненія представляются не только возможными, но даже необходимыми.

Изложивъ модернистическую философію, энциклика переходитъ къ анализу модернистической вѣры. Изложеніе занимаетъ два па-

раграфа: § 9—сущность религіи и традиція; и § 10—вѣра и наука. Модернизмъ, по утвержденію энциклики, обходитъ вопросъ о существованіи божества внѣ чувства вѣрующаго. Модернистскій вѣрующій увѣренъ въ такомъ существованіи на основаніи субъективнаго познанія и этимъ путемъ въ концѣ-концовъ приходитъ къ атеизму. Во всѣхъ религіяхъ существуетъ такое внутреннее познаніе, такъ что за католической религіей уже не признается монополія единственно истиннаго познанія. Оно является не исходящимъ изъ сохраненной традиціи, но только иначе переданнымъ сообщеніемъ того или другого первобытнаго внутренняго познаванія. Но эти сообщенія о познаваніяхъ имѣютъ различную судьбу. Одни пускаютъ корни и растутъ, другія увядаютъ и упадаютъ. Такимъ образомъ, если религія живетъ, то она истинная религія, и всѣ существующія религіи суть истинныя религіи (§ 9).

Далѣе энциклика указываетъ, что модернизмъ совершенно отдѣляетъ вѣру отъ науки. На всемъ пространствѣ, доступномъ познанію, наука властвуетъ неограниченно, а для вѣры остается лишь область, которую наука признаетъ для себя недоступною. Пока каждая остается въ своей сферѣ, столкновеніе между ними невозможно, но при этомъ наука и вѣра остаются другъ другу чужды. Наука отрицаетъ чудеса и сверхъестественность Христа, вѣра признаетъ. Но это не столкновеніе. Отрицаніе исходитъ отъ мыслителя, опирающагося на научныя историческія данныя. Признаніе же—отъ вѣрующаго, который жизнь Іисуса Христа воскрешаетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и при помощи своихъ вѣрованій.

Энциклика протестуетъ противъ такого дуализма. Вѣра въ данномъ случаѣ вполнѣ подчиняется наукѣ и должна возстать противъ этой ничѣмъ неограниченной свободы науки. Этотъ дуализмъ, утверждаетъ энциклика, сказывается и практически: «когда они пишутъ исторію, они не признаютъ божественности Христа, но они ему молятся и участвуютъ въ богослуженіяхъ. Какъ историки, они мало цѣнятъ отцовъ церкви и соборы, но, какъ катехеты и преподаватели, они ихъ почитаютъ. Все это показываетъ, что у нихъ одновременно двѣ совершенно различныхъ экзегетики, теологическая и научно-историческая» (§ 10).

Въ § 11 энциклика возвращается къ принципу имманентности и перманентности, т. е. что вѣра вообще присуща человѣческому сознанію и постоянно живетъ въ немъ, такъ что божество внутри человѣка.

Слѣдующіе параграфы продолжаютъ изложеніе модернистской теологіи, начатое въ одиннадцатомъ параграфѣ, именно: § 12—происхожденіе догматовъ и таинствъ; § 13—происхожденіе священнаго писанія; § 14—начало и существо церкви; § 15 - отношеніе церкви и міра; § 16—сущность и примѣненіе церковной учительской власти; § 17—ученіе объ эволюціи; § 18—развитіе вѣры и культа и § 19—теорія непроизвольной необходимости. Это

длинное изложеніе энциклики проф. Меуреръ (католическое каноническое право въ Вюрцбургскомъ университетѣ) такъ вкратцѣ резюмируетъ:

«Общая характеристика модернизма энцикликою можетъ быть сведена къ слѣдующему: ничего божественнаго и ничего сверхъестественнаго. Никакого божественнаго вмѣшательства. Догматы, а съ ними и писаніе, библія, церковь и культъ произошли совершеннно естественнымъ путемъ. Догматы и вѣра возникаютъ изъ потребности вѣрующаго и подлежатъ эволюціи на основахъ естественной необходимости. Это развитіе является результатомъ столкновенія двухъ силъ: одной прогрессивной и другой консервативной» («Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 1908, № 1).

Въ § 20, посвященномъ модернистской церковной исторіи, энциклика возвращается къ вышеизложеннымъ уже вопросамъ объ агностицизмѣ, трансфигураціи и дефигураціи, а также о божественности Христа. Въ остальныхъ параграфахъ первой части энциклика касается менѣе важныхъ вопросовъ, жалуется на историческую критику, затѣмъ снова и снова протестуетъ противъ идеи естественнаго происхожденія католической религіи и пр., въ заключеніе, и противъ идеи реформировать католическую церковь. Въ первой части всего 26 параграфовъ.

Вторая часть (§§ 27, 28 и 29) заключаетъ въ себѣ сводъ возраженій противъ модернизма. Важнѣйшія приведены уже выше. Интереснѣе третья часть (§§ 30—37), въ которой энциклика предписываетъ мѣры борьбы съ модернизмомъ. Эти мѣропріятія заключаются въ репрессаліяхъ (Molimina efficaciora). На первомъ планѣ стоятъ два предписанія, касающіяся преподаванія теологическихъ наукъ: 1) Схоластическая философія вообще, а въ частности и въ особенности философія Θомы Аквината, должна быть положена въ основу всякаго теологическаго преподаванія. Въ семинаріяхъ обязанность установить такое преподаваніе и слѣдить за строгимъ исполненіемъ этого предписанія возлагается на епископовъ, въ монастыряхъ—на ихъ настоятелей. «И профессора должны знать, что если они въ своихъ лекціяхъ, особенно въ вопросахъ метафизическихъ, будутъ отклоняться отъ св. Θомы Аквината, то понесутъ тяжкія послѣдствія»; 2) вводится и регулируется въ семинаріяхъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Затѣмъ слѣдуетъ санкція: «Если же кто-либо (говоритъ энциклика) тѣмъ или инымъ способомъ окажется причастнымъ модернизму или хотя бы только благопріятнымъ, тотъ въ католическихъ университетахъ ни въ семинаріяхъ не можетъ быть ни ректоромъ, ни профессоромъ, ни какимъ бы ни было преподавателемъ». Такимъ наказуемымъ «благопріятнымъ» отношеніемъ почитается, если кто-либо «отзовется съ похвалою о модернистахъ, или будетъ имъ извинять ихъ поведеніе все равно, будетъ ли оно заключаться въ порицаніи схоластики,

отцовъ церкви и церковной учительской власти, или въ отказѣ повиноваться церковной власти, кто бы въ данномъ случаѣ ни былъ ея носитель; или въ защитѣ модернизма въ исторіи, археологіи и библейской экзегетики; или, наконецъ, въ выраженіи небреженія къ теологическимъ наукамъ и предпочтенія свѣтскихъ».

Эти предписанія представляются самыми важными. За ними слѣдуютъ постановленія въ совершенно томъ же духѣ и стилѣ относительно студентовъ и вообще учащихся, относительно ищущихъ ученыя степени и каѳедры, относительно посвящаемыхъ въ священники. Отнынѣ, предписываетъ энциклика, въ составъ доктората теологіи и каноническаго права допускаются только лица, вполнѣ овладѣвшія схоластическою философіей. Если этого нѣтъ, дипломъ теряетъ силу. Студентамъ католическихъ университетовъ и священникамъ воспрещается слушать какіе-либо иные курсы. Епископамъ поручается наблюдать за этимъ.

Затѣмъ обстоятельныя предписанія относительно запрета для всѣхъ вѣрующихъ читать модернистскія книги. Католическимъ книгопродавцамъ воспрещается ихъ продавать. Для наблюденія учреждаются при епископахъ цензоры. То же относится къ журналамъ и газетамъ. Сильно ограничиваются собранія и совѣщанія священниковъ. При епископахъ учреждаются контрольные комитеты, которыхъ задача слѣдить и наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписаній энциклики. Отчеты по исполненію этихъ предписаній епископы представляютъ папѣ черезъ годъ по ея изданіи, а затѣмъ будутъ представлять каждые три года.

Таковъ этотъ памятникъ обскурантизма XX вѣка! Затѣмъ его исполненіе. Въ Германіи уволены проф. церковной исторіи страсбургскаго университета Альбертъ Эргардъ и проф. церковной исторіи мюнхенскаго университета Шницлеръ, въ Австріи проф. каноническаго права въ инспрукскомъ университетѣ Вармундъ, а во Франціи въ Сорбоннѣ бойкотируется (студентами-теологами по распоряженію архіепископа) Луази.

Считаемъ крупныя жертвы. Болѣе незначительныхъ сколько, Господи, ихъ вѣси. Католическая іерархія, считающая въ своихъ рядахъ не мало широко-образованныхъ представителей, спокойно и покорно склонилась передъ невѣжественнымъ, но непогрѣшимымъ Сарто. Раскола поэтому ожидать нельзя, хотя движеніе противъ энциклики понемногу развивается. Вѣроятнѣе всего повторится исторія 1870—71 годовъ, когда объявленъ былъ догматъ папской непогрѣшимости. Добросовѣстные теологи съ проф. Деллингеромъ во главѣ ушли и основали старо-католическую общину съ небольшимъ числомъ послѣдователей. И теперь выдѣлятся добросовѣстные ученые, а каѳедры займутъ готовые на Ѳому Аквината и не только на Аквината, но и на любого изувѣра. Этого требуютъ интересы церкви, какъ возвышенно выражаются католическіе іерархи. Правильнѣе выразиться, что этого

требуютъ интересы этихъ католическихъ іерарховъ. Католическая іерархія давно уже выродилась въ компанію взаимнаго страхованія доходовъ, получаемыхъ съ невѣжества и взимаемыхъ съ суевѣрій. Стало быть, все образуется ad majorem Dei gloriam! Такъ надобно католическому первосвященнику, католическимъ іерархамъ и ихъ патерамъ, каноникамъ, ихъ аристократическимъ покровителямъ и союзникамъ (эти страхуютъ не доходы, но вліяніе на суевѣрное населеніе) и т. д. Наука и просвѣщеніе имъ не съ руки...

Тѣмъ не менѣе, могутъ произойти интересныя событія, нѣкоторое освѣщеніе которыхъ дадутъ читателямъ и эти предложенныя имъ страницы.

С. Южаковъ.

Новыя книги

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей С. А. Венгерова). Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Съ написанными для настоящаго изданія воспоминаніями П. А. Кропоткина. Спб. 1907. Стр. XXXI + 224. Ц. 1 р. Часть II. Подпольная Россія. Спб. 1907. Стр. II + 262. Ц. 1 р. Часть III. 1. Домикъ на Волгѣ. 2. Новообращенный. 3. Сказка о копейкѣ. Спб. 1907. Стр. IV + 241. Ц. 1 р. Часть IV. Андрей Кожуховъ. Переводъ съ англійскаго Ф. М. Степнякъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. А. Кропоткина. Со статьей Георга Брандеса. Спб. 1907. Стр. XVI + 306. Ц. 1 р. Часть V. Эскизы и Силуэты. Спб. 1908. Стр. III + 204. Ц. 1 р.

Отходящая въ прошлое эпоха «дней свободы», между прочимъ, обогатила русскую литературу новыми изданіями нѣкоторыхъ произведеній, до этой поры появлявшихся въ Россіи лишь нелегально, въ качествѣ строго запрещеннаго плода, пользованіе которымъ могло повлечь за собою тяжелыя послѣдствія и который поэтому имѣлъ сравнительно ограниченное распространеніе. Однимъ изъ такихъ изданій является и выпускаемое «Библіотекой Свѣточа» подъ редакціей С. А. Венгерова собраніе сочиненій Степняка-Кравчинскаго.

С. М. Кравчинскій, болѣе извѣстный русской публикѣ подъ его литературнымъ псевдонимомъ Степняка,—старый другъ русскаго интеллигентнаго читателя. Его очерки революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, собранные въ одну книгу подъ характернымъ названіемъ: «Подпольная Россія», и его романъ «Андрей Кожуховъ», написанные первоначально для западно-европейской публики, уже очень скоро послѣ своего появленія были переведены на русскій языкъ и заняли видное мѣсто среди излюбленныхъ книгъ русской интеллигентной молодежи. По этимъ произведеніямъ Степняка под-

раставшія поколѣнія русской интеллигенціи знакомились съ героической борьбой, какую вели ихъ предшественники, и учились понимать и цѣнить эту борьбу. И такое значеніе произведенія Кравчинскаго сохранили и по настоящее время, при томъ не одни только что названныя произведенія, но и всѣ почти остальныя. Видный дѣятель революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, Кравчинскій и свою литературную дѣятельность, въ которой онъ проявилъ выдающійся талантъ писателя, посвятилъ главнымъ образомъ изображенію этого движенія и уясненію его смысла. Правда, въ своихъ произведеніяхъ, трактующихъ о революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ, онъ не давалъ и не стремился дать полной его исторіи. Они представляютъ собою нѣчто иное, въ своемъ родѣ не менѣе цѣнное. Публицистъ и художникъ по основнымъ свойствамъ своего писательскаго дарованія, Кравчинскій то въ рядѣ яркихъ очерковъ выводитъ передъ читателемъ отдѣльныя фигуры дѣятелей революціоннаго лагеря, то обращается къ чисто художественной формѣ и въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ рисуетъ жизнь и психологію революціонеровъ. Можно, пожалуй, сказать, что всѣ такого рода произведенія Кравчинскаго представляютъ собою только матеріалъ для исторіи той эпохи, къ которой они относятся, только отдѣльные очерки того движенія, которое стремился изобразить авторъ. Но эти очерки согрѣты живымъ чувствомъ, проникнуты заразительнымъ энтузіазмомъ и даютъ читателю рядъ яркихъ и правдивыхъ картинъ. Написанные въ нѣсколько приподнятомъ, романтическомъ тонѣ, они, однако же, не грѣшатъ противъ исторической и художественной правды и вмѣстѣ съ тѣмъ не ограничиваются однимъ внѣшнимъ описаніемъ лицъ и событій. Самъ тѣсно связанный съ героями своихъ произведеній, Кравчинскій всегда стремился и читателя сблизить съ ними, сроднить съ ихъ психологіей и успѣвалъ въ значительной мѣрѣ достичь этого даже тогда, когда имѣлъ дѣло съ чуждой ему читательской средой. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить отзывъ Георга Брандеса о романѣ «Андрей Кожуховъ», данный въ предисловіи къ датскому переводу этого романа. «Эта книга—писалъ извѣстный критикъ—не только совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ. Она содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой тонкій и проницательный анализъ, какого не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентную русскую молодежь въ тотъ періодъ, при Александрѣ II, когда нигилизмъ достигъ полнаго своего расцвѣта и когда смѣлыя выступленія молодежи, къ несчастью не принесшія непосредственной пользы, совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью». «По всему было видно,—говоритъ въ свою очередь П. А. Кропоткинъ въ воспоминаніяхъ о Кравчинскомъ—что его крупный литературный талантъ быстро достигалъ зрѣлости, когда смерть подкосила его въ расцвѣтѣ силъ. Впрочемъ, уже тѣмъ, что онъ

написалъ, онъ сумѣлъ пробудить широкія симпатіи—не къ дѣланному, обыкновенно прикрашенному, историческому революціонному герою, а къ живымъ, реальнымъ революціонерамъ, женщинамъ и мужчинамъ, дѣйствующимъ въ скромной, сѣренькой обстановкѣ меблированной комнаты и умирающимъ медленною агоніею въ четырехъ стѣнахъ—не замка на озерѣ, а современнаго „дома заключенія", гдѣ идеалъ каменно-желѣзнаго гроба осуществленъ еще лучше, чѣмъ въ средневѣковыхъ рыцарскихъ замкахъ».

Тѣ результаты, которыхъ Кравчинскій успѣвалъ добиться даже въ чуждой ему по происхожденію и по всѣмъ привычкамъ своей жизни читательской средѣ, въ еще большей мѣрѣ достигаются имъ по отношенію къ русскому читателю, который встрѣчаетъ въ его произведеніяхъ родную обстановку и близкіе типы. И эти результаты оказываются тѣмъ болѣе цѣнными и прочными, что они получаются не только путемъ абстрактныхъ разсужденій и теоретическихъ выводовъ. Въ свои историческіе очерки, какъ и въ свои художественныя произведенія, Кравчинскій вносилъ много личнаго, интимнаго элемента. И тамъ, и здѣсь онъ старался не только выяснить условія возникновенія революціоннаго движенія, не только изобразить тѣ формы, въ какихъ оно проявлялось, но и вывести передъ читателемъ ту среду, которую оно охватило, и тѣхъ людей, которые составляли его душу. «Его знаніе русской революціонной среды—разсказываетъ о Кравчинскомъ П. А. Кропоткинъ—не было только знаніемъ участника и дѣятеля. Онъ любилъ *людей*, самихъ по себѣ, какъ живые человѣческіе образы, и въ нашей средѣ его интересовали не только кружковыя дѣла, но также и личныя дѣла друзей, и не только ихъ личныя жизненныя драмы, но даже и самыя мелочи ихъ взаимныхъ отношеній, подчасъ грустныя, подчасъ забавныя». Этотъ интересъ и эта любовь къ людямъ, какъ къ живымъ человѣческимъ образамъ, нашли себѣ яркое отражежение въ произведеніяхъ Кравчинскаго и сообщили имъ особую, трудно передаваемую привлекательность. Его историческіе очерки, воспроизводящіе передъ читателемъ цѣлую галлерею портретовъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, неизмѣнно переплетены съ личными воспоминаніями, придающими этимъ портретамъ необыкновенную жизненность. Въ его попыткахъ художественнаго изображенія революціонной среды не менѣе ясно чувствуется присутствіе того же личнаго элемента, озаряющаго рисуемыя художникомъ картины теплымъ и мягкимъ свѣтомъ. Будущему историку русскаго революціоннаго движенія придется сдѣлать не мало разнообразныхъ дополненій къ тому изображенію этого движенія, какое дается въ произведеніяхъ Кравчинскаго. Но никакая, даже самая полная исторія не дастъ читателю того чувства непосредственной близости къ изображаемымъ лицамъ, какое даютъ ему эти произведенія.

Нѣсколько особнякомъ въ ряду другихъ произведеній Кравчин

скаго стоитъ его большой романъ «Штундистъ Павелъ Руденко». Въ этомъ романѣ, главной задачей автора, выполненной съ большимъ успѣхомъ, является изображеніе быта штундистовъ и тѣхъ преслѣдованій, какія обрушивались на нихъ со стороны администраціи. Революціонеры выведены въ романѣ лишь на второмъ планѣ и только для того, чтобы оттѣнить взаимныя отношенія революціоннаго и сектантскаго движеній. Въ согласіи съ духомъ эпохи и съ собственными воззрѣніями Кравчинскій, начавъ изображеніе этихъ отношеній съ картины взаимнаго непониманія представителей двухъ движеній - крестьянина-штундиста и студента-революціонера,—затѣмъ заставляетъ своихъ героевъ сблизиться и примириться. Но это сближеніе не является въ романѣ искусственно натянутымъ и отъ всего романа въ цѣломъ вѣетъ не меньшей художественной правдой, какъ и отъ другихъ произведеній Кравчинскаго.

Самое изданіе сочиненій Кравчинскаго ведется «Библіотекой Свѣточа» въ высшей степени заботливо. Тамъ, гдѣ была къ этому возможность, издатели дополнили печатаемыя произведенія по сохранившимся рукописямъ покойнаго автора. «Подпольная Россія» пополнена очеркомъ, посвященнымъ С. И. Бардиной. Значительно дополнены по рукописямъ повѣсть «Домикъ на Волгѣ» и драма «Новообращенный». Подобнымъ же образомъ дополненъ романъ «Штундистъ Павелъ Руденко» и, сверхъ того, въ приложеніяхъ къ нему помѣщено нѣсколько отрывковъ, найденныхъ въ рукописяхъ автора. Помимо того, къ вышедшимъ томамъ приложены воспоминанія П. А. Кропоткина, живо воспроизводящія обаятельный образъ Кравчинскаго, статья Георга Брандеса объ «Андреѣ Кожуховѣ» и много прекрасно исполненныхъ портретовъ, въ томъ числѣ нѣсколько портретовъ самого Кравчинскаго. Поставленное, такимъ образомъ, изданіе сочиненій С. М. Кравчинскаго является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы.

„Сѣверные сборники“. Издательство **„Шиповникъ“**, кн. V, Спб. 1908 г.

Въ эту (пятую) книгу «Сѣверныхъ сборниковъ» вошли произведенія трехъ скандинавскихъ авторовъ: Карла Іонаса Лове Альмквиста, Августа Стриндберга и Яльмара Сёдерберга, въ переводѣ г. Ю Балтрушайтиса. Г. Балтрушайтисъ-поэтъ декадентскаго толка. Впрочемъ, очень можетъ статься, что мы и ошибаемся: въ этой терминологіи теперь разбираться очень трудно. Гораздо безопаснѣе сказать, что г. Балтрушайтисъ—модернистъ. Это тоже не вполнѣ опредѣленно, но если прибавить анти-реалистъ, то, кажется, это будетъ самая устойчивая точка на пересѣченіи этихъ «зыблющихся линій», которыя своей трудно уловимой сѣтью составляютъ туманное пятно модернистскихъ «настроеній».

Итакъ, посмотримъ на сборникъ г-на Балтрушайтиса (онъ весь заполненъ его переводами) съ этой точки зрѣнія Разсказу Карла Іонаса Лове Альмквиста переводчикъ предпосылаетъ критическій набросокъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Альмквиста (родившагося въ 1793 и умершаго въ 1861 году) гетеборгскій профессоръ Сюльванъ, не колеблясь, называетъ геніемъ, а соотечественница его, г-жа Элленъ Кэй—«самымъ современнымъ поэтомъ Швеціи». «Своимъ внутреннимъ складомъ и общимъ духомъ своего міросозерцанія,—прибавляетъ къ этому переводчикъ уже отъ себя,—Альмквистъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ опередилъ свое время...» «Поражаешься современности его изысканныхъ образовъ, буквальному совпаденію отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ страницъ съ тѣмъ, что теперь проповѣдывается, какъ самая послѣдняя мудрость дня».

Итакъ, у насъ есть случай на «старомъ поэтѣ» постараться уловить, что же собственно составляетъ модернистскую мудрость послѣдняго дня, отличающую ее отъ реализма, которая на старомъ фонѣ должна засверкать для насъ тѣмъ яснѣе. Разсказъ Альмквиста называется «Мельница въ Шельпурѣ». Ведется онъ отъ лица какого-то знакомаго автора, «молодого и веселаго человѣка, крѣпкаго и высокаго роста», который совершилъ пѣшкомъ путешествіе по Упланду и Руслагену и оставилъ письменный разсказъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Начинается этотъ разсказъ просто и живо. Разсказчикъ красиво описываетъ природу, впечатлѣнія простора, свободы и молодости. На одной изъ дорогъ онъ встрѣчаетъ молодую крестьянскую дѣвушку, спускающую тяжелый возъ по крутому спуску. Онъ помогаетъ ей, вступаетъ въ разговоръ и провожаетъ ее до мельницы. Отъ разсказа вѣетъ природой и подлинными впечатлѣніями. Фигура крестьянской дѣвушки набросана красиво и бойко, какъ эскизъ талантливаго живописца въ дорожномъ альбомѣ. Если бы дальше послѣдовалъ ночлегъ на мельницѣ съ какой-нибудь характерной «бытовой» картиной, потомъ утро, прощаніе и дальнѣйшій путь, мы имѣли бы нѣчто въ родѣ эпизода изъ «Записокъ охотника», т. е. нѣчто художественно-реальное. Но что же тутъ, однако, было бы «совпадающаго съ послѣдней мудростью» модернизма?

А вотъ погодите. Дѣло въ томъ, что разсказчикъ не заканчиваетъ такъ просто. Онъ не заходитъ на мельницу, а идетъ дальше. Но невѣдомая сила невольно влечетъ его опять къ мельницѣ и, въ концѣ концовъ, повинуясь притяженію, онъ приходитъ туда вечеромъ. Входитъ. На мельницѣ темно. Слышны два голоса. Они звучатъ злодѣйствомъ, и, дѣйствительно, оказывается, что это крестьянинъ Карлсонъ сговаривается съ мельникомъ погубить нѣкоего невиннаго Матсона, а съ нимъ и Бритту (встрѣченную разсказчикомъ дѣвушку). Сама она спитъ теперь на мѣшкахъ Матсона надъ самымъ колесомъ. Разсказчикъ въ темнотѣ проби-

рается туда и снимаетъ спящую дѣвушку съ опаснаго мѣста какъ разъ во-время: Карлсонъ входитъ наверхъ и съ злобнымъ хохотомъ толкаетъ мѣшокъ подъ колесо. Бритта продолжаетъ спать страннымъ сномъ: разсказчикъ не можетъ разбудить ее, но за то въ бреду она разсказываетъ ему всѣ тайныя пружины злодѣйства Карлсона, который, оказывается, отравилъ родную сестру, а теперь хочетъ обвинить въ ея смерти Матсона. Тутъ начинается уже нѣчто, какъ говорили въ старину, «неслыханное»: разсказчикъ надѣваетъ на голову юбку Бритты, которая перешла къ ней отъ отравленной хозяйки, становится на лѣстницу и произноситъ длинный монологъ, разоблачая злодѣяніе Карлсона. Авторъ увѣряетъ насъ, будто, видя (во тьмѣ!) юбку сестры, Карлсонъ принимаетъ «крѣпкаго мужчину, высокаго роста» за тѣнь отравленной, и оба негодяя вѣрятъ подлинности монолога. При этомъ нѣкоторыя разоблаченія привидѣнія ссорятъ злодѣевъ, и они вступаютъ въ драку. На драку собирается народъ. Бритта, значитъ, уже въ безопасности. Разсказчикъ уходитъ.

Оказывается, онъ ошибся. Онъ бредетъ надъ бурнымъ потокомъ въ лѣсу и видитъ, что на другой сторонѣ потока злодѣй Карлсонъ влечетъ связанную Бритту и требуетъ у нея, чтобы она или обѣщала дать нужныя ему показанія въ судѣ, или приготовилась погибнуть мучительною смертью (Онъ собирается распилить ее на лѣсопилкѣ, какъ бревно).. Разсказчикъ кидается на помощь, хочетъ перебѣжать черезъ бурный потокъ по настилкѣ лѣсопильной мельницы. Настилка рушится подъ его ногами. Трескъ, хаосъ падающихъ досокъ, и герой... вы думаете, падаетъ въ воду? Нѣтъ. По странной случайности (не любо, читатель, можете не слушать) онъ оказывается стоящимъ на единственномъ столбѣ посреди потока, какъ нѣкая статуя на пьедесталѣ. Въ это время злодѣй уже привязалъ Бритту къ бревну и пустилъ подъ пилу лѣсопилки, а самъ, мечась зачѣмъ-то по мельницѣ, какъ угорѣлый, попадаетъ въ колесо и погибаетъ. Положеніе: герой стоитъ на столбѣ посреди потока, пила уже задѣваетъ тѣло Бритты. Помощи ни откуда. Но... недаромъ, по словамъ г. Балтрушайтиса, «Альмквистъ тяготѣетъ ко всему, въ чемъ неисповѣдимымъ образомъ кроется роковая тайна»... На сей разъ безвыходное положеніе разрѣшается нѣкоей таинственной птицей. Она пролетаетъ мимо, задѣваетъ за что-то крыломъ, роняетъ щепку въ шестерню,—ужасная пила остановлена. А засимъ и столпникъ прыгаетъ благополучно со столба.

Мы нарочно такъ подробно привели запутанное содержаніе разсказа, такъ какъ оно кажется намъ характернымъ: въ недурную, чисто «реальную» рамку вставляется совершенно аляповатый, ни съ чѣмъ несообразный вымыселъ, лишенный воображенія и вкуса, передъ которымъ «приключенія» эмаровскихъ романовъ— верхъ художественности и правдоподобія, и г. Балтрушайтисъ.

самъ модернистъ,—выдаетъ намъ это за «совпаденіе съ самой послѣдней мудростью дня». На здоровье, господа! Старый реализмъ охотно уступаетъ вамъ эту замѣчательную мудрость.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Альмквистъ «геній» въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ, но Августъ Стриндбергъ—писатель, намъ давно извѣстный, не геній, но человѣкъ несомнѣнно талантливый. Въ сборникѣ есть два его разсказа («Высшая цѣль» и «Легенда о С.-Готардѣ»), въ которыхъ побужденія людей доступны оцѣнкѣ здраваго смысла и отъ которыхъ вѣетъ и поэзіей, и самой «реальной» правдой. Но г. Стриндбергъ, по нѣкоему странному капризу, любитъ порой заигрывать съ модернизмомъ, т. е. пишетъ разсказы, къ которымъ приложима обычная для модернизма критическая формула: «Смысла, кинечно, нѣтъ. Но есть, знаете ли, *что-то*». Это «что-то» въ разсказѣ «Соната призраковъ» можетъ нормально настроенному человѣку доставить нѣсколько поистинѣ веселыхъ минутъ. Есть въ этой сонатѣ нѣкій ужасно коварный «Старикъ», великій каналья и злодѣй. Онъ всѣхъ опуталъ своими сѣтями и уже собирается насладиться полнымъ торжествомъ своихъ адскихъ интригъ, для чего собираетъ всѣ свои жертвы и начинаетъ передъ ними хвастать своею ловкостью. Но тутъ одна изъ жертвъ, сумасшедшая старуха, которая воображала себя попугаемъ и кричала курр-ру, внезапно пріобрѣтаетъ даръ слова, произноситъ дрянному старикашкѣ длинную и ядовитую отповѣдь и въ заключеніе приказываетъ ему (увѣряемъ васъ,—мы не выдумываемъ) идти въ гардеробный шкафъ и тамъ повѣситься. Старикашка сконфузился до такой степени, что... покорно лѣзетъ въ шкафъ и вѣшается, къ удовольствію, надо думать, всей почтенной компаніи, при чемъ изъ приличія или для «символа», старушенція-попугай велитъ лакею заставить дверь ширмою, «ширмой смерти». Послѣ этого раздается пѣсня нѣкоего студента, изъ коей читатель узнаетъ, что «Благъ, кто доброе свершаетъ» и «Всѣмъ дается по дѣяніямъ». Какъ видите, «мудрость послѣдняго дня» недалеко ушла отъ мудрости старыхъ прописей.

Любителямъ веселаго чтенія можемъ порекомендовать и послѣднее дѣйствіе сонаты, гдѣ сначала студентъ и дѣвица (фрекенъ) объясняются въ любви и увѣрены въ своемъ счастьи, но потомъ является на сцену ужасающая кухарка,—разумѣй символъ кухарки, которая «вывариваетъ мясо, а намъ даетъ одни волокна и воду, а бульонъ выпиваетъ сама; когда же бываетъ жаркое, то она сперва вывариваетъ сокъ, поѣдаетъ соусъ и даже (о ужасъ!) выпиваетъ подливку!» Ея злодѣйства наводятъ на влюбленныхъ такое уныніе, что они начинаютъ вспоминать другія несовершенства міра и кончается это тѣмъ, что фрекенъ зоветъ Бенгтсона (лакея) и говоритъ: «Ширмы, скорѣе. Я умираю» (мы опять не выдумываемъ: безъ ширмы герои сонаты никакъ не рѣшаются умереть). Послѣ сего студентъ опять преподаетъ «мудрость послѣд-

няго дня» изъ старой прописи: «Въ томъ, что въ жизни ты содѣлалъ въ гнѣвѣ, кайся безъ гордыни»... И подыгрываетъ на арфѣ...

Такова эта маленькая и, право, довольно веселая шалость талантливаго скандинава. И почему бы нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Если ужъ такой ловкій старикашка позволилъ себѣ «внушить», что ему необходимо повѣситься въ гардеробномъ шкафу, то почему же нельзя внушить и читателю, что это не просто веселая шалость, а «трагическая соната», въ которой, за отсутствіемъ простого смысла, есть таинственное и важное «что-то»...

Эти двѣ вещицы—разсказъ о чудесахъ въ рѣшетѣ Альмквиста и соната Стриндберга—служатъ, повидимому, оправданіемъ для г. Балтрушайтиса въ глазахъ модернистскихъ товарищей. Оправданіемъ въ томъ, что остальные разсказы, имъ переведенные, просто художественны и не расходятся съ здравымъ смысломъ. Особенно хороши небольшіе разсказы Седерберга, дѣйствительно напоминающіе простоту и задушевность нашего Чехова.

Христофъ Зигвартъ. Логика т. I. Ученіе о сужденіи, понятіи и выводѣ. Переводъ съ 3-го посмертнаго нѣмецкаго изданія І. А. Давидова Спб. 1908, XXIII+481 стр., цѣна 2 р. 50 к.

Наша переводная литература въ области логики не блещетъ полнотой. До самаго послѣдняго времени люди, не владѣющіе иностранными языками должны были довольствоваться «Системой Логики» Дж. Ст. Милля и «Основами Науки» Джевонса: у нихъ не было переводовъ ни Зигварта, ни Вундта, ни Бозанкета, ни многихъ другихъ замѣчательныхъ работниковъ въ области логики.

Съ появленіемъ перевода логики Зигварта (черезъ 35 лѣтъ послѣ обнародованія перваго нѣмецкаго изданія) возмѣщается, конечно, самый важный изъ этихъ недочетовъ. Ибо Зигвартъ является самой крупной фигурой въ области современной логики и его вліяніе замѣтно почти на всѣхъ нѣмецкихъ логикахъ и на весьма многихъ работахъ, появившихся на другихъ языкахъ.

Зигвартъ стоитъ во главѣ цѣлой групны логиковъ, которые дали новую постановку вопросамъ, традиціонно входившимъ въ область логическаго мышленія. Одной изъ важнѣйшихъ реформъ этихъ логиковъ является новый взглядъ на природу сужденія, которое теперь разсматривается, какъ самое основное явленіе познавательнаго процесса, а не простой пріемъ соподчиненія субъекта и предиката. Эта реформа повела къ новому построенію логики и, между прочимъ, способствовала прекращенію традиціонной борьбы индукціи съ дедукціей, выяснивши общее основаніе обоихъ этихъ процессовъ.

Логика уясняетъ законы, регулирующіе познавательную дѣятельность человѣка. Но къ чему приводитъ насъ эта познавательная дѣятельность? Къ познанію предметовъ внѣ насъ лежащихъ? «Нѣтъ,—отвѣчаетъ Зигвартъ,—мы навѣки лишены возможности сравнить наше познаніе съ вещами, какъ онѣ существуютъ неза-

висимо отъ нашего познанія. Даже, въ лучшемъ случаѣ, мы рѣшительно должны удовольствоваться лишеннымъ всякихъ противорѣчій согласіемъ между тѣми мыслями, которыя предполагаютъ сущее» (стр. 7). Поэтому логика является лишь «техническимъ ученіемъ о мышленіи», стремящемся къ тому, чтобы «придти къ такимъ положеніямъ, которыя были бы достовѣрны и общезначимы».

«Итакъ, мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можемъ утверждать слѣдующее: если мы не производимъ ничего, кромѣ необходимаго и общезначимаго мышленія, то сюда включается также и познаніе сущаго; и если мы мыслимъ съ познавательной цѣлью, то непосредственно мы хотимъ осуществить лишь необходимое и общезначимое мышленіе. Именно этимъ понятіемъ исчерпывается также сущность *«истины»*. Когда мы говоримъ о математическихъ, фактическихъ, нравственныхъ истинахъ, то общій характеръ того, что мы называемъ истиннымъ, выражается въ томъ, что оно есть необходимо и общезначимо мыслимое» (стр. 7—8).

Если логика учитъ насъ, какъ должны мы регулировать наше мышленіе, чтобы достигнуть «необходимо и общезначимо мыслимаго», то, съ другой стороны, можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ мы узнаемъ, что наше исканіе увѣнчалось успѣхомъ. «Возможность установить критерій и правила необходимаго и общезначимаго прогрессированія въ мышленіи покоится на *способности различать объективно необходимое мышленіе отъ не необходимаго*, и способность эта обнаруживается въ *непосредственномъ сознаніи той очевидности*, какая сопутствуетъ необходимому мышленію. Опытъ этого сознанія и вѣра въ его надежность есть *постулатъ*, дальше котораго идти невозможно» (стр. 14).

Такимъ образомъ, чисто логическая дѣятельность ограничивается выработкой положеній, необходимость и общезначимость которыхъ для насъ очевидна. Однако Зигвартъ не ограничивается такимъ чистымъ субъективизмомъ. Онъ готовъ допустить, что явленія суть отобразы нѣкоторой реальности. Только разсмотрѣніе этого вопроса онъ передаетъ метафизикѣ.

Первый томъ логики Зигварта, появившійся теперь на русскомъ языкѣ, занятъ ученіемъ о сужденіи, понятія и выводѣ. Второй томъ посвященъ ученію о научныхъ методахъ. Это очень важная часть логики Зигварта: разработка научныхъ методовъ является одной изъ важнѣйшихъ заслугъ той новой логики, во главѣ которой стоитъ Зигвартъ.

Будемъ надѣяться, что этотъ второй томъ скоро появится.

Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907. Стр. 149. Ц. 1 руб.

Въ настоящей своей книгѣ Н. П. Сильванскій собралъ тѣ общіе выводы, къ какимъ онъ пришелъ въ результатѣ ряда спеціальныхъ

изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ области древней русской исторіи. Всѣ эти выводы направлены къ одной основной цѣли—установленію полнаго тожества соціальныхъ и политическихъ порядковъ удѣльной Руси, съ одной стороны, и западно-европейскаго феодализма, съ другой. Съ этой точки зрѣнія Сильванскій въ своей книгѣ подвергаетъ критическому пересмотру существовавшія и существующія теоріи русской исторіи, съ этой же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ отдѣльные институты удѣльнаго періода, приходя въ итогѣ такого разсмотрѣнія къ категорическому утвержденію, что они „дають полное основаніе опредѣлять нашъ удѣльный порядокъ... какъ строй одной природы, одного типа, одного рода съ порядкомъ феодальнымъ» (88). И въ критическихъ замѣчаніяхъ автора, и въ положительныхъ выводахъ, даваемыхъ имъ, читатель встрѣтить немало новаго и любопытнаго. Не безъ остроумія отмѣчая недостатки господствующихъ объясненій русской исторіи, Сильванскій вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ успѣха пытается установить на многія явленія древней русской жизни новый взглядъ путемъ сближенія ихъ съ порядками западно-европейскаго феодальнаго строя. Въ удѣльной Руси Сильванскій находитъ институты иммунитета, коммендаціи и патроната, боярщину онъ сближаетъ съ сеньеріей, боярскую службу сопоставляетъ съ вассалитетомъ и, приравнивая самихъ бояръ къ вассаламъ, настаиваетъ на существованіи у нихъ, въ довершеніе аналогіи съ западными феодальными порядками, подвассаловъ въ лицѣ «дѣтей боярскихъ» и боярскихъ слугъ.

Во всѣхъ этихъ сближеніяхъ авторъ проявляетъ серьезную эрудицію и большую проницательность, и фактъ существованія большого сходства между западно-европейскимъ феодальнымъ строемъ и порядками удѣльной Руси можно считать послѣ изслѣдованій Сильванскаго твердо установленнымъ. Но такое сходство далеко еще нельзя признать полнымъ тожествомъ, такъ какъ наряду съ нимъ можно указать и существенныя различія между феодальнымъ строемъ Запада и русскими удѣльными порядками. Одно изъ такихъ различій, въ сущности наиболѣе глубокое и важное, мимоходомъ отмѣтилъ и самъ Сильванскій. «Настаивая на тожествѣ основныхъ началъ удѣльнаго и феодальнаго строя,—говоритъ онъ—я, однако, вполнѣ признаю различія въ процессѣ ихъ образованія». «Но это—немедленно прибавляетъ онъ—два разныхъ вопроса, и различіе происхожденія не можетъ ослабить факта тожества двухъ учрежденій» (87). Придавая такое ничтожное значеніе «различію происхожденія» учрежденій, Сильванскій обосновывалъ свое мнѣніе тѣмъ аргументомъ, что это различіе носитъ чисто внѣшній характеръ. По его словамъ, хотя «историческій процессъ раздробленія верховной власти оказывается... совершенно различнымъ у насъ и на Западѣ», но оказывается онъ такимъ исключительно «по внѣшности». Различенъ лишь историческій процессъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, различны только «событія», а эволюці-

онный процессъ, скрывавшійся за этими событіями, тамъ и здѣсь совершенно одинаковъ. Въ дѣйствительности, однако, различіе между удѣльною Русью и феодальнымъ Западомъ идетъ дальше и глубже и захватываетъ не только внѣшность событій, но и самую эволюцію учрежденій. Отдѣльные институты, аналогичные феодальнымъ, возникали у насъ въ иной послѣдовательности и связи, и, благодаря этому, русскій удѣльный строй, содержа въ себѣ много чертъ и учрежденій, которыя могутъ быть подведены подъ понятіе феодализма въ широкомъ его смыслѣ, все же очень далекъ отъ того феодализма, который развился въ Западной Европѣ. И сообразно этому выясненіе отличій русскаго удѣльнаго и западнаго феодальнаго строя представляетъ не менѣе, если не болѣе, важную задачу для историка, чѣмъ выясненіе ихъ сходства.

Можно было надѣяться, что въ дальнѣйшихъ трудахъ Сильванскаго эта задача будетъ поставлена во всемъ ея объемѣ. Къ сожалѣнію, безвременная смерть даровитаго историка оборвала его работы въ самомъ ихъ разгарѣ, и вопросы, поставленные имъ передъ русской исторіографіей, должны будутъ найти свое разрѣшеніе въ трудахъ другихъ изслѣдователей. Но во всякомъ случаѣ нужно пожелать, чтобы близкіе къ покойному историку люди озаботились изданіемъ тѣхъ работъ, хотя бы и не вполнѣ оконченныхъ, которыя остались послѣ него и которыя могутъ содержать въ себѣ дальнѣйшее изслѣдованіе поднятыхъ имъ вопросовъ.

Максимъ Ковалевскій. Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи. Переводъ, съ разрѣшенія автора, **А. Баумштейна, подъ** редакціей Е. Смирнова. Спб. 1908. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Ковалевскаго была первоначально написана имъ на французскомъ языкѣ. Согласно задачѣ, какую поставилъ себѣ авторъ, она должна была заполнить пробѣлъ, существующій въ иностранныхъ литературахъ, и дать возможность западно-европейской публикѣ ознакомиться съ исторіей развитія русскихъ государственныхъ учрежденій. Правда, нельзя сказать, что эта задача выполнена авторомъ вполнѣ удачно. М. М. Ковалевскій не спеціалистъ въ области русской исторіи, и на его книгѣ лежитъ яркій отпечатокъ диллетантизма. Въ ней нѣтъ строгаго единства, нѣтъ выдержаннаго и послѣдовательно проведеннаго плана. Она охватываетъ слишкомъ много вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о каждомъ изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности въ ней говорится слишкомъ мало для того, чтобы дать о немъ ясное представленіе. Помимо того, разнообразные вопросы русскаго прошлаго и настоящаго трактуются въ ней чрезвычайно отрывочно и безсистемно и авторъ то и дѣло заставляетъ читателя самымъ неожиданнымъ образомъ переходить отъ одной темы къ другой и отъ одного періода къ другому, часто очень отдаленному отъ перваго. Самое изложеніе фактовъ въ книгѣ г. Ковалевскаго нерѣдко основано на устарѣ-

лыхъ данныхъ и далеко не свободно отъ грубыхъ ошибокъ, которыя можно объяснить исключительно крайнею небрежностью автора. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. По словамъ г. Ковалевскаго, финны, живущіе въ Петербургской губерніи, носятъ различныя обозначенія, изъ которыхъ «наиболѣе распространенныя тжоры-тингри и чухна» (25). Іосифа Волоцкаго, умершаго въ 1515 г., г. Ковалевскій переименовалъ въ Іосифа Волоколамскаго и заставляетъ предсѣдательствовать на духовномъ соборѣ, созванномъ Иваномъ Грознымъ въ 1551 г. (37). Царь Василій Шуйскій, если вѣрить автору, происходилъ «изъ рода князей Шорія, Рюриковой династіи» (50). Петровскія губерніи г. Ковалевскій смѣшиваетъ съ провинціями, а провинціи этой эпохи называетъ губерніями (124). Василію Мировичу, извѣстному своей попыткой освободить изъ Шлиссельбурга императора Ивана Антоновича, г. Ковалевскій даетъ имя Ѳеодора Мировича и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ его въ коменданта Шлиссельбургской крѣпости, убившаго Ивана Антоновича (104). Возстаніе Пугачева г. Ковалевскій почему-то ставитъ въ непосредственную связь съ закрѣпощеніемъ крестьянъ въ Малороссіи и Новороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что оно было подавлено Екатериной II только «съ помощью призыва на борьбу всѣхъ дворянъ возставшихъ областей, изъ которыхъ была составлена какъ бы мѣстная милиція» (106, 119). Говоря объ областныхъ учрежденіяхъ Екатерины II, авторъ утверждаетъ, что «въ наиболѣе характерныхъ чертахъ губернское и уѣздное самоуправленіе времени Екатерины II являлось аристократическимъ, чѣмъ оно и отличается отъ самоуправленія царствованія Александра I и Николая I». Правда, это нисколько не мѣшаетъ автору тутъ же прибавить, что въ названной области «только въ кратковременное правленіе Павла I можно найти попятное движеніе» по сравненію съ екатерининскимъ законодательствомъ и что уже при Александрѣ I послѣднее было вновь возстановлено въ полной силѣ (116). Говоря о правительственной реакціи и революціонномъ террорѣ времени Александра II, авторъ ставитъ ихъ въ связь, прямо обратную той, какая была между ними въ дѣйствительности (176). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще не мало, но, пожалуй, и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, какъ свободно подчасъ обращается г. Ковалевскій въ своей книгѣ съ фактами русской исторіи.

Черезчуръ свободная передача фактовъ нерѣдко сопровождается въ книгѣ г. Ковалевскаго не менѣе свободнымъ истолкованіемъ ихъ. Нѣкоторыя объясненія автора способны вызвать въ читателѣ, сколько-нибудь знакомомъ съ русской жизнью, глубокое изумленіе. Таково хотя бы даваемое авторомъ объясненіе значенія для Россіи всеобщей воинской повинности. По словамъ г. Ковалевскаго, эта реформа «внушила различнѣйшимъ слоямъ русскаго общества чувство дисциплины, способное оказать величайшія услуги не только въ военныхъ предпріятіяхъ, но и въ борьбѣ за гражданскую не-

зависимость», и «способствовала распространенію въ не вѣдавшихъ того ранѣе массахъ европейскихъ идеаловъ свободы, равенства передъ закономъ и общественной солидарности» (197). Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ уничтоженіи университетской автономіи, авторъ утверждаетъ, что оно, въ числѣ прочихъ послѣдствій, повлекло за собою «фатальное возникновеніе, вмѣсто руководящаго вліянія профессоровъ, другого—анонимнаго авторитета, являющагося ничѣмъ инымъ, какъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, ограниченнымъ и пристрастнымъ» (206). И подобныхъ рискованныхъ, а порой и просто мало понятныхъ утвержденій въ «Очеркахъ» г. Ковалевскаго въ свою очередь встрѣчается не такъ ужъ мало.

Всѣ указанныя особенности книги г. Ковалевскаго дѣлаютъ ее не особенно подходящимъ руководствомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ русской исторіей даже для мало избалованной въ этой области западно-европейской публики. Но названную книгу сочли нужнымъ еще перевести на русскій языкъ, и этотъ переводъ въ свою очередь только увеличилъ ея отрицательныя качества. Судя по оглавленію книги, надъ ея переводомъ работалъ не только переводчикъ г. Баумштейнъ, но и особый редакторъ въ лицѣ г. Е. Смирнова. Къ сожалѣнію, и тотъ, и другой имѣютъ, повидимому, одинаково слабое понятіе и о русской исторіи, и о французскомъ языкѣ, и это самымъ печальнымъ образомъ отразилось на книгѣ г. Ковалевскаго. Ни переводчикъ, ни «редакторъ» ея, очевидно, не подозрѣвали, что текстъ встрѣчающихся въ ней цитатъ изъ русскихъ источниковъ слѣдовало бы возстановить по подлинникамъ, и старательно переводили его съ французскаго, создавая такимъ путемъ самые курьезные тексты русскихъ грамотъ XVII столѣтія. На ряду съ этимъ переводъ богатъ и другого рода курьезами. Переводчикъ, напримѣръ, говоритъ о «литовскомъ царѣ Гедеминѣ» (50). Извѣстный памфлетъ XVI вѣка «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» подъ перомъ переводчика обращается въ «Переписку между святыми чудотворцами въ Валаамѣ» (51), Татищевъ получаетъ наименованіе «русскаго историка послѣдняго столѣтія» (53), Петропавловская крѣпость называется «государственной тюрьмой святыхъ апостоловъ Петра и Павла» (154). Когда-то одна изъ русскихъ газетъ вызвала большой смѣхъ, оповѣстивъ своихъ читателей, что засѣданіе французской палаты было открыто депутатомъ Дуаэнъ д'Аге (doyen d'âge). Нѣчто подобное ухитрились продѣлать переводчикъ и редакторъ книги г. Ковалевскаго, переименовавъ путешествовавшаго въ XVII вѣкѣ по Россіи съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ архидіакона Павла Алеппскаго въ Поля д'Але (82). Но и помимо подобныхъ курьезовъ, свидѣтельствующихъ о полномъ незнакомствѣ переводчика и редактора съ тѣми вопросами, которымъ посвящена переведенная ими книга, ихъ переводъ не блещетъ большими достоинствами. Языкъ перевода во всей книгѣ до-нельзя тяжелый и запутанный, а порою въ ней встрѣчаются такія мѣста, которыя при всемъ желаніи совершенно невозможно понять. И если вообще

книга г. Ковалевскаго не является особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русскаго книжнаго рынка, то тотъ переводъ, въ какомъ она появилась, окончательно уничтожаетъ всякую ея цѣнность.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ. Литературное наслѣдіе. Томъ I. Пер. Гройсмана, подъ ред. Аксельрода, Кольцова и Рязанова, съ предисловіемъ къ русскому изданію Фр. Меринга. Книгоиздательство „Освобожденіе труда". 1908 г. 650 стр. Цѣна 2 р. 25 коп.

Первый томъ литературнаго наслѣдія Маркса и Энгельса заключаетъ въ себѣ ихъ произведенія съ марта 1841 г. по мартъ 1844 г., а именно: докторскую диссертацію Маркса «Отличіе натурфилософіи Демокрита отъ натурфилософіи Эпикура», впервые напечатанную въ этомъ изданіи; статью Маркса о цензурѣ въ сборникѣ «Изъ анекдотовъ новѣйшей нѣмецкой философіи и публицистики»; статьи Маркса въ «Рейнской газетѣ» о Рейнскомъ ландтагѣ, объ исторической школѣ юриспруденціи и др.; переписку Маркса 1843 г.; статьи его въ «Нѣмецко-французскихъ ежегодникахъ». Всѣ эти статьи сопровождаются обстоятельными введеніями и примѣчаніями Фр. Меринга, сообщающаго біографическія данныя о Марксѣ и Энгельсѣ за соотвѣтствующее время, обстоятельства, вызвавшія статью, разборъ вопроса по существу и оцѣнку разсужденій Маркса и Энгельса.

Во введеніи къ диссертаціи Маркса Мерингъ даетъ сжатую, но очень яркую картину счастливой юности Маркса, его отношеній къ невѣстѣ, его университетской жизни въ Боннѣ и Берлинѣ, его попытокъ поэтическаго творчества и той дружеской среды, въ которой онъ вращался. Оказывается, что Марксъ написалъ цѣлыхъ три тетради стиховъ, посвященныхъ его невѣстѣ. Мерингъ приводитъ нѣсколько болѣе удачныхъ стихотвореній, но въ общемъ признаетъ ихъ фантастическими и въ то же время тривіальными. «Это все романтическія мелодіи для арфы: пѣсня эльфовъ, пѣсня гномовъ, пѣніе сиренъ, пѣсни къ звѣздамъ, пѣсня звонаря башни, послѣдняя пѣсня пѣвца, блѣднолицая дѣвица» и т. п. (стр. 58). «Съ конца четвертаго семестра,—говоритъ Мерингъ,—Марксъ становится приверженцемъ гегелевской философіи» (стр. 60), и на этой идеалистической точкѣ зрѣнія онъ стоитъ въ своей диссертаціи. «Въ общемъ, по словамъ Меринга, въ параллели, проводимой Марксомъ между Демокритомъ и Эпикуромъ, обнаруживается, какъ сильно продолжаетъ владѣть имъ философія чистыхъ понятій, несмотря на всю его начинающуюся оппозицію къ Гегелю, и какъ онъ еще далекъ отъ естественныхъ наукъ» (стр. 99). Дѣйствительно, вотъ характерный образчикъ. «Относительнымъ существованіемъ, которое выступаетъ какъ противоположное атому бытіе, и которое атомъ долженъ отрицать, является прямая линія (?!). Непосредственное отрицаніе этого движенія (?) есть другое движеніе, т. е. только представляемое въ пространствѣ отклоненіе отъ прямой линіи» (стр. 136). Такъ укладываетъ Марксъ въ гегелевскую схему извѣстное ученіе Эпи-

кура о томъ, что атомы въ своемъ движенiи нѣсколько отклоняются отъ прямой линiи. Столь-же схоластичны другiя толкованiя Маркса, такъ что врядъ ли можно согласиться съ Мерингомъ, что диссертацiя Маркса имѣетъ научное значенiе и теперь.

Гораздо интереснѣе публицистическiя статьи Маркса, въ особенности его критика цензуры и защита свободы печати, произведшая въ то время громадное впечатлѣнiе. Мерингъ вполнѣ правъ, говоря, что «статья Маркса будетъ всегда занимать одно изъ первыхъ мѣстъ среди классическихъ апологiй свободы печати» (стр. 255). Сохраняютъ все свое значенiе и въ наше время такiе, напр., разсужденiя: «Цензура это—критика, являющаяся монополiей правительства, критика не явная, а тайная, не теоретическая, а практическая, не стоящая надъ партiями, а являющаяся сама партiей, предпочитающая острому ножу разсудка тупыя ножницы произвола; это критика, желающая лишь критиковать другихъ, но не переносящая критики себя; критика, которая отрицаетъ себя во всѣхъ своихъ проявленiяхъ, которая, наконецъ, настолько некритична, что считаетъ индивидуумъ универсальной мудростью, приказы начальства приказами разума, чернильныя пятна—солнечными пятнами, кривые росчерки цензора математическими чертежами, а побои убѣдительными аргументами. Но не теряетъ ли такая критика всякiй смыслъ?» Или: «цензура, какъ и рабство, никогда не можетъ стать закономъ, даже если она тысячу разъ существуетъ въ формѣ закона». Очень интересно также то, что тогдашнiя стремленiя Маркса не выходятъ еще за предѣлы буржуазнаго радикализма, и что въ частности къ коммунизму онъ относится совершенно отрицательно. Полемизируя съ «Аугсбургской газетой», Марксъ въ редакцiонной статьѣ «Рейнской газеты» писалъ: «Рейнская газета» не признаетъ за коммунистическими идеями въ ихъ современной формѣ даже теоретической дѣйствительности, тѣмъ меньше можетъ она считать практическое осуществленiе ихъ желательными или возможными». Марксъ даже считаетъ нужнымъ указать на то, что «не въ практическихъ попыткахъ, а въ теоретическомъ развитiи коммунистическихъ идей кроется настоящая опасность». Мерингъ замѣчаетъ, что эта статья «не принадлежитъ къ числу самыхъ побѣдоносныхъ полемическихъ статей Маркса, но она показываетъ намъ его въ яркомъ освѣщенiи на великомъ распутьи его жизни». Дѣйствительно, уже въ ближайшей статьѣ: «Пренiя по поводу закона о кражѣ лѣса», Марксъ очень близко подходитъ къ соцiалистической точкѣ зрѣнiя, спрашивая à la Прудонъ, не является ли при извѣстныхъ предпосылкахъ всякая собственность кражей. Чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе звучитъ соцiалистическая нота, хотя еще въ сентябрѣ 1843 г. въ письмѣ къ Руге Марксъ называетъ коммунизмъ «догматической абстракцiей» и говоритъ объ узости соцiализма. «Весь соцiалистическiй принципъ, по его словамъ, тоже лишь одна сторона, реальная сторона истинной человѣческой сущности», между тѣмъ какъ, по мнѣнiю Маркса, требуетъ вниманiя

«и другая сторона, теоретическое существованіе человѣка, т. е. религія, наука и т. д.» Но уже во «Введеніи къ критикѣ гегелевской философіи права» Марксъ говоритъ о миссіи пролетаріата освободить какъ себя, такъ и другія сферы общества; соотвѣтственно этому освободительная теорія пролетаріата «объявляетъ человѣка высшимъ существомъ для человѣка». Вообще Марксъ въ своихъ соціалистическихъ построеніяхъ очень близокъ здѣсь къ этической точкѣ зрѣнія. Общеизвѣстно его положеніе: «лишь во имя общихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ претендовать на всеобщее господство». Въ статьѣ «Къ еврейскому вопросу» Марксъ уже намѣчаетъ характерныя для него воззрѣнія экономическаго соціализма, совершенно пренебрегая національными элементами еврейства. «Мірское основаніе еврейства» заключается по Марксу «въ практической потребности, въ своекорыстіи», а потому «организація общества, которая уничтожила бы предпосылки купли-продажи, слѣдовательно, самую возможность купли-продажи, такая организація дѣлала бы невозможнымъ еврея».

Характерной чертой этихъ юношескихъ статей Маркса является то громадное общественное значеніе, которое онъ, въ противоположность позднѣйшимъ произведеніямъ, придавалъ сознанію и критикѣ. Вѣруя въ близость «предстоящей намъ революціи», онъ говоритъ (въ письмѣ къ Руге): «мы съ съ своей стороны должны пролить полный свѣтъ на старый міръ и указать положительныя очертанія новаго»; онъ хотѣлъ дать «неуклонную критику всего существующаго». «Оружіе критики,—говоритъ онъ,—не можетъ, конечно, замѣнить критики оружія, матеріальная сила должна быть сломлена матеріальной силой, но и теорія становится матеріальной силой, когда она овладѣваетъ массами».

Статья Энгельса «Наброски для критики національной экономіи» сама по себѣ не имѣетъ большого значенія, но интересна, какъ генезисъ позднѣйшихъ его экономическихъ и соціалистическихъ взглядовъ. Она говоритъ о безчеловѣчномъ вліяніи конкуренціи, о торговыхъ кризисахъ, о вліяніи изобрѣтеній и т. п. Энгельсъ излагаетъ здѣсь, между прочимъ, теорію концентраціи производства и владѣнія не только для промышленности, но и для земледѣлія. Онъ говоритъ также о томъ усиленіи производства, которое возможно «при разумномъ строѣ общины» и которое указано «въ сочиненіяхъ англійскихъ соціалистовъ и отчасти у Фурье». О незрѣлости тогдашнихъ экономическихъ взглядовъ Энгельса можно судить хотя бы по его туманному опредѣленію цѣнности. «Цѣнность,—говоритъ онъ, - это отношеніе издержекъ производства къ полезности», при чемъ, «духовный элементъ, по его мнѣнію, безусловно необходимый элементъ производства, который займетъ свое мѣсто между издержками производства». Вторая статья Энгельса, «Положеніе Англіи», излагаетъ книгу Карлейля. Она также не имѣетъ большого значенія. Любопытно, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, считалъ въ то время соціализмъ одностороннимъ ученіемъ.

Въ общемъ, первый томъ «Литературнаго наслѣдія» Маркса и Энгельса, «представляющій, по выраженію Меринга, ихъ развитіе до порога соціализма», очень поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какимъ долгимъ и труднымъ путемъ вырабатывались ихъ взгляды. Очевидные при этомъ блужданія и недостатки Маркса должны отучить отъ догматическаго преклоненія передъ каждой буквой его твореній.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. Т-ва „Прогрессъ нашей жизни". Спб. ***Т. Ганжулевичъ.*** Записки охотника И. С. Тургенева. Съ двумя портр. И. С. Тургенева и 8 иллюстр. Ц. 75 к.

Изд. Т-ва „Міръ". Москва. 1908. Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 2.—Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. II. Вып VI и VII.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. ***Вас. Немировичъ - Данченко.*** Развѣнчанная царица. Оч. Венеціи. Изд. 4-е. 1908. Ц. 1 р, 25 к.—***Клавдія Лукашевичъ.*** Школьный праздникъ въ честь Л. Н. Толстого съ рис. и нотами. 1909. Ц. 60 к.

Изд. „Посредникъ". Москва. ***Л. Н. Толстой.*** Неужели такъ надо? Ц. 2 к.—***Его же.*** Корней Васильевъ. Разсказъ. Ц. 5 к.—***Его же.*** Молитва. Ц. 3 к. ***Его же.*** Ягоды. Разсказъ. Ц. 5 к. 1906.—***Его же.*** Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Ламенэ. Единеніе. Ц. 5 к.—***Кантъ.*** Разумъ. Ц. 5 к.—***Мадзини.*** Свобода. Ц. 5 к.—***В. Чаннингъ.*** Божественная природа души. Ц. 6 к.—***Паскаль.*** Богъ. Ц. 5 к.—***Его же.*** Исповѣдь. Ц. 20 к.—***Его же.*** Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. 1909. Ц. 20 к. и 18 к.—***П. Бюриковъ.*** Л. Н. Толстой (къ 80-тилѣтн. юбилею). Краткій біогр. очеркъ. 1908. Ц. 15 к.

Книгоизд. „Современныя проблемы". Москва. 1908. ***Элленъ Кей.*** Мать и дитя. Ц. 30 к.—***А. Стриндбергъ.*** Т. III. На шхерахъ. Ц. 1 р.

Книгоизд. „Новыя Силы". ***С. Бекнеръ.*** Къ вопросу о производительныхъ силахъ. Москва. Ц. 35 к.

Моск.-ое книгоизд. 1908. Б-ка иностр. писателей подъ ред. Ив. А. Бунина. ***Р. Киплингъ*** Избранные разсказы, Кн. 1. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же.*** Кн. 2. Ц. 1 р. 50 к. Пер. и предисловіе Н. П. А.

Книгоизд. „Новая Эра". Одесса. 1908. ***В. В. Язевъ.*** Роза Ливеръ. Повѣсть. Ц. 60 к.

Изд. „Основа". Москва. 1909. ***И. Б. Бѣлоконскій.*** Разсказы. Т. III, 2-ое изд. Ц. 1 р.—***Вл. Анучинъ.*** Казнь Якова Стеблянскаго. Ц. 35 к.

Изд. „Просвѣтъ". Москва. 1908. Огни на вершинахъ. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. ***Марсель Браунштигъ.*** Искусство и дитя. Оч. эстетическаго воспитанія. Пер. съ фр. Е. М. Чарнолуской. Ц. 1 р. — ***В. И. Чарнолускій.*** Справочникъ по устройству собраній, лекцій, чтеній, обществъ, союзовъ, курсовъ и классовъ для взрослыхъ, библіотекъ, музеевъ и кн. складовъ. Ц. 25 к.—***Его же.*** Спутникъ народнаго учителя и дѣятеля народнаго образованія. Ц. 85 к.

Библіотека „Свободнаго воспитанія. и образованія и защиты дѣтей". Подъ ред. И. Горбунова Посадова. Вып. 21. Докторъ ***М. Онеръ-Бломъ.*** Что разсказывалъ дядя докторъ мальчику-племяннику Пер. съ фр. Е. И. Попова. Ц. 15 к.—***Ж. Эльсландеръ.*** Новая

школа. Пер. съ фр. Э. Юргенсъ. Ц. 30 к. Москва. 1908.

Яковъ Розенэеръ. На каторгѣ... Якутскъ. Ц. 15 к.

В. Д. Ахшарумова. Стихотворенія· Полтава. 1908. Ц. 75 к.

Л. Островеръ. Жертвы любви. Плоцкъ. 1909. Ц. 25 к.

М. Сасинъ. Оренбургъ. 1908. Дѣвушка въ бѣломъ. Ц. 7 к.—***Его же***. I. На зарѣ. Драма. II. Стихи. Ц. 15 к.

Габріэле д'Аннунціо. Франческа да Римини. Трагедія въ 5 д. Пер. В. Брюсова и Вячеслава Иванова. Спб. Кн-во „Пантеонъ". 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказъ крестьянина Г. II. Трохина. Среди баши-бузуковъ. Москва. 1909. Ц. 12 к.

Юрій Володовъ. Побѣда. Изъ записокъ пом. прис. повѣреннаго. Повѣсть. Либава. 1908. Ц. 75 к.

В. З. По пути впередъ. Очеркъ. Ставропольск. губ. 1908.

А. Шемигуринъ. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. М. 1908.

Ив. Смирновъ. Заступники народные. И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. Москва. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Эрнестъ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Пер. съ англ. Изд. второе. М. Ц. 40 к.

И. Тенеромо. Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. 1885—1908 г. Одесса. Ц 1 р. 50 к.

Г. Пенаторосъ. Современныя идеи и настроенія. Діалоги искреннихъ людей. Одесса. 1908 Ц. 50 к.

А. И. Елистратовъ. Проблемы общественнаго обезпеченія дѣтства. Казань. 1908. Ц. 15 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе. Этюды, лекціи и рѣчи на уголовныя темы. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

П. И. Астровъ. А. М. Жемчужниковъ. Сергіевъ посадъ. 1908.

Ал. Пиленко, прив.-доц. Спб. ун-та. Русскіе парламентскіе прецеденты. Вып. второй, Спб. 1908. Ц. 70 к.

М. Л—ръ. Ультраиндивидуализмъ и романъ „Санинъ". Екатеринославъ. 1908.

С. Г. Сомовъ. Физіологическія основы общественной психологіи. Саратовъ. 1907. Ц. 20 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ сибирячки—2 р. 50 к.; отъ Н. М. Г. 14-й взносъ 10 р.

Итого . . . . 12 р. 50 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ сибирячки— 2 р. 50 к.; черезъ М. П. % отчисленіе—56 р.

Итого . . . . 58 р. 50 к.

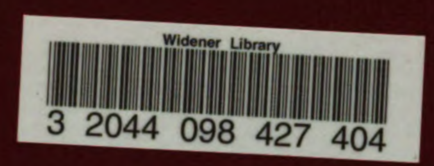
Въ пользу семей членовъ 1-й Госуд. Думы: отъ Е. Р.—5 р.

Въ фондъ имени Л. Н. Толстого: отъ в-ча Чудакова, изъ Златоуста—6 р.

На музей имени Л. Н. Толстого: отъ А. Черемшанской—5 р.

А всего съ прежде поступившими . . . . . . 8 р.

Редакторъ-издатель ***Вл. Короленко***.


Widener Library
3 2044 098 427 404